This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY ORGANIZED 1891

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY ORGANIZED 1891

В. С. Передольскій.

НОВГОРОДСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

ЗАПИСКА

ДЛЯ МѢСТНЫХЪ ИЗЫСКАНІЙ.

„Чтите исправливаа".

Выпускъ первый.

НОВГОРОДЪ.
Губернская Типографія.
1898.

Peredol'skiĭ, V.S.

В. С. Передольскій.

НОВГОРОДСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

ЗАПИСКА

ДЛЯ МѢСТНЫХЪ ИЗЫСКАНІЙ.

„Чтите исправливаго".

НОВГОРОДЪ.
Губернская Типографія.
1898.

DK511
N7P4

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 Августа 1898 года.

ОЧЕРКЪ ОСНОВАНІЙ и СОДЕРЖАНІЯ.

„Всѣ тѣ изъ иностранныхъ ученыхъ, которые особенно „усердно работаютъ надъ изслѣдованіемъ отдаленнѣйшаго прош„лаго человѣческаго рода, ждутъ съ нетерпѣніемъ возможно „полныхъ извѣстій изъ нашего отечества, послужившаго пере„ходною страною для самыхъ первыхъ образовательныхъ на„чалъ.....

„Если Россія не займется изученіемъ своей древнѣйшей „старины, она не исполнитъ задачи образованнаго государства".

Императорская Россійская Академія Наукъ, въ предисловіи къ книгѣ И. И. А. Ворсо „Сѣверныя древности Копенгагенскаго Музея".—СПБургъ. 1861 г. стр. VIII и IX.

Изданіе книги, предлагаемой вниманію всѣхъ почитателей отечественной ...рины, безъ различія званій и состояній, вызвано учрежденіемъ въ Вели...ъ Новгородѣ Общества любителей мѣстной древности, имѣющаго цѣлью:— ...раніе остатковъ старины, наблюденіе за ея памятниками, охраненіе и ...ченіе тѣхъ и другихъ, разборъ печатныхъ и рукописныхъ сочиненій о ...екомъ прошломъ обитателей Ильменской страны въ ея предѣлахъ—ны...шнихъ, лѣтописныхъ и долѣтописныхъ, и составленіе хранилищъ науч...хъ книгъ и предметовъ древностей.

Обширность и важность предмета предстоящей Обществу дѣятельности,— ...омное разнообразіе частностей, новость и трудность дѣла,—наконецъ на...ченіе книги для мѣстныхъ изысканій—побудили предпослать ея изложенію ...ркъ основаній и подробное нѣсколько объясненіе всего содержанія, осо...но той части, которая отводится обозрѣнію вѣковъ ледниковыхъ, ихъ зна...нію въ изысканіяхъ о человѣкѣ и впервые открытымъ нами лично слѣдамъ ...селенія Ильменско-Волховскаго побережья и мѣстности Великаго Новгорода ...ловѣкомъ каменнаго вѣка, непрерывно продолжающагося съ тѣхъ ледника...хъ вѣковъ и до сего дня.

Существеннѣйшими изъ основаній принимаются мысли и пожеланія, вы...женныя въ приведенныхъ словахъ высшаго научнаго учрежденія Россіи, ...занныхъ хотя и тридцать пять лѣтъ назадъ, но и до сихъ поръ не утра...шихъ относительно здѣшней мѣстности ни значенія, ни даже полной ...жести.

Основанія.

У всѣхъ образованныхъ народовъ возникли давно и благотворно дѣ ствуютъ государственныя и общественныя учрежденія народоповѣствовательна дѣла, посвященныя собиранію и изученію письменныхъ сказаній и уяснені съ помощью свидѣтельства памятниковъ древности,—поражающихъ своим величіемъ впервые наблюдающаго ихъ путешественника чужеземца, и еще уц лѣвшихъ отъ разрушительныхъ силъ тлѣнія и невѣжества,—темныхъ мѣст и строго осмысленному заполненію наиболѣе крупныхъ пробѣловъ въ этих письменныхъ сказаніяхъ о быломъ стародавнихъ насельниковъ изучаемо страны,—для соотвѣтствующихъ новооткрываемымъ свидѣтельствамъ исправ леній и дополненій въ изысканіяхъ прежняго времени, почерпавшихъ свѣ дѣнія исключительно въ письменныхъ источникахъ разныхъ временъ и на родовъ.

Проработавъ неослабно болѣе ста лѣтъ надъ изученіемъ египетскихъ пи рамидъ, сфинксовъ, храмовъ чудовищно крупныхъ размѣровъ, какъ въ стран фараоновъ, такъ и въ другихъ земляхъ Греціи и Рима, азіатскихъ, афр канскихъ и европейскихъ, равно въ баснословной Индіи, самоотверженны изслѣдователи открыли тайны Розеттскаго камня, скалы Бегистана и другі но не нашли нигдѣ удовлетворенія своей пытливости. Диковинные памятни задавали все новые и новые вопросы и влекли неугомонную мысль въ вѣк недовѣдомые.

Обогащенныя большимъ запасомъ свидѣтельствъ источниковъ письме ныхъ и памятниковъ древности, посвященныя имъ учрежденія вступил около половины текущаго столѣтія, въ тѣсный союзъ съ передовыми пре ставителями и многочисленными послѣдователями и сторонниками всѣхъ тѣх отраслей знанія, которыя успѣли уже объявиться могущими оказать народо повѣствовательному дѣлу содѣйствіе въ качествѣ сотрудниковъ, для установ ленія общими силами надежныхъ путей къ всестороннему выполненію е задачи, чтобы, направляясь по нимъ, какъ вспомогательнымъ и руководящим глубже и глубже въ даль вѣковъ незнаемыхъ, прослѣдить ростъ и послѣ довательность развитія общихъ нашихъ праотцевъ отъ перваго появленія р доначальниковъ ихъ среди живыхъ существъ природы, до нынѣшняго со стоянія человѣческихъ обществъ стараго и новаго свѣта. За наиболѣе содер жательныя приняты знанія: естествовѣдѣнія со всѣми его развѣтвленіями,— сравнительнаго языко-изученія,—умозрительныя, прикладныя и многія дру гія обще-образованныя.

Дружнымъ взаимнодѣйствіемъ силъ этого союза выработаны увлека тельныя основы особыхъ наукъ о первобытныхъ древностяхъ, о человѣкѣ человѣчествѣ, быстро развиваемыя и обильно дополняемыя данными, собі раемыми повсемѣстно въ области жизненныхъ явленій природы, какъ дав минувшихъ, такъ и теперь наблюдаемыхъ. Кругъ народоповѣствовательна дѣла широко раскинулся, охвативъ, кромѣ письменныхъ сказаній и веще ственныхъ памятниковъ древности, раньше допрошенныхъ и изученныхъ, всяк

ругіе памятники и остатки старины, имѣющіе смыслъ и значеніе бытовыхъ видѣтельствъ жизни не только на земномъ шарѣ, но и его самого во вселенной.

Много замѣчательно богатыхъ вѣскими данными трудовъ обнародовано при прежнемъ и новомъ направленіи этого дѣла, много важныхъ вопросовъ разрѣшено, много ихъ выдвинуто впередъ и прочно поставлено; еще болѣе намѣчено для изысканій въ будущемъ.

Почитателямъ старины отечественной, вступающимъ въ сотрудничество съ посвященными ей, давно работающими, учрежденіями, и избирающимъ предметомъ задуманной дѣятельности—изученіе какой либо области родной земли, имѣющей особенно выдающееся, но недостаточно изслѣдованное, прошлое, безусловно необходимо считаться со всѣми, не исключая и отрицательныхъ, трудами старѣйшихъ братьевъ по наукѣ, чтобы не явиться въ среду ихъ непрошенно мертворожденнымъ недоноскомъ и не оставаться надолго, если не навсегда, въ рядахъ даже самыхъ скромныхъ сторонниковъ того же дѣла, безсодержательнымъ звукомъ.

Новгородскому Обществу не можетъ, повидимому, грозить незавидная доля мертворожденнаго: въ приложенномъ къ его уставу спискѣ значится шестьдесятъ пять членовъ—учредителей; изъ нихъ преобладающее большинство принадлежитъ именамъ вполнѣ образованныхъ, опытныхъ и высокопоставленныхъ по служебному положенію мѣстныхъ просвѣтителей народа и его руководителей. Задумавъ научное учрежденіе не по стадному чувству безсмысленнаго подражанія, или своекорыстнаго подчиненія какому нибудь внѣшнему вѣянію свыше, а сознательно, эти учредители, какъ единомысленники и благородные поборники науки, имѣющіе притомъ во главѣ государственнаго сановника, признаваемаго знатокомъ родной старины,—двинутъ, конечно, новое въ знаменитомъ нѣкогда и дорогомъ, какъ народная святыня, краѣ дѣло дружно,—преодолѣютъ совокупностью личныхъ знаній и опыта, и особенно привлеченіемъ къ сотрудничеству людей науки, хотя и не сразу, всякія трудности и предоставятъ вызванному ими къ жизни дѣтищу почетное мѣсто среди старѣйшихъ братьевъ въ изысканіяхъ объ отечественномъ прошломъ.

Но какъ-бы ни были просвѣщенны основатели здѣшняго учрежденія, имъ неизбѣжно прежде всего осмотрѣться въ обширной области сдѣланнаго уже предшественниками и разобраться особенно внимательно, подробно и строго въ трудахъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ странѣ Ильменской, а затѣмъ уже считаться съ вопросами рѣшенными, выдвинутыми и намѣченными о человѣкѣ и человѣчествѣ и просить содѣйствія людей науки; неизбѣжность того, неотвратимая вообще, представляется для здѣшняго общества роковою болѣе, чѣмъ для всякаго другого изъ русскихъ, по первенствующей важности мѣста изученія: Великій Новгородъ—это колыбель нашей государственной жизни,—это честный пестунъ русскаго народа, горячій защитникъ старины во всѣ дни своей славы,—неподкупный носитель и самоотверженно вѣрный и стойкій хранитель въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ завѣта праотцевъ—славянъ Ильменскихъ, переданнаго имъ русскому народу. Прежніе изслѣдо-

ватели нашего края, отечественные и иноземные, почерпали извѣстія о б
ломъ— „людей вольныхъ“ — гражданъ Великаго Господина-Государя разнопл
менныхъ насельниковъ далекихъ странъ полуночья всего почти стараго свѣт
изъ источниковъ, дошедшихъ не отъ первыхъ прямодушныхъ списателей дре
нихъ памятухъ, а отъ позднихъ составителей по нимъ сборниковъ, съ пр
извольными вставками, поправками и объясненіями; не безупречно чист
сами въ себѣ, эти источники засорены еще болѣе учеными толкователям
инородцами, и заражены мнѣніями предубѣжденныхъ объяснителей. Подч
няясь обаянію чужеземной учености, многіе изъ прежнихъ изслѣдователе
оклеветали Новгородъ передъ потомствомъ, какъ „—городъ воли дикой, г
родъ буйныхъ силъ“ и обозвали его недобрымъ именемъ пасынка Россіи. Н
благородныя кости предковъ доблестныхъ устроителей первыхъ основъ жизн
вскормившей и вспоившей на Ильменско-Волховскомъ побережьи могучаго б
гатыря въ лицѣ русскаго народа и государства, и ихъ бытовые остатки, мн
гочисленные и разнообразные, тлѣющіе тысячелѣтія—подъ развалинами и об
ломками давнишняго величія и поросшими сорною травою,—или подъ мош
ными пластами многовѣковыхъ наслоеній другихъ насельниковъ площадей
урочищъ знаменитыхъ,—или на днѣ своенравно-величаваго Волхова,—или
наконецъ, подъ наносами вешнихъ разливовъ окрестностей близкихъ и дал
нихъ, когда-то кипѣвшихъ жизнью, но давно заглохшихъ,—уже начинают
освобождаться, съ помощью сотрудниковъ науки новаго направленія, изъ м
гильныхъ оковъ и устанавливаться рядами, лицомъ къ лицу съ этою наук
чтобы грозно обличить клеветниковъ и любовно повѣдать русскому народ
святую истину о его праотцахъ—родоначальникахъ и о чудныхъ подвигах
потомковъ ихъ, славянъ Ильменскихъ, не для одной только Россіи живших
и не одну ее вскормившихъ—за много тысячъ лѣтъ. Ускорить появленіе н
свѣтъ науки этихъ узниковъ и всѣхъ ихъ современниковъ взялись старѣйш
русскіе братья здѣшняго юнаго Общества уже давно, но имъ, работающим
вдали отъ прародительскихъ могилъ, не слышенъ исходящій оттуда мал
внятный и еще почти глухой голосъ свидѣтельства былого настолько, на
сколько могутъ уловить родные звуки ихъ потомки, живущіе на самыхъ м
гилахъ.— Вотъ мысли и вожделѣнія, подсказывающія неизбѣжность начат
дѣло съ обзора трудовъ предшественниковъ безупречно строгаго, хотя-б
пришлось отдать ему много лѣтъ упорной работы, безъ чего она, эта н
избѣжность, будетъ горькою для Общества и уготовитъ ему незавидную дол
мертворожденнаго.

Первые шаги иноземныхъ и русскихъ учрежденій о древностяхъ был
направлены къ обзору и тщательному изученію письменныхъ источников
и дали въ этомъ отношеніи много; русскими собраны изъ книгохранилищ
отечественныхъ и иноземныхъ большія сотни рукописей; наиболѣе цѣнны
изданы и обработаны,—остальныя еще ждутъ своей очереди; объ этихъ по
слѣднихъ имѣются частью только перечневыя, частію и объяснительныя св
дѣнія въ извѣстіяхъ ученыхъ установленій и книгохранилищахъ.

Подъ вліяніемъ предвзятыхъ мнѣній—еще не вполнѣ устраненныхъ
теперь—въ числѣ неизданныхъ источниковъ, и тѣхъ, которые напечатаны—

время ожесточенной борьбы отрицателей достоинства и значенія лѣтопис-
хъ сборниковъ и вообще письменныхъ источниковъ съ ихъ противниками,
заброшены и забыты,—не мало имѣющихъ право на предоставленіе мѣста
ди болѣе счастливыхъ сотоварищей по силѣ доказательствъ и указаній
изысканій новаго направленія, если и не для всей Россіи, такъ для сла-
ъ—Ильменскихъ.

Вся наличность письменныхъ источниковъ русскихъ, печатныхъ и руко-
сныхъ, имѣющихъ значеніе для насъ, новгородцевъ, не исчерпывается со-
нными; въ складахъ старья по монастырскимъ и церковнымъ кладовымъ,
мѣстахъ храненій давно оконченныхъ уже дѣлъ правительственныхъ уч-
деній и въ распоряженіи частныхъ лицъ имѣются еще немаловажныя бу-
ги и цѣлыя рукописныя книги, полезныя для Общества,—какъ отражаю-
мѣстныя бытовыя особенности и явленія того или другого времени.

Сотрудники иноземные открыли великія сокровища въ области пись-
ныхъ источниковъ для бытовѣдѣнія своихъ соплеменниковъ и всего че-
вѣчества стараго свѣта,—а вмѣстѣ съ тѣмъ и насельниковъ земель ны-
шней Россіи.

Союзъ знаній, давшій основы для наукъ о древностяхъ, человѣкѣ и че-
вѣчествѣ, и распространившій кругозоръ ихъ на всякіе остатки старины,
ющіе смыслъ и значеніе бытовыхъ свидѣтельствъ, тѣмъ самымъ расши-
ъ и область изысканій о письменныхъ источникахъ; въ эту область не
тъ не входить, въ числѣ остатковъ старины, всякія отрывочныя, какъ
попутно занесенныя въ сказанія древнихъ писателей, хотя и неимѣющія
принятаго значенія лѣтописныхъ въ тѣсномъ смыслѣ, извѣстія, или лю-
ытныя для самого писателя замѣтки, о нравахъ и обычаяхъ какого либо
одца, и другія подобныя, часто весьма пригодныя для народоповѣство-
льнаго дѣла новаго направленія. Такихъ замѣтокъ множество въ каждомъ
извѣстныхъ трудовъ пѣснопѣвцовъ и повѣствователей Греціи, Рима и
тихъ просвѣщенныхъ народовъ древности, восходящихъ, какъ творенія,
едшія до насъ подъ именемъ Гомеровыхъ, почти за тысячелѣтіе до Р. Х. Для
ей Новгородскаго Общества, являющагося, по собиранію и изученію остат-
ъ старины, сотрудникомъ новыхъ наукъ, нельзя довольствоваться одними
чественными письменными источниками, хотя бы въ самомъ широкомъ
ыслѣ представленія о нихъ; ему необходимо считаться съ источниками,
ранными и собираемыми иноземными учрежденіями, не только какъ со-
дднику ихъ вообще, но и какъ взявшему на себя изученіе русской на-
ной колыбели.

Извѣстно, что на зарѣ начальной русской лѣтописи Славяне Ильмен-
е объявились вѣтвью обширнаго племени,—занимавшаго большую часть
опы между морями: Адріатическимъ, частью Средиземнаго, Чернымъ
Балтійскимъ,—къ тому времени уже забывшаго коренное свое имя и
онившаго различныя названія по ново-насиженнымъ мѣстностямъ осѣд-
ти. Ильменцы стояли тогда во главѣ союза многихъ разноименныхъ
вянъ по происхожденію и многихъ же инородныхъ племенъ. Еще въ
вомъ вѣкѣ по Р. Х. былъ на мѣстѣ нынѣшняго Новгорода—Славенскъ,

по преданію о путешествіи св. апостола Андрея Первозваннаго, отождествляемый нѣкоторыми учеными съ Гелонью Геродота, существовавшею во время Даріева похода на Скиѳію. Все это въ связи съ несомнѣннымъ главенствомъ славянъ Ильменскихъ въ обширномъ союзѣ сосѣдей, даетъ право заключать, что Ильменско-Волховское побережье заселено человѣкомъ незапамятно давно, съ вѣковъ на много опередившихъ путешествіе перваго въ нашей странѣ проповѣдника св. Евангелія, современника ученія Христа Спасителя, и было крупною, если не единственною, срединою тяготѣнія для населенія полуночно-восточной и полуночно-западной Европы и соотвѣтственной части Азіи. Подобныя тяготѣнія народа создаются, особенно при первобытной простотѣ жизни и неустройствѣ путей сообщенія, не годами, не столѣтіями, а большими тысячелѣтіями упорнаго, честнаго труда, направляемаго разумно и цѣлесообразно мощною силою борьбы за существованіе.

Мы знаемъ, что всякое племя переживаетъ, въ этой борьбѣ, вѣка передвиженій съ мѣста на мѣсто, пока наконецъ его не вынудятъ орды другихъ такихъ же кочевниковъ, болѣе сильныя численностью, ограничить блужданія послѣдне облюбованнымъ и никѣмъ еще не занятымъ участкомъ, и засѣсть въ немъ надолго, или навсегда. Не всѣ, конечно, племена, и не всѣ вѣтви одного племени, отъ него отдѣлившіяся, одновременно блуждали, обособлялись и основывали постоянное жительство; равно не всѣ осѣдлые племена развивались одинаково и одновременно; различная численность состава вѣтвей и разнообразіе вліяній на жизненную обстановку условій внѣшней природы мѣстности, по которой бродили люди, отражались неодинаково на ихъ внутреннемъ строѣ и быстротѣ духовнаго роста; одни, добравшись случайно-ли, или по указанію вожаковъ, до благодатныхъ странъ большимъ, крѣпко сплоченнымъ скопищемъ семей и цѣлыхъ родовъ, раньше другихъ и занявши, наиболѣе удобныя земли безпрепятственно, получили въ этой новой странѣ широкій просторъ для развиванія своихъ силъ самостоятельно, изъ самихъ себя, выросли раньше и скорѣе другихъ, менѣе сильныхъ, вынужденныхъ продолжать блужданіе по обездоленнымъ природою пустынямъ, болотамъ и лѣсамъ—и задерживать, въ борьбѣ съ приспособленіемъ природы къ своимъ несложнымъ насущнымъ потребностямъ, такое же какъ первые, развитіе силъ. Въ счастливыхъ странахъ полуденья и сосѣдняго дальняго востока, орошаемыхъ великими рѣками, ограждаемыхъ отъ вѣяній холоднаго полуночья высокими съ роскошною растительностью горами и умѣряемыхъ слегка прохладными водами великаго моря, въ зноѣ теплыхъ лучей солнца, процвѣтали уже блестящія государства, науки и искусства, поражающія и теперь наблюдателя необычайною для древнѣйшихъ вѣковъ силою ума и творчества. Въ тѣ же самые вѣка обитатели негостепріимнаго полуночья и сосѣдняго дальняго запада, орошаемыхъ тоже великими рѣками—но болѣе полугода оковываемыми льдами,—заграждаемыхъ отъ теплыхъ вѣяній еще болѣе высокими горами, но съ снѣговыми вершинами, и омываемыхъ такимъ же великимъ, но ледянымъ моремъ,—вели тяжелую упорную борьбу,—то съ попытками, мало-успѣшными, или и вовсе безплодными, подчиненія себѣ суровой природы, то съ сосѣдями земель, хотя и болѣе благопріятныхъ, но

уже заселенныхъ, выкидывавшими, тѣсноты ради, большія тысячи своихъ ро-
дичей, не находившихъ тамъ среды, соотвѣтствующей приложенію труда для
удовлетворенія насущныхъ нуждъ, болѣе широкихъ, сложившихся при болѣе
высокомъ подъемѣ духовнаго роста во время жизни въ счастливой странѣ,
тѣмъ нужды горемычныхъ полуночниковъ. Случалось, что и эти пасынки
судьбы счастливой, неутѣшные горемычники, въ конецъ утомленные без-
просвѣтною нуждою, напрягали весь остатокъ силъ, налетали грозною тем-
ною тучею на земли блестящихъ государствъ, прогоняли, или поглощали ту-
земцевъ, и селились на разрушенныхъ пепелищахъ ихъ.

Просвѣщенные насельники счастливыхъ странъ не могли не наблюдать
новый невѣдомый народъ; оправившись отъ ужасовъ свирѣпства пришель-
цевъ, всмотрѣвшись въ ихъ жизнь, наблюдатели мало-по-малу сближались
съ этими варварами, то приручая ихъ, то впослѣдствіи смѣшиваясь съ ними
и возвышая свои силы притокомъ новой крови.

Обладая письменностью и любознательностью, просвѣщенные наблюда-
тели дѣлали замѣтки о подобныхъ варварахъ, дошедшія въ ихъ извѣстіяхъ
до нашего времени.

Страна Ильменская и другія земли Россіи Европейской и Азіатской и
были именно тѣми, по которымъ бродили обездоленные горемычники полу-
ночья не только стараго, но и новаго свѣта; злополучные остатки послѣд-
нихъ побѣговъ отъ корней широкаго нѣкогда развѣтвленія диковиннаго пле-
мени первозаимщиковъ этихъ странъ и земель,—корней, давно вымерзшихъ
въ тундрахъ сибирскихъ и въ ледовитомъ побережьи,—и были союзниками
славянъ ильменскихъ, устроителей первыхъ основъ русской государственной
жизни. Кое-гдѣ на старожитныхъ мѣстахъ своихъ праотцевъ они живутъ и
теперь и въ той же почти горе-горькой долѣ, вымирая безропотно и тихо,
какъ „тихо опочилъ и Новгородъ Великій“.

Слѣдовательно всѣ сказанія писателей иноземныхъ, содержащія извѣстія
о племенахъ, народцахъ и народахъ, когда-либо бродившихъ по землямъ
нынѣшней Россіи, или сидѣвшихъ на нихъ, неминуемо должны быть отне-
сены къ письменнымъ источникамъ, подлежащимъ изученію Новгородскаго
общества. А какъ осѣдлости предшествовали вѣка передвиженія у всѣхъ
племенъ вообще, нельзя не изучить извѣстій какъ о сосѣдяхъ, такъ и о
современникахъ насельниковъ нашихъ земель отдаленныхъ странъ, хотя и
прочно осѣвшихъ тамъ, но въ свое время переживавшихъ вѣка броженія;
они могли сталкиваться и сживаться, при броженіи, съ осѣвшими же жите-
лями русскихъ и ильменскихъ земель. Только при всестороннемъ изученіи
этихъ извѣстій и сопоставленіи ихъ со всею совокупностью бытовыхъ
остатковъ можно близко подойти къ открытію „той тайной силы“, которая
установила на ильменско-волховскомъ побережьи, окруженномъ непроходи-
мыми лѣсами и болотами, могучую средину тяготѣнія и сплотила разрознен-
ныя разнородныя племена въ стройное Велико-Новгородское государство,
открывшее себѣ сквозь дремучіе лѣса путь до Сибири, горстью людей по-
крывшее обширныя земли между Ладогою и Карскимъ моремъ, рѣками Обью
и Уфою, насадившее первыя сѣмена гражданственности (Карамзинъ) и

съумѣвшее такъ привязать къ себѣ покоренные имъ народы, что они, добно потокамъ крови, стремились къ Новгороду, какъ бы къ сердцу свое изъ котораго истекала новая жизнь для нихъ и гражданское счас (Дубенскій— въ предисловіи къ Уставу о мостахъ).

Такъ многосложно обозрѣніе письменныхъ источниковъ, предстоящее Н городскому обществу; распадаясь на двѣ части—отечественныхъ и иноземны оно обнимаетъ, во первыхъ, весь кругъ русской лѣтописи въ тѣсномъ смыс всю законодательную дѣятельность, правительственныя—государственны торговыя сношенія, взаимныя отношенія по имуществу, выражающіяся въ говорахъ частныхъ лицъ, посланія, грамоты, уставы, завѣщанія, поучені другія имъ подобныя свидѣтельства, отражающія ходъ развитія страны и обитателей, внѣшняго и внутренняго, духовнаго, въ видѣ повѣстей, были богатырскихъ сказокъ, пѣсней и вообще произведеній народнаго творчест и во вторыхъ—иноземные лѣтописи и прочія свидѣтельства такого же держанія, какъ и русскія; нужны они для сравнительнаго изученія ряд съ отечественными. Особенно богатые сказаніями о жизни обитателей сча ливыхъ странъ, ихъ передвиженіяхъ, враждебныхъ столкновеніяхъ, мирн сношеніяхъ и сближеніяхъ съ дикими и полудикими сосѣдями и варвара иноземные источники, начиная свои сказанія съ отдаленнѣйшихъ вѣк изобрѣтенія знаковъ письменности, оказываютъ великую помощь нар повѣствовательному дѣлу именно богатствомъ свѣдѣній о самой дале жизни людей.

Поражающіе своимъ величіемъ вещественные памятники древности, свидѣтельствѣ которыхъ находили и находятъ объясненія нѣкоторыхъ темн мѣстъ и данныя для заполненія нѣкоторыхъ же пробѣловъ въ источникахъ п менныхъ,—вызвавшія сравнительною скудостью отвѣтовъ, получаемыхъ допросъ ихъ, союзъ знаній и основы новыхъ наукъ, вообще не настол многочисленны, какъ эти письменные источники и не настолько же мн образны даже и въ счастливыхъ странахъ полуденья Азіи, Африки Европы, а также и дальняго востока;—а въ нашихъ полуночныхъ и по ночно-западныхъ областяхъ, какъ и по всей Россіи, ихъ еще меньше. К дому просвѣщенному почитателю древности, конечно, извѣстны всѣ памятники и объясняемое наукою значеніе ихъ свидѣтельствъ, даже учебникамъ, а для незнакомыхъ съ ними вовсе книга дастъ въ соотв ственныхъ мѣстахъ обстоятельныя свѣдѣнія.

Но кромѣ допрошенныхъ, при старомъ и новомъ направленіи нар повѣствовательнаго дѣла, имѣются въ ильменскихъ земляхъ другіе ве ственные же свидѣтели древности, ожидающіе изученія и обѣщающіе щ вознаградить изслѣдователя хранимыми ими много вѣковъ данными. Сход съ этими въ общихъ чертахъ имѣются въ Сибири, въ земляхъ средин полуденной и восточной Азіи, въ Африкѣ, даже въ Америкѣ и въ Евр западной, полуденно-западной и полуденно-восточной. Многіе путешест ники и иноземные ученые обратили уже на нѣкоторые изъ подобн свидѣтелей древности вниманіе—но еще не договорились до единомы въ опредѣленіи ихъ значенія.

Полное ознакомленіе съ ученою обработкою всѣхъ письменныхъ источ-
ковъ, какъ ни полезно и какъ ни желательно для начальной дѣятельности
вгородскаго общества, — но едва-ли достижимо, по его шири, для обстоя-
льнаго на первыхъ порахъ изложенія хотя бы и сжатаго; оно, это озна-
мленіе, требуетъ прежде всего мѣропріятій къ приведенію въ извѣстность
точниковъ неизданныхъ, хранящихся въ кладовыхъ, и строго обдуманнаго
взвѣшеннаго раздѣленія наличныхъ силъ общества и повременнаго обмѣна
слей между сотрудниками, которые взялись бы за изложеніе частей пред-
та, путемъ научныхъ собесѣдованій открытыхъ для всѣхъ, сочувствую-
хъ дѣлу; — сходиться для этой цѣли уставомъ предоставлено; успѣшностью
слѣдствій раздѣленія труда и собесѣдованій опредѣлится большая или
льшая продолжительность занятій всѣмъ этимъ предметомъ.

Достаточное же для начала дѣла, хотя и не полное во всѣхъ частяхъ,
накомленіе съ источниками обще-русскими, обще-славянскими и Новгород-
ими по преимуществу, равно съ ученою ихъ обработкою, съ изслѣдова-
ми памятниковъ древности отечественныхъ и нашихъ мѣстныхъ, особенно
упныхъ — болѣе доступно, особенно если не тратить силъ и времени на
едметы, которые опредѣлены вполнѣ и не могутъ внести въ науку о
евностяхъ новыхъ свѣтообильныхъ показаній.

Просвѣщенные члены учредители могутъ одолѣть собственными своими
ами, — рано-ли, поздно-ли, — трудности изученія и всей наличности пись-
нныхъ источниковъ, и извѣстныхъ вещественныхъ свидѣтельствъ древ-
ти, сдѣлавшихся достояніемъ міровой науки, при непремѣнномъ пособіи
агохранилищъ, имѣющихся въ ихъ распоряженіи, или доступныхъ для
льзованія правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ, и при раздѣ-
іи труда. Но это лишь одна сторона предстоящей имъ дѣятельности,
готовительная; хотя она трудна и многосложна, но доступна разработкѣ
ъ.

Для другой же, главнѣйшей и по уставу и по ея свойству, и состоящей
ъ въ собираніи свѣдѣній о неизслѣдованныхъ и вовсе неизвѣстныхъ наукѣ
ественныхъ свидѣтельствахъ, въ видѣ-ли крупныхъ памятниковъ, или
каго рода остатковъ старины, такъ равно въ собираніи же и храненіи
ыхъ предметовъ старины и особенно въ изученіи ихъ, — мало силъ однихъ
лько учредителей, просвѣщенныхъ сотрудниковъ общества и обстоятельнаго
акомства со всѣми изысканіями старѣйшихъ учрежденій, до сихъ поръ
данными, — здѣсь нужна, кромѣ силы ученой и любящей старину, другая,
ставляющая, вмѣстѣ съ этими, одну большую, — по народному выраженію,
рскую силу".

Конечно, если ограничиться собираніемъ свѣдѣній о вещественныхъ
дѣтельствахъ разсылкою, какъ иногда дѣлается, вопросныхъ листовъ, а
самыхъ предметовъ старины останавливаться на томъ, что попадетъ на
ъ, или подъ ноги во время путешествій и прогулокъ, — дѣло легкое, —
бенно теперь, когда низшіе чины правительственной службы пріучены къ
тавленію отвѣтовъ по вопроснымъ листамъ и выработались особые про-
шленники, скупщики и продавцы предметовъ древности, и ихъ развѣд-

чики и радѣтели—кладоискатели;—не трудно заняться, по научнымъ мамъ, сводомъ, отвѣтовъ на вопросы, а при посредствѣ развѣдчико предусмотрѣнными уставомъ раскопками—наудачу, въ видѣ отдыха, или развлеченія;—не тяжело пожертвовать двумя-тремя часами на сравнені купокъ или находокъ съ рисунками, которыми такъ богаты многія из научныхъ трудовъ о древностяхъ. Все это и занимательно, и пріятн удовлетворяетъ любопытство. Такими и подобными способами возможн ставлять, въ короткое даже время, обширныя вѣдомости и благовидные клады о вещественныхъ свидѣтельствахъ страны, а при свободныхъ ствахъ, особенно когда они даются юркимъ собирателямъ для изыск столько же обширныя, сколько и блестящія, хранилища древности, ласка глазъ зрителя, и вызывающія его на размышленія, чаще всего празд Не возбраняется изучать подобныя вѣдомости, доклады и хранилища въ робностяхъ, по свѣдѣніямъ, въ большинствѣ ложнымъ, сообщаемымъ ставителямъ ихъ, то десятскими, сотскими и урядниками, то продав старины и кладоискателями, или не понимающими значенія ни вопрос ни своихъ отвѣтовъ, или заботливо скрывающими, какъ продавцы, ист чтобы хоронить концы въ воду, и дающими покупателю, о вкусахъ и бованіяхъ котораго они хорошо освѣдомлены заранѣе, самыя чудовищ но ловко придуманныя, объясненія.

Быть можетъ и въ отвѣтахъ на вопросные листы найдется правды, и блестящія собранія случайныхъ покупокъ окажутся впослѣде по тщательномъ и строго научномъ разсмотрѣніи ихъ содержанія, пр ными, если, само собою разумѣется, въ нихъ не найдется больши предметовъ поддѣльныхъ, вводящихъ нерѣдко въ прискорбное заблуж даже великихъ знатоковъ; недавній случай съ вѣнцомъ Сайтаферна до ваетъ замѣчательное усовершенствованіе пріемовъ поддѣлывателей предме древности.

Для большихъ городовъ, возникшихъ сравнительно недавно, въ м ности, или вовсе не имѣющей далекаго особо выдающагося прошлаго минувшей жизни населенія, или прошлое которыхъ выражается ясно и дробно въ письменныхъ источникахъ,—и особенно для такихъ горо которые привлекаютъ удобствами жизни людей свободныхъ отъ обязат наго труда, ищущихъ развлеченія и удовольствій,—ни изысканія о дре стяхъ края, ни собранія остатковъ мѣстной старины не имѣютъ, или мо не имѣть, того воспитательнаго и образовательнаго значенія, какое они зываютъ на трудящееся, неимущее населеніе городовъ и мѣстностей нихъ, захудалыхъ, живущихъ потому только, что еще не разруши какъ старыя гнѣзда. Тамъ, среди общаго блеска, умѣстны и блест хранилища предметовъ изящныхъ, собранныхъ по всему свѣту. Наука я отъ русскихъ мѣстныхъ собраній и учрежденій, посвященныхъ древност не внѣшняго блеска, а внутренняго содержанія,—свидѣтельствъ „са первыхъ образовательныхъ началъ“, зародившихся и развившихся въ на отечествѣ.

Для цѣли мѣстныхъ собраній и учрежденій хранилища, составляемыя изъ случайныхъ пріобрѣтеній покупкою, и объясненія, неумѣло вписываемыя въ вопросные листы, имѣютъ цѣну и значеніе не болѣе, если еще и не менѣе, чѣмъ плюшкинская куча. Имъ не дороги предметы самые изящные, серебряные и золотые, украшенные жумчугами и камнями самоцвѣтными, встрѣчаемые въ богатыхъ домахъ, или въ церковныхъ и другихъ сокровищницахъ, если происхожденіе ихъ не туземное, или неизвѣстно, а объясненія о нихъ сомнительны; обломокъ убогой домашней утвари, выкопанной при хозяйственной земляной работѣ, гдѣ-нибудь въ огородѣ или въ пустырѣ, стоитъ неизмѣримо цѣннѣе золота, если среда захороненія говоритъ обстоятельно о времени, послѣ или ранѣе котораго находки не могли попасть туда, гдѣ оказались. Мѣстнымъ учрежденіямъ дороги обстоятельнѣйшія свѣдѣнія о мѣстныхъ только вещественныхъ свидѣтельствахъ и собранія предметовъ старины только мѣстной, туземной, составляемыя изъ находокъ, вся обстановка которыхъ доподлинно извѣстна и которыя являются свѣтоносными для науки.

Чѣмъ обширнѣе изучаемая область по пространству, знаменательнѣе своему прошлому, и разнообразнѣе по племенному составу древняго населенія, тѣмъ труднѣе, сложнѣе и запутаннѣе вопросъ о собираніи вещественныхъ ея свидѣтельствъ и остатковъ старины. Здѣсь безсильны составленія и разсылки сколько возможно подробныхъ, отвѣчающихъ всѣмъ самымъ новымъ требованіямъ современной науки, вопросныхъ листовъ; нужно прежде всего, преданныхъ дѣлу, просвѣтительное участіе, чтобы научить населеніе обслѣдуемой мѣстности, вложить въ него сознательное почитаніе старины, какъ могучаго успокоителя и утѣшителя въ трудѣ и скорби, а затѣмъ уже посылать вопросные листы и довѣряться отвѣтамъ на нихъ.

Такимъ образомъ учредителямъ и всѣмъ просвѣщеннымъ сотрудникамъ городскаго общества предстоитъ, по собиранію остатковъ старины, двоякая постоянно дѣятельность—подготовительная и исполнительная, взаимно дополняющіяся; имъ слѣдуетъ занять тоже по этому предмету положеніе, какое принадлежитъ передовымъ представителямъ всѣхъ отраслей знаній по отношенію къ союзу, давшему науки о первобытныхъ древностяхъ, человѣкѣ и человѣчествѣ, т. е. явиться руководителями и вспомогателями, и принять на себя предварительную подготовку почвы всестороннимъ изученіемъ трудовъ предшественниковъ по всякимъ вновь возникающимъ, по ходу дѣла, вопросамъ и въ то же время призывать къ содѣйствію и направлять къ намѣченной цѣли мірскую силу.

Данныхъ, обстоятельныхъ и вѣскихъ, необходимыхъ для предварительной подготовки мѣстной почвы, много; ими обнимаются всѣ виды остатковъ старины, установленные къ нашему времени знатоками предмета въ общихъ чертахъ,—а эти виды удобно укладываются въ два большихъ отдѣла:—остатки жизни земли, со времени появленія на ней человѣка,—и остатки жизни человѣка съ перваго появленія его на землѣ. Основаніями для сдѣланныхъ изслѣдованій и объясненій въ обоихъ отдѣлахъ послужили во первыхъ—естествовѣдѣніе въ его ученіяхъ, созданныхъ или опытами и

наблюденіями непосредственно, или наиболѣе вѣроятными выводами изъ о
товъ и наблюденій надъ явленіями, время, причины и послѣдствія к
рыхъ еще не получили незыблемой почвы и заключенія о которыхъ
не вступили въ ряды научныхъ истинъ,—и во вторыхъ, наиболѣе содер
тельныя изъ знаній новыхъ наукъ народоповѣствовательнаго дѣла.

Естествовѣдѣніе, какъ совокупность знаній, пріобрѣтаемыхъ набл
ніемъ жизненныхъ явленій во вселенной, развивается и растетъ та
быстро, какъ и самая жизнь природы и въ природѣ. Не всѣ еще зак
жизни открыты, и не всѣ доступны человѣческой мысли, какъ недосту
пониманію представленіе о безначальномъ и безконечномъ во времени и п
странствѣ; поэтому нельзя разсчитывать на постоянство въ движе
естествовѣдѣнія впередъ всегда и во всемъ;—нѣкоторыя положенія, пр
ставлявшіяся въ недавнее, сравнительно, время въ силѣ непреложныхъ
учныхъ истинъ,—какъ внѣшній видъ земли,—оказались, по сдѣланны
вновь наблюденіямъ, развѣнчанными;—другія же, напротивъ, подкрѣпляю
новыми наблюденіями, и являются долговѣчными.—Зависимость колеба
положеній отъ продолженія тѣхъ или другихъ наблюденій въ одномъ
каждаго направленіи обусловливается свойствомъ и доступностью наблю
мыхъ явленій во времени и пространствѣ; одни повторяются часто и ве
какъ восходъ солнца и мѣсяца, другія, какъ появленія хвостатыхъ звѣ
подобныхъ тѣлъ, не вездѣ, а нѣкоторыя весьма рѣдко. Къ долговѣчны
относятся положенія, составляющія ученіе о всемірномъ тяготѣніи небесн
тѣлъ, какъ причинъ повторяющихся одинаковыхъ явленій на земномъ ш
но долговѣчность и этого положенія продолжительна лишь настолько,
сколько давно имѣются извѣстія о наблюденіяхъ; къ менѣе долговѣчн
слѣдуетъ отнести ученіе, сложившееся въ зависимости отъ неполныхъ
изысканій, о построеніи земной коры и о животныхъ, не исключая и че
вѣка, проявляющихъ себя въ жизненныхъ отправленіяхъ, слѣды котор
открываются время отъ времени.

Законами міроваго тяготѣнія объясняются условія и причины разл
ныхъ порядковъ построенія земной коры, въ напластованіяхъ которой н
дены, къ нашему времени, первые слѣды человѣка въ остаткахъ его бы
Наука о первобытныхъ древностяхъ почерпаетъ данныя изъ разсмотр
именно этихъ остатковъ. Слѣдовательно для изысканій о первонасельник
страны ильменской неизбѣжно считаться съ данными естествовѣдѣнія
міровомъ тяготѣніи и о построеніи земной коры. При всей беззавѣтн
любви къ старинѣ, при всемъ напряженіи силъ и вниманія къ этому д
невозможно обнять и его и ежедневныя наблюденія естествовѣдовъ. Поэт
просвѣщеннымъ членамъ общества, этимъ крупнымъ единицамъ нашей
ской силы, безусловно необходимо привлечь сотрудничество естествовѣд
какъ передовыхъ представителей этой силы въ собираніи и научномъ с
щеніи вещественныхъ остатковъ старины—вообще, чтобы пользоваться
знаніями и опытомъ въ разнообразныхъ частностяхъ.

Въ примѣненіи къ вещественнымъ остаткамъ старины и костямъ д
нихъ животныхъ, захоронившимся глубоко въ землѣ, естествовѣдѣніе н
чаетъ, въ числѣ многихъ положеній, время, не въ тысячелѣтіяхъ, а

нымъ знакамъ возраста пластовъ,—раньше котораго не встрѣчается, ни
ательныхъ слѣдовъ человѣка, ни даже признаковъ ихъ, и которое опре-
ется—или приближеніемъ, или и самымъ наступленіемъ охлажденія
и земного шара, занимаемой нынѣшней Европой и полночною Азіею.
стѣ съ тѣмъ оно даетъ признаки состава ближайшихъ къ дневной по-
ности пластовъ земной коры, отличающіе ихъ отъ предшествовавшихъ
жденію, и послѣдовательность въ порядкѣ залеганія—въ зависимости отъ
ушныхъ явленій, каковы—стужа, зной, сухость, влажность, обусловли-
щіе жизнь растеній и животныхъ,—не разложившіеся или видоизмѣнив-
я остатки и слѣды которыхъ захоронены въ тѣхъ или другихъ пластахъ.
людая внѣшній видъ и составъ костей и различныхъ твердыхъ горныхъ
дъ, исключительныя свойства послѣднихъ, ихъ измѣненія во внѣшности
зависимости отъ воздѣйствія силъ природы, опытный естествовѣдъ,
нивaетъ найденный имъ необыкновенный предметъ, костяной-ли, камен-
-ли, или желѣзный, рѣзко отличающійся отъ кусковъ тѣхъ же веществъ,
ергавшихся разнороднымъ вліяніямъ однихъ только внѣшнихъ силъ при-
я, и имѣющихъ совершенно другой видъ, и дѣлаетъ выводъ, что такой
ыкновенный видъ данъ предмету не самою природою; сравнивая же на-
у далѣе съ подѣлками современнаго ему человѣка, приспособленными
той или другой изъ обыденныхъ потребностей, каковы: долото, ножикъ,
ъ для колки дровъ и т. п.—естествовѣдъ заключаетъ, что находка
ботана руками человѣка, и что хозяинъ ея жилъ въ то время, къ ко-
му относится образованіе пласта, захоронившаго необыкновенный предметъ.

Существуетъ въ естествовѣдѣніи мнѣніе, сравнительно недавно еще вы-
анное, какъ послѣдствіе тщательнѣйшихъ повторныхъ наблюденій зако-
міроваго тяготѣнія,—что земной шаръ подвергался подъ конецъ каждаго
трехъ порядковъ построенія его коры охлажденію тѣхъ или другихъ
ей поверхности, производившему посредствомъ движенія льдовъ и водо-
ныхъ скопленій ихъ обломковъ, перетираніе горныхъ породъ менѣе твер-
и раздробленіе особенно твердыхъ и перемѣщеніе тѣхъ и другихъ на дале-
иногда отъ коренныхъ мѣсторожденій разстоянія; охлажденія эти названы
иковыми вѣками;—что въ продолженіи ихъ бываютъ промежутки, кое-
изъ всей охладѣвшей площади, теплые, названные межледниковыми;
по отношенію къ полночной Европѣ установлено существованіе,—кромѣ
ледниковыхъ, окончательно еще не допущенныхъ въ науку нашими есте-
вѣдами для Россіи—озерныхъ вѣковъ, послѣдовавшихъ непосредственно
тступившимъ ледникомъ,—и что въ полночной половинѣ земли началось
ѣднее въ ея жизни, ближайшее къ зарожденію человѣка, охлажденіе, за
ти сорокъ тысячъ лѣтъ,—продолжалось около ста шестидесяти тысячъ,
всѣмъ закончилось восемьдесятъ тысячъ лѣтъ назадъ (Кроль, Джейки и
ортилье). Толща ледниковыхъ образованій неодинакова—въ иныхъ мѣ-
ъ она даетъ сотни саженей, въ другихъ не превышаетъ четырехъ-пяти.
ое появленіе человѣка въ Европѣ относятъ ученые ближайшаго къ намъ
ени—или допускаютъ возможность относить, именно къ 240/т. году до
(де-Мортильи, Тейлоръ).

Раскопки, то случайныя, то съ научными цѣлями дѣланныя въ
ныхъ частяхъ Европы, дѣйствительно открыли присутствіе слѣдовъ
вѣка и въ древнѣйшихъ, изъ признаваемыхъ за образованіе послѣдняг
рядка построенія земной коры, пластахъ несомнѣнно ледниковыхъ, и въ
позднихъ.— Было нѣсколько случаевъ открытія костей человѣка совм
съ его издѣліями и костями животныхъ, размножавшихся и живших
охлажденія. Этого человѣка считаютъ не много превосходящимъ ег
временниковъ безсловесныхъ. Человѣкъ же болѣе позднихъ, хотя и л
ковыхъ же пластовъ, и первыхъ послѣ ледниковыхъ или межледнико
вѣковъ, уже значительно развился. Время, отдѣляющее насъ отъ
послѣдняго человѣка опредѣляютъ въ десять или даже въ двадцать т
лѣтъ (де-Мортилье). Опытные наблюдатели и хорошіе знатоки ископае
костей человѣка установили, по находкамъ ихъ, отличительные при
на всемъ костякѣ и особенно на черепѣ первонасельниковъ Евро
принявъ за основаніе большое скопленіе одинаковыхъ въ одной и т
мѣстности, назвали ихъ малорослыми и короткоголовыми. Впослѣдств
ходки въ другихъ мѣстахъ, но въ тѣхъ же по древности пластахъ, д
другое опредѣленіе признаковъ первонасельниковъ, противоположное; т
ими считаютъ длинноголовыхъ, но знатоки еще не договорились о ро
одни признаютъ за первонасельниковъ малорослыхъ, а другіе высо

Сравнительное изученіе костяковъ древнихъ, менѣе древнихъ и
нихъ жителей одной и той же мѣстности, равно и головы живыхъ л
вызвало ученіе о наслѣдственности отличительныхъ признаковъ, повт
щихся въ потомствѣ родоначальнаго корня.

Но дальнѣйшія наблюденія по сравнительному способу и по за
мости направленій въ строеніи главныхъ и второстепенныхъ, или сл
ныхъ, частей отъ условій жизни въ борьбѣ за существовані
шатнули основы ученія о наслѣдственности и оно раскололось на
естествовѣды, послѣдователи новаго направленія народоповѣствовате
дѣла—за наслѣдственность, оставляя вліянію борьбы за существовані
жебныя части костяка,—а естествовѣды врачи, въ большинствѣ,
отвергаютъ участіе наслѣдственности и подчиненіе черепныхъ призн
родоначальному корню.

Приведенныя замѣтки подсказываютъ необходимость руководство
крупнымъ единицамъ мірской силы при собираніи остатковъ ст
обоихъ большихъ отдѣловъ съ одной стороны, положеніями ученій
ствовѣдѣнія,—устанавливаемыми непосредственно на данныхъ наблю
или на выводахъ изъ нихъ сравнительнымъ способомъ,—какъ
болѣе надежными, при нынѣшнемъ состояніи знаній, проводникам
корню нашего родоначалія,—съ другой-же—внимательно всматриватьс
собираніи остатковъ ископаемыхъ, а въ ихъ числѣ и костей человѣ
признаки среды ихъ залеганія, не смущаясь научными положеніями
рядкѣ и древности образованій по опредѣляющимъ ихъ особенностямъ, как
являются и кости древнихъ животныхъ, и устанавливаемыми естес
дами отличіями череповъ, наслѣдственными и бытовыми. Ильменская

ширна и на полночной окраинѣ пустынна въ настоящее время; она изслѣдована еще недостаточно, а мѣстами и вовсе не тронута; дѣятельность Новгородскаго общества можетъ, поэтому, ввести въ область естествовѣдѣнія, какъ знанія руководящаго въ новомъ направленіи народоповѣствовательнаго дѣла, такія данныя, которыя откроютъ надобность въ отысканіи средствъ и способовъ для болѣе яркаго или и совсѣмъ особеннаго освѣщенія въ научныя положенія, выставляемыя знатоками-наблюдателями иноземными и нашими, малознакомыми съ мѣстностями отдаленными и неудобными для привычныхъ пріемовъ въ изысканіяхъ по своей безлюдности и дровости, каковы—Лопьская земля, Студеное поморье, Заволочье, Заонежье, Пермь, Печора, Югра и другія. Привлеченіе къ живому участію въ изысканіяхъ по этимъ, нынѣ негостепріимнымъ, областямъ Велико-Новгородскаго державства,—а равно въ глуши дѣвственныхъ лѣсовъ Сибири, по ея тундамъ и болотамъ, по скатамъ, вершинамъ, пещерамъ и ущельямъ горъ и утесистыхъ побережій огромныхъ рѣкъ всей области великихъ озеръ, страны Европейской и Азіатской,—мѣстной мірской силы,—завидная доля нашаго Новгородскаго общества, если удастся когда-нибудь этого достигнуть.

Изъ сдѣланнаго уже въ области собиранія и изученія остатковъ вещественной старины отмѣтимъ изысканія о предметахъ, находящихся на поверхности земли, въ водѣ, и ископаемыхъ.

Къ первымъ относятся: сооруженія земляныя изъ крупныхъ, по одиночкѣ разставленныхъ, камней, разсѣянные, какъ уже замѣчено, по всему старому свѣту; начало устройства ихъ заходитъ за предѣлы самыхъ древнѣйшихъ письменныхъ извѣстій, а продолженіе сохраняется даже и до нашихъ дней, съ цѣлями вполнѣ опредѣленными и сложившимся давно въ обще-принятый обычай—именно сохраненія на возможно долгое время памяти о какомъ либо событіи, или выдающемся дѣятелѣ; къ такимъ же сооруженіямъ относятся и намогильные. Но были-ли они вызваны тѣми же, какъ нынѣшніе, побужденіями въ глубочайшей древности, или имѣли какое либо иное значеніе, еще не выяснено. Къ этому же разряду остатковъ старины по времени сооруженія относятъ такъ называемые чашечные, молитвенные и ваничные камни, объясняемые также разнорѣчиво.

Въ озерахъ, въ болотахъ и по рѣкамъ извѣстны свайныя постройки, с ясными указаніями на принадлежность жилищу человѣка. Первоначальное возведеніе ихъ, какъ и сооруженій земляныхъ и крупно-каменныхъ, предшествовало письменныя извѣстія; затѣмъ они продолжали, также въ видѣ обычая, существовать долго и были сооружаемы еще вѣковъ за шесть до Р. Х. въ Европѣ и въ Азіи.

Въ землѣ, на различной глубинѣ, собрано по всѣмъ странамъ стараго и новаго свѣта, множество разнообразнѣйшихъ ископаемыхъ остатковъ, уясняющихъ постепенность развитія человѣка отъ временъ первобытныхъ до нынѣшнихъ послѣднихъ, указывающихъ на первыя его нужды, образъ жизни и всю домашнюю обстановку; къ этимъ же остаткамъ причисляются кости животныхъ, служившихъ для человѣка пищею и дававшихъ ему одежду,—и самого. По различію среды, въ которой эти остатки были находимы, и

по веществу, изъ котораго человѣкъ обработывалъ свои орудія, вѣк
нитія названы—каменнымъ, бронзовымъ и желѣзнымъ; первый под
ленъ на древній и новый. По костямъ животныхъ опредѣлено состоян
душныхъ явленій, сопровождавшихъ совмѣстную ихъ жизнь съ челов
а по черепамъ людей—время появленія въ Европѣ различныхъ племен
отвѣтствующихъ тому или другому изъ трехъ вѣковъ и указывается
начальная ихъ родина—по сравненію череповъ ископаемыхъ съ принад
щими племенамъ, нынѣ живущимъ.

Въ Ильменской странѣ и во многихъ мѣстахъ Россіи найдены остатки
трехъ названныхъ вѣковъ. Въ Колѣ, въ Бѣломорьи, въ Архангельскихъ
драхъ, на Тиманѣ, въ побережьяхъ Печоры, Камы, Двины, обѣихъ Више
Финляндіи, въ при-Онѣжьи, на Ладожскомъ побережьи, въ Сибири и во всѣхъ
стяхъ и пятинахъ Новгородскихъ—собраны особенно многочисленные иско
представители каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ, разнообразныя
женія земляныя, извѣстныя въ народномъ говорѣ подъ названіемъ сопокъ,
ковъ, городищъ, селищъ, валовъ и другихъ;—крупно-каменныя—народные
лоны, и окопы; эти послѣдніе учеными относятся къ образованіямъ ле
вымъ, каковы: морены, озы и сельги. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ,—какъ в
режьи Ладожскаго озера, на Окѣ, въ Малороссіи, въ Московской облас
Сибири и въ срединной Азіи—найдены черепа и другія части костей че
всѣхъ трехъ вѣковъ, и кости животныхъ современниковъ древняго чел

Лично нами открыты на Ильменско-Волховскомъ побережьи, в
рочищѣ Коломцы, остатки огромнаго поселенія, основавшагося здѣсь в
ледниковые, именно въ послѣдній изъ теплыхъ промежутковъ, предш
вавшій окончательному прекращенію ихъ. Раскопки Коломенцевъ въ п
женіи десяти лѣтъ работы, еще неоконченной, дали свыше шестидесяти т
предметовъ первой, повидимому, половины каменнаго вѣка, девять чере
много другихъ частей костяка человѣка. Нами же открыто могильно-ка
сооруженіе, повидимому, озерныхъ вѣковъ и, по всей вѣроятности, ново-
наго съ установившимся уже обрядомъ погребенія; здѣсь найдено
костяка съ черепами, и остатки четырехъ череповъ, трехъ дѣтскихъ и
взрослаго человѣка, захороненныхъ безъ принадлежащихъ имъ костяко
могильной засыпкѣ покойниковъ собрано много грубыхъ кремневыхъ
локъ. Въ самомъ Новгородѣ и ближайшихъ окрестностяхъ нами же с
болѣе трехсотъ череповъ древнѣйшаго, менѣе древняго и не далѣе дв
лѣтняго захороненія. Черепа каменнаго и другихъ вѣковъ были осматри
и наши объясненія о нихъ выслушиваемы именитыми учеными знат
западно-европейскими и русскими и не встрѣтили возраженій.

Мы наблюдали за глубокими хозяйственными раскопками въ Нов
и его окрестностяхъ—для изученія толщи жилого слоя и образован
подстилающихъ,—и собрали много свѣдѣній по этому предмету отъ сто
ловъ; наблюдали въ оврагахъ и въ свѣжихъ береговыхъ отлетах
разныхъ мѣстностяхъ алаунской возвышенности и отроговъ возв
ности псково-эстляндской, въ долинахъ рѣкъ Ильменской, Ладожской и
гихъ водныхъ областей—строеніе и рядовое положеніе напластованій п
няго построенія земной коры и захороненныхъ въ нихъ остатковъ

ихъ и растительныхъ. Образованія, покрывающія и подстилающія жилой ой Коломецкаго поселенія, равно и найденныя тамъ остатки глубокой древ- сти осмотрѣны и изслѣдованы ученымъ знатокомъ. Образованія, на ко- рыхъ покоится жилой слой Новгорода, тѣже, что и на Коломцахъ: лица ледниковая, — здѣсь и въ окрестностяхъ близкихъ и дальнихъ, до 0 верстъ—не достигаетъ и 55 саженъ. Въ самомъ Новгородѣ, на раз- чной глубинѣ толщи жилого слоя нами лично найдено значительное коли- ство остатковъ каменнаго вѣка въ издѣліяхъ человѣка, такихъ же по ве- ству и по виду, какія встрѣчаются вездѣ въ Европѣ, въ Сибири, въ Аме- кѣ и въ Коломцахъ. Всѣ находки Коломецкія, Новгородскія и окрестныя, также образцы слоевъ подстилающихъ жилой и наблюденныхъ лично пластованій послѣдняго порядка, хранятся въ нашемъ собраніи здѣсь въ вгородѣ, вмѣстѣ съ пріобрѣтенными отъ другихъ и лично найденными здѣсь же атками старины вѣковъ бронзоваго и желѣзнаго и Новгородскихъ пред- тописныхъ, перволѣтописныхъ и недавнихъ вѣковъ.

Въ хранилищѣ предметовъ древности, возникшемъ въ Новгородѣ уже ть тридцать пять назадъ, и въ собраніяхъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ въ слѣ другихъ имѣются и такія остатки старины, которые не безполезны и предстоящей работы.

Такимъ образомъ многосложное дѣло собиранія и изученія веществен- хъ остатковъ старины славянъ Ильменскихъ и ихъ потомства можетъ ть начато безотлагательно на мѣстѣ, въ самомъ нашемъ городѣ, ознаком- іемъ книжнымъ, по трудамъ предшественниковъ, и нагляднымъ—по имѣю- мся на лицо собраніямъ и по рисункамъ, наполняющимъ страницы ьма многихъ книгъ. При раздѣленіи труда, этомъ единственно-полезномъ необходимомъ помощникѣ всякой дѣятельности кучной, не особенно затруд- ельно было-бы взяться за нѣсколько сторонъ дѣла разомъ: одни изъ со- дниковъ могутъ принять разработку одного вида, другой—другого, смотря желанію и удобству и, посредствомъ сходокъ для собесѣдованій, устано- ть однообразное направленіе изысканій внѣ Новгорода, по обдуманнымъ и тановленнымъ способамъ и сообразуясь съ силами и средствами. Такъ по- ступали и поступаютъ многіе изъ старѣйшихъ учрежденій и обществъ, нихъ и иностранныхъ, и достигаютъ крупныхъ успѣховъ въ непродол- тельное время. Для ознакомленія книжнаго и нагляднаго, съ цѣлью сра- тельнаго изученія вещественныхъ остатковъ старины, необходимо считаться объясненіями знатоковъ значенія ихъ и оцѣнки степени древности [illegible] о остатка. Пособіями для того и другого общепринятыми служатъ [illegible] кладныя, частію, а болѣе умозрительныя. Въ примѣненіи къ [illegible] ьменской страны нужна нѣкоторая осмотрительность при пользованіи [illegible] еніями знатоковъ, такъ какъ большую часть ихъ нельзя считать [illegible] влетворительными, исключающими возможность, а иногда и необ[illegible]ть, ать подтвержденія болѣе вѣскими, болѣе осязательными и [illegible] до ідности данными.

Въ приложеніи или примѣненіи этихъ знаній, по ихъ свойству [illegible] ющихъ, особенно умозрительныя, постепенно совершенство[illegible] къ дѣ-

ятельности даже живого человѣка и къ опредѣленію причинъ и связи съ п
ствіями часто сказывается и неустойчивость и произволъ сужденій: жизнь
вѣка копитъ знанія и, двигаясь впередъ сама, подталкиваетъ и знанія; въ п
неніи же къ безжизненнымъ остаткамъ, представляющимся дѣломъ рукъ чел
когда-то и при какихъ-то условіяхъ жившаго, знанія умозрительныя могу
вести въ такую туманную область догадокъ и предположеній, въ которой
дется блуждать ощупью и постоянно спотыкаться. Не лишнимъ будетъ у
нуть здѣсь о выслушанныхъ нами объясненіяхъ почтенныхъ знатоковъ пр
зрѣніи личныхъ нашихъ собраній о нѣкоторыхъ предметахъ. Бронзовую под
напоминающую нѣсколько большія булавки, встрѣчаемыя на Кавказѣ
Средней Азіи—объяснили какъ навершіе знамени конныхъ отрядовъ не
скихъ войскъ Даріева похода на Скиѳію; бронзовую доску съ прорѣз
грубымъ изображеніемъ всадника—какъ священный предметъ богослу
и обрядовъ древнѣйшихъ вѣрованій дальняго востока—браминскаго и
дійскаго; желѣзный предметъ, близко сходный съ ложкою нашего прос
дина, имѣющій нѣсколько изогнутый черенокъ, на концѣ приострен
какъ орудіе, употреблявшееся скиѳами при утвержденіи договора между
ными лицами, для прокалыванія рукъ каждому, чтобы вытекавшую при
кровь смѣшивать съ виномъ, которое выпивали затѣмъ и участники
вора и присутствовавшіе свидѣтели. Давая эти объясненія, ученые зн
вывели изъ нихъ заключеніе, что большой городъ, упоминаемый Геродо
покинутый скиѳами и занятый Даріемъ, былъ Новгородъ; что насельни
были или выходцами Индо-Китая, или держали вѣрованія браминовъ
буддійцевъ, и, наконецъ, что въ Даріево время тутъ жили скиѳы. Быт
жетъ заключенія эти вѣрны сами въ себѣ, но объясненные предмет
имѣютъ въ дѣйствительности и тѣни приписаннаго имъ значенія: перв
это спица къ прялкѣ валдайскихъ крестьянскихъ дѣвушекъ,—второй—
отъ сумки коновала, какъ его вывѣска,—и третій—копылъ, орудіе до
поръ употребляемое при плетеніи лаптей. Знанія прикладныя болѣе над
своею наглядностью, но тоже не всегда даютъ полное удовлетвореніе п
являемымъ къ нимъ требованіямъ, если объясненія нужны для оста
не ближайшихъ къ намъ вѣковъ, а дальнѣйшихъ.

Пока наука о древностяхъ первобытныхъ довольствовалась т
умозрительными и прикладными знаніями, выработано было правило сч
за принадлежащіе къ первой половинѣ каменнаго вѣка крупныя, грубы
дѣлки человѣка изъ колотаго камня;—потомъ, когда оказалось, что не
онѣ захоронены рядомъ не только съ изящнѣйшими, но даже съ бронзо
и желѣзными, въ прежнее правило ввели другаго показателя: захор
грубыхъ подѣлокъ рядомъ съ костями животныхъ, вымершихъ на
земномъ шарѣ;—затѣмъ понадобилось прибавить еще одного—возрастъ п
хранящаго подѣлки и т. д. Второй показатель еще держится, хотя ест
сколько данныхъ, способныхъ поколебать и его почву и оставаться пр
номъ лишь третьемъ въ опредѣленіи древности издѣлій каменнаго вѣ
Къ остаткамъ же вѣковъ бронзоваго и желѣзнаго не пригоденъ и посл
такъ что встрѣча съ ними можетъ, въ нѣкоторыхъ, довольно заурядн

случаяхъ, сильно затруднить опредѣленіе времени захороненія, если не помогутъ письменныя источники, или если послѣднихъ вовсе нѣтъ.

Для вещественныхъ остатковъ, находимыхъ по Волгѣ, въ древней Біарміи, или въ земляхъ югровъ и вообще въ Сибири и въ другихъ мѣстахъ, съ которыми придется имѣть въ будущемъ дѣло Новгородскому Обществу— примѣненіе общепринятыхъ показателей собьетъ наблюдателя съ пути: тамъ, въ перечисленныхъ мѣстностяхъ, не рѣдки встрѣчи съ предметами золотыми или мѣдными, захоронившимися или рядомъ, или въ одинаковыхъ, по возрасту, пластахъ, съ грубыми костяными или кремневыми подѣлками,—или съ изящными подѣлками изъ мягкой горной породы, сланцевыми, лежащими вмѣстѣ съ костяными носорога; —извѣстны случаи находки:—однихъ только кремневыхъ издѣлій въ естественной пещерѣ съ высѣченными на стѣнахъ руническими письменами,—неистлѣвшей еще мѣховой шапки въ такой же пещерѣ рядомъ съ подѣлкою изъ кости мамонта,—каменнаго топора, или кирки, съ сверликою для рукоятки, въ заброшенной незапамятно давно [illegible] древняго золотоискателя. Подобные случаи, устраняя значеніе исключительности общепринятыхъ показателей древности для вещественныхъ остатковъ каменнаго вѣка окраинъ и другихъ мѣстностей Ильменской страны, могутъ поколебать и увѣренность въ безупречности обще-принятыхъ же объясненій о времени и мѣстности перваго знакомства древняго человѣка съ горными породами, ковкими и плавкими и примѣненія ихъ къ своимъ [illegible] потребностямъ и о послѣдовательности вѣковъ развитія, изобрѣтеніе [illegible] нія быта и тому подобныхъ положеній. Умозрительный пріемъ [illegible] явленій и жизненныхъ остатковъ вѣковъ даже и недалекихъ [illegible] няющій и уязвляющій истину произволъ, весьма вредно, даже [illegible] отзывающійся на дальнѣйшемъ направленіи жизни цѣлой страны. [illegible] не далекъ: не будь ложной оцѣнки значенія остатковъ Новгородскаго [illegible] бытія послѣднихъ годовъ, народъ русскій не былъ-бы [illegible] бѣжность остановиться въ мирномъ развитіи своего роста [illegible] почти борьбою съ сосѣдями страны Ильменской, которую [illegible] бытія, охранялъ, устраняя случаи борьбы, Новгородъ [illegible] линѣ; вступая въ составъ державства Московскаго, [illegible] вить за ними охрану границъ своей земли,—Москва [illegible] ская кровь полилась. Не мало произвола и въ [illegible] венныхъ остатковъ жизни всего нашего края [illegible] ности, хозяйственныхъ орудіяхъ и проч.—Чтобы [illegible] каній объ этихъ остаткахъ, нужно намѣтить [illegible] требующія устраненія, и найти хорошія для [illegible] наличность остатковъ не по гадательному [illegible] сравненія съ несомнѣнными, по письменнымъ [illegible] предметами домашняго обихода, промысловъ, [illegible] и относящимися къ колдовству, различным [illegible]

Установленіе правильности предлагаемы[illegible] пуемо направленіе начальной дѣятельности [illegible] тись безъ помощи всей мірской сил[illegible]

вещественными не исчерпывается вся совокупность остатковъ старины
той дѣятельности, которая вызывается новымъ направленіемъ народопов
вовательнаго дѣла—прослѣдить не только ходъ развитія человѣчества, н
отыскать и изслѣдовать пути къ его родоначалію, наиболѣе пригодные.
ководящими въ изысканіяхъ по этому предмету представляются не веще
венные остатки вмѣстѣ съ вещественными, взаимно объясняющими одн
другія. Область ихъ широка и представляетъ огромную занимательность;
легко и съ полнотою опредѣляется однимъ словомъ—обычай; онъ созд
невещественные остатки глубочайшей,—колыбельной древности человѣ
Этими остатками и нужно пользоваться если не исключительно,—во всяк
случаѣ предпочтительно,—предъ другими для простѣйшаго объясненія в
наличности вещественныхъ невразумительныхъ осколковъ старины Ильменск

Въ представленіе о невещественныхъ остаткахъ старины входятъ
произведенія духовной силы человѣка, вызываемой его наблюдательность
примѣняемой къ подчиненію волѣ внѣшнихъ вліяній природы его окруж
щей и усиліямъ его подающихся въ борьбѣ за существованіе. Утомлен
до ослабленія силъ, человѣкъ невольно ищетъ источники укрѣпленія ихъ
созерцаніи высокаго неба, посылающаго на землю все то, что составля
предметъ его борьбы: зной, стужу, потопъ, хищника лѣсовъ и логовищъ
и предметъ его поддерживающій въ борьбѣ—питаніе, сонъ, указанія на ору
борьбы и улучшенія благосостоянія;—это основаніе вѣры въ пребыва
на небѣ существа сильнѣйшаго чѣмъ человѣкъ. Паденіе на землю на г
захъ человѣка, съ громомъ и трескомъ, огненнаго стобла, оставившаго въ пят
десяти шагахъ отъ мѣста наблюденія что-то похожее на камень, но особ
наго вида, поразившій свирѣпаго хищника, направлявшагося къ нему,
блюдателю, и угрожавшаго растерзаніемъ,—охватываетъ простодушнаго з
теля ужасомъ и радостью за спасеніе;—это основаніе вѣрованія въ чудод
ственную силу необыкновеннаго вида камней и другихъ величественныхъ пр
метовъ природы; передаваемое предками потомкамъ, оно сохраняется ме
ними, равно какъ и выраженіе во внѣшнихъ знакахъ особаго уваже
вѣками, какъ обычай.

Подражаніе голосовыми средствами звуковымъ явленіямъ природы и
раженію животными ужаса и робости, повторяемое много разъ слагается
общепринимаемое и даетъ основаніе человѣческой рѣчи—какъ обычай.

Наблюденія за борьбою животныхъ насмерть поражающихъ одно д
гого рогомъ или зубомъ, или размельченіе и отдѣленіе отъ ствола сучь
грызунами при помощи рѣзцовъ, подсказываетъ человѣку необходимость на
предметъ, похожій на рогъ, или зубъ, для самозащиты, или для добыв
питанья и другихъ нуждъ; это—начало подѣлокъ; будучи повторяемо,
становится обычаемъ.

Насколько разнообразны наблюденія явленій природы и придумывае
человѣкомъ способы отвращенія вредныхъ и пользованіе благодѣтельны
настолько многочисленны и создаваемые ими обычаи на тотъ или другой
чай; насколько продолжительно живетъ потомство первоначальныхъ наб
дателей, давшихъ основаніе обычаю, настолько онъ надеженъ въ изы

хъ и о родоначаліи этого потомства. Жизнь славянъ на Ильменско-Волскомъ побережьи весьма продолжительна,—такъ что идти къ ихъ родоначалію путемъ изученія обычаевъ ближайшихъ къ побережью мѣстностей и дальнѣйшихъ къ нему, издавна тяготѣвшихъ, какъ невещественныхъ остаковъ древности и ими объяснять невразумительные остатки вещественныхъ и обратно—можно безъ особенной опаски. „Обычай всесильный владыка" сказалъ одинъ писатель пѣснопѣвецъ большой древности Пиндаръ—около 470 г. до Р. Х.; строгое изученіе его прямо введетъ въ жизнь народа того времени, къ которому пріурочивается введеніе обычаевъ; а посовѣтуетъ для установленія если не самаго начала, то существованія уже изучаемаго обычая въ неподлежащіе сомнѣнію вѣка послужатъ упомянутыя выше отвѣтки писателей древности. Обычай жить кучно, обществомъ или родомъ, держался для насельниковъ Ильменской стороны еще до межледниковыхъ вѣковъ,—такъ какъ на Коломцахъ площадь жилого поселенія огромна и занята разомъ; обычай жить въ круглыхъ землянкахъ сложился также давно:—слово коломцы выражаетъ (коло-кругъ; коломъ-калонъ-домъ) совокупность такихъ круглыхъ жилищъ, подобныхъ лапландскимъ ульеобразнымъ постройкамъ; обычай называть поселеніе по отличительному признаку мѣстности предоставляетъ право видѣть въ немъ,—въ нашей странѣ особенно, именно въ наименованіи поселеній горами, островами, озерами, наволоками, посидѣньями, слѣдами, съ присоединеніемъ къ послѣднимъ двумъ иногда, а къ прочимъ иногда, личнаго имени,—переживанье племенемъ, сохраняющимъ до сихъ поръ соотвѣтствующія этимъ наименованіямъ слова и представленія, тѣхъ водообильныхъ вѣковъ, которые сопровождали или отступленіе великаго скандинаво-русскаго ледника, межледниковые, или вѣка сильнаго охлажданія—озерные; обычай погребенія въ ладьѣ или въ саняхъ огражденія могильныхъ земельныхъ сооруженій камнями,—указываетъ на вѣка снѣга и воды, а равно скопленія на незаливаемыхъ водами возвышенностяхъ—хищниковъ,—по чутью находившихъ мѣста захороненія покойниковъ и разрывавшихъ могилы;—многіе обычаи погребальные въ нашей странѣ сохраняются отъ временъ Геродота, предхристіанскихъ и первыхъ христіанскихъ; обычай употребленія условленныхъ знаковъ, вырѣзаемыхъ и вычерчиваемыхъ, идетъ и поддерживается отъ вѣковъ, предшествующихъ обрѣтенію финикіянъ; обряды свадебные, пріемы знахарства, колдовства и т. п., хранятся въ силу обычая, отъ вѣковъ незапамятныхъ; наконецъ обряды, вызванные вѣрованіями фетишизма и шаманизма, браминизма и буддизма, выдерживаютъ борьбу съ христіанствомъ до сихъ поръ.

При стойкости народныхъ обычаевъ въ нашей странѣ ознакомленіе съ ними несомнѣнно приведетъ къ устраненію многихъ невѣрныхъ объясненій вещественныхъ остатковъ старины и укажетъ настоящіе пути къ дальнѣйшимъ изысканіямъ въ ихъ области.

Кромѣ обычаевъ весьма много и другихъ невещественныхъ остатковъ въ преданіяхъ, пѣсняхъ, былинахъ, сказкахъ, примѣтахъ, предзнаменованіяхъ и проч., не закрѣпленныхъ еще изложеніемъ на письмѣ.

Насколько важны невещественные остатки для народоповѣствовательной науки вообще, доказало съ неотразимою силою сравнительное языко-

знаніе. Намъ всѣмъ памятно ученіе, поддерживаемое нѣкоторыми, хотя уже немногими старовѣрами и теперь, объ арійцахъ, принесшихъ въ Европу, изъ счастливыхъ странъ Азіи, знанія, достигнутыя тамошними обитателями и тотъ, развитый до значительно высокой степени языкъ священныхъ книгъ индусовъ и иранцевъ, который послужилъ источникомъ для разнообразныхъ, по внѣшности, говоровъ всей семьи насельниковъ Европы, совершенствующихся до сихъ поръ. Сравнительное языкознаніе, вооружившись сходствомъ многихъ корней словъ разныхъ говоровъ съ арійскимъ, и установленіемъ правилъ измѣненій въ ихъ слогахъ и окончаніяхъ и соотвѣтствіемъ выражаемыхъ словами понятій и наименованіемъ одинаковыхъ предметовъ, какъ вещественныхъ остатковъ старины, не исключая и человѣческаго черепа, найденныхъ въ Европѣ и въ Азіи, пришли къ заключенію, что праязыкъ европейскихъ говоровъ несравненно древнѣе древнѣйшаго азіатско-арійскаго и развивался самостоятельно въ срединной, равнинной Европѣ, среди обширнаго племени, происшедшаго отъ одного корня, и что ближайшимъ, по чистотѣ кровнаго родства, къ этому праязыку говоромъ представляется литовско-славянскій, болѣе другихъ сохраняющій отраженіе—въ словахъ, выражающихъ понятія и обозначающихъ предметы, и въ измѣненіяхъ перестановки слоговъ и прибавкахъ окончаній,—тѣхъ отдаленныхъ вѣковъ, которые предшествовали раздѣленію потомства родоначальнаго корня на вѣтви, въ зависимости отъ его разростанія, откочеванію, тѣсноты ради, на далекое отъ колыбельной мѣстности разстояніе, и обособленію каждой впослѣдствіи.

Въ теперешнемъ говорѣ ильменцевъ немало словъ, образовавшихся, очевидно, въ вѣка человѣческаго первобытія, такъ: въ европейскихъ находкахъ отъ каменнаго вѣка имѣются черепные своды человѣка, приспособленные для держанья въ нихъ воды; древнѣйшіе писатели даютъ свидѣтельства о существованіи у разныхъ народовъ обычая превращать черепа убитыхъ непріятелей въ чаши для вина;—въ говорѣ нашемъ понятіе отдѣленія части воды изъ рѣки для домашней надобности, выражается словомъ черпать,—происшедшимъ видимо отъ черепа; отъ него же произошло названіе осколка посуды черепкомъ, черёпкой;—въ при-ильменьи до сихъ поръ называется орудіе для питья, или для измѣренія жидкихъ и сыпучихъ тѣлъ—корецъ;—ничто не мѣшаетъ относить начало изобрѣтенія и этого слова къ тѣмъ вѣкамъ, когда человѣкъ, не знавшій даже глинодѣлія, пользовался древесною корою для такихъ же, какъ и черепъ, приспособленій;—много и другихъ словъ слышится и въ живой и въ древне-письменной нашей рѣчи.

Въ самое послѣднее время высказывается уже довольно громко предположеніе, что одна изъ вѣтвей родоначальнаго первонасельниковъ Европы племени, откочевавъ отъ колыбели праотцевъ, добралась черезъ долгое время до индо-гангской водной области и осѣла тамъ, развиваясь во время странствованій и на мѣстѣ послѣдней осѣдлости прежде, чѣмъ оставить слѣды своего стариннаго говора въ священныхъ книгахъ.

Не меньшую важность представляютъ для изысканій, въ ильменской собственно странѣ, наименованія жилыхъ поселеній, рѣкъ, озеръ и разныхъ урочищъ. По этому предмету, разработанному еще совсѣмъ мало, между людьми

й науки существуютъ мнѣнія отрицательныя, но на западѣ Европы уже принятъ многими въ основаніе изысканій о вѣтвяхъ родоначальнаго ени первозаимщиковъ Европы. Ученые славянскіе видятъ въ неврахъ и инахъ Геродотовыхъ извѣстій предковъ славянъ и литовцевъ. Въ странѣ нъ, изучаемой подробно, съ легкой руки графа А. С. Уварова, весьма о селеній и урочищъ, съ корнемъ *нер*. Въ трехъ верстахъ отъ Новго- лежитъ на высокомъ холмѣ селеніе Передица; между нею и городомъ, половинѣ разстоянія, урочище Лятка, или Лядка, на небольшомъ возвы- и; лѣвая сторона Новгорода съ первыхъ лѣтописныхъ извѣстій назы- ся Неревскою, а жители ея неревлянами. Рядомъ съ Передицею, лежитъ е обширный холмъ—Городище; отдѣляемый отъ нея небольшимъ прото- ,—древній Волховецъ. Имѣются основанія ставить на городищенскомъ ѣ первоначальный Славенскъ, предшествовавшій преданію о путешествіи апостола Андрея, перенесенный впослѣдствіи на нынѣшнюю часть Нов- а, составлявшую лѣтописный славскій конецъ его;—перешедшіе на ую сторону Волхова обитатели Передицы образовали неревскій конецъ. олѣе крупными и въ непосредственномъ сосѣдствѣ жившими на зарѣ иской лѣтописи вѣтвями родоначальнаго племени были славяне иль- кіе (они же кривичи), литовцы—невры и ляхи—поляки. Въ лѣтописяхъ йскихъ сказывается (по Ядринцеву) о могущественнѣйшемъ и высоко- итомъ племени кидане, занимавшемъ больше половины Сибири, часть оліи и Манчжуріи; въ ильменской странѣ древнихъ ея границъ имѣются ы этого племени въ имени урочища „Кидани" и даже, по личному на- наблюденію, доживающіе послѣдніе дни—потомки его, въ лицѣ семьи кнаго рыбака, живущей на западномъ побережьи Ладожскаго озера; этой семьи, здравствовавшій въ 70-хъ годахъ, былъ Матты Кидане. льменской странѣ немало рѣкъ,—Полисть, Пола, Ока, Невья, Вишера , озеръ—Нево, Невій мохъ, Невьи и др., соименныхъ съ находящимися далеенныхъ одна отъ другой земляхъ Европы и Азіи, по которымъ лось когда-то одно и то же племя; весьма много селеній съ именами а, Коломна, Коломо, Курско, Курскъ, Курье, Донецъ и др. Все это ить на мысль о взаимной связи наименованій или съ именами пле- сохраненными въ древнихъ сказаніяхъ, нѣкогда жившихъ въ мѣстно- съ такими наименованіями въ вѣка переселеній, или съ нашими ачальниками, говоръ которыхъ оглашаетъ и теперь великую русскую .

Собрать невещественные остатки старины—равносильно обогащенію оповѣствовательнаго дѣла такимъ драгоцѣннымъ научнымъ сокрови- , которое освѣтитъ и памятники и всякіе остатки и весь путь къ оначалію. Какъ ни трудна работа въ этомъ направленіи, но если при- къ осмысленному участію въ ней мірскую силу и раздѣлить трудъ крупными и менѣе крупными единицами ея, сомнѣній въ успѣхѣ допустить.

Подъ единицами менѣе крупными мы разумѣемъ обывателей поселковъ, ъ крупными—болѣе или менѣе образованныхъ землевладѣльцевъ и долж-

ностныхъ лицъ, живущихъ и дѣйствующихъ въ уѣздахъ, и состоящи членами Новгородскаго общества; наиболѣе крупными мы считаемъ, ка уже замѣчено, передовыхъ представителей науки.

Не требуется всесторонняго знакомства съ уровнемъ развитія здѣшн народа, живущаго въ удаленныхъ отъ городовъ поселкахъ, собственно зем дѣльцевъ, чтобы подмѣтить при поверхностныхъ, даже случайныхъ блюденіяхъ, благоговѣйное уваженіе его къ предкамъ, память о которы еще не замерла въ потомкахъ; явленіе—понятное: тяжелый трудъ, ско ный путь, темная даль и никакого утѣшенія; гдѣ искать покоя и поддерж удрученному труженику, у кого просить помощи какъ не у отшедшихъ вѣчность родичей-предковъ? Воспользоваться этимъ уваженіемъ и расшири кругъ его правдивымъ посвященіемъ сельчанъ въ давно забытую жи людей той самой земли, которая кормитъ нынѣшнее населеніе, будучи по готовлена къ производительности такимъ же, если не болѣе тяжкимъ тр домъ предковъ—вотъ начальный способъ привлеченія мірской силы къ с трудничеству въ дѣлѣ Общества. Просвѣщеннымъ сосѣдямъ поселковъ подо ный способъ вполнѣ доступенъ. Переходъ отъ старой жизни къ веществе нымъ ея остаткамъ, а отъ нихъ и къ невещественнымъ—произойдетъ са собою: въ пытливости ума, нетронутаго лже-мудрствованіемъ, нельзя отк зать простодушному человѣку, согласующему направленіе своей жизни указаніями природы внѣшней и собственной—духовной.

Наша страна настолько обширна, условія жизни въ ней такъ мно различны, что безъ помощи захолустныхъ поселковъ не извѣдать ея и сто лѣтъ для задачи народоповѣствовательнаго дѣла. Никто не знаетъ только обычаевъ, отражающихъ народное прошлое, и многочисленны остатковъ старины невещественной, но и вещественныхъ памятниковъ, р сѣянныхъ по лѣсамъ, пустырямъ, болотамъ,—ихъ остатковъ и слѣдо каковы городища, селища, городки, сопки, могилы, коломища, жальники, кромѣ жителей далекихъ поселковъ; о каждомъ изъ такихъ и имъ подо ныхъ памятниковъ, ихъ остатковъ и слѣдовъ, обращается въ окрестнос много преданій; нѣкоторые изъ нихъ пользуются особымъ почетомъ, о м гихъ говорятъ, какъ объ одаренныхъ свыше чудодѣйственною силою. Сколько священныхъ камней, ключей, озерокъ, таинственныхъ дубов сосенъ, получающихъ отъ чтущихъ ихъ сельчанъ приношенія. Сколько о бенныхъ обрядовъ погребальныхъ, брачныхъ, крестинныхъ? Собрать о всемъ этомъ точныя свѣдѣнія на мѣстѣ и сравнить съ собранными уже другихъ земляхъ Россіи трудами предшественниковъ, помѣщенными въ и даніяхъ ученыхъ обществъ и учрежденій—занесенными въ сказанія писат лей глубокой древности—заслуга важная,—доступная только взаимнодѣйств всѣхъ единицъ мірской силы.

Не менѣе дорого сотрудничество поселка въ собираніи и сохранен ископаемыхъ вещественныхъ остатковъ глубокой древности. Изъ книжн и личнаго знакомства съ раскопками земляныхъ сооруженій каждому и вѣстно, сколько погибло и до сегодня погибаетъ безвозвратно для наук высокоцѣнныхъ предметовъ старины, благодаря невежеству поселка, и

ществу зараженныхъ духомъ наживы скупщиковъ находокъ и кладоиска-
Издѣлія золотыя, серебряныя и даже бронзовыя и мѣдныя гибнутъ
вильныхъ горшкахъ, или заносятся далеко отъ своей родины, съ
ии о находкѣ свѣдѣніями. Борьба съ этими лиходѣями науки одними
ами силами, извнѣ, безполезна: духъ наживы въ союзѣ съ невѣже-
—могущественнѣе власти сельскаго и уѣзднаго правительства; нужна
, сознательно исходящая изъ мѣстной среды поселка и ближайшихъ
. Еще безсильнѣе властная борьба по охранѣ древнихъ земляныхъ
ній отъ разрушенія и полнаго уничтоженія даже и слѣдовъ ихъ
поселкомъ; недостаточность земельнаго надѣла губитъ, для расши-
ашни, городища, могилы, сопки: незнакомому съ научною цѣнностью
сооруженій неимущему труженику нѣтъ до нихъ никакого дѣла, ни-
аботы; извлекаемые изъ земли сохою предметы, имѣюще значеніе
ашнемъ быту, вообще цѣнные, или оставляются въ хозяйствѣ, или
ся кузнецу и передѣлываются; предметы же каменные, костяные и
ни на что непригодные, или оставляются тутъ же, на мѣстѣ на-
тлѣютъ и гибнутъ, или отдаются дѣтямъ въ забаву; лишь кое-гдѣ они
отъ въ руки колдуновъ и знахарей, какъ „стрѣлки молніины и то-
ромніи", обладающіе силою врачеванія отъ всякихъ недуговъ и
ющіе отъ бѣдъ и напастей. Сухіе черепа и кости человѣка, въ
атоговѣйнаго почитанія усопшихъ, набожные труженики сносятъ къ
й часовнѣ, или къ приходской церкви и тамъ погребаютъ; мѣста по-
забываются и черепа древнѣйшихъ обитателей страны навсегда
отъ для науки. Если на новую могилу и нападетъ изслѣдователь,
ьзя будетъ установить условій перваго захороненія.

итатели поселковъ помогутъ и въ дѣлѣ составленія хранилища
въ старины—какъ собираніемъ на своей землѣ такихъ остатковъ,
которыхъ покажутъ имъ и объяснятъ, хотя бы по рисункамъ,
денные сосѣди сотрудники общества, такъ и устраненіемъ подобныхъ
ымъ объясненій предметовъ въ родѣ спицы къ прялкѣ, вывѣски ко-
и копыла,—извѣстныхъ сельчанамъ и употребляемыхъ до сихъ поръ
быту,—но диковинныхъ для жителя большаго города, незнакомаго
лустьями.

ковы основанія, принятыя для изложенія содержанія записки; общій
ихъ слѣдующій: на зарѣ начальной русской лѣтописи объявились
менско-Волховскомъ побережьи славяне, во главѣ союза разноимен-
разноплеменныхъ народовъ, срединою тяготѣнія для котораго былъ
Новгородъ. На томъ же побережьи осѣла, сряду послѣ отступленія
скандинаво-русскаго ледника, обширная орда разноплеменныхъ людей
го вѣка. Задача Новгородскаго Общества—прослѣдить жизнь мѣст-
еленія, по письменнымъ источникамъ и по памятникамъ и остат-
арины, вещественной и невещественной, за время между вѣками—
меннымъ и начальной русской лѣтописи, и составить сводъ дан-
и изысканій о родоначаліи и колыбели славяно-русскаго народа.

Содержаніе.

Нимало не сомнѣваясь въ научной подготовленности учредителей Общест
къ просвѣтительной дѣятельности среди городскаго и уѣзднаго населенія скро
ныхъ, но преданныхъ почитателей старины, хотя и не получившихъ кни
наго образованія, тѣмъ не менѣе—и особенно имѣя въ виду скудость
уѣздахъ книгохранилищъ, общественныхъ и частныхъ, бѣдныхъ научны
изданіями, особенно такими, въ которыхъ помѣщены труды изъ облас
знаній о древностяхъ, человѣкѣ и человѣчествѣ и письменные источни
печатаемые, начиная съ XVIII вѣка въ ограниченномъ числѣ образцовъ,—
считаемъ не маловажнымъ имѣть только что зародившемуся Обществу по
руками сборникъ, хотя-бы и краткій, свѣдѣній о сдѣланномъ его преди
ственниками, старѣйшими братьями по задачѣ, ихъ послѣдователями и с
трудниками. Подобный сборникъ можетъ быть особенно полезенъ для дал
нихъ поселковъ, совсѣмъ бѣдныхъ собраніями книгохранилищъ. Благода
встрепенувшемуся и годъ за годъ усиливающемуся теченію свѣжихъ вѣян
грамотность проникаетъ въ самые заброшенные, дикіе углы уѣздовъ, въ сре
менѣе крупныхъ единицъ нашей мірской силы народоповѣствовательн
дѣла.

Испытанное вѣками искреннее уваженіе русскаго народа къ памяти пре
ковъ найдетъ, навѣрное, для сборника сказаній о нихъ читателей и слуш
телей читаемаго и въ глуши убогихъ поселковъ; что покажется невразум
тельнымъ,—будетъ, конечно, объясняемо просвѣщенными сосѣдями.

Предлагаемая нами книга задумана какъ первый опытъ такого имен
сборника. Въ будущемъ несомнѣнно появятся труды болѣе совершенные;
даемъ то, что можемъ въ настоящее время для начальной дѣятельно
Общества.

Названіе книги запискою для мѣстныхъ изысканій принято за наибол
соотвѣтствующее ея предмету и назначенію.—Всякая дѣловая запи
исключаетъ этимъ своимъ названіемъ представленіе о ней какъ о цѣльно
законченномъ изложеніи предмета; она не всестороннее изученіе или изс
дованіе того, чего касается, а только связный,—и то до нѣкоторой степен
перечень наличности имѣющихся наблюденій или свѣдѣній по вопросамъ,
предмета вытекающимъ и ожидающимъ разрѣшенія.

На взглядъ болѣе свѣдующихъ знатоковъ наша записка можетъ бы
далеко неполною, худо ставящею и неправильно освѣщающею вопросы,
невѣрно истолковывающею тѣ или другія явленія изъ области, входящей
задачу котораго либо изъ знаній вспомогательныхъ и руководящихъ; на
добные и другіе, болѣе рѣзкіе, упреки и порицанія записка разсчитывает
она тѣмъ и озабочена, чтобы вызвать вниманіе къ ея предмету въ общем
и въ частностяхъ и сужденіе умовъ болѣе свѣтлыхъ, знатоковъ болѣе сил
ныхъ знаніями и опытомъ, представляющихся намъ передовыми двигатели
мірской силы. Мы надѣемся, что каковы бы ни были недостатки въ ча
ностяхъ, все-таки въ общемъ эта книга не повредитъ дѣлу:—всякій

емыхъ читателей,—великій-ли знатокъ, или любознательный, хотя и не чившій образованія, житель дальняго поселка, воленъ соглашаться, или оглашаться съ выражаемыми въ нашей книгѣ мнѣніями, догадками, ложеніями;—но мысль его непремѣнно будетъ останавливаться и, по ущей пытливости, обнимать останавливающій предметъ со всѣхъ сторонъ вѣщать темныя для нея мѣста по своему. Совокупность остановокъ и ихъ освѣщеній и будетъ тѣмъ сотрудничествомъ мірской силы, которое дорого въ дѣлѣ изслѣдованія родной старины, выразится ли оно въ мъ словѣ, или въ устной бесѣдѣ, или только въ своеобразности подныхъ размышленіемъ пріемовъ изысканій на мѣстѣ осѣдлости чита—не такихъ какіе указываются въ запискѣ.

Предназначаемая для мѣстныхъ изысканій записка не даетъ ни плавъ повѣствовательной послѣдовательности, изложенія теченія жизни ы ильменской, ни опредѣленнаго, рѣшительнаго указанія темныхъ мѣстъ пробѣловъ въ сказаніяхъ о вѣкахъ лѣтописныхъ,—ни такого же устанія связи бытовыхъ явленій жизни вѣковъ долѣтописныхъ съ послѣими, къ этимъ ближайшими въ нисходящемъ порядкѣ; все это хотя и зывается въ запискѣ, но лишь въ видѣ вопросовъ, требующихъ разъія; обсужденіе ихъ и рѣшеніе—задача будущаго, когда подобные агаемому нами сборники объявятся полными сводами, составленными емъ согласно съ самыми строгими требованіями науки и обнимающими ну ильменскую страну, но и всѣ вообще области Россіи и сопредѣльчасти Европы и Азіи, жизнь которыхъ особенно рѣзко сказывается въ ыхъ явленіяхъ, направлявшихъ развитіе и ростъ населенія. Для мѣстъ изысканій, предстоящихъ Новгородскому Обществу на первыхъ же хъ, нужно только намѣтить въ блѣдныхъ очертаніяхъ задачу и конечную и дать рядъ предметовъ, ожидающихъ изслѣдованія и изученія и рядъ жныхъ мѣропріятій къ охраненію древности, чтобы затѣмъ, направляясь мѣченному, испытать на дѣлѣ научныя силы, которыми оно обла и привлечь умѣлостью и полезностью работъ вниманіе тѣхъ выдаюпредставителей мірской силы, людей русской науки, которые двигаютъ ее передъ и впередъ во всеоружіи знаній и опыта. Безъ помощи ихъ едва-ли ство можетъ осилить многочисленность быстро развивающихся и широко стающихся въ области естествовѣдѣнія и другихъ,—новыхъ отпрысковъ ыхъ вѣтвей, вносящихъ болѣе яркое освѣщеніе въ ученіе о человѣкѣ овѣчествѣ. Когда силы общества опредѣлятся точно, запасъ изысканій кажется полнымъ, тогда только можно будетъ приступить къ стройному ому изложенію исполненной уже задачи. Насколько пригодно намѣчаеапискою для начала новаго дѣла, это выяснится скоро; выкинуть нашу въ большую уже кучу научныхъ отбросовъ легко и удобно во всякое .

Все содержаніе записки распадается на двѣ части: одна представляетъ вѣхъ данныхъ, по указаніямъ письменныхъ источниковъ Новгородскихъ скихъ, и свѣдѣній, имѣющихся въ письменныхъ же сказаніяхъ древ-иноземныхъ повѣствователей, собранныхъ, провѣренныхъ и изслѣ-

дованныхъ—предшественниками и личными нашими наблюденіями и
сканіями о памятникахъ, остаткахъ и слѣдахъ вещественной и н
ственной старины страны ильменской, насколько они выражают
нашъ взглядъ, отраженіе стародавняго быта насельниковъ полуно
срединной равнины Европы и тѣхъ же частей Азіи, начиная съ н
оставившихъ самыя первыя письменныя сказанія, хотя бы и
чайшія, въ отрывкахъ, всѣхъ племенъ и народовъ Стараго и о
Новаго Свѣта, до конца самобытія Велико-Новгородскаго державс
другая такой же сборникъ данныхъ, доставляемыхъ одними только веще
ными памятниками и остатками незапамятной древности вообще, и ос
представляющими связь вѣковъ лѣтописныхъ всего человѣчества съ
шествовавшими и намѣчающими слѣды жизни родоначальныхъ прао
восходящіе къ ихъ первобытію и подводящіе къ колыбели славянъ
менскихъ.

Порядокъ, размѣры и самый способъ изложенія записки поста
въ зависимость отъ ея цѣли и назначенія; при чемъ, въ ожиданіи чи
и слушателя въ поселкахъ, она избѣгаетъ употребленія словъ не рус
хотя приходится иной разъ замѣнять одно чужеязычное двумя-тремя наши
въ ущербъ краткости; но въ нѣкоторыхъс лучаяхъ приводятся выпис
источниковъ греческихъ, римскихъ и другихъ подлинными ихъ сл
подобные случаи нечасты,—они встрѣчаются въ объясненіяхъ по
самъ,—и приводятся въ подтвержденіе мысли, выраженной по-русски
что не нарушаютъ цѣльности объясненія для читателя неподготовл
научно.

Первая часть, посвященная наличности свѣдѣній къ предполаг
своду данныхъ для изысканія о вѣкахъ лѣтописныхъ, начинается древн
Новгорода Великаго и имѣетъ, не считая общихъ замѣтокъ вначал
относительно большихъ отдѣла: а) памятники, остатки и слѣды Но
ской старины вообще—и въ особенности остатки и слѣды древност
ковной; б) остатки и слѣды древности гражданской и в) внутренній
Новгородскаго государства.

Новгородомъ начинается записка по многимъ причинамъ:—здѣсь
постоянныхъ занятій Общества и средоточіе правительственныхъ уста
ній края, которыя приходится посѣщать часто живущимъ въ уѣздахъ
тателямъ старины, какъ по служебному, такъ по сословному и имуще
ному положенію ихъ;—Новгородъ очень близокъ къ столицѣ съ вы
научными учрежденіями и постоянно привлекаетъ, съ каждымъ годомъ
и больше, своею древностью, значеніемъ въ давнопрошедшемъ и святы
въ числѣ посѣтителей, выдающихся ученыхъ, художниковъ, почитат
знатоковъ старины и глубоко вѣрующихъ богомольцевъ. Всѣ они пы
найти въ захудаломъ городѣ остатки и слѣды тѣхъ памятниковъ
личія и славы, о которыхъ говорятъ письменные источники и ихъ из
ватели, но которые давнымъ давно рухнули въ общую могилу за
Сторожилы, въ огромномъ большинствѣ,—потомки „новосвѣденныхъ

нихся здѣсь послѣ самобытія, которымъ не можетъ быть древнѣйшая
а также дорога, какъ кровнымъ Новгородцамъ, то истребленнымъ съ
ъ, то сосланнымъ въ дальнія окраины Россіи; теперешніе сторожилы
ъ только то, что сами видѣли, или о чемъ слышали отъ отцовъ и
, и что не заходитъ болѣе одного—много двухъ столѣтій назадъ.—
е въ состояніи удовлетворить требованіямъ путешественниковъ—посѣ-
й, задающихъ нерѣдко вопросы, или вовсе нетронутые изслѣдовате-
или едва слышно, шопотомъ объясняемые,—а теперь требующіе, въ
новаго направленія народоповѣствовательнаго дѣла, разрѣшенія, какъ
, необходимыя для прочнаго уклада бытовыхъ истинъ. Записка, да-
вѣты на подобные вопросы, намѣчаетъ и почву для дальнѣйшихъ изы-
по нимъ, основываясь на лично нашемъ изученіи мѣстности всѣхъ,
мъ-давно разрушившихся, памятниковъ, остатковъ и слѣдовъ сооруже-
раницъ концовъ, улицъ и урочищъ въ самомъ городѣ и въ ближай-
окрестностяхъ, упоминаемыхъ хотя однимъ только словомъ въ пись-
хъ источникахъ, но или никѣмъ неизслѣдованныхъ или изслѣдован-
не точно, объясняемыхъ невѣрно.

Отвѣчая на вопросы и намѣчая почву, записка разсчитываетъ на об-
ніе и освѣщеніе знатоками того и другого, ихъ поправками и замѣ-
ми и надѣется, что они не откажутся высказать кому нибудь изъ мѣст-
почитателей старины свое мнѣніе по этому предмету; тотъ же разсчетъ
ъ и ту же надежду питаетъ она и по отношенію къ начитанности и
мъ всѣхъ вообще посѣтителей Новгорода, которые пожелали бы озна-
ься сколько нибудь съ содержаніемъ записки.

Начиная изложеніе Новгородомъ, записка открываетъ тѣмъ самымъ
ное поле дѣятельности для всѣхъ единицъ „мірской силы". Внѣшность
ческаго жилища отражаетъ въ подробностяхъ обстановки усло-
ществованія его обитателей; совокупность жилищъ, составляющая по-
е или городъ, неся на себѣ то же отраженіе, указываетъ своею
ностью и разнообразіемъ сооруженій прежде всего существованіе между
итателями порядка, личной и имущественной обезпеченности и значи-
высокую степень благосостоянія. Всѣ эти и имъ подобныя условія
ваютъ не разомъ,—имъ предшествуетъ болѣе или менѣе длинный рядъ
въ. Городъ, съ издавна существующій и широко раскинувшійся, пред-
етъ для народоповѣствовательнаго дѣла богатую сокровищницу по
нію страны, въ которой онъ выросъ, и племени его создавшаго. Изуче-
еликаго Новгорода съ его внѣшной стороны—это введеніе въ обширную
ть всестороннихъ изысканій объ Ильменскомъ славянствѣ.

Частности перваго и втораго отдѣловъ, взаимно пополняющія излагае-
въ нихъ свѣдѣнія, обнимаютъ данныя о постепенности разростанія
ъ половинъ города, начиная съ возвышенностей—Славенской на пра-
и Неревской на лѣвомъ берегу рѣки Волхова, присоединеніемъ къ по-
мъ срединнымъ, съ ихъ валами и рвами, послѣдовательно, новыхъ,
вившихся, къ началу русской лѣтописи, въ пяти концахъ, тоже око-
ихъ, каждый отдѣльно, валами и рвами.

При постепенности расширенія площади концовъ, поселки составл каждый, должны были имѣть, и дѣйствительно имѣли, особое внутр управленіе и особыя сооруженія для помѣщенія выборныхъ правит Дворцы посадниковъ кончанскихъ и улицкихъ старостъ намѣчаются пискою съ указаніемъ мѣстностей, равно какъ дворцы посадника ст наго, тысяцкаго, князей, правительственныхъ палатъ, великовѣчья и гихъ сооруженій государственныхъ, равно мѣста сооруженій церков торговыхъ, обчинъ, гридницъ и т. п. Руководящими въ этомъ источни принимаются свидѣтельства письменныя и, частію, уцѣлѣвшія живопи изображенія всего Новгорода—не позднѣе начала XVI и одного т Дѣтинца—первой половины XV вѣка.

Эти послѣдніе источники и Уставъ Ярослава о мостахъ, послу вмѣстѣ съ лѣтописными замѣтками о пожарахъ, и показателями для посел составлявшихъ концы, проѣздовъ и проходовъ между ними, или ул улокъ и проулковъ.

Весьма обстоятельнымъ подспорьемъ для установленія мѣстности квей, давнымъ-давно разрушившихся, послужили цѣлые костяки, въ дахъ или безъ нихъ, и отдѣльные черепа, находимые, при хозяйствен земляныхъ работахъ, на тѣхъ именно мѣстахъ, которые поддаются опр ленію для того или другого изъ церковныхъ сооруженій по источни письменнымъ и названнымъ живописнымъ изображеніямъ.

Для установленія мѣстности Великовѣчья и торговыхъ дворовъ п маются, кромѣ здѣшнихъ собственно источниковъ, указанія торговыхъ д ровъ Новгорода съ иноземцами.

Въ судьбахъ нашего города съ перволѣтописныхъ вѣковъ до послѣ дня самобытія, принимали живое участіе два учрежденія: Дѣтинецъ Вел Новгорода и Ярославле Дворище.

Изысканіямъ о Дѣтинцѣ нами отдано немало труда и времени эта работа, хотя подготовленная къ изданію уже лѣтъ десять назад какъ и другая, объ Уставѣ Ярослава о мостахъ,—остаются въ рукопи Надѣясь на возможность изданія обѣихъ этихъ работъ одновременно с стоящею запискою,—о Дѣтинцѣ мы даемъ только перечневыя свѣдѣн Дворищѣ говорится нѣсколько подробно.

Хотя мѣстность Дворища, была, повидимому, судя по ея поло среди торга, первою, на которой собирались обитатели древнѣйшихъ м въ суёмъ, или на мірскую сходку, для совѣта и рѣшенія важны жизни Славенскаго холма общественныхъ вопросовъ, но, по неимѣнію дѣній по этому предмету въ отечественной лѣтописи, всестороннее ра трѣніе площади Дворища, или площади Великовѣчья, войдетъ въ посл отдѣлъ первой части записки.

Одинаково подробно записка останавливается на ближайшихъ о постяхъ Новгорода, хотя не входившихъ въ составъ его концовъ,—ни лѣтописныхъ пяти, ни болѣе позднихъ девяти,—но кипѣвшія такою же и самый городъ, жизнью. Городище, Передица, Лятка, Волотово, Кол Перыня, Мигра, Звѣринцы и проч.—это урочища, занимающія м страницы Новгородской лѣтописи.

Изъ трудовъ предшественниковъ въ этихъ отдѣлахъ разсматриваются слѣдованія Карамзина, Костомарова, Соловьева, Дубенскаго, митрополита ненія Болховитина, Муравьева, Красова, Амвросія, Макарія и другихъ, связи съ новооткрытыми письменными источниками и мѣстными нашими ысканіями объ источникахъ вещественныхъ.

Кромѣ живописныхъ изображеній Новгорода записка основывается въ казаніи мѣстностей и слѣдовъ сооруженій церковныхъ и гражданскихъ,— рупкомъ Олеарія, отчасти, и чертежами, составленными по распоряженію авительства въ 1756 и 1778 гг., насколько отмѣтки, на нихъ сдѣланныя, не противорѣчатъ указаніямъ лѣтописи и наблюденіямъ нашимъ съ хозяйственными раскопками.

Совокупностью свѣдѣній, собранныхъ въ первыхъ двухъ отдѣлахъ записки, дается, конечно пока предположительно, полное представленіе о внѣшности Великаго Новгорода въ блестящіе вѣка его самобытія; оно такъ и ится на рисунокъ, но, къ крайнему сожалѣнію, издателя не предвидится.

Послѣдній отдѣлъ первой части, обнимающій весь внутренній строй ико-Новгородскаго державства, при своей обширности—мало разработанъ е по отечественнымъ источникамъ, да еще и затемненъ истолкователями ъ, какъ русскими, такъ и въ особенности иноземными. Въ послѣднее ько время изысканія о памятникахъ и остаткахъ старины вещественной, захо дящей, какъ полагаютъ знатоки развитія искусствъ, за предѣлы лѣтописныхъ вѣковъ въ обширномъ смыслѣ, дали нѣсколько указаній, измѣняющихъ заключенія, выводимыя учеными прежняго времени изъ источниковъ письменныхъ. Принимая во вниманіе, что вопросъ о развитіи искусствъ, примѣненіи творчества къ издѣліямъ изъ золота, серебра, мѣди и прочихъ горныхъ породъ, ковкихъ и плавкихъ, одновременномъ или разновременномъ въ различныхъ странахъ стараго свѣта, еще не достаточно разработанъ, и что мнѣнія ученыхъ знатоковъ, какъ основываемыя на недостаточной еще полнотѣ данныхъ, всесобираемыхъ и собираемыхъ, подвергаются, ыми находками, колебаніямъ,—записка лишь изрѣдка пользуется этимъ точникомъ и полагаетъ болѣе удобнымъ обратиться къ нему во второй части, и займется подробностями; здѣсь же она опирается на названія жилыхъ поеній и урочищъ—частію, а болѣе на извѣстія писателей древности, приваемыхъ достовѣрными.

Этотъ отдѣлъ имѣетъ три подраздѣленія: пространство страны Ильменой, населеніе и порядокъ управленія, различая въ каждомъ вѣка древнетописные и русско лѣтописные, соотвѣтствующіе вѣкамъ самобытія Великогородскаго государства и называемые нами вѣками самобытія.

Намѣчая границы страны въ вѣка долѣтописныя, записка широко пользуется обоими видами источниковъ, примѣняя смѣло ко всѣмъ тѣмъ землямъ ъпочья и запада, на которыхъ сидѣли уже какъ обособившіяся ко времени появленія первыхъ намятухъ начальной русской лѣтописи, вѣтви славянскаго корня, такъ и вѣтви корня первозаимщиковъ Европы. Такая смѣлость подсказывается данными и выводами народовѣдѣнія съ одной стороны— съ другой успѣхами сравнительнаго языковѣдѣнія и изученія человѣка по

строенію ископаемыхъ костей его. Подробности и этихъ данныхъ и
ховъ излагаются тоже во второй части записки, а здѣсь они только
ствуются, какъ подгоняющія и подбодряющія мысль.

Вмѣстѣ съ тѣмъ смѣлость записки встрѣчаетъ поддержку въ со
женіяхъ, опирающихся на сказанія иноземныя, опередившія русскую
пись, о союзахъ и размолвкахъ инородныхъ сосѣдей съ Ильмен
державцами, Біармійскими и другими, и особенно на границы Велико-Н
родскаго государства, указываемыя договорами съ удѣльными держав
хняжеской Руси, хотя не древнѣе XIII вѣка, но ссылающимися на
древніе. Если волости Новгородскія занимали все обширное простра
между Колою и Югрою на полночи,—Камою и Уфою на востокѣ, Вел
Луками къ полдню и Балтійскимъ поморьемъ и Корелою на западѣ,—
вѣка, когда уже сложилась и окрѣпла Русь полуночно-восточная
Андрея Боголюбскаго и полуденно-западная,—наибольшею изъ вѣроятн
можно принять очевидность огромной шири земли славянъ Ильменских
вѣка долѣтописные. Лѣтопись не сохранила извѣстій о походахъ их
далекія страны,—значитъ онѣ заняты до начала ея. И Галицкая Р
Тмуторокань и Поволжье, области Оки, Дона, Днѣпра и нижняго Ду
все это если не входило въ составъ земли Ильменской, имѣло несом
тяготѣніе къ Великому Новгороду и во главѣ съ нимъ несло разру
въ земли Рима и Византіи. Имена готовъ, вандаловъ, гунновъ и д
грозныя для Европы и Африки—не были и не могли быть чужды со
побратимства съ отважными ильменцами. Не могли они не проникать
глубь полночной Азіи, гдѣ для нихъ копили „люди заклѣпенные“ соб
сребро и гдѣ, впослѣдствіи, вольный человѣкъ съ горстью удальцовъ
тилъ и пріютъ и питанье въ древнѣйшихъ Ильменскихъ поселкахъ, дв
смѣло на царство грознаго Кучума.

Изысканія о перволѣтописныхъ вѣкахъ—уже давно сдѣланы пр
ственниками—повѣствователями; но записка вноситъ и сюда новое, в
предположеній, объясненіе границъ, со включеніемъ земель богатыхъ
говцевъ мѣхами куни-гасовъ, ходившихъ по лѣснымъ землямъ при-Иль
и при-Ладожья, скупавшихъ шкуры и продававшимъ ихъ подъ им
кунъ въ Булгарѣ Камскомъ и другихъ мѣстностяхъ, объявляемыхъ
ніями арабскихъ писателей. Бывали такіе же скупщики и изъ азіатов
татарами—ходебниками народъ нашъ до сихъ поръ сохранилъ сокращ
изъ „куньяго гостя“ или „куни-гаса“ литовцевъ—имя князя.—Такими
богатѣвшими, бывалыми ходебниками, не гнушавшимися и обмануть—
ровать простака, могли быть „воряги“ А. П. Богданова, ходившіе и
и водою по землямъ Ильменскимъ съ цѣлыми ордами своихъ присп
ковъ, получившими тоже недоброе имя—ворягъ, перевернутое въ вар

Для изысканій о населеніи Ильменской страны вѣковъ древнелѣт
ныхъ приводится пересказъ писателей древности о бытовыхъ, преи
ственно, особенностяхъ, разноименныхъ насельниковъ земель Ильме
страны и нынѣшней Россіи, ихъ сосѣдей и современниковъ. Пересказ
нялъ много мѣста потому, съ одной стороны, что книги, содержащія из

вних иноплеменныхъ писателей стараго свѣта и изысканія по изученію ихъ а-ли можно найти во многихъ уѣздныхъ хранилищахъ,—съ другой же—по-у, что для единицъ нашей мірской силы, менѣе крупныхъ, помощь которыхъ собираніи объясненій невещественныхъ остатковъ старины имѣетъ на ть взглядъ великую цѣнность для науки,—свѣдѣнія о стародавней жизни тельниковъ земель, на которыхъ стоятъ нынѣшніе поселки, представляя льшую занимательность, не могутъ не повліять и какъ сильные просвѣтитель-воспитательные двигатели на улучшенія благосостоянія внѣшняго и внутрен-о, нравственнаго. Просвѣщенные сосѣди поселка, да и сами его обыва-и, сумѣютъ, конечно, сравнивать бытовыя особенности древнихъ насель-овъ съ нынѣшними той же мѣстности, объяснять отраженіе ихъ въ те-ешнихъ обычаяхъ и вызывать простодушныхъ тружениковъ земледѣль-ъ, рыбаковъ и охотниковъ на размышленіе о причинахъ живучести тѣхъ ругихъ обычаевъ—и слѣдствіяхъ. Сравнительный способъ изученія быто-съ явленій и особенностей, выслѣживаемыхъ по лѣтописнымъ вѣкамъ, двинетъ ихъ первообразъ, послѣдовательность развитія и отраженіе въ на-щемъ,—а тѣмъ укажетъ преемственную связь потомковъ съ предками, шими жизнь и стойкость обычаю.

Пересказъ записки ограничивается извѣстіями нѣсколько подробными, Ге-ота, Страбона, Тацита, Константина Багрянороднаго и нѣкоторыхъ дру-ъ,—затрогивающими бытовыя особенности внутренне-домашней жизни ьи; внутренно-общественной и внѣшней—сосѣдской каждаго племени от-дится не много мѣста, частію по отрывочности, частію по племенной ис-очительности извѣстій о явленіяхъ, происходившихъ къ тому же внѣ пре-ловъ страны Ильменской и всей Россіи. Болѣе подробно пересказаны только ходы Дарія на Скиѳію и Александра Македонскаго въ Индію.

Ближайшіе къ начальной русской лѣтописи вѣка относительно наро-ъ и племенъ, населявшихъ Европу, изучены настолько подробно и об-свѣдѣнія о нихъ настолько извѣстны просвѣщеннымъ сотрудникамъ городскаго Общества, что записка ограничилась лишь краткимъ повто-ремъ изъ прежнихъ научныхъ трудовъ, свѣдѣній, представляющихся имѣю-ми прямое отношеніе къ населенію нашей страны, но недостаточно вы-сненныхъ и нуждающихся въ дополненіи новыми данными.

Вѣка самобытія ввели въ населеніе земли Новгородской отдѣльныя ьи выходцевъ сосѣднихъ земель, обитатели которыхъ хотя составляли ти родоначальнаго корня первозаимщиковъ Европы, но уже за много вѣ-въ предъ тѣмъ обособились и усвоили новые обычаи, заслонившіе праро-тельскіе. Записка останавливается ненадолго и на этихъ народахъ, какъ мившихся съ Новгородцами, повліявшихъ взаимно на бытовыя особенности, стію выразившія впослѣдствіи наклонность возвращенія къ родоначаль-мъ—съ одной стороны, и частію внесшія долю повшества съ другой,—тавливается чтобы намѣтить данныя, могущія устранить навѣянныя ными прежняго направленія народоповѣствовательнаго дѣла воззрѣнія на утствіе, будто бы, среди кореннаго населенія нашей страны, въ далекіе

свѣдѣній и связь ихъ съ таковыми же вѣковъ лѣтописныхъ разсматрив
въ каждомъ отдѣлѣ особо.

Въ первомъ отдѣлѣ всѣ земляныя и крупно-каменныя сооруж
какъ-то: городки, городища, рвы, окопы, сопки—погребальныя, помина
тризновыя и сторожевыя,—вавилоны, каменныя бабы и поля, чашечные кам
проч., сравниваются съ внѣшней и внутренней стороны, то есть по наруж
виду и по захороненнымъ въ нихъ предметамъ, между собою и подмѣча
различіе или и сходство съ соотвѣтствующими извѣстіями писателей д
ности о бытовыхъ и другихъ особенностяхъ разныхъ народцевъ и народ

Относительно сооруженій Ильменскихъ и русскихъ земель прида
значеніе внѣшнему сходству съ азіатскими и преимущественно Сибирск
насколько уясняется имъ вѣроятность частаго и тѣснаго до нѣкоторой
пени общенія между Ильменцами и населеніемъ Сибири, средней и
луденно восточной Азіи, особенно Индіи, съ древнѣйшихъ временъ, а
этого уясненія указываются мѣстности расположенія сходственныхъ со
женій, ведущія большими водяными дорогами: Волхова, Мсты и ея пр
ковъ, притоками Волги и ея самой, Камы, Печоры, побережьями Студе
моря и Ледовитаго, черезъ отроги Уральскаго хребта, и большими рѣк
и горами Сибирскими до Камчатки и Приамурскаго края.

Еще рѣшительнѣе предлагается сходство захороненныхъ въ землян
сооруженіяхъ предметовъ домашняго обихода, погребальной обрядности и т
подобныхъ, хотя большею частію убогихъ, но тѣмъ не менѣе выразит
ныхъ, каковы напримѣръ: ножи, топоры, серпы, сошники и проч.. Соб
ные лично нами въ Новгородѣ на различныхъ глубинахъ и въ сопкахъ, и
же и другими; въ многочисленныхъ могильныхъ насыпяхъ Мерянской зе
изслѣдованныхъ гр. А. С. Уваровымъ и послѣ него, въ области рр. Ен
и Тунгузокъ—сыномъ нашимъ, и въ разныхъ отдаленныхъ одна отъ дру
земляхъ Сибири, а иногда и Срединной Азіи, настолько схожи друг
другомъ, что представляются обработанными въ одной мѣстности и рук
одного кузнеца, или иного ремесленника. Такое же сходство примѣчается и въ
ходкахъ азіатскихъ, шведско-норвежскихъ, верхне-германскихъ и британск

Къ сугубому вниманію приглашаются ожидаемые сотрудники
встрѣчѣ ихъ съ черепами могильныхъ сооруженій, какъ потому, что на
о человѣкѣ и человѣчествѣ, быстро развивающаяся на западѣ, ознакомл
еще сравнительно мало съ этимъ богатствомъ русскихъ могилъ древно
такъ—и главнѣйше—потому, что въ самомъ Новгородѣ и его окрестностя
по могильнымъ сооруженіямъ, собраны нами, а по другимъ Ильменским
русскимъ землямъ старѣйшими сотрудниками учрежденій о древностяхъ,—
рена, отчетливо выступающіе отличительными, установленными наук
черепахъ признаками, какъ кровные сродники каждому ряду черепов
ранныхъ въ Европѣ въ древнихъ могилахъ времени нашихъ вѣковъ зем
ныхъ и крупно-каменныхъ сооруженій; для сравненія предлагаются
ранія черепов: Московскаго Общества естествовѣдѣнія, Академіи Нау
разныхъ ученыхъ и высшихъ научныхъ учрежденій и нашего.

Къ такому же вниманію приглашаются будущіе собиратели остатковъ ...рины и относительно могильныхъ насыпей съ захороненіями остатковъ ...ребенія трупо-сожигательнаго обычая, имѣвшаго широкое распространеніе ...насъ и въ Западной Европѣ, въ земляхъ, на которыхъ сидѣли вѣтви ...лянъ.

Въ высшей степени важное, для изученія предлѣтописныхъ и перволѣ...ныхъ вѣковъ до крещенія Руси, значеніе имѣютъ изысканія о знакахъ ...льменности въ Ильменскихъ земляхъ, предшествовавшей глаголицѣ, кири...цѣ и пермской звуковицѣ св. Стефана. Запискою указываются нѣкоторые ...ды письменъ руническихъ, открытые на камняхъ въ Тверскомъ имѣніи ...ики, на литовскихъ серебряныхъ знакахъ цѣнности и сходство съ ...ндинавскими рунами знаковъ глаголицы и кирилицы, усматриваемое ...которыми степенными знатоками (Филиппъ Бержеръ). Уже давно выска...о предположеніе о биркахъ, еще недавно бывшихъ въ большомъ ходу ...ду неграмотнымъ крестьянскимъ населеніемъ при-Ильменья и областей ...ь, впадающихъ въ Ильмень, Финскій заливъ, въ озера—Ладожское, Онеж...е и Бѣлое, и въ Студеное море. Записка предлагаетъ особенно внима...льно всматриваться въ сходство бирокъ съ насѣчками на святыхъ кам...ъ, съ знаками огамійскими и сибирскими, напечатанными въ ученыхъ ...аніяхъ о путешествіяхъ по землямъ азіатскимъ. Въ нашемъ собраніи ...ется три предмета съ знаками прямо родственными сибирскимъ, изъ нихъ ...найдены на поверхности Юрьевскаго жальника и внутри поминальной ...ъ него сопки—въ боровичскомъ уѣздѣ,—а третій—въ самомъ Нов...родѣ.

По поводу изысканій о рунахъ записка приглашаетъ читателей и зна...ковъ къ объясненію названія древнихъ письменъ рунами. Извѣстно, что ...менцы съ незапамятныхъ временъ занимались выдѣлкою скоры,—т. е. ...ры; созвучное съ этимъ словомъ—скора,—названіе древнѣйшихъ законовъ ...иноземныхъ купцовъ, торговавшихъ съ Новгородомъ и въ Новгородѣ ...ры Новгородскія»—законовъ, писанныхъ на хорошо выдѣланной кожѣ,—...зываетъ на заимствованіе этаго названія изъ нашего говора. Извѣстно ...же, что лѣсные индѣйцы Верхней Америки употребляютъ для своихъ ...ьменъ шкурки небольшихъ животныхъ; а такія шкурки—наше „руно“. ...этомъ же отдѣлѣ отводится мѣсто именамъ селеній, рѣкъ, озеръ и во...ще урочищъ, равно и отличительнымъ признакамъ путеводныхъ земля...хъ насыпей, особенно вдоль водяныхъ дорогъ и поворотовъ на волока ...ду ними, и по самымъ волокамъ, указывающихъ направленіе и удобство ...ти отъ одной рѣки до другой. Вмѣстѣ съ тѣмъ предлагается измѣреніе ...стояній между насыпями, для изысканій и связи этихъ разстояній съ ...леніемъ путевыхъ участковъ Страбоновой Индіи и съ стариннымъ рус...мъ, по Магницкому и по Большому Чертежу.

Какъ отраженіе, въ вѣка древнелѣтописные и Новгородскаго самобытія, ...ки ихъ съ предшествовавшими приводятся, кромѣ сходства обычаевъ, по ...ковости захороненныхъ въ земляныхъ сооруженіяхъ остатковъ, наблю...ы, лично нами дѣлаемыя при раскопкахъ и разрушеніи древнѣйшихъ

храмовъ, надъ слѣдами погребенія членовъ семьи при ихъ жилищѣ, по домами и въ садахъ. Разбираясь въ развалинахъ церковныхъ сооруженій нерѣдко встрѣчали раздробленныя кости человѣка съ признаками долгаго пр бываніе внѣ вліянія воздуха и сырости. Желательно прослѣдить, какъ леко и въ какомъ направленіи распространенъ былъ этотъ обычай. Не нѣе желательно собираніе сосудовъ, въ которые складывались остатки сож женнаго трупа, и сравненіе ихъ съ такъ называемыми голосниками, вмур вавшимися, при каменной складкѣ церкви, въ стѣны, чаще всего вверх открытою стороною внутрь храма, а также сосудовъ поминальныхъ съ содерж щимся въ нихъ. Въ древнихъ Новгородскихъ церквахъ много голосниковъ найденъ нами здѣсь же въ городѣ, на пятомъ аршинѣ глубины отъ повер ности, большой поминальный сосудъ. Очертаніе внѣшности голосниковъ бо шею частію одинаково въ общемъ. Полезно было-бы сравнительное обозр ніе ихъ съ сожигательно-погребальными сосудами нашихъ западныхъ окраин изъ которыхъ извѣстные намъ литовскіе и скандинавскіе, имѣютъ порал тельное, братски-родственное, сходство съ Новгородскими голосниками. Я писка предлагаетъ для изысканій, въ разъясненіи этого сходства, ознакомить съ основательностью, высказываемаго нашими духовными писателями по женія объ установленномъ первыми Новгородскими христіанами обычаѣ в водить храмы и монастыри на жилищахъ и могилахъ своихъ родичей, воспріявшихъ св. крещенія. Нашими наблюденіями въ самомъ Новгор потверждается нѣсколько вѣроятность такого обычая. Быть можетъ найду данныя, по которымъ выяснится наша догадка о появленіи въ стѣнахъ п ковныхъ голосниковъ не для легкости ихъ и сводовъ, и не для усиле звуковъ пѣнія и чтенія, какъ объясняютъ изслѣдователи старинныхъ строекъ, а именно въ силу обычая введенія въ стѣны храма сожигаль погребальныхъ сосудовъ съ остатками трупа некрещеныхъ предковъ х моздателей для ихъ освященія, просвѣщенія и сопричтенія къ христіанам

Къ древнѣйшимъ временамъ этихъ вѣковъ знатоки относятъ круп каменные памятники, имѣющіеся, по нашимъ наблюденіямъ, въ Ильменск землѣ, и извѣстные въ народномъ говорѣ подъ названіями: ноевщины, с мовщины, вавилоновъ, тройниковъ, каменныхъ полей, чашечныхъ и святи камней. Эти памятники представляются порубежными между вѣками пр лѣтописными и предшествовавшими имъ, какъ звѣно связующее тѣ и дру

На этомъ же рубежѣ приходится и почти нетронутый наукою просъ о вѣрованіяхъ славянъ ильменскихъ до крещенія. Перунъ поставл ный на Волховскомъ берегу въ IX вѣкѣ—богъ занесенный сюда княземъ В диміромъ, просвѣтителемъ Россіи; Волосъ, Ладо и другіе—божества чу никогда не имѣвшія почитателей въ Новгородѣ. Для изысканій по эт предмету записка приглашаетъ будущихъ изслѣдователей остановиться отраженіи въ письменныхъ источникахъ особенной живучести древнѣйш вѣрованій: фетишизма, шаманизма, буддизма, поклоненія огню,—по уче Заратушры (Зороастра)—мечу скиѳовъ, землѣ и небеснымъ свѣтил слѣды фетишизма и буддизма, особенно перваго, сохранялись даже XVI вѣкѣ, а вещественныя свидѣтельства другого равно и прочихъ вѣров

сѣяны по Ильменской землѣ во множествѣ; нѣкоторыя собраны нами въ вгородѣ и ближайшихъ окрестностяхъ.

Озерные вѣка страны Ильменской отождествляются запискою съ переными древне-каменнаго къ ново-каменному, а этого къ бронзовому учехъ западной Европы и нашихъ. Крупными и мелкими ископаемыми остатми этихъ вѣковъ наполнены обширныя собранія ученыхъ учрежденій заной Европы, обѣихъ столицъ и многихъ большихъ городовъ Россіи. бенно выдающіеся изъ нихъ и крупные воспроизведены свѣтописью; унки помѣщены во многихъ ученыхъ изданіяхъ.

Какъ вездѣ въ Европѣ, такъ въ Россіи и Ильменской землѣ, находки, осимыя къ ново-каменному вѣку, встрѣчены, въ преобладающемъ большинствѣ, по высокимъ берегамъ морей, озеръ и рѣкъ, въ передвижныхъ кахъ воздушныхъ наносовъ. Въ нашей землѣ точно такія же находки ти всегда оказываются, кромѣ береговъ, на холмахъ, чаще на вершинѣ,— ѣдка и по склонамъ; въ первомъ случаѣ въ передвижныхъ сыпучихъ кахъ,—въ послѣднемъ въ красноватой кирпичной глинѣ частію и частію слоистыхъ пескахъ.

Наблюденія наши въ равнинахъ и низинахъ наиболѣе холмистыхъ стностей, каковы отроги алаунскіе, онежскіе, псковско-эстляндскіе и вскаго лѣса, указали однородность, за весьма немногими исключеніями, нъ, застилающихъ тѣ равнины и низины и покрывающихъ холмы песъ сыпучихъ и слоистыхъ. Въ глинахъ здѣсь мы не видѣли ни разу еватости,—онѣ или вполнѣ однородны во всей толщѣ, въ среднемъ до тъ аршинъ мощности, или,—если низина окружена высокими холмами, расплывчатыми голубоватыми желваками въ глубинѣ; слои песковъ, гдѣ попадаются, не превышаютъ, каждый двухъ вершковъ. Кромѣ того мы людали много обширныхъ равнинъ, поросшихъ лѣсомъ разныхъ породъ и растовъ, и совершенно безлѣсныхъ, то поросшихъ травою, то покрытыхъ омъ, съ окнищами, колеблющимися при прохожденіи человѣка,—а также зеръ съ сплошными трясинами по берегамъ. Эти явленія и вызвали предаемое нами, для дальнѣйшихъ наблюденій, наименованіе новокаменныхъ овъ, общепринятое для Ильменской страны озерными; равнины и низины, осшія, или еще не заросшія лѣсами, представляются намъ застывшими только застывающими озерами.

Нѣкоторые русскіе естествоиспытатели признаютъ за озерные тѣ вѣка, орые слѣдовали сряду за отступленіемъ великаго скандинаво-русскаго ника, какъ его окончаніе, выразившееся въ наполненіи низинъ водами таяньи льдовъ. Нашими наблюденіями въ Коломцахъ и въ Новгородѣ кое объясненіе не подтверждается. Намъ представляются озерные вѣка ступившими послѣ допускаемыхъ наукою для запада Европы межледниыхъ, какъ второе, менѣе суровое, охлажденіе;—наши ученые послѣдняго кени соглашаются только съ возможностью и для Россіи втораго охлажнія, но не открыли еще данныхъ для наличности его, чѣмъ и вызвано запискѣ предложеніе уѣзднымъ сотрудникамъ всматриваться, при распашкѣ и и при другихъ работахъ и случаяхъ, въ напластованія низинъ и въ

обнаженія береговыхъ весеннихъ отлетовъ и рытвинъ въ холмистыхъ м
ностяхъ.

Отечественными изслѣдователями древности установлено, что наши с
ленные предки любили погребать умершихъ и возводить надъ ихъ моги
земляныя сооруженія на возвышенностяхъ, открывающихъ красивые в
Насколько намъ извѣстно, къ Ильменской землѣ это заключеніе може
не относиться, такъ какъ погребальныя сооруженія дѣлались на высо
холмахъ потому, что начало обычая насыпать надъ покойникомъ земл
холмъ, если не всегда, то весьма часто обкладываемый крупными кам
и окружаемый широкимъ и глубокимъ рвомъ, вызвано, по нашему мн
именно въ озерные вѣка необходимостью оберечь трупъ отъ хищныхъ
рей, которыхъ гнала на возвышенности, какъ и людей и травоядныхъ,
заливавшая низины, и которыхъ скоплялось здѣсь весьма много.

Въ Англіи два вида могильныхъ сооруженій, одни продолговатые,
гіе круглые; въ первыхъ встрѣчаются только каменныя издѣлія, а во
рыхъ преобладаютъ бронзовыя. Записка сравниваетъ первыя съ озер
Ильменскими, а вторыя съ предлѣтописными.

Вопросъ о времени откочеванія нѣкоторыхъ ледниковыхъ живот
въ далекія страны и приученія и одомашенія человѣкомъ нѣкоторыхъ
нихъ разрѣшается неопредѣленно. Записка предлагаетъ всматриваться,
изученіи могилъ и жертвенно-тризновыхъ насыпей, въ кости живот
очень часто тамъ находимыя, и сравнивать съ пищевыми остатками
живущихъ, чтобы убѣдиться: не началось ли въ нашихъ земляхъ от
ваніе и приученіе именно въ озерные вѣка;—а при изслѣдованіи город
городищъ, окоповъ и крупно-каменныхъ сооруженій вѣковъ предлѣт
ныхъ—не окажется-ли въ ихъ подробностяхъ какихъ-либо данныхъ,
щихъ объяснить начало городовъ и окоповъ необходимостью защиты о
общества или рода отъ другого, чужого первому, по поселившагося,
страха за потопленіе поднимавшейся водою, по сосѣдству съ нимъ,—
для загона животныхъ съ цѣлью одомашенія. Къ озернымъ же вѣкамъ
къ второму охлажденію Европы, записка относитъ возникновеніе, по э
же побужденіямъ, окоповъ жилищъ.

Къ этимъ же вѣкамъ мы относимъ и первое ознакомленіе перв
ныхъ ильменцевъ съ мѣдью и золотомъ. То населеніе нашей страны,
торое вынуждено было распространеніемъ водъ, во время второго охлаж
двигаться по алаунскимъ отрогамъ въ полночно-восточномъ направл
добралось до Уральскаго хребта и, отыскивая горныя породы для с
издѣлій, напало, или могло напасть, на самородную мѣдь и примѣ
что она не колется, какъ кремень, а только плющится. Орудія, выд
ныя изъ мѣди холоднымъ способомъ, находятъ въ Сибири; они встрѣч
въ половинѣ прошедшаго столѣтія, и въ изобиліи, въ верхней Америк
лѣсныхъ индѣйцевъ *книстено*, *чипиуенъ* и др. (Мякензи). Здѣсь, въ
городѣ, кованье мѣди продолжалось до текущаго столѣтія.

Не будетъ невѣроятнымъ, если предположить, что второе охлаж
охватило и Сибирь; въ этомъ случаѣ позволительно допустить встрѣч

алѣ выходцевъ нашей страны съ обитателями Сибири, знавшими уже къ
залу озерныхъ вѣковъ и золото. Послѣ обратнаго откочеванья, по мино-
іи второго охлажденія, съ Урала и изъ Сибири на старожитныя мѣста
страну Ильменскую, прежніе насельники ея могли принести и знаком-
о съ мѣдью и золотомъ въ нашу землю.

Внесенное въ науку сравнительнаго языкознанія мнѣніе о появленіи
да-то небольшой орды въ счастливыхъ странахъ Инда и Ганга и слѣды
женія урало-алтайцевъ, черезъ Памиры, въ страну Иранскую, а отсюда
востокъ и на западъ—подъ именемъ аріевъ или арійцевъ, относится
нскою къ озернымъ же вѣкамъ, какъ и движеніе изъ полночной Азіи
Верхнюю Америку. Объ этихъ переселеніяхъ имѣются слѣды въ священ-
хъ книгахъ арійцевъ и въ преданіяхъ американскихъ лѣсныхъ индѣй-
ъ и указанія въ первыхъ—на стужу, а въ послѣднихъ—на какой-то злой
одъ, вытѣснившій предковъ индѣйцевъ изъ ихъ страны на западѣ солнца,
также на стужу и мелководное какое-то море (Берингово), черезъ которое
перебирались по льдамъ, островамъ и отмелямъ, испытывая тяжкія ли-
нія отъ холода и голода, пока не достигли страны, которая была покрыта
дью толщею въ ростъ человѣка, гдѣ ихъ предки и основали свои первыя
лища.

Для сравнительнаго изученія череповъ человѣка озерныхъ вѣковъ пред-
гаются найденные граф. С. У. Уваровымъ въ области рѣки Оки, Фатья-
скіе, Суджанскіе, Гамарни, и нашего собранія—изъ Юрьевскаго жаль-
ка и Сибирскіе—каменнаго вѣка, открытые сыномъ нашимъ В. В. Пере-
льскимъ въ области рѣки Енисея и его притоковъ. По поводу отмѣчаемыхъ
льшими знатоками этого предмета отличительныхъ признаковъ на чере-
ъ озерныхъ вѣковъ, найденныхъ въ Россіи, дѣлаются сравненія съ со-
ными въ Западной Европѣ и относимыми къ вѣкамъ новокаменнымъ,
зывается на взаимное всѣхъ ихъ сходство, каковымъ объясняется отно-
ие однихъ къ другимъ, какъ предковъ къ потомкамъ

Послѣдній отдѣлъ второй части отводится вѣкамъ *межледниковымъ*.
зависимости отъ малаго числа собранныхъ объ этихъ вѣкахъ въ Россіи
выхъ, записка останавливается подробно на признакахъ ихъ вообще въ
ропѣ и на изысканіяхъ профессоровъ Докучаева и Полякова около Мурома
вообще въ долинѣ р. Оки;—вызванныхъ находками графа А. С. Уварова
села Барачарова, и Каминскаго у села Гонцовъ на рѣкѣ Удаѣ, въ Дмі-
овской области, хотя строеніе наносовъ Владимірской и Полтавской
мли по внѣшности—особенно второй, и разнится во многомъ отъ наблю-
емыхъ лично вами и другими въ землѣ Ильменской. Тамъ за послѣдній
инъ ледниковыхъ образованій признаются мощныя отложенія желтыхъ
ссковъ и лесса, у насъ же, собственно въ при-Ильменьи, таковымъ
ется сизая, болѣе или менѣе песчанистая, глина,—а отложеніемъ
ерныхъ—вполнѣ отчетливо выраженныхъ, по мнѣнію ученыхъ есте-
въ, только въ земляхъ Велико-Новгородскаго державства первоѣ
вѣковъ,—выставляется песчанистая, буровато красноватая глина,
блемая на выдѣлку кирпича. Мнѣнія естествовѣдовъ о вѣкахъ

выхъ и непосредственно за ними слѣдовавшихъ хотя еще не возросл
устойчивости, особенно по отношенію къ обширной площади Россіи, по
этими вѣками наука начинаетъ изысканія о первонасельникахъ Европ
записка предлагаетъ нѣкоторыя изъ представляющихся наиболѣе пр
обоснованными положеній и явленій, оныя вызвавшихъ. Особенно подробно
водятся данныя, обнаруженныя при устройствѣ новыхъ водяныхъ путей
обходъ озера Ладожскаго и изслѣдованныя профессоромъ А. А. Иностра
вымъ,—равно наблюденія его и Полякова въ области великихъ озеръ на
полуночья;—оба они разсматриваютъ ледниковыя образованія въ связ
встрѣчаемыми въ нихъ остатками человѣка каменнаго вѣка, а А. А.
странцевъ изучалъ, сверхъ того, по особому порученію одного правит
ственнаго учрежденія, вызванному нашими открытіями, строеніе образова
подстилающихъ и прикрывающихъ жилой слой Коломецкаго поселені
залегающихъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Новгорода,—и наши собр
предметовъ каменнаго вѣка, найденныхъ на Коломцахъ, въ самомъ Н
родѣ, его окрестностяхъ и на Юрьевскомъ жальникѣ Боровичскаго уѣз

Придерживаясь мнѣній этихъ и другихъ русскихъ ученыхъ, а т
скандинавскихъ и прочихъ, о земляхъ сосѣднихъ съ Ильменскою, записк
долго останавливается на данныхъ, добытыхъ личными нашими набл
ніями, изысканіями и изслѣдованіями объ отложеніяхъ ледниковыхъ и
ныхъ на Коломцахъ, въ Новгородѣ и окрестностяхъ близкихъ и дальн
Придавая подобающее значеніе строенію и составу напластованій, какъ
болѣе надежному показателю древности вообще, она еще разъ пригла
сотрудниковъ Общества къ наблюденіямъ явленій, обнаруженныхъ на
изысканіями, провѣренными и подтвержденными ученымъ знатокомъ,
береговыхъ отлетахъ и весеннихъ промоинахъ въ холмистыхъ мѣстно
и при глубокихъ раскопкахъ строительныхъ работъ, именно: при ка
условіяхъ въ озерной глинѣ примѣчается залеганіе расплывчатыхъ ж
ковъ блѣдно-голубоватыхъ суглинки и супески,—встрѣчаются ли они посте
по мѣрѣ углубленія отъ дневной поверхности, или ближе къ ней, или на
ротъ;—мѣняетъ ли глина красноватая—озерная, незамѣтно въ началѣ, а за
очевидно и послѣдовательно, свой цвѣтъ на голубоватый и синеватый,
реходятъ ли въ сизый, сливаясь съ послѣднимъ,—или ни постепен
окраски въ сизый цвѣтъ, ни присутствія желваковъ этого цвѣта, болѣе
менѣе блѣднаго, вовсе нѣтъ, а красноватая лежитъ однороднымъ плас
на столь же однородномъ глины сизой; какова толща обоихъ пласто
встрѣчаются ли въ томъ или другомъ валуны, гальки, щебень, небо
плоско-окатанныя девонскія плитки и хрящъ; не замѣчаются ли на гра
непосредственнаго, или почти непосредственнаго налеганія одного плас
другой, прослои песковъ чисто бѣлыхъ, желтоватыхъ и буроватыхъ,
бы самые тонкіе, или прослои растительнаго перегноя. Тѣ же вопросы
лагаются и для другихъ глинъ, лежащихъ подъ сизою, буровато-желез
валунной и сѣрой, болѣе или менѣе темной, имѣющей въ сыромъ вид
неватый оттѣнокъ. Не слѣдовало-бы оставлять безъ наблюденія способ
сизой глины, когда она жирна какъ масло, мѣнять на воздухѣ, часа

а послѣ извлеченія изъ пласта, окраску въ зеленоватый цвѣтъ вялой авы, а затѣмъ принимать, пролежавъ въ жиломъ помѣщеніи больше мѣ- ца и высохнувъ, цвѣтъ блѣдно-розоватый. Полезно также останавливаться а скопленіи валуновъ, гальки, щебня и хряща или окатанныхъ плитокъ ъ сизой и буровато-желѣзистой глинѣ, и на одиночномъ или разрозненмъ ихъ положеніи въ началѣ, или въ срединѣ, или въ концѣ пластовъ; обенно важно всматриваться въ отдѣльно лежащіе небольшіе обломки камня ъ этихъ пластахъ, имѣщіе признаки грубой обработки,—а также въ одичныхъ крупныхъ валунахъ степень окатанности со всѣхъ-же сторонъ или лько съ нѣкоторыхъ. Предлагается также наблюденіе въ отрогахъ алаунской, инляндско-онежской, псковско-эстляндской и прочихъ сплошныхъ возвыенностей толщи ледниковыхъ наносныхъ образованій, отложившихся на ренныхъ горныхъ породахъ, скопленій валуновъ и особенно породъ ихъ,— кже ровныхъ, какъ-бы искусственныхъ, приготовленныхъ для желѣзнорожнаго полотна, валовъ, ихъ вида и направленій и сосѣдства съ рѣми,—грядами валуновъ, или песковъ;—состава, цвѣта и вида послѣдхъ, со стороны остроребернности или окатанности песчинокъ, присутствія юдяныхъ блестокъ и проч. Особенно желательно наблюсти распространеніе зоватыхъ, розовыхъ и темно-красныхъ суглинковъ, песковъ и супески, и ѣздъ печоночно-красной глины, выступающихъ на дневную поверхность. сѣми этими и подобными наблюденіями Общество можетъ содѣйствовать атокамъ ледниковыхъ вѣковъ и вызвать ихъ на такое же содѣйствіе къ сненію самимъ обществомъ вопросовъ, предлагаемыхъ мнѣніями ученыхъ о сплошномъ ледяномъ покровѣ, охватившемъ полуночье Европы и всего араго свѣта одновременно, то неодновременномъ и несплошномъ, съ перывами болѣе или менѣе крупными по мѣстностямъ и по времени. Наюденія въ этомъ направленіи могутъ тѣмъ самымъ собрать данныя и къ гласованію неодинаковыхъ взглядовъ ученыхъ на выраженіе степени охлажнія,—одни признаютъ необыкновенно сильное направленіе стужи, окованное луночье земли ледянымъ покровомъ, толща котораго достигала, подобно перешней Гренландской, до двухъ верстъ;—другіе полагаютъ таяніе льдовъ по снамъ и въ продолженіе лѣтнихъ мѣсяцевъ—ежегодно или черезъ нѣсколько гъ, и видятъ огражденіе въ чрезмѣрномъ изобиліи осадковъ, образовавшихъ глубокіе водоемы, по которымъ, при наступленіи лѣтней теплоты, плали огромныя льдины, разносившія обломки горныхъ породъ, оторванныя дами отъ утесовъ при скатѣ глыбъ во время таянія;—иные, наконецъ— пускаютъ и то и другое мнѣніе, дополняя своимъ—о частотѣ повторенія, ъ теченіе всѣхъ ледниковыхъ вѣковъ, промежутковъ весеннихъ теплыхъ ъ той или другой части полуночья.

Для Ильменской страны важно подробное ознакомленіе со всѣми явленіями ледниковыхъ и озерныхъ вѣковъ, чтобы найти въ нихъ данныя къ ужденію о времени появленія въ земляхъ ея человѣка, жительство котораго яло Ильменско-Волховское побережье и приготовить для рѣшенія вопроса межледниковыхъ вѣкахъ Ильменско-Волховскаго побережья положительнаго и отрицательнаго, прочную почву. Предлагаемое [illegible] опираетъ

на личныя наблюденія и установленное наукою положеніе о дружномъ
ніи отступавшаго въ полночномъ направленіи ледника. Если Коломе
жилой строй прикрылся почти двусаженною толщею озерной глины и
на отложенія ледниковыя, имѣя при этомъ собственную толщу, при
обыкновенной плотности, въ два съ половиною аршина,—значитъ во
то время, которое прожилъ здѣсь человѣкъ, вода Ильменя его не безпок
и не вынуждала откочевывать, хотя-бы по веснамъ, на возвышенности,
противномъ случаѣ остался бы въ толщѣ жилого слоя слѣдъ занятія
водою, въ видѣ прослоекъ глинъ или песковъ; но слой этотъ однород
сверху до низу. Когда же впослѣдствіи наступило водообильное время, си
поднявшее уровень Ильменя, затопившее низменности и грозившее тѣмъ
коломецкому поселенію, жители его покинули насиженное мѣсто. Слѣд
тельно отступленіе ледника опередило заселеніе коломцевъ, какъ опере
оное и тѣ озерные вѣка, которые должны были наступить, въ силу водъ
таянія, сряду за отступленіемъ льдовъ. Человѣкъ сѣлъ на Коломцахъ
тогда, когда уровень Ильменя стоялъ много ниже этого урочища.— Мног
мало-ли времени понадобилось чтобы образовать тамъ значительную то
жилого слоя, но время это было и предшествовало отложенію однород
неслоистой глины. Это-то время и представляется намъ послѣднимъ
теплыхъ промежутковъ вѣковъ великаго скандинаво-русскаго ледника.

Наука о построеніи земной коры, дающая наиболѣе прочныя основ
заключенію о вѣкахъ ея образованій, исчисляемыхъ не годами, а повторен
явленій природы, подчиненныхъ тѣмъ или другимъ законамъ, не опредѣ
еще способа вычисленія времени для тѣхъ образованій поверхности, кот
обусловлены пребываніемъ на ней человѣка, если онѣ еще продолжаютс
а потому и не имѣютъ прикрытія образованіями естественными,—ка
мѣстности занятыя съ незапамятно давнихъ вѣковъ поселеніемъ. Новго
Великій представляетъ одно и, быть можетъ, первое изъ нихъ, по д
ности. Другая наука, о первобытной древности, сдѣлала нѣсколько п
токъ для вычисленія времени, прожитого человѣкомъ въ Европѣ съ пер
или съ самаго древняго, поселенія его здѣсь,—въ годахъ. Хотя ни одна
попытокъ не представляется безусловно основательною, но, тѣмъ не м
не слѣдуетъ пренебрегать ими при мѣстныхъ изысканіяхъ. Одною изъ о
сительно пригодныхъ считается въ настоящее время предложенная швей
скими учеными Морло и Кольманомъ, по приложенію первымъ къ наход
ручья Теньера, а вторымъ—городка Швейцербильда. Попытка эта общ
вѣстна и состоитъ въ измѣреніи глубины захороненія остатковъ древн
годъ или вѣкъ обработки которыхъ руками человѣка устанавливается съ
ностью, каковы серебряные или золотые знаки цѣнности, изданные
извѣстной странѣ и при извѣстномъ правителѣ, и приложеніи числа
измѣренія къ дальнѣйшей глубинѣ, въ которой найденъ предметъ древн
неизвѣстной.

Въ Новгородѣ существуетъ съ половины XI вѣка по Р. Х. Соф
соборъ, полъ котораго, будучи поднимаемъ время отъ времени, даетъ т
разстояніе отъ первоначальнаго, поддающееся точному измѣренію. Отъ

ученія естествовѣдовъ о распространеніи ледяной коры отъ разныхъ нача
ныхъ мѣстъ и въ разныхъ, хотя и не особенно многихъ, направленія
по закону Треска о расползаніи твердыхъ тѣлъ при давленіи сверху с
ственной ихъ тяжестью, подобно тому какъ расползается вываленное на сто
тѣсто;—равно въ зависимости, отъ направленія бороздъ и царапинъ ост
ленныхъ поступательнымъ движеніемъ ледника на твердыхъ породахъ Тима
и Урала, покрайней мѣрѣ въ мѣстности наибольшаго скопленія костей м
монта и носорога въ европейскихъ и азіатскихъ отрогахъ граничнаго хреб
и нѣкоторой вѣроятности занесенія замороженныхъ въ льдахъ труповъ ихъ, п
расползаніи и распространеніи во время таянія ледника, порывистымъ те
ніемъ водъ по рѣчнымъ доламъ Европы, и наконецъ—питанія замороженны
мясомъ великановъ, когда трупы ихъ осыхали на отмеляхъ, въ за
рахъ и затонахъ человѣкомъ конца ледниковыхъ временъ,—но, тѣмъ не м
нѣе записка останавливается на этомъ предметѣ на долго, повторяя собра
ныя и объясняемыя въ ученыхъ трудахъ объ остаткахъ мамонта, носор
и ихъ современниковъ свѣдѣнія, и приводя подробности объ условіяхъ н
ходки костяковъ толстокожихъ, въ самомъ Новгородѣ и поблизости, хра
щихся въ лично нашемъ собраніи.

Въ Коломцахъ, уже десять лѣтъ раскапываемыхъ нами, не найд
костей великановъ, но отсутствіе ихъ не лишаетъ изучаемой мѣстности г.
бокой древности ея жилого слоя; въ Швейцаріи недавно открыто, близь Шв
цербильда, залеганіе остатковъ древне-каменнаго вѣка, между которыми та
не найдено костей мамонта и носорога,—потому, какъ объясняютъ знато
что первобытный европеецъ поселился тамъ въ тѣ отдаленные вѣка, к
почва не успѣла еще дать обилія травъ и лѣсовъ, необходимаго, будто-
для питанія великановъ.

Прочно-ли ученіе о значеніи костей толстокожихъ травоядныхъ въ тр
дахъ по изысканіямъ о первобытныхъ древностяхъ, нѣтъ-ли, записка пр
лагаетъ осторожность и тщательность въ описаніи всей обстановки захо
ненія ихъ: разстояніе отъ рѣкъ и озеръ, какъ живыхъ, такъ и осохши
истокъ и направленіе первыхъ, холмистость или равнинность мѣстнос
образованія захороненія, подстилающія пластъ находки и его покрывающ
горныя породы обоихъ, цвѣтъ и видъ песковъ, совмѣстность костей друг
животныхъ, куски колотаго камня, похожія на издѣлія человѣка, уголь,
ломки посуды и проч.

Исходя изъ значенія остатковъ вымершихъ животныхъ, ученые п
даютъ особую цѣнность совмѣстности захороненія съ ними костей человѣ
До сихъ поръ такая совмѣстность найдена въ горныхъ береговыхъ пе
рахъ Западной Европы. Въ Ильменской странѣ древнѣйшихъ границъ,
берегамъ Печоры, Камы и другихъ огромныхъ рѣкъ весьма много есте
венныхъ пещеръ, есть между ними и такія, на высокихъ скалахъ, въ
торыя теперь и не пробраться. Новгородскому Обществу дальнія земли
настоящее время не подручны; хотя весьма слабое изученіе пещеръ не
жетъ не манить къ ихъ изслѣдованію, но для начальной работы достато
изложенія однихъ лишь свѣдѣній, собранныхъ о нихъ разновременно,—к
рыя и приводятся запискою.

Кромѣ отдаленныхъ земель пещеры имѣются и поблизости, въ отро-
хъ возвышенностей Ильменской котловины, извѣстныя обитателямъ посел-
въ, преимущественно охотникамъ на звѣря и кладоискателямъ, а также
отрогахъ Онежскихъ, въ уѣздахъ Тихвинскомъ, Бѣлозерскомъ и Кирил-
вскомъ. Немало также слѣдовъ обрушившихся пещеръ въ крутыхъ пес-
ныхъ берегахъ, по рѣкамъ и озерамъ водныхъ областей Мсты, Ловати,
елони и др. Свѣдѣнія объ этихъ пещерахъ еще болѣе скудны и сбивчивы,
-таки ими не слѣдовало-бы пренебрегать просвѣщеннымъ жителямъ уѣз-
ъ; сосѣдніе обитатели находятъ тамъ, хотя и нечасто, кое-какіе остатки
меннаго вѣка, сходные съ межледниковыми; особенно часто встрѣчаются съ
ими находками по берегамъ озеръ верховья Волги.

Высказывая сомнѣнія объ одновременномъ проживаніи въ Европѣ чело-
ка и мамонта, и различая совмѣстность захороненія костей послѣдняго съ
дѣлками человѣка неодинаковую въ пещерахъ и внѣ ихъ, записка раз-
лаетъ подѣлки на разовыя, въ видѣ грубыхъ остроребернымъ осколковъ,
на предназначенныя для постояннаго употребленія. Первыя изготовлялись
мѣстѣ осохшаго трупа и бросались сряду послѣ исполненнаго ими на-
ченія—отрѣзать куски мерзлаго мяса и раскалывать кости, тутъ же, а
угія сохранялись въ постоянномъ или продолжительномъ помѣщеніи чело-
ка и служили ему долго. Эти послѣднія и по виду и по тщательности
работки одинаковы съ находимыми въ пещерахъ же, или внѣ ихъ, на хол-
хъ и береговыхъ стоянкахъ новокаменнаго и даже бронзоваго вѣка.

На Коломцахъ и въ Новгородѣ, а также и въ другихъ мѣстахъ Иль-
ской земли, собраны и грубыя и изящныя подѣлки,—независимо отъ сов-
стности захороненія съ костями вымершихъ животныхъ великановъ. Тоже
ое примѣчено въ Даніи, въ Швеціи,—вообще въ полночно-западныхъ зем-
хъ Европы. Записка приводитъ о нихъ довольно подробныя свѣдѣнія—для
внительнаго изученія и составленія свода.

Еще недавно изслѣдователи каменнаго вѣка заключали о древности
лій человѣка по веществу и способу ихъ обработки; изготовляемые изъ
мня, кварца, обсидіана и другихъ твердыхъ горныхъ породъ отбивкою,
колотыя, хотя и подправленныя старательно устраненіемъ неровностей
кою отбивкою же,—считали болѣе древними; отбивныя же, по сверхъ
о весьма гладко до блеска оточенныя изъ породъ такихъ же твердыхъ и
угихъ, менѣе твердыхъ, а также изъ кости и рога, и снабженыя для при-
ки къ поясу, или вообще къ одеждѣ, своеобразными, на подобіе воронки
обѣихъ сторонъ, сверлинами—менѣе древними; крупныя, наконецъ, по-
лки изъ гранита, діорита, сланцевъ и другихъ породъ, приспособленныя
къ рубила, топоры, клинья,—съ трубчатыми сверлинами для насадки на
ковять, оточенныя также совершенно, какъ это дѣлаютъ и теперь,—къ
ему концу каменнаго и къ началу бронзоваго вѣка. Показатель костей
отныхъ введенъ послѣ.

Нѣкоторые ученые возстали противъ пригодности внѣшности, вещества
обработки подѣлокъ для опредѣленія ихъ относительной древности. Изъ
скихъ первымъ и рѣшительнымъ противникомъ этого пріема выступилъ

А. А. Иностранцевъ въ своемъ изслѣдованіи Ладожанина каменнаго
онъ поставилъ зависимость обработки отъ обилія горныхъ породъ и к
на глазахъ человѣка и отъ легкости приспособленія изъ нихъ подходя
къ нуждѣ подѣлокъ; въ полуденномъ побережьи Ладожскаго озера нѣтъ кре
но много сланцевъ и костей, потому человѣкъ и не обработывалъ о
изъ кремня отбивкою.—Еще и теперь ученые старовѣры придержива
особенно во Франціи, прежняго пріема.

Въ Коломцахъ нами собрано весьма много подѣлокъ кремневых
костяныхъ,—менѣе роговыхъ и обработанныхъ изъ породъ сравните
мягкихъ, сланцевъ, діоритовъ, гранитовъ, шифера и др. Всѣ кремн
приготовлены отбивкою, отъ грубаго откола до тщательной обработк
костяныя и роговыя—отъ едва тронутыхъ устраненіемъ неровностей
превосходно оточенныхъ;—сланцевыя и другія—всѣ оточены или спол
кругомъ, или только наострены въ одномъ концѣ;—воронкообразными
линами снабженныхъ весьма мало, только костяныя и почти исключите
мелкія изъ мягкихъ породъ;—кремневыхъ—ни одной; изъ крупныхъ
діоритовая имѣетъ сверлину, выдолбленную грубо и негладкую.

Въ Новгородѣ и окрестностяхъ найдены крупныя рубящія и другі
дѣлки изъ менѣе мягкихъ и сланцевыхъ породъ, съ сверлинами тр
тыми,—гладкими внутри,—сперва выдолбленными, а потомъ оточен
неровно,—и съ обыкновенными воронкообразными; кремневыхъ отбив
здѣсь найдено весьма немного.

Знакомство съ добываніемъ и сохраненіемъ огня относятъ не къ
вымъ временамъ появленія человѣка на землѣ и даже въ Европѣ, осн
ваясь на находкахъ грубѣйшихъ его издѣлій, захороненныхъ вмѣстѣ
разбитыми костями мамонта, но при отсутствіи угля. Между тѣмъ въ
щерахъ встрѣчаютъ и хорошія отбивныя кремневыя, и оточенныя кост
подѣлки, и цѣлые очаги съ углями и золою и кости вымершихъ вел
новъ, такъ что можно утверждать о весьма раннемъ знакомствѣ челов
покрайней мѣрѣ европейца, съ огнемъ, безъ котораго ему и невозможн
пережить хотя-бы и послѣднія времена ледниковыхъ вѣковъ.

Изобрѣтеніе глинодѣлія считалось еще очень недавно зародившимс
ново-каменный вѣкъ, но находка черепковъ посуды въ пещерахъ съ ма
товыми остатками ослабила и это мнѣніе.

Въ Коломцахъ найдено много угля и плитокъ, сложенныхъ для
говъ, собрано огромное число обломковъ глиняныхъ издѣлій, обрабо
ныхъ не менѣе какъ изъ пяти видовъ глины и украшенныхъ разноо
ными и часто прекрасно выдуманными узорами. Въ Новгородѣ узорча
черепковъ найдено всего одинъ; но грубыхъ сосудовъ, сдѣланныхъ отъ р
безъ помощи гончарнаго колеса, нами собрано нѣсколько образцовъ,—осо
на днѣ Волхова, въ грязно-илистомъ слоѣ. Глубокихъ раскопокъ съ
ною цѣлью здѣсь еще не производилось, такъ что нѣтъ основаній ни у
ждать, ни отрицать захороненіе на большой глубинѣ обилія такихъ
какъ и въ Коломцахъ, остатковъ древностей каменнаго вѣка.

Ученые говорятъ, что одновременно съ мамонтомъ, предполагаемымъ не-
учнымъ его спутникомъ, густошерстнымъ носорогомъ, и первобытнымъ
вѣкомъ жили крупные травоядные и хищники, кости которыхъ находятъ
ледниковыхъ наносахъ въ Европѣ и считаютъ, что всѣ они бродили по
лѣсамъ и равнинамъ и залегали пещеры, норы и логовища. Огромные
и, лось, олень, кабанъ, боберъ, тигръ, медвѣдь, гіена и многіе мелкіе
ники и грызуны пережили большими вѣками мамонта и носорога; слонъ,
стокожій носорогъ, бегемотъ, пещерный медвѣдь, плоскозубый махайро-
ъ—ушли изъ Европы,—говорятъ ученые—вскорѣ послѣ мамонта и его
арища; позднѣе ихъ откочевали изъ срединныхъ и полуденно-восточныхъ
олуденно-западныхъ частей ея, то къ полночи, то къ востоку и полдню,
ь, лось, кабанъ, боберъ, крупные быки, кромѣ только зубра, оберегае-
о въ Бѣловѣжской пущѣ.

Изъ рыбъ и птицъ многія тоже вымерли, или удалились, или измель-
и. Для Ильменской земли имѣютъ значеніе крупные сомы, щуки и налимы.

Въ науку о первобытной древности введены, какъ ея показатели, соб-
ныя и собираемыя свѣдѣнія объ остаткахъ животныхъ, захоронившихся
подѣлками человѣка, въ видѣ отбросовъ его питанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ уста-
ливается—прирученіе и одомашеніе нѣкоторыхъ животныхъ, до нашихъ
й помогающихъ благосостоянію человѣка. Вымераніе и удаленіе животныхъ
писывается—то измѣненію воздушныхъ явленій, особенно теплоты и
жи, то уменьшенію растительности, то истребленію ихъ человѣкомъ.

Въ земляхъ Ильменскихъ Европы и Азіи, кромѣ остатковъ вымершихъ
отныхъ, собраны и принадлежащія удалившимся; нѣкоторые же виды,
но не встрѣчаемые въ западной и полуденно-западной Европѣ—живутъ
е въ нашемъ полуночьи; особенно многочисленны стада оленя.

Въ Коломцахъ нами собрано много остатковъ костей животныхъ; опре-
ены же далеко не всѣ. Преобладаніе принадлежитъ лосю, волку, кабану,
вѣдю и мелкимъ хищникамъ: лисицѣ, куницѣ и соболю; немало остат-
ъ огромнаго быка, бобра и выдры; попадаются зубы крупныхъ хищни-
ъ, похожіе на тигровые; птичьихъ костей немного; изъ рыбьихъ осо-
но примѣтны позвонки сома;—самый большой имѣетъ въ поперечникѣ
ти полтора вершка. На костяхъ невидно слѣдовъ собачьихъ зубовъ; не най-
о костей лошади; но въ наплывѣ, поверхъ смытой части жилого слоя, въ
омцахъ встрѣчаются зубы лошади, очень крупные. Въ Новгородѣ выко-
ъ черепъ огромнаго плосколобаго быка, собственно верхняя часть, съ яс-
ми знаками смертельныхъ ударовъ, нанесенныхъ тяжелымъ орудіемъ съ
ладкою поверхностью; найденъ кусокъ бивня мамонта, съ грубымъ прис-
обленіемъ на какое-то орудіе, и весь бивень, не особенно большой. Въ ок-
стностяхъ найдено два зуба, разныхъ, по возрасту, особей и кусокъ ребра
ого великана.

Все до сихъ поръ сказанное о Коломецкихъ и Новгородскихъ находкахъ
е извѣстно изъ изысканій въ другихъ мѣстностяхъ полуночья Ильмен-
й земли, вообще Россіи и Европы, и не внесетъ въ ожидаемый сводъ
ыхъ, для науки о человѣкѣ вообще, данныхъ. Но нами открыты и другія,
буюшія дальнѣйшихъ изысканій и изученія, какъ представляющіяся особо

выдающимися и имѣющими вѣское значеніе въ вопросѣ о нашемъ
вепію родоначаліи и первобытіи прародителей славянъ Ильменскихъ.

Нашими раскопками въ Коломцахъ и наблюденіями въ Новгородѣ
окрестностяхъ, обнаружены слѣдующія данныя.

1) Весьма низкое стояніе Ильменско-Волховскаго уровня—во врем
бытія на побережье его первозаимщиковъ, послѣ минованія втораго о
денія, въ озерные вѣка,—въ предлѣтописные и перволѣтописные,
существовалъ уже черезъ Волховъ мостъ на мѣстѣ нынѣшняго; изъ
слѣдуетъ, что окрестности Новгорода заболотились не особенно да
стало быть и сношенія съ нимъ, какъ срединою тяготѣнія, сосѣдей не
затруднительны.

2) Каждый разъ послѣ отложенія ледникомъ глинъ: синевато-
буро-красноватой, сизой и кирпичной—озерной, Ильмень и Волховъ при
сильно понижались, а глины осыхали. Напряженія теплоты во времен
ниженія уровня водъ были сильны и продолжительны, по крайней
послѣ отложенія валунныхъ глинъ—буро-красноватой и сизой; въ первой
зовались трещины шириною на поверхности въ аршинъ, а глубиною
сажени; осохшая площадь ея, повидимому, была покрыта растительност
притомъ настолько густою, что сизая глина, отложившая поверхъ буро-к
ватой при послѣдующемъ водообиліи, не могла разжидить послѣдней
ей сизую или блѣдно-голубую окраску на границѣ налеганія, покр
мѣрѣ на разстояніи саженей ста двадцати отъ берега Волхова, подв
щагося въ наблюденной мѣстности надъ теперешнимъ уровнемъ рѣ
меньше трехъ саженъ.

3) На поверхности буро-красноватой валунной глины, въ Нов
нами лично найденъ предметъ, изъ девонскаго песчаника, близко сход
точильными камнями, часто встрѣчающимися на Коломцахъ; одинъ к
ребро, сточенъ какъ и у нынѣшнихъ брусковъ, дугообразно, а на пл
сторонахъ явственны темныя пятна, какъ-бы пригарныя.

4) Въ числѣ горныхъ породъ, изъ которыхъ обработаны п
человѣка, имѣются, кромѣ мѣстныхъ, печорскія, урало-алтайскія и сиб
ледовитаго побережья, каковы: доманикъ, яшма, сердоликъ, красный
и слюда,—а въ отдѣльныхъ кускахъ—асбестъ и лидійскій камень.

5) Узоръ многочисленныхъ обломковъ глиняной посуды, обрабо
прекрасно, хотя и безъ помощи колеса, и обожженой, имѣя въ преобл
щемъ большинствѣ образцовъ близкое сходство со всѣми—другихъ м
стей, представляетъ и своеобразное, повидимому мѣстное, изобрѣте
многихъ образцахъ, и, на десяткѣ слишкомъ черепковъ, особенно дос
вниманія. Узоръ этотъ прямо бросается въ глаза своею исключительн
онъ повторяется одинъ только разъ на черепкѣ собранія А. А. Ино
цева изъ Ладожскаго побережья и на двухъ черепкахъ, найденныхъ
Передольскимъ на берегу рѣки Маны, притока Енисея, недалеко, ве
въ сорока, отъ Красноярска.

Замѣтимъ здѣсь, что слюда, въ маленькихъ тонкихъ лепестка
асбестъ,—въ незначительныхъ кусочкахъ, могутъ быть относимы, х

тяжкой, къ породамъ мѣстнымъ; къ балтійскимъ же пескамъ и къ
ѣировью относятъ нѣкоторые ученые и красный янтарь, но лишь пред-
кительно, не имѣя подкрѣпленій вещественными доказательствами.
у тѣмъ коренное залеганіе каплевидныхъ желваковъ краснаго, точно
о же цвѣта какъ Коломецкій, янтаря установлено, наличностью образ-
для области Енисея нижняго теченія, на шестьсотъ верстъ полночнѣе
ханска,—устьевъ большихъ Сибирскихъ рѣкъ, впадающихъ въ Ледовитое
и для острова Сахалина. В. В. Передольскій самолично нашелъ на
у Верхней Тунгузки образецъ тамошняго краснаго янтаря и узналъ,
мѣстные инородцы и русскіе называютъ его землянымъ ладаномъ и
уются какъ благовоннымъ куреніемъ. Слюда, въ образцахъ точно такихъ
акъ Коломецкій, съ сверлинкою, не найдена еще нигдѣ въ Европѣ, по
а обыкновенна, и притомъ въ пластинахъ одинаковыхъ съ нашими и
змѣрамъ, въ древнѣйшихъ земляныхъ сооруженіяхъ каменнаго вѣка въ
чно-западной сторонѣ Верхней Америки (Лёббокъ).

6) Въ Коломцахъ, въ срединѣ толщи жилого слоя, а въ Новгородѣ въ
ъ низу ея, почти уже на сизой глинѣ, собрано нѣсколько естествен
колецъ изъ опоковъ (такъ здѣсь, въ Ледовитомъ побережьи и въ
и называютъ окатанныя водою плитки девонскихъ известняковъ) слегка
авленныхъ человѣкомъ для выравниванья, и тонкихъ круглыхъ плитокъ,
нѣсколько обработанныхъ. Въ Новгородѣ круглыхъ плитокъ найдено
двѣ съ сверлиною въ срединѣ, а третья расчерчена, какъ будто для
ѣленія средины, но не просверлена. Подобные предметы, хотя и не
ковыхъ съ нашими размѣровъ, найдены въ полуночьи Ильменской
; но точно такія же, какъ Новгородскія, плитки получены при раскоп-
близъ Иркутска въ Сибири и въ Датскихъ кучахъ съѣдобныхъ отбро-
(рисунки въ Археол. Россіи гр. Уварова, ч. II, листъ 2, № 3336 и
и въ Сѣверныхъ Древностяхъ Ворсо, листъ 18, № 86). Укажемъ
и на весьма близкое сходство костяной подѣлки, въ видѣ гребня съ
разставленными зубьями, найденной въ одной изъ пещеръ побережья
Байкала, въ Сибири, на устьи рѣки Селенги, съ такою же, въ
мъ, взятою изъ датскихъ кучъ отбросовъ (рисунки въ I ч. Археолог.
и стр. 203 и у Ворсо на стр. 17, № 82).

7) Въ Новгородѣ, близъ Волхова, на обѣихъ сторонахъ, выкопано,
подъ жилымъ слоемъ, въ затоптанной сизой глинѣ, нѣсколько голен-
костей коровы (?); выдающіяся къ выгнутой сторонѣ части сочлено-
головокъ, и бугры стороны противоположной, сколоты, такъ что кость
чила видъ слабо изогнутой дуги; самая крутизна выпуклости гладко
а Все приспособленіе костей подсказываетъ ихъ назначеніе, соотвѣт-
ющее нынѣшнимъ лыжамъ и конькамъ. Одинъ изъ осматривавшихъ
собранія, Бессарабскій уроженецъ, сообщилъ намъ, что тамъ, въ Бес-
ніи, до сихъ поръ бѣгаютъ на приспособленныхъ подобнымъ же обра-
костяхъ, по льду, еще не занесенному снѣгомъ, и по насту.

8) Въ Коломцахъ занимаютъ почти всю средину толщи жилого слоя
ныя кучи обломковъ прѣсноводныхъ раковинъ, слежавшіеся плотно;

тутъ собрано наибольшее число издѣлій человѣка, особенно изъ кремн
кости. Едва ли эти кучи образовались изъ пищевыхъ отбросовъ, какъ
скія; ближе къ правдѣ объяснять происхожденіе ихъ выливаніемъ жидк
и выкидываніемъ всякаго сора, получаемыхъ при выдѣлкѣ скоры; для ду
нія кожи употребляется и теперь, какъ важное квасильное подспорье,
весть; прѣсноводныя же раковины построены именно изъ этого вещес
Великое множество скребковъ собранныхъ тутъ, въ раковинныхъ кучах
вездѣ въ жиломъ слоѣ, можетъ подтвердить наше объясненіе; менѣе зн
тельныя кучки, въ видѣ тонкихъ прослоекъ, оказались въ Новгородѣ,
копаньи рва для основанія памятника тысячелѣтія Россіи, на плоп
Дѣтинца; такіе же тонкіе прослои и мы наблюдали въ Дѣтинцѣ же, м
обыденнымъ храмомъ св. Андрея Стратилата и стѣною каменнаго город
въ полуверстѣ отъ города, на востокъ отъ Молоткова, на небольшомъ х
Сокольемъ, гдѣ былъ Сокольницкій монастырь.

9) Слѣдовъ дерева и указаній на ямы, какъ приспособленія для
лища, вовсе не примѣчается въ Коломцахъ; одинъ только разъ нашли
раковинной кучѣ, неразложившіеся куски древесной коры, должно быть д
вой, пригодной для кожедѣловъ. Въ Новгородѣ открыты на полуденной
нечности, гдѣ лѣтописный холмъ „Живогложій"—недалеко отъ пра
берега Волхова, огорѣлые остатки деревянныхъ построекъ, въ которыя
рѣдка употреблялись дубовые кряжи и доски. Хотя эти остатки лежат
сизой глинѣ, и прикрыты почти двухсаженною толщею жилого слоя, и
въ нихъ и около нихъ найдены предметы каменнаго вѣка, но, судя
рубкѣ построекъ при помощи широкаго и остраго топора, опасно прип
вать имъ глубочайшую древность каменнаго вѣка. По степени обуг
дуба и средѣ захороненія знатоки дѣлаютъ приблизительное опредѣ
времени погребенія и пребыванія его въ землѣ;—въ этихъ видахъ нам
бираются образцы дуба, находимаго во многихъ мѣстахъ города на ра
ныхъ глубинахъ.

10) Въ Коломцахъ найдены: въ наплывѣ, прикрывающемъ ост
части снесеннаго водою жилого слоя—обломокъ весьма грубаго, изъ с
обожженной глины, изваянія человѣка, безъ головы и конечностей;
отбиты по плечи, а ноги—нѣсколько выше колѣнъ;—въ самомъ жи
слоѣ, почти на срединѣ всей толщи, оказалась вырѣзанная изъ пл
кости головка человѣка съ лицомъ весьма узкимъ и съ непомѣрно длин
носомъ; глаза не скошены; на мѣстѣ шеи слѣды излома; на тыльной
ронѣ остатокъ ушка, выдѣланнаго изъ оттянутаго куска той же к
Вѣроятно эта голова отломилась отъ изваянія всего человѣка, служив
для ношенія на шеѣ, или на груди, либо для украшенія, либо какъ
щенный предметъ.—Насколько намъ извѣстно, подобные же находки в
чены при раскопкахъ въ Костромской землѣ,—но не въ тѣхъ плас
что на Коломцахъ.

Изъ всѣхъ Коломецкихъ, Новгородскихъ и окрестныхъ находокъ к
наго вѣка выступаютъ впередъ и занимаютъ видное мѣсто въ первобыт
древностяхъ не только Россіи, но и цѣлой Европы, черепа и другія
костяка человѣка. Подробностямъ о нихъ отводится въ запискѣ отдѣ

тья. Значительная доля свѣдѣній по этому предмету, равно описаніе и ясненія всѣхъ видовъ нашихъ собраній каменнаго вѣка, изложены въ шей книгѣ „Бытовые остатки насельниковъ Ильменско-Волховскаго побе-ья и земель Велико-Новгородскаго державства каменнаго вѣка (СПБургъ 93 г.). Въ запискѣ приводятся подробности и многія дополнительныя, явившіяся за послѣдніе пять лѣтъ, свѣдѣнія для сравнительнаго изученія ѣхъ двадцати череповъ нашего собранія каменнаго вѣка, межледниковыхъ, рныхъ и сибирскихъ, въ связи съ четырьмя стами найденныхъ въ са-мъ Новгородѣ.

Общій обзоръ и простыя, малыя, измѣренія всѣхъ череповъ нашего со-вія, даютъ: во первыхъ,—въ черепахъ каменнаго вѣка, девяти Коломец-ъ, одного Волховского и шести полныхъ и двухъ неполныхъ, Юрьев-хъ,—представителей иберійскихъ, ликурійскихъ, баскскихъ, кельтскихъ другихъ видовъ, собранныхъ въ западной Европѣ, съ преобладаніемъ выхъ; и во вторыхъ—въ Новгородскихъ, захороненія предлѣтописныхъ перволѣтописныхъ вѣковъ, повтореніе череповъ каменнаго вѣка десят-и; нѣкоторые же изъ нихъ имѣютъ болѣе ясно выраженные признаки такихъ овъ, какъ неандертальскій, энгизскій, рудстонскій, коуламскій, борребій-й и другіе.

Прочія части костяковъ каменнаго вѣка даютъ, несомнѣнные признаки ществованія на Коломцахъ трупосъѣданія—во первыхъ—съ цѣлью только анія—въ самомъ началѣ жизни человѣка на Коломцахъ,—что подсказываетъ бросанность костей, по одной, но безъ слѣдовъ зубовъ звѣрей;—и во рыхъ—трупосъѣданія, вызваннаго вѣрою въ возможность унаслѣдовать, ѣдая покойника, его качества и дать наилучшее погребеніе его тѣлу—отражается—или въ захороненіи всѣхъ частей костяка въ одной ямѣ, чемъ эти части располагались въ одинаковомъ всегда порядкѣ, съ чере-мъ вверху,—или въ круговомъ размѣщеніи всѣхъ ихъ около черепа, чками. Въ обоихъ случаяхъ на обломкахъ длинныхъ костей имѣются перечныя насѣчки надъ изломами.

Въ трудахъ Н. Е. Бранденбурга приводятся случаи встрѣчи въ могиль-ныхъ сооруженіяхъ по Волхову и въ при-Ладожьи, съ обломками костей овѣка, внѣшній видъ которыхъ вызвалъ предположеніе изслѣдователя о ществованіи и тамъ обычая трупосъѣданія.

По этимъ основаніямъ будущіе сотрудники народоповѣствовательнаго а приглашаются къ особому вниманію при разсмотрѣніи костей человѣка внѣйшихъ захороненій, если онѣ попадаются не цѣльными, по одиночкѣ, если не имѣется поводовъ считать позднѣйшей разбросанности ихъ хищ-ми звѣрями, или кладоискателями могильныхъ сооруженій.

Хотя конечная цѣль записки—послужить составленію въ будущемъ да данныхъ, ожидаемыхъ наукою о человѣкѣ и человѣчествѣ,—но, чтобы едположительно намѣтить взаимную послѣдовательность и связь между нообразными и разновременными остатками старины, наводящими на пути направленія изысканій, мы дѣлаемъ выводы и заключенія въ разныхъ стахъ и по окончаніи каждаго отдѣла, изъ приведенныхъ данныхъ.

Въ концѣ записки перечисляются, въ сжатомъ видѣ, всѣ ея данныя, и гается общій выводъ изъ содержанія, слѣдующій приблизительно:

По миновании на Ильменско-Волховскомъ побережьи послѣдняг наиболѣе сильныхъ, напряженія стужи вѣковъ великаго скандинаво-ру ледника, и послѣ того, какъ низины осохли, рѣки и озера убрал воды—одни въ промытыя бурнымъ теченіемъ жерла, другія въ глубокі ловины,—а земля покрылась растительностью, давшею пріютъ нѣкоторы особенно крупнымъ травояднымъ, грызунамъ и мелкимъ хищникамъ,—на побережьи появился обширною ордою человѣкъ, съ выработанными уже нач общежитія и раздѣленія труда, съ высокимъ, сравнительно, искусствомъ ботки, посредствомъ отбивки, кремня, отачиванія кости и мягкаго камня дѣлки узорчатыхъ глиняныхъ сосудовъ и мелкихъ предметовъ для укра человѣкъ этотъ принесъ съ собою, то въ изготовленныхъ ранѣе издѣ то въ кускахъ, горныя породы печорскія, уральскія, альтайскія и, ними, красный янтарь, залегающій въ низовьяхъ и устьяхъ Сибир рѣкъ у Ледовитаго моря. Облюбовавъ наше побережье, первозаимщикъ ур Коломцовъ, мѣстности Славенскаго Холма, предлѣтописнаго, лѣтопис нынѣшняго Новгорода и другихъ возвышенныхъ береговыхъ кряжей, н жалъ здѣсь развиваться, выдумавъ даже, еще на Коломцахъ, зачатки Къ первоначальной ордѣ прибывали другія и, судя по черепамъ, племенныя. Застигнутый, затѣмъ, вновь наступившимъ охлажденіемъ и угрожаемый водообиліемъ, человѣкъ покинулъ Коломцы,—а, вѣроя другіе невысокіе береговые кряжи, перебравшись частію на ближайш вышенности, частію откочевывая, по мѣрѣ подъема водъ, въ разныя ст по береговымъ кряжамъ и по горамъ; Славенскаго же Холма челов покидалъ, переживъ тутъ водообильные вѣка и сдѣлавъ свою осѣдлост диною тяготѣнія для сосѣдей, какъ потомковъ одного съ нимъ корня и другихъ инородныхъ и иноплеменныхъ находниковъ. Человѣкъ этот множаясь и развиваясь здѣсь много вѣковъ, объявился на зарѣ нач русской лѣтописи съ именемъ Ильменскаго Славянства и заложилъ основы государственнаго строя Россіи.

Конечный выводъ нашей записки покажется, можетъ быть, людямъ не вмѣру смѣлымъ; пусть такъ:—но крайніе взгляды и мнѣнія вырабаты ту золотую средину, которая дорога вездѣ и во всемъ. Мы пришли воду по извѣданной нами почвѣ и высказываемъ заключенія изъ сопо ленія собранныхъ на ней данныхъ съ научными положеніями. Записка предлагается всѣмъ вообще почитателямъ родной старины, для мѣс изысканій; найдены-ли будутъ ими подтвержденія или отрицанія наши ключеній, въ обоихъ случаяхъ записка достигнетъ цѣли; рано-ли, поздн золотая средина скажется; и появленіе ея будетъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ о придутъ на помощь Новгородскому Обществу люди науки—передовы ставители мірской силы, хотя-бы то были самые безпощадные пори изложенія записки, лишь-бы не изъ тѣхъ „которые считаютъ голос цаніе верхомъ научнаго остроумія“.

Къ второй части необходимѣе, чѣмъ въ первой, приложеніе рисунковъ, ія въ ограниченномъ числѣ образцовъ, предметовъ старины и череповъ ювѣка. Изданные разными учрежденіями труды съ прекрасными рисун-ми слишкомъ дороги для книго-хранилищъ общественныхъ и въ большихъ одахъ, а особенно для принадлежащихъ просвѣщеннымъ жителямъ уѣз-ъ, если они не занимаются предпочтительно изученіемъ древностей; безъ унковъ же записка—какъ безъ рукъ. Будемъ надѣяться на сочувствіе у, дорогому для русскихъ людей, и ждать издателя рисунковъ.

Приложенія и объяснительные указатели составляютъ третью часть иски.

В. С. Передольскій.

ıписка изъ Устава Новгородскаго Общества Любителей Древности вержденнаго 24-го Ноября 1894 года, на основаніи Высочайшаго соизволенія 12-го того-же Ноября.

§ 1. Новгородское Общество любителей древности учреждается въ Новодѣ. Оно имѣетъ цѣлію изученіе памятниковъ старины, находящихся преущественно въ предѣлахъ Новгородской губерніи, наблюденіе, въ возможхъ случаяхъ, за ихъ сохранностью и содѣйствіе правительственнымъ режденіямъ въ охраненіи ихъ.

§ 2. Для достиженія названной цѣли, Общество собираетъ, описываетъ хранитъ остатки старины, имѣетъ наблюденіе за памятниками старины принимаетъ, въ случаѣ надобности, мѣры къ ихъ охраненію; производитъ, согласія владѣльцевъ, разнаго рода раскопки и занимается разборомъ соненій, какъ рукописныхъ, такъ и печатныхъ, относящихся до прошлаго вгородской земли.

§ 3. Общество заботится объ устройствѣ древле-хранилищъ и библіоки для научныхъ цѣлей.

§ 4. Общество состоитъ изъ почетныхъ и дѣйвтвительныхъ членовъ и новъ сотрудниковъ.

§ 5. Почетными членами избираются лица, извѣстныя своими учеными дами, или оказавшія Обществу какую либо услугу, въ томъ числѣ и маіальнымъ или денежнымъ пожертвованіемъ на сумму не менѣе 300 руб.

Примѣчаніе. Новгородскій Губернаторъ состоитъ почетнымъ попечителемъ Общества.

Списокъ учредителей Общества.

1 Высокопреосвященный Ѳеогностъ, Архіепископъ Новгородскій и Старорусскій

Филипповъ Тертій Ивановичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, Государственный Контролеръ.

Мосоловъ Александръ Николаевичъ, тайный совѣтникъ, Новгородскій Губернаторъ.

Преосвященный Антоній, Епископъ Кирилловскій.

Васильчиковъ, Князь Борисъ Александровичъ, Церемоніймейстеръ Высочайшаго Двора, Новгородскій Губернскій Предводитель Дворянства.

Бровцынъ Борисъ Александровичъ, дѣйствительный статскій совѣтник Предсѣдатель Новгородскаго Окружнаго Суда.

Всеволожскій Владиміръ Николаевичъ, Прокуроръ Новгородскаго Окру нзго Суда.

Багратіонъ-Мухранскій, Князь Николай Николаевичъ, Депутатъ Дв рянства Новгородскаго уѣзда.

Ласковскій Василій Павловичъ, Секретарь Новгородскаго Губернска Статистическаго Комитета.

10 Луговской Павелъ Максимовичъ, дѣйствительный статскій совѣтник Управляющій Новгородской Контрольной Палатой.

Полянскій Маркъ Ивановичъ, дѣйствительный членъ Новгородскаго Г бернскаго Статистическаго Комитета.

Муравьевъ Александръ Валерьяновичъ, Земскій Начальникъ Новгоро скаго уѣзда.

Мельницкій Александръ Александровичъ, Валдайскій Предводитель Дв рянства.

Кршивицкій Александръ Фаддѣевичъ, непремѣнный членъ Новгородска Губернскаго Присутствія.

Лашковъ Николай Аполлоновичъ, старшій хранитель Новгородскаго Му

Передольскій Василій Степановичъ, почетный членъ Археологическа Института.

Павлинскій Ѳедоръ Николаевичъ, дѣйствительный статскій совѣтни Директоръ народныхъ училищъ Новгородской губерніи.

Вульфъ Александръ Николаевичъ, камеръ-юнкеръ Двора Его Вел чества, Президентъ Боровичскаго сельско-хозяйственнаго Обществ

Колоколовъ Антонъ Ѳедоровичъ, Директоръ Новгородской гимназіи.

20 Гальскій Николай Львовичъ, Земскій Начальникъ Череповецкаго уѣзда

Голицынъ, Князь Павелъ Павловичъ, Новгородскій уѣздный Предвод тель Дворянства.

Свѣнцицкій Генрихъ Ипполитовичъ, Управляющій Новгородской желѣ ной дорогой.

Савичъ Иванъ Яковлевичъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ.

Башкировъ Валерьянъ Александровичъ, дѣйствительный статскій совѣ никъ, Товарищъ Предсѣдателя Новгородскаго Окружнаго Суда.

Силинъ Павелъ Михайловичъ, дѣйствительный членъ Новгородскаго Г бернскаго Статистическаго Комитета.

Бахтинъ Николай Васильевичъ, совѣтникъ Новгородскаго Губернска Правленія.

Милютинъ Василій Ивановичъ, инженеръ технологъ, Новгородскій Г бернскій механикъ.

Стромиловъ Василій Васильевичъ, Новгородскій Полиціймейстеръ.

Колумбовъ Василій Васильевичъ, надворный совѣтникъ.

30 Орнатскій Василій Семеновичъ, протоіерей Новгородскаго каѳедральна Софійскаго собора.

Архимандритъ Михаилъ, ректоръ Новгородской духовной семинаріи.

Соловьевъ Антоній Ѳедоровичъ, протоіерей, дѣйствительный членъ Новгородскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.
Софійскій Тимоѳей Георгіевичъ, протоіерей Михайло-Архангельской церкви.
Маловъ Ѳедоръ Алексѣевичъ, настоятель Новгородской Іоанно-Предтеченской церкви, преподаватель Семинаріи.
Прокофьевъ Михаилъ Алексѣевичъ, дѣйствительный членъ Новгородскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.
Рыкачевъ Алексѣй Петровичъ, Предсѣдатель Новгородской Губернской Земской Управы.
Окуневъ Николай Александровичъ, членъ Новгородской Губернской Земской Управы.
Рейхель Владиміръ Казимировичъ, членъ Новгородской Губернской Земской Управы.
Соловьевъ Александръ Александровичъ, Новгородскій Городской Голова
Клайгильсъ Владиміръ Васильевичъ, военный инженеръ, полковникъ.
Смѣтанинъ Григорій Максимовичъ, потомств. почетн. гражданинъ.
Журавлевъ Яковъ Ивановичъ, потомственный почетный гражданинъ.
Можайскій Иванъ Павловичъ, инспекторъ народныхъ училищъ Новгородской губерніи 1-го района.
Кржижановскій Рейнгольдъ Казимировичъ, Новгородскій Губернскій Архитекторъ.
Соловьовъ Викторъ Ивановичъ, Депутатъ дворянства Старорусскаго уѣзда.
Масловскій Константинъ Ѳедоровичъ, непремѣнный членъ Новгородскаго Губернскаго Присутствія.
Бернадскій Николай Павловичъ, секретарь Новгородской духовной консисторіи.
Лебедевъ Николай Прохоровичъ, Управляющій Государственными Имуществами Новгородской губерніи.
Бураковскій Сергѣй Захаровичъ, инспекторъ Новгородскаго Реальнаго училища.
Иславинъ Михаилъ Владиміровичъ, товарищъ прокурора Новгородскаго Окружнаго Суда.
Набоковъ Сергѣй Дмитріевичъ, камеръ-юнкеръ Двора Его Величества, товарищъ прокурора Новгородскаго Окружнаго Суда.
Рыкачевъ Петръ Александровичъ, земскій начальникъ Новгородскаго уѣзда.
Путиловъ Павелъ Ниловичъ, уѣздный членъ Новгородск. Окружнаго Суда.
Кошко Иванъ Францевичъ, земскій начальникъ Новгородскаго уѣзда.
Семеновскій Александръ Ивановичъ, Смотритель губернской типографіи.
Шотровскій Феликсъ Осиповичъ, каноникъ, настоятель Новгородской Римско-Католической церкви.
Соколовъ Петръ Васильевичъ, протоіерей, законоучитель Новгородской гимназіи.
Любицкій Викторъ Ѳедоровичъ, преподаватель Новгородской гимназіи.
Боронецъ Францъ Ивановичъ, гражданскій инженеръ.
Слезкинскій Петръ Григорьевичъ, старшій лѣсной ревизоръ.

Вороновъ Александръ Григорьевичъ, Новгородскій купеческій с
Вороновъ Петръ Дмитріевичъ, Новгородскій купеческій сынъ.
Владимірскій Василій Ѳедоровичъ, инспекторъ Новгородской ги
Сперовскій Николай Андреевичъ, преподаватель Новгородской семинаріи.
65 Щербаковъ Филиппъ Ивановичъ, преподаватель Новгородской

ВѢКА ЛѢТОПИСНЫЕ.

ОБЩІЯ ЗАМѢТКИ.

„Только народы совершенно грубые бываютъ равнодушны „къ своему прошедшему; забота о существованіи подавляетъ у „нихъ всѣ другія. Но чѣмъ высшую степень образованности за„нимаетъ народъ, тѣмъ больше онъ принимаетъ участія въ из„слѣдованіи своей старины".

Императорская Академія Наукъ, въ предисловіи къ книгѣ И. И. А. Ворсо „Сѣверныя древности". СПБургъ. 1861 г. стр. III.

Просвѣщенному населенію Новгорода Великаго нельзя сдѣлать упрека равнодушіи къ мѣстной старинѣ: оно откликнулось на призывъ высшаго учнаго учрежденія еще въ 1863 году и приступило къ собиранію и со-шенію древностей славянъ ильменскихъ. Хотя въ изслѣдованіи и изученіи екаго прошлаго обитателей Ильменско-Волховского побережья оно и не явило еще такой-же, какъ во многихъ другихъ городахъ, для отечественнаго ушшаго, дѣятельности, за то теперь, при завидно блестящемъ составѣ новъ-учредителей Общества, можно смѣло разчитывать на быстрое осу-ствленіе правъ и строго научное выполненіе обязанностей выраженныхъ Уставѣ: стоитъ только уговориться въ направленіи дѣла.

Уставы научныхъ учрежденій всегда излагаются кратко и сжато. Какъ-нибыли многосвѣдущи составители ихъ въ предметѣ намѣчаемой дѣятель-сти, они недолжны, да и не могутъ ставить опредѣленныхъ границъ ея, ширеніе или сокращеніе которыхъ будетъ зависѣть отъ научныхъ силъ направленія изысканій въ ту, или въ другую область знаній руководя-хъ и вспомогательныхъ. Поэтому, личному составу здѣшняго Общества и ому, уполномоченному имъ Правленію, обязательно выработать порядокъ стоящей дѣятельности, средства и способы къ достиженію цѣли, уста-ъ намѣченной, и основанія для направленія научныхъ работъ.

Общество учреждено для охраненія, собиранія и изученія мѣстной ста-ы Новгородской земли въ нынѣшнихъ ея предѣлахъ, но неисключительно, лишь преимущественно. Чтобы приступить къ выполненію этой задачи, но выяснить кругъ ея на первыхъ же порахъ, а затѣмъ уже идти къ и прямо, не сбиваясь съ пути; для этого необходимо теперь же уста-ть объемъ понятія старины и составныя онаго части, равно условиться: охранять, что собирать и изучать;—съ чего начать, какъ, и почему.

Опредѣленіе старины и подраздѣленіе ея.

Подъ стариною вообще разумѣется все, издавна существующее существовавшее, цѣльное или отрывочное, т. е. дошедшее до насъ в или въ остаткахъ, болѣе или менѣе значительныхъ. Старина бывает щественная и невещественная; первую можно подраздѣлить на предмет или вещественную въ тѣсномъ смыслѣ, и на письменную,—а втору духовную—внутренне-народную или самобытную, и на духовную—заим ванную извнѣ, отъ другихъ народовъ.

Вещественная старина обоихъ видовъ удобно подраздѣляется на нюю,—до начала отечественной лѣтописи и—лѣтописную; вещественна предметная будетъ имѣть, кромѣ этихъ двухъ, еще третье подраздѣлен это старина древнѣйшая, остающаяся далеко за предѣлами письмен всѣхъ племенъ и народовъ. Сверхъ того вещественная предметная ста бываетъ наземная и ископаемая, а письменная—собственно отечестве т. е. Новгородская,—славяно-русская,—вообще славянская и иноязычн

Подъ стариною наземною понимается все, что остается на поверхн земли; она подраздѣляется на неподвижную и на удобопереносимую; ископаемою же—то, что скрыто въ землѣ. Ископаемая старина бы также неподвижная и удобопереносимая. Неподвижны всякія сооружен остатки ихъ, а удобопереносимы сравнительно небольшіе предметы, цѣл или остатки, легко поднимаемые полностью, безъ поврежденія ихъ вид

Какъ наземная, такъ и ископаемая вещественно-предметная ста выражается въ тѣхъ же трехъ видахъ по времени, какъ и веществе письменная; но для ископаемой древнѣйшей установлены западною на три подраздѣленія, соотвѣтствующія уловимымъ степенямъ развитія и р всего человѣчества, начиная съ появленія его на землѣ. Этимъ подразд ніямъ присвоены названія соотвѣтствующія веществу, которымъ чело пользовался для своихъ нуждъ и потребностей и приспособленія изъ н раго захоронены въ нѣдрахъ земли вмѣстѣ съ неистлѣвшими еще остат питанія его, въ видѣ костей различныхъ животныхъ, то вымершихъ всемъ земномъ шарѣ, каковы: мамонтъ, носорогъ, крупнѣйшія быки, ка и др., то перемѣнившихъ свое мѣсто пребываніе, напримѣръ сѣверный о соболь; то, наконецъ, еще и теперь живущихъ тамъ, гдѣ находятъ кости. Если веществомъ для издѣлія служили камень и кость животн а пищею животныя, вымершія или выселившіяся далеко за предѣлы м древнѣйшей ископаемой старины, время ея захороненія называютъ ка нымъ вѣкомъ; если вмѣстѣ съ издѣліями изъ камня встрѣчаются и б зовыя (желтая мѣдь), а въ костяхъ животныхъ нѣтъ принадлежащихъ мершимъ,—но попадаются остатки откочевавшихъ въ другія отдале страны,—это старина бронзоваго вѣка; наконецъ, если съ каменн костяными и бронзовыми будутъ захоронены издѣлія желѣзныя, а въ ос кахъ животныхъ не найдется принадлежащихъ ни вымершимъ, ни уд шимся, вѣкъ старины будетъ желѣзный.

По отношенію къ ископаемой древнѣйшей старинѣ земли Новгородской веденное дѣленіе вѣковъ развитія и роста насельниковъ ея не вполнѣ авдывается сдѣланными до настоящаго времени находками; здѣсь слѣтъ обращать особенное вниманіе на захороненіе старины въ тѣхъ или гихъ слояхъ земли и на пласты, лежащіе выше и ниже находки,—въ лѣднемъ случаѣ на глубинѣ двухъ—трехъ аршинъ; проще и точнѣе ходки нашей страны дѣлить на захороненные выше пласта обыкновен- красноватой глины и подъ нимъ. Къ ископаемой старинѣ относятся и сти человѣка. По древности захороненія они подраздѣляются на принад- кащія вѣкамъ каменному, бронзовому и желѣзному. Но для земель Ве- ко-Новгородскаго державства ихъ удобнѣе и правильнѣе подраздѣлять— захороненныя: а) подъ пластомъ однородной красноватой глины, б) на тественныхъ холмахъ, въ крупныхъ пескахъ, в) курганныя и г)—древне- адбищенскія.

Старина невещественная сказывается въ изобрѣтеніяхъ и вымыслахъ ловѣческаго духа, каковы: рѣчь, вѣрованіе, нравы, обычаи, повѣрья, пред- зсудки, преданія, сказки, пѣсни, былины и т. п. Эта область крайне ширна и особенно трудна для изслѣдованія, но доступна для собиранія тя и не съ одинаковымъ успѣхомъ по всѣмъ ея видамъ,—какъ понят- для слуха и представленія и удобная для записыванія.

2) Пособія къ изученію старины Новгородской.

Всѣ роды и виды старины давно уже розыскиваются, находимыя изу- отся, какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ странахъ, населенныхъ обра- анными людьми; труды изслѣдователей, съ рисунками открываемыхъ и предметовъ древности, изданы на всѣхъ языкахъ Европы и на нѣко- рыхъ Азіи, какъ современныхъ намъ, такъ и уже неслышныхъ въ жи- мъ говорѣ, или мертвыхъ. Изъ добытыхъ подобными трудами данныхъ работаны нѣкоторыя положенія, хотя и неимѣющія значенія научныхъ тинъ, но могущія служить руководящими для дальнѣйшихъ изысканій указываемомъ ими направленія.

Въ разныхъ странахъ свѣта давно заведены хранилища для предме- въ вещественной старины, удобопереносимыхъ, и собранія книгъ до древ- сти относящихся. Заведены такія хранилища и собранія и въ разныхъ родахъ Россіи. Около подобныхъ учрежденій, въ городахъ значительно еленныхъ, образовались вездѣ правительственныя и частныя ученыя щества, двигающія взаимными усиліями своихъ членовъ дѣло изученія стной старины все дальше и дальше и издающія труды свои.

Въ Новгородѣ зародилось подобное хранилище древностей и собраніе еще въ 60 годахъ текущаго столѣтія, по почину недавно скончав- я почтеннаго почитателя старины, протоіерея Николая Гавриловича ловскаго. На его благотворный починъ откликнулся бывшій тогда пред- дателемъ мѣстной губернской земской управы Николай Александровичъ

Качаловъ, съумѣвшій привлечь къ дѣлу отца Богословскаго земство
родское общество. Тогдашній губернаторъ Эд. Вас. Лерхе, съ своей ст
тоже внесъ долю участія и содѣйствія къ развитію зародившихся у
научныхъ учрежденій.

По времени возникновенія подобныхъ учрежденій въ городахъ Р
небольшихъ и невыдающихся научною дѣятельностью, Новгородскіе
въ числѣ первыхъ, а по значенію мѣстности въ судьбахъ велико-ру
народа—важнѣйшими. Неутомимый въ преслѣдованіи своей цѣли
Богословскій сдѣлалъ Новгородское древлехранилище настолько бога
что оно заняло на Всероссійской мануфактурной выставкѣ 1870 г
С.-Петербургѣ. весьма видное и единственное въ своемъ родѣ мѣсто;
ственные и западные ученые оцѣнили трудъ и успѣхи отца Богосло
по достоинству, что вызвало его къ удвоенію дѣятельности. Какъ
тарь губернскаго статистическаго комитета, онъ вездѣ отыскивалъ и
брѣталъ всякіе остатки мѣстной старины и многое записывалъ. Его
тельность и знаніе Новгородской старины скоро разнеслись не толь
Россіи, но и по западной Европѣ.

Въ 60-хъ же годахъ началось въ Россіи изученіе старины предм
и собираніе остатковъ ея. Отцу Богословскому неудалось перевести
цѣнное собраніе Софійскаго хранилища рукописныхъ книгъ въ основ
имъ учрежденія; неудалось взять тудаже и многіе, давно уже неупотр
мые при богослуженіи, удобопереносимые предметы старины церк
Николай Александровичъ Качаловъ получилъ новое назначеніе и вы
изъ Новгорода; съ уходомъ его земство и городское управленіе ка
сразу охладѣли. Софійскія книго-хранилища и много предметовъ др
сти увезли изъ Новгорода частію въ С.-Петербургскую Духовную Ака
частію въ Академію художествъ; тудаже и во вновъ учрежденное со
Артиллерійскаго вѣдомства взяли немало рѣдкихъ предметовъ и изъ др
хранилища о. Богословскаго, которое, при такихъ сокращеніяхъ собранія,
пило на прискорбный путь захуданія. Лишенный денежной поддержки земс
города, отецъ Богословскій предлагалъ тому и другому взять древнех
лище и собраніе книгъ въ ихъ завѣдываніе; но они отказались, н
даже и помѣщенія;—пришлось все свалить въ кучу и хранить—на че
квартиры статистическаго комитета.

Но отецъ Богословскій не остановился въ своей дѣятельности. В
сквѣ задумана была къ 1879 году Антропологическая выставка; там
ученые, посѣтивъ Новгородъ и ознакомившись съ отцомъ Богословс
поручили ему собирать по землѣ Новгородской данныя для выставки.
томимый нашъ почитатель старины взялся за дѣло съ свойственнымъ
жаромъ и превзошелъ ожиданія ученыхъ москвичей;—въ трудахъ ант
логической выставки напечатано много статей и сообщеній его.

Въ то-же время, лѣтомъ 1878 года, Новгородъ посѣтили Ихъ И
ператорскія Высочества Великіе Князья Сергѣй и Павелъ Александро
Константинъ и Дмитрій Константиновичи. Отецъ Богословскій сопут
валъ дорогимъ гостямъ при обозрѣніи города и окрестностей,—показы

мъ остатки древнехранилища и представилъ полное оскуденіе денежныхъ редствъ его. Великіе Князья изволили назначить на поддержку древнехра-лища изъ собственныхъ средствъ пособіе, въ размѣрѣ выдачи ежегодно 00 рублей.

Вскорѣ, затѣмъ, отецъ Богословскій оставилъ должность секретаря ста-стическаго комитета, получивъ назначеніе по своему сану.

Эдуардъ Васильевичъ Лерхе, имѣя въ распоряженіи сумму, жертвуемую хъ Высочествами, нашелъ возможнымъ приспособить для помѣщенія статковъ древнехранилища и собранія книгъ небольшіе домики, возведен-ые, повсей вѣроятности въ первой половинѣ XIV столѣтія, впереди древней стѣночной башни, она же и чортова, названная такъ по производившимся амъ издавна пыткамъ и казнямъ и по положенію большей ея части за стѣною. Домики эти принадлежали дьячему двору, и по уничтоженіи его бывшей тутъ до 1832 года тюрьмѣ. Ко дню празднованія 25 лѣтія цар-ствованія Императора—мученика вновь открыты древне-хранилище и со-браніе книгъ.

Убѣжденіями его же, Э. В. Лерхе, богатый землевладѣлецъ и почита-тель отечественной науки, Вас. Степ. Барыковъ склонился на пожертво-ваніе своего драгоцѣннаго и обширнаго собранія книгъ возобновленному на-учному учрежденію. Другой такой же почитатель, другъ Пушкина, Гоголя, Плетнева, Жуковскаго, Некрасова, Тургенева и современныхъ ему литера-торовъ и издателей, Мих. Александр. Языковъ устроилъ безплатное посту-леніе нѣкоторыхъ журналовъ и газетъ; земство и городъ, вызванные по-ертвованіемъ членовъ Царскаго Дома, снова поступились нѣкоторыми сво-ми доходами. Такимъ образомъ при статистическомъ комитетѣ образова-лись Музей и Библіотека.

Мало по малу снова начали поступать отъ монастырей, церквей и частныхъ лицъ пожертвованія предметами старины церковной и бытовой, отъ ученыхъ учрежденій и обществъ ихъ изданіями.

Но прежній прискорбный путь захуданія нашего собранія не кончился: ноть и по немногу, а все-таки время отъ времени остатки старины Нов-рода переходили въ столичныя хранилища.

Нынѣшній Губернаторъ, Александръ Николаевичъ Мосоловъ, положивъ конецъ оскуденію Музея, изыскалъ средства къ возможному пополненію и дальнѣйшему благосостоянію его.

Домики, въ которыхъ помѣщались возобновленные въ 1880 году Му-зей и Библіотека, были ветхи настолько, что ежеминутно грозили, особенно минъ, разрушеніемъ. Александръ Николаевичъ, какъ всѣмъ намъ извѣстно, на-шелъ деньги, и деньги большія, свыше 12 т. руб., чтобы вмѣсто гнилыхъ тю-ремныхъ построекъ вывести прочное, помѣстительное и красивое зданіе, приспо-собивъ его и застѣночную башню, это грозное, отжившее кровавый вѣкъ свой надо времени, къ учрежденію на благое просвѣщеніе,—и сдѣлать его сре-дною тяготѣнія для мысли, пытающей далекое прошлое нашихъ доблестныхъ предковъ, свободнымъ и доступнымъ для каждаго. Музей открытъ годъ на-задъ; его усердно посѣщаютъ нетолько люди образованные, но и рабочій

народъ въ часы своего досуга. В. П. Ласковскій, обязательно приня
званіе секретаря нашего общества и Ник. Аппол. Лашковъ—старшій
нитель Музея составили подробное и обстоятельное описаніе Музея,
ближайшемъ будущемъ ожидается открытіе и библіотеки, задержива
приведеніемъ ея въ надлежащій порядокъ и составленіемъ каталога.

И такъ, Новгородъ имѣетъ доступные для всякаго Музей и Би
теку—эти дорогія подспорья при собираніи и изученіи мѣстной старин

По уставу наше Общество заботится объ устройствѣ древнехранил
и библіотеки для научныхъ цѣлей, каковыя, въ случаѣ закрытія Общес
передаются вѣвѣдѣніе Новгородскаго губернскаго статистическаго коми
Такимъ образомъ уставъ связываетъ благосостояніе и преуспѣяніе я
ныхъ учрежденій статистическаго комитета съ дѣятельностью нашего О
ства; эта связь будетъ тѣмъ прочнѣе и благотворнѣе, чѣмъ тѣснѣе д
къ другу станутъ всѣ три научныя учрежденія.

Вотъ почему Правленіе предлагаетъ просить почетнаго попечи
обновившаго Музей и Библіотеку и устроившаго наше Общество, до
свое благотворное для отечественной науки дѣло до конца передаче
пользованіе и распоряженіе Общества любителей древности какъ зданія
зея, такъ и предметовъ его и книгъ библіотеки со всѣми принадлежа
и отпускаемыми имъ суммами.

3) Собираніе свѣдѣній о памятникахъ и остаткахъ Новго
ской старины.

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что наиболѣе цѣлесообразно начать
дѣятельность ознакомленіемъ, по возможности близкимъ, съ тѣмъ, что
лано до учрежденія нашего Общества по собиранію и храненію ста
и вообще по научнымъ изысканіямъ. Если статистическій комитетъ уд
творитъ нашу просьбу о его Музеѣ и Библіотекѣ, Правленіе не замѣд
привести въ научный порядокъ эти собранія и позаботится выдѣлить
общаго числа всѣхъ предметовъ тѣ, которые принадлежатъ собственно
городской землѣ въ широкихъ, древнихъ, предѣлахъ ея, чтобы несмѣш
остатки Новгородской старины съ другими. Для этого неизбѣжно бу
выискать и точно опредѣлить мѣстность, откуда полученъ тотъ или
гой предметъ и прочія, такъ сказать метрическія, о каждомъ свѣдѣнія,
сколько, разумѣется, это будетъ возможно.

Кромѣ общедоступныхъ Музея и Библіотеки статистическаго коми
имѣются въ Новгородѣ и его округѣ болѣе или менѣе значительныя хр
лища удобопереносимыхъ предметовъ старины, въ томъ числѣ книгъ,
писей, старыхъ дѣлъ и т. п. въ церквяхъ и монастыряхъ, въ раз
учрежденіяхъ и у частныхъ лицъ.

Большою извѣстностью изъ церковно-монастырскихъ Новгород
пользуются хранилища: Софійское, Юрьевское, Антоніевское, Кирилло-
зерское, Тихвинское, Валдайско-Иверское и нѣкоторыя другія. Многое

званныхъ и прочихъ церковно-монастырскихъ хранилищъ вывезено разновременно, начиная съ конца XV вѣка, въ Москву, въ Петербургъ и другіе города, гдѣ и хранится. Таковы напримѣръ: лѣтописи, Остромирово Евангеліе, Изборникъ Святослава, Евангеліе Мстиславово, докончальныя грамоты, договоры, Великія Минеи—четьи, поминальники (Синодики) и проч. и проч.; святыя Иконы, напримѣръ Образъ Спасителя Мануйловъ, церковные сосуды, утварь, колокола съ надписями и проч. и проч.

Какъ ни желательно сосредоточить всѣ церковно-монастырскія древности предметныя, рукописныя и печатныя въ одномъ мѣстѣ, въ имѣющемъ составиться древнехранилищѣ нашего Общества,—какъ ни полезно собрать въ немъ же и все, вывезенное разновременно изъ Новгорода, но хотя уставъ и не возбраняетъ намъ проявлять свою дѣятельность за предѣлами современной Новгородской земли, однакожъ возбуждать объ этомъ вопросъ теперь еще неблаговременно. Юное наше Общество должно прежде окрѣпнуть и заявить себя полезнымъ для науки дѣятелямъ въ разработкѣ своихъ только памятниковъ, нынѣшней Новгородской земли. Привести же въ извѣстность по возможности все, что сберегается въ церквахъ, монастыряхъ и разныхъ хранилищахъ Россіи, и что составляетъ старину Новгородскую, слѣдуетъ теперь же. Для осуществленія чего Общество можетъ просить подлежащія учрежденія, непосредственно или при участіи своего почетнаго Попечителя, о доставленіи въ Правленіе онаго подробныхъ, по возможности, свѣдѣній о хранимыхъ въ завѣдываніи ихъ Новгородскихъ древностяхъ, а изъ церковныхъ, монастырскихъ и другихъ хранилищъ Россіи вообще и Новгородской епархіи въ частности выписокъ изъ описей находящихся въ ихъ вѣдѣніи предметахъ старины, какъ употребляемыхъ при богослуженіи, такъ и неупотребляемыхъ, а также о старопечатныхъ и рукописныхъ книгахъ и обо всякихъ рукописяхъ, имѣющихъ и неимѣющихъ въ настоящее время для церквей и монастырей имущественно правое значеніе, если таковые отражаютъ несомнѣнныя доказательства Новгородскаго происхожденія. Ознакомленіе съ такими выписками дастъ возможность, зная, гдѣ и что есть Новгородскаго, просить членовъ Общества осмотрѣть, при случайныхъ поѣздкахъ ихъ по своимъ дѣламъ, самые предметы и описать ихъ точнѣе и подробнѣе, а впослѣдствіи, когда понадобится какой либо изъ подробно описанныхъ для изученія въ связи съ другими,—ходатайствовать о доставленіи нужнаго предмета въ древнехранилище наше на время.

Въ церквахъ и монастыряхъ сохраняются, сверхъ вносимыхъ въ описи, предметы старины забытые. Таковы—по большей части, поврежденныя образа, лампады, подсвѣчники, и подобные имъ, малоцѣнные по самому веществу и замѣненные другими. Оставаясь въ темныхъ кладовыхъ или подъ крыльцами церквей десятилѣтія и даже столѣтія, такіе обломки, при измѣненіи личнаго состава причта, церковныхъ старостъ и сторожей, остаются въ забвеніи и часто въ конецъ разрушаются тлею и ржавчиною. Желательно сдвигать на видъ и такіе остатки старины, при посредствѣ членовъ Общества, которые изъявятъ готовность осмотрѣть, при случаѣ, церковныя кла-

довыя и вышки. Этого рода предметы легче будетъ получать впослѣде
въ храненіе Общества, чѣмъ первые; къ тому же, если эти предметы
ступятъ прямо въ храненіе наше, можно будетъ съ большими удобст
и съ большею увѣренностью изучать вліяніе того, или другаго мѣста
изводства на участокъ земли Новгородской, въ которомъ найдется д
забытый предметъ, а отсюда заключить о развитіи промысла и искус
въ мѣстахъ производства. Еще недавно, надъ-церковья и подцерковь
самомъ Новгородѣ были завалены подобными забытыми обломками вс
утвари. Хотя размноженіе, за послѣдніе 15—20 лѣтъ, общественны
частныхъ собраній старины вызвало къ особо-усиленной и невсегда за
ной дѣятельности духъ наживы и набѣги подгоняемыхъ имъ торгов
стариною сюда, въ Новгородъ,—хотя эти находники и поочистили склад
церковныя,—но они не успѣли еще всего обобрать, особенно въ дальн
мѣстахъ.

Изъ другихъ правительственныхъ, кромѣ епархіальныхъ, учреж
ни одно, сколько извѣстно, не имѣетъ хранилищъ старины предметной
то въ каждомъ много старины письменной, архивной. Хотя время отъ
мени такія собранія и освѣжаются продажею старыхъ дѣлъ на
бумаги, тѣмъ неменѣе есть основанія найти въ нихъ цѣнныя р
писи. Предъ освѣженіемъ, обыкновенно, составляются описи стар
дѣлъ, ненужныхъ для дальнѣйшаго производства, за извѣстное число л
описи разсматриваются начальствомъ и дѣла особенной важности оста
ются для дальнѣйшаго храненія. Рукописей глубокой старины здѣсь ед
можно отыскать,—но для изученія края съ бытовой стороны дороги б
ютъ указанія и изъ недавняго прошлаго, лишь бы они были вѣрны;
сходя отъ недавняго къ болѣе древнему времени по изслѣдуемому пред
легко найти въ недавнемъ точномъ и вѣрномъ отраженіе стараго прош
представляющагося, по памятникамъ ему современнымъ, неполнымъ и
маннымъ.

Многіе изъ насъ переживаютъ второе, а нѣкоторые и третье цар
ваніе; на нашихъ глазахъ совершились великія преобразованія въ
внутренней жизни, сказавшіяся осязательно для мыслящаго наблюда
въ положительномъ или отрицательномъ видѣ. Новыя начала сродня
съ жизнью невдругъ—колебанія при этомъ неизбѣжны и естественны.
современники вліянія преобразованій на ту или другую мѣстность въ
шинствѣ явленій, ими вызванныхъ, можемъ легко найти причины и
сненія слѣдствій ихъ; а пройдетъ полвѣка, тѣ и другія потеряютъ совре
ную намъ прозрачность. По этому собираніе и посильное изученіе дан
недавняго прошлаго, объясняющихъ причины и слѣдствія явленій вну
ней жизни, такъ или иначе повліявшихъ на дальнѣйшій ростъ ея, не
жетъ быть оставлено нашимъ Обществомъ безъ вниманія, какъ дѣло п
ное для науки и для края.

При содѣйствіи Почетнаго Попечителя хранилища старыхъ дѣлъ
вительственныхъ учрежденій, по всей вѣроятности, откроются для чл
Общества или для его Правленія, чтобы составлять изъ нихъ извле

ли передача подлинныхъ дѣлъ въ Общество для дальнѣйшаго храненія и будетъ разрѣшена.

Въ большинствѣ правительственныхъ учрежденій имѣются законныя книги раго времени, сборники указовъ, предписаній (циркуляровъ) начальства, писокъ изъ судебныхъ дѣлъ, или такъ называемыхъ протоколовъ и журловъ, послѣдніе обыкновенно въ переплетахъ. Ненужные болѣе по отмѣнѣ, занимая лишь мѣсто на архивныхъ полкахъ, эти книги, хотя разрозненныя по большей части, будутъ весьма полезны для Общества, какъ по лкамъ на нихъ въ старыхъ дѣлахъ, такъ и по даннымъ, содержащимся журналахъ и протоколахъ, подлинныя дѣла по которымъ уже уничтоны. Въ передачѣ ихъ для книгохранилища Общества затрудненій вѣроо не встрѣтится; изъ повторенія же въ архивахъ разныхъ учрежденій наковыхъ, хотя и разрозненныхъ, книгъ законовъ и предписаній возкно будетъ составить полное ихъ собраніе.

Въ учрежденіяхъ частныхъ Обществъ если и хранятся предметы стаы, они вѣроятно немногочисленны;—значительны собранія, принадлежащія которымъ частнымъ лицамъ: А. Н. Мосолову, А. М. Морголи, В. Н. Лавскому и другимъ. У меня большое и разнообразное собраніе преимущественно бытовыхъ остатковъ и особенно значительно собраніе остатковъ ненняго вѣка, собранныхъ въ самомъ Новгородѣ, его окрестностяхъ и тинахъ; имѣется болѣе ста рукописей отъ XV—XVIII вѣка. Вѣроятно Общества, ни частныя лица не откажутся доставить въ Правленіе свѣнія о своихъ собранныхъ предметахъ старины съ наименованіемъ и описаніемъ ихъ и съ указаніемъ—когда, гдѣ и при какихъ условіяхъ найнъ каждый предметъ.

Нѣкоторыя правительственныя и частныя учрежденія, а также и частныя лица имѣютъ собранія книгъ болѣе или менѣе значительныя; при режденіяхъ правительственныхъ такія собранія составляются на средства, ля вообще и отпускаемыя отъ казны, но расходуемыя на внутреннее йство, не подлежащее учету, и предоставленное посредственному нію ближайшаго начальства. Книги выписываются на счетъ сбереженій этихъ средствъ и потому составляютъ частную собственность служахъ; прочитанныя своевременно, они затѣмъ остаются на храненіи въ ежденіи и рѣдко требуются во второй и третій разъ.

Такія собранія имѣются въ канцеляріи Новгородскаго Губернатора, въ бернскомъ Правленіи и въ другихъ казенныхъ мѣстахъ. Въ первыхъ хъ учрежденіяхъ хранится собраніе изданій, имѣющихъ прямое отноніе къ занятіямъ нашего Общества—это Русскій Архивъ и Русская арина.

При Новгородскихъ учебныхъ заведеніяхъ составились издавна богатыя бранія научныхъ книгъ. Важнѣйшимъ представляется принадлежащее ховной семинаріи. Оно возникло при знаменитомъ современникѣ и сокѣ Петра Великаго, Новгородскомъ Архіепископѣ Ѳеофанѣ Прокопоположившемъ въ основаніе свою библіотеку. Назадъ тому лѣтъ 30 собраніе имѣло свыше 20 т. томовъ и много драгоцѣнныхъ рукописей,

ожидающихъ изученія и изданія. Есть объ этомъ книгохранилищѣ преданіе сколько любопытное вообще, столько же и важное для нашего Общества. Говорятъ, въ одной изъ стѣнъ книгохранилища замурованы, по повелѣнію основателя его, принадлежавшія ему черныя книги. Извѣстно долгое обращеніе въ рукахъ русскихъ христіанъ разныхъ гадательныхъ и предсказательныхъ рукописныхъ книгъ. Нѣкоторыя изъ нихъ перечисляются въ 2 вопросѣ Царя Стоглавому собору, 1547—1549 гг. въ главѣ 41 „О Ересѣхъ: Кто знаетъ и держится рафли, шестокрылъ, вороновъ грай, остроломію, зодіи, альманахъ, звѣздочетъ, аристотелевы врата и иные составы и мудрости еретическія и коби бѣсовскія". Что это за книги, какія содержатъ онѣ мудрости еретическія и коби бѣсовскія—неизвѣстно наилучшимъ знатокамъ древней русской письменности. Насколько соотвѣтствуетъ преданіе дѣйствительности вообще, нельзя судить, если оно повѣствуетъ о временахъ особенно далекихъ; самый неутомимый и безгрѣшный изслѣдователь не силахъ очистить преданіе отъ дополненій и прикрасъ разсказчиковъ; основа преданія чаще оказывается неуловимою, но она чувствуется въ глухоотражающихся туманныхъ оттѣнкахъ цѣпи событій имовѣрныхъ, если и не всегда несомнѣнныхъ, направляющихся или ко времени и существу преданія, или отъ него къ вѣкамъ ближайшимъ и современному изслѣдователю. Время Ѳеофана Прокоповича еще не далеко, перемѣны помѣщенія семинарской библіотеки возможно прослѣдить по бумагамъ архива Семинаріи; и образовательное учрежденіе существуетъ непрерывно все въ томъ же мѣстѣ, гдѣ основано; и учителя и учащіеся могли передавать о замурованіи еретическихъ книгъ точныя свѣдѣнія, тѣмъ болѣе что преданіе коротко и цѣльно. Въ виду этого нельзя не желать изслѣдованія стѣнъ семинарскаго книгохранилища хотя-бы простымъ выстукиваніемъ, всегда или почти всегда указывающимъ на пустоту въ каменной кладкѣ, чтобы имѣть поводъ просить епархіальное начальство о дозволеніи вскрыть стѣну на мѣстѣ пустоты.

Богатое собраніе принадлежитъ мѣстной гимназіи, зародившееся тоже въ половинѣ прошедшаго столѣтія, при Императрицѣ Екатеринѣ II, когда учреждено было Губернское училище, преобразованное впослѣдствіи въ Гимназію.

Оба собранія, Семинарское и Гимназическое, пополняются ежегодными изданіями правительственныхъ научныхъ учрежденій.

Молодыя, по времени открытія, здѣшніе Реальное училище и Женская гимназія успѣли уже обзавестись тоже хорошими собраніями книгъ.

Частныя общества, клубы, дворянскій, военный и соединеннаго общества имѣютъ библіотеки, состоящія изъ ежемѣсячныхъ изданій, въ каждомъ изъ которыхъ есть научный отдѣлъ.

Немало книгъ научнаго содержанія въ Публичной библіотекѣ І. Игнатовскаго и въ рукахъ частныхъ лицъ;—укажемъ на нѣкоторыя болѣе выдающіяся собранія: Вас. Павл. Ласковскій, почтенный секретарь нашего Общества, ближайшій и неутомимый сотрудникъ Александра Николаевича Мосолова по устройству зданія для Музея, по умѣлому розысканію и

нію остатковъ старины, по выбору книгъ для библіотеки статистиче-
о комитета и по упомянутому уже изданію каталога,—скопилъ не-
рную по объему, но драгоцѣнную по содержанію собственную библіо-
; она замѣчательна какъ единственное, насколько мнѣ извѣстно, изъ
хъ здѣшнихъ, собраніе книгъ о Новгородѣ и его старинѣ, изданныхъ
текущемъ столѣтіи. Въ его же рукахъ находится большое собраніе
тописныхъ изображеній древнихъ сооруженій, преимущественно церков-
ъ, въ разныхъ мѣстахъ земли Новгородской; это собраніе тѣмъ соб-
нно дорого, что даетъ вѣрное представленіе о сооруженіяхъ далекихъ
довъ, Бѣлозерскаго, Кирилловскаго и Череповскаго, рѣдко посѣщаемыхъ
ителями и знатоками старины и мало имъ знакомыхъ.

Вик. Ѳед. Любицкій, любознательный членъ нашего Общества, въ те-
іе многихъ лѣтъ составилъ обширное собраніе научныхъ книгъ по есте-
овѣдѣнію и другимъ областямъ знаній, руководящихъ въ изысканіяхъ о
витіи человѣчества, и входящихъ вообще въ кругъ народовѣдѣнія.

Немаловажно собраніе Сергѣя Захаровича Бураковскаго, особенно цѣнное
изысканіямъ о народномъ творчествѣ, сказавшемся въ произведеніяхъ
ли и слова, съ отдаленныхъ временъ, захватываемыхъ первыми па-
никами отечественной письменности.

Хорошее собраніе пріобрѣтено недавно Г. М. Смѣтанинымъ; оно соста-
сь изъ книгъ профессора Московскаго университета С. Н. Орнатскаго
реподавателя корпуса Гр. Аракчеева П. И. Бутакова. Много книгъ, слу-
ихъ пособіемъ для изученія нашего прошлаго, и въ моемъ собраніи.

Изъ приведеннаго краткаго перечня нельзя не усмотрѣть, что Новго-
, при настоящемъ захолустномъ своемъ положеніи, далеко нечуждъ на-
ихъ стремленій. Въ окрестностяхъ его и въ уѣздахъ тоже немало книго-
илищъ; нельзя не остановиться, напримѣръ, на библіотекахъ князя Б. А.
льчикова, кн. П. П. Голицына, М. А. Костливцева, В. Я. Стромилова
ругихъ.

Научныя книгохранилища составляются большими десятилѣтіями и
тощаютъ много денегъ. Новгородское Общество любителей древности
ько что зародилось; оно, какъ и всѣ частныя общества подобнаго рода,
имѣетъ никакихъ средствъ; о составленіи собственной библіотеки, кото-
соотвѣтствовала бы задачѣ нашей, нетолько теперь, но даже и въ
тилѣтнемъ будущемъ, нельзя и мечтать. Между тѣмъ книги—это основа
кой научной дѣятельности; при всей беззавѣтной любви къ предмету,
сти далекаго, еще неразгаданнаго, народнаго прошлаго,—къ предмету
который направляется духовная сила мыслящаго работника, чтобы по-
нуть его, осмотрѣвъ со всѣхъ сторонъ,—невозможно осилить и освѣ-
ть путь изысканій такъ, чтобы онъ не имѣлъ уже туманныхъ пятенъ,—
не изучить предварительно всѣхъ тѣхъ путей, которыми шли другіе
е ранніе изслѣдователи и не достигли намѣченной цѣли. Задача нашего
ества не исчерпывается одною только любовью къ старинѣ, однимъ
ко собираніемъ остатковъ ея. Любятъ старину, какъ и всякій предметъ,
одя изъ различныхъ взглядовъ на нее, изъ различныхъ побужденій; со-

Западными и отчасти нашими учеными устанавливается родств
вянъ, какъ древнѣйшихъ насельниковъ полуночья Европы, съ пле
Скандинавскими и Германскими, давно уже обособившимися от
вянскаго.

Нѣкоторые памятники старины Скандинавской, вещественно-пр
ные и вещественно-письменные, какъ напримѣръ—Саги, нѣкоторы
ванія урочищъ, жилыхъ поселковъ, и другіе остатки древнѣйшей старин
зываютъ на взаимныя сношенія насельниковъ нашей страны со
землями Скандинавскими и съ Исландіею уже въ тѣ, хотя далекія,
ступныя изслѣдованію времена, когда употреблялись письмена руни
Извѣстенъ договоръ, заключенный между Великимъ Новгородомъ и
вегіею, написанный рунами; хотя противъ подлинности его и возбу
сомнѣніе въ первой еще четверти текущаго столѣтія, въ самый р
ожесточенной борьбы между отечественными изслѣдователями ст
раздѣлившимися на два стана—защитниковъ начальной русской лѣто
ея отрицателей,—но въ недавно найденныхъ листахъ пятой части
цевскаго собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ, долгое
остававшихся забытыми въ Московскихъ кладовыхъ вѣдомства ино
ныхъ дѣлъ,—имѣется договоръ 11 Іюня 1326 года (№ 108), заключ
Владыкою св. Моисеемъ, посадникомъ Олформіемъ и тысяцкимъ Аст
съ Якуномъ, посломъ великаго государя Магнуса, короля Норвеж
Шведскаго и Готскаго, о неприкосновенности границъ земель обѣих
ронъ „по древнему разграниченію или раздѣленію земель (secundum an
terrae consideracionem vel divisionem)". Въ Швеціи, Норвегіи, Даніи и
ляндіи существуютъ богатѣйшія собранія старины; тамъ изданы за
тельно строгія и добросовѣстныя изслѣдованія разнообразнѣйшихъ ост
древности, начиная съ каменнаго вѣка; нѣкоторыя переведены и на р
языкъ (Ворсо). Финляндское собраніе при Гельсингфорскомъ универ
поступаетъ, если уже не поступило, въ храненіе Императорской Ар
гической коммиссіи.

Въ Германіи также много потрудились для собранія и изученія
ности вѣковъ незапамятныхъ.

Со всѣми поименованными и другими научными учрежденіями сл
войти въ сношенія и установить, по возможности, наиболѣе тѣсное о
для взаимнаго обмѣна свѣдѣніями объ изысканіяхъ и открытіяхъ въ о
новыхъ находокъ памятниковъ и остатковъ старины всѣхъ родовъ
довъ, и просить о присылкѣ для нашего собранія книгъ и други
даній трудовъ ихъ, имѣющихъ отношеніе къ странѣ Новгородской и
нѣйшимъ насельникамъ ея.

Намѣтивъ бѣглымъ очеркомъ подготовительныя работы, необхо
для успѣха въ изысканіяхъ, и разсчитывая, что ради безкорыстія
на который наше Общество добровольно обрекаетъ свои силы и ра
сто одной только научной цѣли нами прослѣдуемой, старѣйшіе наши
откликнутся на призывъ нашъ и окажутъ свое содѣйствіе,—перейде
изложенію предположеній о тѣхъ средствахъ и способахъ, которые на

время представляются намъ подсильными для охраненія памятниковъ рины, болѣе или менѣе извѣстныхъ и изученныхъ, равно малоизвѣст-ъ или забытыхъ современными дѣятелями науки, хотя и извѣстныхъ мѣстѣ, или вовсе неизвѣстныхъ ни ученымъ, ни на мѣстѣ, но возмож-ъ къ открытію, по нѣкоторымъ указаніямъ древней письменности и на-наго говора и, наконецъ, къ собранію и храненію такихъ остатковъ ста-ы, которые покоятся много вѣковъ въ нѣдрахъ земли, имѣющей на по-хности признаки захороненія ихъ именно тутъ.

4) Наблюденіе за уцѣлѣвшими памятниками древности и остатками ея.

Уставъ далъ нашему Обществу дорогое право—имѣть наблюденіе за мятниками старины, принимать, въ случаѣ надобности, мѣры къ ихъ раненію (§ 2) и содѣйствовать въ этомъ же правительственнымъ учреж-ниямъ (§ 1). Предоставляя такое право и неуказывая границъ онаго, уставъ ничаетъ памятники старины и ея остатки.

Это право исчерпываетъ въ наибольшей мѣрѣ нашу задачу и потому буетъ точнаго опредѣленія понятій „памятника“ и „остатка“ старины—отношенію къ Новгородскимъ древностямъ.

Въ живомъ народномъ говорѣ памятникомъ зовется, во первыхъ, какое-бы ыло сооруженіе, возведенное въ извѣстное время и по извѣстному случаю, о вторыхъ—всякія вообще письменныя и другія произведенія человѣчес-о ума и его художественнаго творчества. Сообразуясь съ этимъ, памят-ами старины надобно считать такія сооруженія и притомъ цѣльныя, время поводы возведенія которыхъ или точно извѣстны по письменнымъ, невоз-ждающимъ сомнѣнія, свидѣтельствамъ, или установлены путемъ научныхъ ысканій, или, наконецъ, которыя возведены когда либо, во времена невѣ-ныя, но непремѣнно руками человѣка и для достиженія цѣли, или цѣлей, но указываемыхъ свойствомъ сооруженія.

Тѣже самыя сооруженія и произведенія духовной природы человѣка, по кимъ же причинамъ и для тѣхъ же цѣлей созданныя когда-то, въ древ-йшія-ли, или въ менѣе древнія, или и вовсе въ недавнія времена, но не-хранившіяся въ цѣльномъ своемъ видѣ, а лишь въ значительной части, которой возможно судить о первональномъ видѣ ихъ въ цѣломъ,—слѣ-ъ считать, по смыслу устава, остатками старины.

Но памятниками и ихъ остатками вообще не исчерпывается весь объемъ нятія о старинѣ; при всестороннемъ изученіи ея приходится встрѣчаться болѣе или менѣе видными слѣдами стародавняго быта человѣка; задачѣ щества не можетъ быть чужда забота объ охраненіи и изслѣдованіи и та-ъ слѣдовъ. Слѣдовательно объемъ понятія о старинѣ Новгородской слѣдуетъ, ается, разчленить на три части: памятники, остатки и слѣды, съ под-щими къ каждой подраздѣленіями.

ПАМЯТНИКИ, ОСТАТКИ И СЛѢДЫ НОВГОРОДСКОЙ СТАР

Трудами именитыхъ ученыхъ уже обслѣдовано и объяснено, ка
знаемъ, много предметовъ Новгородской старины,—преимущественно
которые еще цѣлы и теперь, особенно церковныхъ. Разборъ и оцѣн
добныхъ трудовъ хотя и предоставлена Обществу, но въ этой запискѣ м
демъ только касаться ихъ въ подходящихъ случаяхъ, насколько понад
для яснаго изложенія ея содержанія; отъ повтореній же изслѣдованнаго
вательно и всесторонне воздержимся, направляя наши объясненія къ
предметамъ старины, которыя либо вовсе не тронуты трудами пре
изслѣдователей, либо изучены и объяснены въ то время, когда не был
открыты источники, обнародованныя уже послѣ появленія трудовъ.
дованнымъ до нашихъ изысканій предметамъ, съ краткимъ обзоромъ
неній, отведено будетъ особое мѣсто, какъ необходимое, въ числѣ др
приложеніе къ этой запискѣ.

Памятники старины церковной.

Мы знаемъ, что въ Новгородѣ и его уѣздахъ особенно много др
церковныхъ сооруженій, состоящихъ въ вѣдѣніи епархіальнаго нача
это церкви и монастыри; каждое изъ нихъ имѣетъ, за весьма нем
исключеніями, опредѣленное назначеніе, служа жизненнымъ—духовны
лямъ населенія. Упомянутыя весьма немногія исключенія—это, так
зать, сооруженія, неимѣющія самостоятельной дѣятельности, каковы
приписныя, состоящія въ вѣдѣніи ближайшихъ приходскихъ. Пусту
въ точномъ смыслѣ, или заброшенныхъ церковныхъ сооруженій совсѣмъ

Есть въ епархіальномъ вѣдомствѣ земли Новгородской церкв
дворянскихъ поселкахъ, воздвигнутыя благочестивыми помѣщиками,
часовни сооруженныя при поселкахъ крестьянскихъ. Дворянскія церк
никли большею частью рядомъ съ помѣщичьими усадьбами въ
мѣстахъ, которыя отстоятъ отъ церквей приходскихъ въ значите
отдаленіи; часовни учреждаются независимо разстоянія отъ церквей
гостовъ или по одному побужденію благочестія, или въ память о
либо радостномъ или горестномъ „Божьемъ посѣщеніи“ обитателей по
Иногда часовни воздвигаются, по такимъ же побужденіямъ, и на пусті

Сооруженія монастырскія и церковно-приходскія охраняются
ствомъ и причтомъ,—послѣднія, сверхъ того и прихожанами; церкв
писныя, также часовни—сельчанами. Въ иномъ состояніи находятся
дворянскія, особенно послѣ 19 Февраля 1861 года. Благочестивые

ковъ—или отжили свой вѣкъ, или оскудѣли; поселки перешли въ
я руки; церковь далеко отъ приходской, наблюдать за нею сосѣд-
причту и самимъ прихожанамъ затруднительно; къ тому же не-
дворянскія церкви переходятъ, вмѣстѣ съ поселками и землями преж-
владѣльцевъ, въ собственность неправославныхъ и церковь сиротѣетъ,
етъ и разрушается. Есть между дворянскими церквами одна глубокой
ости, восходящей за предѣлы Новгородской лѣтописи; она каменная;
я, деревянная, принадлежитъ великому Суворову; первая,—внизъ по
ду, на лѣвомъ берегу, верстахъ въ 40 отъ города, въ поселкѣ „За-
но", въ полной сохранности; по преданію она возведена бояриномъ и
дою Владиміра Святаго-Равноапостольнаго Путятою, сряду по крещеніи
родцевъ, въ X вѣкѣ; вторая въ селѣ Кончанскомъ, Боровичскаго уѣзда, въ
и знаменитаго полководца временъ Екатерины II и Павла I; она де-
ная,—поросла мхомъ, безъ креста. На колокольнѣ этой церкви великій
овъ звонилъ въ колокола, на клиросѣ пѣлъ.

Охраненіе отъ разрушенія церквей городскихъ, монастырскихъ, приход-
и часовенъ не можетъ входить въ нашу задачу, эта обязанность возло-
всецѣло на власти духовныя и исполняется, сверхъ того, прихожанами
авственному долгу; не можетъ быть нашимъ дѣломъ подобное же охра-
и дворянскихъ церквей, составляющихъ частную собственность.

Мимолетное наблюденіе указываетъ намъ, что причтъ и прихожане,
ясь о благолѣпіи церквей, а монастырское начальство,—сверхъ того,—
удобствахъ, дѣйствительныхъ, или только кажущихся, привлекаютъ
хотныхъ жертвователей къ украшенію и поновленію церковныхъ и мо-
рскихъ сооруженій извнѣ и извнутри. Насколько различны средства
сы благодѣтелей—поновителей—намъ извѣстно. Епархіальное началь-
безъ разрѣшенія котораго поновленіе не можетъ быть произведено,
пкало, за неимѣніемъ на то средствъ, до послѣдняго времени ни въ
ры поновленій, ни въ качество производителей ихъ, ни, наконецъ въ
вительность и свойства нужды въ поновленіи. При такихъ условіяхъ
ило вмѣсто поновленія—истребленіе всего цѣннаго въ древнемъ
ствѣ: иконостасы переписывались неумѣлою кистью, настѣнное письмо
алось подъ слоемъ извести, древніе своды разрушались и замѣнялись
чатымъ накатомъ и проч. Наружный видъ церквей и прочихъ соору-
страдалъ отъ поновленій не меньше. Примѣровъ найдется много изъ
йшаго, непревышающаго десяти лѣтъ, прошлаго: вспомнимъ замѣча-
ое настѣнное Новгородское письмо первой половины XIV вѣка въ
ахъ: Ѳедора Стратилата на правой сторонѣ Новгорода, на ручью и
о-Липенской, сохранившейся отъ бывшаго на рѣкѣ Глинкѣ монастыря,
ородомъ;—теперь отъ этого письма не осталось и слѣдовъ—оно зама-
тоже сталось и съ большею частью образовъ болѣе древняго письма.
маемые благодѣтелями дешевые иконописцы—самоучки нетолько за-
ютъ древнее изображеніе густымъ слоемъ новой подготовки и даютъ
о него свое—неумѣлое, но иногда прямо продаютъ, изъ своекры-
ъ видовъ, древніе образа находникамъ-торговцамъ стариною;—еще позд-

нѣе, меньше пяти лѣтъ, назадъ, обезображена древняя колокольня п Климентовской церкви, въ городѣ, на Московской улицѣ, надстройкою, старинная Рождество-Богородицы церковь Десятиннаго монастыря, первоначальное сооруженіе которой можно, судя по сказанію Супрасльской рукопи отнести къ 998 году (изданіе рукописи князя Оболенскаго 1836 г.), разбрана совсѣмъ и на ея мѣстѣ выстроена новая, неимѣющая ничего общаго съ древнею;—лѣтъ около 20 назадъ разрушенъ „Житенный дворъ" Архиерейскаго дома, стоявшій за теплымъ соборомъ въ Дѣтинцѣ съ половины XIV вѣка,—чтобы на мѣстѣ его вывести домъ для духовнаго училища,—тогда какъ въ Дѣтинцѣ же, сряду за домами соборнаго причта, лежит огромный пустырь, достаточный для постройки на немъ пяти такихъ зданій какое стало вмѣсто житеннаго двора.

Въ послѣднее время, лѣтъ пять—шесть назадъ, сдѣлано высшим правительствомъ распоряженіе, чтобы епархіальное начальство не разрешало возобновленія древнихъ и вообще старинныхъ церковныхъ сооружен до предварительнаго сношенія съ Археологическими учрежденіями и до п лученія отъ нихъ отвѣтовъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что предоставленное нашему Обществу н блюденіе за сохранностью памятниковъ старины и содѣйствіе правитель ственнымъ учрежденіямъ въ охраненіи ихъ, относится прежде всего къ п мятникамъ старины, состоящимъ въ епархіальномъ вѣдомствѣ, какъ чл прочихъ, вѣдомства гражданскаго, поновляемыхъ ради одного только бла лѣнія, понятіе котораго слишкомъ растяжимо и, въ наибольшемъ чис случаевъ осуществленія, нетолько несоотвѣтствуетъ, но и прямо проти рѣчитъ требованіямъ науки о древностяхъ и заботамъ правительства о прикосновенной цѣльности и сохранности ихъ. Учрежденное въ Новгоро и для земли Новгородской, наше Общество, имѣющее въ личномъ соста учредителей горожанъ и уѣздныхъ жителей всѣхъ сословій, потому и л лучило право наблюденія за сохранностью памятниковъ старины, что чл его, по своему общественному положенію, постоянному мѣстопребыванію по просвѣщенному уровню своего развитія способны охранять и вообще блюсти мѣстную древность—много бдительнѣе, чѣмъ члены и чины высших правительственныхъ учрежденій, находящихся вдали отъ нашей страны, призванныхъ къ археологической общегосударственной дѣятельности, бо обширной и болѣе сложной.

Выходя изъ такого пониманія пространства и предѣловъ нашего пра легко уже будетъ уяснить средства, мѣры и способы содѣйствія мѣстно епархіальному правительству въ охраненіи памятниковъ церковной дре ности.

Дѣятельность наша по охранѣ памятниковъ старины церковной долж быть двоякая: предварительно-совѣщательная, и исполнительно-наблю тельная. Первая—должна проявиться сряду по поступленіи къ епархіа ному начальству просьбы причта и прихожанъ церкви, или настоятел братій монастырей, или жителей селеній, о поновленіи или возстано какъ церквей и часовенъ, такъ и прочихъ церковныхъ или монастыр

ній. Желательно, чтобы подобныя просьбы и приложенія относящіяся къ
ъ передавались, хотя-бы въ спискахъ, въ Правленіе Общества до пред-
вленія ихъ въ правительственныя археологическія учрежденія. Для обсуж-
ія содержанія каждой просьбы Правленіе можетъ пригласить свѣдующее,
роду и свойству испрашиваемаго разрѣшенія, лицо, по возможности,
едленно, если не встрѣтитъ, по обсужденіи, никакихъ затрудненій, воз-
тить прошеніе и приложенія по принадлежности съ своимъ мнѣніемъ.
и же встрѣтится какое либо затрудненіе, Правленіе приглашаетъ одного
болѣе изъ членовъ Общества, живущихъ по близости къ мѣсту на-
кденія сооруженія, о которомъ идетъ рѣчь, собрать свѣдѣнія, могущія
ранить или разрѣшить затрудненія—на мѣстѣ, а затѣмъ, получивъ
кное, или вноситъ свое заключеніе въ общее собраніе, если признаетъ
необходимымъ, или сообщаетъ оное епархіальному вѣдомству. Дѣятель-
ть исполнительно-наблюдательная ограничится внимательнымъ присмот-
ъ со стороны членовъ Правленія, или Общества, за неуклоннымъ вы-
неніемъ во всѣхъ подробностяхъ разрѣшеннаго поновленія и возобновле-
, недопускающимъ ни малѣйшихъ отступленій и, если таковое случится,
бщеніемъ о немъ Правленію.

Въ случаяхъ, подобныхъ безпомощному состоянію Кончанской Суво-
ской церкви, Обществу слѣдуетъ изыскивать, путемъ сношеній, средства
охраненію ихъ отъ захуданія самостоятельно, независимо отъ мѣстныхъ
архіальныхъ властей.

Въ настоящее время производятся въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ
новленія и исправленія, разрѣшенныя и начатыя еще до утвержденія на-
го устава—и открытія Общества. Въ виду первенствующей важности
го древнѣйшаго и единственнаго въ Россіи памятника церковной старины,
раняющагося въ теченіи 850 лѣтъ и уцѣлѣвшаго отъ погромовъ
ковъ удѣльныхъ, татарскихъ и шведскихъ;—въ виду значенія Св. Софіи
згородской какъ всенародной святыни русскаго православія, Общество не
кетъ отказать себѣ въ исполненіи, по отношенію и къ этой святынѣ
нятой на себя обязанности наблюдать за памятниками Новгородской ста-
ны,—подъ опасеніемъ справедливаго упрека въ будущемъ за бездѣйствіе.
добный упрекъ вполнѣ возможенъ, такъ какъ возобновленіе производится
но отъ здѣшнихъ сторожиловъ, людьми чуждыми Новгороду; еще съ
нувшаго лѣта слышится по городу ропотъ на отсутствіе бдительнаго
зора за рабочими, ломающими древніе своды какъ прогорѣвшія печи и
ничтожающими множество плинфъ,—т. е. особеннаго вида и размѣра кир-
чей и голосниковъ, значеніе которыхъ въ древне-строительномъ искус-
вѣ еще не выяснено. Многіе набожные старожилы не могутъ безъ слезъ
ворить о разрушеніи стѣнъ для прокладки теплопроводныхъ трубъ и по-
жденіяхъ могильныхъ склеповъ подцерковья, въ которыхъ почиваютъ
одъ спудомъ" мощи святителей, кости князей и другихъ дѣятелей рус-
ихъ, удостоенныхъ погребенія въ Св. Софіи, но именныя могилы которыхъ
ыты позднѣйшими горожанами. Съ ужасомъ говорятъ о безцѣльномъ по-
жденіи и даже ничѣмъ будто-бы невызываемомъ разрушеніи—части

в) Изображенія Новгорода и Дѣтинца.

Какъ на среднее между церковными и гражданскими памятник укажемъ на сохраняющіяся въ церквахъ: Знаменской, Михайловской Торговой сторонѣ, Никольской-дворищенской и Флоровской—изображенія д няго Новгорода, исполненныя, особенно первые два, замѣчательно отчетл Памятники эти относятся: Знаменскій къ началу XVI. Михайловскій первой половинѣ XV (онъ представляетъ только Дѣтинецъ съ ближайш окрестностями), Никольскій (закрытъ ризою) къ половинѣ XV и Флоров не старѣе начала XVII вѣка. Списки съ Знаменскаго и Флоровскаго даны; съ перваго нѣсколько разъ, а съ послѣдняго въ 1862 г. Изд Знаменскаго неточны; списокъ сдѣланъ съ закоптелаго подлинника,—Ф ровское напечатано раскрашеннымъ, какъ и подлинникъ.

Есть еще изображенія всего древняго Новгорода, хранящіяся въ на ящее время:—одно въ Музеѣ здѣшняго статистическаго комитета,—а д гое въ Коростынской церкви Старорусскаго уѣзда,—и нѣкоторыхъ час его: на картинѣ, изображающей видѣніе старца-монаха Тарасія, хранящ въ правомъ придѣлѣ главнаго храма Хутынскаго монастыря, и на дв почти одинаковыхъ картинахъ, принадлежащихъ Новгородскимъ церквам Успенской на Торговой сторонѣ и Пантелеймоновской, извѣстной болѣе п именемъ Николо-Кочановской—на Софійской. Но эти изображенія не относятъ ни къ памятникамъ старины, ни къ остаткамъ ея; останови же на нихъ неизлишне потому, что многіе любознательные путешест ники, знакомые съ Новгородскими древностями, принимаютъ эти изобра нія за древнія, а первое,—очевидно, по свѣжести красокъ и пріемамъ дожника, подписавшаго къ тому же на немъ свое имя, новѣйшее—за мокъ съ древняго подлинника, и, за невозможностью разсмотрѣть тус Знаменское, а также за неизвѣстностью прочихъ, выше названныхъ, дятся въ заблужденіе.

Изображеніе статистическаго комитета есть сочиненіе въ тѣсн смыслѣ почтеннаго гражданина Новгородскаго, нѣкогда зажиточнаго ку Шаврова, недавно, меньше десяти лѣтъ назадъ, умершаго въ глубокой рости. Будучи благочестивымъ начетникомъ и любителемъ нашей стари онъ задался прекрасной мыслью, представить Новгородъ на большемъ лотнѣ со всѣми существовавшими и существующими въ немъ церквам гражданскими сооруженіями. За основаніе задуманнаго труда онъ при первый разъ изданное, помнится въ 40-хъ годахъ, Петербургскимъ Архе гическимъ обществомъ, Знаменское изображеніе; увеличивъ въ нѣско разъ и дополнивъ неясныя очертанія церквей и прочихъ зданій по сво вкусу, нанесъ,—строго придерживаясь указаній лѣтописи, разговоровъ Ми полита Евгенія Болоховитинова, церковныхъ древностей Макарія, сочин Н. Н. Муравьева, Купріянова, Красова и другихъ, а равно слѣдуя пр ніямъ,—всѣ упоминаемыя въ этихъ источникахъ церкви, и прочія зда разставивъ тѣ и другія по мѣстамъ, отводимымъ для нихъ учеными

ѣдователями. Эта задача и исполнена на изображеніи Музея. Если-бы
тенный труженикъ отмѣтилъ подъ каждымъ сооруженіемъ время его
зникновенія и уничтоженія, работа его была-бы хорошимъ пособіемъ при
ученіи внѣшняго вида Великаго Новгорода и не ввела бы въ заблужденіе
ло-мальски знакомаго съ нашею стариною. Къ немалому прискорбію кар-
на Шаврова здѣсь, въ Новгородѣ, дважды издана была: первый разъ
тографіею Сухова въ 1862 г., предъ торжествомъ тысячелѣтія Россіи, а
рой, лѣтъ пять назадъ, какъ приложеніе къ статьѣ протоіерея Знаменскаго
ора о. Тихомирова, объясняющее подлинникъ, Типографіею Новгор. Губ.
авленія, (при памятной книжкѣ) подъ именемъ точнаго списка съ древ-
о Знаменскаго подлинника.

Есть въ Новгородѣ у преподавателя гимназіи А. А. Дилекторскаго
восходный акварельный списокъ съ Знаменскаго подлинника, принадлежащій,
видимому, кисти маститаго художника-археолога, недавно скончавшагося
дора Григорьевича Солнцева, а въ моемъ собраніи—хорошій переводъ уже
этого списка, по моему заказу сдѣланный и лично провѣренный съ
длинникомъ. Ѳ. Г. Солнцевъ посѣщалъ Новгородъ въ 50 годахъ съ ху-
жественно-археологическою цѣлью и сдѣлалъ много списковъ съ иконъ и
сунковъ древнихъ церквей; нѣкоторые изъ нихъ хранятся въ Импера-
рскомъ Московскомъ историческомъ музеѣ. Подлинникъ Знаменскаго изо-
раженія, какъ замѣчено уже, настолько закоптѣлъ, что пользоваться имъ
такомъ состояніи почти невозможно; списокъ А. А. Дилекторскаго мо-
ть служить прекраснымъ руководствомъ для изученія подлинника и зна-
ельно облегчить трудъ, если конечно не найдется другаго средства.

Изображеніе Коростынское неболѣе какъ позднѣйшій переводъ упомя-
таго изданія археологическаго общества. Хутынское не древнѣе первыхъ
овъ XVII вѣка; оно неимѣетъ значенія самостоятельнаго, какъ Знаменское и
хайловское,—памятника, достойнаго изученія; художникъ писалъ не виды
ѣльныхъ Новгородскихъ сооруженій, а воспроизводилъ преданіе о видѣніи
асія, записанное въ сказаніяхъ о чудесахъ Препододнаго Варлаама Ху-
скаго, явившагося старцу три раза въ продолженіе одной ночи и посы-
шаго его столько-же разъ на монастырскую колокольню, чтобы видѣть
овящіяся Новгородцамъ казни Божіи за ихъ нечестіе. Нѣкоторыя зданія,
ъ часть Дѣтинца съ Пречистенскою башнею, звонница Софійская и дру-
, воспроизведены въ томъ-же приблизительно видѣ, какъ и на изобра-
ніяхъ Знаменскомъ и Михайловскомъ. Это возбуждаетъ довѣріе къ прав-
ости передачи художникомъ и другихъ частей рисунка, особенно внут-
ности жилищъ Новгородцевъ, посѣщаемыхъ Ангелами, повѣряющими, съ
исками въ рукахъ, тѣхъ грѣшниковъ, которые обречены на казнь.—Въ
браніи Музея статистическаго комитета хранится, повидимому современ-
й этому подлиннику, списокъ, хотя значительно тронутый временемъ.

Картины, принадлежащія церквамъ Успенской и Пантелеймоновской,
е не старѣе XVII вѣка; онѣ изображаютъ змѣевидною полосою, сверху
ъ, крестный ходъ отъ Спасской церкви, которая и теперь стоитъ неда-
отъ Знаменскаго собора, съ образомъ Богоматери на „забрало гор-

во время Суздальской осады 1169 г., когда совершилось чудо, давшее Н
городцамъ блистательную побѣду надъ дружинами 72 князей, союзник
князя Андрея Боголюбскаго. Мѣста картины, незанятыя змѣевидною по
сою, записаны изображеніемъ, между прочимъ, домовъ Новгородцевъ, и
оконъ которыхъ смотрятъ на крестный ходъ хозяева, одѣтые въ праздничн
платье и въ шапкахъ; кое-гдѣ написаны церковныя и другія зданія. Пись
въ общемъ хорошее по времени, вымыселъ художника—своеобразенъ.

Слѣдуетъ еще отмѣтить, что въ путешествіи Олеарія по Россіи, изда
номъ, въ первой половинѣ XVII вѣка, нѣсколько разъ на западѣ Европ
и представляющемъ большую библіографическую рѣдкость, помѣщенъ ви
Новгорода. За вѣрность и точность рисунка можетъ ручаться то любопы
ство, которое въ XVII вѣкѣ возбуждала Россія на западѣ Европы и вн
маніе любознательнаго путешественника, непропускавшаго безъ описан
ничего, сколько нибудь выдающагося въ томъ или другомъ отношеніи. Р
сунокъ Олеарія воспроизведенъ на лицевой сторонѣ обложки сочиненія
И. И. Толстаго „До Петровская нумизматика. Выпускъ I деньги Велика
Новгорода",—но въ уменьшенномъ видѣ, затемняющемъ подробности. Д
всесторонняго изученія внѣшности Новгорода за время отъ XV вѣка до н
шихъ дней, мѣнявшагося въ зависимости отъ уменьшенія значенія его
средѣ городовъ Россіи, было-бы желательно получить списокъ съ Олеаріе
рисунка изъ сочиненій его, хранящихся въ С.-Петербургской Императ
ской Публичной Библіотекѣ.

Описанными изображеніями исчерпываются, сколько мнѣ извѣстно, в
тѣ памятники старины, которые выше названы средними между церк
ными и гражданскими. Подробный нѣсколько очеркъ ихъ представляется зд
потому, что вся ихъ совокупность даетъ удовлетворительное представле
о наружномъ видѣ весьма многихъ сооруженій, изслѣдованіе о которы
входитъ въ кругъ нашихъ изысканій, и особенно сооруженій, еще сох
нившихся до нашихъ дней вполнѣ, или наибольшею частію и составля
щихъ предметъ нашей охраны въ ближайшемъ будущемъ. Особенную ва
ность имѣютъ изображенія Знаменское, Михайловское и Олеаріево; они н
саны съ трехъ различныхъ сторонъ: Знаменское—съ сѣверо-запада, Мих
ловское съ юго-востока, Олеаріево съ юго-запада, а первые два, свер
того, съ высоты птичьяго полета. При такихъ способахъ написанія рису
ковъ предметы, повторяющіеся на всѣхъ, освѣщены одинаково и выраже
отчетливо съ трехъ сторонъ, а высота птичьяго полета, —(художники вѣр
ятно писали съ высокихъ башенъ)— дала составителямъ ихъ наибольшу
возможность сохранить соразмѣрность пространства площадей и разстоя
между сооруженіями.—Такимъ образомъ при помощи этихъ изображе
легко производить исправленія и восполненія отвалившихся, за ветхост
частей всѣхъ тѣхъ памятниковъ старины, сохранившихся до нашихъ дн
которые сходны съ повторяющимися на каждомъ изъ трехъ рисунко
изображенія болѣе поздняго времени, воспроизводящія рисунки перв
трехъ и въ свою очередь дающія сходство ихъ съ сохранившимися соо
женіями, служатъ хорошимъ указателемъ времени исчезновенія предмето
непоказанныхъ на этихъ позднихъ, но нанесенныхъ на болѣе древнія.

Изъ вышепоименованныхъ памятниковъ и остатковъ старины граждан-
кой одни, собственно памятники, могутъ быть сохраняемы въ первобытномъ
дѣ своевременною починкою, а другіе, т. е. остатки,—даже и возстановляемы
и помощи древнихъ и старинныхъ изображеній Великаго Новгорода, если
лько еще не обратились въ груду развалинъ. Этимъ и вызывается
едположеніе Правленія просить позволенія епархіальнаго начальства очи-
ть средствами Общества отъ налета копоти и пыли указанныя изобра-
нія, хранящіяся въ четырехъ Новгородскихъ церквахъ и сдѣлать съ нихъ
нѣйшіе списки для древнехранилища нашего.

Дѣтинецъ.

Дѣтинецъ Великаго Новгорода—это святыня всего Русскаго народа.
ъ возникъ въ вѣка недовѣдомые и былъ свидѣтелемъ того Вѣча, на ко-
ромъ рѣшено заложить основу Государственной жизни славяно-русскаго
рода. По грѣшному равнодушію людей науки къ захудалому пестуну
льменскаго славянства, онъ забытъ и прозябаетъ на могилахъ отдален-
ихъ проотцевъ, на развалинахъ величія и славы Господина Государя
ликаго Новгорода.

Прошедшее Дѣтинца съ его многочисленными когда-то и величествен-
ими сооруженіями, это прошедшее всего полночнаго славянства съ его ра-
стями и горестями. Пророческія слова, вложенныя въ уста Марѳы Борец-
й Карамзинымъ, жившимъ въ Новгородѣ въ самомъ началѣ нашего вѣка,
ида въ Дѣтинцѣ и по всему городу было еще много, сравнительно, дра-
цѣнныхъ памятниковъ древности,—сбылись на нашихъ глазахъ: знаме-
тыя площади поросли сорною травою, урочища забыли свои имена,
мы и дворцы рухнули, не оставивъ даже и воспоминаній о мѣстахъ, на
торыхъ они когда-то стояли, гордые благочестіемъ своихъ основателей и
вою своихъ обитателей.

Первыя лѣтописныя свѣдѣнія о каменномъ Дѣтинцѣ относятся къ 1044
у; о дальнѣйшей судьбѣ его много замѣтокъ, но всѣ онѣ не настолько
едѣлительны, чтобы можно было представить отчетливо жизнь этой твер-
зи. Именитые писатели коснулись прошедшаго Дѣтинца вскользь, слегка;
гка же отнеслись къ нему и ближайшіе къ намъ знатоки древности
ской.

Оставляя подробное изложеніе прошлаго Новгородской твердыни до бу-
щаго, отмѣтимъ здѣсь, для цѣлей Общества, въ общихъ чертахъ, лишь
которые, болѣе дряхлые памятники ея.

Въ 1862 году, въ самый разгаръ работъ по открытію памятника со-
ршившемуся тысячелѣтію Россіи и приготовленій къ празднованію эт
мменательнаго событія, береговая часть стѣнъ Дѣтинца упала отъ
Правительство возстановило поврежденіе и назначило на подде
и башенъ Дѣтинца, въ предупрежденіе новыхъ паденій, ежего
ть по тысячѣ рублей. Деньги эти получаются и расходуются с

года Новгородскимъ Губернскимъ Правленіемъ, съ отчетностью по кону.

Въ силу права имѣть наблюденіе за памятниками старины и при мать мѣры къ ихъ охраненію, Обществу слѣдуетъ знать: какія части Д тинца, когда и въ какихъ размѣрахъ были исправляемы и какою сто мостью ограничивались тѣ или другія работы. Вопросы эти вызывают необходимостью сообразовать съ отвѣтами на нихъ нашу дѣятельность течении предстоящаго лѣта, по недопускающему ни малѣйшаго промедле исправленію нѣкоторыхъ частей Дѣтинца,—каковы:

а) Обѣ круглыя башни, находящіяся въ стѣнѣ прилегающей къ Влади ному двору. Башни эти обветшали, вывѣтрившіяся дверныя и оконныя п стоты, остающіяся болѣе столѣтія открытыми и совершенно свободны для проникновенія чрезъ нихъ снѣговъ и дождей внутрь башенъ,—ос пались настолько, что грозятъ полнымъ разрушеніемъ этихъ древнѣйши сооруженій и прилегающей къ нимъ стѣны Дѣтинца;

б) Огромные и величественные подземелья, составляющія основаніе б шенъ, служившія въ древнѣйшія времена тайниками и темницами, а тепе обращенныя въ погреба и кладовыя: такія подземелья—подъ Княжею Ба нею, въ которой помѣщается пристанище для дряхлыхъ бѣдняковъ,—по такъ называемою Евѳиміевскою Башнею,—а вѣрнѣе это Великій Терем сооруженный архіепископомъ Василіемъ въ первой половинѣ XIV вѣка,— подъ Судебною палатою, называемою также въ лѣтописи Престольною Одриною, а въ болѣе позднія времена Іоанновскимъ корпусомъ и Палат Грановитою, обращенною въ 20 годахъ въ Крестовую церковь Викарія Н городской епархіи, во имя Іоанна Архіепископа Новгородскаго;

в) Башня Покровская, самая высокая изъ всѣхъ и своеобразнаго вн подвальная часть ея была долгое время хлѣвомъ для свиней и кладов для капусты пожарныхъ Софійской части.

г) Башня между этою—Покровскою и Спасскою, къ которой пр строена съ наружной стороны часовня Богоматери—Живоносной Ист ницы,—называемая то Кукуевскою, то противу Государева двора.

д) Бѣлая Алексѣевская башня—на границѣ города и Троицкой с боды, стоящая много—много лѣтъ непокрытою, на проѣзжей дорогѣ и Паозерья въ городъ.

Эти пять сооруженій требуютъ неотложенной поддержки какъ по дря лости своей, такъ равно и по нетронутости съ отдаленныхъ временъ пер бытнаго ихъ вида и по соединеннымъ съ ними воспоминаніямъ, остав шимъ большею частію слѣдъ, иногда ясный, въ лѣтописи и другихъ Нов родскихъ письменныхъ памятникахъ, иногда въ преданіяхъ, иногда, на нецъ и въ преданіяхъ и въ обстоятельствахъ побочныхъ.

Дряхлость и внѣшность разсматриваемыхъ сооруженій, снаружи о видны для всякаго, о соединенныхъ же съ ними воспоминаніяхъ д демъ нѣсколько лѣтописныхъ и другихъ справокъ и укажемъ на нѣкоторыя особенности, вызывающія настоятельность поддержки ихъ.

Круглыя башни

ѣ круглыя башни возведены или въ концѣ XV вѣка, при полномъ
вленіи Дѣтинца Иваномъ III и архіепископомъ Генадіемъ, на мѣстѣ
къ, тоже круглыхъ, тогда же разобранныхъ, или остаются отъ древ-
къ временъ и только починены. Та, которая приходится на сѣверо-
омъ закругленіи стѣны, почти прямо противъ воротъ, ведущихъ въ
йскій дворъ съ площади, была проѣзжею въ Неревской конецъ, ле-
за Дѣтинцемъ съ сѣверо-восточной стороны; на воротахъ, которыми
ли въ пролетъ подъ этою башнею, сооружена была въ 1233 году,
послѣ кончины юнаго брата Св. князя Александра Невскаго, князя
Ярославича, скончавшагося предъ самою свадьбою, лѣтомъ того
тоже—причисленнаго къ лику святыхъ. Другая круглая башня,
шая къ дому, въ которомъ помѣщалось въ началѣ XVIII вѣка учи-
братьевъ Лихудовъ, или Лихудіевъ, не упоминается въ древнихъ
нныхъ памятникахъ; въ первый разъ она встрѣчается въ донесеніи
одскаго воеводы Московскому Государю о количествѣ военныхъ сна-
ва каменномъ и на земляномъ на меньшемъ городѣ, 1649 года; она
названа Круглою, противъ Митрополичьяго двора на городовой стѣнѣ.
о уцѣлѣвшимъ остаткамъ можно считать ее жилою. Есть преданіе,
щее подтвержденіе въ названіи ближайшихъ къ ней малыхъ вода-
воротъ (часть ихъ видна) тайницкими, что въ этой башнѣ были тай-
ля храненія цѣнностей Владычняго двора. Между внутреннею сторо-
ѣны Дѣтинца, прилегающей къ этой башнѣ, и вытянувшимися вдоль
ройками Архіерейскаго двора, остается весьма тѣсный проходъ; лучи
и дуновеніе воздуха туда не проникаютъ, что особенно благопріятно
, превращающей кирпичную облицовку стѣны и смазку булыжныхъ
основной, срединной ея кладки, въ щебень и порошокъ,—отпадаю-
засаривающіе проходъ и все основаніе стѣны и башни; тоже должно
ться и внутри башни, хотя проникнуть туда невозможно, хода
да если бы и сдѣлать его, едва ли кто рѣшится пробраться
развалины, грозящей наказать смертью любопытство. Наружная
стѣны и башни, т. е. обращенная въ лѣтній садъ, непредстав-
такою же опасною, какъ внутренняя, а потому доступною и еще
ающею опасенія за ближайшее разрушеніе; отсюда, съ небольшими
собленіями, можно осмотрѣть внутренность башни и упомянутый
проходъ, чтобы опредѣлить безопасныя средства къ производству ра-
езъ малѣйшаго промедленія.

Подземелья.

ѣ три подземелья устроены въ древнѣйшія времена. Хотя лѣтопись
инаетъ прямо ни объ одномъ, но о сооруженіяхъ ближайшихъ къ

нимъ и о тѣхъ, для которыхъ подземелья служатъ и теперь основан
имѣются указанія и прямыя и косвенныя, дающія возможность опред
приблизительно не только время построенія, но также первоначальное
наченіе и послѣдующее употребленіе каждаго.

а) Княжеской башни.

По отношенію къ первому подземелью указаніемъ времени сооруж
служитъ: наименованіе высящейся надъ нимъ башни Княжею, а близ
шихъ къ ней сооруженій, именно Покровской церкви и тѣхъ постро
которыя показаны на изображеніяхъ Знаменскомъ и Михайловскомъ и
ваніе которыхъ обнаружено, частію, раскопками прошлой осени, Княж
дворомъ, (въ 1553 г. въ отмѣткѣ о построеніи церкви Кирилла и Хр
фора) и при томъ въ то время, когда Новгородъ уже былъ присоеди
къ Московскому державству, когда Государи Московскіе называли
князьями, а царями (Иванъ IV вѣнчался царемъ 16 Января 1548 год
когда ни одинъ князь, какъ Государь, тутъ не живалъ. Если намѣстни
и бывали князья служилые, напримѣръ Стрига, Хилковъ и другіе, но
званіе, въ свободолюбивомъ городѣ не могло дать двору, въ которомъ
могли проживать временно, наименованія княжа. Покровская церковь,
легающая къ этой башнѣ сооружена княземъ Владиміромъ Ярослав
около 1020 года, за четверть вѣка раньше Софійскаго собора, заложе
тѣмъ же княземъ, причисленнымъ къ лику святыхъ, въ 1045 г., а
щеннаго въ 1052 году. О дальнѣйшей судьбѣ этой церкви, какъ при
ной княжеской, молчатъ лѣтописи именно потому, что вели лѣтописи
ковники, которымъ было вмѣнено въ обязанность отмѣчать случаи съ
вами приходскими. О первоначальномъ назначеніи разсматриваемаго п
мелья судить хотя и трудно, не изслѣдовавъ его во всѣхъ подробност
каковы напримѣръ: уровень прилегающей къ подземелью почвы, глу
его, древнія свѣтовыя и дверныя пустоты, задѣланныя впослѣдствіи, с
печей, тѣмъ не менѣе положеніе подъ княжею башнею и рядомъ съ
жею церковью даетъ поводъ видѣть въ немъ тайникъ, или помѣщеніе
служилыхъ людей и вообще для стражи и дворцовой челяди,—или
По свидѣтельству памятниковъ отъ первыхъ годовъ XVII вѣка близъ
жей башни былъ тогда Дьячій Дворъ; лѣтъ за 50 передъ этимъ тутъ
яла деревянная Дьячая изба, которую въ 1549 г. разметали для постр
каменной; этой послѣдней принадлежали, по всей вѣроятности, и т
домика, на мѣстѣ которыхъ возведенъ нынѣшній Музей; Дьячій дворъ
четливо нанесенный на Знаменское и Михайловское изображенія, усту
свое мѣсто тюрьмѣ, помѣщавшейся на всемъ пространствѣ, начиная съ
жей башни до Чортовой, до 1832 года. Тюрьмѣ же принадлежала
кровская церковь, что ясно по глухимъ полатямъ надъ заднею полов
ея, съ круглыми маленькими оконцами, меньше четверти, чрезъ ко
колодники слушали богослуженіе; эти оконца сдѣланы на такомъ р

гъ полу, что приходятся прямо у головы стоящаго человѣка обыкно-
роста. Весьма возможно, что и подземелье подъ Княжею башнею
лежало, какъ и сама она, Дьячему двору послѣ самобытія Новгорода,
тверждается нѣсколько неправильнымъ проломомъ сѣверной стѣны
крывшимъ внутри стѣны Дѣтинца, прилегающей къ подземелью, пу-
сходную съ тайнымъ сообщеніемъ съ Чортовою башнею, мѣстомъ
и пытокъ; теперь эта пустота засорена обвалившимися съ боковъ
ку камнями и всякимъ мусоромъ,—очистка укажетъ ея назначеніе.
гмѣтимъ здѣсь одну особенность, доказывающую сооруженіе Покров-
ъ Княжемъ дворѣ церкви именно въ указанное время, т. е. около
г. Къ этому времени пріурочивается наибольшая дѣятельность Яро-
Мудраго по сооруженію храмовъ въ Новгородѣ и Кіевѣ, византійскими
никами и построеніе изъ сплошнаго камня части Новгородскаго Дѣ-
собственно юго-западной; другую, сѣверо-восточную сдѣлалъ сынъ
. Владиміръ Ярославичъ. Въ главномъ Алтарѣ, по стѣнамъ его, со-
нись, лѣтъ 45 назадъ, въ величину окна на горнемъ мѣстѣ, и такого
да дуги, вытянутыя, подобно краямъ оконныхъ и дверныхъ впадинъ
ожены точно также и изъ той же Мусіи, какъ совершенно сходныя
ми украшенія въ главномъ же алтарѣ Софійскаго собора и теперь
ющіяся. Въ настоящее время дугъ невидно; но подъ слоемъ краски
открыть если не самую Мусію (мозаику), такъ слѣды ея. Мнѣ дово-
въ дѣтствѣ, еще гимназистомъ, при обозрѣніи Новгородскихъ древно-
одъ руководствомъ почтеннаго преподавателя Ив. Куцріяновича Ку-
а, сравнивать Покровскую Мусію съ Софійскою;—не только изобра-
цугъ, но даже порядокъ расположенія камешковъ, ихъ цвѣтъ и раз-
были совершенно одинаковы. Да и самое внутреннее устройство По-
й церкви съ двумя придѣлами, непохожее на сооруженія Новгород-
церковнаго зодчества, напоминаетъ древніе византійскіе храмы, напри-
ессалоникскій. При возобновленіи Дѣтинца при Иванѣ III, въ 1484—
гг., возобновлена и Покровская церковь, но, какъ и весь Дѣтинецъ,
рой основѣ.

одземелье княжей башни сильно засорено; сряду отъ входной двери
уклонъ по сплошной кучѣ мусора въ стороны; должно быть сюда
сваливался снаружи всякій соръ, давшій кучу. Длина и ширина
елья равна площади основанія княжей башни,—вышина больше двухъ
; сводъ легкій, крутой и вообще очень сходный съ Софійскими;
и сводъ обмазаны густо известью, хорошо выглаженною снаружи,
казываетъ на недавнюю отдѣлку, вѣроятно не раньше прошедшаго
тія; оконныхъ углубленій не видно; если они и были,—такъ задѣ-
и замазаны; непримѣтно и слѣдовъ печей. Прилегающая къ княжей
снаружи площадь значительно приподнята; если ее очистить и до-
ся до самаго основанія башни, и если вмѣстѣ съ тѣмъ очистить
елье до пола,—это послѣднее явится въ первобытномъ видѣ, доступ-
ля подробнаго изслѣдованія и изученія: его, самой башни, церкви и
Дѣтинца. А очистка необходима: сырость,—слѣдствіе сорныхъ кучъ,—

оказываетъ огромное вліяніе на быстроту разрушенія подобныхъ
женій.

б) Великаго Терема, или Евѳиміевой башни.

Башня, подъ которою второе подземелье, болѣе перваго, обширн
лучшемъ видѣ сохранившееся и содержимое, извѣстна подъ именемъ
фиміевой,—но, какъ уже замѣчено, сооруженіе ея не принадлежи
одному изъ владыкъ Новгородскихъ съ именемъ, ей присвоеннымъ,
ни Евѳимію Брадатому, ни Евѳимію Вяжицкому, святому. Если-бы
башни не связывалось со временемъ построенія ея и по кладкѣ ст
особенно сводовъ этого подземелья, братски сходнаго съ первымъ, не у
шало-бы древности какъ ея, такъ и подземелья, а равно, если-бы о
затемняло вопроса о времени возведенія другихъ сооруженій, сосѣдни
не вносило путаницы въ изысканія многихъ изслѣдователей,—не бы
надобности и останавливаться на имени: башня и подземелье суще
ютъ, намъ придется имѣть дѣло съ ними, а не съ именами. Выше
зано, что разсматриваемую башню слѣдуетъ считать Васильевою, а н
ѳиміевскою и не башнею, а Великимъ теремомъ. Изъ лѣтописи
что Архіепископъ Василій поставилъ, за 84 года до владычеств
Евѳимія, возведеннаго на сѣни въ 1425 году, Теремъ Великій; подъ
мами и теремцами разумѣются высокія зданія, церковныя и гражда
Поводомъ къ присвоенію Великому терему имени Евѳиміевой башни
жили сбивчивыя показанія второй и третьей Новгородскихъ лѣто
обѣ онѣ поздняго, сравнительно, составленія, судя по годамъ послѣ
отмѣтокъ; вторая писана около 1587, а третья 1716 года. Извѣстно
всѣ отечественныя лѣтописи, дошедшія до насъ, несовременны собы
въ нихъ отмѣчаемымъ. Записи, или—по Новгородски,—памятухи, или
водъ буквальнаго содержанія этихъ памятухъ въ одну книгу, сло
слово,—таковы лѣтописи древнія, до конца XV вѣка. Сводъ ска
тѣхъ же памятухъ, но уже нѣсколько обработанный его составителем
дополненіями, поясненіями и домыслами его, появляется у насъ съ XVI
и вноситъ темноту, а иногда и очевидное искаженіе событій. Такъ слу
и съ Великимъ теремомъ. Во второй лѣтописи значится, что владыка Е
въ 1433 г. поставилъ Полату каменну велику,—а въ третьей, подъ
же годомъ, что Палату Евѳимій поставилъ у себѣ на дворѣ, и что
въ ней было 30; во второй—что въ 1436 году владыка Евѳимій над
латою у себя часы звонящіи устрои, а въ третьей подъ этимъ же
записано—часы устрои каменные, въ саду, близъ стѣны каменной
ной; въ Софійской лѣтописи подъ 1449 г. отмѣчено:—владыка Е
поставилъ часозвоню; затѣмъ подъ 1673 г. третья лѣтопись сообщаетъ,
Митрополичьемъ дворѣ, надъ воротами, на каменной церкви, поставлены
въ началѣ XVIII вѣка при Петрѣ Великомъ устроены часы съ боем
курантами) на той самой башнѣ, которая называется теперь Евѳиміев

еликомъ же теремѣ Василія неупомянуто послѣ 1341 г. ни разу,— ь что неизвѣстно, куда онъ дѣвался; о другомъ же каменномъ сооруіи этого владыки, о каменной Палатѣ у себя на дворѣ, подлѣ Рожде-а—по второй лѣтописи, и о Палатѣ каменной его же, но безъ означемѣста—по третьей, мы знаемъ,—такъ какъ Рождественская церковь а на воротахъ, ведущихъ съ площади въ архіерейскій дворъ, гдѣ теь церковь Благовѣщенская,—а нынѣшній архіерейскій домъ, въ совреномъ видѣ, устроенъ въ XVIII вѣкѣ, и въ составъ его вошли, судя по дкѣ, обнаруженной минувшимъ (1893 года) лѣтомъ при починкахъ, древдома, а въ числѣ ихъ и Васильева палата. Евѳиміевою палатою счится та, въ которой жилъ обыкновенно викарій Новгородской епархіи и рая три года назадъ была вся разобрана, даже съ основаніемъ, а заь построена вновь на прежнемъ мѣстѣ, но съ другимъ внутреннимъ оложеніемъ. Наблюдавшему за кладкой прежней палаты легко было ть древность оной,—кладка булыжная съ плитнякомъ,—своды изъ ичей неодинаковыхъ размѣровъ. Можно установить, что дѣйствительно палата сооружена первоначально Евѳиміемъ, уже судя по одной кладкѣ,— же подтверждается и очень неглубокимъ ея основаніемъ,—всего ара на три ниже площади. Но башня его имени приходится на значиномъ разстояніи отъ этой палаты; между ними церковь Св. Сергія нежскаго; стало быть „часы звонящіи" были устроены не на башнѣ. не назвалъ-ли лѣтописецъ башнею часозвоню 1449? и это сомнительно: емелье занимаетъ пространство не только подъ башнею, но и во всѣ оны отъ нея; такъ что башня приходится на сводѣ его; а Евѳиміевы уженія были возведены быстро; въ числѣ рабочихъ и строителей находилось ало нѣмцевъ (по лѣтописи); иныя изъ построекъ этого владыки падали ду послѣ окончанія ихъ. По глубинѣ, и кладкѣ стѣнъ и сводовъ, подзеье сходно, какъ сказано, братски съ первымъ, значитъ оно ему и современно. Для уясненія сомнѣній обратимся къ изображеніямъ Дѣтинца и то Новгорода Михайловскому и Знаменскому.

На обоихъ изображеніяхъ написана башня, называемая Евѳиміевою; первомъ она оканчивается шеломовидно, а на второмъ шатровымъ верь, какой и теперь; на первомъ показана, сверхъ того, нѣсколько на ль отъ упомянутой Рождественской церкви, небольшая шатровая дереая башенка, съ сквозными просвѣтами или пролетами. Приходится она той части Митрополичьяго дворца, которая обращена внутрь двора и къ . Отмѣтка о часозвонѣ ближе подходитъ именно къ этой башнѣ. Если лѣтописецъ разумѣлъ не ее, а называемую Евѳиміевою, то непреминулъ сказать „великую или высокую", подобно тому, какъ онъ сказалъ о Па-ъ съ 30-ю дверьми; часы же звонящія могли быть устроены на Велиь теремѣ, для чего измѣнена верхушка его изъ шеломообразной въ вовидную. По всѣмъ приведеннымъ даннымъ слѣдуетъ считать Евѳимішню Великимъ теремомъ владыки Василія, поставленнымъ надъ подмъ болѣе древняго устройства.

Хотя подземелье Великаго терема содержится лучше перваго, н
также сыро и также требуетъ очистки и приведенія въ первобыт
стояніе.

и в) Палаты Судебно-престольной.

Третье подземелье принадлежитъ Палатѣ Престольно-Судебн
Одриной, или Грановитой, подъ такъ называемымъ Іоановскимъ кор
къ полуденно-западной сторонѣ котораго примкнула палата съ
Евѳиміевой. Это подземелье раздѣляется въ настоящее время на тр
неодинаковой величины; одна почти подъ всею восточною половин
нія, другая, самая большая подъ всею полночною стороною, а трет
мая меньшая, приходится подъ участкомъ стороны западной, соотвѣ
щимъ помѣщеніямъ ризницы Крестовой церкви викарія.—По строен
земелье почти одинаковой, внутри, высоты съ обоими описанными
шенно не похоже на нихъ въ остальномъ. Каждое изъ тѣхъ вывед
подпоръ свода, чѣмъ и обусловливается ихъ величественность, з
сводъ, составляющій полъ собственно Престольной Судебной Палат
рается на пять четырегранныхъ устоевъ, на одинаковомъ между
наружными стѣнами разстояніи, сведенныхъ вверху вмѣстѣ межд
и съ наружными стѣнами и раздѣляющихъ такимъ образомъ все
мелье на необширные, но высокіе, до двухъ саженъ, прямоу
участки, числомъ двѣнадцать; пространство между нѣкоторыми усто
брано толстыми стѣнами, тоже сведенными вверху, а между
остается открытымъ. Въ наружныхъ стѣнахъ продѣланы, подъ
сводами, небольшія окна съ свѣтовыми, сверху внизъ, откосами;
нахъ, между устоями, выбраны то двери, то небольшія окна; въ
рыхъ изъ послѣднихъ еще уцѣлѣли желѣзныя рѣшотки, совершенно
жавѣвшія и разлущившіяся на столько, что при малѣйшемъ давлені
цемъ ломаются, какъ сухая глина; деревянная же подушка, замѣ
одномъ изъ такихъ оконъ, обратилась въ губку; стоитъ ткнуть п
и она разлетится пылью.

Все подземелье подъ восточною половиною зданія предостав
распоряженіе эконома архіерейскаго дома и содержится въ полномъ
здѣсь половой настилки нѣтъ; стѣны, какъ наружная, такъ и вну
равно и устои сводовъ, опираются на кладку изъ очень крупнаго
ника, значительно выступающую наружу изъ отвѣса стѣнъ; ширин
дой стороны устоевъ больше $2^1/_2$ аршинъ; толщина стѣнъ такая же
слѣды печей.

Подземелье полночной стороны завалено было, года полтора
различными обломками; проникнуть туда неудалось и получить п
леніе о свойствѣ и качествѣ этихъ обломковъ не пришлось; по
завѣдывавшаго тогда обоими подземельями, оно точно такое же в
подробностяхъ, какъ и первое; обломки, наваленные сверху, прина

однымъ къ употребленію домашнимъ предметамъ,—а что подъ ними— неизвѣстно.

Западное подземелье доступно каждому; оно было обращено до самаго слѣдняго времени, именно до глубокой осени минувшаго года, въ кладо- о для строительнаго вещества; преобладала известка, разсыпанная какъ пало; были тамъ и другіе предметы, напримѣръ—языкъ отъ большаго колокола, каменное ядро, то самое, должно быть, котораго недоставало въ ной изъ двухъ кучъ, сложенныхъ у Софійскаго собора, огромный блокъ подъема тяжестей, каковы колокола, кресты, воздвизаемые на церков- ихъ главахъ и проч., и другіе предметы. Лѣтъ восемъ назадъ здѣсь были печи,—теперь уже не осталось отъ нихъ ничего кромѣ копоти,—но зато многихъ мѣстахъ, особенно въ дымо-проводахъ, открылась кладка стѣнъ.

Въ этомъ подземельи есть одна замѣчательная особенность: по свѣто- ъ откосамъ окна, что слѣва отъ входа со двора, и по сторонѣ сводо- устоя, приходящагося прямо противъ этого окна, явственны слѣды тѣннаго письма, расположеннаго въ излюбленномъ Новгородскими ху- никами древности вкусѣ,—въ кругахъ; по нѣкоторымъ можно еще раз- дѣть очертаніе лицъ, хотя и слабое. Пріемы художника, занимавшагося мъ письмомъ, даютъ основанія относить время его работы ко второй овинѣ XV вѣка и притомъ къ концу ея, когда художество, въ смыслѣ рчества, уже упало и когда образа святыхъ писались по снимкамъ съ ѣе древнихъ,—изготовленнымъ при помощи вощанки, т. е. тонкой бу- и пропитанной воскомъ; это видно изъ глубоко проникающихъ въ под- вку для письма площадки стѣны бороздъ, соотвѣтствующихъ очертаніямъ браженія, подлежащаго написанію. Была-ли тутъ келья благочестиваго ка—художника, или здѣсь помѣщалось училище художниковъ, или на- нецъ—это слѣды храма,—неизвѣстно;—ни въ одномъ изъ доступныхъ изученія письменныхъ памятниковъ нѣтъ хотя бы и слабыхъ наме- ъ, чтобы съ нихъ начать изысканія. Быть можетъ въ упомянутыхъ анилищахъ старыхъ дѣлъ Софійскомъ и Консисторскомъ, что нибудь и дется, но въ настоящее время доступъ къ нимъ если и не безусловно возможенъ, во всякомъ случаѣ затруднителенъ.

Для наблюдателя, не посвященнаго во всѣ оттѣнки движенія стро- ьнаго искусства съ древнѣйшихъ временъ, византійскаго, римскаго, ританскаго, готическаго, скандинавскаго и средне-азіятскаго вообще, легко бываетъ опредѣлить, хотя-бы и приблизительно, отраженіе въ нихъ Новгородскихъ сооруженіяхъ вліянія того или другаго народа, той другой страны, а по таковымъ вліяніямъ предполагать о сношеніяхъ городцевъ съ народами и странами, оставившими слѣды своего вліянія; ду тѣмъ изысканія въ этомъ направленіи не могутъ быть чужды на- Обществу. Для непосвященнаго наблюдателя сравнительный обзоръ трехъ подземелій говоритъ за высокую, величественную смѣлость со- ія первыхъ двухъ, и за робость неопытнаго зодчаго, выводившаго третьяго.

Уже отмѣчено, что всѣ три подземелья были въ древности тюрьма
Основанія этого мнѣнія относительно перваго подземелья высказаны, п
чемъ, замѣчено, что оно устроено было первоначально вовсе не для э
цѣли. Тоже слѣдуетъ повторить и о другихъ двухъ, хотя данныхъ, о
бенно о подземельи подъ Великимъ теремомъ, нѣтъ, кромѣ величественнос
и огромности его, ведущихъ къ однимъ только догадкамъ и предпол
женіямъ, вытекающимъ изъ времени первоначальнаго сооруженія нынѣ
няго Дѣтинца, и изъ условій и обстоятельствъ внутренней жизни Велика
Новгорода въ первые два вѣка, непосредственно слѣдовавшіе за основаніем
нашей Государственной жизни.

Новый Государственный строй не вдругъ пріобрѣтаетъ устойчивост
подвергаясь колебаніямъ до тѣхъ поръ, пока онъ пуститъ корни въ поч
достаточно глубоко; въ такой странѣ какъ Ильменская, стоявшая во гла
разноплеменныхъ союзниковъ, колебанія не могли не быть значительны
продолжительны,—это подтверждается нѣкоторыми, хотя и неточными
подробностяхъ, преданіями, нашедшими себѣ мѣсто не только въ лѣто
сныхъ сборникахъ поздняго состава, каковы—лѣтопить Никоновская, отр
вокъ Якимовской, Синопсисъ Гизеля и др., но даже и въ представле
такого великаго знатока отечественнаго прошлаго, какимъ былъ К
рамзинъ.

Преданія удостовѣряютъ, что Новгородцы-Ильменцы слыли у свои
инородныхъ сосѣдей за народъ неуживчивый, непостоянный и когда о
вздумали искать себѣ правителя или военачальника между властными
сѣдями, никто не хотѣлъ идти къ нимъ „бояху-бо ся звѣринаго ихъ прав
(лѣт. Никоновская); тогда же выискались смѣльчаки, взявшіеся за устро
ство страны Ильменской; вскорѣ возникло Вадимово возстаніе, хотя и
удавшееся по незначительной численности его сторонниковъ, но вызвавш
откочеваніе большой орды Новгородцевъ къ Кіеву (таже лѣтопись, отр
вокъ Якимовскій, повѣсть Карамзина). Удаленіе Олега, этого перваго дос
вѣрнаго державца, съ своею дружиною изъ Новгородскихъ предѣловъ, г
онъ имѣлъ свою собственность (Ладога), рѣчь Святослава Игоревича, обр
щенная къ посламъ Новгородскимъ, требовавшимъ у него себѣ князя
„абы кто пошелъ къ вамъ“, то есть „да кто пойдетъ къ вамъ“;—посл
довавшія далѣе, сряду послѣ Ярослава, неудовольствія къ княжеской Ру
и то призывъ въ Новгородъ, то изгнаніе князей—все это говоритъ не двусм
сленно, что Государственный строй, изобрѣтенный и основанный въ стра
Ильменской, долго не могъ здѣсь окрѣпнуть.

Тоже можно сказать и о христіанствѣ. Насильственное крещеніе П
тяты и Добрыни „уя Володимерова“ не обезопашивало вѣроучителей, о
бенно первыхъ, людей пришлыхъ. Мы знаемъ, что въ странѣ Ильменск
язычество держалось очень долго, мѣстами даже до конца XVI вѣка. Е
неизвѣстны изъ лѣтописей случаи частыхъ насилій надъ духовенст
это не значитъ еще, что ихъ не бывало, а зависитъ, съ одной ст
отъ его осторожности, а съ другой отъ потворства языческимъ обря
противъ котораго Владыки посылали время отъ времени свои увѣщате
ныя грамоты.

Такимъ образомъ въ древности не были безопасны въ Великомъ Новгородѣ ни князья, ни Владыки-духовные, если не въ личномъ, такъ въ ущественномъ отношеніи.

Сооруженіе каменныхъ стѣнъ Дѣтинца съ крѣпкими башнями и обширхъ, глубокихъ и высокихъ подземелій подъ ними, вызвано было безъ мненія, необходимою для правителей личною и имущественною безопастью прежде всего. Вездѣ въ большихъ торгово промышленныхъ общехъ и всегда личность самыхъ высокихъ душевныхъ качествъ въ рѣдкъ случаяхъ не поглощалась и даже вовсе не уничтожалась богатствомъ; ке было и въ древнемъ Новгородѣ. Понимавшіе это правители заботись, конечно, о наибольшемъ скопленіи въ своихъ рукахъ и о наибезоснѣйшемъ сохраненіи богатствъ.

Изученіе изображеній Новгородскаго Дѣтинца ясно показываетъ, что я его площадь раздѣлялась на двѣ части; полуденно-западная и значильно большая, застроена была сооруженіями княжескими, а полночно-вочная—владычними; каждая изъ нихъ подраздѣлялась тоже на два участка, инъ изъ которыхъ принадлежалъ въ каждой части собственно княжимъ собственно владычнимъ сооруженіямъ, а другой служилымъ людямъ. жескій назывался Княжь-дворъ,—а Владыкинъ—дворъ владыченъ. Учака-же служилыхъ людей носили наименованіе околодковъ; Княжескихъ,—рисоглѣбскаго, по церкви, сооруженной былиннымъ Садко - Богатымъ, вшимъ сотникомъ, Владычнихъ—Владимірскаго, иногда называемымъ Грамъ Володимера, по имени князя Св. Владиміра Ярославича построившаго адычною часть стѣны Дѣтинца, или по сооруженной на проѣздныхъ воротахъ 1311 г. церкви во имя Св. Равноапостольнаго Владиміра. По срединѣ щади Дѣтинца стояли одно противъ другаго,—близъ княжеской полоы—зданіе Правительственной палаты, т. е. постояннаго вѣча, выражаюй свѣтскую власть—а близъ Владычной—Святая Софія,—представительда власти Духовной и Верховной покровительницы страны. Собственно жеской дворъ отдѣленъ былъ отъ другихъ дворовъ служилыхъ людей его орами; въѣздъ въ этотъ дворъ охранялся стражею, помѣщавшеюся тій въ княжей башнѣ, частію въ другой, стоявшей у самыхъ воротъ ра и называвшейся, послѣ сооруженія близъ нея церкви Іоанна Златоаго, Златоустовскою. Она приходилась рядомъ съ нынѣвшею звонницею кровской церкви, на востокъ.

Такимъ образомъ подземелье подъ Великимъ теремомъ служило въ евнѣйшія времена такимъ же тайникомъ для архіерейскихъ сокровищъ, кимъ подземелье подъ Княжею башнею—для княжескихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ немъ могли найти убѣжище во время смутъ и семья князя и ближайе бояре его,—а подземелье Великаго терема служило, вѣроятно, для того относительно владыки и его бояръ. Впослѣдствіи оно могло, какъ и , быть и тюрьмою, тѣмъ болѣе, что въ XVI и XVII вѣкѣ въ одномъ аній соединенныхъ теперь въ Митрополичій дворецъ, стоявшихъ близъ Дѣтинца, помѣщался Судный приказъ. Современи обращенія теремнаго мелья изъ тайника въ тюрьму, богатства Владычня двора хранились,

слѣдняя и Знаменская башни есть ничто иное, какъ существенная, собст
средняя, часть зданія церкви Михайловскаго изображенія. Тамъ це
представлена широкою въ нижней части, какъ Трое-частныя древні
ческія,—надъ срединою возвышается—продолженіе вверхъ средняго о
церкви, нѣсколько уменьшенное въ ширину и шестигранное,—съ окна
надъ нимъ вытягивается та часть, которая приходится подъ куп
церкви, трибунъ, тоже о шести граняхъ съ окнами въ каждой, и увѣнч
главою. Нижняя часть покрыта на обѣ стороны, скатами отъ среди
возвышенія наружу,—а это возвышеніе—на шесть скатовъ, соотвѣтст
гранямъ. Въ современномъ видѣ разноименная башня имѣетъ въ н
своей части, извнутри Дѣтинца, полуразрушившуюся каменную пристр
остатки ея доходятъ до высоты стѣны Дѣтинца, выступомъ, окан
ющимся площадкою, служившею поломъ для продолжавшагося вы
вверхъ и сводомъ для помѣщеній въ неразрушившейся части. Надъ
остаткомъ выступа, нѣсколько отступя отъ края его, обращеннаго в
Дѣтинца, возвышается самая башня, выходящая частію своей пл
основанія за стѣну Дѣтинца наружу, а частію ставшая во всю т
стѣны; такъ что она въ основаніи и до верха стѣны Дѣтинца—скв
Тѣ окна, которыя на Михайловскомъ изображеніи, повторяются и здѣс
они заложены, что отчетливо и ясно видно по новой сравнительно за
впадинъ. Въ этой стѣнѣ башни, отъ которой начался упомянутый
ступъ и которая смотритъ прямо на лѣтній востокъ, заложена бы
прежде обширная, безъ малаго во всю ширину стѣны, пустота, пол
томъ въ верхней части, начинавшаяся отъ пола остатка выступа. В
башни, въ той части, которая приходилась за этою заложенною пуст
валяются отбитые отъ стѣнъ кусочки известково-алебастровой обмазк
небольшими волокнами льна или пеньки; на гладкихъ сторонахъ кусо
слѣды красокъ. Такая именно обмазка дѣлалась на тѣхъ частяхъ
ковныхъ стѣнъ, которыя предназначались для настѣннаго письма.

О современномъ состояніи этой башни скажемъ нѣсколько словъ
а теперь остановимся на письменныхъ свидѣтельствахъ, имѣющихъ к
отношеніе, прямое или косвенное.

Въ древнѣйшей Новгородской лѣтописи отмѣчено подъ 1305 г
„Постави Семенъ Климовъ церковь камену на воротѣхъ отъ Прус
улицы". Въ Татищевскомъ спискѣ этой же лѣтописи повторена при
ная отмѣтка и пояснено—„на Городскихъ воротахъ". Въ третьей
родской лѣтописи подъ тѣмъ же годомъ сказано: Постави Семенъ К
вичъ церковь каменну Покровъ Пресвятыя Богородицы, на воротах
Прусской улицы, на каменномъ Дѣтинцѣ, въ Великомъ Новгородѣ. Въ
нѣйшей и другихъ лѣтописяхъ значится еще подъ 1389 годомъ: Гр
Якуновичъ постави церковь камену на воротѣхъ и поясняется (въ IV
Покровъ Св. Богородицы, „а старую порушавъ".—Въ росписи руж
церквей Новгородскихъ, составленной около 1585 г.—объ одной изъ
рехъ, бывшихъ въ то время, Покровскихъ церквей въ Дѣтинцѣ ска
что она „за Государевыми, Царевыми а Великаго князя житницами
Стрѣльнѣ" (Макарій I, стр. 110).

Обращаясь еще разъ, по поводу послѣдне приведеннаго свидѣтельства, ъ изображеніямъ Дѣтинца, найдемъ тамъ длинное узкое и низенькое каенное зданіе, вытянувшееся отъ небольшой башни,—что подлѣ Златоустовской церкви, бывшей сторожевою при въѣздѣ въ княжій дворъ и назанной выше Златоустовскою,—вплоть до самой стѣны Дѣтинца, на полнь отъ разноименной башни и значительно отступя отъ нея. Новгородкіе старожилы помнятъ конечно, что отъ ограды Софійскаго собора тянусь, назадъ тому около двадцати лѣтъ, въ восточномъ направленіи, древ- каменное зданіе, доходившее безмалого до самой стѣны Дѣтинца, и что зданіе называлось Житенный дворъ Архіерейскаго дома. Низенькое длин- каменное зданіе изображеній Дѣтинца будетъ, по этому, Житенный ръ княжій, или Государевы житницы XVI вѣка. Стрѣльнями называются лѣтописи башни. Нынѣшняя Покровская церковь не придется никакъ за ударевыми житницами, и стоитъ она не только не въ башнѣ, но даже нѣкоторомъ отдаленіи отъ стѣны Дѣтинца и отъ Башни княжей, совсѣмъ бнякомъ. Въ росписи Новгородскихъ церквей, учиненной въ 1615 году, лѣ опустошеній произведенныхъ шведскими войсками подъ предводительомъ генерала Якова Понтуса-де-ла-Гарди, показана церковь Покровъ святыя Богородицы у Дьячаго двора въ стѣнѣ.

На рисункѣ Омарія разноименную башню не трудно отличить отъ альныхъ Дѣтинцевыхъ по ея своеобразному виду; тамъ на ней водрунъ крестъ.

По приведеннымъ отмѣткамъ лѣтописи, Покровскія церкви Семена Кливича и Григорья Якуновича были обѣ на воротахъ отъ Прусской улицы; ъ словъ IV лѣтописи, что Григорій Якуновичъ порушилъ старую, чтобы ставить новую Покровскую церковь слѣдуетъ, что оба лица строили зновременно не двѣ, а одну и туже церковь на Дѣтинцевскихъ воротахъ ъ Прусской улицы.

Но не было ли двое воротъ отъ Прусской улицы? На этотъ вопросъ жно смѣло дать отрицательный отвѣтъ. Во II Новг. лѣтописи подъ 1493 да описывается крестный ходъ Архіепископа Генадія вокругъ возобновнаго Дѣтинца и перечисляются остановки для чтенія эктеніи и окропія святою водою стѣнъ и проѣзжихъ воротъ:—Пречистенскихъ, Спасхъ, Покровскихъ и Володимерскихъ. Здѣсь названы Покровскія ворота ько одни.

Независимо отъ этого показанія говорятъ за существованіе однихъ ько проѣзжихъ Покровскихъ воротъ—и незначительность разстоянія ду Спасскими, отъ Прусской улицы, и Воскресенскими, равно и знаіе Новгородскихъ улицъ въ древности; онѣ были не то что нынѣшнія ѣзды между домами и огороженными земельными участками,—а предвляли крупныя дѣленія концовъ, имѣвшія свое управленіе съ улицкими ростами во главѣ, засѣдавшими въ Правительственной Палатѣ, т. е. въ стоянномъ Вѣчѣ, съ Кончанскими посадниками и другими Государственми должностными лицами. Древняя Прусская улица, лежала къ сторонѣ мо противъ воротъ ея имени. Другихъ воротъ отъ Прусской улицы не было и помѣстить въ стѣнѣ Дѣтинца.

Сопоставленія всего приведеннаго достаточно, чтобы разноименную башню называть Покровской, по церкви, изъ которой она обращена,—вѣроятно при возобновленіи Дѣтинца Иваномъ III и Геннадіемъ въ послѣдніе годы XV вѣка,—въ Стрѣльню, давшую помѣщеніе, при самомъ возобновленіи, для той-же церкви, въ сторонѣ, обращенной внутрь Дѣтинца; для алтаря этого новаго помѣщенія церкви сдѣлана была, по всей вѣроятности тогда же, пристройка, въ видѣ выступа; въ разрушившейся верхней части этой пристройки помѣщался, видимо, алтарь, соединявшейся съ молитвенною частью церкви чрезъ проломъ въ восточной стѣнѣ, впослѣдствіи, при упраздненіи церкви, заложенный кирпичемъ; кусочки известки съ волокнами льна и пеньки—это остатки обвалившейся обмазки церковныхъ стѣнъ съ фресками.

Названіе въ описаніи крестнаго хода вокругъ Дѣтинца, воротъ отъ Прусской улицы Покровскими, подтверждаетъ высказанное мнѣніе и доказываетъ существованіе Покровской церкви въ Стрѣльнѣ съ XV вѣка. Опредѣленіе мѣста ея въ Стрѣльнѣ въ концѣ XVI вѣка росписью ружныхъ церквей свидѣтельствуетъ о томъ же за время этого вѣка. Наконецъ въ рукописномъ житіи Святѣйшаго Патріарха Никона, хранившемся лѣтъ 2 назадъ въ Новгородской Духовной семинаріи, значится между прочимъ, что въ половинѣ XVII вѣка, во время возмущенія Новгородцевъ, искавшихъ избить или даже убить царскаго намѣстника князя Хилкова, онъ бѣжалъ изъ своихъ намѣстничьихъ палатъ,—основаніе ихъ откопано прошедшею осенью,—чрезъ башни Покровскую, Кукуй и Спасскую,—по городовой стѣнѣ и спрятался въ Митрополичьемъ дворѣ. Здѣсь подтверждается наименованіе Покровской башни, которая носитъ разныя имена, а не княжей, ближайшей къ Палатамъ намѣстника и къ Покровской церкви у Дьячего двора, такъ какъ послѣ Княжей слѣдующая башня будетъ застѣночная или Чортовая, не имѣвшая сквознаго, съ верха стѣны, прохода по своему значенію Застѣночной, а послѣ нея, передъ Владычнимъ дворомъ—Башня Воскресенская, послѣ же Покровской по нашему объясненію слѣдуетъ Кукуй, а далѣе—Спасская, существующія и до нынѣ.—Нужно при этомъ замѣтить, что въ древности Дѣтинецъ былъ покрытъ поверхъ зубцовъ, такъ что Хилковъ могъ пройти сквозными башнями и подъ Дѣтинцевской крышей незамѣтно для бунтовщиковъ. Путешествіе Олеарія близко ко времени бунта противъ князя Хилкова; если на башнѣ его рисунка, похожей на нашу, показанъ крестъ, значитъ Покровская церковь существовала въ ней, хотя и разграбленная шведами въ 1611 году, и въ половинѣ XVII вѣка; не включена же въ роспись 1615 года какъ незначительная и раззоренная. Окончательно упразднена она, вѣроятно, въ началѣ XVIII вѣка, когда Петръ Великій приводилъ Дѣтинецъ и внутренній валъ къ боевой готовности, опасаясь нападенія Карла XII на Новгородъ.

Такова судьба большой Покровской башни. Лѣтъ пять—шесть назадъ ее задумали было привести въ порядокъ; изъ нижняго помѣщенія удалили свиней и капусту, понадѣлали нѣсколько деревянныхъ лѣстницъ, пробили въ двухъ—трехъ мѣстахъ, для чего-то, своды, отколотили со стѣнъ остатки

азки съ фресками, забѣлили нѣкоторыя стѣны, пробили два—три окна, вомъ сдѣлали многое никому ненужное, но прямо вредное почтенному ятнику старины; для чего то укрѣпили на верхушкѣ пѣтуха изъ ли-ваго желѣза, вращающагося по вѣтру на желѣзномъ стержнѣ.

Всѣ эти вредныя для изученія старины передѣлки слѣдуетъ немедленно чтожить и возстановить Башню въ томъ видѣ, какою она была до ъ;—сдѣлать это именно теперь еще легко,—лица, занимавшіяся пере-ками живы. Возстановивъ-же современныя поврежденія цѣльности надобно нять мѣры къ охраненію этого памятника отъ внѣшнихъ вліяній воздуш-хъ явленій. Въ будущемъ, если найдутся средства и Общество окажется состояніи, возможно привести башню въ тотъ видъ, какой она имѣла Знаменскому изображенію.

Башня Кукуй.

Слѣдующая за Покровскою въ восточно-полуденномъ направленіи башня зывается изстари „Кукуй". Что это за названіе, какъ оно сюда попала когда башня получила его,—вопросы достаточно темные, рѣшеніе ихъ можно лишь предположительное, какое подскажутъ нѣкоторыя указанія, ти въ существѣ достаточно блѣдныя и отдаленныя: приведемъ ихъ.

Первый и единственный разъ встрѣчается названіе Башни Кукуевскою приведенномъ сказаніи о возмущеніи противъ князя Хилкова, въ поло-ѣ XVII вѣка. Молчаніе—лѣтописей вообще о проявленіяхъ жизни обы-венныхъ, заурядныхъ, естественно,—составители ихъ вносили въ памя-и то, что на ихъ взглядъ достойно было вниманія;—лѣтописи же ве-ь, какъ мы знаемъ, преимущественно, если не исключительно, церков-ами, по приказанію и подъ наблюденіемъ начальства, потому они слѣ-и предпочтительно за событіями церковными, не пропуская никакихъ чаевъ съ монастырями и церквями вѣдомства Архіерея,—а о церквахъ владычнихъ, сооружаемыхъ и исправляемыхъ князьями и частными ли-ми говорятъ очень мало, или и совсѣмъ молчатъ, такъ напримѣръ о кровской у Дьячаго двора ни единымъ словомъ не упоминаютъ Новго-скіе лѣтописцы съ XI вѣка до нашихъ временъ,—объ Андрее—Страти-овской, что за домомъ нынѣшнихъ присутственныхъ мѣстъ, извѣстной народному говору подъ нарицательнымъ именемъ „Обыденной и Обы-ки", т. е. построенной и освященной въ одинъ день, лѣтопись не со-щила намъ ни одного слова;—о Златоустовской и прочихъ церквяхъ кня-и половины Дѣтинца свѣдѣнія слишкомъ скудны до XVI вѣка. Стало ть молчаніе лѣтописи вообще не слѣдуетъ принимать за от[illegible] из-дуемаго явленія, если на него указываютъ побочныя, т[illegible]ь, тельства, иной разъ издали освѣщающія искомое.

ъ лѣтописи видно, что въ Новгородѣ производились к[illegible] всею страною, каковы: укрѣпленія города, устройство [illegible] улицъ. Для нѣкоторыхъ сооруженій были [illegible]

смыслѣ постоянной повинности, въ законодательномъ порядкѣ, съ то
указаніемъ мѣстъ, лицъ, свойства повинности и объема ея. Какъ на з
дательный памятникъ этого рода укажемъ на Уставъ Ярославова о м
первыхъ годовъ XI вѣка, настолько точный и настолько привившій
жизни страны, что обязательная сила его сохранилась даже до по
XVII вѣка.—Объ укрѣпленіи города всѣмъ міромъ имѣются свидѣте
лѣтописи по поводу спѣшныхъ работъ,—при обыкновенныхъ же сл
поправки поврежденій говорится только—ставили городъ, чинили мо
а кто и какъ—въ большинствѣ ихъ неупоминается, какъ подробност
кому современнику хорошо извѣстная.

Въ одномъ памятникѣ XVII вѣка, именно въ Уставѣ Новгор
князя Святослава Ольговича 1137 г., перечислены мѣстности, облож
сборомъ въ доходъ князя,—и въ ихъ числѣ „Кукуева—гора", вхо
въ Обонѣжскій рядъ. Въ настоящее время по дорогѣ къ г. Тихвин
селеніе Кукуй; по мѣсту Кукуевой горы въ Уставѣ, между рѣками
и Сясью, можно съ вѣроятностью считать ее и селеніе Кукуй за
такъ какъ послѣднее расположено на возвышенности и между тѣми-же р

Нѣмецкая слобода въ Москвѣ называлась „Кукуй" (Карамз
примѣчаніе 68). По направленію на западъ отъ Кукуевской башни
Прусская улица, получившее свое имя отъ первоначальнаго засел
или выходцами съ береговъ рѣки Порусьи, омывавшей полуденно—
ную часть г. Старой Руссы, и отведенной въ недавнее время на
сторону города, полуденно-западную, для полученія водяной силы къ
варнѣ (Перерытица), или изъ Прусскаго Померанья, заселеннаго с
памятныхъ временъ вѣтвями племени: Невровъ Геродовыхъ—Литвою,
шами, Ятвягами и другими (Нурская страна Шафарика). Вмѣстѣ съ
ранцами селились на Прусской улицѣ и пріѣзжіе нѣмцы; они же и
чествовавшіе Щетинцы, жители города Щетина, передѣланнаго въ Шт
живали по торговымъ дѣламъ долго въ улицѣ Рядятиной,—въ нын
Троицкой,—они построили Троицкую церковь въ XII вѣкѣ. Изъ числа
кихъ выходцевъ, селившихся въ Новгородѣ, слѣдуетъ назвать потом
тышскаго царя Видвута, сынъ котораго или внукъ, Андрей по про
Кобыла, былъ, по преданію, родоначальникомъ бояръ Захарьиныхъ и
новыхъ; прибытіе потомка Видвута въ Новгородъ относится къ 128
(Карамзинъ IV примѣчаніе 365 и VIII примѣч. 233). Нѣтоторымъ под
деніемъ этого преданія можетъ служить древнее родовое имѣніе З
иныхъ-Обольяниновыхъ, по правому берегу Волхова, сельцо Заха
О сохраняющейся въ саду барскаго дома древней церкви, служащей
пальницею Захарьиныхъ, говорятъ, что основателемъ ея былъ тотъ
названной Путята, который насильственно крестилъ Новгородцевъ,
Захарьины ведутъ родъ свой отъ него.—Въ Новгородѣ была улица Ко
упомянутая въ лѣтописи всего одинъ разъ, подъ 1394 г., по случ
жара, начавшагося у Спаса на этой улицѣ и истребившаго „ка
градъ Дѣтинецъ весь и Владычень дворъ, и у Св. Софіи верхъ по
огорѣ и Неревскій конецъ до Борковы улицы, а церквей сгорѣ 1

ь изъ изслѣдователей расположенія Новгорода не знаетъ этой улицы. по порядку перечисленія погорѣвшихъ мѣстъ позволительно указать нея пространство на юго-западъ отъ Дѣтинца; тамъ, близъ Волховскаго а, около откоса рва, охватывающаго Дѣтинецъ,—гдѣ теперь домъ ейса,—стояла церковъ Нерукотвореннаго образа,—часто называемаго народѣ Спасомъ Нерукотвореннымъ. Улицъ съ личными именами было о въ Новгородѣ: Янева, Боркова, Добрынина и др.—это видимо, по- и именитыхъ гражданъ, занимавшіе домами и службами значительныя транства. Такимъ же поселкамъ могли быть дома и хозяйственныя ройки потомка царя Видвута, отца Андрея Кобылы, съ его слугами изъ цевъ, не знавшихъ нашего языка и говорившихъ также невнятно для кихъ, какъ однообразно—тоскливое завыванье кукушки. Церковь Не- отвореннаго образа, была не далеко отъ Кукуевой башни. Она суще- вала съ XII до начала XVII вѣка и разобрана, вѣроятно, при возве- и земляныхъ укрѣпленій при Петрѣ Великомъ, какъ препятствовав- дѣлу защиты Дѣтинца.

Приведенныя справки даютъ поводъ предположить, въ видѣ вопросовъ, дующія объясненія названія башни Кукуевскою: не отражается-ли въ ъ повинность поддерживать эту башню, возложенная на обывателей стности упомянутой въ Уставѣ Святослава Ольговича подъ именемъ Ку- вой горы;—или не называлась-ли часть Прусской улицы, а также и улица Кобылья, если она входила въ составъ Прусской, какъ крупной ицы дѣленія города, и если лежала близъ нашей башни, Кукуемъ, бно Московской нѣмецкой слободѣ; говоръ новоприбывшихъ нѣмцевъ- рянъ, селившихся въ Прусской улицѣ или въ Рядятиной и не освоив- ся еще съ мѣстнымъ языкомъ могъ дать ей это странное прозваніе.

Кукуевская башня была, какъ и большинство Дѣтинцевскихъ, жилою, асти обращенной внутрь Дѣтинца; по изображеніямъ Михайловскому и енскому при ней, какъ и при Покровской, были обитаемые каменные . Въ самой стѣнѣ Дѣтинца близъ этой башни было также жилое по- еніе. Есть преданіе, что въ которой-то изъ этихъ башенъ жилъ въ ченіи князь Серебрянный. Теперь отъ построекъ бывшихъ около всѣхъ ъ башенъ, Княжей, Покровской и Кукуевской остались только груды алинъ. Раскопка ихъ можетъ дать любопытныя указанія, немаловажныя цѣлей нашего Общества, о постройкахъ, показанныхъ на изображеніяхъ ица,—и во всякомъ случаѣ принесетъ большую пользу стѣнѣ, устра- ъ поводъ сырости, разъѣдающій кирпичныя части ея и башенъ. Впо- ствіи удастся, быть можетъ, и возстановить древнѣйшія постройки при ніяхъ по изображеніямъ ихъ и по остаткамъ основаній, зарывшихся подъ дами развалинъ, и по пятамъ сводовъ, торчащимъ и теперь изъ Дѣтин- кой стѣны почти на всемъ пространствѣ между тремя башнями.

Стѣны Кукуевской башни выглядятъ еще твердыми, но внутренее ложеніе ея въ самомъ жалкомъ состояніи, все поломано; крыша ветха, ю и снѣгу полная свобода.

На деньги, отпускаемые ежегодно Правительствомъ, въ количес
сячи рублей, можно возстановить, послѣдовательно, всѣ башни Дѣ
бывшія при нихъ сооруженія и, также послѣдовательно, обращать
храненія остатковъ старины, которыми такъ богата страна Иль
По мѣрѣ собиранія остатковъ, успѣхъ каковаго зависитъ отъ дѣят
нашего Общества, могли-бы наполняться ими ежегодно возстан
башни. Съ увѣренностью можно ожидать, что въ первыя же деся
Велико-Новгородскій Дѣтинецъ превратится въ богатѣйшее хранили
ковныхъ и бытовыхъ остатковъ глубокой старины. Примѣръ на
Ростовъ Великій менѣе чѣмъ въ десять лѣтъ, при дружномъ участ
гражданъ, возстановилъ свои древнѣйшіе памятники, по справедл
неотъемлемому—праву онъ гордится ими и собраніемъ остатковъ
Положеніе Новгорода лучшее: поддержанію памятниковъ нашей
помогаетъ Правительство, давшее уже на этотъ предметъ свыше—
тысячъ!—По уставу мы обязаны содѣйствовать Правительству
учными пріемами и способами, которые составляютъ душу наше
ства и его силу. Выступимъ же во всеоружіи и возбудимъ ходат
предоставленіи намъ—предлагать завѣдывающему пособіемъ Прави
учрежденію поддержку тѣхъ или другихъ частей Дѣтинца, по
ственному назначенію Общества, сообразно потребнымъ на кажд
расходамъ, и производить починку и исправленіе подъ нашимъ
деніемъ.

Чтобы кончить съ Дѣтинцемъ, скажемъ нѣсколько сковъ о
его башняхъ, показанныхъ на изображеніяхъ Михайловскомъ и
скомъ. На каждомъ по двѣнадцати башенъ; изъ нихъ по одной
шихъ проѣздныхъ воротахъ, остающихся и до сихъ поръ такими-же
ихъ, начиная съ воротъ выходящихъ на Волховской мостъ, слѣдующія: Н
ная—Богородицкая, или Пречистенская; отъ нея, вверхъ по Волхов
вая Борисоглѣбская, вторая—противъ бывшаго у Образовой церкви
рева (Ивана IV) дворца (теперь ее называютъ неосновательно Павл
третья—Спасская, гдѣ часовня Живоносной источницы, бывшая
для русской дороги; четвертая Кукуй, пятая большая—Покровс
стая—Княжа, седьмая Чортова, или Застѣночная, восьмая Воскр
на проѣзжихъ воротахъ, вводящихъ въ Дѣтинецъ отъ нынѣшняго
сада; девятая Митрополичья круглая, десятая—Ѳедоровская; один
Неревская у Неревскаго моста, проходная для пѣшеходовъ, и двѣнад
Владимірская, что у входа въ лѣтній садъ съ берега. Не существ
шенъ: Богородице Пречистенской, Борисоглѣбской, Воскресенской
ской. Время уничтоженія Борисоглѣбской и Неревской, какъ не
для защиты отъ ожидавшагося нападенія Карла XII, можно оп
первыми годами XVIII вѣка,—о паденіи Богородице-Пречистенской
мѣтка въ одномъ изъ моихъ лѣтописныхъ сборникахъ,—отъ време
заветы Петровны; Воскресенская разобрана уже въ нынѣшнемъ
при Александрѣ I.

амѣтимъ здѣсь особенности башенъ Спасской и Владимірской: обѣ о четыреугольности, приземистости и по всей своей наружности со-нно одинаковы съ Англійскими, сохранившимися отъ временъ Виль-ъ Завоевателя; обѣ онѣ имѣютъ, сверхъ того, выложенные въ верхней близъ крыши, изъ кирпичей, пояса, треугольниками, точь въ точь же вида и размѣра, какъ пояса на высокой древней татарской башнѣ азани и на большинствѣ крупныхъ и древнихъ же сооруженій въ й Азіи. Нѣкоторыя изъ здѣшнихъ древнѣйшихъ церквей имѣютъ точно же украшенія,—въ числѣ ихъ и Сергіевская надворотная церковь и Архіерейскаго двора, между Евѳиміевою Палатою и Великимъ Тере-Эта церковь посвящена Св. Сергію Радонежскому въ XV вѣкѣ, въ его; первоначальное же ея основаніе восходитъ къ XII вѣку; она со-на Усрѣтенію Господню и была, кажется, одною изъ первыхъ сѣн-церквей Владычняго двора.

Ворота проѣздныя и водяныя.

Ворота проѣздныя теперь не представляютъ ничего стараго, онѣ устрое-ъ нынѣшнемъ видѣ, что уже сказано, при Императорѣ Александрѣ ловенномъ. Въ будущемъ, когда средства Общества возрастутъ, легко новить ихъ въ первобытномъ видѣ на основаніи изображеній Зна-аго и Михайловскаго.

Водяныхъ воротъ теперь только двое,—одни по правую сторону моста, идти изъ Дѣтинца, въ стѣнѣ его,—другія по лѣвую. Первые не пред-ютъ, какъ и ворота проѣздныя, ничего, заслуживающаго изученія; ужны для водоснабженія церковныхъ зданій и помѣщенія Присутствен-мѣстъ, часто исправляются и получили видъ самыхъ обыкновенныхъ крѣпостныхъ водяныхъ воротъ. Вторыя же имѣютъ свое прошлое съ хъ временъ. На Михайловскомъ изображеніи они обнесены, снаружи, кою деревянною пристройкою съ башнями по угламъ. Какое назначеніе и эти пристройки—положительныхъ указаній не имѣется; судя потому, ядомъ съ этими воротами былъ, внутри Дѣтинца, Владычій житенный , есть вѣроятіе видѣть въ башенной пристройкѣ житницу, въ которую озили на лодкахъ зерно и въ ней очищали его, т. е. что это была ка. Вообще же, по ближайшему сосѣдству пристройки съ такъ называ-ъ Владычнимъ островкомъ, въ домахъ котораго жили „нарочитые бо-Владычніе"—не безосновательно считать пристройку хозяйственною ерейскаго дома. Надъ воротами, въ стѣнѣ Дѣтинца съ береговой сто-записанъ образъ Происхожденія честныхъ древъ креста Господня. По вѣнію образъ древній, но онъ сильно записанъ позднѣйшими поновъ-ми и отъ вліянія воздуха,—хотя и прикрытъ рамою со стеклами, ча-впрочемъ выбитыми больше чѣмъ на половину,—сильно осыпается. образъ опредѣляетъ первоначальное назначеніе воротъ, подтверждаемое плагательнымъ „водяные"; чрезъ нихъ совершался крестны

на воду въ установленные церковнымъ уставомъ дни: 6-го Января и 1
Августа.

Если вглядѣться въ стѣну Дѣтинца надъ водяными воротами съ вн
ренней стороны, а не съ береговой, легко примѣтить заложенные кир
чемъ окно и дверь. Значитъ тутъ было или жилое помѣщеніе, или
лодное.

Во II Новгородской лѣтописи подъ 1551 г. отмѣчено: „Привезли
Новгородъ Крымскаго царя шурина и сидѣлъ здѣсь въ заточеніи въ жел
зѣхъ, въ городи Дѣтинци, въ стѣны въ каменой подъ Водяными ворота
а прежде того сидѣлъ въ тюрьмѣ въ деревянной". Не темница ли злоп
лучнаго царевича заложеное жилое помѣщеніе? не замурованъ-ли онъ здѣ
Выраженіе лѣтописи „подъ воротами" а не надъ ними, легко объясни
опискою; а если это не описка, то нѣтъ ли подъ этими воротами тако
же подземелья, какія мы уже видѣли подъ башнями. Ворота ветхи,—сод
жатся неуважительно и требуютъ вниманія къ ихъ древности.

Внѣшній валъ.

Перейдемъ теперь къ памятникамъ, на которые не распространено р
ходованіе ежегодно отпускаемой изъ казны тысячи рублей, но котор
тѣмъ не менѣе громко вопіютъ о поддержкѣ.

Годоръ нашъ окопанъ былъ, какъ и всѣ поселенія людей глубо
древности, валомъ и окруженъ рвомъ, чтобы затруднить непріятельскія н
паденія. Близъ лѣвой стороны города, Неревской, протекала рѣка Гл
выходившая, судя по старицамъ хорошо виднымъ на равнинѣ между Чудин
вымъ запальемъ и рѣкою Веряжею, по направленію къ деревнѣ Лѣшину
изъ этой рѣки и впадавшая, еще въ прошедшемъ вѣкѣ, въ Волховъ меж
Звѣринскимъ монастыремъ и Колмовомъ; она питала полночно-восточную ча
рва,—а истокъ озера Мячина направленъ былъ однимъ руковомъ въ по
денно-западную его часть, а другимъ,—вдоль нынѣшней Троицкой и дре
ней Рядятиной улицы, въ западно-восточную, до встрѣчи съ Волховом
И валъ и ровъ возобновлялись по мѣрѣ оползанія насыпи и засоренія
русла. Изъ лѣтописи видно, что такія-же возобновленія происходили, на
ная съ Ярослава Мудраго, до самыхъ позднихъ временъ, во время са
бытія, Московскаго державства и даже въ царствованіе Екатерины II.

Въ валу было нѣсколько каменныхъ проѣздныхъ воротъ, а надъ ни
въ острогѣ, по костру, для защиты вторженія въ городъ; одни костры бы
каменные, а другіе деревянные. Въ 1391 году, вскорѣ послѣ размирья
Дмитріемъ Ивановичемъ Донскимъ, осаждавшимъ Новгородъ, и преде
стремленіе Москвы къ собиранію русской земли подъ свое державство,
каковомъ пришлось-бы самобытной странѣ выдерживать сильные на
народные правители взяли изъ Софійской казны десять тысячъ ру
соотвѣтствующихъ теперешнимъ 120 т. руб., и поставили „каменные ко
у каждой улицы по обѣ стороны острога". Эти костры нанесены на

мъ изображеніи и объясняютъ приведенныя слова лѣтописи „у каж-
ицы по обѣ стороны острога“ не двумя кострами, по той и другой
ѣ острога—а однимъ проемнымъ, занимающимъ всю толщу вала
щимъ сквозной проходъ.
а лѣвой сторонѣ города оставалось, къ концу XVII вѣка во всемъ валу
два костра, одинъ при впаденіи въ ровъ протока озера Мячина, на
иномъ углу вала, а другой при впаденіи въ Волховъ рва питавшагося
Гзени—на полуночно-восточномъ углу. Будучи окрашены въ бѣлый
, они назывались Бѣлыми башнями. Невдалекѣ отъ перваго костра,
сторону рва, въ слободѣ, была Алексѣевская церковь, на мѣстѣ ко-
теперь часовня, по правой рукѣ, если идти изъ города на Петровское
ще и въ Аркажу,—а по близости второго и теперь еще существуетъ
я Петропавловская церковь—съ 1406 г.,—Петра и Павла. По име-
этихъ церквей Бѣлыя башни пишутся въ памятникахъ, XVI и XVII
ь—Бѣлыми Алексѣевскою и Петровскою. На Флоровскомъ изображеніи
ны обѣ башни—и только однѣ онѣ; обѣ очень высоки и ярко-бѣлыя,
бцами и выходящею изъ за нихъ плоско-приподнимающеюся крышею
кдой.

Бѣлыя башни.

ъ нашему времени сохранилась только одна изъ Бѣлыхъ башенъ,—
евская, и то полуразрушившеюся; лѣтъ сорокъ она стоитъ непокрытою;
и нѣтъ и слѣда; стѣны во многихъ мѣстахъ потрескались; оконца для пу-
стрѣлъ и для наблюденій, поосыпались; дверь время отъ времени на-
ается, но уличные озорники ее постоянно ломаютъ, дѣлая изъ башни на-
ую „мерзость запустѣнія“. Лѣтъ 12 назадъ ее кое гдѣ подправили
ѣпили основаніе. Покрыть эту башни не особенно дорого; можно на-
ся, что городъ, или почтенный нашъ членъ, городской голова Г. М.
нинъ, доказавшій на дѣлѣ свою отзывчивость задачѣ Общества, не
утъ, если мы обратимся къ нимъ за помощью на устраненіе изъ
башни нечистотъ, на устройство для нея крыши и внутреннихъ
ь въ оконца,—рамы со стеклами безполезны, выбьютъ, и на легкій—
ой заборъ во кругъ нея. Если это удастся, нужно будетъ нанять на
ва Общества наблюдателя за нею изъ ближайшихъ сосѣдей.
Основаніе Петровской Бѣлой башни еще видно. Его слѣдуетъ расчи-
отъ мусора и тоже оградить. Степанъ Ивановичъ Петровъ, членъ го-
й управы, сочувствующій нашему Обществу и ближайшій сосѣдъ
и, тоже не откажется, вѣроятно, принять на себя трудъ приведенія
шны въ такой видъ, который-бы давалъ представленіе о цѣломъ со-
ніи и найти хранителя его, по найму за счетъ Общества.
ношеніемъ съ Гг. Смѣтанинымъ и Петровымъ мы можетъ начать
дѣятельность теперь же, что-бы къ наступающей веснѣ выяснить
йшую судьбу этихъ Башенъ.

Отъ остальныхъ костровъ вала уцѣлѣли незначительные остатки;—
лѣвой сторонѣ: а) близъ монастыря Десятиннаго продольныя стѣны кост
составляющія проемъ, или ворота подъ нимъ. Думаютъ, что на этотъ
стеръ напирали Суздальцы въ то время, когда крестный ходъ съ образо
Богоматери двигался къ монастырю; б) не вдалекѣ отъ нынѣшнихъ Пр
ской и в) Лучинской улицъ; остатки этихъ костровъ обращены теперь
проходы сквозь насыпь вала, въ видѣ невысокихъ воротъ, какія устр
ваются въ стѣнахъ крѣпостей. На протяженіи вала вдоль Духова монаст
встрѣчаются, мѣстами, большія гнѣзда крупнаго валуна. Это, должно бы
остатки разрушившихся костровъ и воротъ. Близъ одного изъ подобны
гнѣздъ уличныя дѣти открыли, въ 1821 году, пустоту и въ ней мн
брусковъ, вершка въ два длины и въ палецъ толщиною, принятыхъ ими
свинцовые; не говоря старшимъ, дѣти носили эти бруски, по два и по т
въ ближайшую кузницу, чтобы растопить свинецъ и наливать битки
игры въ бабки; кузнецъ охотно исполнялъ желаніе ребятъ, и бруски
редавалъ серебреннику, такъ какъ они оказались вылитыми изъ серебра
были древними гривнами и полугривнами. Мало по малу слухъ объ э
находкѣ распространился и дошелъ до властей,—но, увы, слишкомъ п
дно,—въ руки ихъ попало не болѣе пяти брусковъ, а десятки погибли
плавильныхъ горшкахъ тогдашнихъ серебрениковъ. (Въ моемъ собра
хранится изъ этого клада шесть гривенъ и двѣ полугривны). Не дал
отъ вала, гдѣ-то около Духова монастыря, по направленію нынѣшней
роги къ Чудову, наткнулись при ея проведеніи на два ряда мостовой
стилки,—на нѣкоторомъ между ними разстояніи; подъ вторымъ рядомъ
шли много человѣческихъ остововъ, обернутыхъ берестою. Слѣдуетъ,
этому, имѣть въ виду намѣченную часть вала, если не для раскопки,
для наблюденій за земляными работами, нерѣдко случающимися въ окрес
стяхъ.—По Знаменскому изображенію, писанному, какъ мы знаемъ,
позднѣе начала XVI вѣка,—по валу во кругъ Софійской стороны насчи
вается девятнадцать башенъ, или древнихъ костровъ.

На правой сторонѣ города, поверхъ внѣшняго вала и по берегу,
нулась, мѣстами, каменная стѣна съ каменными же воротами и костра
гдѣ была стѣна деревянная—ворота всегда выкладывались изъ камня, х
башни рубились и изъ дерева. Въ лѣтописи и въ разныхъ Правительств
ныхъ бумагахъ поздняго времени, XVII и XVIII вѣковъ, сохранились
дѣнія о слѣдующихъ каменныхъ кострахъ и башняхъ:—а) большой
стеръ на берегу Волхова недалеко отъ Готскаго двора; на Олеаріевомъ
сункѣ онъ показанъ. Готскихъ дворовъ было въ древности два, одинъ
мѣстѣ Путеваго дворца, построеннаго не раньше 1778 года, противъ П
теченской церкви на опокахъ, на берегу Волхова; теперь онъ принадлеж
военному вѣдомству,—а другой на пространствѣ между Дворищенск
церквами, молочною горкою, Большою Михайловскою улицею и Волхов
гдѣ дома Гг. Воронова, Еремѣева, бывшій Кузнецова и Ѳедорова,
тая по бани. Бѣлый костеръ стоялъ между угломъ каменнаго забора д
Кузнецовскаго дома, выходящимъ на берегъ и церковью Преподобнаго

я; лѣтопись упоминаетъ о немъ въ XVI вѣкѣ; б) Погребъ (или башня) концѣ Петрятина дворища (названъ выше); онъ былъ уже въ XII вѣкѣ, цѣлѣлъ отъ огромнаго пожара, истребившаго въ 1696 году почти всю овую сторону,—а когда разрушенъ неизвѣстно; в) Башни Молотковская, атинская, Павлова и Славенская; среднія двѣ только огорѣли въ упо-утый пожаръ; онѣ стояли, какъ и костры вала лѣвой стороны, надъ тами, по самому валу; первая тамъ, гдѣ теперь проѣздъ на Рождест-ское кладбище, другая на томъ, приблизительно, мѣстѣ вала, гдѣ кон-тся современная Рогатинская улица, третья почти противъ нынѣшней льской улицы. Остатки всѣхъ этихъ башенъ еще и теперь видны; ъ сорокъ назадъ сохранялись ворота противъ древней Нутной, а ны-шней Ново-Николаевской улицы, по направленію отъ церкви Св. Апо-ла Филиппа прямо на Кирилловъ монастырь. Славенская башня стояла самомъ береговомъ углу вала, у Волхова, не далеко отъ Ильинской кви; основаніе ея еще замѣтно.

Недалеко отсюда на берегу Волхова и Копаницы, охватывающей весь ний валъ правой стороны города, подобно рву около лѣвой, и питаю-ся водою Волхова и Жилотуга (Малаго Волховца) посредствомъ ручья овца,—лежалъ большой камень съ выдолбленною котловиною на верх-его сторонѣ. Года два назадъ какіе-то шалуны развели на немъ большой ь и когда камень нагрѣлся, налили въ котловину воды, онъ и разва-я. Подобные камни съ котловинами принимаются за древніе граничные межевые знаки; ихъ находятъ преимущественно въ сторонѣ къ Ли-ко-Польскимъ землямъ. Многіе бережане, особенно рыболовы и перевоз-, знаютъ этотъ камень и хорошо помнятъ мѣсто его. Упоминается ь о такомъ граничномъ знакѣ для того, чтобы устранить мнѣніе нѣ-рыхъ изслѣдователей объ огромности площади, на которой расположенъ ъ древній Новгородъ; съ тѣхъ поръ, когда начали ставить подобные венскому граничные камни, Новгородъ стоитъ на томъ же мѣстѣ, что и ерь, и никогда не занималъ пространства больше нынѣшняго, по край-мѣрѣ на правомъ берегу Волхова. Поселенія ближайшія, за валомъ, во-е назывались загородными.

Деревянныхъ башенъ было по валу правой половины города много; времени пожара 1696 г. ихъ насчитывалось, по донесенію объ этомъ арѣ, шестнадцать деревянныхъ,—да каменныхъ три, а всего девятнад-ь: на Знаменскомъ изображеніи башенъ вокругъ этой стороны также атнадцать; внутреннихъ, за стѣною, три: одна соотвѣтствуетъ положенію реба, а двѣ—другія приходятся на Ярославовомъ дворѣ, обнесенномъ енною стѣною,—не считая Гридницы. Слѣдовательно съ 1528 по 1696 число башенъ внѣшняго вала правой стороны города не измѣни-. Первый годъ относится къ написанію Знаменскаго изображенія.

днако-же, основываясь на этомъ Знаменскомъ изображеніи, нельзя ючить, что и костры вала лѣвой стороны сохранялись въ томъ-же чи-девятнадцати и до конца XVII или даже до XVIII вѣка, и въ томъ-ж ь;—пожаръ 1696 г., хотя не переходилъ на Софійскую сторону,

укрѣпленія ея пострадали отъ огня Шведовъ въ 1611 году,—Славе
же сторону, или Торговую, они не выжгли, а только ограбили.

Приступать къ возстановленію вала и остатковъ башенъ и воро
въ настоящее время нечего и думать, за неимѣніемъ средствъ. Но
что ближайшіе къ этимъ развалинамъ обыватели, при возведеніи
построекъ берутъ отсюда и землю и камни безпрепятственно, надоб
ложить предѣлъ такому своеволію, пригласивъ степенныхъ сосѣдей
телей и полицейскихъ чиновъ наблюдать за остатками древности и
волять разрушенія ихъ, подъ опасеніемъ отвѣтственности по зако
поврежденіе и истребленіе памятниковъ старины. А чтобы обеспечи
прикосновенность названныхъ и другихъ остатковъ старины въ чертѣ
болѣе прочно, просить городское общественное управленіе внести въ
тельныя для городскихъ обывателей правила статью о воспрещеніи
зить землю, песокъ и всякое вообще вещество, годное для построек
выкапывать подобныя вещества,—изъ древнихъ валовъ, рвовъ и разва
Вмѣстѣ съ тѣмъ привести въ извѣстность слѣды всякихъ сооруженій
ности въ чертѣ города по близости вала обѣихъ сторонъ и въ бл
шихъ окрестностяхъ, чрезъ членовъ нашего Общества, и оградить их
быми знаками въ предупрежденіе случаевъ, подобныхъ бывшему с
ничнымъ камнемъ.

Укрѣпленія внутреннія.

Кромѣ укрѣпленій внѣшнихъ и Дѣтинца Новгородъ имѣлъ и вн
нія на обѣихъ сторонахъ. Лѣтописи и дургія письменныя свидѣтел
сохранили весьма блѣдныя указанія о такихъ укрѣпленіяхъ внутри
вой стороны города,—имѣющія значеніе лишь отдаленныхъ нам
Единственнымъ, доступнымъ для изученія этого предмета, памятн
служитъ приписываемый Ярославу Мудрому Уставъ о мостахъ, въ т
своей части, опредѣляющей участки мостовой повинности на Славе
сторонѣ, и то лишь по сравненію направленія такихъ же участков
роны Неревской, или Софійской. Уставъ Ярослава не разработанъ в
ронне; его пытались изучать Карамзинъ, Тобинъ и Дубенскій. Посл
ученый далъ объясненія лицъ, обложенныхъ мостовою повинност
мѣстностей, подлежавшихъ замощенію. Потрудившійся надъ этимъ дре
шимъ письменнымъ памятникомъ, неутомимый и многоопытный учень
далъ, однако же, своему изслѣдованію той законченности, котор
дѣлала ненужнымъ дальнѣйшее изученіе его. Посвятивъ этому памят
и тѣсно связаннымъ съ нимъ изображеніямъ древняго Новгорода много
пишущій эти строки изучалъ его на мѣстѣ, собирая данныя и на по
ности и въ глубинѣ современной почвы Новгорода. Взаимное сопоста
всего, такимъ образомъ собраннаго, не оставляетъ сомнѣнія, что перво
селеніе на мѣстѣ нашего города возникло на правомъ берегу Волхо
тѣ отдаленные вѣка, которые совсѣмъ забыты; здѣсь оно разростал

ось. Окопы поселеній древнѣйшихъ обитателей полуночно-западной
ı съ ея обширными равнинами и лѣсами, дававшими и питаніе и
одежду,—служили единственнымъ средствомъ обороны отъ внезап-
нападеній какъ недружественныхъ сосѣдей, такъ и звѣрей—хищни-
Геродотъ, Тацитъ, Страбонъ и другіе писатели древности сохранили
ихъ сказаніяхъ много свѣдѣній объ образѣ жизни нашихъ отдален-
предковъ и объ окопахъ ими своихъ поселеній. Самыя первыя жи-
людей на правомъ берегу Волхова были, поэтому, обведены окопомъ
ъ; по мѣрѣ расширенія поселка рвы и окопы отодвигались далѣе и
по направленію отъ берега. Торговля развилась въ нашемъ городѣ
ка долѣтописные; первыя страницы Новгородской лѣтописи свидѣ-
зуютъ о существованіи на Славенской сторонѣ, въ окрестностяхъ
ловской церкви на берегу Волхова, возникшей еще до крещенія Иль-
ъ, особой мѣстности, называемой торгомъ. Въ XIII вѣкѣ тутъ были
оры: Готскій, Тевтонскій и Плесковскій. Богатство древнихъ Новго-
ь считается баснословнымъ. Неподалеку отъ этого торга образовался
временъ Ярослава, значитъ до X и XI вѣковъ, Великій рядъ, при-
ельно тамъ, гдѣ и теперь торговая площадь. Около него тѣснились—
Готскій дворъ, Вощиники, дворы Князя, Посадника, Тысяцкаго и
ъ сановниковъ—богачей,—тутъ же, неподалеку отъ дворца Тысяц-
была обмѣнная и размѣнная Палата, для испытанія и удостовѣренія
тоинствѣ золота и серебра въ слиткахъ и мелкихъ размѣнныхъ еди-
ь цѣнности внутренняго изготовленія и привозныхъ—это клеймяныя
По берегу Волхова, къ которому прилегалъ торгъ, были пристани,—
. Часто въ лѣтописяхъ встрѣчается дѣленіе Славенской стороны на
, Торгъ и Посадъ, а Неревской на Городъ, Загородье и Посадъ. По-
называются участки города, на которыхъ сидятъ люди не торговые,
енники и гости, т. е. пріѣзжіе. Все это убѣждаетъ въ существо-
на Славенской сторонѣ особаго огражденія, валомъ-ли, или стѣною,
и дворцовъ сановниковъ.

нимательное наблюденіе поверхности Славенской стороны открываетъ
постепенно отодвигавшихся отъ берега Волхова окоповъ, въ видѣ
хъ возвышенностей, и рвовъ въ видѣ желобинъ; тѣ и другія пере-
ъ улицы Славную и Знаменскую довольно замѣтно, съ полдня на
ь.

лѣдящему за новыми постройками, соединенными съ выемками для
болѣе или менѣе глубокими, нерѣдко случается встрѣчать на нѣко-
разстояніи отъ дневной поверхности каменную кладку, какъ оста-
забытыхъ сооруженій, именно въ предѣлахъ Торга, Великаго ряда,
ковъ и дворцовъ сановниковъ. Протекающій почти по срединѣ Сла-
й стороны Ѳедоровскій ручей (встарину Коржевый) есть не что иное
граничный ровъ, охватывавшій внѣшній валъ ея, до образованія по
орону большаго поселка, сплотившагося съ самымъ городомъ и полу-
го имя Плотенскаго конца. Ниже указана будетъ вѣроятность другаго,
тиворѣчащаго этому относительно древности, объясненія имени Пло-
го конца. Раскопки въ Славнѣ и въ Плотенскомъ концѣ показали

огромную разницу въ толщѣ жилого перегноя, образовавшагося подъ п
дями этихъ мѣстностей; въ первой толща доходитъ до семи саженъ
ности, а во второй не превышаетъ четырехъ аршинъ. А это убѣди
доказываетъ, что Плотенскій конецъ образовался хотя и въ долѣтоп
вѣка, но уже въ ближайшіе къ нимъ.

Всматриваясь въ Знаменское изображеніе, найдемъ подтвержденіе
ствовавшаго въ древности огражденія Торга: влѣво отъ Великаго мост
стѣны, идущей какъ-бы вдоль берега Волхова внизъ по теченію, выб
подъ самымъ острымъ угломъ отростокъ ея, нѣсколько отклоняясь, по
удаленія, къ полдню и оканчиваясь башнею. По всѣй вѣроятности
отростокъ есть остатокъ древняго огражденія Торга, а башня—тотъ по
который упоминается въ Новгородскихъ скрахъ и въ Торговыхъ
рахъ съ иноземцами между XII и XIII вѣками, упомянутыхъ выше.

Признавая, такимъ образомъ, что мостовые участки Ярославова
Славенской стороны направлены вокругъ стѣны, охватывавшей Торг
ликій рядъ, Воцники, Дворцы и Клеймяныя сѣни, и что вымлы—эт
емки въ береговой части стѣны для пристаней и водоснабженій, Об
слѣдуетъ имѣть неослабное, по возможности, наблюденіе за всѣми
ными работами въ городѣ и просить думу внести въ число обязател
для горожанъ правилъ извѣщеніе Правленія Общества обывателями
кихъ постройкахъ, для которыхъ нужна выемка земли, хотя-бы и н
бокая. Этимъ путемъ мы получимъ, конечно нескоро, рядъ указа
тѣ сооруженія, остатки которыхъ послужатъ подтвержденіемъ Знаме
изображенія и выдвинутъ изъ забвенія бытовую дѣйствительность д
сти. Само собою разумѣется, что обо всякой строительной находкѣ н
димо дѣлать отмѣтки на чертежѣ современнаго города, съ подробнымъ
саніемъ всѣхъ мелочей ея.

Внутреннія укрѣпленія Неревской, или Софійской, стороны не во
даютъ сомнѣнія изслѣдователей;—но если не всѣ они, то преоблад
большинство относятъ сооруженіе этихъ укрѣпленій, считая и Дѣт
къ позднимъ уже, сравнительно, временамъ, не уходящимъ за пр
лѣтописи.

Для цѣлей нашего Общества не безразличенъ вопросъ о возники
и развитіи Новгорода въ то или другое время, а возведеніе укрѣпл
вызывается ростомъ старины. Цѣлый станъ западныхъ ученыхъ, съ
нитымъ Августомъ-Людвигомъ Шлецеромъ во главѣ, и длинная ве
послѣдователей главы Геттингенскаго братства среди работавшихъ
изысканіями о прошломъ русскаго народа, въ родѣ Байеровъ, Эве
Миллеровъ и проч., нетолько знавшихъ худо, но даже и вовсе не
мавшихъ русскаго языка,—создали ученіе о звѣрской почти дикости н
предковъ до перваго вѣянія на нихъ просвѣщеннаго запада, внесша
намъ, будто-бы, великіе начала Скандинаво-Германской гражданствен
Это ученіе укоренилось такъ глубоко, что и до сихъ поръ имѣетъ мн
настойчивыхъ распространителей его, не смотря на то, что старѣйшій п
расту Скандинавоманъ, обогатившій нашу науку многими дорогими д

каніями, призналъ наконецъ, что въ ученіи о Скандинаво-Германскомъ
лѣтеніи и насажденіи началъ русскаго Государства, сдѣланы крупныхъ
бровъ пробоины, грозящія ему полнымъ разрушеніемъ въ недалекомъ
цемъ.

Укрѣпленія на Неревской сторонѣ появились позднѣе, чѣмъ на Сла
ой, — это безспорно; но для установленія первоначальнаго основанія ихъ
о уйти все-таки далеко за предѣлы русской лѣтописи. Въ книгѣ
овые остатки насельниковъ Ильменско-Волховскаго побережья и земель
ко-Новгородскаго державства каменнаго вѣка" приведены основанія, по
ымъ наименованіе нашего города Новгородомъ приписывается суще-
анію до его возникновенія гдѣ-то, поблизости, стараго, того именно,
ый въ повѣсти о путешествіи Св. Апостола Андрея Первозваннаго,
женной въ лѣтописи Великаго Новгорода по списку Софійскому, и по-
емой въ другихъ, болѣе древнихъ спискахъ, названъ „Славенскомъ".
ина въ той-же книгѣ вѣроятность одновременнаго существованія значи-
ыхъ поселковъ на нынѣшнихъ холмахъ Городищенскомъ и Нередицкомъ
правомъ берегу Волхова, гдѣ Славно, а затѣмъ переселеніе обитате-
тѣхъ холмовъ, по тѣснотѣ мѣста для новыхъ поселковъ, внизъ по
ву, на оба его берега, — причемъ обитатели холма Городищенскаго
на холмѣ праваго берега, а Нередицкаго — на холмѣ ему противопо-
ого. Если во время путешествія Андрея Первозваннаго Ильменско-
вскіе побережане сидѣли на первыхъ холмахъ, то и городъ Славенскъ
ской лѣтописи былъ тамъ, гдѣ Городище нашего и древне-лѣтописнаго
ни, — а если Славенскъ былъ тогда не на тѣхъ холмахъ, а уже на
Славна, то въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. ни на правомъ ни на лѣвомъ
Волхова — не было еще современнаго намъ города, то есть Волхов-
поселки не назывались еще Новгородомъ, а составляли городъ Сла-
ъ. Хотя важно для отечественнаго прошлаго собственно не имя Иль-
о-Волховскихъ поселковъ, а ихъ существованіе тутъ съ глубокой
ости, тѣмъ не менѣе для опредѣленія времени перваго устройства
леній на Неревской сторонѣ, даже и приблизительнаго, нелишне
сти нѣкоторые соображенія. Если въ I вѣкѣ по Р. Х. Славенскомъ
вались поселки на Городищѣ и Нередицѣ, то нельзя не видѣть связи
поселковъ съ древнѣйшимъ наименованіемъ правой половины города
нскою стороною, а лѣвой Неревскою. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не за-
ться надъ враждою между обѣими половинами во время всего самобытія
енской страны съ перволѣтописныхъ вѣковъ и непоискать возможныхъ
нъ этого явленія.

Изученіе пластовъ, подстилающихъ жилой слой обѣихъ сторонъ города,
тельствуетъ, что они и тутъ и тамъ, на возвышенностяхъ, имѣютъ
ительный видъ отложеній отступавшаго и таявшаго великаго Скандинаво-
аго ледника. — слѣдовательно на обоихъ берегахъ первые поселки воз-
одновременно. Мощность же слоя жилого не одинакова, — на Славен-
сторонѣ она доходитъ до 7 саженъ, а на Неревской не превышаетъ
сажени, — а это прямо ведетъ къ заключенію, противоположному

только что высказанному, то есть, что на Славенской сторонѣ поселе существовало неизмѣримо долѣе, чѣмъ на Неревской, или, что Неревск сторона заселена позднѣе. Могло быть и такъ, что первоначально, сра по отступленіи ледника, завелись поселки на обѣихъ сторонахъ, но Славенской они продолжали существовать непрерывно, а на Неревской повременно,—на одной скученно, а на другой рѣдко, мѣстами. Причи неравномѣрности заселенія обѣихъ сторонъ ближе всего искать въ отсутст моста и въ относительной легкости сообщеній для жителей холмовъ Городищ скаго и Нередицкаго съ Славенскимъ.

Когда же населеніе Славенской стороны разрослось до того, что строились нетолько возвышенности, но и берега, потопляемые вешними ра ливами, и такая низменность, какъ площадь по другую сторону Ѳедоро скаго ручья, пологіе берега которой пришлось засыпать и уплотнять, чт бы удержать напоръ воды весною, со всѣхъ сторонъ,—въ этомъ предпо женіи имя Плотенскаго конца можно производить отъ сплошной плотин подъ его поселкомъ,—тогда пришлось волей—неволей выселяться и на Н ревскую сторону. Съ развитіемъ торговли густота населенія быстро возр стала,—такъ что выселокъ Неревской тоже увеличился, что необходи вызвало окопъ и ровъ вокругъ него. Вѣроятно такъ возникъ второй, н новый городъ въ мѣстности, заселенной первоначально переселенцами холма Нередицы и конечно немногочисленными.

Причина вражды между обѣими сторонами кроется, повидимому, имени Нередицкой. Съ отысканіемъ по всему полуночью Россіи много сленныхъ слѣдовъ людей каменнаго вѣка и съ открытіемъ остатковъ ширнаго поселенія того же вѣка на Коломцахъ, всего въ шести верста отъ Новгорода, вверхъ по Волхову, становится очевидною незапамятная др ность занятія нашего побережья людьми. Раскопки городищъ, кургано могилъ и проч., въ предѣлахъ Россіи, устанавливаютъ разновременное, иногда и одновременное заселеніе земель ея народами неодинаковаго р витія и неодинаковаго, повидимому, происхожденія. Подтвержденія д ныхъ, добытыхъ раскопками, находятся у древнихъ писателей, знакомв шихся съ землями современной Россіи и ихъ насельниками. Важнѣйш изъ такихъ писателей Грекъ Геродотъ разсказываетъ, между прочимъ, н нѣкій народъ Нейроп или Невры, жившіе гдѣ то въ Днѣпровской рѣчн области, выселились изъ стародавнихъ своихъ предѣловъ и нашли прис нище въ странѣ Будиновъ,—въ землѣ которыхъ, говоритъ Геродотъ, да уже живутъ Милетскіе выходцы, основавшіе большой городъ Гелонъ, почти слившіеся съ Будинами; есть въ странѣ Будиновъ большое оз окруженное лѣсами, съ берегами, поросшими тросникомъ. Около озера дятся лось, боберъ, рысь и др. животныя. Геродотъ жилъ за 400 лѣтъ Р. Х. По разсказу же Невровъ, слышанному имъ отъ нихъ, переселеніе землю Будиновъ относится ко времени лѣтъ за 600 до Р. Х.—Въ вѣ Страбона, писателя около временъ Р. Х., Невры, или по его чтенію Н жили въ тогдашней Галліи. Амміанъ Марцеллинъ, жившій въ IV вѣкѣ Р. Х., указываетъ жительство Невровъ въ той мѣстности, откуда вы

ки: Волга, Ловать, Днѣпръ и западная Двина, то есть въ Оковскомъ лѣсѣ стора. По сказанію начальной русской лѣтописи, въ этой мѣстности жили ло IX вѣка Кривичи, союзники Новгородцевъ, принадлежащіе къ обширну Литовскому племени, сидѣвшему въ теперешней Россіи,—Вильна столица Литовскихъ князей,—въ побережьи Балтійскаго моря, въ восточной уссіи, въ Польшѣ и въ другихъ земляхъ, уже подъ разными именами. вистъ Шафарикъ считаетъ Невровъ Геродотовыхъ за Литовцевъ, а Будовъ за послѣдователей Будійской вѣры, родоначальниковъ славянъ. Почти е мнѣніе высказываетъ и литовскій писатель Нарбутъ. Шафарикъ видъ въ Геродотовомъ озерѣ земли Будиновъ нашъ Ильмень, а въ Гелони—городъ. Знакомому съ окрестностями Ильменя нетрудно видѣть въ Гелони не Новгородъ, Шафарика, слависта иноземнаго, здѣсь не живавшаго оселокъ на Шелони; греки не имѣютъ начертаній для нашего шипящаго —потому и въ произношеніи и на письмѣ у нихъ выйдетъ вмѣсто лонь—Гелонь. На устьи Шелони есть древній погостъ Голино, близкій Гелони по созвучію и, быть можетъ, лежавшій на ея мѣстѣ.

Если часть Геродотовыхъ Невровъ пробралось въ Ильменскую страну, могли быть допущены къ поселенію на сосѣднемъ съ Городищенскимъ мѣ, названномъ по имени пришельцевъ Нередицкимъ. Они же сѣли, оятно, частію и на лѣвомъ берегу Волхова, противъ Славно, давъ и й сторонѣ нынѣшняго города имя Неревской. Ихъ же соплеменниками елены впослѣдствіи улицы: Прусская и Чудинцева—находниками изъ усской Померанціи и изъ земли Чуди Прибалтійской.

Слившись съ Ильменцами въ одно цѣлое въ теченіи многихъ вѣковъ зры, тѣмъ не менѣе, иногда и враждовали съ ними, изъ за преобладанія въ общественныхъ дѣлахъ, или изъ за выгодъ торговли. Не безосновательно будетъ предположить, что причиною вражды служило отчасти и ановленіе новыхъ началъ Государственной жизни, принятое вѣроятно, вѣчѣ неединогласно. Всякое неудобство, сказывавшееся впослѣдствіи по поновыхъ порядковъ, не могло не отразиться на сторонникахъ большества въ пользу ихъ, тѣмъ болѣе, что Неревляне, побуждаемые новыми пельцами, естественно тяготѣли въ сторону ихъ, своихъ соплеменниковъ, западу Европы, а Славяне-Ильинцы въ другую—къ востоку, въ Азію. Изъ вѣ лѣтописныхъ мы знаемъ, что нападенія на Новгородъ дѣлались всякій разъ Неревской стороны, которая, по этому, была поставлена въ худшія, сравельно съ Славенскою, условія,—ей необходимо было болѣе укрѣпляться, ъ Славенской. Вражда обихъ сторонъ часто кончалась разрушеніями и вавою расправою. Случалось, что Неревляне раскидывали мостъ, а Славе разбивали Дѣтинцевскія ворота и выжигали цѣлыя улицы Неревскаго ца. Славенская сторона была въ первое время лѣтописныхъ вѣковъ голоднѣе, а по сосредоточенію на ней Торга, и богаче Неревской; къ у же Славенскій конецъ назывался даже въ XV вѣкѣ господиномъ и ькимъ, чего другіе, въ томъ числѣ и Неревской, не имѣли. Все это выало въ Неревлянахъ нужду въ надежномъ огражденіи своей стороны она была дѣйствительно хорошо укрѣплена. Французскій путешествен-

никъ Жильберъ-де-Ланноа, посѣтившій Новгородъ въ XV вѣкѣ, дивится его обширности, многолюдству и мудрому расположенію и укрѣпленію улицъ.

Такимъ образомъ, начало укрѣпленій Неревской стороны, и впослѣдствіи Софійской, восходитъ къ той глубокой древности, когда Невры сохраняли еще свое имя, т. е. до возникновенія русской лѣтописи. Они поддерживались постоянно въ виду внезапности нападеній извнѣ и извнутри.

Дѣтинецъ мы знаемъ уже; ровъ около него существуетъ и теперь; отъ землянаго вала, облегавшаго Дѣтинецъ, остались только береговые холмы по обѣ стороны его;—отъ рва, омывавшаго этотъ валъ, несохранилось ничего. Но мы знаемъ мѣсто внутренняго вала и рва его,—оно лежитъ, въ видѣ довольно широкой и длинной площади, на пространствѣ отъ Волховскаго берега, что за лѣтнимъ садомъ, вдоль сада по лужку, въ которомъ теперь театръ, и далѣе къ дому Дворянства, за тѣмъ черезъ всю сѣнную площадь вплоть до Волховскаго берега, мимо Троицкой церкви.

Изслѣдователь мѣстоположенія древняго Новгорода, бывшій преподавателемъ здѣшней гимназіи Ив. Ив. Красовъ, а съ его словъ Макарій и другіе полагаютъ, что внутренній валъ около Дѣтинца сдѣланъ впервые Петромъ Великимъ; Знаменское изображеніе онъ и упомянутые другіе относятъ такъ къ послѣднимъ годамъ XVII, или къ первымъ XVIII вѣковъ, полагая, что оно написано къ освященію нынѣ существующаго Знаменскаго собора. Но вѣрность взгляда на изображеніе видна изъ предыдущаго; если же оно написано непозднѣе 1528 г., стало быть и внутренній валъ сооруженъ еще при Петрѣ Великомъ, а много ранѣе; онъ отчетливо представленъ на этомъ изображеніи и слышится въ приведенныхъ словахъ француза Деланноа. Да независимо отъ этого имѣются и несомнѣнныя письменныя свидѣтельства, что въ 1649 г. „Деревянный городъ на земляномъ меньшемъ городѣ погнилъ". (Дополн. къ Акт. Истор. III № 53); очевидно онъ срубленъ былъ никакъ не меньше, чѣмъ лѣтъ за 150, если погнилъ къ 1649 г., стоя въ суши, на возвышенномъ мѣстѣ; къ тому-же въ старину подобныя сооруженія рубились чаще всего изъ дубоваго лѣса, или изъ рудоваго сосноваго, почти аршинной толщины. За нѣсколько лѣтъ предъ этимъ, въ 1632 году, велѣно: „на Софійской сторонѣ, около земляного меньшаго вала сдѣлати рогатки и у рва всякія крѣпости подѣлати, какъ вымыслитъ городовой смышленникъ, нѣмчинъ Юстъ Матсонъ". (Ак. Археогр. Эксп. III № 201). Едва-ли можетъ возникнуть мысль, что работа смышленника нѣмчина 1632 г. сгнила къ 1649 г.; видимо здѣсь два различныхъ сооруженія.

На Знаменскомъ изображеніи значится, въ стѣнѣ поверхъ внутренняго вала, восемъ башенъ и одна надъ Воскресенскими воротами; ровно столько же ихъ показано, вмѣстѣ съ Воскресенскими воротами, въ томъ же памятникѣ, въ которомъ говорится о погнившемъ городѣ;—здѣсь всѣ башни названы поимянно, такъ: Новинская,—другая Новинская, что на рѣкѣ Волховѣ,—Восьмиугольная,—Введенская,—Воскресенская,—Воскресенскія ворота,—Архангельская,—Розважскія ворота—и Розважская наугольная башня къ рѣкѣ Волхову. Новинкою называлась обширная площадь между

цемъ и землянымъ меньшимъ городомъ, очищенная отъ построекъ для
енія на ней дворца для царя Ивана Грознаго; тутъ оставалась
упомянутая церковь Нерукотвореннаго образа. До сноса построекъ
лежала улица Добрынина и, предположительно, Кобылья. Въ со-
іи дворца отражается высказанное мнѣніе объ улицѣ Кобыльей.
Андрей Кобыла былъ родоначальникомъ Романовыхъ, то царь Иванъ
й, породнившись съ ними женитьбою на Анастасіи, могъ считать
ю усадьбу потомка латышскихъ царей наслѣдственною собствен-
жены своей.

еречисленіе башенъ начато съ полуденной оконечности Меньшаго
ого города и проведено около нагорной стороны Дѣтинца до другаго,
наго конца его. Башни Введенская и Архангельская названы по име-
ближайшихъ къ нимъ церквей—Введенія во храмъ и Архангела Гав-
Воскресенская по имени церкви надъ въѣздными воротами Дѣтинца,
ажскія—монастыря, переведеннаго въ Перекомскій, на рѣкѣ Верендѣ,
къ въ 20 отъ города, близь Ильменя,—и двухъ улицъ—Розважи и
ки.

гъ внутренняго вала въ исправленномъ Петромъ Великимъ видѣ оста-
емного, какъ уже замѣчено, двѣ горки,—одна, на которой въ ка-
ъ продолговатомъ зданіи хранится лодка, подаренная Императрицею
иною II Новгородскому дворянству въ память совершеннаго Государы-
ней путешествія по р. Мстѣ и озеру Ильменю, а другая въ лѣт-
аду, въ береговой его части, гдѣ бесѣдка. Нѣкоторые писатели пола-
—основываясь на отмѣткѣ лѣтописи, что въ 1477 г. „бысть пожаръ,
зважи улицы погорѣ и до Борковѣ улицы, побережье все и до Ве-
улицы, и Мареѣ Посадницы Чюдный дворъ",—что этотъ Чудный
ъ былъ именно тутъ, гдѣ бесѣдка; но это болѣе, чѣмъ сомнительно;
Розважа лежала за внѣшнимъ валомъ, а бесѣдка стоитъ на немъ.
нѣшній валъ уничтоженъ, какъ говорятъ сторожилы, покойные Шав-
Бурновъ, послѣ отечественной войны 1812 г.; онъ спущенъ тру-
лѣнныхъ французовъ въ ровъ, приведенный въ порядокъ нѣмчиномъ
омъ; французы же развели и нынѣшній лѣтній садъ.

Ярославле дворище.

ѣстность на Славенской сторонѣ, гдѣ Никольскій соборъ,—четыре
ющія его церкви и лежащій за ними Торговый дворъ, съ молочною
его горкою, извѣстна теперь подъ именемъ Ярославова двора, а въ
ти „Ярославля дворища".

зслѣдователи старины полагаютъ, что тутъ жилъ Ярославъ Влади-
ъ, прозванный ими же Мудрымъ; этого качества, однако-же, ни его
ники, ни послѣдующіе лѣтописцы, ему не придаютъ. Изслѣдова-
е устанавливаютъ, что этотъ князь далъ Новгородцамъ права, поро-
ихъ „дикую вольность",—но какія именно, они не знаютъ, а от-

ничиваются только ссылкою на уцѣлѣвшіе до нашего времени дог
Новгорода съ державцами княжеской Руси (Собр. гр. Румянцева). Тати
говоритъ, что онъ видѣлъ у какого-то церковника—Софійскаго собора л
ную грамоту Ярослава (Бутковъ, Оборона Несторовой лѣтописи),—
объясняетъ, какую именно; онъ же нашелъ впослѣдствіи списокъ
писи Новгородской, или вѣрнѣе, сборникъ отрывовъ ея, различныхъ
мнѣнію хорошаго знатока древней нашей письменности,—барона Р
комфа—(Изслѣдованіе о Кормчей книгѣ), почерковъ и разныхъ вре
въ этомъ сборникѣ, напечатанномъ во второй части продолженія Ру
Вивліоѳики Новикова, помѣщена „Правда Руськая", которой предшест
разсказъ о побѣдѣ Ярослава надъ братоубійцею Святополкомъ, его бр
по отцѣ, одержанной при настойчивомъ содѣйствіи Новгородцевъ и о
рой наградѣ ихъ,—оканчивающійся словами: „И давъ имъ Правду и у
списавъ, глаголовъ тако: по сей грамотѣ ходите; яко-же писахъ
тако-же держите". Листы сборника, содержащіе Правду, Розенкамфъ
ситъ къ XVII вѣку. Сравнительный обзоръ полууставныхъ почерков
слѣднихъ двухъ предъ нашимъ вѣковъ не даетъ въ нихъ существе
разницы, такъ что упомянутые листы можно смѣло относить и къ
вѣку. Хотя Археографическая коммиссія, въ предисловіи къ изданным
Новгородскимъ первымъ тремъ лѣтописямъ и относитъ весь вообще
щевскій сборникъ къ началу XVI вѣка, но по приложенному къ
снимку съ почерка листовъ съ Правдою именно, это устанавливаем
время представляется достаточно смѣлымъ. Возможно, что за льготную
моту Софійскій церковникъ принималъ именно Русскую Правду, хотя
имѣющую ровно ничего, похожаго на „вольности". А такъ какъ
предшествующихъ Правдѣ выраженій сильно отдаетъ книжно-церков
вкусомъ и непохожъ ни на Новгородскій, ни на древній кіевско-ру
представляется вѣроятнымъ, что эти, предшествующія изложенію Пр
слова поздняго, современнаго написанію сборника, измышленія, от
ющаго Московскій говоръ о льготахъ, и о вольностяхъ Новгородскихъ,
ненный, должно быть, не раньше конца XV вѣка, дьякомъ Степаномъ
датымъ, большимъ начетникомъ, сопровождавшимъ Ивана III въ посл
походъ его на Новгородъ. Самая же Правда взята составителемъ Тати
скаго сборника изъ какой нибудь, недошедшей до насъ, древней перга
ной рукописи Кормчей, или другой какой либо книги церковныхъ зако
Ярославу же приписывается и Уставъ о мостахъ; въ немъ, въ числѣ
отбывающихъ мостовую повинность, названъ и князь, которому назн
три участка, двѣ городни т. е. два устоя великаго Волховскаго мос
уличный, близъ его дворца, тогда какъ прочимъ только по одному. На вз
Москвича XVI—XVIII вѣка, особенно послѣ ужасовъ „опричнины", въ пр
ченіи княземъ самого себя „къ мужицкой повинности", да еще утроенной,
залось самоуниженіе его и преемниковъ княжеской власти точно также,
и сравненіе въ взысканіяхъ за убійство мужей чиновныхъ съ купца
Русской Правдѣ, эта Правда и Уставъ о мостахъ могли послужить основа
„дикой воли Новгородцевъ". Уставъ о мостахъ излагается въ нѣкот

внихъ сборникахъ законныхъ книгъ, или въ составѣ пространной Русской авды, какъ особая статья, или сряду послѣ Правды. Изложеніе перваго ядка содержится въ пергаментной кормчей начала XIII вѣка, хранив-йся до половины текущаго столѣтія въ Новгородѣ, „на Софійскихъ па-яхъ“ (списокъ Карамзинскій),—и бывшей доступною и Татищевскому ковнику и переписчику, сказавшему предъ изложеніемъ Правды „и авъ списавъ“;—не имъ ли обоимъ, или которому нибудь одному, при-лежитъ домыслъ о льготной грамотѣ и вольностяхъ?

Были-ли даны Ярославомъ какія нибудь особыя преимущества Новго-дамъ, нѣтъ-ли, во всякомъ случаѣ этотъ князь является выдающимся по своимъ сооруженіямъ и по привязанности къ Новгороду; онъ про-ъ въ немъ большую часть жизни вмѣстѣ съ своею княжною, Св. Анною, ъ и скончавшеюся. Преданіе, нашедшее себѣ мѣсто въ III Новгородской описи, отводитъ дворцу Ярослава участокъ на Славенской сторонѣ, зъ Волхова,—„гдѣ нынѣ церковь каменная Николая Чудотворца, яже о нынѣ словетъ Ярославле Дворище“ (годъ 1030) и относитъ время его руженія къ 1030 году; если это такъ, то раньше Ярославъ жилъ внутри инца, гдѣ Княжа Башня и небольшой около нея домъ, по Михайловскому браженію, а также и Покровская церковь съ признаками постройки ея около 20 года.

Какое пространство занимало Ярославле дворище въ древности можно едѣлить съ достаточною для цѣлей Общества точностью, во первыхъ,—по ложенію церквей: въ началѣ XII вѣка заложенъ княземъ Мстиславомъ адиміровичемъ нынѣшній Никольскій соборъ, названный въ 1404 году сто-имъ на Ярославлѣ дворѣ; 1359 году поставлена церковь Прокопія на жи дворѣ Ярославли; въ 1445 г. тамъ-же—церковь Женъ Мироносицъ старой основѣ; въ 1529 г. тамъ-же церковь Прокопія; въ 1562 г.—ъ-же поставленъ монастырь Арсеньевъ;—подъ 1308 г., по случаю по-ренія вновь церкви Св. Отецъ, основанной первоначально раньше XII вѣка, а названа - на княжи дворѣ,—а подъ 1541 о ней говорится „на Дво-рѣ“; подъ 1571 г. Пятницкая церковь, основанная въ 1156 г. замор-ми купцами „на Торговши“—названа „на Дворищахъ“,—а въ 1615 —„на Ярославлѣ Дворѣ“;—и во вторыхъ—по положенію Тевтонскаго и скаго, иначе „Нѣмецкаго—рѣчного“ дворовъ, къ церкви Св. Николая и княжему двору, насколько оно выясняется изъ Торговаго договора Те-цевъ и Нѣмцевъ съ Новгородцами, по чтенію Дрейера. Въ этомъ до-ѣ, составленномъ около 1205 г., содержатся, между прочимъ, слѣдую-тановленія: a) Via a curia Gotensium trans curiam regis usque ad ter-ta erit et edificiis inoccupata;—и б) Jtem ab ecclesia S-ti Nicolai usque ad ium hospitum caria non debet occupari edificiis usque ad plateam. Если Ан-ицы выговариваютъ для себя свободный, не занимаемый постройками ъ на площадь черезъ книжей дворъ, стало быть дворъ ихъ за-между Дворищемъ и Великимъ рядомъ; а если иноземцы Тевтоны и цы не могутъ застраивать площади между ихъ Торговыми дворами овью Св. Николая, значитъ ихъ дворы приходились по ту сторону ди, которая прилегала къ церкви.

Такимъ образомъ подъ именемъ Дворища Ярославля разумѣется пространство между полуденною стѣною нынѣшней Пятницкой церкв домомъ Г. А. Воронова, близъ котораго стояла церковь Св. Отецъ ст ной стороны; между этимъ домомъ и церковью Арсенія съ другой;—отъ церкви по берегу Волхова до водоподъемнаго зданія съ третьей и от до западнаго угла Пятницкой церкви съ четвертой. Если обвести все пространство прямыми, получимъ слѣдующія границы Дворища: на по нынѣшнюю Большую Михайловскую улицу, отъ церкви Пятницы до Г. А. Воронова,—на западъ—восточный уголъ этого дома до Арсенія полночь—отсюда до Водокачалки, и на востокъ отъ нея до западнаго Пятницкой церкви; то есть на Ярославле Дворище придется почти все неческое зданіе, гдѣ управа, банкъ и клубъ,—съ молочною внутри его кою, но безъ угла, отхватывающаго часть зданія Общественнаго управ и лавки его, что въ гору, на востокъ къ полдню до Пятницкой церкв все пространство охваченное церковною оградою по Михайловкѣ, ч Ново-Николаевской улицы отъ берега до угла дома Г. А. Воронова; б шая часть этого дома и прилегающаго къ нему двора и всѣ зданія, бы Н. П. Кузнецова;—на полдень отъ послѣдней границы лежалъ проходъ небольшая площадь, а за нимъ, частію по теперешней Большой Михай ской улицѣ, частію по площади, что теперь подъ дворами домовъ Г Воронова и Н. С. Ѳедорова, а равно и подъ площадью бань его, леж Готскій или иначе Рѣчной Нѣмецкій дворъ. Готландцы выговаривали себя свободный проходъ этою площадью черезъ княжъ дворъ и свобод отъ построекъ, а они и Тевтонцы вмѣстѣ—незагораживаніе площади м обоими ихъ дворами и Никольскою церковью, слѣдовательно оба двора касались къ этой послѣдней площади,—Готскій полночною своею стор а Тевтонскій—западною.

Опредѣляемое такимъ образомъ мѣсто древняго Ярославля Дворищ Торговыхъ дворовъ иноземцевъ соотвѣтствуетъ:—а) перечисленію участ Устава о мостахъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ по порядку протяж ихъ, по отношенію къ Славенской сторонѣ почти всегда противъ дво лицъ, призванныхъ къ отбыванію мостовой повинности; въ Уставѣ писано: „Отъ Великаго ряду;—т. е. отъ теперешней Торговой площ простиравшейся въ древности, примѣрно, отъ Пятницкой церкви—„К до Нѣмѣчкого вымола"—то есть до пристани, приходившейся между падпымъ угломъ Дворища и береговою частью Готскаго двора, гдѣ мы дѣли Бѣлый костеръ Олеаріева рисунка;—теперь тутъ пристаютъ Б вичско-Мстинскія лодки съ глиняною посудою и Подгощскія,—съ известь „Нѣмчемъ до іеваня—вымола";—дворъ ихъ лежалъ частію за площа что противъ Дворища и занималъ дворъ дома Г. М. Смѣтанина, учас продолженія Ново-Николаевской улицы и дворъ дома А. М. Агапова; Нѣмецкаго двора" была церковь Іоанна Крестителя, разобранная въ т щемъ столѣтіи; площадь ея лежитъ рядомъ съ домомъ церковниковъ кольскаго собора, по Малой Михайловской улицѣ;—къ Нѣмецкому д вела особая дорога отъ береговой пристани и до названной Іоанно-І

евской или, по древнему письму іевановской церкви, давшей пристани
и іеваня вымола; — пристань эта была, повидимому, тамъ, гдѣ теперь —
зорусская; такъ что нѣмцы мостили и содержали въ порядкѣ эту до-
у съ того мѣста, гдѣ, на площади, подходилъ къ полночной сторонѣ
ицкаго двора участокъ князя — „Гтомъ до Геральда — вымола до задьнего“; —
ъ береговой границы участка князя, то есть отъ Нѣмецкаго вымола и
аго костра начиналась береговая сторона Готскаго двора, отсюда и шелъ
товой участокъ Готландцевъ, берегомъ, вверхъ по Волхову, за іеваньгомъ, — до дальней Геральдовой пристани. Передняя пристань того-же
менованія могла находиться прямо противъ береговой стороны Дворища;
Знаменскомъ изображеніи въ береговой стѣнѣ, проходящей мимо Дво-
ца, въ части ея, соотвѣтствующей срединѣ Дворища, показаны значи-
ьныхъ размѣровъ ворота; тутъ и предполагается передній Геральдъ вымолъ Устава. Есть Скандинавская былина, повѣствующая, что
скій князь Гаральдъ долго жилъ при дворѣ Ярослава, влюбился совсѣмъ
ченіемъ юноши въ одну изъ дочерей нашего князя, и, странствуя по
ямъ Европы, постоянно воспѣвалъ свою красавицу. Какъ влюбленный,
ть Гаральдъ, надо полагать, чаще другихъ важныхъ иноземцевъ посѣ-
ъ Дворище Ярославле и ладья его, чаще другихъ стояла у княжей
стани, получившій потому имя Гаральдовой, или Геральдова вымола;
ны царственной семьи издавна путешествуютъ не одиночно; въ X—XI
ахъ морскія ладьи ходили по внутреннимъ водамъ; онѣ были поэтому
елики, такъ что князя, а особенно Скандинавскаго, — Скандинавы тогда
ичались внезапными, кучными набѣгами, слыли за морскихъ разбойни-
въ и гордились своею удалью, — сопровождало много людей, — для стоянки
ъ на Волховѣ была, вѣроятно, другая пристань, позади главной части
ода, названная заднимъ Геральдовымъ вымоломъ; онъ приходился, должно
ть, близъ того мѣста берега, гдѣ начались нынѣшнія улицы, Мало-Ми-
ловская и Посольская, пересѣкаемыя, на нѣкоторомъ разстояніи отъ бе-
, первая Нутною, а вторая Славною; въ границахъ береговыхъ концовъ,
лѣ пресѣченій, были Варяжская, или Фряжская, церковь и великая Ва-
ская улица, — тутъ, повидимому и случилось извѣстное избіеніе иноземъ
дружины Ярослава въ Парамоновомъ дворѣ въ 1015 году, — и впо-
дствіи Варецкая улица и переулокъ того-же имени; этотъ послѣдній
ществовалъ еще въ прошедшемъ столѣтіи и выходилъ, начиная отъ пре-
ченія современныхъ улицъ Посольской и Ильинской, около котораго ле-
ъ Павловъ монастырь, въ сторону къ валу, — на берегъ, направляясь
началу древней Славной, а нынѣшней Мало-Николаевской улицы, къ
у мѣсту, гдѣ стоитъ домъ А. И. Соцкаго, принадлежавшій со второй
овины прошлаго столѣтія Новгородскому губернскому училищу, преобра-
анному при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, въ 30 годахъ, въ Новго-
о губернскую гимназію и переведенному въ новое устроенное для
нѣшнее помѣщеніе. Варяжская улица упоминается съ 1299 г.; — одна-
юдъ 1542 г. эта самая улица названа Веряжскою. Недалеко от-
да вышла изъ Нетыльскихъ моховыхъ болотъ рѣка Веряжа —

впала въ Ильмень верстахъ въ 15 отъ города. Въ одномъ изъ спи
Устава о мостахъ названы Вережане, и въ писцовыхъ книгахъ XV
мѣстности по р. Веряжѣ именуются „Поверяжье и Заверяжье.“.

Замѣтимъ по поводу отводимаго ими подъ иноземные торговые
мѣста, что по IX статьѣ договора Новгорода съ нѣмецкими города
Готландомъ, заключеннаго въ 1270 году, извощики въ Новгородѣ, п
зившіе грузы съ иноземныхъ судовъ во дворы, получали за это опре
ную плату,— за провозъ къ Нѣмецкому двору по 15, а къ Готланд
по 10 кунъ съ каждаго судна. Изслѣдователь этого и другихъ догов
Новгорода съ иноземцами, ученый Датчанинъ прошедшаго вѣка Сарто
объясняетъ эту значительную разницу въ платѣ не одинаковостью ра
нія дворовъ отъ берега;—Готландскій, какъ основанный раньше Тевтон
занялъ и лучшее положеніе, на берегу, а Тевтонскій—дальше отъ
Раньше сказано, что Готландцы имѣли у насъ два двора, одинъ на
бывшаго дворца Екатерининскихъ временъ, а другой около Арсен
церкви; оба они были на самомъ берегу, что не противорѣчитъ м
Сарторіуса. Первый дворъ они продали, по моимъ изысканіямъ,
Всеволоду Мстиславовичу, упорядочившему торговое дѣло послѣ соору
Предтеченской цереви на опокахъ; на это обстоятельство указываетъ
мянутый сейчасъ договоръ 1720 г., словами: „Item curiam Gilde, quam
Gotenses vendiderunt, non tenetur renovatione pontis aliquatenus procu
Изъ этого мѣста договора оказывается, что Готланды хотя и продали пр
второй дворъ свой задолго до заключенія его, но все-таки отбывали
вую повинность и за участокъ, назначенный имъ до продажи.

Установивъ мѣстоположеніе Дворища и его окрестностей, обра
къ значенію его въ Государственной жизни Великаго Новгорода, на св
лѣтопись сохранила опредѣляющихъ его данныхъ и указаній.

Первый разъ лѣтопись упоминаетъ о Дворищѣ, называя его Кня
дворомъ, по поводу основанія княземъ Мстиславомъ Владиміровичем
кольской церкви, подъ 1113 годомъ; слѣдовательно этотъ князь жилъ
мѣста основанія церкви,—гдѣ нибудь на опредѣленной нами прощади
рища. Гдѣ жилъ сынъ его, Св. Всеволодъ—Гавріилъ Псковской, б
въ Новгородѣ на княженіи до 1136 г. и, какъ уже сказано, высид
два мѣсяца подъ стражею со всею семьею,—неизвѣстно; но изъ того
онъ заключенъ былъ подъ стражу во Владычній дворъ, съ значите
долею вѣроятности можно предположить, что онъ жилъ въ Дѣтинц
Княжемъ дворѣ близъ Покровской церкви, въ небольшомъ домѣ, пок
номъ на Михайловскомъ изображеніи рядомъ съ Княжею башнею.
происшествій въ Новгородѣ, случившихся послѣ изгнанія этого кн
подробно занесенныхъ въ лѣтопись, ясно, что Св. Всеволодъ, оказ
упорядоченіемъ торговли огромную услугу мѣстнымъ купцамъ и заѣз
имѣлъ среди вліятельнаго купеческаго населенія, преобладавшаго въ г
много сильныхъ сторонниковъ. Заключеніе подъ стражу задумано и
нено не въ одинъ часъ; были, конечно, голоса за князя, а тѣмъ бол
его семью, были споры,—такъ что сторонники его не могли не сл

за своими противниками и не оберегать княжего двора и днемъ и
; если же они все-таки не оберегли князя и его семью, значитъ ихъ
ли тайно и быстро заключили во Владычнемъ дворѣ, разсадивъ по
мъ подземельямъ. Если-бы князь жилъ не въ Дѣтинцѣ, а на Дворищѣ,
и-бы княжескую семью взяли въ заключеніе оттуда, хотя-бы и
—сторожа Великаго ряда, сосѣдняго съ Дворищемъ и Вощниками,
сти ближайшей къ Великому ряду, не могли-бы непримѣтить нео-
о для ночнаго времени движенія у нихъ на глазахъ и не ударить
.

реданіе, занесенное во многіе лѣтописные сборники поздняго состава,
аетъ, что Новгородскіе князья жили семейно на Городищѣ,—а въ
одъ только наѣзжали. Это подтверждается сооруженіемъ князьями
й на Городищѣ и на Нередицѣ, начиная съ 1102 года; Мстиславъ
іровичъ былъ первымъ строителемъ существующей и теперь Благовѣ-
ой Городищенской церкви. Подъ 1220 годомъ записано, что князь
одъ Мстиславовичъ,—сынъ Мстислава Романовича,—во время раздора
садникомъ Твердиславомъ пришелъ съ Городища со всѣмъ дворомъ
„скрутяся въ броня, аки на рать, пріѣха на Ярославъ дворъ, и
пась Новѣгородѣ—обитатели Славенской стороны—къ нему въ оружіи
па полкомъ на Княжи дворѣ. Твердиславъ же бяше немощенъ и вы-
и на санкахъ къ Борису и Глѣбу (въ Дѣтинцѣ), и скопишась о
Пруси, и Людань конецъ и Загородци, и сташа около него полкомъ,
шися на пять полковъ. Князь узрѣвъ рядъ ихъ, яко хотятъ крѣпко
за Твердислава, и не поѣха“ и т. д. Дѣло уладилось мирнымъ пу-
Приведенная выписка, рядомъ съ отмѣтками, начиная съ первыхъ
XII вѣка о построеніи князьями Новгородскими церквей, подтверждаетъ
енное преданіе: Всеволодъ явился на Ярославъ дворъ вооруженный съ
—стало-быть постоянное мѣсто пребываніе его было на Городищѣ.
но, что насиліе надъ Св. Всеволодомъ было ближайшимъ поводомъ
слѣдующихъ князей не жить ни на Ярославлѣ дворѣ, ни въ Дѣтинцѣ,
то, съ изгнаніемъ Св. Всеволода, Ярославовъ дворецъ запустѣлъ
въ немъ уже не живали.

нязь Всеволодъ, сынъ Мстислава Романовича, первый созвалъ Нов-
ь—славлянъ на Вѣче на Ярославовъ дворъ въ 1270 году, который сдѣ-
началомъ для созыва здѣсь дальнѣйшихъ собраній народа, или боль-
сенароднаго Вѣча, при обстоятельствахъ чрезвычайныхъ; оно называ-
огда Великовѣчьемъ; а дворцовыя сооруженія превратились въ Па-
Вѣча народнаго, судившаго князей, посадниковъ, тысяцкихъ и прочихъ
хъ чиновъ Государства, не исключая и духовныхъ, на которыхъ па-
желое обвиненіе. Здѣсь же, повидимому, рѣшались вопросы законо-
ные, и о войнѣ и о мирѣ.

Всѣнародныя собранія или Великовѣчья учреждены въ Новгородѣ давно,
то до начала лѣсописи, давно же они и собирались въ окрестностяхъ
ща Ярославова, еще до сооруженія его;—тутъ былъ тотъ самое
е мѣсто, весьма удобное для скораго созыва въ народное собраніе.

Если Славенская сторона была огорожена, въ предположенныхъ выш
ницахъ, и была въ тѣсномъ смыслѣ городомъ съ именемъ Славенс
первый вѣкъ христіанскаго лѣтописанія,—и учрежденіе обычая всѣнар
собраній непоздпѣе, если нераньше,—перенесенія города на это мѣ
Городища и Нередицы.

Указаніемъ на древность народныхъ собраній среди Торга Сла
стороны служитъ слѣдующее мѣсто названнаго выше договора с
земцами: Inter curias teutonicorum in platea non debet esse pugna vel p
cum fustibus, qui dicuntur *Velen*, quia de hujusmodi ludo insolito ab ant
loco predicto posset oriri discordia inser horpites et Ruthenos. Здѣсь
Velen видимо испорчено непонявшимъ его переписчикомъ изъ *Ve*
Veten, то есть Вѣче; съ такою поправкою мы получилъ свидѣтельст
на площади между дворами Тевтонцевъ существовалъ издревле уста
ный обычай собираться и заводить неистовую драку, или свалку, с
коліемъ,—такъ называемую Вѣчевую борьбу. Площадь между двора
земцевъ мы знаемъ, она лежала противъ нынѣшнихъ Дворищенскихъ
вей на Михайловкѣ.

Въ 1478 году, при переговорахъ съ Владыкою Ѳеоѳиломъ и са
ками Новгородскими объ условіяхъ мира, Иванъ III требовалъ,
прочимъ, чтобы Ярославовъ дворъ былъ его собственностью, а когда
ялось окончательное, 14 Января, уничтоженіе самобытія, онъ посла
Января, въ Новгородъ намѣстниковъ своихъ, князя Ивава Васил
Стригу, да брата его Ярослава,—„а велѣлъ имъ стати на своемъ
Великаго князя Ярославли". (Софійскій Времен. Строева,—Русскій
сецъ (Костромская лѣтопись), Псковская лѣтопись, годъ 1478).
двѣ недѣли, 5 Февраля, Иванъ III назначилъ еще двухъ намѣст
Василья Китая и Ивана Зиновьева—на Софійскую или Перевскую
(Тамъ-же). Съ тѣхъ поръ Ярославле Дворище перешло въ собств
Московскихъ Государей. Въ 1562 году, по повелѣнію Ивана Грозна
на Ярославлѣ Дворищѣ старцу Арсенію мѣсто для устройства мон
во имя Рождества Богородицы. Впослѣдствіи къ этому монастырю
слена была Дворцовская церковь Женъ Мироносицъ. Преподобный А
основатель монастыря, завѣщалъ похоронить его въ уединенномъ мѣ
берегу Волхова, куда онъ часто уходилъ, при жизни, для молитвы и
шленій. Желаніе его было исполнено. По обрѣтеніи мощей его на
погребенія праведника была поставлена часовня. Въ 1696 году мон
выгорѣлъ; мощи Арсенія перенесены въ Кирилловъ монастырь, гдѣ
ваютъ. Въ недавнее время, лѣтъ около 40 назадъ, при постройкѣ
цовскаго дома, намогильная Арсеньевская часовня обращена въ ц
Такимъ образомъ эта церковь служитъ указаніемъ предѣла Дворищ
сторонѣ Михайловскаго берега.

Въ 1572 году, въ Іюнѣ, заложилъ Государь (Иванъ Грозный)
ставити на своемъ дворѣ, на Дворищѣ, а въ Августѣ колоколъ нов
ставили на Дворищѣ, у Женъ Мироносицъ, у двора Государскаго. В
году погорѣлъ Государевъ дворъ на Ярославлѣ Дворищѣ.

Иванъ Грозный имѣлъ намѣреніе поселиться въ Новгородѣ надолго, и не навсегда; для того, вѣроятно, онъ и устроилъ себѣ помѣщеніе. ѣзжая, въ 1571 году, послѣ долгаго въ Новгородѣ проживанья, онъ ялъ свою казну подъ Дворищенскими церквями Николаевскою, Пятскою и Мироносицкою, приставивъ 500 стрѣльцовъ для охраненія сокро-ъ; въ слѣдующемъ 1572 году привезли изъ Москвы Государевой казны 450 возовъ (II Новг. лѣт.).

Отъ XVII вѣка имѣются челобитья и послѣдовавшія на нихъ рѣшенія стниковъ и воеводъ объ отдачѣ разныхъ помѣщеній Дворища въ об-ое содержаніе торговымъ людямъ. Въ 1723 году былъ въ Новгородѣ шой пожаръ, истребившій ряды торговые. Петръ Великій проѣзжая че-нашъ городъ, и видя пожарище, отдалъ Дворище въ пользованіе купцамъ, ы они изъ доходовъ содержали его въ надлежащемъ порядкѣ; распо-енія-же о предоставленіи купцамъ или городу Государственныхъ зданій полную собственность не послѣдовало и Дворище находится до сихъ поръ ко въ пользованіи городскаго общества.

На Знаменскомъ и Флоровскомъ изображеніяхъ и на чертежахъ распо-енія Новгородскихъ улицъ, сдѣланныхъ,—въ 1756 году геодезистомъ овымъ и прапорщикомъ Литвиновымъ, и въ 1778,—по распоряженію вительства, для новаго направленія ихъ,—послѣдній утвержденъ Екатери-ъ II,—площадь Дворища очерчена почти одинаково, неправильнымъ четыре-льникомъ, скошеннымъ и къ Волховскому берегу, или на площадь къ западу, къ древнему Великому ряду. На послѣдне-изданномъ въ 1862 году чер-ѣ западная скошенность выпрямлена по направленію Ново-Николаевской цы, гдѣ дома Кузнецова, Еремѣева и Г. А. Воронова.

На Знаменскомъ изображеніи Дворище обнесено каменною стѣною, от-лною съ полночной, восточной и полуденной сторонъ, и слившеюся съ ею внѣшнею, окружающею всю Славенскую сторону,—съ западной, что берегу, противъ Дѣтинца; башни общей стѣны пригнаны здѣсь къ угламъ ищенской площади; на полночной сторонѣ отдѣльной стѣны, близъ встрѣчи ъ общею, видна еще одна башня, небольшая; часть другой такой-же башни,— ъ край ея видать и на концѣ полуденной стороны, тоже при встрѣчѣ от-ьной стѣны съ общею городовою; а другая, тоже небольшая часть этой башни, ыта обширною городовою башнею общей стѣны. Отдѣльная Дворищенская на ниже общей городовой, такъ что художникъ, писавшій Знаменское изобра-ие, невидѣлъ полночной стороны первой, ее скрывала соотвѣтственная часть ей. Возможно, что она слилась, при сооруженіи общей городской стѣны, нею;—это, вѣроятно, и вызвало въ договорѣ съ иноземцами статью о вѣ прохода Готландцевъ къ Великому ряду черезъ Княжій дворъ, обхо-ъ который кругомъ, по площадямъ, мимо Дворищенскихъ церквей было ко и не всегда возможно, если, напримѣръ, площадь противъ церквей была народнымъ собраніемъ Великовѣчья. Внутри Дворища, прямо противъ нныхъ воротъ „Геральдова вымола“ передняго, возвышается баш-е четыреугольное необширное зданіе,—оно приходится не посреди-нней Дворищенской площади, а ближе къ полночной сторонѣ.

Прямо противъ этого зданія, въ наибольшей части стѣны восточной
роны, показано жилое, довольно высокое каменное строеніе, съ башн
срединѣ, крытою вытянутымъ вверхъ шатромъ.

На Флоровскомъ изображеніи Дворище имѣетъ одинаковый съ о
нымъ видъ, но тамъ рисунокъ мельче и подробности не такъ отчет
какъ на Знаменскомъ.

Въ современномъ видѣ Дворище не представляетъ, въ общемъ, не
ства съ Знаменскимъ изображеніемъ; но нѣтъ башенъ въ сторон
обращенный къ Дѣтинцу, и нѣтъ внутренняго башнеобразнаго здан
краямъ съ торговой площади, къ Волхову и къ Кузнецовскимъ до
и частью и на восточномъ углу, по сторонѣ къ Дворищенскимъ цер
устроены помѣщенія для торговли.

Башня среди жилаго строенія восточной стороны и самое строен
хранились до настоящаго времени, хотя конечно не въ первобытной
цѣльности. Башня слыветъ въ народѣ подъ именемъ Ярославовой. Осн
ли она Ярославомъ Мудрымъ въ 1030 году одновременно съ дворцомъ
послѣ,—кѣмъ и когда,—свѣдѣній нѣтъ. Самое имя башни держится
древнему преданію, а книжное, появившееся, вѣроятно, очень недав
въ одной изъ извѣстныхъ лѣтописей нѣтъ Ярославовой башни.

Изслѣдователь мѣстоположенія древняго Новгорода И. И. Красов
лагаетъ, что современная Ярославова башня основана въ 1472 году
та Гридница, которая поставлена въ этомъ году на Княжемъ дво
этимъ мнѣніемъ вопросъ не рѣшается и далеко не исчерпывается. Мы
видѣли, что Княжій дворъ былъ и въ Дѣтинцѣ; Гридница существ
еще въ 1232 году на княжемъ дворѣ на Городищѣ; были въ Новгоро
зажиточное населеніе котораго занималось торговлею и не могло не
нѣкоторыхъ удобствъ для внѣ-семейной жизни, торгово-дѣловой,—Гри
питейныя, или Обчины (Супр. рукопись и I Новг. лѣт. годъ 134
1470 году поставлена въ Славковѣ Гридница новая середняя (Соф. Вре
Славкова улица, древняя, лежала тамъ, гдѣ, близъ Ѳедоровкаго ручья,
ковъ Дмитрія Солунскаго; впослѣдствіи, въ XVI вѣкѣ, проѣздъ этой у
приходился между церковью и ея колокольнею. Есть еще не в
закрытый Славковъ переулокъ, узкій и глухой, между Славною улиц
Малою-Михайловскою, отъ которой направляется во дворъ Дмитрие
церкви; начинается этотъ переулокъ на Славной, отъ двороваго
М. І. Хоментовскаго;—если существовала средняя Гридница, были гд
будь, поблизости, большая и малая. Такимъ образомъ вопросъ о тож
Гридницы 1472 г. съ Ярославовою башнею, или точнѣе,—съ Башнею
славова Дворища,—долженъ считаться открытымъ. Изъ приведенной от
о враждебномъ настроеніи, по поводу неудовольствій князя Всеволо
посадника Твердислава, Славлянъ и Неревлянъ, видно, что князь не в
палъ съ своею дружиною и съ Славлянами изъ Двора Ярославля,
какъ узрѣлъ приготовленіе ополченія Неревлянъ къ боевому порядку
церкви Бориса и Глѣба и самого больнаго Твердислава, подвезенна
ополченію на саняхъ. Это было въ 1270 году. Церковь Бориса и

нована въ Дѣтинцѣ или сряду послѣ истребленія пожаромъ первой дубо-
й Софійской, около 1050 года, или въ 1146 году,—знаменитымъ былин-
мъ Садко, богатымъ гостемъ; каменная стѣна Дѣтинца сооружена въ
44 г.; но хотя бы, какъ полагаютъ нѣкоторые изслѣдователи, тогда былъ
мѣстѣ каменнаго Дѣтинца только земляной валъ,—видѣть изъ Яро-
авля двора построеніе Перевлянъ полками и самого Твердислава въ са-
ъ нельзя, если на Княжемъ дворѣ не было высокаго сооруженія, по-
ваго уцѣлѣвшей до нашихъ дней Ярославовой башни. Мы видѣли внутри
рища высокое башне-образное зданіе; почему-бы ему не быть Гридни-
каменною 1427 года? Вѣдь дѣловая Гридница имѣла, конечно, на хра-
и немаловажныя Государственныя бумаги, грамоты, договоры и т. п.
частыхъ смутахъ, при тѣхъ вѣчевыхъ свалкахъ, о которыхъ упоми-
ть договоръ съ торговыми иноземцами, хранилище важныхъ бумагъ
бовало основательнаго обезпеченія, особенно послѣ похода Ивана III на
агородъ, кончившагося печальною для „людей военныхъ“ Шелонскою
вою и неоставившаго въ Государственныхъ людяхъ самобытной страны
шѣній въ дальнѣйшихъ намѣреніяхъ Московскаго Государя лишить ее
ревле установленной независимости отъ княжеской Руси въ дѣлахъ
утренняго своего управленія. Государственные люди не могли не видѣть,
Великій князь Московскій дѣйствовалъ на населеніе страны Новгород-
й точно также, какъ на обитателей другихъ, еще недавно независѣв-
хъ отъ него, но уже присоединенныхъ къ Москвѣ княжествъ, то есть—
ласкою, гдѣ смутами, а гдѣ и подкупомъ. При такомъ тревожномъ на-
роеніи заботы объ огражденіи дѣлопроизводства и хранилища бумагъ отъ
грома толпы, поднятой, напримѣръ, сторонниками Москвы, подозрѣвавшей
мѣнныя сношенія Новгорода съ иноземными Государями,—не могли не
ть предметомъ крупной важности.

И такъ сохранившаяся до нынѣ Башня Ярославова сооружена не въ
72 году, а много раньше,—она не Вѣчевая Гридница, а дворцовая по-
йка древнихъ временъ.

Если смотрѣть на Ярославову башню изъ внутри Дворища, съ вы-
ней Молочной горки, она представляется очень близкою къ рисунку
менскаго изображенія,—стало быть время пощадило ее. Со стороны
щадки между Никольскимъ соборомъ и Пятницкою церковью,—примѣ-
отношеніи сохраненія древняго вида ея снаружи, возобновленною усер-
на нашего Общества Г. М. Смѣтанина,—башня и постройки, слу-
основаніемъ, не исключаютъ вѣроятности предположенія, что и здѣ-
емъ старину, мало тронутую поздними починками. Благодаря сч-
случайности постройки эти рѣзко выдѣляются, такъ что сразу
пристроено и въ чемъ состоитъ передѣлка частностей.

Старожилы знаютъ и наблюдаютъ Ярославову башню свы-
Въ 1850 году она была совершенно такою, какою пред-
ѣ Новгородскихъ башенъ, приложенномъ къ памятной кни-
и составляющемъ перепечатку съ двухъ значительно кр-
ъ, изданныхъ въ 40-хъ годахъ, или и раньше;—нѣкото-

въ крышѣ. Тогда она была совершенно необитаема: въ верхней част
ные пролеты не имѣли переплетовъ и не примѣчалось слѣдовъ заст
рамъ, когда либо существовавшихъ. Сряду подъ сводомъ, надъ
стѣнками между пролетами, оставались углубленія, въ видѣ гнѣздъ
перечнаго бруса,—какъ въ старинныхъ колокольняхъ; изъ нижня
посредственно лежащаго подъ верхнимъ, или средняго вообще, от
башни велъ въ верхнее узкій, не шире аршина, проходъ въ самой
обращенной на западъ, съ очень высокими кирпичными, сильно от
ступенями. Всѣ жилые покои подъ башнею и около имѣли пологіе
ниже уличной площади сохранялось обширное, почти подъ всѣмъ
подземелье, сходное изъ вышеописанныхъ съ тѣмъ, что подъ Судеб
стольною Палатою во Владычнѣ дворѣ.

Въ 60-хъ годахъ тогдашнее городское управленіе признало пол
воспользоваться пустовавшею башнею и привести покои ея въ удоб
жила состояніе. Въ верхнемъ отдѣленіи сдѣлали рамы и печь и п
тамъ четырехъ бѣдныхъ старухъ; оказалось, что жильцамъ неудобно
нему стѣнному проходу носить ведра съ водою, и особенно ушатъ съ п
проходъ обезобразили, расширивъ его и поставивъ деревянную лѣ
Но и при этомъ приспособленіи старухи не могли жить тутъ по сы
по другимъ причинамъ; верхнее отдѣленіе опустѣло и до сихъ пор
ется необитаемымъ. Своды уничтожены хотя не во всѣхъ, но во
покояхъ, въ 70-хъ годахъ, когда произведена была большая передѣл
помѣщенія городскаго училища, остающагося тутъ и теперь.

Таково прошедшее Ярославля Дворища; подробное нѣсколько из
судьбы его приведено для того, чтобы напомнить объ этомъ единств
въ Россіи, уцѣлѣвшемъ до нашихъ дней, гражданскомъ сооруженіи д
прошлаго и вызвать въ почитателяхъ и знатокахъ отечественныхъ
стей вниманіе къ нему, какъ къ соединенному съ именемъ князя,
леннаго лѣтописью за его дѣянія, и насадившаго еще на дѣвственно
ново-крещенной Россіи первыя семена духовно-нравственнаго просв
Быть можетъ именитые знатоки и члены нашего Общества прибав
изложеннему новыя, имъ извѣстныя свѣдѣнія, для дальнѣйшаго
этого драгоцѣннаго памятника глубокой старины.

Есть и другая причина, вызвавшая приведенныя подробности.
щеніе въ башенныхъ покояхъ оказывается тѣснымъ и неудобнымъ
родскаго училища; наплывъ желающихъ получить первое знаком
общедоступными знаніями годъ отъ году растетъ; городское управле
лей-неволей отказываетъ большимъ десяткамъ дѣтей въ принятіи в
лище. Говорятъ о необходимости устройства другого помѣщенія въ
изъ принадлежащихъ городу домовъ. Въ числѣ членовъ нашего юна
Общества насчитываются видные городскіе дѣятели: Гр. Мак. Смѣт
Алекс. Алекс Соловьевъ, Як. Ив. Журавлевъ и молодые еще дѣти
ныхъ гражданъ А. Г. Вороновъ и П. Д. Вороновъ, заявившіе свое
ствіе и уваженіе къ мѣстной старинѣ щедрыми—особенно со сторо
Макс. Смѣтанина,—пожертвованіями на устройство помѣщенія для

О случайной встрѣчѣ при земляныхъ работахъ съ остатками сооруженій уже говорено. Такіе остатки, какъ не имѣющіе слѣда ни въ лѣтописи ни въ преданіяхъ, мы не причисляемъ къ остаткамъ памятниковъ древности,— а вообще называемъ бытовыми остатками старины;—они также доступны для уясненія, но лишь въ смыслѣ догадокъ и предположенія.

Остатковъ отъ памятниковъ церковной древности, еще видимыхъ, в чертѣ города почти нѣтъ, но мѣстъ захороненія ихъ нѣсколько; въ ближайшихъ же окрестностяхъ такіе видимые остатки встрѣчаются какъ около правой или Славенской стороны города, такъ и около лѣвой—Неревской.

Остатки памятниковъ церковной древности.

По приведеннымъ выше даннымъ Славенская сторона получила значеніе города въ современномъ смыслѣ раньше Неревской и застроилась тѣснѣе ея; потому здѣсь больше остатковъ старины гражданской и бытовой чѣмъ христіанско-церковной на сторонѣ Неревской вообще. Изложеніе свѣдѣній объ остаткахъ памятниковъ церковной древности начнемъ съ окрестностей обѣихъ сторонъ.

Окрестности Славенской стороны.

Около Славенской стороны, съ самаго берега Волхова, за внѣшнимъ валомъ, находятся слѣдующіе видимые остатки.

Церковь Преображенія Господня.

Церковь эта называется въ лѣтописи „Спасъ"—или „Древній Спасъ". Древніе Новгородцы отличаются отъ всѣхъ современныхъ имъ народовъ Европы своею вѣротерпимостью, сложившеюся въ зависимости отъ исконныхъ, съ каменнаго вѣка, сношеній ихъ съ чужеродными и иноземными племенами. Съ долѣтописныхъ временъ извѣстны церкви: католическая Св. Петра и Варяжская Божница—въ Новгородѣ, и церкви Св. Николая в Ладогѣ; во времена лѣтописныя эти церкви существовали, кромѣ того упоминаются еще „ропаты",—т. е., или христіанскія часовни не православныя или молельни не христіанъ.

Въ Новгородѣ нерѣдки православные храмы, время первоначальнаго сооруженія которыхъ лѣтописи неизвѣстно, напримѣръ, Св. Илья Пророкъ въ Славнѣ, Архангелъ Михаилъ въ Торгу, Св. Николай Чудотворецъ в Сокольникахъ или въ Сокольницѣ, или на Сокольей горѣ, Св. Михаилъ Малеинъ въ Плотенскомъ концѣ, на Молоткахъ, и Св. Праведный Лазарь за внѣшнимъ валомъ Неревской стороны, между нимъ и Звѣринскимъ монастыремъ.

Древнѣйшій списокъ Новгородской лѣтописи, пергаментный, сохранился, ...ти и безъ начала,—не хватаетъ событій до 1017 года,—но изслѣдо-...ніями о составѣ русской лѣтописи вообще установлено: (Бѣляевъ, Бесту-...въ-Рюминъ, Срезневскій и др.), что въ нее вошли записи о первыхъ ...еменахъ по крещеніи Руси преимущественно изъ Памятухъ Новгород-...ихъ, веденныхъ духовенствомъ, сперва Сербско-Болгарскимъ, а впослѣд-...віи изъ природныхъ русскихъ славянъ, которое, безъ всякаго сомнѣнія, ...тѣе всего дорожило христіанскими храмами и не преминуло-бы занести свои записи отмѣтки о построеніи той или другой церкви; въ Новго-...дѣ же особенно, потому что здѣсь и во всей Ильменской странѣ право-...віе прививалось туго, и для священниковъ всякая новосозданная цер-...ковь служила похвальнымъ листомъ и душеспасительнымъ дѣломъ; одна-...кожъ о времени сооруженія поименованныхъ храмовъ нѣтъ извѣстій ни въ ...томъ спискѣ ни начальной русской лѣтописи, ни мѣстныхъ, веденныхъ ...древнихъ городахъ. Относительно церквей Ильинской, Михайловской, Преображенской Славенской стороны есть нѣкоторыя основанія заключать. ...онѣ, равно католическая Св. Петра и Варяжская, существовали во время ...ключенія княземъ Игоремъ договора съ греками, въ первой четверти IX ...ка, и что присяга дружинниковъ христіанской вѣры, скрѣпившая этотъ ...говоръ, происходила не въ Кіевской Ильинской, а въ Новгородской ...ркви, считавшейся тогда, при существованіи здѣсь четырехъ другихъ, ...борною.

Въ большой семьѣ Новгородскихъ лѣтописныхъ сборниковъ есть отры-...къ временника, приписываемаго составленію перваго Епископа Новгород-...ago Іоакима Корсунянина. Онъ открытъ въ концѣ прошедшаго столѣтія ...менитымъ собирателемъ рукописей и историкомъ Татищевымъ, во время ...ьбы тогдашнихъ научныхъ силъ, раздвоившихся, по поводу Шлецеро-...въ изысканій о Несторовой лѣтописи, на его сторонниковъ и противни-...въ; почитатели Шлецера признавали за бытовыя истины древней Руси ...о только повѣствуемое преподобнымъ Несторомъ, а его противники вполнѣ ...цали начальную русскую лѣтопись. Обстоятельства, предшествовавшія ...ытію отрывка Якимова временника остаются до сихъ поръ загадоч-...ми, а содержаніе его крайне подозрительнымъ, несмотря на остроумныя, ...всѣми строгонаучными пріемами произведенныя, изысканія академика ...ровскаго. Считая съ своей стороны отрывокъ сочиненіемъ большого на-...ника русскихъ, латинскихъ и польскихъ книгъ, настоятеля Бизюкова ...стыря Архимандрита Мельхиседека,—увлекшагося примѣромъ Гизелева ...описца и возмущеннаго отрицаніемъ сказаній начальной русской лѣто-...ci,—и цѣня этотъ отрывокъ, какъ выборку изъ разныхъ печатныхъ и ...писныхъ книгъ преданій и домысловъ книжниковъ стараго, не древнѣе ...ко же XV вѣка, времени, изложенныхъ связно и послѣдовательно,— ...зуемся имъ, какъ преданіемъ, дожившимъ гдѣ-то, въ земляхъ дале-...отъ Новгорода, до XVI вѣка, и имѣющимъ въ нѣкоторыхъ частяхъ ...свѣдѣнія, заслуживающія во всякомъ случаѣ вниманія и дальнѣй-...провѣрки.

Къ свѣдѣніямъ такого рода относится преданіе о насильств
крещеніи Новгородцевъ Путятою и Добрынею и о разрушеніи озлобл
горожанами Спасской церкви, стоявшей на окраинѣ города, сряду
нѣшнимъ внѣшнимъ валомъ Славенской стороны, почти прямо проти
сольской улицы, невдалекѣ отъ Ильинской церкви. На мѣстѣ ея
сооружена благочестивымъ генераломъ Ласскимъ, жившимъ нѣкоторо
по сосѣдству, открытая часовня; ее впрочемъ, успѣли уже, въ теч
болѣе пяти лѣтъ, обезобразить.

Основанія, по которымъ сказаніе отрывка Якимова временника
ской церкви представляется вѣроятнымъ въ значительной степени,
слѣдующую почву: Новгородцы были, какъ замѣчено уже, всегда в
нимы; преданіе объ этой церкви могло пользоваться общеизвѣстност
времена самобытія Ильменской страны и оставаться отголоскомъ др
точнымъ; людей любознательныхъ и родовитыхъ было тогда много;—
тые бояре жили преимущественно на Славнѣ, и особенно на Нутной
кой улицѣ, въ этихъ ближайшихъ мѣстностяхъ къ Спасской церкви
гли, имѣя ее на глазахъ, держать преданіе, какъ истину бытовую. По пр
неніи Ильменской страны къ Москвѣ, великое множество гражданъ высшаг
ства выселено изъ Новгорода и размѣщено по разнымъ концамъ Ру
жеской. Немало было, конечно, случаевъ бѣгства важныхъ лицъ, с
ливо опасавшихся Московской опалы и грозной опричнины, въ
Польшу, къ Шведамъ и Нѣмцамъ. Преданія и древнія записи—па
разсѣялись, такимъ образомъ, по разнымъ землямъ Европы и нашли
на страницахъ Польско-Литовскихъ временниковъ. Въ Лихолѣтье П
Литовскія дружины наводнили Русь,—за ними слѣдомъ пошли пром
ники, торговцы и Латинское духовенство, занесшее къ намъ свои
ники и лѣтописи. Къ этому именно времени, къ началу XVI вѣка,
рочивается наибольшее число разныхъ временниковъ и сборниковъ,
ныхъ на русскомъ языкѣ и испещренныхъ заимствованіями изъ П
Латинскихъ,—ихъ извѣстна не одна сотня; Гизель и Мельхиседекъ
начетники, занялись сводомъ сказаній изъ подобныхъ сборниковъ,—
довелъ свой трудъ до конца и напечаталъ, а другой выпустилъ ли
вые листы, какъ-бы пробные. Составителямъ Польско-Литовскихъ
ковъ не было никакого дѣла до распространенія православія въ Но
въ долѣтописныя времена; они скорѣе сократи-ли бы, какъ приве
Римской церкви, извѣстія о долѣтописныхъ нашихъ храмахъ, чѣмъ
чили вымысломъ число ихъ. Основательнѣе считать запись о С
церкви и о насильственномъ крещеніи Новгородцевъ, попавшею в
ники,—полученные Мельхиседекомъ, и составленные Новгородски
гнанниками, вольными и невольными, на чужой сторонѣ, въ воспо
о родинѣ и въ назиданіе своему потомству,—изъ древнихъ записей
преданій.

Послѣ крещенія Новгородцевъ Спасская церковь была возобнов
но когда именно—неизвѣстно,—что даетъ поводъ принимать за вр
зобновленія первые года послѣ крещенія и не новокрещенными, а пр

кожанами; старыя записи, если онѣ велись при этой церкви, вѣроятно р.лись во время ея разрушенія, новыхъ-же или не велось, или онѣ погибли. тность разсматриваемой церкви лежала въ предѣлахъ древней Ильиной цы, разстилавшейся на большое пространство; оно охватывало и сохра- щуюся до нашихъ временъ другую Спасскую церковь, тоже древнюю,— ыкающую собою нынѣшнюю Знаменскую улицу, къ валу.—Сказаніе о дѣйственномъ избавленіи Новгорода отъ Суздальцевъ въ 1169 году ывается съ одною изъ Спасскихъ церквей Ильиной улицы, но которой? ся Новгородская лѣтопись, богатая, что уже замѣчено, произвольными снеціями темныхъ мѣстъ древнихъ сборниковъ и домыслами, сказываетъ отмѣткѣ о чудѣ отъ образа Богоматери, что онъ вынесенъ былъ на за- ю города изъ церкви древняго Спасса (годъ 1169 ст. 215, выносла Н). теченіе времени съ 1105 по 1192 г., обнимающаго и Суздальскую осаду, восемъ крупныхъ пожаровъ въ Славнѣ на Холмѣ, истребившихъ о церквей; одинъ разъ сгорѣло ихъ десять, въ другой разъ восемъ, и тая Варяжская. Возможно, что горѣла и Спасская долѣтописная церковь, о ней, какъ равно и о другихъ, въ числѣ истребленныхъ пожаромъ, писецъ не упоминаетъ. Была-ли на мѣстѣ наша церковь въ 1169 году вершалось ли въ ней тогда богослуженіе,—лѣтописецъ не сказываетъ, что доказательствъ допущеннаго произвола въ наименованіи третьею писью Спаса на Ильинѣ улицѣ древнимъ—нѣтъ и приходится оста- нока, подъ сомнѣніемъ ту Спассую церковь, изъ которой взятъ былъ зъ Богоматери Іоанномъ Архіепископомъ.

Лѣтописныя отмѣтки о внѣшній судьбѣ Спасской церкви на Ильинѣ цѣ ослабляютъ до нѣкоторой степени упомянутое сомнѣніе и склоняютъ пользу замѣтки третьей лѣтописи о существованіи во время Суздаль- осады, „древняго Спаса", указывая, вполнѣ ясно, на одновременное ествованіе двухъ Спасскихъ церквей, на Ильинѣ улицѣ. Вотъ эти от- ки: въ 1329 году погорѣла церковь Св. Спаса на Ильинѣ улицѣ; въ 2—погорѣлъ Спасъ на Ильинѣ улицѣ; въ 1640—погорѣлъ Спасъ на инѣ и Знаменіе Богородицы; въ 1374—поставлена каменная церковь Спаса на Ильинѣ улицѣ; въ 1378—подписана церковь Господа на- Іисуса Христа на Ильинѣ улицѣ, а подписывалъ мастеръ Гречинъ ѳилъ; въ 1388—сгорѣла церковь Спасъ на Ильинѣ улицѣ; въ 1391— рополита Кипріана встрѣчали у Спаса на Ильинѣ улицѣ.

Сопоставляя всѣ эти отмѣтки,—видимъ, во 1-хъ: въ 1229 г. только ѣла Спасская церковь, а черезъ два года погорѣла; о церквахъ дере- ыхъ лѣтопись всегда говоритъ: „сгорѣ" или „погорѣ";—черезъ восемъ снова „погорѣ" на Ильинѣ улицѣ Спасъ и другая церковь Знаменье. тотъ разъ несомнѣнно рѣчь идетъ о Спасской церкви, которая неда- отъ Знаменской, и притомъ—о деревянной; послѣ пожара 1340 года авлена каменная Спасская церковь. По этому случаю объяснено въ ей лѣтописи: „послѣ чюдеси Пресвятая Богородица до сего Спасова инаго храма отъ древяной церкви прошло 205 лѣтъ; а послѣ Знаменія на каменнаго строенія спустя 20 лѣтъ до Спасова каменнаго строенія"

(годъ 1374 стр. 230). Спасенъ-ли былъ въ 1340 г. Чудотворный
Богоматери и гдѣ онъ находится, если обѣ сосѣднія церкви, Спасъ
менье, сгорѣли, бывъ до пожара деревянными, и если онъ взятъ бы
забрало города изъ Спасса, сосѣдняго съ Знаменьемъ и опять туда
ставленъ? Знаменская каменная церковь сооружена въ 1354, за 2
раньше построенія каменной же Спасской, то есть спустя 14 лѣтъ
пожара 1340 года, значитъ времени прошло слишкомъ много, спустя
пожара, чтобы благочестивымъ прихожанамъ и владыкѣ не озабо
сооруженіемъ новаго, хотя-бы опять деревяннаго храма, для чудот
образа, спасшаго весь городъ отъ гибели въ Суздальскую осаду.
огорѣвшая въ 1329 г. Спасская церковь была не близъ Знаменья, а
леко отъ Ильи, и притомъ каменная („огорѣ")—и если чудотворный
Богоматери всегда сохранялся въ ней, до чуда и послѣ, въ такомъ
нѣтъ ничего удивительнаго, что по истребленіи пожаромъ дерев
сосѣднихъ церквей, Спасской и Знаменской, приступили къ сооруженіи
сто ихъ новыхъ каменныхъ, одной черезъ 14, а другой черезъ 34
и во 2-хъ: вѣскимъ подтвержденіемъ существованія „древняго
близъ Ильи служитъ запись о встрѣчѣ Митрополита Кипріяна, прибы
вмѣстѣ съ Патріаршимъ посломъ, чтобы вызвать Новгородцевъ на
состоявшагося между ними, на Великовѣчьи въ 1386 г., постановлен
бы впредь „незваться къ Митрополиту на Москву". Преосвященный М
въ I части Новгородскихъ церковныхъ древностей говоритъ (стр. 30
встрѣча была у Спаса близъ Знаменья. Между тѣмъ въ первой
лѣтописи подъ 1309 (стр. 69, годъ 6817, выноска М и Продолж.
Русс. Вивліоѳики II, стр. 573. тотъ же годъ) и 1360 годомъ описы
встрѣчи Владыкъ, возвращавшихся послѣ поставленія отъ Митропол
Св. Иліи. Здѣсь, между церквами Ильинскою и Спасскою (древній
проходила большая дорога, чрезъ Нередицу на Ямны, Сытино и да
во Владиміръ и въ Москву; здѣсь же, а не у Знаменскаго Спаса,
чали и Митрополита Кипріяна.

Этотъ „древній Спасъ" разобранъ въ 1828 году, послѣ пожа
которая утварь его и образа сохраняются въ сосѣдней съ Иль
Петропавловской церкви.

По приведеннымъ основаніямъ остатки древнѣйшаго правос
храма требуютъ вниманія къ нимъ, особенно бдительнаго, иначе они
нутъ и скоро, если не принять немѣдленно основательныхъ мѣръ к
ненію ихъ.—Во время большого крестнаго хода около всей Славенск
роны, въ первое Воскресенье послѣ Ильина дня, на мѣстѣ древняго
бываетъ остановка.

Лядка.

Въ верстѣ съ небольшимъ отъ вала, по направленію къ Город
рѣкою Жилотугомъ, извѣстнымъ теперь подъ именемъ Малаго Во

сится небольшой холмъ, съ разсѣянными на поверхности буграми изъ домковъ кирпича, плитняка и булыжника. Мѣстность эта называется перь Лядка, а въ лѣтописи Лятка; здѣсь былъ монастырь. Когда онъ нованъ первоначально—свѣдѣній нѣтъ. Въ первый разъ о немъ говорится дъ 1356 г., когда поставлена была деревянная церковь „Святый Никола Лятке". Подъ слѣдующимъ 1357 годомъ отмѣчено, что на Лятке за-бло игумена и иныхъ людей. Изъ сопоставленія обѣихъ отмѣтокъ вы-дитъ, что монастырь тутъ былъ раньше; если бы онъ возникъ одновре-нно съ церковью, лѣтопись сказала бы объ этомъ богоугодномъ дѣлѣ, къ бываетъ всегда въ отмѣткахъ о монастыряхъ. Духовные писатели атъ, что новокрещенные Новгородцы обыкновенно возводили, въ первое емя по крещеніи, храмы и монастыри или на могилахъ своихъ предковъ, ершихъ въ язычествѣ, или вооще на мѣстахъ ихъ жилищъ, такъ какъ нихъ былъ обычай хоронить умершихъ близъ дома,—чтобы такимъ спо-бомъ освятить кости родичей, не знавшихъ святаго Евангельскаго ученія. жно, поэтому, относить первоначальное учрежденіе монастыря на Лядке X—XI вѣку. Со времени основанія церкви Николая Чудотворца мона-ырь назывался Николо-Лядскимъ. Дальнѣйшая судьба его не представляетъ чего, выдвигающаго этотъ монастырь изъ длиннаго ряда другихъ его атьевъ, вызванныхъ къ жизни неустанною дѣятельностью главы Ильмен-ой страны; съ уменьшеніемъ торговаго и особенно Государственнаго зна-нія Великаго-Новгорода всѣ учрежденія его, городскія, волостныя и нрав-ственно-духовныя, склонились къ упадку; гражданскія рухнули разомъ, а ховно-нравственныя—замирали постепенно, по мѣрѣ оскудѣнія и исто-нія почвы для питанія духовнаго и тѣлеснаго плодами ея.

Замѣтимъ здѣсь, встрѣчаясь впервые съ монастыремъ, что Новгород-й имѣлъ въ древности совершенно отличное отъ современныхъ значеніе народѣ и для него. Это было не одно только „тихое пристанище" для ии, истерзанной неподсильною жизненною борьбою съ началомъ тьмы,—но стаище, въ которомъ удрученные находили пріютъ, завѣщанный Вели-мъ Учителемъ міра,—Пріидите ко Мнѣ вси труждающіи и обремененіи,— были пріюты для всѣхъ, стучавшихъ въ двери ихъ, вѣрующихъ и не-рующихъ (Уставъ Новгор. кн. Всеволода Мстиславовича о церковныхъ дахъ); они замѣняли нынѣшія богадѣльни, больницы, гостинницы,—ча-е училища и тому подобныя учрежденія. Монастырская братія, отре-шаяся, какъ и теперь, отъ мірскихъ благъ для собственной личности,— давала всѣ свои силы, знанія и опытъ жизни прибывающимъ въ мона-ырь, служа имъ съ христіанскимъ смиреніемъ и терпѣніемъ; манастырь лъ общиною милосердія по Евангельскому ученію и соотвѣтствовалъ ыслу и цѣли учрежденія на могилахъ предковъ своихъ основателей.

Лядка по своему положенію соотвѣтствовала причинамъ и цѣлямъ денія монастыря именно тутъ. Будучи холмомъ, не заливаемымъ вешнею при самомъ высокомъ подъемѣ, эта возвышенность заселилась съ весьма хъ, долѣтописныхъ, вѣковъ. Если мѣстомъ Великаго Новгорода, неи-го еще этого имени, а называвшагося Славенскомъ, были холмы Горо-

дищенскій и Нередицкій, и если на послѣднемъ поселились Городцовы Не (Нейрои), — Лядка возникла, какъ значительный поселокъ, въ тѣ именно време и получила свое имя отъ Невровъ, въ языкѣ потомковъ которыхъ, литовце много созвучныхъ ему словъ, означающихъ плоско-широкое, широко-низа расчищенное пространство. Въ народномъ нашемъ говорѣ есть сл „Лядина“ — это расчищенный вырубкою лѣсной участокъ. Латинское latus- плоско-широкій, взято изъ рѣчи первонасельниковъ Европы, съ которы смѣшались Мало-Азійскіе выходцы, образовавшіе впослѣдствіи племена Ри лянъ и Грековъ (Срав. Объясненіе имени города „Ладога“ въ упомянут книгѣ „Бытовые остатки Ильменцевъ каменнаго вѣка“, — стр. 243).

Лядка лежитъ на равномъ разстояніи отъ береговъ Волхова и Жи туга. Послѣдній, выходя изъ Волхова выше Новгорода на версту, пробѣгае причудливыми извилинами по равнинѣ, разстилающейся между городомъ грядою холмовъ, отдѣляющихъ ее отъ пріильменской низины, и впадае за послѣднимъ изъ холмовъ этой гряды, Хутынскимъ, опять въ Волхо Тамъ, неболѣе какъ въ полуверстѣ отъ устья Жилотуга, возвышается и кусственный продолговатый холмъ, „Холопій городокъ“, гдѣ сооружена бы въ 1417 году каменная церковъ, что даетъ поводъ предполагать существ ваніе до этого времени деревянной, — во имя Николая Чудотворца. Жи тугомъ ходили суда и къ старому Славенску, пока онъ былъ на упомян тыхъ холмахъ, и къ Новгороду, равно и обратно. Надзоръ за правильн торговлею и сборами съ нея въ казну установленъ у насъ издавна, то- съ долѣтописныхъ вѣковъ. Жилотугъ очень быстеръ; подниматься вве на веслахъ или на шестахъ такъ трудно, что нужно „туго натягив жилы“; были на днѣ его камни и мели. (Ср. въ той же книгѣ стр. 16 свойствомъ рѣки и быстротою теченія, объясняется ея наименованіе и учре деніе по концамъ, т. е. при истокѣ и устьѣ, особыхъ поселковъ для ш зора и для сопровожденія „холопями“ судовъ вверхъ. — Св. Николай Чу творецъ почитается покровителемъ водоплаванія. Посвященные ему хра на Лядкѣ и на Холопьемъ Городкѣ подсказываютъ объясненное назначе поселковъ, возникшихъ хотя-бы и въ долѣтописныя времена, при уст Жилотуга и при истокѣ его; учрежденіе же монастыря, независимо о могилъ языческихъ предковъ, — вызвано, по всей вѣроятности, необхо мостью въ пріютѣ на Лядкѣ для тѣхъ же холопей и для судовщиковъ обще, которымъ приходилось ждать разгрузки и новой нагрузки судовъ особенно, на случай ихъ заболѣваній.

По близости къ городу и Городищу Лядскія развалины годъ отъ г уменьшаются: камень, плиту и кирпичь берутъ всѣ, кому встрѣчае нужда для домовыхъ потребностей, — и нетолько въ верхнихъ буграхъ, и на глубинѣ, — что уничтожаетъ тлѣющія основанія древнихъ здані мелкіе предметы бытовой старины, попадающіе подъ лопату. Общество можетъ быть безучастнымъ къ такому состоянію Лядскихъ развалинъ первое время, пока денежныхъ средствъ нѣтъ, приходится ограни сношеніями съ подлежащими властями о воспрещеніи рыться въ р нахъ съ какою-бы ни было цѣлью, подъ опасеніемъ законной отвѣтст ности, и наблюденіемъ за исполненіемъ имѣющихъ послѣдовать распоряже

Соколья гора.

На лѣвомъ берегу Жилотуга, на одинаковомъ разстояніи между нимъ внѣшнимъ валомъ, поднимается, не доходя съ полверсты до Рождественго кладбища, незначительное плоскохолміе, нѣсколько удлиненное, въ большемъ поперечникѣ саженъ въ пятьдесятъ, а въ наименьшемъ около ока. Это Соколья гора, или Сокольница, по лѣтописи;—народное назіе ея Филимошкина горка, или Филимошка. Послѣднее общеизвѣстно, а тописнаго народъ вовсе не знаетъ, хотя существовавшій тутъ съ XII вѣка настырь упраздненъ только въ концѣ прошедшаго столѣтія, и назывался кольницкимъ. Причина, затмившая имя монастыря и память о немъ, къ горкѣ названіе Филимошки,—является прискорбнымъ знаменіемъ вѣка: Сокольней горкѣ появился въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія и го существовалъ заѣзжій дворъ, создавшій нехорошую славу воровскаго итона и мѣста дикаго разгула и разврата; содержатель двора былъ имонъ, покончившій свои похожденія, какъ говорятъ, въ сибирскихъ ндрахъ, по судебному приговору.

Въ Сокольницкомъ монастырѣ почивали Св. братья Алфаковы, бывшіе преданію посадниками Новгородскими; мощи ихъ перенесены, по упразднеіи этого монастыря, въ Антоніевъ.

Въ большую воду Соколья гора вся не заливается, но самая высокая щадка настолько незначительна, что удобна для одного только небольго двора, потому ни на ней, ни на другихъ такихъ же пригоркахъ всему пространству между валомъ и названными холмами, нѣтъ поковъ.

Вызванныя Коломецкою находкою изысканія указали, что почти всѣ городные холмы были въ древности заселены болѣе или менѣе густо.— Сокольей горкѣ копаны пробныя ямы въ трехъ мѣстахъ до глубины ше двухъ съ половиною аршинъ; въ одной изъ нихъ, съ восточной роны, на склонѣ, наблюдается тревоженный слой обломковъ береговой овины, unio lateralis. Спуститься на большую глубину неудалось; лѣто о мокрое, почвенная вода нажимала съ такою силою, что отвѣсныя ики ямы оползами. Возможно, что слой раковины лежитъ здѣсь на той бинѣ, до которой копали ровъ для основанія церкви или иного зданія, выкидывали землю подъ откосъ, гдѣ заложены были наши пробныя ямы, наружившія слѣды его; дальнѣйшихъ изысканій произвести еще не довелось. исутствіе обломковъ раковины въ черной землѣ на значительной глубинѣ дневной поверхности, слежавшихся слоями или кучами, встрѣчается мѣстахъ обиталищъ людей каменнаго вѣка, если тутъ, вмѣстѣ съ ковиною, попадаются и подѣлки человѣка. Наблюденія путешественниковъ образомъ жизни бродячихъ обитателей прибрежій рѣкъ, озеръ и океамерики, Австраліи и Африки, удостовѣряютъ, что эти дикія и полуплемена питаются береговыми моллюсками, и накидываютъ значиные кучи раковинъ, представляющіяся холмами. Такія кучи найдены и

въ Европѣ, сперва въ Даніи, а затѣмъ въ Швеціи и Норвегіи, лежа
на поверхности суши близъ морскихъ береговъ. Впослѣдствіи наблю
небольшія скопленія раковинъ въ пещерахъ западной Европы и
въ Поднѣпровьи, въ Кіевскихъ пещерахъ, въ Крыму, на холмахъ
между Муромомъ и Рязанью и въ другихъ мѣстахъ. Одинъ разъ ок
кучка обломковъ рѣчныхъ раковинъ въ одномъ изъ погребальныхъ
новъ, у деревни Гамарни. Вездѣ съ обломками раковинъ находили
дѣлки человѣка изъ камня или изъ кости. Сближая образъ жизни п
сельниковъ Европы и современныхъ дикихъ и полудикихъ племе
слѣдователи каменнаго вѣка заключаютъ, что и Европеецъ нѣкогда
слизняками и всякими удобособираемыми мягкотѣлыми. Коломецкая
дала нѣсколько поводовъ видѣть въ кучахъ раковинныхъ обломков
причину огромнаго скопленія ихъ въ жиломъ слоѣ первонасел
нашего побережья. Раковины имѣютъ строеніе известковое, известка
поръ служитъ необходимымъ средствомъ для выдѣлки звѣриныхъ
наши предки извѣстны съ перволѣтописныхъ временъ за искусны
изводителей скоры, т. е. обработанныхъ для платья мѣховъ и шку
ломецкія кучи раковинъ, по этому, объясняются какъ слѣды уси
производства скоры.

Каковы-бы нибыли причины скопленія хотя и незначительны
раковинъ на Сокольей горѣ,—во всякомъ случаѣ примѣченные слѣ
представляются нѣкоторымъ подтвержденіемъ мнѣнія духовныхъ поса
сооруженіи новокрещенными предками нашими церквей и монаст
мѣстѣ погребенія и жилищъ ихъ языческихъ родичей. По этому и
возможности въ недалекомъ будущемъ совершеннаго забвенія Со
горы,—подъ современнымъ именемъ которой,—Филимошки,—и теп
она скрывается отъ изслѣдователя,—было-бы желательно охран
Выкапываніе остатковъ старины для новыхъ построекъ производится
также безпрепятственно, какъ и на Лядкѣ, такъ что предположенное
мѣстности средство охраны вполнѣ примѣнимо и къ Сокольей гор
временная мѣра, до изысканія другой, болѣе надежной.

Колонъ.

На лѣвомъ же берегу Жилотуга, недалѣе ста саженъ отъ С
горы, саженяхъ въ пятидесяти отъ Рождественскаго кладбища,
день, и саженяхъ въ двадцати отъ берега (разстоянія приводятся на
вытянулся, съ полдня на полночь, продолговатый холмъ, не зал
вешнимъ подъемомъ воды. Названія онъ не имѣетъ ни какого,
горушки.

Въ Новгородской лѣтописи, уже упомянутой выше, открытой
вымъ и напечатанной во 2-й части Продолженія Древней Русской
фики Новиковымъ, этимъ замѣчательно строгимъ издателемъ писы
памятниковъ древности, не допускавшимъ никакихъ исправленій под

е въ отдѣльныхъ буквахъ,—значится слѣдующая отмѣтка подъ 1203 мъ, послѣ описанія бѣдствія голода, вызвавшаго смертность, и учреж-ie скудельницъ,—такъ назывались вообще мѣста погребенія во время а,—у двѣнадцами Апостоловъ и на Чюдинцевѣ улицѣ:—„а другую (т. е. третью) поставиша на Колонѣ за святымъ Рождествомъ“ (стр. 498). пергаментномъ подлинникѣ древнѣйшаго списка Новгородской лѣтописи ъ изданъ свѣтопечатно), принятомъ Археографическою коммиссіею за овной при изданіи первой нашей лѣтописи, написано вмѣсто „на Ко-ѣ“—на Колѣни,—также и въ печатной первой, но здѣсь *к* поставлено ьшое. Въ многочисленныхъ выноскахъ подъ страницами первой и дру-ъ лѣтописей приведены слова и буквы всѣхъ списковъ, съ которыми чался пергаментный и которыя въ этихъ послѣднихъ неодинаковы съ овнымъ,—выноски же „на Колонѣ“ нѣтъ. Очевидно Археографическая миссія объяснила эту разницу ошибкою писца,—пріемъ обыкновенный легкій для истолкованія словъ маловразумительныхъ.

По поводу открытій на Коломцахъ сдѣланы изысканія о словѣ „Ко-цы“, приведенныя въ книгѣ, уже два раза упомянутой (на стр. 14—19; 0—243), и до настоящаго времени дополняемыя новыми свѣдѣніями. мъ указано, между прочимъ, что въ греческомъ языкѣ κολώνη—означаетъ гребальный холмъ, и, что въ Кіевскомъ уѣздѣ есть село Колонщина, изъ котораго расположено шесть древнихъ могилъ,—и седьмая въ са-мъ селѣ; на этой послѣдней издавна стоитъ приходская православная ковь во имя Іоанна Богослова, основанная въ 1778 г. на мѣстѣ древ-, бывшей потомъ уніатскою, которая значится въ описи 1746 г. о трехъ ахъ „зтремя верхами“. (Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ Кіев-і губерніи Похилевича. Кіевъ, 1864 г. стр. 80). Троеверхими были древнѣйшія большія церкви Новгородскія,—Софія, Знаменье, Покровъ ьячего двора, Юрьевская и Антоновская; послѣднія двѣ сохранились главыми и до настоящаго времени, а первыя три показаны такими на браженіяхъ Михайловскомъ и Знаменскомъ.

Уже сказано, что въ греческій языкъ вошло немало словъ первона-ьниковъ Европы и что живой и древне-книжный Славяно-Литовскій го-ъ признается за родоначальный для всѣхъ Европейскихъ языковъ; слѣдова-ьно—*колонъ*,—древне-славянское слово, означающее, какъ у грековъ, по-бальный холмъ. „Коломище“—соотвѣтствующее нынѣшнему „кладбище“, амый „холмъ“, небольшое возвышеніе, видимо получили это названіе отъ о-же корня, давшаго множество производныхъ, означающихъ цѣльное, ное, круглое. На основаніи сказаннаго представляется правильнымъ раженіе „на Колонѣ“ и неудачною поправкою его „на Колѣни“.—Обык-енно говорятъ, что изъ двухъ сходныхъ лѣтописей та достовѣрнѣе, ко-ая древнѣе. Слѣдуя такому взгляду приходится дать преимущество пер-ному списку, съ чтеніемъ „на Колѣни“, однакожъ въ данномъ слу-основательнѣе будетъ принять обратное положеніе, потому, во 1-хъ, лѣна за Рождествомъ, то есть за Рождественскимъ кладбищемъ, нѣтъ, о для скудельни за нимъ есть,—это продолговатый холмъ, незали-

На существованіе въ народномъ говорѣ десяти концовъ въ ко
XIV вѣка, шести на Неревской сторонѣ и четырехъ на Славенской, ука
вастъ отмѣтка III Новг. лѣтописи подъ 1391 г. о томъ, что послѣ в
каго пожара Новгородцы взяли съ полатей Св. Софіи десять тысящъ
левъ копленія Владыки Алексѣя и раздѣлили на конецъ по тысящи
левъ и ставиша костры камены по обѣ стороны острога. По IV Новг.
взято всего въ этомъ же году пять тысячъ, и раздѣлено на пять кон
по тысячѣ. Но возникающее изъ этого разнорѣчія сомнѣніе о десяти кон
разрѣшается вообще многими другими показаніями, оставаясь однакож
устраняемымъ о времени, къ которому именно каждый изъ нихъ обр
вался и о количествѣ „рублевъ".

Нѣкоторые знатоки Новгородской лѣтописи полагаютъ, что монас
Никольскій въ Плотникахъ на полѣ есть тотъ самый, который по Рос
церквамъ, сдѣланной въ 1615 г. послѣ Шведскаго разгрома Новгоро
его окрестностей, показанъ на Глинкѣ. Но это невѣрно, на Глинкѣ
монастырь Св. Николая, что на Липнѣ, т. е. Николо-Липенскій, каме
церковь котораго существуетъ и теперь. Вѣроятно смѣшиваніе этихъ д
монастырей вызвано созвучіемъ ручья Глинецъ, упомянутаго въ предше
ющей статьѣ, съ рѣками Большою и Малою Глинками, составляющими
кава Мсты и впадающими въ Волховской плесъ Ильменя ниже гла
русла ея,—одна противъ Троицы на Паозерьѣ, а другая противъ Ю
скаго скита, на полверсты выше его.

Пока развалины церкви Св. Николая еще примѣтны слѣдовал
оградить ихъ отъ конечнаго разрушенія путемъ сношенія чрезъ Никол
волостное правленіе съ хозяиномъ огорода, на которомъ онѣ покоятся.

Церковь Образа.

На пространствѣ между кладбищами Славенской стороны Рождест
скимъ и Тихвинскимъ, ближе къ послѣднему, саженяхъ въ 50-ти отъ в
прямо противъ закругленія его съ восточной стороны, замѣтна небол
развалина. Лѣтъ 15 назадъ на ней стоялъ высокій деревянный кре
Это мѣсто церкви Нерукотвореннаго образа.

Въ Новгородѣ было двѣ церкви Образа, одна на Славенской, др
на Неревской сторонѣ, близъ Дѣтинца, о которой уже говорено. Въ п
ментной лѣтописи подъ 1191 годомъ отмѣчено: „Въ тоже лѣто сру
церковь на Городищи Святаго Николы князь Ярославъ, а Владыка въ д
у себѣ Усрѣтеніе Господне; въ тоже лѣто и святого образа *Нездѣ Нездѣ*
и святыя Пятницы на Торговищи Късиятине съ братомъ". По излож
I Новг. лѣтописи предъ „Нездѣ—Нездиниць" поставлено „въ";—а по
тищевскому списку слова эти читаются: „Внездѣ Нездылиничь";—въ тр
лѣтописи нѣтъ отмѣтокъ. Затѣмъ послѣдующія обстоятельства, касаю
церкви Образа, изложены такъ, что по буквальному смыслу ихъ,
справокъ, нельзя установить, къ которой изъ двухъ онѣ относятся.

8 г. сказано—въ первой лѣтописи: „Свершиша церковь камену святой
зъ на Добрыни улицѣ“,—а въ третьей:—„поставиша церковь каменную
аго Образа Нерукотвореннаго на Торговой сторонѣ, яже близъ града на
, Константинъ съ братомъ, Коровьяковичи“. Въ виду путаницы, свой-
нной третьей лѣтописи, невѣрность этой ея отмѣтки необходимо уяснить
вкою съ другими показаніями; имена Коровьяковичей окажутъ суще-
нную помощь.—Подъ 1196 г. въ первой лѣтописи и въ Татищевскомъ
кѣ отмѣчено:—въ одной:—„заложиста церковь камяну святаго Кюрила
монастыри въ Нѣлезѣнѣ Къснятинъ и Дъмитръ братеника, на Лубяней
ци“;—а въ другой, послѣ слова „братеника“—прибавлено: „а мастеръ
съ Лубянѣй улицѣ Коровьяковличъ“. Островъ Нѣлезѣнъ вѣроятно
зневъ, на которомъ нынѣ существующій Кирилловъ монастырь; онъ
одится противъ древней Лубяницы и причислялся къ ней въ порядкѣ
вленія. Составитель основнаго сборника третьей лѣтописи, имѣя не
авную памятуху, въ которой была замѣтка о церкви Образа и „Нѣздѣ
дилиничь“, безъ обозначенія года основанія ея, и Добрыниной улицы,—
кже свѣдѣніе о церкви Св. Кюрила на „Нѣлезѣнѣ“ принялъ эти не-
умительныя для него слова за относящіяся къ одной и той же мѣст-
и,—тѣмъ болѣе, что онъ не имѣлъ отмѣтки второй Новгородской лѣто-
подъ 1493 г. объ обходѣ Геннадіевомъ вокругъ возобновленнаго Дѣ-
а, гдѣ точно сказано о церкви Образа Неревской стороны, и не могъ
стить содержанія ея въ своемъ сборникѣ. Итакъ отмѣтка 1378 г.
сится къ Образовой церкви на Добрыниной улицѣ.

Но приведенное уясненіе не относится до опредѣленія времени перво-
льнаго сооруженія Образовой церкви на Неревской и на Славенской
нѣ, то есть: изъ записи подъ 1191 г. нельзя видѣть, къ которой изъ
ь церквей она относится. Постараемся подойти ближе къ истинѣ и въ
ь случаѣ. Лѣтописецъ поставилъ рядомъ въ приведенной отмѣткѣ свя-
Пятницу на Торговищи (она существуетъ, близъ Ярославовой башни)
ятаго Образа „вНѣздѣ“ или „въ Нѣздѣ“—„Нездиниць“ или „Нездыли-
“.—„Нѣздъ“ или „Нѣзда“ встрѣчается въ нашей лѣтописи, какъ имя
ча;—биричь это должностное лицо одинаковое съ нынѣшнимъ судебнымъ
льнымъ;—въ пергаментной лѣтописи сказано подъ 1167 годомъ, что
ородцы, подозрѣвая измѣну, убили „Захарію посадника, и Неревяна и
у бирица“; въ Татищевскомъ спискѣ оба слова „Нѣзду бирица“ сое-
ны въ одно „Нездуберича“. Если принять оба слова пергаментной лѣто-
за имя и отчество лица, отмѣтка объ Образовой церкви останется
ою,—а если во второмъ „Нездиниць или Нездылиничь“ видѣть имя
ое, подобно употребляемымъ теперь въ народѣ Иванычъ, Митричъ,
то Петръ Ивановичъ, Василій Дмитріевичъ, и почти всегда встрѣчае-
ь въ такомъ же смыслѣ въ лѣтописи,—тогда въ первомъ можно найти
ніе мѣстности, напримѣръ *Въѣздъ*, и читать всю отмѣтку пергамент-
лѣтописи такъ: „Въ тоже лѣто срубиши церковь на Городищѣ святого
лы, князь Ярославъ, а Владыка въ дворѣ у себѣ Усрѣтеніе Господне;
же лѣто и святого Образа въ Въѣздѣ Нездилиничь и святыя Пятницы

на Торговище Константинъ съ братомъ. При такомъ чтеніи будетъ я
что лѣтописецъ означилъ мѣстности церквей и имена строителей,—пос
нихъ двухъ на Славенской сторонѣ, Образовой во Въѣздѣ въ городъ, и
Въѣзда, а Пятницкой—въ Торгу.

Такому чтенію будетъ вполнѣ соотвѣтствовать надпись на Неруко
репномъ Образѣ, хранящемся въ Спаскомъ придѣлѣ Молотковской Бо
дице—Рождественской церкви, что „въ 1679 году былъ построенъ
святый Образъ въ монастырь ко Всемилостивому Спасу Нерукотворен
Образу, на полѣ, за Никольскими воротами, на Торговой сторонѣ".

Мы видѣли развалины Никольскаго монастыря; ворота того же и
были, по послѣдне приведенному свидѣтельству, между этимъ монасты
и церковью Св. Образа. Въ настоящее время за окраиною восточно-п
денной стороны Никольской слободы лежитъ пустырь, называемый м
ными обывателями старою дорогою; онъ направляется къ названному
кругленію вала. Стало-быть Никольскія ворота XVII вѣка и Въѣзд
городъ съ восточной стороны XII вѣка—лежали на одномъ и томъ
мѣстѣ.

Церковь Нерукотвореннаго Образа разобрана въ 1830 году,—обра
утварь ея поступили въ Молотковскую Богородице-Рождественскую, пе
сенъ туда-же и древній каменный крестъ съ изображеніемъ Нерукотворен
Образа и надписями. Онъ описанъ въ Новгородскихъ губернскихъ вѣдомос
за 1851 г. съ приложеніемъ точнаго рисунка. Въ настоящее время у в
въ Богородице-Рождественскую церковь, на правой сторонѣ у двери,
занъ въ стѣну большой каменный крестъ; но онъ несходенъ съ рисун
Губернскихъ вѣдомостей и, судя по начертанію надписей, новѣйшаго уст
ства. Куда дѣвался древній—неизвѣстно.

Для изслѣдованія расположенія сооруженій и вала древняго Новго
мѣсто Образовой церкви служитъ хорошимъ указаніемъ: обществу над
озаботиться сохраненіемъ его, пока развалина еще не исчезла; изъ
какъ изъ Лядской и изъ остатковъ башенъ и воротъ вала, выбираютъ
годное на домовыя каменныя подѣлки.

Радоковичи.

Въ 1357 году „Владыка Моисей постави Святую Богородицу въ Р
ковичахъ". (I Новг. Лѣт. 6765). Въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка упо
нается женскій Радоговскій монастырь. Въ росписи 1615 г., составляю
второе приложеніе къ историческимъ разговорамъ о древностяхъ Вели
Новгорода Митрополита Евгенія Болоховитина или Болховитинова,—
чится: „монастырь дѣвичъ Радоговицкой, а въ немъ храмъ каменъ Усп
Богородицы, да въ Тратезѣ храмъ древянъ". Въ 1684 году Радоковиц
дѣвичью монастырю отдано пустое дворовое мѣсто Соловецкаго монаст
на Торговой (Славенской) сторонѣ, на Загородской улицѣ, отъ рѣки Вол
по лѣвой сторонѣ (Дополн. къ Акт. Истор. ч. XI, № 90.

Монастырь этотъ стоялъ за внѣшнимъ валомъ по береговой дорогѣ въ оново, миновавъ небольшую каменную древнюю церковь Іоанна Богоза; она принадлежала также женскому монастырю, основанному Св. сеемъ въ 1354 году на рѣкѣ Виткѣ, совсѣмъ осыхающей къ началу а. Пространство между этими женскими монастырями не превышало десяти саженъ. Бугры отъ развалинъ Радоковичскаго монастыря еще ны. Онъ существовалъ послѣ 1764 года; упраздненъ въ нынѣшнемъ вѣтіи.

Изложивъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ остаткахъ памятниковъ церковной рины въ ближайшихъ окрестностяхъ Славенской стороны Новгорода, вѣтимъ хотя въ самомъ сжатомъ видѣ такіе же остатки въ окрестноъ той-же стороны болѣе удаленныхъ, насколько они доступны и удобоелѣлимы.

Дубенка.

Верстахъ въ пяти отъ города и не болѣе какъ въ полуверстѣ отъ Скодки, прямо на полдень, лежитъ продолговатый холмъ, въ длину сто съ ольшимъ, а въ ширину до шестидесяти саженъ;—это Дубенка. Расположный на равнинѣ, простирающейся отъ холмовъ Городищенскаго и Нереаго на полдень до Сковородско-слободскаго и Липенскаго на западъ, елющейся отъ этихъ холмовъ вплодь до береговъ Вохлова, Мсты и ховскаго плеса Ильменя, холмъ Дубенскій представляется островомъ во я разлива; равнина, его окружающая, вся заливается, а затѣмъ, по ѣ весеннихъ водъ, перекрещивается въ разныхъ направленіяхъ десят- рѣчекъ, ручьевъ, озерокъ и болотинъ, такъ что ей вполнѣ будетъ сотствовать названіе пріозерной долины. Ручьи и рѣчки текутъ большею ью въ Волховъ справа, на береговомъ его пространствѣ, противолежаъ Троицѣ на Паозерьи, Ракомѣ, Скиту, Юрьевской слободѣ и Юрьеву,— о говоритъ, что равнина имѣетъ незамѣтный для глаза слабый подъ на востокъ къ полночи; по множеству ручьевъ и рѣчекъ ее изборозшихъ, не безосновательно признавать эту равнину за дно Ильменя, нѣа ее покрывавшаго особымъ плесомъ.

На Дубенкѣ былъ монастырь Шиловскій, иначе Шиловъ и Щиловъ. основаніи его есть преданіе, къ нашему времени уже замирающее; , какъ и большая часть преданій, обращается, или правильнѣе обраща- , въ народѣ съ оттѣнками сказочными, приблизительно въ такомъ :—Въ блестящее время торговой и роскошной жизни въ Новгородѣ, одились лиходѣи-ростовщики; въ числѣ ихъ былъ одинъ, по имени ъ, имѣвшій сына; онъ не былъ похожъ на нынѣшнихъ алчныхъ ро- щиковъ, но все-таки скопилъ несмѣтное богатство. Вспоминая горе и и должниковъ своихъ, впавшихъ въ нищету изъ-за роскоши, которую поддерживалъ, давая распутникамъ въ займы свое золото, пока видѣлъ можность наживы изъ имѣнія ихъ,—Щилъ, подъ старость, возъимѣлъ

желаніе отмолить грѣхи прошлаго и задумалъ построить каменную Покрова и учредить при ней монастырь; исполнить задуманное ем легко при огромномъ богатствѣ. Противъ ростовщиковъ выступали с пыми обличеніями святители Новгородскіе и духовенство. Какъ ч сообразительный, Щилъ дѣлалъ свое худое дѣло настолько умѣло рожно, что сосѣди ничего не знали объ источникахъ его богат знаръ объ этомъ и Владыка, давшій разрѣшеніе на сооруженіе мо и церкви. Когда церковь была готова, Щилъ пригласилъ Архіеписко тить ее. Послѣ торжественнаго обряда ростовщикъ покаялся Влады яснивъ, какимъ путемъ онъ нажилъ богатство; Владыка разгнѣва видя искреннее раскаяніе ростовщика, назначилъ ему, для искупле ховъ, уединеніе схимника;—иди, сказалъ онъ Щилу, и вели въ стѣ церкви сдѣлать гробъ, надѣнь саванъ и лягъ въ гробъ; пусть будет тобою отпѣта панихида и совершится обрядъ погребенія, и да буде тобою воля Божія. Кающійся грѣшникъ исполнилъ повелѣніе св точно; когда начали его отпѣвать, гробъ провалился въ преспод надъ мѣстомъ его образовалась пропасть. Узнавъ объ этомъ Архі лѣлъ написать на церковной стѣнѣ Щила въ гробу, среди ада, а запечатать и никого въ нее не пускать. Сынъ горько плакалъ объ о грѣхахъ его, раздавая щедрую милостыню. Владыка, видя такое ніе и добродѣтель сына ростовщика, посовѣтовалъ ему, для спасен отца отъ мукъ ада, поститься и молиться сорокъ дней, въ сорока отслужить по сорока панихидъ и кормить въ теченіи этого времен ковъ. Все это сынъ Щила исполнилъ. Тогда Архіепископъ приказал трѣть настѣнное изображеніе въ Покровской церкви; оказалось, лова грѣшника вышла изъ ада. Сталъ сынъ Щиловъ снова и еще нѣе отбывать сорокоусты и все прочее; по прошествіи вторыхъ сор ростовщикъ представился посланцамъ Владыки выдвинувшимся изъ поясъ,—и черезъ сорокъ такихъ же дней еще—совсѣмъ вышедш мѣста мученій. Спустя еще нѣкоторое время церковь открыли для женія. На стѣнѣ осталось изображеніе въ такомъ видѣ, какъ оно б писано по повелѣнію Владыки, а въ стѣнѣ оказался гробъ Щилов пасть исчезла.

Доискиваться основаній того или другаго преданія вообще тру описанномъ же оно ясно: Щилъ поселился въ своемъ монастырѣ; с грѣхахъ, принялъ великое постриженіе, схиму, и въ назиданіе по приказалъ самъ написать на стѣнѣ изображеніе ада и самого гробѣ, но среди его. По обычаю, бытовавшему въ Новгородской з оставившему безспорное отраженіе въ стѣнахъ нѣкоторыхъ гор церквей, его, какъ храмоздателя, похоронили въ стѣнѣ. Монастырь бенкѣ вѣроятно долго пустовалъ послѣ его сооруженія; лиходѣи-рост отъ которыхъ страдали горожане, и настѣнное изображеніе дали пищу передававшейся время отъ времени съ изобрѣтаемыми разсказчика робностями и прикрасами.

Въ пергаментномъ спискѣ Новгородской лѣтописи подъ 1310 г. отмѣ-
о: „Поставиша церковь камену на Дубенкѣ, Покровъ Святыя Богоро-
ди, стяжаніемъ раба Божія Олонія мниха“; въ спискѣ Татищевскомъ,
ъ тѣмъ же годомъ къ этимъ словамъ,—послѣ Олонія мниха,—прибав-
о: „Нарицаемаго Шкила, и бысь монастырь, христіаномъ прибѣжище“,—
второй Новгородской—слово въ слово тоже, что въ Татищевскомъ спискѣ,
вмѣсто Шкила—поставлено „Шила“. Въ 1528 г. Въ Шиловѣ мона-
рѣ учреждено, какъ и во многихъ другихъ, общежитіе;—въ росписи
15 г. онъ упомянутъ въ числѣ существовавшемъ. Упраздненъ послѣ
64 г., когда преобразованы всѣ вообще монастыри.

Коломцы, открывшіе остатки поселенія Ледниковыхъ временъ камен-
о вѣка, лежатъ не дальше версты отъ Дубенки; съ вѣроятностію можно
едположить, что на этомъ холмѣ завелось поселеніе, если и не съ тѣхъ-
временъ, какъ на Коломцахъ,—во всякомъ случаѣ съ незапамятной
евности. Церковь въ 1310 г. была уже каменная. На пустырѣ не было на-
бности вообще въ церкви, тѣмъ болѣе, что не далеко отъ Дубенки и въ
мъ же году на Коломцахъ была поставлена тоже каменная церковь, а
Липнѣ была каменная церковь и, вѣроятно монастырь, какъ пріютъ для
оплавателей, съ 1292 года; если же церковь поставлена, да еще камен-
,—стало-быть она замѣнила прежнюю, деревянную, обветшавшую, ко-
рая сооружена первоначально на мѣстѣ поселенія языческихъ предковъ
новокрещенными потомками.

Развалины Шилова монастыря еще замѣтны; имя же его забыто даже
жайшими сосѣдями, владѣющими окрестными заливными лугами. Въ
у значительно возрастающихъ успѣховъ изученія отечественной старины
овъ забытыхъ и близости Дубенки отъ Коломцовъ, особеннаго вниманія
которымъ можно ожидать со стороны не только русскихъ, но и запад-
ъ народовѣдовъ, и археологовъ, и теперь уже слѣдящихъ за раскоп-
и на нихъ и изысканіями по поводу открываемыхъ тамъ данныхъ,
ществу нужно принять мѣры противъ поврежденія развалинъ монастыря
сей Дубенки вообще.

Коломцы.

Пустынная мѣстность при истокѣ Волхова изъ полночнаго плеса озера
меня, на правомъ берегу, гдѣ впала въ Волховъ небольшая рѣчка, на-
меная Малою Глинкою, называется „Коломцы“. Заливаемая каждую ве-
площадь этого урочища извѣстна была только охотникамъ, стануючимъ
ей, да нѣкоторымъ крестьянамъ, имѣющимъ по сосѣдству покосы. Она
ставляетъ частную собственность вдовы купца Анны Алексѣевны
ой, изъ рода старинныхъ Холынскихъ землевладѣльцевъ Калининыхъ.
десять назадъ часть Коломецкой площади оспаривали Самокражскіе
стьяне; но судебнымъ рѣшеніемъ споръ ихъ отвергнутъ.

Въ 1888 году открыты на Коломцахъ несомнѣнные слѣды обширнаг поселенія ледниковыхъ вѣковъ. Къ этому открытію мы обратимся въ о дѣлѣ настоящей записки о бытовыхъ остаткахъ Ильменской страны,— здѣсь же скажемъ нѣсколько словъ объ остаткахъ церковной древности.

Въ 1310 году „постави церковь камену на Коломцахъ Архимандрит Кюрилъ Успеніе Святыя Богородица“ (I Новг. Лѣт. годъ 6718, стр. 6 въ 1324 г. преемникъ Кюрила, Архимандритъ Моисей—„вышелъ бяше своей воли къ Святой Богородици на Коломци“ (тамъ же, годъ 6832 с 73). Слѣдовательно имъ учрежденъ былъ на Коломцахъ монастырь.—Вни по Волхову, верстахъ въ двухъ съ небольшимъ есть мѣстность Колмов тамъ тоже Успенская церковь. Въ лѣтописяхъ обѣ эти мѣстности смѣш ваются; такъ напримѣръ: подъ 1417 годомъ отмѣчено о совершеніи кам ной церкви на Колмовѣ; подъ 1421 г. записано о снесеніи высоки подъемомъ весенней воды церкви Святой Троицы „съ Коломцовъ“; въ 15 году поставили каменную Троицкую церковь на Коломцѣ,—а въ 1530 кую-же въ Колмовѣ; въ 1533 г. освятили Троицкую церковь на Колмовѣ, а въ 1544—„обложили“, т. е. основали „церковь-трапезу на Коломцахъ Живоначальныя Троицы“. Но какъ-бы тамъ ни было—на Коломцахъ ществовалъ монастырь съ двумя церквами, Успенскою и Троицкою. Въ ной грамотѣ, касающейся рыбной ловли по Ильменю и Волхову значит „тоню тянуть подъ Троицкимъ монастыремъ, что на Коломцѣ“ (Ак. А Эксп. ч. I № 265 стр. 301). Ни въ росписи 1615 г., ни въ бумаг и актахъ о монастырскихъ штатахъ 1764 г. Коломецкій монастырь названъ.

Положеніе этого монастыря было, судя по скопленію обломковъ к пича, отъ устья Малой Глинки, внизъ по Волхову, саженяхъ въ 250, лѣтнемъ среднемъ стояніи воды въ Ильменѣ.

Изложивъ свѣдѣнія о замѣтныхъ еще на поверхности земли остатк памятниковъ церковной старины въ окрестностяхъ Новгорода съ Славенск стороны, перейдемъ на другую, Неревскую.

Окрестности Неревской стороны.

Около Неревской стороны, какъ заселенной значительно позднѣе С венской, весьма мало, сравнительно съ этою стороною, не только остатк отъ древнихъ памятниковъ старины церковной, но даже и самыхъ памят ковъ; какъ остатки, такъ и уцѣлѣвшіе памятники не восходятъ, за иск ченіемъ тѣхъ, которые сооружены на высокихъ холмахъ, не только за п дѣлы лѣтописи, но и къ первымъ вѣкамъ ея; къ тому же онѣ и отсто отъ города не на такомъ дальнемъ, какъ отъ стороны Славенской, разст ніи. Причина этому, кромѣ зависимости отъ поздняго заселенія, чается въ условіяхъ естественныхъ. Почти непосредственно за склон Неревской возвышенности на полночь и на западъ разстилаются, не сч береговъ Волхова, сплошные низменности, на протяженіи отъ города—

аду отъ 25 до 50, а къ полночи отъ 50 до 80 верстъ, покрытыя либо
фяниками и лѣсами, либо болотами, съ рѣдкимъ лѣсомъ и мхами безъ
а, еще зыбкими. Такого качества мѣстность, неудобная для селитьбы,
дставляла въ старину притонъ для недобрыхъ людей и удобства для
запныхъ нападеній на городъ большими ордами, что было, напримѣръ
первой половинѣ XI вѣка,—князя Брячислава, во второй половинѣ того
вѣка при двукратныхъ набѣгахъ князя Всеслава Брячиславовича По-
кого, въ XII вѣкѣ—при осадѣ Суздальцевъ съ Андреемъ Боголюбскимъ,
XIV вѣкѣ князя Дмитрія Ивановича Донскаго—не дошедшаго, впрочемъ
самаго города,—въ XV вѣкѣ князя Ивана III, наконецъ въ 1611 году
Шведскомъ разгромѣ. Тройной рядъ укрѣпленій Неревской стороны,
веденныхъ, по всѣмъ признакамъ, съ долѣтописныхъ вѣковъ и постоян-
усиленіе ихъ до начала XVIII столѣтія при Петрѣ Великомъ, вызваны
енно возможностью и ожиданіемъ внезапныхъ нападеній непріятельскихъ
ужинъ. Самое заселеніе Неревской стороны обязано опасенію Славлянъ,
лучившихъ между племенами сосѣдними извѣстность своимъ богатствомъ
сокровища, такъ что возведеніе на Неревской сторонѣ новой городьбы
мѣсто прежней, сооруженной на Славенской, могло имѣть значеніе пере-
го укрѣпленія, для защиты поселенія противоположнаго берега Волхова,
авна или Славенска I вѣка по Р. Х. Свидѣтельство именно такого на-
ненія новой городьбы слышится въ наименованіи одной улицы Людгощей
одного конца Людинымъ, а также въ замѣткѣ Супраельской рукописи, что
еславъ Полоцкій взялъ лѣвую сторону Новгорода „до окрома Неревскаго“;—
есть до того укрѣпленія, которымъ обведенъ былъ Неревской конецъ.

Людинами назывались дружинники, военные люди; въ этомъ смысле
понимаемъ выраженіе Начальной русской лѣтописи (Лаврентьевскаго и
гихъ списковъ): „Отъ тѣхъ—трехъ братьевъ—(Рюрика, Синеуса и Тру-
ра) прозвся Руская земля Ноугородьци; *ти суть людье Ноугородци*
ъ рода Варяжска, *прежебо бѣша Словени*“; то есть прежде при-
емнаго войска изъ Руси (съ побережій Ловати, Полисти и Шелони)
мля Ильменская и войско Новгородское, люди, назывались Словенами;
съ прибытіемъ этихъ наемныхъ дружинъ онѣ, дружины, стали
ться уже не Новгородцами, а Русью. Сперва Людинамъ, какъ
амъ, гостямъ, назначено было для жительства пространство къ
очи отъ новой городьбы, получившее названіе „Людгощи“ или
лицы; а впослѣдствіи, когда около этихъ Людиновъ поселились
Людиновъ, а разныхъ ремесленниковъ, нужныхъ для нихъ
ему, загадочные смерды), и когда, по возраставшимъ усло-
ренія во внутреннемъ бытѣ страны Ильменской, понадобилось
еленности дружинъ—Людиновъ, для поселковъ ихъ отве-
лодъ къ полдню отъ новой городьбы, гдѣ теперь слобода
ренская. На мѣстѣ прежняго сидѣнья Людиновъ обра-
дской, и на мѣстѣ новаго—Людинъ (срав. Бытовые
Когда Новгородъ усилился, благодаря обширности
рены, увеличилась и безопасность отъ внезапныхъ

же поры начали устанавливаться торговые пути не водою только, ка
бывало раньше, а и горою, т. е. сушею, съ поселками, хотя и рѣдкими
для отдыха проѣзжающихъ гостей,—таковы, напримѣръ: Видо-гощъ, Серед
гощъ, Веле-гощъ, Ю-гощъ, или Югостцы,—по пути къ Новгороду;—По
гощи, Гостцы и др.—по направленію къ Русѣ. Какъ около Славенск
стороны, такъ и здѣсь, около Неревской, время отъ времени стали возн
кать заѣзжіе дома, или гостинницы и необходимые по духу того време
монастыри. Съ паденіемъ торговли запустѣли и исчезли поселки и мон
стыри, оставившіе лишъ память о своемъ существованіи въ записяхъ,
ни развалинъ, ни преданій о мѣстахъ, гдѣ стояли многіе изъ нихъ, вовсе
сохранилось. Это объясняется недолговѣчностью монастырей и ютившихся
около нихъ поселковъ,—какъ скоро образовавшихся для выгодъ торговы
такъ же скоро и уничтожавшихся вслѣдъ за исчезновеніемъ причинъ, ос
ваніе ихъ вызвавшихъ. Тоже случилось и съ обширными поселенія
образовавшимся за валомъ Неревской стороны (новые, выше назван
концы) и возведенными тамъ церквами.

Все это говорится о заселеніи низменностей подъ западно-полночны
склономъ Неревской возвышенности, но не относится до поселеній побер
ныхъ вверхъ и внизъ по Волхову и близъ древнихъ береговъ озера Мяч
и его плесовъ. Тамъ жизнь шла своимъ чередомъ съ незапамятныхъ в
менъ, съ присущими всякому древнему поселенію колебаніями благо
стоянія.

Имѣя въ виду не изложеніе въ настоящемъ очеркѣ пространства дре
няго Новгорода и изслѣдованія его поселковъ и урочищъ, а лишъ указа
памятниковъ старины и остатковъ ихъ, вопіющихъ о сохраненіи на б
дущее время, ограничимся приведеннымъ бѣглымъ и общимъ обзоромъ
перейдемъ къ указанію на остатки отъ памятниковъ старины церков
близъ вала Неревской стороны.

Лазаревскій холмъ.

Между полночно-восточною стороною вала и Звѣринскимъ монастыр
стоитъ церковь Праведнаго Лазаря, совсѣмъ новая, построенная лѣтъ
назадъ на мѣстѣ древней, рисунокъ которой, къ счастію, хранится въ ис
рическомъ музеѣ въ Москвѣ; остаткомъ памятника церковной старины и пр
ставляется этотъ рисунокъ, а никакъ не нынѣшняя церковь. Получить
рисунка точный снимокъ и хранить его для изысканій о Новго
скихъ храмахъ, сооруженныхъ въ древности, не только желательно, но
весьма важно, такъ какъ выше объясненное усердіе „любящихъ благол
храмовъ“ безпощадно губитъ первобытную простоту, а вмѣстѣ съ тѣм
величіе ихъ, отражающіе состояніе духа времени и его вкусовъ.

Прошедшее Лазаревскаго холма доказываетъ справедливость мнѣнія
ховныхъ писателей о сооруженіи Новгородцами, принявшими Св. креще
храмовъ и монастырей на могилахъ своихъ языческихъ предковъ. К

похожій на искусственный, холмъ—это Синичья гора или Сильнище; полдень къ сторонѣ Ильменя онъ какъ-бы обрывается, а на западъ по спускается въ низину, охватывающую, какъ объяснено, Неревскую сто съ запада и полночи. На полуденной, нѣсколько къ западу, сторонѣ просачивается, въ двухъ-трехъ мѣстахъ, вода съ слабымъ желѣзисты налетомъ, что указываетъ на присутствіе внутри холма родника, питаем моховою-болотною водою, просачивающеюся до подстилающаго назван низину пласта твердой горной породы; обочины холма красновато глянис на наибольшей высотѣ, къ западу отъ церкви, попадается, на глуб свыше двухъ аршинъ, песокъ, то мелкій охристый, то иногда, на глуб свыше трехъ аршинъ, крупный, съ конопляное семечко, темно-бурый.

Верстахъ въ двухъ отсюда, прямо на западъ, во дворѣ Знаменск завода, и верстахъ въ четырехъ на западъ-полночь, въ Григоровѣ, при паньи колодцевъ, открыто на глубинѣ четырехъ саженъ залеганіе не толст пласта голубоватаго и зеленоватаго съ красными жилами плитняка, тол ною до аршина; подъ нимъ и глубже, до 10-ти саженъ, лежатъ гл разной плотности, трехъ цвѣтовъ: желтовато-розоваго, голубоватаго и свѣт зеленоватаго, съ прослойками то рыхло-песчаною, вяло-табачнаго цвѣта, плитною. Изслѣдованіе мховъ и болотъ, лежащихъ за Неревскою сторон дало на такой-же глубинѣ, до четырехъ саженъ, скопленія хряща и м кихъ обломковъ плитняка. Все это удостовѣряетъ, что описываемый хо естественный, древняго образованія.

По свидѣтельству Софійской Академической лѣтописи, на Синич горѣ основана Петропавловская церковь въ 1092 году, значитъ здѣсь, к и на прочихъ холмахъ, жили Новгородцы еще язычники. Церковь эта, исправленномъ, можетъ быть, видѣ, еще существуетъ. Прошедшее ея, какъ всѣхъ древнихъ Новгородскихъ церквей, изслѣдовано въ трудахъ Мака Красова, С. З. Бураковскаго и другихъ писателей; потому говорить о не не будемъ,—всякій можетъ справиться въ названныхъ трудахъ. По нашего Общества не маловажны нѣкоторыя письменныя указанія, сви тельствующія, хотя и косвенно, объ особенномъ значеніи этой древ церкви, служившей или передовымъ укрѣпленіемъ во время нападеній пріятельскихъ дружинъ на городъ, или сторожевою башнею, въ весьма лекія времена.

Въ упомянутой жалованной грамотѣ Юрьему монастырю князя Мс слава Великаго названа, въ числѣ границъ рели, русская дорога: „ Волхова по крестъ, по ручью въ Мячино, по излогу вверхъ Мячиномъ Горки (Воскресенская слобода, въ древности „Мигра") да въ болото Др (оно стелется по прямой между дачею графини Орловой и Благовѣщен и отъ этой прямой на полдень къ деревнѣ Расщепу, имѣя влѣво Юр монастырь съ садомъ, слободу и скитъ, а вправо, отъ Благовѣщен церкви къ Расщепу же—береговой кряжъ болота) къ Русскому пути; пути на Горки да въ Прость". Изъ этого порядка перечисленія жи урочищъ оказывается, что русскій путь лежалъ по кряжистому берегу лота Дрянъ; начался онъ у той части вала Неревской стороны, гдѣ ст

Бѣлая Алексѣевская Башня и проходилъ мимо Синичьей горы къ говѣщенію. Послѣднее урочище грамоты „Прость“—это рѣчка, выхо-дая изъ болота Дрянь, заворачивающая нѣсколько къ Ракому и впада-ая въ Волховъ сряду за холмомъ, на которомъ древняя Перынь, а тепе-ній Юрьевскій скитъ. Имя этой рѣчки уже забыто, ее называютъ Ра-кою, но въ путешествіи Озерецковскаго оно сохранено.

Итакъ мимо Синичьей Горы проходила дорога изъ Новгорода на пол-ъ къ западу, называвшаяся въ первой половинѣ XII вѣка Русскимъ емъ. Впослѣдствіи въ лѣтописи часто встрѣчаются слова „ходилъ въ ь,—пошли въ Русь“,—означающія направленіе изъ Новгорода именно ту сторону, гдѣ „Рускій путь“ Мстиславовой грамоты и гдѣ современ-Русса.

Движенія перволѣтописныхъ державцевъ изъ Новгорода, начиная съ убаснословныхъ Оскольда и Дира, къ Днѣпру и ниже, на полдень и на адъ, направлялись очевидно этимъ путемъ. Впослѣдствіи, съ конца X и выхъ годовъ XI вѣка, этимъ-же путемъ нападали на Новгородъ:—въ 977 г. полкъ Святославовичъ, выгнавшій брата своего Владиміра и давшій Новгороду ихъ посадниковъ;—въ 1021 г. Брячиславъ Изяславовичъ, внукъ Рогнѣды, абившій нашъ городъ и угнавшій много мужей Новгородскихъ въ плѣнъ Полоцкъ; и въ 1065 г. сынъ его Всеславъ—также ограбившій и сжегшій дъ „до крова или окрома Неревскаго“, расхитившій церковную утварь и вшій колокола у Св. Софіи. Такія внезапныя нападенія не могли не вы-ить Новгородцевъ къ устройству передовыхъ укрѣпленій и сооруженій рожевыхъ, въ видѣ высокихъ насыпей въ лѣсу, по берегамъ рѣкъ и другихъ мѣстностяхъ. Послѣдній набѣгъ Всеслава Брячиславовича бы-енно чувствителенъ; лѣтописецъ горестно повѣствуетъ объ этомъ [illegible] и; „о велика была бѣда въ часъ тый!“. Всеславу полюбилась [illegible] ъ набѣжалъ на Новгородъ второй разъ, но уже не съ той [illegible] ъ въ первый, а съ противоположной; вѣроятно ему хотѣлось [illegible] евскій конецъ, чего неудалось раньше, или Новгородцы хорошо [illegible] ъ на Русскомъ пути. Этотъ набѣгъ 1067 года отвадилъ [illegible] о князя Полоцкаго отъ нападеній на Новгородъ; его встрѣтили у [illegible] ца, на такъ называемой Воцкой дорогѣ, по ту сторону Гзени [illegible] стокая схватка,—Половцевъ разбили въ дребезги и самого [illegible] плѣнъ; но его скоро отпустили, какъ говоритъ лѣтописецъ. [illegible] ъ послѣдующихъ событій видно, что Всеславъ получил [illegible] овіемъ нападеній на державцевъ полуденно-западной Руси [illegible] стремленій ихъ къ преобладанію и сосредоточенію [illegible] о Кіева въ ущербъ Ильинско-русской.

Ближайшею и удобнѣйшею для передового укрѣп[illegible] мѣстностью представлялась Синичья гора; здѣсь, [illegible] ъ былъ монастырь съ каменною въ немъ церк[illegible] Акад. лѣт.).

[illegible] сихъ поръ эта церковь сохранила древнюю [illegible] устройство: она представляется равносторонн[illegible]

какъ башня; окна размѣщены на различной высотѣ;—большихъ пять на сторонѣ полуденной и два на полуночной, въ восточныхъ полукру (абсиды) четыре узкихъ окна,—два въ среднемъ и по одному въ выхъ;—много узкихъ оконъ вверху; они теперь заложены; на верх нѣсколько отдѣльныхъ чулановъ, съ узкимъ окномъ въ каждомъ. Тр возвышающійся надъ срединою, обширенъ; основаніе его лежитъ на рехъ столбахъ, что въ срединѣ церкви; теперь въ немъ четыре окн прежде было восемъ, другіе четыре заложены,—всѣ узки; трибунъ пок куполомъ, сходнымъ съ опрокинутымъ котломъ.

Мы видимъ въ древнихъ монастыряхъ гостепріимные дома; въ П павловскомъ же позволительно усматривать, по нѣкоторымъ описан признакамъ церкви, остатки древняго передового оборонительнаго укрѣп трибунъ или барабанъ, на которомъ глава,—если открыть заложенныя будетъ вполнѣ соотвѣтствовать Стрѣльнямъ Дѣтинца; положеніе око тоже. Вотъ по этимъ то остаткамъ старины и приводится здѣсь изло прошлаго Синичьей горы, хотя вся Петропавловская церковь, какъ ствующая и подробно описанная много разъ изслѣдователями, и не сится въ тѣсномъ смыслѣ къ остаткамъ церковной старины.

Русскіе монастыри не разъ служили твердынями, отражавшим пріятельскій натискъ,—таковы—Кирилло-Бѣлозерскій, Спасо-Евѳимі Суздальскій, Тихвинскій, Колмовской, Троицко-Сергіева Лавра, Соло и другіе. Неудивительно, по этому, что на Синичьей горѣ возникъ стырь—укрѣпленіе въ раннюю пору русскаго христіанства; не будетъ вительно и обратное предположеніе, что въ монастырь обращено было пер укрѣпленіе, возведенное еще въ языческія времена. По тогдашнимъ во ніямъ на иноческую жизнь, отрекшуюся отъ благъ мірскихъ,—Евангел изрѣченіе: „больши сея любве ни кто же имать, да кто душу свою житъ за други своя“,—служило ея основаніемъ, что доказали Пересвѣ Ослябя, Протопопъ Аввакумъ и другія священно-иноки воители.

Одно дальнѣйшее, послѣ XI вѣка, лѣтописное извѣстіе служитъ торымъ подтвержденіемъ сказаннаго, такъ: въ 1138 году, въ трево время, наставшее послѣ изгнанія Всеволода Мстиславовича и другого, наннаго на его мѣсто, князя Святослава Ольговича,—„пополошишася (т. е. дружинники), салгаша бо яко Святопълкъ у города съ Плоско и высушася весь городъ къ Сильнищю, и небы ничто же“. (Въ нѣ рыхъ спискахъ вмѣсто Сильнищу“ сказано Синилищу). Возможно, ч сторожевой стрѣльни въ барабанѣ Петропавловской церкви замѣтили нибудь толпу народа на русскомъ пути и дали знать въ городъ; дру ники всполошились, ожидая нападенія по слуху и говору тревожнаго мени, а за ними и горожане.

Выше упомянуто попутно о значеніи Скандинавскихъ сагъ и Ис скихъ былинъ для уясненія темныхъ мѣстъ нашего далекаго и слиш иногда труднаго для уразумѣнія прошлаго. По поводу укрѣпленій на скомъ пути заглянемъ въ Эймундову Сагу. Эймундъ—это витязь, при щій къ Ярославу въ Гардарикъ съ своими удальцами и жившій тут

лѣпно отдѣланной Гридницѣ. Гардарикомъ Исландскія былины и саги
ают Новгородъ, иногда же, Шведы и Норвежцы даютъ ему имя
рдъ. Въ концѣ шестой и въ седьмой главы Саги, по переводу и объяс-
профессора Сенковскаго, разсказывается подробно о нападеніи Бури-
(Святополка братоубійцы, называемаго иногда Буриславомъ) съ
йцами на Ярислейфа (Ярослава Мудраго). Наши бытописатели счи-
мѣстомъ дѣйствія, т. е. схватки Святополка съ Ярославомъ, Кіевъ;—
отъ городъ Саги называютъ „Кунн гардъ"; а Эймундъ, на вопросы
ава, что предпринять и какъ защищаться, говоритъ, между прочимъ:
ты хочешь удержать Гардарикъ за собою, долженъ слушать моихъ
въ и держаться ихъ" стало быть и разговоръ и ожиданія нападенія
олка были въ Новгородѣ. Къ этому же Святополкъ, разбитый Яро-
ъ гдѣ-то въ Кіевскихъ предѣлахъ на Днѣпрѣ, пропалъ съ мѣста
нія и убѣжалъ сперва въ Ляхи, а потомъ уже, по Сагѣ, объявился,
времени спустя, въ Біарміи;—страна эта лежала къ Новгороду много
, чѣмъ къ Кіеву и добраться изъ нея до земли Ильменской было легче, чѣмъ
ѣпровской.—Изъ описанія битвы съ Святополкомъ и Біармійцами
зается, что Эймундъ выкопалъ около внѣшняго городского вала ровъ,
ывъ снаружи вѣтками деревьевъ и травою такъ, что его нельзя было
тить, какъ волчью яму, а въ валу оставилъ только двое воротъ, хо-
укрѣпленныхъ; у однихъ онъ самъ сталъ съ своими дружинниками,
ія сдалъ на защиту Ярославу. По положенію Біармія на полночь къ
у отъ Новгорода, Эймундовы ворота приходились у Неревскаго конца,
а Гзени, былъ разбитъ впослѣдствіи Всеславъ Полоцкій, и гдѣ въ
уже времена пролегала Воцкая дорога („о велика бѣсѣця вожакомъ"!
ъ современникъ объ этой битвѣ);—такъ какъ тутъ ожидался силь-
й натискъ,—а Ярославовы съ другой стороны, у Людина конца, гдѣ
й путь.

Приведенныя свидѣтельства и соображенія, ими вызываемыя, выдви-
цѣнность видныхъ еще въ Петропавловской, нынѣшней кладбищен-
церкви, остатковъ первоначальнаго назначенія ея, какъ передового
ленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и желаніе подробнаго изученія ихъ.

Древнѣйшія Новгородскія церкви: Ильинская, Георгіевскій соборъ въ
ѣ, Антоновская и самый Софійскій соборъ—имѣютъ всѣ обширные
ны; около Юрьева была начата высокая крѣпостная стѣна „силою
саженъ и съ заборалами". Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что всѣ эти
разсчитаны и на обращеніе верховъ ихъ въ Стрѣльни и въ сторо-
во время войнъ, а можетъ быть и въ башни набатныя для по-
ь.

Аркажа.

а западно полночной окраинѣ упомянутаго болота Дрянъ, нѣсколько
отъ русскаго пути древности, а отъ нынѣшней дороги въ Юрьевъ

монастырь, раскинута на пригоркѣ, прямо на западъ противъ Благов
ской церкви XII вѣка, небольшая деревня Аркажа. Здѣсь, на кряжи
берегу болота, представляющагося весною большимъ озеромъ и вѣр
составлявшаго въ старину часть озера Мячина, съ нимъ сливавшагос
даже бывшаго собственно Мячиномъ,—основанъ былъ въ 1153 году игу
Аркадомъ Успенскій монастырь—„отъ Новгорода три поприща". Вн
ствіи Аркадъ возведенъ въ санъ Епископа, съ 1156 года, и по кон
въ 1163 г., признанъ Новгородскою церковью святымъ; всероссійс
вселенская церковь неудостоили его того же признанія, такъ что онъ,
святой мѣстный, считается только блаженнымъ. Въ древности этотъ
стырь былъ, какъ и многіе изъ окрестныхъ, благоустроенъ,—имѣлъ
ныя церкви: Успенскую—съ 1188 г.;—на воротахъ, неизвѣстно кам
или деревянную,—Симеона Столпника Дивногорца, съ 1206 г.;—
ную Св. Архистратига Михаила—съ 1395 г.;—и каменную же—Чу
Хонѣхъ—съ 1407 года. Въ XVI вѣкѣ была тутъ еще церковь Одигит
по писцовымъ книгамъ. Послѣ 1764 г. монастырь упраздненъ; въ н
немъ столѣтіи, лѣтъ 40 назадъ, разобрана послѣдняя Успенская це
Теперь остались только развалины и около нихъ дичающій годъ от
вишневый монастырскій садъ. Мощи святителя Аркадія почиваютъ въ
скомъ соборѣ.

Лѣтопись не сохранила извѣстій о какомъ либо значеніи мона
Св. Аркадія въ жизни края, но нѣсколько каменныхъ церквей свид
ствуютъ, что онъ пользовался уваженіемъ горожанъ и вообще со
Расположенный близъ Русскаго пути монастырь служилъ конечно, к
другіе, мѣстомъ пріюта и покоя. Сохранить память о немъ полез
науки, такъ какъ далеко еще не исчерпанъ весь запасъ письменныхъ
дѣтельствъ стараго времени, даже давно изданныхъ, подобныхъ писц
книгамъ, да есть еще много не только не напечатанныхъ, но даже
разобранныхъ; какія найдутся тамъ данныя мы не знаемъ,—ожида
годныхъ для уясненія прошлаго Аркажи и ея значенія въ жизни
страны возможно.

Назвавъ развалины и вообще остатки памятниковъ церковной
ности окрестностей Новгорода, перечислимъ встрѣчающіяся въ письме
свидѣтельствахъ имена монастырей, тутъ существующихъ и церквей
стоятельныхъ, кромѣ названныхъ:

а) Около Славенской стороны.

Богословскій—на берегу Волхова, сряду за валомъ; теперь еще ос
небольшая церковь; Радоковицкій—слѣдовавшій за нимъ по направ
къ Антонову, на рѣчкѣ Виткѣ, почти осохшей; Козьмо-Демьянскій от
ковицкаго на востокъ, къ Тихвинскому кладбищу; Колотовскій—на
близъ Жилотуга, за первымъ послѣ города большимъ мостомъ, вл
Московской дорогѣ,—церковь осталась; Воскресенскій—гдѣ Тихвинское

це; Рождественскій — гдѣ кладбище Рождественское; Ковалевъ — нѣ-
лько дальше Волотова, на холмѣ, вправо отъ той же дороги, — церковь
ществуетъ; Липецкій — на высокомъ холмѣ, близъ устья Мсты, — церковь
талась; Коломецкій — при истокѣ Волхова, на плесѣ Ильменя, ясныхъ слѣ-
ъ нѣтъ; Островскій — упомянутъ между Лисицкимъ и Вишерскимъ — слѣды
а замѣтны; Нередицкій — на холмѣ близъ Городища; церковь существу-
ъ; она знаменита нетронутымъ ни поновителями, ни временемъ настѣн-
мъ письмомъ XII вѣка; и Воскресенскій на Лютовой горѣ, по Москов-
ой дорогѣ.

б) Около Неревской стороны.

Мостищенскій на Веряжѣ, верстахъ въ пяти отъ города по Псковской
рогѣ, осталась церковь; Борисоглѣбскій — за Гренью; Богоявленскій — на
цкой дорогѣ; Преображенскій — на той-же дорогѣ; Козьмо-Демьянскій — на
ени въ Кузнецахъ; Ильинскій — въ концѣ Прусскаго заполья; Никольскій —
Чудинскомъ запольи; Сплавскій — на Ивангородской дорогѣ. Отдѣльно
монастырей упоминаются церкви: Апостола Акимы — между Бѣлою баш-
и Петровскимъ кладбищемъ; Алексѣя Божія человѣка — на западъ отъ
-же башни, сряду за Копаницею, — около ея мѣста часовня; и Ксеніи —
полночь отъ Петровскаго кладбища.

Перечень этотъ приводится въ тѣхъ видахъ, что быть можетъ кому
о изъ членовъ Общества дадутъ сторожилы-сосѣди перечисленныхъ мо-
тырей указанія болѣе точныя, сравнительно съ приводимыми нами въ
ныхъ мѣстахъ этой записки и изложенными въ печатныхъ трудахъ упо-
наемыхъ нами изслѣдователей, особенно о мѣстоположеніи, или и о ка-
къ нибудь осязательныхъ остаткахъ, хотя бы и незначительныхъ разва-
ъ церквей и монастырей, несуществующихъ давно.

Слѣды памятниковъ церковной древности.

Теперь перейдемъ въ самый городъ и намѣтимъ мѣста, гдѣ существо-
ли монастыри и церкви, по слѣдамъ, оставленнымъ ими въ лѣтописи и
другихъ источникахъ. За руководителей примемъ: письменныя свидѣ-
льства, Знаменское изображеніе и чертежи площади построекъ Новго-
да, — геодезиста Попова 1756 года, приложенный къ сочиненію Н. Н.
равьева, и другой Высочайше утвержденный въ 1778 году.

Слѣды памятниковъ церковной древности получатъ наибольшую ясность,
ли имъ предпослать слѣды же памятниковъ бытовыхъ, особенно круп-
хъ, захоронившихся слишковъ глубоко. Они могутъ быть установлены
нымъ рядомъ наблюденій и притомъ въ зависимости отъ внѣшнихъ
знаковъ, годъ за годомъ сглаживающихся при новыхъ постройкахъ и усло-
хъ закона о благоустройствѣ въ городахъ. Намъ приходится наблюдать

Новгородъ и его окрестности болѣе сорока лѣтъ. Въ послѣднее время, лѣт
около 16-ти, когда въ наше собраніе древностей начали поступать пред
меты каменнаго вѣка,—вниманіе наше къ площади города и его окрестн
стей, и особенно къ слоямъ почвы, открываемымъ случайными раскопками
удвоилось. Такимъ образомъ получились данныя, вызывающія наружу глу
боко захоронившіеся слѣды бытовыхъ памятниковъ, о которыхъ изрѣдка
невразумительно сказываютъ наши лѣтописцы. Памятники древности це
ковной и слѣды ихъ отражаютъ въ себѣ условія быта—внѣшняго, г
болѣе безопасно проживаніе человѣка, тамъ болѣе и слѣдовъ его благос
стоянія; гдѣ болѣе довольства, тамъ болѣе удобствъ жизни и разнообразн
содержаніе ихъ. Поэтому умѣстнымъ будетъ изложить добытыя наши
личными наблюденіями данныя о началѣ и постепенности развитія и рос
населенія Великаго Новгорода, а также и его благоустройства прежде, чѣ
начать указанія на слѣды памятниковъ древности церковной, народившей
уже при высокомъ уровнѣ благосостоянія насельниковъ. Изложеніе данны
къ сужденію о слѣдахъ памятниковъ бытовыхъ послужитъ какъ-бы вве
ніемъ къ изысканіямъ и указаніямъ о слѣдахъ памятниковъ древности це
ковной на обѣихъ сторонахъ города.

Славенская сторона.

Мы уже упомянули попутно о толщѣ жилого слоя Славенской сторон
здѣсь приведемъ нѣсколько подробностей, полезныхъ для изысканій въ бу
дущемъ,—тѣмъ болѣе, что ими опредѣляется густота населенія.

При буреніи земли во дворѣ дома Г. М. Смѣтанина обнаружены сл
дующія данныя: жилой и вполнѣ однородный слой перегнойной черной зем
съ щепою и всякимъ соромъ, лежитъ толщею въ четыре сажени. Подст
лаетъ его сизая глина. Въ чашкѣ вытянутаго изъ этой глубины бура о
зался кусокъ такого-же какъ и вся толща перегноя съ щепою и углем
съ жилами вивіанита темносиняго цвѣта, и съ плотно-приставшимъ к
нему кускомъ-же, сизой глины. При дальнѣйшемъ буреніи, на глубинѣ
трехъ саженъ, вытягивали буромъ, съ синеватою же вязскою глиною, к
крупный круглый и угловатый валунъ съ отертыми ребрами разноцвѣтны
гранитовъ, сіенита, кварца и діорита—чаще всего, а иногда сланца, то пл
наго, синевато-сѣраго цвѣта, то богатаго содержаніемъ слюды; еще глуб
получились глины: синеватая плотная, зеленоватая и кровяно-красная, цв
печенки,—далѣе песчаники бѣловато-грязные, лиловато-сѣрые и сѣр
крупно и мелко-зернистые. Песчаники залегали толщу свыше двадцати
женъ, до самаго конца буренія. Полученная вода имѣетъ солоноватый вк
и нѣсколько вяжетъ; при нагрѣваніи даетъ буро-грязную накипь, а пот
негодится для стирки бѣлья.

Мѣсто буренія во дворѣ Г. М. Смѣтанина приходится саженяхъ въ п
отъ Мало-Михайловской улицы, полночной стороны ея. Недалеко отсю
не доходя Знаменской улицы саженъ на двадцать, копали, во дворѣ

Рогатица составляла, какъ поселокъ, а не какъ улица въ нынѣ смыслѣ, предѣлъ Славенскаго конца во времена средне-лѣтописны XIII вѣка; въ болѣе раннюю, долѣтописную пору, ея повидимому не ствовало; граница Славна лежала тогда на пространствѣ между нын Знаменскою и этою Рогатицею, на что указываетъ бывшій въ этомъ окопъ, или валъ, остатки котораго еще видны въ бугрѣ, вытягивак съ полдня на полночь отъ Знаменскаго собора къ опокамъ. По с этого бугра-окопа, что къ Волхову, на полдень къ западу, пробѣгала огибавшая Славенскій холмъ съ восточно-полночной стороны,—сл можно видѣть въ желобинѣ, составляющей продолженіе ручья Трясо по нынѣшнему Тарасовца, выходящаго изъ Жилотуга и впадающа Копаницу, охватывающую валъ, нѣсколько ниже Знаменскаго противъ Филипповской церкви; эта желобина огибаетъ Предтече церковь и склоняется въ берегъ Волхова, примѣрно—гдѣ Буяновская Слѣды желобины едва замѣтны, начиная отъ Знаменской улицы, к она пересѣкаетъ близъ Московской, во дворахъ домовъ Капеллера, П. И. Дмитревскаго, Комисарова и Бергъ. На береговомъ откосѣ пр оставившаго описанную желобину, приходится и дворовое мѣсто Гг. ковыхъ, гдѣ найдены на глубинѣ 7½ саженъ причальные клинья. По конечно блѣднымъ, слѣдамъ предполагается Славно холмоводнымъ остр на которомъ и завелось первоначальное поселеніе.

Между Рогатицею и Ѳедоровскимъ ручьемъ примѣчается другой подобный бугоръ, начинающійся отъ той части внѣшняго вала, к соотвѣтствуетъ алтарю Спасской церкви, и направляющійся дугови Рогатицѣ; по пересѣченіи ея еще за Таировскою Богадѣльнею, онъ нулся чрезъ Славную улицу мимо Дмитровской церкви, оставивъ своей границы, къ устью Ѳедоровскаго ручья. Пространство, заклю въ этотъ второй окопъ, предполагается древнѣйшимъ Плотенскимъ ко нынѣшній Ѳедоровскій ручей служилъ ему рвомъ.

Площадь же, лежащая за Ѳедоровскимъ ручьемъ, по направле Антонову, Никольской слободѣ и къ кладбищамъ Рождественскому и Т скому,—заселена уже въ предлѣтописныя или перволѣтописныя вр что указываетъ здѣшняя толща жилого слоя.

Само собою разумѣется, что всѣ эти предположенія, или прос гадки, какъ опирающіяся на небольшое число испытаній толщи слоя, требуютъ провѣрки; указываются же въ видѣ опыта, какъ шаги на пути къ изученію глубокой могилы первопасельниковъ Ве Новгорода, покоящихся уже много-много вѣковъ подъ мощными отлож позднѣйшихъ напластованій.

Средина Славенской стороны, собственно Славенскаго конца ся, густо заселенная въ языческія времена, не имѣла до XII вѣка прав ныхъ храмовъ, они, а впослѣдствіи и монастыри, а также и неправосл церкви, ютились по окраинамъ. Таковы до христіанскія церкви: Спа

исанная выше, Ильинская, Михайловская и Варяжская и три монастыря здняго времени: Воскресенскій, Павловъ и Арсеніевъ, послѣдній уже XVI ка. Въ XII вѣкѣ храмы возникали насчетъ пространства площади Великочья, прилегавшей къ Ярославову Дворищу, Великаго ряда и кое-гдѣ въ единѣ города этой правой половины.

Дворище.

На Ярославовомъ дворѣ существовали, кромѣ сохранившихся до нащаго времени, церкви: Георгіевская, Борисоглѣбская, и Св. Отецъ. Гдѣ одилась Георгіевская, не была-ли она придѣльною,—свѣдѣній нѣтъ; отъ остался только древнѣйшій изъ всѣхъ, оказавшихся въ Россіи, антисъ; послѣдняя же стояла подъ наружнымъ угломъ дома Г. А. Воронова. да она основана неизвѣстно; вѣроятно первая была деревянною; въ 1 г. она сгорѣла; затѣмъ, все еще должно быть деревянная, возобновма была въ 1182 и въ 1190 годахъ, наконецъ въ 1308 г., поставлена е каменная. Въ 1615 г. эта церковь еще существовала. При земляныхъ отахъ между углами дома Г. А. Воронова и ограды Дворищенскихъ квей, по Ново-Николаевской улицѣ, встрѣчаютъ, между обломками камня, нича и плитняка, человѣческія кости. Не извѣстно также и о Борисобской, Дворищенской, была-ли она самостоятельною, или придѣльною.

При нынѣ существующихъ Дворищенскихъ церквахъ было много приловъ, давно уже упраздненныхъ; свѣдѣнія о нихъ, вѣрныя и достаточно дробныя, приведены въ трудахъ: Митрополита Евгенія, Амвросія (*Исторія* ес. Іерархіи), Макарія (церковныя древности), Красова, С. З. Бураковскаго другихъ писателей. Повторять ихъ мы не будемъ. Въ этихъ трудахъ же не говорится о придѣлѣ Борисоглѣбскомъ. Но мы причисляемъ къ рищенскимъ церковь князей-мучениковъ, потому что о ней упоминуто Уставѣ благочестиваго князя Всеволода Мстиславовича, (1117—1137 въ), отцомъ котораго основанъ Никольскій соборъ—въ 1113 г.

Торгъ.

Въ перволѣтописныя времена на Славенской стороне [illegible] ли для торговли,—Торгъ и Великій рядъ.

Торгъ мы видѣли; Великій рядъ занималъ пространство между мы[illegible] ними церквами Успенскою, Георгіевскою и Пре[illegible] въ называемымъ Гостиподворнымъ зданіемъ, т. е. [illegible] Великій рядъ [illegible]ревымъ дворцомъ и берегомъ Волхова; было [illegible] берегу [illegible] ывалъ и часть Великаго моста, ближайш[illegible] которыя [illegible] дствіи, во второй половинѣ XII вѣка, [illegible] Торга, перешедшее на Великій рядъ, со[illegible] и это имя до конца самобытія и при [illegible]

Обиліе храмовъ, посвященныхъ великомученику Димитрію, вызва по всей вѣроятности, сходствомъ высоконравственныхъ качествъ его съ порочностью и мужествомъ любимыхъ сыновей Св. Владиміра.

Великій рядъ.

Въ Торгу у Великаго ряда была упомянута Борисоглѣбская церковь не леко отъ Пятницкой и Дворища „въ Кожевникахъ" (Новг. лѣт. годы: 131 1494 и 1606); время первоначальнаго основанія ея неизвѣстно. Кож ники — Кожевенный рядъ — встрѣчаются въ письменныхъ памятникахъ купчихъ прошедшаго столѣтія; подъ этимъ названіями извѣстенъ и теп одинъ изъ рядовъ каменныхъ лавокъ, начинающихся отъ Торговой площ и продолжающихся до Успенской церкви. Такимъ образомъ мѣсто Борисоглѣбской церкви можетъ быть опредѣлено съ достаточною точност

Также у Великаго ряда была Дмитровская церковь; въ первый р она названа по случаю пожара, начавшагося въ 1299 году на Варяжс великой улицѣ, стоявшею на Торговой сторонѣ вообще; далѣе, въ 1311 въ Торгу, — въ 1356 г., на Лубяницѣ, положеніе которой объяснено вы наконецъ въ 1541 году — на Опокахъ. Опоками въ Новгородской землѣ, самыхъ широкихъ ея предѣлахъ, считая и Сибирь, называются окатан потоками воды небольшіе обломки обыкновеннаго плитняка, плоскіе, к куски давно употребляемаго мыла, называемыя также, по сходству съ ни „Мыльниками", Гряда опоковъ, выходящая двумя своими концами изъ п саженнаго пласта красноватой глины на откосѣ праваго берега Волх близъ Жилотуга, за валомъ, и скрывающаяся подъ водою, стелется отс прямо на Предтеченскую церковь на Опокахъ и здѣсь обрывается. За Пр теченскою церковью слѣдуетъ непосредственно отъ полночной стороны мѣстность, называемая въ Уставѣ Всеволода Вощниками. Слѣдовате мѣсто Дмитровской церкви въ Торгу на Опокахъ приходится на пра между Предтеченскою и Георгіевскою церквами; пространство здѣсь неб ше 50 шаговъ, такъ что если отведемъ для разсматриваемой церкви дину его, ошибки не будетъ ни на шагъ.

Петрятино дворище и Вощники.

Въ Побережьи, отъ мостового устоя и Великаго ряда до Ѳедоров ручья и отсюда въ гору до нынѣшней Московской улицы, т. е. въ пр лахъ Вощниковъ и Буевища Петрятина Дворища, изслѣдователи церко древности помѣщаютъ церкви: Св. Димитрія и Одигитріи. Положеніе вой поддается точному опредѣленію, по соображеніи отводимыхъ ей л писью мѣстъ, а о второй, во имя образа Одигитріи, сказано подъ 1 годомъ, „поставленъ первый храмъ каменной Одигитріи Пресвятой Бо дицы на Буянѣ улицѣ, на Хутынскомъ подворьѣ". Домъ этого подворья

уетъ,—рядомъ съ нимъ стоитъ каменная часовня;—она, вѣроятно, со-
на на мѣстѣ церкви, которая на Знаменскомъ изображеніи написана у
вой стѣны. О Дмитровской показанія лѣтописей представляются на
й взглядъ сбивчивыми; Макарій и другіе писатели введены ими въ
кденіе и смѣшиваютъ, кажется, Дмитріевскую церковь на Опокахъ
кою же въ Торгу и на ручью—Селунскою, до сихъ поръ сохра-
ешся и, принимая лѣтописныя улицы въ современномъ значеніи
ѣ, вызываютъ къ жизни не существовавшую вовсе Дмитріевскую цер-
подъ 1300 г. отмѣчено,—что, срубили три церкви и въ числѣ ихъ
Дмитрія на Бояни улкѣ"; подъ 1352 г. сказывается о сооруженіи ка-
й церкви Св. Дмитрія въ Торгу на Лубяницы; наконецъ подъ 1541
ь описанъ въ третьей и во второй Новгородскихъ лѣтописяхъ боль-
пожаръ, истребившій 22 церкви, изъ которыхъ двѣ каменныя осыпа-
это Успенская на Козьи-броду, да великомученикъ Димитрій на
улицѣ,—по третьей лѣтописи, а по второй на Опокахъ. Зная уже
еніе Лубяницы, Опоковъ и Буевища, позволительно видѣть во всѣхъ
сленныхъ отмѣткахъ одну и туже Дмитріевскую церковь. Опоки при-
сь и на Лубяницѣ и на Буевищѣ; Бояна улка 1300 г. была тѣмъ
комъ, который велъ съ Буевища и съ Вощниковъ къ Великому ряду
рый еще недавно былъ проходнымъ между нынѣшними церквами
ченскою на Опокахъ и Георгіевскою въ Торгу; на немъ же и поста-
церковь Св. Дмитрія въ Торгу, въ 1360 году „на Бояни улкѣ".
Макарій считаетъ одну изъ приведенныхъ отмѣтокъ относящеюся къ
Дмитрія на Буянской улицѣ, называвшейся, по его словамъ, Дмит-
ою; при этой церкви онъ находитъ придѣлъ Аѳанасія и Кирилла
ндрійскихъ. Въ числѣ источниковъ, послужившихъ для него основа-
къ такому заключенію, онъ приводитъ, кромѣ названныхъ лѣто-
хъ отмѣтокъ, разговоры Митрополита Евгенія (стр. 86). Но здѣсь,
списи 1615 г., отмѣчено: „На Опокахъ храмъ каменъ Іоанъ Пред-
придѣлъ пророкъ Захарія; храмъ Дмитрій Великомученикъ, придѣлъ
вленье Господне". Въ концѣ же росписи, на послѣднихъ строкахъ,
тся: „На Дмитревской храмъ каменъ Дмитрій Великомученикъ, да
лъ Аѳанасій и Кириллъ Александрійскій" (Разговоры стр. 87). На
нской сторонѣ ни въ лѣтописяхъ, ни въ описяхъ улицъ, ни въ куп-
временъ, ближайшихъ къ 1615 г., когда составлена роспись церквей,
зу не встрѣчается Дмитріевской улицы; между тѣмъ на Неревской
ѣ улица этого имени существуетъ; она ведетъ къ Звѣринскому мо-
рю и замѣнила, по всей вѣроятности, древнюю Боркову великую
, тянувшуюся къ тому же монастырю; невдалекѣ вала эту улицу
кала древняя Данславля, а болѣе позднихъ вѣковъ Досланя улица.
при встрѣчѣ обѣихъ улицъ, существовала съ долѣтописныхъ годовъ
ь Св. Дмитрія, сгорѣвшая въ 1390 г.;—черезъ четыре года Дань-
и снова поставили ее уже каменную. Послѣ 1394 года она нѣсколько
орѣла,—послѣдній лѣтописный пожаръ былъ въ 1600 году. Пере-
Шведскій разгромъ Дмитріевская церковь достояла до нынѣшняго сто-

лѣтія и разобрана не болѣе 50 лѣтъ назадъ. При ней были имен
придѣлы, которые показаны въ росписи 1615 г. Въ описаніи пожара
1547 г. значится между прочимъ, что съ придѣла Дмитровской ц
что на Софійской сторонѣ по Дослани улицы, съ Офонасья святого
сняли (II Новг. лѣтоп.). Поэтому, едвали будетъ ошибка, если мы ска
что мѣсто, назначаемое Макаріемъ (Опис. Новг. церк. древ. II, 398)
ровской церкви на Славенской сторонѣ, на Буяновской улицѣ, ей
надлежитъ.

По приведеннымъ даннымъ и соображеніямъ представляется на
вѣроятнымъ, что на опредѣленномъ побережьи церкви Дмитрія не бы
когда, а Св. Дмитрій въ Торгу, на Опокахъ и на Боянѣ улкѣ—эт
самый, который стоялъ между церквами Предтеченскою на Опокахъ
оргіевскою, нынѣ существующими.

Одинъ разъ, въ рукописномъ лѣтописномъ сборникѣ упомянута
родицкая церковь въ Мясникахъ. Мясниками называется мѣстность на
нынѣшней Дворцовой улицы къ Ѳедоровскому ручью, между нею и
вомъ. Лѣтъ 40 назадъ тутъ былъ пустырь. Сборникъ недавняго сос
нія, не старѣе конца прошлаго столѣтія. Возможно, что его Богоро
церковь находилась именно на этомъ пустырѣ. Лѣтъ шесть назадъ на
прежняго пустыря оставался еще незастроеннымъ переулокъ, прохо
съ Дворцовой улицы на набережную Волхова, между зданіемъ торгово
и деревяннымъ домомъ наслѣдниковъ П. А. Молева. Не онъ-ли и в
Богородицкой церкви въ Мясникахъ?

На Знаменскомъ изображеніи Новгорода отчетливо написано ка
сооруженіе у самаго вступленія на Великій мостъ, съ тремя повер
острыми шатрами; видъ этого сооруженія такой-же какъ и всѣхъ б
стѣны, охватывающей Славенскую сторону, только оно вдвое обш
О существованіи какой-либо церкви у Великаго моста на правомъ
Волхова лѣтопись не сказала ни слова. Мы уже не разъ имѣли
замѣчать, что молчаніе лѣтописи о сооруженіи памятника существу
или существовавшаго и оставившаго несомнѣнные слѣды продолжит
своей жизни,—ведетъ къ заключенію, что подобный памятникъ, возн
начала лѣтописи. Это замѣчаніе вполнѣ примѣнимо и къ мостовому
женію Знаменскаго вида Новгорода.

Мостъ черезъ широкую и достаточно быструю рѣку считается
перь за сооруженіе крупной важности,—и теперь у большихъ мостов
вятся часовни. На Великомъ мосту была съ древнихъ временъ и до
сохраняется часовня Чуднаго креста, называвшагося до XVI вѣка Чер
это древнее названіе затерялось послѣ того, когда нѣкто, Петръ Нев
соорудилъ въ 1548 году (какъ видно изъ надписи на подножіи креста
рой крестъ, въ мѣру и подобіе древняго и прикрылъ имъ Черный, ч
мѣтно по особенной чернотѣ древняго, покоящагося подъ новымъ, не
соединеннымъ съ нимъ. Есть основанія приписывать первоначальное
женіе креста на Великомъ мосту Св. Равноапостольному Владимі
Супраельской рукописи, подъ 1069 г., записано, что 23 Октября,

женія втораго нападенія на Новгородъ князя Всеслава Полоцкаго „за-
обрѣтесь Володимеровъ крестъ въ Святой Софіи на Полатѣхъ". Смыслъ
отмѣтки тотъ, что во время перваго Всеславова набѣга и опустошенія
й половины города до конца Неревскаго, крестъ Владиміра былъ спря-
ъ въ одномъ изъ глубокихъ и обширныхъ тайниковъ, устроенныхъ въ
бахъ, поддерживающихъ своды Софійскаго собора, что церковникъ или
другой, спрятавшій крестъ, умеръ, или убитъ при защитѣ храма отъ
цкихъ хищниковъ, и что черезъ три года, когда извлекали изъ тайни-
ъ спрятанныя туда предъ вторымъ набѣгомъ церковныя сокровища, слу-
но нашли и крестъ Владиміра. Быть можетъ этотъ крестъ поставленъ
мосту не Равноапостольнымъ Владиміромъ, а его внукомъ, создателемъ
йскаго собора,—но несомнѣнно, что Черный крестъ охранялъ Великій
ъ за цѣлые вѣка до XVI; онъ, хотя и прикрытый новымъ, остается
перь священнымъ предметомъ глубокаго уваженія и благоговѣйнаго по-
ленія проходящихъ мимо Мостовой часовни.

Лѣтопись дала много свидѣтельствъ вражды Славлянъ и Неревлянъ; если
ъ Неревскаго берега существовала часовня, не могло не быть подобнаго
или и болѣе величественнаго сооруженія, и у моста на Славенскомъ
у. Такое именно сооруженіе и написано на Знаменскомъ изображеніи.
Къ заключенію о назначеніи этого сооруженія данныхъ весьма мало;
только отмѣтка пергаментной лѣтописи подъ 1300 годомъ имѣетъ къ
нѣкоторое отношеніе. Здѣсь читаемъ: „Срубиша четыре церкви: Свя-
Богородица въ монастыри въ Звѣринци, и Святого Лазаря, и Святого
рія на Бояни улки, и Святого Бориса и Глѣба на подолѣ". Борисо-
скихъ церквей, какъ уже замѣчено, было въ Новгородѣ весьма много,
анилась же до нашихъ дней одна, близъ вала. Макарій, выдающійся
окъ церковныхъ древностей Новгорода, относитъ первоначальное соору-
е этой церкви къ 1377 г., когда оконченная строеніемъ каменная цер-
освящена Владыкою Алексѣемъ; мѣстность ея лѣтописецъ опредѣляетъ
ами „въ Плѣтникѣхъ". Этою отмѣткою не исключается вообще возмож-
ть относить и предшествующую къ той же мѣстности; въ Новгородѣ,
невсегда, то почти всегда, предшествовали сооруженію каменныхъ
вей бывшія на томъ же мѣстѣ и во имя тѣхъ же святыхъ деревян-
. Помѣхою представляется только разница въ опредѣленіи мѣстности
подолѣ" въ одномъ случаѣ, „въ Плотницахъ"—въ другомъ; но и ее
устранить; въ первой отмѣткѣ говорится о естественномъ признакѣ
ности, а во второй о гражданскомъ: подоломъ считали наши горожане
вѣка крутые склоны береговъ Волхова, имѣющіеся какъ на Славен-
такъ и на Неревской сторонѣ. На упомянутомъ чертежѣ геодезиста
ва 1856 года на береговыхъ частяхъ положены надписи: „подол
ами: Славенскаго холма на полдень къ западу,—холма дре
ница, отъ Дѣтинца на востокъ къ полдню, и—небольшой
конца, непосредственно слѣдующей за Ѳедоровскимъ
части Неревской стороны, которая начинается
торговой бани А. А. Соловьева и пошла вни

режье". Отмѣтка лѣтописи о пожарѣ 1477 года оправдываетъ послѣдн
надпись Попова: „отъ Розважи улици погорѣ и до Борковѣ улици По
режье все и до Великой улици", т. е. Борковой, или Данелавли. Розважа при
дилась нѣсколько выше названнаго дома; оправдается-ли и первая надпись, у
димъ изъ лѣтописи пожаровъ за ближайшее къ отмѣткамъ подъ 1300
1377 годами время. Въ 1360 г. „погорѣ Подолъ да Горньчарскій конецъ
Выше замѣчено, что Горончарскій конецъ въ первое время образованія с
его, въ народномъ представленіи, лежалъ на западъ отъ Людина и отъ П
дела Попова. Въ 1371 г. „бысть пожаръ съ Ильины улици въ Плътни
скій конецъ и Подолъ весь погорѣ и конецъ и до Киловой улиц
Улица Ильинская простиралась, въ смыслѣ участка Славенскаго конца,
Успенской церкви, что рядомъ съ Дворищемъ Ярослава; а Плотничей
нецъ начинался съ Рогатой улицы, часть которой соотвѣтствуетъ нынѣ
ней Рогатинской. Въ 1385 году „загорѣся на Подолѣ и погорѣша
конца, Плотнинскій и Славенскій и Торгъ". Во всѣхъ этихъ отмѣтка
слово Подолъ начинается уставною, или прописною буквою; очевидно
есть имя собственное и означаетъ хорошо извѣстную лѣтописцу и его
временникамъ мѣстность. Если-бы каменная церковь Бориса и Гл
освященная въ 1377 году, была на Подолѣ, лѣтописецъ опредѣлилъ
точнѣе ея мѣстоположеніе, сказавъ: „на Подолѣ", —чѣмъ „въ Плътникахъ";
первое слово указываетъ на участокъ несравненно меньшій, чѣмъ вто
обнимающее понятіе о цѣломъ концѣ города; если же онъ не назвалъ П
доломъ мѣста церкви, значитъ оно не носило этого имени. Повидимо
лѣтопись пожаровъ также оправдываетъ надпись Попова и о Подолѣ
какъ о Побережьи. Итакъ Борисоглѣбская деревянная церковь 1300 г
на Подолѣ могла не быть тою, которая въ 1377 году освящена Влады
Алексѣемъ.

Испытаемъ еще одинъ способъ для опредѣленія назначенія разсматр
ваемаго башневиднаго церковнаго сооруженія у Великаго моста. Древ
Новгородскіе лѣтописцы отличаются отъ собратій своихъ другихъ городо
Руси выразительностью рѣчи, точностью разсказа и опредѣлительност
мѣста дѣйствія (ср. Бестужева-Румина—о составѣ русскихъ лѣтопис
Въ описаніяхъ пожаровъ перечисленіе погорѣвшихъ церквей начина
всегда оттуда, гдѣ начался пожаръ (см. выше о положеніи Кобыльи улиц
въ перечисленіи церквей, сооруженныхъ въ теченіе одного года, или вооб
въ одно какое либо время, охватываемое одною-же и записью, строго
блюдается порядокъ, въ которомъ излагается начало записи; если говорит
о церквахъ обѣихъ половинъ города и если по отношенію къ Перевс
перечисленіе началось съ востока,—оттуда-же начинается и перечень це
вей Славенской стороны. Перечисленіе деревянныхъ церквей, срубленны
въ 1300 году, начато съ Звѣрница, отъ полночи къ востоку—къ полдн
западъ Неревской стороны; если въ томъ же порядкѣ названы и цер
Славенской стороны, то, по отношенію къ Дмитровской на Бояни ул
или въ Торгу, между церквами Предтеченскою и Георгіевскою, Подолъ

стороны, какъ крутой скатъ къ Волхову, придется на западъ отъ къ тому самому мѣсту, гдѣ башнеобразное церковное сооруженіе. основываясь на высказанномъ, можно съ нѣкоторою вѣроятностью на- обширное троеверхое сооруженіе противъ Великаго моста, на Славен- берегу, Борисоглѣбскою церковью.

Рогатица.

ерейдемъ отъ Великаго ряда на участокъ, лежащій въ границахъ: ней Московской улицы до Ѳедоровскаго ручья, этого ручья къ валу, ла до того мѣста, противъ котораго приходится восточная сторона ой церкви, и отсюда и отъ Знаменской улицы до встрѣчи ея съ Москов- это пространство соотвѣтствуетъ древней Рогатинѣ.

дѣсь были, кромѣ существующихъ, двѣ церкви: Лукинская и Ипать- оставившія, особенно послѣдняя, слѣды въ лѣтописи.

Лука Евангелистъ.

укинская церковь уже упомянута въ замѣткѣ о Лубяницѣ. Мѣсто саду при домѣ Знаменскаго причта, на Знаменской улицѣ. Перво- ное сооруженіе ея не отмѣчено въ лѣтописи; подъ 1207 г. въ пер- ной записано такъ: „Поставиша церьковь святаго Луки на Лубянѣй перенесше с Колѣня Володаревицѣ и Носовици". Въ Татищевскомъ кѣ эта запись повторена, съ измѣненіемъ окончаній въ словахъ Ко- Володаревицѣ и Носовици, въ первомъ на *а*, во второмъ на *ъ* и въ днемъ на *а*; всѣ эти слова въ обоихъ спискахъ начинаются устав- буквами К, В, Н.

Мы видѣли уже „Колонъ за Святымъ Рождествомъ" Татищевскаго ика и Колѣно пергаментнаго; здѣсь же встрѣчаемся съ Колѣнемъ вто- и Колѣномъ перваго. Всѣ тѣ основанія, которыя приведены въ статьѣ онѣ, мы подтверждаемъ и здѣсь. Никакого Колѣна во всѣхъ нашихъ исныхъ сборникахъ нѣтъ, кромѣ Рождественскаго Колона; на немъ, на погребальномъ холмѣ язычества и могла быть церковь, которую пере- Володаревичъ и Носовичи на Лубяницу по причинамъ, лѣтописцемъ званнымъ; а ихъ могло быть много и разнообразныхъ: разливъ, уеди- е положеніе, повторявшіеся случаи хищничества и т. п. Разстояніе Колономъ и мѣстомъ, на которое перенесли въ 1207 г. церковь, е версты; какъ деревянную, ее не трудно было перенести назван- лѣтописцемъ лицамъ на своихъ плечахъ, что вѣроятно и послужило омъ къ занесенію именъ ихъ въ намятуху благочестиваго книжника- а. Изъ послѣдующихъ замѣтокъ лѣтописи видно, что Лукинская цер- пользовались большимъ вниманіемъ уличанъ; послѣ пожара, повреди- ее (огорѣла) въ 1329 г., она обветшала и въ 1364 г. поставлена ,—а въ 1424 года деревянная замѣнена каменною; чрезъ сто лѣтъ

она опять отдѣлана заново, такъ что потребовалось въ 1529 г. освящен по этому случаю лѣтопись объясняетъ: „а и прежде въ томъ храмѣ бы служба на землѣ, и уличане тое церкви помостъ церковный вздынули устроили престолъ и службу вверсѣ". Даже въ XVIII вѣкѣ поддержив лось уваженіе къ Лукинской церкви: въ 1702 г. подлѣ старой заложе новая каменная, окончательно отстроенная въ 1705 году. Разобрали э церковь въ 50-хъ годахъ нашего столѣтія: кирпичь и камень употребле на постройку дома для Знаменскаго причта. Уваженіе уличанъ дает мѣсто предположенію, что перенесеніе Лукинской церкви съ Колона на Лу бяницу вызвано какимъ либо особеннымъ случаемъ, непохожимъ на обы новенныя явленія въ судьбѣ всякой уединенной церкви.

На чертежахъ Попова и 1778 г. мѣсто Лукинской церкви нанесен около нея была значительная площадь.

Еупатій святой.

Въ 1183 году „постависта церковь святого Еупатія Радко съ братом на Рогатѣй улици"; въ 1369 г. заложена, а въ слѣдующемъ окончена освящена каменная церковь Евпатія на Рогатицѣ.

Церковь эта разобрана въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія; она ст яла на теперешней Рогатицкой улицѣ, за пересѣкающею ее Славною, нынѣшнею Таировскою богадѣльнею. Мѣсто ея съ окрестностями принад житъ А. М. Стальнову; тамъ теперь разведенъ огородъ; на чертежахъ П пова и 1778 года оно отмѣчено.

Лѣтопись немного сохранила извѣстій о судьбѣ этой церкви, хотя знаменита по значенію во все время самобытія и позднему. Ипатьевск церковь была домовою степенныхъ посадниковъ Новгородскихъ и послужи для многихъ изъ нихъ усыпальницею. При ней была часовня надъ мо лами двухъ братьевъ, посадниковъ Алфановыхъ; объ этихъ посадника память сохранилась; но тутъ же были похоронены и другіе и прит тогда, когда въ церкви не было мѣста для новыхъ могилъ.

Въ рукописномъ Уставѣ Софійскаго собора, дошедшемъ до насъ спискѣ первой половины XVII вѣка, (онъ хранится въ Свят. Синодѣ) на женъ, между прочимъ, чинъ поминовенія всѣхъ, погребенныхъ въ Соф скомъ соборѣ, по завѣщанію Св. Архіепископа Евѳимія Вяжицкаго, 4 Ок бря ежегодно. Въ старое время поминовеніе совершалось съ особенною т жественностью: Святитель, послѣ вечерни, отправлялъ въ Софійскомъ борѣ панихиду, а настоятели монастырей, вызываемые къ этому врем особыми повѣстками, и поповскіе старосты совершали, въ продолженіи нихиды святительской, особо поминовеніе надъ гробами княжескими, с тительскими и другихъ, погребенныхъ въ соборѣ сановниковъ Новгор скихъ. Одновременно съ панихидами въ соборѣ игуменъ Клопскаго мо стыря совершалъ поминовеніе въ Ипатьевской церкви, гдѣ при этомъ п сутствовалъ дворцовый дьякъ, получавшій отъ игумена просфору. Въ

ощее время также поминаются 4 Октября, въ день Св. Владиміра Яро-
авовича, создателя Софійскаго храма, всѣ почивающіе подъ сѣнію его
язья, владыки и сановники, но не съ такою, какъ прежде, торжествен-
стью. Если ни въ одной изъ прочихъ Новгородскихъ церквей, кромѣ
атьевской, не отправлялась панихида, и если поминовеніе совершалось
ъ гробами сановниковъ, то, конечно, Ипатьевская церковь служила для
хъ усыпальницею.

Скудость лѣтописныхъ извѣстій о судьбѣ Ипатьевской церкви объя-
ется принадлежностью ея властямъ свѣтскимъ; о происшествіяхъ, пере-
ахъ, возобновленіяхъ и т. п. въ такихъ церквахъ церковники не за-
или, обыкновенно, замѣтокъ въ свои записки, кромѣ случаевъ, имѣв-
къ общее значеніе, каковы, напримѣръ, пожары.

Основанія, по которымъ Ипатьевская церковь признается нами домо-
Посадничьяго дворища, будутъ изложены ниже, въ особой статьѣ объ
аткахъ древности гражданской. Тамъ же мы укажемъ причины незна-
ельнаго числа слѣдовъ церковныхъ сооруженій на всемъ очерченномъ
остранствѣ между Московскою и Знаменскою улицами, Ѳедоровскимъ
ьемъ и валомъ.

Славно.

Перейдемъ теперь на участокъ между тою же Знаменскою улицею,
одженіемъ вала отъ мѣста, на которомъ мы остановились, огра-
ивая разсмотрѣнный участокъ Славенскимъ берегомъ Волхова и Боль-
Михайловскою улицею отъ Старорусской пароходной пристани до на-
Московской улицы, или до перекрестка этой Михайловской и Знамен-
. Вся эта площадь извѣстна въ лѣтописи подъ именемъ Славно, Сла-
скаго холма, или холма въ Славнѣ.

На Славнѣ, какъ въ мѣстности заселенной первозаимщиками Европы
у послѣ отступленія великаго Скандинаво-Русскаго ледника, церковныя
уженія были возводимы исключительно на окраинахъ, гдѣ оставалось
ько нибудь свободнаго мѣста во дворахъ богатыхъ людей; въ срединѣ
дома настолько тѣсно стояли одинъ къ другому, что проулки, которыми
или за водою и къ Торгу не превышали восьми шаговъ; судя по дого-
у съ нѣмцами, писанному около 1205 г., но неполучившему утверж-
ія, проходы, или улки, были и еще уже; иноземцы, собственно Готландцы,
бовали, чтобы „circa curiam eorum, secundum justiciam antiquam ad VIII
sus edificia poni non debent, preter ipsorum voluntatem; если-бы вообще
цы не были уже 8 шаговъ, не понадобилось бы и вводить такую ого-
ку въ договоръ.

Славнѣ, кромѣ существующихъ церквей, Знаменской, Филиппов-
льинской, Петропавловской, Михайловской и Благовѣщенской были:
евская, Коро-Иванская, Іоанна Крестителя у нѣмецкаго двора, Іоанна
ова, Предтеченская и Варяжская, да два монастыря, Павловъ и Воскре-

сенскій. Относительно нѣкоторыхъ возможно точное опредѣленіе мѣстопо
женія,—о другихъ же только приблизительное; одна же церковь, Іоан
Ицькова, представляется нѣкоторымъ изслѣдователямъ даже сомнительн

Никола святой.

Во второй Новгородской лѣтописи подъ 1541 годомъ описывается бо
шой пожаръ, истребившій весь Славенскій конецъ и перечисляются сгор
шія церкви въ такомъ, между прочимъ, порядкѣ: „На Нутной улици Ф
липъ святой, да на Блудовѣ улицѣ Никола Чудотворецъ, да въ Павл
монастырѣ Павелъ святый, да Воскресеніе Христово на Вареской ули
да во Славнѣ Илья святой, да во Славнѣ у Петра святого притворъ р
метали". Изъ этого перечня слѣдуетъ, что Никола Чудотворецъ находи
между Филипповскою церковью и Павловымъ монастыремъ; первая су
ствуетъ, а на мѣстѣ монастырскомъ стоитъ часовня съ явленнымъ об
зомъ Владимірской Богоматери, извѣстная подъ именемъ Печерской (по п
данію образъ явился въ печи благочестивой старушки, монастырской пр
фирницы). Въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка встрѣчается церковь Нико
Чудотворца на Нутной улицѣ,—деревянная. Очевидно она и названа с
рѣвшею. Разница въ названіи улицъ не имѣетъ значенія: Нутная ули
извѣстная съ 1194 года, получила это имя отъ прогона ею стадъ ско
(Нуто—стадо скота), продолжавшагося въ XVI вѣкѣ и узаконеннаго та
женнымъ уставомъ 17 Марта 1571 г. (Тамож. уст. изданіе 1763 г., Б
шилова стр. 4); она была участкомъ конца, а Блудова и другія—пр
улками ея. Когда первоначально сооружена эта церковь—неизвѣстно;
свидѣтельству лѣтописнаго сборника Филиповской церкви при ней бы
устроенъ въ 1383 г. каменный придѣлъ во имя Николая Чудотворца; по
1527 г. по IV Новгородской лѣтописи значится построеніе придѣла
Николая Чудотворца у Св. Апостола Филиппа на Нутной улицѣ, „а строе
церкви двумя улицами Нутною и Бордовою". По нарядной описи Новгор
1623 г., Бордова улица шла по правую сторону Филипповской церкви,
есть между нею и Печерскою часовнею, къ нынѣшней Нутной. Промеж
токъ времени между 1541 г., когда Никольская церковь стояла на Блу
вой улицѣ, и 1527 г., въ которомъ Никольской придѣлъ строили обывате
Нутной и Бордовой улицъ, незначителенъ,—такъ что нѣтъ основанія с
тать и Блудову и Бордову за одну и туже улицу; вѣроятнѣе, что
были проулки, на перекресткѣ которыхъ и стояла церковь.

Подтвержденіемъ высказаннаго предположенія служитъ современ
видъ площади, дворовыхъ мѣстъ, лежащихъ противъ Филипповской цер
и Печерской часовни, между соотвѣтственными участками улицъ Ил
ской и Славной. Со стороны послѣдней, между дворовыми мѣстами П.
Ширяева и Г-жи Востриковой проходитъ узкій проулокъ, ведущій къ пус
порожнему мѣсту, окруженному со всѣхъ сторонъ сосѣдними дворами;
числѣ ихъ одинъ принадлежитъ Г-жѣ Паниной; онъ приходится какъ р

отивъ средины разстоянія между Филипповскою церковью и Печерскою совнею по Ильинькой улицѣ. Въ заднемъ концѣ этого двора, подъ прибытіемъ толщею огородной земли около аршина, встрѣчаютъ намогильныя плиты, — признакъ указывающій на кладбище при бывшей тутъ церкви.

По чертежу Попова около Филипповской церкви лежитъ значительная площадь; отъ полночнаго и западнаго угловъ ея вытянуты двѣ маленькія улицы, пресѣкающіяся, или встрѣчающіяся, подъ очень острымъ угломъ; тутъ же онѣ и кончаются. По чертежу 1778 года встрѣча эта приходится на той площади дворовыхъ мѣстъ, и въ той части ея, въ которую уперся объясненный проулокъ, и которая соотвѣтствуетъ заднему концу двора Г-жи Ушиной. Такимъ образомъ маленькія улицы будутъ Блудова и Бордова,— мѣсто церкви Николая Чудотворца въ заднемъ концѣ названнаго двора, гдѣ намогильныя плиты.

Безсребренники Киръ и Іоаннъ.

Въ нарядной описи 1623 года названа между улицами Павловой и Славной Киро-Иванская. На чертежѣ Попова проведена небольшая улица отъ Славной къ Ильинской; отъ нея же и къ той же Ильинской проведено слѣдовательно въ полночномъ направленіи къ Славной, еще четыре улицы; идутъ на востокъ; на одной изъ нихъ написано—Варяжская. Въ нарядной описи перечисленіе улицъ идетъ съ полночи на полдень въ такомъ, относительно Славна, порядкѣ: Нутная, Бордова, Варецкая, Павлова, Киро-Иванская, Славная, Загородская. Эта послѣдняя шла вдоль вала; она и Славная выходили изъ Славенскихъ воротъ, что подъ башнею того же имени. Киро-Иванская вошла въ улицу Воскресенскую, которая идетъ отъ Ильи къ Павловой улицѣ. Стало-быть, Киро-Иванская улица это первая, вышедшая изъ Славной и, не дойдя до Ильинской, упершаяся въ Павлову. На ней-то и могла стоять церковь Безсребренниковъ. На чертежѣ 1778 г. Киро-Иванская улица нѣсколько пересѣчена нынѣшними Посольскою и Ильинскою, пропущена, въ восточномъ направленіи, чрезъ землю И. П. Его-рова, наискось, и выведена къ нетронутой еще выпрямленіемъ древней Воскресенской улицѣ, въ эту, Киро-Иванскую, упирающейся,—а затѣмъ впущена въ Запольскую.

Н. И. Красовъ, въ книгѣ своей о мѣстоположеніи древняго Новгорода, ставитъ Киро-Иванскую улицу въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ полуденною стороною Ильинской церкви, начиная ее отъ вала и выводя прямо на Волховской-Славенскій берегъ. Но самое направленіе и названіе онъ даетъ ей въ зависимости отъ придѣла Ильинской церкви во имя Безсребренниковъ.

Монастырь Павловъ.

Расположеніе части Павлова монастыря опредѣляется точно Печерскою церковью; но здѣсь, видимо, былъ задній конецъ площади, которую онъ за-

нималъ; наибольшая-же часть ея направлялась къ Загородской ул
рядной описи 1623 г. и чертежей Попова и 1778 года. На пос
оставлено около монастыря большое пространство, не подлежавшее
постройками,—оно захватывало и соотвѣтствующую часть Загородско
во всю ширину монастырской площади, и все пространство такой
рины до вала. Павлова улица чертежа Попова отсѣкала незначи
часть западнаго угла этой площади чертежа 1778 года.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, не болѣе десяти, обыватель нынѣшн
ной улицы г. Малаѳѣевъ, дворовый участокъ котораго занимаетъ во
крайній уголъ этой улицы, упирающейся въ валъ, раздѣлывая въ
углу почву подъ огородъ, наткнулся на глубинѣ не болѣе ар
остатки кладки изъ булыжнаго камня и плитняка, служившей осн
зданія или стѣны, въ родѣ церковной ограды; шагахъ въ десяти
кладки и на такомъ же разстояніи отъ угла внутрь огорода, г. М
нашелъ, также не глубже аршина отъ поверхности, хорошо сохра
основаніе каменной постройки съ плитнымъ поломъ. Въ длину п
имѣла свыше пяти аршинъ, а въ ширину три безъ двухъ вершк
правленіе длины шло отъ полночи къ востоку—на полдень къ за
полночной стѣнѣ была дверь изъ толстыхъ сосновыхъ досокъ, око
снаружи толстыми, въ $^1/_{10}$ вершка, желѣзными пластинами, длин
дая не свыше пяти, а шириною до четырехъ вершковъ; размѣръ
не одинаковъ, края неровны, что говоритъ, вмѣстѣ съ неравною т
въ одной и той же пластинѣ, за неискусный, почти первобытный
кованья желѣза. Дверь эта лежала внутри постройки и въ таком
какъ будто она упала туда отъ ветхости, или внѣшняго давлені
нею и надъ нею вся внутренность постройки была завалена строит
обломками камня, плиты и кирпича. При расчисткѣ найдены на п
полу: верхній камень ручнаго жернова прекрасной обработки,—діо
топоръ-молотъ съ гладкою сверлиною для насадки на рукоять и съ
выпуклымъ ободкомъ вокругъ ея; топоръ отточенъ гладко; остріе
лось и съ боковыми ссадинами;—маленькая мѣдная, въ видѣ п
скорлупы воложскаго орѣха, ложковидная чашечка изъ бронзы, съ
точно такая, какія находятъ въ курганахъ, преимущественно м
земли, нанизанными вмѣстѣ съ бусами и другими привѣсками н
локу, въ видѣ ожерелья;—бронзовая ложка, съ частью черенки, и
дами позолоты; она такая же, какъ и нынѣшнія народныя дере
только по меньше и сходна съ древними причастными; обломанный
кій складной ножичекъ, напоминающій перочинный, съ бронзовым
комъ; часть замка такого-же, какіе находятъ въ курганахъ и м
бронзовый ковшичекъ, такой-же, въ какомъ подносятъ причастн
брачущимся теплоту и вино. По очисткѣ остатковъ сооруженія отъ
обнаружилась хорошая кладка его изъ толстаго плитняка, гладко
наго съ внутренней стороны и плотно пригнаннаго камень—въ
Половыя плиты отесаны въ правильные прямоугольники, длиною
шинъ два вершка, шириною меньше двѣнадцати вершковъ; ребра гл

плитнякъ разслоился и сопрѣлъ, такъ что неудалось взять цѣльнымъ одного образца. Теперь, къ великому прискорбію, все основаніе найденго сооруженія разобрано; собственникъ обратилъ камень частію въ хойственныя подѣлки, частію продалъ. (Перечисленныя находки въ моемъ браніи). Изъ этихъ находокъ явствуетъ, что Павловъ монастырь занилъ своими постройками все пространство отъ Печерской часовни на полнь къ западу, чрезъ нынѣшнюю Нутную улицу, и до половины двороваго ста И. П. Егорова по Ильинской улицѣ, а въ глубь, на востокъ къ лдню, до вала, захвативъ дворовое мѣсто г. Малаѳѣева. Улица Павлова а по полуденной границѣ монастырской площади, примѣрно тамъ, гдѣ чинается, за границею владѣній Егорова, огородное мѣсто Рябчиковыхъ.

Обратимся теперь къ лѣтописнымъ показаніямъ. Подъ 1224 г. въ ргаментномъ сборникѣ написано: „Създа Борисовичъ Сменъ церковь каму святого Павла и святого Смена Богопріимьця и святую Костянтина Елены". Третья лѣтопись, повторяя дословно эту отмѣтку, дополняетъ „и на полатѣхъ Бориса и Глѣба—и монастырь дѣвичь устроиша". По лѣтописи монастырь учрежденъ въ 1238 году. При пожарѣ въ Варяжй великой улицѣ 1299 г. сгорѣла Павлова церковь,—въ 1385 году въ каръ сгорѣлъ въ Павловѣ монастырѣ „Ивашъ церковный росписникъ". слѣдующими пожарами уничтожались церкви и другія монастырскія пойки,—наконецъ въ 1696 году монастырь весь выгорѣлъ и съ тѣхъ ъ не возобновлялся.

Остатки каменнаго сооруженія во дворѣ Малаѳѣева захоронены не въ слѣдній пожаръ и не въ предшествующіе,—такъ какъ толстыя сосновыя ски упомянутой окованной желѣзомъ двери хотя истлѣли, но на гнилушхъ частей особенно смолистыхъ, а ихъ много, не видно слѣдовъ огня. близости остатковъ къ валу проще объяснить ихъ обваломъ постройки ъ тяжестью того „спа", которымъ Новгородцы покрывали ближайшіе къ лу постройки, ожидая непріятельскаго нападенія; такъ они сдѣлали, наимѣръ, въ 1386 году, когда ждали осады князя Дмитрія Ивановича Донго, подступавшаго къ Новгороду, чтобы наказать „людей вольныхъ" за лодцовъ-ушкуйниковъ, ограбившихъ поволжскіе города князя Московскаго. древнемъ лѣтописцѣ, напечатанномъ въ Петербургѣ при Академіи наъ въ 1775 г. описанъ съ любопытными подробностями этотъ походъ и жу прочимъ сказано, что когда посольство Новгородцевъ съ предложемъ мирныхъ условій не имѣло успѣха, они выжгли всѣ монастыри и елки въ окрестностяхъ города и „поставиша Острогъ по спу хоромы", е. засыпали постройки, ближайшія къ валу, землею и поверхъ ихъ поавили деревянную стѣну. Возможно, что въ это именно время засыпана а и постройка Малаѳѣевскаго двора, обрушившаяся подъ тяжестью земли деревянной стѣны, если она приходилась надъ этою постройкою. Поврежй въ предшествующемъ 1385 году пожаромъ монастырь не озаботился послѣ мира съ Московскимъ княземъ отрыть засыпанную постройку она и осталась подъ „спомъ".

мецкой земли, предписано: Правду, которая издревле соблюдаема
существовала въ Новгородскомъ нѣмецкомъ дворѣ, такъ блюсти
всѣмъ тѣмъ, которые обыкновенно пріѣзжаютъ въ упомянутый дв
дою и сухимъ путемъ". Не будемъ оспаривать мнѣніе западнаго у
но замѣтимъ, что выраженіе „Вотъ Скра Новгородская" вполнѣ с
ствуетъ употреблявшимся у насъ,—напримѣръ, на златникахъ и с
никахъ Владиміра святого: на одной сторонѣ этихъ знаковъ цѣнно
писано: „Владимеръ на столѣ",—а на другой—„а се его злато";
сборникѣ древнихъ законовъ, изданномъ Дубенскимъ (Рус. Достопам
предъ изложеніемъ мостоваго устава значится: „А се уставъ Яросл
мостѣхъ". Слѣдующія за оглавленіемъ первыя слова Скры хотя и с
ствуютъ, какъ справедливо замѣчаетъ Берманъ, обыкновенному въ
дательныхъ памятникахъ среднихъ вѣковъ обращенію: „Omnibus, q
sunt, aut erunt, has litteras visuris vel audituris"; но они близко по
и къ первымъ статьямъ договоровъ Олега и Игоря съ Греками.

Въ послѣднихъ, по порядку изложенія, законоположеніяхъ древ
Скры установлены правила о сборахъ въ пользу церкви Св. Пет
взысканіяхъ за нарушеніе неприкосновенности церковнаго имуще
дворѣ Св. Петра. Между прочимъ узаконено взысканіе, пеня, съ то
варя пиво въ гостевомъ дворѣ сожжетъ дрова принадлежащія Св.
или растопитъ воскъ въ котлѣ Св. Петра. Это узаконеніе намека
мѣстность двора, перешедшую къ князю Всеволоду въ первой четве
вѣка, на Петрятино дворище и на Вощники. Между тѣмъ въ пожар
года сгорѣло въ Торгу восемь церквей, и девятая Варяжская. Торгъ
димому, иноземцевъ былъ, въ XII вѣкѣ, около Михайловской церкви
была, какъ мы и указали уже мимоходомъ, Варяжская церковь. В
ворѣ 1205 г. предполагались постановленія: „Cimiterium S. Petri s
sicut antiquo consvetum est. S. Petrus et. S. Nicholaus in Aldachen se
jura antiqua rehabere debent sua prata". Слѣдовательно, въ Новгород
временно были на двухъ мѣстахъ церкви иновѣрцевъ-христіанъ, о
предѣлахъ Петрятина дворища, и другая въ Торгу на Славнѣ. Пос
возникла, по всѣмъ признакамъ, раньше на столько, на сколько
заселеніе Славна. Продолжительное существованіе иноземной на
церкви на одномъ мѣстѣ не смотря на ожесточенную борьбу Новго
съ Шведами и нѣмцами-меченосцами, и не только полная неприкосно
Варяжской божницы, но и обращеніе Новгородцевъ къ Варяжскимъ
за исполненіемъ требъ, при многочисленности православнаго духов
засвидѣтельствованное въ вопросахъ чернориза Кирика Св. Еписко
фонту, правившему Новгородскою паствою съ 1130 по 1156 гг.,
даютъ вопросъ: какой народности и какому именно вѣроисповѣдан
надлежала Варяжская церковь? Не была-ли она Фрязьскою, т. е.
надлежала-ли она вообще христіанамъ Римскаго православія, Фряз
и не относится-ли первоначальное возникновеніе ея къ вѣкамъ до р
нія христіанской церкви на Восточную и Западную? Къ уясненію
вопроса служитъ то вниманіе, съ которымъ Новгородская лѣтопись

къ Варяжской божницѣ. Вотъ записи, кромѣ приведенной уже о по-
1152 г.

Въ 1181 году загорѣлась отъ грому Варяжская церковь на Торго-
;—въ 1192 году деревянную церковь, соборъ Св. Іоанна Предтечи,
несли на иное мѣсто, а на томъ мѣстѣ поставиша нѣмецкую ропату,
божницу, или часовню иновѣрцевъ, или иноземцевъ христіанъ;—въ
7 году, во время большого пожара погорѣлъ въ Варяжской божницѣ
ъ весь Варяжскій, безъ числа;—въ 1275 г., при пожарѣ на Княжи
ѣ, подлѣ Нѣмецкаго двора (готландскаго), огорѣли четыре каменныя
ви, а пятая нѣмецкая (Варяжская). О судьбахъ многихъ православ-
церквей свѣтскаго вѣдомства лѣтописцы или вовсе не упоминаютъ,
зы, напримѣръ, нынѣ существующія въ Дѣтинцѣ Св. Андрея Страти-
и Покровская близъ стѣны, или упоминаютъ вскользь, напримѣръ, о
ихъ тамъ же Покровской на воротахъ отъ Прусской улицы и Злато-
ской, а также объ Ипатьевской на Рогатицѣ.

Въ 1495 г. Иванъ III велѣлъ отнять Божницу у нѣмецкихъ гостей;
судьбѣ ея съ этого времени не сохранилось никакихъ извѣстій.

Какъ бы ни былъ рѣшенъ ставимый здѣсь вопросъ, долѣтописная древ-
Варяжской церкви стоитъ того, чтобы опредѣлить, хотя приблизи-
о, ея мѣсто для будущихъ изслѣдователей и знатоковъ нашей старины.
Говоря о Еванѣ вымлѣ, мы намѣтили уже мѣстоположеніе Варяжской
и,—приблизительно на перекресткѣ нынѣшней Малой-Михайловской и
ой. Истребленіе пожаромъ 1275 года, начавшимся на Княжемъ дворѣ,
мецкой церкви, сверхъ четырехъ русскихъ, послужило основаніемъ этого
ія. Зная положеніе дворовъ Тевтонскаго и Готландскаго и разстояніе
отъ Княжескаго, т. е. Ярославова, двора, нельзя допустить, чтобы
исецъ разумѣлъ въ этомъ случаѣ дворъ Тевтонскій; между нимъ и
имъ дворомъ лежали обширныя площади, одна уставленная дворищен-
и церквами и другая, впереди первой, вѣчевая; а Готландскій дворъ
отъ Ярославова двора на ничтожномъ разстояніи, не болѣе, пожалуй,
восьми шаговъ, о которыхъ говорится въ договорѣ 1205 года. Бли-
ими къ этому Торговому двору церквами были къ 1275 г. Миропо-
ія, Святыхъ Отецъ, Прокопіевская, Благовѣщенская—всѣ четыре дере-
ля; каменныя тогда были: Михайловская въ Торгу, Никольская и
ицкая, на дворищѣ, и Успенская въ Торгу; у Великаго ряда деревян-
Георгіевская и Дмитровская и та деревянная соборъ Іоанна Предтечи,
ую перенесли въ 1192 году на другое мѣсто. Пожаръ 1275 г. опи-
такъ: „Въ нощъ загорѣся на Княжи дворѣ подлѣ Нѣмецкой дворъ и
ѣ Торгъ сѣмо и до Славна, сѣмо до Рогатицы, и сгорѣ церквей
деревянныхъ, и каменны четыре огорѣ, а пятая Нѣмецская". Какія
ю церкви сгорѣли—не сказано; по всей вѣроятности сгорѣли и ого-
всѣ, только что перечисленныя, такъ какъ къ 1275 году другихъ,
этихъ, никакихъ не было на всемъ указанномъ въ лѣтописи прост-
вѣ. Замѣтимъ здѣсь, что по одному сборнику, бывшему у Карамзина,
вь Іоанна Крестителя, что у Нѣмецкаго двора, стояла „по конецъ

Славна", значитъ Славно граничило, какъ и означено въ началѣ наст статьи, нынѣшнею Большою Михайловскою улицею.

На чертежахъ Попова и 1778 года мѣсто Варяжской церкви начено; нѣтъ ея ни въ росписи 1615, ни въ нарядной описи 1623 Знаменскомъ изображеніи рядомъ съ Михайловскою церковью написан роженное круглое пространство, какъ-бы садовое мѣсто; съ правой ст его стоитъ небольшая церковь—это, надобно полагать, и будетъ Варяж православной церкви, отмѣченной лѣтописью, тутъ не можетъ быть кой. Хотя Знаменское изображеніе и не совмѣщаетъ въ себѣ тѣхъ ус которыя дѣлали-бы его точнымъ воспроизведеніемъ Новгорода, съ стр выполненіемъ положенія всякой церкви и всякаго зданія, но въ об оно дастъ возможность отыскать и церкви и другія зданія, если о женіи и взаимномъ соотвѣтствіи ихъ имѣются указанія въ пис ныхъ памятникахъ.

Итакъ Варяжская или Фряжская церковь стояла на перекресткѣ нѣшнихъ улицъ Мало-Михайловской и Нутной, недалеко отъ Михайло церкви и Волховскаго берега, между дворовымъ мѣстомъ А. Н. Сабл и домомъ А. М. Стальнова, ближе ко второму.

Слѣдуетъ отмѣтить, что отъ этого самаго мѣста шелъ въ XIII проулокъ къ Готландскому двору; онъ направлялся между Благовѣще и Михайловскою церквами и назывался Витковымъ. Ничто не мѣ быть этому проулку началомъ Варяжской улицы и служить ближа дорогою къ Готландскому двору впослѣдствіи, когда Варяжская ули няла обширное пространство; благодаря тому, что богатые люди жи Славнѣ, гдѣ селились и иноземцы, она получила названіе Великой-Н ской улицы.

Ничто не мѣшаетъ также считать и Готландцевъ православными зинами, потому во первыхъ, что Волохи сидѣли въ наши предлѣтоп времена въ сосѣдствѣ съ Лутичами, недалеко отъ Балтійскаго моря тутъ же и на Ютландіи обитали Саксы и Англяне,—во вторыхъ, чт Вретаніи" было первоначально православіе,—въ третьихъ, что на Гот существовала православная церковь и наконецъ въ четвертыхъ, что з скіе купцы основали въ 1156 г. православную Пятницкую церков сихъ поръ существующую, и установили въ пользу ея особый сбо пріѣзжающихъ въ Новгородъ иноземныхъ гостей. Въ договорѣ 1205 предположено: „Si hospes veniens de superioribus partibus terre versus landiam ire noluerit, dabit ecclesie sancti Vridach maream argenti, non Сарторіусъ, не зная вѣроятно о построеніи нашей Пятницкой церкви земцами, тѣмъ не менѣе утверждаетъ, что подъ Пятницею разумѣет этомъ мѣстѣ православная, а не католическая церковь,—такъ ка противномъ случаѣ постановленіе о сборѣ въ ея пользу марки с было-бы написано въ Скрахъ, а не въ договорѣ. Припомнимъ здѣсь и церковь Св. Троицы въ нынѣшней Ямской слободѣ основана так морскими купцами Щетинцами, то есть жителями нынѣшняго Штетина.

Іоаннъ Ишьковъ.

Въ пергаментной лѣтописи подъ 1181 годомъ отмѣчено: „мѣсяця Іюля 3 день зажьжена бысть церкы отъ грома Варязьская на Търговищи по рни въ часъ 10 дни и церкы сгорѣ святого Іоанна Ишькова". „Въ тоже) сърубиша (перечисляется нѣсколько церквей) и святого Іоана Ишь-". О другихъ церквахъ сгорѣвшихъ или только огорѣвшихъ въ этотъ аръ не говорится, изъ чего слѣдуетъ, что отъ грозы загорѣлась Варяж- церковь, но не сгорѣла, какъ каменная,—и отъ нея пожаръ пере- ь на деревянную,—очевидно сосѣднюю, которая и сгорѣла вся. Слѣдо- льно церковь Ишкова, или Ищькова, была или рядомъ съ Варяжскою, на недалекомъ разстояніи отъ нея. Она сряду же поставлена вновь; быстрое возстановленіе представляется явленіемъ не заурядным въ ей лѣтописи и, сколько намъ извѣстно, едва-ли не исключительнымъ; ѣвшая церковь, хотя-бы и деревянная, возводится вновь черезъ два-три . Сталобыть и церковь Ишькова—не заурядная. Судя по названію она надлежала одному лицу, или сооружена однимъ лицомъ, или наконецъ ведена на могилѣ какого-то Ишькова. Верстахъ въ пяти отъ Новгорода монастырь, учрежденный частнымъ лицомъ Сырковымъ, въ XVI вѣкѣ, о сихъ поръ его знаютъ всѣ подъ именемъ монастыря Сыркова. Лѣто- ецъ въ приведенной отмѣткѣ два раза написалъ названіе церкви и оба розно, сперва Ишькова, а потомъ Ищькова; въ свѣтописномъ воспро- еденіи пергаментнаго сборника оба начертанія этого имени такъ полны ны, что не оставляютъ вовсе мѣста объясненія разницы ошибкою пере- ика древней памятухи. Вѣроятно Ишкова въ 1181 году уже не было живыхъ и прозвище его составителю памятухи не было извѣстно. Между поспѣшное возстановленіе церкви ближе всего объясняется состоя- ностью въ то время потомства первоздателя, тутъ же близъ церкви шаго. Дальнѣйшая судьба Ишковой церкви поддерживаетъ вѣроятность го объясненія: въ 1217 году злой пожаръ 31 Мая истребилъ до тла церквей деревянныхъ, а у каменныхъ опалилъ верха и притворы; въ ъ пожаръ „кто бяше вбѣгалъ въ каменныя божницѣ съ товары, а ту рѣша и самъ и товары, и въ Варязьской божницы (что замѣчено выше) рѣ товаръ весь Варязьскый без числа". Ишкова церковь, несомнѣнно, а въ числѣ сгорѣвшихъ,—но должно быть потомки храмоздателя не ьно пострадали при этомъ пожарѣ; она была опять возстановлена, такъ ъ названа въ числѣ 12 церквей Славенской стороны, сгорѣвшихъ въ ой же или и еще болѣе лютый пожаръ 18 Апрѣля 1299 года, въ ночь ъ Свѣтлое Воскресенье; пожаръ начался на Варяжской улицѣ и истре- ъ, по показанію третьей лѣтописи, слѣдующія церкви: Ильинскую, авловскую (на Холмѣ), Павла Исповѣдника (въ Павловѣ монастырѣ), овскую, Михайловскую, Іоанна Крестителя (она и есть Ишкова), ескую, Георгіевскую, Дмитровскую, Предтеченскую, Никола-Дворищен- и Мироносицкую. Въ этомъ перечнѣ церковь Іоанна Крестителя, т. е.

Ишкова, помѣщена сряду послѣ Михайловской, какъ ближайшая; Вар
ская не поименована; вѣроятно къ этому времени она не была еще
зобновлена послѣ пожара 1275 г., или она не горѣла, или перечислял
только церкви владычняго вѣдомства,—послѣднее вѣроятнѣе. Въ 1303
снова срубили Ишкову церковь; въ 1311 году она сгорѣла въ четверт
разъ и уже болѣе или не возстановлялась, или лѣтописцы, забывъ перво
чальное названіе, упоминали о ней какъ о церкви Іоанна Крестителя,
было и въ отмѣткѣ подъ 1299 годомъ. Подъ Благовѣщенскою церков
устроена часовня, богатая древними образами; изученіе ихъ можетъ да
указанія, не тутъ-ли хранятся образа Ишковой церкви и нѣтъ-ли въ чис
ихъ переданныхъ сюда изъ Варяжской церкви, послѣ упраздненія ея
1495 году?

Іоаннъ Креститель у Нѣмецкаго двора.

Мѣсто, гдѣ стояла эта церковь уже указано. Изъ упомянутаго сб
ника, извѣстнаго Карамзину, и изъ отмѣтки IV Новгородской лѣтописи
пожарѣ 1385 г. мы знаемъ также, что она была на концѣ Славна,—
есть, позади Нѣмецкаго двора, если лицевую его сторону обратить къ Д
рищенскимъ церквамъ. Прошедшее церкви, названной первый разъ въ 13
году каменною, основанною у Нѣмецкаго двора, ничѣмъ не замѣчатель
какъ и всѣ другія она горѣла много разъ, возобновлялась,—ветшала и
конецъ, въ нынѣшнемъ столѣтіи разобрана; въ пожаръ 1385 г. въ э
церкви погорѣли люди.

Тѣмъ неменѣе мы остановимся нѣсколько на ней по поводу высказ
ваемаго нѣкоторыми изслѣдователями мнѣнія, будто она и Ишкова—о
и тоже, и разберемъ, по возможности, отмѣтки лѣтописи подъ 1184 и 11
годами о церкви соборъ Іоанна Предтечи и о чудѣ, по поводу ея, „о
садникѣ Добрынѣ“.

Если-бы церковь Ишкова стояла и до 1385 г. у Нѣмецкаго дво
то, во 1-хъ, лѣтописецъ, перечисляя сгорѣвшія въ 1299 году церкви и
ставивъ рядомъ съ Михайловскою Іоанна Крестителя, назвалъ-бы тутъ
въ числѣ сгорѣвшихъ, Отеческую и Прокоповскую, если упомянулъ о П
коло-Дворищенской и Мироносицкой; онъ сказалъ-бы тогда неминуемо
Нѣмецкомъ дворѣ горномъ и рѣчномъ;—эти церкви и дворы иноземц
не уцѣлѣли-бы, если-бы горѣлъ тотъ Іоаннъ Креститель, который стоя
глядя отъ Дворища, позади горнаго Нѣмецкаго двора; а если горѣла
ковь Ишкова и Михайловская, какъ стоявшая очень близко къ ней, а го
вые дворы иноземцевъ и названныя церкви не сгорѣли, стало быть на
шійся на Варяжской улицѣ пожаръ распространялся не сплошною
щадью,—а порывами, что удостовѣряетъ и лѣтопись, замѣчая, что во
пожара случилась великая буря, переносившая огонь даже за рѣку;-
2-хъ, порядокъ, въ которомъ перечисляются погорѣвшія церкви, под
даетъ тоже; назвавъ Михайловскую и Іоанна Крестителя, лѣтописецъ

Изъ наличности приведенныхъ данныхъ слѣдуетъ заключить: что ковь Іоанна Крестителя у Нѣмецкаго двора основана каменною въ году, что ее нельзя отождествлять съ Ишковою церковью, и что ч посадникѣ Добрынѣ, если и было когда нибудь, не имѣетъ никакого шенія ни къ одной изъ этихъ церквей. Посадниковъ съ именемъ Доб въ Новгородѣ было два: уй Святого Владиміра, то есть дядя его, и Доб Рагуйловичъ; но первый не могъ жить до 1184 года; ему было-бы время болѣе двухсотъ лѣтъ отъ роду; а второй умеръ 6 Декабря года (I Нов. лѣт. годъ 6625, стр. 4).

Плотенскій конецъ.

Все пространство между Ѳедоровскимъ ручьемъ, Волховомъ въ ни отъ ручья теченіи и внѣшнимъ валомъ полночно-восточной части также пространство между нынѣшнею Рогатинскою и частію Моск улицами до Ѳедоровскаго ручья,—составляло Плотенскій конецъ. кромѣ существующихъ церквей—Климентовской, Дмитрія Селунскаго дора Стратилата, Никитской, двухъ Молотковскихъ и Борисоглѣбской вѣстны по лѣтописи: Андрея Первозваннаго, Михаила Маленна и соор ныя въ монастырѣ Евѳиміи Всехвальной. Осязательныхъ слѣдовъ ихъ а мѣстоположеніе доступно опредѣленію.

Андрей Первозванный.

Въ 1417 году поставлена на Щитной улицѣ каменная церков того Андрея. Была-ли тутъ раньше деревянная церковь—неизвѣстно; от лѣтописи подъ указаннымъ годомъ коротка,—сказано только, что въ году совершены шесть каменныхъ церквей, въ томъ числѣ и Андрее Впослѣдствіи сооружены были у этой церкви придѣлы: въ 1540 г. З и Савватья Соловецкихъ, обращенный въ 1558 г. въ теплый, и въ году Козьмы и Даміана. Лѣтопись говоритъ объ этихъ придѣлахъ кихъ выраженіяхъ: обложили церковь каменную съ трапезою у Апостола;—или—обложили церковь каменную теплую;—или—освящена церковь каменная съ трапезою Козма и Даміанъ придѣлъ у Апостола рея на Щитной улицѣ. Придѣльными Софійскаго собора считались не т церкви, къ нему пристроенныя, но и отдѣльно стоявшія и только имѣ общій съ соборнымъ причтъ,—такъ въ росписи 1615 г. читаемъ: „С ный храмъ Софія Премудрость Божія до придѣловъ 8: Іоаннъ Бого Іоаннъ Предтеча, Петръ Митрополитъ, Стефанъ Сурожскій, Никола ворецъ, Исповѣдники:—Гурій, Самонъ и Авивъ;—Іоакимъ и Анна: ство Христово, на воротѣхъ Іоаннъ Златоустъ, на другихъ воротѣхъ Преподобный, на сѣняхъ Евѳимій Владыка“. Изъ этихъ придѣловъ отдѣльно отъ собора: Петръ Митрополитъ, Николай Чудотворецъ,

изъ показанныхъ на чертежѣ 1778 г.; а первую, по этому, и церк
слѣдуетъ считать соотвѣтствующею Евѳимьинскому монастырю.

Такимъ образомъ упомянутый говоръ старожиловъ отчасти под
дается: послѣдній къ Волхову и валу четыреугольникъ чертежа 177
выходитъ восточною границею на лѣвую сторону конца нынѣшней Д
вой улицы. Но мѣсто остатковъ каменнаго сооруженія во дворѣ г.
сова уже далеко за предѣлами церковной площади этого чертежа и н
надлежитъ церкви Евѳиміи Всехвальной.

Въ статьѣ объ Андреевской церкви замѣчено о двухъ маленьких
наковыхъ церквахъ, поставленныхъ на Знаменскомъ изображеніи на
города, не далеко отъ вала и Андреевской церкви; обѣ онѣ предпол
отдѣльными придѣлами ея. На томъ же изображеніи написана, на
вѣтственномъ Евѳимьинской церкви чертежа 1778 г. мѣстѣ, одно
церковь съ притворомъ и колокольнею, по всей вѣроятности это Е
инская. Одна изъ упомянутыхъ двухъ маленькихъ церквей приходи
этой Евѳимьинской въ восточно-полночномъ направленіи и значительно
къ ней, чѣмъ къ предположенной Андреевской; вмѣстѣ съ тѣмъ пол
ея на изображеніи согласуется и съ остатками церковной кладки во
г. Тарасова. Не будетъ-ли эта маленькая церковь Благовѣщенскою Е
инскаго монастыря? а другая, которая ближе къ Андреевской, одною
придѣльныхъ?

Нѣкоторымъ препятствіемъ къ рѣшенію этого вопроса въ утверд
номъ смыслѣ представляется отсутствіе на Знаменскомъ изображеніи
нибудь построекъ, которыя-бы служили связью двухъ маленькихъ це
одной съ Евѳимьинскою, а другой—съ Андреевскою; между ними
совсѣмъ пустого мѣста. Но лѣтопись пожаровъ устраняетъ это п
ствіе;—написаніе Знаменскаго изображенія мы относимъ къ 1528—
годамъ; а въ 1521 и 1523 гг. было два большихъ пожара, въ П
скомъ концѣ: а) „Загорѣлося по Ильинѣ дни незамного у Бориса и
на Запольской улицѣ и Оловянка (улица близъ Борисоглѣбской п
выгорѣ и святая мученица Еуѳимія храмъ огорѣ и монастырь ве
горѣ“ (Пол. соб. лѣт. ч. VI, стр. 281), и б) „Весною на святой
былъ пожаръ добрѣ великъ и стѣна городная отъ Щитной улицы (
святой стоялъ на Щитной улицѣ) Онтоновой (береговая отъ Бориса и
къ Антоньеву монастырю) внутри города и весь плотинскій конец
горѣлъ“ (Пол. собр. лѣт. часть III, стр. 198, отрывокъ изъ разряд
городскихъ лѣтописей). Устраняя этими выписками препятствіе, пол
возможность опредѣлить съ точностью мѣстность монастырскаго гл
храма Евѳиміи Всехвальной и съ наиболѣе вѣроятною приблизительнос
захороненные въ саду двора Гг. Татасовыхъ остатки Благовѣщенскаго
въ немъ находившагося.

Изысканія о Евѳимьинскомъ монастырѣ поневолѣ наводятъ на ра
леніе объ имени его основательницы. Безъ опасенія уязвить истину
утверждать, что это была дѣвица Евѳимія, дочь Жарослава; но на
ванія ея „Полюжая Городьшиниця“ не вразумительны. Между изслѣд

отечественнаго прошлаго существуетъ единогласное мнѣніе, что Полю- это тоже, что Полюдовна, Дмитровна, Ивановна и проч., то есть что юдъ есть имя собственное—личное, языческое; извѣстно что знатные древности у насъ носили имена, одно христіанское-греческое, а другое ческое-русское. Дѣйствительно имя „Полюдъ“ не чуждо Новгородской писи. Князь Всеволодъ Юрьевичъ, избранный Новгородцами и сидѣвшій ь,—по требованью отца своего князя Юрія, тайно ушелъ изъ Новго-, ночью, со всѣмъ дворомъ своимъ, въ 1224 г., въ Торжекъ, къ Юрью. городцы отправили къ Юрью двухъ мужей, прося его, чтобы отпустилъ волода въ Новгородъ и очистилъ Торжекъ, Новгородскую волость; но потребовалъ выдачи ненавистныхъ ему Новгородскихъ бояръ, угрожая овъ такими словами: „Аще ли не выдадите сихъ, то сице поилъ семь Тверью (Торжокъ на р. Тверцѣ), а се еще ктому хощу Волховомъ ити“. Новгородцы вооружились, укрѣпили городъ острогомъ,—„по пу- сторожи доспѣша, а тверди издѣлаша, а къ Юрью послаша Полюда слава Прокшиниця Иванка Ярышевиця: княже кланяемтися а братьи не выдиваемъ и кръви не проливай: пакыли твой мець а наши го- “. Хотя въ печатномъ изданіи пергаментнаго списка послѣ „Полюда“ авлена запятая, и тѣмъ же знакомъ имя Иванка Прокшинича отдѣлено слѣдующаго,—но такая разстановка знаковъ препинанія, отсутствую- ь въ подлинникѣ, не препятствуетъ видѣть въ Полюдѣ—званіе или ность Вячеслава Прокшинича и вотъ почему: въ упомянутой жалован- грамотѣ князя Мстислава Юрьему монастырю значится, что князь от- ь Св. Георгію „свое Полюдье осеннее“, то есть осенній подушный ъ со всей страны въ пользу самого князя, или его дружинниковъ. По у вѣроятно, что Полюдъ—это званіе, должность, соотвѣтствующая, какъ сменникъ, сборщикамъ княжескихъ податей, весною и осенью; можетъ ь Полюдъ—весенній сборщикъ,—а Осменникъ—осенній.

Въ Пермской землѣ на берегу Камы высится огромная, грозная своею иступностью, скала; она называется „Полюдовъ камень“. (Списки насе- ныхъ мѣстъ Пермской губерніи). Говорятъ что на вершинѣ ея жилъ ка- то богатый Новгородецъ по имени Полюдъ. Не вѣроятнѣе-ли будетъ снить имя этой естественной твердыни бывшею на вершинѣ ея излю- ною стоянкою тѣхъ „даньщиковъ Новгородскихъ“, которые наѣзжали въ нюю волость, заселенную въ XII—XV в. сибирскими и иными азіят- и выходцами, постоянно сюда прибывавшими и оказывавшими даньщи- , нерѣдко, сильное вооруженное сопротивленіе; такъ случилось, напри- въ 1187 году, когда „избіени быша Печерскіи данникы и Югорскіи Оби), а друзіи за Волокомъ (въ Тиманѣ и въ Тундрахъ побережій го и Ледовитаго морей) и паде головъ сто доброименитыхъ“. Изъ этой си видно, что даньщики,—Полюды и Осменники,—ходили въ дальнія сти съ значительными дружинами,—отправляя своихъ подначальныхъ, льными отрядами, за сборомъ, а сами Полюды, Осменники и др., оста- ись въ укрѣпленныхъ острогахъ, на неприступныхъ вершинахъ, и хра- собираемое и приносимое къ нимъ отрядами. Скала на Камѣ пред-

ставляетъ всѣ выгоды безопасной стоянки, потому она и получила наз
Полюдова камня.

Учредительница монастыря Евѳимьинскаго названа „Полюжая Го
шиниця". Если были Полюды волостные и сельскіе, то были и горо
дѣвица Евѳимія была поэтому, дочь Полюда городского.

„Жирошкинина дци"—это Жирославна, Жирославовна;—имя Жиро
обыкновенно. Часто въ старину называли полуимснами: Иванъ—Ив
Мирославъ—Мирошка, Жирославъ—Жирошка. Лѣтопись даетъ указані
былъ отецъ Евѳиміи и намекаетъ даже на причину, вызвавшую соору
монастыря.

Въ 1195 году между князьями Всеволодомъ и Ярославомъ, дя
племянникомъ, враждовавшими между собою, Новгородцы держали ст
Всеволода. Недовольные Ярославомъ они, тѣмъ не менѣе, отправля
нему посланцевъ, то отпускаемыхъ назадъ съ честію, то задерживае
Въ числѣ задержанныхъ былъ и Борисъ Жирославичъ, остававшій
плѣну около двухъ лѣтъ; онъ вернулся вмѣстѣ съ другими въ 1197
около Крещенья. Не былъ-ли Борисъ Жирославичъ братомъ Евѳиміи?
сынъ городского Полюда, онъ пользовался, конечно, почетомъ; немуд
что его отправляли посломъ къ князю Ярославу вмѣстѣ съ другими и
ными и сановитыми гражданами. Сестра, скучавшая о братѣ и утѣша
себя молитвою о немъ, могла, по обычаю своего времени, обѣщать с
дить церковь и монастырь Великомученицы Евѳиміи, если она сохра
брата ея здраво и невредимо. По возвращеніи его Евѳимія испол
обѣтъ свой и сряду же соорудила церковь и учредила монастырь. Так
иначе, по вопросъ о Полюдѣ, какъ о сановникѣ, непраздный и имъ п
заняться.

Неревская сторона.

Лѣвая половина города заселена не вся одновременно; испытаніе т
жилого слоя въ пяти разныхъ мѣстахъ, кромѣ Дѣтинца, дало слѣду
мощность ея:—между нынѣшнимъ лѣтнимъ садомъ и остатками
Петровской башни, въ береговой части—до шести аршинъ; между Ти
скою церковью и Духовымъ монастыремъ—до четырехъ аршинъ; въ ок
ностяхъ церкви Ѳедора Стратилата—до пяти аршинъ;—недалеко отъ ц
12 Апостоловъ, гдѣ „Митрополичь островъ", меньше трехъ аршинъ;—
конецъ между Власьевскою и Троицкою церквами—съ небольшимъ тр
шина. Подстилкою для жилого слоя служатъ: на пространствѣ м
Волховомъ и монастырями Духовымъ и Звѣнинскимъ—мелкій рѣчной
мытый желтоватый песокъ;—на пространствѣ отъ Петербургской улиц
Чудинцевой—такой-же цвѣтомъ, но болѣе крупный песокъ; на ближай
же къ валу западно-полночной стороны города пространствѣ—красно
кирпичная глина;—на Митрополичьемъ островѣ—до Власьевской цер
крупный буровато-красноватый песокъ; между Власіемъ и Троицк

отъ же песокъ, то красноватая глина. Въ Дѣтинцѣ жилой слой испыты-
лся въ трехъ мѣстахъ:—между церковью Андрея Стратилата (Обыденокъ)
стѣною Дѣтинца; между Покровскою церковью и застѣночною башнею и
Софійскимъ соборомъ съ полночной стороны. На первомъ устасткѣ чер-
ій слой, собственно humus, не толще 5—6 вершковъ; подъ нимъ лежитъ
аршинъ слишкомъ сорная земля съ пескомъ, известью и обломками
ити, кирпича и булыжными камнями; ниже супесь—тоже на аршинъ,
чистая и видимо насыпная; еще ниже синевато-грязная глина съ опо-
ми и незначительными прослойками береговой раковины. На второмъ—
рная земля до четырехъ аршинъ глубины съ остатками и обломками до-
вой посуды изъ бѣлой глины, преимущественно жировиковъ, т. е. освѣ-
тельныхъ сосудовъ, стекла и проч.; ниже—крупный песокъ, такой-же,
къ на Митрополичьемъ островѣ. За Софійскимъ соборомъ жилой слой до
хъ аршинъ,—подъ нимъ идетъ до четырехъ аршинъ глубины такой-же,
ъ и на второмъ участкѣ крупный песокъ съ опоками въ верхнихъ сло-
и съ галькою въ нижнихъ; чѣмъ ниже, тѣмъ галька крупнѣе, даже
кулакъ.

Въ окрестностяхъ Неревской стороны, на Знаменскомъ заводѣ, въ Гри-
бѣ и въ Колмовѣ, испытана почва до глубины—10 саженъ въ первой
стности,—свыше семи во второй,—въ обѣихъ при копаньи колодцевъ
атою, и въ третьей до 25 саженъ—при буреніи для артезіанскаго ко-
ца. Во всѣхъ трехъ мѣстахъ оказалось залеганіе образованій ледника-
хъ на первыхъ 3—4 саженяхъ, а подъ нимъ—девонскихъ глинъ и пес-
иковъ. Ледниковыя образованія выражены здѣсь, какъ и на Славенской
ронѣ, въ синеватой супеси или въ сизой глинѣ, подъ которою крупный
сокъ съ галькою прикрываетъ валунникъ, разсыпанный не въ одинаковой
стотѣ и вообще не крупныхъ размѣровъ.

Отмѣтимъ одну любопытную особенность, оказавшуюся въ жиломъ
оѣ за Софійскимъ соборомъ: на глубинѣ отъ дневной поверхности въ ар-
инъ съ небольшимъ встрѣчаются тонкіе и совершенно ровные прослойки
шеной извести, пластами отъ одного до двухъ съ половиною вершковъ,
ною до 4—5 аршинъ каждый, съ такими же промежутками. Это какъ-
заливка домовыхъ половъ. Ниже полутора аршинъ подобное явленіе уже
повторяется.

Для полноты свѣдѣній о жиломъ слоѣ Дѣтинца замѣтимъ:—а) при
аньи рва подъ основаніе памятника тысячелѣтія Россіи до глубины около
хъ саженъ не дошли до слоя, подстилающаго жилой;—тутъ попадались
е же прослойки раковинъ, какъ и за церковью Андрея Стратилата;—
ъ полночно-восточномъ концѣ рва наткнулись на какую-то постройку,
ственно на уголъ зданія, рубленнаго точно такъ же какъ и современныя
венскія избы; дерево—дубъ совершенно обуглившійся;—б) въ желобинѣ,
шей отъ нынѣшняго дома Присутственныхъ мѣстъ къ водянымъ воро-
стѣны Дѣтинца, находили подъ двухъ аршинною толщею верхняго
мостовую пластинную настилку, такую же какъ и на Славенской
нѣ; и в) внутри архіерейскаго двора есть колодецъ, называемый Ни-

китинскимъ и приписываемый сооруженію Св. Никиты Епископа; гл
его до семи саженъ; вода здѣсь не перемежается никогда. Оговоримс
послѣдне приводимыя свѣдѣнія объ оказавшемся при копаніи рва дл
становки памятника и о мостовой настилкѣ принадлежатъ не личном
шему наблюденію, а получены отъ мѣстныхъ старожиловъ.

Въ Неревскомъ концѣ, на полночь отъ зданія Земской больни
Пантелеймоновской или Николо-Кочановской церкви, стелется къ внѣш
валу, что противъ Духова монастыря, низина; въ концѣ ея, у казе
зданія артиллерійскаго вѣдомства, стоитъ убогая деревянная часовн
мѣстѣ того дома, въ которомъ родился и жилъ съ своими родителями б
говѣйно чтимый Св. Варлаамій Хутынскій; у этой часовнѣ есть коло
глубиною, какъ и Никитинскій, до семи саженъ. Къ сожалѣнію въ
мѣстности недовелось еще испытать толщу жилого слоя: но судя по
бинѣ колодца позволительно думать, что она здѣсь наибольшая во
Неревскомъ концѣ, хотя въ настоящее время тутъ населеніе дале
густое.

Принимая указаніе толщи жилого слоя въ разныхъ мѣстахъ Нере
стороны за свидѣтельство густоты населенія и основываясь на отложе
подстилающихъ полщу, слѣдуетъ заключить, что эта сторона хо
могла быть заселенною одновременно съ Славенскимъ концомъ,—такъ
крупный песокъ съ глиною и опоками геологи относятъ къ непосред
нымъ ледниковымъ образованіямъ,—но не сплошь, какъ тамъ, а от
ными и, сравнительно, не обширными поселками. Это особенно отче
выражается въ разницѣ толщи жилого слоя подъ памятникомъ тысяче
и сряду за Софійскимъ соборомъ. Наибольшая густота заселенія выпа
на мѣстность собственно Неревского конца, внизъ по Волхову, за Дѣт
къ Петровской Бѣлой башнѣ.

Такихъ-же слѣдовъ долѣтописныхъ окоповъ и протоковъ какъ на
венской сторонѣ здѣсь не осталось,—потому, должно быть, что, по
быстраго расширенія поселковъ во времена тяготѣнія къ Новгороду с
нихъ обитателей, прежніе окопы срывались, мѣстность сглаживалас
возводились новые. Значительное расширеніе площади Неревской сто
продолжалось и въ лѣтописныя времена, при Ярославѣ Мудромъ, Мсти
Великомъ и позднѣе.

Сверхъ общаго вокругъ всей лѣвой стороны окопа, каждый коне
имѣлъ въ лѣтописные вѣка собственный окопъ и ровъ, или протокъ бл
шей къ городу рѣки Гзени. Есть одинъ ручей, повидимому искусственный,
называется „Морозовъ", соединявшій Гзень съ Веряжью; осыхающее лѣтом
его указываетъ и направленіе отъ деревни Коромыслова къ церкви 12 А
ловъ, съ западно-полуденной стороны ея. Тутъ былъ ровъ, охватыва
вѣроятно, поселокъ Людиновъ, или улицу Людгощу, обращенную вн
ствіи, но еще въ предлѣтописныя времена, въ Загородскій конецъ, п
кавшій къ Неревскому. Ровъ былъ настолько глубокъ и окопъ на ст
высокъ, что въ среднелѣтописныя времена представлялся „пропастью"
вѣстна въ первой половинѣ XIII в. „Скудельня въ пропастѣхъ у дву
сятѣ Апостоловъ" (I Нов. лѣт. 1230 годъ).

Слѣдъ рва между Неревскимъ и Загородскимъ концами слышится въ ой отмѣткѣ о пожарѣ, начавшемся отъ Хревковы улицы въ 1194 году: пятницу послѣ недѣли всѣхъ святыхъ „въ Търгъ (значитъ пятница, ъ торговый день, была такою въ XII вѣка) загорѣся отъ Хревъковѣ ци оли до ручья Неревескѣи коньць".

Мы видѣли, что средина Славенскаго конца была тѣсно застроена ко мени принятія Новгородцами Св. крещенія; на столько же тѣснымъ оказ ся и Неревской конецъ; какъ тамъ, такъ и здѣсь древнѣйшія церкви ружаемы были по окраинамъ.

Дѣтинецъ.

Христіанство привилось въ Новгородѣ не сряду; для перваго храма ваго вѣроученія оказалось нужнымъ избрать мѣстность, наиболѣе безо-сную и наименѣе доступную ярости упорныхъ старовѣровъ; такою именно стностью избранъ былъ Дѣтинецъ, какъ надежная твердыня. Здѣсь былъ руженъ первый по крещеніи храмъ Премудрости Божіей.

Дѣтинецъ Великаго Новгорода представляется родителемъ нашей Госу-ственной жизни и любвеобильнымъ пѣстуномъ великорусскаго народа. у посвящено нами обширное изслѣдованіе, остающееся вотъ уже около ти лѣтъ въ рукописи по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ. теряя еще надежды на изданіе этого труда, не будемъ здѣсь излагать робностей изслѣдованія, и ограничимся лишь бѣглымъ очеркомъ, въ видѣ ечневаго указателя, добытыхъ нашими изысканіями данныхъ, обнимаю-къ одни только слѣды памятниковъ церковной древности внутри Дѣ-ца и снаружи и около самой стѣны его,—и притомъ въ окончательномъ выводѣ.

При перечисленіи слѣдовъ памятниковъ церковной древности Дѣтинца мемъ такой порядокъ: начнемъ съ первой Государственной церкви, за-ъ назовемъ слѣды церквей около нынѣ существующаго Софійскаго со-а, внутри Владычьяго двора; потомъ перейдемъ къ церквамъ надъ воро-и Дѣтинца и наконецъ укажемъ мѣста церквей на площади княжей по-ины его.

Мѣста церковныхъ сооруженій внутри Дѣтинца.

Святая Софія дубовая. Первый христіанскій Гусударственный храмъ руженъ чрезъ шесть лѣтъ послѣ крещенія насельниковъ Новгорода и ъ десять по крещеніи Кіевлянъ Епископомъ Іоакимомъ Корсуняниномъ, бывшимъ въ Новгородъ въ 992 году: „а святую Софію заложи дубову ицъ Поскупли улици надъ Волховомъ и съвръши ю о двою надесять ловь" въ 998 году. Чрезъ 44 года этотъ храмъ сгорѣлъ. Мѣсто его ходится на срединѣ прямой, соединяющей западный конецъ нынѣ суще-

ствующей Обыденной церкви Св. Андрея Стратилата съ входною сторон
Спасской часовни, гдѣ Чудотворный Спассовъ образъ и ключь Живонос
Источицы.

До крещенія Новгорода на мѣстѣ перваго Софійскаго храма было
оружено княземъ Владиміромъ Святославовичемъ капище Перуну. Вск
послѣ постройки Св. Софіи о 12 верхахъ поставлена была какъ мы
дѣли, около 1020 года, другая Софійская же церковь, существующая
перь у западной стѣны Дѣтинца, это Покровская,—что близъ зданія М
и рядомъ съ Княжею башнею. Встарину всѣ Богородичные храмы назы
лись Софійскими.

Владычня половина.

Нынѣ существующій Софійскій соборъ окруженъ былъ церквами
всѣхъ сторонъ; на востокъ отъ него стояли:

Іоакимъ и Анна. Сочетаніе въ именахъ Богоотецъ покровителей
ваго Епископа Новгородскаго и супруги Ярослава, княжившаго въ X в
здѣсь, Анны, много содѣйствовавшей распространенію Евангелія и заботивше
объ утвержденіи новой вѣры, вызвало построеніе небольшого каменнаго хр
во имя Іоакима и Анны. Когда именно, въ которомъ году, этотъ хр
возникъ—неизвѣстно; можно лишь догадываться, что строительницею б
княгиня Анна, причисленная къ лику святыхъ почти сряду послѣ см
и что онъ возникъ, судя по маленькимъ размѣрамъ, еще до Дубовой Соф
какъ домовая церковь. Въ этомъ храмѣ погребены были Епископы: п
вый—Іоакимъ Корсунянинъ и второй, за нимъ слѣдовавшій, Лука Жид
Стоялъ онъ за алтаремъ нынѣшней Софіи, противъ лѣваго или полноч
полукружія главнаго храма. Разобранъ за ветхостью въ послѣдніе г
прошедшаго вѣка, а раньше, въ 1696 году, былъ обращенъ въ палатку,
перенесеніи мощей святыхъ Іоакима и Луки въ соборъ Св. Софіи.

Спасъ Милостивый. Подъ такимъ наименованіемъ значится хра
заложенный въ 1424 г., въ память Происхожденія честныхъ древъ Кр
Господня, а оконченный и украшенный въ 1427 г. Онъ стоялъ также
алтаремъ Св. Софіи противъ полуденнаго полукружія и построенъ перв
чально въ одинъ день, по случаю моровой язвы. Въ 1649 году, эта ц
ковь осыпалась и уже не возобновлялась.

Церкви Іоакимовская и Спаса Милостиваго показаны на Михайловск
и Знаменскомъ изображеніяхъ.

Марія Египетская. Возведена, по третьей лѣтописи, въ 1592 г
по мнѣнію Макарія—на мѣстѣ Спаса Милостиваго; но это ошибка, Сп
существовалъ позднѣе; она была гдѣ нибудь по близости около Владыч
Житеннаго двора; разобрана, за ветхостью, во второй половинѣ XVIII в
по мнѣнію того же Макарія. Церковь сомнительная. Ни на Михайловск
ни на Знаменскомъ изображеніяхъ ея нѣтъ.

Іерусалимъ. Такъ назывался храмъ Входа Господня въ Іерусалимъ, ставленный въ 1336 г. владыкою Василіемъ на томъ мѣстѣ, „гдѣ Теремъ былъ". Онъ существовалъ до 1759 года, когда разобранъ за ветхостью, и на мѣстѣ его возведенъ нынѣ существующій теплый Входоіерусалимскій соборъ. На обоихъ изображеніяхъ Іерусалимъ написанъ.

Покровъ Пречистыя. Въ 1522, или 1527 году, „Поставлена въ именномъ городѣ церковь деревянная Покровъ Пресвятыя Богородицы единымъ днемъ, за алтаремъ Іерусалима"; въ 1615 году она еще существовала.

Успеніе-Ржевская. Въ 1539 году, поставлена была „у стѣны"—между церковно-служительскимъ домомъ, что у нынѣ существующей Софійской звонницы, и выходомъ изъ Дѣтинца на мостъ, деревянная Успенская церковь,—„да у ней же придѣлъ Святого Іоанна Предтеча Усѣкновенія Главы, повелѣніемъ великаго князя Василія Ивановича всея Россіи и сына его великаго князя Іоанна Васильевача во имя его, освящена бысть августа въ 26 день". Ржевскою эту церковь называли въ росписи 1615 г.

Евангелистъ Марко. За алтаремъ Спаса Милостиваго сооружена въ 1533 г. Обыденная деревянная церковь во имя Св. Евангелиста Марка, завѣтная отъ мора. Впослѣдствіи, но когда именно—неизвѣстно, она была заменена каменною,—разобрана за ветхостью въ 1759 году.

Послѣднихъ трехъ церквей на изображеніяхъ Михайловскомъ и Знаменскомъ нѣтъ.

Съ полночной стороны собора церквей было меньше, чѣмъ съ восточной, всего двѣ:

Аѳанасій и Кириллъ. Въ пяти саженяхъ на полночь отъ Софіи, но противъ самой средины соотвѣтственной стѣны ея поставлена въ 1490 г. однодневно деревянная церковь Св. Аѳанасія, завѣтная отъ мора „язвою"—выражавшеюся въ железовидной опухоли, назрѣвавшей въ теченіи трехъ дней и разрѣшавшейся смертью. Въ 1416 году она выстроена каменною и названа въ лѣтописи „Аѳанасія и Кирилла". Въ 1551 г. (IV Нов. лѣт.) церковь перенесена на противоположную, полуденную сторону и поставлена противъ входныхъ съ этой стороны дверей въ Соборъ. Въ росписи 1615 г. разрушена. По дѣламъ архіерейскаго дома, еще не уничтоженнымъ, около 1760 г. значится, что каменная церковь во имя Св. Аѳанасія и Кирилла была на мѣстѣ первоначальнаго основанія ея и разобрана въ 1812 году. Но быть приведенная отмѣтка IV Новгородской лѣтописи подъ 1551 г. неточна; во II и III лѣтописяхъ перенесенною значится другая церковь. На Михайловскомъ изображеніи этой церкви нѣтъ, а на Знаменскомъ она показана. Между 1416 и 1430 гг., къ которому относится написаніе Михайловскаго изображенія, было два пожара, въ 1430 и 1432 гг., истребившіе околодокъ весь и Владыченъ дворъ. Церковь Аѳонасія и Кирилла, сгорѣвшая въ одинъ изъ этихъ пожаровъ и невозстановленная,—и не показана, поэтому, на Михайловскомъ изображеніи.

Великомученица Анастасія. Въ 1417 г., во время сильнаго м
сооружена однодневная деревянная церковь Св. Анастасіи; по свѣдѣнія
приведеннымъ Макаріемъ въ его церковныхъ древностяхъ, она находил
за соборомъ, должно быть рядомъ съ Аѳонасьевскою завѣтною. Въ 1
сооружена на мѣстѣ сгорѣвшей деревянной каменная Анастасіинская
ковь, а въ 1551 она, а не Аѳанасьевская, была перенесена на новое
сто, противъ полуденныхъ дверей Софіи, рядомъ съ церковью Похвалы Б
родицы. Въ росписи 1615 г. показана церковь Анастасія Великаго съ
дѣломъ Алексѣя Митрополита,—а нѣтъ Анастасьинской; очевидно соста
тель допустилъ описку,—церкви Анастасія Великаго въ Новгородѣ, по л
писямъ, не было.

Съ полуденной стороны Софіи было также только двѣ церкви,—
Анастасіинская, перенесенная сюда въ 1551 году,—а другая

Похвала Св. Богородицы. Въ 1508 году поставлена на площа
противъ полуденныхъ входныхъ дверей Софійскаго собора, однодневно д
вянная церковь Похвалы Богородицы, завѣтная отъ мору железою; въ 15
году она сгорѣла и на другой годъ сооружена каменная о трехъ верха
на старомъ мѣстѣ. Въ росписи 1615 г. значится. Ни одной изъ эт
церквей не показано на изображеніяхъ.

Церкви на западъ отъ Софіи приходятся всѣ или во Владычнемъ д
или во дворѣ Св. Софіи, мѣстность которыхъ сравнительно необширна
можетъ быть подраздѣлена, слѣдуя изображеніямъ Михайловскому и З
менскому, на три участка: одинъ прямо противъ западной стѣны со
и до Дѣтинца—это собственно дворъ Св. Софіи; другой отъ полноч
угла собора тоже прямо на западъ и на полночь до встрѣчи со стѣ
Дѣтинца—это собственно Владычень дворъ,—и третій отъ западнаго со
наго угла прямо же на западъ и, отступя отъ него по направленію
прямой саженъ пять къ западу же,—прямо на западъ-полночь—до к
няго угла нынѣшняго Архіерейскаго большого дома (Митрополичій тож
отсюда на западъ къ полночи до стѣны Дѣтинца,—это дворъ Владычн
служилыхъ людей—Софьянъ.

Во дворѣ Св. Софіи были церкви на площади его, сряду у запад
стѣны собора, по обѣ стороны Корсунскихъ дверей.

Николай Чудотворецъ. Въ 1442 году поставлена Владыкою
Евѳиміемъ Вяжицкимъ каменная церковь Святителя Николая,—возобнов
ная въ 1532 г., на старой основѣ, у нынѣ существующаго соборнаго
дѣла Исповѣдниковъ Гурія, Самона и Авива. Она разобрана въ 1759 г
На Михайловскомъ изображеніи этой церкви нѣтъ, а на Знаменскомъ
написана.

Богоявленіе. Въ рукописномъ Уставѣ Софійскаго собора XVII
упоминается, въ числѣ церквей двора Св. Софіи, Богоявленская,—а
одного неизданнаго рукописнаго сборника, составленнаго въ половинѣ
вѣка, видно, что эта церковь находилась не на воротахъ, не на Сѣ
не на переходахъ; при томъ, порядокъ перечисленія церквей въ этомъ
никѣ оставляетъ для Богоявленской единственное мѣсто по другую сто

рсунскихъ дверей. Она разобрана въ 1671 году и перенесена на ворота, ъ теперь Благовѣщеніе. Когда именно сооружена эта церковь, лѣтопись даетъ точныхъ указаній, —она говоритъ только, что въ 1190 году окон-но какое-то и гдѣ-то Богоявленіе Господне. Въ чинѣ вступленія на Нов-родскую паству Митрополита Іоакима, въ 1673 г., сказано, что онъ по-алъ отъ Корсунскихъ дверей къ Богородицкимъ, на востокъ, воротамъ, съ Богоявленскія ворота (Акты Истор. IV № 131). И этой церкви нѣтъ изображеніи Михайловскомъ, а на Знаменскомъ она показана.

Входъ во дворъ Св. Софіи съ площади былъ всегда тутъ же, гдѣ и перь, у западнаго угла Собора; отъ полночнаго же угла начиналась об-рная Палата, она тянулась до полночной части стѣны Дѣтинца; перво-альное основаніе здѣсь каменныхъ жилыхъ покоевъ приписывается Св. китѣ Епископу. Отъ этой Палаты къ другой, противолежащей, Іоанновской, гдѣ помѣщался Одринъ судъ и престолъ князей и Епископовъ Нов-одскихъ, велъ особый переходъ, извѣстный въ лѣтописи подъ именемъ ей. Этотъ переходъ и отдѣлялъ дворъ Святой Софіи отъ Владычняго, авшаго за нимъ, къ полночи. Къ Іоанновской Палатѣ примкнула, съ 38 года, Евѳиміевская; она существуетъ, хотя въ передѣланномъ совер-нно, съ самаго основанія, видѣ, и теперь; заворачиваетъ подъ прямымъ омъ къ Великому Терему. Пространство между Іоанновскою Палатою и лночною стѣною Дѣтинца отдѣлялось, какъ и теперь, отъ площадки предъ латою Никитинскою, деревяннымъ заборомъ. Подъ переходомъ изъ Ники-ской Палаты въ Іоанновскую былъ проходъ, такъ что съ площади Дѣ-нца предъ соборомъ можно было пройти, какъ и теперь, до самой пол-ной стѣны Дѣтинца, вдоль которой поставлено съ половины XVII вѣка енное зданіе—поварня и квасная; прямо противъ этого прохода были стѣнѣ водяныя ворота. Между Великимъ Теремомъ и Евѳиміевскою Па-ою были, да и теперь существуютъ, ворота; ими ходятъ въ ту часть дычняго двора, которая лежитъ между Евѳиміевскою и Іоановскою Па-ами и стѣною Дѣтинца съ запада. Пространство на западъ къ полдню двора Св. Софіи, гдѣ теперь Митрополичій домъ, садъ при немъ и жбы вдоль стѣны Дѣтинца,—составляло дворъ Владычнихъ служилыхъ ей, Софьянъ; онъ раздѣлялся заборами на нѣсколько отдѣльныхъ не ьшихъ участковъ.

Рождество Христово. Надъ входными съ площади во дворъ Святой Софіи отами поставлена Христо-Рождественская церковь въ 1226 г., въ 1671 г. замѣнена Богоявленскою. При возведеніи теперь существующаго Митро-ичьяго дома эта послѣдняя переименована, во второй половинѣ XVIII ка, въ нынешнюю Благовѣщенскую.

Петръ Митрополитъ. Надъ воротами, ведущими со двора Св. Софіи Владычень къ полночи, сооружена въ 1416 г. каменная церковь во имя Митрополита,—она существовала до 1759 г., когда разобрана на по-у теплаго собора.

бѣ показаны на изображеніяхъ.

Усрѣтеніе Господне. Святой Григорій Архіепископъ, родной брат преемникъ Св. Іоанна Архіепископа, „Сруби у себѣ въ дворѣ Усрѣте Господне въ 1191 году". Дальнѣйшая судьба этой церкви неизвѣстна; она дожила до XIV вѣка, когда Св. Владыка Василій поставилъ надъ не или рядомъ съ нею, Теремъ Великій. Впослѣдствіи, не раньше 1463 г., церковь упразднена;—на мѣстѣ ея, или близъ нея, пришлись до сихъ по существующія ворота, надъ которыми возведена Сергіевская церковь, лѣт пять назадъ передѣланная.

Темничная—Усѣкновеніе Предтеча. Первоначальное сооруженіе эт церкви относится къ первымъ годамъ послѣ крещенія Новгорода. Имя „Темничная" указываетъ назначеніе быть тюремною; стояла она на ер динѣ площади двора Св. Софіи; низкими и узкими проходами она соедин лась съ Темницами подъ Великимъ Теремомъ и подъ Судебно-престольн Палатою. Въ 1547 г. начали въ Темничной церкви служить обѣдни ка дый день Софійскіе попы (II Нов. лѣт. прибавленіе первое, стр. 185), тѣмъ въ слѣдующемъ году она перенесена въ тотъ придѣлъ Софійскій, которомъ почитаютъ мощи Св. братьетъ Іоанна и Григорія Архіе скоповъ.

Всѣ эти четыре церкви показаны на обоихъ изображеніяхъ.

Евѳимій Великій. Св. Евѳимій Вяжицкій поставилъ у себя на нѣхъ церковь каменную, теплую, Евѳимія Великаго, въ 1445 году. Жи этомъ Святитель въ Никитскихъ Палатахъ; тамъ была и эта церковь, срединѣ зданія. До сихъ поръ сохраняется на наружной стѣнѣ Палат надъ дверью, которая вела въ Евѳиміевскую церковь, образъ. Храмовой современный написаніемъ сооруженію церкви, образъ Евѳимія Великаго хр нится въ Никольской часовнѣ у Владимірской башни. На Знаменскомъ Михайловскомъ изображеніяхъ нѣтъ никакихъ знаковъ церкви надъ Никит скою Палатою; на Флоровскомъ же написана по среди длины ея надъ кр шею церковная глава.

Ѳеодоръ Святой. Въ 1233 году, когда скончался св. князь Ѳеод Ярославовичъ, братъ Св. Александра Невскаго, заложена церковь на во тахъ отъ Неревскаго конца святый Ѳеодоръ. Въ 1276 году упала ст Дѣтинца, на воротахъ которой, или близъ нихъ, внутри Владычняго дв была эта церковь. Въ 1292 г. начали созидать церковь Св. Ѳеодора, ко рая порушилась, а въ 1294 г. кончили построеніе и освятили ее. Да нѣйшихъ извѣстій нѣтъ. Проходныя или водяныя ворота отъ Нерев конца были въ томъ мѣстѣ стѣны Дѣтинца, до котораго доходила Ни тинская Палата и гдѣ теперь упомянутыя поварня и квасная; со стор лѣтняго сада слѣдъ этихъ воротъ еще остался, но отъ церкви не уцѣл ничего. Она не значится и ни на одномъ изображеніи.

Іоаннъ Златоустъ. Съ площади Дѣтинца былъ особый входъ дворъ служилыхъ людей—Софьянъ. Надъ этимъ входомъ Св. Евѳимій жицкій поставилъ каменную церковь Св. Іоанна Златоуста въ 1435 г она сряду же упала и выстроена вновь. На обоихъ изображеніяхъ эта

значится. Она упразднена и разобрана въ половинѣ XVIII вѣка при ойкѣ нынѣшняго Митрополичьяго дворца.

Колокольница. Въ рукописномъ Уставѣ Софійскаго собора упоми-я особая колокольня внутри Владычняго двора. На Михайловскомъ аженіи она написана на мѣстѣ, соотвѣтствующемъ стѣнѣ нынѣшняго ополичьяго дома, обращенной во дворъ Св. Софіи, на срединѣ ея;— ана маленькою съ шатровымъ верхомъ.

Теремецъ. На среднемъ участкѣ двора Софьянъ показанъ, на Михай-омъ изображеніи, навѣсъ съ шатровымъ верхомъ. Это Теремецъ,—„въ омъ воду священъ на каждой мѣсяцъ". Онъ поставленъ въ 1409, то того, на мѣстѣ котораго сооруженъ первоначально Іерусалимъ. но быть этотъ Теремецъ устроенъ былъ надъ колодцемъ, потому что старину вода, употреблявшаяся для печенья просфоръ и хлѣбовъ, а е на пищу монашествующимъ и священнослужителямъ, употреблялась тая".

Никита Епископъ Новгородскій. Никитская Палата примыкала къ ючному углу Софійскаго собора и даже захватывала часть его. Въ 1796 Митрополитъ Гавріилъ устроилъ въ той части Палаты, которая прика-сь къ соборной стѣнѣ, церковь во имя основателя Палаты Святого Ни-. Епископа Новгородскаго. Она существовала меньше 11 лѣтъ и въ г. разобрана вмѣстѣ съ частію Палаты, доходившею до того мѣста, ораго начинается нынѣ существующая.

Въ Софійскомъ соборѣ, кромѣ современныхъ намъ придѣловъ: Рожде-Богородицкаго, Исповѣдническаго, Іоакимовскаго, Владимірскаго, Бого-каго и Предтеченскаго—Усѣкновенія главы, существовали еще два новскихъ.

Стефанъ Архидіаконъ. Когда устроенъ этотъ придѣлъ неизвѣстно; ъ рукописномъ уставѣ собора онъ упомянутъ: во время завѣщаннаго Евѳиміемъ Вяжицкимъ ежегоднаго поминовенія 4 Октября всѣхъ погре-ыхъ въ Софійскомъ храмѣ, совершаема была панихида у Архидіакона ана, надъ могилою княгини Александры, супруги храмоздателя Святого и Владиміра Ярославовича. Придѣлъ этотъ былъ въ задней части ны-яго Предтеченско Темничнаго. Въ эту именно часть и вели проходъ для ладки трубъ-грѣекъ, подъ землею, сквозь основаніе наружной стѣны;—въ рѣ, отсюда выносившемся и выкиданномъ, и попадались упомянутые выше мки человѣческихъ костей. Не этой-ли княгинѣ принадлежатъ раздро-ныя невѣжествомъ кости? Въ древности былъ обычай погребать храмо-лей и людей именитыхъ въ стѣнахъ церковныхъ. Тутъ же, по близо-былъ погребенъ и сынъ Мономаха Изяславъ Владиміровичъ, убитый въ году въ войнѣ съ Олегомъ Черниговскимъ подъ Муромомъ; Олегъ Муромъ; „Изяслава же вземше положиша и въ монастыри Святого и оттуду перенесоша и Новугороду и положиша и у святой Софьѣ вой сторонѣ" (Лаврентьевская лѣтопись, годъ 6604).

Стефанъ Сурожскій. Церковь Стефана Сурожскаго, какъ придѣльная скаго собора, упоминается въ томъ же рукописномъ уставѣ собо-

ность эта называется въ лѣтописи „Островокъ владычень“, а въ пар
„Островокъ“.

Во времена весьма далекія, когда Новгородская земля въ шир
предѣлахъ и, быть можетъ, вся нынѣшняя Европейская Россія,
вались обширными водоемами второго охлажденія Европы, люди прину
были селиться на островахъ и на горахъ. Съ тѣхъ временъ поселки ста
зываться и назывались по совершенномъ прекращеніи водоемовъ второго
денія: островами, горами, горушками, горками, наволоками и т. п. съ при
неніемъ имени личнаго, или другаго,—напримѣръ: Тушинъ-островъ, Бѣла
и проч. По этому отъ мѣстности Островка владычняго нѣтъ надобности
вать, чтобы она была когда нибудь окружена со всѣхъ сторонъ водою,
ваніе островокъ замѣняетъ здѣсь однозначащее съ нимъ, поселокъ, хо
лѣтописи имѣется указаніе на существованіе тутъ дѣйствительнаго о
Въ XVI вѣкѣ,—нѣкій Псковской хитрецъ увѣрилъ архіепископа Мака
возможности устроить, близъ Дѣтинца, водяную мельницу для нужд
дычняго двора. Въ 1528 году хитрецъ „отъ рѣльки, называемой
гдѣ жили нарочитые дворяне владычняго двора, началъ дѣлати срубы
кіе и вести вверхъ по рѣцѣ ко владычню двору и берегу и топи
срубы каменіемъ великимъ на дно Волхова“; мельница неудалась, а х
Псковской пропалъ безъ вѣсти. (Соф. Врем. Строева, Ч. II, стр. 36
это время, по всей вѣроятности, и былъ уничтоженъ незначительны
обще, пересыхавшій къ лѣту, протокъ Волхова, отдѣлявшій на ве
время Владычній поселокъ отъ Дѣтинцевскаго берега и дѣлавші
островомъ.

На Владычнемъ островкѣ находилось, какъ полагаетъ вполнѣ о
тельно Макарій по извѣстнымъ ему свѣдѣніямъ, главное изъ Новгород
училищъ искусства росписыванія церковныхъ стѣнъ и изображенія св
(Опис. церк. древ. Новгорода, Ч. II, стр. 19), основанное византій
художниками и дѣйствовавшее подъ ихъ вѣдѣніемъ и по усвоенны
Греціи пріемамъ, съ XI вѣка, когда Ярославъ Мудрый и сынъ е
Владиміръ Ярославовичъ вызвали въ Новгородъ цареградскихъ худож
(Соф. Акад. лѣт. годъ 1045).

Искусство изображенія Бога и святыхъ Его считаютъ и до наст
времени не ремесломъ, а дѣломъ богоугоднымъ; и теперь еще оно изу
и проявляетъ свою дѣятельность преимущественно въ монастыряхъ; в
ности въ Новгородѣ замѣчательными въ этомъ отношеніи были мона
Юрьевскій, Антоніевъ и Хутынскій; теперь извѣстенъ своими худож
Тихвинскій.

Никифоръ святой. Въ пергаментномъ, Татищевскомъ и другихъ
или менѣе древнихъ лѣтописныхъ сборникахъ Новгородской семьи,
ляющихъ первую Новгородскую лѣтопись, помѣщена подъ 1197
слѣдующая отмѣтка: „Постави церковь на островѣ святого Никифора
туріи архепископъ“ (I Нов. лѣт. стр. 24, годъ 6705). Во второй
родской лѣтописи эта отмѣтка повторена, но вмѣсто Никифора назва
кола (II Нов. лѣт. стр. 127 тотъ-же годъ); а въ третьей она изл

основному списку, такъ: „Постави архіепископъ Мартирій церковь ка-
ину святаго Николая Чудотворца и монастырь устрои“; въ Колобовскомъ
орникѣ, которымъ пользовались издатели этой лѣтописи,—прибавлено къ
ову „устрои“—„на Софійской сторонѣ“. (III Нов. Лѣт. стр. 217, тотъ-
е годъ и выноска подъ букв. *М.* и *Н.*). Разнорѣчіе въ имени святого
рхеографическая коммиссія, издавшая Новгородскія лѣтописи, устраняетъ
ылкою на упомянутую уже Исторію Россійской Іерархіи (V, стр. 379—
81), называя слова „Св. Никифоръ“ ошибкою,—а „Св. Николая“ настоя-
ими, такъ какъ въ Островскомъ,—близъ Новгорода, монастырѣ главный
рамъ былъ во имя Св. Николая и монастырь этотъ изстари назывался
иколаевскимъ“. (I Нов. лѣт. стр. 127, выноска *ж*).

Соображеніе, вызвавшее такую поправку, представляется неубѣдитель-
ымъ, а ссылка на Исторію Россійской Іерархіи неосновательною и затемня-
щею истину. Архіепископъ Амвросій хотя и большой знатокъ Новгород-
кихъ церковныхъ древностей, но не современникъ составителя памятухи
Никифоровской церкви на островѣ и основанія Островского монастыря,
жавшаго верстахъ въ девяти отъ Новгорода, не доходя не болѣе версты
Саввинской пустыни, или монастыря Св. Саввы Вишерскаго. Никольскій
тровской монастырь возникъ позднѣе Саво-Вишерскаго, основаннаго въ
417 году. Въ 1386 году, въ размирье съ Великимъ княземъ Дмитріемъ
вановичемъ, по случаю нападенія Новгородскихъ „людей молодыхъ“,—
кшуйниковъ, на земли Великаго князя и раззоренія ихъ, Новгородцы ждали
ады Московской рати и выжгли 24 монастыря ближайшихъ къ городу,
тобы затруднить осаду; всѣ эти монастыри переименованы въ лѣтописи
остовской и четвертой Новгородской (IV Нов. лѣт. стр. 94, годъ 6894);
числѣ ихъ названы Волотовской и Ковалевъ, ближайшіе къ Савво-Ви-
ерскому и Островскому, но эти не упомянуты потому, конечно, что ихъ
огда еще не было. Въ 1477 году Великій князь Иванъ III обложилъ Нов-
родъ со всѣхъ сторонъ и занялъ ближайшіе къ нему монастыри во избѣ-
аніе истребленія ихъ, подобнаго бывшему въ 1386 году; Островской за-
лъ Тверской воевода князь Михаилъ Ѳедоровичъ съ полкомъ своимъ
Рус. Времен. Ч. II стр. 130, Москва 1820 г.); Саввинъ-же, какъ дальше
жавшій отъ города, хотя и меньше чѣмъ на версту, въ числѣ занятыхъ
обымъ полкомъ не значится, въ чемъ не предстояло и надобности: полкъ
верскаго воеводы не допустилъ-бы Новгородцевъ къ истребленію этого
аввина монастыря. А если Островской монастырь возникъ позднѣе 1417
да, поправка или оговорка во II лѣтописи теряетъ основаніе. Слѣдова-
льно въ 1197 г. сооружена была церковь во имя Св. Никифора на ост-
вкѣ Владычнемъ Волхова, а не на Вишерскомъ островѣ.

Никифоровская церковь поставлена владыкою Мартиріемъ. Въ числѣ
имыхъ православною цевковью святыхъ съ именемъ Никифора значится
атріархъ Цареградскій, лишенный престола и высланный изъ Константи-
ополя во времена гоненія Льва Армянина, въ 815 году, за почитаніе свя-
ыхъ иконъ. Владыка Мартирій былъ неутомимымъ строителемъ храмовъ и
красителемъ ихъ настѣннымъ письмомъ и образами; въ кратковременное,

съ 1193 по 1196 г., управленіе паствою онъ возвелъ и украсилъ писа-
момъ церкви: въ 1194 г. Св. Апостола Филиппа на Нутной улицѣ; в
слѣдующемъ—Воскресенія въ монастырѣ, въ Людинѣ концѣ на Красн
горкѣ; въ 1193 г. Положенія ризы и пояса Богоматери на Дѣтинцевских
воротахъ;—въ 1197 г. въ Кирилловѣ монастырѣ;—въ 1198 г. Преобра-
женскую въ Русѣ и Евѳимьинскій монастырь въ Новгородѣ;—содѣйствовал
въ этомъ же году сооруженію Рождество-Богородицкой на Молотковѣ и
Спасской на Нередицѣ;—въ 1199 году украсилъ притворъ Софіи, назва-
ный Мартиріевскимъ, и нѣкоторыя другія церкви. Поэтому сооруженіе и
училищѣ церковнаго художества храма имени покровителя его, Патріарх
Цареградскаго Никифора, пострадавшаго за распространеніе стремленій к
церковному благолѣпію, представляется явленіемъ, вполнѣ соотвѣтствующим
дѣятельности владыки Мартирія въ направленіи, подсказанномъ ему С
Патріархомъ.

Устраняя, на основаніи изложенныхъ данныхъ, поправку или оговорк
Археографической коммиссіи, увидимъ въ слѣдующей за симъ статьѣ, ч
вторая и третья Новгородскія лѣтописи, послѣдняя по чтенію сборника Кол
бова, говорятъ подъ 6705 годомъ о другой церкви, во имя Св. Николая,
о монастырѣ при ней, сооруженныхъ Архіепископомъ Мартиріемъ, на то
же Волховскомъ Владычнемъ островкѣ.

Никола святой. Противъ Владычня островка, нѣсколько наискос
приходится та башня, у которой была пристроена Владимірская церковь; к
восточной сторонѣ ея придѣлана двужилая часовня въ три стѣны такъ, ч
башенная стѣна осталась не закрытою и служитъ четвертою, заднею, для ча-
совни. На этой стѣнѣ написанъ во весь ростъ Николай Чудотворецъ. по сто
ронамъ святителя изображены въ облакахъ: Спаситель и Богоматерь; Антон
Римлянинъ и Варлаамъ Хутынскій; образъ закрытъ серебряною ризою,—но п
незакрытымъ частямъ легко видѣть недавнее, сравнительно, поновленіе, пр
каковомъ, вѣроятно, и написаны Новгородскіе святые. Подъ этимъ образомъ
нѣсколько вправо и влѣво отъ средины его, были вмазаны въ стѣну два ка-
менныхъ креста; одинъ, что справа, въ сажень длиною, восьмиконечный; он
покрытъ слѣдующею надписью, въ верхней части: „Господи спаси и поми-
луй раба своего Сьмеона грѣшняго чьрнаца Оркажа монастыря аминь. По-
ставилъ святый крестъ си в лѣто ҂ѕѵ҃ѳ (т. е. 6752 или 1244) мѣсяц
Августа“, и въ нижней—„въ ѥ҃ (т. е. въ 15) день на память святыя Бо-
городица успенїе владычица“;—другой, слѣва, четыреконечный, съ равно-
мѣрно расширяющимися тремя одинаковой величины концами, получающ
отъ этого видъ круглаго, и съ оттянутымъ нижнимъ концомъ; длина 1
а ширина 1 аршинъ; на немъ обыкновенныя крестныя надписи, по свое
образно расположенныя: въ верхнемъ концѣ ІН, въ нижнемъ КА; по дру-
гимъ двумъ концамъ ІС. ХС; въ срединѣ маленькій, тоже четыреконечный
крестъ. Теперь большого креста не видно; подъ образомъ Николая Чудо-
ворца сдѣланъ тяжелый, превышающій, по стѣнѣ, ширину образа, по-
мостъ съ ступенями, чтобы можно было прикладываться; если крестъ 124
года цѣлъ, онъ, должно быть, прикрытъ этимъ помостомъ. Желательно бы
намъ отодвинуть помостъ, чтобы убѣдиться въ сохранности креста,—

е позволили. Другой крестъ приходится на томъ мѣстѣ стѣны Дѣтинца, устроена входная, собственно въ Никольскую часовню, лѣстница. Внизу щаются вдовы церковниковъ, охраняющія часовню. Лѣтъ пять назадъ добилось копать не особенно глубокую яму саженяхъ въ двухъ на во-ъ отъ часовни, для основанія небольшой постройки; при этомъ, на не-ительной глубинѣ, въ строительномъ мусорѣ, нашли обломки обыкновенныхъ Новгородѣ древнихъ каменныхъ намогильныхъ крестовъ и одинъ, четыре-чный, съ поврежденнымъ правымъ крыломъ.

На каменныхъ крестахъ мы останавливаемся по двумъ причинамъ, первыхъ: крестъ чернеца Симеона вмазанъ былъ въ стѣну подъ образомъ олая Чудотворца за 66 лѣтъ до сооруженія Владимірской церкви, при-енной къ башнѣ въ 1311 году,—и во вторыхъ: церковь стояла надъ тами по ту сторону башни, извнутри Дѣтинца. Слѣдовательно настѣн-образъ Св. Николая появился здѣсь до 1244;—а круглый намогиль-крестъ, тоже вмазанный въ стѣну, указываетъ или на чью либо мо-у Дѣтинцевской стѣны, подъ нимъ,—или на вмазку его въ стѣну ѣ того, когда мѣсто могилы, на которую онъ былъ первоначально по-ленъ, понадобилось сравнять для какой либо потребности. Мы видимъ тѣнахъ всѣхъ древнихъ Новгородскихъ церквей кресты, въ общемъ аковые съ разсматриваемымъ, и преимущественно круглые; они вод-емы были на могилахъ около церквей, предшествовавшихъ сохранив-ся; а когда эти, нынѣ существующія, возводились вновь, на болѣе рныхъ площадяхъ, и захватывали могилы, кресты вмазывались въ со-тственныхъ могиламъ церковныхъ стѣнахъ. Обломки найденныхъ близъ ии упомянутыхъ намогильныхъ крестовъ свидѣтельствуютъ, что тутъ когда-то нѣсколько могилъ, а строительный соръ, оказавшійся при ньи ямы подъ основаніе новой постройки, и значительный пригорокъ ивъ часовни даютъ поводъ видѣть въ немъ бугоръ, образовавшійся отъ алины церкви или иного каменнаго зданія, и искать подъ нимъ осно-й его. Современная часовня приставлена къ башнѣ не въ древнія вре-; на Михайловскомъ изображеніи написана на мѣстѣ ея небольшая де-нная пристройка съ значительнымъ, по размѣрамъ, навѣсомъ надъ тѣмъ имъ мѣстомъ башенной стѣны, которому соотвѣтствуетъ положеніе за святителя, и съ открытою, входною подъ навѣсъ, лѣстницею, на ротѣ которой, пригнанномъ, приблизительно, къ меньшему кресту, сру-ъ небольшой теремецъ. Отъ И. К. Купріянова намъ приходилось слы-ь, что царь Иванъ Грозный, въ дни жесточайшаго разгрома Новгорода, ѣлъ изъ оконъ Никольской часовни на великій мостъ и слѣдилъ за авою расправою звѣрскихъ полчищъ кровожаднаго Малюты съ неповин-и жертвами клеветы, мучениками, отмѣченными въ Синодикѣ Кирилло-зерскаго монастыря въ числѣ 1505 человѣкъ—самимъ Грознымъ; по амъ же другихъ тогда замучено несравненно болѣе: князь Курбскій итываетъ ихъ 15000 въ одинъ день,—Таубе и Крузе—27000,—а вскія лѣтописи—до 60000. (Сказанія князя Курбскаго-Устрялова, Спб. 2 г., стр. 417).

Соображеніе и взаимное сопоставленіе приведенныхъ свидѣтельствъ не исключаетъ значительной вѣроятности предположенія, что въ отдаленные перв лѣтописные вѣка была сооружена на Волховскомъ островкѣ, близъ Дѣтин цевской стѣны, деревянная, или и каменная церковь во имя Николая Чудо ворца, какъ покровителя водоплаванія, и что художники устроеннаго на этомъ островкѣ училища, тогда-же написали на ближайшей къ церкви стѣн башни и образъ святителя.

Нѣкоторымъ и достаточно вѣскимъ подтвержденіяхъ выдвигаемаго нам предположенія, могутъ служить еще слѣдующія обстоятельства: а) мѣст ность, лежащая невдалекѣ отъ Никольской башни и Владычня островк внизъ по Волхову, называлась „Розважа", что говоритъ за существова тутъ пристани, съ которой развозились товары по городу, такъ что стро телями, давшими средства на сооруженіе Никольской церкви владыкѣ Ма тирію, могли быть судовщики и б) на Розважѣ учрежденъ, по показан третьей лѣтописи, въ 1555 году, монастырь съ каменною церковью въ п мять дня рожденія Николая Чудотворца. Изъ свидѣтельствъ объ этомъ м настырѣ, говорящихъ объ учрежденіи и дальнѣйшей судьбѣ его, нельзя видѣть, что въ названномъ году состоялось не первоначальное учрежденіе церкви и монастыря святителя Николы, а лишь возобновленіе, вызванное пре шествовавшею судьбою той и другого, существовавшихъ тутъ же, на Ро важѣ, съ давнихъ временъ, когда она лежала еще у самаго Дѣтинца.

Михайловское изображеніе мы относимъ къ первой половинѣ XV, а Знаме ское къ той же части XVI вѣка, но раньше 1555 г., именно къ 1528—1531 г на первомъ видимъ около Никольской башни деревянный навѣсъ и лѣстниц съ теремцомъ, а на второмъ, сряду за стѣною малаго земляного вала, справ отъ Дѣтинца, въ углу, образуемомъ малымъ валомъ и береговою городов стѣною,—огороженное пространство съ двумя церквами, одною внутри ограды ближе къ малому валу, и другою на западной сторонѣ ограды, на самом западномъ же углу ея; а на мѣстѣ Владычня островка цѣлый рядъ дере вянныхъ домовъ и шатровый верхъ какого то башеннаго зданія, съ разв вающеюся на немъ вѣтрянкою (т. е. флагомъ). Огороженныхъ пространст съ постройками внутри много на этомъ изображеніи; на Славенской ст ронѣ ими оказываются, повидимому, нѣкоторые торговые дворы иноземцев и Плесковскій (Псковскій), а на Неревской—преимущественно дворов участки улицъ Чудинцевой и Прусской, заселенныхъ въ древности за бежными выходцами.

По положенію огороженнаго пространства у малаго вала, оно соотвѣ ствуетъ церкви Св. Николая, уничтоженной въ 1342 г. пожаромъ, отмѣт о которомъ занесена въ первой лѣтописи въ такихъ выраженіяхъ: „За рѣся на Даньславлѣ улицѣ, и погорѣ по берегу и до гребли (до рва око малаго вала), а въ гору до святыхъ Четыредесяти и до святыхъ Козмы Даміана, а церкви три сгорѣша: святого Николы и святого Іоакова каме ные, а третья святого Георгіа". Послѣдняя церковь была на Борковѣ ули (подробности о ней ниже), которую пересѣкала, что уже сказано, Даньслав Мы упоминали объ особенной точности Новгородскихъ памятухъ далек

вности; въ описаніяхъ большихъ пожаровъ почти всегда наблюдается ой порядокъ: начинается оно мѣстностью возникновенія пожара и идетъ погорѣвшимъ улицамъ и урочищамъ до мѣста прекращенія его; если ечисляются сгорѣвшія церкви, обозначеніе именъ ихъ начинается оттуда, кончился перечень улицъ и урочищъ. Въ приведенной отмѣткѣ такой порядокъ: дойдя отъ мѣстности, съ которой начался пожаръ, до гребли, указавъ направленіе его отъ берега въ гору, лѣтописецъ перечисляетъ ркви отъ границы прекращенія этого пожара и называетъ ихъ съ ближайшей къ гребли и къ Св. Четыредесяти и Козмѣ и Даміану, первою— Николая, второю—Св. Іакова и послѣднею—Георгія. Вторая и третья ркви стояли, какъ увидимъ, на одной прямой съ Никольскою, по Борковой улицѣ, или правильнѣе по улицѣ, соотвѣтствующей протяженію теперешней Дмитровской.

Но здѣсь намъ слѣдуетъ сдѣлать оговорку: подъ 1135 и 1356 годами ть въ первой лѣтописи отмѣтка о сооруженіи церкви Св. Николая на ковли улицы; положеніе ея въ отдаленные вѣка, раньше XII, равно пространство и направленіе бывшихъ тутъ проѣздовъ и пѣшеходныхъ проулковъ неизвѣстно. Церковь Іакова значится сооруженною здѣсь первоначально менною въ 1172 году (I Нов. лѣт. годъ 6680, стр. 15), то есть спустя 32 года послѣ того, когда лѣтописецъ назвалъ улицу ея именемъ. гло быть, конечно, что и раньше 1172 г. стояла тутъ же деревянная овлевская церковь,—но могло быть и такъ, что Яковлева и Янева, подъ омъ лѣтописца, одна и таже улица; Якова легко назвать Янемъ Якуномъ,—какъ и дѣлали лѣтописцы. Новгородскій говоръ древности ичается короткостью выраженій; „Янь“ короче, чѣмъ „Якунъ“ или ѣвъ. Къ этому вопросу намъ еще придется обратиться. На Михайловмъ изображеніи показанъ мостъ по дорогѣ изъ Дѣтинца въ Неревй конецъ,—а въ Ярославовомъ уставѣ о мостахъ конечною границею астка Коломнянъ названъ Неретьскій мостъ (по списку Строева въ I ч. Временника), приходящійся приблизительно тамъ, гдѣ мостъ этого изоженія. По направленію онъ соотвѣтствуетъ протяженію нынѣшней Дмитвской.

Около времени написанія Михайловскаго изображенія было въ побежьи, гдѣ островокъ Владыченъ и Разважа, три—большихъ пожара, истребившихъ:—въ 1407 г. Неревской конецъ до города „и святая Софія огорѣ я, дворъ Владыченъ, околотокъ и Володимерскій берегъ“;—въ 1414 г. тъ же Неревской конецъ отъ Св. Владимера и до Гзени; наконецъ въ 432 г. околотокъ весь и Владыченъ дворъ.

Въ указѣ Синода 1796 года о переводѣ Разважскаго монастыря въ рекомскій на р. Веренду (Консисторское дѣло 1796 г.) сказано, что „неюбно быть монастырю на людномъ и бойкомъ мѣстѣ“.

Всѣми этими данными разъясняется, что послѣ пожаровъ, истребивгъ береговыя сооруженія въ первой половинѣ XV вѣка, не могли не порадать и всѣ постройки Владычня островка. Ко времени написанія Михайловскаго изображенія тутъ сдѣланы были нѣкоторыя, что мы на немъ

видимъ, возстановленія сгорѣвшаго, и между ними навѣсъ надъ образо
Св. Николая. Начавшееся еще со второй половины XIV вѣка въ Новгоро
тревожное состояніе для всѣхъ мѣстныхъ властей,—въ томъ числѣ и вѣда
шихъ городское благоустройство,—вызванное стремленіемъ Москвы къ уничт
женію его самобытія (борьба съ Васильемъ Дмитріевичемъ), останови
ширь теченія внутренней жизни и затмило заботы о наружномъ благоус
ройствѣ города ради красоты его. Ни церковно-художественное училищ
на островкѣ, ни церкви Никифоровская и Никольская съ монастыремъ п
нихъ,—если они были тутъ до пожаровъ и ими уничтожены, въ э
время не возобновлялись. Пострадала и церковь Николая 1135 и 13
годахъ по ту сторону гребли, огорѣли и мосты перекинутые чрезъ о
рва по дорогѣ изъ Дѣтинца въ Неревской конецъ; ихъ, какъ соор
женія крайне необходимыя, исправили. Событія 1471 года, больно у
вили гордыхъ правителей страны Ильинской, пошатнувъ значительно
ея торговлю; но мало по малу послѣ Коростынскихъ договоровъ во
становилось теченіе внутренней жизни, хотя и не столь бойкое и ши
кое, какимъ оно было прежде; заботы о благоустройствѣ снова вступи
въ свои права, но были поглощаемы въ наибольшей мѣрѣ укрѣпленіе
города на случай вторичнаго приступа Московскихъ дружинъ. Вмѣстѣ
укрѣпленіями наружными поновлялись и внутреннія около Дѣтинца; бли
входныхъ воротъ въ окопы учредили особые караулы, Воротники; число ворот
которыя вели къ Дѣтинцу уменьшили;—вмѣсто прежнихъ четырехъ, откр
вавшихъ входъ въ малый земляной валъ, осталось только двое—городніе
устава Ярославова, противъ Спасской или Покровской башни, и Неревскія пр
тивъ Владимірской. Около Неревскихъ, близъ Разважской башни малаго вал
поставили церковь Св. Николая, должно быть взамѣнъ сгорѣвшей на Влады
немъ островкѣ, или другой, показанной тоже сгорѣвшею въ 1342 г., въ Воро
никахъ, въ монастырѣ, тогда же, должно быть, тутъ и устроенномъ съ стор
жевою цѣлью, по человѣколюбивому направленію иноческой жизни тѣ
временъ, являвшейся отзывчивою на всякую братскую помощь. Воротники
это мѣстность у воротъ, которыя вели въ малый валъ и далѣе Нерет
скимъ, или Неревскимъ, мостомъ въ Дѣтинецъ;—они приходятся по бли
сти къ церкви 40 мучениковъ. Пожары 1472 и 1477 гг. уничтожили п
побережье отъ Петровской бѣлой башни до великаго моста, истребивъ и В
ротники и Владимірскую церковь надъ воротами у нынѣшней Никольск
башни, и постройки островка Владычня, а событія 1478 г. положили к
нецъ Новгородскому державству.

Такъ исчезли и уже никогда невозобновлялись церковно-художестве
ное училище съ церковью Св. Никифора, Святого Николая Чудотворца
монастыремъ, вмѣщавшимъ всѣ эти сооруженія.

Для Новгорода началась, съ 14 Января 1478 года, новая жизнь,
новыми дѣятелями, чуждыми большею частью всего предшествовавша
выселеніе образованныхъ и именитыхъ людей страны самобытной сра
обездолило мѣстныя преданія и затуманило отголосокъ недавняго прошла
Новые лѣтописцы почерпали свѣдѣнія для своихъ памятухъ уже изъ зав

ихся источниковъ. Составитель основнаго сборника второй Новгородской писи, Лисицкій монахъ Геронтій, хотя жилъ въ половинѣ XV вѣка, о 1450 года, значитъ еще во время самобытія, но тогда не было уже ни й церкви на Волховскомъ островкѣ, или на островкѣ Владычнемъ; не- и на Вишерскомъ островѣ ни церкви Св. Николая, ни монастыря, что видѣли изъ списка монастырей сожженныхъ въ 1386 г.

Для большой убѣдительности вывода нашего изъ этого списка и не- вательности внесенной въ ученое изданіе второй Новгородской лѣтописи авки въ отмѣткѣ 1197 года обратимся теперь, послѣ всего выше ска- аго, еще къ слѣдующему:—въ межевой грамотѣ господина великаго венскаго конца, данной Саввинской пустыни уже послѣ ея основателя, ршаго въ 1461 году (о ней упомянуто выше подробно), было-бы ска- о церкви и монастырѣ Никольско-Островскихъ, а мѣстность около пу- ни не была бы такою дикою и уединенною, какою она описана въ житіи подобнаго Саввы, появившемся вскорѣ послѣ его смерти (Прологъ, 1-е абря). Составитель исторіи Россійской Іерархіи, по выводамъ котораго еографическая коммиссія исправляетъ древнѣйшій списокъ Новгородской писи, какъ-будто чувствовалъ свою ошибку въ опредѣленіи времени анія Островскаго на Вишерѣ монастыря; его, очевидно, смущалъ спи- 1386 года; но чтобы устранить это смущеніе, трудолюбивый владыка осій впалъ въ другую ошибку: межевую грамоту, данную Саввиной ыни, онъ отнесъ къ концу XIV вѣка, пріурочивая ее къ 1386 году, ремени послѣ мира съ Донскимъ, а другую докончальную, къ 1436. снованіе владыка принимаетъ свидѣтельство Татищева о посадникахъ Ѳе- Тимоѳѣевичѣ и Иванѣ Максимовичѣ, участвовавшихъ въ составленіи оты межевой, и состоявшихъ въ этомъ званіи, одинъ въ 1386, а дру- въ 1436 гг. (Татищевъ, Исторія IV, 313, 317. Истор. Рос. Іер. III, и 560). Ошибку Амвросія повторяетъ и Калайдовичъ въ своемъ опытѣ осадникахъ Новгородскихъ (Москва 1821 г. стр. 233, 242 и слѣд.).

Справкою съ лѣтописью ошибки Амвросія и Калайдовича доказываются тельно: было два посадника съ именемъ Ѳедора Тимоѳѣевича,—одинъ ѣчается впервые подъ 1385, а другой подъ 1418 гг.; но между обо- было нѣсколько посадниковъ, въ томъ числѣ Василій Ѳедоровичъ, сынъ ра Тимоѳѣевича. Преподобный Савва умеръ въ 1461 г.; въ межевой отѣ значится игуменъ Алексѣй, котораго пожаловали посадники Ѳедоръ оѳѣевичъ и Иванъ Александровичъ землями;—стало быть эта грамота а послѣ смерти Св. Саввы; а если при игуменѣ Алексѣѣ сдѣланъ ько отводъ, самая же земля пожалована старцу Саввѣ, при его жизни,— 1386 году,—какъ говоритъ Амвросій, въ такомъ случаѣ намъ придется рѣтиться съ рѣзкою невѣроятностью, что Савва былъ старцемъ и осно- елемъ монастыря, имѣя всего года четыре отъ роду, такъ какъ онъ ръ 1-го Октября 1461 г., на восьмидесятомъ году жизни,—стало быть лся въ 1382 г. А если земля и пожалована и отведена при посадникѣ рѣ Тимоѳѣевичѣ первомъ,—ему, этому посаднику, было бы во время да по меньшей мѣрѣ сто пятнадцать лѣтъ отъ роду, такъ какъ на сте-

пень посадника возводили людей опытныхъ, уже поживших и заявивш себя предъ обществомъ цѣлымъ рядомъ такой разумной и осторожной д тельности, которая служитъ ручательствомъ государственной мудрости гл исполнительной власти народнаго державства. О столь почтенномъ возра степеннаго посадника лѣтопись непреминула-бы отмѣтить. Итакъ и въ эт случаѣ ученый владыка Амвросій устанавливаемъ невѣроятность. Причи тому была не невнимательность изслѣдователя, а недостаточность въ рукахъ источниковъ, каковою не приходится оправдывать издателей Но родскихъ лѣтописей; предъ ними лежали цѣлыя горы разнообразных разновременныхъ сборниковъ и памятухъ семьи Новгородской.

Въ числѣ памятухъ и сборниковъ, находившихся въ распоряженіи изда лей лѣтописей, былъ и упомянутый Колобовскій списокъ, въ которомъ значит что каменная церковь и монастырь Николаевскій, основанные влады Мартиріемъ и отмѣченные въ первой и второй лѣтописи подъ 1197 годо находились на Софійской-Неревской сторонѣ. Хотя Николаевской монасты съ церковью Св. Николая, и существовалъ на Неревской сторонѣ незав симо отъ предполагаемаго на Владычнемъ островкѣ, въ 1155 г., извѣсти подъ именемъ Николы Бѣлаго (о немъ будетъ сказано ниже), но Колоб ская отмѣтка не можетъ относиться къ нему, какъ къ возникшему рав 1197 года.

Скажемъ наконецъ, нѣсколько словъ о причинахъ, вызвавшихъ пе водъ Николо-Разважскаго монастыря на р. Веренду, въ монастырь Перер скій. Синодъ призналъ неудобнымъ существованіе монастыря на Разва въ мѣстности бойкой и шумной, въ концѣ прошедшаго столѣтія. Кому извѣстно, что торговое значеніе Новгорода начало склоняться къ упа послѣ присоединенія страны Ильменской къ Московскому державству. видѣли, что Великій князь Иванъ III отнялъ у иноземцевъ Варяжскую б ницу; онъ первый приготовилъ путь къ ослабленію значенія Новгорода к огромнаго рынка городовъ Ганзы. Царь Иванъ IV, разгромивъ Новгород выселивъ тысячи семействъ, понялъ свою великую ошибку; понималъ и его дѣдъ;—богобоязненный сынъ Иванъ III и отецъ Грознаго стара ослабить важность для Россіи быстраго паденія Новгорода предоставлен льготъ заморскимъ купцамъ; онъ дозволилъ Датчанамъ устройство св торговаго двора; при немъ снова завелось дѣло и съ нѣмцами въ прежн дворѣ ихъ. Грозный, въ припадкѣ болѣзненнаго раздраженія, повѣрив клеветѣ на Новгородцевъ и погубивъ десятки тысячъ неповинныхъ жерт поспѣшилъ дать понять западной Европѣ, что погромъ его разразился на лицами, а не надъ страною, и самъ поселился въ Новгородѣ, почти сра же; здѣсь онъ принималъ пословъ иноземныхъ государей, роднился съ ни отсюда отправлялъ своихъ посланцовъ,—въ Новгородѣ заключались до воры и проч. Такой образъ дѣйствій царя вызвалъ наплывъ купечества и срединной Россіи и съ запада Европы; Новгородъ снова ожилъ. Мона на Разважѣ возникъ при Грозномъ до разгрома, около 1555 года; к не разъ и возстановлялся. Соорудителемъ его былъ заѣзжій гость Ѳед Дмитріевичъ Сырковъ, построившій здѣсь, въ городѣ и въ окрестност

сколько церквей. За все время возрожденія торговой дѣятельности положеніе зважскаго монастыря на шумномъ и бойкомъ мѣстѣ не вызывало въ ду-вномъ правительствѣ заботы о мирной и безмятежной жизни иноковъ зважскихъ, какую оно возъимѣло уже тогда, когда Новгородъ захудалъ излечимымъ недугомъ разрушенія при развившейся рядомъ съ нимъ но-й Невской столицѣ. Царь Иванъ Грозный, созвавшій стоглавый соборъ и рицавшій въ сильныхъ выраженіяхъ порасшатавшее ея православіе,—не на-кнулъ въ своихъ вопросахъ собору о не соотвѣтствіи иноческій жизни стности Разважскаго монастыря Сыркова потому должно быть, что, какъ лившій при воротахъ малаго вала, онъ былъ необходимый для цар-хъ намѣстниковъ стражникъ. Въ концѣ XVIII вѣка сторожевая служба вности имѣла иное устройство и монастырь для нея болѣе ненужный разднили, чтобы дать въ сооруженіяхъ его помѣщеніе военной больницѣ, ающейся тутъ и до нашихъ дней. Возможно, что и Никольскій мона-рь 1197 года, когда тутъ, подъ башнею, была проѣзжая дорога, пере-енный въ XV вѣкѣ въ Воротники послѣ пожаровъ, имѣлъ въ числѣ гихъ и сторожевую, при Дѣтинцевскихъ воротахъ отъ Неревского конца, запность.

Итакъ имѣется достаточно данныхъ, чтобы наше Общество отнеслось особеннымъ вниманіемъ къ Владычнему островку и мѣстности около Ни-льской часовни, не упуская изъ виду ни одного случая земляныхъ ра-тъ, производимыхъ, при новыхъ тутъ постройкахъ, пока не представится зможности изслѣдовать всю эту береговую часть путемъ строго-научныхъ скопокъ.

Живоносная источница. Отдаленнымъ отраженіемъ предположенія шего о существованіи на Владычнемъ островкѣ монастыря въ древнѣйшія емена и боготворительной дѣятельности христіанскихъ общинъ-братствъ, ковыми были древніе Новгородскіе монастыри,—служитъ незабытое еще первые годы XVIII вѣка значеніе ихъ въ жизни народа. Самоотверженный, готворитель, великодушный современникъ и сотрудникъ Петра Великаго трополитъ Іовъ, завелъ, въ 1706 году, на Волховскомъ берегу, за стѣ-Дѣтинца, значитъ на Владычнемъ островкѣ, страннопріимныя гостин-цы, съ пристройкою бани, поварни и избы (Ист. Росс. Іер. Ч. IV, годы 06—1715). Въ 1706 г. учрежденъ тѣмъ-же святителемъ и на этомъ-же ровкѣ Сиротскій домъ, съ деревянною при немъ церковью во имя Живо-ной источницы (Макарій, опис. Арх. дома, стр. 19 и 55). Впослѣдствіи, ду 1706—1715 г. Митрополитъ Іовъ перевелъ Сиротскій домъ въ Кол-во. Долго-ли существовали на островкѣ страннопріимныя гостинницы, не-вѣстно; но церковь оказалась къ 1783 г. обветшавшею на столько, что, распоряженію Митрополита Гавріила, была разобрана, какъ значится консисторскомъ дѣлѣ,—„за ветхостью". Это послѣднее обстоятельство зываетъ сомнѣніе въ первоначальномъ сооруженіи церкви между 1706 1715 годами; за шестьдесятъ съ небольшимъ лѣтъ она не могла обвет-ать.

На чертежѣ Попова нанесены, на пространствѣ между Волховскимъ стомъ и значительно дальше Никольской башни, двѣ продолговатыхъ

площади, и на дальнѣйшей поставленъ крестикъ, указывающій церкви. По современному виду береговой площади положеніе церкви носной источницы приходится на прямой между башнею и камен Аракчеевскихъ временъ, большимъ зданіемъ для хлѣбныхъ запасовъ ныхъ войскъ, на первой трети всего разстоянія, ближе къ башнѣ. Н тежѣ 1778 показаны три площади, одна подлѣ другой, вдоль берега стика нѣтъ ни на одной.

На Олеаріевомъ рисункѣ видно нѣсколько церквей и другихъ въ мѣстности, соотвѣтствующей островку Владычню, но, по мелко скученности ихъ, невозможна даже и попытка разобраться въ по кахъ.

Концы Неревской стороны.

Границы древнихъ концовъ Неревской стороны часто мѣнялис сколько полезно и необходимо точное опредѣленіе ихъ при изслѣд расположенія въ древности улицъ, какъ границъ дѣленія концов столько же безполезно и излишне строго придерживаться этихъ гр при изложеніи остатковъ отъ памятниковъ церковной древности и церковныхъ сооруженій, исчезнувшихъ безъ остатковъ. По этому и и виду удобства повѣрки въ будущемъ выводовъ и основаній, излага въ нашей запискѣ, для строго-научнаго опредѣленія мѣстоположен мятниковъ древности въ городѣ, очертимъ границы Неревскаго и д двухъ концовъ только приблизительно, по нынѣшнимъ улицамъ и щамъ.

Уже сказано, что концы Неревской стороны города разроста забѣгали за внѣшній валъ, образуя тамъ особые поселки, имѣвш общежитіи названіе также концовъ. Чтобы удобнѣе было разбират лѣтописныхъ отмѣткахъ о мѣстахъ церквей одноименныхъ, сущест шихъ въ разныхъ сторонахъ концовъ, и получить возможно точное у вленіе мѣстоположенія всѣхъ лѣтописныхъ церковныхъ сооруженій, одноименныхъ, такъ и разноименныхъ, въ границахъ городского вала чертою его, будемъ дѣлить каждый конецъ на участки, примѣняясь к нѣшнему расположенію городскихъ и загородныхъ построекъ и о вѣстныхъ урочищъ.

Неревской конецъ.

Этотъ древнѣйшій и обширнѣйшій изъ всѣхъ концовъ лѣвой по города раздѣлимъ на четыре участка, два городскихъ, внутри вала, загородныхъ, прилегавшихъ къ валу, одинъ съ полночи, а дру запада.

Первый участокъ.

Подъ первымъ участкомъ Неревскаго конца мы будемъ разумѣть пространство, ограниченное: берегомъ Волхова, внизъ по теченію, отъ полночнаго ла площади лѣтняго сада до береговой части вала, гдѣ бугры отъ разшины Петровской башни; отсюда валомъ мимо Петропавловской церкви и кова монастыря до Петербургской заставы,—отъ нея впрямъ, по Петергской улицѣ, до лѣтняго сада и далѣе вдоль садовой рѣшотки влѣво, востокъ, къ Волховскому берегу.

Никола на Розважи. О Разважскомъ монастырѣ уже говорено; мѣстть его опредѣляется больничными зданіями, расположенными между поежьемъ Волхова съ востока, и улицами: Большою и Малою Розважскими полудня и съ полночи и Дмитровскою съ запада. По переходѣ отсюда настыря и по размѣщеніи въ зданіяхъ его больницы, были тутъ въ 1802 послѣдующихъ годахъ въ цѣлости: по срединѣ монастырской площади вный каменный храмъ во имя Николая Чудотворца объ одной главѣ; ъ него на полночь Благовѣщенская церковь съ придѣломъ Бориса и Глѣба зу и при ней колокольня,—трапеза и кельи настоятельскія; всѣ эти зда- каменныя;—въ полночно-восточномъ углу полукаменныя, двужилыя, а западномъ деревянныя, въ одно жило,—братскія кельи; съ двухъ сторонъ, полночной и западной, каменная ограда, а съ остальныхъ деревянная. которые старожилы, лѣтъ сорокъ назадъ, помнили еще всѣ эти зданія; перь нѣтъ слѣдовъ ни церквей, ни другихъ монастырскихъ построекъ. йти мѣста церквей и каменныхъ зданій возможно даже при помощи кновеннаго курганнаго щупа; строительный соръ отъ развалинъ сразу жется.

На чертежѣ Попова нѣтъ крестика на площади, соотвѣтствующей поженію Розважскаго монастыря и главной церкви; тутъ поставленъ знакъ, зывающій на мѣсто дома принадлежавшаго, будто-бы, Борецкимъ, сгошаго въ большой пожаръ 1477 года; но это указаніе произвольно. На тежѣ 1778 г., среди площади, показанной и на Поповскомъ, нанесена ковь, а въ восточномъ углу, вдоль полночной границы,—мѣста двухъ енныхъ построекъ. Расположеніе сооруженій въ огороженномъ пространѣ въ-полуденномъ углу, образуемомъ городовою стѣною и малымъ валъ, на Знаменскомъ изображеніи, объяснено выше; положеніе церкви въ динѣ его совпадаетъ съ мѣстомъ главнаго храма Розважскаго монаря,—а это подтверждаетъ наше мнѣніе, что Ѳедоръ Дмитріевичъ Сыръ не вновь учредилъ тутъ монастырь, а только возстановилъ прежній, ротники, при церкви Св. Николая, которой ничто не мѣшало быть переенною сюда, на Разважу, много раньше пожара 1342 года, съ островка адычня.

Сорокъ мучениковъ. При изысканіяхъ о мѣстностяхъ, на которыхъ яли церковныя сооруженія Неревской стороны, выдвигается особенно рѣзко исказанное уже мнѣніе наше о значеніи улицъ въ Новгородѣ, до присо-

единенія его къ Москвѣ, т. е., что улицы были крупные участки конц
При Московскомъ державствѣ такое значеніе ихъ утратилось; въ 1507 г
велѣно размѣрить по Московски торги, ряды и улицы; въ 1530 г., по
велѣнію Москвы, размѣряли такимъ именно образомъ на Неревской стор
улицы изъ поля въ берегъ прямо, для чего присланы были особые д
(Соф. Времен.). Это распоряженіе исполнялось послѣ всякаго пожара.
слѣдуетъ также забывать, что лѣтописцы часто называютъ улицами
ходы и проулки, мѣнявшіе свое положеніе и протяженіе до Московск
распоряженій, во время самобытія, послѣ пожаровъ, при возведеніи нов
построекъ. Все это вноситъ затрудненіе въ изысканія: одна и таже цер
показывается на неодинаковыхъ улицахъ, не только въ разныхъ лѣтопис
но и въ одной и той-же. Для цѣлей нашего Общества важно знать въ
стоящее время, гдѣ слѣдуетъ искать мѣстъ древнихъ сооруженій не по д
нему положенію улицъ, улокъ и проулковъ, а по нынѣшнему. Приведе
оговорка особенно нужна при изученіи Неревской стороны, приливы и
ливы населенія которой выражались въ колебаніяхъ болѣе осязательн
чѣмъ на другой сторонѣ; тамъ весенніе разливы на пространствѣ м
валомъ и Городищемъ не допускали заселенія его, тогда какъ здѣсь вы
подъемъ вешней воды, заливавшій площадь за валомъ,—явленіе ве
рѣдкое.

Церковь во имя святыхъ Четыредесяти появляется въ лѣтопис
1199 году, когда заложена каменною; по общему, наблюдаемому отн
тельно древнихъ Новгородскихъ церквей порядку, и эта была, вѣроят
первоначально деревянною, тѣмъ болѣе, что лѣтописецъ, сказавъ о заложе
ея, не пояснилъ мѣстности, чего онъ не допустилъ-бы, если-бъ церковь 40
чениковъ возникла въ этомъ году впервые и не была, поэтому, ни
раньше извѣстна. Дальнѣйшее существованіе ея сопровождалось многокр
ными поврежденіями огнемъ и возобновленіями, занесенными въ лѣтоп
что даетъ поводъ считать эту церковь собственностью древняго рода горож
жившихъ тамъ, гдѣ она сооружена, долгое время, исчисляемое вѣка
Подъ 1211 годомъ записано: „волею Божіею съвърши церковь камяну В
славъ Прокшиницъ, внукъ Малышевъ, святыя 40, а дай Богъ ему въ
сеніе молитвами святыхъ 40". Подъ 1227 г. сказано: „исписа цьр
святыхъ 40 Вячеславъ—Малышевъ внукъ, а дай Богъ ему спасеніе".
рѣла эта цекровь въ 1311, 1340, 1342 и 1350 гг.; но была всякій
возобновляема. Въ 1354 г. она упала отъ старости и отъ великихъ п
ровъ, но въ 1356 г. вновь поставлена каменная же;—далѣе, въ 153
1551 г. снова горѣла—и возстановлялась. Въ писцовыхъ книгахъ XV
за этою церковью числилось много земель; она существовала въ 1
году,—но въ первые годы XVIII в. ея уже не было; въ росписи 1615
приложенной къ разговорамъ Евгенія Болоховитина, церкви, не сущес
вавшія во время изданія этой книги, т. е. въ 1808 году, напечат
строчными косыми буквами, а современныя сочитателю—прописными;—
рокъ мучениковъ въ числѣ первыхъ.

Изъ подробностей огромнаго пожара 1340 г., изложенныхъ въ первой
рописи по пергаментному сборнику, видно, что церковь 40 мучениковъ
ъ устроена и украшена иконами и писменемъ и тканіемъ и кованіемъ
крутою"; а изъ отмѣтки подъ 1342 годомъ той же лѣтописи узнаемъ,
эта церковь была усыпальницею родоначальниковъ Посадника Варѳоло-
я Юрьевича Мишинича: „мѣсяца Октября преставися рабъ Божій Варѳо-
мей посадникъ Новгородскій и сынъ Юрья Мишинича, на память святую
ченику Маркіана и Мартуріа Октября въ 25 день и положиша тѣло его
святыхъ 40 въ отнѣ гробѣ владыка Василій съ игумены и попы. Покой
споди душу его съ всѣми святыми" (стр. 81 годъ 6850).

Въ 1218 году, во время усобицы Славлянъ и Неревлянъ по поводу
ажды князя Святослава Мстиславовича противъ посадника Твердислава,
ревляне собирали Вѣче у Святыхъ Сорока. Былъ-ли это единственный
учай, или обыкновенный,—лѣтописецъ не разъясняетъ. Между тѣмъ имѣ-
ся и въ лѣтописи и въ другихъ письменныхъ памятникахъ свидѣтель-
ва, что каждый изъ пяти концовъ имѣлъ своего посадника Кончанскаго,
авшаго не только дѣла конца, но и извѣстныхъ волостей обширной страны
льменской, раздѣленной по числу концовъ на пять частей, называвшихся
тинами, изъ которыхъ каждая подчинена была въ порядкѣ управленія со-
вѣтствующему положенію ея концу, смежному съ началомъ земель ея
волинъ. О пятинахъ); въ пятинахъ были города, управляемые также по-
никами. Такимъ образомъ область вѣдомства посадника Кончанскаго
ла обширна и по дѣламъ разнообразна. Извѣстно, что городскіе участки
ца, называвшіеся улицами, управлялись улицкими старостами, выби-
емыми уличанами; они подчинялись, поэтому, Кончанскому посаднику.
ъ такомъ строѣ внутренняго управленія, Кончанскій посадникъ и старо-
ы улицкіе должны были имѣть свои особыя, Кончанскія, вѣча, на кото-
ыя и созывались кончане и уличане въ важныхъ случаяхъ. Если лѣто-
си не говорятъ о Кончанскихъ вѣчевыхъ собраніяхъ, такъ это потому,
о они были слишкомъ обыкновенны и какъ явленія, сами въ себѣ зау-
дныя, не заслуживали вниманія составителей памятухъ.

На Славенской сторонѣ мы видѣли въ древнѣйшемъ Славенскомъ концѣ
рковь Іоанна Ищькова или Ишькова, постоянно возобновлявшуюся послѣ
ожаровъ съ XII до XV вѣка, и высказали предположеніе, что она возве-
ена первоначально нѣкіимъ Иваномъ Ищьковымъ или Ишковымъ, вліятель-
ымъ обывателемъ, оставившимъ хорошее состояніе своему потомству, ко-
орое и возобновляло церковь, пока родъ не оскудѣлъ, или пока не вымеръ.
акою же представляется и церковь Сорока мучениковъ на Неревской сто-
онѣ. Обѣ эти церкви служили, вѣроятно, срединою тяготѣнія для обитате-
ей прилегающихъ къ нимъ мѣстностей и около обѣихъ могли собираться
ончанскія вѣча.

Насколько часто мѣнялись названія улокъ и проулковъ, служившихъ
а прохода и проѣзда въ улицахъ, какъ Кончанскихъ участкахъ, лучшимъ
видѣтелемъ представляется церковь Сорока мучениковъ. Въ описаніи по-
ра 1370 г. она значится на Щерковой улицѣ, выходившей на берегъ

(I Нов. лѣт. подъ 1397); въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка она пов
вается то на Яковли, то на Яневѣ улицѣ;—въ росписи 1615 г. це
эта отмѣчена тоже на Яневѣ улицѣ. Выше замѣчено о тожествѣ об
названій.

Для опредѣленія мѣста, на которомъ стояла церковь Сорока му
ковъ, мы беремъ слѣдующія данныя: въ уставѣ Ярослава о мостахъ
ванъ заднею границею участка Коломнянъ Неретьскій мостъ (чтеніе по
Временнику Строева); въ 1536 году поставили мостъ новый въ Нере
конецъ къ святымъ Сорока. На Михайловскомъ изображеніи нанесенъ м
повидимому пѣшеходный, отъ полночно-восточнаго закругленія Дѣ
между Никольскою и слѣдующею башнею, близъ послѣдней, чрезъ
охватывающій Дѣтинецъ. Въ описаніи крестнаго хода Архіепископа
надія вокругъ города деревяннаго, 15 Декабря 1493 г., сказано: „вл
шелъ отъ Петровскаго моста"—что близъ церкви Петра и Павла,
существующей, сряду за валомъ, по дорогѣ къ Звѣринскому монас
чрезъ ровъ внѣшняго вала,—„къ рѣкѣ, и шелъ берегомъ до Яневы у
и пришедъ къ Яневѣ улицы, да взошелъ на гору, да пошелъ къ н
мосту, взошелъ на новый мостъ, да шелъ новымъ мостомъ къ Крест
великому мосту" (II Нов. лѣт. стр. 146, годъ 7001). Выше приведен
мѣтка 1342 года о пожарѣ, начавшемся на Даньславлѣ улицѣ, истр
шемъ побережье до Гребли (т. е. до рва Дѣтинца)—и въ гору до Свя
Сорока мучениковъ и до Святыхъ Козьмы и Даміана; въ числѣ сгорѣв
въ этотъ пожаръ церквей названы: Никольская,—что на Розважѣ, Св
Іакова и Св. Георгія. Во время изданія разговоровъ Митрополита Ев
въ 1808 году существовали всѣ упоминаемыя въ отмѣткѣ 1342 года це
кромѣ Георгіевской. На чертежахъ Попова и 1778 года показаны план
этихъ же церквей, о которыхъ будемъ говорить ниже. Такимъ обра
мѣстность церкви Сорока мучениковъ будетъ между Никольскою и Ко
даміанскою чертежа 1778 г., ближе къ послѣдней и нѣсколько въ сто
отъ нея на полдень къ западу, къ Дѣтинцу.

Въ Лѣтнемъ саду перекинутъ чрезъ ровъ, у горки, гдѣ бесѣдка, м
бывшій лѣтъ пять назадъ каменный, но обрушившійся во время крес
хода въ день Преполовенія. Онъ приходится на мѣстѣ древняго Неретье
Если стать на краю этого мостика со стороны Дѣтинца и провести
него прямую чрезъ горку и Розважскую улицу, что идетъ вдоль са
берегу, она, эта прямая, войдетъ въ больничное зданіе. Тутъ подъ
ничнымъ зданіемъ и будетъ мѣсто древней церкви Святыхъ Сорока му
ковъ. Минувшимъ лѣтомъ, 1893 года, близъ названной прямой пров
чрезъ широкую дорогу, идущую по окраинѣ лѣтняго сада вдоль Ро
ской улицы, канаву для водосточной трубы и нашли два человѣче
черепа, хранящихся въ моемъ собраніи. Возможно что они принадле
погребеннымъ при церкви Сорока мучениковъ.

Въ предыдущей статьѣ описанъ огороженный участокъ Знамен
изображенія съ одною церковью въ срединѣ и съ другою у самаго м
вала, на западномъ углу участка. На западъ отъ этого участка сте

щадь, неправильнаго очертанія, нѣсколько съуживающаяся въ направ-
іи къ полночи на востокъ и вытягивающаяся широкою полосою вплоть до
шняго вала;—это по всей вѣроятности древняя Янева, или Яковля, или Боркова
еликая улица, ведущая въ Неревской конецъ отъ Звѣринскаго монастыря
мо къ малому валу и Дѣтинцу, къ мѣсту Неретьскаго моста и соотвѣтству-
ая положенію нынѣшней Дмитровской; на нее выходили съ берега Вол-
а улицы: Янева, Разважа, Щеркова и другія. Возможно, поэтому, съ
таточною вѣроятностью считать угловую церковь огороженнаго участка
аменскаго изображенія за Святыхъ Сорокъ мучениковъ, такъ какъ ни на
щади, ни близъ нея не поставлено болѣе ни одной церкви, соотвѣтству-
дей, по приведеннымъ даннымъ, Сорока мученикамъ.

Чтобы получить точное, не допускающее сомнѣній, опредѣленіе мѣстно-
этой древней церкви, усыпальницы именитыхъ Новгородцевъ, а затѣмъ,
емъ раскопокъ, найти и Отній гробъ посадника Варѳоломея Юрьевича
шнича, Обществу нашему слѣдовало-бы войти въ сношеніе съ началь-
мъ больницы мѣстныхъ войскъ и просить его разрѣшенія изслѣдовать
полагаемое мѣсто церкви курганнымъ щупомъ, ничего не разруша-
мъ и не оставляющимъ послѣ работы имъ никакихъ слѣдовъ.

Козьма и Даміанъ. Въ Неревскомъ концѣ было три церкви, посвя-
ныхъ этимъ святымъ мученикамъ-безсребренникамъ: —а) на Кузмодемь-
улицѣ; б) на улицѣ Холопьи и в) въ Кузнецахъ на Гзени. Попыта-
я опредѣлить положеніе каждой изъ этихъ церквей, насколько дошло до
ъ свѣдѣній о нихъ.

а) **Козьма и Даміанъ на улицѣ того-же имени.** Эта церковь на-
ена на чертежѣ Попова 1778 г.; въ росписи 1615 г., приложенной къ
говорамъ Евгенія Блоховитинова, она напечатана прописными буквами,
читъ существовала еще въ 1808 году. На обоихъ чертежахъ около этой
ркви показаны площадки. Сравнивая чертежъ 1778 года съ нынѣшнимъ
сположеніемъ улицъ, найдемъ мѣсто Козьмодаміанской церкви на Забав-
ой улицѣ, продолжающейся по пересѣченіи съ Петербургскою къ самому
регу Волхова, саженяхъ въ двадцати отъ пересѣченія, по направленію къ
хвинской церкви, на лѣвой рукѣ, во дворѣ каменнаго дома военной боль-
цы, противъ длиннаго деревяннаго дома бывшаго Манкошева, а теперь
М. Стальнова.

О первоначальномъ сооруженіи Козьмодамьянской церкви на Неревской
оронѣ отмѣчено въ первой Новгородской лѣтописи подъ 1146 и 1181
ами; въ обоихъ случаяхъ церковь была деревянная;—улицы же не наз-
ны. Въ значительный промежутокъ времени между указанными годами,
35 лѣтъ, былъ, по лѣтописи, на Неревской сторонѣ всего одинъ по-
ръ, въ 1175 году, и то въ предѣлахъ Прусской улицы, далеко отъ
стности всѣхъ трехъ Козьмодамьянскихъ церквей. Стало быть въ 1146 и
1181 г. были возведены послѣдовательно двѣ Козьмодаміанскія деревян-
а церкви въ Неревскомъ концѣ. Третья лѣтопись отводитъ для болѣе
вней Холопью улицу, а о второй не упоминаетъ вовсе. Подъ 1345 го-
ъ въ первой лѣтописи записано: „заложи владыка Василій церковь

тыхъ Козмы и Даміана повелѣніемъ раба Божія Ананія—Куритскаго Кузмодемьянѣ улицѣ, на другой недѣли по Велицѣ дни" (т. е. послѣ Пас Въ тотъ же годъ весною она была „съвръшена",—окончена; стало быт церковь деревянная. Названіе улицы Кузмодемьянскою показываетъ, что получила это имя до построенія церкви въ 1345 году,—слѣдовательно пер начальное сооруженіе восходитъ, если вѣрить третьей лѣтописи, къ 1 году; въ 1311 году, во время двухъ пожаровъ, 19 Мая и 28 Іюня, чавшихся одинъ разъ съ Яневой улицы, а другой съ Розважи, съ Глѣб двора, выгорѣлъ Неревской конецъ въ одну сторону до малаго вала (съ до Гребли), а въ другую и за Боркову улицу „и сгорѣ церкви свят Козьмы и Демьяна, и другая святаго Саввы и Четыредесять церковь ог и домове добріи". Если въ порядкѣ перечисленія сгорѣвшихъ церквей дѣть правило лѣтописцевъ, объясненное въ статьѣ „Никола святой", по воду пожара 1342 года, тогда Козьмодемьянская пожара 1311 года буде на Холопьей улицѣ. Въ 1340 году было два пожара, начавшихся въ ревскомъ концѣ; въ первый сгорѣло 40 церквей деревянныхъ и 3 огорѣ а во второй 48 деревянныхъ и 3 каменныхъ „паде". Второй пожаръ чался съ Щирковой улицы, близкой къ Кузьмодемьянской, такъ что соо женіе церкви Куритскимъ вызвано этимъ послѣднимъ пожаромъ. Слѣдую пожаръ, почти чрезъ сто лѣтъ, 1541 года, только повредилъ церковь Кузьмодемьянской улицѣ. Въ 1615 г. она была деревянная.

б) **Козьма и Даміанъ на Холопьей улицѣ.** Основанная перво чально въ 1146 году деревянною, она, какъ и первая, много разъ горѣ При ней служилъ священникомъ Григорій, по прозванію Калѣка, избран въ 1330 году на владычество и возведенный въ санъ архіепископа съ ин скимъ именемъ Василія. Этотъ ученый владыка получилъ отъ Константи польскаго патріарха „Блый клобукъ", до сихъ поръ хранящійся на „по тѣхъ Св. Софіи".

Въ 1711 году поставлена на мѣстѣ Козьмы и Даміана на Холоп улицѣ Тихвинская военная церковь съ придѣломъ во имя безсребренник Подробныя свѣдѣнія какъ о нынѣсуществующей Тихвинской, такъ и церкви, взамѣнъ которой она основана, приведены въ трудѣ Макарія о Н городскихъ церковныхъ древностяхъ (Ч. I, стр. 216).

и в) **Козьма и Даміанъ въ Кузнецахъ.** Объ этой церкви вре оставило намъ одну только запись Софійскаго временника, въ которо подъ 1533 году отмѣчено объ освященіи деревянной церкви Козьмы и Д міана въ Кузнецахъ, на Гзени (стр. 290). Гдѣ были „Кузнецы"—письм ныхъ свѣдѣній совсѣмъ нѣтъ. Но на чертежѣ 1778 г. нанесено четы одинаковыхъ постройки у самаго вала съ внутренней стороны, въ про жуткѣ между современными улицами Лучинскою и Петербургскою, пустырѣ. Ко времени составленія этого чертежа была тутъ же, нѣсколь подальше, противъ самой Лучинской улицы, обширная, вдоль вала, деревян постройка, выведенная покоемъ (буквою П); открытая сторона обращена Петербургской улицѣ. Въ объясненіи къ чертежу четыре одинаковыя стройки названы Кузницами. Сряду за ними, но по другую сторону ва

дѣжала къ самому окопу рѣка Гзень; отсюда она взяла полночно-во-
чное направленіе, оставивъ далеко въ сторонѣ ровъ вала. На чертежѣ
шова нѣтъ ни кузницъ, ни другой постройки; за валомъ же противъ Лу-
яской и Петербургской улицъ поставлена замѣтка, что тутъ жилыя
ста.

Въ древности, приблизительно съ XIV вѣка, отъ нынѣшней Петербург-
й улицы шла Воцкая дорога, а отъ Лучинской Иваньгородская; такъ
, быть кузницамъ на пространствѣ между двумя дорогами по сю и по
сторону вала—естественно.

Принявъ во вниманіе, что Гзень, на всемъ теченіи своемъ, ни разу не
ѣгаетъ за валъ внутрь города, что въ XVIII вѣкѣ были кузницы между
званными улицами, и что сряду за валомъ, противъ этихъ улицъ, про-
гаетъ Гзень по заселенной мѣстности, мы назовемъ мѣстомъ третьей
зьмодаміанской церкви правый берегъ Гзени прямо на нынѣшней дорогѣ
Петербургъ внутри города, саженяхъ въ двадцати отъ вала къ западу
полдень.

Савва освященный. Первое извѣстіе о сооруженіи церкви во имя
Саввы восходитъ къ 1154 году, но гдѣ она была, на Славенской или
Неревской сторонѣ, пергаментный сборникъ не объясняетъ; третья же
топись даетъ подъ этимъ годомъ подробности: „Въ лѣто 6662 заложиша
рковь святаго Саввы освященнаго каменну, въ Саввинѣ улицы, на Софій-
ой сторонѣ, при Нифонтѣ Епископѣ, его строеніемъ“ (стр. 215). Но эта
мѣтка сомнительна: подъ 1181 г. въ пергаментномъ же спискѣ сказано:
рубиша церковь святаго Іакова на Добрыни улици, и святую безмездника
змы и Даміяна и святого Савы и святого Георгія и святого Іоана Ишь-
ву“. Добрынину улицу мы видѣли, она проходила у самаго малаго вала
ало полуденно-западнаго закругленія Дѣтинца; видѣли и церковь Іоанна
шькова на Славнѣ; Св. Георгій и теперь существуетъ въ Торгу на Сла-
иской сторонѣ; его прошлое указываетъ несомнѣнно, что эта отмѣтка от-
сится именно къ нему (Макарій I, 385); Козьмодаміанскія церкви объя-
ены. Значитъ Саввина церковь была деревянною въ 1181 г.; о пожарахъ
Неревскомъ концѣ за время между 1154 и этимъ годомъ лѣтопись не
зываетъ,—а въ 1194 году, въ недѣлю всѣхъ святыхъ, съ пятницы
ста зло, по вся дни загорашеся невидимо и шесть мѣстъ и болѣ“;—вѣ-
тно въ это время сгорѣла, въ числѣ другихъ, и Саввина церковь вмѣстѣ
Козьмодаміанскою на Холопьи улицѣ, такъ какъ въ 1271 году: „Ѳедоръ
товичъ постави церковь Св. Саввѣ; поставиша-же и другую церковь Козмы
Демьяна на Холопьи улици“ (I Новгор. лѣт. годъ 6779). И эта церковь
ла деревянная,—въ пожаръ 1311 года (отмѣтка приведена выше) она
орѣла; о каменныхъ лѣтопись говоритъ: „огорѣ, падеся, осыпася“, а о
ревянныхъ всегда—„сгорѣ“; въ 1356 году поставлены были три церкви
ревяны“ и въ числѣ ихъ „святый Сава на Кузмо-Даміанѣ улицѣ“.
ь-же годъ 6864, стр. 108). Первый разъ каменная Саввина церковь на
узьмодаміанской улицѣ поставлена,—она значится въ числѣ другихъ трехъ
о первой лѣтописи),—въ 1418 году (тамъ же, годъ 6926. стр. 10[illegible]

третья лѣтопись даетъ подъ этимъ годомъ подробную отмѣтку: „Соверш церковь каменну святого Саввы освященнаго на Савинской улицѣ на фійской сторонѣ—Хотовича съ Козмодемьянц“, (стр. 237). Въ пожарѣ 1 году Саввинская церковь засыпалась.

Изъ этихъ отмѣтокъ слѣдуетъ, что третья лѣтопись невѣрно отно сооруженіе каменной Саввинской церкви къ 1154 г. и называетъ ул на которой она появилась, Саввинскою въ томъ же году; она смѣшив также подъ 1418 годомъ подробности отмѣтки первой лѣтописи 1271 А какъ о существованіи въ Неревскомъ концѣ Саввинской улицы не минается нигдѣ, кромѣ третьей лѣтописи, можно съ увѣренностью за чить, что она впервые появилася только съ XVIII вѣка, когда со лялся основной сборникъ третьей лѣтописи, а затѣмъ когда упразд церковь исчезло и имя Саввиной улицы.

Въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка и въ росписи 1615 года це Саввы значится на Козмодемьянѣ улицѣ, а не на Саввиной;—въ ро она показана каменною.

Единственными лѣтописными указаніями, и то отдаленными, въ только намека, о мѣстѣ Саввиной церкви являются приведенныя отм 1271 и 1311 гг.; въ нихъ сказано, въ первой—объ одновременномъ с женіи этой церкви и Козьмодаміанской на Холопьей улицѣ, а во второй одновременномъ же истребленіи этихъ обѣихъ церквей пожаромъ; основ ясь на такихъ отмѣткахъ, возможно догадываться, что Саввина це стояла между двумя Козьмодаміанскими и значительно ближе къ той, на Холопьи улицѣ, т. е. гдѣ нибудь около нынѣшней Тихвинской це

На чертежѣ Попова поставлено два креста почти рядомъ на не вильной площади, соотвѣтствующей положенію Козьмодаміанской церк улицы того же имени, но разстояніе между обоими меньше, чѣмъ м ближайшимъ къ Тихвинской церкви и этою послѣднею. На чертежѣ 1 года отмѣчена площадка каменной постройки влѣво отъ Козьмодаміан церкви и нѣсколько западнѣе ея, въ полуденномъ углу той же пло что на первомъ съ двумя крестами, но ни креста, ни алтарнаго выс обыкновеннаго на церковныхъ площадяхъ, здѣсь нѣтъ;—къ тому же щадка не на срединѣ самой площади. Когда упразднена Саввина церк неизвѣстно; если она существовала еще послѣ чертежа Попова, ука его не маловажно; а если и показаніе чертежа второго относится къ ковному мѣсту, или къ развалинѣ церкви, въ такомъ случаѣ Саввѣ щенному слѣдуетъ отвести участокъ на нынѣшней Забавской улицѣ, отъ Петербургской, если идти по ней отъ лѣтняго сада, подъ камен домомъ подворья Духова монастыря. На Знаменскомъ изображеніи нап каменная церковь именно на этомъ мѣстѣ.

Чтобы разсѣять сомнѣнія полезно будетъ поискать въ дѣлахъ К сторіи, или въ бумагахъ Духова монастыря, свѣдѣній о поступлені собственность его того двороваго участка, на которомъ нынѣшнее под

Яковъ Святой. Въ 1177 году „заложиша церковь камяну святого Я въ Неревскъмъ конци“. Уже замѣчено что Яковъ часто называется въ п

описи Якунъ, встрѣчается также имя Янъ, которое можно, кажется, считать
е за Якова; это имя короче чѣмъ Якунъ, а Новгородцы любили крат-
ть говора, такъ что церковь во имя Св. Іакова основана какимъ нибудь
тоятельнымъ Новгородцомъ Яномъ или Якуномъ; быть можетъ даже не-
екимъ потомкомъ воеводы Св. Владиміра Ярославовича, ходившаго въ
истантинополь. Яна Вышатича, нанесшаго за сто лѣтъ предъ тѣмъ рѣ-
тельный ударъ шаманству. Подъ 1226 годомъ повторена слово въ слово
дыдущая отмѣтка. Не попала-ли которая нибудь изъ нихъ въ лѣтопись
раза ошибкою, при списываніи въ сборникъ памятухъ, состоявшихъ
маленькихъ лоскутковъ. Этотъ вопросъ вызывается отмѣткою о пожарѣ
75 года, уничтожившемъ церкви Св. Михаила и Святого Якова и Святаго
несенія, бывшія въ другой сторонѣ, въ Людинѣ концѣ. Между 1172 и
26 годами промежутокъ всего въ 54 года; пожаровъ въ теченіе его въ
ревскомъ концѣ не было,—обветшать каменная церковь за это время не
ла настолько, чтобы вызвать построеніе новой на ея мѣстѣ. А если въ
75 году сгорѣла Яковлевская церковь въ Людинѣ концѣ,—отмѣтка 1771
можетъ относиться къ ней (объ этой Яковлевской скажемъ въ буду-
ъ), а другая къ Яковлевской Неревского конца; въ виду чего первона-
ное сооруженіе этой послѣдней не безосновательно будетъ отнести не къ
2, а къ 1226 году, хотя подъ первымъ третья лѣтопись и замѣчаетъ,
эта Яковлевская церковь основана на Яковлевѣ улицѣ Неревского конца,
большомъ земляномъ валу. Пожары не щадили ея, но послѣ всякаго по-
кденія церковь, бывшую до конца XVII вѣка соборною, возстановляли и
доживъ до половины нашего столѣтія, пала въ 1846 году.

Мѣсто Яковлевской церкви многіе помнятъ; она стояла, частію, въ
нынѣ существующей церкви Пантелеймоновской или Николо-Кочанов-
й; полуденная стѣна ея приходилась всего въ двухъ саженяхъ отъ тепе-
шней каменной часовни надъ могилою праведной Ульяніи, матери Нико-
Кочанова (Макарій I, 204). На чертежахъ Попова и 1778 г. площадь
й церкви показана. На Знаменскомъ изображеніи Яковлевская церковь
тавлена на правой сторонѣ того широкаго проѣзда, который ведетъ отъ
ринскаго монастыря къ Неретьскому мосту.

Георгій Святой. Въ 1303 г. срубиша деревянную церковь Св. Ге-
ія „на Борьковѣ“ улицѣ. Въ пожаръ 1342 г. она сгорѣла; девяносто
ть спустя „Борковцы“ поставили каменную церковь Святого Юрья, ко-
ая въ 1541 году огорѣла, но вскорѣ возобновлена. Въ росписи 1615 г.
шется: „на Борковѣ улицѣ храмъ каменъ Георгій мученикъ, да трапеза
яна, а въ ней храмъ Рождество Христово. Въ 1808 году не было уже
одной изъ этихъ церквей.

Въ концѣ древней Борковой улицы, на нынѣшней Дмитровской, близъ
, существуетъ площадь саженъ въ 30 длины и ширины; она извѣстна
ъ именемъ Веселой горки и не вымощена; почти вся поверхность ея со-
тъ изъ каменныхъ строительныхъ обломковъ, особенно скученныхъ въ
и ближайшей къ берегу и близъ полночнаго угла противолежащей.
и обломковъ валяются куски раздробленныхъ человѣческихъ костей; въ

полночномъ углу выдается на поверхность, похожій на могильную плит камень около трехъ аршинъ длины и не меньше аршина ширины. Про веденными нами на этой площади раскопками обнаружено захороненіе на ра личной глубинѣ разрозненныхъ костяковъ человѣка; особенно много ихъ двухъ указанныхъ мѣстахъ. Упомянутый камень былъ окопанъ со всѣ сторонъ и представлялся въ видѣ изящнаго памятника, съ художествен исполненными украшеніями со всѣхъ сторонъ, кромѣ верхней, совершен сгладившейся; на камнѣ играютъ дѣти и сидятъ торговки булками, яб ками и вообще подобными мелочами. На передней,—боковой, сторо камня высѣченъ выпукло двуглавый орелъ образца Екатерининскихъ вр менъ,—а по верхнему, выдающемуся, ребру положена выпуклая же на пись искусною, хитро задуманною, вязью. Къ сожалѣнію, камень мяг горной породы, такъ называемый рухлякъ, и надпись сильно пострада подъ ногами дѣтей и отъ ударовъ при игрѣ въ бабки; изъ отрывковъ вреждённыхъ словъ можно только понять, что это памятникъ для всѣх тутъ погребенныхъ. Толщина камня, съ низу до верху, больше аршина.

Нѣкоторые изъ окрестныхъ жителей говорятъ, что тутъ было н сколько церквей и въ числѣ ихъ Св. Георгія Побѣдоносца, упавшихъ оч давно. Бугры развалинъ этой церкви раскиданы по площади лѣтъ тридца назадъ,—а до того Веселая горка имѣла видъ огорѣлаго пустыря. Мѣс Георгіевской церкви указываютъ въ полночно-восточномъ углу площад недалеко отъ могильнаго памятника.

На Знаменскомъ изображеніи поставлены, близъ вала, по лѣвой сторо широкаго проѣзда къ Дѣтинцу, двѣ церкви, одна, которая по больше, бли къ проѣзду, а другая дальше. Одна изъ этихъ церквей можетъ быть при наваема за Георгіевскую.

Намогильный памятникъ, при внимательномъ изученіи остатковъ на писи, дастъ, вѣроятно, нѣкоторыя указанія объ имени церкви, при котор онъ первоначально поставленъ. Для изученія его слѣдуетъ убрать съ пл щади, иначе погибнетъ навсегда этотъ, хотя и не особенно древній, но люб пытный предметъ, указывающій на состояніе искусства въ половинѣ пр шедшаго вѣка.

Дмитрій Селунскій. Древнѣйшее извѣстіе о сооруженіи Дмитріевск церкви въ Новгородѣ относится къ 1195 году; оно читается въ пергамен номъ сборникѣ такъ: „Срубиша цьрковь нову Воздвиженія и святого В силія и святого Дмитрія Ноздрьницу“. Эта Дмитровская церковь могла бы по сосѣдству съ другими двумя, находившимися, какъ увидимъ, въ Д динѣ концѣ. Слово „Ноздрьницу“, если означаетъ прозвище строителей, п твердитъ это мнѣніе; Ноздрицы жили въ одномъ мѣстѣ и построили всѣ т церкви тамъ, гдѣ жили. Если же оно не прозвище, то Дмитровскую це ковь 1195 года не трудно видѣть и тамъ, гдѣ ее находитъ лѣтопись вс слѣдствіи, не исключая ни Славенской стороны, ни ближайшихъ окреста стей, при чемъ главнѣйшимъ руководителемъ слѣдуетъ принять пожар За годъ до сооруженія всѣхъ трехъ церквей приведенной отмѣтки сгор три церкви: Василій, Воздвиженіе и Троица, что, конечно, и вызвало и

новленіе первыхъ двухъ;—а въ 1211 году загорѣлось на Рядятинѣ нцѣ,—въ Людинѣ же концѣ, гдѣ Троицкая церковь существующая до хъ поръ, и выгорѣло по одной лѣтописи пять, а по другой пятнадцать рквей. Дмитровская церковь 1195 г. была деревянная; если ее срубили же Ноздричане, которые возобновили Воздвиженскую и Васильевскую,— а могла сгорѣть также въ 1211 году и болѣе уже не возникать на ежнемъ основаніи, въ томъ же концѣ. Наша задача опредѣлить мѣста рковныхъ сооруженій;—по отношенію къ Дмитровской 1195 года, Людина нца, она невыполнима, если церковь сгорѣла и послѣ 1211 г. не возстановилась, такъ какъ за все лѣтописное время ни разу не встрѣчается отмѣтки о ней въ этомъ концѣ. Но подъ 1390 годомъ отмѣчено о сгорѣвшей то же имени церкви на Даньславлѣ улицѣ въ Неревскомъ концѣ; здѣсь тописецъ засталъ ее, слѣдовательно, уже построенною, если упомянулъ о орѣвшей, но когда построенною неизвѣстно,—а это даетъ право считать церковь 1195 г. за срубленную въ Неревскомъ, а не въ Людинѣ концѣ. Въ 1394 г. ньславцы поставили вмѣсто сгорѣвшей деревянной каменную Дмитровскую рковь. Подвергаясь затѣмъ многимъ пожарамъ и починкамъ, она дожила половины нашего вѣка. Ея-то мѣсто мы и видимъ на Веселой горкѣ, сторонѣ Волхова, и на Знаменскомъ изображеніи, въ одной изъ двухъ, ѣе обширной, стоящей нѣсколько дальше отъ Волхова.

Въ росписи 1615 года она записана уже послѣ всѣхъ церквей евской и Славенской стороны; церкви стороны Славенской перечисляся въ этомъ памятникѣ послѣ Неревскихъ; составитель росписи, или еписчикъ, пропустилъ Дмитровскую церковь на Дмитровской же улицѣ евской стороны, и записалъ ее по окончаніи росписи. Это обстоятельство ввело, что мы уже видѣли, въ ошибку кропотливаго и безупречно-бросовѣстнаго владыку Макарія, указавшаго Дмитріевскую улицу и церковь на Славенской сторонѣ.

На чертежѣ Попова нанесена, на мѣстѣ Веселой горки, продолговатая ощадь, вытянувшаяся вдоль направленія берега; крестовъ на ней нѣтъ. другомъ же, 1778 г., тутъ очерчена равносторонняя площадь, нѣсколько дающаяся дугою на востокъ; на краю, ближайшемъ къ западной сторонѣ, чти на границѣ ея, обведена церковная площадка съ алтарнымъ выступомъ и крестомъ. Видимо это мѣсто церкви Дмитрія Селунскаго. На остальномъ же пространствѣ площади, отъ этой церкви на востокъ, могла стоять оргіевская, на что указываетъ и выдающаяся дугою сторона ея.

Святый Никола. Въ 1135 году, по пергаментному сборнику: „Ирожъ заложи церковь святого Николу на Яколи улици“;—въ 1356 году авлены, по записи того же сборника, „три церкви деревянны: святы кола на Яковли улицѣ, святый Сава на Кузмодаміанѣ улицѣ, святый кола на Ляткѣ“. Запись 1135 г. повторена въ первой и второй лѣтописъ и въ Татищевскомъ сборникѣ дословно. О Никольской церкви 1356 а говорено въ статьѣ о церкви и монастырѣ на островкѣ Владычнемъ. ъ она отождествлена съ церковью въ мѣстности, гдѣ впослѣдствіи учреж-ы монастыри въ Воротникахъ и Николо-Розважскій, съ церквами Мирлискаго Чудотворца.

Въ третьей лѣтописи подъ упомянутымъ 1135 годомъ значится: „За ложена бысть церковь каменная святого Николы Чудотворца въ Неревском концѣ, на Яковлевѣ улицѣ. А въ иномъ лѣтописцѣ написано: 6652 год (1144) заложиша тое церковь каменную Св. Николая Чудотворца на Яко влевѣ улици на Софійской сторонѣ, въ большомъ земляномъ валу; а со вершиша тое церковь каменную въ лѣто 6925“, или 1417 г. (стр. 214

Если отмѣтка третьей лѣтописи только пояснительная, и въ этомъ слу чаѣ нельзя ею не смущаться; составитель основнаго ея сборника жи въ первой четверти XVIII вѣка, когда существовала каменная Николо-Ро важская церковь; между тѣмъ онъ говоритъ и о Николѣ, каменномъ на Яковли улицѣ,—стало быть обѣ онѣ были въ Неревскомъ концѣ одн временно, чѣмъ ослабляется высказанное выше положеніе о возникнове на Розважѣ церкви раньше 1555 г. Однакожъ указаніе на годы 1144 1417 разрѣшаютъ нѣсколько наше смущеніе: подъ вторымъ изъ этихъ г довъ значится въ первой лѣтописи: „совершены, т. е. окончены, быша шес церквей каменыхъ: святая Троица на Колмовѣ, святый Никола, святы Мина на Даньславнѣ улицѣ, святой Андрей на Щитной улици, святой Ан тоній у святого Спаса на Хутанѣ, святый Никола на Холопьи городкѣ Хотя третья лѣтопись, повторяя эту отмѣтку и дополняя ее мѣстоопис тельными прибавками составителя основного ея сборника, объясняетъ, что одна церковь Николы находилась въ Неревскомъ концѣ, на Яковлѣ улиц а другая на Холопьей,—но это едвали справедливо: близъ Хутынскаго м настыря существуетъ урочище: „Холопій городокъ“—а церковь Николы в немъ названа въ отмѣткѣ послѣ Хутынской,—слѣдовательно указаніе н улицу Холопью невѣрно; а изъ этой невѣрности позволительно заключит и объ ошибкѣ или домыслѣ и въ назначеніи мѣста для другой Николае ской церкви. Сборникъ, въ которомъ показана подъ 1144 г. закладка церк во имя Св. Николая на Яковлевѣ улицѣ, не изданъ,—вѣрить же одн третьей лѣтописи, въ виду частыхъ ея ошибокъ и изложеній, опасно.

Мы видѣли, что церковь Іакова основана въ 1172 году; между тѣм оказывается, что еще въ 1135 году та улица, на которой Ирожнетъ п ставилъ Николу, называлась Яковлевскою; значитъ тутъ была первоначал ная церковь, давшая ей имя раньше 1172 года. Всѣ другія церкви перва участка Неревскаго конца возникли послѣ 1135 года. Церковь Іакова, бол шая и бывшая соборною, стояла на томъ широкомъ проѣздѣ, который м называемъ Борковою улицею; въ началѣ ея, у земляного малаго вала, бы Николаевская-Розважская церковь. Не называлась-ли она въ тѣ времен когда тутъ была одна только Яковлевская церковь, т. е. до 1135 го Яковлею, или сокращено Яневою? Если такъ, то одна изъ церквей, осн ванныхъ въ 1135 и 1356 годахъ, могла быть тою, которая впослѣдст значится на Розважѣ. Въ этомъ случаѣ не будетъ противорѣчія и съ р списью 1615 г., въ которой показаны каменныя церкови Св. Николая на Яковлѣ улицѣ и на Розважѣ,—притомъ, въ приложеніи къ разговор Митрополита Евгенія, Никола Чудотворецъ на Яковлѣ улицѣ напеч прописными буквами, слѣдовательно церковь эта существовала въ

а Никола на Розважѣ—строчными буквами—и его уже не было въ
ь году. Преосвященный Макарій считаетъ отмѣтку 1135 относящеюся
онастырю Николы Бѣлаго (Опис. церк. древ. I, 145). Значитъ и онъ
имаетъ за Яковлю улицу 1135 года широкій проѣздъ, соотвѣтствующій
шней Дмитровской улицѣ, такъ какъ Николо-Бѣльскій монастырь на-
ся рядомъ съ Звѣринскимъ, между нимъ и валомъ, куда ведетъ эта
шняя Дмитровская улица.

Но роспись 1615 г. помѣщаетъ на Яковлевой же улицѣ церковь Св.
елеймона, или Николо-Кочановскую, нынѣ существующую и находящу-
отъ мѣста Яковлевской на западъ къ полночи, на значительномъ раз-
іи, что не соотвѣтствуетъ выше приведенному Московскому требованію,
ы улицы велись прямо. Въ устраненіе сомнѣнія съ этой стороны сдѣ-
ь отмѣтить, что церковь Пантелеймоновская основана въ 1554 году,
послѣ 1530 г.; „когда размѣряли улицы на Софійской сторонѣ изъ
въ берегъ прямо",—тогда эта церковь приходилась какъ разъ на одной
ой съ Яковлевскою отъ вала съ полночи къ западу, къ Волховскому бе-
—а Николаевскія, каменная 1135 и деревянная 1366 г., сооружены
осковской передѣлки улицъ, когда онѣ составляли концевые участки.
ародѣ же отличительныя прилагательныя одноименныхъ церквей раз-
частей города могли остаться все таки прежнія. Поэтому, вѣроятно,
въ 1615 году Никола-Бѣлый стоялъ уже на улицѣ, не называвшейся
Яковлею,—за нимъ осталось древнее прилагательное, установившееся
лличіе этой церкви отъ Яковлевой въ Людинѣ концѣ, на Добрынинѣ
ѣ.

На чертежахъ Попова и 1778 года нѣтъ знаковъ мѣста церкви Св.
лая ни на Яковлевой, ни на Дмитровской улицѣ въ чертѣ города, въ
атриваемомъ первомъ укасткѣ Неревскаго конца, но мы увидимъ ихъ
оромъ участкѣ.

Мина великомученикъ. Въ числѣ шести каменныхъ церквей, со-
енныхъ въ 1417 г. была „святый Мина на Данславлѣ улицѣ". Улица
была крайнимъ участкомъ Неревскаго конца къ внѣшнему валу съ пол-
ой стороны; чрезъ него проходилъ, въ поперечномъ направленіи, и
кій путь, соотвѣтствующій древней Яневой или Яковли улицѣ, за
Борковой и современной Дмитровской. Первоначальное сооруженіе
ви Святого Мины въ лѣтописи не упоминается; о ней въ первый разъ
но по случаю пожара 1385 года. Въ 1555 году церковь эта выгорѣла
ри.

Въ росписи 1615 г. помѣщенъ храмъ каменъ Мина великомученикъ,
осланѣ. На чертежѣ Попова мѣсто этой церкви не обозначено, а на
жѣ 1778 г. нанесена площадь и по срединѣ ея означено церковное
тамъ, гдѣ теперь помѣщеніе для службъ [illegible] путей сообщенія,
ть отъ Пантелеймоновской церкви на пол[illegible]ку, на продол-
въ этомъ направленіи той улицы, на к[illegible] церковь, и
ая называется въ настоящее время Ми[illegible] церковь
ины между 1778 и 180[illegible]

Праведная Марія Магдалина. Въ росписи 1615 г. названъ Досланѣ улицѣ (древняя Даньславля) храмъ древянъ Преподобная Ма Магдалина. Когда этотъ храмъ основанъ, какая судьба его и гдѣ онъ находится, ни лѣтописныхъ, ни другихъ свидѣтельствъ намъ не приходи встрѣчать. Не знаютъ о немъ и старики, живущіе около вала, въ пре лахъ Даньславли улицы. По этому ограничимся однимъ только упоми ніемъ о существованіи церкви Маріи Магдалины, предоставляя будущ изслѣдователямъ мѣстоположенія Новгорода и времени указаніе источник по которымъ можно опредѣлить какъ время основанія этого храма, т равно его судьбы и мѣсто въ Неревскомъ концѣ.

Святой Спасъ на Розважѣ. Въ 1421 году сооружена каменная ц ковь Спасъ на Розважѣ. Въ описаніи пожара, истребившаго въ 1541 г шесть церквей, названъ Святый Спасъ на Розважѣ. Въ третьей лѣто помѣщена объ этомъ пожарѣ слѣдующая отмѣтка: „Загорѣся на Я улицы, противъ Владимерскихъ вратъ у тюремъ, и начаша горѣти съ Я улицы, и Щиркова улица въ полѣ, за церковь за Сорокъ мучениковъ Розважа улица по церковь по святой Спасъ, и Козьмодемьяня улиц церковь горѣла, и Холопья по церковь же, а Боркова и за церковь свя Георгія горѣла, а Яковлева улица по церковь, и три улки вси до Дос улицы по одной стороны; и церквей огорѣло шесть; Сорокъ мучениковъ Щирковѣ, святый Спасъ на Розважѣ, Козма и Даміанъ на Козмодемь улицы, а святого Саввы церковь засыпалась, Іоанна Предтечи церковь сгорѣ, была древяная, Георгія на Борковѣ улицѣ огорѣ". Послѣ этого жара Спасская церковь на Розважѣ возстановлена; по росписи 1615 г она была каменная и имѣла придѣлъ Св. Василія Великаго, архіеписк Кесарійскаго. Упразднена до 1778 года, такъ какъ не показана на чер жахъ, на которые мы постоянно ссылаемся.

Отмѣтка 1551 г. указываетъ во 1-хъ, что къ этому времени ул береговой части Неревскаго конца вымѣрены и проложены были уже впр по Московски, изъ поля въ берегъ, и во 2-хъ, что полемъ назывался т широкій проѣздъ, на мѣстѣ котораго нынѣшняя Дмитровская улица. лѣтописи встрѣчаются заполья на Неревской и Запольская улица на С венской сторонѣ, находящіяся внутри города, около самаго вала; меж ними и собственно городомъ, т. е. улицами какъ участками конц оставлялось незастроенное пространство, необходимое для свободы дѣйст при непріятельской осадѣ. На Знаменскомъ изображеніи широкіе проѣз подобные тому, гдѣ теперь Дмитровская улица, лежатъ по срединѣ ко выхъ участковъ Чудинцевскаго и Прусскаго; на концахъ этихъ участк близъ вала, были запалья Чудинское и Прусское. Въ Нарядной описи города 1623 года, составленной послѣ Шведскаго разгрома, приводя, напримѣръ, заполья концовъ Софійской стороны: Козмодемьянское, Яневс и др. Въ лѣтописи подъ 1552 и 1554 гг. сказывается, что горѣло Чуд ское заполье за городомъ за деревяннымъ,—подъ которымъ извѣстенъ лый валъ, или меньшій городъ вокругъ Дѣтинца;—внѣшній же валъ зывается землянымъ городомъ.

Сдѣлавъ замѣтку по поводу описанія пожара 1541 года, и зная уже оженіе обѣихъ церквей Козьмодаміанскихъ, Яковлевой, Сорока мучениковъ Георгіевской, а также Владимірскихъ воротъ, бывшихъ подъ нынѣшнею кольскою башнею, мы безъ натяжекъ опредѣлимъ площадь пожара по-ою по полю, т. е. по нынѣшней Дмитровской улицѣ, до самаго вала и него къ Волховскому берегу, начиная отъ тюремъ, стоявшихъ сряду рвомъ Дѣтинца, между нимъ и малымъ валомъ; этотъ валъ защитилъ истребленія ту огороженную мѣстность, внутри которой были Воротники за тѣмъ Николо-Розважскій монастырь, а церковь Сорока мучениковъ на ду, снаружи.

При такомъ направленіи пожара оказались огорѣвшими: Сорокъ мучеовъ, Спасъ на Розважи, обѣ церкви Козьмы и Даміана, Яковлева и Геевская. Обѣ Козьмодаміанскія стояли на одной прямой, соотвѣтствующей нышней Тихвинской улицѣ, а Яковлева и Георгіевская почти на одной мой, по нынѣшней Дмитровской улицѣ; на той же почти прямой приилась и Четыредесятная; а Спасъ на Розважѣ названъ между Четыредесятною и первою Козьмодаміанскою, слѣдовательно мѣсто его будетъ между ми церквами, т. е. въ томъ же дворовомъ участкѣ военной больницы, предполагается найти вѣрное указаніе слѣдовъ Четыредесятной церкви, въ полночномъ, отъ полуденнаго угла двора, направленіи.

Іоаннъ Предтеча. Въ перечнѣ пострадавшихъ отъ пожара 1541 года квей названа Предтеченская; какъ деревянная она сгорѣла вся. Когда никла, была-ли возобновлена послѣ пожара, въ какое время и въ какомъ ѣ—неизвѣстно. Въ росписи 1615 г. означенъ придѣлъ въ церкви Саввы щеннаго—соборъ Іоанна Крестителя. Въ перечнѣ пострадавшихъ во время кара 1541 г. церквей, Іоаннъ Предтеча поставленъ послѣ Саввы,—изъ о можно заключить, что онъ былъ къ Саввинской церкви ближе, чѣмъ другимъ сосѣднимъ. Пожаръ этотъ не распространялся на западъ отъ ввинской церкви, поэтому Предтеченская церковь должна была находиться востокъ отъ нея, по направленію къ Четыредесятной, то есть между нышними улицами—Петербургскою и потянувшимися отъ нея въ полночносточномъ направленіи Тихвинскою и Розважскою, по близости къ Петерргской. На чертежахъ ея нѣтъ, поэтому надобно полагать, что послѣ пора 1541 г. Предтеченская церковь не возобновлялась.

Второй участокъ.

Мѣстность сряду за валомъ, гдѣ Звѣринскій и Духовъ монастыри, наается съ конца XIV вѣка Петровскимъ-Неревскимъ концомъ; его мы и нимаемъ за второй участокъ Неревскаго конца. Границами этого участка утъ: внѣшній валъ—на полднѣ къ западу; рѣка Волховъ до впаденія въ рѣки Гзени—на востокъ; теченіе Гзени между Волховомъ и дорогою въ ербургъ—на полночь, и эта дорога—на западъ, къ городу.

Звѣринецъ. Еще съ долѣтописныхъ временъ пространство между внѣшнъ валомъ Неревскаго конца и рѣкою Гзенью было заселяемо. Тутъ нахо-

дилось учрежденіе, свидѣтельствующее на первый взглядъ о замѣчат
высокомъ развитіи благосостоянія Новгородцевъ,—это Звѣринецъ,—у
деніе, подобное которому едва-ли гдѣ существовало ранѣе IX вѣка,
Рима, и едва-ли гдѣ имѣло въ древности такое же, какъ у насъ, зна

Въ X и XI вѣкахъ Загзенье представляло густую лѣсную чащ
торою пробрался къ Новгороду въ 1069 году Всеславъ Брячиславовичъ
Полоцкій, встрѣченный здѣсь Вожанами,—Людинами-ратниками Вот
пятины, сидѣвшими около Звѣринца для охраны Неревскаго конца съ
полночно восточной стороны. Едва-ли, поэтому, мы ошибемся, если ска
что въ перволѣтописныя временанасельниками Петровско-Неревскаго
были воины-стражники.

Къ сужденію о поводахъ, вызвавшихъ учрежденіе Новгородцами
ринца, нѣтъ данныхъ, имѣющихъ твердую почву. Близъ Славенской ст
мы видѣли горы Соколью и Лисичью, а близъ Неревской Синичью.
дало холмамъ такія названія, можно только догадываться; объясняютъ
примѣръ, наименованіе ихъ любовью нашихъ отдаленныхъ предковъ къ
усвоенною заимствованіемъ съ запада; тою же догадкою нѣкоторые изс
ватели древностей ограничиваются и относительно происхожденія
ринца.

Пока западные ученые и наши послѣдователи ихъ видѣли въ
менской странѣ „Пустое мѣсто", получившее насельниковъ въ каки
чудовищахъ, то одноглазыхъ (Геродотъ), то съ собачьими головами (Ку
нечего было искать слѣдовъ человѣческаго развитія на пустомъ
(Бѣляевъ). Вѣяніе западной науки удерживало самостоятельную пытл
русскаго ума. Даже до половины текущаго столѣтія насъ учили, да
теперь учатъ, будто первымъ просвѣтителемъ Россіи было Скандинав
манское племя, насадившее въ нашей странѣ гражданственность и д
ей первыя, по образцу своихъ, учрежденія. Охота, эта кровавая за
почитаемая и до сихъ поръ благородною, съ Звѣринцами и Соколи
дворами, считалась занесенною къ намъ тоже съ запада, какъ утѣха
царей стараго времени. Въ нѣкоторыхъ учебникахъ и во многихъ науч
работахъ по изслѣдованію старины Новгородской обыкновенно объяс
названіе нынѣ существующаго Звѣринскаго монастыря основаніемъ е
мѣстѣ Княжескаго Звѣринца.

Съ 60-хъ годовъ текущаго столѣтія отечественная наука о др
стяхъ вступила въ міръ вѣковъ, забытыхъ человѣчествомъ и откры
странѣ Ильменской и во всемъ полуночьи Европы, ясные до несокрушимо
видности, слѣды заселенія не только этого полуночья, но также Азіи и все
обще Россіи, не чудовищами, а людьми точно такими же, какіе бродили в
ночку и ютились въ горныхъ пещерахъ и звѣриныхъ логовищахъ во
остальной Европѣ въ вѣка ледниковые, влача жизнь въ борьбѣ за
ствованіе съ величайшими травоядными, мамонтомъ, носорогомъ и и
временниками и съ кровожаднѣйшими хищниками лѣсовъ, норъ и
линъ скалъ.

Намъ удалось, лѣтъ шесть назадъ, открыть близъ Новгорода, на
вомъ берегу Волхова, при истокѣ его изъ Ильменя, въ урочищѣ „Коло

ъ мощнымъ пластомъ глины, обширную площадь, на которой сидѣли въ
никовые вѣка первонасельники Ильменско Волховскаго побережья. Въ
тѣ объ этой находкѣ, на которую сдѣлано уже нѣсколько ссылокъ, ука-
ы слѣды сношеній насельниковъ этого самаго побережья съ наро-
и странъ сосѣднихъ, потомки которыхъ въ настоящее время живутъ
непривѣтливыхъ окраинахъ полуночья Европы и Азіи и даже въ лѣ-
ъ верхней Америки. Будучи загнаны въ суровый край непреодолимою
ою обстоятельствъ, созданныхъ какимъ-то „злымъ народомъ" въ незапа-
ные вѣка, эти такъ называемые инородцы остаются до сихъ поръ на
ысокой степени развитія, хотя имѣютъ прошлое далеко не такое унылое,
ъ настоящее. Въ вѣрованіяхъ обездоленныхъ нынѣшнихъ насыпковъ
ирскихъ и американскихъ, бывшихъ нѣкогда могучими властелинами воды
земли полуночья, держится особое уваженіе къ нѣкоторымъ звѣрямъ, а
медвѣдю даже какъ къ святынѣ; женщина у нихъ хотя и равно-
авна съ мущиною, но не можетъ прикоснуться къ медвѣдю не только къ
вому—подневольному, даже и къ шкурѣ убитаго. Еще до сихъ поръ Чукчи,
льды и Гиляки Азіи, Чипиуенъ, Книстено и Эскимосы Америки чтутъ
вѣдя если не за божество,—такъ за святыню дремучихъ лѣсовъ.

Въ курганахъ и могильникахъ земли Мерянской находятъ, вмѣстѣ съ
хороненными костяками людей, грубыя изъ необожженой глины подобія
вѣжьей лапы; на Коломцахъ мы находили если не всегда, то очень ча-
пальцевыя кости медвѣжьей лапы, зарытыми въ одну яму съ костями
вѣка. Въ населеніи водной области верхняго и первой половины сред-
о теченія рѣки Луги, гдѣ язычество держалось стойко еще въ XVI вѣкѣ,
ъ доводилось замѣчать и усвоить съ дѣтства нѣкоторыя особенности на-
аго говора и въ числѣ ихъ названіе звѣремъ только одного медвѣдя;
каго другого обитателя лѣсовъ тамъ называли видовымъ его именемъ:
съ, лисица, хорь и пр., а имени медвѣдя не произносили вообще, въ
у же въ особенности. Тоже наблюдали въ прошедшемъ столѣтіи въ
чаткѣ и въ Америкѣ.

При такомъ уваженіи къ могучему хозяину лѣсовъ полуночья нѣкоторыя
мена, какъ Гольды и Гиляки, до сихъ поръ содержатъ въ срединныхъ сво-
ъ селеніяхъ медвѣдя, кормятъ и холятъ его на общественный счетъ подъ
люденіемъ жреца или священника своей вѣры, для ежегодно справляе-
о „Праздника Медвѣдя" (Докторъ Зеландъ).

Выше мы указали основанія, по выводамъ изъ которыхъ мѣстность
вгорода представляется заселенною съ ледниковыхъ вѣковъ и притомъ
прерывно, однимъ племенемъ. Народовѣды, наблюдая нравы, обычаи и
ованія племенъ земнаго шара, заключаютъ, по сходству таковыхъ, или о
дствѣ племенъ, или о существованіи между ними когда-то тѣсныхъ сно-
ній, если, не смотря на разстоянія, основы вѣрованій остаются не измѣ-
шимися въ теченіи многихъ вѣковъ. Медвѣдь у современныхъ сибирскихъ
одцевъ и Американскихъ лѣсниковъ, а также Гольдовъ, Гиляковъ и пле-
ъ Амурскихъ пользуется значеніемъ существа священнаго, несомнѣнно,
установленію незапамятной древности, восходящей къ вѣкамъ захороне-

нія изображенія его лапы въ древнихъ Мерянскихъ могилахъ и пальцев костей на Коломцахъ,—къ вѣкамъ, когда существовали между насельник Ильменской страны и родоначальниками нынѣшнихъ скитальцевъ сиб скихъ тундръ, амурскихъ тайгъ, лѣсовъ и пустынь Верхней Америки, сныя сношенія; доказательства каковыхъ найдены нами на Коломцахъ.

Звѣринецъ по сосѣдству съ Неревскою стороною былъ, или могъ бы установленіемъ тѣхъ же вѣковъ для содержанія священныхъ медвѣдей, храняющихъ и до сихъ поръ въ области рѣки Луги, намъ извѣст исключительное право именоваться звѣрями, а не видовымъ своимъ на ніемъ. Это мнѣніе наше подкрѣпляется погребальнымъ курганомъ, названн выше Лазаревскимъ холмомъ, свидѣтельствующимъ своею обширностію общей въ немъ усыпальницѣ Неревлянъ-язычниковъ, а положеніемъ ме окопомъ города и Звѣринскимъ монастыремъ,—о близости къ нему свящ наго мѣста, каковымъ могло быть общественное содержаніе священныхъ звѣрей—медвѣдей.

По лѣтописнымъ свидѣтельствамъ во второмъ Неревскомъ участкѣ б нѣсколько храмовъ и монастырей. Въ настоящее время тутъ сохраняю монастыри: Звѣринскій и Духовъ, оба женскіе, и церкви Петропавлов и Лазаревская;—лѣтописи говорятъ и о другихъ. Назовемъ тѣ, мѣстопо женіе которыхъ можно опредѣлить.

Никола Бѣлый. Уже высказано въ статьѣ „Святой Никола", первоначальное основаніе церкви во имя Св. Николая Чудотворца въ мѣ ности, гдѣ возникъ монастырь Николо-бѣльскій, нѣкоторыми относится 1135 г. Первое извѣстіе о возникновеніи при этой церкви монастыря восход къ 1165 г.; но, какъ помѣщенное въ третьей лѣтописи, оно представляе сомнительнымъ; отмѣтка подъ этимъ годомъ читается такъ: „на Троецкой дѣли Архіепископъ Іоаннъ ходилъ со кресты по Загородской сторонѣ, ок Деревяннаго города, и у Чудотворца Николы-Бѣлаго, на Софійской сторо въ Неревскомъ концѣ, обѣдню служилъ и велѣлъ Игумену Антонію общи сотворити въ томъ монастырѣ" (III Новг. лѣт. годъ 6673, стр. 215). Об житіе введено въ монастыряхъ, уже по Московскому почину, не раньше вѣка, что и вызываетъ сомнѣніе въ достовѣрности этой отмѣтки,—т болѣе, что во второй Новгородской лѣтописи обстоятельства, въ ней из женныя, отнесены къ 1552 году, подъ которымъ значится: „Мѣсяца І въ 3 день, въ пятокъ на Троицыной недѣли, Архіепископъ (тогда б Серапіонъ II) ходилъ со кресты по Загородской стороны, около города Де вяннаго, и у чудотворца Николы Бѣлаго въ Неревскомъ концы обѣдню с жилъ; и велѣлъ Игумену Антонію Изящному общину засѣдати въ П линѣ въ монастырѣ, а тотъ былъ монастырь розно, промежъ себя бра хлѣбъ ѣли въ кельяхъ" (II Нов. лѣт. годъ 7060, стр. 156). Возмож что составитель основного сборника третьей лѣтописи спуталъ года, ему попала памятуха безъ года. На сомнительности отмѣтки третьей л писи мы остановились потому, что владыка Макарій отнесъ основаніе менной церкви Святого Николая на Яковли улицѣ 1135 г. къ мѣстн Бѣло-Никольскаго монастыря; онъ вѣроятно повѣрилъ приведенной мѣткѣ подъ 1165 годомъ. Если же ее устранить изъ числа доказательс

такомъ случаѣ Ирожнетову церковь Николы ничто не помѣшаетъ ста-
ть тамъ, гдѣ впослѣдствіи явился Николо-Розважскій монастырь, а дере-
нную 1356 года на мѣстѣ монастыря Бѣло-Никольскаго, что не измѣняетъ
щности настоящихъ нашихъ объясненій: и тамъ и тутъ существовали
ркви во имя Николая Чудотворца, которыхъ теперь нѣтъ и мѣстоположе-
которыхъ мы пытаемся опредѣлить. Но устраненіе показанія третьей
тописи о событіяхъ 1552 г., отнесенныхъ ею къ 1165 г., небезразлично
и Никольской церкви на Розважѣ, въ виду возможности учрежденія мо-
стыря на Владычнемъ островкѣ, по ближайшему сосѣдству обѣихъ мѣст-
стей и по вѣроятной близости древней Яневой улицы къ островку и къ
модимерскимъ воротамъ.

Въ описаніи Новгородскихъ церковныхъ древностей владыки Макарія
ведена церкви Бѣло-Никольскаго монастыря особая статья, обнимающая
ея прошлое (Ч. I, стр. 144—150), потому мы не будемъ повторять под-
бностей, тамъ изложенныхъ, хотя съ нѣкоторыми можно и не согласиться;
1860 году, когда издана книга Макарія, Бѣло-Никольская церковь суще-
овала; теперь ея нѣтъ; но мѣсто еще примѣтно,—оно показано на чер-
тѣ Новгорода снятомъ въ 1862 году и изданномъ при Военно-Топографи-
комъ Депо, рядомъ съ церковью Лазаря, отъ нея на полночь къ востоку,
женяхъ въ десяти отъ ограды Звѣринскаго монастыря.

Святой Спасъ. По нынѣшней Петербургско-Чудовской дорогѣ, до кру-
о поворота ея вправо на полночь къ востоку, въ сторону къ Колмову,
кала Вотская дорога, по прямой на Царское село, мимо монастырей Сыр-
за и Вяжицкаго; она пересѣкала рѣку Гзень. Между Духовымъ монасты-
мъ и мостомъ чрезъ Гзень, ближе къ рѣкѣ, въ 1394 г. „поставлена дере-
нная церковь Спасъ въ концѣ Кузьмодемьяни улици и монастырь устроенъ“
Нов. лѣт. годъ 6902 стр. 97). Въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка зна-
тся деревни, „что были Спасскіе конецъ Кузьмодемьяни улицы съ Вотскія
роги“. Тутъ же, только въ чертѣ города, мы видѣли церковь Козьмы и
міана въ Кузнецахъ. Одинъ разъ упомянуто въ лѣтописи, по случаю
жара въ 1545 году, Кузьмодемьянское заполье, вѣроятно въ томъ смыслѣ
кой нами приданъ ему выше, то есть, какъ мѣстность въ чертѣ города,
ихъ вала. Такимъ образомъ можно видѣть здѣсь, во второмъ участкѣ, не
Козьмодемьянскую улицу, на которой сооружена Тихвинская церковь, а
угую, составлявшую участокъ Неревскаго-Загороднаго конца.

Въ росписи 1615 г. значится на Вотской дорогѣ монастырь дѣвичъ,
въ немъ каменный храмъ Преображеніе Христово; но когда устроенъ
тотъ храмъ—неизвѣстно. Слѣдовъ монастыря и церкви нѣтъ.

Николай Чудотворецъ. Въ росписи 1615 года два раза отмѣчена
рковь Николая Чудотворца такъ: „Никола Чудотворецъ на Гзени“ и
рамы древянные Козьма и Даміанъ да Никола Чудотворецъ“. Обѣ записи
ъ рядомъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что и церкви стояли близко
къ другой. Предшествуетъ этимъ записямъ отмѣтка о Духовомъ мо-
рѣ. Составитель росписи заносилъ церкви, стоящія въ одной мѣстно-
начиная съ большей или съ важнѣйшей, или, наконецъ, сперва отмѣ-

чалъ каменныя, а потомъ деревянныя: Козьмодаміанская была, какъ видѣли, ближе къ Духову, чѣмъ Спасская; между тѣмъ въ росписи Козь и Даміанъ и Никола Чудотворецъ, „храмы древянные", поставлены рядомъ, причемъ отдѣльно названъ Никола на Гзени, вѣроятно тотъ же сам Поэтому церковь Николы мы помѣщаемъ между Козьмодаміанскою Кузнецахъ и Спасскою на Вотской дорогѣ,—сряду за внѣшнимъ валом А если тутъ было двѣ церкви Св. Николая тогда указать мѣсто втор при настоящемъ обзорѣ, мы не можемъ, за отсутствіемъ доказательств.

Страстотерпцы Борисъ и Глѣбъ. Въ 1424 году сооружена каме ная церковь „святый Борисъ и Глѣбъ на Гзени"—по первой лѣтописи,— по третьей „и монастырь возградиша". Въ росписи 1615 года отмѣче монастырь на Гзени мужской, а въ немъ храмъ Страстотерпцы Борисъ Глѣбъ. Она существовала въ первой половинѣ XVIII вѣка; когда упра нена неизвѣстно. Единственнымъ указаніемъ мѣста ея представляется х нящійся въ моемъ собраніи рукописей сборникъ, озаглавленный такъ: „В пись изъ Новгородской губернской канцеляріи списцовымъ и здозорны сотказныхъ книгъ и здачь Новгородскаго Николаевскаго Бѣлаго монаст на вотчинные земли и на дворовые мѣста и на крестьянъ". Выданъ взамѣнъ монастырскихъ бумагъ, сгорѣвшихъ въ большой пожаръ; на к домъ листѣ сбоку, вдоль, скрѣпа Новгородской губерніи секретаря Богд Зеленина,—а внизу, по листамъ, канцеляриста Петра Екимова и секрет же Романа Семикова; на каждомъ полулистѣ, въ верхнемъ правомъ уг клеймо съ двуглавымъ орломъ, увѣнчаннымъ тремя коронами; по обѣ с роны средней, большой короны, число 1720, и внизу, по обѣ же сторо хвоста орла, помѣта: „1. ко.". Всѣхъ полулистовъ 26; на оборотной с ронѣ послѣдняго значится, что выпись выдана 10 Августа 1732 го была приложена печать Великаго Новгорода; она не сохранилась, —но ост вила на прилегавшемъ къ печати чистомъ листѣ оттискъ обыкновенн Новгородской печати XVI—XVII вѣка, съ изображеніемъ ступеней, ве щихъ на верхъ большого жилого зданія съ окнами, и посоха, на нихъ п ложеннаго, вдоль. На первой страницѣ выписи выставленъ кудрявымъ п черкомъ № 1477.

Въ этомъ сборникѣ, начиная съ 9-го листа, содержатся выписки и „писцовой книги 132 года (1623) Александра Чоглокова, которая за пр писью дьяка Максима Матюшкина". Тутъ подробно означены тяглыя дв ровыя мѣста прихода Николая Чудотворца Бѣлаго за городомъ, въ Пере скомъ концѣ, на Петровской на Пробойной улицѣ,—въ такомъ порядк отъ заднихъ воротъ Никольскаго монастыря, на Никольской улицѣ къ рѣ Волхову,—за Никольскою улицею, позади дворовъ лѣвой стороны ея о Волхова до болота,—на Глотовской улицѣ, отъ Волхова къ Звѣринско монастырю;—въ Саввиной улицѣ отъ Звѣринскаго монастыря къ Волхо и—„отъ Бориса и Глѣба отъ Гзени по рѣкѣ Волхову вверхъ, улицею вымъ мостомъ; и въ той же улицѣ отъ рѣки отъ Волхова къ Звѣринско монастырю". На этой улицѣ и оканчивается описаніе тяглыхъ дворовъ, означеніемъ, какъ и на всѣхъ перечисленныхъ участкахъ, хозяевъ и пре

ства. Всѣхъ дворовыхъ мѣстъ отъ Бориса и Глѣба на Гзени по улицѣ ивой мостъ" четырнадцать, а отъ нея къ Звѣринскому монастырю во-ъ. Длина каждаго мѣста по Кривому мосту десять саженъ, а поперечъ пятьдесятъ саженъ,—а по улицѣ отъ Волхова къ Звѣринскому мона-рю длина двороваго мѣста тоже десять саженъ, поперечникъ же сорокъ. разсчету длины дворовъ, принимая таковую по лицевой сторонѣ улицы, стояніе отъ Бориса и Глѣба на Гзени до конца улицы „Кривой мостъ" етъ сто сорокъ саженъ, — а отсюда до Звѣринскаго монастыря во-ьдесятъ саженъ,—такъ что монастырь съ храмомъ Страстотерпцевъ от-ялъ отъ Звѣринскаго на полночь къ востоку, къ берегу рѣки Гзени, не ѣе какъ на полтораста саженъ. Отложивъ на чертежѣ площади нынѣш-о Новгорода, изданномъ въ 1862 году, пространство между Звѣринскимъ настыремъ и Гзенью въ полтораста саженъ, получимъ мѣсто Борисо-бскаго монастыря на правомъ берегу Гзени, гдѣ она дѣлаетъ крутой воротъ на полночь.

Михаилъ Святой. Въ 1386 году, когда Новгородцы выжгли 24 рестныхъ монастыря въ размирье съ Великимъ княземъ Дмитріемъ Ива-вичемъ Донскимъ, названы въ числѣ сгорѣвшихъ, Борисоглѣбскій, Бого-дицынъ, Николинъ и Лазаревъ, а въ числѣ отдѣльныхъ церквей Михаилъ итой на Колмовѣ. Подъ Богородицкимъ здѣсь можно считать или Успен-ій-Колмовской, или Звѣринскій, въ которомъ храмъ Положеніе ризы и са Богоматери. Цѣль сожженія монастырей—затруднить осаду; если ли уничтожены четыре рядомъ стоявшихъ монастыря, Звѣринскій, Бори-глѣбскій, Николай Бѣлаго и Лазаревъ, не могъ-бы остаться не тронутымъ лмовъ, отстоящій отъ Борисоглѣбскаго на Гзени не болѣе, какъ на вер-. Но если Колмовъ служилъ, какъ сказано выше, передовымъ укрѣпле-мъ города, онъ долженъ былъ остаться не сожженнымъ. Въ этомъ по-бднемъ случаѣ Михайловская церковь также осталась-бы не тронутою, и-бы она была въ Колмовѣ или рядомъ съ нимъ, въ сторонѣ къ го-ду. Въ росписи 1615 г. имѣется такая отмѣтка: „Идучи на Колмово зо-ся на полѣ храмъ древянный, Архангелъ Михаилъ". Стало быть эта рковь стояла не близъ Колмова. Если сожженный Богородицкій монастырь лъ Звѣринскій, Михайловская деревянная церковь могла сгорѣть одновре-нно съ нимъ и другими тремя сосѣдними въ томъ только случаѣ, когда яла очень близко къ которому нибудь изъ этихъ монастырей. Путь отъ рода къ Колмову, болѣе близкій, мимо бывшихъ Лазаревскаго, Бѣло-Николь-кого, и Борисоглѣбскаго на Гзени монастырей. Поэтому слѣдуетъ искать мѣста михайловской церкви или на правомъ берегу Гзени, во второмъ участкѣ ревскаго конца, противъ полночной стороны Звѣринскаго монастыря, или лѣвомъ, между этимъ и Борисоглѣбскимъ монастыремъ. Когда упразд-ена Михайловская церковь—свѣдѣній нѣтъ.

Третій участокъ.

Третій участокъ начнемъ лѣвою, или полуденно-западною, половиною тербургской улицы; его охватываетъ:—валъ отъ Петербургской улицы на

западъ до нынѣшней Малой Конюшенной, а древней Людгощей улицы,— полночно-восточная сторона ея, продолженная до средины Лѣтняго сада, отсюда оградою сада до встрѣчи съ Петербургскою улицею. На пространстве этого участка лежали древнія улицы: Янева, Розважа и Щирков но всѣ одними только западными своими частями. Между ними были пр ѣзды, улки и проулки съ присвоенными особенными каждому и не всегд постоянными названіями, сбивавшими и смущавшими изслѣдователей расп ложенія Новгородскихъ концовъ и улицъ.

На третьемъ участкѣ Неревскаго конца къ нашему времени остала только одна древняя церковь Св. Ѳедора Стратилата,—но еще въ перв половинѣ XVII вѣка, послѣ Шведскаго разгрома, ихъ было три. До разгро же, по лѣтописи, существовало еще не меньше двухъ;—мѣста нѣкоторых впрочемъ не болѣе двухъ, можно опредѣлить съ точностью,—остальны же—приблизительно, однако въ предѣлахъ не болѣе пятнадцати саже назначенной для нихъ площади.

Ѳеодоръ Тиронъ. Въ пергаментномъ сборникѣ подъ 1115 годомъ писано: „Заложи Войгость церковь святого Ѳеодора Тирона апрѣля въ день". Первая Новгородская лѣтопись повторяетъ эту отмѣтку дословно; второй сдѣлана мѣстоописательная прибавка: „среди дву улицъ, Ширковѣ Разважѣ"; въ третьей отмѣтка второй дополнена словами—„въ земляно валу", а названіе второй улицы написано, какъ въ пергаментномъ—„Р важи", въ четвертой, наконецъ, еще дополненіе „въ земляномъ городѣ". недавно изданномъ сборникѣ, хранившемся въ Николо-Дворищенскомъ борѣ на Славенской сторонѣ (Пол. собр. рус. лѣт. Ч. XI), записано по 1118 годомъ: „заложи церковь Св. Ѳеодора въ Новѣ городѣ князь Всес лодъ". Макарій считаетъ эту запись относящеюся къ нынѣ существующ церкви Св. Ѳеодора Стратилата, что на Лучинской улицѣ, на площади, которой началась и вышла на Петербургскую улица Стратилатовская. изложеніи прошедшаго обѣихъ Ѳедоровскихъ церквей, почтенный влады (Опис. церк. древностей I, стр. 193) смѣшиваетъ ихъ съ третьею Ѳеод ровскою церковью, которую мы видѣли на воротахъ Дѣтинца въ Неревск конецъ подъ башнею, названною нами, по имени церкви, Ѳеодоровскою.

Въ древнѣйшія долѣтописныя времена и до перваго набѣга Всеслав Полоцкаго на Новгородъ „окромъ Неревской" или „Кровъ Неревска конца" проходилъ полуденно-западною стороною близъ нынѣшней Ѳедоро ской церкви, на полночь отъ нея; по эту сторону окопа, на полдень— западу за нимъ, поселены были „Людины"—воины, чтобы охранять Дѣт нецъ, съ западной стороны, хотя лѣсной, какъ и вся окрестность лѣв половины города, но менѣе болотистой и потому удобной для внезапныхъ н бѣговъ. Пространство между этимъ окопомъ и уединенно стоящею на о родѣ Митрополичьяго участка церковью составляло въ древности ули Людгощу. Площадь, на которой теперь театръ и безобразный сарай—1 занята была малымъ валомъ и рвомъ, его охватывавшимъ; въ нег этотъ ровъ, входилъ искусственный рукавъ Гзени, выкопанный для за окрома Неревскаго; онъ назывался уже, въ концѣ XII вѣка, ручьемъ

евской конецъ, что значится въ описаніи пожара въ 1194 году: „заго-
я отъ Хревковѣ улици оли до ручья Неревскѣй коньць“ (I Нов. лѣт.
ь 6702, стр. 22). Въ Татищевскомъ сборникѣ эта отмѣтка читается
ъ: „загорѣся на Хравковой улицѣ дажъ и до ручья въ Неревскій ко-
ъ“. Хревкова улица, судя по отведенному ей мѣсту въ описаніи пожара
90 года, лежала какъ проѣздъ, или какъ проулокъ, между Людгощей и
рковой, т. е. близъ церкви Өедоровской. Пожаръ описанъ такъ: „заго-
лось на мосту на великомъ у городовыхъ воротъ (у Дѣтинца), а церковь
тая Богородици (Положеніе ризы и пояса) огорѣла и стрѣльница; а изъ
ѣльницы похватило тесницу съ огнемъ, понесло на Яневу улицу и ту
орѣлось, и Яневы улицы выгорѣло, и Ростанна улица, и Хревкова улица,
Легоща улица, и Щиркова улица и Розважа“ (II Нов. лѣт. годъ 6998,
. 144). Имя основателя церкви Св. Өедора Тирона „Войгость“ съ боль-
ю вѣроятностью можно считать не личнымъ, а нарицательнымъ „наем-
й воинъ“; Святой Өедоръ Тиронъ—мученикъ-воитель; оба эти обстоя-
льства и названіе улицы, „Люд—гоща“, говорятъ за основаніе церкви въ
енномъ поселкѣ. Къ тому же и лѣтопись не занесла на свои страницы
какихъ свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ ея потому, конечно, что эта цер-
вь была не владычняго вѣдомства. Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ концѣ
VII вѣка близъ Өедоровской церкви были поселены стрѣльцы.

На Знаменскомъ изображеніи написаны въ мѣстности, соотвѣтствую-
ей положенію нынѣшней церкви Өеодора Стратилата, двѣ церкви рядомъ,
а большая, а другая, на западъ отъ нея, маленькая. Въ росписи 1615
а значится: „На Щерковѣ храмъ каменъ Өедоръ Стратилатъ“ (пропи-
ными буквами), у него два придѣла: Өедоръ Тиронъ да Ипатій священ-
ученикъ. Въ нынѣшней Өедоро-Стратилатовской церкви два придѣла:
дора Тирона вверху, рядомъ съ главнымъ алтаремъ, а внизу—Знаменія
кіей Матери; Ипатьевскаго же нѣтъ. Но вся Өеодора-Стратилатовская
ковь поставлена заново въ 1652 году Митрополитомъ Корниліемъ, а
менскій придѣлъ учрежденъ въ 1710 году Митрополитомъ Іовомъ:—
атьевскій придѣлъ упраздненъ, вѣроятно, которымъ нибудь изъ этихъ
тителей.

По всѣмъ приведеннымъ свидѣтельствамъ мы отводимъ церкви Өео-
а Тирона мѣсто рядомъ съ Өедоро-Стратилатовскою, на западъ отъ нея.

Еупатій святой. Подъ 1396 годомъ отмѣчено въ первой Новгород-
ой лѣтописи: „сътворися Знаменіе отъ образа владычня въ святомъ Еу-
тьи на Щерковы улицѣ; аки вино идяше отъ иконы“. Гдѣ именно на
ковой улицѣ была эта церковь—опредѣлить въ настоящее время мы не
жемъ; Ипатьевскій же придѣлъ, бывшій въ 1615 г. въ Өедоро-Стратила-
вской церкви, даетъ поводъ отвести для нея мѣсто невдалекѣ отъ этой
ркви. На Знаменскомъ изображеніи представленъ близъ вала, на прост-
твѣ, соотвѣтствующемъ пустырю между концами нынѣшнихъ улицъ
вской и Петербургской, садъ; у него поставлена, ближе къ первой улицѣ,
рковь какъ-будто съ двумя главами. Нѣсколько отступя отъ этой къ за-
ду, и прямо противъ западной стороны церкви Өеодора Стратилата, не

доходя начала сада, написано каменное продолговатое зданіе съ куполомъ похожее на церковь. Между Ѳедоро-Стратилатовскою церковью и внѣшнимъ валомъ лежала одна только Щиркова улица. Ближайшею церковью къ этому зданію приходится Ѳедора-Стратилатовская, и если оно и есть „Еупатій святой",—положеніе этой церкви будетъ на самомъ концѣ нынѣшней Лучинской улицы, по правой сторонѣ, когда идти отъ лѣтняго сада, недоходя внѣшняго вала; а если продолговатое зданіе съ куполомъ не церковь, тогда Ипатьевскою будетъ та, которая стоитъ на Знаменскомъ изображеніи нѣсколько дальше, къ полночи на востокъ, и тоже на Щирковой улицѣ; но ближайшею къ этой будетъ указанная въ первомъ участкѣ Савинская церковь Такимъ образомъ точное опредѣленіе мѣста Ипатьевской церкви остается подъ сомнѣніемъ и ожидаетъ дальнѣйшихъ изысканій

Константинъ и Елена. Въ первый разъ встрѣчается въ пергаменномъ сборникѣ церковь Константина и Елены подъ 1151 годомъ: „Создаша двѣ церкви: святого Василія и святую Костянтина и матери его Елены". Что эта церковь была первая въ городѣ во имя названныхъ Святыхъ, ясно изъ умолчанія лѣтописца о ея мѣстоположеніи. Видимо церковь была деревянная, какъ сооруженная разомъ. Когда же устроили придѣлъ во имя тѣхъ же Святыхъ у Святого Павла Исповѣдника на Славенской сторонѣ, въ описанномъ уже Павловѣ монастырѣ, въ памятухѣ о сооруженіи каменной Константино-Еленинской церкви замѣчено, что ее поставили въ 1390 году на Яневѣ улицѣ. Въ 1534 г., по поводу возобновленія ея же въ лучшемъ видѣ и съ придѣломъ великомученика Димитрія, пояснено, что церковь эта на Яневѣ улицѣ—въ полѣ. Улица Янева не доходила до внѣшняго вала; направляясь вдоль малаго, она занимала пространство сряду за рвомъ этого малаго вала, начиная съ берега Волхова и кончаясь приблизительно у лѣтняго сада, противъ начала Лучинской улицы, такъ что подъ полемъ слѣдуетъ понимать не заселенную полосу земли вдоль рва малаго вала. Во второй лѣтописи помѣщена подъ 1390 г. отмѣтка: „Поставиша церковь царя Константина на Росткиной улицѣ", бывшей, кажется, между Пречистенскою церковью Росткина монастыря и концомъ Лучинской улицы; эта Росткина улица кончалась у рва внутренняго вала, тамъ, гдѣ теперь средина площади противъ лѣтняго сада (театральная). Былъ еще Росткинъ переулокъ, проходившій по срединѣ пространства между Лучинскою и Лежащею улицами и направлявшійся къ Воскресенскимъ воротамъ Дѣтинца.

Невдалекѣ отъ рва малаго вала, гдѣ сходились концы Яневой и Росткиной улицъ, и стояла Константино-Еленинская церковь;—потому-то и называютъ ее—одинъ лѣтописецъ на Яневой улицѣ, а другой на Росткиной. На Знаменскомъ изображеніи написана церковь недалеко отъ этого рва, такъ что между нимъ и ею всего два небольшихъ домика;—приходится она почти сряду за нынѣшнимъ театромъ съ западно-полночной стороны его,—это и будетъ Константино-Еленинская.

Въ росписи 1615 г. церковь Константино-Еленинская съ придѣлами Димитрія великомученика и Ильи пророка записана два раза,—на Яневой и на Росткиной улицахъ; очевидно это ошибка, или поправка; сначала на

сано было объ этой церкви на Яневой улицѣ,—а затѣмъ составителю списи сказали, что тутъ идетъ уже улица Росткина; онъ сдѣлалъ новую мѣтку, а прежней не зачеркнулъ.

Въ первыхъ числахъ Мая этого 1894 года копали ровъ для городской трубы не глубжи 2 аршинъ вдоль правой стороны Лучинской улицы, если ти отъ Лѣтняго сада, саженяхъ въ 30 отъ театра, нѣсколько на западъ. Начиная съ каменнаго дома Е. И. Лебедева землекопы находили черепа и кости человѣка на протяженіи до 10 саж., противъ домовъ Е. И. Лебедева и Ротова. Большею частію черепа встрѣчались отдѣльно, лежавшими въ землѣ какъ попало и безъ нижнихъ челюстей; одинъ же пришлось отдѣлить отъ костяка, вмѣстѣ съ нижнею челюстью. Нѣкоторые черепа и кости рабочіе, уложивъ трубу, опять зарывали, но гдѣ ровъ еще былъ открытъ, мы сосчитали пять черепныхъ сводовъ, значительно поврежденныхъ; любознательный обыватель Лучинской улицы, г. Лопетъ сохранилъ упомянутый черепъ с нижнею челюстью и обязательно принесъ его въ даръ нашему краніологическому собранію. Статья о церкви Константина и Елены была уже зачата, когда мы узнали о находкѣ человѣческихъ костей на Лучинской улицѣ, указывающей на существованіе по близости церкви. Безпорядочное положеніе череповъ въ землѣ, встрѣчаемое обыкновенно на кладбищахъ, отводимыхъ покойникамъ издавна, объясняется простымъ пріемомъ могильщиковъ: копая яму для новаго покойника и встрѣчая полуистлѣвшій гробъ и одинъ только костякъ прежде погребеннаго, могильщикъ выкладываетъ кости на поверхность, а затѣмъ, зарывая могилу, опять опускаетъ ихъ въ землю, какъ попало. Такимъ образомъ Лучинская находка подтверждаетъ указанное нами мѣсто церкви Константина и Елены: она стояла за театромъ, на западъ—къ полночи отъ него;—но не сряду за театромъ, а отступя пять-шесть саженъ, почти на углу Лучинской улицы, съ правой стороны, и проѣзда вдоль площади, на которой зданіе театра.

Іоаннъ Предтеча. Въ описаніи пожара 1396 года упомянута впервые сгорѣвшая церковь Св. Іоаннъ въ Росткинѣ монастырѣ; объ основаніи и въ извѣстныхъ намъ рукописныхъ и печатныхъ лѣтописныхъ сборникахъ Новгородской семьи не сказывается. Монастырь этотъ горѣлъ нѣсколько разъ и возстановлялся; такъ—въ 1490, 1526, 1531 и далѣе. Въ росписи 1615 г. означенъ монастырь дѣвичъ на Росткинѣ улицѣ, а въ немъ храмъ именъ Іоаннъ Предтеча; трапеза древяна, а въ ней храмъ Никола Чудотворецъ. Монастырь упраздненъ въ 1764 году, и церковь обращена въ приходскую; она стояла еще въ концѣ сороковыхъ годовъ нашего вѣка и пала отъ ветхости. Монастырская площадь и мѣсто церкви еще не застроены; ямы и бугры развалинъ; они находятся на срединѣ разстоянія между Легощею и Лучинскою улицею; мимо площади развалинъ проходитъ начинаяся съ Легощей, Предтеченская улица, называющаяся послѣ пересѣченія съ Лучинскою—Забавскою, и продолжающаяся за Петербургскую, которую она тоже пересѣкаетъ, подъ именемъ Малой Дмитровской, выходящей на самый берегъ Волхова.

На Знаменскомъ изображеніи нѣтъ церкви Ростинско-Предтечен нѣтъ также и ближайшей къ ней Легощинской Флора и Лавра, нынѣ с ствующей. Обѣ эти церкви сгорѣли во время пожаровъ съ 1490 по годъ и потому не могли попасть на изображеніе, писанное между 15 1531 годами.

Соборъ Архангела Гавріила. Въ 1393 году поставлена кам церковь соборъ Архангела Гавріила на Хревковѣ улицѣ, называемой г Фревковой и Фрековымъ переулкомъ. Въ 1531 году, въ пожаръ, начав на Яневѣ улицѣ, у тюремъ противъ Володимерскихъ воротъ, сгорѣло прочимъ три тюрьмы и въ нихъ 145 человѣкъ заключенныхъ. По р ряженію владыки Макарія I трупы колодниковъ похоронены въ общей т той для нихъ ямѣ у Святого Архистратига Гавріила, конецъ Фре улицы (Строевъ, Соф. Времен. годъ 6920). Въ донесеніи Новгородскаг воды царю Алексѣю Михайловичу 1649 года поименованы башни на шемъ земляномъ городѣ,—около Дѣтинца;—въ числѣ ихъ одна „на А гельскомъ быкѣ". Сравненіе башенъ и быковъ этого донесенія съ тако же въ укрѣпленіи по малому валу по Знаменскому изображенію, мѣсто Архангельской непосредственно за башнею противъ Воскресен воротъ, въ направленіи къ полночи. Архангельская церковь была близ башни, потому ей и дано имя церкви. На Знаменскомъ изображеніи въ окрестностяхъ названной башни никакой церкви, что объясняется же пожарами, которые привели къ разрушенію церкви Предтеченску Ростинѣ и Флоровскою на Легощей.

Въ 1490 году, когда возобновленъ Дѣтинецъ, приведенъ въ видъ и малый валъ вокругъ него, что видно изъ упомянутаго торжес наго обхода Архіепископа Геннадія около Дѣтинца и деревяннаго г Съ этого времени пространство между рвомъ малаго вала и городс строеніями, по всей вѣроятности расширенное противъ прежняго, пол названіе Новинки; одинъ разъ Новинка упомянута въ 1592 г., въ значеніи (Акты юридич. № 2921). Въ росписи 1615 года Архангел церковь и другія, какъ увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, стоявш близости рва, церкви пишутся „на Новинкѣ". По нынѣшнему распо нію улицъ Архангельская церковь XIV и послѣдующихъ вѣковъ прихо между Лучинскою и Легощею, приблизительно за теперешнимъ сар циркомъ. Во время составленія росписи эта церковь была каменная. У нена-ли она городовымъ смысленникомъ нѣмчикомъ Юстомъ Матсо возобновлявшимъ укрѣпленія малаго вала по повелѣнію 1632 году (Археограф. Экспед. Ч. III, № 2013), или въ другое какое время— вѣстно. Старожилы не помнили этой церкви уже лѣтъ сорокъ назадъ.

Гавріило-Архангельскою церковью мы оканчиваемъ третій уча Перевского конца и перейдемъ къ четвертому.

Четвертый участокъ.

Изъ границъ этого участка можно точно опредѣтить только одн внѣшнему валу между улицами Петербургскою и Легощею. Въ пис

хъ памятникахъ поздняго, сравнительно, времени, не раньше писцовыхъ нгъ послѣднихъ годовъ XV и всего XVI вѣка, упоминаются монастыри улицы, показанныя въ XVII вѣкѣ, въ нарядной описи 1623 г., въ Неевскомъ загородномъ концѣ, точно также, какъ и описанные нами подъ ленемъ второго участка монастыри и улицы конца Неревскаго-Петровго.

Въ книгѣ Вотской пятины, письма Дмитрія Васильевича Китаева и киты Губы Семенова сына Моклокова 1499—1500 гг., въ первой полонѣ, на листѣ 17, описываются земли Духа Святаго монастыря въ Неевскомъ концѣ. „У монастыря въ задворьѣ у посада монастырскія пашни, ютъ ржи"—и т. д., перечисляются участки и лица, ихъ засѣвающія, тѣмъ говорится: „А живутъ конецъ Коровьи улице въ Перевскомъ концѣ. дохода монастырю даютъ половье изъ хлѣба; и се по старинѣ. А поицики ихъ писаны въ конецъ въ Неревской тяглью". Далѣе описываются ли Борисоглѣбскаго монастыря въ За-Гзеньи: „въ задворкѣ у Борисоба"; заключается опись такъ: „А тягломъ тянутъ въ конецъ Неревской. Великаго князя оброка на нихъ за дань не положено того для, что тятъ въ конецъ Неревской".

Улицы Коровьей не означено въ Неревскомъ-Петровскомъ концѣ, хотя ь онъ опредѣленъ точно, съ подробнымъ перечесленіемъ улицъ и дворохъ мѣстъ въ нарядной описи 1623 года и въ упомянутыхъ бумагахъ ло-Никольскаго монастыря; нѣтъ въ немъ также улицъ Малой Лучинской Спасской и Духовской слободки, земли которой названы на приведенномъ листѣ писцовой книги XV вѣка и которая, какъ и первыя двѣ, существовали даже въ 1744 году, при полномъ упадкѣ Новгорода (Разговоры тенія, стр. 77). Въ росписи 1615 г. поименованы монастыри: на Голыхъ, Сплавскій, Преображенскій и Богоявленскій, между церквами на Гзени монастыремъ Сырковымъ. Хотя по отношенію къ этимъ населеннымъ мѣамъ мы и не можемъ сослаться на такія же свидѣтельства, какія имѣся о земляхъ Духова монастыря, то есть, что и они тянули тягломъ въ ревской конецъ, но, по близости, напримѣръ, улицъ Малой Лучинской, ровьей и Спасской (Спасъ на Вотской дорогѣ) къ городскому валу, нѣтъ ованій отрицать принадлежности ихъ къ Неревскому Загородскому концу ягломъ" или княжескою податью.

Относя перечисленные монастыри къ Неревскому-Загородскому концу, раздвигаемъ границы его съ запада и полночи къ востоку значительно ре таковыхъ же Неревскаго-Петровскаго, не опасаясь большой ошибки. дѣломъ съ восточно-полночной стороны назовемъ нынѣшнюю Петерско-Чудовскую дорогу, отъ вала до Гзени, лѣвый берегъ ея до колѣна еркви Михаила Святого и отсюда до крутого поворота дороги на востокъ,— ъ западной прямую по продолженію лѣвой половины Малой Конюшенной цы за внѣшній валъ, примѣрно на полверсты; соединеніе конца этой мой съ мѣстомъ начала крутого поворота Петербургско-Чудовской доги—будемъ считать полночною границею.

Въ нарядной описи 1623 г. перечислены въ Неревскомъ-Загородск концѣ улицы: Татарская, Петровская, прежде именовавшаяся Панская, Н вая, Лазарева, Никольская, Глотовская и Савина. Петровская названа в Неревскомъ-Петровскомъ концѣ, вѣроятно она тянулась отъ нынѣ сущес вующей церкви Петра и Павла на полночь, за Гзень. Вообще этотъ п мятникъ не даетъ основаній къ представленію о пространствѣ обоихъ выхъ концовъ.

Опредѣленіе мѣстъ церквей и монастырей, существовавшихъ въ четв томъ участкѣ Неревскаго конца возможно только приблизительное, да и подъ большимъ сомнѣніемъ. Чтобы получить основанія для точнаго ука нія такихъ мѣстъ, необходимо изученіе всей совокупности Новгородска писцовыхъ книгъ, остающихся по нѣкоторымъ пятинамъ еще неизданны Мы уже упоминали, что пятины начинались отъ каждаго изъ правител ственныхъ концовъ; отъ Неревскаго начиналась Вотская. Дорогое изслѣ ваніе К. А. Неволина о пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ, въ I прил женіи, относящемся къ этой пятинѣ, даетъ лишь отрывочныя указанія земли и ихъ собственниковъ, въ ряду которыхъ церкви и монастыри за мали во все время самобытія Ильменской страны самое видное мѣсто. изученіе писцовыхъ книгъ нужно много труда и времени, способнаго у чтожить и тѣ отдаленные намеки, которые еще можно уловить теперь. этому сдѣлаемъ попытку къ указанію мѣстностей монастырей и церк въ Неревскомъ-Загородскомъ концѣ по такимъ намекамъ, какъ пер опытъ.

Голыневскій монастырь. Въ 1572 году Иванъ Грозный наряди свою слободу на Голыни и тогда же собрали желавшихъ поселиться ней (Соф. Врем. годъ 7080). Въ росписи 1615 г. читаемъ: „На Голыне монастырь мужской, а въ немъ храмъ древянъ Никола Чудотворецъ". Э записи предшествуетъ: „Никола Чудотворецъ на Гзени. Храмы деревян Козма и Дамьянъ да Никола Чудотворецъ";—а за нею слѣдуетъ: „на В ской дорогѣ монастырь дѣвичъ".

Козьму и Даміана и Св. Николу мы видѣли во второмъ участ между валомъ и Гзенью; Вотская дорога тоже указана. Слѣдуетъ, поэто искать Голыневскаго монастыря между Гзенью и Вотскою дорогою, теп Петербургско-Чудовскою. Уголъ, образуемый этими урочищами занятъ настоящее время помѣщеніями для войска, извѣстными въ народѣ подъ званіемъ „Аксенки, за Аксенкой". Очевидно въ Аксенку передѣлана л писная Гзень.

На Чертежѣ 1778 года весь уголъ между Гзенью и дорогою за обширными деревянными постройками, или вѣрнѣе—разбитъ на прав ные четыреугольники для занятія площади ихъ деревянными постройка близъ береговъ Гзени, праваго и лѣваго, отмѣчены мѣста узкихъ и д ныхъ каменныхъ построекъ, а между ними, чрезъ Гзень, перекинутъ не мостъ, не то плотина. Въ описаніи подробностей чертежа весь этотъ у названъ парусною фабрикою, учрежденною Петромъ Великимъ.

Годъ наряда слободы на Голыни приходится вторымъ послѣ ужасныхъ ней въ Новгородѣ. По повелѣнію Грознаго лѣвая половина города наз- а „Опричною“,—а правая „Земскою“. Знаменитая Александровская сло- а—монастырь „Кромѣшниковъ“ или Опричниковъ уже тогда существо- а; на Голыни царь хотѣлъ вѣроятно учредить такую же Кромѣшнину монастыремъ и церковью Святого Николая; современники не внесли въ и памятухи о сооруженіи ни монастыря, ни церкви, чтобы не вызывать потомствѣ кровавыхъ воспоминаній. Мѣстность Голыневой слободы, какъ ованной царемъ, оставалась въ дворцовомъ вѣдомствѣ и, будучи государевою ственностью, превращана Петромъ Великимъ въ парусную фабрику, дѣй- овавшую водяною силою.

Въ упоминаемомъ нѣсколько разъ рукописномъ Уставѣ Софійскаго со- изложенъ, между прочимъ, чинъ крестнаго хода, ежегодно совершавша- 26 Августа, въ день празднованія Владимірской Богоматери, въ XVII ѣ, въ Сырковъ монастырь, со всею торжественностью, изъ Софійскаго ра, съ владыкою во главѣ. На пути пѣли молебенъ въ пять статей: Успенію и Святителю Никитѣ; 2-я Благовѣщенію и Святому Николаю Розважѣ. Отъ Розважи шли загородъ въ Козьмодемьянскія ворота по ой дорогѣ; 3-я статья Знаменію и Святителю Іоанну (Новгородскому), тивъ Спаса, что „въ Калачникахъ“; 4-я статья на Голыневѣ у креста всяко прошеніе и Александру Свирскому,—и 5-я статья Владимірской кіей Матери и тремъ Святителямъ Московскимъ.

Статьями молебна обозначается путь крестнаго хода: Успеніе—это амъ Софіи; Никита—храмъ Святителю у Софіи; Благовѣщеніе—крестовая дворотняя церковь при выходѣ со двора Св Софіи; Никола-Розважскій на оротѣ съ Волховскаго берега въ гору къ Козьмодемьянской улицѣ; Спасъ Калачникахъ—это Спасъ на Вотской дорогѣ, предъ самымъ городомъ. теперь еще у всякихъ въѣздныхъ воротъ въ городъ, а также и за ними, дорогѣ, сидятъ торговки булками, кренделями и проч.; въ старину бѣ- й хлѣбъ для народа деревенскаго назывался калачемъ,—отсюда и калач- ки у Спаса;—старая дорога къ Козьмодемьянскимъ воротамъ шла, вѣро- о, отъ Розважскаго монастыря по тѣмъ улицамъ, которыя не были еще нуты впрямъ, по Московски. За городомъ дорога шла поодаль и отъ ова и отъ Голыневскаго монастырей; ближайшею по пути церковью аго монастыря приходилась Св. Александра Свирскаго на воротахъ,— ну Преподобному и пѣли молебенъ у предѣловъ монастыря Голынев- го, гдѣ стоялъ крестъ.

Вотъ тѣ данныя, которыя указываютъ путь къ изысканіямъ о мѣстѣ ыневскаго монастыря и церкви Святого Николая Чудотворца—за Гзенью, пространствѣ, занимаемомъ въ настоящее время помѣщеніемъ войска на енкѣ.

Монастырь дѣвичъ на Вотской дорогѣ. Въ этомъ монастырѣ была вь Преображенія. Когда онъ основанъ намъ неизвѣстно, хотя не раньше енія Вотскаго придорожья, какъ и всѣ монастыри путевые. Въ росписи года онъ записанъ такъ: „На Вотской дорогѣ монастырь дѣвичъ, а емъ храмъ Преображенье Христово, каменный“. Для указанія возмож-

наго мѣстоположенія его нужно имѣть въ виду почвенныя условія В
дороги. Сряду за городомъ стелется низина, по которой проведена Г
нынѣшней дороги,—это осохшая Гзень, поднимающаяся до прежняго
уровня только весною. За Гзенью, гдѣ теперь тюрьма, поверхнос
сколько приподнимается; по ней видны широкія и глубокія старицы
нихъ рѣчекъ и ручьевъ, питавшихъ Гзень; всѣ они бѣжали съ зап
востокъ.

Саженъ сто за тюрьму къ западу и къ полночи старицы исче
Отсюда пошла равнина къ Знаменскому заводу, къ Сыркову и Вяж
монастырямъ, нѣсколько поднимающаяся около Григорова, въ видѣ
ваго кряжа рѣки Веряжи. На полночь къ востоку эта равнина раск
верстъ на двадцать слишкомъ, приподнимаясь въ восточно полуденн
правленіи къ берегу Волхова, верстахъ въ 3—6 отъ него; Петерб
Чудовская дорога идетъ, послѣ заворота, по краю подъема съ п
Знаменскій заводъ, Григорово и монастыри Сырковъ и Вяжицкій пр
ляются плоско-холмистыми островами всей этой равнины, снова про
ющейся за ними на десятки верстъ къ болотамъ Нехинскому, Нетыл
и Пидебскому. Въ недавнее,—по вычисленію лѣтописи земной повер
и нижнихъ пластовъ, ее подстилающихъ,—время, которое надобно, с
же, измѣрять тысячелѣтіями, тутъ стоялъ обширный водоемъ, отла
на днѣ красноватую кирпичную глину. Между тюрьмою и Петерб
Чудовскою дорогою, въ древней области Гзени и ея притоковъ, ока
толща пласта этой глины свыше двухсаженной мощности и притомъ
ватая. При такомъ видѣ поверхности слѣдуетъ искать остатковъ Д
монастыря на Вотской дорогѣ по близости Голынева, въ западномъ н
леніи, до предѣла низины, вовсе неудобной для селитьбы даже и теп
не далѣе первой половины слободки солдатской, называвшейся преж
бричною. Старожиловъ тутъ нѣтъ, да и горожане не помнятъ о каком
здѣсь монастырѣ.

Монастырь мужской Богоявленскій. Также какъ и предъ
упоминается въ росписи: „На той же Вотской дорогѣ монастырь м
Богоявленскій, а въ немъ храмъ каменъ Богоявленіе Христово; да т
древянная, а въ ней храмъ Спиридонъ Тримифунтскій". Такъ какъ
сленіе описываемыхъ росписью монастырей началось съ Духова и, в
въ порядкѣ, удалясь отъ города,—Богоявленскій монастырь должен
между Преображенскимъ женскимъ и Сырковымъ. Владыка Макарій
слѣды этого монастыря въ 1860 году (Опис. Новг. цер. др. I, стр.

Въ Исторіи Россійской Іерархіи основаніе этого монастыря отн
къ 1421 году и приписывается Исааку Онисифорову (Ч. III, стр.
Изъ приведеннаго мѣста Устава Софійскаго собора оказывается, ч
лебна Преображенію и Богоявленію не пѣли на пути въ Сырковъ мона
можно считать поэтому, что оба они приходились или въ сторонѣ о
роги, или что Уставъ писавъ первоначально еще до сооруженія ихъ.

Успенье Богородицы. Въ росписи 1615 года, послѣ перечн
всѣхъ церквей и монастырей внутри лѣвой половины города, кромѣ

скихъ и загородныхъ обоихъ участковъ Неревскаго конца, Петровскаго Загородскаго, приводятся церкви запольевъ—въ такомъ порядкѣ: Козьмо-ьянскаго, Чудинцовскаго и Прусскаго. Должно быть эти заполья не во-и въ границы новыхъ концовъ, а составляли отдѣльные отъ нихъ зе-льные участки,—въ противномъ случаѣ незачѣмъ-бы выдѣлять и записы-ь ихъ въ особыя статьи. Если такъ, то Козьмодемьянское заполье при-ся рядомъ съ границею Неревскаго-Загородскаго конца, на западо-пол-ь, гдѣ теперь усадьба Я. Я. Макъ-Дональда, влѣво отъ проѣзда, проло-нного за валомъ къ желѣзнодорожному пути. Сколько намъ извѣстно стокъ этотъ принадлежалъ, до продажи нынѣшнему собственнику, Дере-дкому монастырю; къ нему-же поступилъ послѣ 1764 г., когда мона-рскія и церковныя земли снова распредѣлялись, за упраздненіемъ мно-ъ, между другими, тогда существовавшими на свои доходы отъ земель. ожно, что первоначально этотъ участокъ пожертвованъ былъ которой изъ Козьмодемьянскихъ церквей, потому и названъ запольемъ Козьмо-янскимъ, по перво-одаренному собственнику. Въ особой статьѣ о мона-рыхъ и церквахъ, мѣстоположеніе которыхъ уже совсѣмъ забыто, мы димъ, что Козьмодемьянскій монастырь былъ и въ окрестностяхъ Сла-ской стороны. Слѣдовъ Успенской церкви надобно, поэтому, искать ь,—хотя они могли и не сохраниться: церковь была въ XVII вѣкѣ дере-ная.

Къ заключенію о положеніи Козьмодемьянскаго заполья именно здѣсь, е въ границахъ Неревско-Петровскаго конца приводятъ, независимо отъ оженныхъ, еще слѣдующія данныя: въ XVIII вѣкѣ, въ описи 1744 года вилась улица Малая Лучинская. По имени этой улицы, ея мѣсто должно ть недалеко отъ нынѣшней Лучинской: оно могло служить и продолже-мъ ея за внѣшній валъ. На это послѣднее обстоятельство указываютъ раняющіяся до сихъ поръ каменныя сквозныя ворота, въ видѣ трубы, валу, противъ Лучинской улицы, выводившія, какъ замѣчено выше, на нь-городскую дорогу, а эта дорога лежала, надо полагать, по нынѣшней инской, что идетъ мимо Знаменскаго завода къ области рѣки Дуги, на рой возникъ въ XVI вѣкѣ Иванъ-городъ. На концѣ Иванъ-городскаго и, какъ и всѣхъ другихъ, у города, и могъ возникнуть поселокъ, на сѣ, принадлежавшей одной изъ Козьмодемьянскихъ церквей, съ несколь-и дворами, составлявшій доходную статью,—такъ какъ по Иванъ-город-дорогѣ возили товары отъ самаго Балтійскаго моря, сперва рекою ю, а затѣмъ гужомъ до Новгорода. Вопросъ о запольяхъ еще нуждается ается уясненію, къ нему мы еще обратимся.

Оканчивая Успенскою церковью Козьмодемьянскаго заполье послѣдній стокъ Неревскаго конца, перейдемъ къ слѣдующему по нумерацій.

Загородной конецъ.

оложеніе и образованіе этого конца мы видѣли по мѣстности, у ученыхъ изслѣдователей, только двѣ улицы: Чудинцовская и Прусская

какъ Кончанскіе участки, и Митрополичъ островъ. Пространство За
наго конца не было, по заключенію тѣхъ же ученыхъ, такъ обширно
другихъ двухъ, Неревскаго и Людина. По положенію между этими ко
оно могло шириться только въ одну сторону, за внѣшній валъ и не
гаться всею своею площадью то на западъ, то на полночь къ восто

Названіе обѣихъ улицъ, составлявшихъ конецъ, даетъ основані
писывать первоначальное заселеніе ихъ тѣми наемными людинами, к
вышли на службу Великому Новгороду изъ областей Чудской и Г
ской, съ береговъ Пейпуса, гдѣ впослѣдствіи возникъ Плесковъ (П
и восточно-полуденнаго Ильменя и побережій рѣкъ Ловати, Полист
лони и другихъ, гдѣ была рѣка Порусья, и города Старая и Новая
Къ первонасельникамъ—людинамъ прибывали время отъ времени ихъ
и соплеменники, Чудь и Порусы, а впослѣдствіи и нѣмцы, селившіеся
временно, а другіе навсегда, около людиновъ-наемщиковъ. Позднѣйш
томство обитателей улицъ Чудинцевой и Прусской получило права
данъ Новгородскихъ и кончанское устройство.

Между изслѣдователями прошлаго Ильменской страны возникло
мысліе о времени образованія конца Загороднаго; одни относятъ это
къ вѣкамъ долѣтописнымъ, другіе къ перволѣтописнымъ, наконецъ
только къ XIV вѣку. Пока отечественные ученые искали отвѣта
просъ о возникновеніи Новгорода въ письменныхъ свидѣтельствахъ
они держались путей, намѣченныхъ учеными западной Европы, и
вители первыхъ двухъ мнѣній имѣли почву въ древнѣйшихъ законо
ныхъ памятникахъ X или XI вѣка, въ Ярославовомъ Уставѣ о мост
въ кратчайшемъ спискѣ Русской Правды, хотя на послѣдній и не ссы
Представители же третьяго мнѣнія остановились на шаткомъ ос
лѣтописныхъ показаній, невѣрно истолкованныхъ. Но когда усилія
входящихъ въ область народовѣдѣнія, заставили говорить памятники
ственные и раскрыли великую книгу природы, эту непогрѣшимую л
вселенной, предъ ними поблѣднѣли страницы памятниковъ письм
слои, подстилающіе жилой перегной подъ нынѣшнимъ городомъ и
ненные въ немъ бытовые остатки, указали на заселеніе людьми
половинъ его съ вѣковъ, забытыхъ человѣчествомъ, и на сношенія
заимщиковъ Ильменско-Волховского побережья съ племенами Ев
Азіи, установившіяся съ тѣхъ же забытыхъ вѣковъ и непрерывно
жавшіяся до вѣковъ лѣтописныхъ. Изслѣдованія почвы Дѣтинцевск
щади и концовъ Неревской стороны удостовѣряютъ, что какъ Дѣ
такъ и эти концы образовались одновременно, или съ незначите
промежутками, не превышающими одного—двухъ столѣтій.

Насколько сомнительны бываютъ выводы изъ буквальнаго
одного какого либо показанія письменныхъ памятниковъ, лучшимъ
тельствомъ представляется мнѣніе о возникновеніи Загороднаго к
раньше XIV вѣка. Карамзинъ и его послѣдователи,—читая въ
подъ 27 Ноября, въ повѣсти о чудѣ отъ образа Богоматери З
изложеніе причины, вызвавшей осаду Новгорода княземъ Андреем

бскимъ,—столкновеніе пятисотенной дружины, по сотнѣ отъ конца, Даньва Лазутинича, Новгородскаго воеводы, ходившаго въ заволочье по сбору ни,—съ дружиною Боголюбскаго, численностью въ семь тысячъ, и полное раженіе этой послѣдней, признаютъ мѣсто пролога позднѣйшею вставо, заимствованною изъ степенной книги, на томъ основаніи, что первая городская лѣтопись опредѣляетъ число дружинниковъ Даньслава въ череста человѣкъ;—а изъ этого основанія заключаютъ, что въ XII вѣкѣ щовъ было только четыре, такъ какъ съ Даньславомъ отправлено по человѣкъ отъ конца. Въ пергаментномъ спискѣ и, со словъ его, въ перлѣтописи, этотъ случай разсказанъ подъ 1169 г. такъ: „Иде Даньславъ утиниць за Волокъ данникомъ съ дружиною, и присла Андрей пълкъ нань и бишася съ ними и бяше Новгородьцъ 400, а Суждальцъ 7000 особи Богъ Новгородцемъ и паде ихъ 300 и 1000, а Новгородьцъ 15 съ". Въ этой отмѣткѣ нѣтъ ни слова о посылкѣ съ Даньславомъ по человѣкъ отъ конца. Въ рукописи Супрасльской походъ Даньслава отнъ къ 1168 году (это зависитъ отъ начала исчисленія года,—въ одной описи съ Марта, а въ другой съ Сентября) и описанъ несогласно съ гаментнымъ сборникомъ: „Ходи Даньславъ на Двину имати дани въ стахъ мужъ. И пріидоша на нихъ Суздальцевъ тысяча и пятьсотъ и ась крѣпко: и убиша Суждальцевъ восемсотъ человѣкъ, а Новгородцевъ ша пятнадцать. И дань взяша и здравы пріидоша" (изданіе князя Обоскаго, Москва 1836 г., стр. 21). Здѣсь тоже о сотнѣ человѣкъ отъ ца не говорится. Карамзинъ принялъ за позднюю вставку только слова лога о посылкѣ по сто человѣкъ отъ конца—и былъ, по своему, правъ. слѣдователи же его, въ числѣ ихъ и добросовѣстнѣйшій изслѣдователь стоположенія древняго Новгорода И. И. Красовъ, не сравнивъ обѣихъ веденныхъ отмѣтокъ, остановились только на показаніи первой лѣтописи пролога о сотнѣ дружинниковъ отъ каждаго конца. Но, во 1-хъ, лѣтописью подтверждается вставка пролога о концахъ,—на ней, стало быть, нельзя его и основывать,—а во 2-хъ—первая лѣтопись свидѣтельствуетъ о участвовавшихъ въ бою, не считая запаса, всегда оставляемаго позади ствующаго войска на случай подкрѣпленія, и не считая больныхъ и лыхъ,—Супрасльская же рукопись говоритъ о числѣ дружины Даньловой при выступленіи ея изъ Новгорода.

Не видя, такимъ образомъ, основаній считать образованіе Загородскаго а позднимъ, а тѣмъ болѣе, относить возникновеніе его къ XII веку, а было уже, какъ мы видѣли, по народному раздѣленію города на концовъ, мы не находимъ препятствій признавать этотъ конецъ существовавшимъ съ долѣтописныхъ временъ и участвовавшимъ среди прочихъ ставителей въ составленіи присутствія Одриннаго суда, названнаго въ нѣйшемъ спискѣ Русской Правды „Изводъ передъ двунадесятницами Загородскаго конца для нашей цѣли мы примемъ малый рвомъ съ востока, лѣвую сторону нынѣшней Малой Лошенской ючи, внѣшній валъ съ запада и прямую отъ большой Покровской Дѣтинца къ валу, мимо полуденной стороны Десятаго

стыря—съ полдня. Сряду за валомъ, на пространствѣ между Лег
Десятиннымъ монастыремъ, были отдѣльные поселки,—ихъ мы р
римъ особо и, въ этихъ видахъ, раздѣлимъ Загородный конецъ
участка, одинъ въ чертѣ города, а другой за нею. Но при это
лаемъ оговорку, что древнѣйшія границы Загороднаго конца
лись по мѣрѣ расширенія Неревскаго на полдень къ западу, з
шаго соотвѣтственную часть прилегающей къ тому и другому п
въ свою очередь и полуденно-западная и другая граница Заг
конца или отступали далѣе въ томъ же полуденно-западномъ
леніи, пока не было густо населеніе въ той сторонѣ, по мѣрѣ заня
щади его новыми поселками конца Неревского; или, послѣ больш
жаровъ въ сосѣднихъ участкахъ этого конца, опять подвигалась на
къ востоку; когда же невозможно было передвигать границу ни въ
въ другую сторону, особенно по учрежденіи въ послѣдніе годы X
Новинки, отнявшей отъ Загороднаго конца значительную часть пл
малаго вала,—приходилось выбираться за внѣшній валъ и заводи
отдѣльные поселки, которые мы будемъ называть внѣшними Заполь
отличіе отъ внутреннихъ у самаго вала. Наиболѣе продолжительная
вижность границъ Загороднаго конца относится къ X—XIII вѣкамъ, п
динъ конецъ занимали преимущественно, если не исключительно, одн
людины-дружинники. Ко времени, еще болѣе раннему, относится со
того окопа, остатки котораго, собственно ровъ, не вмѣстившій сп
въ него впослѣдствіи, когда окопъ нужно было срыть, земли,
ющійся до сихъ поръ, въ видѣ широкаго и глубокаго старорѣчья,
день къ западу за церковью 12-ти Апостоловъ на огородѣ, пр
жащемъ вѣдомству архіерейскаго двора. Мѣстность около этой це
древности носила названіе „въ пропастѣхъ“ по глубинѣ и обшир
засыпанной части рва; она близъ внѣшняго вала.

Выше замѣчено, что для опредѣленія мѣстъ несуществующихъ
нѣтъ надобности въ точномъ установленіи положенія, пространств
правленія улицъ. Эта замѣтка особенно необходима по отношенію к
мыслію ученыхъ о границахъ Загороднаго конца и о времени его
ванія. Всѣ ученые и нѣкоторые поздніе лѣтописные сборники ставятъ
Ѳеодоровскія т. е. Тироновскую и Стратилатовскую, Предтеченскую
монастыря, Константино-Еленинскую и Гавріило-Архангельскую—вт
скомъ концѣ. Допуская вѣроятность мѣстоположенія этихъ церквей
самобытія Новгорода, въ называемомъ учеными и совмѣстнымъ
росписи 1615 г. и Нарядной описи 1623 г. концѣ, мы отнесли
Неревскому же. Но, какъ и увидимъ въ своемъ мѣстѣ, въ вѣка пе
писные, Неревской конецъ не доходилъ ни до одной изъ поименов
церквей.

Первый участокъ.

Указаніе мѣстоположенія церквей Загороднаго конца, давно
существующихъ, начнемъ отъ малаго вала между башнями Дѣтин

Въ статьѣ о подземельи Судебно-Престольной Палаты мы видѣли западной части его слѣды настѣннаго письма; тамъ же замѣчено о церк въ Никитскихъ палатахъ. Если палата Митрофана, обращенная въ 12 году въ церковь, была во Владычнемъ дворѣ,—то не ея ли слѣды въ стѣнномъ письмѣ подземелья? Если и такъ, то едва-ли по прошест 63 лѣтъ со дня кончины Антонія Римлянина,—онъ умеръ въ 1147 году, могла быть посвящена церковь имени его. Вѣроятнѣе будетъ предположи что Евангеліе принадлежало церкви Антонія Римлянина, сооруженной Митрополичьемъ островѣ, послѣ открытія 1 Іюля 1597 г. нетлѣнныхъ щей его. Если церковь была деревянною и сгорѣла вскорѣ по сооруже о ней и забыли.

Церковь 12 Апостоловъ, существующая на Митрополичьемъ остро имѣла два придѣла въ 1614 году, въ нижнемъ отдѣленіи, въ подцерков во имя Св. великомученицъ Параскевы и Екатерины (Опис. цер. древ. стр. 163); не было-ли и третьяго во имя Антонія Римлянина?

Симеонъ Столпникъ. Въ 1392 году поставлена каменная церк Симеона Столпника на Чудинцевѣ улицѣ. Въ росписи она поименова тутъ же. Въ 1808 году церкви этой уже не было. На Знаменскомъ и браженіи нанесенъ выше упомянутый широкій проѣздъ, направляющейся башенному широкому зданію малаго вала, съ воротами надъ нимъ, и отс прямо къ Воскресенскимъ воротамъ Дѣтинца; онъ не соотвѣтствуетъ нынѣш Чудинцевой улицѣ. Въ стѣнѣ внѣшняго вала, въ томъ мѣстѣ, съ котор начался проѣздъ, стоитъ большой костеръ, съ проѣздными подъ нимъ во тами, запираемыми желѣзною рѣшеткою. По положенію своему противъ пр ѣзда, соотвѣтствующаго древней Чудинцевой улицѣ, этотъ костеръ будет вѣроятно, одною изъ тѣхъ двухъ башенъ, которыми Шведы ворвались въ 16 году въ городъ,—Чудинцевскою. На самомъ краю проѣзда слѣва, невдале отъ стѣны, что поверхъ внѣшняго вала, стоитъ высокое каменное зда похожее на четырестороннія башни Дѣтинца и малаго вала, съ тремя об цами вверху, подъ самою крышею, какъ въ Дѣтинцевскихъ башняхъ, и проѣздными воротами внизу, съ основанія зданія; къ нему приставлены полуденно-западной и полночно-восточной сторонъ тоже каменныя, одина выя, въ половину ниже перваго, зданія, съ церковными главами на ка домъ. Нѣсколько отступя отъ этого сооруженія на полночь къ востоку къ стѣнѣ внѣшняго вала, столпообразная церковь, близко похожая на сам высокую изъ Дѣтинцевскихъ—Покровскую башню, и съ такими же ус пами.

Въ этомъ мѣстѣ должно быть, по свидѣтельству лѣтописи только церковныхъ сооруженія; изъ нихъ ближайшее къ стѣнѣ внѣшняго вал можетъ быть, по столповидности своей, церковью Симеона Столпника.

На чертежахъ Попова и 1778 года помѣчены на пространствѣ Ч динцевой и Легощей улицъ, по срединѣ обширной площади, мѣста дву церквей на небольшомъ одна отъ другой разстояніи; на первомъ крест поставлены въ положеніи описанныхъ церковныхъ зданій Знаменскаго и браженія, одинъ на полночь отъ другого,—а на второмъ обѣ площадки р

, въ полночно-восточномъ направленіи. Мѣсто этихъ церковныхъ зданій то теперь садами частныхъ владѣльцевъ.

Никола на Скудельнѣ. Въ 1230 году былъ сильный моръ; покой-ъ некому было хоронить; трупы валялись по улицамъ,—собаки тер-ихъ. Въ это время учреждено три Скудельни, для погребенія умер-ъ въ общихъ ямахъ: одна у церкви 12-ти Апостоловъ, „въ пропастехъ" ая на Славенской сторонѣ, на Колонѣ за Святымъ Рождествомъ,—т. е. ынѣшнимъ Рождественскимъ кладбищемъ, и третья „на полѣ, конецъ нцевѣ улицы". Въ 1390 г. „поставиша монастырь новъ Святого Ни-, конецъ Людгощей и Чюдинцевы улицы на Скудельницы". Въ 1398 г. ужена каменная церковь Святого Николы въ концѣ Людгощи и Чудин-улицы. На Знаменскомъ изображеніи представленъ, въ видѣ башне-знаго зданія съ двумя меньшими, увѣнчанными церковными главами, ъ монастырь, близъ вала, на незанятомъ постройками пространствѣ, полѣ". Отъ башнеобразнаго зданія къ западо полночи, къ валу, обведено омъ пустое мѣсто; по всей вѣроятности это и есть Скудельня. На аженіяхъ Попова и 1778 г. крестъ и одна изъ церковныхъ площа-соотвѣтствуетъ храму Святого Николы на Скудельнѣ, близъ Симеона ника. Тутъ именно приходятся западно полночные концы сосѣднихъ ь, Людгощи и Чудинцевой. Въ 1808 году уже не было этой церкви. о ея тамъ же, гдѣ и Симеоновской, но нѣсколько западнѣе ея, прибли-ьно—около полуночнаго угла нынѣшней Чудинцевой улицы, у вала. вященный Макарій видитъ мѣсто Никольской церкви внутри Митрополичьяго ва, на западъ къ полночи отъ существующей церкви 12 Апостоловъ, были, въ 1860 году, еще видны бугры отъ развалины ея. (Опис. Нов. др. I, стр. 161).

Вознесеніе Господне. Въ Николо-Дворищенскомъ сборникѣ значится начальное основаніе церкви Вознесенія Господня и сосѣдней съ нею ило-Архангельской въ 1092 году. Въ первой Новгородской лѣтописи показана сгорѣвшею, вмѣстѣ съ другими, въ 1175 году. Подъ 1185 ъ записано въ пергаментномъ сборникѣ о построеніи каменной церкви есенія на Прусской улицѣ Милонѣгомъ. Много разъ эта церковь горѣла; Шведскій разгромъ она пострадала и отъ пожара и отъ хищничества ковъ,—но во время составленія росписи существовала. Возобновленная ъ она обветшала и разобрана въ 1815 году. На чертежѣ Попова и года мѣсто ея показано. Еще и теперь видны у самаго внѣшняго бугры остатковъ этой древнѣйшей церкви, саженяхъ въ 40 на западъ сохраняющейся древней же церкви Михайло-Архангельской, недавно во-вленной.

Въ книгѣ Владыки Макарія (Опис. Нов. цер. др. I, стр. 187) приве-выписка изъ Синодика Михаило-Архангельской церкви, съ именами телей ея и Вознесенской; онъ не старѣе временъ Петра Великаго и житъ вполнѣ точное указаніе на существовавшій въ Новгородѣ обычай вить храмоздателей и благодѣтелей „въ настѣнныхъ гробѣхъ". Здѣсь, у прочимъ, сказано, что Вознесенская церковь сооружена въ 1185 г.

близъ стѣны градской, во имя Святыя Троицы, троеглавною, и что вну церкви, на стѣнѣ, въ которой погребены строители,—„образы подобія и одежды, яковы посяху, написаны суть, и въ написаніи томъ 17 лиц

Церковъ Михаила Архангела, какъ нынѣ существующая, въ нашу писку не входитъ; подробныя свѣдѣнія о ней приведены въ книгѣ Влад Макарія (стр. 183).

Три отрока. Въ 1189 году „Постави церковь нову Архепископъ врила на Жатуни святыхъ три отрокъ, Ананія, Азарія и Мисаила и нила Пророка". Въ пожары 1194 и 1211 гг. сгорѣло много церквей, бенно во второй, истребившій 4300 дворовъ и 15 церквей; начался на Рядятинѣ улицѣ, въ Людинѣ концѣ, гдѣ нынѣшняя Троицкая цер Въ числѣ 15-ти была, по всей вѣроятности, и Трехъ отроковъ, такъ мѣстность, на которой сгорѣло такое большое число дворовъ и цер должна непремѣнно захватить и Загородной конецъ. Въ 1219 г. „зал ста Твьрдиславъ съ Ѳедоромъ цьрковь камяну святого Михаила, нынѣ с ствующую въ возобновленномъ видѣ, а другую Святыхъ Три отрока сторонь, малу; съвершиша ю въ четыре дни". Къ 1402 году эта цер обветшала и ее разобрали, устроивъ въ томъ году придѣлъ у Святаго хаила на Прусской улицѣ. Придѣлъ этотъ существовалъ въ первобыт вѣроятно, видѣ еще въ 1852 г. съ полуденной стороны церкви Михаи ской, а съ противоположной былъ Никольскій. Такимъ образомъ м церкви Трехъ отроковъ опредѣляется съ точностью.

Илья Святой. Въ 1417 году, во время такъ называемаго Ана сѣевскаго мора, поставлена была въ Дѣтинцѣ деревянная церковь въ о день, во имя Святой Анастасіи: А христіане,—говоритъ лѣтописецъ,— на конѣхъ, ови пѣши, изъ лѣса бервна привозили; и святиша ю;—архі скопъ Симеонъ того же дни и литургію сверши; а въ остаточныхъ нахъ поставили церковь святого Илію конецъ Прусской улици". Въ 1 году поставлена каменная церковь Св. Пророка Иліи въ дѣвичѣ монас по конецъ Прусской улици; въ 1471 году она сгорѣла отъ грозы, но возстановлена. Сооруженіе каменной церкви на другой годъ послѣ дере ной, въ концѣ Прусской улицы, указываетъ на возможность полез деревянной и дальнѣйшаго существованія ея на другомъ мѣстѣ, одн менно съ монастырскою каменною, объ этомъ мы скажемъ еще нѣско словъ ниже. Въ росписи 1615 г. отмѣчено: „Въ Прусскомъ запольѣ настырь дѣвичъ, а въ немъ храмъ Илья Пророкъ. Мы знаемъ, что на венской сторонѣ, на Холмѣ, существуетъ до сихъ поръ Ильинская цер первоначальное сооруженіе которой восходитъ за лѣтописные предѣлы, давна существовали крестные ходы, въ древности торжественные, въ празднованія памяти ветхозавѣтнаго Пророка, то на Славенскую, то на ревскую сторону; на Славенскую,—если лѣто бывало сухое, а на Нерев когда оно мокрое,—оттого народъ называлъ одну церковь Илья сух другую—Илья мокрый. Теперь совершается крестный ходъ, хотя далек торжественный, къ Славенской церкви.

На Знаменскомъ изображеніи нѣтъ церкви въ соотвѣтственномъ лѣто-
сному указанію мѣстѣ, внутри города у вала; и на обоихъ чертежахъ
о не означено. Если одна изъ Ильинскихъ церквей и была у самаго
ла внутри города, художникъ писавшій Знаменское изображеніе съ запад-
й стороны, не видѣлъ ея, какъ закрытой отъ него высокою стѣною, по-
авленною поверхъ внѣшняго вала. На чертежѣ 1778 г. составленномъ съ
обенною тщательностью, для представленія на Высочайшее утвержденіе,
тъ площади этой церкви ни противъ средины Прусской улицы, ни въ концѣ
или Чудинцевой, такъ что ея мѣсто въ настоящее время указать не
редставляется никакой возможности. Вѣроятно она упразднена послѣ со-
авленія росписи и разобрана.

Второй участокъ.

Въ существованіи поселковъ противъ Загороднаго конца за внѣшнимъ
ломъ не можетъ быть сомнѣнія; тутъ шла большая дорога „горою въ
ицы", съ долѣтописныхъ вѣковъ; по сооруженіи Ивангорода на нее же
ходила и называемая Иванъ-городскою; упомянутыя селенія Видогощъ,
редогощъ, Велегощъ и Югощъ—указываютъ направленіе дороги горою въ
ицы. Но были-ли тутъ церкви и монастыри и составляли-ли поселки,
легавшіе къ Чудинцевой и Прусской улицамъ, „Заполья" росписи 1615
а, расположенныя за городскимъ валомъ съ показанными въ нихъ церк-
ми, увидимъ изъ слѣдующей статьи; о запольяхъ въ чертѣ города обѣихъ
ловинъ уже говорено.

Пророкъ Илья. Нѣсколько строкъ выше выражено сомнѣніе о замѣнѣ
ревянной Ильинской церкви 1417 года каменною въ слѣдующемъ году.
о сомнѣніе и вызвало раздѣленіе Загороднаго конца на два участка.

Подъ 1418 годомъ значится сооруженіе каменной Ильинской церкви въ
нскомъ монастырѣ; въ росписи говорится тоже объ Ильинской церкви въ
вичьемъ монастырѣ,—но не объясняется, была-ли она каменная, или де-
вянная. Пожаровъ въ Загородномъ концѣ въ 1417 и 1418 гг. не было,—
крайней мѣрѣ лѣтопись не говоритъ о нихъ. Въ отмѣткѣ подъ первымъ
ъ этихъ годовъ не сказано, чтобы деревянная Ильинская церковь была
ставлена въ монастырѣ, или чтобы монастырь учрежденъ послѣ ея
зникновенія; не пояснено также, которому изъ Святыхъ съ именемъ Иліи
а посвящена. Все это дозволяетъ видѣть въ деревянной церкви 1417 г.
монастырскую, а сооруженную за внѣшнимъ валомъ, или за предѣ-
ми города, противъ древней Чудинцевой улицы, въ смыслѣ Кончанскаго
стка.

Замѣтимъ здѣсь, во 1-хъ, что Новгородской лѣтописи извѣстно „всполье";
описаніи крестнаго хода Архіепископа Геннадія въ 1493 году, вокругъ
евяннаго города,—сказывается, что онъ пошелъ „отъ Алексѣя Свято
ольемъ къ Духу Святому въ монастырь". Алексѣевская церковь, к
димъ въ своемъ мѣстѣ, находилась за городомъ. Въ дальнѣйшемъ

саніи этого крестнаго хода значится, что Владыка шелъ къ Духу Святому „рвомъ". Слѣдовательно шествіе направлялось по полю за городомъ; вой можно, поэтому, что составитель росписи не различалъ всполья отъ за полья; во 2-хъ, что „поля" были въ самомъ городѣ не только во время его самобытія, но и при Московскомъ державствѣ; выше указано на распо ряженіе Москвы, состоявшееся въ 1530 году, чтобы улицы проводились впрямь, по Московски;—подъ 1572 годомъ, когда Иванъ Грозный жилъ въ Новгородѣ четыре недѣли, отмѣчено, что царь „уставилъ полямъ быти в Великомъ Новгородѣ по старинѣ" (II Нов. лѣт. стр. 168, годъ 7080). Здѣсь нельзя видѣть судебнаго поединка, называвшагося полемъ, о которомъ нашл лѣтопись не знаетъ; да если-бы рѣчь шла о немъ, лѣтописецъ сказалъ-бы въ единственномъ числѣ: „полю быти",—а не полямъ. Новгородцы, как старые, которые уберегались отъ опричнины, такъ и вновь прибывшіе, до рожили полями внутри города; это были площади для привозныхъ товаров царь согласился впредь не застраивать таковыхъ, для торговыхъ нужд лѣтописцу показалось это повелѣніе не маловажнымъ, онъ и занесъ о нем въ свою памятуху;—наконецъ, въ 3 хъ, хотя роспись 1615 г. бумага правительственная, но въ ней не могло не быть ошибокъ, особенно если составлялъ роспись не одинъ; мы уже видѣли пропускъ и затѣмъ вставк въ ненадлежащемъ мѣстѣ отмѣтки о Дмитріевской церкви,—видѣли и воз можность повторенія отмѣтки о церкви Св. Николая на Гзени; возможно такое же повторенія и о Запольяхъ Загороднаго конца, особенно если один описывалъ церкви городскія, а другой загородныя, каждый въ свою особую тетрадь,—и если бѣловая опись, или роспись, составлялась изъ обѣихъ те традей не въ Новгородѣ, а уже по прибытіи писцовъ въ Москву, где нельзя было повѣрить сомнѣніе осмотромъ мѣстности и распросами.

Придерживаясь такого взгляда на Заполья росписи и оставляя до бу дущихъ изысканій вопросъ о церквахъ, находившихся въ Чудинскомъ Прусскомъ, какъ лежавшихъ внѣ города, замѣтимъ, что за внѣшнимъ валомъ, противъ нынѣшняго Митрополичьяго острова, саженяхъ въ двадцати видны бугры, похожіе на мѣсто церкви; ихъ нужно изслѣдовать. А до того перейдемъ, не останавливаясь болѣе на Запольяхъ и вспольяхъ, къ Людин концу.

Людинъ конецъ.

Полуденно-западная часть Неревской стороны Новгорода составляла Людинъ конецъ. Пространство его обширно не менѣе Неревскаго; оно заст лало не только охваченную валомъ площадь, но тянулось и къ полдню за валъ, на Мигру, гдѣ теперь Воскресенская слобода, и на полдень къ за паду, по направленію къ Петровскому кладбищу и къ Аркажѣ; отдѣльными поселками оно доходило до рѣки Веряжи, на лѣвомъ берегу которой ур чище „Мостища" указываетъ на существованіе здѣсь большаго моста.

Имя свое получилъ этотъ конецъ, что уже сказано, отъ поселенія в большей части его площади Людиновъ-воиновъ, уже послѣ того, когда

вначальный поселокъ ихъ, улица Людгоща, вошелъ въ составъ конца городнаго; въ какое время именно это случилось—можно только предполагать, несомнѣнно раньше начала русской лѣтописи: Новгородцы имѣли свои дру-ины всегда; въ VII или VIII вѣкѣ они ходили уже въ Крымъ, на Су-жъ, съ княземъ Бравалиномъ, и не впервые; дорога туда была проло-на давно; въ невѣдомый край Новгородцы не рѣшились-бы идти, особенно такую даль, если-бы путь не лежалъ чрезъ дружественныя и даже род-венныя земли.

Поселокъ собственно Людиновъ, занималъ, по всей вѣроятности, побе-жье Волхова, вверхъ отъ Дѣтинца, примѣрно по нынѣшнюю Троицкую ицу до Бѣлой башни, и заворачивалъ отсюда на полуостровъ Мигру, ѣзывающійся косою въ Мячинское озеро, гдѣ теперь слобода Воскресен-ая. Въ перволѣтописныя времена мѣстность эта называется то городомъ еннымъ, то Землянымъ; она приходилась на краю города и укрѣплена ла землянымъ окопомъ.

Въ XII вѣкѣ, въ первой половинѣ, Людины сидѣли, должно быть, на внемъ своемъ мѣстѣ, по берегу Волхова, на Мигрѣ-же конные; въ грамотѣ язя Всеволода, данной Юрьеву монастырю по повелѣнію отца, князя тислава великаго, описана рель, пожалованная Святому Георгію; она атываетъ, въ пожалованномъ размѣрѣ, все пространство между поселе-мъ дружинъ Людина конца и землею Пантелеймонова монастыря,—быв-го тамъ, гдѣ теперь усадьба графини Орловой-Чесменской и при ней нтелеймоновская церковь. Новгородскіе князья никогда не были, до при-диненія къ Москвѣ, хозяевами земель страны Ильменской; они, какъ дводители дружинъ и охранители предѣловъ страны извнѣ, порядка и окойствія внутри, пользовались даваемыми имъ въ кормленіе участками, но опредѣляемыми договорами, и доходами съ торговли и промысловъ устанавливаемомъ тѣми же договорами размѣрѣ. Если, поэтому, луго-й покосъ, называемый и теперь релью, пожалованъ былъ Мстиславомъ сыномъ его Всеволодомъ Юрьеву монастырю,—онъ былъ княжимъ участ-мъ конной дружины, каковымъ князь могъ распорядиться на время своей сыновней службы странѣ Ильменской, и обязать князей, своихъ родичей-томковъ, которые будутъ служить ей же, не нарушать пожалованія. Даже который князь по моемъ княженіи,—написано въ грамотѣ Мсти-лава,—почнетъ хотѣти отъяти у святого Георгія—А Богъ будетъ за тѣмъ святая Богородица и тъ святый Георгій у него то отнимаіетъ";—въ Все-лодовой грамотѣ нѣтъ обязательства для его преемниковъ исполнять изло-нное въ ней, замѣчено лишь: „А кто сіе мое слово переставитъ, ино ить ему Богъ и святый мученикъ Георгій въ семъ вѣцѣ и въ буду-мъ". (Ист. Росс. Іер. Ч. VI, стр. 772—776). Въ Новгородскихъ дого-ныхъ грамотахъ обыкновенны такія, напримѣръ, условія: „А пожне, же, что твое и твоихъ мужъ пошло, то твое и твоихъ мужъ; а что ъ отъялъ братъ твой Александръ пожни, то ти ненадобе. А что княже моты посудилъ еси отца своего и брата своего, а свое грамоты подаялъ на ты грамоты; ты грамоты отъимати, а старые оправливати",—или:

„Что свободъ Дмитриевыхъ и Андреевыхъ и что сельцъ тягнуло къ ты свободамъ, того всего тобѣ съступитися“ (Собр. Грам. и Догов. гр. Румя цева. V., стр. 3 и 6). На принадлежность рели войсковому довольст указываетъ и „осеннее полюдье“,—т. е. осенній сборъ на содержаніе Л диновъ-дружинниковъ,—пожалованное княземъ Мстиславомъ тому же мон стырю, одновременно съ релью.

Подстилающимъ жилой перегной западной части Людина конца и з падныхъ же его окрестностей оказалась, по изслѣдованію нашему, красн ватая кирпичная глина, залегающая толщами отъ 3-хъ аршинъ до 3 хъ с женъ. Въ Новгородѣ и его окрестностяхъ глинодѣліе завелось въ отдале ные долѣтописные вѣка. Обломки кирпичей и простыхъ глиняныхъ сос довъ попадаются при раскопкахъ на всякой глубинѣ. Каменныя съ ки пичною, мѣстами, прокладкою постройки были возводимы въ ранніе долѣ писные вѣка,—слѣды ихъ изрѣдка встрѣчаются при земляныхъ работах особенно на Славенской сторонѣ. Отъ XI вѣка сохраняются до сихъ пор каменныя церковныя сооруженія, съ Софійскимъ соборомъ во главѣ; кладкѣ ихъ мы видимъ употребленіе не только кирпича разнообразной ве чины, но еще и особенныхъ узкогорлыхъ, грушевидныхъ, глиняныхъ с судовъ, называемыхъ голосниками; они вмазывались въ своды, наглухо, д ихъ облегченія,—въ стѣны—для устраненія сырости, и въ верхнія част стѣнъ же и сводовъ, открытыми наружу горловинами—для усиленія зву при чтеніи и пѣніи. Это послѣднее примѣненіе сосудовъ и дало имъ и званіе голосниковъ.

Въ повѣсти, записанной въ поздній, сравнительно, сборникъ, издан крайне неисправно еще въ 1795 г., подъ названіемъ „Лѣтопись Велик Новгорода по списку Софійскому“,—сказывается, что брошенный въ Во ховъ идолъ Перуна приплылъ къ берегу, близъ устья рѣки Пидьбы; нѣк питьблянинъ, везшій въ городъ горныцы,—т. е. обожженную глиняну посуду, оттолкнулъ его. Это было въ X вѣкѣ. Въ одномъ изъ списко Русской Правды значится мѣра жидкихъ и сыпучихъ тѣлъ „горнецъ“ (отсюда-ли и нынѣшій гарнецъ?);—видимо глинодѣліе было промысломъ окрестностяхъ Новгорода и въ перволѣтописное время.

Памятники письменные, отечественные и иноземные, свидѣтельствуют что съ XI и XII вѣка особенно усилились торговыя сношенія Новгорода западомъ Европы, внесшія много удобствъ и роскоши во внутреннюю жиз страны Ильменской. Къ этому же времени относится начало каменны сооруженій, вызвавшее усиленное производство кирпича и прочихъ стро тельныхъ принадлежностей,—то есть гончарный промыселъ.

Въ западной сторонѣ Людина конца внутри города и въ окрестност ея завелись гончары; и теперь еще за городомъ, въ этой-же сторонѣ, сущ ствуетъ нѣсколько кирпичныхъ заводовъ. Относительная легкость гончарст и обиліе лѣсного лому для обжиганія кирпичей привлекли многихъ обыва лей, такъ что преобладающимъ населеніемъ западной окраины Людина кон оказались гончары и самый конецъ въ этой мѣстности получилъ, въ нар номъ говорѣ, названіе Гончарскаго или Горончарскаго. Впослѣдствіи,

—XV вѣкахъ лѣтописцы стали употреблять въ своихъ отмѣткахъ и то и дру-
названіе конца Съ уничтоженіемъ самобытія Новгородъ не имѣлъ уже надоб-
ти содержать собственныя дружины Людиновъ,—такъ что въ XVI вѣкѣ наз-
іе Людина конца почти не употреблялось въ лѣтописи, тѣмъ болѣе, что
оставителями памятухъ явились пришлыя лица, для которыхъ Людинъ
цъ представлялся непонятнымъ звукомъ. Въ нарядной описи 1623 года
названъ уже концомъ вновь, будто-бы, образовавшимся; это внесло
аницу и въ изслѣдованія даже такихъ почтенныхъ писателей, какъ
амзинъ, вызвавшій научный вопросъ о преимущественной древности
ого, или другого изъ этихъ двухъ концовъ. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ,
таточно взять первую строку Устава о мостахъ; она читается такъ во
хъ спискахъ: „Осменникомъ поплата въ Людинъ конецъ до Добрыня
цы..“ и т. д. На сколько древенъ этотъ Уставъ, на столько старо и
ваніе Людина конца въ лѣтописное время. Церкви во имя Увѣренія апо-
ла Ѳомы о Воскресеніи Христа, Іоанна Милостиваго, Василія и другія
азаны лѣтописью основанными, съ XII вѣка, въ Людинѣ концѣ.

Кромѣ концовъ Людина и Гороньчарскаго въ лѣтописи встрѣчаются и
родныя мѣстности, прилегающія къ внѣшнему валу съ полдня къ за-
, съ находящимися тамъ церквами. Поэтому для нашей цѣли раздѣ-
ъ Людинъ конецъ на три участка: первый—отъ границы Загороднаго
Малой Власьевской улицы; второй отсюда до Мячина,—и третій за
мъ.

Первый участокъ.

Этотъ участокъ мы начнемъ прямою, проведенною отъ внѣшняго вала
правую сторону Десятиннаго монастыря, съ запада на востокъ къ ма-
у валу,—пойдемъ отъ нея въ западно-полуденномъ направленіи и кон-
ъ нынѣшнею Малою Власьевскою; участокъ этотъ раньше другихъ по-
лъ народное названіе Гороньчарскаго или Гончарскаго.

Монастырь Десятинный. Какъ существующій въ настоящее время,
тинный монастырь не нуждается въ опредѣленіи его мѣстоположенія.
ъ не менѣе мы остановимся на немъ, какъ на имѣющимъ особенное
віе. Занимая площадь между Загороднымъ и Людинымъ концами онъ,
нашему мнѣнію, относится къ первому, но Митрополитъ Евгеній и Кра-
ставятъ монастырь въ Людиномъ концѣ. Впослѣдствіи, при объясне-
объ улицахъ, какъ Кончанскихъ участкахъ, мы приведемъ осно-
нашего мнѣнія и отведемъ этому монастырю мѣсто въ Загородномъ
ѣ.

Всѣ изслѣдователи Новгородскихъ древностей относятъ учрежденіе Де-
го монастыря къ 1327 году, основываясь на показаніяхъ I, III и
ородскихъ лѣтописей. Но въ первой сказано только о построеніи
епископомъ Моисеемъ церкви, Рождества Богородицы на Десятинѣ;
четвертой строительницею церкви Св. Богородицы на Десятинѣ наз-

вана княгиня Святославля,—безъ означенія Рождеству-ли, или Успенію Б матери посвящена была эта церковь. Третья же лѣтопись, по обыкнов составителя основнаго ея списка, приписываетъ сооруженіе каменной Р дество-Богородицкой церкви на Десятинѣ и учрежденіе дѣвичьяго монастыр томъ же 1327 г., княгинѣ Ярославлей при Архіепископѣ Моисеѣ Новгородск съ добавленіемъ: „послѣ Суждальцевъ спустя 158 лѣтъ". Роспись 161 называетъ „Монастырь дѣвичь на Десятинѣ—храмъ Успенье Богород каменъ". Прошедшее этого монастыря изложено подробно въ описаніи Н городскихъ церковныхъ древностей Макарія (Ч. 1, стр. 209).

Ни одинъ изъ изслѣдователей не остановился на упомянутой нами мѣткѣ Супрасльской рукописи подъ 998 годомъ: „Въ Новгородѣ влад Якимъ ради собѣ монастырь десятинный". Эта-то отмѣтка и заставл насъ остановиться на существующемъ монастырѣ.

Владыка Іоакимъ, родомъ Корсунянинъ, прибылъ въ языческую стар и, встрѣтивъ въ Новгородѣ упорное сопротивленіе введенію христіанст какъ вѣроученія государственнаго, долженъ былъ позаботиться о лич безопасности, какъ собственной, такъ и несомнѣнно прибывшихъ съ н священнослужителей. Въ Дѣтинцѣ онъ не могъ считать себя огражденны стража была тамъ, вѣроятно, та, которую привелъ съ собою Путята, вѣрить отрывку Якимовой лѣтописи; но къ ней народъ относился вр дебно, да и Корсунянинъ не могъ, какъ чужестранецъ, на ней успокоит онъ имѣлъ, конечно, свою. приведенную изъ крыма. Возможно, что въ ч условій, при которыхъ Іоакимъ прибылъ въ Новгородъ, было устрой особаго помѣщенія для него и для всѣхъ вмѣстѣ съ нимъ сюда явивши Впослѣдствіи встрѣчается въ лѣтописи „Митрополичь островъ", сущес ющій до сихъ поръ подъ именемъ Митрополичьяго огорода, въ ближайш сосѣдствѣ съ Людинымъ концомъ съ одной стороны, и съ улицами Чуди вою и Людгощею съ другой. Мѣстность Митрополичьяго острова и ул Чудинцевой пользовались особыми преимуществами въ XVI и XVII в обыватели ея были избавлены отъ повинностей,—напримѣръ въ 1545 г. отъ сборовъ на ратное дѣло, которые были отбываемы всѣми улицам всею страною (Акты Арх. Эксп. 1, стр. 185),—въ 1623 г.—отъ уча въ дѣлѣ устройства дорогъ и мостовъ. Вѣроятно, въ виду всего этого, Митрополичъ островъ былъ, первоначально, владычнимъ поселкомъ (Ост какъ объяснено выше, тоже, что поселокъ), тѣмъ монастыремъ Деся нымъ, который выговорилъ себѣ Іоакимъ Корсунянинъ; на немъ сн церковники владыки и его людины—тѣлохранители.

Преподобный Ефремъ, мѣстоблюститель владычняго престола по см Іоакима, второй Епископъ Новгородскій Лука Жидята, равно слѣдовавш нимъ, Стефанъ, Ѳеодоръ, Германъ и Св. Никита проживали, вѣрое на Десятинѣ, въ монастырѣ Іоакима; такъ какъ первоначальное о ваніе Владычня двора въ Дѣтинцѣ приписывается Святому Никитѣ, у шему въ 1107 году (Макарій, Описаніе Новгородскаго Архіереев дома). Въ доказательство этого положенія сошлемся на Уставъ м стахъ,—давно уже нами изслѣдованный въ видѣ опыта какъ и Дѣт

остающійся еще въ рукописи; здѣсь участокъ Осмениниковъ опредѣляется
ъ: „въ Людинѣ конецъ черезъ гроблю до Добрыни улицы, въ Городняя
та до Пискупла улици, съ Прусы до Бориса и Глѣба". Улицу Добры-
у мы видѣли, когда говорили о церкви Святого образа; она лежала
у за рвомъ Дѣтинца, съ полуденной стороны его; здѣсь было ея начало:
зовалась она изъ дворовъ „Добрыни, уя Володимерова" и его челяди, еще
рещенія Руси, внутри малаго вала, и простиралась, впослѣдствіи, уже
ту сторону его. Ворота, вводившія за этотъ валъ съ городьбою по-
ъ его, и были тѣ „городяя ворота", дорога чрезъ которыя содержалась
орядкѣ Осмениниками. Пространство между воротами и Дѣтинцемъ со-
ило Пискуплю улицу, поселокъ владычней челяди, направлявшуюся, при-
о, отъ Дѣтинцевскихъ воротъ Прусской улицы до монастыря на Десятинѣ.
Прусскихъ воротъ мостовой участокъ Осмениниковъ тянулся около Дѣ-
а къ берегу до того мѣста, около котораго, за стѣною Дѣтинца, стояла
ая церковь Бориса и Глѣба, сооруженная сряду по признаніи братьевъ-
никовъ Святыми, послѣ первой Софійской о 13 верхахъ, сгорѣвшей
о 1040 года. Изслѣдователи нашихъ древностей видятъ всю Пискуплю
у въ самомъ Дѣтинцѣ; едва-ли это правильно: если бы она лежала
только, не зачѣмъ было бы назначать владыкѣ въ Уставѣ о мостахъ
тка „сквозѣ городняя", такъ по списку Дубенскаго во 2-й час. Русск.
оп., а по Строевскому „сквозѣ Городнаа—ворота съ Изгои, и съ дру-
и Изгои до острой городни"—по Дубенскому,—а по Строевскому и Карам-
кому списку Русской Правды „до Острые улици". Острую городню, или
рую улицу мы видимъ въ такъ называемомъ частоколѣ, (это бревна съ за-
енною вершиною, вкопанные въ землю стоймя, плотно одно къ другому;
ерь дѣлаютъ такіе заборы около садовъ и огородовъ въ деревняхъ, гдѣ
ъ дешевъ), которымъ былъ обнесенъ какъ Дѣтинецъ съ береговой сто-
, такъ и великій мостъ чрезъ Волховъ съ обѣихъ сторонъ, для защиты
непріятельскихъ стрѣлъ во время осады;—не зачѣмъ также было-бы на-
ть и Осмениникамъ мощеніе дороги отъ городнихъ воротъ не сквозь
, въ Дѣтинецъ, а на берегъ, до той его части, которая приходилась
въ Борисоглѣбской церкви. Часть Пискуплей улицы—лежала несо-
ло внутри Дѣтинца, но, сравнительно съ другою, простиравшеюся вну-
малаго вала отъ Прусскихъ воротъ до Десятины, небольшая,—она на-
лась за Дѣтинцемъ, по ту сторону Прусскихъ воротъ, шла къ воротамъ
одице-Пречистенскимъ и кончалась уже за ними у моста. Если на
енскомъ, или на Михайловскомъ изображеніи провести прямую отъ
скихъ воротъ къ Богородице-Пречистенскимъ, она немного не дойдетъ
акимовской церкви, въ которой служили до сооруженія нынѣ суще-
ющаго Софійскаго собора. Въ дальнѣйшемъ назначеніи Уставомъ мосто-
участковъ указывается направленіе ихъ во кругъ Дѣтинца, между
малымъ валомъ: Осмениники, которыми начинаются участки первой
Устава, вошли въ „Городняя ворота",—а Чудинцевскіе уличане съ
ами, кончающіе эту треть, дошли до тѣхъ же городнихъ воротъ:
инцевѣ улицѣ съ Загородци до Городнихъ воротъ". Уставъ мы раз-

Нар. Просв. 1852 г. вып. 7). Но оба мнѣнія нуждаются въ подтвержде и не составляютъ послѣдняго слова науки.

Варвара Великомученица. Когда явилась церковь во имя Сва Варвары—неизвѣстно; въ 1138 году былъ уже при ней монастырь. поводу смутъ, возникшихъ въ послѣдніе годы княженія Св. Всеволода Мс славовича, разрѣшившихся изгнаніемъ его, а затѣмъ и приз аннаго на мѣсто князя Святослава Ольговича, Новгородцы заключили супругу Свя слава въ Варваринъ монастырь. Впослѣдствіи, переживъ много тревогъ, 1160 г. она добровольно вступила въ этотъ-же монастырь и постав какую то Богородичную церковь. Четвертая лѣтопись ошибочно относ сооруженіе Святославлею церкви Рождества Богородицы къ 1327 году и Десятинному монастырю (годъ 6835, стр 50). Въ 1167 году умерла и менья Варварина монастыря; имени ея не названо въ лѣтописи, но едва мы ошибемся, если скажемъ, что это была супруга Святослава Ольгович строительница Богородицкой церкви. Въ 1218 г. заложена, а въ слѣ ющемъ окончена, каменная церковь Святой Варвары въ монастырѣ; въ 14 году Черницыныци, т. е. обитатели улицы Черницыной, обветшавшую Вар ринскую каменную церковь разобрали и вновь поставили на преж основѣ. Въ 1536 году эта церковь огорѣла. Въ росписи поставленъ мо стырь дѣвичь Варваринъ, а въ немъ храмы: „Варвара да всѣ Святые, менны". Въ 1712 г. освящена деревянная церковь Святого Михаила, вѣ ятно вновь устроенная въ этомъ монастырѣ, на воротахъ. Въ 1786 г Варваринъ монастырь упраздненъ и приписанъ къ Десятинному, какъ ближайшему (Макарій, Опис. Нов. церк. древ. Ч I, стр. 213). Въ 19 женяхъ отъ него приходилась нынѣ существующая Власьевская церков

Мѣсто Варварина монастыря, находилось по указанію Макарія, не леко отъ нынѣ существующаго Десятиннаго. На Знаменскомъ изображ написано, въ полуденно-восточномъ направленіи отъ рощи,—на окра которой стояли двѣ объясненныя уже церкви,—въ небольшомъ отъ нея р стояніи, высокая одноглавая съ восьмискатною крышею церковь. Вокр нея нѣтъ ни забора, ни, поблизости, построекъ; противъ полуденной стор церкви стелется площадь, суживающаяся въ полуденно-восточномъ напр леніи и представляющая далѣе проѣздъ къ малому валу, загибающійся, половинѣ всего протяженія своего, къ востоку. Мимо полуденной стор этой церкви идетъ широкій проѣздъ, направляющійся отъ костра внѣш вала прямо къ восьмиугольной башнѣ, противъ которой приходится Ку Дѣтинца, малаго вала,—то есть съ лѣтняго запада на лѣтній же восто церковь поставлена на первой трети всего разстоянія между обоими вала начиная съ малаго. Если провести на чертежѣ 1778 г. прямую отъ тинцевской башни Кукуй на лѣтній западъ, она пройдетъ по срединѣ щади и слѣдующей за нею въ западномъ же направленіи предположен Варваринской улицы, а также чрезъ мѣста:—большой церкви, означен западномъ концѣ площади, и другой, стоящей ближе къ малому валу. церковныхъ мѣстъ тутъ три. На чертежѣ Попова не означено ни пл ни мѣстъ церквей. Улица, соотвѣтствующая предположенной по черт

78 года Варваринской, теперь называется Малой Власьевской, по имени
щей на ней церкви Власія; въ 1850 году часть этой улицы, ближай-
к къ внѣшнему валу, называлась тоже Варваринскою. Такимъ образомъ
ковь Знаменскаго изображенія на большомъ проѣздѣ, недалеко отъ рощи,
твѣтствуетъ нынѣшней Власьевской, а большая, чертежа 1778 г., при-
лежитъ Варваринскому монастырю и есть сооруженная первоначально
имя Св. великомученицы Варвары. Мѣсто ея будетъ на Мало-Власьев-
улицѣ, близъ переулка, ведущаго съ нея къ Десятинному монастырю.
Знаменскомъ изображеніи Варваринская церковь написана въ нѣкоторомъ
леніи отъ Власьевской, противъ упомянутаго загиба широкаго проѣзда
востокъ.

Вси Святіи. Въ 1418 году, поставлена, по Татищевскому списку,
енная церковь „Власи святый на Черницинѣ улици" (Прод. Др. Рус.
. II, 696); по четвертой лѣтописи каменная церковь, сооруженная въ
мъ же году и на той же улицѣ, названа „Вси святіи". Въ росписи мы
ѣли церковь Всѣхъ Святыхъ въ Варваринскомъ монастырѣ. И. И. Кра-
ъ, опредѣляя положеніе улицъ Людина конца въ XVII вѣкѣ, по лѣтопи-
ъ и по нарядной описи 1623 г., объясненной Митрополитомъ Евгеніемъ,
витъ на Черницынѣ улицѣ церковь Святого Власія, нынѣ существу-
ую, и, принимая во вниманіе, невѣроятность сооруженія на одной и той
улицѣ двухъ церквей во имя Власія, равно необычное въ Новгородскихъ
тописяхъ написаніе прилагательнаго „святой" послѣ собственнаго „Власій",
ущенное одинъ только разъ въ приведенной отмѣткѣ первой лѣтописи
Татищевскому сборнику—пергаментный кончался 1345 годомъ), подъ
18 годомъ, наконецъ названіе четвертою лѣтописью, подъ тѣмъ же го-
мъ, каменной Черницынской церкви посвященною не Власію Святому, а
мъ Святымъ,—заключаетъ объ опискѣ, оказавшейся въ словѣ „Власи"
исправляетъ ее словомъ Вси (О мѣстопол. древ. Нов., стр. 79). Д. И.
боровскій считаетъ такую поправку вполнѣ основательною (Новгородъ и
овъ по лѣтописямъ и другимъ источникамъ, С.-Петербургъ 1887 г. стр.
, выноска). Принимая и съ своей стороны поправку Красова, мы замѣ-
ъ только, что употребленіе прилагательнаго, послѣ собственнаго, въ озна-
и церквей не рѣдкость и что каменная церковь сооружена въ 1418 г.
впервые, а вмѣсто деревянной, основанной раньше; она сгорѣла въ по-
ъ 1405 года, истребившій Людинъ конецъ и Прусскую улицу до Ми-
ла Святого, а также Дѣтинецъ до Владычня двора; въ этотъ пожаръ
орѣ церквій древяныхъ пять, а каменныхъ огорѣ двѣнадесять". Если въ
динѣ концѣ горѣло до Прусской улицы, церковь Всѣхъ Святыхъ неми-
емо сгорѣла въ числѣ пяти деревянныхъ. Въ 1526 году каменная цер-
вь Всѣхъ Святыхъ огорѣла. На площади, въ западномъ концѣ которой
чертежѣ 1778 г. отмѣчено мѣсто Варваринской церкви, рядомъ съ нимъ
но другое, меньшее, шагахъ въ десяти отъ перваго, въ восточномъ
зленіи, принадлежащее, очевидно, церкви Всѣхъ Святыхъ 1418 года,—
г что ни о какой иной, кромѣ Варваринской и Всѣхъ Святыхъ, церкви
рваринскомъ монастырѣ лѣтописныхъ показаній не имѣется. Когда

упразднена эта церковь и при какихъ обстоятельствахъ—неизвѣстно; в 1808 году ея уже не было.

Церковью Всѣхъ Святыхъ мы оканчиваемъ первый участокъ Людин конца и перейдемъ къ слѣдующему.

Второй участокъ.

Ближайшею мѣстностью къ широкому проѣзду, идущему мимо подо денной стороны рощи (Лужище) и Власьевской церкви, какъ написано в Знаменскомъ изображеніи, является современная Малая Власьевская улиц Почти противъ западной части ея, называвшейся до 1850 г. улицею Ва варинскою, лишь съ небольшимъ отклоненіемъ къ полночи, приходятся н давно откопанныя продольныя стѣны проѣздныхъ воротъ внѣшняго вал надъ ними возвышался костеръ, одинъ изъ тѣхъ, которые были соор жены въ 1391 году. Изъ этихъ воротъ, какъ думаютъ нѣкоторые изслѣд ватели, была сдѣлана вылазка Новгородскихъ дружинъ, въ 1169 году, осаждавшихъ городъ Суздальцевъ, кончившаяся безславнымъ для нихъ п раженіемъ, объясняемымъ чудодѣйственнымъ заступничествомъ за достоя Святой Софіи Богоматери—Знаменія. Пространство, лежащее отъ широк проѣзда на полдень, составляетъ Кромный городъ, упомянутый первый ра въ пергаментномъ сборникѣ подъ 1112 годомъ. Впослѣдствіи часть Кро наго города, ближайшая къ Дѣтинцу, отошла подъ народную Новинку. начнемъ второй участокъ Людина конца съ Малой Власьевской улиц именно потому, что предполагаемъ широкій проѣздъ Знаменскаго изображ нія образовавшимся отъ окопа Кромнаго города, снятаго по присоедине Новгорода къ Московскому державству въ концѣ XV вѣка, когда произв дилась передѣлка Дѣтинца и малаго вала. Москва относилась подозрительн къ „людямъ вольнымъ“;—оставлять внутреннія укрѣпленія въ томъ вид какими они были во время путешествія Жильбера Де-Ланноа, показал опаснымъ; возмутившіеся горожане могли затруднить усмиреніе, укрыва внутри окоповъ. Такое же происхожденіе имѣли, вѣроятно, и другіе широ проѣзды Неревской стороны, на мѣстѣ нынѣшнихъ улицъ Дмитріевской Чудинцевой. Знаменское изображеніе писано въ такое время, къ которо мѣста уничтоженныхъ окоповъ не успѣли еще обстроиться, за выселени огромнаго числа состоятельныхъ Новгородцевъ внутрь и на окраины Ро сіи. Къ началу XVII вѣка еще не заглохла память о Кромномъ городѣ: росписи мѣстность, ему соотвѣтствующая, названа „городомъ Землянымъ“ и только она одна.

Василій Парійскій. Въ росписи 1615 г. поименованы на Новин слѣдующія церкви: „Василій Парійскій—древянъ, Василій Кесарійскій к менъ, Образъ Нерукотворенъ каменъ, Введеніе Богородицы каменъ, Іоан Усѣкновеніе да Никола Чудотворецъ каменны, Архистратигъ Гавріилъ—к менъ“. Положеніе всѣхъ церквей, кромѣ двухъ Васильевыхъ, мы уже зн емъ; въ росписи они поименованы одна за другою въ томъ именно поряд

ъ стояли близъ малаго вала, считая съ Образовой, начинавшей собою брыню улицу отъ Волховского берега, внутри малаго вала,—гдѣ теперь ъ Б. И. Штрейса, недалеко отъ горки съ Екатерининскою лодкою, на ночь къ востоку. Недалеко же отсюда стоитъ основанная въ глубокой вности Троицкая церковь; въ росписи она отмѣчена не на Новинкѣ. довательно первыя двѣ церкви находились между Образовою и Троицкою, точнѣе—не дальше Троицкой, въ полуденно-западномъ направленіи отъ янца. Положеніе ихъ значительно восточнѣе прямой между церквами ицкою и Образовою сомнительно, но возможно невдалекѣ отъ нея, такъ ъ не болѣе, какъ въ сотнѣ саженей на востокъ отъ этой прямой бу- ъ низина, заливаемая весною, и постоянная топь; къ тому же, по Оле- ву рисунку, внѣшній валъ идетъ отъ Бѣлой башни, вначалѣ только бо выгибаясь въ полуденно-восточномъ направленіи, а затѣмъ уже прямо горкѣ съ Екатерининскою лодкою, не доходя до Троицкой церкви саженъ сто и болѣе. Поэтому Васильевыхъ церквей слѣдуетъ искать, или зна- ельно отступя отъ низины на западъ къ полночи, или на востокъ отъ амой между нынѣшнею Троицкою церковью и домомъ Б. И. Штрейса, въ дѣлахъ Новинки. Ближайшею отъ Троицы въ западно-полночномъ на- авленіи церковью будетъ Власьевская; но она означена росписью уже на Новинкѣ, а на Волосовѣ улицѣ; значитъ Новинка не доходила до асія.

На Знаменскомъ изображеніи поставлена въ предѣлахъ Новинки, близъ евянной стѣны малаго вала, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ береговой ны внѣшняго вала, большая каменная церковь,—и прямо на полдень ъ нея, но ближе къ береговой стѣнѣ внѣшняго вала,—каменная же цер- вь меньшихъ размѣровъ. По положенію своему эта маленькая соотвѣт- етъ нынѣшней Троицкой церкви.

Въ 1526 году былъ большой пожаръ, начавшійся съ Черницыной цы; огорѣли церкви: Варваринская, Всѣхъ Святыхъ, Троицкая, Воздви- ская и Лукинская (Пол. собр. лѣт. Ч. VI, годъ 7034, стр. 282). Ва- ьевы церкви въ этотъ пожаръ не горѣли; стало быть онѣ обѣ находи- ъ не близко къ Троицкой церкви; не горѣла и Власьевская; а эти двѣ, ицкая и Власьевская, лежатъ на одной прямой, проведенной чрезъ нихъ нынѣ существующую Михайловскую въ Прусской улицѣ. Слѣдовательно ильевскія церкви обѣ находились въ той части Новинки, которая ближе малому валу; поэтому большая каменная церковь Знаменскаго изобра- нія, что у деревянной стѣны малаго вала, будетъ одною изъ Васильев- ихъ; но которою—поищемъ въ лѣтописи.

Въ 1151 г. „създаша двѣ церкви, святого Василія и святую Констян- на и матере его Елены“. Въ 1149 г. „бяше пожаръ зълъ. на ышовѣ улици, съгорѣша церкви три: святого Василія, с ія, атого Въздвиженія,—и уяша у Лукини улици“. Воздвиже - ая церкви стояли, какъ увидимъ, на зимній западъ о- ѣдующемъ году „срубиша цьрковь нову святог асилія“. Въ 1261 г. сгорѣла, а въ 1262 г. с

Василія. Въ 1368 г. заложена, а въ слѣдующемъ окончена каменная ковь Св. Василія на Ярышевѣ улицѣ. Послѣ 1261 года было нѣск пожаровъ, истреблявшихъ Людинъ конецъ и много церквей; хотя въ сгорѣвшихъ Васильевскія не упомянуты, но возможно, что онѣ горѣ опять были возстановляемы.

Изъ приведенныхъ отмѣтокъ видно, что каменная была только церковь Святого Василія, другая же—деревянная. Первою въ росписи ставлена Василія Парійскаго деревянная, стало быть каменною надобно знавать церковь Василія Кесарійскаго.

Образова церковь лежала между Дѣтинцемъ и малымъ валомъ; а силія Кесарійскаго мы видимъ внѣ этого вала; въ росписи она на второю, значитъ деревянная церковь Василія Парійскаго стояла ближе сарійской къ Волховскому берегу.

На чертежѣ Попова и 1778 г. нѣтъ церковныхъ мѣстъ между зомъ и Троицею и далѣе по Новинкѣ до Власія. Въ 1808 г. не суще вало ни одной изъ Васильевскихъ церквей, вѣроятно онѣ упразднены зобраны при Петрѣ Великомъ, при возведеніи малаго вала по н образцу,—слѣдовательно осязательныхъ указаній на мѣстность Васи скихъ церквей нѣтъ.

Между Троицкою церковью и Екатерининскою горкою (это посл выступъ землянаго укрѣпленія Петра Великаго) лежитъ искусственное вышеніе съ деревянными на немъ постройками; оно составляло собс ность Сковородскаго монастыря и отчуждено въ частное владѣніе двѣнадцать назадъ. Восточною своею частію возвышеніе значительно удал за черту между церквами Троицкою и Образовою и за черту крайняго вы Екатерининской горки; оно обрывается крутизною на самой низинѣ. Во площадь, занятая постройками, въ длину и ширину около пятидесяти са Основаніе внѣшняго вала нигдѣ не шире пятнадцати саженъ. Поэтому и ственное возвышеніе не можетъ быть все остаткомъ древняго внѣшняго составляя лишь часть его. Высота отъ низины до трехъ саженъ и прихо вровень съ городскою площадью и съ искусственнымъ же возвышеніем которомъ стоитъ Троицкая церковь. Когда и при какихъ обстоятельс Сковородскій монастырь сдѣлался собственникомъ разсматриваемой мѣ сти,—свѣдѣній мы не имѣемъ; да ихъ и нѣтъ въ монастырскихъ дѣ какъ говорилъ намъ бывшій настоятель, здравствующій отецъ Архи ритъ Леонидъ. А какъ земли и другое имущество упраздненныхъ це и монастырей причисляются вообще къ вѣдомству подобныхъ же у деній, и, предпочтительно предъ другими, наименѣе обезпеченныхъ,— допустить, что возвышеніе, о которомъ идетъ рѣчь, поступило въ собс ность Сковородскаго монастыря, по упраздненіи бывшей на немъ це Такимъ образомъ, сопоставляя всѣ приведенныя обстоятельства, поз тельно заключить, что деревянная церковь Василія Парійскаго стояла и на томъ возвышеніи, которое впослѣдствіи принадлежало Сковородском настырю, до 80 хъ годовъ.

Василій Кесарійскій. Каменная церковь во имя Василія Кесарій-
ію была, по изложеннымъ въ предшествующей статьѣ свидѣтельствамъ,
восточномъ углу, образуемомъ встрѣчею нынѣшнихъ улицъ,—Ново Влась-
кой, направляющейся отъ площади у церкви Св. Василія къ прогону
жду Екатерининскою горкою и описаннымъ возвышеніемъ, и Троицкой.
блюденіе за хозяйственными здѣсь раскопками можетъ открыть при-
ствіе въ землѣ костяковъ похороненныхъ около церкви прихожанъ.

Нерукотворенный Образъ. Въ изложеніи объясненій объ остаткахъ
лѣдахъ церковныхъ древностей Славенской стороны, собственно окрест-
ей ея, говорено о церкви Нерукотвореннаго Образа на сторонѣ Нерев-
й: тамъ указано и мѣсто ея; но не приведено основаній и лѣтописныхъ
вѣстій. Для цѣлей Общества нашего, какъ мы понимаемъ ихъ, важно со-
ть, къ дѣятельности его въ будущемъ, всѣ данныя о слѣдахъ древностей,
ковныхъ и гражданскихъ, равно и о слѣдахъ бытовыхъ остатковъ, чтобы
ти научные труды по изысканіямъ не наудачу, а, по возможности, осмы-
нно, выбравъ почву мало-мальски твердую и устойчивую на столько,
бы не брести ощупью, какъ по трясинѣ.

Образова церковь на Добрынѣ улицѣ поставлена каменная въ 1378
у; раньше тутъ могла быть деревянная, сгорѣвшая въ пожаръ 1348 г.,
да загорѣлось на Волосовѣ улицѣ,—„и погорѣ улица Волосова не вся,
брынина улица не вся же“;—при этомъ истреблено огнемъ четыре дере-
нныхъ церкви. Въ какомъ мѣстѣ Добрыниной улицы не горѣло, устано-
ть нельзя,—предположить же, что въ числѣ сгорѣвшихъ церквей была и
разова—возможно, въ виду построенія ея чрезъ 30 лѣтъ каменною. На
ихайловскомъ изображеніи написаны постройки по всему пространству за
мъ, окружающимъ Дѣтинецъ, но въ числѣ ихъ нѣтъ ни одной церков-
й. Писано это изображеніе съ полуденно-восточной стороны; на немъ по-
заны опускающимися отъ закругленій Дѣтинца на полдень и на полночь
бленыя стѣны; должно быть это начало городьбы поверхъ малаго вала;
на полуденной стороны, опускаясь къ берегу, направляется довольно
то на западъ,—поэтому художникъ могъ не видѣть Образовой церкви,—
закрывала стѣна, особенно, если церковь была невысока. На Знамен-
мъ изображеніи она показана близъ стѣны Дѣтинца, невдалекѣ отъ
сскихъ воротъ; на рисункѣ Олеарія, хотя и мелкомъ, можно указать
тутъ-же. На чертежѣ Попова поставленъ крестъ уже за рвомъ, что около Дѣ-
нца, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь домъ Б. И. Штрейса, при постройкѣ
тораго выкопано много человѣческихъ костей. На чертежѣ 1778 года нѣтъ
рковной площади, соотвѣтствующей положенію креста чертежа Попова.
росписи церковь Образа напечатана строчными буквами,—а это значитъ
м. выше), что во время написанія Разговоровъ Митрополита Евгенія
не было.

На одномъ изъ колоколовъ церкви во имя увѣренія апостола Ѳ
скресеніи Христовомъ, называемой обыкновенно Воскресенскою,
мъ Людинѣ концѣ, на Мигрѣ, гдѣ теперь Воскресенская слобода
ра Мячина, помѣщена слѣдующая надпись: „M. Kordt —

7155 Марта 1 дня при Благовѣрномъ Государѣ Царѣ и Великомъ
Алексѣѣ Михайловичѣ всея великія и малыя Россіи самодержцѣ, дал
три колокола Великаго Новагорода церкви Всемилостиваго Спаса Нерук
ренному образу у Новинскихъ воротъ" (Срав. Макарія—Описаніе Но
церков. древн. Ч. II, стр. 291). Годъ 7155 соотвѣтствуетъ 1647; н
не особенно далекое; въ церковныхъ бумагахъ, въ такъ называемыхъ
ровыхъ вѣдомостяхъ, или въ Консисторскихъ—старыхъ дѣлахъ, можно пр
лагать найти свѣдѣнія о времени поступленія этого колокола и дру
двухъ въ Воскресенскій Мячинскій монастырь, и о поводахъ къ т
Должно быть колокола и другое имущество передано ближайшей сосѣ
и бѣднѣйшей, при упраздненіи церкви Нерукотвореннаго Образа на Доб
улицѣ.

Воздвиженіе креста Господня. Въ статьѣ о церкви Св. Ба
Парійскаго приведена отмѣтка первой лѣтописи о пожарѣ, бывшемъ
1194 году. Порядокъ перечисленія сгорѣвшихъ тогда церквей, въ ка
ихъ называетъ памятуха современника, назначенное нами мѣсто Ба
Парійскому и существующая до сихъ поръ Троица,—указываютъ, что л
писецъ шелъ отъ малаго вала по окраинѣ Кромнаго города. Изъ этого
дуетъ, что Воздвиженская церковь стояла за Троицкою. Роспись описы
церкви Земляного города въ порядкѣ обратномъ: назвавъ улицу Лукин
съ церковью Св. Луки, составитель ея упоминаетъ церкви: Воздви
Честнаго Креста и Троицкую, и затѣмъ вступаетъ на Новину и назы
церкви Василія Парійскаго и прочія. На чертежѣ Попова означена бол
часть внѣшняго вала, отъ Бѣлой башни по краю низины, въ направ
къ валу малому,—она доведена до мѣста, соотвѣтствующаго поло
Троицкой церкви, отмѣченной крестомъ. Пространство между внѣшним
ломъ и началомъ построекъ вдоль протяженія его, названо „подолъ"; м
мы опредѣлили подолъ въ смыслѣ подъема мѣстности отъ берега въ
На зимній западъ отъ Троицы, при началѣ „подола",—поставленъ кр
еще западнѣе и нѣсколько къ лѣтней сторонѣ заката солнца, ближе къ Б
башнѣ, намѣчена улица, выводящая на подолъ, и на концѣ ея, слѣва, обв
четыреугольная площадь съ крестомъ. По всей вѣроятности кресты
соотвѣтствуютъ церквамъ, названнымъ росписью въ Земляномъ го
до Новинскихъ. На чертежѣ 1778 г. Троицкая церковь не отмѣчена;
изошло-ли это по забывчивости, или ко времени составленія чертежа
была истреблена пожаромъ и оставалась нѣсколько лѣтъ невозобновле
намъ въ настоящее время неизвѣстно; а другія двѣ поставлены на т
же мѣстахъ, что и на чертежѣ Попова.

Въ настоящее время между церковью Троицкою и Бѣлою башнею
улицы; онѣ идутъ отъ Большой Власьевской къ Троицкой, на котор
оканчивается; первая отъ Троицы названа Лукинскою, а вторая—Во
женскою; очевидная путаница; должно быть городовой стражникъ, кото
было поручено набить на углахъ улицъ, по вновь утвержденному расп
ленію ихъ, дощечки съ надписями, смѣшалъ послѣднія двѣ; своевре
никто не обратилъ на это вниманіе,—обыватели привыкли къ новымъ,

несуразнымъ названіямъ,—такъ онѣ и остаются до сихъ поръ,—Воздви-
нская—Лукинскою, а Лукинская—Воздвиженскою. Возстановляя настоящее
ваніе первой послѣ Троицы улицы,—мы будемъ имѣть мѣсто Воздви-
нской церкви на концѣ ея.

Лука Евангелистъ. Въ росписи значится: „Въ городѣ Земляномъ,
Лукинской, Лука Апостолъ, каменъ". Лукинскую улицу и мѣсто церкви
концѣ ея мы указали. Какъ показанная на чертежѣ 1778 года, она
аздпена между этимъ и 1808 г. Первоначальное сооруженіе Лукинской
кви неизвѣстно,—но мы относимъ оное къ половинѣ XI вѣка, хотя не
имъ основаній не считать появленіе ея въ Кромномъ городѣ еще во вре-
а явычества.

Въ Новгородской лѣтописи, по Софійскому списку, въ отмѣткѣ подъ
92 годомъ сказано объ основаніи Петропавловской церкви на Сильнищи
кинничами. Подъ этимъ именемъ можно разумѣть или прихожанъ церкви
итого Луки, или какихъ нибудь Лукичей, дѣтей Луки. Въ упомянутомъ
коло-Дворищенскомъ сборникѣ, относящемъ основаніе къ этому же 1092
у какъ Петропавловской, такъ и Вознесенской церкви на Прусской улицѣ,
ени Лукиничей нѣтъ; въ первой же и во второй лѣтописяхъ, сказыва-
ихъ объ основаніи той же Петропавловской церкви не въ 1092, а въ
85 г., а объ окончаніи постройки ея въ 1192 году, названы Лукиничи.
топись Софійская и сборникъ Николо-Дворищенскій, какъ принадлежащіе
дпему времени, возбуждаютъ сомнѣніе въ вѣрности ихъ показаній, гра-
ащее иногда съ недовѣріемъ, тѣмъ болѣе, что первая издана крайне не-
жно. На этихъ источникахъ мы и не основали-бы заключенія о Лукин-
й церкви, но въ пергаментномъ сборникѣ подъ 1112 годомъ написано:
огорѣ онъ полъ. на сей же сторонѣ городъ Кромьныи отъ Лукинь по-
ъ" (Свѣтопис. изданіе, стр. 15, годъ 6621). Составитель этой записи
ъ на Неревской сторонѣ;—выраженіе „онъ полъ" означаетъ—„та сто-
", т. е. Славенская;—„Лукинъ пожаръ" указываетъ, что онъ начался
ъ Луки". Если разумѣть въ этомъ случаѣ подъ Лукою не церковь, а
ъ частнаго лица Луки, надобно, чтобъ это лицо пользовалось знамени-
тью и общеизвѣстностью. Въ XI вѣкѣ былъ, съ 1035 до 1059 г., въ
городѣ Епископъ Лука Жидята, но для его жительства существовалъ
астырь на Десятинѣ,—къ тому же современникъ пожара, лицо по всей
оятности духовное, не сказалъ бы о своемъ владыкѣ, безъ означенія его
окаго сана. Стало быть подъ выраженіемъ „отъ Лукинъ пожаръ" слѣ-
тъ разумѣть начало бѣдствія отъ Лукинской церкви. Поэтому показаніе
тѣйшихъ сборниковъ объ основаніи Петропавловской церкви въ 1092
у представляется вѣрнымъ; къ этому времени относится первоначальное
руженіе ея, а первая и вторая лѣтопись говорятъ уже объ одномъ изъ
слѣдующихъ; а какъ Софійская называетъ первыхъ уст[illegible] церкви,
ласно съ другими двумя лѣтописями, Лукиничами, и [illegible]изна-
ть существованіе Лукинской церкви до 1092 года. [illegible]но-
ъ ее Епископъ Лука Жидята, во славу имени свое[illegible]
льзя отрицать, что она обязана возник[illegible]

иноземнымъ купцамъ, еще до крещенія Руси имѣвшимъ торговыя дѣла с Новгородомъ и проживавшимъ въ особой мѣстности, по сосѣдству съ на емными Людинами, ихъ соотечественниками-христіанами, окопанной валом и извѣстной подъ названіемъ Кромнаго города. Уже замѣчено, что тутъ жи вали иноземные купцы и въ болѣе позднія времена, основавъ Троицкую це ковь. Нельзя также не высказать, въ видѣ догадки, что и Петропавловская це ковь могла быть основана тѣми же иноземцами, какъ кладбищенская, или как сторожевая, въ послѣднемъ случаѣ—по требованію Новгородцевъ. Дальнѣ шая судьба Лукинской церкви выслѣживается по лѣтописи, такъ: Въ 1234 году она сгорѣла отъ грозы; должно быть была деревянная; въ 1415 году построена каменная; въ 1526 г. опять сгорѣла, вѣроятно только огорѣла; въ 1627 году возобновлена и освящена—тоже каменная.

Подробное изслѣдованіе мѣста, на которомъ стояла церковь Евангели ста Луки, путемъ тщательной раскопки его и ближайшей площади, может открыть богатыя данныя для народовѣдѣнія, сколько погребальною обстанов кою прихожанъ, тутъ, конечно похороненныхъ по обычаямъ древности столько же и измѣреніемъ череповъ и прочихъ частей костяка. Вообще не обходимо изученіе слѣдовъ, оставленныхъ Лукинскою церковью въ землѣ,— что не представляетъ большихъ затрудненій: мѣстность сопменной ей лѣто писной улицы занята небольшими постройками только по лицевой стороне а за ними лежатъ дворы, въ видѣ большихъ пустырей.

Третій участокъ.

По правую сторону Бѣлой башни, на зимній западъ отъ нея, шла, как мы знаемъ уже, Русская дорога, еще съ долѣтописныхъ временъ. Около не по обѣ стороны учреждались церкви и монастыри, по холмамъ и курганам Къ XV вѣку были тамъ, за внѣшнимъ валомъ, и улицы, входившія въ со ставъ правительственнаго Людина, а народнаго Горончарскаго или Гончар скаго конца, тянувшіяся до Петропавловской церкви, гдѣ нынѣшнее Пет ровское городское кладбище. На полдень отъ Кромнаго города лежала улиц косою къ Мячину упомянутая нѣсколько разъ Мигра,—теперь Воскресенска слобода, тоже составлявшая Людинъ конецъ; эта часть его называлась к XV в. также и Гончарскимъ концомъ. Такимъ образомъ обѣими мѣстностям прилегающими къ внѣшнему валу съ запада и съ полдня, мы ограничив емъ третій участокъ Людина лѣтописнаго конца. Начнемъ съ западно стороны.

Алексѣй Святой. Въ третьей Новгородской лѣтописи и въ Никол Дворищенскомъ сборникѣ отмѣчено подъ 1455 годомъ: „Повелѣніемъ Архі пископа Евѳимія Вяжицкаго поставиша церковь древяну за Большимъ вал ломъ, въ Людинѣ концѣ, на Софійской сторонѣ, въ Алексѣевской улиц по Чудеси, а нынѣ за Алексѣевской башней каменной круглой“ (годъ (стр. 291). Въ Румянцевскомъ сборникѣ, составляющемъ основную рукопи этой лѣтописи, прибавлено: „Іоанна Милостиваго“;—но составители лѣтопи

внесли этого названія церкви въ чтеніи ея, а поставили въ выноскѣ *б.* ъ Николо-Дворищенскомъ сборникѣ церковь значится во имя Алексѣя. Въ званномъ году сооружена Алексѣевская церковь не впервые; она упоми-ется подъ 1340 и 1391 гг. такъ: „Погорѣ Людинъ конецъ до Алексѣя итого“ (I Нов. лѣт. стр. 78 годъ 6848 и стр. 95 годъ 6898). Когда а возникла, мы не имѣемъ свѣдѣній. А что приведенная отмѣтка третьей тописи относится не къ Іоанну Милостивому, существующему и теперь, тя тоже за Алексѣевской круглой, извѣстной болѣе какъ Бѣлой, баш-й,—это видно изъ обхода Геннадіева въ 1493 году: „отъ Креста (Чуд-го на Волховскомъ мосту) владыка пошелъ новымъ мостомъ (это мосто-я настилка) къ Образу, да дошедъ до Образа да пошелъ на лѣвую руку рѣку, да рѣкою пошелъ въ Горньчарской конецъ, къ Олексѣю святому, деревянной церкви; да дошедъ до Алексѣя святого, да туто противъ ексѣя святого Архіепископъ сталъ и октелью велѣлъ говорити,—да и естомъ воздвизальнымъ благословлялъ крестообразно народъ на всѣ че-ры стороны и молебенъ свершилъ, и потомъ пошелъ отъ Олексѣя свя-го вспольемъ къ Духу святому въ монастырь“. Далѣе описывается путь такіе же остановки у Петровской улицы, которая вела изъ города къ нѣшнему Петровскому кладбищу, и у Чудинцевой, отъ которой крестный дъ двигался къ Духову монастырю рвомъ. Изъ этого мѣста лѣтописи но, что Алексѣевская церковь стояла недалеко отъ берега у вспольяжде той улицы, которая встрѣтилась на вспольѣ по пути къ Духову онастырю раньше Чудинцевой. Въ росписи читаемъ: „Въ слободѣ въ нной храмъ древянъ Алексѣя человѣка Божія“.

Ни на одномъ изъ чертежей нѣтъ ни креста, ни церковной площади западъ отъ внѣшняго вала, въ окрестности Бѣлой башни. Въ нынѣшней оицкой слободѣ, сряду за рвомъ внѣшняго вала, на правой сторонѣ до-и къ Петровскому кладбищу, въ Аркажу и въ Юрьевъ, стоитъ дере-нная часовня. Старожилы говорятъ, что она поставлена на мѣстѣ церкви ексѣя Божія человѣка. Положеніе часовни соотвѣтствуетъ Алексѣевской кви Геннадіева обхода и оправдываетъ народный говоръ о назна-ніи ея.

Названія нынѣшней Троицкой слободы Тонною намъ не доводилось трѣчать, кромѣ росписи 1615 г., ни въ одномъ изъ письменныхъ памят-ковъ; его не знаютъ и мѣстные обыватели-старики. Поблизости ея къ отоку, соединяющему озеро Мячино съ Волховомъ, и къ этому озеру, зможно искать объясненія названія „Тонной“ въ созвучіи его съ тонями, льшими рыболовными сѣтями, погружаемыми при помощи прѣпляс-ыхъ къ одному краю тяжестей на дно; онѣ тонутъ. Т Мя-инѣ, ни въ его протокѣ нѣтъ, кромѣ времени весенняго ого ыболовства. Въ какомъ состояніи оно было встарь— но. о слободы теперь, преимущественно съ полуденно-и л, е мѣсто, такъ что тутъ могли тонуть и лошади и и водства гадателны,—потому отложимъ вопросъ о ия Тонной слободы до стрѣчи съ памятниками X

оное. Ближе всѣхъ къ рѣшенію этого вопроса стоятъ Новгородскія пи
выя книги. Въ переписи 1744 г. значится за Бѣлою башнею Копор
слободка (Разговоры, стр. 77, Примѣчаніе). Къ сожалѣнію мы не мож
ничего сказать о мѣстоположеніи ея больше того, что сообщаетъ Митр
литъ Евгеній.

Акила Апостолъ. Въ записи о ружныхъ церквахъ Новгородск
значится церковь Апостола Акилы, въ концѣ Алексѣевской улицы за
садомъ (Временникъ Моск. Общ. Истор. и древ. Рос., кн. 24 стр. 31. С
Макарій Опис. Нов. цер. др. I, стр. 228). Въ какомъ именно мѣстѣ ис
слѣдовъ этой церкви, мы съ точностью указать не можемъ. Но вал
отъ нынѣшней Троицкой слободы, на концѣ ея, есть пригорокъ, саже
въ пятнадцати отъ дороги къ Аркажѣ. Тутъ видны бугры точно такіе,
кіе обыкновенно остаются на мѣстѣ небольшого разрушеннаго сооруж
Поверхностныя раскопки легко обнаружатъ, принадлежатъ-ли бугры ра
линѣ церкви, или жилому строенію. При церквахъ хоронили прихож
какъ и теперь; если поверхностныя раскопки не обнаружатъ слѣдовъ цер
неглубокій ровъ на востокъ отъ развалины, проведенный на двухъ-т
саженяхъ длины съ полдня на полночь, откроетъ на глубинѣ не св
двухъ съ половиною аршинъ присутствіе человѣческихъ костяковъ, что бу
несомнѣннымъ признакомъ сосѣдства съ ними церкви.

Въ росписи названъ храмъ Акимъ апостолъ, древянъ, на Щипа
Гдѣ было Щипачево XVII вѣкѣ намъ неизвѣстно; если оно лежало на
горкѣ за старинной Алексѣевской, впослѣдствіи Тонной, а теперь Тро
слободы,—въ такомъ случаѣ Акимъ росписи будетъ тоже, что А
предполагаемый стоявшимъ на этомъ пригоркѣ.

Преподобная Ксенія. Въ этой же записи о ружныхъ церква
на томъ же мѣстѣ, гдѣ сказано объ апостолѣ Акилѣ, названа це
Преподобной Ксеніи „на вспольѣ", на Щипачевѣ улицѣ. На Щипачев
она записана и въ росписи. Въ Геннадіевомъ обходѣ мы видѣли „вспо
сряду за внѣшнимъ валомъ; изъ этого можно заключить, что оно оп
ляетъ начало поля, лежащаго за городомъ и вообще за поселкомъ, по
тому, какъ взморьемъ зовутъ начало моря, или залива его. Если пр
мать вспольe записи о ружныхъ церквахъ въ смыслѣ пустыря, лежа
сряду за внѣшнимъ валомъ, тогда Щипачево будетъ не тамъ, гдѣ пре
ложено мѣсто Акилы апостола и въ имени церкви Акима будетъ не ош
составителя росписи, а свидѣтельство о положеніи ея въ другой сто
отъ Акилиной, на западъ—къ полночи отъ нынѣшней Троицкой слоб
между нею и улицею Петровскою, что вела отъ Варварина монастыр
Петропавловскому дѣвичью монастырю на Сильнищи, или на Сини
горѣ. Удостовѣриться въ мѣстности церквей Ксеніи и Іоакима, или
первой, можно посредствомъ пріемовъ, названныхъ въ замѣткѣ о це
апостола Акилы.

Николай Чудотворецъ на Мигрѣ. Мигра—это нынѣшняя Во
сенская слобода; здѣсь возникъ дѣвичій монастырь не позднѣе XV в
существовалъ до XVIII. До сихъ поръ сохранилось отъ него двѣ це

еніе апостола Ѳомы въ Воскресеніи Христа;—по имени ея и монастырь
бода называются Воскресенскими,—и Іоанна Милостиваго. О мона-
ѣ и церквахъ, какъ существующихъ, мы говорить не будемъ; о нихъ
бнѣйшія свѣдѣнія приведены въ трудахъ Макарія и графа М. Толстого.
нашихъ цѣлей важно найти мѣсто третьей, бывшей тамъ въ XVII
церкви, и попытаться объяснить названіе мѣстности; начнемъ съ по-
яго.

Въ основномъ и прочихъ сборникахъ, изъ которыхъ составлена третья
родская лѣтопись, помѣщена подъ 1195 годомъ слѣдующая отмѣтка:
іепископъ Мартирій заложи церковь святого Воскресенія каменну въ
ѣ монастырѣ, въ Людинѣ концу, на Красной горкѣ, и устрои дѣвичь
стырь" (годъ 6703, стр. 217). Въ I, II и IV лѣтописяхъ Новгород-
ь встрѣчается нѣсколько разъ Воскресенская церковь и Іоанна Милости-
въ монастырѣ, начиная съ 1136 г. и ни разу не названа мѣстность
„въ Мигрѣ". Это вызвало въ составителѣ третьей лѣтописи сомнѣніе
мѣчаніе (въ выноскѣ *з*), что слово Мигра поставлено едва-ли не ошиб-
во всѣхъ спискахъ, которые онъ имѣлъ предъ собою. При этомъ сдѣ-
ссылка на Разговоры Митрополита Евгенія и на Исторію Іерархіи и
но, что Воскресенскій монастырь первоначально мужской, потомъ жен-
стоялъ на лѣвомъ берегу Волхова, близъ озера Ильменя (тамъ-же).
и Евгеній, ни Амвросій не говорятъ, чтобы какой либо изъ Воскресенскихъ
стырей Новгородскихъ окрестностей стоялъ на лѣвомъ берегу Волхова
ь озера Ильменя; въ Исторіи Россійской Іерархіи Воскресенскій мона-
ь названъ на озерѣ Мячинѣ и на лѣвомъ берегу ручья безымяннаго
II, стр. 617). Очевидно Археографическая коммиссія не знала мѣстно-
и предполагая ошибку „въ Мигрѣ", сдѣлала уже не предполагаемую, а
твительную ошибку „въ озерѣ Ильмени". Остановиться на этой послѣд-
ошибкѣ необходимо, такъ какъ изданныя Археографическою коммиссіею
иси признаются научною истиною.

Большой знатокъ Новгородскихъ лѣтописей, Д. И. Прозоровскій, въ
янутомъ трудѣ „Новгородъ и Псковъ",—ссылаясь на III Ч. Актовъ
ографической экспедиціи, № 56 и 58 и на словарь Щекатова, вы-
ливаетъ: „Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что нѣкогда существо-
названіе Мигрою одной изъ Новгородскихъ мѣстностей. Оно могло
войти отъ переселенцевъ изъ села Мегры, Мѣгры, или погоста Мегры,
рѣки Мегры" (Новгородъ и Псковъ, стр. 43, выноска). Мнѣніе это
зя не признать основательнымъ; хотя въ писцовыхъ книгахъ пятинъ
ѣжской, Заонѣжской половины и Бѣжецкой намъ недовелось встрѣтить
азу слова Мегра написаннаго чрезъ букву *ѣ*, произносимую въ нѣко-
хъ мѣстностяхъ названныхъ пятинъ, какъ *и*;—но состав сцо-
ь книгъ не могли не примѣтить въ говорѣ тѣхъ мѣсти они
тали, замѣны звуковъ *е* и *и*;—принявъ поэтому за пи *е*
то *и*, они могли считать и писать Мегрою тѣ назва
произносилъ „Мигра". Въ умѣстности такой догадк
нія урочищъ и поселковъ Заонѣжской полови

русскому говору, напримѣръ: Палтега, Гежена-гора (поселокъ), Кошт
Кондуши (поселокъ) и проч. Мегра-рѣка въ этой именно сторонѣ Заонє
наконецъ и вносившій въ сборникъ слова „въ Мигрѣ“ могъ и самъ л
придерживаться говора съ замѣною одного звука другимъ, по-инородче
Если нынѣшняя Воскресенская слобода называлась въ народѣ Мигро
древнѣйшихъ временъ, она могла получить это наименованіе отъ тѣхъ
емныхъ Людиновъ-дружинниковъ, которые пришли въ Новгородъ изъ
нежья, или изъ Бѣжецкой пятины. Въ этомъ предположеніи мы можемъ н
ключь къ объясненію Колбяговъ Русской Правды: въ Обонежской пят
нагорной половины была въ писцовыя времена мѣстность „Колбеги“ и
ней „Климетцкой погостъ“ (Неволинъ, О пятинахъ. Приложеніе VII, стр. 1
Колбягамъ и Варягамъ, какъ наемщикамъ съ грабительскими наклонност
Русская Правда по древнѣйшему списку, кратчайшему, приписываетъ
хорошее качество завзятыхъ укрывателей и пристанодержателей и во
мало довѣряла, если они бывали свидѣтелями: „Аще ли челяданъ съкрые
любо оу варяга, любо оу Кольбяга, а его за три дня не выведутъ, а
знаютъ и въ третій день: то изымати емоу свой челядинъ, а три гр
за обидоу. Аще-ли ринетъ мужъ—моужа, любо отъ себѣ, любо къ
три гривнѣ; а видока два выведетъ, или боудетъ варягъ или колбягъ
на ротоу“. Наемныхъ-дружинниковъ, сильныхъ воинскими доблестями
тогдашнимъ понятіямъ о достоинствѣ ихъ,—но обладавшихъ дурными
шевными наклонностями, Новгородцы должны были поселить,—и посел
въ сторонѣ, на узкой полосѣ суши, вдающейся въ озеро, чтобы затруд
имъ возможность грабить мирныхъ гражданъ. Итакъ выраженіе лѣто
„въ Мигрѣ“ не слѣдуетъ считать ошибкою.

Теперь перейдемъ къ церкви Николая Чудотворца.

Въ Воскресенской церкви на Мячинѣ хранится современный спи
съ жалованной грамоты 9 Мая 1627 г., изъ котораго видно, что бы
здѣсь монастырь раззоренъ Шведами; и что до раззоренія въ немъ нах
лось два храма каменныхъ, а третій деревянный, сожженный Шве
Изъ выписи переписныхъ книгъ 1617 года оказывается, что деревя
храмъ—Никольскій, и что онъ стоялъ подъ колокольнею (Макарій, О
церк. древ. I, стр. 545). Нынѣ существующая колокольня недавняя;
какъ-бы приткнута къ церкви Іоанна Милостиваго; подъ этою нельзя
церкви, хотя-бы самыхъ ничтожныхъ размѣровъ. До Шведскаго разг
стояла, по всей вѣроятности, другая колокольня, выведенная отдѣльнымъ
ніемъ. Подходящимъ для нея мѣстомъ будетъ пространство между обѣими
вами къ западу; тутъ есть и площадка, похожая на церковную, доста
ныхъ размѣровъ. Въ настоящее время при церквахъ Воскресенской сло
городское кладбище, такъ что раскопки неудобны, кромѣ поверхностныхъ
и такихъ достаточно, чтобы найти площадь бывшей церкви. Лѣтопис
указаній, кромѣ упомянутой переписной книги, о Николѣ въ Воскресенс
монастырѣ нѣтъ.

Нелишнимъ будетъ замѣтить, что въ ближайшихъ окрестнос
Новгорода было два Воскресенскихъ монастыря, одинъ мужской, а др

нскій, и оба на горкахъ; одна горка называлась Красною, а прилегающая ней обширная луговая площадь Краснымъ полемъ. Эта горка сряду за ышнимъ валомъ правой половины города, на восточной сторонѣ, гдѣ те-ь Тихвинское кладбище. Тутъ и былъ монастырь Воскресенскій мужской; нѣ существующая тамъ церковь тоже Воскресенская; Тихвинскимъ клад-ще называется только съ XVII вѣка,—когда въ эту церковь поступилъ азъ Богоматери, сходный по положенію данному художникомъ, его пи-шимъ, Предвѣчному Младенцу, съ образомъ Богоматери Тихвинской. По над-си на этомъ образѣ онъ пріобрѣтенъ Новгородцами, братьями Воскобойнико-ми, отъ латинскаго попа на островѣ Березаѣ, къ которому прибило застигнув-ю на морѣ бурею этихъ купцовъ. Преосвященный Макарій полагаетъ, что резай островъ находился на рѣкѣ Березайкѣ Валдайскаго уѣзда (Опис. церк. ев. Ч II. стр. 75). Но вѣроятнѣе искать Березая въ Берко на Финскомъ ливѣ, или въ островѣ Березовомъ, на Невскомъ устьѣ, составляющемъ нѣшнюю Петербургскую сторону Невской нашей столицы. Другой Воскре-нскій монастырь, женскій,—на горкѣ, упомянутой въ числѣ границъ рели, жалованной Юрьеву монастырю Св. княземъ Всеволодомъ, т. е. на Мигрѣ. мѣтку эту мы дѣлаемъ для будущихъ изслѣдователей, членовъ нашего щества, и вообще на случай встрѣчи съ неизданными новыми свѣдѣніями которомъ нибудь изъ Воскресенскихъ монастырей на горкѣ.

Монастыри и церкви забытые.

Указавъ мѣста монастырей и церквей, окрестныхъ и городскихъ, под-щіяся опредѣленію, хотя иногда и не вполнѣ точному, остановимся теперь тѣхъ, которые, встрѣчаясь въ памятникахъ письменныхъ, или давно за-лись въ воспоминаніяхъ народныхъ, или затемнены новыми названіями ужающихъ ихъ урочищъ, или наконецъ, совсѣмъ забыты, какъ суще-овавшіе недолго и пережившіе время кучнаго выселенія своихъ прихо-ъ и сосѣдей, или повальнаго ихъ вымиранія. Городскія церковныя со-женія древности пережили тѣ же обстоятельства, какъ и окрестныя, но опредѣленію мѣстоположенія ихъ есть возможность примѣнять наимено-ія концовъ и улицъ, оставшіяся въ лѣтописяхъ, а частію дожившія до нихъ дней, частію замѣненныя новыми въ недавнемъ еще прошломъ, стію же нанесенныя на чертежи и изображенія, служащіе руководящими изысканіяхъ; относительно же нѣкоторыхъ загородныхъ нѣтъ ни по-ныхъ указаній, ни такихъ же долговѣчныхъ, какъ концы и улицы го-а, урочищъ. Къ тому же въ лѣтописныхъ сборникахъ поздняго состава мого произвольныхъ вставокъ и невѣрныхъ мѣстоописательныхъ приба-ъ,—а въ памятникѣ правительственномъ, которымъ представляется ро-1615 г., обнимающая всѣ церкви и монастыри, бывшіе свидѣтелями каго разгрома, и драгоцѣнная поэтому для изысканій о мѣстополо-ніи Новгорода послѣ самобытія, нѣтъ подробностей;—то же повелѣніе, форое вызвало роспись, намъ неизвѣстно,—и судить о цѣляхъ прави-

ними, какъ по лѣвому, такъ и по правому берегу Жилотуга. Тутъ, Никольскою слободою, есть городская пожня, называемая Козьмодемьянск Въ 1662 году этотъ монастырь приписанъ былъ къ Отнему или О скому, верстахъ въ 50 отъ Новгорода. Въ IV части Исторіи Росс. Іе помѣщена царская жалованная грамота объ этой припискѣ, но изъ нея видно мѣстоположеніе монастыря Козьмодемьянскаго. Не былъ-ли онъ ран приписанъ къ Деревяницкому монастырю и не его-ли земля, съ имен Козьмодемьянскаго заполья, перешла къ Я. Я. Макъ-Дональду, что за динцевской заставой, близъ Псковской дороги?

Монастыри на Оскуи и въ Моркиничахъ. Въ росписи оба монастыря помѣщены между Саввинымъ и Никольскимъ на Глинкѣ Гнильцѣ); о первомъ сказано: „Монастырь на Оскуи, два храмы, Сп да Никола Чудотворецъ древяны", а о второмъ: „Монастырь въ Морки чахъ, храмъ Никола Чудотворецъ". Роспись 1615 г. озаглавлена т „Сколько въ Великомъ Новѣгородѣ на Софійской и на Торговой сто градскихъ и окологородскихъ монастырей, мѣстныхъ храмовъ и придѣл учиненная въ 1615 году послѣ опустошеній, произведенныхъ въ Нов родѣ Шведскими войсками, подъ предводительствомъ генерала Якова туса-де-ла-Гарди". По смыслу такого заголовка—слѣдуетъ считать всѣ именованные подъ нимъ монастыри и церкви въ городѣ и около него. жду тѣмъ есть рѣка Оскуя, впадающая въ Волховъ съ правой стороны верстахъ въ 80 отъ Новгорода, и на всемъ своемъ теченіи ни разу не ходящая къ нему на разстояніе болѣе близкое. Если въ росписи слова: Оскуи" относятся къ этой рѣкѣ, то и монастырь находился тамъ же. Исторіи Россійской Іерархіи напечатана жалованная грамота царя Миха Ѳеодоровича Отенскому монастырю; въ ней имѣются слѣдующія стр „Въ прошломъ-де во 122 году (соотвѣтствуетъ 1614 г.) какъ бѣжали мецкіе люди изъ подъ Тифина въ Великій Новгородъ, и въ тѣ-де п Отенскій монастырь разорили, и церковное и монастырское и всякое с енье выграбили, и братію и служекъ побили и монастырь весь выжгл прежнюю жалованную грамоту тожъ сожгли" (Ч. V, стр. 402). Изъ э мѣста грамоты и изъ неуказанія въ росписи Отня монастыря можно вести догадку: или о тожествѣ его съ монастыремъ на Оскуи, отъ кот Отня недалеко, или что Оскуйскій находился на пути отъ Тихвина Новгороду, пересѣкающемъ рѣку Оскую. Въ Отенскомъ монастырѣ церковь во имя Николая Чудотверца; была-ли тамъ и Спасская, мы дѣній не имѣемъ. Есть въ Крестецкомъ уѣздѣ погостъ Спасо-Оскуй; лежитъ въ 22 верстахъ отъ Маловишерскаго посада, въ 40 верстахъ села Грузина на востокъ къ полночи, въ 100 верстахъ отъ города Крес и въ 5 верстахъ отъ рѣки Оскуи (Списки насел. мѣстъ Крестецкаго уѣ Изданіе земства, Новговодъ. 1884 г. стр. 33 № 373. Межниковская волость). Этотъ погостъ съ большею, чѣмъ Отню, вѣроятностью можно нять за монастырь росписи и въ немъ искать мѣстъ обѣихъ церк Спасской и Никольской, потому особенно, что отстоя въ настоящее в отъ рѣки Оскуи въ пяти верстахъ, онъ носитъ ея имя, чего новому

сту не нужно—было-бы. Сосѣди-прихожане не знаютъ о бывшемъ тутъ монастырѣ, но говорятъ что въ церковной ризницѣ хранится, или хранилась, крашенинная окровавленная риза, облачась въ которую, Спасскій священникъ охранялъ церковь отъ нападенія и хищничества татаръ, или Литвы, былъ ими заколотъ.

Моркиничи лежали должно быть, тоже на пути отъ Тихвина къ Новгороду. Въ Изгонной книгѣ Бѣжецкой пятины, XVII вѣка записанъ погостъ Никольской въ Моркиничахъ (Митрополита Евгенія Разговоры, прибавленіе третье, стр. 92). Говорятъ, что верстахъ въ 40 отъ Торбинской станціи Николаевской желѣзной дороги есть мѣстность, къ которой подходятъ границы уѣздовъ: Крестецкаго, Тихвинскаго и Боровичскаго,—называемая Морканичи. Въ спискахъ этихъ уѣздовъ по упомянутому изданію Земства нѣтъ поселка съ такимъ именемъ; тщательный разспросъ на мѣстѣ можетъ указать какое либо запустѣлое селище, или пустошъ, или вообще урочище съ подходящимъ именемъ, созвучнымъ монастырю росписи. Выше названный Лютовъ монастырь былъ также на пути отъ Тихвина къ Новгороду.

Никола Чудотворецъ въ Моховжникахъ. Этотъ храмъ поставленъ росписью между монастырями Радоговицкимъ и Антоньевскимъ; значитъ искать слѣдовъ его нужно невдалекѣ отъ берега Волхова, или по пѣшеходной дорогѣ изъ города къ Антонію Римлянину, или по проѣзжей чрезъ Никольскую слободу. На этой дорогѣ, при поворотѣ ея къ Антонову, стоитъ убогая деревянная часовня. Говорятъ, будто она сооружена „въ бироновщину" на мѣстѣ казни князей Долгоруковыхъ, погребенныхъ на Божедомской скудельнѣ у Рождества, гдѣ надъ могилами мучениковъ воздвигнута потомками ихъ каменная церковь. По другому же говору казнь была ближе къ Рождественскому кладбищу. Дознаніе о деревянной часовенкѣ поможетъ уясненію мѣстности Моховжниковъ. Въ ободной (межевой) грамотѣ Саввиной пустыни начала XV вѣка (она названа выше) мы видѣли моховыя мѣста, по которымъ пролегала граница пожалованной пустыни Кончанской земли: на востокъ отъ Антоніева монастыря, по направленію къ Жилотугу и къ Бучкѣ Донцу, а также и на полдень къ сторонѣ города, невдалекѣ отъ часовенки, лежатъ такія же мѣста; возможно, что эти именно мхи и назывались Моховжниками.

2) Городищенскіе.

Съ перволѣтописныхъ временъ Новгородскіе князья проживали съ своею Гридью и дружиною на Городищѣ, до крещенія Руси и далѣе, до послѣднихъ дней самобытія, имѣя и въ Новгородѣ дворцы для временнаго жительства. Если призывались сюда на княженіе Великіе князья, имѣвшіе постоянное пребываніе въ главныхъ городахъ своихъ удѣловъ, въ Новгородъ присылаемы были ими намѣстники, называвшіеся первое время посадниками,—каковы Добрыня, Остроміръ и Давило; ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ посадниками степенными, Кончанскими и пригородными, или Волост-

ными, — которые были избираемы и правили страною самостоятельно, нез висимо отъ посадниковъ княжескихъ, собственно воеводъ; — княжескіе н мѣстники жили тоже на Городищѣ. И князья и ихъ намѣстники соор жали монастыри и церкви около своихъ дворцовъ. Изъ всѣхъ городище скихъ сохранилась только одна: Благовѣщенская, первоначальное основа которой восходитъ къ 1099 году; она подробно изслѣдована Макарі (Ч. I, стр. 484). Здѣшнія церкви, какъ и городскія, часто горѣли и опя возстановлялись.

Николай Чудотворецъ. Эта церковь, основанная въ 1165 г., ка деревянная, горѣла и возобновлялась; въ 1585 г. была ружною; послѣд извѣстіе о ней относится къ 1615 году; по росписи была деревянною. Лѣ пять назадъ указывали крестъ, поставленный на мѣстѣ, будто-бы, Никол ской церкви, саженяхъ въ 80-ти отъ Благовѣщенія на полночь. Въ пис выхъ книгахъ, въ XVI вѣкѣ, церковь Николая Чудотворца значится: „на Го дищѣ, на рѣкѣ Волховѣ, съ трапезною Архангелъ"; къ мѣсту креста о не подходитъ.

Козьма и Даміанъ. Когда основана Козьмодаміанска Городищенск церковь — неизвѣстно; въ 1386 г. она сожжена Новгородцами въ ожиданіи оса князя Дмитрія Ивановича Донского. О дальнѣйшей судьбѣ извѣстій не хранилось; въ 1585 году она была ружною; по росписи 1615 г. значит деревянною; крестъ, упомянутый выше, можетъ относиться къ ея мѣс болѣе, чѣмъ къ церкви Николая Чудотворца.

Михаилъ Архангелъ. Въ 1542 году „заложиша церковь, на го дищѣ великаго князя, Михаила Архангела" (II Нов. лѣт. годъ 705 Была-ли эта церковь каменная или деревянная и долго-ли существовала неизвѣстно; въ числѣ ружныхъ и въ росписи не означена.

Срѣтеніе Господне. По указанію Макарія (Опис. Новг. церк. др Часть I. стр. 489) Срѣтенская Городищенская церковь стояла первоначал на полдень отъ Благовѣщенской, а въ 1797 году обращена въ придѣ ся съ западной стороны; когда основана — неизвѣстно. Ни въ числѣ ру ныхъ, ни въ росписи не значится.

Георгій Великомученикъ. Въ росписи 1615 года отмѣчено: мо стырь Аргамакова, а въ немъ храмъ Георгій. Въ Исторіи Россійской рархіи ему назначено мѣсто на пространствѣ между Городищемъ и Не дицею (Ч. III, стр. 258). Георгіевская Городищенская церковь внесена число ружныхъ; но когда основана — свѣдѣній нѣтъ.

Пространство между Городищемъ и Нередицею съ версту; начиная чти отъ Благовѣщенской церкви площадь склоняется пологою покатост къ Волховцу, разъединяющему оба холма, Нередицкій и Городищенскій. какомъ именно мѣстѣ стоялъ Аргамаковскій монастырь, укажетъ неглубо ровъ, если протянуть его въ двухъ направленіяхъ крестообразно, отъ Бла вѣщенія къ Нередицѣ.

На случай, когда придется копать подобный ровъ, и вообще дѣлать изыс нія о мѣстахъ церквей въ разсматриваемой мѣстности, слѣдуетъ имѣть въ ви что Городище, какъ царская собственность, поступившая въ дворцовое вѣдомс

осударей Московскихъ послѣ 14 Января 1478 г., пожаловано было Петромъ еликимъ князю А. Д. Меншикову; этотъ пышный баловень-вельможа возелъ тутъ много каменныхъ сооруженій для великаго числа своихъ слугъ. громный садъ выходилъ на берегъ Волхова, охватывая Благовѣщенскую ерковь; обширные погреба—медуши сохранялись, въ подземельи, еще въ ервой половинѣ нынѣшняго вѣка и извѣстны были подъ именемъ княжескихъ; нѣкоторые намъ доводилось видѣть; по кладкѣ они не раньше ремени Меншикова, хотя мѣстные обыватели еще и теперь говорятъ глубокой древности первоначальной постройки ихъ. Нерѣдко на Городищѣ находятъ, при обработкѣ огородовъ, и по спадѣ вешней воды по берегу Волхова, куфическія, татарскія и удѣльныя деньги, также Новгородки, осковки и пулы; находятъ и оружіе, сильно поврежденное ржавчиною. Но ъ остаткахъ древней кладки въ землѣ неслышно; если на нихъ и наыкаются,—то сряду же или выбираютъ камень, или снова зарываютъ находку, не оглашая, во избѣжаніе стѣсненій отъ ближайшихъ властей, слѣдящихъ съ нѣкотораго времени зорко за земляными работами въ окрестностяхъ Новгорода, но, къ сожалѣнію, оставляющихъ въ покоѣ скупщиковъ ревностей, особенно изъ евреевъ и татаръ, разъѣзжающихъ по деревнямъ, абирающихъ всякіе остатки мѣстной старины и сбывающихъ любителямъ, мышленно скрывая тотъ край, откуда пріобрѣтены продаваемые предметы, тобы сохранить его за собою для дальнѣйшей наживы. Къ крайнему прискорбію подобные находники умѣютъ пробираться въ церковныя ризницы кладовыя; они покупаютъ старинныя облаченія на выжигу, древнюю утварь не попавшую въ опись, бумаги и проч. Годъ отъ году число подобныхъ находниковъ увеличивается; съ ними нашему Обществу необходимо вѣдаться, чтобы уберечь отъ истребленія то, на что эти торгаши не наложили еще рукъ своихъ. На первое время слѣдовало-бы озаботиться въ этихъ видахъ пріисканіемъ наибольшаго, по уѣздамъ, числа соревнователей цѣлямъ Общества, которые могли-бы одновременно слѣдить какъ за скупщиками, такъ и за продавцами мѣстной старины.

и 3) Нередицкіе.

Гора Нередица лежитъ, какъ мы знаемъ, на востокъ отъ Городища и дѣляется отъ него древнею рѣкою Волховцемъ, извѣстною по сборникамъ овгородской семьи съ перволѣтописныхъ временъ. Она вышла изъ Волхова аженяхъ въ 50 выше Городища и впала въ одинъ изъ протоковъ Жилоута, называемый теперь Левошнею. При проведеніи въ прошломъ столѣтіи иверсова канала, Волховецъ пересѣченъ имъ и былъ п[illegible] чтобы не ать водамъ канала выхода раньше впаденія въ Волхов[illegible] олховца лѣвой стороны канала сохранилась, а съ правой р[illegible] мъ ве-ияго разлива; начиная отсюда Волховецъ называетс[illegible] мя ескою рѣчкою. Нередица виситъ надъ этою рѣчко[illegible] лѣту Волховецъ почти совсѣмъ осыхает[illegible]

На отлетѣ Нередицы стоитъ Спасская церковь, принадлежащая бо
шему здѣсь монастырю; она основана въ 1197 году княземъ Ярослав
Владиміровичемъ. Подробности отъ этой, сохранившей въ первобытной цѣ
ности настѣнное письмо, церкви приведены въ трудахъ Макарія (Ос
Новг. церк. др. I, стр. 498), Прохорова—въ его церковныхъ древноста
Н. В. Покровскаго и другихъ. Въ лѣтописи Нередица не отдѣляется
Городища и извѣстна въ большинствѣ отмѣтокъ подъ однимъ съ нимъ и
немъ. Были тамъ, какъ говорятъ, и другія церкви, но отъ нихъ ничего
осталось, кромѣ упоминанія въ писцовыхъ книгахъ.

Троица Живоначальная. Въ писцовой книгѣ Обонежской пяти
1582—1583 гг.: (она указана въ статьѣ о Козьмодемьянскомъ монасты
упоминается: „въ монастырѣ Спасскомъ-Нередитцкомъ на рѣкѣ на Мал
Волховцѣ церковь Троица Живоначальная древяная“ (Неволинъ,—О пя
нахъ. Приложеніе, VI стр. 135). Въ росписи 1615 года значится: „Мо
стырь Нередицкій,—а въ немъ храмъ каменъ Преображенье Христово,
трапезѣ древянъ храмъ Троица; въ придѣлѣ Никита Халкидонскій“.
сопоставленія этой записи съ отмѣткою писцовой книги можно заключ
что до 1615 г., или до Шведскаго разгрома, Троицкая церковь была отд
ною отъ Спасской; на это указываетъ и упоминаніе Софійскаго Времени
подъ 1547 годомъ объ освященіи теплой Троицкой церкви въ Нередиц
сгорѣвшей за пять лѣтъ предъ тѣмъ въ пожаръ, о которомъ говор
во второй Новгородской лѣтописи подъ 1543 годомъ.

Къ опредѣленію мѣста Троицкой церкви нѣкоторымъ указаніемъ
жетъ служить положеніе Спасской и видъ ея ближайшихъ окрестнос
Спасская церковь стоитъ близъ самаго обрыва горы; но къ ней сдѣ
въ прошедшемъ вѣкѣ каменная пристройка съ западной стороны; а
западнѣе, на краю обрыва, поставлена колокольня. Поэтому возможно,
до пристройки Троица стояла или на мѣстѣ ея, или тутъ, гдѣ теперь
локольня. На полдень отъ Спасской церкви лежитъ овражекъ, а за н
нѣсколько къ западу, круто поднимается холмъ; разстояніе между ним
колокольнею саженъ 30. Троицкая церковь могла помѣститься и на в
этого холма, занятомъ теперь усадьбою одного изъ обывателей Спас
деревни.

Никита Халкидонскій. Въ росписи названъ придѣлъ у Спаса
кита Халкидонскій; а въ названной писцовой книгѣ придѣлъ значится
имя Никиты Столпника, Переяславскаго Чудотворца. Если составитель
списки не ошибся,—а онъ писалъ, очевидно, со словъ священника,—
дуетъ считать Никиту Халкидонскаго за отдѣльный монастырскій хр
обращенный къ XVII вѣку въ придѣльный. Въ 1764 году, когда Нереди
монастырь окончательно упраздненъ, у Спаса былъ придѣлъ Никиты Пе
славскаго, что подтверждаетъ существованіе отдѣльнаго храма Ни
Халкидонскаго. Составитель росписи могъ записать на мѣстѣ, въ чер
тетради, оба храма, придѣльный и сомостоятельный,—а при составленіи б
вой, по забывчивости-ли, или потому что черновую не самъ велъ, встрѣ
недоразумѣніе и одну Никитинскую церковь пропустилъ. Конечно м

ь и ошибка:—во всякомъ случаѣ надобно имѣть въ виду обѣ эти
ви, чтобы не оставаться въ неизвѣстности объ имени существовавшей
Нередицѣ.

Введеніе во храмъ Богоматери. Введенская деревянная церковь
ікла въ Нередицкомъ монастырѣ недавно, вначалѣ прошедшаго сто-
ія; она построена игуменомъ Варсанофіемъ, умершимъ въ 1716 году,
сто каменной, бывшей надъ придѣломъ Никиты Столпника (Истр. Рос.
Ч. V, стр. 153). Въ 1795 г. эта церковь упразднена и въ текущемъ
тѣтіи разобрана; стояла на востокъ отъ Преображенской, въ 25 саженяхъ
ис. Новг. церк. древ. I, стр. 498). По этимъ даннымъ Введенскую цер-
ь не слѣдовало-бы причислять къ такимъ, мѣстоположеніе которыхъ за-
о; но въ народной памяти ея нѣтъ,—потому представляется умѣстнымъ
омнить какъ о церкви, такъ и объ основателѣ, вмѣсто придѣла, самостоя-
ьнаго Введенскаго Храма.

Волотово.

Около Неревской стороны мы видѣли слѣды усыпальницъ временъ
чества на холмахъ Лазарьевскомъ и Синичьемъ, или Сильнищи, и на
лой горкѣ. Около Славенской стороны такіе же слѣды встрѣчены нами
холмѣ въ Славнѣ и на Волотовѣ. Въ книгѣ „Бытовые Остатки Ильмен-
ъ каменнаго вѣка" приведены какъ описаніе череповъ, найденныхъ нами
„Веселой горкѣ" и на холмѣ Славенскомъ, такъ и свѣдѣнія о Волотовѣ и
пахъ, тамъ собранныхъ, для Московской Антропологической Выставки
9 года. Здѣсь мы упоминаетъ о Волотовѣ для полноты изложенія о
кахъ и остаткахъ древности церковной, и для сильно распространившагося
анія о погребеніи на этомъ холмѣ Старѣйшины Гостомысла и о Бога-
скомъ полѣ, прилегающемъ къ нему.

Извѣстно изъ Разговоровъ Митрополита Евгенія и изъ трудовъ вла-
и Макарія, что на Волотовѣ существовалъ монастырь, отъ котораго
алась только одна, сохранившаяся до сихъ подъ, Успенская церковь.
робности у Макарія (Опис. Новгор. церк. древ I, стр. 567).

На полѣ, лежащемъ между Волотовомъ и рѣкою Вишерою, видны слѣды
ырехъ кургановъ, много разъ копанныхъ и потому лишившихся той цѣль-
ти, которая такъ драгоцѣнна въ настоящее время, когда наука объ
копаемыхъ остаткахъ древности выработала, путемъ долгаго опыта, пріемы
способы раскопокъ. Эти-то четыре кургана и послужили поводомъ къ
енованію поля при Волотовѣ Богатырскимъ. Къ Волотову мы обратимся
вертомъ отдѣлѣ записки, въ статьѣ о бытовыхъ остаткахъ въ Нов-
ѣ и его окрестностяхъ, и постараемся доказать заимствованіе преданія
ъ народнаго говора, преемственно-живущаго съ древности, а изъ до-
ловъ досужихъ книжниковъ двухъ, предшествующихъ нынѣшнему, сто-

лѣтій, испещрившихъ свои сборники сказками, неимѣющими никакой свя
съ явленіями народной жизни; тамъ мы приведемъ и основанія, по ко
рымъ считаемъ догадки степенныхъ писателей о кумирнѣ Велеса или
леса, давшей, будто-бы, имя Волотову, не имѣющими основаній, кромѣ одн
только созвучія.

Площадь Новгорода, охваченная внѣшнимъ валомъ, составляетъ п
странство, за исключеніемъ занимаемой Волховомъ и береговыми низина
меньше версты во всѣ стороны. Если къ монастырямъ и церквамъ, на
названнымъ и такимъ, о которыхъ сохранились только свѣдѣнія въ пи
менныхъ памятникахъ, прибавить до сихъ поръ существующіе и описа
ные подробно въ трудахъ Преосвященнаго Макарія и другихъ упоминаемы
нами изслѣдователей, и если присоединить къ нимъ придѣльныя и втор
степенныя монастырскія, мы получимъ къ общемъ поразительное чис
Вызванное духовно-нравственнымъ требованіемъ жизни, число это красно
чивѣе всякихъ мудрствованій доказываетъ ширь и глубину вѣрованій
сельниковъ Великаго Новгорода во времена его самобытія; ни роскошь вн
ренней жизни, ни полная исконная вѣротерпимость, ни обширность сноше
съ иноземцами, ни кровавыя усобицы—ничто не ослабило въ нашей стр
православія, сохраненнаго „людьми вольными“ въ первобытной чист
По присоединеніи Ильменской страны къ Московскому державству, въ
ловинѣ XVI вѣка, церковь Новгородская съ ея обрядами оставалась,
смотря на огромный притокъ новыхъ насельниковъ, настолько чуж
забвенія этой первобытной чистоты и принятія новшествъ иновѣрныхъ,
царь Иванъ Грозный, этотъ удивительный начетникъ, грамотѣй-неграм
ный, ставилъ ее образцомъ (Стоглавъ. Глава 5, вопросы 19, 34, 35 и
для созваннаго имъ Собора въ 1551 году „во исправленіе церковнаго бл
честія, государственнаго управленія и всякаго земскаго строенія“.

Примѣчаніе. Въ Новгородскомъ Музеѣ Хранится Грамота Царя Ивана Грознаго
года, о пожалованіи Андрея Тимоѳеевича Окунева окладомъ въ кормленіе. Въ описаніи древн
Музея значится: „Грамота эта на оборотѣ подписана царемъ Іоанномъ Васильевичемъ и к
приложена красная вислая печать изъ воска-мастики“. Принимаемая за собственноручную
наго подпись читается такъ: „Князь великій Іванъ Васильевичъ всеа Русіи Царь и
кій князь іванъ васильевичъ всеа Руси по сему.... іваловича окунева в русе поло
пісшею перепустилъ ему половину писчей сряду на другой годъ до благовѣщеньева д
7054 а подписалъ дьякъ Іванъ Елизаровъ сынъ Капустинъ (?)“ (стр. 78—79).

На оборотѣ жалованныхъ грамотъ XVI вѣка, данныхъ Великими князьями или ца
обыкновенно пишутся подтвержденія послѣдующими преемниками пожаловавшаго, и под
ваются дьяками (напримѣръ: Ак. Археогр. Эксп. Ч. I. №№ 151, 150 и многіе др.).
мота Окуневу дана на срочное кормленіе; по истеченіи срока ему или давалась новая
мота, или на прежней дѣлалась подтвердительная подпись, какъ отсрочка, впредь до и
ченнаго времени: а какъ подтвержденіе или отсрочка—даны тѣмъ же Великимъ кня
которымъ пожаловано кормленіе первоначально, и имя котораго стоитъ на первомъ
грамоты: „Се іяз Князь великій Іванъ Васильевичъ Всеа Русіи“,—то имя его и повт

рочкѣ; оно написано два раза сряду потому, вѣроятно, что писецъ пропустилъ въ разъ слово „Царь". Такимъ образомъ изъ этой грамоты вовсе не слѣдуетъ заклю- что она подписана собственноручно царемъ Иваномъ IV.

Состоящая при Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Ком- печатанія Государственныхъ грамотъ и договоровъ, въ предисловіи къ первому вы- снимковъ древнихъ русскихъ печатей,—сказала: „Согласно требованіямъ Восточнаго , Русскій Царь, Великій князь Московскій, могъ брать въ руки лишь скипертъ или никогда перо. Потому-то не сохранилось ни одного автографа даже царя-грамотѣя IV Грознаго. Остается возможнымъ предположить, что подобнаго автографа никогда ществовало, и что въ своей остроумной и тонкой полемикѣ съ Іезуитомъ Поссеви- княземъ Курбскимъ, Іоаннъ IV, дабы не отступать отъ установленнаго обычая, ъ къ диктовкѣ" (Изданіе 1882 г. стр. 11). Коммиссія основываетъ это свое мнѣніе яхъ бумагъ, сохраняемыхъ Архивомъ, за время царствованія Грознаго,—такъ что ть мнѣніе ея нѣтъ причинъ,—потому мы и называемъ Царя Ивана IV грамотѣемъ- нымъ.

аслуги Великаго Новгорода остаются далеко невыясненными; къ его му безучастна отечественная наука; отуманенные вѣяніемъ запада ея не тронули еще, за весьма немногими исключеніями, всего земли Ильменской, этого могучаго источника, давшаго русскому на- кизнь и мощь богатырскую. Не будемъ же и мы, живущіе на ко- прародителей полночнаго славянства, въ нашей скромной долѣ, при- ми грѣху забвенія славныхъ дѣяній нашихъ предковъ. Старина цер- пусть будетъ началомъ нашей дѣятельности, какъ имѣющая подъ почву, если не всегда трердую, но зато всегда осязательную. Зай- повѣркою и строгимъ изученіемъ указываемыхъ нами мѣстъ соору- церковныхъ и оградимъ таковыя, гдѣ будетъ возможно, постановкою въ съ надписью имени, которому церкви были посвящены, времени ия и упраздненія каждой.

Однимъ Новгородомъ и его окрестностями неисчерпывается благочестіе страны Ильменской. По ней разсѣяно было много монастырей и церк- авно упраздненныхъ и забытыхъ, или еще слышныхъ въ народномъ —много также и сохраняющихся до нашихъ дней. Собрать обо церковныхъ сооруженіяхъ нашей страны свѣдѣнія хотя и трудно, ке возможно, при участіи мѣстныхъ духовныхъ властей, членовъ Общества и образованнаго населенія уѣздовъ, сочувствующаго на- начинаніямъ. Къ изысканіямъ о средствахъ и способахъ собиранія й о церковныхъ сооруженіяхъ, уже не существующихъ, мы обра- въ своемъ мѣстѣ этой записки;—а относительно существующихъ тъ просить Епархіальное начальство: не признаетъ-ли оно возмож- сдѣлать распоряженіе о доставленіи въ правленіе нашего Общества рскихъ и церковно-приходскихъ клировыхъ вѣдомостей и собирае- съ недавняго времени, лѣтописныхъ свѣдѣній о церковныхъ сооруже- ія выписки всего, что касается прошлаго и настоящаго, до нихъ гося,—или о предоставленіи Правленію дѣлать такія выписки изъ ъ въ Консисторіи. Вмѣстѣ съ симъ желательно просить о томъ же іальное Начальство уѣздовъ, сосѣднихъ нынѣшней Новгородской землѣ,

но входившихъ въ составъ древнихъ пятинъ ея: Петербургскихъ, П
скихъ, Тверскихъ, Костромскихъ, Вологодскихъ, Олонецкихъ и дру
Можно надѣяться, что въ виду научной важности для всей Россіи
нашего Общества, власти духовныя не откажутъ намъ въ просвѣще
содѣйствіи къ достиженію, хотя въ далекомъ будущемъ, цѣли, намѣ
здѣсь въ общихъ чертахъ.

ОСТАТКИ И СЛѢДЫ ПАМЯТНИКОВЪ ГРАЖДАНСКОЙ ДРЕВНОСТИ.

За краткимъ обзоромъ остатковъ и слѣдовъ памятниковъ древности
вной мы приступаемъ къ очерку такихъ же остатковъ и слѣдовъ
анской древности.

Понимая подъ гражданскими памятниками всѣ бытовые, здѣсь мы бу-
говорить только о такихъ, которые представляются, по письменнымъ
тельствамъ, общими для Новгорода и для страны Ильменской, какъ
овленія государственныя, имѣвшія права, признанныя народнымъ пра-
льствомъ. О бытовыхъ же остаткахъ и слѣдахъ —относящихся къ до-
ей обстановкѣ, къ частной жизни, вырабатывающей свои порядки не
лѣ правительства, а лишь по собственнымъ опытамъ и наблюденіямъ
телей, скажемъ въ особомъ отдѣлѣ записки.

Ни памятниками древности гражданской въ объясненномъ смыслѣ, ни
ами ихъ—современный намъ Новгородъ небогатъ настолько, какъ
и тѣхъ и другихъ, уцѣлѣвшими въ его лѣтописи, хотя и не вполнѣ
. Ближайшими причинами такого явленія оказываются распоряженія
XV и XVI вѣка, о новомъ порядкѣ распредѣленія проѣздовъ и про-
между улицами, и уничтоженіе всего, что напоминало-бы уберегшимся
палы жителямъ вольнаго города о ихъ самобытіи. Москва начала
лку и уничтоженіе памятниковъ мѣстной старины съ Дѣтинца. Если
ть гражданскія сооруженія его по Михайловскому изображенію съ
нными на Знаменскомъ, разница будетъ огромная. Москва не поща-
даже и церквей: Покровскую посадника Семена Климовича, надъ во-
и отъ Прусской улицы, она обратила въ стрѣльню, другою Покров-
у стѣны, передѣлала изъ троеверхной въ одноглавую, хотя эта цер-
была немірскою, сооруженною народомъ, а княжескою; огромное по
шнему времени и величественное зданіе Народно-Правительственной
ты, постояннаго Вѣча, значительно измѣнила и обратила въ Пушечный
Ярославово Дворище и дворцы Посадника и Тысячскаго не были
шены, какъ необходимыя сооруженія для жительства Намѣстниковъ,
ъ и другихъ сановниковъ новаго порядка, управленія Ильменскою
ю,—но ихъ, какъ и другія сооруженія, Москва передѣлала на свой
а время разрушило.

Изслѣдователи Новгородскихъ древностей останавливаются обыкно только на сооруженіяхъ нынѣ существующихъ, а о мѣстоположеніи п нувшихъ или вовсе умалчиваютъ, или упоминаютъ вскользь. Любозна ные путешественники, въ своихъ летучихъ замѣткахъ, дѣлятся съ чи лемъ впечатлѣніями, производимыми на нихъ общимъ видомъ Новг хотя иногда они и останавливаются на нѣкоторыхъ гражданскихъ с женіяхъ, но отводятъ имъ мѣста произвольно, гадательно. Великій п никъ и высокопросвѣщенный знатокъ отечественныхъ древностей, Ка зинъ,—не составляетъ исключенія: въ своей повѣсти о Марѳѣ Борецкой указываетъ и Вадимово мѣсто и площадь Великовѣчья и какой-то вы холмъ, съ котораго видны далекія окрестности,—но все это гадательн

Недавно издана, отдѣльнымъ оттискомъ изъ чтеній въ Императорс Обществѣ Исторіи и древностей Россійскихъ, „Новгородская Исторія Сумарокова" (Москва 1890 г.). Издатели нашли эту книгу „особенн лезною для мѣстныхъ Новгородскихъ археологовъ, желающихъ зан разработкою Исторіи Новгородскаго княжества, ибо она содержитъ, будтоб себѣ хорошій и обстоятельно составленный сводъ всего того, что было пис семъ предметѣ въ теченіе XVIII столѣтія до Исторіи Карамзина" (стр Нельзя не удивляться такому взгляду на книгу Сумарокова: труды шественниковъ Карамзина представляются въ настоящее время, посл данія полнаго собранія русскихъ лѣтописей, Актовъ Археографической миссіи, Историческихъ, Юридическихъ и множества другихъ памятнико способными сбить съ толку и направить на ложный путь не только наго, но и всякаго изслѣдователя, если онъ, по указанію Московскаго наго Общества, увлечется ими и перечитаетъ нѣсколько пудовъ князя Щербатова, Елагина, Эмина, Ломоносова, Татищева, Гиземи гихъ, самостоятельныхъ и переводныхъ. На нашъ взглядъ Исторія Су кова можетъ служить лишь развлеченіемъ для читателя легковѣрнаго, убить время. Въ этой Исторіи указывается мѣстоположеніе княж дворцовъ и другихъ гражданскихъ сооруженій—совершенно произв (стр. 12—17). Болѣе обстоятельными и цѣнными для изысканій о п никахъ гражданскихъ древностей представляются труды: „Трое суто Новгородѣ" Неронова;—„Прогулка по Новгороду и его окрестностямъ пріянова и „О мѣстоположеніи Древняго Новгорода" Красова, какъ ванные, или на источникахъ письменныхъ, или на слѣдахъ древних оруженій, обнаруженныхъ раскопками, или на существовавшихъ еще давно на поверхности земли, въ городѣ, развалинахъ, и на преданіяхъ жиловъ.

Остатками памятниковъ гражданской древности мы считаемъ бо частію развалины, а вообще мѣстоположеніе сооруженій для правитель ныхъ учрежденій, въ томъ числѣ и торговыхъ, мѣста которыхъ указан объясненіяхъ о памятникахъ, сохраняющихся вполнѣ, или частію; къ возвращаться не будемъ;—а займемся опредѣленіемъ развалинъ и с сооруженій, встрѣчаемыхъ при случайныхъ раскопкахъ, и мѣстъ, на стояли таковыя, упоминаемыя въ письменныхъ свидѣтельствахъ. О Дв

ъ скажемъ кратко, какъ говорили о церквахъ, тамъ находившихся, и
той-же причинѣ, т. е. въ виду законченныхъ и ожидающихъ изданія
каній нашихъ въ подробностяхъ. Порядокъ изложенія оставимъ тотъ-же,
го придерживались въ изложеніи остатковъ церковныхъ сооруженій, съ
ю лишь разницею, что объ окрестныхъ будемъ говорить послѣ город-
ъ. О сооруженіяхъ пригородовъ, находящихся въ настоящее время вдали
теперешнихъ границъ Новгородской земли, но возникшихъ при Новгород-
ъ державствѣ, и составлявшихъ его учрежденія и сооруженія, скажемъ
ретьемъ отдѣлѣ записки, о внутреннемъ строѣ Ильменской страны.

Славенская сторона.

Славенской сторонѣ, какъ древнѣйшему поселку, принадлежатъ и
тки, или мѣста, гражданскихъ сооруженій глубочайшей древности. Тутъ
тъ, какъ мы знаемъ уже, Ярославова башня; здѣсь же были Великій
ъ, Вощники, Дворы торговые, Погребъ-башня—какъ тюрьма долговая,
лощадь Великовѣчья, указанные выше; на Славенской же сторонѣ были:
цы Степеннаго Посадника и Тысячскаго, Клеймяныя сѣни, Гридницы
хъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, Торговая Палата и Вѣсовой
ъ, учрежденные княземъ Всеволодомъ Мстиславовичемъ, и другія со-
женія.

Дворецъ Посадника Степеннаго

Ученіе о Посадникахъ вообще не получило еще прочной устойчивости.
вники этого имени встрѣчаются во всей Руси, какъ и Вѣчевыя собра-
въ теченіи вѣковъ перволѣтописныхъ и удѣльныхъ, до татарщины.
гдѣ Посадникъ встрѣчается даже въ XVIII вѣкѣ, но уже въ значеніи
ршины надъ крестьянами, посаженнаго помѣщикомъ. Въ Новгородскомъ
ѣ хранится покровъ съ надгробія Преподобнаго Саввы Вишерскаго, съ
писью: „1721 г. Положилъ сей покровъ на Св. Чудотворца Савву По-
никъ—бурмистръ Ѳома Ивановъ сынъ Ларинъ“ (Описаніе Музея, стр. 53).
овгородскихъ Посадникахъ писали всѣ именитые изслѣдователи; Калай-
чь далъ цѣлую книгу „Историческій и Хронологическій опытъ о По-
никахъ Новгородскихъ“ (Москва 1821 г.). Но все-таки вопросъ объ
къ Сановникахъ остается неуясненнымъ настолько, чтобы не требовалъ
нѣйшихъ изысканій.

Въ особомъ отдѣлѣ этой записки будетъ представленъ бѣглый очеркъ
ечняго строя Велико-Новгородскаго державства, по письменнымъ па-
амъ; тамъ мы предполагаемъ привести мнѣнія выдающихся ученыхъ
родскихъ Посадникахъ и нашъ взглядъ на этихъ и другихъ слу-
, людей страны Ильменской. Здѣсь же замѣтимъ только, что наши
ки были уполномочиваемы Вѣчевою Палатою и народнымъ Собра-

ніемъ, Великовѣчьемъ, на исполненіе различныхъ обязанностей: о
дѣли въ Волостяхъ и Пригородахъ,—это Посадники волостные и гор
другіе управляли концами города и принадлежащими вѣдомству их
нами,—это Посадники Кончанскіе, отъ которыхъ зависѣли воло
городовые соотвѣтственной пятины;—исполнитель же Вѣевыхъ п
леній и приговоровъ, касавшихся всей страны, вѣдавшій дѣла Ц
ковъ волостныхъ, городовыхъ и Кончанскихъ—былъ Посадникъ
ный,—глава исполнительной власти народнаго державства.

Въ статьѣ о церкви во имя Святого Ипатія на Рогатицѣ уп
о сосѣдствѣ ея съ Посадничьимъ дворцомъ.

Въ настоящее время, во дворѣ дома, на углу Московской и Р
кой улицы, принадлежащаго А. В. Ильчину, сохраняются остатки
линъ большого каменнаго сооруженія, въ двухъ мѣстахъ: въ полу
углу дома и на срединѣ двора. Угловая развалина представляетъ
коя съ толстыми стѣнами подъ крутыми сводами; они вошли въ ны
домъ, какъ часть его,—но полуденный край покоя, ближайшаго к
сторонѣ, выступилъ изъ черты домовой стѣны во дворъ почти на
въ видѣ развалины; поверхъ его поставлена легкая бесѣдка. Оба
коя служатъ кладовыми. На срединѣ двора образовался, лѣтъ сорок
комъ назадъ, провалъ подъ тяжестью воза, выѣзжавшаго на улицу;
лось, что тутъ, сряду подъ полуаршиннымъ слоемъ сорной земли, д
обширный подвалъ подъ сводомъ. Какъ упомянутые покои, такъ
подвалъ сложены изъ кирпичей,—валуны и плита только въ осно
кое-гдѣ въ толстыхъ стѣнахъ первыхъ. Лѣтъ 50 назадъ мѣстность
маемая дворомъ дома г. Ильчина и сосѣдними, до самой Мало-Ми
ской улицы, равно и противолежащая, между оградою Климентовской
и Рогатицею, была обширнымъ грязнымъ пустыремъ; на той части
подъ которою образовался провалъ, видна была развалина большого
наго дома, вытянутаго съ полночи къ востоку, на полдень къ западу
онъ имѣлъ вдвое больше, чѣмъ ширину; основаніе кладки, примѣ
аршинъ выше дворовой площади, еще сохранялось. Вошедшіе въ д
покоя стояли тогда особнякомъ, въ нихъ помѣщалась кузница. В
мянутой книжкѣ „Трое сутокъ въ Новгородѣ“ путешественникъ сказ
что въ проѣздъ чрезъ Новгородъ лѣтомъ 1837 года, онъ видѣлъ о
дома, принадлежавшаго, по слышанному имъ тогда мѣстному говору,
Борецкой,—и даетъ слѣдующее описаніе его: „Остатокъ составлялъ
этажное каменное строеніе, которое, вмѣсто прежней остроконечной
чатой съ узорочными свѣтлыми теремами кровли, покрыто было
тесовою крышею, имѣвшею одно слуховое окно. На внѣшнихъ стѣна
виднѣлись скульптурныя украшенія XV вѣка. Съ передней, южной с
дома, во второмъ этажѣ, было три окна и къ правому углу, вмѣс
риннаго боярскаго крыльца, придѣлана деревянная лѣстница на подп
покрытая отъ верху до половины высоты, вѣроятно для того, чт
заслонять единственнаго въ нижнемъ этажѣ окна. Съ боковой, за
стороны верхній этажъ имѣлъ также одно окно, которое, повидимо

галось никакой передѣлкѣ, обо оно вдвое уже переднихъ оконъ; та-
образомъ отъ прежнихъ 24-хъ оконъ осталось только пять. Съ этой
ны къ нижнему этажу пристроенъ деревянный сарай, примыкающій
большой каменной развалинѣ со сводомъ, поросшимъ травою и берез-
ъ. Эта развалина есть остатокъ отъ обширныхъ погребовъ, нѣкогда
хъ питіями преузорочными, романеею и медами сахарными. Она вы-
ь на Рогатинскую улицу, отстоитъ отъ угла Московской на 61 шагъ,
нѣ обращена въ кузницу" (стр. 51).

По поводу говора о домѣ Марѳы Борецкой на Рогатицѣ скажемъ нѣ-
о словъ. Имя этой знаменитой, безспорно, женщины сохранилось въ
іи болѣе, чѣмъ кого либо изъ водителей судебъ страны Ильменской.
тѣмъ она не принесла своему отечеству ничего, кромѣ величайшаго
Не будь ея властолюбія и непомѣрной заносчивости, Ильменская
не подвергалась-бы кровавымъ опустошеніямъ, повторявшимся въ
е цѣлаго столѣтія, при Иванѣ III и Грозномъ внукѣ его,—Мо-
ое государство не тратило-бы силъ и средствъ своихъ на трех-
ую борьбу съ Нѣмцами, Шведами и Литвою. Какъ родоначаль-
Славяно-руссовъ страна наша не могла быть враждебною возроженію
послѣ татарина; народъ тяготѣлъ къ ней всегда. Лѣтопись сохранила
оихъ страницахъ сказанія о дружинахъ Новгородскихъ, являвшихся во
удѣльныхъ усобицъ княжеской Руси защитниками слабыхъ отъ не-
ы сильныхъ, и бывшихъ рѣшителями споровъ и недоразумѣній. Если
сторонились отъ участія въ княжескихъ распряхъ во времена татар-
,—поступали благоразумно, чтобы не накликать бѣду и на свою сто-
Въ договорахъ Новгорода съ князьями за время татарщины слышится
ая государственная мудрость:—не будучи данникомъ Орды, онъ отно-
къ царямъ ея съ такимъ уваженіемъ, которое впору и современнымъ
рственнымъ людямъ, вѣдающимъ сношенія съ иноземными дворами.
ѣшиваясь въ княжескіе раздоры, весьма часто, если не исключи-
, возникавшіе не изъ-за блага народа, а изъ-за личныхъ неудоволь-
Новгородъ сохранилъ свою независимость и развивалъ русско-народ-
илу, охраняя все, унаслѣдованное отъ отдаленныхъ праотцовъ, въ
ѣ и прирожденной цѣльности до тѣхъ поръ, пока не сгибла татар-
Не будь Марѳы Борецкой и ея приспѣшниковъ, Москва не задума-
ы надъ присоединіемъ къ ней Великаго Новгорода, подъ условіемъ, какъ
и граждане его,—непосредственнаго охраненія дружинами ихъ западныхъ
ловъ, которые они оберегали во время самобытія, составляя несокрушимый
ь для вторженій въ Русь чужеземцевъ съ этой стороны. Но коварство
Борецкой и ея сторонниковъ, задумавшихъ измѣнить русско-народному
вызвало, естественно, въ Московскихъ правителяхъ, воспит ъ
емъ татарщины, подозрительность и недовѣріе, имѣвшія
твія и для развитыхъ, благородныхъ насельниковъ с
и для всей Руси. Присоединивъ Ильменскую страну
ву, Москва должна была сряду же вступить въ трехъ-
вонцами, Литвою и Шведами.

Попытка Грознаго поставить Великій Новгородъ въ глазахъ Нѣм и Шведа, по прежнему, въ первенствующее среди русскихъ городовъ по жеміе, сношеніями чрезъ него и изъ него съ сосѣдями-иноземцами, удалась и завершилась, съ силу подозрѣній, внушенныхъ тою-же Мар Борецкою, безумнымъ истребленіемъ десятковъ тысячъ неповинныхъ Нов родцевъ-мучениковъ. Не Новгородъ, поэтому, заполонилъ преданія п мятью о Мароѣ и ея великихъ, будто-бы, дѣяніяхъ, а Москва въ ли невѣжественныхъ переселенцевъ ея въ нашу страну; они, эти корыс любивые находники, видѣли въ Борецкой силу, благодѣтельную для и легкой наживы, но явившуюся отрицательною для Новгорода и всей стра Ильменской.

Мароа Борецкая никогда не была, да и не могла быть, Посадницею; такое прозваніе присвоенное ей,—не болѣе, какъ злая насмѣшка нераз ныхъ Москвичей надъ государственнымъ строемъ самобытной страны. Вд богатаго землевладѣльца и сама владѣвшая обширными землями по бе гамъ Двины и Студенаго моря, какъ единственная представительница р Ловинскихъ, явилась супротивницею Москвы и чернаго люда Новгородск подъ вліяніемъ многихъ именитыхъ Москвичей, недовольныхъ новыми порядками,—начавшимися еще съ Ивана Калиты и окрѣпнувшими вполнѣ п Иванѣ III,—и удалившихся въ свободолюбивую Ильменскую страну. Не щ своего богатства, Мароа, обольщаемая ими, пріобрѣла безъ труда сторо никовъ, вѣчевыхъ крикуновъ и, гордая своимъ мнимымъ могуществомъ, п очертя голову на погибель себѣ и своей родинѣ.

Лѣтопись сохранила извѣстіе о большомъ пожарѣ, истребившемъ 1477 году все побережье Волхова, на Неревской сторонѣ, до Великой ул и Мароы Посадницы чюдный дворъ; (IV Нов. лѣт. годъ 6985, стр. 130) куда взята часть этой замѣтки, называющая Мароу Посадницею,—неизвѣст по всей вѣроятности она принадлежитъ домыслу самого составителя сб ника поздняго времени, какъ прибавка, взятая изъ народнаго говора Х вѣка. Годъ 1477 былъ для Новгорода самымъ тревожнымъ, а для прот никовъ Москвы—самымъ жгучимъ. Если вѣрно, что дворъ Борецкой с рѣлъ,—некогда было затѣвать новую постройку,—Мароѣ дали, на вр помѣщеніе въ Посадничьемъ дворцѣ,—такъ и сложилось прозваніе ея П садницею и принадлежность Борецкимъ дома, развалины и остатки к раго составляютъ предметъ этой статьи.

Ближайшимъ поводомъ искать мѣста Посадничьяго дворца тутъ, теперь домъ А. В. Ильчина, представляется Уставъ о мостахъ. Тре часть его начинается такъ: „Софьяномъ до Тысячкою, Тысячкому до В никъ, отъ Вощникъ Посаднику до Великаго ряду“—и т. д. Мы вид что Осменники входили своимъ участкомъ въ городъ съ Людина кон отъ внѣшняго вала Неревской стороны. Третья часть Устава распредѣл между должностными лицами, получающими кормленіе отъ государства всѣми другими, неимѣющими правъ гражданъ Великаго Новгорода, пользующимися выгодами его благоустройства,—мостовые участки венской стороны въ такомъ же порядкѣ, какой принятъ для Неревс

Осменники входили въ городъ съ полуденно-западной стороны, съ
ой дороги, здѣсь Софьяне, чины власти духовной, начинаютъ мощеніе
луночно восточной стороны, также отъ внѣшняго вала съ дороги на
ъ, къ Волгѣ, въ Меряны и въ Булгаръ-Камскій; конечная граница
частка у дворца Тытячскаго, мѣсто котораго будетъ опредѣлено въ
ощей статьѣ, близъ нынѣшней Никитской церкви; Тытячскаго участокъ
я до Вощниковъ, бывшихъ невдалекѣ отъ Предтеченской церкви на
ъ, примѣрно, гдѣ нынѣшній Губернаторскій домъ съ окрестностями,
аго доходящими до Буяновской улицы. Дворъ г. Ильчина лежитъ на
женіи прямой отъ задняго конца двора дома Губернаторскаго съ за-
а востокъ, чрезъ Московскую улицу на Рогатицу. Отсюда до Вели-
яда, начинавшагося приблизительно съ угла теперешней Знаменской
, гдѣ Женская гимназія, разстояніе меньше, чѣмъ отъ Никитской
до дома г. Ильчина, но за то это мѣсто самое бойкое и трудное
остовой.

а Знаменскомъ изображеніи поставлено, на соотвѣтствующемъ положе-
ора г. Ильчина мѣстѣ, рядомъ два высокихъ одинаковыхъ каменныхъ
вытянувшихся отъ полдня къ западу, на полночь къ востоку, одинъ
гимъ, съ окнами въ верхней части. Нѣтъ на нихъ, или надъ ними
роконечной чешуйчатой крыши, ни свѣтлыхъ теремовъ, которые были
ельны путешественнику 1837 г., привыкшему видѣть на картинкахъ
женія Московскихъ построекъ XVII и XVIII вѣка, въ татарскомъ
—крыши обоихъ домовъ обыкновенныя русскія, на два ската, коньо-
Да и на всѣхъ вообще домахъ Знаменскаго и прочихъ изображеній
ода нѣтъ ни одной островерхой крыши съ теремами; рѣдки очень и
скатныя; всѣ дома имѣютъ видъ нынѣшнихъ заурядныхъ деревен-
избъ. Неподалеку отъ этихъ домовъ написаны церкви—одна въ на-
ніи прямо на полночь, соотвѣтствуетъ нынѣшней Климентовской, а
на востокъ къ полдню, и приходится на мѣстѣ бывшей Ипатьевской.
дствуясь Знаменскимъ изображеніемъ, можно смѣло назвать эти два
тоявшими—одинъ надъ двумя покоями подъ сводами, гдѣ прежде
кузница, а другой надъ подваломъ, во дворѣ г. Ильчина.

ругимъ поводомъ служитъ вышеприведенная особенность Ипатьевской
. По Уставу Софійскому, въ поминальный день 4 Октября, ни въ од-
ъ городскихъ церквей не служили панихиды по завѣту Святого Ев-
Вяжицкаго, кромѣ этой. Старожилы, помнившіе Ипатьевскую церковь
ли,—да и теперь еще этотъ говоръ повторяется, что рядомъ съ цер-
была часовня надъ могилами Посадниковъ, не помѣстившихся въ са-
еркви, и что кромѣ пяти братьевъ Алфановыхъ, Сокольницких
ъ, перенесенныхъ въ Антоніевъ монастырь, еще два по
евской церкви, или въ часовнѣ. Къ сожалѣнію намъ не до
рукописнаго житія Св. Антонія Римлянина, извѣстнаго К
ъ о Посадникахъ Новгородскихъ. Москва, 1821 г. стр. 53
казаніе о Святыхъ братьяхъ Алфановыхъ (Срав.
стр. 172). Въ Исторіи Россійской Іерархіи сказ
льницѣ двухъ братьевъ Алфановыхъ, при Ипат

Наконецъ, послѣднимъ поводомъ къ указанію мѣста Посадничья Дво
именно на Рогатицѣ мы принимаемъ слѣдующія засвидѣтельствованныя л
писью обстоятельства: Царь Иванъ Грозный жилъ въ Новгородѣ около дв
лѣтъ, наѣздами, съ 1570 до конца 1572 года, съ своею царицею Ан
и съ царевичами Иваномъ и Ѳеодоромъ. Въ субботу 9 Августа 1572 г
„Мурзу Дивія привезли въ Новгородъ къ Государю жива,—и Госу
Мурзу приказалъ ко князю Борису Даниловичю Тулупова, на береже
на улицу Рогатицю“ (II Нов. лѣт. годъ 7080 стр. 173). Извѣстно,
во время отсутствія царя изъ Москвы, Крымскій ханъ подступилъ къ
съ великою силою, но потерпѣлъ рѣшительное пораженіе; Мурза Дивій б
главный воевода татаръ. Князь Борисъ Тулуповъ приходился царю въ с
ствѣ, на сестрѣ его Настасьѣ женился шуринъ Грознаго, Григорій Алек
вичъ Колтовской,—свадьбу справляли, въ Іюлѣ 1572 г., у Бориса Ту
пова, въ томъ же, стало быть, домѣ, на Рогатицѣ; поэтому помѣщеніе
немъ должно быть большое и, для охраны важнаго плѣнника, крѣп
Хотя лѣтопись не говоритъ о другихъ, кромѣ Дивія, плѣнныхъ татара
но, по всей вѣроятности, ихъ было доставлено въ Новгородъ нѣсколько
одного везти къ царю значило-бы, по тогдашнимъ понятіямъ, умалить
ность побѣды, достоинство побѣдителей и величіе самого царя для то
торожанъ и для иноземцевъ, проживавшихъ въ Новгородѣ въ это врем
по торговлѣ, во дворѣ Датскомъ, и по случаю свадьбы Датскаго прин
справленной здѣсь около этого же времени. На Рогатицѣ могло быть,
этому, нѣсколько плѣнниковъ, разсаженныхъ по подваламъ, одинъ изъ
торыхъ обнаруженъ въ дворѣ г. Ильчина. Въ упомянутой книгѣ Сум
кова о домѣ, описанномъ путешественникомъ 1837 года, сказано:—„о
проданъ отъ казны за 1200 рублей (ассигнаціями) мѣщанину, кото
часть онаго употребилъ для кузницы. Несправедливо слыветъ сей д
принадлежащимъ Марѳѣ Посадницѣ (Новгород. Ист. стр. 22, Примѣченіе 3
Сумароковъ, какъ бывшій Новгородскимъ Губернаторомъ съ 1812 до 1
года, принималъ, конечно, участіе въ продажѣ казеннаго дома. Онъ
знаетъ его за монетный дворъ, обращенный потомъ въ княжескій (тамъ-
но основаній не приводитъ. Важна въ извѣстіи Сумарокова принадлежн
нашего дома казнѣ: какъ государственная собственность самобытнаго
города, онъ долженъ былъ поступить, вмѣстѣ съ Ярославовымъ Дворц
и другими подобными сооруженіями, въ вѣдѣніе Московской казны.

Имѣли-ли Кончанскіе Посадники государственные дворцы, или общ
венные, неизвѣстно, хотя относительно древнихъ Славенскаго и Нереве
концовъ возможно допустить предположеніе въ утвердительномъ смы
Новгородцы вообще жили тѣсно, въ небольшихъ деревянныхъ домахъ;
описаніи пожаровъ нерѣдки случаи уничтоженія огнемъ не только со
дворовъ разомъ, но даже тысячъ, вмѣстѣ съ десятками церквей. Наско
тѣсны были постройки и малы дома, видно по изображеніямъ Знаменск
и Флоровскому, хотя послѣднее писано уже не раньше XVII вѣка,
Новгородъ опустѣлъ. Однакожъ на Знаменскомъ рѣзко выдѣляются изъ
крохотныхъ деревянныхъ избушекъ, кое-гдѣ, обширныя и высокія камен

аты, двужилыя, съ вышками; такихъ, правда, немного, но почти всѣ
стоятъ особнякомъ; при нѣкоторыхъ, съ задней стороны, заборы, обни-
ющіе значительныя площади. Въ полуденной части Славенскаго конца
менныхъ высокихъ домовъ нѣсколько, по сосѣдству съ огороженнымъ са-
ымъ мѣстомъ, вѣроятно принадлежавшимъ, какъ сказано уже, Готланд-
му двору, и около Ильинской и Филипповской церквей; въ Плотенскомъ
щѣ, за ручьемъ, такія же палаты въ трехъ мѣстахъ: одна на полночь
Никитской церкви,—другая на востокъ отъ этой, третья на полдень
Никитской же церкви;—въ Неревскомъ, не считая малыхъ каменныхъ,—
льшихъ тоже три: одна на полночь къ востоку отъ мѣста церкви Четыре-
ати, другая близъ широкаго проѣзда у самаго малаго вала и третья на
день отъ Яковлевой церкви;—въ Загородномъ—ихъ нѣсколько,—двѣ
широкомъ же проѣздѣ, соотвѣтствующемъ положенію древней Чудин-
ой улицы, изъ нихъ одна, двужилая съ каменною же низенькою при-
йкою, у самаго рва малаго вала, а другая на правой сторонѣ проѣзда,
идти къ Дѣтинцу;—обѣ эти палаты двужилыя—стоятъ особнякомъ;
Людиномъ концѣ тоже двѣ, особенно выдающіяся палаты; одна, съ
кою, близъ малаго вала и церкви Василія Парійскаго, другая въ Кром-
ъ городѣ, близъ внѣшняго вала. Изъ всѣхъ этихъ большихъ палатъ
ъ ни у одной, кромѣ послѣдней, ни ограды ни забора. Отсутствіе ограды
водитъ на догадку объ этихъ сооруженіяхъ, какъ не принадлежащихъ ча-
ой собственности. При смутахъ и усобицахъ, кончавшихся нерѣдко разгра-
еніемъ и поджогами гражданъ-виновниковъ народнаго движенія, повторяв-
хся часто, состоятельные Новгородцы приняли за обычай окружать дворы
и крѣпкими оградами; жилыя помѣщенія устраивались всегда вверху, съ
ленькими оконцами на проѣздъ въ улицѣ, и то съ однимъ—съ двумя,
наблюденій, свѣтовые же всегда выводились внутрь двора. Одинъ част-
домъ подобнаго устройства оставилъ образецъ въ подворьи Деревяниц-
о монастыря, въ концѣ нынѣшней Буяновской улицы, насупротивъ Ху-
ескаго подворья; съ полночной стороны, выходившей, вѣроятно, въ ста-
время на улицу, внизу только одно окно, да и то, кажется, пробито
впослѣдствіи. Перечисленныя же палаты всѣхъ концовъ имѣютъ окна
обоихъ жилахъ, внизу и вверху, что и указываетъ, вмѣстѣ съ отсут-
емъ оградъ, на принадлежность ихъ либо казнѣ, либо Обществу Кон-
ъ. Само собою разумѣется, что высказываемыя нами предположенія сто-
въ зависимости отъ соотвѣтствія Знаменскаго изображенія съ дѣйстви-
ностью; если на немъ допущенъ въ написаніи сооруженій произволъ,
и послѣднія предположенія должны быть устранены и для рѣшенія во-
са о дворцѣ Посадника Степеннаго придется ограничиться только ко-
нными, нами приводимыми, свидѣтельствами.

По поводу сдѣланнаго обзора каменныхъ построекъ нельзя не замѣ-
что по Знаменскому изображенію ихъ на Неревской сторонѣ почти
больше, чѣмъ на Славенской.

Въ собраніи, лично намъ принадлежащемъ, предметовъ мѣстной ста-
и другихъ Новгородскихъ, сохраняется вырѣзанный изъ неизвѣстной

намъ, къ сожалѣнію, книги рисунокъ съ подписью: „Домъ Марѳы П
ницы въ Новгородѣ". На немъ представлено точно такое же соору
какимъ описанъ въ упомянутой книжкѣ „Трое сутокъ въ Новгород
видъ Рогатицкаго дома въ 1837 году. Нелишне было бы воспро
этотъ рисунокъ.

Дворецъ Степеннаго Тысячскаго.

Мы уже замѣтили, что значеніе Новгородскихъ сановниковъ-пр
лей не установлено наукою,—какъ неустановлено саморазвитіе Ильме
страны, независѣвшее отъ сосѣдей, утратившихъ чистоту крови пе
сельниковъ Европы путемъ сношенія съ Азіятскими ордами, время от
мени набѣгавшими въ нашу часть свѣта. Мнѣнія отечественныхъ уч
о должности Тысячскаго въ княжеской Руси въ общихъ чертахъ согл
его считаютъ военачальникомъ.

Послѣдне-высказанное по этому предмету заключеніе принадл
В. И. Сергѣеву; оно приведено имъ въ трудахъ: „Вѣче и князь, (186
Лекціи и изслѣдованія по Исторіи Русскаго Права (1883 г.) и „Р
юридическія древности (1890—1893 гг.)". Почтенный ученый, основ
на лѣтописныхъ свидѣтельствахъ, устанавливаетъ дѣленіе военныхъ
Руси на двѣ части, полкъ и дружину; подъ первымъ онъ разумѣетъ
народную, а подъ второю—силу княжескую; обѣ эти силы незав
одна отъ другой; дѣйствуя совмѣстно въ случаяхъ, обусловливаемыхъ
гомъ всей страны, онѣ раздвояются, если расходятся во взглядахъ п
чины и слѣдствія войны, задуманной одною изъ нихъ; главенство
военною силою народною принадлежитъ Тысячскому,—а надъ княжес
воеводѣ или князю. Признавая, затѣмъ, Вѣче за волю народа, Профе
законовѣдъ считаетъ Тысячскаго лицомъ выборнымъ и потому нез
щимъ отъ князя.

Мнѣніе это вполнѣ соотвѣтствуетъ первоначальному учрежденію
ности князя въ нашей Ильменской странѣ: народной военной силы не
тало на охраненіе внутренняго порядка и внѣшней безопасности; п
состоятельная часть населенія, малочисленная сравнительно съ преоб
ющимъ большинствомъ народно-рабочей, прибѣгала къ найму Люди
воиновъ на свой счетъ. Размѣщеніе перволѣтописныхъ наемныхъ во
были-ли это Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, или другія лица,—безразлич
по окраинамъ земель Ильменцевъ-собственниковъ, въ Ладогѣ, Избор
на Бѣломъ озерѣ, удостовѣряетъ, что Новгородцы, ихъ нанявшіе, ост
охраненіе внутренняго порядка за своими народными полками, отбыва
обязанности стражи, какъ повинность за пользованіе землями и уго
крупныхъ собственниковъ. Такимъ образомъ начальствующее надъ по
земли Новгородской лицо осталось и при наймѣ дружинъ въ пре
своемъ качествѣ и въ прежней зависимости отъ этихъ крупныхъ

дѣльцевъ. Слѣдовательно отбывавшіе воинскую повинность внутри страны ки получали кормленіе отъ собственниковъ земель страны, посред-омъ сборовъ съ обывателей ихъ. Распредѣленіе этихъ сборовъ, по-еніе и расходованіе по назначенію, не могло не входить въ вѣдомство вноначальствующаго надъ полками. Поэтому „Тысячской Новгородской" ъ и военнымъ казначеемъ. Ко временамъ Ярослава Ильменская страна илась на сотни, что отразилось во второй части Устава о мостахъ. слѣдствіи мы видимъ въ Новгородѣ княжескихъ Тысячскихъ и княже-хъ сотскихъ, отдѣльныхъ отъ народныхъ, такъ:—въ Уставѣ князя Все-ода Мстиславовича о церковныхъ судахъ значится, что онъ совѣтовался своими десятью сотскими о его началахъ, а въ грамотѣ церкви Іоанна дтечи на опокахъ читаемъ, что „князь поставилъ святому Ивану три росты отъ житьихъ людей и отъ черныхъ Тытяцкаго, а отъ купцовъ старосты, управливати имъ всякая дѣла Иванская, и торговая, и го-ная и судъ торговый" (Макарія Исторія Русс. церкви, II Примѣч. 467). эти памятника изданы не позднѣе 1137 г.—По поводу усобицы изъ-спора князя Святослава съ посадникомъ Твердиславомъ,—„Святославъ ила свой Тысяцскый на Вѣче" (I Нов. лѣт. годъ 6726 стр. 37); въ говорныхъ грамотахъ съ князьями, начиная съ XIII вѣка, Тысячскій упо-нается въ числѣ первыхъ сановниковъ Новгородскихъ, наравнѣ съ Вла-кою и Посадникомъ. Такимъ образомъ народный Тысячскій Ильменской раны представляется первообразомъ начальника полковъ княжеской Руси, новникомъ, ни сколько независящимъ отъ князя. Въ договорной грамотѣ Магнусомъ, королемъ Шведскимъ, 1326 года, писанный на латинскомъ ыкѣ, санъ Тысячскаго переведенъ словомъ „Dux" т. е. вождь (Собр. гр. мзинцева, Ч. V, № 108); она заключена посломъ короля Магнуса Яку-мъ съ Епископомъ Новгородскимъ Моисеемъ, съ Посадникомъ Олформіемъ, Тысячскимъ Астафіемъ и со всѣми вообще и порознь Новгородцами.

Народныя собранія Ильменской страны, волостныя и пригородныя,— ремы", изъ которыхъ возникли у сосѣдей ея Сеймы, стояли въ зависи-ти отъ Кончанскихъ Посадниковъ, а эти отъ Правительственной Па-ы, „Вѣча",—изрѣкавшаго свои приговоры, обязательные для страны, какъ осъ „вѣщій"—мудрый; слово Вѣча—законъ; стало быть въ немъ засѣ-и мудрѣйшіе граждане, знавшіе всѣ нужды и потребности страны; въ лѣ ихъ первое мѣсто должно было принадлежать тому, кому наиболѣе ѣстна страна, т. е. Тысячскому, вѣдавшему охрану внутренняго по-ка,—этого источника благосостоянія страны и ея силы. Въ X—XI в., къ усматривается изъ Устава о мостахъ, страна Ильменская уже имѣла ить сотенъ и сверхъ того нѣсколько волостей; отъ писцовыхъ временъ, чиная съ XV вѣка, намъ остались несомнѣнныя извѣстія о [illegible]еніи каж-пятины на двѣ половины, а нѣкоторыхъ и болѣе; [illegible] сотенъ а есть и княжа. Позволительно, поэтому, заключит[illegible]одскій ный Тысячскій, охранявшій внутренній порядокъ [illegible]т-, стоялъ въ перволѣтописные вѣка выше князя, [illegible]-охраны. Это начало,—главенство Тысяч[illegible]

полугривеннаго вѣса, около 24 золотниковъ;—два перстня серебря-
веревочнымъ украшеніемъ;—два куска серебряной вызолоченой
цѣпи;—четыре серебряныхъ вызолоченыхъ трубочки такого же вида,
и на кружкахъ, и еще одинъ кружекъ нѣсколько меньшій, чѣмъ упо-
нять.

стны такъ называемыя Суздальскія бармы, найденныя въ гор.
описанныя въ древностяхъ Императорскаго Московскаго Археоло-
го Общества, и—представляющія шейную цѣпь съ такими же, какъ
ароруcской находкѣ, круглыми бляхами, напоминающими нынѣ
емые цѣпи выборныхъ должностныхъ лицъ, мировыхъ судей, го-
головъ и проч. На бляхахъ бармъ Суздальскихъ и Старорусскихъ
знаки;—они похожи вообще на знаки собственности, встрѣчающіеся
ихъ предметахъ,—при томъ какъ въ Суздальскихъ, такъ и въ
кихъ много сходства. Суздальскія бармы изящнѣе нашихъ, они
мѣстами чернью, и представляютъ полное ожерелье, въ видѣ
на Св. Андрея Первозваннаго и прочихъ высшихъ знаковъ от-
ныхъ государствъ Европы и Азіи. Захороненіе остатковъ цѣпи
кой, съ другими перечисленными предметами, указываетъ на
ность ея какому нибудь выдающемуся Новгородцу.
сей вѣроятности въ Новгородскій Музей поступила ничтожная до-
его клада. У насъ, къ великому прискорбію, дѣло о находкахъ
неупорядочено;—ни мѣстныя власти, ни высшія Археологиче-
жденія не додумались еще до мѣропріятій противъ еврейскаго
го горшка, остающагося могучимъ и безмолвнымъ чудищемъ, по-
мъ великое множество драгоцѣннѣйшихъ остатковъ старины. Горь-
убѣдилъ нашего селянина, ближе всѣхъ стоящаго къ кладамъ,
онъ принесетъ серебряную или золотую находку еврею, получитъ
сряду же деньги, а если представитъ ее начальству—одному
стно, когда и что дадутъ за нее, да и дадутъ-ли еще. Въ виду
чальнаго состоянія дѣла о находкахъ, нашему Обществу предстоитъ
задача—вступить въ борьбу съ еврейскимъ горшкомъ и разбить
ребезги; въ числѣ сочленовъ своихъ мы имѣемъ уѣздныхъ земле-
евъ, при помощи которыхъ только и возможна борьба; нужно
находчикамъ кладовъ за всякую старинную вещь, хотя-бы и мало
въ Археологическомъ отношеніи, чтобы открыть безобидный для
ископаемыхъ остатковъ старины.

лись въ предметы Старорусской находки,—рисунки нѣкоторыхъ
утой книгѣ „Краткое описаніе Новгородскаго Музея“ В. П.
Лашкова,—нельзя не остановиться на кускахъ цѣпи,
ныхъ отъ нея, и на прочемъ; всѣ эти предметы хо-
не остатки цѣльнаго, проѣденнаго ржавчиною и
у нибудь поступили другія части всей цѣпи,
ривны и п
во Старорусс ъ Суз кою подсказываетъ
ой и другой о и ымъ обычаямъ.
у Суздалемъ и я захороненія

обѣихъ находокъ, по внѣшности цѣпей, близко. Говорятъ, что Суздал
цѣпь—это княжескія бармы; близъ Русы, около селенія Налючи, кн
ни Великіе—ни Удѣльные, не живали, но крайней мѣрѣ указаній н
мы не находимъ въ письменныхъ памятникахъ. Но мы знаемъ, ч
второй половины XI вѣка, по свидѣтельству Новгородской лѣтописи.
лись раздоры княжеской Руси, и особенно Новгорода, съ Литвою и Ч
составлявшими, повидимому, одно цѣлое. Поводомъ къ раздорамъ слу
съ одной стороны—быстро возраставшее могущество страны Ильменск
съ другой—принятіе ею и Русью крещенія, въ которомъ единоплеменна
нами Литва видѣла измѣну Криве-Криветто, верховному владыкѣ дре
вѣроученія, долго державшагося, даже до XIV вѣка, среди ея и наро
Литвѣ родственныхъ. Ильменцы принадлежали до крещенія, какъ уви
въ своемъ мѣстѣ, къ тому же вѣроученію. Начиная съ 1044 г., когд
дилъ на Литву Ярославъ, пергаментный сборникъ и первая Новгоро
лѣтопись имѣютъ на своихъ страницахъ много замѣтокъ о борь
Чудью, Литвою, Нѣмцами—Божіими дворянами и Шведами, наступав
на страну Ильменскую то въ одиночку, то въ союзѣ по два и по тр
этихъ народовъ. Успѣхъ склонялся въ общемъ, въ теченіи всѣхъ чет
вѣковъ отъ начала русской лѣтописи, больше на сторону Новгородцев
носившихъ иногда противнику жестокіе удары; не будь двоедуш
молодшемъ братѣ Великаго Новгорода,—въ Великомъ Псковѣ, и Лит
Чудью, и Нѣмцы со Шведами были-бы сокрушены. Послѣ всякаго сил
пораженія этихъ западныхъ сосѣдей Новгородцы укрѣпляли свои гра
воздвигая окопы и каменныя стѣны въ Великихъ Лукахъ, въ Порхов
Ямѣ, въ Копорьи, въ Ладогѣ, въ Ижорѣ, въ Орѣшкѣ и проч. На в
рыхъ войнахъ лѣтописецъ останавливается съ особеннымъ вниманіем
нося въ свои памятухи подробныя отмѣтки,—такъ напримѣръ подъ го
1176, 1183, 1190, 1198 (здѣсь городъ Луки названъ Оплечіемъ Н
роду отъ Литвы), 1200, 1210, 1214, 1217, 1224, 1228 (подъ этим
домъ записано объ измѣнѣ Псковичей, имѣвшей тяжелыя послѣдств
Новгорода), 1234, 1240, 1241, 1245, 1253, 1268 (гнусное к
преступленіе Пискуповъ и Божіихъ дворянъ), 1292, 1300, 1301,
1314, 1338, 1346 (по поводу оскорбленія Ольгерда Посадникомъ Оста
Дворянинецемъ), 1350, 1368 (приходиша Нѣмци ратію великою, и Пс
и Местеръ и Кумендери подъ Изборскъ; Новгородцы поидоша на н
доидоша до Пскова и Нѣмцы отъ Изборска побѣгоша), 1397, 1405,
1417, и др. Подъ однимъ изъ этого ряда годовъ помѣщена отмѣтка,
ющая нѣкоторую связь съ Старорусскою находкою, хотя быть може
отдаленную. Въ 1200 году—по пергаментному сборнику,—„Ловать в
Литва и до Налюця,—съ Бѣлѣѣ до Свинорта и Доворча Середу, и гн
Новгородцы по нихъ и до Цьрнянъ, и бишася сними и убиша Литвы
80, а Новгородьць 15: Рагуйлу Прокопіиница съ братомъ Ольксою,
Събышкиниця, Ратьмира Нѣжатиница, Страшка серебрьника—вѣсца,
Ягиниця, Луку Мирошкинъ Отрокъ, Микиту Лазоревиця, Жирошку
виця, Осипа Подвойскаго, Романа Пъкта, инѣхъ 4 мужъ. А полон

ша, а избътъкъ убѣжаша" (по свѣтопечатному изданію стр. 124). Въ вой Новгородской лѣтописи эта отмѣтка напечатана съ буквальною ностью, какъ всѣ вообще показанія пергаментнаго сборника; въ Та-евскомъ же съ нѣкоторыми измѣненіями, такъ, послѣ—„и убиша у ъ" прибавлено „въ Клинѣ";—послѣ Романа написано „Пѣшка" (Прод. Р. В. II, стр. 433).

Калайдовичъ высказалъ мнѣніе свое о знакѣ Посадниковъ на основаніи денныхъ тогда, (около 1820 г.) оттисковъ двухъ Псковскихъ Посад-ьихъ печатей, съ сквозными вверху ушками. Такія печати по всей оятности принадлежали, какъ вислыя, какимъ нибудь грамотамъ. Съ ъ поръ подобныя печати обнародованы въ Собр. Госуд. Грам. и Догов., рисунками, въ значительномъ числѣ; въ личномъ нашемъ собраніи есть ицовый оттискъ двусторонней вислой печати „Ѳедора Тимоѳеевича По-ского Новгородскаго",—съ изображеніемъ Св. Ѳеодора на конѣ, на обо-ной, и съ приведенною надписью на правой сторонѣ. Суздальскія же мы, подробно изслѣдованныя графомъ А. С. Уваровымъ (Древности, Из-ніе 1885 г. Томъ V, выпускъ первый, стр. 1—18), ближе всего подхо-ъ къ знакамъ должности сановниковъ. Кружки и трубочки Старо-ского клада, или по объясненіямъ гр. Уварова, дробницы и реньи бусы, дставляются—съ наибольшею вѣроятностью,—именно такими знаками, вгородскихъ сановниковъ, по слѣдующимъ основаніямъ.

Графъ А. С. Уваровъ доказалъ, на нашъ взглядъ, вполнѣ научно, надлежность Суздальскихъ бармъ къ русскимъ издѣліямъ конца XII или ала XIII вѣка; тамъ число дробницъ шесть, реньевъ двѣнадцать; въ ирорусской находкѣ всѣхъ дробницъ тоже шесть,—а реньевъ только ;—тамъ дробницы неодинаковыхъ размѣровъ, здѣсь тоже; тамъ узоръ еденъ чеканкою съ чернью,—мѣстами выпавшею и оставившею только ѣчки, лишь съ лицевой стороны, а тыльная оставлена гладкою,—здѣсь с, черни невидно, а насѣчка есть; на двухъ Суздальскихъ дроб-ахъ, самыхъ крупныхъ, узоръ занимаетъ средину, а край обведенъ мя ободками, между которыми помѣщено, на равномъ разстояніи, на ой шесть, а на другой весемь полушариковъ; на трехъ Старорусскихъ й обведенъ тремя ободками, изъ которхъ между первыми двумя размѣ-о девять такихъ же полушариковъ, а между вторымъ и третьимъ— иковъ нѣтъ; на одной изъ трехъ дробницъ другого вида пространство ду ободками первымъ и вторымъ имѣетъ насѣчку, намекающую на вере-ный узоръ, а между вторымъ и третьимъ размѣщены знаки, похожіе:— на букву *м* нынѣшняго церковно-славянскаго начертанія,—это внизу справа;—одинъ, слѣва, напоминаетъ *з* съ неумѣстившимися концами лѣ-й стороны этой буквы, и одинъ,—вверху,—такой же [illegible] ервые два, въ обратномъ положеніи, вверхъ ногами;—на пяти [illegible] ихъ дроб-ъ узоръ представляетъ крестъ: на одной изъ б [illegible] ырехко-й, поставленный на полукругъ, а на остальны [illegible] сти-ый, съ украшеніемъ изъ лиліе-видныхъ за [illegible] ъ ѳерованія креста; на шестой мученикъ,

въ рукахъ, въ шапкѣ, какъ у Св. Бориса и Глѣба, съ лиліями по обѣ стороны незанятого рисункомъ пространства; — на всѣхъ Старорусскихъ дробницахъ четырехконечный крестъ съ подобными Суздальскимъ украшеніями. Такимъ образомъ разница между дробницами Суздальскими и Старорусскими только въ изображеніи креста,—въ остальномъ сходство—братское. А какъ четырехконечный крестъ чаще встрѣчается на монетахъ византійскихъ болѣе древнихъ, то эта разница свидѣтельствуетъ за большую древность дробницъ Старорусскаго клада.

Деревня Сельцо, гдѣ найденъ кладъ, отстоитъ отъ села Налючи въ 1[illegible] верстахъ и въ 39 отъ Старой Руссы; оно при рѣкѣ Лоринкѣ, впадающей въ большую рѣку Полу, которая соединяется съ рѣкою Ловатью за нѣсколько верстъ до впаденія этой послѣдней въ Ильмень, составляя протокъ ея съ правой стороны; село Налючи, расположено при Полѣ и Лоринкѣ; оно въ 41 верстѣ отъ Руссы, и верстахъ въ двухъ отъ дороги [illegible] гор. Демянскъ. Упоминаемыя въ лѣтописи подъ 1200 годомъ мѣстности находятся: Бѣлая, теперь деревня, въ 19 верстахъ отъ Руссы на полдень при рѣчкѣ Бѣлкѣ, Высоцкой волости, въ водной области Полисти; сел. Свинордъ, Доворецкой волости, въ 70 верстахъ отъ Руссы на западъ, на рѣкахъ Шелони и Колошкѣ, въ 6 верстахъ отъ посада Сольцы, Порховскаго уѣзда, и верстахъ въ 28 отъ впаденія Шелони въ Ильмень;—погостъ Доворецъ тоже въ 70 верстахъ отъ Руссы, нѣсколько западнѣе Свинорда, на рѣчкѣ Иловкѣ, впадающей въ Шелонь,—отъ Ильменя верстахъ въ 3[illegible] Селенія съ именемъ Середы нѣтъ; есть Середка въ 60 верстахъ отъ Руссы на полдень, по направленію къ г. Холму;—и Середогощь въ Новгородскомъ уѣздѣ, въ полночно-западномъ отъ Доворца направленіи и на западъ отъ Новгорода, въ 44 верстахъ отъ него. Клина селенія нѣтъ, но есть лѣсисто-болотная мѣстность Клинъ; она начиналась, лѣтъ 50 назадъ, отъ Середогощи верстъ за 20 ближе къ Новгороду и была въ то время непроходима лѣтомъ, зимою же чрезъ Клинъ прокладывали дорогу между погостомъ Косицкимъ и Новгородомъ, сокращавшую разстояніе лѣтняго пути почти на 40 верстъ. Село Черное на рѣкѣ того же имени, отъ Клина на полночь, верстахъ въ 40 отъ Новгорода. Есть еще деревня Черемна на западъ отъ Клина, отъ Новгорода въ 87 верстахъ, а отъ гор. Луги въ 6[illegible]

Изъ перечисленныхъ лѣтописью и современныхъ мѣстностей оказывается, что дѣло Новгородцевъ съ Литвою происходило въ 1200 г. въ полуденно-западной сторонѣ Ильменскаго прибережья. Если Новгородцы гнались за непріятелемъ до Чернянъ, т. е. до села Чернаго, или до деревни Черемны и разбили его въ Клину (по Татищевской лѣтописи), значитъ Литва отступала отъ Налючи въ западномъ направленіи,—а Новгородцы напали на нихъ близъ Налючи. Пройти туда они могли только водою. Ильменемъ, низовьемъ Ловати и Полою. Князя въ этомъ дѣлѣ не могло быть; въ 1199 году присланъ въ Новгородъ Святославъ Всеволодовичъ (I Новрг. лѣтопись), которому было тогда не больше 10 лѣтъ. По Татищевской лѣтописи всѣ поименованные въ ней и пергаментномъ сборникѣ Новгородцы убиты въ К[illegible] но едва-ли это такъ; вѣроятнѣе, что здѣсь нанесенъ былъ Литвѣ послѣд[illegible]

аръ, — а въ списокъ убитыхъ внесены всѣ погибшіе во время отступленія ронявшагося непріятеля; первая схватка произошла гдѣ нибудь близъ лючи, около Сельца, напримѣръ, и была жестокая, заставившая Литву ступать; въ этой схваткѣ, по всей вѣроятности, убиты многіе изъ общаго сла 15. А какъ въ древности военачальники, если не всегда, то по льшой части, находились впереди своихъ полковъ,— поэтому возможно, въ числѣ названныхъ убитыми въ лѣтописи показаны выдающіяся ца. Кладъ Старорусскій или правильнѣе—находка, представляется принадлежащею одному изъ военачальниковъ—Тысячскому, или Сотнику пода 1200 года, либо кому нибудь близкому къ нимъ по службѣ.

Если считать поступившую въ Музей находку за весь кладъ, а не за сть только, возможно объяснить разрозненность бармъ и проч. захоронніемъ этихъ предметовъ—однимъ изъ ограбившихъ трупъ сановника убито въ первой схваткѣ съ Литвою, получившимъ на свою долю то, что у досталось отъ товарищей—хищниковъ. Если онъ былъ изъ ратниковъ, ѣшную добычу слѣдовало скрыть; воръ и закопалъ ее,—но, вѣроятно, въ льнѣйшемъ преслѣдованіи отступавшихъ былъ убитъ.

Изъ изслѣдованія гр. А. С. Уварова о Суздальскихъ бармахъ усматрается наличность обычая украшать шейными цѣпями, за особенныя заслуги, не однихъ только важныхъ сановниковъ; въ числѣ убитыхъ Новгородцевъ названъ Лука, Мирошкинъ Отрокъ; на одной изъ дробницъ Старорусской находки поставлены знаки, похожіе на букву *м*; не выражаютъ-ли они имени Мирошки, бывшаго въ 1200 году Посадникомъ Новгородскимъ? кому-бы ни принадлежали наши бармы, они доказываютъ, по ближайшему сходству съ Суздальскими, что обычай украшать ими должностныхъ цъ—древній Новгородскій, перволѣтописныхъ временъ, и что наши высе сановники, Посадники, Тысячскіе и другіе, имѣли цѣпи, присвоенныя ъ должности. При подробномъ изученіи находки Старорусской можетъ ясниться и самое различіе въ знакахъ должностей, на каковое указыютъ обрывки цѣпи, имѣющіе ширину до двухъ вершковъ. Быть можетъ кая цѣпь есть знакъ Посадника, или Тысячскаго. Лѣтопись наша знаетъ ли золотыя и пояса великія оковы: въ 1476 году, когда Великій князь анъ III пріѣзжалъ въ Новгородъ для разбора жалобъ на должностныхъ цъ,—по словамъ современниковъ „съ миромъ", онъ стоялъ на Городищи сять недѣль, и уѣзжая, „взялъ шесть бояръ великихъ". Въ это время вгородцы чествовали Государя Московскаго и ублажали его богатыми дами. Вторая лѣтопись, перечисляя дары и лица, являвшіяся съ ними къ сударю, заканчиваетъ перечень 19-мъ Февраля, такъ: „Владыка пріиде изъ овагорода къ великому князю съ поминками передъ обѣднею; и ка чѣпь золоту пять гривенокъ, да чару золоту десять гри ру золоту полторы гривенки и девять золотниковъ, да ковшъ и десять золотниковъ.... да поясъ золоченъ великій о ьнадесять гривенки, да сто золотыхъ корабельныхъ".

Здѣсь гривенка употреблена въ смыслѣ вѣсо щей безмалаго нынѣшнему фунту; значитъ з

пять фунтовъ, а золоченый поясъ великія оковы—около полупуда. Воз
что оба эти предмета хранились въ государственной сокровищниц
Софійскихъ полатяхъ" и составляли выраженіе знаковъ особаго от
даваемыхъ за важныя заслуги; полупудовый поясъ—это должно
перевязь, на которой носили мечь,—такъ что и золотая цѣпь и по
или знаки отличія за воинскія доблести, или принадлежность воен
ника страны, то есть Тысячскаго Новгородскаго.

Указаній на мѣстоположеніе дворца Степеннаго Тысячскаго такж
какъ и Посадничьяго,—имѣющіяся же, неубѣдительнѣе приведенны
предшествующей статьѣ; но мы все-таки изложимъ ихъ; быть може
мая слабость нашихъ сопоставленій и соображеній вызоветъ въ м
свѣдущихъ знатокахъ отечественныхъ древностей такую дѣятельност
сли, которая приведетъ къ истинѣ.

Въ Уставѣ о мостахъ первый участокъ Неревской стороны в
Осмениковъ „въ городняя ворота до Поскупли улици";—а на с
Славенской назначается конечною границею участка Софьянъ дворец
дворъ Тысячскаго. Если Осменники и Софьяне начинали мощеніе
города отъ внѣшняго вала, участки тѣхъ и другихъ могли имѣть не
ковое протяженіе; страна съ народнымъ правительствомъ, какъ Ильме
во внутреннихъ распорядкахъ не могла нарушать законы строгой сп
ливости вообще, а особенно въ раскладкѣ повинностей, безъ опасенія
вать недовольство и кровавую расправу; если Осменники обоихъ в
т. е. княжескіе и народно-казенные, стояли выше Софьянъ,—чиновъ
ной власти, и получали отъ Государства кормленіе въ болѣе знач
ныхъ размѣрахъ,—то и мостовой участокъ послѣднихъ былъ короч
уже привели основанія, открывающія путь къ заключенію о существ
на Славенской сторонѣ внутренняго укрѣпленія, возникшаго въ д
писныя времена, и при томъ до устройства Дѣтинца на сторонѣ Нере
Въ нашей лѣтописи встрѣчается Щитная улица въ первой разъ подъ
годомъ, по случаю построенія въ поселкѣ ея каменной церкви
Первозваннаго,—мѣсто которой нами установлено. Въ 1523 году
стѣна городная отъ Щитной улицы и Онтоновой, внутри города,
Плотницкой конецъ выгорѣлъ". Между этою Щитною улицею и внѣ
валомъ проходила улица Запольская,—въ предѣлахъ Плотенскаго кон
нарядной описи Новгорода 1623 года улица Щитная значится въ С
скомъ концѣ. Въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка на Запольской улиц
чится церковь Воскресенія. На Славенской сторонѣ, какъ мы знаемъ
ковь этого праздника была только одна,—въ Воскресенскомъ монас
близъ внѣшняго вала, между Филипповскою и Ильинскою церквами,
указано выше. Эта Запольская улица называется въ памятникахъ
вѣка и Загородскою. Такимъ образомъ и Щитная и Загородская
были въ обоихъ старыхъ концахъ Славенской стороны. Болѣе подробныя
нія о нихъ значатся въ лѣтописи подъ годами—о Запольской улицѣ: 1377,
1521 и 1696;—о Загородской—1560, 1567, 1613 и 1709; и о Щит
1552, 1558 и др., въ отмѣткахъ о церкви Андрея Первозваннаго

свидѣтельствъ выводъ прямой, что улица Щитная начиналась съ а Волхова, оставляя между собою и внѣшнимъ валомъ Борисоглѣбскую вь и Евѳимьинъ монастырь; направлялась затѣмъ на востокъ къ полдню, ивъ Андреевскую церковь,—отсюда сворачивала на полдень, около гкова, обогнувъ и эту мѣстность, потянулась въ томъ же направ-, какое имѣетъ внѣшній валъ, на полдень къ западу, до бере-стѣны, за Ильинскую церковью, такъ что эта и сосѣднія церкви ались между Щитною и валомъ, на Запольской или Загородской ѣ. Какъ Осменники, дойдя до Пискупли улицы внутри пространства у малымъ валомъ и Дѣтинцемъ, поворотили, взявъ себѣ въ помощь овъ, къ берегу, къ Борисоглѣбской церкви,—такъ и Софьяне, дойдя утренняго укрѣпленія Славенской стороны, прошли воротами его на ную улицу,—имя которой прямо указываетъ, что она лежела у за-,—и остановились у дворца Тысячскаго. Мы видѣли Никольскія во-которыя вели въ городъ сквозь внѣшній валъ, гдѣ былъ предпола-ый Въѣздъ (Нѣздонездиничь); этимъ Въѣздомъ и начинался, должно , участокъ Софьянъ; отсюда до внутренняго укрѣпленія и Щитной ы недалеко, много ближе, чѣмъ отъ Бѣлой башни до малаго вала Не-кой стороны; а какъ велико разстояніе отъ укрѣпленія до дворца Ты-кагo—сейчасъ увидимъ.

Царь Иванъ Грозный жилъ въ Новгородѣ въ 1571—1573 гг. близъ ь существующей церкви Св. Великомученика Никиты, съ царицею и вичами Иваномъ Большимъ и Ѳеодоромъ. Въ теченіи этого времени отлучался, но его царица и дѣти не выѣзжали. Во второй лѣтописи отмѣтка подъ 1570 годомъ, что послѣ Государева разгрома въ Ве-мъ Новгородѣ, на Торговой сторонѣ, отъ Волхова всѣ дворы очистили, или площадію, „а ставити на томъ мѣстѣ дворъ Государевъ", (годъ стр. 163). Затѣмъ, въ 1572 году „Заложилъ Государь избы ставити воемъ дворѣ на Дворищи" (тамъ-же годъ 7080 стр. 169). Изъ этихъ токъ неясно, относится-ли показаніе второй къ площади 1570 года, эта площадь была не у Дворища, а гдѣ нибудь близъ Никитинской ви,—неясно также, поставили-ли въ 1570 году тутъ дворъ Госуда-, или только приготовили подъ него площадь? Намъ представляется е вѣроятнымъ, что площадь только приготовили, и не въ Плотенскомъ ѣ, а близъ Дворища Ярославова, и что въ 1572 г. избы ставлены на площади,—такъ какъ распоряженіе объ избахъ составлялось въ Іюнѣ, Августѣ того же года поставили колоколъ новый на Дворищѣ у Женъ носицъ „у двора Государскаго". Къ тому же берегъ Волхова противъ итинской церкви низменнъ; избы 1572 г. и дворъ Государскій были вянные; царь, только что погубившій десятки неповинныхъ Новгород-, всегда недовѣрчивый, подозрительный, не рѣшился-бы жить въ дере-омъ дворцѣ, поджечь который тамъ легко. Кромѣ этого извѣстно, что, время пребыванія Царя, въ Новгородѣ сыграны двѣ блестящія свадьбы, участія семьи его,—одна шурина Грознаго, Колтовскаго, а другая ко-Магнуса, за котораго Царь выдалъ тринадцатилѣтнюю княжну Ста-

рицкую, Марію Владиміровну. Обрядъ вѣнчанія совершенъ былъ въ суще-
ствующей и теперь церкви Дмитрія Селунскаго, въ Славковѣ, по Пробойн
улицѣ. Судя по описанію этой свадьбы въ Древней Русской Вивліоѳ
(Ч. XIII стр. 97—103), дворъ Грознаго былъ многочисленъ. Иноземн
писатели говорятъ объ особенномъ весельи на этой свадьбѣ; Царь са
распоряжался пляскою и пѣлъ съ монахами духовныя пѣсни (Карамзин
IX, глава IV, Примѣчаніе 418). Въ Новгородѣ же Царь принималъ посл
иноземныхъ (тамъ-же, II Новгор. лѣт. годъ 7080). При такихъ условія
Грозному нужно было помѣщеніе соотвѣтствующее его сану и семейн
обстановкѣ царицы.

Новгородцы отличались роскошною жизнью во время самобытія; дворц
такихъ важныхъ государственныхъ правителей, какъ Степенные Посадни
и Тысячскій, были, безъ сомнѣнія обширны и устроены, въ виду часты
возмущеній, со всѣми предосторожностями для личной безопасности и н
прикосновенности дѣлопроизводства и государственнаго движимаго иму
ства, состоявшаго въ вѣдѣніи Тысячскаго, какъ народнаго казначея. В
это дѣлало опустѣвшій съ 14 Января 1478 года дворецъ Тысячскаго с
мымъ подходящимъ для жительства Царя съ его семьею и многочисле
нымъ дворомъ.

Но былъ-ли дворецъ Тысячскаго близъ Никитинской церкви? Для о
вѣта на этотъ вопросъ имѣются указанія, хотя и не настолько вѣс
что-бы на нихъ основать теперь же окончательное рѣшеніе, за то еди
ственныя, способныя служить почвою для изысканій въ будущемъ. Пер
мы видимъ въ одномъ изъ упомянутыхъ въ статьѣ о Посадничьемъ дво
каменныхъ зданій, Знаменскаго изображенія, построенныхъ на полночь о
Никитинской церкви; оно состоитъ изъ трехъ домовъ, одного большо
двухъ меньшихъ, обнесенныхъ каменною же оградою,—расположено на
рокомъ проѣздѣ и не стѣснено сосѣдними постройками ни справа, ни сл
такъ что въ пожарномъ отношеніи вполнѣ безопасно, а отъ нападенія в
мущенной толпы защищено каменною оградою. По внѣшности это зда
подходитъ къ искомому дворцу.

Письменные памятники сохранили второе единственное, и тоже не
статочное ясное указаніе мѣста дворца Тысячскаго. Подъ 1383 г. въ н
вой Новгородской лѣтописи отмѣчено: „Въ Новгородъ пріѣха князь Пат
кей Наримантовичъ, и пріяша его Новгородци и даша ему кормленіе, п
городы: Орѣховъ, и Корельскіи, и полъ-Копорьи городка и Луское сел
На слѣдующій годъ: „Пріѣхаша городчане, Орѣховци и Корельскыи съ
лобою къ Новугороду на князя Патрикіа, и князь Патрикей подъя Славн
смути Новгородъ, и сташа Славляне по князѣ, и поставиша Вѣче на Я
славлѣ дворѣ, а другое Вѣче у святѣй Софѣи, обои въ оружіи, акы
рать, и мостъ великый перемѣташа; нъ ублюде Богъ и святая Софіа
усобныя рати и отъяша у князя ты пригороды, и даша ему Русу г
догу" (годы 6891 и 6892, стр. 93). Въ сборникѣ, названномъ Ка
нымъ Ростовскимъ лѣтописцемъ, эта отмѣтка повторена съ подробно
относящимися къ занимающему насъ вопросу, такъ: „и смути (Пат

ородъ. Износиша Вѣче по двѣ недѣли на Ярославлѣ дворѣ, а здѣ (лѣто-
цъ жилъ на Неревской сторонѣ) на сей сторонѣ три концы (Неревской,
родной, и Людинъ) другое Вѣче ставиша у святѣй Софіи и Тысяцкій
въ не сойде на сю сторону въ Вѣче, и Плотничане добрые люди также
ойдоша. И бысть на Черкисовѣ недѣли (по объясненію Карамзина—
недѣля Мытаря и Фарисея) удариша Славенскій конецъ на Тысячскаго
осифовъ дворъ съ Вѣча со Ярославля двора, и Плотничане Іосифа не-
аша и биша грабежниковъ и полуниша, а тогда биша у князя Патри-
два человѣка въ дому, Корнилия Олисейкова, да Мишка Щекотова
овича съ посада. И бысть на мясопустной недѣли во вторникъ, Фев-
я въ 9 день: доспѣша три концы Неревскій конецъ, и стояша у святѣй
іи на Вѣчи всякій вооружившійся аки на рать, отъ обѣда и до ве-
ни, и Плотницкій конецъ, сослався послы съ тремя концы, на Славлянъ
ѣша ити, и заутра въ Среду непотягнуша Плотничане на Славляне съ
ия концы, и три концы списаша грамоты во одни слова обѣтные, и
авляне себѣ доспѣша и стояша со княземъ на Ярославлѣ Дворѣ. Во
рникъ же на мясопустной недѣли и въ четвертокъ Славляне мостъ ве-
ій отъ своей стороны перебраша между двѣмя городнями; и по усобной
рати поидоша вся пять концовъ во одиночество и грамоту написаша
княземъ и запечатоша на Вѣчѣ, на Ярославлѣ Дворѣ" (Карамзинъ, V,
ва I, Примѣчаніе 106). Подробности этой второй отмѣтки говорятъ за
тавленіе ея очевидцемъ и Плотничаниномъ, сторонникомъ Тысячскаго;
я онъ и не говоритъ, гдѣ былъ дворъ Тысячскаго,—да ему это и не
о нужно,—всякій современникъ хорошо зналъ тотъ дворъ;—но нельзя
видѣть его именно въ Плотенскомъ концѣ; будь дворъ въ Славен-
ъ,—Плотенцы, или Плотничане, не могли-бы отбить нападеніе Слав-
ъ, для которыхъ легко было-бы не только ослабить, но и совсѣмъ уничто-
ъ защитниковъ Тысячскаго, стоило лишь броситься на дворы ихъ въ
тенскій конецъ. Если не всякій изъ защитниковъ, то огромное боль-
ство, въ силу чувства самосохраненія и огражденія семей своихъ отъ
онниковъ Патрикія, поспѣшило-бы на помощь близкихъ родныхъ, женъ
ѣтей; а при расположеніи дворца Тысячскаго въ Плотенскомъ концѣ
ищать его и свои дворы много удобнѣе и безопаснѣе: Кончане могли,
время предшествовавшее нападенію Славлянъ, безпрепятственно уговари-
ься, сходясь, напримѣръ по ночамъ, и вооружаться, устраивать засады
роч. Уличане участковъ Плотенскаго конца, имѣя своихъ старостъ и
тихъ чиновъ,—при единодушіи, и предвидя, конечно, по обычаю тѣхъ
менъ, схватку съ своими соперниками, не боялись измѣны, и подгото-
ли отпоръ обстоятельно. По словамъ лѣтописца Плотенцы не только от-
ли нападеніе на дворецъ Тысячскаго, но и „полуниша" Славлянъ; вы-
еніе „полунить" соотвѣтствуетъ нынѣшнему обобрать,—раздѣть до
—а это возможно, разумѣется, при обдуманности и распредѣленіи
тѣхъ и другихъ уличанъ въ отраженіи нападенія; одни бились,
ловили противниковъ и отнимали доспѣхъ и грабили. Переговоры
цевъ съ Неревянами чрезъ пословъ свидѣтельствуютъ также о спо-

койной подготовкѣ къ борьбѣ. Слѣдуетъ также принять въ соображе
успѣхъ Плотенцевъ не могъ не быть въ зависимости и отъ тѣхъ п
ныхъ ратниковъ и второстепенныхъ военачальниковъ, хорошо зна
съ условіями нападенія и защиты, которые состояли при Тысяче
жилй или во дворцѣ его, или въ близкомъ сосѣдствѣ. Противъ спи
каменнаго сооруженія съ оградою, на полночь къ востоку отъ него,
по Знаменскому изображенію, значительныхъ размѣровъ каменны
въ которомъ можно видѣть сторожевой для подобныхъ ратниковъ и
степенныхъ военачальниковъ.

Итакъ дворецъ Степеннаго Тысячскаго мы ставимъ въ Плот
концѣ, близъ Никитинской церкви, и видимъ его въ описанныхъ
ныхъ сооруженіяхъ Знаменскаго изображенія; а сравнительно съ нын
расположеніемъ построекъ и улицъ, ему отводимъ мѣсто на Мос
улицѣ, подъ Лютеранскою церковью и домомъ К. Ѳ. Масловскаго,
близости ихъ.

Для рѣшительнаго, вполнѣ яснаго установленія положенія двор
сячскаго важно произвести изысканія о сосѣднихъ съ Никитинско
ковью дворахъ съ нынѣшними на нихъ общественными сооруженія
ковы,—въ одной стороны Городская богадѣльня и больница и об
садъ при нихъ, а съ другой Полицейское управленіе. Возможно, чт
эти состояли послѣ самобытія въ вѣдомствѣ государственныхъ земел
и Ярославовъ дворъ, и предоставлены впослѣдствіи городу. Драгоц
свидѣтельствомъ были-бы: писцовая книга Новгорода и, за неимѣн
челобитья сосѣднихъ церковниковъ о пожалованіи ихъ пустыми земе
участками въ чертѣ города. Въ церковныхъ бумагахъ, съ которыми
леніе Общества предполагается, и которыя не имѣютъ уже значе
постей, можно найти подобныя свѣдѣнія.

Клеймяныя сѣни.

Въ Уставѣ о мостахъ конечною границею послѣдняго участка
ской стороны назначены „Клемяны сѣньи". Не во всѣхъ спискахъ
одинаково чтеніе этого мѣста; въ большинствѣ поставлено: „до К.
ныхъ сѣней". Объяснители этого памятника, въ высшей степени ли
наго вообще и драгоцѣннаго для изученія государственнаго строя
ской страны въ X—XI вѣкѣ, принимаютъ чтеніе большинства спис
полагаютъ, неисключая лучшаго и наиболѣе обстоятельнаго изъ ни
бенскаго, что „Климятины сѣни"—это притворъ, паперть—церкви
Св. Климента. Но Карамзинъ, перечитавшій поразительную громад
писей, остановился на древнѣйшемъ и исправнѣйшемъ, изданном
слѣдствіи въ Русскихъ Достопамятностяхъ Дубенскимъ; онъ призн
„Клемяныхъ сеньи"—Клеймяныя сѣни;—но пишетъ „Клейменыя"
Гос. Рос. Ч. II, глава III; Примѣчаніе 108). Мы держимся Карам

сненія, хотя онъ и ставитъ при таковомъ вопросительный знакъ,— вая однако же сѣни не Клеймеными, а Клеймяными, то есть тѣми, которыхъ накладывались клейма.

Вопросъ о существованіи Клеймяныхъ сѣней въ Новгородѣ въ X—XI настолько важенъ, что прежде чѣмъ искать мѣста ихъ, необходимо новить, правильно-ли чтеніе Карамзина и для какихъ клаймъ могли Карамзинскія сѣни? Объяснители другого чтенія указываютъ только зависимость словъ „до Климятиныхъ сѣней" отъ церкви Св. Климента, не доказываютъ существованіе ихъ въ Ярославово время, и даже не дѣтъ никакой попытки въ этомъ направленіи. Мы видѣли здѣсь, въ городѣ, православные и католическій храмы, первоначальное возникноіе которыхъ возможно за долго до крещенія Руси. Изъ житія первоелей Славянъ Дунайскихъ, Святыхъ Кирилла и Меѳодія, (Четь-минеи, ь 11 Мая) видно, что въ Корсуни были въ ихъ время мощи Святого ы Климента; въ начальной русской лѣтописи по Лаврентьевскому спи-, подъ 6496 г. (это 988 годъ), сказано: „Володимеръ же посемъ (т. е. крещеніи) поемъ царицю, и Настаса, и попы Корсуньски, съ мощми таго Климента и Фифа, ученика его, поима съсуды церковныя, иконы благословенье себѣ—и проч." (по Свѣтопеч. изданію стр. 79). Ярославъ адиміровичъ былъ строителемъ многихъ храмовъ. Все это не исключаетъ дположенія о возможности сооруженія церкви Климента какъ до крещеі Руси—христіанами дружинъ Игоря или Бравалина, купившими у греь часть мощей Святого Папы,—греки охотно продовали все, на что ъ спросъ,—такъ равно Митрополитомъ Михаиломъ, которому приписыся первоначальное основаніе Михайловской церкви „Средь търга",—наецъ Ярославомъ, которому отецъ, Св. Владиміръ, могъ дать часть мо- Св. Климента. Догадки въ этомъ смыслѣ найдутъ себѣ подтвержденіе отмѣткѣ пергаментнаго сборника подъ 1153 г. о заложеніи каменной кви Климента: „Иде боголюбивы архепископъ Нифонтъ въ Ладогу и заи церковь камяну святого Климента" (I Нов. лѣт. годъ 6661, стр. 11). дыка Макарій и другіе писатели, относя первое возникновеніе въ Новдѣ Климентовой церкви къ вѣкамъ долѣтописнымъ, считаютъ эту отку относящеюся къ ней и ссылаются на третью лѣтопись, въ которой ъ тѣмъ же годомъ значится, что Святый Нифонтъ заложилъ эту церь въ Великомъ Новгородѣ, на Ивоpовѣ улицѣ, существующую до сихъ ъ. Но полагаться на третью лѣтопись опасно,—тѣмъ болѣе, что по цовой книгѣ Вотской пятины 1499—1500 гг., въ первой половинѣ ея, ываются поименно концы города Ладоги,—ихъ также пять, какъ и въ городѣ,—и между ними Климятцкой; затѣмъ, въ описаніи дворовъ читаъ: „Да въ Никольскомъ концѣ у *Климянта святого* дворъ Намѣстничь, дворъ тіунь" (Неволинъ, О пятинахъ; Прилож. I, стр. 45—46). Этимъ тельствомъ опровергается, или, по меньшей мѣрѣ, ослабляется мнѣніе ыхъ писателей (Макарій, Описаніе Новгор. церк. древ. I, стр. 328). существованіе Климентовской церкви возможно во время первонаьнаго установленія мостовыхъ участковъ. Возможно также и окончаніе

этихъ участковъ Славенской стороны близъ Климентовской церкви. и на Неревской сторонѣ, здѣсь, на Славенской, мостовые участки, в шедшемъ до насъ изложеніи Устава, направлялись вокругъ внутре укрѣпленія. Къ Ярославову времени оно, вѣроятно, охватывало ме пространства, чѣмъ Щитная улица XV вѣка. Въ этомъ случаѣ уч Посадника и Тысячскаго и послѣдующіе останутся на тѣхъ же мѣ и въ тѣхъ же границахъ, на которыя мы указали выше, въ стать Ярославовомъ дворѣ и другихъ. Укоротится только, или измѣнитъ на леніе, участокъ Витковлянъ, границы котораго укажемъ въ этой-же ст но дворецъ Тысячскаго придется внѣ внутренняго укрѣпленія, вост полночная сторона котораго пойдетъ между нынѣшними церквами Дми скою и Климентовскою, на устье Ѳедоровскаго ручья, начавшись мѣста бывшей Посадничьей Ипатьевской церкви.

Допуская по приводимымъ даннымъ возможность существованія ментовской церкви въ Ярославово время и даже раньше, остановим названіи Климятины сѣни и на значеніи Мостоваго Устава въ то в отъ котораго дошли къ намъ его списки.

Личныя имена съ окончаніемъ на—*ята* обыкновенны въ Нов скомъ лѣтописномъ говорѣ древности,—таковы напримѣръ: Радята, дята—Радіонъ, Яшата—Яковъ, Тѣшата—Тихонъ или Тимоѳей, Петр Петръ, Жирята—Жирославъ, Гюрята—Юрій или Георгій и проч.; эт воръ общежитія; Святыхъ же лѣтописцы, какъ церковники, никогда не ваютъ по уличному, а всегда настоящимъ полнымъ именемъ; писц не изъ церковниковъ могли употреблять житейскій говоръ и въ им Святыхъ; такъ, по крайней мѣрѣ, случилось въ написаніи грамоты Всеволода Мстиславовича, данной Предтеченской церкви на опокахъ,— дворъ, купленный имъ отъ Готландцевъ, на которомъ была въ долѣт ныя времена Католическая церковь Святого Петра, названъ „Петр дворище“ вначалѣ и въ концѣ грамоты. Нѣкоторые археологи дум (Д. Я. Самоквасовъ), что народъ въ живой рѣчи обозначаетъ сло оканчивающимися на *ище*, мѣстности, бывшія населенными, но впо ствіи опустѣлыя,—такъ: Городище—бывшій городъ, Селище—бывшее Дворище—опустѣлый дворъ и проч. Если ко времени написанія Всево вой грамоты, около 1135 г., мѣсто церкви Св. Петра издавна пусто его народный говоръ могъ и забыть—какъ церковное, да еще и непр лавной церкви; но въ концѣ грамоты говорится о *буевищѣ Петрятин дворищѣ*, то есть о кладбищѣ во дворѣ Св. Петра, существовавшем XII и въ XIII вѣкѣ (упомянутые договоры 1205 и 1270 г.),—тутъ запустѣніе и забвеніе непримѣнимы. Неуваженіе къ имени Святого въ случаѣ оправдывается развѣ только принадлежностью церкви и клад его имени не православному вѣроисповѣданію, но это объясненіе изъ нительныхъ вообще. Уставъ Ярослава о мостахъ могъ писать не це никъ, такъ что употребленіе выраженія „Климятины“ вмѣсто Климе или Святого Климента, немного ослабляетъ предположеніе объ окон участка Витковлянъ у Климентовской церкви. Слово *сѣни* Новгор

тописцы никогда не употребляютъ для обозначенія церковнаго притвора, писецъ не церковникъ, поставилъ это слово потому, что церковный итворъ вполнѣ соотвѣтствуетъ пристройкѣ къ дому, называемой сѣнями.

Всѣ извѣстные намъ списки Устава о мостахъ далеко не современны язю, имя котораго онъ носитъ; да они и непохожи, по способу изложе-, ни на одинъ изъ Уставовъ древности; это, какъ и Русская Правда, орѣе частная запись какого нибудь дѣлового человѣка, для памяти и ру-водства. Уставъ, какъ законъ, прежде всего долженъ быть ясенъ и не-збуждать сомнѣній и кривотолковъ при исполненіи; здѣсь же поводовъ сомнѣніямъ и спорамъ болѣе, чѣмъ точныхъ опредѣленій, особенно въ вой и второй части. Доведя Осменниковъ до церкви Бориса и Глѣба по очищамъ, которыя точны настолько, что и теперь опредѣляются во взаных разстояніяхъ безъ большихъ ошибокъ,—Уставъ не даетъ затѣмъ я слѣдующихъ участковъ никакихъ опредѣленій ни въ протяженіи, ни границахъ;—вотъ изложеніе его послѣ Бориса и Глѣба: „а Тигожаномъ Коломнянъ, а Коломняномъ до Нередицанъ, а Нередицанамъ до Веря-нъ" и т. д Какъ исполнять такой Уставъ? Если начало участка Тиго-нъ Борисоглѣбская церковь, гдѣ конецъ?—гдѣ, затѣмъ, конечныя границы ломнянъ, Нередицанъ, Веряжанъ? Вторая часть Устава обнимаетъ устои, городни, Великаго моста чрезъ Волховъ; ихъ 22; а если при возобно-ніи моста удобства и выгоды потребуютъ 25 или 20 устоевъ,—какъ ть?—Подобная неточность станетъ понятною, если дошедшіе до насъ списки атать записями исполнителей повинности, или наблюдателей за ними, въ личныя времена сдѣланныя и, притомъ, много послѣ первоначальнаго из-ія закона, въ которомъ протяженія и границы участковъ точно опредѣ-ны, и тогда, когда Коломляне, Нередичане, Веряжане и прочіе уже знали ницы своихъ участковъ и длину мостовыхъ устоевъ, каждому назначен-хъ. Есть много и другихъ неточностей, указанныхъ въ упомянутой ра-тѣ нашей по изслѣдованію Мостоваго устава. Слѣдовательно предъ нами новременные списки Устава, къ тому же большею частію и неисправ-е,—потому неодинаковыя названія сѣней, какъ послѣдняго участка Сла-ской стороны, устранятся и получится одно тогда, когда опредѣлится, ли-ли, кромѣ Климятиныхъ, и должны-ли быть сѣни Клеймяныя въ вгородѣ, во времена, соотвѣтствующія первоначальному изданію Мосто-го Устава, или тѣмъ спискамъ, въ которыхъ значатся сѣни не Кли-тины.

Въ нашей странѣ жизнь людей обществомъ началась, какъ показали ломецкія находки, съ каменнаго вѣка, съ временъ ледниковыхъ; тамъ, Коломцахъ, мы нашли въ числѣ горныхъ породъ, служившихъ вещест-мъ для изготовленія орудій, необходимыхъ въ домашнемъ быту,—не сродъ Ильменско-Волховскому побережью,—очевидно принесенныя сюда из-;—оказался тамъ въ значительномъ количествѣ и янтарь, въ видѣ при-сковъ, въ дырочками, красный, непохожій на обыкновенный Балтійскій; ревное мѣсторожденіе такого именно янтаря открыто, до настоящаго вре-ни, въ одномъ только мѣстѣ,—въ низовьи большой Сибирской рѣки

Енисея, верстъ 600 ниже города Туруханска; найденъ нами тамъ же
ный пробирный камень, называемый Лидійскимъ, встрѣчаемый и в
тайскихъ горахъ;—доманикъ,—порода Тиманскаго хребта, сланцы, сл
другія горныя нороды (Бытовые остатки Ильменцевъ каменнаго вѣка).
сутствіе чужестранныхъ горныхъ отщепенцевъ на Ильменско-Волхов
побережьи, въ жиломъ слоѣ, нарощенномъ продолжительнымъ сидѣнье
Коломцахъ большого общества въ ледниковыя времена Европы, гов
недвусмысленно о сношеніяхъ этихъ Коломчанъ съ обитателями с
отдаленныхъ, получавшихъ отъ нихъ естественныя произведенія их
дины. Съ перволѣтописныхъ временъ извѣстна обширная торговля Н
родцевъ съ западною Европою; въ разныхъ концахъ страны Ильме
принимаемой въ тѣхъ только границахъ, которыя указываются въ до
ныхъ грамотахъ не раньше половины XIII вѣка, находятъ деньги нар
средне-азіатскихъ, такъ называемыя куфическія, отъ V и VI вѣковъ,
дѣлія тѣхъ же народовъ и скиѳскія; куфическія деньги попадаются в
момъ Новгородѣ; лѣтъ шесть назадъ случайно наткнулись на цѣлый
ихъ на Ситецкомъ холмѣ, что къ полночи отъ Нередицы; находятъ в
городѣ деньги Греческія и Римскія до-христіанскихъ временъ. Слѣдова
торговыя сношенія, начатыя ледниковыми Ильменцами-Коломчанами с
даленными странами, продолжались непрерывно до временъ лѣтописн
и далѣе въ вѣка самобытія Великаго Новгорода. Этими сношеніями
звано богатство и преобладаніе Ильменскихъ славянъ среди народовъ
ночья и запада Европы.

Изобрѣтеніе единицъ цѣнности изъ серебра приписывается Урал
тайскимъ племенамъ, спустившимся, чрезъ Памиръ, въ срединную А
разошедшимся въ разныя стороны. Потомкамъ ихъ, заселившимъ
Азію, присвоиваютъ выдумку первоначальнаго клейменія крупныхъ еди
въ видѣ серебряныхъ брусковъ; еще за семь вѣковъ до Р. Х. отъ
клейменіе перешло въ Среднюю Азію, въ Европу, и въ Грецію. Ильм
какъ издавна знакомые съ Среднею Азіею, имѣли возможность вполнѣ
иться съ клейменіемъ серебряныхъ единицъ цѣнности, если не р
другихъ насельниковъ Европы, то и не позже, такъ какъ клейменіе у
вѣряло степень добротности серебра и золота и вѣсъ единицъ.

Между нумизматами, изучающими знаки цѣнности разныхъ пл
и народовъ, держится до сихъ поръ мнѣніе, установившееся на нач
просвѣщенія нашей страны народами западной Европы, о заимствова
Новгородцами единицъ цѣнности оттуда и отъ Византіи и Рима; они, н
маты, доказываютъ, опираясь на отмѣтки нашей лѣтописи подъ 14
1420 годами, отсутствіе въ Новгородѣ собственныхъ денегъ, въ с
единицъ мелкихъ, размѣнныхъ, до начала XV вѣка, довольствовав
будто-бы, иноземными и объясняютъ это явленіе своимъ ложнымъ взгляд
корыстолюбіе зажиточныхъ гражданъ, стремившихся, будто-бы, къ ли
обогащенію посредствомъ недопущенія въ народъ вообще серебряных
ницъ иностраннаго чекана, крупныхъ и мелкихъ, и продолжавшихъ с
изводителями скоры, воску и проч., мѣну добываемыхъ ими предм

дныхъ для торговли съ иноземцеми, на иноземный же товаръ, истин-
цѣна котораго оставалась, такимъ образомъ, тайною богача, поднимав-
ъ ее безнаказанно по своему произволу.

Несостоятельность этого взгляда доказывается какъ данными, положен-
и въ основу его, такъ и Новгородскою лѣтописью. Тотъ пріемъ въ об-
еніи съ серебряными единицами цѣнности, который приписывается
изматами богатымъ Новгородцамъ, всецѣло принадлежитъ западнымъ
свѣтителямъ нашей страны: Ганза постоянно запрещала купцамъ своего
за торговать въ Новгородѣ на деньги; имъ предписывалась мѣна. Ссылка
отмѣтки лѣтописи подъ 1410 и 1420 годами совсѣмъ неосновательна;
первой сказано: „Того же (1410) лѣта начаша торговати промежи себе
ци и гроши Литовскими и Артугы Нѣмецкими, а Куны отложиша“
Нов. лѣт. годъ 6918, стр. 104). Чтобы уяснить слыслъ и значеніе за-
сей, изложенныхъ подъ обоими годами, слѣдуетъ, во 1-хъ, читать помѣ-
нную подъ 1410 годомъ въ связи съ предшествующими и послѣдующими
лѣтками и, во 2-хъ, установить понятіе о Кунахъ начала XV вѣка.

За три года до 1410 Новгородцы дали князю Семену Ольгердовичу,
его просьбѣ, пригороды,—„кои были прежде сего за нимъ“,—а въ этотъ
ъ, „Іюля въ 15 день, бысть побоище королю Ягайлу Ольгердовичу, брату
зя Семена,—нареченному Володиславъ, и князю великому Литовъскому
товту Кестутьевичу, съ Нѣмцы, съ Прусы, въ ихъ земли, Пруской—и
силу Нѣмецкую избиша и городы Нѣмецкіе поимаша,—а трожды
мецъ избиша“. Много побито было также и Литвы и Ляховъ. На дру-
годъ Новгородцы ходили съ княземъ Семеномъ Ольгердовичемъ „въ
йскую землю, села ихъ повоевавъ и пожгоша и Свѣи много изсѣкоша,
ныхъ поимаша; и пріидоша въ Новгородъ съ множествомъ полона.“
такихъ обстоятельствахъ и при добрыхъ отношеніяхъ между королемъ
йломъ, разбившимъ и обобравшимъ Нѣмцевъ-Пруссаковъ, и Новгород-
ы, выгодно было побѣдителямъ продать, а сообразительнымъ Новгород-
ъ купить по сходной цѣнѣ Лобцы,—то есть любскія деньги, Артуги
сскіе и гроши Литовскіе, для оборотовъ собственно между горожанами
Нѣмецко-Готландскими торговыми дворами „промежи себѣ“,—не расходуя
ъ Лѣтописецъ сказавъ объ этомъ обстоятельствѣ, на взглядъ его не-
оважномъ, пояснилъ, что оно случилось при Посадникѣ Григорьѣ Богда-
ичѣ и Тысячскомъ Васильѣ Есифовичѣ. Поясненіе важное,—имена По-
ника и Тысячскаго называются лѣтописцемъ въ случаяхъ рѣдкихъ,
ѣющихъ особенное значеніе. Покупка иноземныхъ денегъ была, стало
ть, очень выгодна и сдѣлана по совѣту этихъ двухъ высшихъ сановни-
въ. И дѣйствительно—цѣлыхъ девять лѣтъ Новгородцы сбывали куплен-
я деньги Нѣмцамъ, что ясно изъ отмѣтки подъ 1420 годомъ: „артугы
продаша Нѣмцемъ; а торговали ими девять лѣтъ“. Обычай покупать
ванную монету у чужестранныхъ правительствъ существовалъ издавна,—
и до сихъ поръ еще нельзя его считать прекратившимся, особенно между
ударствами, имѣющими одинаковое по качеству и вѣсу дѣленіе размѣн-
ъ единицъ

Выраженію лѣтописца „а Куны отлажиша“ мы даемъ смыслъ врем
ной пріостановки обращенія ихъ, пока не *попродадутся* деньги чуже
ныя. Вопросъ о значеніи Кунъ въ Новгородскихъ единицахъ цѣнно
нумизматы какъ-то комкаютъ; до сихъ поръ нѣтъ на него отвѣта, иск
чающаго необходимость въ изысканіяхъ объ этой единицѣ, знакомой
шимъ западнымъ сосѣдямъ по обращенію ея и между ними.

Куна имѣетъ, на нашъ взглядъ, двоякое значеніе: употребляемая
множественномъ числѣ „Куны“—она выражаетъ всю совокупность един
цѣнности; по нынѣшнему говору—Куны тоже, что деньги вообще; въ ед
ственномъ же числѣ—это серебряная размѣнная единица средняго вѣ
средняго достоинства. Къ такому заключенію насъ приводитъ самая кру
ная серебряная единица—гривна; вопросъ же объ этой единицѣ запут
нѣе чѣмъ о Кунѣ. Названіе „Гривна“, какъ и Куна, раздвояется:—это
шейное украшеніе и самая высокая единица цѣнности; въ обоихъ з
ченіяхъ Гривна бываетъ серебряная и золотая.

Усматривая тѣсную связь между Куною и Гривною какъ въ на
ніяхъ, такъ и въ достоинствѣ ихъ, равно и взаимную зависимость, начн
наши объясненія съ Гривны.

О Гривнѣ, какъ о высшей единицѣ цѣнности, и о происхожденіи им
ея писано много, но объяснители и изслѣдователи не договорились до
гласованія мнѣній и не добрались до основаній—ни ея вѣса, ни ея п
ванія, такъ что вопросъ остается открытымъ. Поэтому, всякое новое освѣщ
въ области произведенныхъ уже изысканій не повредитъ дѣлу; если
не даетъ наукѣ прибыли, не сдѣлаетъ и убытка. Мы пытались принят
точку отправленія въ своихъ изысканіяхъ о Гривнѣ Новгородской Колом
кую находку и намѣчаемые ею пути къ поискамъ за бытовыми истин
о первонасельникахъ Ильменско-Волховского побережья и земель Вел
Новгородскаго державства и ихъ потомства. Древнѣйшимъ и главнѣйш
изъ путей намъ представляются широкія дороги глубочайшей древн
Ильменско-Волховской водной области во всѣ стороны отъ Коломцовъ,
родища и Новгорода; онѣ ведутъ въ Азію—Волгою и къ окраинамъ Евр
гдѣ моря: Студеное, Балтійское, Черное и Каспійское. Въ поискахъ
Гривною мы шли Волгою;—посредствомъ Мсты и ея притоковъ—на
логу и Шексну, и посредствомъ Ловати—Полы на озеро Селигеръ и
ховье Волги, къ Стерженецкому кресту, поставленному 14 Іюля 1133 г
Новородцемъ Иваномъ Павловичемъ, когда онъ приступилъ къ прорытію
углубленію начала Волги, чтобы плавать отсюда внизъ, минуя рѣку Твер
протекавшую по землямъ, отошедшимъ уже отъ Ильменской страны и
дившимъ въ предѣлы Тверскаго княжества, державцы котораго, вздоря съ
городцами, не пропускали къ нимъ низовыхъ грузовъ по Тверцѣ (А.
Жизневскій, Тверской Музей, 13 Іюня 1892 г., стр. 12—13). На
Волжской дорогѣ, болѣе, чѣмъ на какой либо изъ прочихъ, встрѣчаю
самые разнообразные бытовые остатки ископаемые и наземные, а въ чи
первыхъ—серебряныя единицы цѣнности Средней Азіи, извѣстныя п
названіемъ куфическихъ (по городу, въ которомъ начали ихъ чеканить

дѣляемыя общимъ именемъ, установившимся какъ для нихъ, такъ и для
ескихъ единицъ,—„диргемъ". Чѣмъ ближе къ Булгару Камскому, ле-
шему близъ впаденія Камы въ Волгу, тѣмъ чаще и чаще попадаются
тскія единицы не только въ одиночку, но даже клады даргемовъ, цѣль-
ъ и въ обломкахъ. Кромѣ этихъ Среднеазіятскихъ уроженцевъ, тамъ
и въ области рѣки Камы найдено много и другихъ, золотыхъ и сере-
ныхъ предметовъ искусства Скиѳовъ и Арабовъ Средней и полуденно-
дной Азіи, считаемыхъ потомками Куша. Всѣ подобныя находки гово-
ъ объ оживленныхъ сношеніяхъ Ильменцевъ съ Булгаромъ и Азіею,
верждая возникновеніе взаимнаго знакомства и добрыхъ отношеній на-
въ стараго свѣта въ тѣ еще вѣка, на которые указываютъ находки
омецкія.

Независимо отъ ископаемыхъ бытовыхъ остатковъ, въ книгохранили-
хъ Россіи и другихъ государствъ Европы имѣется много и наземныхъ,
которымъ мы относимъ записи Азіятско-Арабскихъ писателей—путеше-
енниковъ IX—X вѣка, о славянахъ и Руси, торговавшихъ съ Азіею—то
зъ Булгаръ-Камскій, то и непосредственно. Для нашего предмета чрезвы-
ную важность имѣютъ „Извѣстія о Хазарахъ, Буртасахъ, Болгарахъ,
ьярахъ, Славянахъ и Руси—Абу-Али-Ахмеда-Бенъ-Омаръ, Ибнъ-Даста",
еведенныя на русскій языкъ и изданныя профессоромъ Д. А. Хвальсо-
ъ (С.-Петербургъ, 1869 г.). Здѣсь въ статьѣ о Болгарахъ, жившихъ во
ия путешествія Ибнъ-Даста, въ началѣ X вѣка, на Волгѣ, говорится
орговлѣ ихъ съ сосѣдями, съ Хазарами и Русью, сидѣвшею по бере-
ъ той же Волги. Туда ходилъ Св. Владиміръ Святославовичъ съ Новго-
цами и съ Добрынею, уемъ своимъ, въ 985 году. Отмѣтка объ этомъ
одѣ, внесенная въ Лаврентьевскую лѣтопись, принадлежитъ, судя по
у, одному изъ Новгородскихъ дружинниковъ очевидцевъ, записавшему
опытные слова Добрыни и Болгаръ: „Рѣче Добрыни Володимеру: съгля-
ъ колодникъ (плѣнникъ) оже суть вси въ сапозѣхъ; симъ дани намъ не
ти, поидемъ искать лапотниковъ; и створи миръ Володимеръ съ Болгары,
отѣ заходиша межю собѣ и рѣша Болгаре: толъ небудетъ межю нами
а, коли камень начнетъ плавати, а хмель почнетъ тонути" (Лѣтопись
рен. Свѣтопеч. изданіе, годъ 6493, стр. 53). Главное богатство Бол-
ъ, говоритъ Ибнъ-Даста, составляетъ куній мѣхъ; Русь привозитъ
нимъ товары свои, какъ-то: мѣха собольи, горностаевые, бѣличьи и
ие. Чеканеной монеты своей нѣтъ у нихъ (у Болгаръ). Звонкую монету
ѣняютъ имъ куньи мѣха. Каждый мѣхъ равняется въ цѣнѣ двумъ дир-
амъ съ половиною. Бѣлые, круглые диргемы, приходятъ къ нимъ изъ
анъ мусульманскихъ, путемъ мѣны за ихъ товары (Хвольсонъ, Извѣстія
ъ-Даста, стр. 22—25).

Для нашихъ цѣлей нуженъ вѣсъ диргема; онъ не устанавливается
лѣдователями, какъ сильно колеблющійся,—но цѣна диргема сравни-
ется съ Европейскими единицами. Англичане и Нѣмцы отожествляютъ
съ 72 сантимами французовъ. Профессоръ Хвальсонъ выводитъ по этой
ѣ стоимость куньей шкурки въ 1 франкъ 80 сантимовъ или 45 на-

шихъ копѣекъ. Аристовъ въ своей книгѣ „Промышленность древней Ру говоритъ, что куній мѣхъ цѣнился въ Россіи въ концѣ XV столѣтія 90 коп. сер. (стр. 302). Теперь кунья шкурка не высокаго досто стоитъ въ Старорусскомъ и Демьянскомъ уѣздахъ—до трехъ рублей нашемъ личномъ собраніи хранится нѣсколько „Бѣлыхъ круглыхъ“ мовъ и около 75 обломковъ. Должно быть и во время Ибнъ-Даста обыкновеніе ломать диргемы на куски—уже въ Болгарѣ, а не в Азіи, откуда они приходили круглыми; если онъ говоритъ о Бѣлыхъ читъ были и другого цвѣта, желтые—золотые и темные—мѣдные диргемы нашего собранія найдены въ Новгородѣ и недалеко отъ не Мстѣ и Волхову; два взяты на берегахъ Ловати, около Ильменя. Вѣс личенъ,—колеблется между 66 и 82 долями. Самый тяжелый— Перси чеканки Хозроя II,—т. е. VII вѣка.

Извѣстно, что въ Ильменской странѣ мѣховая единица для то и для оплаты государственныхъ сборовъ состояла изъ сорока одноро шкурокъ въ одной связкѣ, и называлась то „сорокомъ“, то „сороч Инородцы Сибири и полуночной окраины Россіи вели счетъ мѣховъ ками и сорочками еще въ прошедшемъ столѣтіи. Тотъ же счетъ уп лялся, во время путешествія Мякензи къ Мѣдной рѣкѣ, и между лѣ Индѣйцами Верхней Америки, въ половинѣ XVII вѣка. Отъ временъ и бенно далекихъ сравнительно съ путешествіемъ Ибнъ-Даста, мы и несомнѣнное письменное свидѣтельство, грамоту Новгородскаго князя слава Ольговича, или Уставъ его, изданный около 1137 г., о счет ховъ сороками и сорочками въ Онежскихъ и болѣе близкихъ къ Нов волостяхъ (Рус. Дост. I, стр. 82—85). Тѣми же сороками торговала поволжская, путешественника Ибнъ-Даста, сидѣвшая въ области ве теченія Волги, и въ Булгарѣ. Если одна кунья шкурка стоила 2½ гема, то цѣна сорочка будетъ сто диргемовъ; вѣсъ же ста будетъ шему наибольшему—85 золотниковъ. Въ хранилищахъ правительстве и ученыхъ обществъ много серебряныхъ слитковъ-брусковъ, принима за гривны и полугривны, или рубли,—найденныхъ въ землѣ Новгоро Въ нашемъ собраніи шесть слитковъ гривенныхъ и два полугривенны они происходятъ изъ упомянутаго клада 1821 года. Наибольшій вѣсъ вообще найденныхъ Новгородскихъ гривенныхъ слитковъ около 45, а гривенныхъ около 23 золотниковъ. Слитковъ-же въ 85 золотниковъ еще не нашли. Изъ лѣтописныхъ отмѣтокъ легко усмотрѣть р ные виды Новгородской гривны, а памятники законодательные уста ваютъ ихъ четыре: старую и новую,—ветхихъ Кунъ и новыхъ (Русская Правда. Договоръ князя Новгородскаго—Ярослава съ Нѣ 1189—1199 г. въ Русско-Ливонскихъ Актахъ, А. А. Куника и др.) слитковъ колебался, смотря по колебаніямъ цѣнъ золота и серебра могъ быть не одинаковымъ и въ древнѣйшія времена по той же пр По этимъ даннымъ вѣсъ Новгородской гривны ведетъ свое начало отъ куньихъ шкурокъ въ Булгарѣ и вообще въ Азіи. Оттуда же вышло ся, созвучное Диргему и татарскому слову „джиргэмъ“, означающе сять. Въ польскомъ говорѣ до сихъ поръ слышится еще въ нашей

ю шипящій звукъ, она называется тамъ грживна. Между инородцами
нскими, Симбирскими, Нижегородскими и другими, каковы: мордва,
ши, черемиса и пр., а также и между татарами, киргизами и башки-
держится до нашихъ дней, среди дѣвушекъ и замужнихъ женщинъ—
ай украшаться ожерельемъ изъ чеканныхъ, золотыхъ и серебряныхъ,
ицъ цѣнности; занесенъ онъ изъ Азіи; первыя ожерелья составлялись,
сей вѣроятности, изъ диргемовъ, или джиргемовъ. Такимъ образомъ и
на—ожерелье имѣетъ того же родоначальника, который произвелъ на
яно-русской и отсюда и на всей славянской почвѣ имя для самой вы-
й единицы цѣнностей „гривна—грживна".

Куньи шкурки бываютъ различнаго качества—сообразно съ нимъ и
связокъ „сорочкамъ" не одинакова;—кромѣ куньихъ обращались въ
овлѣ съ Азіей и другія мѣха, собольи, хорьковые, бѣличьи, лисьи и
., все это мѣняло цѣну при переводѣ шкурныхъ единицъ на серебро—
диргемахъ и въ гривнахъ. Итакъ, куница создала гривну—первоначаль-
; соболь—другую гривну болѣе цѣнную, хорекъ—третью и т. д. У на-
въ Европы древнѣйшихъ временъ были въ употребленіи кусочки се-
а съ особыми на нихъ знаками; это положеніе, установленное еще на-
ъ ученымъ Кругомъ, къ настоящему времени является уже научною
ною. Куски эти соотвѣтствовали деньгамъ временъ послѣдующихъ. Въ
ей странѣ не могло не быть такихъ же кусочковъ; мы ихъ и нахо-
въ кладахъ вмѣстѣ съ цѣльными куфическими единицами цѣнности.

$2^1/_2$ диргема выражали цѣну куницы въ Булгарѣ, въ нашей
нѣ она должна быть меньшей стоимости;—торговецъ высчитывалъ изъ
ажной цѣны свои путевые расходы и проч.; на мѣстѣ закупки шку-
, въ Ильменской странѣ, ему приходилось ломать „бѣлые круглые дир-
" на куски, сообразуясь съ назначенною цѣною, въ зависимости стои-
и круглаго диргема. Въ упомянутомъ Ситецкомъ кладѣ куски дирге-
были различны,—вѣсъ ихъ начинается съ $1^1/_2$ доли и доходитъ до
на каждомъ кусочкѣ видны слѣды легенды (какъ называютъ надпись
онетахъ), удостовѣряющіе принадлежность именно серебру диргема.
цѣльномъ диргемѣ этого клада сохранились крестообразно проведенныя
средину довольно грубокія черты; это знаки, по которымъ ломали
ный диргемъ на крупныя части. Всѣ кусочки Ситецкаго клада, посту-
іе въ наше собраніе, внимательно взвѣшены; оказалось, что начиная
$^1/_2$ доли вѣсъ кусковъ увеличивается ровно на полдоли. Такимъ обра-
въ Новгородѣ и его окрестностяхъ имѣлись въ обращеніи кусочки
бра въ разновѣсѣ до полудоли, Всѣ они служили первоначально для
ой расплаты за куньи шкурки и получили нарицательное имя „Куны".
на Кунъ, поэтому, составляла вѣсъ серебра, соотвѣтствующій сорочку
ихъ шкурокъ. На такое именно соотвѣтствіе указываетъ упомянутая
ота Новгородскаго князя Святослава Ольговича; въ мѣстностяхъ, гдѣ
ли во всеобщемъ употребленіи крупныя серебряныя единицы, сборъ
водился сорочками, такъ: „въ Онегѣ на Толдутовѣ погостѣ два со-
, у Пуите сорочекъ, у Чюдина полъсорочька" и проч.;—въ Обонѣзь-

скомъ ряду,—гдѣ были серебряныя единицы, сборъ исчисляется на гривн „на Свѣри—гривна, устье Паши—гривна, у Пахитки на Паши—полгривн на Кукуевѣ-горѣ—гривна“ и проч.

Въ числѣ Новгородскихъ древностей есть предметъ, дающій безспор доказательство точнаго вѣса одной изъ четырехъ видовъ нашихъ мѣстны гривенъ-кунъ первой четверти XII вѣка. Здѣсь мы остановимся на эт только гривнѣ, откладывая изложеніе о другихъ, каковы: гривна серебр гривна сближаемая съ Византійскимъ литромъ договоровъ Олега и Игор и проч., до нашей работы собственно о цѣнностяхъ. Въ упомянутой жал ванной грамотѣ Юрьеву монастырю князя Мстислава Владиміровича ест приписка сына его Всеволода: „А се я, Всеволодъ далъ іесмь блюдо с ребрьно въ тридцать гривенъ серебра святому же Георгіева; велѣлъ іес бити въ ніе на обѣдѣ коли игуменъ обѣдаіетъ“ (Ист. Росс. Іер. Ч. V стр. 773). Въ настоящее время въ сокровищницѣ Юрьева монастыря хр нится серебряное блюдо, съ чеканнымъ изображеніемъ, похожимъ на Геор Побѣдоносца и царевну Виритскую,—называемое Всеволодовымъ. Теп показываютъ одну только верхнюю, большую половину его; а лѣтъ 25 н задъ, при архимандритѣ о. Іоакимѣ Покровскомъ, оно состояло изъ дву частей, верхней, той же, что и нынѣшняя, и нижней, меньшей, въ ви поддона. На вопросъ, обращенный нами при обозрѣніи Юрьевской сок вищницы въ 1889 году выѣзжавшимъ въ Новгородъ Археологически институтомъ, къ отцу архимандриту о поддонѣ, мы получили объяснен что онъ принялъ это блюдо въ такомъ видѣ, какъ оно есть и о подд ничего не знаетъ. Но на днѣ блюда, съ тыльной стороны, оказался вин и гаечка, прикрѣплявшіе поддонъ. Вѣсъ Всеволодова блюда, какимъ было въ концѣ XVIII столѣтія, когда въ Новгородѣ работалъ Евгеній, вс слѣдствіи Митрополитъ, 2 ф. 60 золотниковъ. При разномысліи о вѣсѣ н шей гривны, зародившемся съ прошлаго столѣтія, блюдо это объявили п мѣненнымъ, или подложнымъ, такъ какъ большую Новгородскую грив считали въ фунтъ и даже въ 112 золотниковъ, а меньшую въ полови этого вѣса (Казанскій; Журн. Министерства Нар. Просв. 1885 г., стр. 15 По такому вѣсу гривны, Всеволодово блюдо должно было тянуть или 3 или 17½ фунтовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нашли, что по чеканкѣ оно отн сится къ XVI вѣку, и что изображены на немъ не Св. Георгій и царев Виритская, а Персей и Андромеда (Святыни и древн. Велик. Новгор. гра М. Толстаго, Москва, 1862 г., стр. 171. Энцикл. Лексиконъ Плюшара, XV, стр. 150. Макарій, Описаніе Новгородскихъ церковныхъ древ. Ч. стр. 248).

Сопоставленіе гривенъ, упоминаемыхъ въ письменныхъ памятника начиная съ X вѣка, съ договоровъ Олега и Игоря съ греками, съ вѣсо единицъ Византійскихъ и Западно-Европейскихъ, а равно съ числомъ р мѣнныхъ единицъ, ходившихъ въ Ильменской странѣ и у сосѣдей инос цевъ,—убѣждаетъ въ обращеніи у насъ одновременно, для внутренняго внѣшняго торга, не меньше четырехъ видовъ разновѣсныхъ гривенъ-ку начиная съ стодиргемной. Вѣсъ диргемовъ не одинаковъ; средній выводъ

ти этихъ единицъ разновѣсныхъ, даетъ для стодиргемной гривны 68 72 доли. Половина этой вывѣситъ 34 зол. 36 долей—и будетъ вто- размѣнною гривною-кунъ;—четверть стодиргемной выразится въ 17 18 доляхъ,—для гривны третьей,—а для послѣдней, четвертой, полу- ся вѣсъ 8 золотниковъ 57 долей О размѣнныхъ единицахъ выразились ье согласныя мнѣнія нашихъ изслѣдователей знаковъ цѣнности и ется о вѣсѣ ихъ въ XV вѣкѣ несомнѣнное доказательство; хотя раз- ть количества вѣса во всѣхъ ихъ достаточно сложенъ;—приводить его сь мы не будемъ, а скажемъ только объ одной, о кунѣ. Изъ сопоста- нія раздѣла между разными должностными лицами денежнаго взысканія, ановленнаго 41 статьею кратчайшаго списка Русской Правды, по перво- альному ея чтенію, изложенному во II части продолженія Русской Вив- ики, а не по исправленному неудачно Татищевымъ, Болтинымъ, и при- ому, съ ихъ исправленія, Карамзинымъ,—выходитъ, что въ третьей внѣ, вѣсившей 17 золотниковъ 18 долей было сто кунъ точно такого вѣса каждая, какого 50 имѣла четвертая гривна въ 8 золотниковъ 57 ой. Вѣсъ куны этихъ гривенъ будетъ 16,5 долей. Во второй гривнѣ та- хъ кунъ будетъ 200, а въ третьей 400. Въ собственномъ нашемъ со- ніи, равно въ богатѣйшемъ графа И. И. Толстого, въ Эрмитажномъ и гихъ намъ извѣстныхъ,—размѣнныхъ Новгородскихъ единицъ этого вѣса ного, сравнительно съ другими, болѣе тяжелыми. По времени изданія ъ памятниковъ, изъ взаимнаго сапоставленія которыхъ мы выводимъ ъ гривенъ-кунъ и количество и вѣсъ размѣнныхъ единицъ, на которыя гривны дѣлятся, тѣ и другія т. е. гривны и куны—самыя древнія, потому льшое сравнительно количество ихъ, найденныхъ въ кладахъ, до настоящаго мени открытыхъ, понятно; при изданіи единицъ новыхъ, старыя пере- лись,—изданныя же за послѣдніе годы самобытія, тяжелые особенно людей состоятельныхъ, зарывались ими въ землю; ихъ-то мы и нахо- ъ;—по нимъ-то и производятся изслѣдованія, дающія выводы довольно нительные.

Примѣняя гривну въ 8 золотниковъ 57 долей къ Всеволодову блюду, учимъ для вѣса его въ 2 ф. 60 золотниковъ, составляющаго 30 гри- ъ серебра грамоты Всеволодова первой четверти XII вѣка, вѣсъ одной вны-кунъ въ 8 золотниковъ 40 долей, или меньше выведеннаго нами 17 долей. Если же допустить утрату серебра за время пользованія одомъ по назначенію жертвователя, при чисткѣ напримѣръ, и неточ- ть, весьма впрочемъ незначительную,—или того вѣсца, который прода- ъ князю блюдо, или того, кто его взвѣшивалъ и получилъ 2 ф. 60 отниковъ въ наше время,—разницу въ 5 зол. съ половиною на все одо можно не считать препятствіемъ къ заключенію, что это Всеволодово одо, по вѣсу, соотвѣтствуетъ пожалованному. Насколько оно противо- ить степени искусства XII вѣка, судить мы не беремся, предоставляя атокамъ; но не можемъ не замѣтить съ одной стороны, что за по- дній десятокъ лѣтъ сдѣлано сравнительно съ прежнимъ временемъ много ихъ открытій въ области художественнаго творчества глубокой древности

а съ другой, что эта область безконечно широка и весьма неравном
освѣщена научными изысканіями, не только по землямъ Россіи, но и ц
свѣта. Можно, поэтому, и не вѣрить въ непреложность мнѣній объ отра
въ нашемъ блюдѣ вкуса художника XVI, а не XII вѣка. Итакъ, вѣсъ
меньшей гривны-кунъ начала XII вѣка уясняется.

Привыкнувшій къ „бѣлымъ круглымъ диргемамъ“ съ знаками, имѣ
мися на нихъ и на обломкахъ, и служившимъ ручательствомъ въ д
качественности серебра, народъ Ильменскій успѣлъ, или могъ—усп
освоиться къ X—XII вѣку и съ вѣсомъ. Нельзя каждому имѣть при
вѣсы; что подъ силу людямъ состоятельнымъ, то невозможно для
мочныхъ, въ особенности для звѣролововъ-лѣсниковъ; нельзя также
стить поголовной добросовѣстности въ скупщикахъ мѣховъ и другихъ ес
венныхъ произведеній страны нашей и такого же довѣрія къ нимъ со
роны сельчанъ-продавцевъ; послѣдними были не одни только холопи
ярской Думы г. Ключевскаго“,—а и люди свободные; да и холопи ст
Ильменской не были, судя по Русской Правдѣ, безотвѣтными и безправ
рабами своихъ господъ; они состояли только слугами ихъ; сели господа пос
холопей на промыселъ для своей хозяйской торговли, въ собственныя з
холопямъ вовсе не нужны были никакія единицы цѣнности, ни крупны
мелкія—размѣнныя; а если тѣже холопи ходили по приказу господъ
какъ, напримѣръ, Отрокъ Гюряты Роговича, въ Югру, (Лаврен. лѣт.
6604, т. е. 1096) въ область Сибирской рѣки Оби, или въ Заонежь
землю Двинскую, въ Колу—и на другія окраины, гдѣ водились въ изо
соболя, дорогія куницы и проч., и гдѣ не было у господъ ихъ собс
ныхъ земель, единицы крупныя и размѣнныя были необходимы,—и
которыя-бы вполнѣ соотвѣтствовали достоинству серебра и не возбуж
бы своею сомнительностью недовѣрія и опасности поддѣлки въ продав
охотникахъ. А что къ первой половинѣ XII вѣка крупныя и мелкія
бряныя единицы обращались на окраинахъ земель Новгородскихъ, с
тельствуетъ грамота Святослава Ольговича: „Уставилъ есмь“, пи
князь, „Святой Софьи, Ать емлетъ Пискупъ за десятину отъ виръ и
дажъ сто гривенъ новыхъ кунъ, иже выдаваетъ Домажиричь изъ Онѣг
здѣсь разумѣются именно серебряныя гривны-кунъ, такъ какъ въ
нежьи и въ Двинской землѣ добывалось серебро и золото даже во вр
Петра Великаго,—а Норвежцы разрабатываютъ пріиски и теперь.

Привыкнувшему къ знакамъ, хотя-бы на кускахъ диргемовъ,—у
вѣряющимъ въ достоинствѣ серебра, и неимѣющему вѣсовъ народу, бо
Новгородцы неминуемо должны были представлять такое же удостов
и на кускахъ серебра не диргемнаго, чтобы облегчить для себя тор
и сношенія съ окраинами и вообще съ волостями; такимъ удостовѣре
не соотвѣтствовали разнообразные и невразумительные для народа
единицъ иноземныхъ и Руси княжеской. Когда промышленники об
платили государственные сборы, нужны были знаки однообразные; а т
служили только государственныя клейма и одинаковый размѣръ ед
одного наименованія и одной стоимости. Первою размѣнною единицею

а, серебряная пластинка съ знаками съ одной стороны или съ обѣихъ. слѣдствіи, но не позднѣе XI—XII вѣка, начали появляться особыя еди- ы дѣленія куны или диргема на части, соотвѣтствующія половинѣ, ти, четверти—и т. д. вѣса ихъ, подобно дѣленіямъ диргемовъ на ку- , найденные въ кладѣ на Ситенскомъ холмѣ. Въ собраніяхъ: Рейхеля, итажномъ, Академіи Наукъ, Шуберта, Русскаго Археологическаго Обще- а, Шодуара, Черткова, Чудновскаго, и графа Ив. Ив. Толстого, равно и нашемъ,—взятыхъ въ совокупности, имѣются Новгородскія размѣнныя ебряныя единицы такого же вѣса, какъ и въ диргемныхъ кускахъ Си- каго клада; клеймо на вѣсящихъ отъ 10 долей и до наибольшихъ— наковое въ общемъ; на мелкихъ же съ лицевой стороны почти всегда ица;—оборотная сторона занята надписью: „Великаго Новгорода" съ со- щеніями.

Перейдемъ теперь ко второй записи.

Подъ 1420 годомъ въ первой Новгородской лѣтописи отмѣчено: „На- ша Новогородци торговати денги сребряными, а артуги попродаша нѣм- мъ; и торговали ими девять лѣтъ" (годъ 6928, стр. 109). Эту отмѣтку мизматы приводятъ, какъ единственное и основное доказательство мнѣнія, о Новгородцы не имѣли до этого времени собственныхъ размѣнныхъ еди- цъ. Вторую часть отмѣтки мы уже знаемъ; первая же требуетъ объяс- ній и съ внѣшней ея стороны и съ внутренней. Съ внѣшней она пред- вляется сказывающею объ обстоятельствѣ совершенно заурядномъ, не авившемъ на современникѣ никакихъ слѣдовъ, сколько нибудь особеннаго чатлѣнія. Занося въ памятуху замѣтку, напримѣръ, о большомъ пожарѣ, льномъ ледоходѣ, о высокомъ подъемѣ вешней воды и о другихъ явле- хъ не заурядныхъ, а встрѣчающихся не часто, лѣтописецъ оттѣняетъ по- ныя замѣтки впечатлѣніями, ими производимыми. Съ какимъ равно- діемъ говорится въ лѣтописи о рожденіи Пѣгашки въ хозяйствѣ любоз- ельнаго грамотѣя, съ такими же и о началѣ торговать деньгами сре- ными; на нашъ взглядъ такая внѣшность отмѣтки говоритъ ясно, что о идетъ о явленіи обыкновенномъ, повторявшемся не разъ въ ближай- е къ лѣтописцу время. Если до 1420 г. нѣтъ подобныхъ извѣстій, такъ именно потому, что выпускъ въ обращеніе серебряныхъ, золотыхъ или дныхъ единицъ цѣнности, крупныхъ или мелкихъ, производился часто не оказывалъ на жизнь никакого вліянія.

Съ внутренней же стороны разсматриваемая отмѣтка имѣетъ вовсе не ъ смыслъ, какой придаютъ ей нумизматы; до сихъ поръ въ Новгородѣ ходили куны, вѣкши, рѣзани, долгѣи и другія мелкія размѣнныя еди- цы различныхъ размѣровъ и вѣса,—въ этомъ же 1420 году выпустили вую единицу, ни разу еще не издавшуюся въ Новгородѣ—„деньгу". Это вое нѣсколько явленіе могло побудить лѣтописца помѣстить коротенькую ись о немъ для памяти, на случай какихъ нибудь расчетовъ въ дохо- ъ и расходахъ въ будущемъ, особенно, если лѣтописецъ былъ церков- ключникъ, или казначей.

Выпускъ единицъ съ именемъ „деньга“ представляется въ начал
вѣка, если не безусловно необходимымъ,—во всякомъ случаѣ желател
и полезныхъ для Ильменской страны: княжеская Русь отбилась отъ
рина; производительность, промыслы и торговля—пробуждались. Послѣ
вѣкового оскудѣнія, въ разныхъ концахъ ея стали появляться рынки;
кое Новгородцамъ дѣло торговли поднимало свою голову; необходимо
дать Ильменцамъ сколько возможно болѣе средствъ тяготѣнія къ себ
выхъ рынковъ, новыхъ крупныхъ торговцевъ; однимъ изъ важныхъ сре
передовые люди признали выпускъ такихъ единицъ цѣнности, ко
давали-бы удобства одинаковыя для сношеній и съ княжескою Русью
иноземцами, привлекая къ Новгороду тѣхъ и другихъ. Для иноземцев
размѣнныхъ единицъ было безразлично, но не безразлично вѣсовое и
качественное значеніе; а для княжеской Руси дорого было и то и
послѣ татарщины, породившей мошенническіе обманы въ торговлѣ.
родцы выпустили собственныя „деньги“, превосходившія Русско-кня
и вѣсомъ и добротою серебра. Первыя единицы этого имени имѣли
18 долей серебра 86 пробы (Срав. таблицу и листъ пробы въ трудѣ
Толстого: Донетровская нумизматика, Выпускъ первый, Деньги Ве
Новгорода, стр. 62—64). Деньги княжеской Руси того времени б
легковѣснѣе и низкопробнѣе Новгородскихъ. Выпуская такія единицы
родцы давали себѣ очевидный убытокъ, но они разсчитывали восп
его съ большою лихвою привлеченіемъ тяготѣнія торговли на свою ст
Чтобы убытокъ не былъ особенно тягостнымъ, придумали способъ непо
ный: ливцамъ поручали дѣлать серебро двухъ видовъ, высокое и н
и ковать изъ перваго и второго одинаковыя по виду деньги; одни, вы
предназначались, вѣроятно, для торговли внѣшней, за предѣлами
страны,—а другія для внутренней. Но народъ, привыкшій издавна к
ницамъ высокаго серебра, скоро примѣтилъ обманъ; въ четвертой Нов
ской лѣтописи читаемъ подъ 1447 годомъ:—„Начаша людіе деньги х
сребряныя, даже и вси Новгородци другъ на друга смотря, (слѣдует
мѣтить выраженіе „даже и вси“, т. е. и тѣ, которые знали объ об
и бысть межи ими голка и мятежъ и нелюбовь; и Посадникъ и Ты
и весь Новгородъ уставиша пять денежниковъ и начаша переливат
рыя деньги, а новыя ковати въ туже мѣру на четыре почки (то ес
долей) таковыже, а отъ дѣла отъ гривны по полуденьгѣ (это пла
нежнику); и бысть крестьяномъ (христіанамъ) скорбь велика и убыт
городи и по волостемъ“. Въ дальнѣйшемъ изложеніи происшедшаго въ
городѣ смятенія любопытны и полезны для разсматриваемаго вопроса
дующія подробности: „Того же лѣта Новгородци охулиша сребро,
старыи и новыи, а сребро передѣлаша на деньги, а у денежников
маша посулы (взятки за подлогъ). Выведе Сокира Посадникъ ливца и
серебряного Ѳедора Жеребца на Вѣче; напоивъ его нача сочити (доп
вать, пытать), на кого еси лилъ рубли? онъ же оговори 18 челов
по его рѣчамъ иныхъ съмосту сметаша, а иныхъ домы разграбиша.
того же Ѳедора начаша безправдивии бояре научати говорить на м

ей, претяще ему смертью; онъ же протрезвився рече: на всѣхъ есмь ъ и на всю землю, и вѣсилъ съ своею братьею ливци. Тогда бѣ весь ъ въ сѣтованіи мнозѣ, а голодники, и ябедники, и посулники радова-я, только-бы на кого выговорилъ; и того самаго (Ѳедора Жеребца) рти предаша, а животъ его въ церкви раздѣлиша и разграбаша".

Всѣ приведенныя подробности доказываютъ близкое знакомство горо-ъ съ достоинствомъ серебряныхъ единицъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, посто-ный, если не ежедневный, выпускъ того, или другого количества ихъ въ щеніе. Не о тѣхъ, конечно, „деньгахъ" которыя изданы были первый ъ въ 1420 году, возникли споры, принявшіе видъ крупной усобицы, а о пускавшихся впослѣдствіи, такихъ же по внѣшности и вѣсу, но худ-хъ по качеству серебра. Объ усобицахъ изъ-за единицъ цѣнности до 47 г. лѣтопись не знаетъ, потому, конечно, что ихъ не бывало, и въ сѣ и въ серебрѣ прежняго времени, до изданія „денегъ", сомнѣній не возни-ло. Объяснить отсутствіе сомнительныхъ случаевъ и смятеній по поводу ниицъ цѣнности до 1447 г. обращеніемъ единицъ иноземныхъ, какъ тол-ютъ нумизматы, и рабскою зависимостью низшаго сословія отъ высшаго, возможно; наплывъ иноземнаго серебра, хоть бы въ 1410 году, скорѣе ъ-бы пищу недовольству низшаго сословія, если-бы оно не имѣло для его обихода несомнѣнныхъ размѣнныхъ единицъ своего мѣстнаго изданія; жестранное серебро—вещь темная и теперь для народа; онъ привыкъ ѣть на нынѣшнихъ деньгахъ такіе знаки, которыхъ нѣтъ на чужестран-хъ, и изъ двухъ, предложенныхъ на выборъ, единицъ, русскаго пятиал-ника и нѣмецкой марки, охотнѣе возметъ первый, хотя онъ и меньше оньше второй. Не будь же у насъ своихъ единицъ, а лишь одни ино-ныя разныхъ государствъ, какъ было по предположеніямъ нумизматовъ Новгородѣ до 1420 года, народъ былъ-бы въ постоянномъ смущеніи и чаи, подобные описанному подъ 1447 годомъ, повторялись-бы часто. хъ на доказательство нашего мнѣнія о причинахъ, вызвавшихъ изданіе згородцами новыхъ единицъ, „денегъ", для объединенія своихъ размѣн-хъ единицъ съ обще-русскими, мы ссылаемся на отмѣтку нашей лѣто-си подъ 1424 годомъ: „Того же лѣта въ Псковѣ деньги сковаша, и по-ша по всей руской зямли торговати денгами" (I Нов. лѣт. годъ 6932, . 110). На единицахъ Псковскихъ написано: „А се деньга Псковская" и „Деньга Псковская".

Длинный рядъ приведенныхъ данныхъ и соображеній въ конечномъ водѣ таковъ: Въ Новгородѣ обращались размѣнныя единицы цѣнности ебряныя съ вѣковъ отдаленныхъ, предшествовавшихъ лѣтописнымъ, сперва ргемныя, а затѣмъ и собственнаго изданія, съ знаками, удостовѣрявшими ихъ достоинствѣ по вѣсу и качеству серебра.

Для прочной устойчивости такого вывода приведемъ еще нѣсколько ныхъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ вопросу о Клеймяныхъ сѣняхъ.

На серебряныхъ брускахъ, называемыхъ гривнами, полугривнами, лями и, иногда здѣсь въ Новгородѣ, рубками,—на этихъ крупныхъ еди-ахъ цѣнности, встрѣчаются, на образцахъ перечисленныхъ нами, наи-

болѣе богатыхъ собраній, клейма: одно, два, три и болѣе. На бру
выше упомянутаго клада 1821 года, описанныхъ Ник. Назар. Муравь
въ книгѣ его о гривнахъ Новгородскихъ,—въ приложеніи;—на рису
рублей Новгородскихъ въ книгѣ Шуберта и другихъ, а также и на
образцахъ нашего собранія,—повторяются одни и тѣже клейма; на
цахъ же другихъ собраній, Эрмитажнаго, Академіи Наукъ, Императо
Русскаго Археологическаго Общества и Дмит. Иван. Прозоровскаго-
ются кромѣ встрѣчающихся на Новгородскихъ, или вѣрнѣе, на найде
въ Новгородѣ, и другія. Д. И. Прозоровскій знаетъ образцы Гамбур
крупныхъ единицъ съ такими же точно клеймами, какъ и на Но
скихъ (Извѣстія Импер. Рус. Арх. Общ. VI, стр. 190—201. Припис
стр. 199 на 266 стр. Тутъ и рисунки). Смыслъ появленія разли
клеймъ на одномъ и томъ же брускѣ вотъ какой: брусокъ, принес
въ Новгородъ изъ другого княжества, или изъ чужеземнаго госуда
удостовѣрялся въ достоинствѣ серебра наложеніемъ того же клейма,
выбивалось на единицахъ цѣнности Новгородскаго изданія Тоже по
лось и относительно Новгородскихъ брусковъ, если они попадали въ
земли. Замѣтимъ, что Д. И. Прозоровскій, много потрудившійся над
сканіями о единицахъ цѣнности, обращавшихся въ Россіи съ древнѣ
временъ, не только не отвергаетъ изданія Новгородцами собственныхъ
мѣныхъ единицъ съ этихъ древнѣйшихъ временъ, но допускаетъ возмо
чеканки у насъ же, въ Новгородѣ, сребренниковъ и златниковъ Вла
Святого и Ярослава Мудраго (Тамъ-же).

Если нельзя сомнѣваться, при указаніяхъ:—вещественныхъ па
ковъ,—брусковъ съ клеймами,—лѣтописныхъ и другихъ, упоминаемы
нашихъ объясненіяхъ, свидѣтельствъ, въ наложеніи клеймъ на ед
цѣнностей, обращавшихся въ Новгородѣ,—въ такомъ случаѣ въ послѣ
предѣльномъ участкѣ Устава Ярослава о мостахъ надобно видѣть сѣ
Климятины, а Клеймяныя.

Примѣчаніе. Въ 1834 году открытъ въ бумагахъ старыхъ дѣлъ (Сѣв. Пчел
года № 235) небольшой листокъ, озаглавленный такъ: „Память какъ торговали
Новгородцы". Листокъ этотъ писанъ въ 1449 году: „Пять лобцовъ-четверетца, а
лобцовъ двѣ четверетци,—ино то мортка; а ногата полторы мортки, три четверет
двѣ векши—лбецъ, а лбецовъ пять за четверетцу. Новая гривна три гривны, а ку
деньги, а ногата семь денегъ, а гривна серебра рубль". Д. И. Прозоровскій, пер
знакомилъ нумизматовъ съ этимъ любопытнымъ памятникомъ; онъ сдѣлалъ соотвѣтс
вычисленія и опредѣлилъ взаимное отношеніе единицъ между собою и къ гривнѣ
ровскій Д. И. Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII столѣтія, С.-Петербургъ 1
стр. 174). Въ нашей книгѣ „Бытовые Остатки Ильменцевъ каменнаго вѣка, пр
подробныя объясненія о единицахъ цѣнности, называемыхъ въ „Памети 1494 г." (стр.
слѣд.); возникновеніе названій ихъ мы относимъ къ каменному вѣку и объясняемъ с
ствіемъ каждаго вида шкурѣ, употреблявшейся на одежду.

Мѣсто Клеймяныхъ сѣней опредѣляется значеніемъ ихъ и вѣдомс
которому принадлежало храненіе государственныхъ сокровищъ, собир
расходованіе цѣнностей, какъ доходовъ государственныхъ.

Если Степенный Тысячскій былъ главнымъ начальникомъ народныхъ ковъ и государственнымъ казначеемъ, Клеймяныя сѣни принадлежали вѣдомству. Для государства безусловно необходимо, чтобы единицы цѣнности, крупныя и размѣнныя, вполнѣ соотвѣтствовали такому качеству серебра и золота, какое установлено для нихъ подлежащею властью и одобрено народнымъ собраніемъ—Великовѣчьемъ. Нарушеніе этого порядка и вало ту усобицу, о которой современникъ занесъ въ свою памятуху робную запись подъ 1447 годомъ. Наблюденіе за единицами цѣнности надлежало, поэтому, лицу, облеченному народнымъ довѣріемъ въ высокій ть, каковымъ былъ Степенный Тысячскій. Печать этого сановника, или дъ имъ избранныхъ, на единицахъ цѣнности, служила ручательствомъ ъ достоинства; ливцы, вѣсцы и вообще лица приставленныя Тысячскимъ изготовленію единицъ, тогда только могли быть надежны, если за ними ѣдилъ зоркій глазъ начальника. Поэтому Клеймяныя сѣни не могли пощаться вдали отъ дворца Тысячскаго, не могли оставаться и безъ охраны ъ своенравной толпы, возмущаемой людьми злонамѣренными и незнавшей ержу своеволію. Мы высказали предположеніе о постоянной стражѣ при рцѣ Тысячскаго, по поводу усобицы изъ-за князя Патрикея Наримонтова, и намѣтили домъ, въ которомъ она помѣщалась. Въ этомъ же, или третьемъ большомъ-каменномъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Никитинской церкви, на полдень отъ нея по Знаменскому изображенію и названъ выше,—мы и отводимъ помѣщеніе для Клеймяныхъ сѣней.

Участокъ Софьянъ Устава о мостахъ, направляясь отъ Никольскихъ тъ, или отъ нашего Въѣзда, внѣшняго вала къ двору Тысячскаго, переъ укрѣпленіе внутреннее, гдѣ въ XV вѣкѣ была Щитная улица; участъ Тысячскаго тянулся къ Вощникамъ, Посадника къ Великому ряду. равленіе участковъ князя, Нѣмцевъ и Готландцевъ мы ведемъ къ бе- Волхова, гдѣ церкви Арсеньевская и Михайловская, и берегомъ вверхъ рѣкѣ;—это государственная дорога около внутренняго укрѣпленія съ уночно-западной стороны; послѣдующіе участки шли вдоль укрѣпленія говаго съ внутренней стороны—и, выйдя изъ него, пролегали съ тивоположной, полуденно восточной стороны внутренняго же укрѣпленія, полночь, примѣрно между церквами Варяжскою и Ильинскою, гдѣ въ XV вѣ шла вышеуказанная Щитная улица, и вдоль ея,—къ тому мѣсту, на ромъ стоялъ третій изъ каменныхъ домовъ окрестностей Никитской ркви, и къ этой послѣдней; тутъ у Клеймяныхъ сѣней близъ дворца сячскаго и кончался участокъ Витковлянъ. Такимъ образомъ указаніе ста Клеймяныхъ сѣней близъ дворца Тысячскаго находитъ подтвержденіе направленіи мостовыхъ участковъ Славенской стороны, вполнѣ соотвѣтствующемъ таковому же стороны Неревской: какъ тамъ Осменники вошли ѣшнимъ валомъ въ городъ, затѣмъ чрезъ „городняя ворота“ повели свой стокъ между малымъ валомъ и Дѣтинцемъ къ берегу Волхова, а прочіе льщики—отсюда вокругъ Дѣтинца до тѣхъ же воротъ малаго вала, дыка же сквозь эти и Дѣтинцевскія ворота съ изгоями чрезъ площадь Дѣтинца къ Великому мосту,—такъ и здѣсь Софьяне вошли въ го-

родъ Въѣздомъ и прошли къ дворцу Тысячскаго чрезъ ворота внутрен
укрѣпленія, а слѣдующіе мостильщики, проводя дорогу по обѣ стороны э
укрѣпленія и вдоль береговаго, вышли къ тому же дворцу Тысячскаг
Клеймяныхъ сѣней. Берегомъ Волхова, начиная отъ Вощниковъ, прим
гдѣ устье нынѣшняго Ѳедоровскаго ручья, и до Нѣмецкаго вымола (гран
участка князя) мощеніе возлагалось на торговцевъ Вощниковъ и Велик
ряда, что видно изъ Устава князя Всеволода, въ которомъ границею Б
вища названъ Кончанскій мостъ; подъ нимъ надобно понимать берегъ Ѳ
ровскаго ручья, около того мѣста, гдѣ выходитъ на него Дворцовая ул
съ котораго мощеніе лежало на обязанности Кончанъ, какъ и всѣхъ вн
реннихъ проѣздовъ внѣ границъ Ярославова Устава.

Другимъ подтвержденіемъ мѣста Клеймяныхъ сѣней является наим
ваніе древней Михалицы, ближайшей къ Никитинской церкви и къ дв
Тысячскаго, „Молотково", и „на Молоткахъ". Выдѣлка размѣнныхъ
ницъ производилась такимъ образомъ: кусокъ серебра опредѣленнаго
выбивали въ тонкій и длинный брусокъ, который волокли чрезъ круг
опредѣленнаго размѣра въ поперечникѣ, отверстіе въ желѣзной плит
получали тонкую круглую струну, называемую теперь проволокою; ее
рѣзали на частицы назначенной длины, затѣмъ клали каждую въ приб
въ видѣ створки, съ клеймами вверху и внизу; створку закрывали и
по внѣшней, верхней, сторонѣ ея молоткомъ; частица серебра плющилась
выходила изъ створки бляшкою съ клаймами съ обѣихъ сторонъ. При
работѣ раздавался постоянно стукъ молотковъ. На крупныя и иноземныя
ницы цѣнности, испытываемыя въ качествѣ серебра, на Клеймяныхъ
няхъ накладывались клейма менѣе сложнымъ способомъ; серебряный
сокъ клали на наковальню и выбивали клеймо ударомъ молотка. На к
меныхъ брускахъ легко усмотрѣть на сторонѣ, противоположной клей
приплюснутость.

Когда торговая дѣятельность Новгорода достигла наибольшаго разви
вызвавшаго особенную густоту населенія и тѣсноту внутри города, обр
вались для выдѣлки единицъ мелкихъ, собственно размѣнныхъ, осо
дворы за чертою города, и цѣлыя поселенія около нихъ, получившія въ
родномъ говорѣ названія, заимствованныя отъ работы обывателей выдѣ
вавшихъ „куны" и ковавшихъ размѣнную мелочь, изъ серебра и м
Таковы поселки: Куники, упомянутые въ лѣтописи по случаю пож
истребившаго въ 1545 году 80 дворовъ; Ковалево, гдѣ поставлена б
каменная церковь въ 1394 году, и Кунино, упомянутое по случаю о
женія особымъ сборомъ нѣкоторыхъ мѣстностей, ближайшихъ къ Новго
Послѣднія два поселенія, одно въ 3-хъ, а другое въ 5-ти верстахъ отъ
рода, существуютъ и теперь; Куниковъ нѣтъ и мѣсто забыто. Въ лѣто
этотъ поселокъ значится „Кузьмодемьянскомъ въ запольи". Мы видѣли
заполье около Неревской стороны, а около Славенской Козьмодемьян
настырь на полѣ, недалеко отъ нынѣшняго Молоткова. Если-бы Ку
лежали на Неревской сторонѣ, пожаръ, истребившій въ нихъ 80 дв
захватилъ-бы и сосѣднія церкви, однако-же лѣтописецъ не говоритъ, ч

-ла какая либо церковь. Поэтому мы отводимъ поселку „Куники“ мѣ- близъ Козьмодемьянскаго монастыря окрестностей Славенской стороны, анному правительствомъ для расширенія куннаго дѣла.

Къ какому времени относится возникновеніе каждаго изъ трехъ на- ныхъ нами поселковъ—неизвѣстно. Сооруженіе каменной церкви на алевѣ въ XIV вѣкѣ и существованіе тамъ монастыря, упомянутаго въ лѣ выжженныхъ самими Новгородцами въ 1386 году, даютъ право от- ить первоначальное заселеніе этой мѣстности къ долѣтописнымъ вѣкамъ, ъ какъ Ковалево расположено на одномъ изъ гряды холмовъ, начина- ейся Городищенскимъ и кончающейся Хутынскимъ. Мы видѣли подъ 24 г. выраженіе лѣтописца „сковаша денги“,—потому не будетъ безосно- ельно заключеніе, что Клеймяныя сѣни учреждены первоначально какъ бирная палата для удобствъ пріѣзжихъ торготыхъ гостей и жителей ода, чтобы не затруднять удостовѣреніе въ качествѣ серебра наложеніемъ аймъ; а выковываніе размѣнныхъ единицъ производилось въ особыхъ по- кахъ, за которыми учрежденъ и особый надзоръ, въ предупрежденіе йки рабочими и легкаго въ городѣ, при густотѣ населенія, сбыта се- ра и уменьшенія въ этихъ видахъ вѣса мелкихъ единицъ;—провѣрка дой изъ такихъ единицъ отдѣльно была-бы затруднительна до невоз- кности и обошлась-бы правительству дороже, чѣмъ надзоръ за ковалями стройство для нихъ отдѣльныхъ поселковъ. Тоже можно предположить Куникахъ и Кунинѣ, особенно о послѣднемъ, стоящемъ, какъ и Кова- о, на холмѣ и потому заселенномъ съ отдаленныхъ вѣковъ. Наблюденіе случайными раскопками и находками въ мѣстностяхъ этихъ трехъ по- ковъ можетъ дать любопытныя и полезныя указанія для послѣдующей тельности нашего Общества.

Гридницы.

Гридень упоминается въ начальной русской лѣтописи въ двухъ зна- ніяхъ; въ X—XI вѣкѣ Гридями княжеской Руси называли княжескихъ ченосцевъ. Имя это произошло отъ Шведскаго слова Greed,—мечь, и за- сено въ Русь наемными чужеземными дружинниками изъ страны Иль- нской, гдѣ Гридины были раньше лѣтописныхъ вѣковъ Ильменскихъ идиновъ или Гридней не слѣдуетъ смѣшивать ни съ княжескими мече- сцами, ни съ отборною княжескою дружиною отчаянныхъ сорванцовъ- ловорѣзовъ, которые назывались въ XII вѣкѣ то Гридями, то Мечниками: ъ древнѣйшемъ спискѣ Русской Правды, относимомъ, какъ сказано уже, долѣтописнымъ временамъ, перечислены сословія, за убійство членовъ торыхъ положена или кровная месть, смерть за смерть, или тягчайшая ая, если не найдется мстителя; Гридины названы отдѣльно, между ру- ами и купчинами, составлявшими у насъ въ Ильменской землѣ высшее ловіе; а Мечники отдѣльно же, предъ изгоями, за которыми на послѣд-

немъ уже мѣстѣ поставленъ „Словенинъ". Перечислены-ли въ этомъ мятникѣ сословія въ порядкѣ значенія ихъ въ старинѣ съ высшаго нисшаго, или какъ попало,—во всякомъ случаѣ Гридинъ и Мечникъ дн ности—сословія различныя. Долговѣчны-ли были въ нашей странѣ эти сословія служилыхъ людей мы не находимъ указаній въ мѣстныхъ источн кахъ; но объ одномъ, о Гридинахъ, встрѣчаются лѣтописныя замѣтки.

Въ княжеской Руси Гридины и Мечники сливаются уже въ XII в съ отроками, или рабами, и составляютъ дворовыхъ людей, домовую чел князя; изъ нихъ образовалось позднѣе сословіе дворянъ (В. И. Сергѣевичъ, В и князь, стр. 353--356). Въ Ильменской же странѣ Гридины имѣли дру общественное положеніе,—они составляли въ томъ же XII вѣкѣ почет сословіе служилыхъ людей; въ 1195 г. „На зиму позва Всеволодъ Но родьцѣ на Чьрниговъ, на Ярослава и на все Ольгово племя, и Новгород не отпьрѣшася ему, идоша съ княземъ Ярославомъ огнищане, и гриды и купци" (Новг. I лѣт. годъ 6703, стр. 22—23). Сорокъ лѣтъ спу въ 1234 году: „Изгониша Литва Русу оли до търгу, и сташа Рушан засада, огнищане и гридба, и кто купецъ и гости, и выгнашая изъ сада, опять бьющеся на полѣ, и ту убиша нѣколико Литвы". (Тамъ годъ 6742, стр. 49), здѣсь оба раза Гридьба участвуетъ въ дѣлѣ вмѣ съ огнищанами и купцами, а въ Русѣ, сверхъ того, и съ гостями. первомъ случаѣ можно-бы принять Гридьбу за тоже, чѣмъ она была Руси княжеской,—такъ какъ она шла на Черниговъ съ княземъ; но В володъ призвалъ на помощь себѣ не княжескую дружину, а полки Но родскіе, земскую рать,—слѣдовательно огнищане, Гридьба и купцы—ж ское ополченіе; во второмъ случаѣ, въ Русѣ, княжескія дружины вовсе участвовали; здѣсь Рушане представляютъ, по нашему пониманію лѣ писной отмѣтки, земскую рать, а свободные люди—особую, въ помо рати, засаду, составившуюся изъ добровольцевъ, въ числѣ которыхъ яв ются тѣже огнищане, Гридьба и купцы, да еще и гости,—случайн временно-заѣзжіе обыватели города. Купцы и гости—безспорно-свобод люди; огнищанъ также считаютъ свободными;—сомнѣнія ученыхъ рас дятся только въ опредѣленіи сословныхъ правъ ихъ; ничто не мѣша признавать огнищанъ за служилыхъ людей, состоявшихъ на кормл государства, призванныхъ по этому положенію своему къ отбыванію мос вой повинности по Ярославову Уставу. Татищевъ въ объясненіяхъ къ Р ской Правдѣ высказалъ, что это современные ему (второй половинѣ пр лаго столѣтія) огневщики, ходившіе по городу ночью съ огнемъ сторо Взглядъ этотъ мы поддерживаемъ относительно первоначальнаго положе огнищанъ; впослѣдствіи же они были чинами, вѣдавшими внутреннее бл чиніе, какъ въ самомъ Новгородѣ, такъ и въ волостяхъ пятанъ. обѣихъ приведенныхъ отмѣткахъ лѣтописи огнищане и Гридьба поставл рядомъ, а за ними—купцы и гости,—это даетъ поводъ считать тѣх другихъ за должностныхъ лицъ, вѣдавшихъ устройство народныхъ полк или вообще начальствующихъ лицъ; огнищанъ, напримѣръ, какъ имѣвш у себя въ подчиненіи внутреннюю стражу.

Мы видѣли на Ярославовомъ дворѣ Башню и Гридницу (см. стр. 67); знаемъ о сооруженіи каменной Гридницы въ 1472 г., и предположили то ея внутри Ярославова двора, а назначеніе—служить помѣщеніемъ Вѣчеваго дѣлопроизводства и храненія правительственныхъ бумагъ. Къ вѣку въ Новгородскихъ письменныхъ памятникахъ не встрѣчается уже льба XII вѣка. Изъ этого заключаемъ, что Гридницы имѣли въ нашемъ дѣ, въ послѣдніе вѣка самобытія, значеніе приказныхъ избъ Московскихъ.

Мы видѣли также, что въ Новгородѣ были Гридницы питейныя или ины (тамъ-же, стр. 66). Въ 1470 году поставили въ Славковѣ Гриду новую среднюю. Гдѣ есть среднее сооруженіе, тамъ не можетъ не ь и двухъ крайнихъ;—на Славновѣ улицѣ,—положеніе которой опредѣся, приблизительно, мѣстностью нынѣ существующей церкви Дмитрія унскаго, насупротивъ гимназіи, а направленіе ея на полдень—упомянуть полузакрытымъ Славковымъ переулкомъ,—было, значитъ, три Гриды Какія это сооруженія? Недалеко отъ Славковой, къ полдню отъ нея, ала Рогатица, на которой мы ставимъ дворецъ Степеннаго Посадника. были-ли всѣ три Гридницы Посадничьими? При сложности и разнородности обязанностей главы исполнительной власти Новгородскаго Государства но на этотъ вопросъ отвѣтить утвердительно.

Но утвердительнымъ отвѣтомъ въ объясненномъ смыслѣ вопросъ непрыывается: въ Новгородѣ, какъ торговомъ, по преимуществу, посред- не только между Россіею и западомъ Европы, но и между Европою ією, развита была дѣловая,—внѣ семейная, жизнь, съ Обчинами и Гридами питейными. Отъ Славковой улицы недалеко и до Вощниковъ и до каго ряда. На Рогатицѣ, тоже въ сосѣдствѣ съ Славковою, существо-, должно быть издавна, „Большой Рогатицкой кружечный дворъ", сгоній въ пожаръ 1696 года (Дополн. къ Акт. Истор. Ч. XII, № 82). а именно онъ учрежденъ,—лѣтопись не говоритъ,—быть можетъ даже ѣ уничтоженія самобытія, уже при Московскихъ порядкахъ; зелено вино рѣпкіе меды хорошо извѣстны нашимъ предкамъ; былинные Василій лаевичъ и Садко-Богатый любили пировать и пили много. Посадникъ ира „споилъ" ливца и вѣсца Ѳедора Жеребца, чтобы выпытать его ну. Былъ въ Новгородѣ въ древности и пиво-медоваренный заводъ, если ваніе одного переулка, помѣщенное въ Уставѣ о мостахъ по списку енскаго „Бардиной улкой" объяснять направленіемъ его въ ту сторону, получалась „барда"; а объясненіе это находитъ нѣкоторое подтвержденіе положеніи улки Бардиной, передѣланой впослѣдствіи въ улицу Бардову ордову.

Въ 1527 году жители Бордовы улицы, вмѣстѣ съ жителями улицы ной, строили церкви апостола Филиппа и Святого Николы (Пол. Собр. с. лѣтописей, Ч. VI, годъ 7035, стр. 283); положеніе второй нами нано выше;—а въ 1571 году загорѣлось на Торговой сторонѣ, въ полѣ, Бордовѣ улицѣ (Нов. II лѣт. годъ 7079, стр. 166); въ нарядной описи 3 года Бордова улица проводится по правую стороду Филипповской ви къ Нутной того времени. Названіе улицы Нутною произошло отъ

древне-русскаго слова „Нуто“, означающаго стадо рогатаго скота; уж
мянуто, что Таможеннымъ уставомъ 1571 года приказано продавать
у Ивана Святого на опокахъ, откуда недалеко мѣстность „Мясник
названною выше Богородицкою церковью и гдѣ, во дворѣ П. А. Малева, на
шой глубинѣ оказался слой навоза. Это мѣсто Устава читается
„Мясникомъ на озерѣ, и за городомъ, и на Бронницѣ, и на Холынѣ,
Кунинѣ у Нутниковъ коровъ не купати ни на которыхъ городахъ, а
Нутникамъ коровы на продажу къ Ивану Святому на Опоки“ (Чтеніе
по приложенію къ Судебнику Ивана IV, изданному Башиловымъ въ
году, стр. 4). Упоминаніе мѣстностей Бронницы, Холыни и Кунина
зываетъ направленіе пути, по которому гоняли скотъ въ Новгород
тивъ древней Нутной мы видѣли въ внѣшнемъ валу ворота, сущест
шія еще лѣтъ сорокъ назадъ;—полагаемъ, поэтому, что стада вступа
городъ именно этою дорогою. Положеніе древней Бардиной улки,
нѣйшей Бордовой улицы, по свидѣтельству лѣтописи о пожарѣ въ
году, приходилось, по объясненному выше значенію лѣтописнаго
между валомъ внутренняго укрѣпленія Славенской стороны, направле
тораго обозначается Щитною улицею, кончавшеюся у Ильинской це
начавшеюся по сю сторону Борисоглѣбской,—и валомъ внѣшнимъ
слѣдовательно, тянулась на пространствѣ „поля“ вдоль того и д
вала, начинаясь недалеко отъ Филипповской церкви и продолжаясь
Рогатицы, или до Славковой; на концѣ которой либо изъ этихъ ул
былъ, вѣроятно, Пиво-медоваренный заводъ, къ которому велъ прох
Нутной улицы, для пригнаннаго въ городъ скота, отощавшаго въ п
на барду, употребляемую и теперь на откармливаніи захудалаго скот
винныхъ и пивныхъ заводахъ. Вѣроятно, что вблизи Рогатицкаго к
наго двора былъ не пиво-медоваренной только, но и винный заводъ,
шій свои издѣлія на продажу въ этотъ дворъ. Гридница средняя. воз
ленная на сосѣдней съ кружечнымъ дворомъ Славковой улицѣ, могла
по всѣмъ приведеннымъ даннымъ, Обчиною, или Питейною Гридниц
отвѣтствующею нынѣшнимъ распивочнымъ. Карамзинъ, считаетъ Г
княжескими тѣлохранителями, а Гридницею ту комнату во дворцѣ,
собирались (см. выше; 476 Примѣчаніе къ I Ч. IX главѣ Исторія
Росс.). Въ этомъ же значеніи, или какъ помѣщеніе въ княжеск
кояхъ,—въ дворцовыхъ постройкахъ вообще, названа въ лѣтописи
родской Гридница князя Ярослава на Городищѣ: „Пріѣхавъ княз
Переяславля, изъима Пльсковици и посади я на Городищи въ Гри
(I Нов. лѣт. годъ 6740=1232; стр. 48). Съ княжеской Гридницы
наименованіе этимъ названіемъ горницы, для всякаго рода собраніі
вительственныхъ-ли для дѣловыхъ занятій, или—частныхъ, для бес
удовольствій.

Въ XVI вѣкѣ кружечный дворъ былъ въ вѣдѣніи правительств
и теперь торговля всякимъ виномъ; Питейныя Гридницы подчи
должно быть, правительственному надзору. Подъ 1571 годомъ имѣет
дующая отмѣтка въ лѣтописи: „Пріѣхали въ Новгородъ діяки опр

енъ Өедоровъ съ сыномъ Мишинъ, да Олексѣй Михайловъ старой, да овѣдали (запретили) перевозникамъ черезъ Волховъ людей перевозити, а ити по великому мосту велѣли, да заповѣдали винщикомъ не торговати, и сторожию уставили, на великомъ мосту рѣшотки; а поимаютъ винщика виномъ, или пріяного человѣка, и на (по объясненію издателей лѣтоси—и они) велятъ бити кнутомъ, да въ волу мечютъ съ великаго мо-" (II Нов. Лѣт. годъ 7079; стр. 166). Суровая эта мѣра вызвана ко-но не заботою объ уничтоженіи пьянства, а покупкою вина торговцами ідницъ питейныхъ не на царскомъ кружечномъ дворѣ, гдѣ оно продава-сь, должно быть, дорогою цѣною, а въ частныхъ складахъ.

Въ книжкѣ „Трое сутокъ въ Новгородѣ",—выписка изъ которой при-ена въ статьѣ о дворцѣ Степеннаго Посадника,—сказано, что непода-ку отъ церкви Св. Климента, на полдень, есть древнее каменное строеніе, которомъ говорятъ, что оно принадлежало также,—какъ и описанный ы, считаемый за собственность Марѳы Борецкой, ей же (стр. 52, вы-ска). Намъ не доводилось еще изслѣдовать окрестности Климентовской ркви посредствомъ обстоятельныхъ раскопокъ; толковъ обо всей мѣстно-и около Посадничьяго дворца много, но полагаться на нихъ опасно. На аменскомъ изображеніи не видно никакой каменной постройки на полдень ъ церкви Св. Климента; между нею и домами, принимаемыми нами за орецъ Посадника, вытянулся съ запада на востокъ рядъ небольшихъ ыкновенныхъ обывательскихъ домиковъ;—если Гридницы были неве-ки, ничѣмъ не отличались отъ прочихъ частныхъ домовъ, и не камен-я, ихъ могло помѣщаться нѣсколько поблизости и отъ церкви Св. Кли-ента, въ восточномъ концѣ указываемаго ряда домиковъ, и отъ Посад-чьяго дворца. А если Гридницы были обширны и каменныя, въ такомъ учаѣ ихъ можно видѣть на Знаменскомъ изображеніи въ пяти камен-ихъ однообразныхъ, узкихъ и длинныхъ, постройкахъ, стоящихъ недалеко ъ дворца Посадника, прямо на западъ, очень близко одна къ другой. Ѣсто ихъ придется на нынѣшней Московской улицѣ, въ поперечномъ къ ей направленіи, между домами А. В. Ильчина и И. И. Дорера съ одной стороны, и торговыми помѣщеніями съ противоположной, не занимая переѣзда ъ Рогатицкой на Буяновскую улицу.

Общій выводъ этой статьи вызываетъ заключеніе, любопытное во вся-ъ случаѣ: если Гридницы на Славковѣ были дѣловыя палаты, подобныя режденнымъ впослѣдствіи, въ XVI и XVII вѣкахъ, Московскимъ прика-мъ, Новгородъ служилъ для нихъ образцомъ, какъ упорядочившій издавна авительственное дѣлопроизводство, плодами котораго являются уцѣлѣвшіе нашего времени грамоты и договоры, удивляющіе изслѣдователей отече-ннаго прошлаго своею юридическою замысловатостью (Карамзинъ и Ду-скій, Рус. Достоп. Ч. II стр. 289). Если Гридницы были Питейныя,—чины, ведущія свое начало съ отдаленныхъ вѣковъ, онѣ свидѣтельству-ъ объ очень давнемъ развитіи въ Новгородѣ общественной жизни на ши-кихъ началахъ и устраняютъ необходимость искать въ основаніи древ-хъ здѣшнихъ учрежденій заимствованій,—они всѣ мѣстныя, самородныя, исключая даже и суда присяжныхъ, засѣдавшаго въ Одринной палатѣ.

Раздѣленіе началось тогда только, когда число обитателей увеличилось в столько, что жители поселка немогли уже знать всѣхъ своихъ сонасельковъ и нуждались въ обобщеніи окраинныхъ дворовъ отличительными при знаками. Въ кучныхъ поселеніяхъ настоящаго времени, быстро разрастающихся по обилію особо благопріятныхъ для какого либо выгоднаго промысла условій, тоже повторяется и теперь; если много дворовъ Ивановъ Петровъ, Матвѣевъ и проч., для отличія одного отъ прочихъ, говорятъ: Ивана въ берегу, у Ивана на кряжу, и Ивана подъ березой и проч. В послѣдствіи наименованія „въ берегу, на кряжу, подъ березой" становят участками поселка, его концами. Такъ было, вѣроятно, и на Славенско холмѣ.

Славно.

Общее для всего первоначальнаго поселка имя „Славно" прошло чр всѣ вѣка долгой жизни Новгорода въ говорѣ народномъ неизмѣнно; продолжаетъ свое бытіе и теперь: всѣ улицы и переулки въ частяхъ, п ближающихся къ наибольшей высотѣ холма близъ Ильинской церкви, н родъ зоветъ „Славно"; нынѣшняя Славная улица, составляющая пра проѣздъ отъ западной стороны праваго берега да Ѳедоровскаго ручья продолжающаяся въ томъ же направленіи до внѣшняго вала полночно в сточной стороны, приблизительно до древняго Въѣзда и болѣе поздн Никольскихъ воротъ, сохранила имя Славной между Ѳедоровскимъ ручье и нынѣшней Нутной улицей; отъ ручья на полночь къ востоку она н вана Молотковскою, а отъ Нутной къ берегу Волхова Мало-Никольск Между тѣмъ на этомъ послѣднемъ участкѣ она только и проходитъ первоначальному поселку на холмѣ, т. е. по Славно. Мы видѣли, что перекресткомъ Нутной и Мало-Никольской, по направленію къ теперешн Знаменской улицѣ, лежитъ, поперекъ улицы Славенской, желобина, соотв ствующая тому протоку, который огибалъ первоначальный поселокъ холмѣ; такъ что Славенскою улицей теперь называется часть проѣзда, входившаго въ площадь древнѣйшаго Славна. Въ устраненіе затрудне для будущихъ изслѣдователей Славна, Обществу нашаму слѣдовало-бы п сить городовое правительство объ уничтоженіи названія Мало-Никольск улицы и замѣнѣ его Славною.

Береговая часть холма, заливаемая весеннимъ подъемомъ Волхо оставалась незаселенною до тѣхъ поръ, пока не было тѣсно на возвыш ности. Вытянутый чашкою бура при устройствѣ Артезіанскаго колодца дворѣ Г. М. Смѣтанина комъ перегноя, плотно слежавшагося съ сизою песью, слѣдуетъ принять за вѣское доказательство бывшей тутъ берего низменности, поднятой посредствомъ засыпки ея перегнойною, жилою лею, съ щепою и углемъ, спущенною сюда съ мѣстности болѣе возвыш ной какимъ-либо вновь прибывшимъ насельникомъ Славна, для устройс жилья. Въ лѣтописи временъ самобытія ни разу не названа Славная ул

появляется сперва подъ именемъ Большой въ 1572 г. (II Новгор. лѣт. . 172); Славною помѣчена только въ нарядной описи, тамъ же, повиому, гдѣ была Большая.

Варяжскій участокъ.

Въ изслѣдованіяхъ по вопросу, надъ рѣшеніемъ котораго бьются и заные и наши ученые около двухъ столѣтій,—по вопросу о Варягахъ,— сказано въ одной книгѣ, оставшейся незамѣченною по заурядности ея сожанія, между прочимъ, предположеніе, что это были „ходебники-коробейки", торговавшіе разною мелочью бездомные бродяги; въ трудѣ же чтенномъ Варягами названы „воришки". Послѣднее мнѣніе высказалъ, въ дѣ догадки, Антропологъ, Московскій профессоръ А. П. Богдановъ, въ атьѣ: „Quelle est la race la plus ancienne de la Russie centrale?—въ книгѣ: ngrès international d'Archéologie préhistorique et d'Antropologie" (Москва, 92 г. второго перечисленія, стр. 22). Чтобы еще ближе Европейски-изстнаго профессора подойти къ истинѣ о Варягахъ мы, съ своей стороны овемъ ихъ „воряги",—то есть воры завзятые, постоянно занимающіеся мъ постыднымъ ремесломъ,—подобно тому, какъ людей, шатающихся по гу, называютъ „бродяги",—особенно склонныхъ къ обманамъ „плутяги" г. п. Относительно прозванія торговцевъ „варягами" замѣтимъ, что въ ьменской странѣ, кое-гдѣ, напримѣръ по Шелони и Ловати, держится въ одномъ говорѣ выраженіе „варяжничать", означающее запрашиванье высой цѣны при продажѣ;—рукавицы, вязанныя изъ домашней шерсти, съ имъ или съ пятью пальцами называются „варежки и воришки" въ рестностяхъ Новгорода, въ Ильменскомъ побережьи, по рѣкѣ Лугѣ и по мъ же Шелони и Ловати. Въ Безсудной Мстиславовой грамотѣ, или въ говорѣ Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою и Готскимъ регомъ, 1229 года,—встрѣчается такое условіе: „А како будетъ гость ьмѣчкыи в городѣ, дати имъ княгини поставъ частины (кусокъ тонкаго лотна), а Тивуну Волочкому рукавичь перстатый Готьскый" (Рус. стоп. II, стр. 260). Въ Румянцевскомъ спискѣ это мѣсто памятника чиется нѣсколько иначе: „како придутъ Латинскии гость у городъ с вока, дати имъ княгини поставъ чистины; Тиуну на Волоцѣ дати Рукацѣ, ажъ бы товаръ пьревьзлъ без дѣржания" (тамъ-же въ выноскѣ). ъ сравненія этого мѣста договора съ нашими „варежками" выходитъ, то перстатая рукавица не дѣлалась въ домашнемъ быту ни здѣсь ни въ оленской землѣ, а была привозною и, какъ таковая, могла составлять одинъ ъ предметовъ разноснаго торга „ходебщиковъ-коробейниковъ", отъ ція которыхъ варягами и получила свое имя, сохраняющееся въ ъ такихъ ходебниковъ, привыкшихъ торговать въ личную при съ обмана, конечно, сельчанъ, могло выработаться неуваженіе к ственности и готовность ради выгодъ на всякія личныя у ключая и грабительскихъ, подъ главенствомъ сильны

его имени, противъ Лубянки и на землѣ вѣдомства уличанъ этого уча
Площадь этого участка тянулась въ длину много болѣе, чѣмъ въ шир
она начиналась у внѣшняго вала, нѣсколько на полночь къ востоку
сохраняющейся до нашего времени Преображенской церкви, и кончала
Волховскомъ побережьи противъ Никольской часовни Дѣтинца, выгн
на этомъ протяженіи срединою длины своей на Московскую улицу,
мѣрно тамъ, гдѣ теперь выходитъ на нее Предтеченская улица, и зах
вая всю ее, съ путевымъ дворцомъ (Штабъ войскъ) и Губернаторс
домомъ. Въ площадь Лубянки входили съ полуденно-западной ст
концы нынѣшнихъ улицъ, выходящихъ на Знаменскую: Ильинской,
ной и Мало-Михайловской, часть Большой-Михайловской, приближаю
къ Московской, часть этой до половины разстоянія между Предтече
и Буяновскою и вся Предтеченская; также вся Знаменская; съ полу
восточной стороны въ эту площадь вдавались части улицъ, выходящи
туже Знаменскую и на Спасскую, составляющую продолженіе ея къ
нему валу: Лукинской, Славной и Мало-Михайловской,—послѣднихъ
начиная съ половины разстоянія между Знаменской и Рогатицкой
средне-лѣтописныя времена этотъ участокъ дѣлился на трети: Лукин
Егорьевскую и Иванскую. Послѣдняя вовсе неизвѣстна изслѣдовате
мы нашли ее въ сборникѣ купчихъ и закладныхъ крѣпостей на
принадлежащія гостю Семену Гаврилову и сыну его Ивану Семенову.
пленномъ по листамъ и свѣренномъ съ правительственными книгами
и XVIII вѣка, на листахъ 40—43. Въ этомъ же сборникѣ упомина
трети Егорьевская и Лукинская на Лубяницѣ и опредѣляется положеніе
около церквей Луки Евангелиста (см. выше) и Св. Георгія въ Торгу
церковь существуетъ. По протяженію площади Лубянки мы заключ
что она возникла тогда, когда эта площадь представляла окраину Сл
пустырь, или даже лежала сряду за отодвинутымъ сюда, послѣ зас
упомянутаго протока, окопомъ Славна, слѣдъ котораго мы видѣли на
менской улицѣ. Имя этого участка происходитъ отъ луба, лубка,—то
липовой коры, изъ которой и до сихъ поръ разнощики-коробейники
лываютъ, для большей легкости, короба подъ свои товары, которы
носятъ по деревнямъ. Изъ луба же дѣлаютъ кузова для собиранія яг
грибовъ. Кочевники тундръ Мезенской и Большеземельной дѣлаютъ изъ
березы свои чумы. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что въ далекія отъ
времена липовая кора, лубъ, употреблялась на устройство землянокъ
бы внутреннія стѣнки не осыпались, а также на крыши деревянных
мовъ и подобныхъ сооруженій. Во время возникновенія Лубянки Торгъ со
точенъ былъ близъ Славна, такъ какъ участокъ ея имени доходилъ
маго берега Волхова. Мѣстность Вощниковъ, Петрятина дворища и
вища приходится за Лубянкою, на полночь къ востоку отъ нея. Возм
что Католическая церковь Св. Петра, какъ и православная Древній С
первоначально, еще до заселенія Лубяницы, поставлены были обѣ за
скимъ окопомъ; тамъ же, близъ Св. Петра, заведено и Буевище—кла
католиковъ.

Въ позднія времена, съ XVI вѣка, на площади Лубянки находились: ая Лубянка—въ Лукинской трети,—Бояна улка (о ней говорено)—въ рьевской трети,—Кожевенники тутъ-же,—Ильина улица—на мѣстѣ ныпней Знаменской и—Дубошинъ проулокъ между этой Знаменской и Ма-Михайловской. Въ XVI вѣкѣ появилась въ площадяхъ: Славна, Нутна Лубянки загородская улица; она шла, какъ мы уже видѣли, вдоль внѣшо вала отъ Ѳедоровскаго ручья до Волхова, по ту сторону Ильинской кви, или за нею, на востокъ къ полдню.

Рогатъ, Рогатица, Рогатая.

По мѣрѣ расширенія Славна на полночь къ востоку населеніе росло и но. За Лубянкой, не успѣвшей еще окопаться валомъ и рвомъ, возникъ ый посѣлокъ прибылыхъ искателей выгодъ торговли, слухъ о которой носился ходебниками во всѣ стороны Ильменской страны и далеко за предѣлы. Иноземныхъ находниковъ появилось уже такъ много, что на венской береговой низменности, въ Варяжскомъ участкѣ и внизъ по хову, не было болѣе мѣста; иноземцы начали селиться на той же бере-й низинѣ около церкви Св. Петра и кладбища, а соплеменники Слав-ъ, этого славнаго,—прекраснаго по удобствамъ, имъ доставляемымъ, пока, тѣснились вдоль Лубянки. Хищничество было тогда не порокъ, а одечество по понятіямъ не только захолустныхъ насельниковъ лѣсовъ побережій, добывавшихъ себѣ скудное пропитаніе борьбою съ дикими рами, но и предводителей большихъ полчищъ, считавшихъ грабитель-о доблестью. Славляне, учредившіе общественную жизнь еще на Коломъ, успѣли уже въ гражданственности настолько, что выработали уваніе чужого добра и понятіе о неприкосновенности его, что и привлекало нимъ новыхъ и новыхъ насельниковъ. Но пока эти новоприбывающіе заслужили еще довѣрія туземцевъ, ихъ остерегались. Не успѣвшіе паться Лубянники и сѣвшіе на Буевищѣ иноземцы оградили свои ла-и и склады товаровъ рогатками и сторожевками, около которыхъ разво-и по ночамъ костры, для освѣщенія окрестностей и предупрежденія ничества. Эти рогатки и дали, какъ намъ представляется, названіе по-ку, возникавшему за Лубянкою, Рогата, или Рогатаго, а костры—имя рожамъ—огнищанъ, перешедшее въ теченіи послѣдующихъ вѣковъ,—до-писныхъ и перволѣтописныхъ, на чиновъ внутренняго благоустройства благочинія.

Въ лѣтописи не встрѣчается раньше XII вѣка имени разсматриваемаго етка Славна; только подъ 1183 годомъ онъ названъ, по поводу соору-ія церкви во имя Св. Ипатія, „Рогатой". Здѣсь мы ставимъ дворецъ ленного Посадника, первоначальное устройство котораго предшествовало ни основанія церкви, такъ какъ близъ нея мы видѣли часовню, съ ами находившихся въ ней блаженныхъ двухъ братьевъ, Посадниковъ

Алфановыхъ. Упразднена часовня, какъ и Ипатьевская церковь, въ нѣшнемъ столѣтіи; оба эти сооруженія показаны на Знаменскомъ из женіи. Эти два брата причисляются къ тѣмъ пяти, которые почива монастырѣ на Сокольей горѣ, а оттуда перенесены, какъ выше ск въ Антоніевъ монастырь. Скончавшимися они значатся въ рукоп житіи въ 1115 году. Еще въ 1815 г., во время изданія Исторіи Р ской Іерархіи, часовня, о которой мы говорили по преданію, существова она упомянута Владыкою Амвросіемъ какъ усыпальница двухъ блаже братьевъ (Истор Росс. Іер. Ч. VI, стр. 173, въ выноскѣ). Перенесе мощи на новое мѣсто при упраздненіи Ипатьевской церкви и часовн остались въ землѣ, подъ какимъ нибудь частнымъ домомъ, можетъ даже и подъ помойною ямою,—неизвѣстно. Слѣдовательно дворецъ С наго Посадника появился на Рогатѣ раньше 1115 года, если Посад Алфановы погребены были около него. Едва-ли можно сомнѣваться, XII вѣка дворцы высшихъ сановниковъ, тѣсные и старые, нахо ближе къ Славенскому холму, а сюда перенесены уже во времена писныя.

Нынѣшній Ѳедоровскій ручей назывался прежде просто Ручье I Новгородской лѣтописи подъ 1105 годомъ сказано: „погорѣша отъ Ручія мимо Славно до святого Иліѣ“ (стр. 3, годъ 6613);—подъ годомъ той же лѣтописи читаемъ: „Загорѣся церкы святого Михаи средь Търгу и много бысть зла; и погорѣ весь Търгъ и дворы до а сѣмо до Славна“ (стр. 11, годъ 6660); онъ и былъ рвомъ окоп кругъ всего Славна въ долѣтописныя вѣка и до перенесенія новой го на лѣвый берегъ Волхова; до него и разстилалась площадь Рогата, и гатицы. За ручьемъ, какъ показали наши раскопки, лежала низмен едва-ли даже не цѣлое озеро, или заливъ съ проточною водою. Под лымъ перегноемъ тамъ лежитъ непосредственно, или глина, сизая берега Волхова, прикрытая дальше отъ него красноватою кирпи или—на Михалицѣ-Молотковѣ, рѣчной мелкій, хорошо промытый п въ тѣхъ случаяхъ, когда мѣстность засѣлялась понемногу, верхніе дѣвственной почвы представляются сперва слабо-грязными, а затѣм оказываются чѣмъ ближе къ дневной поверхности, тѣмъ темнѣе и т и превращаются въ черный жилой слой съ соромъ и со всякими отбр Здѣсь переходныхъ тѣней нѣтъ; на дѣвственную почву прямо налег ный черный перегной; это явленіе и привело насъ къ изложенному заключенію, что имя конца за ручьемъ не слѣдуетъ производить от никовъ,—а отъ плотины; мы поэтому и называемъ его Плотенскимъ; пись же иногда даетъ ему имя Плотинскаго, еще ближе подходящ плотинѣ.

Когда мокрую низину за ручьемъ засыпали и когда тамъ во нѣсколько новыхъ поселковъ, понадобилось и особое отъ Славна, по ленности ихъ, наблюденіе за порядкомъ, уже прочно устоявшимся шей мѣстности. Поселкамъ за ручьемъ дали тѣже порядки, что и на С и присоединили къ нимъ часть площади Рогатинскаго участка С

какъ Славенскія и новыя поселенія составляли оконечности одного боль-
го, по всему правому берегу Волхова до рѣки Витки, заселеннаго про-
ранства, ихъ назвали концами его—одинъ Славенскимъ, а другой Плотин-
ымъ, или Плотенскимъ. Ручей-же, или прежній ровъ Рогатицкаго окопа,
засыпали, чтобы дать въ немъ мѣсто водѣ, заливавшей Плотенскую
зину до искусственнаго возвышенія ея.

Задержанное мокрою низиною распространеніе Славна за ручей выз-
ло тѣсноту на площади Рогатицы и нѣсколькихъ проѣздовъ и проулковъ
дворамъ и вообще къ усадьбамъ, особенно выдававшимся по своему
аченію и составлявшимъ отдѣльные поселки или участки Рогатицы. Лѣ-
пись называетъ Бояну улку, Коржову, Славкову и Иварову—улицы;
ли тамъ еще проѣзды и проходы.

Буяно.

О Боянѣ или Буянѣй улкѣ мы говорили;—она направлялась къ Торгу
вела, какъ проходъ, къ Дмитровской церкви, между Георгіевскою и Пред-
ченскою на опокахъ; на ней стояла церковь Образа Богоматери, назы-
маго Одигитрія, которой лѣтопись отводитъ мѣсто на Хутынскомъ под-
ьи, до сихъ поръ существующемъ. И. И. Красовъ не могъ найти мѣста
квей Дмитріевской и Одигитріи; потому и принимая вообще за улицы
ько проходы и проѣзды, а не участки концовъ, онъ ведетъ Буяну почти
ъ же, какъ идетъ нынѣшняя Буяновская, продолженіе Рогатицкой, т. е.
ъ Московской улицы на Волховской берегъ. Мы же даемъ этой улкѣ на-
авленіе по берегу Волхова, отъ Хутынскаго подворья вверхъ по теченію
съ отклоненіемъ на зимній востокъ, мимо Путеваго дворца, къ переулку
жду Предтеченскою церковью и Губернаторскимъ садомъ, чрезъ древнюю
бяницу; до этой улицы Буяна представляется поселкомъ съ значитель-
ымъ числомъ дворовъ,—а чрезъ Лубяницу только проходомъ къ Торгу
расовъ, Мѣстопол. Древн. Новгорода, стр. 115). Въ первой четверти XII
ка, во время изданія княземъ Всеволодомъ торговаго Устава, „Буевище—
етрятино дворище“ тянулось и за Хутынское подворье, до самаго ручья,—
ли Кончанскій мостъ,—послѣдняя мѣстность Буевища, предѣлъ его по
таву,—слѣдуетъ принимать въ нынѣшнемъ смыслѣ, т. е. какъ переходъ
ъ рѣку, а не какъ вообще мостовую. Послѣ Всеволода берегъ отъ Ху-
нскаго подворья до устья ручья застроился плотно концами всѣхъ трехъ
званныхъ улицъ, Ивоpовой, Славенской и Коржовой, выходившихъ на
регъ Волхова; по береговымъ концамъ ихъ пролегало продолженіе Буяной
лки, опять какъ прохода къ Кончанскому мосту чрезъ ручей. Такимъ
ъ эта улка начиналась отъ берега Ручья проѣздомъ, или прох
ъ участокъ Рогатицы, въ особыхъ поселкахъ ея съ проѣздомъ и
ъ, называемыхъ лѣтописью улицами Коржовою, и Иваровою,—
ставляла особый отъ этихъ поселокъ, разстилавшійся вдоль

кончавшійся у Лубянки, наконецъ пересѣкала Лубяницу въ Иванско трети, опять проходомъ же къ Торгу, мимо церквей Предтеченской и Д ріевской.

Коржово.

Коржовая улица была набережнымъ проѣздомъ вдоль Ручья до Во отъ нынѣ существующей церкви Дмитрія Селунскаго, вдоль полночн сточной стороны Славковой улицы; имя это дано проѣзду давно; онъ минается, въ смыслѣ улицы въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка,—зна въ купчей 1613 г. (Акты, относящіеся до юридич. быта Ч. II № и названъ въ третьей Новгородской лѣтописи по случаю пожаровъ 1709 и 1712 годами. Недавно, до устройства Лерховскаго бульвара, лѣвый берегъ Ѳедоровскаго ручья назывался Коржевою улицею; — Мит литъ Евгеній ведетъ ее отъ самаго вала къ Волхову (Разговоры, стр. съ нимъ согласенъ и Красовъ (стр. 117); но тотъ и другой указы положеніе этой улицы въ XVIII вѣкѣ; въ писцовыхъ книгахъ XVI Рождественскій монастырь называется расположеннымъ противъ Рога Тутъ разумѣется по всей вѣроятности Молотковскій во имя Рождества матери; если онъ, или и другой, на мѣстѣ котораго теперь Рождестве кладбище, или и оба приходились противъ Рогатицы, значитъ между и этою улицею не было промежуточной, заслонявшей монастыри отъ тицы;—а изъ этого слѣдуетъ, что ни Коржова, ни другая, о которо демъ говорить вслѣдъ за симъ, не доходили до внѣшняго вала, такъ Рогатица выходила полночно-восточною стороною своею прямо на б Ручья. Коржовая же набережная, или улица, не заходила за Дмитріев церковь, у которой и оканчивалась—если начинать ее отъ устья Руч

Славково.

Направленіе этого проѣзда указываетъ церковь Дмитрія Селунск принадлежащая ей колокольня. Къ полуденной стѣнѣ церкви сдѣлана стройка, обращенная теперь въ кладовую; въ нее входъ изъ самой це существовалъ нѣкогда и выходъ на сторонѣ, противоположной этому в въ настоящее время закладенный. Внутри, надъ входною дверью и н сточной стѣнѣ, сохранялись лѣтъ пять—шесть назадъ, фрески—одна рій Великомученикъ а другая намъ неизвѣстнаго Святого. По поло пристройки она служила притворомъ, такъ что входъ въ церковь бы полуденной стороны, а не съ западной, какъ обыкновенно. Колокольня итъ отдѣльно отъ церкви и удалена отъ нея саженъ на шесть. Це эта существовала до 1261 года, въ этомъ году сгорѣла, но скоро возстановлена; вѣроятно была деревянная; въ пожаръ 1326 года, в

шій Климентовскую церковь, ближайшую, Дмитріевская не горѣла; объ мъ пожарѣ сказано въ лѣтописи такъ: „Загорѣся на Бояни улкѣ и по-ѣ до половины Рогатицы, а Славкова улица отъ Дмитрія святого и до я, а церкы святого Климента огорѣ“ (I Нов. лѣт. годъ 6834, стр. 73). ъ этихъ данныхъ мы заключаемъ, что проѣздъ съ именемъ Славкова Славковой улицы шелъ мимо полуденной стѣны Дмитріевской церкви, ку нею и колокольнею и оканчивался у поля предъ внутреннимъ укрѣ-ніемъ. Митрополитъ Евгеній принимаетъ церковь Дмитрія за начало го проѣзда; а Красовъ доводитъ его до берега Волхова, основываясь на браженіи, что если-бы проѣздъ заключался въ предѣлахъ отъ Дмитріев-й церкви и до поля, подъ которымъ оба эти писатели разумѣютъ внѣш-валъ, тогда лѣтописецъ не сказалъ-бы отъ какого и до какого мѣста орѣла Славкова улица, а выразился-бы такъ—сгорѣла вся (стр. 16). Красовъ ведетъ Бояну улку отъ нынѣшней Рогатицкой прямо въ бе-, почти по нынѣшней Буяновской, мы же—вдоль берега; если пожаръ ался въ томъ мѣстѣ Бояни улки, гдѣ начинался въ XIII вѣкѣ Рогатъ, такомъ случаѣ пожаръ пошелъ по этому поселку и, распространившись Славково, не захватилъ Дмитріевской церкви, которая одна только и лѣла на всемъ Славковѣ. Для лѣтописца, вѣроятно церковника, это тоятельство имѣло особенную важность, на его взглядъ сгорѣло не все вково, главнѣйшая постройка, церковь—не сгорѣла. Поэтому мы при-диняемся къ опредѣленію Митрополита Евгенія, писавшаго „Разговоры“ ьше Красова на полстолѣтіе и ближе къ преданію о пространствѣ Слав-а проѣзда. Весьма вѣроятно, что онъ и направлялся къ Дмитріевской кви, главный входъ въ которую былъ съ этого проѣзда;—названная довая служила входнымъ притворомъ. Западная сторона Дмитровской кви выходила на Ивоpовъ проѣздъ.

Чтеніе указанія приведенной лѣтописной отмѣтки на распространеніе по-ра 1261 года до поля, даетъ право доводить Рогатъ до внѣшняго вала, это поле, или считать слова лѣтописца „до поля“ относящимися не къ авкову только, а вообще къ полю, лежавшему по сю сторону внутрен-го укрѣпленія на всемъ его протяженіи; если-бы Славково тянулось до ля, Рождественскіе монастыри, Молотковскій, и другой, гдѣ теперь адбище, пришлись-бы противъ Славкова, а не противъ Рогатицы. При-ряющимъ эти несообразности будетъ высказанное нами положеніе о двоя-мъ значеніи Новгородскихъ улицъ; въ правительственномъ смыслѣ Кор-ва, Славково и Рогатица—одинъ участокъ Славна,—Рогатъ. Среди не жанъ, жившихъ въ волостяхъ уже въ XVI вѣкѣ, послѣ самобытія, со-нилось древнее представленіе о Роготѣ или Рогатицѣ, какъ Кончанскомъ сткѣ,—потому они и объяснили составителю писцовой книги о м рскихъ земляхъ, какъ принадлежащихъ Рождественскому противъ ицы.

Гридницы Славковскія лежали поблизости къ Большому круг атицкому двору, если онѣ были распивочными, и къ западо-пол

Ручья, недалеко отъ внѣшняго вала, гдѣ помѣщена Бардина улица съ заводоми.

Иворово.

Положеніе проѣзда Иворова опредѣляется Климентовскою церковь Евгеній ведетъ его отъ этой церкви чрезъ нынѣшнюю Московскую улицу не называя конечнаго задняго предѣла; Красовъ назначаетъ этимъ предѣломъ берегъ Волхова, принимая за основаніе лѣтописное свидѣтельство 1547 года объ истребленіи пожаромъ 30 дворовъ въ побережьи Иворовой улицы (II Нов. лѣт. годъ 7055 стр. 152, Красовъ стр. 115). Но пожаръ этотъ относится ко времени послѣ распоряженія Москвы о новомъ расположеніи рядкѣ улицъ,—значитъ основывать заключенія на отмѣткѣ о немъ для опредѣленія направленія проѣзда во времена самобытія нельзя. Въ одномъ изъ принадлежащихъ нашему собранію рукописей лѣтописномъ сборникѣ церковь Климента значится основанною на Коржевой улицѣ. Хотя нашъ сборникъ поздняго составленія,—судя по почерку не старѣе второй половины XVIII столѣтія,—тѣмъ не менѣе его не слѣдуетъ исключать изъ числа доказательствъ только по относительной молодости;—составитель нашего сборника, какъ и всѣ прочіе, самые ранніе списатели, пользовались, говоря словами монаха Лаврентія, „встшаными книгами“, съ которыхъ они дѣлали свои переводы въ книги новыя. Составитель нашего сборника имѣлъ предъ собою безъ сомнѣнія, такую памятуху, которая была неизвѣстна другимъ,—но которая происходила, или могла происходить, въ первоначальномъ своемъ изложеніи, отъ современника сооруженія церкви въ 1153 году, когда на мѣстѣ, избранномъ для ея постройки, была площадь проѣзда Коржева. Съ другой стороны отмѣтку нашего сборника можно понять и такъ, что къ церкви Св. Климента вели два проѣзда, одинъ Коржевой, а другой Иворовъ. Во всякомъ случаѣ эта отмѣтка говоритъ, что Коржевой проѣздъ направлялся вдоль Буяной улки, по нынѣшней Московской, начинаясь отъ Климентовской церкви, а кончаясь на берегу Ручья близъ Дмитріевской церкви. Иворовъ же проѣздъ шелъ чрезъ Московскую улицу отъ мѣста церкви на западъ, имѣя видъ поселка, до Буяни улки, чрезъ нее къ самому Волхову—только какъ проходъ или проѣздъ.

Любопытно сходство имени разсматриваемаго проѣзда съ знаменитымъ завоевателемъ Даніи VII вѣка Иворомъ. Датскій лѣтописецъ Саксо, прозванный за строгое подчиненіе своей рѣчи законамъ родного языка, Грамматикомъ,—повѣствуетъ, что этотъ Иворъ, завоевалъ Данію, покорилъ себѣ Швецію и завладѣлъ частью какого-то русскаго государства,—за тѣмъ убилъ затя своего Рерика, царствовавшаго въ Зеландіи. Жена его, дочь Ивора, Овда, бѣжала послѣ смерти мужа въ Россію съ малолѣтнимъ сыномъ своимъ Гаральдомъ, къ русскому князю Радбрату и вышла за него замужъ. Гаральдъ, возмужавъ, добылъ себѣ, съ помощью кораблей вотчима своего князя Радбрата, Датскій престолъ.

Сказанія лѣтописцевъ Шведскихъ и Норвежскихъ не пользуются между
ными значеніемъ несомнѣнныхъ доказательствъ во всемъ, что относится
Россіи;—ихъ приравниваютъ къ Сагамъ. Теперь-же, когда юная наука
родовѣденія, въ союзѣ съ такою-же юною Антропологіею, выдвигаетъ но-
я доказательства родства и сходственныхъ бытовыхъ условій между на-
льниками полуночья и запада Европы, сказанія, представлявшіяся еще
вѣка назадъ не только сомнительными, но и вымышленными, получа-
тъ другое освѣщеніе. Въ этихъ видахъ, и въ зависимости отъ говора на-
ихъ Коломецкихъ находокъ, мы считаемъ небезполезнымъ привести нѣ-
колько отрывочныхъ сказаній Скандинавскихъ повѣствователей, освѣща-
щихъ, или по крайней мѣрѣ имѣющихъ способность освѣтить, возмож-
ость зависимости имени Иварова участка Рогатицы отъ Датскаго Ивора.

Саксо Грамматикъ, бывшій старшимъ священникомъ (Probst) въ мѣ-
чкѣ Рескильдъ,—(по переводѣ на нашъ языкъ названія этого мѣстечка
учается „Колъ для руссовъ"—т. е. мѣсто казни русскихъ плѣнныхъ,
редствомъ сажанья на колъ) могъ знать много преданій и достовѣрныхъ
вѣстій отъ тѣхъ руссовъ, которыхъ казнили въ его приходѣ. Онъ пи-
тъ, между прочимъ: а) Въ началѣ перваго вѣка христіанскаго лѣтосчисле-
, король Датскій Фротокъ I, побѣдивъ въ морскомъ сраженіи русскаго
ря Траннора, взялъ городъ его Роталу, гдѣ то въ Ливоніи,—затѣмъ от-
лъ у другого русскаго царя Весназья городъ Пельтискъ и завоевалъ
рану третьяго царя Гандувана; на дочери этого царя побѣдитель же-
лся; б) Во второмъ вѣкѣ сынъ Шведскаго короля Готброда Готеръ по-
бъ въ сраженіи съ Боемъ, сыномъ русской княжны Рынды. Сынъ этого
теръ и преемники его имѣли войны въ теченіи всего второго вѣка; в)
в третьемъ вѣкѣ Датскій король Фротонъ III женился на дочери одного
ря Унновъ и вскорѣ развелся съ нею; оскорбленный этимъ поступкомъ
нскій царь соединился съ русскими и объявилъ Фротону войну; но былъ
бѣжденъ Датчанами; побѣдитель отдалъ область Хольмгардскую королю
имеру, Эстію другому королю, а третьему Кунигардію; и г) Въ VI вѣкѣ
ведскій король Ингварь, покоривъ себѣ Эстляндію, направился для даль-
йшихъ завоеваній въ Россію, но тамъ былъ убитъ.

Іоаннесъ Магнусъ, Архіепископъ Упсальскій, повѣствуетъ: а) За нѣ-
колько лѣтъ до Р. Х. Готебдоръ, вспомнивъ о насиліяхъ, совершенныхъ
ъ Швеціи русскими и Эстами, собралъ большое войско изъ Шведовъ и
отовъ, вошелъ въ землю руссовъ, избилъ ихъ множество и принудилъ
латить себѣ дань; б) По смерти Готброда Родерикъ, сынъ Готгера, снова
чалъ войну съ руссами и подчинилъ ихъ Шведамъ; и в) Готскій король
лимеръ, или Вилимеръ (Велемиръ?), царствовавшій въ I вѣкѣ по Р. Х.,
ъявилъ войну русскому царю Гервифу или Гернифу, побѣдилъ его и обло-
лъ данью,—а управленіе побѣжденною страною отдалъ сыну своему
рдіану. Но Гернифъ оправился и выгналъ Нордіана.

Торфей, повѣствователь Норвежскій, повторяя большую част
нныхъ сказаній Сакса и Магнуса, даетъ еще слѣдующія: 1
рвежскій владѣтель Гальфдамъ воевалъ въ земляхъ востока, в

въ Ливоніи,—убилъ славнаго русскаго царя Сигтрига и женился на д
другого русскаго же царя Эймунда. По словамъ его, Торфея, и Сакса
Фротона III Фридлафъ былъ воспитанъ въ Россіи и вступилъ на пре
при помощи русскаго князя.

Много у этихъ повѣствователей и другихъ свидѣтельствъ, удос
ряющихъ, что восточными и полночно-восточными сосѣдями Скандин
были Русы, имѣвшіе своихъ царей. Сопоставленіе приведенныхъ ска
особенно о походахъ руссовъ водою, даютъ право видѣть въ этихъ Р
съ Коломоградомъ и Коломгардіею насельниковъ страны Ильменской
дѣвшихъ по берегамъ озера Ладожскаго и Финскаго залива, или, как
зывали его наши предки даже въ XVI в., озера Котлина (Большой чер
и именно Новгородцевъ. Нашъ Волховъ по ширинѣ и глубинѣ, особен
весеній разливъ, продолжающійся до половины Іюня, а иногда и до
вины Іюля, представлялся Герберштейну морскимъ заливомъ;—знаме
князь Курбскій, со словъ-ли Герберштейна, или по личному наблю
тоже считаетъ Волховъ если не заливомъ моря, то широкою къ нем
рогою; разсказавъ о кровавой расправѣ Грознаго съ Новгородцами, Ку
пишетъ: „И слышахомъ, иже великія, проклятыя, кровавыя богатства
пріобрѣлъ (Иванъ Грозный): бо въ томъ великомъ сторожительномъ
въ Новгородѣ, родъ живетъ куплелюбенъ: бо маютъ отъ самаго мѣст
другихъ спискахъ—лѣта,—града) портъ къ морю; сего ради и богат
бываютъ; подобно, яко мню, великихъ ради богатствъ губилъ ихъ"
занія князя Курбскаго. Устряловъ, С.-Петербургъ, 1842, стр. 123).

Въ своемъ мѣстѣ мы приведемъ рядъ данныхъ народовѣдѣнія, А
пологіи и Этнологіи, указывающихъ на общность родоначанія первон
никовъ полуночья и западо-полуночья Европы, отражающагося осо
рѣзко въ строеніи череповъ и въ наше время. Принявъ тѣ данныя в
мыхъ общихъ чертахъ, нельзя не видѣть понятнаго вполнѣ столки
позднѣйшаго потомства первонасельниковъ, въ теченіе вѣковъ обосо
ихъ въ зависимости отъ различія условій внѣшней природы и влія
на бытовой складъ, съ своими родичами,—за преобладаніе, равнос
борьбѣ за существованіе. Нельзя поэтому не искать зависимости И
участка Славна отъ того Датскаго Ивора, который могъ навѣстить
Рерика Овду, свою дочь, и сына ея, а его внука, Гаральда, если, ко
Радибратъ былъ княземъ или сановникомъ Новгородскимъ,—въ чемъ
ли будетъ невѣроятность. Положеніе Иворова участка, или проѣзда,
съ Буевищемъ и тѣмъ Готландскимъ дворомъ, который купилъ князь
володъ, еще болѣе усиливаетъ объясняемую зависимость: Иворъ Д
прибывъ въ Новгородъ водою, вышелъ на берегъ тамъ, гдѣ былъ дво
земляковъ, а можетъ быть и подданныхъ (мѣсто его, какъ мы видѣл
доставлено было въ XVI вѣкѣ Датчанамъ,—вѣроятно они его и п
у Великаго князя, какъ принадлежавшее нѣкогда ихъ соотечественни
Близъ Климентовской церкви мы ставимъ дворецъ Степеннаго Поса
если Радибратъ былъ главою исполнительной власти народнаго прав
ства, онъ жилъ тутъ же; путь къ этому дворцу съ берега велъ

тому проѣзду, который, придерживаясь показанія нашего сборника, на-
влялся на западъ отъ Климентовской церкви.

Замѣтимъ здѣсь, что имя Ингварь извѣстно Новгородской лѣтописи
къ наше славянское, и вообще лѣтописи русской (напримѣръ: I Нов. годъ
38=6746, стр. 50), и что Датскіе короли уже въ XV и XVI вѣкахъ
еновались Славянскими и Венедскими или Венедитскими (Соб. Гос. Гр.
мянцева, Ч. V, №№:—110—договоръ 1493 г.; 111—договоръ 1507 г.,
2—договоръ 1505 г.; 115—грамота 1558 г. и др.). Въ предлѣтописные
ши времена Зеландія сплошь была заселена славянами; заливъ Балтій-
аго моря, омывающій полуденно-восточную сторону Ютландіи, назывался
вянскимъ; все полуденное побережье этого моря занято было славянами:
тичами, Бодричами, Поморянами и проч., такъ что къ борьбѣ Датчанъ,
ведовъ и Норвежцевъ съ Русью можно примѣнить слова Пушкина: „Это
ръ Славянъ между собою".

Изъ приведеннаго обзора мы заключаемъ, что Славно, въ смыслѣ Сла-
скаго конца, дѣлилось съ древнейшихъ, долѣтописныхъ, временъ на пять
ныхъ участковъ, названныхъ впослѣдствіи улицами: Славно, Варяжскій
стокъ, Нутно, Лубянка и Рогатъ; въ каждомъ изъ нихъ были, какъ
ыснено, проѣзды и отдѣльные участки-поселки, также называемыя лѣто-
ью улицами или улками. Одни изъ этихъ послѣднихъ образовались во
мена долѣтописныя; ихъ мы назвали. Но среди Кончанскихъ долѣто-
ныхъ участковъ возникали значительные по скученности въ одномъ мѣстѣ,
имущественно около проѣздовъ, новые участки, вызванные большею
тію сооруженіемъ христіанскихъ храмовъ до всеобщаго крещенія Руси и
лѣ него. Такіе участки разростались около церквей и монастырей. Въ
авенскомъ концѣ ихъ было не много: два христіанскихъ долѣтописныхъ,—
Ильинскій и Михайловскій, пять лѣтописныхъ, это трети Лубяницы—
анская, Егорьевская, Лукинская,—Щитная и Загородская улицы и одна
адныхъ временъ—Посольская. О третяхъ мы говорили, и мѣста ихъ на-
тили. О другихъ же, двухъ долѣтописныхъ христіанскихъ, двухъ средне-
тописныхъ и одной поздней скажемъ нѣсколько словъ.

Когда образовался поселокъ Ильинскій, обратившейся въ улицу, ска-
ть нельзя. Въ Уставѣ о мостахъ упомянуты Ильинцы какъ мостильщики;
надъ ними мы разумѣемъ церковниковъ и должностныхъ лицъ Ильин-
аго прихода, временъ послѣ всеобщаго крещенія, и христіанъ, прихожанъ
й церкви—до крещенія Новгорода. Въ первомъ случаѣ Ильинцы привле-
лись къ отбыванію мостовой повинности, какъ получавшіе кормленіе отъ
ударства, а во второмъ, какъ не пользовавшіеся гражданскими правами,
наковыми съ прочимъ населеніемъ города, иновѣрцы, получившіе, одна-
е, выгоды отъ городского благоустройства. Ко временамъ среднелѣто-
ымъ былъ уже значительный Ильинскій поселокъ; онъ занималъ окра-
Славна, близъ внѣшняго нынѣшняго вала, и тянулся вдоль него между
квами Спасскою и Ильинскою, и далѣе до Волхова. Это окраинное поло-
іе поселка,—въ мѣстности обѣихъ Спасскихъ церквей (Древній Спасъ),
Ильинской долѣтописной,—подтверждаетъ мнѣніе духовныхъ писателей и

высказанное нами о значительномъ числѣ христіанъ, проживавшихъ в Новгородѣ до всеобщаго крещенія. Въ среднелѣтописныя же времена существовало два Ильинскихъ проѣзда, одинъ отъ церкви Ильинской прямо к Торговымъ рядамъ, или къ нынѣшней Успенской церкви, а другой о Знаменья къ Нѣмецкому двору и къ тѣмъ же рядамъ. Такимъ образо Ильинскій поселокъ и эти два проѣзда, называемые лѣтописью Ильинск улицами, окружали древнее Славно со всѣхъ сторонъ, составляя грани его. При Московскомъ державствѣ Ильинская улица была одна; она н правлялась, какъ проѣздъ:—отъ Ильинской церкви на полночь, минуя Ф липповскую и Знаменскую,—онѣ оставались вправо отъ проѣзда, —прим проѣздъ Нутно и загибаясь близъ восточнаго угла Нѣмецкаго горняго дв иначе Тевтонскаго, крутою дугою на лѣтній западъ до выхода на Лубян на пространствѣ между Успенскою и Георгіевскою нынѣшними церкв Переулокъ, отдѣляющій ограду Успенской церкви отъ Тортоваго теперешн ряда, соотвѣтствуетъ, должно быть, концу Ильинской улицы до сл XVIII вѣка.

Михайловскій поселокъ прилегалъ къ церкви того же имени съ ю ночно-восточной стороны ея,—а съ противоположной былъ древній Т Обыватели его названы въ Строевскомъ спискѣ Устава о мостахъ Мих ловцами,—а въ спискѣ Дубенскаго на мѣстѣ Михайловцевъ значится М хайлова улица. Хотя этотъ списокъ, какъ и вся рукопись, послѣдн часть которой онъ составляетъ, древнѣе Софійскаго Временника, издан Строевымъ, почти на четыре столѣтія, но выраженіе Устава „Михайловцев болѣе соотвѣтствуетъ понятію о древнихъ участкахъ концовъ, чѣмъ „М хайловѣ улицѣ"—какъ проѣзду чрезъ поселокъ. Михайловцы, какъ и М инцы, это церковники временъ послѣ крещенія Новгорода и прихожане М хайловской церкви, не граждане города, временъ язычества. Нынѣшнія Бо шая и Малая Михайловскія улицы доказываютъ, на первый взглядъ, обш ность поселка древности; но онъ не могъ тянуться такъ далеко, какъ ул нынѣшнія; границами древняго были—Тевтонскій дворъ съ полночи, П скій съ запада и Плесковскій, т. е. Псковскій, съ Варяжскимъ участк съ полдня. Наибольшее протяженіе на востокъ не шло дальше церкви анна Ищекова, или нынѣшняго дома А. М. Стальнова, на мѣстѣ п раго было уже,—судя по выше объясненному положенію церкви Іо Крестителя у Нѣмецкаго двора,—Славно.

Щитная и Загородская улицы появились одновременно съ сооруженіе или съ образованіемъ, внутренняго укрѣпленія Славенской стороны, раньше XIV вѣка, и притомъ самого конца его. Нѣкоторыя подробн приведены будутъ въ статьѣ объ опокахъ. Онѣ шли вдоль внутрен укрѣпленія, одна съ внутренней стороны его, а другая съ внѣшней.

Улица Посольская, появилась, кажется, во второй половинѣ XVII в Въ лѣтописяхъ имя ея не встрѣчается; нѣтъ его и въ крѣпостяхъ на мельные участки въ городѣ. Единственнымъ указаніемъ, и то отдаленн представляется одна подробность о встрѣчѣ Цесарскихъ пословъ въ городѣ, въ 1655 году, у Михайловскихъ водяныхъ воротъ, за городомъ

егу: „А дворы про пословъ изготовлены добрые на Торговой сторонѣ, Славковѣ улицѣ. А которыми мѣсты послы шли отъ Михайловскихъ отъ берега до дворовъ (имъ приготовленныхъ) и тѣми мѣсты было дно и стройно по посольскому обычаю“ (Памятники Дипломат. снош. III, стр. 273). Водяныя ворота Загородныя названы Михайловскими роятно по ближайшей къ нимъ церкви этого имени; а такою во всемъ вгородѣ была и есть только одна, среди древняго „Търга“. Ворота назны „за городомъ“ потому, что они лежали за береговымъ укрѣпленіемъ, и въ стѣнѣ этого укрѣпленія, какъ „вымлы“ Устава о мостахъ. Нышняя Посольская улица начинается съ Волховского берега, не вдалекѣ отъ хайловской церкви. Цесарскіе послы стояли на Славковѣ улицѣ, вѣроно, въ одной изъ гриднихъ, о которыхъ мы говорили. Въ пожаръ 1693 и, истребившій наибольшую часть Славенской стороны, не уцѣлѣли, конно, и Гридницы. Позднѣйшія посольства имѣли, должно быть, помѣніе въ той улицѣ, которая и получила поэтому названіе Посольской. нѣшняя улица этого имени значится на чертежѣ 1778 года. Не съ этого времени она и называется Посольскою?

Въ Нарядной описи Новгорода 1623 г. перечислены улицы Славенго конца; Митрополитъ Евгеній даетъ объясненіе положенія каждой; Н. Н. авьевъ отмѣчаетъ на чертежѣ 1756 г. всякую улицу Нарядной описи азываетъ тѣ, которыхъ нѣтъ въ описи, но которыя показаны на чертѣ. И. И. Красовъ дѣлаетъ провѣрку мѣстоположенія, опредѣляемаго дшествующими ему изслѣдователями для улицъ описи и чертежа, и составляетъ тѣ и другія новому распредѣленію по чертежу, утвержденному авительствомъ въ 40-хъ годахъ. Объясненія Митрополита Евгенія, писаія ближайшаго, по времени изслѣдованій, къ году составленія чертежа Поымъ и Литвиновымъ, повторены Н. Н. Муравьевымъ и Красовымъ; поѣдній не согласенъ съ ученымъ Владыкою относительно Славенскаго конца ько въ положеніи улицъ Щитной и Кончанской; Евгеній ставитъ ихъ ло Ильинской церкви,—а Красовъ близъ Дворища; за основаніе онъ нимаетъ порядокъ, въ которомъ составители описи излагаютъ перечиніе и полагаетъ, что они начали описывать улицы Славенской стороны Дворища. Но этотъ доводъ неубѣдителенъ; во 1-хъ, ничто не мѣшало клокову и Добрынѣ Семенову описывать улицы каждому отдѣльно и ждому въ своемъ порядкѣ,—во 2-хъ, начать опись съ въѣзда въ городъ Ильинской церкви, гдѣ, какъ мы видѣли, встрѣчали Владыкъ, возвравшихся съ поставленія, болѣе цѣлесообразно,—отсюда начиналась Слаская сторона,—и наконецъ въ 3-хъ, порядокъ въ перечисленіи улицъ авенскаго конца не строгій, что видно, напримѣръ, изъ повторенія Дубона переулка, показаннаго одинъ разъ на Михайловкѣ, рядомъ съ Виткоъ, а другой—на Ильиной улицѣ;—на нашъ взглядъ писцы начинали ечисленіе съ внѣшняго вала. Муравьевъ помѣщаетъ Щитную и Кончаню на нынѣшней Дворцовой улицѣ, близъ соединенія концовъ Славенго и Плотенскаго,—но не приводитъ никакихъ доказательствъ. Мы, съ ей стороны, присоединяемся къ мнѣнію Митрополита Евгенія, и ставимъ

въ полуденной половинѣ Славна какъ улицы Щитную и Кончан
равно Коро-Иванскую чертежа 1756 г., Славную, Варяжскую, М
Нутную и Загородскую. Прочія же: Ильину, Лубяницу,—съ ея
Рогатицу—со всѣми проѣздами,—въ полночной половинѣ. Чер
ленія половинъ мы беремъ нынѣшнюю Знаменскую улицу.

Нельзя не остановиться на положеніи Рогатицы, отведенно
тежемъ Попова и Литвинова, и обозначаемой этимъ именемъ в
ваніи Муравьева. Она начата отъ внѣшняго вала,—пересѣкла у
родскую и направилась прямо на западъ; дойдя до мѣста нынѣ
Михайловской, гдѣ она вышла на нынѣшнюю же Рогатицкую,
Литвиновская Рогатица раздвоилась: одна часть ея, наибольшая,
отсюда круто, почти подъ прямымъ угломъ, на полдень къ запа
нѣшней Мало-Михайловской и уперлась въ Волховской берегъ,
отъ этого угла пошла, нѣсколько отклоняясь на полночь, на пр
нынѣшнюю Московскою, а отсюда прямо на берегъ, чрезъ т
Дворцовую, въ западно-полночномъ направленіи. Это раздвоеніе
леніе обоихъ концовъ подтверждаетъ высказанныя предположе
внутреннихъ укрѣпленіяхъ Славенской стороны: концы Рогатицы
ютъ древній Торгъ съ Михайловскою церковью, дворами Плесковс
тонскимъ и Готскимъ, Ярославовъ дворъ, Великій рядъ, Посад
рецъ, Вощники и Петрятино дворище; а прямая, отъ внѣшня
встрѣчи съ Малою-Михайловскою отдѣляетъ древнее Славно съ
отъ того новаго поселка, отъ котораго ограждено было это древ
до устройства окопа, рогатками. Концы Рогатицы, взятые вмѣст
товою стѣною или валомъ, представляютъ срединное внутреннее
воспоминаніе о которомъ отразилось въ имени обоихъ на чертеж

и Б) Плотенскій конецъ.

Какъ возникшій много позднѣе Славенскаго, Плотенскій
имѣетъ участковъ такой же, какъ Славно, отдаленной долѣтопис
сти; мокрая низина, на которой раскинулась вся его площадь.
по мѣрѣ засыпки и подъема мѣстъ подъ постройки. Чтобы имѣт
данныя къ сужденію о приблизительной послѣдовательности
здѣсь участковъ, нужно испытать толщу и сравнительное качест
перегноя въ разныхъ мѣстахъ. Намъ извѣстно всего пять так
три въ восточной и два въ западной половинѣ площади,—по л
блюденію, да въ пяти—шести мѣстахъ по свѣдѣніямъ отъ м
недавно строившихся.

Молотково.

Подъ именемъ Молоткова мы разумѣемъ всю часть Плотен
между Никитинскою церковію на востокъ до внѣшняго вала, в

же вала къ Никольской слободѣ, и на полдень до ручья. Здѣсь
завелось, судя по толщѣ перегноя, раньше всѣхъ другихъ мѣстъ
Вызвано оно, вѣроятно, учрежденіемъ тутъ производства серебря-
ницъ цѣнности и Клеймяныхъ сѣней и возведеніемъ построекъ для
имѣвшей назначеніе охранять сѣни и городъ съ этой стороны отъ
хищниковъ. Къ XII вѣку въ полуденно-западной части Молот-
а выше названная церковь Св. Михаила Малеина и окрестности
ались Михалицею. Одновременно съ учрежденіемъ Клеймяныхъ сѣ-
оснъ близъ Никитинской церкви и дворецъ Степеннаго Тысячскаго,
внаго начальника народной стражи, государственнаго казначейства
нняго управленія страны.

книгѣ нашей „Бытовые Остатки Ильменцевъ каменнаго вѣка“ ука-
едлагаемые западными учеными способы для приблизительнаго вы-
вѣковъ, отдѣляющихъ насъ отъ ледниковыхъ Европейцевъ. Мы
лись на способѣ Швейцарскаго ученаго Морло и примѣнили его къ
орной земли, образовавшейся на площади около Софійскаго собора
ни сооруженія его и погребенія въ нынѣшнемъ придѣлѣ, въ па-
ѣкновенія главы Предтеча, скончавшихся въ концѣ XII вѣка Свя-
атьевъ—архіепископовъ Іоанна и Григорія. Съ тѣхъ поръ полъ
нѣсколько разъ былъ поднимаемъ, въ устраненіе ската дождевой и
воды;—надгробница же надъ мощами Св. Григорія остается не
и приходится теперь въ пещерѣ, ниже площади пола на аршинъ
ртью. Минувшею осенью, при исправленіи половой настилки въ
скомъ придѣлѣ собора, оказались на стѣнѣ, подъ поломъ, остатки
конечностей изображеній Святыхъ,—что подтверждаетъ нашъ вы-
ысотѣ пола нынѣшняго сравнительно съ первоначальнымъ,—а изъ
ѣдуетъ, что въ семъ съ половиною вѣковъ площадь, окружающая
соборъ съ полуденной и западной сторонъ, поднялась, насчетъ
слоя, на аршинъ слишкомъ. Принимая эту толщу за единицу мѣры
уплотненіе нижнихъ слоевъ перегноя отъ давленія верхнихъ и
наблюденіе за чистотою около церквей, чѣмъ во дворахъ частныхъ
ній, мы получимъ для наибольшей толщи жилого перегноя на Мо-
близъ древней церкви Михаила Малеина, около четырехъ аршинъ,
вухъ тысячелѣтій времени ея накопленія. Само собою разумѣется,
вычисленіе неточно, какъ выводимое изъ толщи жилого перегноя
чительномъ пространствѣ; но, вызываемое одною лишь наглядностью,
но для цѣлей нашего Общества уже тѣмъ, что можетъ привлечь
къ случайнымъ землянымъ работамъ и увеличить число наблю-
остранства Молотковской мѣстности, для будущихъ изслѣдованій;
стороны выводимое нами число вѣковъ представляется любопыт-
отношенію къ единицамъ цѣнности ихъ золота и сер [illegible] ѣ-
приписывается, какъ мы замѣтили уже, Малой А [illegible] а
елена Туранскимъ племенемъ. Одинъ ученый нум [illegible]
недавно, въ засѣданіи Императорскаго Русскаго [illegible]
въ С.-Петербургѣ,—въ своемъ докладѣ

Фидона и Солона: Въ Лидіи впервые стали чеканить монету изъ эл
т. е. изъ смѣси золота и серебра, при Гигесѣ, за 687 лѣтъ до Р.
можно приписывать изобрѣтеніе монетъ (размѣнныхъ) Аргосскому ц
дону, царствовавшему въ концѣ VII вѣка до Р. Х. и чеканившему
сходныя съ Лидійскими, на островѣ Эгинѣ (Докладъ А. К. Маркова,
1891 года). Сношенія Ильменцевъ съ срединною, а особенно съ по
Азіею начинались съ каменнаго вѣка и продолжались непрерывно д
лѣтописныхъ временъ. Занесеніе чеканенныхъ единицъ къ намъ за
Р. Х. не представляется невѣроятнымъ; въ Новгородѣ попадаются
изрѣдка, серебряныя круглыя единицы Греціи и Рима, выбитыя д
въ нашемъ собраніи хранится даже одна мѣдная, Юлія Цезаря, на
на глубинѣ около 3-хъ аршинъ, при прокладкѣ водосточной подземно
по Славной улицѣ, между Знаменскою и Ново-Никольскою. Допусти
предположеніе, возможность занесенія въ нашу страну единицъ п
изъ Азіи чрезъ Сибирь, и Каспіемъ и Волгою или Чернымъ моремъ
ромъ и Ловатью—изъ Малой Азіи, тѣмъ же путемъ, какимъ пробр
Коломцы Лидійскій пробирный камень, не далеко уже будетъ и до
денія Клеймяныхъ сѣней и заселенія Молотковской площади за двѣ
лѣтъ до нашего времени, два—три столѣтія послѣ появленія че
единицъ и клейменыхъ брусковъ. Замѣтимъ, что серебряные бруск
димые въ Сибири, представляются по качеству серебра, по вѣсу, ра
и по всей внѣшности родными братьями Новгородскимъ; таковы, п
ней мѣрѣ, бруски, которые намъ довелось разсматривать въ Импер
Археологической коммиссіи, когда они были выставлены въ числѣ
скихъ находокъ въ Маѣ 1893 года.

Въ той же книгѣ нашей „Бытовые остатки Ильменцевъ" пр
нѣкоторые данныя, указывающія на Буддизмъ нашихъ предковъ, и
ихъ—изображеніе на правой сторонѣ единицъ размѣнныхъ, почти
сколько нибудь крупныхъ, и на нѣкоторыхъ брускахъ. Въ этомъ
женіи мы видимъ не князя и приниженнаго Новгородца, подносящ
дань или даръ, какъ объясняютъ изслѣдователи, начиная съ Митр
Евгенія и Карамзина и кончая послѣднимъ по времени, графомъ
Толстымъ, зашедшимъ дальше всѣхъ, и увѣряющимъ, что князь
кто иной, какъ Иванъ III,—а совсѣмъ другія лица,—тѣже, кото
удостовѣренію большаго знатока, Я. К. Рейхеля, представлены на д
единицахъ Венеціанскихъ, Сербскихъ и Богемскихъ, въ подражаніе б
Византійскимъ. По мнѣнію этого нумизмата изображеніе на Новго
заимствовано съ единицъ Богемскаго короля Владислава I, царство
съ 1140 по 1175 годъ (Записки Археологическо-Нумизмат. Общ. I
и 31). На взглядѣ Рейхеля мы не останавливаемся, а приводимъ л
тому, что имъ относится появленіе изображенія, одинаковаго съ
въ земляхъ древне-славянскихъ (въ Венеціи напечатана въ начал
вѣка славянскими буквами книга Θеодози о Петрѣ Великомъ)—въ X
Мы видимъ въ изображеніи Новгородокъ олицетвореніе началъ
тьмы, по ученію Заратуштра, или Зердушта, или Зороастра, вне

ъ мудрецомъ въ Будійское вѣроученіе; и видимъ не потому только, находимъ слѣды Будизма въ странѣ Ильменской, а основываясь на мъ вещественномъ памятникѣ глубокой древности, не пользующемся, чемъ, извѣстностью, хотя напечатанномъ болѣе полувѣка назадъ въ ilaei Dactyliotheca № 326 и 327". Это плитка магнитнаго камня, кру- тѣхъ же размѣровъ, какъ нынѣшній мѣдный пятикопѣечникъ. На й сторонѣ ея изображены два человѣка, замѣчательно сходно въ под- стяхъ съ лицевою стороною Новгородокъ, а на другой надпись въ двѣ и. Изображеніе объяснилъ и надпись прочиталъ не академикъ и не ій ученый, а большой любитель древностей, нѣкто Ландратъ нѣмецкой ранія, Тадеушъ Воланскій. Къ объясненіямъ его современные намъ уче- относятся не только съ недовѣріемъ, но даже и съ усмѣшками; да ли надъ чѣмъ смѣются. Раздвигающая свои предѣлы юная наука овѣдѣнія, въ союзѣ съ археологіею и сравнительнымъ языковѣдѣніемъ, зволяетъ относиться пренебрежительно къ догадкамъ и предположеніямъ, они вызываются любовью къ предмету до исключительности, до увле- за границы возможнаго. Если Воланскій и увлекается иногда, пожа- даже и часто, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы всѣ его изысканія вздорны. Весьма вѣроятно, что этотъ Померанскій Ландратъ, объ- а изображеніе и подпись на магнитной плиткѣ, не зналъ нашихъ ородокъ и никогда не видалъ ихъ. Въ человѣкѣ, стоящемъ слѣва отъ ля, на томъ мѣстѣ гдѣ наши нумизматы видятъ князя, Воланскій ть, по лучамъ около головы, по плеткѣ въ правой рукѣ и по протя- й къ другому человѣку лѣвой, Оріена, готоваго къ восходу; на немъ то что-то въ родѣ поясничной перевязи, на ногахъ сапоги до колѣнъ; другемъ стоящемъ справа и протянувшемъ къ Оріену руки, съ по- мъ луны надъ головою и съ длинными волосами, одѣтомъ какъ и пер- съ поясницы, но по самыя ступни,—ноги голыя.—ночь. Надпись читается „Я есмь ночь, очуни ее". Насколько вѣрно чтеніе—судить не бе- вся плитка называется Гностическою камеею, потому чтеніе нуж- въ истолкованіи, какъ загадка надписи. Безспорнымъ въ ней яв- начертаніе звуковыхъ знаковъ, одинаковое съ нашими древними; Славянскія и греческія буквы очень близки между собою, но въ пользу ской рѣчи надписи говоритъ одна, чуждая греческой звуковицѣ, это ертанія по Остромировскому и Мстиславову Евангелію, ко Супраель- рукописи (у Прохорова въ XI книжкѣ Христ. Древн. 1865 г.) и по памятникамъ до конца XV вѣка. При запутанности вопроса о про- денія и образованіи нашей письменности, и при отсутствіи даже по- къ изученію и объясненію множества „писанницъ" на береговыхъ ъ Камы, Печоры, Енисея и другихъ громадныхъ рѣкъ,—писаницъ, близкихъ по начертанію знаковъ къ письменамъ славянскимъ, то вскимъ, то Глаголитскимъ, и Пермскимъ, открытымъ еще Милле- о до сихъ поръ не изслѣдованнымъ съ внѣшней стороны, данное мъ чтеніе и, зависящее отъ смысла его, объясненіе изображенія на ой плиткѣ, заслуживаетъ вниманія и вызываетъ на размышленія.

Мы упоминали о Нейрояхъ Геродотовыхъ и Невріяхъ Страбона и А
Марцеллина,—упоминали о двухъ вѣтвяхъ ихъ, Сибирской—древн
и второй, бывшей родоначальною для Литовскаго племени; мы нах
отраженіе ихъ имени въ Нередицѣ и въ Неревской сторонѣ Новгоро
эти-ли Нейрои второй вѣтви принесли въ наши предѣлы вѣроученіе,
ванное на началахъ свѣта и тьмы, остающееся въ первобытной не
сновенности до сихъ поръ среди Индѣйскихъ Парсовъ и нашихъ
скихъ огнепоклонниковъ? Или—не потому-ли Нейрои Пинской низме
поселились, за вѣкъ Даріева похода, какъ повѣствуетъ Геродотъ, въ
Будиновъ, что тамъ утвердилось и окрѣпло Буддійское ученіе съ на
свѣта и тьмы, непризнанное, или гонимое въ остальной Европѣ?
народы имѣли обыкновеніе изображать на своихъ единицахъ цѣнност
щенные предметы. Отчего-бы и Ильменцамъ не придерживаться т
обыкновенія, особенно если къ нимъ пришли серебряныя единиц
Азіи съ тѣмъ изображеніемъ, которые такъ неизмѣнно повторяется н
городскихъ и которое Рейхель видѣлъ на единицахъ славянъ Боге
XII вѣка? Все это возможно, хотя и требуетъ подтвержденій. Если
бряныя единицы принесли въ землю Будиновъ, подъ которою мы р
емъ нашу Ильменскую страну, Нейрои Городотовы за вѣкъ до Даріе
хода, то есть болѣе чѣмъ за пять вѣковъ до Р. Х.,—тогда и толщ
лого перегноя совпадетъ тѣсно съ этимъ событіемъ: Клеймяныя сѣни
тогда же получить начало и образовать поселокъ въ окрестност
сколько удаленной отъ Славна и значительно отъ Неревской сторо
охраненный отдѣльнымъ окопомъ и земскою стражею сряду же по
деніи Сѣней.

Теперь подъ именемъ Молоткова извѣстенъ небольшой участокъ
стороны Молотковской улицы, между нею, верховьемъ ручья, считая
пленіе его въ городъ, и внѣшнимъ валомъ.

Въ какомъ направленіи распространялась засыпка мокрой низин
указать не можемъ, за неимѣніемъ даже ископаемаго руководителя в
несомнѣнныхъ размѣровъ толщи жилого перегноя; не можемъ такж
зать, быстро-ли, или вяло шло заселеніе этой низины,—хотя сущ
ваніе въ далекія долѣтописныя времена широко раскинувшейся по об
роны Дѣтинца площади Неревской стороны, имѣющей болѣе мощную
жилого слоя, чѣмъ въ Плотенскомъ концѣ, не даетъ основаній счита
строе возвышеніе и заселеніе мокрой низины. Въ укоризнѣ воеводы
полка, прозваннаго „Волчій хвостъ", обращенной къ земскому опо
Новгородцевъ: „А вы плотницы суще, а приставимъ вы хоромъ руби
можно слышать недавнее, сравнительно, передъ 1016 годомъ, учре
Плотенскаго конца, имя котораго перенесъ Кіевскій военачальникъ,
смѣшку, на Новгородцевъ; но этотъ доводъ въ пользу поздняго зас
низины не настолько убѣдителенъ, чтобы на немъ одномъ основать
ченіе. Оставимъ, пока, до счастливой находки, вопросъ этотъ откр
и перейдемъ къ обзору другихъ участковъ разсматриваемаго конца.

Щитно.

Мѣстность, называемая нами Щитно, появляется въ лѣтописи подъ
немъ Щитной улицы впервые только въ 1417 году, по случаю соору-
нія въ этомъ году каменной церкви Св. Андрея Первозваннаго. Мы уже
зали выше направленіе этой улицы внутри города, отъ берега Волхова
колько выше Борисоглѣбской церкви, на значительномъ разстояніи отъ
шняго вала, слѣдуя направленію его, до берега же Волхова въ Славнѣ,
захватывая ни Знаменской, ни Филипповской, ни Ильинской и рядомъ съ
стоящей Петропавловской церкви, остававшихся между тою Щитною
щею и внѣшнимъ валомъ. Плотенскому концу принадлежитъ часть Щит-
, до ручья—отъ Бориса-Глѣба; обнимала-ли она нынѣшнее Молотково—
сказать не можемъ, но полагаемъ, что и оно лежало внѣ Щитной, ме-
нею и валомъ, имѣя въ древнѣйшія долѣтописныя времена одно общее
жденіе съ Клеймяными сѣнями и дворцомъ Степеннаго Тысячскаго.
а возникло Щитно и какимъ оно было во времена возникновенія, гово-
ъ его имя: оно служило внутреннимъ укрѣпленіемъ, такимъ же, какія
ли концы Неревской стороны, каждый вокругъ своей площади, и суще-
вало уже въ 1391 году, когда Новгородцы ставили костры у каждой
цы. Въ нашемъ собраніи рукописей хранится списокъ: „съ писцовой
ги Ивана Яковлечича Морозова, да дьяка Дмитрія Горина, да Ильи
егородцова, писма лѣта 7058 (т. е. 1550) года Великаго Новаграда
говые стороны". Засимъ слѣдуетъ описаніе Михалицкаго монастыря и
надлежащихъ ему земельныхъ участковъ: „Монастырь Михалицкой дѣ-
ъ;—подъ монастыремъ и кельями отъ Щитной улицы до ихъ садку,
за ихъ кельями, поперегъ Молотковы улицы, 83 сажени, а въ длину
Степанкова двора Бороздина до ихъ саду, до Загородскіе улицы, 94
. и т. д." описывается мѣра участковъ и садковъ до пятаго: „а пятому
ку мѣра длина къ Молотковскому костру 30 саженъ". Списокъ этотъ
анъ въ 1651 году за скрѣпою канцеляриста Филимона Иванова. Изъ
о памятника видно, что Михалицкій Монастырь и всѣ принадлежащія
садовыя мѣста находились въ XVI вѣкѣ между Щитною улицею и
отковскимъ костромъ; а костры ставлены въ валу внѣшнемъ. По раз-
у длинника садовыхъ мѣстъ выходитъ разстояніе отъ Щитной улицы
Молотковскаго костра, т. е. до внѣшняго вала, болѣе 200 саженъ. На
ъ-ли протяженіи сохранялось это же разстояніе—мы, за неимѣніемъ
довыхъ книгъ по другимъ мѣстностямъ, сказать не можемъ. Во времена
ѣ самобытія Щитно Плотенскаго конца было обнесено деревянною стѣ-
; подъ 1523 годомъ въ лѣтописи сказано: „горѣла стѣна городная отъ
гной улицы и Онтоновой, внутри города, и весь Плотенскій конецъ вы-
лъ" (IV Нов. лѣт. годъ 7031). Ниже нѣсколько м[illegible]видимъ туже
и близъ Ручья, нынѣшняго Ѳедоровскаго. Въ о[illegible]Щитномъ
анство Плотенскаго конца входили отдѣльные у[illegible]ie зна-
самостоятельныхъ единицъ правительствен[illegible]
крайней мѣрѣ.

Никитинъ участокъ.

Этотъ участокъ получилъ имя Никитиной улицы со временъ о
нія на площади его церкви Св. Великомученика Никиты;—а раньш
входилъ въ составъ Щитна. Когда здѣсь сооружена первая церковь,—
вѣстно. Владыка Макарій хотя и говоритъ, будто эта Никитинская ц
поставлена первоначально въ 1378 году—(Опис. Новг. церк. древ.
стр. 389), но мы имѣемъ лѣтописное свидѣтельство, что во время п
1368 года погорѣлъ Плотенскій конецъ отъ Святаго Никиты до Радок
„церкви погорѣша и людіи нѣколико погорѣ“ (I Нов. лѣт. годъ 687
89). Къ 1378 г. относится возобновленіе церкви. Возможно, что
Никитская церковь сооружена вскорѣ по крещеніи Новгородцевъ, какъ
цовая Тысячскаго. Около нея и дворца селились, должно быть, по пр
ществу ратные люди, военные чины. Ими, вѣроятно, сооружена бы
примѣру Людиновъ-воиновъ Неревской стороны, церковь Св. Ѳеодора С
лата на Ручью, получившемъ отъ нея имя Ѳедоровскаго. Нынѣшняя Ѳ
Стратилатовская каменная церковь уже не первоначальная; основа
относится къ 1360,—а въ 1329 горѣло въ Плотенскомъ концѣ до С
Ѳеодора, значитъ тутъ церковь была уже. Въ писцовой книгѣ, изъ ко
мы взяли нѣсколько строкъ, названы между прочимъ слѣдующія
чища, относящіяся къ Никитинскому или Никитину участку и при
ныя для обозначенія границы садовыхъ мѣстъ, принадлежащихъ Мих
кому монастырю, такъ: „а мѣра одному саду поперегъ полъ 19 саж
въ длину отъ Иванкова двора Любивцова 20 саженъ, а другому саду
межъ кельями и боровитиновыхъ *отъ города*“, то есть отъ Щитной с
продолжавшейся и здѣсь до самаго—Ручья, „в длину *по Никитцкой*
по вымолъ 47 саженъ“. Никицкая труба—это канава открытая,
панная для осушки мокрой низины, остававшейся еще недостаточно
нувшею къ XVI вѣку, или направлявшаяся по мало поднятой и
незастроенной мѣстности;—выраженіе „по вымолъ“ указываетъ на
трубы, спущенной въ Ручей по глубокой выемкѣ. Мы называемъ „вы
Устава о мостахъ, именно, выемками въ береговомъ укрѣпленіи для
снабженія и для судовыхъ пристаней.

Въ Никитинъ участокъ входили проѣзды: Ѳедоровскій—по берегу
отъ нынѣшней Молотковской улицы до Волхова, и другой Ѳедоровск
церкви Св. Ѳеодора по направленію къ Андреевской—и Маницынъ—
Щитномъ и Никитинымъ участкомъ. Были еще проходы и проулк
объ именахъ ихъ мы свѣдѣній не имѣемъ,—видимъ же ихъ на Знамен
изображеніи.

Въ XVI вѣкѣ, во время проживанія въ Новгородѣ царя Ивана
наго со всею семьею и дворомъ, проводили отъ Никитской церкви къ
хову трубы каменныя въ 1571 году (Соф. Временникъ). Значитъ и
низина не свободна была отъ влажности, какъ и на полдень къ во
отъ этой же церкви.

Запольскій участокъ.

Пространство между Щитномъ или Щитною улицею и внѣшнимъ ва-
ъ называлось Запольемъ и Запольскою улицею. Здѣсь стояли: Борисо-
бская церковь, существующая съ 1377 года каменною; нынѣшняя по-
влена на мѣстѣ древней между 1528 и 1531 годами, и монастырь Ев-
ніи Всехвальной съ 1197 и до 1696 года. Мѣстность обоихъ этихъ со-
женій извѣстна. Запольскій участокъ простирался отъ Волховского бе-
а до Молоткова. Проѣздъ, соотвѣтствующій концу нынѣшней Дворцовой
ды и пересѣкавшей Щитно, назывался Оловянкою; онъ велъ на дорогу
монастырямъ—Богословскому, Радоковицкому и Антоніеву, берегомъ,—и
другую, направлявшуюся къ Хутыни.

Подолъ.

Въ лѣтописи встрѣчаются „Подоліе“ и „Подолъ“ съ половины XI вѣка
о половины XV; на чертежѣ Попова и Литвинова, какъ мы видѣли
, отмѣчены надписью „Подолъ“ три мѣстности, представляющія довольно
окій подъемъ береговъ Волхова: въ Славнѣ, въ Людиномъ концѣ и въ
тенскомъ. Славенскому подъему соотвѣтствуетъ древній княжескій уча-
къ, а Людинскому, какъ увидимъ, Кромный городъ. Тамъ въ обѣихъ мѣ-
хъ подъемъ берега естественный; въ Славнѣ онъ заселялся иноземными
одниками съ засыпкою низины и образовалъ особый участокъ. Здѣсь,
Плотенскомъ концѣ, Подолъ весь искусственный. Онъ занималъ берего-
пространство отъ устья ручья и до древняго Щитна. Засыпка легла
осредственно на сизую глину у самаго Волхова и на красноватую,
тка надвинувшуюся на первую; на незначительномъ разстояніи отъ урѣза
ного уровня пластъ красноватой глины скрылся подъ русло ручья, какъ
зано выше, не доходя нынѣшняго постояннаго Ѳедоровскаго моста. На
странствѣ между этимъ мостомъ и Молотковскою нынѣшнею улицею
одилъ, по приведенному мѣсту писцовой книги 1550 года, „вымолъ“
итской трубы. Изъ этихъ данныхъ мы заключаемъ, что наиболѣе мокрая
ть Плотенской низины лежала между нынѣшнимъ мостомъ чрезъ Ѳедо-
кій ручей, церковью Св. Никиты и концемъ Молотковской улицы, вы-
щимъ на Ручей; отъ моста же по направленію къ Волхову низина
нималась постепенно; эта-то мѣстность и составляла Подолъ Плотенскаго
ца. Когда именно она заселена—мы не знаемъ; но, какъ лежавшая осо-
комъ, могла быть тѣсно застроена издавна.

Первое лѣтописное извѣстіе о Подолѣ относится къ 1069 го
мъ значится: „Погорѣ Подоліе“ (I Нов. лѣт. подъ 6577.
которой мѣстности относится эта запись? Возможно, что в
занято постройками только одно Подоліе,—потому лѣтопи
ъ нужнымъ поставить къ нему отличительный признакъ.

ломъ называлась въ его время береговая часть Славенской стороны у В
ликаго моста, и если-бы пожаръ былъ тамъ, погорѣли-бы и Ряды Тор
вые;—погорѣлъ-бы Торгъ и Варяжскій участокъ въ томъ случаѣ, когда
Подоліе относилось къ Славенскому берегу. Сорокъ лѣтъ послѣ этого
жара „погорѣ,—въ 1112 году,—городъ Кромный отъ Лукынъ пожар
(тамъ-же годъ 6620 стр. 4). Подолъ Нерев.ской стороны стелется непос
ственно у Кромнаго города и совсѣмъ не пригоденъ для поселка по вяз
топи, по тому о немъ и не упомянуто здѣсь какъ о погорѣвшемъ. Наибо
подходящею для Подолія мѣстностью приходится, поэтому, та, что леж
между ручьемъ и Щитномъ, близъ берега Волхова. Во времена болѣе по
нія, именно въ 1360 году, погорѣли: „Подолъ и Горнчарскій конец
(I Нов. лѣт. годъ 6868, стр. 83);—значитъ и вязкая топь застроил
благодаря сгущенію населенія въ Кромномъ городѣ и поблизости отъ по
гдѣ проживало много иноземцевъ, преимущественно нѣмцевъ Балтійс
поморья. Такимъ образомъ Подоліе 1069 г. не выясняется настолько,
бы съ увѣренностью указать его мѣстность. Можно, пожалуй, усматри
разницу въ выраженіяхъ „Подоліе и Подолъ“ и предположить, что п
первымъ лѣтописцемъ разумѣлъ площадь болѣе обширную, чѣмъ подъ
рымъ, и поднятую искусственно; въ такомъ случаѣ погорѣло Подоліе
тенскаго конца.

На всемъ пространствѣ, отводимомъ нами этому Подолу, не сохрани
слѣдовъ ни одной церкви. Не занято-ли было оно первоначально дальн
находниками—чужеземцами не христіанами? ихъ не могло не быть въ
городѣ съ долѣтописныхъ временъ, когда сношенія съ Азіею служили
нашей страны источникомъ обогащенія. При полной вѣротерпимости Н
родцевъ можно дать мѣсто предположенію и въ этомъ смыслѣ: какъ
ходникамъ-торговцамъ западной Европы указано было селиться на ни
Славна, такъ и азіатамъ—на береговой полосѣ за ручьемъ. Но приводя
догадку необходимо оговориться, что Новгородская лѣтопись временъ с
бытія ни разу не упомянула о гостяхъ азіатскихъ, какъ о жителяхъ
рода. Могло это случиться и не зависимо отъ существованія цѣлаго
поселка азіатовъ, такъ какъ всѣ иноземцы были по понятію того вре
„нѣмцы“.

Вопросъ объ азіатскихъ гостяхъ въ Новгородѣ не былъ еще затро
изслѣдователями; какъ совершенно новый, онъ требуетъ глубокаго изу
Памятники письменные, мѣстные и обще-русскіе, не даютъ почвы
изысканій въ этомъ направленіи; вещественные же, собранные въ пр
лахъ Ильменской страны, какою она отражается въ договорахъ Новгород
съ князьями великими и удѣльными, и въ другихъ памятникахъ, писан
въ теченіе послѣднихъ двухъ столѣтій, стали предметомъ изученія весьма
давно, не болѣе четверти вѣка назадъ, благодаря почину графа А. С.
рова, учредившаго Московское Археологическое Общество. Еще по
лѣтъ 15 назадъ, они вошли въ число предметовъ преподаванія въ вы
учебныя учрежденія. Къ сожалѣнію наши ученые, и вообще лица, пр
ленныя къ собиранію и храненію вещественныхъ памятниковъ, еще не

отали даже общихъ началъ для основанія науки о русскихъ древно-
ихъ. Сдѣланныя недавно попытки графомъ И. И Толстымъ и профессо-
ъ Н. П. Кондаковымъ, давшими четыре выпуска книги „Русскія древ-
ти въ памятникахъ искусства“,—говорятъ о русскихъ древностяхъ только
имъ названіемъ, содержаніе же все посвящено древностямъ такъ назы-
мымъ классическимъ и лишь десятокъ страницъ послѣдняго выпуска
еденъ Кіевскимъ, да и то церковнымъ, за исключеніемъ серебряныхъ
ницъ цѣнности временъ Владиміра святого, Ярослава и Святополка.
ерь въ Новгородѣ нѣтъ ни одного предмета древности не церковной:
осящагося къ вещественнымъ памятникамъ ископаемымъ—мѣстнымъ,
восходящимъ къ IX—X вѣку. Они несомнѣнно были, но свезены въ
кву, въ числѣ награбленныхъ, по повелѣнію Грознаго, сокровищъ въ
стыряхъ, церквахъ и въ частныхъ домахъ тысячъ зажиточныхъ граж-
ъ. Подробности разгрома Новгорода приведены въ третьей лѣтописи, подъ
78 годомъ, въ особой статьѣ, по двумъ спискамъ, озаглавленнымъ такъ,
первомъ спискѣ: „О приходѣ царя и Великаго князя Іоанна Василье-
а, вся Россіи самодержца, како казнилъ Великій Новгородъ, еже Опри-
на и розгромъ именуется“ и во второмъ спискѣ: „Въ лѣто 7078 (т. е.
0), Генваря во 2 день, благочестивый государь, царь и великій князь
нъ Васильевичъ, всеа Россіи самодержецъ, ходилъ со гнѣвомъ на Ве-
ій Новградъ и на Архіепископа Пимина, и на его владычнихъ бояръ, и
изящныхъ именитыхъ людей, и на всѣхъ градскихъ жителей“ (III Нов.
стр. 254—262). Въ двухъ сборникахъ, нами сохраняемыхъ: „Опри-
на и разгромъ“ изложены нѣсколько иначе.

Если изъ награбленныхъ сокровищъ нѣкоторые не церковные предметы
и цѣлы въ Москвѣ, все таки невозможно съ точностью опредѣлить
адлежность ихъ Новгороду, за неимѣніемъ описей. Недавно оглашено
ѣреніе И. Е. Забѣлина произвести поиски въ подземельяхъ Московскаго
мля, сохраняющихъ книги и разные письменные памятники, принадле-
щіе Ивану Грозному. Въ „Дѣяніяхъ Петра Великаго“ Голикова помѣ-
но сказаніе объ одномъ изъ подваловъ, въ которомъ хранились въ огром-
ъ количествѣ мѣшки съ деньгами чекана до Петровскихъ временъ, и
ія серебряныя древнія вещи. Съ открытіемъ подземелій можно раз-
ывать на обнаруженіе драгоцѣнныхъ памятниковъ Новгородскихъ, осо-
но письменныхъ: въ Актахъ Археографической Экспедиціи напечатана
ись Царской Архивы“; въ ней показано много „коробей Новгородскихъ“
книгами и докончальными грамотами; противъ значительнаго большин-
записей о нихъ сдѣланы помѣты въ 1568 и 1569 годахъ: „Государь
ъ къ себѣ“. Съ вѣроятностію можно предположить, что царь, замы-
ъ разгромъ Новгорода, выбралъ „изъ Архивы“ всѣ памятники, кото-
и не оправдывались причины казней и грабежей, предрѣшенныхъ по
ніямъ человѣко-ненавистныхъ подстрекателей, возводившихъ на зло-
ный городъ небылицы и дикія клеветы.

Въ Нарядной описи показаны въ Плотенскомъ концѣ, кромѣ упомяну-
еще слѣдующія улицы: въ Запольскомъ участкѣ—Конюхова, Заго-

родская, Антонова и переулокъ Ивановской, и Заполья Никитинское и Р
вицкое. Митрополитъ Евгеній ведетъ первую улицу отъ Волхова, ми
ѳимьина монастыря къ нынѣшней Московской улицѣ; Загородску
рѣчкой Виткою, гдѣ былъ Радоковицкій монастырь; Антонову—вни
Волхову, за Родоковицкимъ монастыремъ по дорогѣ въ Антоніевъ, и
новской переулокъ—изъ города къ церкви Іоанна Богослова, нынѣ
ствующей, за внѣшнимъ валомъ. Заполья лежали: одно по берегу В
противъ Никитинской улицы, а другое отъ Радоковицкаго монасты
востокъ.

Участки Славенской стороны по Знаменскому изображе

Знаменское изображеніе даетъ слишкомъ мало относительно К
скихъ участковъ Славенской стороны. Зависятъ-ли оставленные на
пробѣлы отъ задачи художника, или отъ несовершенства нашего
и отъ другихъ причинъ, упомянутыхъ въ началѣ статьи объ улица
всякомъ случаѣ не лишнимъ будетъ остановиться нѣсколько и на пож
возникавшихъ въ Новгородѣ около времени написанія изображенія, т.
первую четверть XVI вѣка. Здѣсь, при скученности построекъ, п
производили иногда ужасающія, по количеству уничтоженныхъ дворовъ
человѣческимъ жертвамъ, опустошенія, слѣдамъ которыхъ остался,
можетъ, вѣренъ художникъ, писавшій свою работу вскорѣ посл
жаровъ.

Въ лѣтописи имѣются слѣдующія извѣстія о пожарахъ, начин
послѣднихъ годовъ XV и до второй четверти слѣдующаго столѣтія:
1494 году: „10 Апрѣля загорѣлось отъ Микиты отъ денежника ст
рица, и погорѣло три церкви, Никита, да Пятница, да Борисъ и
а Иванъ Велики отняли,—*а маковици до половины розбили*,—а У
Святыя Богородица отнялижъ; послѣ жъ и ряды горѣли и выгорѣша
вси до великого мосту, мало не до половины, а переняли у Луб
одна сторона улици горѣла, а другая не горѣла“ (II Нов. лѣт. годъ
стр. 146); б) Въ 1508 году, „Августа въ 20 день бысть пожаръ
загорѣлось на Славковѣ улици, въ Окуловѣ дворѣ Хмелниковѣ, у Ло
жены у Катерины въ клѣти, отъ свѣчи, и погорѣла Торговая сторон
и мнози полаты позасыпались, и животовъ безъ числа сгорѣло;
ковь Святого Дмитрея выгорѣла вся въ Торгу, и животы, а другая ц
выгорѣла на Щитной улици, вся, Святого Андрея. И николи же въ
комъ Новѣградѣ таковъ пожаръ небывалъ, ни въ прежнихъ лѣтах
весьма былъ страшенъ, ни въ лѣтописяхъ таковаго пожара инаго не
тохомъ толь злаго: яко облаци дождевни того дни не быша, и за
дней бысть ведро веліе и гремѣніе, ведро бысть страшно на небес
на земли, страшнѣе же небеснаго труса“. Далѣе приводятся подробн
сгорѣвшихъ людяхъ и благоговѣйныя размышленія современника (Та
годъ 7016, стр. 157); в) Въ 1521 году бысть пожаръ великій въ

въ Новгородѣ, на Торговой сторонѣ, въ Плотинскомъ концѣ: загорѣлося, Ильинѣ дни незамного, у Бориса и Глѣба на Запольской улицѣ, и Оловянка выгорѣ, и Святая мученица Еуѳимія храмъ огорѣ и монастырь ь выгорѣ“ (Полн. собр. лѣт. Ч. VI, годъ 7029, стр. 281); и г) Въ 23 году, „весною, на святой недѣли, былъ пожаръ добрѣ великъ, и стѣна одная отъ Щитной улицы и Онтоновой, внутри города, и весь Плотенй конецъ выгорѣлъ“. Объ этомъ пожарѣ сказано выше.

Такіе пожары могли обратить всю Славенскую сторону въ пустырь, бенно въ первое время послѣ уничтоженія самобытія, когда граждане тоятельные были выселены тысячами семействъ далеко за предѣлы ьменской страны, Торговые дворы иноземцевъ закрыты, а Московскіе торцы не привились еще къ новому мѣсту.

Чтобы имѣть основаніе къ сужденію о зависимости пробѣловъ Знаменско изображенія отъ приведенныхъ пожаровъ,—остановимся на двухъ робностяхъ. Въ пожаръ 1494 года церковь Іоанна Предтечи на опокахъ, ванную лѣтописью „Иванъ Великій“, отстояли, но маковицы до полоы разбило. Значитъ до этого пожара на Предтеченской церкви было нѣлько главъ (маковица—глава, близко похожая на головку огороднаго а; такія именно главы имѣютъ многія изъ нынѣ существующихъ здѣсь квей, основанныхъ около XV вѣка); вѣроятно три, излюбленное число ихъ древнихъ храмоздателей. На Знаменскомъ изображеніи эта церковь дставлена одноглавою. Въ отмѣткѣ подъ 1508 годомъ сказано: „И мнози аты позасыпались“. Здѣсь разумѣются большія каменныя, не церковныя, руженія; деревянныя, конечно, сгорѣли до тла. При общемъ обзорѣ каныхъ зданій мы видѣли, что на Неревской сторонѣ ихъ больше, чѣмъ Славенской. Между тѣмъ люди богатые, именитые, жили въ Славенскомъ ицѣ,—тутъ, поэтому, должно быть преобладаніе каменныхъ домовъ. Но и они, или многіе ихъ нихъ „позасыпались“—возстановлять было неу,—хозяева—въ ссылкѣ.

Сдѣлавъ необходимую на нашъ взглядъ оговорку, отмѣтимъ застроен, по Знаменскому изображенію, мѣста Славенской стороны.

Въ Славнѣ особенно пусто; отъ Ильинской и Петропавловской церквей востокъ, и на полдень до стѣны внѣшняго вала, нѣтъ ни одной постки; на полдень къ западу всего пять, и они какъ-бы нежилые каменсараи; на западъ, за оградою, два зданія каменные же, оба жилые и ду ними одно, похожее на церковь; это должно быть Варяжскій участокъ; омъ съ оградою, нѣсколько на полночь отъ нея, круглая площадь, тоже есенная оградою, съ растущими деревьями, она примкнула почти къ сагородовой стѣнѣ по берегу Волхова. Между этою площадью и полуною стороною Дворища, на мѣстѣ, отводимомъ нами Готландскому торому двору, называемому иногда Нѣмецкимъ—рѣчнымъ, четыре большихенныхъ дома. Отсюда на востокъ, около Михайловской церкви, два каыхъ жилыхъ и три деревянныхъ дома. Отъ Ильинской церкви на полъ къ западу стелется широкій проѣздъ къ мѣсту нынѣ существующей ненской церкви, показываемой лѣтописью „въ Торгу, на козьемъ бродѣ,

на козьей бородкѣ". Проѣздъ соотвѣтствуетъ Большой улицѣ 1572
(упомянута выше)—онъ былъ тою дорогою, которою вступали въ гор
Ильинской церкви, Славенскими воротами подъ башнею того же и
Владыки, возвращаясь изъ Владиміра и изъ Москвы по поставленіи
проѣзда на востокъ пространство между нимъ и стѣною внѣшняго вал
нято:—отъ Ильинской церкви на полночь—обширнымъ дворомъ, об
нымъ оградою съ каменнымъ большимъ домомъ во всю почти длин
сточной части ограды; это или Воскресенскій монастырь, или Плеск
торговый дворъ; послѣдній вѣроятнѣе,—такъ какъ на большомъ до
видно никакихъ признаковъ церковнаго сооруженія, да къ тому же и
ствованіе Воскресенскаго монастыря въ XVI вѣкѣ, какъ самостоятел
сомнительно; внутри двора пусто. Противъ восточнаго угла ограды
двора, у самой стѣны вала, двѣ маленькія деревянные избушки. На
востокъ отъ двора, между церквами Павловою и Филипповскою, вытя
съ полдня на полночь, отдѣльный поселокъ; должно быть это Нутн
пространствѣ городовой стѣны внѣшняго вала, соотвѣтствующемъ
женію поселка, противъ обоихъ концовъ его по башнѣ: одна Павл
другая Нутненская;—разумѣется эти имена вѣрны въ томъ только сл
если поселокъ будетъ Нутно. Отъ поселка и Филипповой церкви
падъ, между нимъ и широкимъ проѣздомъ, стоятъ какъ бы особн
четыре каменныхъ дома; одинъ не высокій, но длинный, похожій н
рай; другой, позади его, высокій, но не обширный, и два небольшие
жилые; построены дома тѣсно другъ къ другу; ограды нѣтъ; прих
противъ Дворищенскихъ церквей. Возможно, что этотъ участокъ-особ
опустѣлый послѣ 1478 года, Тевтонскій или Нѣмецкій горній тор
дворъ; ограда его въ который нибудь изъ описанныхъ пожаровъ сгор
не возобновлялась до занятія двора снова иноземными гостями. Отъ б
которую мы назвали Нутненскою, потянулся широкій проѣздъ, мимо
ночнаго конца предполагаемаго Нутна, прямо къ Торгу. Вдоль пол
стороны этого проѣзда раскинулся обширный поселокъ съ Знаменс
Лукинскою церквами; въ срединѣ онъ въ видѣ неправильнаго рав
ронняго четыреугольника; пространство около церквей и вся сред
застроены; между церквами—широкій проѣздъ, начинающійся отъ
внѣшняго вала, которая приходится противъ средины поселка; онъ н
ляется впрямъ чрезъ Торгъ и Великій рядъ къ Вощникамъ и Буевищ
селокъ этотъ и проѣздъ въ немъ, соотвѣтствуютъ Лубяницѣ, а пол
стороною—Рогатицѣ. Въ западномъ концѣ этой стороны написаны т
дома, которые мы считаемъ дворцомъ Степеннаго Посадника. Вдоль п
ной стороны Лубяницы-Рогатицы,—заворачивающей нѣсколько, близъ
внѣшняго вала, на полдень къ ряду избушекъ, стоящихъ у самой
вдоль протяженія ея къ полдню до той башни, съ которой потянулс
ѣздъ къ Вощникамъ и къ Великому ряду,—идетъ отъ этой же башн
широкій проѣздъ,—справа вдоль стѣны вала на полночь, а затѣмъ
рачиваетъ пологою дугою тоже на полночь; на восточно-полночной сторо
лежитъ лентою поселокъ изъ маленькихъ деревянныхъ домиковъ; он

ся отъ стѣны вала близъ башни, называвшейся Рогатицкимъ костромъ, отянулся вдоль всего неширокаго проѣзда и кончился у Вощниковъ, жду церквами Предтеченскою на опокахъ и Климентовскою; въ части селка, ближайшей къ валу, стоитъ церковь, а рядомъ съ нею, нѣсколько западу, другая, маленькая. Поселокъ этотъ—вторая часть Рогата, или гатицы;—церковь, что побольше, Ипатьевская,—а маленькая, къ западу ь нея, это, должно быть, та часовня, въ которой почивали, неизвѣстно да взятыя, мощи двухъ блаженныхъ Посадниковъ Алфановыхъ, пять тальныхъ братьевъ которыхъ перенесены изъ Сокольницкаго монастыря Антоніевъ. Около Климентовской и слѣдующей за нею на полночь къ току Дмитріевской церквей обширный пустырь во всѣ стороны; на ній востокъ отъ нихъ, до самаго валу—пространство представляетъ рокую полосу, ровную и вовсе не застроенную; здѣсь должно быть мѣсто оровскаго ручья. Но—или ручей въ древности имѣлъ не такое направ-ie, какъ теперешній, или художникъ не разсчиталъ площади Славенской оны, нанося церкви и другія постройки; по его изображенію выходитъ иница; противъ Дмитріевской церкви, съ западной стороны ея, показанъ ольшой поселокъ, расположенный такъ, что, сравнительно съ нынѣш-ъ положеніемъ Дмитріевской церкви, долженъ выходить на берегъ ручья ночнымъ концомъ и захватить нѣкоторую часть его; полуденный же ецъ доходитъ до Климентовской церкви; проходъ между поселкомъ и ими церквами соотвѣтствуетъ Коржовой улицѣ нашего рукописнаго рника; отъ Климентовской церкви на западъ, какъ мы только что ска-и,—пустырь до Предтечи на опокахъ; здѣсь могъ быть, до пожаровъ, оровъ поселокъ; тотъ же пустырь стелется и на западъ къ полночи отъ мента, до береговой стѣны,—но на срединѣ его, въ части ближайшей стѣнѣ, показано два ряда деревянныхъ домиковъ, плотно прижавшихся гъ къ другу; это остатокъ или Иворова поселка, или Буяны улки. На-во отъ остатка поселка, или отъ него на полдень, будутъ Вощники, а ѣво, на полночь къ востоку, большое огороженное пространство, съ омъ внутри и съ каменнымъ домомъ по срединѣ ограды полночной сто-ы. Тутъ было по нашему мнѣнію, кладбище Св. Петра католиковъ, о оромъ въ приведенномъ выше договорѣ сказано: „Cimiterium S-ti Petri etur, sicut antipuo consvetum est“. При постройкѣ нынѣшняго дома Гим-ии, какъ говорили сторожилы лѣтъ 40 назадъ, въ землѣ встрѣчалось ма много костяковъ человѣческихъ; лѣтопись наша не говоритъ о су-твованіи тутъ православнаго храма; а домъ Гимназіи приходится на очной части огороженнаго пространства,—такъ что быть тутъ клад-у Св. Петра возможно.

Въ послѣднее время самобытія на мѣстѣ этого кладбища былъ „Ко-кой дворъ монастырской“, въ которомъ стоялъ греческій Митрополитъ осій „въ берегу“ (II Нов. лѣт. годъ 7060, стр. 156), что было уже Московскомъ державствѣ. Въ XIV вѣкѣ посѣщалъ Новгородъ Митропо-ъ Кипріанъ, сперва одинъ, въ 1391 году, проживъ здѣсь двѣ недѣли, увѣщаніемъ, чтобы Новгородцы уничтожили Вѣчевой приговоръ „не-

зватись на судъ къ Митрополиту", состоявшійся въ размирье съ Великим князем Дмитріемъ Ивановичемъ Донскимъ изъ-за ушкуйниковъ, около 13 года,—а потомъ съ Патріаршимъ посломъ, въ 1395 году, „и запроси су и Новгородци суда ему недаша",—все по поводу того же приговора; этотъ разъ Митрополитъ пробылъ здѣсь всю весну, съ великаго поста „Петрова говѣнія" (I Нов. лѣт. годы: 6899, стр. 96 и 6903, стр. 97 Подъ 1556 годомъ записано о построеніи каменной церкви Одигитріи Пр святой Богородицы на Хутынскомъ подворьи, на Буянѣ улицѣ, игумно Филоѳеемъ: стало-быть Ѳеодосій жилъ на Хутынскомъ подворьи; тутъ вѣроятно проживали Митрополитъ Макарій и Патріаршій посолъ. На по ночь отъ огороженнаго пространства, ближе къ береговой стѣнѣ, стоя столповидная одноверхая каменная церковь, о которой говорено было своемъ мѣстѣ; хотя III наша лѣтопись относитъ основаніе этой церкви 1556 году, но видъ ея на Знаменскомъ изображеніи вполнѣ соотвѣтствуе вкусу болѣе древнихъ строеній; къ тому же въ Исторіи Россійской Іера хіи отмѣчено, что эта церковь Одигитріи разобрана въ 1794 году до осн ванія „за ветхостію". Если-бы первоначальное возведеніе было въ полови XVI вѣкѣ, церковь не могла, какъ каменная, одряхлѣть къ 1794 году н столько, чтобы ее нужно было разобрать по этой причинѣ. Хутынскій м настырь былъ богатъ, особенно послѣ щедрыхъ вкладовъ и земель, пожал ванныхъ ему Великимъ княземъ Васильемъ Ивановичемъ, питавшимъ осо благоговѣйное уваженіе къ Чудотворцу Варлааму; много вкладовъ деньга и землями монастырь получалъ и отъ преемниковъ его;—до одряхле церковь Подворья не могла дойти, какъ поддерживаемая, конечно, богаты монастыремъ. Очевидно она возникла задолго до 1556 года, въ которо только поновлена послѣ сильнаго поврежденія какимъ либо изъ пожаров въ этой мѣстности повторявшихся въ XV и XVI вѣкѣ. Но если принимаемая нами за Одигитріевскую церковь была другая, въ лѣтописи неупоминаемая, или иновѣрная божница при кладбищѣ Св. Петра, въ такомъ случаѣ все, сказанное объ Одигитріевской,—излишне.

Половина всего огороженнаго пространства, по длинѣ его, обращенн на полночь, войдетъ, какъ и часть упомянутаго поселка на западъ Дмитріевской и Климентовской церквей, въ нынѣшній Ѳедоровскій ручей, церковь, предполагаемая Одигитріи, станетъ на срединѣ его, въ сам устьи, далеко отъ Хутынскаго подворья; сравнивая направленіе ручья чертежу 1778 года, и соотвѣтствіе разстояній отъ него и между собо церквей: Дмитріевской, Климентовской и Ипатьевской въ сторонѣ отъ ваго берега,—Ѳеодора Стратилата, Никиты, Андрея и Молотковскихъ правымъ, нельзя не видѣть на Знаменскомъ изображеніи упомянутой пу ницы; должно быть художникъ сперва разставилъ церкви, и для ручья хватило уже мѣста, когда онъ сталъ распредѣлять площадь рисунка, бы размѣстить населенные участки. Могло быть и такъ: послѣ пожар первой четверти XV вѣка ручей засорился огорѣлыми остатками домов столько, что совсѣмъ усохъ; на немъ погорѣльцы поставили времен избушки, пока строились новые дома. Изображеніе писалось около 15

а, послѣ огромнаго пожара 1508 и другихъ годовъ. Но какъ-бы ни было, рая половина Славенской стороны, начиная съ Ѳедоровскаго ручья, воспроизведена на Знаменскомъ изображеніи невѣрно, такъ что ею пользоваться какъ доказательствомъ для нашего изложенія можно лишь съ оговоркою, которую мы считали необходимымъ сдѣлать.

Не видя положенія ручья, трудно разобраться въ поселкахъ по правую сторону, составлявшихъ Плотенскій конецъ. Вдоль полночно-восточной стороны огороженнаго пространства, между нимъ и церковью, показанъ проѣздъ отъ береговой стороны къ башнѣ внѣшняго вала, названной выше Молотковскимъ костромъ; чѣмъ ближе къ костру, тѣмъ проѣздъ становится шире. На срединѣ всей длины онъ пересѣкается подъ прямымъ угломъ другимъ проѣздомъ, очень длиннымъ, начинающимся отъ костра стѣны внѣшняго вала и направляющимся впрямъ къ Торгу. По обѣимъ сторонамъ его разставлены выше названныя церкви,—начиная отъ вала съ правой стороны: Евѳимьинская и Андреевская; и съ лѣвой,—придѣльныя, въ числѣ особостоящихъ, но приписныхъ къ главнымъ: двѣ Евѳимьина монастыря, или прихода Андрея Первозваннаго,—Дмитрія Селунскаго и Климента, Георгіевская и Успенская въ Торгу. На перекресткѣ обоихъ проѣздовъ, слѣва, Палата служилыхъ людей и Клеймяныя сѣни, на одномъ углу, дворецъ Степеннаго Тысячскаго на другомъ. Отъ этого дворца на востокъ и полдню—Никитинская церковь; а отъ нея на востокъ церковь Михалицкаго монастыря, и на полдень—Молотковскій поселокъ.

Отъ церкви предполагаемой Одигитріи на востокъ и на полночь, слѣва отъ проѣзда къ Молотковскому костру, расположенъ небольшой поселокъ вѣроятно—Подолъ; мѣсто его должно быть значительно далѣе на полночь и ближе къ берегу Волхова; но художникъ, написавшій невѣрно положеніе Андреевской церкви и Евѳимьинской, долженъ былъ втиснуть между ними и Щитно,—и Подолъ; мѣста нехватило, онъ и отнесъ его насчетъ ручья Жилнаго теченія.

Отъ Андреевской церкви идетъ проѣздъ и къ внѣшнему валу и къ береговой стѣнѣ; влѣво, считая съ берега, обширный поселокъ, пересѣкаемый длиннымъ проѣздомъ, который идетъ къ Торгу, и продолжающійся за Торгомъ; это Щитно; городовой стѣны, давшей имя поселку, невидно; она конечно, сгорѣла въ одинъ изъ трехъ пожаровъ первой четверти XVI вѣка и не была еще возстановлена ко времени написанія изображенія. Самая обширная и тѣсно застроенная часть Щитна находится ближе къ городовой стѣнѣ; отъ другой же части, лежащей отсюда на востокъ, менѣе обширной занимающей пространство между церквами Евѳимьинскою и Андреевскою, эта отдѣляется узкимъ проходомъ. Не составляетъ-ли, такимъ образомъ, называемое нами первою частью Щитно, поселеніе, тѣсно застроенное, сама, отодвинутаго художниковъ сюда? Если такъ, тогда мѣстность, названная нами Подоломъ будетъ продолженіемъ Буевища Всеволодовой грады, съ частями улицъ: Коржовой и Буяны улки. Допуская возможность того предположенія, придется передвинуть, на счетъ проѣздовъ и пустыни, и сжать ту часть рисунка, которая занимаетъ пространство между

Великимъ рядомъ, проѣздомъ отъ Андреевской церкви къ береговой ст
проѣздомъ длиннымъ, такъ, чтобы Предтеченская церковь на опок
Вощники подошли къ Великому ряду и стали къ нему вдвое ближе,
показано художникомъ, а затѣмъ отодвинуть на полдень къ западу
остальное до проѣзда отъ Андреевской церкви. При такомъ перем
получится площадь ручья, и поселки окажутся на мѣстахъ, отвод
имъ лѣтописными указаніями.

Между второю частью Щитна, приближающеюся къ внѣшнему в
тѣмъ проѣздомъ, который идетъ между Клеймяными сѣнями и дв
Степеннаго Тысячскаго, имѣя на востокъ отъ дворца Никитскую це
лежитъ Никитинъ поселокъ; полночный конецъ его, выходящій на дл
проѣздъ, приходится противъ Подола.

Отъ Щитна къ внѣшнему валу, по обѣ стороны длиннаго проѣ
также между Евпмьинымъ монастыремъ и Борисоглѣбскою церковью
бросанъ участокъ Запольскій съ Оловянкою и Конюховою улицею.

Слѣдовъ Щитна въ Славенскомъ концѣ, равно Запольской въ П
скомъ, вдоль всей стѣны вала и Загородской въ томъ же направлен
Славнѣ невидно.

Окопы.

Мы упоминали уже нѣсколько разъ объ окопахъ Славно, по
расширенія поселковъ, возникавшихъ время отъ времени на простра
холма, его скатовъ и береговыхъ низменностей. Лѣтописныхъ свидѣте
по этому предмету мало, и относятся они къ вѣкамъ сравнительно
нимъ, не древнѣе XI.

Прежде, чѣмъ приводить лѣтописныя показанія, условимся въ о
леніи понятія „городъ“ въ нашемъ говорѣ. Обыкновенно объясняютъ
городъ—городьбою вокругъ жилого мѣста, оградою. Но это объясненіе
не удовлетворяетъ, такъ какъ слово „ограда“ проще всего производит
города, какъ и другое равнозначащее „городьба“. Чтобы найти начал
слова „городъ“ обратимся къ его корню *гор* и къ безчисленному мно
населенныхъ мѣстъ, не только нашей Ильменской страны, но всей
и огромнаго количества Прибалтійскихъ, называемыхъ: гора, горк
рушка, и имъ подобныхъ, или отъ нихъ произведенныхъ. Часто посел
такими именами раскинуты на возвышенностяхъ, но не всегда,—
„горокъ и горушекъ“ и на равнинахъ. Въ Заволочьи и въ Двинской
страны Ильменской населенныя мѣста назывались, въ XV и XVI в
во времена составленія писцовыхъ книгъ, также горами, озерами, пос
ями, слѣдами и островами, съ дополнительнымъ, хотя и не всегда,
нымъ именемъ. Нашей странѣ и вообще Россіи нечужды и до сихъ
наименованія поселковъ островами; есть и городъ Островъ,—хотя,
какъ и горки, эти острова чаще всего не имѣютъ ничего похожаго н
ровъ въ нынѣшнемъ землеописательномъ смыслѣ. Въ писцовой книг

ой пятины письма Дмитрія Васильевича Китаева и Никиты Губы,—Се-
енова сына Моклакова, 1499 года, въ первой половинѣ,—описываются
въ Кречневскомъ погостѣ деревни Манастырскіе Никольского манастыря
жытцкого: Олеховское Поседѣлье, да Мортыхино Поседѣніе" (Неволинъ,
пятинахъ, Приложеніе I, стр. 13). Кречневской погостъ, по Неволину,
амъ же, стр. перваго исчисленія 125) былъ на р. Веряжѣ, гдѣ теперь
ногорово и земское сельско-хозяйственное училище,—въ трехъ верстахъ
ъ Новгорода. Но есть деревня Кречно, на лѣвомъ берегу Волхова, внизъ
теченію, въ 7 верстахъ отъ города. Въ нашей книгѣ „Бытовые остатки
льменцевъ каменнаго вѣка" приведены доказательства заселенія Ильмен-
ой страны въ тѣ отдаленнѣйшіе вѣка, которые называютъ ледниковыми,
равно и тогда, когда, послѣ втораго охлажденія Европы, наступили такъ
зываемые вѣка озерные. Эти послѣдніе получили названіе озерныхъ по-
му, что воды таявшихъ снѣговъ наполнили всѣ котловины и низины и
степенно поднимаясь заливали невысокіе холмы. Людямъ приходилось
реселяться съ одной возвышености на другую и сидѣть у водоемовъ;
да и образовались названія поселковъ горами, озерами, островами, слѣ-
ми и посидѣньями. Такимъ образомъ городъ—это тоже, что поселокъ
ора"; возможно, что городами назывались наиболѣе обширныя и наиболѣе
обныя селитьбы. Во времена Тацита Венеды, т. е. Славяне, и Германцы,
е. воинственное племя тѣхъ же славянъ, окружали свои жилища око-
ми и рвами, въ защиту отъ нападеній. Тоже наблюдается и на далекомъ
луночьи Европы и Азіи; до сихъ поръ тамъ встрѣчаютъ обширныя пло-
ади, окопанныя валомъ и окруженныя рвомъ; это такъ называемыя Чуд-
ія городища; онѣ по большей части круглыя. Что такое „Чудь"—еще
ончательно невыяснено; давно уже высказывается предположеніе, что
удь это Геродотовы Скиѳы, которыхъ большинство нынѣшнихъ народовѣ-
въ отождествляетъ съ славянами; такъ что Чудь можетъ оказаться въ
далекомъ будущемъ одною изъ вѣтвей славянскаго корня, давно—давно
особившеюся. Въ Архангело-городскомъ лѣтописномъ сборникѣ XVI вѣка,
перечисленіи племенъ, населявшихъ Россію и имѣвшихъ каждое свою
бственную власть, между прочимъ сказано: „А Чюдь—Новгородци свою"
осковское изданіе 1781 года, стр. 3). Понимала-ли памятуха, изъ кото-
ѝ взято это мѣсто,—подъ Чюдью всѣхъ Новгородцевъ,—всю Ильменскую
рану, или ту только часть, которая поселена Начальною Русскою лѣто-
сью тамъ, гдѣ впослѣдствіи появился Плесковъ или Псковъ,—неважно,—
знаменательно упоминаніе о „Чюди—Новгородцахъ" въ сборникѣ, со-
авленномъ по памятникамъ Двинской волости Великаго—Новгорода. Итакъ,
именованіе поселенія городомъ сложилось въ тѣ водообильныя времена,
да люди жили на горахъ.

Первоначальное огражденіе поселковъ вызвано нуждою въ охранѣ ихъ
тъ людей, а отъ хищниковъ лѣсовъ и логовищъ, которые тоже искали,
зерные вѣка, спасеніе на горахъ. Огражденіе состояло не въ валахъ,
рвахъ, которыми люди окапывались отъ звѣрей; валы явились сами
о, какъ выемки земли для рва.

Теперь перейдемъ къ окопамъ Новгорода; слѣды древнѣйшихъ долѣ
писныхъ, дѣйствительныхъ-ли, или только кажущихся, мы видѣли
Славнѣ. Лѣтописныя показанія мы начнемъ съ отмѣтки Татищевскаго сбо
ника подъ 1044 годомъ: „Ходи Ярославъ на Литву; на весну же Воло
миръ заложи новъ городъ, и сдѣла и“ (Продолженіе Др. Рус. Вив. Ч.
стр. 342). Въ пергаментномъ сборникѣ подъ этимъ же годомъ совсѣ
другая отмѣтка: „Погребена бысть два князя сына Святославля Яропъ
Ольгъ а крестяща кости его“ (Свѣтопеч. изданіе подъ 6552 стр. 4).
раньше, ни послѣ, до XII вѣка, здѣсь, равно и въ Супрасльской рукопи
не сказано ни слова о новомъ городѣ. Въ позднихъ же сборникахъ, каков
Софійскій Академическій, изданный Шлецеромъ, Воскресенскій, Никоновскій
два нашего собранія,—и III Новгородская лѣтопись,—повторяется отмѣ
Татищевскаго съ нѣкоторыми дополненіями и измѣненіями; въ Софійск
Академической и во всѣхъ прочихъ вмѣсто Владиміра названъ—Ярослав
а въ послѣдней, во всѣхъ сборникахъ, изъ которыхъ она составлена, пр
бавлено: „и сдѣла на Софійской сторонѣ каменный городъ“ (III Нов. лѣ
годъ 6552, стр. 211;—Соф. Академ. стр. 113;—Воскр. Ч. I, стр. 18
Никит. I, стр. 138). Старѣйшимъ изъ позднихъ сборниковъ признает
Софійскій-Академическій; изъ него, вѣроятно, заимствовали свѣдѣнія о Яр
славлѣ, какъ заложившемъ Новый городъ, всѣ прочіе,—а основный сб
никъ III лѣтописи внесъ и свою прибавку.

Молчаніе пергаментнаго Новгородскаго сборника, начальной русс
лѣтописи, составленный Преподобнымъ Несторомъ большею частію изъ
мятухъ Новгородскихъ, и дополненный Лаврентіемъ и другими продолжат
лями, а также и Супрасльской рукописи, древнѣйшій списокъ, который з
токи относятъ къ XI и даже къ X вѣку, объ основаніи Ярославомъ,
сыномъ его Владиміромъ Новаго города,—даетъ право относиться къ
вѣстію позднихъ сборниковъ съ осторожностью, особенно нужною для
казанія III лѣтописи. Нѣкоторые изслѣдователи находятъ, что приведен
отмѣтка говоритъ о каменномъ Дѣтинцѣ; другіе же считаютъ ее невѣро
ною; въ числѣ послѣднихъ Ник. Ив. Костомаровъ и И. И Красовъ (Сѣвер
Русс. народоправства, I, стр. 3—50, мѣстополож. древ. Новгор. стр.
на томъ основаніи, что въ одно лѣто сдѣлать такое крупное каменное
оруженіе, какъ нашъ Дѣтинецъ, невозможно.

Съ своей стороны мы также сомнѣваемся, чтобы въ 1044 году бы
заложенъ первоначально каменный Дѣтинецъ, но не считаемъ возможны
пройти молчаніемъ вовсе это извѣстіе, помѣщенное въ такомъ отчет
вомъ сборникѣ, какимъ является Татищевской; мы относимъ его къ нес
мнѣннымъ, но лишь въ предѣлахъ чтенія этого сборника, и полагаемъ,
отмѣтка говоритъ о новомъ окопѣ вокругъ той, или другой стороны
рода. Принимая, затѣмъ, во вниманіе мѣстность, сохранившую до наш
дней съ перволѣтописныхъ имя Ярославова двора и Дворища Яросла
равно направленіе Рогатицкой улицы, раздвоившейся, приблизительно,
гдѣ нынѣшняя выходитъ на Московскую, и охватившей дворы иноземне
Торгъ, Дворище, Великій рядъ, Вощники и Буевище, не можетъ отве

о Ярославъ заслуживъ уваженіе Новгородцевъ, послѣ борьбы съ Свято-
акомъ, не нуждался въ опасеніяхъ, въ силу которыхъ предшественники
о жили на Городищѣ, и поселился въ самомъ Новгородѣ, хотя по сосѣд-
ву и съ Варяжскою улицею и съ Торговыми дворами иноземцевъ, на
кій случай. Было-ли это въ 1030 году, какъ говоритъ III лѣтопись
р. 210, годъ 6538), раньше-ли, позже-ли, безразлично, —только посе-
вшись здѣсь, гдѣ Дворище, Ярославъ могъ, по внушеніямъ того же Эй-
ида, супруги своей Ингигерды и иноземцевъ торговцевъ, обнести око-
мъ пространство, охваченное Рогатицею XVII вѣка, подъ весьма благо-
ымъ и безобиднымъ для гражданъ предлогомъ охранить отъ воровскихъ
ныхъ скопищъ, источникъ богатства страны, Торгъ, совсѣми дворами
чрежденіями. Самъ-ли онъ это сдѣлалъ, или поручилъ сыну Владиміру—
равно. Подобный окопъ, какъ новый и не имѣвшій обще-государствен-
о значенія въ глазахъ составителей памятухъ XI вѣка, преимущественно,
и исключительно, церковниковъ, дорожившихъ записями о сооруже-
хъ церковныхъ,—потому и не нашелъ себѣ, какъ малозначащій, мѣста
уцѣлевшемъ пергаментномъ сборникѣ, изобличающемъ въ составителѣ
церковника и по слогу и по отмѣткамъ „постави мя Архіепископъ
тый Нифонтъ попомъ“ (подъ 1144 г. Свѣт. изд. стр. 46, годъ 6652),—
„дай Богъ молитва его (Архіепископа Арсенія) святая всѣмъ крестья-
мъ и мнѣ грѣшному Тимофѣю пономарю“ (такъ-же годъ 6738 т. е.
30, стр. 225)—а въ Татищевскомъ „и мнѣ грѣшному Іоанну Попова“
од. Др. Рус. Вив. Ч. II, стр. 497, тотъ-же годъ)—и др.; составитель же
тищевскаго сборника, хотя тоже церковникъ, нашелъ памятуху другого
временника 1044 года, быть можетъ и не церковника, и списалъ ее въ
ю книгу. Въ особой работѣ нашей о Дѣтинцѣ предположена и причина
огласія въ имени соорудителя въ 1044 году Новаго города. Къ ней
еще обратимся при обзорѣ Неревской стороны. Итакъ первый временъ
тописныхъ окопъ на Славенской сторонѣ мы относимъ къ 1044 году.

Подъ 1116 годомъ записано въ пергаментномъ же и въ Татищев-
омъ сборникахъ: „Иде Мстиславъ на Чюдь съ Новгородьци и взя Мед-
ю голову на 40 святыхъ. Въ тоже лѣто Мстиславъ заложи Новъ го-
ъ болии първаго. Томъ же лѣтѣ Павелъ посадникъ Ладожскыи заложи
огу городъ камянъ“ (Свѣт. изд. годъ 6624 стр. 17; I Нов. лѣт. тотъ-
годъ, стр. 4). Въ средней части этой отмѣтки изслѣдователи видятъ
инецъ (Красовъ, 8, Макарій и др.), считая его деревяннымъ до 1302
, когда впервые, будто-бы, заложенъ каменный; основаній же никакихъ
приводятъ. Если читать слова: „заложи Новъ городъ болии първаго“
ъ соотношенія ихъ съ предыдущими и послѣдующими явленіями жизни,
сли считать, вмѣстѣ съ Красовымъ, что лѣтопись наша подъ городомъ
умѣетъ „по преимуществу Дѣтинецъ“, тогда конечно можно приписы-
Мстиславу расширеніе Дѣтинцевской площади именно въ этомъ 1116
Но во 1-хъ—подъ городомъ лѣтопись разумѣетъ вообще стѣну, какъ
леніе, какъ забрало, ограду, напримѣръ: 1430 г. былъ пригонъ хри-
мъ къ Новугороду городъ ставити, а покручалъ 4-го и 5-го (I Нов.

лѣт. подъ 6938, стр. 111, Борьба съ княземъ Литовскимъ Витовтом
шесть лѣтъ предъ этимъ, въ 1424 году „ставиша въ Новгородѣ го
(II Нов. лѣт. годъ 6932, стр. 140); въ Русской Правдѣ по Карамзин
списку въ 108 статьѣ, озаглавленной: „А се уроци городніи",—выр
вполнѣ ясно понятіе о городѣ,—въ ней сказано: „Городнику, закла
городню",—т. е. клѣтку, которая засыпается землею, пескомъ и кам
„куна взята, а кончавше ногата",—далѣе вычислено назначеніе прод
ствія на куны,—за тѣмъ говорится: „а имати ему донелѣже городъ
бятъ". Русская Правда Карамзинскаго и другихъ списковъ не Нов
скаго состава, такъ что выраженіе „городъ срубятъ" никакъ не подо
къ нашему Дѣтинцу. На Неревской сторонѣ было укрѣпленіе вокру
рода; по валу шла деревянная стѣна; еще въ 1066 году, во время
денія Всеслава Полоцкаго, лѣтописецъ отмѣтилъ: „Пришедъ Всеславъ
Новьгородъ, и пожже до крова Неревского и святую Софію пограби:
куль пожже, потулъ городъ доспѣша, и отъиде Всеславъ" (Супр. р
годъ 6574, стр. 14, изданіе князя Оболенскаго 1836 г.). Было-ли т
же укрѣпленіе, стѣною по валу, на Славенской сторонѣ, свидѣтел
нѣтъ; вѣроятнѣе, что его не было: съ полуденно восточной стороны
городъ имѣлъ надежную ограду въ естественныхъ препятствіяхъ, д
шихъ внезапность нападенія затруднительною таковы: Ильмень съ его
говыми мокрыми низинами, Мста, Ниша и другія рѣки и рѣчки; на д
же, единственной удобо-проходной по холмамъ послѣдняго къ озеру с
Алаунской возвышенности, высится большая Бронницкая гора, имя ко
говоритъ за нее, какъ за хорошую „броню" и во всякомъ случаѣ за с
жевое укрѣпленіе; она видна изъ Новгорода, если подходить къ мост
Ѳедоровскомъ ручьѣ и взглянуть вправо; костры Молотковскій и Рогат
были прекрасными наблюдательными вышками; стоило вывѣсить на
ницкой горѣ условный лоскутъ ткани, бѣлый или красный, съ этих
шекъ его мгновенно увидятъ и приготовятся къ отпору, если грозит
паденіе. Передовое укрѣпленіе отъ Ладожскаго озера, въ которое Чюд
союзѣ съ Шведами, легко могла пробраться, и двинуться Волховом
самому-ли Новгороду, въ отместку за взятіе Мстиславомъ передоваго
пленія Юрьева, Медвѣжьей головы, или къ Ладогѣ, чтобы повредить
говымъ сношеніямъ,—нужно было усилить; въ этихъ видахъ Поса
Ладожскій Павелъ и заложилъ тамъ каменную стѣну, развалины ко
еще сохраняются. При такихъ обстоятельствахъ не представлялось н
ности ни въ расширеніи площади Дѣтинца, ни въ новой городьбѣ, болѣе об
ной, около Неревской стороны.

Въ сборникахъ Новгородской семьи поздняго состава повторяется
даніе объ обрѣтеніи Чудотворнаго образа Св. Николая и объ основан
этому случаю въ 1113 году нынѣ существующаго Никольскаго со
Пергаментный и Татищевскій сборники не знаютъ объ этомъ случаѣ
ставятъ основаніе церкви въ зависимость отъ него. Преданіе говорит
князь Мстиславъ заболѣлъ и получилъ повелѣніе въ ночномъ видѣніи
нести въ Новгородъ образъ изъ Кіева, гдѣ онъ сохраняется на пол

ковныхъ,—видѣніе указало очертаніе образа, круглое, и размѣры. Снаряное посольство задержано было вѣтромъ у Липна,—тутъ и нашли объ плавающимъ въ водѣ, того же вида и размѣровъ. Князь выздоровѣлъ аложилъ церковь на своемъ Дворищѣ. Изъ этого преданія мы видимъ, Мстиславъ жилъ на Дворищи. Тоже оказывается и изъ надписи на ивѣйшемъ антиминсѣ, найденномъ на престолѣ Никольскаго собора въ 54 году; онъ освященъ для „жертвенника святого мученника Георгія", котораго носилъ князь Мстиславъ, имѣвшій по обычаю того времени имени—славянское и христіанское; была-ли Георгіевская церковь самотельною, или придѣльною внутри Никольской, на полатяхъ, неизно,—но существованіе ея на Дворищѣ не подлежитъ сомнѣнію. При хъ указаніяхъ отмѣтка 1116 года можемъ относиться къ Славенской онѣ и къ тому именно городу, на который указываетъ раздвоившаяся тица. Мстиславъ жилъ въ Новгородѣ долго; Новгородцы его любили за око-нравственныя качества, и когда Кіевскіе князья пожелали взять ислава изъ Новгорода и позвали его въ Кіевъ, Новгородцы не пустили его одного; вотъ какъ говоритъ объ этомъ начальная Русская лѣтоь подъ 1102 годомъ:—„Томъ же лѣтѣ мѣсяца Декабря въ 20, приде ислав сынъ Володимерь (Мономаха) съ Новгородци, бѣ бо Святополкъ Володимеромъ рядъ имѣлъ, яко Новугороду быти Святополчю и посаи сынъ свой въ немъ, а Воловимеру посадити сынъ свой Володимери,— риде Мстиславъ Кыеву, и сѣдоша въ избѣ, и рѣша мужи Володимери: прислалъ Володимеръ сына своего, да се седять Новгородци; да поимше а твоего и идутъ Новугороду, а Мстиславъ да идетъ Володимерю. И а Новгородци Святополку:—се мы княже прислани къ тобѣ, а ркли ны : не хочемъ Святополка, ни сына его; ащели двѣ главѣ имѣетъ сынъ , то пошли и; сего ны далъ Всеволодъ, а вскормили есмы собѣ князь, ы еси шелъ отъ насъ" (Лаврент. годъ 6610). Въ этихъ словахъ слыся заслуженная привязанность Новгородцевъ къ вскормленному ими ю и могущество страны Ильменской. Военнымъ могуществомъ Новго не отличался, но сила его въ богатствѣ, дающемъ возможность насколько угодно дружинъ во всякое время, внутреннихъ—русскихъ и мныхъ. Если Новгородцы такъ крѣпко стояли за Мстислава, значитъ не препятствовалъ успленію торговли и внутреннимъ порядкамъ къ шему преуспѣянію страны. При Мстиславѣ торговля увеличивалась, но быть, благодаря спорамъ княжеской Руси и сумятицѣ изъ за удѣ, настолько, что Ярославовъ городъ около Торга и Дворища былъ уже , тѣмъ болѣе, что князь выслушивалъ желаніе гражданъ на Великои, близъ своего же Дворища; для многолюдства собраній нужна была лощадь большая. По такимъ соображеніямъ мы считаемъ отмѣтку 6 года относящеюся къ внутренне-срединному укрѣпленію Славенской л.

зможно, что оно было и тѣмъ Щитномъ, которое простиралось отъ Волхова выше мѣста, на которомъ впослѣдствіи стала Борисоглѣбцерковь, и до берега того же Волхова, ниже Ильинской церкви въ

Славнѣ, т. е. вторымъ внутреннимъ укрѣпленіемъ, охватившимъ дв
Тысячскаго, Клеймяныя сѣни, Рогатъ, Лубянку, Нутно и Славно, за
ные богатыми и именитыми гражданами.

При обозрѣніи остатковъ церковныхъ памятниковъ Неревской ст
мы высказали наше мнѣніе—о полѣ въ городѣ, какъ о пространствѣ
легающемъ къ внутреннимъ укрѣпленіямъ съ внѣшней стороны их
описаніи пожара 1326 года сказано въ лѣтописи: „Загорѣся на
улкѣ и погорѣ до половины Рогатица, а Славкова улица отъ Дмитрі
того и до поля, и церквы святого Климента сгорѣ“ (I Нов. лѣт. годъ
стр. 73). Изъ положенія Рогата мы знаемъ, что участокъ этотъ вых
полночно-восточною своею стороною на берегъ Ручья, и противъ него
ходился „Рождественскій монастырь“. Положеніе обоихъ Рождествен
монастырей, Молотковскаго и того, на мѣстѣ котораго теперь клад
таково, что противъ нихъ могъ быть только конецъ участка Рогата,
ближающійся къ внѣшнему валу. Лѣтописная улица Славкова, поз
кончалась не дойдя до той части Рогата, которая приходилась против
тораго либо изъ названныхъ монастырей. Сопоставляя это соображен
отмѣткою 1326 года, что Рогатица погорѣла до половины, а Славко
поля, приходится заключить, что послѣдняя тянулась не далѣе пол
Рогатицы; слѣдовательно „Поле“ приходилось сряду за этою полов
Поэтому Щитно, или тотъ городъ, который предполагается заложенны
1116 году Мстиславомъ, шелъ внутри города соотвѣтственно протя
внѣшняго вала и пересѣкалъ Рогатъ на половинѣ направленія его отъ
до раздвоенія. По ту сторону этого города, между нимъ и валомъ, л
то поле, до котораго погорѣла Славкова улица. Уже послѣ самобыт
1529 году лѣтопись, сказывая объ освященіи церкви Св. Евангелиста
на Лубянкѣ,—положеніе ея указано,—поясняетъ, что она находит
полѣ. Слово „Полѣ“ написано съ уставной буквы;—этимъ, вѣроятно,
писецъ хотѣлъ сказать, что поле не загородомъ, а внутри, и ест
собственное (Пол. Собр. Рус. лѣт. Ч. VI, годъ 7037, стр. 287).

Былъ-ли городъ 1116 года только окопъ, или только стѣна, и
и другое вмѣстѣ, мы сказать въ настоящее время не можемъ, за н
ніемъ доказательствъ, хотя догадываемся, въ пользу послѣдняго, то
что Щитно состояло изъ вала, или окопа, со стѣною поверхъ его
башнями въ стѣнѣ. Мнѣніе о башняхъ мы основываемъ на неизда
памятникѣ послѣдней четверти XVII вѣка, хранящемся въ нашемъ соб
въ спискѣ, свѣренномъ съ подлинникомъ; это наказъ царей Іоанна и
Алексѣевичей 24 Мая 1685 года: „писцу Ѳедосѣю Титовичу Беклем
да Подъячему Ивану Дмитрееву, которыи изъ помѣстного приказу пос
въ Новгородскій уѣздъ и Вобонежскую пятину, въ Великомъ Новегоро
Торговой сторонѣ посадцкихъ и всякихъ чиновъ жилецнимъ людемъ
великихъ государей указъ сказать“—о размежеваніи и описаніи вс
земель и строеній. Въ 3-ей главѣ наказа значится:—„Великій Нов
Торговую сторону и земляные валы описать и измѣрять, сколькихъ с
въ вышину и въ ширину и *сколько по городу и по острогу и по*

зжихъ и глухихъ башенъ и отъ башни до башни саженъ, и въ
кихъ саженяхъ земляной валъ отъ города построенъ, и какіе крѣпости
города и острога и валу устроены, и что по городу и по острогу пи-
й мѣдныхъ и желѣзныхъ" и т. д. Въ этомъ памятникѣ, хотя и не-
мъ, мы видимъ башни въ трехъ мѣстахъ: по городу, по острогу и
лу,—глухія или стрѣльни, и проѣзжія, съ пушками на городскихъ и
кныхъ. Въ ближайшемъ, по времени изданія, къ этому наказу Нов-
скомъ росписномъ спискѣ 1688 г. новаго воеводы, данномъ предмѣст-
его въ принятіи разнаго казеннаго имущества въ Великомъ Новго-
—перечислены башни на Торговой сторонѣ, вооруженныя пушками:
нская, Павловская, Ильинская, Михайловская, Никольская, Рогатиц-
Никицкая (И. Токмачевъ, Новгородъ двѣсти лѣтъ тому назадъ, 1862
стр. 15—16). Изъ этихъ башенъ проѣзжими названы: Павловская,
йловская и Никольская. Павловская находилась во внѣшнимъ валу,
церквами Филипповскою и Ильинскою; подъ нею былъ проѣздъ на
; Михайловская и Никольская могли быть береговыми и стоять—
приблизительно тамъ, гдѣ теперь Старорусская пароходная пристань,
въ Большой Михайловской улицы, а другая, гдѣ мы видѣли Бѣлый
ръ, противъ Ново-Николаевской улицы, между Арсеньевскою церковью
нею стороною Дворища, обращеннаго въ мучныя лавки. Между тѣмъ,
несеніи Новгородскаго воеводы о пожарѣ, истребившемъ 22 Мая 1696
Торговую сторону, монастыри: Евѳимьинъ, Михалицкій, Павловъ и
ньевъ и 27 церквей, перечислены огорѣвшія и сгорѣвшія башни и
овая стѣна, такъ: „да на городовыхъ проѣзжихъ каменныхъ башняхъ,
авловой и на Рогатицкой (погорѣли) шатры (это крыши островерхія)
отніе щиты (двери), да деревянныя башни: Славенская, Варецкая,
янская, Ильинская, Лубяницкая, Четвероугольная, Круглая, на Ѳедо-
омъ ручьѣ, да городовые стѣны по рѣкѣ Волхову, отъ Арсеньева мо-
ря до Славенской башни, и межъ вышепомянутыхъ башенъ—1494 са-
а съ башнями деревянными, кромѣ каменныхъ, 1521 сажень. А ос-
ь на Торговой сторонѣ отъ Ѳедоровскаго ручья къ рѣкѣ Волхову горо-
къ 10 башенъ, въ томъ числѣ одна каменная, да городовые стѣны
саженъ, а съ башнями, кромѣ каменной, 611 саженъ безъ полуар-
" (Допол. къ Ист. Акт. Ч. XII, № 82). Сопоставляя послѣднія два
тельства мы видимъ, во 1-хъ, что если башня Михайловская и была
регу, на указанномъ мѣстѣ, Никольская 1688 года стояла внутри
,—тамъ, гдѣ ближайшею церковью къ ней была Никольская,—но не
Дворища, такъ какъ въ этомъ случаѣ ее звали-бы Дворищенскою, и
хъ, изъ обоихъ перечисленій выходитъ, что ими обнимаются: доне-
къ 1696 года, башни внѣшняго вала и береговыя, а спискомъ 1688 г.
скихъ внутреннихъ двѣ, береговая одна и внѣшнія; кромѣ того, въ
донесеніе указываетъ длину погорѣвшей стѣны—всего, съ площадьми
янныхъ башенъ, въ 1521 сажень отъ Арсеньева монастыря до Сла-
ой башни, и 611 саженъ стѣны нетронутой пожаромъ съ 10 баш-
, изъ которыхъ одна каменная, отъ Ѳедоровскаго ручья къ рѣкѣ Вол-

хову. Взявъ на чертежѣ Новгорода, изданномъ Военно-Топографичес
Депо въ 1862 г., протяженіе нашего Щитна до начала Ѳедоровскаго р
въ городѣ, а отсюда внѣшнимъ валомъ до указаннаго донесеніемъ 16
мѣста, получимъ около 1525 саженъ. При этомъ Никитская башня с
1688 года будетъ одною изъ внутреннихъ, стоявшею въ стѣнѣ Щи
не доходя до начала ручья и недалеко отъ церкви Св. Никиты; если
тѣмъ, измѣримъ протяженіе Щитна отъ поля, у котораго мы ставим
нецъ Славковы улицы, или отъ средины длины всего ручья въ го
пойдемъ на берегъ Волхова и станемъ на Славенской набережной, м
нынѣшними улицами Большою Ильинскою и Мало-Николаевскою, по в
ному говору Славною, тамъ, приблизительно, гдѣ Щитная Нарядной с
по указанію Митрополита Евгенія,—получимъ длину нашего Щитн
Славенскомъ концѣ точно туже, какая опредѣлена донесеніемъ 16
для не сгорѣвшей стѣны съ десятью башнями; каменная, означенна
этомъ числѣ, будетъ другою изъ внутреннихъ башенъ списка 1688
именно Никольскою проѣзжею; стояла она, должно быть, на той Бол
улицѣ, которая встрѣчается въ лѣтописи подъ 1572 г. Взять друго
правленіе— нельзя: все протяженіе Ѳедоровскаго ручья въ чертѣ город
превышаетъ четырехъ сотъ саженъ; отъ него въ сторону къ Борисо
ской церкви самое большое разстояніе, съ угла на уголъ всего Плотен
за ручьемъ конца, будетъ лишь около 500 саженъ; по смыслу же
сенія не сгорѣвшія башни и стѣна лежали между ручьемъ и берегомъ
хова. Такимъ образомъ путь, по которому мы пришли къ Щитной у
Митрополита Евгенія—единственный, дающій тоже самое пространств
которомъ донесеніе помѣстило десять башенъ и 611, или около того, са
городовой стѣны, не пострадавшей отъ пожара.

Ставя наше Щитно въ Славенскомъ концѣ по длинѣ 611 саже
въ Плотенскомъ—проводя его, невдалекѣ отъ церквей Борисоглѣбско
полдню, и Андреевской, мы найдемъ оправданіе и въ именахъ улиц
польской въ Плотенскомъ и Загородской въ Славенскомъ; обѣ онѣ л
не за внѣшнимъ валомъ, какъ мы знаемъ, а внутри города между ок
внутреннимъ и внѣшнимъ.

Дальнѣйшія изысканія могутъ, конечно, или подтвердить, или
вергнуть наше предположеніе о новомъ городѣ, заложенномъ княземъ
славомъ въ 1116 году,—но они не голословны, хотя и непрочно об
ваны въ настоящей запискѣ. За отсутствіемъ писцовыхъ книгъ Нов
и впредь до ихъ отысканія, полезно внимательно вчитываться въ изд
мые время отъ времени письменные здѣшніе памятники, каковы ку
закладныя, духовныя, дарственныя и т. п.; въ нихъ можно встрѣтит
рогія указанія, между прочимъ, и о внутреннихъ укрѣпленіяхъ Славе
стороны, какъ граничныхъ урочищахъ городскихъ земельныхъ участ
И, независимо отъ этого, Обществу нашему возможно, пока еще не ув
жены дѣла старыхъ лѣтъ судебныхъ учрежденій, особенно крѣпост
столовъ, разбираться, при содѣйствіи почетнаго попечителя, въ опис
въ самыхъ дѣлахъ, какъ здѣсь, такъ и въ городахъ уѣздныхъ.

Внѣшній валъ около Славенской стороны является третьимъ окопомъ , сохранившимъ еще до настоящаго времени тѣ пространства и направ-ніе, которыя онъ имѣлъ въ послѣдніе годы XIV вѣка, когда Новгородцы авили каменные костры у каждой улицы по обѣ стороны острога. Мы дѣли признаки окоповъ глубокой древности между нынѣшними улицами тною и Ново-Николаевскою, между этою и Рогатицею, вдоль Знаменской; дѣли, въ находкѣ причальныхъ клиньевъ на глубинѣ $7^1/_2$ саженъ на днѣ одца во дворѣ Гг. Саблуковыхъ, слѣды бывшаго тутъ, въ вѣка недовѣ-ые, протока, естественнаго, или искусственнаго, по сю сторону гряды ковъ, т. е. ближе къ Волхову; наконецъ видѣли подобный же протокъ ручьѣ, нынѣшнемъ Ѳедоровскомъ, и наконецъ въ Щитнѣ и въ улицахъ ольской и Загородской. По этимъ слѣдамъ мы заключаемъ, что по рѣ расширенія поселка на Славенскомъ холмѣ, окопы отодвигались далѣе далѣе въ одномъ и томъ же полночно-восточномъ направленіи. Возможно, окопъ, закладка котораго, въ смыслѣ сооруженія по верху его деревян-стѣны, относится нами къ 1116 году, былъ при князѣ Мстиславѣ ьшнимъ валомъ; когда же онъ отодвинутъ на нынѣшнее мѣсто, лѣтопись даетъ прямыхъ указаній, но имѣетъ косвенныя; къ нимъ мы и обра-ся.

Въ 1169 году на зиму: „придоша подъ Новъгородъ Суждальци съ дреевичемъ, Романъ и Мстиславъ съ Смольняны и съ Торопьцяны, Му-мцы и Рязаньци съ двѣма князьма, Полоцьскыи князь съ Полоцяны, и земля просто Русьская. Новгородьци же сташи твьрдо о княза Романѣ Мьстиславлици, о Изяславли внуцѣ, и о посадникѣ о Якунѣ и устроиша трогъ около города“ (I Нов. лѣт. годъ 6677, стр. 15). Въ 1224 году, время вражды съ княземъ Юріемъ Всеволодовичемъ, „Новгородци ско-ша всю волость, и около города Острогъ доспѣша“ (тамъ-же, годъ 6732, . 41);—въ 1262 году „Срубиша Новгородци городъ Новъ“ (тамъ-же ъ 6770, стр. 57); въ 1385 году,—поставили острогъ „по спу хоромы, размирье съ Великимъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ (Древн. лѣт. . стр. 104); о пригонѣ христіанъ городъ ставити въ 1424 и 1430 го-ъ“, о кострахъ 1391 г.—говорено выше. Въ 1478 году, во время послѣд-осады Иваномъ III—Новгородцы: „Затворишася вси во осадѣ, устро-и собѣ по обѣ стороны Волхова рѣки и чрезъ рѣку на судахъ стѣну вляную. А князь же великій видѣ, что городъ крѣпко во осадѣ стѣну ажденъ а поити подъ стѣну, ино со обою сторону головы начнутъ па-, кровь литися—и нача подъ стѣною стояніемъ стояти“ (Псков. лѣт. изданію Погодина 1837 года, стр. 148). Всѣ эти отмѣтки говорятъ объ трогѣ, т. е. о деревянной, по преимуществу, стѣнѣ около города, съ ихъ сторонъ конечно, такъ какъ нападенія ожидались отъ дружинъ яжеской Руси, которымъ одинаково доступны были обѣ половины города, авенская даже представляла болѣе удобствъ для набѣга; но одна стѣна, ъ всякаго вала не могла служить надежною защитою: будучи подожжена, а скоро откроетъ входъ въ городъ и защитникамъ некуда укрыться отъ пріятельскихъ стрѣлъ и копій. Но когда стѣна стоитъ поверхъ окопа,—

она и сожженная не откроетъ ни города ни простора для стрѣлъ; з
ники, скрываясь за окономъ, легко могутъ поднять цѣлыя городь
выжженное мѣсто и возстановить поврежденія острога; такъ было въ
Всеслава въ 1069 году: „покуль пожже, потулъ городъ доспѣша“ го
лѣтописецъ; послѣднія слова этой отмѣтки: „И отъида Всеславъ“ п
ваютъ, что возстановленія стѣнъ дѣлалось во время самой осады
непріятель еще не отступалъ.

Собственно объ окопахъ мы заключаемъ: по существованію около
няго вала Славенской стороны Копаницы, составляющей ровъ. Она
теперь имѣетъ ширины свыше десяти саженъ и мѣстами глубока;
нается въ лѣтописи подъ 1386 годомъ:—„У всякой улици внѣ
за копанцею, вси ти хоромы пожгли“ (IV Нов. лѣт.),—и по отмѣтк
тѣмъ же годомъ: „Новгородцы копаша валъ около Тръговой с
(I Нов. лѣт. годъ 1386=6895). Но это, конечно, не первоначально
ройство окопа на мѣстѣ нынѣшняго вала; если лѣтопись скупа
вѣстія о немъ, такъ только по заурядности работы, надъ окономъ
повторявшейся, и не стоившей того, чтобы слѣдить за нею; пришл
случаю, или къ слову—современникъ и записалъ; такъ занесена от
которою кончилась вторая Новгородская лѣтопись, подъ 1587 годомъ
чаши копати въ Новѣгорода, около Торговой стороны“ (стр. 174).

С а д ы.

Въ городахъ западной Европы, многолюдныхъ и тѣсно застрое
сады представляются роскошью и въ настоящее время; они возника
затѣмъ существуютъ по волѣ населенія, потому и поддерживаются на
ственныя средства. Побужденія, вызывающія учрежденіе садовъ, выт
изъ заботъ объ оздоровленіи населенія и подсказываются успѣхами
ной науки. Въ Новгородѣ, не смотря на всю тѣсноту построекъ, сады
ствовали во времена его самобытія, и были достояніемъ общимъ;
съ Гридницами и Обчинами они даютъ краснорѣчивое и вполнѣ убѣ
ное доказательство высокой степени гражданственности на Ильменск
ховскомъ побережьи въ тѣ далекіе вѣка, когда строй западныхъ
дарствъ имѣлъ основою полное отрицаніе собственности и личности
поглощаемый грабительскими набѣгами рыцарства. Лѣтопись дает
немного указаній на общественные сады, какъ возникшіе задолго до
ея; говоритъ о нихъ она только мимоходомъ, при случаяхъ, подоб
мѣткамъ объ окопахъ, и къ тому же даетъ названія недостаточно о
лительныя, чтобы въ нихъ сразу узнать нынѣшній общественный
Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, уже нами приведе
толкователемъ и объяснителемъ лѣтописныхъ названій общественны
довъ является Знаменское изображеніе.

Въ лѣтописи встрѣчаются „Ряя“ и „Лужище, Луже“,—передѣ
позднѣйшими книжниками въ Лужу.

Изслѣдователи Новгородскихъ письменныхъ памятниковъ съ великимъ
токомъ Карамзинымъ во главѣ, будучи мало знакомы съ здѣшнимъ мѣст-
ъ говоромъ, не могли опредѣлить значенія слова „Рля“. Карамзинъ,
знавая совершенно правильно лѣтописныя „Рля“ и „Рель“ однознача-
ми, видитъ въ нихъ то мысъ, то пашню,—то луговой покосъ; одина-
о, или правильнѣе—сходственно съ нимъ объясняютъ слово „Рель“
айдовичъ, Дубенскій и другіе. Относительно же выраженія Устава о
тахъ, во второй его части,—„двои рилѣ, трои рилѣ“—и Карамзинъ и
енскій разошлись; первый говоритъ, что Рилами или Релями называ-
ь перила (Ис. Гос. Рос. Ч. II, Примѣч. 108),—а второй, что „рилѣ“—
части, на которыя дѣлился округъ Яжелбицкій, впослѣдствіи состав-
шія половины его: „Григорьева—Морозова“ и „Жигарева—Рябчикова“
с. Дост. Ч. II, стр. 307). Заблужденіе именитыхъ ученыхъ очевидно;
вызвано тѣми „нѣмыми рунами“, какими обоимъ представлялся Уставъ
ослава. Считая вторую часть его относящеюся къ ряду укрѣпленій
ло Дѣтинца, первый думалъ, что поверхъ его шла деревянная стѣна съ
рилами;—а Дубенскій, рабски слѣдуя за Карамзинымъ, утверждающимъ
дто сотни, названныя въ Уставѣ, опредѣляютъ обязанность всей страны
ьменской, на оныя раздѣленной, возводить укрѣпленія вокругъ города,
ндѣлъ въ риляхъ части такихъ сотенъ. Считая вторую часть Устава за
азаніе участковъ, на которые разбитъ былъ Волховской мостъ для со-
ржанія въ порядкѣ устоевъ его, мы видимъ въ „Риляхъ“ именно эти
тои. Въ мѣстномъ говорѣ до сихъ поръ слышится „Рель“; ею опредѣ-
ется, какъ совершенно правильно объяснялъ Карамзинъ это слово во-
ще, безъ отношенія къ мостовому Уставу,—чаще всего, если не исклю-
тельно, въ хозяйственномъ быту крестьянства, луговой покосъ, преи-
щественно заливной; но крестьянство знаетъ также „релку“, какъ не-
льшой островокъ, низменный, едва выдвигающійся изъ воды рѣки, или
ера, нанесенный теченіемъ и окрѣпнувшій. Въ такомъ смыслѣ рель упо-
нута въ жалованной грамотѣ князей Мстислава и Всеволода Юрьеву мо-
стырю, сохраняющая и до сихъ поръ тоже имя; она окружена водою со-
ьхъ сторонъ: Волхова, Княжева ручья, озера Мячина и Ручья Безъимян-
о, выходящаго изъ Мячина въ Волховъ. Произошло это слово отъ гла-
а „рыть“;—вода нарываетъ теченіемъ песокъ къ подводному-ли камню,
и къ дереву-топляку,—и получается нарытый ею островокъ. Устои Вол-
ского моста укрѣплялись на искусственныхъ, нарытыхъ въ воду, ку-
хъ камня, песку, глины и т. п. Эти-то насыпныя кучи и утверждавшіяся
нихъ городни и были „Рилѣ“ Устава Ярослава.

Перекрестокъ Мало-Николаевской, или старинной Славной, и нынѣш-
й Нутной улицъ служитъ для крестьянъ ближайшихъ деревень, промы-
ляющихъ по зимамъ легковымъ извозничествомъ, стоянкою и извѣстенъ
жду ними подъ именемъ релки. Лѣтописи не чужда „Рля въ Славнѣ“.
ъ Софійскомъ временникѣ Строева, она упомянута два раза: сильною бу-
ю вырвало съ корнями „лѣсъ на рли въ Славнѣ“ (Ч. IV, стр. 265),—и для
остройки однодневной церкви во имя Св. Евангелиста Марка въ Дѣтинцѣ

(она названа выше), по поводу мороваго повѣтрія,—„имали лѣсъ
въ Славнѣ“ (Тамъ-же, стр. 373). Въ соотвѣтственномъ этому перев
мѣстѣ Знаменскаго изображенія означено круглое, огороженное простр
засаженное деревьями; отъ него по направленію къ Волховскому бер
видѣли Варяжскую церковь. Въ книгѣ „Бытовые остатки Ильменц
меннаго вѣка“ приведены основанія, по которымъ эта возвышенная
стоящее время мѣстность сохраняетъ въ народномъ говорѣ назва
отвѣтствующее понятію о низменномъ, едва выступающемъ изъ вод
ровѣ (стр. 251—253). Воздерживаясь отъ повторенія изложеннаго
книгѣ, замѣтимъ, что Славенская рель сохранила это имя до наших
въ народномъ говорѣ потому, конечно, что она была мѣстностью
ющеюся, общеизвѣстною—съ отдаленнѣйшихъ вѣковъ, какъ живое у
остававшееся не застроеннымъ; таковымъ оно, это урочище, пережи
кое время разгрома и осталось въ памяти окрестныхъ сельчанъ, из
шихъ кровавой расправы „оприщины“ и ссылки въ дальніе края. З
площадь среди дворовъ богатыхъ обывателей Славна и иноземныхъ
выхъ, Рля, была общественнымъ садомъ съ глубокой древности; сю
дились дѣловые торговые люди и для отдыха и для бесѣды. Возмож
Рля привлекала и сельчанъ-промышленниковъ, доставлявшихъ торг
предметы своего производства,—что и сохранило память о ней д
поръ.

Другой общественный садъ показанъ художникомъ, писавшем
менское изображеніе, на мѣстѣ нынѣшняго Хутынскаго подворья. Он
сенъ оградою съ открытымъ близъ полуденнаго угла ея, входомъ,
ющимъ воротъ, что и указываетъ на значеніе этого сада, какъ учре
доступнаго для всѣхъ. Здѣсь было, какъ выше объяснено, или могл
буйвище, т. е. древнее кладбище церкви Св. Петра иноземцевъ,
купки княземъ Всеволодомъ Мстиславовичемъ его и двора Св. Пет
Предтеченской церкви и торговыхъ при ней учрежденій, Вощниковъ,
щиковъ, по нынѣшнему „важни“, и т. п. Учрежденіе общественнаг
на мѣстѣ кладбища не противорѣчитъ ни древнему, ни современному
на мѣсто покоя усопшихъ. Изъ постановленій Стоглаваго собора м
емъ, что на Жальникахъ и Коломищахъ, этихъ усыпальницахъ
язычества, отправлялись игрища и бѣснованія въ XVI вѣкѣ въ че
гребенныхъ; мы знаетъ, что еще со II вѣка по Р. Х. узаконенъ
языческій „праздникъ мертвыхъ“—съ введеніемъ христіанской обряд
крестнаго хода на кладбища въ семикъ. Въ настоящее же время
венныя сходбища на кладбищахъ въ городахъ „въ радоницу“ и въ
тельскія субботы“—продолжаются повсемѣстно; недавно еще, не бол
лѣтъ назадъ, устраивались въ столицахъ въ престольные праздник
бищенскихъ церквей, народныя гулянья съ попойками и безобразіям
менъ, предшествовавшихъ Стоглавому собору. Назначеніе сада в
ности Буевища и его значеніе были, конечно, тѣже, что и „на
Славнѣ“, въ лѣтописные вѣка самобытія.

Были въ Новгородѣ и частные сады, доступные для всѣхъ. Объ одъ изъ такихъ лѣтопись сохранила свидѣтельство подъ 1508 г., въ опи-іи пожара, о которомъ выше сказано уже:—„мнози же человѣци, съ ами и дѣтьми и съ животы своими, сбѣгаша въ садъ въ Варбузь-кой, иже бысть на Никитинѣ улици, и чаяху великія тоа бѣды избыти, е избыша“; за этими словами приводятся подробности о числѣ сгорѣвъ людей, всего 3315 человѣкъ. Въ концѣ отмѣтки сказано:—„И быша дезь много въ саду тамъ, и всѣ выгорѣша; а собрашася тогда нѣкіихъ человѣкъ, и едва обрѣтоша тѣ человѣци кладезь великъ зѣло, и тамо человѣци въ томъ кладезѣ избыша отъ огня; и тіи—здрави быша, и сада изыдоша ни чимъ же не вредими“. (IV Нов. лѣт. стр. 147). сборникахъ, изъ которыхъ составлена вторая Новгородская лѣтопись, хозяина сада читается Арзубьевъ и садъ названъ Арзубьевскимъ,—ему издатели лѣтописи назвали его Арбузьевскимъ—они не объясняютъ. половинѣ XV вѣка Кипріянъ Арзубьевъ былъ старостою Никитиной цы; онъ участвовалъ въ переговорахъ съ Иваномъ III въ 1470—1471 ахъ (Соф. Времен). Послѣ Шелонскаго дѣла Кипріянъ Арзубьевъ, взяй въ бою съ оружіемъ въ рукахъ, вмѣстѣ съ многими другими, былъ зглавленъ (Русс. Времен. Ч. II, стр. 72). Въ 1478 г., по уничтоженіи побытія, 5 Февраля, схваченъ и отвезенъ въ Москву, въ числѣ многихъ енитыхъ гражданъ, Житей (не бояринъ, но почетный гражданинъ), Грийй Купріяновъ Арзубьевъ. Дальнѣйшая участь его неизвѣстна; вѣроятно онъ былъ обезглавленъ, хотя и не сряду по доставленіи въ Москву, а е въ 1485 году, когда, „по приказу великаго князя привезли изъ Новода на Москву Житійскихъ людей больши семи тысящъ,—за нежъ хоти убити великаго князя Намѣстника Якова Захарьича; а иныхъ многъ Новгородцевъ казнилъ и вѣшалъ Яковъ Захарьичъ въ Новѣградѣ“ мъ-же, стр. 150 и 182).

Гдѣ находился этотъ садъ, мы не знаемъ; на Знаменскомъ изображеніи нѣтъ;—какъ истребленный пожаромъ, садъ этотъ оставилъ на память бѣ пустырь; ко времени написанія изображенія подобныхъ пустырей о много въ Плотенскомъ концѣ; большой показанъ на полночь отъ Моковскихъ церквей, въ мѣстности и теперь отчасти пустующей, отчасти этой огромнымъ садомъ при домѣ, бывшемъ Н. П. Кузнецова, а теперь надлежащемъ Духовно-учебному вѣдомству, близъ Московской заставы. глубокими раскопками въ этой мѣстности легко найти въ землѣ слѣды убьевскаго сада и установить мѣсто жительства хозяевъ его. Не мало-на отмѣтка лѣтописца о колодцѣ, въ которомъ спаслись 12 человѣкъ; подтверждаетъ высказанное нами мнѣніе о мокротѣ низины Плотенго конца; для помѣщенія 12 человѣкъ нуженъ обширный колодецъ, роенный не для водоснабженія, очевидно, а для стока почвенной влаги; этого колодца было въ саду много другихъ, меньшихъ, которые асли отъ смерти укрывшихся въ нихъ отъ ужасовъ пожара. Мы вимного садовыхъ мѣстъ Михалицкаго—Молотковскаго монастыря; возо, что въ ихъ числѣ есть и часть Арзубьевскаго; имѣніе опальныхъ

поступало въ государеву собственность, а потомъ раздавалось, особ
княженіе Василья Ивановича, сына Ивана III, церквамъ и монаст
Въ церквахъ, ближайшихъ къ Молоткову, Никитской и Андреевс
Молотковскихъ и Евѳимьинскихъ—монастырскихъ были, по всей
ности, жалованныя грамоты на земли; уцѣлѣвшія отъ пожаровъ х
гдѣ нибудь, въ нынѣшнихъ церквахъ той мѣстности, или въ скла
рыхъ Консисторскихъ дѣлъ. Можно надѣяться, что Епархіальное
ство не откажетъ нашему Обществу въ помощи, предоставленіемъ
ознакомиться съ церковными вышками, кладовыми и подобными х
щами старья, въ томъ числѣ и бумажнаго,—для изысканій научныхъ
болѣе, что внимательный обзоръ заброшенныхъ обломковъ древности
ченіе ихъ окажутъ немаловажную услугу духовно-нравственному
щенію народа;—а оставаясь въ кладовыхъ подобные обломки или бе
истлѣютъ, или сдѣлаются достояніемъ старьевщиковъ-торговцевъ и н
погибнутъ для науки, хотя-бы они и поступили въ какое-либо изъ
лищъ. Пріобрѣтаемые старьевщиками темными путями предметы др
теряютъ свое происхожденіе,—Новгородскіе переименовываются въ К
Московскіе во Владимірскіе и т. д., чтобы такимъ способомъ скрыт
ные, но выгодные для торговца, истинные пути къ розысканію,
ихъ содѣйствія и участія, мѣстъ храненія древностей.

Кромѣ трехъ, названныхъ нами, были вѣроятно и другіе сады,
ственные и частные, доступные для всякаго, но свѣдѣній о нихъ
имѣемъ.

Мосты.

Въ понятіе „Мостъ“ нашихъ древнихъ письменныхъ памятнико
чиная съ Ярославова Устава, входятъ какъ переправы чрезъ рѣк
и мостовыя уличныя. Въ Ильменской странѣ, и вообще въ земляхъ
мостовое дѣло возникло, а въ Новгородѣ и упорядочено, въ вѣка
писные, или по меньшей мѣрѣ не позднѣе десятаго по Р. Х. Въ на
русской лѣтописи подъ 1014 годомъ читаемъ: „Ярославу же сущи
городѣ и урокомъ даюшю Кыеву двѣ тысячѣ гривнѣ отъ года до
тысячу Новѣгородѣ гридемъ раздаваху: а тако даяху посадници
родьстіи, а Ярославъ сего не даяша отцю своему. И рече Володимер
бите путь и мостите мостъ, хотяшетъ бо на Ярослава ити, на сы
его, но разболѣся“ (Лав. лѣт. годъ 6522). Въ Софійской Академ
лѣтописи, подъ 6496 годомъ, приведено преданіе о сверженіи Новгор
Перуна: „и вринуша его въ Волховъ, онъ же пловяше сквозѣ
мостъ, верже палицу свою на мостъ, ею же безумнии убиющеся
творятъ бѣсомъ“ (Изданіе 1795 г. стр. 81). Въ Воскресенской л
повторяется это преданіе, съ тою разницею, что Перунъ бросивъ
на мостъ сказалъ: „На семъ мя поминаютъ Новгородскія дѣти“ (
1793 г. Ч. I, стр. 154). Хотя оба эти сборника поздняго состав

ихъ отмѣткахъ изобличаютъ въ книжникахъ враждебное настроеніе про-
ъ Новгородцевъ, чѣмъ и подрываютъ довѣріе къ ихъ сказаніямъ, и хотя
бще повѣсть о низверженіи Перуна въ подробностяхъ слѣдуетъ отнести
области сказокъ,—но мостъ, безъ сомнѣнія, существовалъ въ X вѣкѣ и
роенъ впервые одновременно съ основаніемъ на лѣвомъ берегу, на сто-
ѣ Неревской, города Новаго.

Въ книгѣ (появившейся въ 1839 году въ русскомъ переводѣ) К. Д.
льманна,—„Общественная и частная жизнь въ Европейскихъ городахъ
нихъ вѣковъ" приведены свѣдѣнія о времени первоначальнаго сооруже-
мостовъ, въ смыслѣ переправъ чрезъ рѣки и уличныхъ мостовыхъ въ
ныхъ городахъ Европы. „Нидерланды и Италія,—говорится въ этой
гѣ,—самыя раннія страны промышленности, торговли и гражданскаго
госостоянія, предупредили другія государства въ дѣлѣ благоустройства
одовъ. Мосты, которые являются въ этихъ двухъ странахъ, строились
камня и съ величайшимъ вкусомъ. Каменный мостъ на Маасѣ, близъ
анта, былъ, кажется, древнѣйшимъ изъ извѣстныхъ намъ; о немъ упо-
нается въ 1080 году; Левенскій, на Дилѣ, является по крайней мѣрѣ
половинѣ XII вѣка, а Маастрихтскій, на Маасѣ, сто тридцатью годами
же. Лондонскій каменный мостъ начатъ былъ еще въ 1176 году; Ду-
йскій мостъ, близъ Регенсбурга, древнѣйшій во всей Верхней Германіи:
ъ упоминается подъ 1135 годомъ. Неизвѣстно время закладки Веронскаго
ста, построеннаго на Эчѣ, съ каменными ступенями. Во Флоренціи было
деревянныхъ моста на Арнѣ, а въ 1236 году, заложенъ третій, ка-
нный. Въ 1382 году наведенъ былъ просторный и красивый каменный
стъ на Арнѣ, въ Пизѣ, на мѣстѣ прежняго деревяннаго, построеннаго въ
63 г. Въ 1282 году въ Падуѣ было четыре каменныхъ моста. Въ 1264,
77, 1285 и 1290 годахъ построены мосты въ Моденѣ, Пармѣ и Бо-
ньѣ. Мостъ на Тессинѣ былъ съ крышею" (стр. 31—32).

Всѣ тѣ рѣки, чрезъ которыя были перекинуты мосты въ перечислен-
ыхъ городахъ, на много уступаютъ глубинѣ и ширинѣ нашему Волхову;
мѣстности этихъ городовъ лежатъ въ странахъ, изобилующихъ твердыми
ными породами, легко поддающимися колкѣ и отескѣ. Въ нашей странѣ
ъ кореннаго залеганія подобныхъ же породъ: песчаники, силлурійскій и
онскій, хотя и имѣютъ выходы въ береговыхъ обнаженіяхъ Волхова,
ло Чудова и Старой Ладоги, а также на полуденно-западной сторонѣ
ьменя, но обѣ мѣстности удалены отъ Новгорода на значительное раз-
яніе, да къ тому же эти породы слоеваты и колются сравнительно тон-
ми пластами. Валуновъ плотныхъ породъ было немало въ окрестно-
ихъ, но отеска ихъ и теперь затруднительна. Между тѣмъ лѣса запи-
ли обширныя площади близъ города, и доставка бревенъ плотами, пред-
авлялась удобною и легкою,—потому постройка каменнаго моста не яв-
ь необходимостью. Свѣдѣній о времени первоначальнаго сооруженія
янныхъ мостовъ въ названныхъ городахъ книга Гюльманна не даетъ.
у тѣмъ, послѣ появленія труда его сдѣлано множество открытій о до-
писныхъ вѣкахъ насельниковъ Европы; въ Швейцаріи, Италіи, Гер-

Иного какого либо объясненія именно этого моста подыскать не ставляется основаній,—даваемое же нами указываетъ, что въ Нов учреждена издавна двоякая мостовая повинность—государственная и ская; та и другая обнимала и переправы чрезъ рѣки, и дороги.

Мы видѣли въ четырехъ мѣстностяхъ, на различной глубинѣ, ос пластинной настилки: на Мало-Михайловской (во дворѣ Гг. Саблуко и на Андреевской (во дворѣ В. И. Соколова) улицахъ, въ Дѣтинцѣ, домомъ Присутственныхъ мѣстъ и Стратилатовскимъ обыденкомъ, и Духова монастыря, уже за валомъ. Домовладѣльцы говорятъ, что при з ныхъ работахъ имъ нерѣдко случается наталкиваться на подобную нас въ разныхъ частяхъ города. Самимъ намъ недоводилось провѣрять ос тельность толковъ домовладѣльцевъ,—свѣдѣнія получались къ слову и послѣ земляныхъ работъ, поэтому нельзя указать направленія нас въ ту или другую сторону; общее же въ этомъ говорѣ убѣждаетъ въ с ствованіи мостовняка по всему городу, а не на тѣхъ только участ положеніе которыхъ опредѣлено Ярославовымъ Уставомъ. Дѣятельност шего Общества должна обнять собираніе свѣдѣній о настилкахъ, въ не встрѣтится затрудненій; членамъ удобно наблюденіе за земляными тами, въ сосѣднихъ дворахъ, безъ затраты труда и времени,—мимох Послѣдствія же такихъ наблюденій, съ указаніемъ направленія наст глубины захороненія, дадутъ ясное представленіе о проѣздахъ и проу ископаемаго Новгорода и доставятъ рядъ дорогихъ данныхъ къ изыска о городскомъ благоустройствѣ,—дорогихъ собственно потому, что Нов опередилъ, уже судя по одному Ярославову Уставу, въ этомъ отн важнѣйшіе города западной Европы.

Въ книгѣ Гюльманна поэтому предмету читаемъ: „Мощеніе служащее къ облегченію внутреннихъ сообщеній и дѣятельности обще ной жизни, началось прежде всего въ Парижѣ, издавна славившемся грязью. Лондонъ является въ этомъ отношеніи послѣднимъ изъ большихъ Европейскихъ городовъ въ средніе вѣка. И въ Парижѣ Лондонѣ начало мостовымъ положено королями, въ первомъ Филиппо въ 1185 году, а во второмъ Генрихомъ V, въ 1417 году. Аугсбу Регенсбургъ стали помышлять объ этомъ дѣлѣ не ранѣе XV вѣка. Въ году, въ первомъ изъ этихъ городовъ одинъ горожанинъ вымостилъ и счетъ часть улицы передъ принадлежавшимъ ему домомъ; въ посл же является мостовая въ 1403 году, стараніями Матѳея Рантикге Нюрнбергѣ начало мостовыхъ должно быть еще ранѣе. Уже въ XII главнѣйшіе города Италіи заботились объ этомъ необходимомъ удо въ 1236 году—Флоренція,—въ 1242 Верона, въ 1262—Модена,—въ году Падуа“—(Общ. и час. жизнь въ Европ. гор. сред. вѣковъ, Тюльманна, стр. 32—33). Каждое изъ приводимыхъ въ этой книг дѣній основано на источникахъ; ссылокъ мы не выписываемъ; лю ные найдутъ ихъ на указанныхъ страницахъ.

Трудъ Гюльманна оправдываетъ высказанное нами желаніе по точныхъ свѣдѣній объ ископаемыхъ мостовыхъ въ Новгородѣ. Если

и кичатся предъ русскимъ народомъ своимъ просвѣтительствомъ нашей
аны, одними мостовыми мы докажемъ имъ, что если не вся Русь, то
менская страна—на цѣлыя столѣтія опередила ихъ своимъ благоустрой-
омъ: они тонули еще въ грязи, а наши предки имѣли не только хорошо
ощенные проходы и проѣзды по улицамъ, но и узаконеніе объ обязан-
яхъ содержанія ихъ въ порядкѣ, распредѣленныхъ настолько справед-
и осмысленно, что оно, въ существѣ, сохранило обязательную силу
оловины XVII вѣка, и вошло въ нынѣ дѣйствующій законъ. Въ гра-
Новгородскому воеводѣ князю Прозоровскому, 10 Октября 1623 года,
орахъ на мостовое дѣло, „какими людми напередъ сего въ Великомъ
згородѣ, въ каменномъ городѣ и черезъ рѣку Волховъ, и улицкіе и за-
дные мосты дѣланы", выражено, что государь жалуетъ на это дѣло
згородскимъ посадскимъ и уѣзднымъ людемъ въ помощь изъ царскіе
ы изъ Новгородскихъ доходовъ, треть, для ихъ разоренья, а двѣ трети
ходимаго расхода приказываетъ развытить и собрать съ Новагорода, съ
ду и съ уѣзду, съ сохъ, по сошному разводу, со всѣхъ земель (при-
нимъ выраженіе Устава князя Всеволода XII вѣка „со всего помостья"),
дворянскихъ и съ дѣтей боярскихъ, и съ монастырскихъ сохъ и со
кихъ бѣлыхъ людей съ дворовъ, со всѣхъ безъ выбору, чтобъ никто
избылыхъ небылъ, *потому что дѣло всее земли и мостами ѣздятъ
кіе люди*". Къ грамотѣ приложены двѣ росписи,—о распредѣленіи ис-
ленныхъ на мостовое дѣло расходовъ, одна по пространству земельныхъ
троенныхъ участковъ въ городѣ, а другая съ вотчинъ владычнихъ, мо-
тырскихъ, церковныхъ, боярскихъ и помѣстныхъ всѣхъ пятинъ. Послѣ
рой росписи приписка: „А съ стрѣльцовъ, и съ казаковъ, и съ пушка-
, и съ воротниковъ (т. е. съ стражниковъ при Дѣтинцевскихъ и башен-
ъ воротахъ), и съ казенныхъ кузнецовъ и съ плотниковъ (это реме-
ники Людиновъ-воиновъ) въ мостовое дѣло денегъ имати не велѣно"
. Арх. Экспед. Ч. III, № 146).

Наибольшимъ вниманіемъ лѣтописцы отличали изъ всѣхъ мостовъ
кій, соединяющій Славенскую и Неревскую сторону. По способу соору-
я слѣдуетъ относить первоначальное основаніе его къ вѣкамъ свайныхъ
роекъ. Лѣтопись знаетъ этотъ мостъ, что уже объяснено, съ X вѣка. Во
ена перваго изданія Мостоваго устава, или правильнѣе—во времена,
которымъ восходятъ древнѣйшіе списки Устава, онъ имѣлъ 22 устоя.
вые 11 составляли повинность десяти сотенъ и князя, а послѣднія, въ
омъ же числѣ,—отдѣльныхъ волостей, не вошедшихъ въ сотни. Изъ
ъ—Ржевская, Бѣжицкая, Вотьская, Обонежская, Лужская и Лопьская
ли по одному устою, Волховская—три, а Яжелбицкая два. Эти послѣд-
пять устоевъ приходились ближайшими къ Славенскому берегу и были,
оятно, менѣе дороги для починокъ, чѣмъ первыя семнадцать; они, должно
, осыхали въ лѣтнее время такъ, какъ нынѣ существующая мостовая
ъ праваго берега, устроенная въ 30-хъ годахъ нашего столѣтія, когда ста-
каменный мостъ. На рисункѣ Олеарія ея невидно, хотя мы пользу-
имъ по воспроизведенію на заглавномъ листѣ книги графа И. И. Тол-

стого, „До Петровская нумизматика, выпускъ I“, весьма мелкому
статочно точному.

Между изслѣдователями Новгородскихъ древностей существуетъ
что первый Волховской мостъ шелъ отъ Арсеньевской нынѣшней
съ Славенской стороны на Неревскую, къ Троицкой церкви, „сквозь
ныя дубовыя ворота Павловой башни, чрезъ которую тогда былъ
венный входъ въ крѣпость“ (т. е. въ Дѣтинецъ), но это мнѣніе (Н.
равьевъ. Трое сутокъ въ Новгородѣ) не имѣетъ никакихъ основаній:
дами же возникновенія его послужилъ отчасти мѣстный говоръ о
имѣющихся, будто-бы, подъ водою, недалеко отъ Арсеньевской церкв
меляхъ, нащупываемыхъ купающимися на пространствѣ, по прямой,
этою и Троицкою церквами;—отчасти же невѣрно понятое упомина
описаніи пожара 1696 года о Павловой башнѣ, извѣстное изслѣдова
по отрывкамъ изъ донесенія о немъ; издано же все донесеніе уже
сложившагося о нашемъ мостѣ мнѣнія.

Сваи обнажаются въ сухое лѣто въ разныхъ мѣстахъ Славенск
бережной и на протяженіи отъ Старорусской пристани почти до н
няго моста; на противоположномъ же берегу, между Дѣтинцемъ и
номъ, ихъ нѣтъ. Чтобы объяснить появленіе свай по правому берег
хова, нужно обратиться къ недавнему, сравнительно, прошлому, н
съ XVII вѣка. Гость Семенъ Гавриловъ имѣлъ солеваренные зав
Русѣ и привозилъ много соли въ Новгородъ;—ему даны были, изъ е
наго оброка, береговые участки на постройку лавокъ, въ 1651 году
1697 году получилъ, также изъ оброка, еще одинъ береговой уч
сынъ его, Иванъ Семеновъ. Въ нашемъ собраніи рукописей хранятся
дѣтельствованные списки данныхъ на эти участки (книга купчихъ
ныхъ, листы 34—36). Для выгрузки соли нужна была пристань.
Арсеньевской церкви находился, какъ мы знаемъ, Готландскій, и
мецкій рѣчной торговый дворъ; ему тоже не обойтись было безъ пр
далѣе, вверхъ по рѣкѣ,—на мѣстѣ недалеко отъ Старорусской пр
приходится проѣздъ къ Тевтонскому, или Нѣмецкому горнему двору,
далѣе лежалъ Псковскій дворъ; тотъ и другой нуждались въ прист
Къ XVII вѣку пристань Нѣмецкаго горняго двора вѣроятно сохра
такъ какъ дворъ существовалъ. Гость Семенъ Гавриловъ и другіе то
могли, конечно, пользоваться пристатью Готландскаго двора и поддер
ее. Въ концѣ XVII, въ XVIII и до второй половины текущаго вѣ
Новгородѣ была Казенная Флотилія, стоявшая у Славенской набер
Кромѣ того мы видѣли, что Цесарское посольство, прибывшее въ
родъ водою въ 1655 году, встрѣчали у Михайловской церкви,—з
и тутъ пристань была. Въ виду такихъ данныхъ едвали можно сомнѣ
что обнажающіяся близъ Арсеньевской церкви сваи принадлежатъ о
пристаней не особенно древнихъ временъ.

Мели, ощупываемые купающимися и рыболовами, явленіе обы
ное въ рѣкахъ, а особенно въ Волховѣ, противъ Арсеньевской
здѣсь рѣка дѣлаетъ крутой изгибъ; прибой ила, песку и всякаго с

вой сторонѣ вполнѣ естественъ,—а мели лежатъ именно къ лѣвому берегу. ые купальщики нащупываютъ на меляхъ камни и даже сваи. Принявъ вниманіе незапамятно давнее заселеніе нашей мѣстности, возможно дотить существованіе здѣсь такихъ же свайныхъ построекъ, какія открыты разныхъ частяхъ Европы. Кромѣ того мы уже замѣтили, что озеро Мяо было въ древности обширно, такъ что полночно-западный плесъ его одилъ, или могъ доходить, до самаго Дѣтинца и служить площадью для йныхъ построекъ; наконецъ—мели, камни и сваи представляютъ и заженіе рѣки для судовъ непріятельскихъ; они могли появиться и тогда, да Новгородъ укрѣплялся, въ 1477 году, при осадѣ Ивана III. Чтобы ановить между мелями и направленіемъ древняго моста причинную связь, бходимо имѣть обстоятельное изслѣдованіе дна нашей рѣки, порядокъ асположеніе мелей;—полагаться же на замѣчанія купальщиковъ и рыбовъ негодится вообще.

Павлову башню мы знаемъ въ оконѣ внѣшняго вала; въ числѣ Дѣцевскихъ ея нѣтъ,—по крайней мѣрѣ ни лѣтопись, ни поздніе письные памятники ни разу о ней не сказали. Въ описаніи пожара 1696 а между прочимъ читаемъ: „погорѣли (монастыри и 27 церквей) да на одовыхъ проѣзжихъ каменныхъ башняхъ, на Павловой и на Рогатиц шатры, и мосты, и воротніе щиты“ (отмѣтка эта приведена выше). знакомые близко съ мѣстностью изслѣдователи приняли, должно быть, сты и воротніе щиты этихъ башенъ за приспособленія къ проѣзднымъ воамъ Дѣтинца. Заключеніе, будто чрезъ дубовыя подъемныя ворота Павой башни былъ единственный входъ въ Дѣтинецъ—произвольно. Павло башнею нѣкоторые теперь называютъ, со словъ изслѣдователей, ту, рая стоитъ при началѣ полуденно-западнаго закругленія стѣны Дѣтинца, чающуюся отъ прочихъ и внѣшностью и внутреннимъ расположеніемъ; двужилая; имѣла много оконъ, вверху и внизу, во всѣхъ четырехъ ахъ, теперь заложенныхъ кирпичемъ; по слѣдамъ закладки видно, что вовсе не башенные, они высоки и широки; между верхними и нижними ожены круги изъ кирпича; ни на одной изъ остальныхъ башенъ покихъ круговъ нѣтъ и слѣда. Внутри башня имѣетъ нѣсколько покоевъ, способленныхъ для жилья; въ настоящее время она обращена въ хранище старыхъ дѣлъ.

Мы знаемъ, что послѣ Шведскаго разгрома 1611 года Дѣтинецъ примъ былъ въ порядокъ и въ такое положеніе, которое соотвѣтствовало бованіямъ военной науки начала XVIII вѣка, Петромъ Великимъ, ждавмъ нападенія на Новгородъ Карла XII, послѣ неудачнаго дѣла подъ рвою. Но Борисоглѣбская башня и та, которую называютъ Павловою, въ время не были разрушены: обѣ онѣ показаны на чертежѣ 1778 года. Императорѣ Александрѣ I Дѣтинецъ также былъ исправляемъ; ные проѣздные полукруглые ворота устроены на мѣстѣ древнихъ башенъ стенской и Воскресенской въ его царствованіе, профессоромъ Кузьми-

Сторожилы однако же не помнятъ, чтобы Борисоглѣбская башня разрана была въ это время. Между тѣмъ, до паденія части стѣны Дѣтинца

въ 1862 году, башни на всемъ ея протяженіи не было никакой. Т
образомъ, если башня, о которой идетъ рѣчь, названа Павловою не
вольно и не послѣ изслѣдованій о мѣстоположеніи Новгорода, сдѣла
въ теченіи первой половины нашего столѣтія,—имени ея и передѣл
изъ древней остается искать въ уничтоженіи Борисоглѣбской въ ца
ваніе Императора Павла I или въ первые годы Александра I и при
графу Аракчееву, бывшему тогда Военнымъ Министромъ и остававшем
всю свою жизнь неизмѣннымъ почитателемъ памяти обоихъ Императо

Подъемъ къ башнѣ, называемой Павловою, слишкомъ крутъ и в
съ береговой стороны,—чтобы подъ нею проложить путь въ Дѣти
Если-бы, какъ говорятъ изслѣдователи, древній Волховской мостъ ше
Троицкой церкви, въ городъ Кромный, необходимо было имѣть другой
чрезъ широкій и глубокій ровъ, чтобы войти въ Дѣтинецъ; къ тому же
отъ Троицкой церкви въ Неревской конецъ, гдѣ мы видѣли кам
церкви въ XII вѣкѣ и Лазаревъ монастырь въ XI, и гдѣ, поэтому, бы
стое населеніе,—слишкомъ длиненъ.

Признавая, по такимъ соображеніямъ, невозможность направленія
нѣйшаго моста къ Троицкой церкви отъ Арсеньевской, остановимся
на одномъ: въ житіи Преподобнаго Арсенія повѣствуется, что онъ л
удаляться въ уединенное мѣсто монастыря своего, на берегу Волхов
молитвы, и завѣщалъ братіи на томъ мѣстѣ и похоронить его. Завѣ
Праведника было исполнено. Мощи его обрѣтены и почивали, до пер
нія въ Кирилловъ монастырь, что на островѣ образуемомъ Жилотуг
протокомъ Левошнею, въ нынѣшней церкви его имени, гдѣ сохраня
рака надъ бывшею могилою Преподобнаго. Если-бы тутъ начинался
ховской мостъ, мѣсто уединенія Св. Арсенія приходилось-бы на с
юру (Ср. Ист. Росс. Іер. Ч. III, стр. 297 и Ч. V стр. 675, Макарій,
церк. древ. Ч. I, стр. 281).

Итакъ мы не видимъ никакихъ данныхъ считать мѣсто Волхо
моста не тамъ, гдѣ онъ теперь стоитъ. Въ подтвержденіе же нашего
приведемъ слѣдующее:

На Михайловскомъ изображеніи и на рисункѣ Олеарія простр
между Пречистенскою надворотнею башнею Дѣтинца и мостомъ забра
обѣихъ сторонъ каменными стѣнами такой же высоты, какъ и Дѣти
ская. Подобное сооруженіе и дорого и мѣшкотно; переносить его съ
на мѣсто, туда—гдѣ мостъ, было-бы безумною затратою труда, врем
средствъ, что противорѣчитъ торговому смыслу Новгородцевъ. На П
стенскихъ воротахъ сооружена церковь Положенія ризы и пояса Богом
въ концѣ XII вѣка; она и ворота сохранялись до второй половины
столѣтія; воротами этими выходили на Великій мостъ въ концѣ XV
(Геннадіевъ обходъ). Если-бы мостъ лежалъ не противъ Пречистен
воротъ, незачѣмъ было-бы имъ и существовать тутъ, и еще меньш
добности въ сооруженіи надъ воротами церкви. Мы видѣли уже, ч
Дѣтинцѣ были церкви только надъ проѣздными воротами, стало б
Пречистенскія служили для проѣзда на Великій мостъ.

Въ описаніи пожаровъ часто говорится объ истребленіи Торга и Вели-
моста; одинъ разъ, въ 1340 году, онъ весь сгорѣлъ по воду. Нерѣдко
ѣчается также въ лѣтописи о пожарахъ, уничтожившихъ Великій рядъ
мосту. Да и въ самомъ Уставѣ Ярослава послѣдніе „рилѣ“ доходятъ
торгу“. Въ городѣ торговомъ, какимъ былъ нашъ, единственнымъ цѣле-
разнымъ мѣстомъ для моста представляется то, на которомъ онъ и
ерь.

Въ книжкѣ „Трое сутокъ въ Новгородѣ“ отведено десять страничекъ
ховскому т. е. Великому мосту (стр. 32—42). Тамъ приведены подробности
ройства нынѣшняго и размѣры устоевъ и пролетовъ; указана и глубина
и отъ 14 до 16 футовъ, или отъ 2 до $2^1/_4$ саж. Нѣсколько выше и ниже
та глубина почти вдвое болѣе. Возможно, что устои нынѣшняго моста
шлись на риляхъ древняго, что и дало незначительную среднюю глу-
у рѣки. Сваи, которыя вколачивали для новыхъ устоевъ, имѣли длину
6 до 7 саженъ,—говорится въ этой книжкѣ; если онѣ углублялись
почву хотя и до половины длины, неминуемо должны были стать на
ки на первой же сажени,—не стали же потому конечно, что вколачива-
сь въ илъ и песокъ, скопившіеся большими вѣками около рилей древ-
шаго моста. Впрочемъ, строительное дѣло, да еще подъ водою, темное
ло; дѣлать окончательные выводы на основаніи показаній строителей—
сано.

Въ этой же книжкѣ сказано, что древній мостъ, т. е. лежавшій между
рквами Арсеньевскою и Троицкою, замѣненъ былъ, за ветхостью, дру-
мъ, построеннымъ въ 1543 году ниже прежняго мѣста. Къ сожалѣнію
точникъ, изъ котораго заимствовано это свѣдѣніе, неуказанъ; ни въ четы-
ъ Новгородскихъ лѣтописяхъ, ни въ Софійскомъ Временникѣ, ни, нако-
ъ, въ другихъ изданіяхъ письменныхъ памятниковъ древности мы такого
дѣнія не нашли, хотя прошли весь лѣтописный кругъ. Да, въ виду
ше приведенныхъ данныхъ, едва-ли и есть подобное свидѣтельство. Мы
емъ, что Волховской мостъ былъ обновленъ весь въ 1133 году, чрезъ
ть лѣтъ его поломала буря, и въ 1144 году „дѣлаша мостъ весь
езъ Волхово по сторонь ветхаго“ (I Нов. лѣт. стр. 9, годъ 6652); въ
9 году „заложища великій мостъ выше стараго моста“ (Тамъ-же, стр.
годъ 6737). Въ послѣдующія времена много разъ мостъ возобновляли;
ѣтки, кромѣ двухъ приведенныхъ, не даютъ никакихъ указаній о мѣстѣ,
ому и не приводятся; на этихъ же двухъ остановимся нѣсколько. Выра-
ніе лѣтописи „по сторонь ветхаго“ не значитъ, чтобы новый мостъ
вили на прежнихъ „риляхъ“,—а лишь рядомъ съ нимъ,—быть можетъ
ке по обѣ стороны стараго, по которому продолжалось движеніе въ про-
женіи работъ на одной сторонѣ, а затѣмъ ветхій мостъ разобрали,—
бшеніе пошло по готовой новой половинѣ; этотъ способъ примѣняется
ерь при починкѣ или перемѣнѣ настилки и подпирающихъ ее стоя-

Слова отмѣтки 1229 года „выше стараго“—мы относимъ къ размѣ-
ъ моста, а не къ положенію по теченію рѣки, потому, во-первыхъ,
лѣтопись не употребляетъ, сколько мы могли примѣтить, выраженій выше

и ниже—къ направленію теченія вообще, и во вторыхъ, ч
шествовавшаго года шло много дождей, залило пашни и по
людемъ бяже лзѣ добыти, ни нивъ дѣлати" (1 Нов. лѣт
43); а осенью „бысть вода велика въ Вълховѣ, поима ок
по Волхову; тъгда помьрзъшю озеру и стоявшу три дн
вѣтръ изломавъ вънесе все въ Волхово, ивъздра деветь г
моста и принесе къ Питбѣ подъ святыи Николу восемь
а девятую разнесе" (Тамъ-же, стр. 44). Наводненіе это у
былъ низокъ сравнительно съ уровнемъ рѣки, потому его

Число устоевъ, или рилей было постоянно не меньше 2
Ярославовымъ Уставомъ. Лѣтописныя отмѣтки о поврежденіі
или напоромъ льда нерѣдки, при чемъ, иногда въ нихъ ска
разрушенныхъ или унесенныхъ городней,—такъ: въ 1143
въ 1335—пятнадцати, въ 1345—семи, въ 1388—девяти,
въ 1421—двадцати, въ 1436—семи, и проч. При буряхъ
нечно, мѣры къ сбереженію моста; городни срединныя и сто
вѣтромъ спасти было трудно и, въ иныхъ случаяхъ, невозмож
къ берегамъ и тѣ, которыя стояли подъ защитою каменныхъ
шихъ Пречистенскія ворота Дѣтинца, возможно было уберечь,
такъ какъ торговые ряды выходили на мостъ; устои, над
роены были торговыя помѣщенія, сооружались, по всей
удвоенною прочностью. Страдалъ мостъ преимущественно
стало быть въ зимніе мѣсяцы, когда вода невысока и ко
реговые устои оставались на сушѣ. Волховляне и Яже
пять рилей, ближайшихъ къ Торгу, и, какъ мы полаг
большую часть года на сушѣ; подъ защитою каменныхъ
двѣ рили. Наибольшее число сорванныхъ или разрушенны
лѣтописи, двадцать (въ 1421 году), —что даетъ общее число,
береговыми, даже больше чѣмъ двадцать двѣ. По книжкѣ Неро
въ Новгородѣ), и въ дѣйствительности, нынѣшній каменный
сять устоевъ въ водѣ (быковъ) и два береговыхъ укрѣпле
двѣ древнихъ „рили" приходится по одному устою, что
высказанное нѣсколько строкъ выше наше сомнѣніе о глуб
нынѣшними устоями: они легли на древнія рили. Это
найдетъ подтвержденіе и въ ширинѣ пролетовъ между у
щейся между 5 саженями 2 футами и 11 сажен. 4 ф
стр. 36); т. е.—новые устои утверждались на риляхъ,
одну, или двѣ изъ нихъ, какъ было удобнѣе.

Великій мостъ былъ свидѣтелемъ усобицъ граждан
казни виновныхъ: осужденнаго бросали въ Волховъ, связа
если несчастливцу удавалось прибрести къ берегу, его уж
бросали, приписывая спасеніе отъ потопленія чудодѣйствен
Онъ былъ свидѣтелемъ и ужасовъ 1570 года. Грозный, д
приказъ сковать всѣхъ начальствующихъ въ Новгородѣ, мо
духовныхъ вообще и свѣтскихъ, равно женъ и родныхъ

охранять крѣпкою стражею кладовыя и тайники горожанъ состоятель-
ихъ и именитыхъ, казну, святые образа, священные сосуды и свякія
ности церковныя,—прибылъ въ самое крещенье съ великою силою на
родище; кровавая расправа началась съ духовенста. На другой день, по
ѣздѣ, царь „повелъ игуменовъ и черныхъ священниковъ и дьяковъ и
борныхъ старцовъ, которые прежде его пойманы въ передовомъ полку и
ставлены на привежѣ, избивати ихъ палицами на смерть и бивъ ихъ
велѣ когождо во свой монастырь развозити и погребати". Это было 27
варя. На другой день царь повелѣлъ грабить Софійскую казну и всякія
кровища, а владыку Пимена взялъ подъ стражу; разослалъ людей своихъ
всему городу, по окрестнымъ монастырямъ и церквамъ, и приказалъ
ъ: „казну и иконы и прогія драгія освященныя вещи и колокола тако-
де имати. Самъ же государь съ царевичемъ поѣде на Городище, и пріѣ-
авъ повелѣ приводити изъ Великаго Новаграда владычныхъ бояръ и иныхъ
ногихъ служилыхъ людей, и женъ ихъ и дѣтей, и повелѣ ихъ предъ со-
ою горцѣ и лютѣ и безчеловѣчнѣ различными муками мучити. И по мно-
ихъ неисповѣдимыхъ горкихъ мукахъ повелѣ государь тѣлеса нѣкоею со-
тавною мукою огненною поджигати, и своимъ дѣтемъ боярскимъ повелѣ
ѣхъ мученыхъ людей за руки и заноги и за головы различно тонкими
жи привязывати по человѣку къ санемъ конскимъ и быстро влещи за
анмы на великій Волховской мостъ, и повелѣ ихъ съ мосту метати въ
ѣку Волховъ; а женъ ихъ и дѣтей, мужескій полъ и женскій, младенцы
ъ ссущими млекопитаемыми, и всякъ возрастъ, повелѣ государь привозити
а Волховской мостъ и возводити на высоту, иже на то устроено бысть,
вязаху за руки и за ноги опако назадъ, а младенцевъ къ матеремъ вя-
ху, и съ великія высоты повелѣ государь метати ихъ въ рѣку Волховъ;
иные дѣти боярскіе и воинскіе люди, въ то время въ малыхъ судѣхъ
здяху по Волхову, со оружіемъ и съ рогатинами, и съ копіи, и съ топоры,
съ багры—и кто вспловетъ не верхъ воды, и они прихватывая багры,
одей копьи и рогатинами прободающе и топоры сѣкуще, во глубину безъ
лости погружаху, предающе горцей смерти. И таково горе и мука бысть,
ъ неукротимыя ярости царевы, паче же отъ Божія гнѣва, грѣхъ ради
шихъ. Яко на пять недѣль и болши по вся дни въ воду вметаше вся-
го возраста человѣкъ до тысячи на день, а много дни и полуторы ты-
чи, а тотъ убо день благодаренъ, коего дни ввергнутъ въ воду пятьсотъ
и шесть сотъ человѣкъ. И по скончаніи того, государь, съ своими воин-
ими людми начатъ ѣздити около Новаграда по монастыремъ, повелѣ гра-
ити церковныя и монастырскія казны и келіи и служебные монастырскіе
омы и всякіе обиходы, а еже въ житницахъ и на поляхъ въ скирдахъ
тоячей немолоченой хлѣбъ повелѣ огнемъ сожигати, а скотъ всякой, ло-
ади и коровы, повелѣ посѣкати. Потомъ пріиде во градъ со многимъ во-
твомъ, и по всѣмъ торгамъ у торговыхъ людей въ лавкахъ всякіе то-
и повелѣ грабити, и лавки разсѣкати и до основанія разоряти. По семъ
государь, со всѣми воинскими людми, поѣхалъ по всему граду и по
ъ посадомъ, и повелѣ у всѣхъ градскихъ жителей, во всѣхъ домѣхъ

и въ подцерковіяхъ и въ полатахъ имѣнія ихъ грабити и самыхъ му
и женъ безъ пощадѣнія и безъ остатка бити и грабити дворы ихъ,
хоромахъ окна и ворота повелѣ высѣкати". Тоже творили по волѣ
его опричники по всѣмъ пятинамъ верстъ на 200—300 отъ Новго
Грабежи и рѣзня кончились 13 Февраля (III Нов. лѣт. годъ 7080,
254—259).

Нынѣшній мостъ заложенъ 14 Сентября 1825, а открытъ 1-го Ап
1831 года; строилъ его по рисунку и вычисленіямъ К. Я. Рейхеля,
знаменитаго нумизмата по отцу, Маіоръ Розенкампфъ; стоимость пр
тельству обошлось въ 849,164 р. 76 к. ассигн. Въ настоящее врем
собираются, вотъ уже четвертый годъ, чинить; временный мостъ, уст
ный съ этой цѣлью, тоже приходитъ въ ветхость. Но, съ нѣкоторою
ятностью, можно надѣяться, что когда нибудь приступятъ къ поч
быть можетъ даже еще въ нынѣшнемъ столѣтіи. Если починка бу
разсчитана на прочность моста въ будущемъ, потребуются, пожалу
водолазныя работы, при производствѣ каковыхъ и обратятъ, быть мо
вниманіе на измѣреніе глубины рѣки и на испытаніе дна и почвы
ожиданіи подобныхъ работъ и на случай производства ихъ, Обществу
шему было-бы полезно снестись съ подлежащею высшею властью и
читься разрѣшеніемъ получать отъ производителей работъ точныя свѣ
о глубинѣ на разныхъ мѣстахъ и объ остаткахъ древнихъ рилей и сва
избѣжаніе такой же таинственности, съ которою производилась ломка
и склеповъ подцерковья Софійскаго собора пришлыми строителями и
вителями.

Неревская сторона.

Великій Волховской мостъ перевелъ насъ за свѣдѣніями объ остат
и слѣдахъ гражданской древности на лѣвую сторону города. Здѣсь,
мы сказали уже, жизнь собственно городская, съ благоустройство
внутренними порядками, сложилась позже, чѣмъ на правомъ берегу
хова. Государственныя учрежденія, если не всѣ, такъ нѣкоторыя,
сящіяся къ охранѣ страны, внутренней и внѣшней, къ доходамъ и сбо
и проч., перенесены сюда. Доживъ до вѣковъ лѣтописныхъ и пере
самобытные—эти учрежденія передали Московскому державству и тѣ
дарственныя сооруженія, въ которыхъ они отправляли свои многовѣк
обязанности, и которыя были свидѣтелями дѣятельности выборныхъ сан
ковъ страны Ильменской. Лѣтопись и другіе памятники сохранили
свѣдѣнія о тѣхъ только сооруженіяхъ, которыя помѣщались въ Дѣт
и близъ него; а о прочихъ письменные источники даютъ только сл
намеки, по которымъ изысканія болѣе затруднительны, чѣмъ по отно
къ правой половинѣ города.

Дѣтинецъ.

Въ неизданной еще работѣ нашей о Дѣтинцѣ приводятся подробности гражданскихъ сооруженіяхъ, въ немъ находившихся; въ настоящемъ изложеніи мы ограничимся лишь перечнемъ сооруженій, съ кратчайшими лѣтописными замѣтками, въ томъ же объемѣ, какъ сдѣлано въ статьяхъ объ остаткахъ и слѣдахъ памятниковъ древности церковной,—указывая мѣста сооруженій на изображеніяхъ Михайловскомъ и Знаменскомъ и на чертежахъ 1756 и 1778 годовъ.

Площадь Дѣтинца дѣлилась въ древности, какъ уже сказано раньше, на половины Владычню и Княжу; каждая имѣла двѣ части; одну занимали Владыка и князь, а другую—ихъ служилые люди.

Предѣломъ половинъ была дорога между воротами Пречистенскими и Воскресенскими; а главнѣйшими сооруженіями—Святая Софія въ одной половинѣ и Вѣчевая Палата въ другой.

Сооруженія Владычней половины названы въ статьяхъ о памятникахъ, остаткахъ и слѣдахъ церковной древности. Сооруженій княжей половины не сохранилось; башенъ и стѣнъ Дѣтинца не слѣдуетъ причислять ни къ одной половинѣ; о нѣкоторыхъ мы упомянули въ своемъ мѣстѣ, объ остальныхъ же сказано въ ожидающемъ изданія трудѣ нашемъ о Дѣтинцѣ; остатки же и слѣды сооруженій, бывшихъ въ Княжей половинѣ перечислимъ въ настоящемъ изложеніи въ такомъ порядкѣ: сперва скажемъ о Вѣчевой Палатѣ, а затѣмъ о зданіяхъ:—полуденно-восточной части—отведенной нижнимъ чинамъ свѣтской власти;—средины—и западно-полночной части, по изображеніямъ Михайловскому и Знаменскому.

Вѣчевая Палата.

Уже замѣчено выше, что на срединѣ Дѣтинцевской площади, противъ Софіи, на всѣхъ чертежахъ повторяется обширное каменное зданіе изъ двухъ большихъ домовъ, обнесенныхъ каменною же оградою; одинъ приходится прямо противъ Софіи, а другой ближе къ полуденно-восточной стѣнѣ Дѣтинца. Оба дома въ два жила. Впереди перваго—открытая башенка, напоминающая мѣсто, съ котораго объявлялись Вѣчевыя постановленія; памятникъ тысячелѣтію Россіи занялъ именно это мѣсто. На обоихъ чертежахъ нанесена площадь постояннаго Вѣча—чертами; на второмъ показаны площадки, предназначенныя для новыхъ каменныхъ сооруженій въ Дѣтинцѣ; одно изъ нихъ соотвѣтствуетъ положенію дома нынѣшнихъ присутственныхъ мѣстъ; передняя стѣна его, полночно-восточная, легла на заднюю стѣну дома постояннаго Вѣча. Такимъ образомъ основаніе нынѣшняго дома присутственныхъ мѣстъ заняло одну изъ стѣнъ Вѣчеваго. Въ подробностяхъ зданія на Михайловскомъ и Знаменскомъ изображеніяхъ замѣчается разница, собственно въ оградахъ, состоящихъ изъ жилыхъ помѣ-

щеній. По присоединеніи Новгорода къ Московскому державству, Па
Постояннаго Вѣча была передѣлана и, видимо, служила первое врем
мѣщеніемъ для намѣстниковъ Великаго князя и другихъ должност
лицъ. При возобновленіи всего Дѣтинца, между 1484—1492 годамъ,
дѣлана, вѣроятно, и Вѣчевая Палата, хотя объ этомъ и не упоминает
лѣтописи; въ XVII вѣкѣ она обращена, какъ мы видѣли, въ Пуш
дворъ, а въ концѣ прошедшаго совсѣмъ разобрана. Первоначальное с
женіе Палаты возможно относить къ той отдаленной древности, на ко
указала находка, при копаніи рва подъ основаніе памятника тысяче
Россіи, дубовой постройки и слоевъ слежавшихся обломковъ рако
Площадь, окружающая памятникъ, свободна отъ построекъ, а п
и не даетъ надежды на случаи глубокихъ земляныхъ работъ на всемъ
странствѣ ея, чтобы удостовѣриться въ толщѣ здѣсь жилого слоя
правленіи дубовой постройки,—но Обществу слѣдовало-бы, пока еще
очевидцы находки, испросить разрѣшеніе на раскопку облегающаго п
никъ пространства глубокими—узкими рвами въ звѣздообразномъ от
направленіи. При этомъ непремѣнно обнаружится какъ толща жилого
такъ и обширность залеганія обломковъ раковинъ, не говоря уже о
ятности встрѣчи съ остатками каменнаго вѣка и другихъ, за нимъ
вавшихъ, до начала русской лѣтописи.

Поселки Людиновъ-стражниковъ.

На Михайловскомъ изображеніи вся полуденно-восточная часть
жеской половины занята особо огороженными поселками съ прох
между ними. Общее расположеніе построекъ каждаго поселка п
дится по краямъ, составляя какъ-бы ограду заключенной въ нихъ пло
остающейся или вовсе не застроенною,—или имѣющею по одной из
срединѣ каждой, и въ одномъ два дома. Всѣхъ поселковъ пять. Пост
деревянныя, крыты тесомъ, на два ската. Дымовыхъ трубъ не озна
Замѣтимъ кстати, что всѣ вообще постройки обоихъ изображеній, к
ныя и деревянныя, большія и малыя, написаны безъ трубъ; должно
художники были иноземцы изъ теплыхъ странъ, гдѣ печей въ дома
было, кажется, до половины XIV столѣтія; по свѣдѣніямъ Гюльльманна
выя порядочныя кухни съ печными трубами и комнаты съ каминами
роены были въ этомъ столѣтіи въ Піаченцѣ (Общ. и част. жизнь въ
городахъ сред. вѣковъ стр. 30).

Самый большой поселокъ занималъ треугольную площадь, между
нями Борисоглѣбскою и Спасскою, отступя отъ первой на такое же
разстояніе, какое остается между нимъ и Спасскою башнею,—так
башня, стоящая въ Дѣтинцевской стѣнѣ, между этими двумя, вх
внутреннею своею половиною, т. е. обращенною на Дѣтинцевскою пло
въ этотъ поселокъ. Ограду его составляютъ: съ восточно-полуденной

ы стѣна Дѣтинца и башня, называемая теперь Павловою; съ западно-
ночной—рядъ тѣсно поставленныхъ одна къ другой избъ, съ окнами и
дными дверьми, обращенными внутрь площади и частоколъ (заборъ изъ
зенъ, вкопанныхъ въ землю стоймя) съ входными воротами; а съ пол-
но-восточной два дома по краямъ и заборъ между ними. Вдоль стѣны
тинца расположено семь одинаковыхъ избъ, съ узенькими проходами
ду ними. Какъ эти семь избъ, такъ и два дома по краямъ полночно-
точной стороны—совершенно одинаковы. На самой срединѣ площади не-
сокая, достаточно длинная, изба съ пристройкою съ западной стороны.
ъ постройки имѣютъ видъ казенныхъ; срединная изба—должно быть
рожевая, а боковыя—для жилья стражниковъ.

Второй поселокъ—самый меньшій. Это собственно не поселокъ, а дворовое
сто, прилегающее къ той части полночно-восточной стороны ограды пер-
го, которая пришлась между двумя крайними домами ея. Вдоль ограды
тянулся такой же, какъ и тѣ два, домъ, а противъ него, въ полночно-
точномъ направленіи, видна изъ за Борисоглѣбской башни часть еще такого
, должно быть, дома; восточными своими стѣнами эти дома обра-
ны къ оградѣ третьяго поселка; между западными же стѣнами неболь-
й заборъ и ворота. Въ статьѣ о церковныхъ сооруженіяхъ Дѣтинца ука-
ны на ближайшемъ къ этому поселку, или къ дворовому мѣсту, прост-
ствѣ, церкви—Борисоглѣбская и Андрея Стратилата, обѣ имѣющія отно-
ніе къ ратному дѣлу. На Михайловскомъ изображеніи написана одна,
торая нибудь, изъ этихъ церквей,—другая же заслонена отъ художника
рисоглѣбскою башнею; первая представлена маленькою,—должно-быть
Андрее-Стратилатовская, такъ какъ Борисоглѣбская „горазда бяше и
па", по словамъ лѣтописца. Описанное дворовое мѣсто принадлежитъ,
ется, одной изъ церквей. Мы причисляемъ его къ военнымъ поселкамъ
ому, что считаемъ обѣ церкви военными, какъ посвященныя воинамъ-
еникамъ.

Третій поселокъ размѣстился вдоль стѣны Дѣтинца на востокъ отъ
раго крайняго дома ограды перваго поселка. Съ полночной стороны онъ
есенъ заборомъ, на срединѣ протяженія котораго два небольшихъ домика,
одной связи съ заборомъ, а внутри поселка, ближе къ этому забору,
енькая церковь,—Андрее-Стратилатовская; у стѣны Дѣтинца показаны
ти двухъ, выглядывающихъ изъ-за нея, домовъ такого же вида, какъ и
первомъ поселкѣ; ограду восточной стороны составляетъ одинаковый же
ъ.

Четвертый поселокъ стелется на полночь отъ третьяго, во всю длину
; между обоими пролегаетъ дорога, по которой идетъ проѣздъ отъ пол-
ного угла перваго поселка прямо ко второму, съ запада на востокъ;
трѣтясь съ домомъ этого поселка, проѣздъ поворачиваетъ подъ прямымъ
гломъ на полночь къ востоку,—отсюда, подъ такимъ же угломъ, загибается
рисоглѣбской башнѣ, на полдень, и, наконецъ, дѣлаетъ поворотъ подъ
ымъ угломъ на востокъ и выходитъ къ полуденному концу зданій Вѣче-
й Палаты. Такимъ образомъ площадь четвертаго поселка шести угольна.

По сторонамъ полунощной и полуденной разставлены, довольно рѣдко д
отъ друга, домики не одинаковыхъ размѣровъ; площадь внутри поселка
бита на участки;—должно-быть это огороды, относящіеся къ каждому
мику. Почти на срединѣ ея стоитъ маленькая избушка, похожая на б
Всѣхъ домиковъ по обѣимъ сторонамъ одиннадцать. По всей вѣроят
это поселокъ семейныхъ стражниковъ, или старшихъ.

Послѣдній поселокъ расположенъ треугольникомъ; домики разстав
по всѣмъ сторонамъ, съ такими же промежутками, какъ и въ предыду
площадь внутри поселка совершенно пуста; невидно и огородовъ. М
нимъ и четвертымъ проходъ.

Всѣ эти поселки лежатъ западными своими границами вдоль до
направляющейся къ Спасскимъ воротамъ и составляютъ одну прямую
сточными же сторонами послѣдніе три выходятъ на проѣздную дорогу,
щую позади зданій Вѣчевой Палаты, отъ водяныхъ воротъ стѣны Дѣт
къ Покровской, что у Дьячего двора, церкви.

На Знаменскомъ изображеніи уже нѣтъ ни одного изъ перечислен
поселковъ; ограды большею частію уничтожены; одинаковые деревя
дома и избы снесены, а вмѣсто ихъ разставлены, изрѣдка, каменные
различной величины, по два и по три рядомъ; ими во многихъ мѣ
пересѣкается и дорога, направленная, по Михайловскому рисунку, къ
ской башнѣ.

Палаты сановниковъ.

По другую сторону дороги къ воротамъ Спасской башни выт
три длинныхъ, по узкихъ, каменныхъ дома, начиная отъ Дѣтинце
стѣны, сряду за западною стороною Спасской башни: первые два нѣск
задались на западъ, а третій, болѣе широкій, выдвинулся на полден
самомъ началѣ его большія, округленныя вверху, ворота,—а на к
противъ двора перваго, самаго большаго, зданія Вѣчевой Палаты, остр
хая шестигранная башня; она стала на полуденно-западной сторонѣ до
пролегающей вдоль восточныхъ границъ поселковъ Людиновъ-стражни
и направляющейся прямо къ Покровской церкви. Въ этихъ палатахъ
живали, во времена самобытія, высшіе служилые люди, состоявш
важныхъ должностяхъ при Вѣчевой Палатѣ и при народныхъ пол
тутъ же жили и Осменники, начальники сборщиковъ податей—Полю
другіе чины. Послѣдній къ Вѣчевой Палатѣ домъ, съ башнею, какъ
болѣе обширный, занимали, должно-быть, Осменники и Полюды; къ
относится большое дворовое мѣсто, во всю длину этого и сосѣдняго съ
по направленію къ стѣнѣ Дѣтинца, маленькаго, втораго по порядку,
оно огорожено съ западно-полночной стороны длиннымъ же и узким
меннымъ зданіемъ, а съ другихъ вдухъ—каменными же заборами. Въ пол
восточномъ концѣ двора, нѣсколько отступя отъ башни, высится назв
уже въ своемъ мѣстѣ церковь Св. Іоанна Златоуста, основанная въ

Посадникомъ Юріемъ Ивановичемъ (по Калайдовичу это Юрій IV). рисунку Михайловскому эта церковь имѣла очень высокую башню, по-ую въ общемъ на Кельнскую; она могла отвѣчать и за хорошую сторо-ю, и за стрѣльню; верхъ ея имѣетъ пять рядовъ обыкновенныхъ ба-ныхъ узенькихъ оконъ.

На Знаменскомъ изображеніи Палаты сановниковъ представлены такъ какъ и поселки Людиновъ, въ измѣненномъ видѣ: первый, ближайшій къ ѣ Дѣтинца, домъ уничтоженъ, дворъ же остался такимъ, какъ и на айловскомъ рисункѣ; башня и церковь не тронуты.

Житница.

Длинное, узкое каменное зданіе, составляющее ограду двора Палаты овниковъ съ западно-полночной стороны, есть государственная Житница, — то ссыпки зерна, собиравшагося съ податныхъ хлѣбопашцевъ. Въ пол-но-западномъ концѣ этого зданія устроены троечастныя ворота, — среднія рокія и высокія, — какъ проѣздныя, а боковыя, съ обѣихъ сторонъ, ма-ькія, для пѣшеходовъ. Вдоль западно-полночной стороны Житницы на-ся другой большой дворъ, на который ведутъ ворота; полночный й Житницы приходится противъ начала большаго зданія Вѣчевой Па-ы; онъ лежитъ у прямой, ведущей къ Покровской церкви, что у Дья-о двора, отъ поселковъ Людиновъ-стражниковъ. Основаніе, изъ котораго заключаемъ о назначеніи описаннаго зданія, приведено въ статьѣ о По-вской церкви на воротахъ отъ Прусской улицы; оно заимствовано изъ ска ружныхъ церквей XVI вѣка, въ которомъ эта Покровская церковь ится въ Стрѣльнѣ, за государевыми, церевыми и Великаго князя Жит-ами.

На Знаменскомъ изображеніи нѣтъ этого зданія Михайловскаго ри-ка; оно разбросано, должно-быть, при перестройкѣ Дѣтинцевскихъ со-кеній въ 1484—1492 годахъ, а Житница перенесена въ Палаты са-никовъ временъ самобытія.

Княжій дворъ.

Между Житницею и прямою къ Покровской у Дьячаго двора церкви, равно ду этою церковью, частію западно-полночной стороны Дѣтинца и огра-, продолженною отъ границы двора Палатъ сановниковъ къ той же ча-стѣны Дѣтинца, лежитъ большая прямоугольная площадь (по рисунку айловскаго изображенія); это княжій дворъ. Въ статьѣ о подземельи жей башни приведено лѣтописное свидѣтельство, по которому эту мѣст-ть мы называемъ Княжимъ дворомъ вѣковъ самобытія. Полночно-во-ную границу его составляютъ: нынѣ существующая Покровская церковь тѣна, идущая отъ полуденно-восточнаго угла ея прямо на востокъ,

сохранившаяся частію до сихъ поръ; на ней колокольня Покровской
стѣнообразная; стѣна примкнула къ небольшой башенкѣ съ ус
вверху, подъ шатровою крышею, и съ зубцами; въ восточной
башенки большія проѣздныя ворота, сведенныя вверху дугою;
шенкѣ ведетъ мощенная дорога отъ главной Дѣтинцевской, между
стенскими и Воскресенскими воротами. Въ каменной оградѣ полуде
падной границы двора, составляющей продолженіе сосѣдней ограды
Палаты сановниковъ; ровно посрединѣ ея троечастныя ворота, та
какъ и ведущія изъ того двора на этотъ Княжій; разница только в
среднихъ—проѣздныхъ: здѣсь онъ нѣсколько округленъ, а тамъ—ко
Въ стѣнѣ Дѣтинца, между Покровскою церковью и Княжею башнею
часть высокихъ воротъ; вѣроятно ими ходили за водою въ ровъ,
ющій Дѣтинецъ.

Часть стѣны Дѣтинца, къ которой примкнулъ Княжій дворъ, за
начиная отъ Княжей башни—на западъ къ полдню, вся. Къ самой
примкнулъ невысокій, въ одно жило, каменный домъ съ пятью небо
оконцами внутрь двора. Это древнѣйшее сооруженіе мѣстности и с
нами за дворецъ князя Владиміра Ярославовича, соорудившаго окол
года Покровскую церковь, а въ 1045—1052 годахъ—Софійскій
Здѣсь Святой Владиміръ жилъ до переселенія отца своего въ Кіевъ
этотъ значительно ниже Дѣтинцевской стѣны, почти на половину;
видимому, равносторонній и занимаетъ внутрь двора такое же прост
какъ и башня. Входныхъ дверей къ нему нѣтъ,—они пробиты въ
которая представляется, поэтому, частію княжескаго дома.

Рядомъ съ домомъ Св. князя Владиміра Ярославовича, стѣ
стѣну, и такой же ширины внутрь двора, вытянулся большой домъ
стѣны Дѣтинца; онъ кончается у полуденно-западной ограды Княжа
вышина съ крышею доходитъ до гребня Дѣтинца; дружилый; ровно
срединою стоитъ башенка съ тремя окнами во дворъ,—безъ зубцовъ
тесомъ, какъ и всѣ Дѣтинцевскія, и шатромъ, съ незначительным
помъ въ нижней части;—входной двери и здѣсь нѣтъ, такъ чт
большой домъ въ одной общей связи съ Владиміровымъ и Княжею
Позади его высится, противъ башенки, какъ бы плотно пристроен
стѣнѣ Дѣтинца, Покровская церковь, сооруженная въ 1305 году С
Климовичемъ на воротахъ отъ Прусской улицы, которыя застроены
большимъ домомъ. Мы видѣли, что—та первоначальная церковь
1389 году разобрана Посадникомъ Григорьемъ Якуновичемъ и вно
ведена; слѣдовательно можно установить причинную связь между
стройкою церкви и разсматриваемымъ домомъ, т. е., что Прусскія
пришлось, для возведенія его, заложить и церковь поднять выше
сдѣлалъ Григорій Якуновичъ. Обстоятельства, предшествующія 138
позволяютъ ставить постройку большого дома на Княжемъ дворѣ
висимость отъ условій мира съ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Д
ополчившимся противъ Новгорода изъ за ушкуйниковъ.

Упомянутое обнаруженіе, поверхностною раскопкою осенью 1893 года, ванія каменнаго сооруженія между башнями Княжею и большою По-скою, даетъ поводъ считать его за остатокъ большого дома Княжего а.

На Знаменскомъ изображеніи написана задняя сторона той части Дѣ-евской стѣны, которая соотвѣтствуетъ Княжему двору. Здѣсь Покров-башня, устроенная изъ церкви Семена Климовича и Григорья Якуно-, представлена окруженною со всѣхъ сторонъ, въ нижней ея части, охваченною стѣнами большаго дома и Дѣтинцевскою, выступающею жу, къ сторонѣ рва, за черту сосѣднихъ частей стѣны. Такимъ обра-ъ увеличеніе помѣщенія въ большомъ домѣ сдѣлано при возобновленіи ница въ 1484—1492 годахъ, не насчетъ площади Княжего двора, а едствомъ выдвига Дѣтинцевской стѣны ближе къ рву, такъ что боль-домъ остался на прежнемъ основаніи.

Въ настоящее время видны въ стѣнѣ, на пространствѣ между Княжею Покровскою башнями, остатки свода, служившаго потолкомъ нижняго а большаго дома.

Названіе двора Княжимъ свидѣтельствуетъ, что въ обоихъ домахъ жи-и великіе князья, которыхъ часто призывали Новгородцы на службу, и рые наѣзжали сюда время отъ времени, а также и ихъ намѣстники, ремена самобытія; Удѣльные же князья, и Великокняжескіе дѣти, не шіе еще собственныхъ удѣловъ, но призывавшіеся также въ Новгородъ, ивали постоянно на Городищѣ;—въ большомъ домѣ они останавлива-только на короткое время, когда приходилось бывать въ Новгородѣ по мъ, требовавшимъ ихъ присутствія.

Гридница служебная.

На Михайловскомъ изображеніи показана большая треугольная пло-ь: между первымъ къ Спасской башнѣ домомъ Палатъ сановниковъ, дою двора ихъ и Княжего, и частью стѣны Дѣтинца западнаго округленія; ь почти у самой средины стѣны стоитъ башня Кукуй; между нею и сскою, въ стѣнѣ, водяныя ворота. Къ большому дому Княжего двора мкнулъ каменный домъ въ три жила; онъ выше большаго и занялъ, стѣнѣ, все протяженіе между нимъ и башнею Кукуй; окна верхняго жила ходятся на той же высотѣ, что и зубцы Дѣтинцевской стѣны; къ нему строено, начиная отъ башни, почти во всю длину дома, деревянное зда-въ вышину доходящее до верхняго жила, а въ длину не захватившее хъ только оконъ средняго и двери ведущей въ нижнее, къ сто-ѣ большого дома Княжего двора. Къ башнѣ Кукуй также приставлена енькая каменная пристройка съ входною дверью съ восточной стороны, ъ окномъ въ полуденной. Названныя въ предыдущей статьѣ троечастныя та во внутренней оградѣ Княжего двора служатъ сообщеніемъ между ъ и описанными сооруженіями. По сосѣдству этихъ сооруженій съ

большимъ домомъ Княжего двора и по единственнымъ, не считая водя
замыкавшихся, воротамъ, которыми можно пройти къ нимъ только
Княжій дворъ, мы считаемъ трехъ-жилый домъ служебною Гридницей
зей и ихъ намѣстниковъ.

При возобновленіи Дѣтинца Иваномъ III сооруженія Гридницы,
обветшавшія къ тому времени,—и, слѣдовательно возведенныя много р
1389 г., къ которому относится постройка большаго дома Княжего дво
были разрушены. На Знаменскомъ изображеніи ихъ уже нѣтъ; но къ б
Кукуй приставленъ каменный домъ значительныхъ размѣровъ; на пло
же, названной нами треугольною, разбитъ садъ. Вѣроятно служебная
ница помѣщена была въ это время въ башнѣ Кукуй, и въ части и
гающей къ ней стѣны Дѣтинца, гдѣ мы видѣли жилье—покои, служи
по преданію, мѣстомъ заключенія для князя Серебрянаго. Теперешній
внутренности башни Кукуй, хотя и разрушающейся годъ—отъ году,
по остаткамъ, кое гдѣ еще уцѣлѣвшимъ, возможность представленія о
положеніи покоевъ и лѣстницъ.

Застѣнокъ.

Между Покровскою, нынѣ существующею, церковью и Воскресен
воротами расположенъ, по Михайловскому рисунку, особый поселокъ
дѣленный на шесть участковъ, каждый изъ которыхъ обнесенъ рубл
изъ толстыхъ бревенъ и высокою оградою. Вдоль вымощенной попе
пластинникомъ, дороги, между Воскресенскими и Пречистенскими воро
поставлено тѣсно другъ къ другу три высокихъ деревянныхъ дома, в
до надворотней Воскресенской церкви,—это полночно-восточная сторон
селка. На восточно-полуденной сторонѣ тоже три большихъ деревян
дома; средняя часть одного изъ нихъ въ два жила и выступаетъ вп
на Дѣтинцевскую площадь; между этими домами нѣтъ, какъ и м
первыми тремя, никакихъ промежутковъ. Пространство, прилегающе
тремъ домамъ первой стороны и къ двумъ, ближайшимъ къ дорогѣ,—
рой, отдѣлено особою оградою, примыкающею къ стѣнѣ Дѣтинца, отъ ос
ной площади поселка,—и перегорожено въ поперечномъ направленіи
дороги на зимній западъ;—такимъ образомъ получилось два участка,
одинаковыхъ размѣровъ. Во всю ширину третьяго дома второй сторон
селка идетъ къ стѣнѣ Дѣтинца площадь, огороженная также, какъ и
шествующая; она раздѣлена на двѣ части поперечнымъ же заборомъ;
которая прилегаетъ къ дому, вчетверо больше другой, приходящейся к
мой Дѣтинцевской стѣнѣ. По срединѣ большой площади, на равномъ
стояніи со всѣхъ сторонъ отъ ограды, стоитъ обширный, но не высокій
ревянный домъ, похожій на обыкновенный нынѣшній сѣнной сарай; въ
въ стѣнѣ обращенной къ лицевому большому дому, восемь оконъ,
восточной два. На маленькой площади нѣтъ никакой постройки. Эти
щади составляютъ другіе два участка поселка. Нѣсколько отступя от

наго угла большаго лицеваго дома, въ полночномъ направленіи, постав-
ъ къ самой оградѣ внутренней площади, къ этому дому прилегающей,
ольшой, въ три окна, домикъ,—а отъ него на зимній западъ, къ сто-
ѣ стѣнки между Покровскою церковью и башенкою у проѣзда на Княжій
ръ,—не длинное прясло ограды, поворотившей, подъ прямымъ угломъ, къ
нѣ Дѣтинца. Вмѣстѣ съ такою же оградою площади большаго лицеваго
а, съ зимне-западной стороны, эта послѣдняя образуетъ третью площадь
елка, раздѣленную поперечнымъ же заборомъ на двѣ части, составля-
ія еще два участка; та, которая пришлась къ Дѣтинцевской стѣнѣ, ни-
мъ не застроена. Между оградою этой третьей стороны поселка и По-
вскою церковью остается не широкій проходъ. Въ настоящее время вход-
я дверь въ церковь въ полночной стѣнѣ ея,—такъ что, если и въ древности
а была тутъ же, проходъ велъ къ ней. Будучи придворною, Покровская
рковь имѣла, вѣроятно, два входа,—одинъ съ Княжего двора, а другой съ
тинцевской площади.

На Знаменскомъ изображеніи разсматриваемый поселокъ представленъ
измѣнившемся нѣсколько видѣ; ограды и дома вдоль дороги, хотя не
ѣ, показаны; нѣкоторые на прежнихъ мѣстахъ; на углу у самой дороги
писанъ каменный домъ съ вышкою.

Поселокъ этотъ мы называемъ Застѣнкомъ потому, во-первыхъ, что
е въ росписи 1615 г. Покровская церковь значится: „у Дьячего двора“
во-вторыхъ потому, что тутъ, примѣрно подъ длиннымъ уединеннымъ
домъ на внутренней площади поселка, прилегающей къ большому лице-
му дому, нашли въ 1549 году,—что сказано выше,—„гдѣ стояла діачіа
а деревяная“, подъ поломъ ея въ землѣ, когда „розметаша ю всю и по-
ша землю копати на подшевъ трупіа мертвыхъ цѣли 12 человѣкъ“;—
ъ же найдено и нами около 30 костяковъ, густо залитыхъ известкою,—
тутъ же, за Дѣтинцевскою стѣною надъ рвомъ, стоитъ башня, про-
нная „Чортовою“,—впослѣдствіи передѣланная нѣсколько и пріютившая
ерь Новгородскій Музей древностей.

На Михайловскомъ изображеніи нѣтъ воротъ или двери для сообщенія
тѣнка съ Чертовою башнею; но мы видѣли при обзорѣ подземелья подъ
яжею башнею признаки прохода изъ него, внутри Дѣтинцевской стѣны,
направленію къ этой Чортовой башнѣ; а изъ описанія крестнаго хода
оло возобновленнаго Дѣтинца, съ Архіепископомъ Геннадіемъ во главѣ,
о Геннадіевъ обходъ 1492 года) оказывается, что Воскресенскія ворота
были уже проѣздными: Владыка шелъ по ту сторону рва, останавлива-
ь противъ воротъ Спасскихъ, Покровскихъ и Владимірскихъ, и минуя вовсе
скресенскія, лежавшія между Покровскими и Владимірскими,—(теперь Ни-
льская часовня). Такимъ образомъ сообщеніе Застѣнка съ Чертовою баш-
— могло быть и чрезъ Воскресенскія ворота. Въ этомъ послѣднемъ пред-
ложеніи поддерживаетъ и положеніе Чортовой башни во время написанія
ихайловскаго изображенія: она поставлена стѣна—объ стѣну съ Воскре-
нскою, за Дѣтинцевскою стѣною, раздѣляющею обѣ башни.

Бревенчатые высокіе заборы всѣхъ шести участковъ поселка соо ствуютъ назначенію тюремной ограды, за которою производился без вѣчный „розыскъ“ по дѣламъ уголовнымъ, со всѣми ужасами средне вой пытки.

Застѣнокъ расположенъ близъ Вѣчевой Палаты, бывшей въ древ мѣстомъ правительственнымъ и судебнымъ. Невдалекѣ отсюда лежал три подземелья, о которыхъ говорено выше, и Палата Престольно-Суде не чуждая, вѣроятно, также розыска.

Судная изба.

Москва, установивъ новый распорядокъ во внутреннемъ строѣ у ленія страною Ильменскою, измѣнила и судебное дѣло, примѣнивъ к уложеніе 1497 г. Вѣчевая Палата не могла быть помѣщеніемъ для Б суда уже по однимъ соединеннымъ съ нею воспоминаніямъ; къ том она занята была намѣстниками государя, которыхъ состояло въ Январѣ и ралѣ 1478 г. четыре, два на Славенской и два на Неревской сторо первыхъ двухъ, князѣ Иванѣ Стригѣ и братѣ его Ярославѣ, сказа лѣтописи, что великій князь велѣлъ имъ стати на своемъ дворѣ Ярос (Русс. Времен. Ч. II, 138);—гдѣ приказано поселиться другимъ двум мѣстникамъ, Василью Китарю и Ивану Зиновьеву (первые назначен Января, а другіе 5 Февраля. Тамъ-же стр. 138 и 140), лѣтопись не с ваетъ; но если первые заняли Палаты Великовѣчья,—вторымъ прил и цѣлесообразнѣе было отвести, для наиболѣе сильнаго уязвленія „ вольныхъ“,—Палату постояннаго Вѣча.

Въ краткомъ лѣтописцѣ Новгородскихъ Владыкъ, составляющемъ вое прибавленіе ко второй Новгородской лѣтописи, перечисляются соо нія, возведенныя Питиримомъ, Митрополитомъ Новгородскимъ и Велик кимъ, „въ дому Премудрости Божіи Софѣи“; между ними названы: „Б ная Палата, съ сѣнми,—во едино лѣто построена“ и „судный приказъ“ этомъ сооруженіи сказано такъ:—„да во 178 году (это 7178, соотвѣт ющей 1670) въ дому же Премудрости Божіи разобраны: Судной Кам Приказъ, и на томъ мѣстѣ построены два приказы, Судной, да дух на жилыхъ подклѣтяхъ, каменные жъ; да тогоже 178 году состроены на домовой обиходъ, погребъ да ледникъ каменные, отъ суднаго, д духовнаго приказа подлѣ городовые стѣны, къ каменнымъ поварнямъ“ соб. рус. лѣт. Ч. III, стр. 193).

Подробности этой записи указываютъ, во-первыхъ, что Москва н знавала неприкосновенности площади Дѣтинца, вѣками освященной— достояніе Премудрости Божіей, а во-вторыхъ, открываютъ основан точному опредѣленію мѣста Судной избы, отправлявшей Московское н судіе по уложенію 1497 года. Чтобы установить, когда именно воз эта изба и гдѣ она была первоначально, обратимся къ рисункамъ М ловскому и Знаменскому.

На Михайловскомъ изображеніи Дѣтинца, сряду за дорогою между кресенскими и Пречистенскими воротами, противъ Застѣнка, выведено ьшое, длинное, деревянное зданіе, начинающееся у самыхъ Воскресен-хъ воротъ и заворачивающее, насупротивъ башенки у дороги въ Кня-дворъ,—подъ прямымъ угломъ, на полночь. Оно приходится на томъ ти мѣстѣ, гдѣ теперь кладовыя архіерейскаго дома, книжная лавка атства Св. Софіи и Митрополичій дворецъ съ консисторіею въ нижнемъ помѣщеніи. Поэтому неопасно заключить, что сооруженные Питиримомъ иказы были именно тутъ, и что консисторія помѣщается въ духовномъ иказѣ 1670 года; слѣдовательно Судный приказъ находился у Воскре-нскихъ воротъ, противъ Застѣнка. Внутри Архіерейскаго двора стоятъ, оль Дѣтинцевской стѣны, до сихъ поръ невысокія каменныя хозяйствен-ія постройки, на мѣстѣ погреба и ледника Питиримовскихъ; какъ под-рживаемыя своевременными починками, они могутъ быть даже тѣми са-ыми, которыя поставлены въ 1670 году. Но Питиримъ построилъ камен-ые приказы, разобравъ старые, каменные же,—значитъ прежніе пришли ветхость, или оказались неудобными; на Михайловскомъ изображеніи мы димъ противъ Застѣнка зданіе деревянное, слѣдовательно предшествовавшія итиримовскому сооруженія возведены послѣ написанія этого рисунка, т. е. слѣ первой половины XV вѣка.

На Знаменскомъ изображеніи написана узкая и длинная каменная по-ройка на мѣстѣ деревянной Михайловскаго, начавшаяся, также какъ и ъ, отъ Воскресенскихъ воротъ; на срединѣ длины ея, въ восточномъ ъ воротъ направленіи, стоитъ башня. Полагая, что башни и башенки при тинцевскихъ сооруженіяхъ, казенныхъ и общественныхъ, имѣли значеніе рожевокъ, мы считаемъ упомянутую за принадлежащую Судной избѣ, строенной при возобновленіи Дѣтинца въ 1484—1492 годахъ. Съ того мени къ 1670 году она могла и обветшать, если не поддерживалась евременными починками и не разъ горѣла. Сооруженіе это мы называ-ъ не приказомъ, а избою, потому, что до царствованія Грознаго названія иказовъ въ письменныхъ памятникахъ не встрѣчается.

Въ старыхъ дѣлахъ консисторіи или архіерейскаго дома, о допущеніи разсмотрѣнію которыхъ членовъ Общества правленіе предполагаетъ про-ть Епархіальное начальство, можно найти болѣе обстоятельныя свѣдѣнія приказахъ Питиримовской постройки.

Судебныя избы.

Въ разгромъ 1570 года устроены были особенныя избы. Лѣтопись хранила извѣстіе объ уничтоженіи ихъ; подъ 1572 годомъ отмѣчено: то того же мѣсяца (Іюля) въ 7, въ понедѣльникъ, почали на Софійской нѣ, въ Земской, избы судебные съ мѣста разбирати, гдѣ государевы судили" (II Нов. лѣт. годъ 7080, стр. 171). Мнѣніе наше, что эти бы были особенныя, устроенныя только на время кровавой расправы съ

оклеветанными Новгородцами, основывается лишь на этой отмѣткѣ. Л
писецъ, свидѣтель ужасовъ разгрома, отмѣтилъ даже день, когда стра
избы начали разбирать; будь онѣ всегдашнія судебныя мѣста, разборк
привлекла-бы, конечно, ничьего вниманія,—какъ явленіе обыденное. В
женіе „почали разбирати“ даетъ поводъ считать избы деревянными,
вполнѣ соотвѣтствуетъ постройкамъ временнымъ; если-бы онѣ не был
кими, лѣтописецъ сказалъ-бы куда перенесли эти судебныя помѣщ
Гдѣ именно стояли избы—ни лѣтопись, ни преданіе не говорятъ; мы
вимъ ихъ въ Дѣтинцѣ потому, что здѣсь были всѣ, нужныя для сл
венно-розыскного производства того времени, приспособленія: Застѣнок
шестью отдѣльными, огороженными высокими бревенчатыми заборами,
рами, обширныя подземелья подъ башнями, Чортова башня для са
тяжкихъ пытокъ—и, что самое важное, Дѣтинцевская стѣна изъ-за
рой ни какой отчаянный вопль мучениковъ не былъ слышенъ внѣ ея
конецъ и лобное мѣсто, высокій помостъ на Волховскомъ мосту, под
ками. Владыка Пименъ и духовенство Софійской и прочихъ Дѣтинцев
церквей не могли мѣшать мучителямъ громомъ анаѳемы тѣшиться над
защитными жертвами: Архіерей—былъ взятъ въ заточеніе въ первый
прибытія Грознаго въ Новгородъ, а кровь духовенства была первою,
литою мучителями въ дни разгрома: ужасъ заставилъ священство
глухимъ и нѣмымъ ко всему, происходившему на глазахъ ихъ—и
мученической кончины своей въ безмолвіи.

Въ которой именно сторонѣ Дѣтинца стояли Судебныя избы, утв
тельно сказать мы не можемъ, но полагаемъ, что поодаль отъ Кн
двора и Палатъ намѣстничьихъ, въ которыхъ, по всей вѣроятности, п
вали судьи во время разгрома. Нѣкоторымъ указаніемъ по этому предмет
служитъ другое временное же сооруженіе, возведенное, по нашему мн
въ дни разгрома и занесенное въ лѣтопись сряду послѣ отмѣтки о С
ныхъ избахъ, съ указаніемъ мѣста, гдѣ оно стояло. Ему мы теперь
ведемъ нѣсколько строкъ.

Дьячья изба.

Сказавъ о Судебныхъ избахъ, современникъ разгрома продолж
„Да того же мѣсяца (Іюля) 9, въ среду, на Софійской сторонѣ п
Діячью избу разбирати, которая стояла у церкви у каменной, у Е
лима“, положеніе которой извѣстно. Что эта Дьячья изба была
менная, какъ и избы Судебныя, мы заключаемъ изъ того, что за 20
предъ разгромомъ поставлена была новая Дьячья изба близъ Покро
церкви (нашли много трупія мертвыхъ); для задуманнаго разгрома та
казалась малою,—потому и построили новую. Сказывая о Дьячьей
лѣтописецъ называетъ мѣстностью ея Софійскую сторону, точно также,
говорилъ о Судебныхъ избахъ, не упомянувъ, что оба эти сооруженія
ведены въ Дѣтинцѣ; мѣстность Дьячей избы онъ опредѣлилъ церковы

у, вѣроятно, что она стояла близъ нея,—Судебныя же избы, поэтому, строены гдѣ нибудь въ сторонѣ отъ церквей, или въ поселкѣ, названъ нами Застѣнкомъ, или тамъ, гдѣ была уже Судная изба, учрежден- сряду по присоединеніи Новгорода къ Московскому державству.

Ни на Михайловскомъ, ни на Знаменскомъ рисункахъ Дѣтинца не- но около церкви Входа въ Іерусалимъ ни какого зданія, потому, ко- но, что тотъ и другой писаны раньше 1570 года.

Загородье.

Великій князь Юрій Даниловичъ былъ позванъ Новгородцами въ 1322 у изъ Пскова, куда онъ скрылся отъ преслѣдованія князя Тверскаго ександра Михайловича, и по прибытіи, по крестному цѣлованію, въ вгородъ,—„поставиша и въ Загородьи, въ Ѳѳонасовѣ дворѣ діаконовѣ“ Нов. лѣт. годъ 6830, стр. 73). Это первое упоминаніе лѣтописи о За- родьи;—во второй разъ, въ описаніи пожара 1403 года названъ Загоро- къ: „погорѣ владыченъ дворъ и Околотокъ и Загородокъ“ (III Нов. лѣт. дъ 6911, стр. 234). Наконецъ Загородье же упомянуто въ отмѣткѣ 1372 ду: „Копаша ровъ около Людина конца, и Загородіа и Неревскаго конца“ Нов лѣт. годъ 6880, стр. 90). Мы знаемъ, что на Неревской сторонѣ лъ Загородной конецъ. Сопоставленіе этихъ данныхъ съ Уставомъ Яро- ава о мостахъ, гдѣ Чудинцева улица и Загородцы,—по спискамъ Ка- мзина и Дубенскаго,—а по Строевскому „Загорожаны“,—призваны къ ыванію мостовой повинности вмѣстѣ на одномъ участкѣ,—вызвало въ лѣдователѣ мѣстоположенія древняго Новгорода сомнѣніе въ существо- іи Загороднаго конца въ XI вѣкѣ (См. выше). Останавливаясь на на- ной описи 1623 г. и на отмѣткахъ лѣтописи подъ 1218 и 1220 го- ии, о подробностяхъ усобицы изъ-за Посадника Твердислава, И. И. Кра- ъ заключаетъ, что въ XIII вѣкѣ Прусская улица, означенная по наряд- описи находившеюся въ Загородномъ концѣ, не входила въ составъ , такъ какъ подъ первымъ изъ упомянутыхъ годовъ сказано, что Слав- ие и Неревской конецъ возстали противъ Твердислава,—„а Загородци всташа ни по сихъ, ни по онихъ—и что Твердиславъ поиде съ Люди- мъ концемъ и съ Прусы и бысть сѣця у городьныхъ воротъ“. Отмѣтка подъ вторымъ годомъ—„скопишася о немъ (о Твердиславѣ) Прусы и одинъ конецъ и Загородцы“—привела изслѣдователя къ заключенію, „что усы и Загородцы не одно и тоже“ т. е., что Прусская улица не при- длежала къ Загородскому концу, иначе лѣтописецъ долженъ-бы былъ азать только: „Людинъ конецъ и Загородцы“, и что Загородскаго конца да еще не было (О мѣстоп. древ. Нов. стр. 28—29).

Съ этимъ мнѣніемъ почтеннаго изслѣдователя нельзя согласиться. ставъ о мостахъ облагаетъ повинностію лицъ, или получающихъ корм- ие отъ государства, или непринадлежащихъ къ гражданамъ города, но льзующихся выгодами мѣстной торговли и удобствами благоустройства,

или, наконецъ, тѣхъ, которые не несутъ обязанностей жителей конц
какъ неимѣющіе въ городѣ собственныхъ дворовъ. Поставивъ на одинъ
стокъ Чудинцевъ и Загородцевъ, или Загорожанъ, мостовой законъ ука
тѣмъ, во 1-хъ, на сосѣдство Чудинцевъ и Загородцевъ съ участкомъ,
наченнымъ имъ для мощенія,—и во 2-хъ—на непринадлежность перв
какъ чужестранцевъ, къ гражданамъ Новгорода, хотя и допущенныхъ
живать внутри его огражденій, и на непричастность вторыхъ къ обяза
стямъ прочихъ Кончанъ. Уставъ поступилъ точно также и съ Прусам
чужеземцами: онъ поставилъ ихъ на ту долю участка Осмениковъ,
рая приходилась по сосѣдству съ Прусскою улицею. Участки Осмени
и Чудинцевъ съ Загородцами указаны выше въ своемъ мѣстѣ. Мы вид
что Чудинцева улица пользовалась свободою отъ обще-государствен
повинностей даже въ XVI вѣкѣ, (по поводу сбора зелья, т. е. по
и др.),—а о Загорожанахъ, какъ обитателяхъ конца, мы знаемъ, что
если не всѣ, то въ наибольшемъ числѣ, принадлежали къ Людинамъ, о
вающимъ воинскую повинность и получавшимъ кормленіе отъ государ
Такимъ образомъ Чудинцы и Загорожане принадлежа по мѣсту жи
ства къ одному концу Загородному, могли имѣть особое положеніе, въ
котораго ихъ обложили мостовою повинностью, какъ и Прусовъ, обит
лей того же конца. Въ борьбѣ изъ-за Твердислава не принимала, если
жаться мнѣнія Красова, никакого участія ни въ 1218, ни въ 1220
Чудинцева улица;—значитъ и она не принадлежала къ Загородному ко
Красовъ такъ и говоритъ, доказывая этимъ, что Загороднаго конца не
въ первую четверть XIII вѣка, и что улицы Чудинцева и Прусская
надлежали, поэтому, первая къ Неревскому концу, а вторая къ Лю
Если-бы это было такъ, что же такое „Загородцы" Твердиславовой
бицы? Улицы Загородной не встрѣчается ни въ одномъ изъ письмен
памятниковъ, до настоящаго времени обнародованныхъ. Отвѣтомъ на
вопросъ, разрѣшающимъ и сомнѣніе И. И. Красова, будетъ заключеніе
одновременномъ существованіи въ Новгородѣ двухъ мѣстностей, съ име
почти одинаковыми: Загородья и Загороднаго конца (Доказательств
возникновеніи Загороднаго конца въ долѣтописные вѣка приведены ук

Не подлежитъ сомнѣнію, что на Неревской сторонѣ концы обра
лись, какъ и на Славенской, не разомъ, а постепенно, и притомъ во
мена, на много опередившія лѣтопись. Послѣ того, какъ устроенъ
на лѣвомъ берегу Волхова городъ новый,—съ валомъ и рвомъ около
по обѣ стороны рва стали возникать поселки; впослѣдствіи и они
жены были окопами по обычаю древнѣйшихъ временъ. Это второе
леніе Неревской стороны получило названіе Загородья, или Загородка,
раскинувшееся за Новымъ городомъ. Въ дальнѣйшемъ расширеніи Нере
стороны понадобилось раздѣленіе ея на концы, къ составу котораго
будь Загородье не могло принадлежать, такъ какъ оно охватывало
Новый, прозванный Дѣтинцемъ, со всѣхъ сторонъ и къ нему прил
всѣ вновь возникшіе концы, оно такъ и осталось Загородьемъ, будуч
дѣлено отъ концовъ своимъ особымъ окопомъ и рвомъ. Послѣ само

городье не встрѣчается въ письменныхъ памятникахъ; его смѣнилъ „Малый земляной городъ“, или „городъ деревянный“.

Придерживаясь такого взгляда на отмѣтки 1322 и 1403 года, мы читаемъ, какъ Загородцевъ и Загорожанъ мостоваго Устава, такъ и Загородцевъ же 1218 и 1220 года—не обитателями Загороднаго конца, а жителями Загородья, то есть Малаго землянаго, или деревяннаго города; имъ, какъ огражденнымъ особымъ укрѣпленіемъ отъ всѣхъ трехъ концовъ Неревской стороны, возможно было держаться выжидательнаго положенія и, по выраженію лѣтописца, „зрѣти перезора“, въ 1218 году. Обитателямъ же конца Загороднаго не представлялось безопаснымъ оставаться въ покоѣ до того же перезора: они сидѣли среди возмутившихся и волновавшихся концовъ—Людина и Неревскаго. Однихъ Прусовъ лѣтописецъ назвалъ если даже подъ Загородцами разумѣть жителей конца потому, конечно, что обитатели другихъ его участковъ, Митрополичьяго острова и Чудинцевой улицы со всею Людгощей, принадлежали къ вѣдомству духовному; хотя они и были ратниками, но полка Владычня, съ особыми, отдѣльными отъ земскаго ополченія, начальниками въ продолженіе самобытія; до Шелонскаго дѣла 1471 года полкъ Владыченъ ни разу не принималъ участія въ Новгородскихъ смутахъ, какъ сторонникъ однихъ, или другихъ изъ враждовавшихъ насельниковъ города. Такимъ образомъ лѣтописецъ не могъ сказать того, чего требуетъ отъ него И. И. Красовъ, въ доказательство существованія Загороднаго конца въ 1220 году, то есть, что около Твердислава скопились Людинъ конецъ и Загородцы, вмѣсто сказаннаго имъ: „скопися Прусы, Людинъ конецъ и Загородцы“; если-бы подъ послѣдними разумѣлись жители конца, а не нашего Загородья,—онъ, лѣтописецъ, погрѣшилъ-бы и въ этомъ случаѣ противъ истины, такъ какъ ни Чудинцы, ни обыватели Митрополичья острова, не принимали участія въ усобицѣ.

Отмѣтка 1372 года, о копаньи рва около Людина конца и Загородья Неревскаго конца, понимаетъ ровъ Малаго вала, впослѣдствіи Меньшаго земляного города. Мы видѣли уже, что каждый конецъ имѣлъ свой окопъ ровъ снаружи и съ боковъ; Загородной лежалъ въ срединѣ между двумя другими; при окапываньи крайнихъ, съ боковъ, оказывался окапываемымъ и онъ—съ боковъ же,—а съ внѣшней стороны его омывала Гзень, такъ что Загородный конецъ нуждался въ рвѣ лишь съ внутренней стороны, прилежавшей къ Загородью въ томъ смыслѣ, какъ мы его понимаемъ.

На Михайловскомъ изображеніи Дѣтинцевскій ровъ не написанъ, но вокругъ нагорной половины каменнаго города, начиная отъ Русской дороги, что противъ Спасской башни, стелется рядъ деревянныхъ построекъ, на одинаковомъ отъ стѣны Дѣтинца разстояніи, соотвѣтствующемъ ширинѣ рва; въ четырехъ мѣстахъ между постройками—разрывы неодинаковой ширины. Въ одной изъ этихъ построекъ и было дано помѣщеніе Великому князю Юрію Даниловичу. Гдѣ находился дворъ Дьякона Аѳанасія—сказать трудно; но сравнивая постройки Загородья, нельзя не остановиться на единственномъ, большомъ, двужиломъ домѣ; онъ стоитъ на полночь къ во-

стоку отъ Дѣтинца, противъ Софіи и тѣхъ водяныхъ воротъ, которыя ве-
дутъ изъ Владычняго двора ко рву; теперь они застроены поварнями и
квасною Питиримовскихъ сооруженій, но видны со стороны Лѣтняго сада.
Домъ этотъ, какъ ближайшій къ Софійскому собору, могъ принадлежать
Дьякону Аѳанасію, а какъ большой—удобенъ для временнаго помѣщенія
Великаго князя.

Подъ 1611 годомъ приведено, въ особой статьѣ третьей Новгородской
лѣтописи, описаніе взятія Новгорода Шведами; тутъ, между прочимъ, сказы-
вается о мужествѣ Софійскаго протопопа Аммоса, затворившагося крѣпко
въ своемъ дворѣ съ вѣрными совѣтниками: „и біющеся съ нѣмцами много
время, и много нѣмецъ побилъ; нѣмцы же многажды ему говорили, чтобы
онъ сдался, онъ же отнюдь на ихъ словеса не уклонися; бывшу же ему
въ то время у Митрополита Исидора въ запрещеніи. Митрополитъ же сто-
яше на градской стѣнѣ поя молебны,—видя его крѣпкое стоятельство,
прости и благослови его за очи, смотря на дворъ его“ (III Новгород. лѣт.
стр. 266). Шведы ударили всею силою на дворъ Аммоса и зажгли—,
сгорѣлъ онъ со всѣми, ни единаго не взяша жива“. Вѣроятно дворъ этого
мученика, самоотверженнаго Новгородца, находился въ Загородьи, если Вла-
дыка видѣлъ со стѣны и благословилъ Аммоса.

По Знаменскому рисунку Загородье застроено нѣсколько тѣснѣе, осо-
бенно съ западно-полночной стороны, гдѣ дома стоятъ, мѣстами, вдоль рва
въ три четыре ряда. Кромѣ обыкновенныхъ деревянныхъ, разныхъ разме-
ровъ, здѣсь видно пять каменныхъ, изъ нихъ четыре съ вышками (теперь
решніе мезонины). Слѣдуетъ замѣтить, что въ огромномъ большинствѣ ка-
менные дома Знаменскаго изображенія совершенно одинаковы; такими-ли
они были въ дѣйствительности, или только выражаютъ вкусъ художника,—
судить не беремся, хотя нѣкоторые нынѣшніе каменные дома старинной
постройки, напримѣръ Митрополичій въ Дѣтинцѣ, Ив. Сав. Иванова близ
Филипповской церкви, И. И. Доррера по Московской улицѣ, и др., а также
большая часть каменныхъ домовъ въ Русѣ и въ селахъ—такого же вида.
Въ полуденномъ концѣ Загородья, на пространствѣ, соотвѣтствующемъ рас-
стоянію между башнями Спасскою и другою, называемою Павловою, стоит
церковь Нерукотвореннаго образа.

Въ статьѣ о Застѣнкѣ сказано о закрытіи Воскресенскихъ воротъ, как
проѣздныхъ; на Знаменскомъ изображеніи нѣтъ моста чрезъ ровъ, обнимо-
ющій Дѣтинецъ, ни къ Воскресенскимъ, ни къ Покровскимъ воротамъ; вѣ-
роятно Загородье сообщалось, въ XVI вѣкѣ, съ Дѣтинцемъ только тѣми во-
ротами, которыя были подъ башнями Спасскою и Владимірскою. Знаменское
изображеніе писано съ полночно-западной стороны, такъ что художникъ не
могъ видѣть ни этихъ башенъ, ни воротъ, ни мостовъ. Но чрезъ ровъ,
окружающій Загородье показалъ мостъ, ведущій къ башнѣ, которая стоит
противъ Воскресенской Дѣтинцевской. На изображеніи Флоровскомъ видно
въ этомъ мѣстѣ мосты чрезъ оба рва. О мостахъ скажемъ особо, въ от-
дѣльной статьѣ.

Каменныя палаты.

Въ статьѣ о дворцѣ Степеннаго Посадника указаны каменныя палаты, записанныя на Знаменскомъ изображеніи въ разныхъ мѣстахъ Неревской стороны. На принадлежность ихъ сановникамъ и на возведеніе на государственныя средства въ лѣтописи нѣтъ никакихъ указаній отъ временъ самобытія и болѣе позднихъ. Но имѣются свѣдѣнія о принадлежности нѣкоторыхъ палатъ Государю Московскому и его сановникамъ,—равно указанія на проживаніе великихъ князей и другихъ высокихъ особъ въ тѣхъ или другихъ участкахъ Неревской стороны. Полагая, что князья и сановники государей занимали наилучшія помѣщенія въ городѣ, мы попытаемся указать на Знаменскомъ изображеніи, по письменнымъ источникамъ, тѣ каменныя палаты, которыя принадлежали Государю Московскому и его сановникамъ, и тѣ, въ которыхъ временно могли проживать высокія особы.

Въ спискѣ Новгородскихъ ружныхъ церквей 1585 г. о церкви Образа Нерукотвореннаго, на Добрынѣ улицѣ, сказано, что она стоитъ на дворцовой площади противъ Спасскихъ воротъ Дѣтинца (Времен. Моск. Общ. Истор. кн. 24, стр. 30). Въ Новгородской лѣтописи подъ 1572 годомъ отмѣчено: „Въ ночи 31 Іюля нарядъ государской: съ горы, съ площади дворецкой съ Софійской стороны, пушки и ядра на Волховъ на берегъ провали къ судну, къ лодіи, казакы Новгороцкые своихъ дворовъ съ улицы“ (Нов. лѣт. годъ 7080, стр. 172). Въ полуденно-восточномъ концѣ Загородья, противъ Образовой церкви, на западъ, стоитъ каменный большой домъ,—одинъ изъ всѣхъ пяти этой мѣстности, неимѣющій вышку; вокругъ его и поблизости нѣтъ построекъ. Церковь Образа и этотъ каменный домъ—на высокой насыпи, какъ-бы на горѣ. Такимъ образомъ приведенныя письменныя свидѣтельства подходятъ къ этому дому,—мы и считаемъ его за дворецъ Государей Московскихъ, построенный одновременно съ возобновленіемъ Дѣтинца. Отсюда открывается прекрасный видъ на весь городъ—по Славенской сторонѣ и вверхъ по Волхову на Городище, Юрьевъ и другія окрестности, живописныя и теперь, несмотря на всю захудалость Новгорода.

Въ спискѣ ружныхъ церквей Спасская надъ Дѣтинцевскими воротами опредѣлена такъ: „Въ каменномъ городѣ надъ вороты у Намѣстничихъ дворовъ“ (Временникъ кн. 24). Въ какомъ положеніи къ этимъ воротамъ стояли Намѣстничьи дворы,—т. е. внутри-ли Дѣтинца, или внѣ его, за стѣною,—свѣдѣній не имѣется. Въ первомъ случаѣ ими приходится признать тѣ каменные дома, которые показаны, по Знаменскому изображенію, въ первомъ поселкѣ Людиновъ-стражниковъ—Михайловскаго, а во второмъ—ихъ мы найдемъ въ ближайшихъ къ государскому дворцу трехъ небольшихъ каменныхъ домахъ, одинъ изъ которыхъ, довольно длинный и узкій, лежалъ поперекъ Русской дороги, прямо противъ Спасскихъ воротъ.

Въ упомянутомъ спискѣ 1688 года новаго воеводы, данномъ Новгородскому Намѣстнику (книжка 1888 года—Новгородъ двѣсти лѣтъ назадъ)—

названа въ числѣ башенъ Дѣтинца послѣ Спасской,—перечисленіе на
съ Пречистенской, что противъ Волховскаго моста,—та, которая пр
великихъ государей (Іоанна и Петра Алексѣевичей) двора. До этой б
описаны: Пречистенская, Борисоглѣбская и Спасская; называемая же
ловою пропущена. Если составитель списка разумѣлъ подъ башнею
тивъ двора государей эту, пропущенную, стоявшую тогда между Бо
глѣбскую и Спасскою, а теперь, за уничтоженіемъ Борисоглѣбской (
снено выше), не доходя до Спасской, дворомъ государей XVII вѣка б
тотъ большой домъ, который стоитъ на западъ отъ Образовой церкв
если составитель списка говоритъ о Кукуевской рукописнаго житія
ріарха Никона, стоящей между Спасскою и большою Покровскою, въ т
случаѣ дворомъ государей слѣдуетъ считать обширный каменный съ
кою, обыкновеннаго вкуса строителей времени написанія Знаменскаг
сунка,—построенный прямо противъ башни Кукуй, лицемъ на по
Домъ этотъ стоитъ особнякомъ и не имѣетъ никакой ограды; около не
всѣ стороны пусто. На Михайловскомъ изображеніи не показано въ
родьи ни одного каменнаго дома; значитъ этотъ выстроенъ уже посл
писанія его какимъ нибудь богатымъ Новгородцемъ, котораго постиг
1478 году опала, а домъ его взятъ на государя и, впослѣдствіи, обра
во временной дворецъ.

Въ 1547 году пріѣхалъ въ Новгородъ Государь Иванъ Васил
„съ своею братьею съ княземъ Юрьемъ Васильевичемъ да со княземъ
димеромъ Ондрѣевичемъ;—а самъ князь великій стоялъ на Прусской у
въ Казаринова двори Дубровскаго; да братъ его князь Юрьи стоя
каменномъ городѣ въ Дѣтинцѣ въ архіепископовѣ дворѣ, да князь
меръ стоялъ на Рядятинѣ улици въ Ивановѣ дворѣ Ѳѳонасьева сына" (
лѣт. годъ 7055, стр. 151). Не касаясь причинъ, побудившихъ Гр
остановиться въ домѣ частнаго лица, а не на Ярославлѣ дворѣ, ко
такъ настойчиво требовалъ себѣ дѣдъ его, и не въ Дѣтинцевскихъ
тахъ,—неразгаданная личность Ивана IV могла имѣть ихъ въ болѣз
недовѣрчивой душѣ своей множество,—укажемъ на каменныя Палат
торыя могли принадлежать Казаринову-Дубровскому. Прусская улиц
ковъ самобытія занимала обширную площадь; ко времени написанія
менскаго изображенія она не была еще передѣлана на Московскій
такъ что старинные проѣзды и проходы остались нетронутыми. Мы з
что противъ нея были въ Дѣтинцевской стѣнѣ ворота, надъ которым
садникъ Семенъ Климовичъ поставилъ въ 1308 году каменную Покро
церковь. Отъ мѣста этихъ воротъ на западъ къ полночи лежитъ,
лекѣ отъ вала, обширный дворъ, обнесенный оградою; онъ пришел
рисункѣ противъ той части крестнаго хода по острогу города, въ к
написанъ второй образъ на рукояти, должно быть святыхъ братьевъ
никовъ Бориса и Глѣба; первый, впереди—это Богоматерь—Знаменіе.
три двора два каменныхъ дома рядомъ, стѣна объ стѣну; третій, кам
же, большой тоже, на полуденномъ углу двора; всѣ дома не Новгор
постройки, безъ вышекъ. Между этимъ дворомъ и внѣшнимъ валомъ

кихъ построекъ, хотя пространство тутъ большое; вокругъ всѣхъ сто- двора широкіе проѣзды. На этомъ именно дворѣ мы останавливаемся отсутствію близъ него другихъ дворовъ и по постройкѣ домовъ не въ городскомъ вкусѣ того времени. Вѣроятно Казариновъ-Дубровской былъ вичъ, поселившійся въ Новгородѣ по уничтоженіи самобытія и пользо- ся довѣріемъ мнительнаго государя, уже замышлявшаго, быть можетъ, авую расправу.

Рядятина улица составляла участокъ древняго Кромнаго города; здѣсь кивали большею частью чужестранцы; каменныхъ палатъ тутъ нѣ- лько; одна, большая съ вышкою, близъ церкви Василія Парійскаго, мѣ- которой нами опредѣлено; близъ нея и была въ половинѣ XVI вѣка Рядя- а улица. Эти палаты, какъ ближайшія къ Дѣтинцу и къ двору госу- скому у Оброзовой церкви, могли показаться князю Владиміру Андрее- у удобными для непродолжительной стоянки; Иванъ IV и его братья и въ Новгородѣ въ этотъ пріѣздъ съ 14 по 20 Ноября; отсюда они равились въ Псковъ (тамъ-же).

Въ 1568 году Грозный опять прибылъ въ Новгородъ съ царевичемъ шомъ большимъ и съ тѣмъ же двоюроднымъ братомъ своимъ Влади- омъ Андреевичемъ: „А стоялъ Государь на Торговой сторонѣ, на Буя- ѣ улицѣ, а владыченъ дворъ былъ занятъ на Царевича, а князь Воло- еръ стоялъ на Холопіи улици; а былъ Государь всего того въ Новѣго- ѣ восемъ дней“ (II Нов. лѣт. годъ 7076, стр. 162). Подозрительность я сказалась и въ этотъ пріѣздъ; онъ не остановился ни во Владычнемъ рѣ, ни въ государскомъ, ни у Казаринова-Дубровскаго, а избралъ тотъ стырскій Ковчанскій домъ, въ которомъ, въ берегу, стоялъ въ 1552 у Греческій Митрополитъ Ѳеодосій, и который перешелъ уже во владѣніе ынскаго монастыря. Холопья улица лежала тамъ, гдѣ теперь Тихвин- я церковь; она доходила въ одну сторону до Волховскаго берега и въ ую до нынѣшней Петербургской улицы. На всемъ этомъ пространствѣ занъ, по Знаменскому изображенію, одинъ только большой каменный ъ, недалеко отъ Яковлевской церкви, обнесенной оградою; деревянныхъ большихъ домовъ много. Если Московскіе князья и вельможи предпочи- и каменные дома для своего жительства,—что вѣроятно, покрайней мѣрѣ осительно временной стоянки въ Новгородѣ,—каменный домъ безопаснѣе евяннаго въ пожарномъ отношеніи на случай умышленнаго поджега,— такомъ случаѣ этотъ единственный домъ мы отведемъ князю Влади- у Андреевичу. Относительная близость его къ Яковлевской церкви, авшей въ улицѣ того же имени, нѣсколько препятствуетъ причисленію еннаго дома не къ этой улицѣ, а къ Холопьей; но это препятствіе ько кажущееся и легко поддается устраненію. Упомянутое распоряженіе ввы—проводить улицы впрямь, изъ поля въ берегъ, состоялось въ 1530 у и приводилось въ исполненіе послѣ всякаго пожара, при возведеніи ыхъ построекъ; въ 1555 году вспыхнулъ пожаръ на Яковлевой улицѣ;— уничтожено 15 улицъ и 1500 дворовъ (II Нов. лѣт. годъ 7063, 158). До пріѣзда Грознаго въ 1568 году прошло отъ этого пожара

12 лѣтъ; улицы на погорѣвшемъ пространствѣ успѣли у
Московскому порядку, такъ что большой каменный домъ
пріѣзду царя на Холопьей улицѣ; въ 1623 г., при сос
описи, улицы Яковля и Холопья шли одна подлѣ другой

Прочія каменныя палаты Знаменскаго изображенія,
ныхъ, могли быть государственными и общественными;
таковыми, при настоящемъ объемѣ письменныхъ источни
пользуемся, невозможно представить мало-мальски пут
Будемъ надѣяться, что вниманіе сочленовъ нашихъ къ п
меннымъ и вещественнымъ, остающимся цѣлыя столѣт
вѣстности, откроетъ новыя данныя для подробнѣйшаго и
женія древняго Новгорода и его внѣшности, являющей
вѣрнымъ отраженіемъ бытовыхъ сторонъ населенія.

Улицы Неревской стороны.

Въ статьѣ объ улицахъ Славенской стороны мы в
ихъ въ жизни самобытнаго Новгорода и указали тѣ пріем
водятъ нашими о нихъ изысканіями. Говоря о значеніи
Знаменскаго изображенія мы замѣтили, что Неревская ст
художникомъ съ большею тщательностью, чѣмъ Славенск

Въ изложеніи нашихъ изысканій объ улицахъ Н
приходится держаться не того порядка, которому мы сл
дѣленіи мѣстъ и вообще слѣдовъ памятниковъ церковной
задача наша ограничивалась небольшими площадками,
конецъ удобно было разбить на участки. Площади улицъ
образны въ очертаніяхъ предѣловъ; одна продолговатая, д
лая, третья четыреугольная и проч. Поэтому здѣсь нел
дѣленія ими концовъ,—необходимо для каждой улицы с
разъ занимающее почти половину конца,—а другой—не
шадь въ срединѣ, или къ которому нибудь краю его.

На Неревской сторонѣ было три конца государств
рода, и три другихъ, созданныхъ частною жизнью. Эти
будемъ разсматривать съ сосѣдними государственными,
винъ ихъ, и то лишь въ тѣхъ случаяхъ, если встрѣтят
вавшіяся во времена самобытія.

Какъ на Славенской сторонѣ Торгъ, Вощники и Б
составляли особыя отъ концовъ учрежденія, такъ на Не
Новинка, Побережье и Кромный городъ, хотя они и не и
дѣйствія на теченіе городской жизни. Загородье и Нови
римъ отдѣльно отъ концовъ, какъ особые поселки, для
объясненій и дальнѣйшихъ изысканій о древнѣйшихъ у
ляющихъ подраздѣленія концовъ на правительственные

-и и Кромномъ городѣ, составлявшихъ также особые и, повидимому, стоятельные—въ перволѣтописные и болѣе раннiе вѣка—поселки,— мъ говорить предъ объясненiями о тѣхъ концахъ, которые къ нимъ легали, расширяясь постепенно и образуя поселки собственно горожанъ.

Примѣчанiе. О Новинкѣ мы упомянули при объясненiи мѣстоположенiя церкви „Со- Архангела Гаврiила". Она встрѣчается впервые только въ писцовыхъ книгахъ и въ й частной сдѣлкѣ XVI вѣка (Акты Юридич. № 292); за тѣмъ упоминается въ росписи вей 1615 г., въ приведенныхъ донесенiяхъ воеводъ 1623 и 1649 годовъ и въ пере- чномъ спискѣ 1688 г. Мѣстность эта, какъ говоритъ самое названiе, новая, появив- ся послѣ самобытiя; но мы разсматриваемъ ее нѣсколько подробно, хотя новыя улицы и ходятъ въ нашу задачу; дѣлаемъ это въ тѣхъ видахъ, чтобы имѣть возможность уясне- ъ пространства и положенiя Новинки открыть путь къ болѣе точному опредѣленiю во- шихъ въ площадь ея тѣхъ, или другихъ, пространствъ Кончанскихъ поселковъ вѣковъ бытiя.

При объясненiяхъ поселковъ Славенской стороны мы не выдѣляли ле- вшихъ по каждому проѣздовъ и проулковъ, упоминая только о нихъ; выдѣляли также и Запольевъ, которыхъ тамъ было всего два, Никит- е и Радоковицкое. Причиною тому—недостаточная точность Знаменскаго унка—для строгаго опредѣленiя проѣздовъ и проулковъ и слабая засе- ность мѣстъ за внѣшнимъ валомъ, заливаемыхъ весеннимъ подъемомъ ы. Неревская сторона обработана художникомъ съ большею тщатель- тью; Заполья ея разростались за внѣшнимъ валомъ свободно; кромѣ шнихъ на этой сторонѣ они встрѣчаются и внутри города. Поэтому ь, при объясненiяхъ улицъ, мы будемъ говорить, вслѣдъ за указанiемъ гоположенiя поселковъ каждаго конца, отдѣльными статьями о проѣз- ъ и Запольяхъ.

Поселки Загородья.

Пространство отдѣльнаго укрѣпленiя для защиты поселенiй праваго ега Волхова возникло, какъ уже выше сказано, въ далекiя отъ начала ской лѣтописи времена, и не на пустырѣ, а среди отдѣльныхъ посел- ъ Неревлянъ, перешедшихъ на лѣвый берегъ съ горы Нередицы одно- менно съ выходцами горы, на которой теперь Городище, Славлянами. тинецъ сталъ на самомъ возвышенномъ мѣстѣ лѣваго берега, бывшаго омнѣнно заселеннымъ до возведенiя этого укрѣпленiя; первозанимщикамъ щади, отошедшей подъ Дѣтинецъ, пришлось ее очистить и занять бли- йшiе къ городу Новому участки земли, и окопаться. Эти-то поселки и ложили начало Загородью.

Носили-ли какiя либо названiя первые поселки Загородья,—доискаться возможно,—хотя вѣроятность въ пользу существованiя названiй, необхо- ыхъ для общенiя жителей Загородья между собою, съ сосѣдями лѣваго га и противоположнаго поселка.

Названія поселковъ слагаются или изъ именъ личныхъ, или въ зависимости отъ урочищъ, или изъ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ, вообще изъ отличительныхъ, общеизвѣстныхъ и общепонятныхъ, признаковъ, которые составляютъ особенность свойственную отдѣльному двору или всей совокупности одного какого либо поселка. Не только по Ильменской стороне и по всей Россіи названія населенныхъ мѣстъ сложились именно так. Писцовыя книги и лѣтописи говорятъ, что древнѣйшія названія поселковъ принадлежатъ почти всегда именамъ личнымъ, если они незначительны, болѣе же крупные и выдающіеся по значенію своему для цѣлаго чаще называются по урочищамъ.

Яневъ.

Ближайшій къ Дѣтинцу поселокъ съ полночно восточной стороны извѣстенъ во всѣ лѣтописныя времена, до XVII вѣка, подъ именемъ Янева улицы. Въ первый разъ, она упомянута лишь въ 1311 году, по случаю вспыхнувшаго на ней пожара (I Нов. лѣт. годъ 6819, стр. 70). Начиналась она съ Волховскаго берега (Обходъ Геннадія: онъ шелъ отъ мостъ чрезъ Гзень близъ Звѣринскаго монастыря, берегомъ Волхова до Яневы улицы, а отсюда поднялся на гору и продолжалъ шествіе новымъ мостомъ ко Кресту къ Великому мосту). Въ 1541 году пожаръ начался съ Яневы улицы противъ Володимерскихъ воротъ,—слѣдовательно поселокъ этотъ начался сряду за Дѣтинцевскимъ рвомъ; положеніе Владимірскихъ воротъ указано;—онъ огибалъ восточно-полночное закругленіе Дѣтинца, направляясь вдоль рва и заворачивалъ на западъ, оканчиваясь тамъ, гдѣ находилась нынѣшняя Лучинская улица. Таково было протяженіе Янева поселка въ 1390 году, подъ которымъ лѣтопись сказываетъ о закладкѣ на Яневой улицѣ церкви Константина и Елены, мѣсто которой указано. Эта церковь первоначально сооружена въ 1151 году, но лѣтописецъ не объяснилъ—гдѣ въ Новгородѣ была другая церковь во имя этихъ же Святыхъ, придѣльная на Славенской сторонѣ, въ Павловѣ манастырѣ, устроенная въ 1224 г. (I Нов. лѣт. годъ 6732, стр. 39); положеніе Павлова монастыря указано выше; такъ что церковь 1390 года возможно отождествлять съ первоначальною 1151 года, и изъ этого заключать, что и въ XII вѣкѣ улица Яневы существовала и лежала тамъ же, гдѣ была въ XIV вѣкѣ. Имя Янь объясняютъ Карамзинъ и другіе сокращеніемъ Іоанна, Ивана. У Поляковъ и Ивановъ часто встрѣчается Янъ; въ Новгородской лѣтописи записанъ сказъ о Бѣлозерскихъ волхвахъ-шаманистахъ, которыхъ приказалъ уловить данщикъ князя Святослава, Янь Вышатичъ, въ 1070 году (Др. Рус. Вив. прод. Ч. II, стр. 361). Если этотъ Янь былъ сыномъ Вышаты, воеводы князя Владиміра Ярославича (Святого), ходившаго въ 1043 году на Ятвяговъ (Лавр. лѣт. годъ 6551),—разсматриваемый поселокъ Загородья могъ получить имя отъ двора Яня Вышатича, человѣка именитаго и состоятельнаго, имѣвшаго много слугъ и обширныя постройки. Имя Янъ могло

вовать и Якову, хотя вообще знатоки древнихъ письменныхъ памят-
въ дѣлаютъ Якуна изъ Якова; можно видѣть въ Якунѣ и Якима или
ма; Новгородцы отличаются краткостью говора; Янъ короче Якуна.
я объясненія о Яковлевой улицѣ Неревскаго конца по поводу изы-
й о мѣстоположеніи церкви Іакова, основанной въ 1171 году, мы вы-
ли догадку о направленіи Яковлевой улицы по широкому проѣзду,
вѣтствующему нынѣшней Дмитровской улицѣ, и о возможности видѣть
ей Яневу XII вѣка,—тѣмъ болѣе, что церковь Сорока мучениковъ зна-
я въ писцовыхъ книгахъ то на Яковлевѣ, то на Яневѣ улицѣ; въ
иси 1615 г. она поставлена на Яневѣ. Напоминая объ этой догадкѣ
ь, и поддерживая ее, получимъ начало Янева поселка также у Дѣтин-
каго рва, и распространеніе его на полночь до Яковлевской церкви,
западъ до упомянутой—Константина и Елены. Впослѣдствіи простран-
Янева поселка, или точнѣе поселка съ именемъ Янева, мѣнялось послѣ
аровъ, новыхъ окоповъ, проѣздовъ и проч.

Добрынинъ.

Около полуденно-западнаго закругленія Дѣтинца лежалъ поселокъ До-
нинъ. О немъ упомянуто въ Уставѣ о мостахъ, а лѣтопись говоритъ
1181 годомъ, по поводу основанія церкви Іакова, второй на Нерев-
сторонѣ. Вышата былъ воевода Св. Владиміра Ярославовича, а До-
ня—воевода же Св. Владиміра Святославовича, крестившаго русскую
ю. Если производство имени перваго поселка Загородья отъ сына Вы-
я Яня, бывшаго воеводою же князя Святослава, покажется непрочно
нованнымъ,—имя второго несомнѣнно получается отъ „Уя Володиме-
". Изъ Устава о мостахъ видно, что Добрынина улица была во время
женія этого памятника, по всѣмъ его спискамъ, дошедшимъ до нашихъ
, тамъ, гдѣ мы видѣли церковь Нерукотвореннаго образа, т. е. между
инцемъ и рвомъ малаго вала; Уставъ начинается такъ: „Осменникомъ
ата въ Людинъ конецъ черезъ Гроблю до Добрыни улици, въ городняя
та до Пискупли улици". Гробля или Гребля—это ровъ. Начинался
ъ поселокъ, также какъ и Яневъ, съ Волховскаго берега и прости-
я до рва малаго вала къ полдню на западъ и до церкви Іакова „на
ици", на западъ. Подобно Яневу и Добрынинъ измѣнялся въ зависи-
ти отъ одинаковыхъ съ нимъ причинъ. Въ статьѣ объ окопахъ пред-
лены будутъ нѣкоторыя данныя о разстояніи малаго вала отъ Дѣтинца,
ва отъ—вала; ими опредѣлится первоначальное пространство Добрынина
лка вдоль Волховскаго берега и прямо на западъ.

Пискупль.

Въ Уставѣ о мостахъ встрѣчается „Пискупля улица" въ уч
никовъ, въ такихъ выраженіяхъ: „въ городняя ворота

улици". Изслѣдователи отводятъ ей мѣсто внутри Дѣтинца. Намъ п
дилось уже встрѣчаться съ этою улицею въ предшествующемъ изло
записки; въ неизданной еще работѣ нашей о Ярославовомъ мост
Уставѣ посвящена Пискуплѣ улицѣ обширная статья; здѣсь приведем
нея нѣсколько данныхъ и соображеній, имѣющихъ прямое отношен
Загородку X вѣка.

Въ статьѣ о Десятинномъ монастырѣ указано протяженіе и на
леніе Пискупли улицы и раздѣленіе ея на два участка; большій изъ
мы ведемъ отъ Дѣтинцевскихъ Покровскихъ воротъ отъ Прусской у
къ Десятинному монастырю, учрежденному въ 998 году первымъ Ен
помъ Іоакимомъ Корсунянниномъ,—а меньшій „сквозѣ городная воро
острой городни" то есть отъ Покровскихъ воротъ чрезъ Богородицко-Б
стенскія къ великому мосту. Въ той же статьѣ о Десятинномъ мона
объяснена причина сооруженія его въ 998 году,—безопасность самог
дыки его священниковъ и слугъ въ новокрещенномъ городѣ,—бо
часть жителей котораго крѣпко держалась старой вѣры и относила
христіанству враждебно. Меньшая часть Владычня поселка защищена
до нѣкоторой степени укрѣпленіемъ Дѣтинцевскимъ, а большая и
дворъ Епископа, Десятина, неминуемо нуждались въ огражденіи, как
и служило Загородье, съ его валомъ и рвомъ, и монастырь, обне
крѣпкою оградою. Такимъ образомъ Владыченъ поселокъ лежалъ, на
отъ Покровскихъ воротъ, между Добрынинымъ съ полдня къ западу
пами Загороднаго конца, часть одного изъ которыхъ извѣстна подъ
ніемъ мѣстности „въ Пропастѣхъ".

Такимъ опредѣленіемъ положенія трехъ поселковъ Загородья уста
вается площадь Загороднаго конца къ сторонѣ малаго вала или Заг
въ X—XI вѣкахъ, между концемъ поселка Янева, или нынѣшнею Л
скою улицею, и полночно-восточною стороною Владычня, или нынѣшн
Прусскою улицею, гдѣ обѣ онѣ выходятъ на площадь, первая—теат
ную, а вторая—сѣнную.

Опредѣливъ положеніе поселковъ Загородья, сдѣлаемъ общее для
трехъ замѣчаніе.

Имѣли-ли поселки Загородья особое, и какое именно значеніе
въ вѣка долѣтописные, мы объяснить не можемъ, не находя для то
какихъ основаній; въ перволѣтописные же вѣка здѣсь поселены был
ные люди земскихъ полковъ, охранявшіе какъ Дѣтинецъ, такъ и по
Владыченъ, съ полночно-восточной и полуденно-западной стороны;
падной и полночной сидѣли Людины-ратники наемные, на участкѣ,
нившемъ имя ихъ въ улицѣ Людгощей,—около которой образовал
этимъ вѣкамъ не меньше двухъ особыхъ участковъ, получившихъ,
переселенія Людиновъ ближе къ Волховскому берегу, на полдень къ
отъ Загородья, и окопавшихся въ особомъ поселкѣ „Кромномъ горо
имя и значеніе Загороднаго конца. Въ названіяхъ участковъ этого
Чудинцева и Прусскаго, отражается племенное прозвище чужеземце

ихъ часть Загороднаго конца ко времени первоначальнаго изданія о мостахъ.

Новинка.

ъ церкви Св. Троицы, въ нынѣшней слободѣ ея имени, хранится ъ, сдѣланный, по опредѣленію Владыки Макарія,—на основаніи по—не раньше прошлаго столѣтія, съ какого нибудь болѣе стараго лѣто-о сборника, изслѣдователю Новгородскихъ церковныхъ древностей не-наго; въ немъ значится, что „въ 1194 году поставлена бысть въ мъ Новѣградѣ церковь древяная святыя Троицы, на Софійской сто-на Редятинѣ улицѣ, Щетиницѣ Югорши, а что нынѣ словетъ на Но- (Опис. Нов. цер. древ. Ч. V, стр. 167). Значеніе „Щетинницѣ“ ено выше; это купцы города Щетина, передѣланнаго нѣмцами въ ъ; слово „Югорши“ объясняютъ различно: Макарій полагаетъ, что ьевцы, купцы Ливонскіе изъ Дерпта, переименованнаго недавно въ ,—названіе, данное ему основателемъ, Ярославомъ Мудрымъ, носившимъ нское имя Юрія, т. е. Георгія (тамъ-же); другіе находятъ, что это значаетъ дань съ сибирской Югры, которая употреблена на соору-роицкой церкви. Въ дополненіе къ объясненію слова „Щетиницѣ“ замѣ-то въ пергаментномъ сборникѣ подъ 6673 годомъ записано:—„по-а церковь святыя цр҃ця (подъ титломъ) „Щетициници“ (Свѣтопеч. р. 65). Издатели первой лѣтописи прочитали слово цр҃ця какъ ца- признали въ немъ ошибку или описку (стр. 13, выноска XX); въ вскомъ сборникѣ значится: „Святыа Троица Шетеничь“ (Прод. Др. Зив. Ч. II, стр. 404); наконецъ въ основномъ сборникѣ второй Нов-ой лѣтописи читаемъ: „Святыя Троицы на Щетиницѣ“ (стр. 125). таемъ „Щетиницѣ“ потому, что купцы города Штетина имѣли сно-съ Новгородомъ, что заморскіе купцы поставили Пятницкую церковь гу, и —что какъ тѣ, такъ и другіе могли быть уроженцами Новгорода томками выходцевъ нашего города, проживавшими въ городахъ Ган-го союза. Эти строки не имѣютъ прямого отношенія къ статьѣ о по-и Новинки; они приводятся здѣсь на случай встрѣчи съ какимъ исьменнымъ памятникомъ, способнымъ уяснить несходство приведен-отмѣтокъ, вносящее путаницу въ изысканія о Троицкой церкви, и при-я только—къ свѣдѣнію, для членовъ Общества.

е имѣя возможности судить о времени составленія подлинника того ка, списокъ съ котораго хранится въ Троицкой церкви, нельзя ука-ь точностью на время и причины образованія Новинки; но нѣкоторыя ельства, отмѣченныя въ лѣтописи и въ упомянутомъ донесеніи вое-649 года, открываютъ путь къ заключенію, что Новинка возникла зобновленіи Дѣтинца въ 1484—1492 годахъ. Мы видѣли, что ію Новгородскаго воеводы „Деревянный городъ на земляном ородѣ погнилъ“ къ 1649 году, и объяснили, что срубле

толстаго лѣса, быть можетъ изъ рудовой сосны или изъ дуба, и
шій на возвышеніи вала, онъ могъ не требовать починки до 150 л
болѣе; поэтому сооруженіе погнившаго къ 1649 году мы относимъ къ
или къ 1492 году. Въ 1552 году ходили съ крестами по Загородно
ронѣ за деревяннымъ городомъ (Д. И. Прозоровскій, стр. 21). Заго
сторона, по нашему мнѣнію, въ этой замѣткѣ лѣтописи есть именно
родье; если бы ходили около внѣшняго вала, лѣтописецъ назвалъ-б
какъ въ другихъ случаяхъ вообще, Землянымъ большимъ городомъ.

Выше сказано, что по росписи 1615 года на Новинкѣ были
Василія Парійскаго, Василія Кесарійскаго, Образа, Введенія, Усѣк
Предтечи, Николая Чудотворца и Архистратига Гавріила. Положеніе
нами указано. Слѣдовательно Новинка лежала за Деревяннымъ гор
внѣ котораго стояли эти церкви. Если во времена самобытія Загород
ходило до Десятиннаго монастыря Іоакима Корсунянина, оно нем
охватывало обѣ Васильевскія церкви, могло охватывать и прочія и
винскихъ. На Знаменскомъ же изображеніи между Дѣтинцемъ и Де
нымъ городомъ одна только Образова церковь. Слѣдовательно Дере
городъ приблизился къ полуденно-западной и къ западной сторонѣ Дѣ
и уменьшился. Та площадь, которая вышла приэтомъ изъ Загородья,
детъ Новинкою.

Башни и быки укрѣпленія Деревяннаго города, поименованныя
несеніи, изложенномъ выше, того же воеводы 1649 года, возведе
приведеннымъ основаніямъ и соображеніямъ, одновременно съ стѣна
рода, когда возобновляли Дѣтинецъ; на Знаменскомъ изображеніи по
уже эти самыя. Каковы они были до Московскаго сооруженія, въ
числѣ и какъ расположены,—да были-ли вообще, мы не можемъ у
вѣрить по отсутствію свидѣтельствъ въ письменныхъ или въ других
кихъ либо памятникахъ, напримѣръ на изображеніи Новгорода,
дящемся въ Николо-Дворищенскомъ соборѣ; оно, по нѣкоторымъ призн
писано въ XIV вѣкѣ,—но закрыто серебряною ризою; Епархіальное
ство не отвѣчаетъ правленію Общества, вотъ уже три мѣсяца, на п
его о дозволеніи сдѣлать съ этого изображенія и съ другихъ точные с
Какъ писанное во время самобытія, Никольское изображеніе—пам
драгоцѣнный для изысканій о расположеній не только укрѣпленій Дѣ
и Деревяннаго города, но и всѣхъ вообще участковъ и сооруженій
ской стороны; на немъ написаны, по всей вѣроятности, ворота
земляного города, по которымъ возможно заключить о проѣздахъ К
скихъ участковъ, вошедшихъ въ составъ Новинки, и о направленіи
малому валу и къ Дѣтинцу, а также и о тѣхъ лѣтописныхъ улица
которыхъ сооружены церкви, оказавшіяся впослѣдствіи на Новинкѣ,
вавшейся на счетъ пространства этихъ самыхъ улицъ, прилегавш
малому валу до Московской передѣлки его.

Въ книгѣ И. И. Красова изложены обстоятельныя сужденія
винкѣ; но почтенный изслѣдователь не признаетъ за Знаменскимъ
женіемъ той древности, какую мы ему приписываемъ, и не пользуется

съ доказательствомъ. Видимо онъ имѣлъ подъ руками весьма неточный исокъ, изданный Археологическимъ обществомъ, при V части извѣстій и перепечатанный Погодинымъ въ замѣчаніяхъ, лекціяхъ и изслѣдоніяхъ; нельзя сомнѣваться въ сличеніи добросовѣстнымъ изслѣдователемъ ихъ списковъ съ подлинникомъ;—но въ концѣ 40-хъ годовъ, когда работъ Красовъ, этотъ подлинникъ не былъ еще размытъ Ѳ. Г. Солнцевымъ, лавшимъ—въ 50-хъ годахъ списки съ древнихъ Новгородскихъ образовъ съ Знаменскаго рисунка, вторымъ воспроизведеніемъ котораго мы пользуемся;—копоть помѣшала ему остановиться и на Борисоглѣбской церкви „единомъ версѣ“ и на Знаменской, представлявшейся изслѣдователю такою же, какъ нынѣшняя, освященная уже въ XVIII вѣкѣ (О мѣстоп. Дев. вг. стр. 139), потому онъ и признаетъ это изображеніе написаннымъ въ омъ концѣ XVII вѣка. Неимѣя въ виду и письменныхъ памятниковъ, данныхъ послѣ его книги, Красовъ заключаетъ, что вторая стѣна около тница устроена первоначально лишь въ 1700 году, ссылаясь приэтомъ Разговоры Митрополита Евгенія. Между тѣмъ ученый Владыка не оправдываетъ такой ссылки: основываясь на рисункахъ Олеарія и Знаменскомъ, ъ говоритъ только, „что бастріоны по валу вокругъ Кремля сдѣланы Петромъ ликимъ въ 1700 году, послѣ неудачи подъ Нарвою, когда онъ опасался ъ Шведскаго короля преслѣдованія за собою до Новагорода“ (Разговоры, . 14). Но и Митрополитъ Евгеній впадаетъ въ ошибку при послѣдующемъ, сряду за приведеннымъ, изложеніи;—онъ говоритъ: „Въ сіе время щена площадь отъ многихъ дворовъ и церквей, примыкавшихся къ саму валу и расширенъ ровъ“. Это мнѣніе, должно быть, и утвердило Краа въ мысли о недавнемъ образованіи Новинки,—тогда какъ на чертежѣ пова 1756 года отмѣчена церковь Нерукотвореннаго образа крестикомъ полукруглою около нея площадью, крестикомъ же и небольшою площадо означено и мѣсто церкви Живоносной источницы на Островкѣ, а на тежѣ 1778 года нарисована церковная и двѣ другія площадки каменной ркви и зданій Николо-Розважскаго монастыря. Образова церковь пришлась самомъ валу, а Розважскія сооруженія рядомъ съ нимъ. Слѣдовательно тру Великому не мѣшали эти церкви и постройки и ему незачѣмъ было зрушать ихъ, такъ какъ Новинскія церкви стояли въ отдаленіи отъ маго вала; одна только Введенская близко подходила къ второму рву, но она не препятствовала городовому смышленнику, нѣмчику Матсону, возсти близъ нея башню на быкѣ, названномъ, по церкви—Введенскимъ.

Сдѣлавъ эту замѣтку, какъ поправку къ изслѣдованіямъ Митрополита кенія и И. И. Красова, воспользуемся заключеніемъ послѣдняго о чаихъ улицъ, вошедшихъ въ Новинку;—таковыми были, начиная отъ Волвскаго берега: Ярышева, Добрынина, Прусская, Чудинцева и Хревкова,—слѣдняя не изъ древнихъ (Красовъ, стр. 82).

По нынѣшнему положенію улицъ Новинка занимала площадь въ градахъ между церквами Троицкою и Власьевскою, и между концами улицъ ъ Власія до Лучинской; по срединѣ этой площади, вдоль направленія инцевскаго рва, шелъ малый валъ; онъ огибалъ весь теперешній Лѣтній

садъ, направляясь, примѣрно, отъ берега вдоль его рѣшотки и сл
далѣе, между восточнымъ концомъ Дворянскаго дома и постройками
нявшими побережье Дѣтинцевскаго рва къ горкѣ, на которой Екатер
ская лодка. Ровъ, опоясывавшій малый валъ тянулся около него; ср
Дворянскаго дома пришлась какъ разъ на поперечномъ разрѣзѣ его. М
валъ опущенъ въ этотъ ровъ руками плѣнныхъ французовъ,—ими же
битъ и Лѣтній садъ между 1812—1815 годами.

Неревской конецъ.

Разсмотрѣніе Кончанскихъ участковъ, т. е. улицъ, лѣвой сторон
рода начнемъ съ Неревскаго конца и съ берега Волхова. Тутъ, су
толщѣ жилого слоя и по привычкѣ, вызванной удобствами первон
никовъ Ильменско-Волховскаго побережья, Нейрои Геродота, Нерома
писи Русской и Неревляне—Новгородской, основали первыя свои жили
одновременно-ли съ занятіемъ Коломцовъ и сосѣднихъ холмовъ побер
въ томъ числѣ Городищенскаго, Нередицкаго и прочихъ до Хуты
включительно—и далѣе внизъ по Волхову и по Ильменю,—или послѣ
какъ Коломчане вынуждены были, повышеніемъ уровня Ильменя и др
водоемовъ во время наступавшаго втораго охлажденія Европы, высел
съ Коломцевъ на возвышенности. Тутъ, на лѣвомъ берегу, жизнь Не
шла, или могла идти, такимъ же ровнымъ теченіемъ, какъ и на С
пока которая либо изъ сторонъ не сдѣлалась преобладающею.

Побережье.

Береговое значительно приподнятое пространство между Загородье
внѣшнимъ валомъ, Волховомъ и широкимъ проѣздомъ Знаменскаго и
женія, соотвѣтствующимъ протяженію нынѣшней Дмитровской улицы,
лѣтописные „берегъ и Побережье“.

Первое упоминаніе о Побережьи, какъ объ особомъ поселкѣ, об
лямъ котораго не дано было еще правъ гражданъ, находится въ Уст
мостахъ, словами: „А Нередицанамъ до Бережанъ, а Бережанамъ до
блянъ“ (чтеніе по Дубенскому). Но въ нѣкоторыхъ спискахъ Устава
примѣръ въ Строевскомъ, вмѣсто Бережанъ поставлено „Вережанъ“
Врем. Ч. I), подъ которыми можно разумѣть жителей береговъ рѣ
ряжи, поселеніе которыхъ дѣлится писцовою книгою конца XV вѣ
Поверяжье и Заверяжье. Такое же упоминаніе значится и въ Ус
грамотѣ князя Всеволода Мстиславовича, данной Предтеченской цер
опокахъ: —„А куны того Буевища (Петрятина дворища) имати Старо
Иваньскимъ и Старостамъ Поберекимъ, а класти куны въ домъ свято
ликаго Ивана. А поповъ святого великаго Ивана, и дьякона и дья
сторожовъ призитари Старостамъ Иваньскимъ, и купцамъ и Старо

бережскимъ и Побережаномъ" (Рус. Достоп. Ч. I, стр. 81). Оба эти упо-
нанія могутъ „правда" и не относиться къ нашему Побережью,—первое
опискѣ въ словѣ „Бережанъ", а второе по наименованію Побережанами
рговцевъ Буевища, лежавшаго, какъ мы знаемъ, вдоль праваго берега
лхова. Подъ 1418 годомъ разсказанъ мятежъ, начавшійся жалобою на-
ду нѣкоего Степанка на боярина Данилу Ивановича Божина внука; во
емя разразившейся усобицы, Славляне, защищая Степанка, „разграбили
оръ Боярина на Козьмодемьяней улицы и—Яневъ берегъ" (I Нов. лѣт.
дъ 6926, стр. 107). Въ пожаръ 1477 г. „отъ Розважи улици погорѣ и
Борковѣ улицы, побережье все и до Великой улици"; отмѣтка эта при-
дилась уже не разъ; она, называя Побережье, указываетъ и границу его
а западно-полночной сторонѣ: Великая улица—это тотъ широкій проѣздъ,
торый показанъ на Знаменскомъ изображеніи. Къ нему мы еще обратимся
дадимъ подробныя, по возможности, объясненія о Великой улицѣ. Побе-
жье упоминается и раньше, и позже этого года, въ описаніи пожаровъ,
апримѣръ—подъ 1472 годомъ: загорѣлось на Яневѣ улицѣ и погорѣло
е побережье и за Даньславлю улицу, на которой сгорѣла церковь Св.
митрія съ придѣломъ Св. Кирилла; положеніе этой церкви указано;—въ
47 году горѣла Софійская сторона въ Кожевникахъ, отъ Дослани улицы,
ь Дмитрія Святого, все Побережье, до деревянной стѣны, полняты улицы,
у Димитрія Святого маковица огорѣла.

Въ Побережьи по Знаменскому изображенію видно два значительныхъ
оѣзда къ Волхову въ срединѣ, и два крайнихъ: одинъ вдоль полночной
роны ограды, за которою мы помѣщаемъ церкви Никольскую и Сорока
ченниковъ, а другой вдоль внѣшняго вала. Во времена самобытія лѣто-
сь упоминаетъ о пяти улицахъ въ нашемъ Побережьи: Яневой, Розважѣ,
ерковой, Даньславлѣ и Борковой и, сверхъ того, о Великой; всѣ онѣ, за
ключеніемъ Яневой, о которой уже сказано, соотвѣтствуютъ четыремъ
асткамъ, лежащимъ между упомянутыми проѣздами—къ Волхову и Ши-
кимъ. Послѣ самобытія и до 1623 г., въ которомъ составлена Нарядная
сись, появились многія улицы, начинавшіяся отъ Волховскаго берега и
одолжавшіяся внутрь Неревскаго конца за широкій проѣздъ; онѣ пере-
слены въ Нарядной описи; Митрополитъ Евгеній ведетъ отъ берега улицы
ого памятника въ такомъ порядкѣ, считая отъ малаго вала: Розважа,
алая Розважа, Козьмодемьянская, Холопья, Боркова, Драгунова, Яковлева,
овая Романовка, Дослана, Корельская, Воронья, Водяной переулокъ, Щу-
ва, Чедерская, Черковская и Щеркова. Яневой въ этомъ перечнѣ нѣтъ
азговоры, 74—75). Изъ нихъ оканчивающимися у Дмитровской улицы,
е. у нашего Широкаго проѣзда, Владыка называетъ: Драгунову, Корель-
ую, Воронью и прочія до конца;—другія же: Розважу, Розважку, Козьмо-
мьянскую, Холопью, Боркову и Досланю—пролагаетъ далѣе, внутрь го-
да. Н. Н. Муравьевъ повторяетъ указанія Евгенія,—но вводитъ въ поря-
Нарядной описи улицу Великую, ставя ее между Чедерскою и Чер-
кою, и принимая за основаніе своего заключенія чертежъ 1756 года, по
амъ котораго напечатаны перечни улицъ, церквей и другихъ соору-

женій (Чертежъ приложенъ къ книгѣ Муравьева, изслѣдованія о дре стяхъ Новгорода). И. И. Красовъ, возражая Муравьеву по поводу мѣс имени улицы Великой, видитъ въ этомъ имени не названіе какой особой, кромѣ перечисленныхъ Нарядною описью, улицы, а отличител признакъ которой либо изъ нихъ, напримѣръ Борковой, бывшей бол сравнительно со всѣми прочими,—но въ тоже время не считаетъ воз нымъ помѣстить ее на пространствѣ нынѣшней Дмитровской,—что не гласуется, какъ объяснимъ ниже, съ нашимъ мнѣніемъ. Затѣмъ Кра возражаетъ Митрополиту Евгенію, исключившему Яневу улицу изъ бе выхъ, доказывая ссылкою на отмѣтку лѣтописи о пожарѣ 1497 года, и бившемъ берегъ Яневы улицы, на Геннадіевъ обходъ, гдѣ Владыка, берегомъ до Яневы улицы, поднялся въ гору и на сказаніе о разграб двора во время мятежа по поводу „Степанки",—говоритъ, что часть Я улицы отошла отъ берега, при сооруженіи Петромъ Великимъ бастіо около Дѣтинца, только въ XVIII столѣтіи. Но это не возраженіе, а не понятое объясненіе Митрополита Евгенія: ученый Владыка указалъ жеиіе Яневой улицы въ его время, то есть около 1808 года, что ясн заголовка его объясненія положенія улицъ Нарядной описи: „Мѣста, которыхъ были, или нынѣ находятся старинныя улицы" (О мѣстоп. Новг. стр. 45; разговоры, стр. 71 и слѣд.). Относительно порядка у нашего Побережья Красовъ не возражаетъ.

На чертежѣ 1756 года нанесено 16 прямыхъ улицъ, идущихъ Волхова къ Дмитровской.

Въ границахъ Побережья лежитъ упомянутая выше Веселая гор по сосѣдству съ нимъ находятся Лазаревскій холмъ и Звѣринецъ. Пе два учрежденія признаются нами за погребальныя временъ языческих послѣдній за мѣстопребываніе боготворимыхъ въ отдаленные вѣка зв подобно медвѣдю у Гиляковъ Пріамурскихъ и Сахалинскихъ. Сосѣд этихъ учрежденій съ Побережьемъ утверждаетъ насъ въ предположе незапамятно давнемъ заселеніи его. Изысканій о толщѣ жилого слоя подстилающихъ его отложеніяхъ здѣсь еще не сдѣлано, хотя глубина ламьевскаго колодца (См. выше) уже одна ручается за мощность его уступающую ни въ какомъ случаѣ толщѣ, найденной при буреніи во Г. М. Смѣтанина. Внимательное наблюденіе за случайными земляными ботами на пространствѣ, отводимомъ Побережью, дастъ Обществу ука въ этомъ направленіи.

Поселки Кончанскіе.

Сдѣлавъ общее опредѣленіе Побережья и поименовавъ участки его мѣтимъ, что оно образовалось постепенно, послѣ Загородья, изъ воен поселковъ, отодвигавшихся, по мѣрѣ расширенія городской площади Н ской стороны, на полночь къ востоку, на окраину города, къ окопу, три и внѣ, до Гзени включительно. Отъ Побережья на западъ къ пол

также и на полночь къ востоку, за Широкимъ проѣздомъ, разстилались елки гражданскіе, составлявшіе участки Неревскаго конца въ тѣсномъ ыслѣ и Неревскаго Петровскаго, за валомъ. Нѣкоторые изъ гражданскихъ елковъ носили имена, заимствованныя отъ военныхъ Побережья, а дру- называвались, большею частію, по возникавшимъ на нихъ церквамъ.

Разсмотримъ теперь поселки Побережья и соименные имъ гражданскіе, атѣмъ всѣ прочіе, имѣвшіе, по нашему мнѣнію, значеніе Кончанскихъ ѣздовъ, а не участковъ.

Розважа.

Въ первый разъ объ улицѣ Розважѣ лѣтопись упомянула подъ 1115 омъ, по случаю сооруженія „церкви каменней Ѳеодора Тирона среди дву ицъ Щирковѣ и Розважи“ (I Нов. лѣт. стр. 4, и II, стр. 123, годъ 6623). стность церкви этой указана; основатель ея былъ Вой-гость; это имя житъ для насъ основаніемъ къ высказанному уже заключенію о Люди- ъ-воинахъ, жившихъ между улицами Чудинцевою и Лучинскою особымъ елкомъ, называвшемся Людгощимъ. Церковь Ѳедора Тирона была, та- ъ образомъ, предѣломъ пространства Розважи въ западномъ ея направ- и; а что она начиналась съ Волховскаго берега, мы уже говорили нѣ- ько разъ; говорили также и о причинѣ, давшей ей это имя. Начиная берега, Розважа шла узкимъ проѣздомъ вдоль восточно-полночной сто- ы Яневой улицы и древняго Загородья, ближайшее пространство кото- занималъ ровъ и поле въ объясняемомъ нами смыслѣ: въ 1340 году рѣлось на Розважи улицѣ, въ полѣ за Св. Ѳеодоромъ (I Нов. лѣт. ъ 6848, стр. 79). Митрополитъ Евгеній не указываетъ западнаго пре- а этой улицы (Разговоры, стр. 74),—а И. И. Красовъ видитъ этотъ дѣлъ вблизи городскаго, т. е. внѣшняго, вала (стран. 52), основываясь приведенной отмѣткѣ о пожарѣ, въ словахъ „въ полѣ“. Но церковь Св. дора Тирона лежала между Розважей и Щирковой улицами, близъ ны- шней Ѳедора-Стратилатовской, отъ которой до вала такъ же далеко, какъ другую сторону, до площади театра; если протянуть Розважу за царковь западъ, она упрется въ Людгощу,—а между нею и валомъ все-таки анется Щиркова. Впрочемъ Красовъ отводитъ, какъ увидимъ въ слѣдую- й статьѣ, для Щирковой улицы мѣсто рядомъ съ Яневою, то есть между оровскою церковью и площадью, а не между нею и внѣшнимъ валомъ, это не вѣрно. Если же подъ выраженіемъ лѣтописи „въ полѣ“ мы бу- ъ понимать пространство при укрѣпленіи съ той и другой стороны, да оно внутреннее,—смыслъ отмѣтки будетъ ясенъ: загорѣлось на той ронѣ Розважей, которою она прилегала къ площади, лежавшей вокругъ няго Загородья и болѣе поздняго малаго вала, или нынѣшней театраль- . Нельзя не остановиться на словахъ лѣтописи „за Св. Ѳеодоромъ“. и составитель памятухи жилъ во Владычнемъ дворѣ,—для него начало ара будетъ между Ѳеодоровскою церковью и внѣшнимъ валомъ,—а если

онъ былъ инокъ Духова или другого котораго либо изъ монастырей, примѣръ Росткина, пожаръ придется между тою церковью и театрал площадью. Время отъ—времени, по мѣрѣ упадка Новгородской торг или сосредоточенія ея на Славенской сторонѣ, въ Торгу и гостевыхъ рахъ, пристань близъ Загородья потеряла значеніе; сократилась, а по совсѣмъ кончилась и развозка товаровъ по Неревской сторонѣ. По разрушали въ свою очередь Розважу древности и вызывали на мѣст поселки другихъ наименованій; къ началу XVII вѣка отъ нея оста лишь небольшіе прибережные участки съ именемъ Розважи и Малой важни.

Примѣнительно къ нынѣшнему расположенію улицъ мы ведемъ зажу древности такъ: отъ пристани, занимавшей значительное бере пространство, шелъ узкій проѣздъ между Загородьемъ и Щирковою улиц тамъ, гдѣ теперь дорога мимо лѣтняго сада, между нимъ и больнич сооруженіями, занявшими мѣсто Николо-Розважскаго монастыря; узкій ѣздъ, по пересѣченіи Широкаго, или нынѣшней Дмитровской улицы, важи, уже какъ поселокъ, отклонился на полночь, въ сторону къ ны ней Петербургской улицѣ, занявъ часть ея отъ бывшаго Путеваго д (теперь домъ А. Е. Евдокимова) къ угловому, что на театральной пло дому,—отсюда онъ направлялся на западъ къ Ѳедоро-Стратилато церкви, поселкомъ же, раскинувшись почти на всей площади между ральною и улицами: Лучинскою, Петербургскою и Забавскою до пов ея на западъ къ полдню отъ дома Духовскаго подворья; съ этого пов полночный край Розважи направлялся на Стратилатовскою церковь. Н нѣшней Забавской, или между нею и продолженіемъ за Петербургско Тихвинской церкви, стояли церкви Спасская, горѣвшая, какъ выше зано, въ 1541 году и показанная лѣтописью на Розважѣ, и Саввы щеннаго, ближе къ нынѣшней Тихвинской.

Который изъ участковъ Побережья Знаменскаго изображенія соо ствуетъ береговой долѣ Розважи, опредѣлить мы затрудняемся, такъ самый берегъ Волхова скрытъ отъ художника, дѣлавшаго рисунокъ с падно-полночной стороны, стѣною, изъ за которой не видно никакихъ строекъ,—а въ углу, образуемомъ встрѣчею этой стѣны съ укрепле малаго вала, помѣщено то огороженное пространство, въ которомъ заны названныя церкви Никольская и Сорока мучениковъ.

Щирковъ.

Отъ Розважи на полночь расположенъ былъ участокъ Щир или улица Щиркова. И. И. Красовъ помѣщаетъ этотъ участокъ Яневымъ и Розважей, то есть, по нашему распредѣленію участковъ, Загородьемъ и Розважей; мы же даемъ ему мѣсто подлѣ Розважей. Кр руководствуется вообще Нарядною описью, и отъ положенія улицъ въ вѣкѣ заключаетъ къ площадямъ ихъ во всѣ лѣтописные вѣка, не п

я въ разсчетъ проѣздовъ и проулковъ, вновь возникавшихъ послѣ боль-
хъ пожаровъ. Мы же имѣемъ задачею опредѣленіе Кончанскихъ участ-
въ до Московскаго выпрямленія этихъ проѣздовъ и проулковъ, при како-
мъ древній участокъ разсѣкался на двѣ и даже на три улицы, въ тѣхъ
обенно случаяхъ, когда онъ расположенъ былъ дугою около Загородья.
топись пожаровъ, которою Красовъ руководствуется, нельзя примѣнять
Московскому направленію улицъ; мы уже видѣли путаницу въ опредѣ-
ніи улицъ, на которыхъ находились церкви Константина и Елены и Со-
ка мучениковъ,—одинъ разъ имъ отводятся улицы Янева и Розважа, а
угой разъ Росткина и Щиркова, или Яковля. Мы держимся, поэтому, по-
дка улицъ Побережья, на которое выходили края Кончанскихъ участковъ
времена самобытія. Ближайшимъ побужденіемъ къ такому именно по-
дку послужили отмѣтки первой, второй и третьей нашихъ лѣтописей о
жарѣ, вспыхнувшемъ въ 1340 году, во вторникъ Троицкой недѣли. Въ
рвой и во второй лѣтописи начало пожара отнесено къ Розважѣ, за
ятымъ Ѳеодоромъ въ полѣ (объясненіе выраженія „въ полѣ“ приведено
ше);—составитель основнаго сборника третьей лѣтописи, читая памятуху,
ъ которой онъ дѣлалъ выписки, и принимая выраженіе „въ полѣ“ отно-
щимся къ окраинѣ города, усумнился въ вѣрности опредѣленія памятухою
ста, съ котораго начался пожаръ и, зная, что ближайшею къ полю ули-
ею была не Розважа, а другая улица, изложилъ свою отмѣтку такъ:
загорѣлося на Щирковѣ улицы, на Троицкой недѣли во вторникъ“ и
оч. (I Нов. лѣт. годъ 6848, стр. 79; II Нов. лѣт. стр. 131; III Нов.
ѣт. стр. 225). Въ описаніи пожаровъ 1397 и 1490 гг. перечисляются
горѣвшія улицы въ такомъ порядкѣ: загорѣлось на Щирковой улицѣ,
отивъ Св. Сорока, и погорѣлъ берегъ Щирковы, Яневы Розважи и Кузьмо-
мьяни улицъ, до Холопьи улицы (I Нов. лѣт. годъ 6905, стр. 98);—„за-
рѣлось на мосту на великомъ у городовыхъ воротъ, а церковь святая
городица огорѣла и стрѣльница; и изъ стрѣльницы похватило тесницу
огнемъ, понесло на Яневу улицу и ту загорѣлось, и Яневы улицы вы-
рѣло, и Росткина улица, и Хревкова улица, и Легоща улица, и Щиркова
ица и Розважа“ (II Нов. лѣт. годъ 6998, стр. 144). По порядку улицъ
рваго пожара надобно-бы видѣть Щиркову не рядомъ съ Розважей, ни
ъ ту—ни въ другую сторону, такъ какъ между ними названа Янева,—
рядомъ съ этою послѣднею; такъ и видитъ Красовъ;—но съ которой
ороны придется эта Янева отъ Щирковой? если на западъ, то за Яневою,
ще западнѣе, уже въ Загородьи, должна быть Розважа у самаго Дѣ-
инца,—однакожъ Красовъ ставитъ ее на полночь отъ Щирковой. Если-же
тописецъ, назвавъ берегъ Щирковой, говоритъ объ улицахъ сосѣднихъ съ
ею,—одной съ запада, а другой съ полночи, тогда Красовъ будетъ правъ,
авя Щиркову ближайшею къ Яневой, а Розважу отъ Щирковой на пол-
очь, рядомъ съ Кузьмодемьянской. Порядокъ же улицъ, погорѣвшихъ въ
) году не оправдываетъ Красова. Если понесло горѣвшую доску съ
ши Пречистенской башни чрезъ весь Дѣтинецъ и бросило на Яневу
цу, конецъ которой приходится, какъ мы видѣли, на углу нынѣшней

Лучинской, гдѣ она уперлась въ театральную площадь, и если она Янева, не вся погорѣла, а только часть ея,—„и Яневы улицы выгор говоритъ лѣтопись.—Росткина же улица, кончавшаяся, какъ мы знае церкви Константина и Елены, и бывшая собственно проходомъ отъ церкви къ Росткину монастырю, выгорѣла вся, а она тянулась отъ Я прямо на западъ,—значитъ дулъ вѣтеръ восточно-полуденный;—кромѣ киной сгорѣли улицы Хревкова, Людгоща, а также Щиркова и Розва это направленіе пожарища вполнѣ соотвѣтствуетъ названному вѣтру нувшему болѣе на полночь и распространившему пожаръ отъ Людг или нынѣшней Легощей, на полночь къ валу, близъ котораго лежала кова улица; съ этой же пожаръ перешелъ на Розважу, но не коснул части Яневой, которая граничила съ Розважей, и разстилалась спер полночь къ востоку, а затѣмъ, въ Загородьи, прямо на востокъ. Ес ближайшею къ внѣшнему валу была Розважа, лѣтописецъ назвалъ прежде Щирковой, а не послѣ. Наконецъ лѣтописецъ начало пожара года опредѣляетъ мѣстомъ на Щирковой улицѣ, противъ Святыхъ С Мы ведемъ Розважу отъ Волхова, узкимъ проѣздомъ, вдоль нынѣшней Лѣтняго сада, мимо церкви Сорока мучениковъ, съ полуденной сторо Щирковъ участокъ Побережья и Неревскаго конца начинался сряду Розважи и пролегалъ мимо той же, по нашему опредѣленію, церкви полночной стороны,—тутъ, противъ этой стороны церкви, и начал жаръ. Лѣтописецъ зналъ „поле“ въ принимаемомъ нами смыслѣ; ес пожаръ начался съ противоположной стороны церкви, къ Загородьк сказалъ-бы „въ полѣ“, какъ при пожарѣ 1340 года (см. выше), или года, когда выгорѣла часть Щирковой улицы за этою же церковы полѣ и часть Розважи по Св. Спасъ (отмѣтка раньше приведена).

Итакъ, Щиркова улица лежала, какъ участокъ Побережья и Н ского конца, за Розважей, отъ нея на полночь и на полночь къ во При такомъ ея положеніи отмѣтку о пожарѣ 1397 года мы объяс независимо отъ пониманія ея Красовымъ: современникъ пожара св сперва о распространеніи его по тому участку, гдѣ впервые пока огонь—„погорѣ Щирковы улицы берегъ весь“,—затѣмъ упомянул участкахъ, лежавшихъ на полдень отъ церкви Сорока мучениковъ, вомъ и Розважѣ, наконецъ назвалъ участки на полночь къ восточ той же церкви.

Припомнимъ положеніе Ипатьевской церкви Неревской сторон свидѣтельству лѣтописи и росписи 1615 года она стояла на Щ улицѣ и была въ 1396 году самостоятельною, а въ 1615 придѣ Ѳеодора Стратилатовской, нынѣ существующей. Въ большинствѣ слу если не всегда, по упраздненіи самостоятельныхъ церквей, сооружали ближайшихъ къ нимъ придѣлы съ престолами упраздненныхъ. На З скомъ изображеніи мы видѣли невдалекѣ отъ внѣшняго вала и Стр товской церкви, рядомъ съ садомъ, церковь и признали въ ней Ип скую. На Розважѣ были, по лѣтописи, церкви, положеніе которыхъ о ляется И. И. Красовымъ и нами приблизительно на однѣхъ и тѣ

тахъ; Ипатьевской мы не видѣли тамъ ни во времена самобытныя, ни Московскомъ державствѣ. Въ Неревскомъ концѣ было много пожаровъ; истребленіи которымъ либо Ипатьевской церкви не сказано ни разу, а какъ каждая изъ всѣхъ прочихъ страдала нѣсколько разъ; естест-но задаться вопросомъ: почему не горѣла Ипатьевская церковь? Удовлет-тельнымъ отвѣтомъ можетъ быть, на нашъ взглядъ, одинъ:—церковь стояла въ сторонѣ, и не была окружена, какъ прочія, тѣсными пост-ками. Положеніе ея близъ внѣшняго вала, у сада и военнаго поселка, ившагося съ соблюденіемъ противопожарныхъ разрывовъ, вполнѣ соот-ствуетъ недосягаемости Св. Ипатія для пожаровъ. А эта церковь стояла на рковой улицѣ. Слѣдовательно ближайшимъ къ Ѳедоро-Стратилатовской и оновской церквамъ и къ внѣшнему валу поселкомъ былъ Щирковъ, а Розважскій, по крайней мѣрѣ во времена до Московскаго державства. этому положенію поселка мы еще обратимся въ статьяхъ о Запольяхъ щовъ Неревскаго и Загородного.

На Знаменскомъ изображеніи, въ береговой части, на долю Щирковой цы приходится небольшой поселокъ, и въ немъ каменный домъ съ та-же пристройкою; по срединѣ проѣздъ, не широкій, къ берегу Волхова; олженіе его въ гору направляется къ церкви Козьмы и Даміана, что улицѣ ея имени.

По положенію нынѣшнихъ улицъ Щиркова занимала площадь: между ковью Св. Ѳеодора Стратилата отъ Лучинской улицы къ внѣшнему валу, полночно-западнаго угла Средней Конюшенной улицы, отсюда по прямой, есѣкая Петербургскую улицу, вдоль ея, и нѣсколько отступя по напра-нію къ Тихвинской церкви, заворачивала постепенно на востокъ, чрезъ ую Дмитровскую улицу, къ банѣ А. А. Соловьева.

На обводимой такимъ образомъ площади Щиркова поселка было много ходовъ и проѣздовъ къ церквамъ: Ипатьевской, Спасской, Саввинской, ыредесятной и Козьмодаміанской,—послѣдней къ западной сторонѣ, и домамъ общественныхъ и частныхъ сооруженій; были также проходы и ѣзды между дворами, въ Побережьи, къ Волхову; лѣтопись не сохра-а названій ихъ, по незначительности и неважности подобныхъ про-ковъ, за исключеніемъ того, на который выходилъ Щирковъ поселокъ ею полночно-восточною границею, и велъ отъ берега Волхова къ церкви зьмы и Даміана, къ восточной сторонѣ ея; этотъ проѣздъ извѣ-нъ въ лѣтописи съ XII вѣка подъ именемъ Козьмодемьянской улицы. а, какъ не составлявшая особаго поселка, не имѣла значенія самостоя-льнаго Кончанскаго участка; лѣвая сторона ея принадлежала поселку ркову, а правая, считая отъ берега, слѣдующему за нимъ.

На Знаменскомъ изображеніи много проѣздовъ и проходовъ на Щир-омъ участкѣ, въ разныхъ направленіяхъ; разобраться въ нихъ мы не-емъ, такъ какъ частные дворы здѣсь написаны не всѣ, а лишь тѣ и такомъ порядкѣ, чтобы дать общее представленіе о постройкахъ и не ть ихъ въ сплошную кучу, въ видѣ сѣраго пятна.

Въ старинныхъ купчихъ и закладныхъ попадаются названія
ныхъ проѣздовъ,—но у насъ не много такихъ купчихъ, потому и
дѣлать по нимъ заключеній. Въ церковныхъ кладовыхъ и въ храни
старыхъ дѣлъ можно найти подобныя бумаги; не мало ихъ
частныхъ рукахъ; членамъ нашего Общества не слѣдуетъ прене
этими памятниками, хотя-бы они относились къ временамъ и не о
древнимъ; если нельзя получить ихъ въ собственность, полезно и
выписки, или полные списки.

Даньславлевъ.

Отъ Козьмодемьянскаго проѣзда къ полночи на востокъ лежал
локъ Даньславлевъ, извѣстный въ лѣтописи подъ именемъ улиц
славли, или, въ болѣе позднія времена, до XVII вѣка,—Дослани. П
этотъ занималъ окраину Неревскаго конца въ тѣхъ предѣлахъ,
онъ имѣлъ на полночь къ востоку въ перволѣтописные вѣка, когда
валъ не былъ еще отодвинутъ до нынѣшняго мѣста его, и когда
церквей: обѣихъ во имя Козьмы и Даміана, Яковлевской, Пантеле
ской, Дмитровской, Георгіевской и Мины и Виктора, т. е. до перв
довъ XII вѣка. Впослѣдствіи онъ расширился и доходилъ полночно
стороною до соотвѣтственной части вала на нынѣшнемъ его мѣст
нѣсколько проѣздовъ и проулковъ къ возникшимъ тутъ церквамъ
нымъ дворамъ; въ полночно-восточную же сторону, къ внѣшнему ва
нѣшнему, Даньславлевъ поселокъ не расширялся,—тутъ образовался
самостоятельный участокъ тоже около XII вѣка.

Первоначальные поселки назывались по именамъ лицъ, около
которыхъ они возникали. Въ Новгородской лѣтописи встрѣчается Да
Лазутиничъ подъ 1167 годомъ, какъ начальникъ дружины: „Иде Да
Лазутиничъ съ дружиною Кіеву къ Мстиславу по сынъ". Чрезъ г
же „иде за Волокъ данникомъ (сборщикомъ дани) съ дружиною". В
походъ Новгородцы нанесли жестокое пораженіе дружинѣ князя
Боголюбскаго, осадившаго, въ отмщеніе за оное, Новгородъ огромны
чищами, которыя и на этотъ разъ были разбиты на голову (Ч
образа Богоматери Знаменія), въ 1160 году (I Нов. лѣт. годы:
6677, стр. 14 и 15). Возможно, что разсматриваемый поселокъ п
названіе отъ двора этого Даньслава, который, какъ военачальникъ
лицомъ именитымъ и состоятельнымъ; да сверхъ того около двора
селены были и Людины-ратники, охранявшіе окраину города со
Звѣринца и той Вотьской дороги, по которой князь Всеславъ Полоц
ступилъ къ Новгороду во второй свой набѣгъ, въ половинѣ XI в
этомъ мы уже говорили. Тѣ каменныя палаты, которыя мы видѣл
Яковлевскаго собора, могли принадлежать военачальнику этого кра
или Тысячскому Кончанскому, о вѣроятности существованія звані

для каждаго конца будетъ дано объясненіе въ особомъ отдѣлѣ о внутреннемъ строѣ Новгородскаго Государства.

Въ участкѣ Даньславлевѣ, кромѣ проѣздовъ и проулковъ къ поименованнымъ церквамъ, былъ одинъ съ названіемъ не церковнымъ—это улица Холопья. Впервые она приводится въ лѣтописи подъ 1146 годомъ, по поводу сооруженія Козьмо-Даміанской церкви; но называетъ ее третья Новгородская лѣтопись, къ показаніямъ которой не всегда слѣдуетъ относиться съ довѣріемъ:—въ ней, какъ мы знаемъ, множество мѣстоописательныхъ ошибокъ, указывающихъ на улицы не современныя повѣствуемому случаю,—а существовавшія при составителѣ основнаго сборника лѣтописи; пергаментный сборникъ называетъ Холопью улицу подъ 1271 годомъ тоже по поводу построенія Козьмо-Даміанской церкви (I Нов. лѣт. годъ 6779, стр. 4,—а подъ 1146 г. упоминаетъ о ней безъ указанія мѣстности (тамъ-же годъ 6654 стр. 10). Изъ дальнѣйшей судьбы обѣихъ одноименныхъ церквей ясно, что подъ названными годами говорится объ одной и той же церкви. Составителю пергаментнаго сборника непредставлялось надобности писать мѣстность, такъ какъ въ 1146 году была одна только Козьмо-Даміанская церковь, извѣстная всякому изъ горожанъ, его современниковъ;—онъ же отмѣтку онъ на память для себя, а чтобы не занимать лишней строки на дорогомъ въ тѣ времена пергаментномъ пасхальномъ листкѣ (Бестужева Рюмина о составѣ русскихъ лѣтописей), и сберечь ее для другихъ отмѣтокъ, не назвалъ улицы. Такъ или иначе, но Холопья улица попала въ перволѣтописные вѣка.

Мы приписываемъ основаніе Янева поселка Яню Вышатичу, а возстановленіе названія—имени его, какъ военачальника; кто былъ Щиркъ, чьимъ имя описанному предъ симъ поселку, мы сказать не можемъ; но Даньславъ былъ тоже военачальникъ; возможно, что въ этомъ же званіи состоялъ и Щиркъ или Щирко. Около обширныхъ дворовъ именитыхъ лицъ, а и въ усадьбахъ помѣщичьихъ, селились ихъ служилые люди, общее имя которыхъ—холопи. Это соображеніе приводитъ насъ къ заключенію, что по сосѣдству съ дворами смежныхъ поселковъ Яня, Щирка и Даньслава образовался, одновременно съ господскими, и особый Холопій поселокъ. Впослѣдствіи онъ расширился постройками не холопскими, но сохранилъ первоначальное свое имя.

Ко времени составленія Нарядной описи Новгорода, т. е. къ 1623 г. по побережному участкѣ Даньславлева поселка были, по направленію отъ Волхова, проулки: Новая Романовка—къ церквамъ Яковлевой и Пантелеймоновской, Корельскій—на полночь къ востоку отъ этой, Вороній—за нею, и—другой переулокъ за Вороньимъ;—улица же Досланя названа послѣ Водяного переулка, крайнею къ внѣшнему валу. Относительно проулка Вороньимъ извѣстенъ одинъ памятникъ,—Закладная кобала Іассона Мурашева 8 года, на принадлежащій ему дворъ, находившійся на Досланѣ улицѣ, Воронѣ переулкѣ, идучи къ Мины Святому на правой сторонѣ, въ смежности: по лѣвую сторону двора посадскаго человѣка Потафья (Потапа?) Акимова, а по правую—пахотнаго огорода Хутыня монастыря,—и про-

тивъ – двора Вяжицкаго монастыря (У Макарія, въ описаніи Новгоро
архіерейскаго дома. Взято изъ сборника крѣпостей и выписей на Соф
вотчины за XVII вѣкъ, листы 10 и 11. Сборникъ хранился въ 18
когда издана книга Макарія, въ Консисторскомъ архивѣ старыхъ дѣ

Если пахотный огородъ Хутыня монастыря лежалъ у Варламь
часовни и упомянутаго колодца дома его родителей,—то проулокъ
доходилъ до самаго вала. Этотъ памятникъ показываетъ, что даже в
вѣкѣ Даньславля улица имѣла видъ поселка, съ проулкомъ на ней,
крайній къ валу—этотъ поселокъ не былъ еще тогда размѣренъ в
На окраинѣ Славна мы видимъ до сихъ поръ нетронутый выпрям
проулокъ Воскресенскій; о немъ сказано при объясненіяхъ слѣдовъ и
ковъ церковныхъ древностей Славенской стороны.

На Знаменскомъ изображеніи Даньславлевъ поселокъ показанъ
двухъ проѣздовъ, прямыхъ и значительно широкихъ; одинъ веде
церкви Козьмы и Даміана на Холопьей улицѣ, а другой, къ Яковл
и далѣе, по проѣзду Козьмодемьянскому.

Предложенные въ предыдущей статьѣ способы собиранія свѣдѣн
улицахъ, узкахъ, проходахъ и проѣздахъ одинаково полезны для
вообще Кончанскихъ участковъ,—повторять ихъ мы болѣе не будем

И. И. Красовъ не касается вопроса о Даньславлевомъ посел
древности, онъ разсуждаетъ о Досланѣ улицѣ XVII вѣка, по На
описи;—поэтому мы не входимъ въ разсмотрѣніе его мнѣнія: пол
улицъ и направленіе ихъ въ XVII вѣкѣ не имѣетъ ничего общаго с
странствомъ и положеніемъ одноименныхъ поселковъ вѣковъ перволѣтоп
и самобытія.

Борковъ.

Крайнимъ къ внѣшнему валу, полночно-восточной его части, пос
былъ Борковъ. Начиная съ Волховскаго берега, онъ не заходилъ, п
чально, за широкій проѣздъ, что теперь Дмитровская улица, а ог
вался лишь мѣстностью послѣдняго участка нашего Побережья. В
ствіи, при Московскомъ направленіи улицъ, Борковъ поселокъ тянулс
широкій проѣздъ и доходилъ, какъ вполнѣ основательно замѣчаетъ
Красовъ, до нынѣшней Петербургской, взявъ направленіе съ востока
надъ (Мѣстопол. Древ. Нов. стр. 59). Но Красовъ основываетъ свое
ченіе на чертежѣ Попова и опредѣляетъ положеніе нашего поселка
прямой улицы, въ половинѣ прошедшаго столѣтія,—такъ что для
задачи заключеніе его не пригодно. Не пригодно намъ и опредѣленіе
полита Евгенія, направляющаго Боркову улицу его времени съ Волх
берега къ нынѣшней Тихвинской церкви,—хотя ученый Владыка п
Оба опредѣленія, Красова и Евгенія, служатъ только доказательством
наго передвиженія прямыхъ, по-московски, улицъ, съ мѣста на
послѣ большихъ пожаровъ.

Руководствуясь лѣтописными отмѣтками о построеніи церквей и о арахъ въ мѣстности Боркова поселка и по сосѣдству, попытаемся оты-ъ положеніе его въ вѣка перволѣтописные и самобытные.

Подъ 1181 годомъ отмѣчено въ лѣтописи: „срубиша церковь святого ва на Добрыни улици, и святую безмезднику Козьмы и Даміана, и ого Савы, и святого Георгія и святого Іоана Ишькову". Положеніе ъ церквей нами указано; о Георгіевской лѣтописецъ (I Нов. лѣт. годъ 9, стр. 18) не сказалъ, гдѣ она срублена,—но, назвавъ ее послѣ Козьмо-анской и Саввиной, указалъ, что она поставлена въ одной съ ними ности. Въ 1299 году былъ огромный пожаръ, начавшійся на Варяж-улицѣ Славенской стороны и перекинувшійся, при случившейся въ время бурѣ съ вихремъ, въ Неревской конецъ, на Холопью улицу; писецъ поименовалъ сгорѣвшія въ этотъ пожаръ церкви Славенской ны, въ числѣ 12-ти,—а о церквахъ Неревскаго конца сказалъ только, ихъ погибло тамъ десять. Деревянная Георгіевская церковь 1181 года огла уцѣлѣть въ этотъ пожаръ, какъ ближайшая къ Холопьей улицѣ.

1303 годомъ въ первой Новгородской лѣтописи сказывается о пост-и деревянной („срубиша") Георгіевской церкви на Борьковѣ улицѣ. ма вѣроятно, что здѣсь говорится о возстановленіи прежней, тутъ же ней, но сгорѣвшей въ упомянутый пожаръ. Выше мы высказали пред-женіе о первоначальномъ заселеніи окраины Неревскаго конца, у Звѣ-а, Людинами-ратниками. Борковъ поселокъ занятъ былъ, надобно гать, ими же; во всей мѣстности этой окраины церкви посвящены, какъ видимъ, воинамъ-мученикамъ: Дмитрію Селунскому, Георгію Побѣдо-у и Борису и Глѣбу,—послѣдняя на Гзени, недалеко отъ Звѣринскаго стыря,—что вполнѣ подходитъ къ военному поселенію. Разбрасываться разныя стороны, отдѣльными дворами, ратники не могли, по свойству ихъ обязанностей, имъ необходимо было жить вблизи двора начальника; ничто не мѣшало имъ шириться равномѣрно,—или по округленной пло-и, или въ ту сторону, гдѣ, по роду занятій, было удобнѣе. Широкій ѣздъ, которымъ мы отдѣляемъ Побережье отъ Неревскаго конца въ тѣ-мъ смыслѣ, представляется наиболѣе подходящимъ въ этомъ отношеніи; ванія поселковъ Побережья могли, какъ мы предположили, соотвѣтство-ъ именамъ военачальниковъ; возможно что и самое Побережье, судя по зна-ельности площади Широкаго проѣзда, было первоначально обнесено, со оны проѣзда, окопомъ, за которымъ, по направленію къ гражданскимъ лкамъ, шло поле въ приписываемомъ ему нами смыслѣ. Когда этотъ ъ уничтожили, на мѣстѣ его получился Широкій проѣздъ. Борковъ по-къ самый дальній, по отношенію къ Дѣтинцу и малому валу, предста-тся намъ, какъ и предыдущіе два, тоже военнымъ, отодвигавшимся сюда епенно, при военачальникахъ Щирко, Даньславѣ и Борковѣ, уже послѣ тоженія окопа Побережья при послѣднемъ;—при немъ, вѣроятно, на ѣ окопа поставлены были тогда же дворы Людиновъ-ратниковъ. Въ ремя, когда образовался Яневъ поселокъ,—мѣстность вдоль окопа его а получить названіе Янева же поселка, или Яневой улицы, и сохра-

нять оное на всемъ пространствѣ своего протяженія въ ту, и въ сторону отъ военнаго поселка того же имени, то есть вправо къ Зв и влѣво къ Лучинской улицѣ. Если „Янъ“ не замѣняетъ имени „ въ такомъ случаѣ та часть поселка, на которой возникла Яков церковь, стала называться иногда, послѣ построенія этой церкви, и улицею, сохраняя, какъ мы видѣли въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣ гдѣ и прежнее свое наименованіе Яневой. Отъ малаго вала проѣздъ стамъ погребенія умершихъ и къ священному Звѣринцу существова до христіанства (Веселая горка и Лазаревскій холмъ или курганъ), послѣ крещенія, потому что на Лазаревскомъ холмѣ въ 1098 год тѣмъ далѣе въ Звѣринцѣ и близъ него,—были монастыри; проѣздъ вдоль побережья и, получивъ названіе отъ перваго военнаго посел вался въ народномъ говорѣ съ нимъ и послѣ сооруженія Яковлевской лишь мало по малу вытѣснившей это названіе и замѣнившей его Я улицею. Послѣдній военный поселокъ, Борковъ, не далъ своего име проѣзду въ народномъ говорѣ древности, а лишь части близъ церкви; писецъ, хотя и поздняго времени, назвалъ въ одномъ мѣстѣ, подъ 1 домъ, нашъ Широкій проѣздъ Борковою улицею: „загорѣся на С сторонѣ, на Борковой на большой улицы, и горѣло по Розваж Дмитрію святому до конца“ (III Нов. лѣт. стр. 264). На одной мѣткѣ, какъ помѣщенной въ третьей лѣтописи, мы не останови тѣмъ болѣе, что ее нельзя понимать, какъ думаютъ Муравьевъ и первый особенно, будто Боркова шла до Розважи, но въ названіи Борковой большою видится отраженіе имени улицы Великой, наход на мѣстѣ нашего Широкаго проѣзда, и упоминаемой подъ 1477 годами, одинъ разъ по случаю пожара, начавшагося отъ Розважи истребившаго пространство „до Борковы улицѣ, Побережье все *до улицы*“ (IV Нов. лѣт. годъ 6985, стр. 130),—а другой—когда гов Московскихъ дьякахъ, которые размѣривали улицы на Софійской „и начаша мѣрити Великую улицу отъ Володимерскихъ воротъ конецъ“ (Соф. Времен. Ч. II, стр. 370). Такимъ образомъ улицы— третьей лѣтописи и Великая четвертой и Софійскаго Временника—пр на Широкомъ проѣздѣ; а Большая—это Боркова, по третьей. Слѣдо Борковъ поселокъ передалъ свое имя, впослѣдствіи, и Широкому подобно тому, какъ раньше возникновенія его, тотъ же проѣздъ имя поселка Янева.

По приведеннымъ здѣсь основаніямъ мы называемъ въ разн стахъ записки нашей нынѣшнюю Дмитріевскую улицу: Широким домъ, Яневою, Яковлевою, Борковою и Великою улицами.

На Знаменскомъ рисункѣ Борковъ поселокъ показанъ послѣд внушнему валу въ Побережьи,—а улица его имени т. е. Широ ѣздъ, что теперь Дмитріевская, отдѣляетъ все Побережье отъ Кон Перевскихъ участковъ.

Мы сказали, что и Красовъ и Митрополитъ Евгеній правы для Борковой улицы мѣстность на западъ къ нынѣшней Петербу

полночь къ Тихвинской церкви. Какъ гражданскіе поселки, возникшіе ъ военныхъ—Янева, Щиркова и Даньславля, разростаясь въ стороны, свободныя отъ построекъ, сохранили первоначальное названіе по имени ныхъ до XVII вѣка, такъ и поселки отъ Боркова—военнаго ширились, было мѣсто для постройки новыхъ дворовъ, въ разныхъ направленіяхъ, аняя первоначальное свое имя. Боркова улица, какъ Кончанскій уча-ъ, возникшій уже послѣ первыхъ трехъ, могла вдаваться въ каждый нихъ клиньями, болѣе или менѣе широкими и длинными.

По Нарядной описи, объясняемой Митрополитомъ Евгеніемъ, въ на-ъ Борковѣ поселкѣ было три проѣзда къ Волхову: Щуровъ, Чедерскій и ковскій (Разговоры, стр. 75). Красовъ помѣщетъ ихъ, подъ именемъ щъ, между Даньславлею и Большимъ (т. е. внѣшнимъ) землянымъ ва-ъ (стр. 47). Но направленія не указываетъ. Для нашихъ цѣлей доста-но одного указанія Митрополита Евгенія. Мы видѣли, что поселокъ ьславля имѣлъ направленіе на полночь, къ западу болѣе, чѣмъ къ во-ку. Если послѣдніе три проѣзда переходили за Широкій, ничто не мѣ-о имъ оканчиваться у Даньславля, или упираясь въ него, или вдаваясь этотъ Кончанскій участокъ клиньями. Если, какъ объясняетъ Митропо-ъ Евгеній, три проѣзда начинались всѣ отъ берега, они всѣ могли ле-ь и по назначенію Красова, между валомъ и Даньславлимъ участкомъ.

Проѣзды.

При разсмотрѣніи Кончанскихъ участковъ Славенской стороны мы ви-и небольшіе проходы и проѣзды изъ одного участка въ другой и назы-и ихъ улками и проулками, иногда проходами. По отношенію къ сто-ѣ Неревской эти названія правильнѣе замѣнить проѣздами вообще, что и сдѣлали, когда встрѣчались съ улками, проулками и проходами въ ережьи и въ описанныхъ уже поселкахъ. Нѣкоторые изъ проѣздовъ ли протяженіе чрезъ весь Неревской конецъ, или чрезъ наибольшую ть всей его площади. Быть можетъ они имѣли значеніе самостоятель-хъ Кончанскихъ участковъ, но свѣдѣній вообще о такихъ участкахъ ю; въ письменныхъ памятникахъ встрѣчаются улицкіе старосты, но ка-именно улицы имѣли своихъ старостъ, намъ извѣстно весьма мало. этому, называя поселками и Кончанскими участками широко застроенныя ощади, мы будемъ называть площади узкія, длинныя или короткія—во-ще проѣздами, впредь до открытія новыхъ памятниковъ, въ которыхъ дутся названія старостъ того или другого Кончанскаго участка, относи-о нами къ проѣздамъ.

Козьмодемьянскій.

Проѣздъ этотъ, какъ улица, упоминается въ 1234 году, по поводу женія Новгородцами на Ловати Литвы, въ дѣлѣ съ которою въ числѣ

убитыхъ названъ „Гостильцъ“ съ Кузмодемьяни улицы (I Нов. лѣт. 6742, стр. 50). Митрополитъ Евгеній ведетъ этотъ проѣздъ съ Волхо берега прямо къ Козьмодемьянской церкви, которая стояла въ его между нынѣшнею Петербургскою улицею и Тихвинскою церковью, и валась,—въ отличіе отъ другой, ей соименной, стоявшей на мѣстѣ н ней Тихвинской, на поселкѣ Холопьемъ,—Козьма и Даміанъ на К демьянской улицѣ. Эта-то улица и составляла нашъ проѣздъ. И. И. совъ, не оспаривая Евгенія, ведетъ Козьмодемьянскую улицу до вала, гдѣ былъ Спасскій монастырь, и даетъ ей внутри города между Розважей, по его опредѣленію ея направленія, и Холопьей (ст по нашему же положеніе Козьмодемьянскаго проѣзда будетъ между ковымъ и Даньславлимъ поселками,—что подтверждается отмѣткою писи подъ 1403 г.,—впрочемъ сомнительной,—о построеніи въ этом каменной Козьмодаміанской церкви на Даньславлѣ улицѣ (III Но стр. 234). Но если проѣздъ во времена самобытія былъ извилис если Митрополитъ Евгеній и Красовъ ведутъ Козьмодемьянскую „впрямь по-московски“,—будутъ одинаково правы и составитель ос сборника третьей лѣтописи и оба острожные изслѣдователи мѣстопол древняго Новгорода. Однакожъ въ перволѣтописныя и самобытныя в Козьмодаміанскій проѣздъ не выходилъ на берегъ Волхова, онъ оканч у Побережья, начинаясь отъ внѣшняго вала, съ Вотьской, или В дороги.

Холопій.

Мы видѣли Холопій поселокъ; проѣзды изъ него къ Побережью и него къ сосѣднимъ поселкамъ несомнѣнно существовали съ древнѣ временъ. На одномъ изъ нихъ, ближайшемъ къ Побережью, поста какъ сказано уже, въ 1146 году, первая по времени сооруженія Коз міанская церковь. Къ XVII вѣку Холопій проѣздъ былъ только один прямленный по-московски. Митрополитъ Евгеній ведетъ Холопью замѣнившую нашъ проѣздъ, отъ Волхова, мимо полуденной стороны ровской церкви, на западъ прямо, и оканчиваетъ на Петербургской Красовъ начинаетъ эту Холопью улицу тоже съ Волховскаго бер почти съ средины нашего Побережья, а не съ восточно-полночнаго его, какъ Евгеній,—направляетъ на нынѣшнюю Тихвинскую церковь отъ нея выводитъ на Петербургскую улицу, изгибая на этомъ про ствѣ Холопью дугообразно (стр. 59).

На Знаменскомъ изображеніи Козьмодемьянскій проѣздъ не прим Холопій же написанъ прямымъ—широкимъ, направляющимся отъ бежья къ церкви, на мѣстѣ которой стала нынѣшняя Тихвинская. Н тежѣ Попова Холопій проѣздъ означенъ такъ, какъ ведетъ его Красов

Яковлевъ.

Извѣстно уже, что первое упоминаніе о Яковлевѣ проѣздѣ, какъ объ ицѣ, относится къ 1135 году, и что, по свидѣтельству писцовыхъ книгъ 1 вѣка, церковь Сорока мучениковъ обозначалась—или на этомъ проѣздѣ, на Яневѣ улицѣ. Такія данныя послужили для насъ поводомъ считать посе- ъ Яневъ Яковлевымъ и обратно. Изъ свѣдѣній, имѣющихся въ лѣтописи, судьбѣ Яковлевской церкви мы видимъ, что въ пергаментномъ и Тати- вскомъ сборникахъ, а равно и въ первой Новгородской лѣтописи ни разу ъ всѣхъ пяти отмѣтокъ объ этой церкви, подъ годами: 1172 (указанія аницъ беремъ изъ I Нов. лѣт.—стр. 15),—1175 (стр. 16),—1208 (стр.),—1226 (стр. 42)—и 1299 (стр. 66)—ни въ одной не сказано, что-бы церковь стояла на Яковли улицѣ. Поэтому мы и не относимъ Яковле- улицы къ самостоятельнымъ поселкамъ, съ значеніемъ Кончанскихъ стковъ временъ перволѣтописныхъ и самобытныхъ, признавая ее въ большой части площади за Яневу,—и называя только проѣздомъ. По оженію церкви Св. Іакова,—на проѣздѣ между нашими поселками Щир- ымъ и Даньславлимъ,—тутъ не могло образоваться особеннаго поселка, за мѣніемъ свободнаго пространства для построекъ. Впослѣдствіи, при Мо- зскомъ направленіи улицъ, Яковлевъ проѣздъ выпрямили и съ того вре- и онъ сдѣлался улицею въ нынѣшнемъ смыслѣ.

Митрополитъ Евгеній, при которомъ Яковлевская церковь еще суще- овала,—она пала отъ ветхости, какъ выше сказано, въ 40 годахъ те- цаго столѣтія,—ведетъ улицу ея имени отъ Волховскаго берега по пра- о сторону этой и Пантелеймоновской, нынѣ существующей, извѣстной народѣ подъ именемъ Никоно-Кочановской,—церкви къ внѣшнему валу, церкви Св. Мины и Виктора (Разговоры, стр. 74). И. И. Красовъ не лашается съ Евгеніемъ лишь относительно направленія разсматриваемаго ѣзда и доказываетъ, что Яковлева улица Нарядной описи шла не по- вую, а по лѣвую сторону церквей ея имени и Пантелеймоновской. Но разногласіе изслѣдователей не существенно и легко устраняется: Митро- итъ Евгеній правою стороною церквей считаетъ ту, которая приходится право отъ зрителя, стоящаго лицомъ къ алтарю, на востокъ, а Кра- ъ—обратно.

Существующая нынѣ Пантелеймоновская церковь служитъ вѣрнымъ казаніемъ мѣста Яковлевскаго проѣзда: отъ нея на полночь, нѣсколько къ паду, въ сторону внѣшняго вала, а въ береговую сторону,—отъ нея на стокъ.

Изъ приведеннаго въ статьѣ о Даньславлевѣ поселкѣ памятника 1688 видно, что противъ двора Мурашева на Вороньемъ проулкѣ приходился ъ Вяжицкаго монастыря. По акту 1583 года Вяжицкимъ монастыремъ ленъ дворъ на Яковли и Дослани улицахъ (Акты Юридич., стр. 224, 94). Изъ сопоставленія обоихъ памятниковъ оказывается, что Яковлевъ ѣздъ тянулся именно между нашими Даньславлимъ и Щирковымъ по-

селками, и что между нимъ и внѣшнимъ валомъ, чрезъ поселокъ Д
славль, прошелъ Вороній проулокъ уже послѣ 1583 года, такъ что Вя
кій дворъ оказался между нимъ и Яковлевымъ проѣздомъ, хотя и въ
же Даньславнѣ поселкѣ, чрезъ столѣтіе послѣ покупки.

На Знаменскомъ изображеніи и на чертежахъ Попова и 1778 г.
щадки церквей Яковлевскаго проѣзда показаны. Теперь на мѣстѣ восто
направленія Яковлевской улицы Нарядной описи стелется улица Нико
ская (по имени Св. Николая Кочанова), а въ полночно-западномъ М
ская, нѣсколько сдвинутая къ востоку отъ дома Земской больницы.

Звѣринскій.

Продолженіе Широкаго проѣзда вдоль нашего Побережья за вн
валъ, къ Звѣринцу, и впослѣдствіи къ монастырямъ Лазаревскому, Ни
Бѣлаго и Звѣринскому, существовало въ вѣка долѣтописные и существ
до сихъ поръ. Собственнаго имени оно не имѣло, или точнѣе, лѣто
не даетъ никакихъ свѣдѣній о немъ до XVI вѣка. Да и въ это время
мянуты,—въ дополнительной къ Разрядному и Разметному спискамъ о с
въ 1545 году зелья (т. е. пороху) и свинцу для похода подъ Казан
грамотѣ 29 Февраля,—улицы Петровская, Никольская и Лазаревская
ревскаго конца, подъ которыми, по соименности ихъ церквамъ, лежащ
вправо отъ проѣзда въ монастырь Звѣринскій, можно разумѣть загоро
поселки, а не названіе самаго проѣзда (Ак. Арх. Эксп. Ч. I, стр.
№ 205). Въ Геннадіевомъ обходѣ 1493 г. (о немъ см. выше) то-же
вана Петровская улица, но та находилась по другую сторону внѣш
вала, между Гончарскимъ концомъ и Синичьею горою, гдѣ теперь Пе
ское кладбище. Геннадій шелъ отъ Алексѣя Святого,—что за рвомъ в
няго вала, гдѣ теперь деревянная часовня въ самомъ началѣ слабод
правой рукѣ,—вспольемъ къ Духу Святому; „да дошедъ Петровскія у
сталъ и велѣлъ октенью говорить и молебенъ совершилъ; и послѣ по
къ Чюдинцовѣ улици“ (II Нов. лѣ. годъ 7001, стр. 146). Въ этом
обходѣ названъ Петровскій мостъ:—„а изъ Духова монастыря Архіепи
послалъ священниковъ и діаконовъ со кресты, и велѣлъ имъ молебенъ
вокругъ тѣхъ дворовъ, которыи самъ не обшемъ, и пошелъ къ Петров
мосту, а отъ Петровскаго мосту къ рѣкѣ и шелъ берегомъ до Я
улици“ (тамъ-же). Очевидно это мостъ чрезъ ровъ близъ Петропавлов
церкви, нынѣ существующей, за внѣшнимъ валомъ, на проѣздѣ къ
ринскому монастырю; онъ показанъ именно тутъ на чертежѣ 1778
Въ III Новгородской лѣтописи, въ отмѣткѣ подъ 1406 годомъ, о сооруж
названной церкви Петра и Павла, сказано, что ее ставили на Пан
улицѣ (III Нов лет. годъ 6914, стр. 234). Ни въ одной изъ прочихъ л
писей, болѣе древнихъ, чѣмъ основной сборникъ третьей, о Панской у
не упоминается. Но въ Нарядной описи перечислены улицы Неревскаго к

городомъ, т. е. Неревскаго-Загородскаго (Татарская, Петровская, Новая, зарева, Никольская, Глотовская и Савина), и противъ одной изъ нихъ, тровской, сказано: „прежде именовавшаяся Панская“ (Разговоры, стр. 77). объясненію Митрополита Евгенія „она простиралась внизъ (сравнительно положеніемъ Духова монастыря?) къ нынѣшней церкви Петра и Павла“ амъ-же). Эта же Петровская, а прежняя Панская, названа и въ числѣ тырехъ улицъ Неревскаго-Петровскаго конца (Петровской, Чудской, Звѣ-ской и Новой Кузнецкой): противъ ней отмѣчено: „Отъ рѣки Волхова Петропавловской нынѣшней церкви“ (тамъ-же). Такимъ образомъ изъ рядной описи мы усматриваемъ, что ни Панская, ни Петровская улицы приходились на проѣздѣ къ Звѣринскому монастырю;—одна только Звѣ-цова могла, судя по названію, ему соотвѣтствовать. Поэтому мы и на-аемъ продолженіе Широкаго проѣзда за внѣшній валъ—Звѣринскимъ.

Заполья.

При объясненіяхъ о мѣстахъ, на которыхъ стояли лѣтописныя церкви евской стороны, упомянуты Заполья. Во времена самобытія они состав-и новые концы; Заполья же появились уже около половины XVI вѣка по нашему мнѣнію, по выпрямленіи проѣздовъ между древними посел-ми, съ присвоеніемъ названія улицъ имъ только, а не Кончанскимъ асткамъ. Въ Неревскомъ концѣ образовались и помѣщены въ Нарядной иси 1623 года Заполья: Кузьмодемьянское, Черковское и Яневское, ча-ю на концахъ одноименныхъ съ ними улицъ, близъ внѣшняго вала вну-и города, частію за валомъ, противъ этихъ улицъ. Кузьмодемьянское нимало пространство, приблизительно, между монастырями Звѣринскимъ и ховымъ по обѣ стороны внѣшняго вала; Черковское,—по опредѣленію трополита Евгенія,—между Петропавловскою церковью и берегомъ Вол-ва—сряду за валомъ,—а Яневское тамъ, гдѣ мы видѣли мѣстность узнецы“, т. е. между западнымъ концемъ поселка Щиркова,—по концамъ шѣшнихъ улицъ Конюшенныхъ, прилегающихъ къ валу, противъ тюрьмы,—Петербургскою улицею. Относительно Черковскаго мы дадимъ объясненія разсмотрѣніи Запольевъ слѣдующаго конца, считая его за Щир-ское.

Загородной конецъ.

Митрополитъ Евгеній, Н. Н. Муравьевъ, И. И. Красовъ и всѣ, пи-шіе о мѣстоположеніи древняго Новгорода, опредѣляютъ пространство днаго конца площадью улицъ Чудинцевой и Прусской и Митропо-ьаго острова. Основаніемъ для такого опредѣленія они всѣ принимаютъ рядную опись 1623 г.

„Легощею“, и никогда—„Людгощею“. Между тѣмъ лѣтопись знаетъ ее „этимъ послѣднимъ именемъ“; напримѣръ: пожаръ 1407 года описы въ Татищевскомъ сборникѣ такъ: „Погорѣ Неревскій конецъ до го святаа Софіа погорѣ вся, и дворъ владычнь, и *Людгоща* улица (Пр Рус. Вив. Ч. II, стр. 678). Подъ этимъ же именемъ ее знали и м насельники половины XIV вѣка: въ нынѣ существующей церкви Ф Лавра, на Легощей, хранится деревянный рѣзной крестъ, съ отживле изображеніями распятія Господня и разныхъ святыхъ въ 19 кружа великому прискорбію этотъ драгоцѣнный памятникъ древности вре времени поновляется позолотою и письмомъ. Подъ распятіемъ, вниз ста, вырѣзана надпись: „Въ лѣто ҂ѕѿѯз индикта ів поставленъ бысть си Господи Іисусе Христе помилости вся христьяны на всякомъ мѣс лящася Тобѣ вѣрою чистымъ сердцемъ и рабомъ Божіимъ помози вившимъ крестъ си *Людгощичамъ* и мнѣ написавшему—Ф—с.“,—дал понятно (надпись приведена по чтенію Макарія, въ опис. Нов. церк Ч. II, стр. 129).

По преданію, содержимому причтомъ нынѣшней Флоровской этотъ крестъ и древній образъ Симеона Столпника перенесены сю упраздненной церкви Симеоновской, деревянной, находившейся въ Чудин улицѣ (Макарій, церк. древ. Ч. II, стр. 130, примѣч. 246. Дре Импер. Моск. Археолог. Общ. Ч. X, Протоколы, стр. 88). Мы не поводовъ не довѣрять этому преданію, такъ какъ на Чудинцевской была церковь Св. Симеона Столпника, сооруженная каменною въ году, несомнѣнно на мѣстѣ прежней деревянной, которая могла сгор пожаръ, 1391 года; одинъ изъ нихъ, начавшійся, 21 Іюня, на Пр улицѣ у Введенской церкви, истребилъ 7 церквей деревянныхъ и дилъ 4 каменныхъ (I Нов. лѣт. годъ 6899, стр. 95). Возможно, числѣ семи деревянныхъ была и Симеоновская, престольный образъ и которой вынесли въ Флоровскую. Если это такъ, то мнѣніе на улицѣ Людгощей, какъ о широко-раскинутомъ военномъ поселкѣ, в въ крестѣ и въ преданіи вѣское доказательство.

Итакъ полночно-восточная граница Загородного конца, охватыва ковь Ѳеодора Стратилата и площади не существующихъ Констан Елены и Архистратига Гавріила.

Полуденно-западная граница разсматриваемаго конца шла въ дре вдоль полуденной стороны нынѣшней ограды Десятиннаго монастыря правлялась почти по прямой къ Троицкой церкви, примѣрно, къ с разстоянія между нею и горкою, на которой хранится Екатери лодка. Эта древняя граница обнимала все Загородье и Новинку, вавшуюся между XV и XVI вѣкомъ;—а также церкви, кромѣ Новинс береговыхъ (обѣихъ Васильевскихъ и Образовой), нынѣ существу Власьевскую и давно упраздненную Яковлевскую на Добрынинской Въ статьѣ о Загородьи приведены подробно данныя и соображенія тельно западно-полуденной границы древняго Загородного конца. П нимъ здѣсь, что у церкви Св. Іакова на Добрынинской улицѣ жилъ

ь пергаментнаго сборника, священникъ ея, Германъ или Гермогенъ, по званію Воята (Журн. Мин. Народ. Просв. 1852 г. № 7). Вѣроятно онъ шелъ на войну съ своими прихожанами, Людинами-ратниками. Въ концѣ нѣшней Прусской улицы, у самаго внѣшняго вала, была, какъ сказано своемъ мѣстѣ, Вознесенская церковь. Первоначальное основаніе ея отсится, по лѣтописямъ Софійской-Академической и Николо-Дворищенской, 1092 году и приписывается первою, изданною въ неисправнѣйшемъ дѣ, съ грубѣшими ошибками, Милониту Кищнику, а второю—Милонѣгу оф. Акад. этр. 142;—Лѣт. Никол. Двор. въ Пол. собр. Русс. лѣт. Ч. XI, ъ 6600). Первая Новгородская лѣтопись и Николо-Дворищенская говоть о заложеніи Вознесенской церкви въ 1181 г. каменною, вѣроятно на стѣ прежней деревянной, притомъ одна основателемъ называетъ Милонѣга, ругая—Тысячскихъ Новгородскихъ. Калайдовичъ считаетъ этого самаго лонѣга Посадникомъ (I Нов. лѣт. годъ 6693,—Калайдовичъ о Посадниъ, стр. 97. Выписка изъ Николо-Двор. лѣт. у Макарія, Опис. др. Ч. I, 187, примѣч. 127). Въ виду этихъ свѣдѣній мы полагаемъ, что въ ійско-Академической слѣдуетъ читать вмѣсто „Милонитъ Кищникъ (торецъ кишками?)—Милонѣгъ Тысчникъ или Тщникъ, подъ титломъ, то ь Тысячникъ. Подъ 1191 годомъ первая Новгородская лѣтопись назытъ, по поводу освященія Вознесенской церкви Владыкою Св. Григоріемъ, дателемъ ея Милонѣга Тысяцскаго (стр. 20, годъ 6699). Если строители Вознесенской церкви были Тысячскіе,—получается еще доказательо заселенія Загородного конца Людинами-воинами. Западно-полночною ницею служилъ окопъ, а противолежащая приходилась у Загородья или рва, его окружавшаго.

Къ XIII или XIV вѣку древняя западно-полуденная граница измѣнись,—взявъ отъ полуденной стѣны ограды нынѣшняго Десятиннаго пастыря, направленіе мимо Яковлевской и Власьевской церквей, по вую сторону ихъ, къ малому валу и къ большой Покровской башнѣ тинца.

Представивъ вниманію знатоковъ рядъ доводовъ и соображеній о пространствѣ Загородного конца, несогласномъ съ опредѣленіемъ его почтенми предшественниками нашихъ изысканій о мѣстоположеніи древняго згорода, придерживающимися границъ Нарядной описи, разсмотримъ отьные поселки, входившіе въ составъ этого конца.

Поселки Кончанскіе.

Основываясь на приведенныхъ свидѣтельствахъ памятниковъ письменхъ и другихъ, мы помѣщаемъ въ Загородномъ концѣ четыре поселка: дгощій, Чудинцевъ, Прусскій и Владыченъ или Митрополичъ, равно проѣзды жду ними и Заполья.

Людгощій.

Съ тѣхъ поръ, какъ образовался Людинъ конецъ, прежній посе
Людиновъ-ратниковъ,—на западъ и полночь отъ Дѣтинца,—вошелъ въ со
Загородного конца, какъ участокъ его. Въ перволѣтописныя времена
назывался „Людгоща“ или „улица Людгоща“. Когда именно возникъ
динъ конецъ, утвердительно сказать нельзя,—но до начала Русской
писи; въ Ярославовомъ Уставѣ названы и Людинъ и Загородной,
„Осмевникомъ поплата въ Людинъ конецъ“—сказано въ первыхъ строка
и въ концѣ первой части: „А Цюдинцевѣ улици съ Загородци“—по с
Дубенскаго, и—„съ Загорожаны“—по Строевскому—„до городнихъ вор
Изъ послѣднихъ словъ можно-бы заключить, что во время изданія У
въ дошедшихъ до насъ спискахъ Загородного конца еще не было,
какъ составная его часть, Чудинцевская улица, названа отдѣльно от
горожанъ, или Загородцевъ; если-бы конецъ существовалъ, эту улицу
чѣмъ называть, она обнималась-бы словомъ Загорожаны. Но мы уже
сказали, что Ярославовъ Уставъ облагаетъ мостовою повинностью—во
всѣхъ должностныхъ лицъ, получавшихъ отъ государства кормлен
службу; во 2-хъ, жителей волостей, особенно часто посѣщающихъ г
для своихъ выгодъ, по торговымъ дѣламъ,—и въ 3-хъ, городскихъ
вателей—чужестранцевъ, не имѣющихъ правъ гражданъ Новгородских
пользующихся удобствами и выгодами мѣстнаго благоустройства. Въ этих
дахъ къ мостовой повинности въ городѣ были призваны, какъ сказан
раньше, Прусы и Чудины—какъ чужеземцы и Загорожаны прочіе, как
дины-ратники, получавшіе кормленіе. Мы сказали, что въ составъ посе
Загородного конца входилъ и Митрополичъ островъ, обыватели кот
люди владычніе, пользовались особыми льготами не только во все
самобытія, но и при Московскомъ державствѣ; они вполнѣ зав
отъ архіерея, который, наравнѣ съ прочими служилыми гражданами,
также мостовую повинность, которую отбывали въ числѣ прочихъ
его, и Островитяне; если-бы Уставъ сказалъ только о Загорожанахъ,
Владычни, эти Островитяне, понесли-бы двойную повинность: какъ З
жаны и какъ люди архіерейскіе. Разницу въ чтеніяхъ списковъ Дубе
и Строева можно объяснить или послѣдовавшимъ за время между из
ніемъ того и другаго отдѣленіемъ Загородья отъ Загородского кон
особый поселокъ, или одинаковымъ значеніемъ обоихъ выраженій.

Съ тѣхъ же долѣтописныхъ временъ ведетъ начало и „Людгощ
какъ поселокъ Загорожанъ Устава о мостахъ,—Людиновъ-ратниковъ.

Площадь его была обширна: начинаясь мѣстностью церквей Ѳ
Тирона, Ѳеодора Стратилата, Константина и Елены и Архистратига
ріила съ полночи къ востоку, она даже заходила до нынѣ существу
церкви 12-ти Апостоловъ, что въ огородѣ, гдѣ былъ въ древности М
поличъ островъ,—въ направленіи на западъ къ полдню.

Протяженіе площади Людгощи въ западно-полуденную сторону мы ювываемъ на слѣдующихъ данныхъ:

1) Въ обозрѣніи остатковъ и слѣдовъ церковныхъ древностей Нерев-й стороны, по Загородному концу, объяснено положеніе церкви Св. Нико-и Чудотворца и при ней монастыря, устроенныхъ „въ 1390 году въ концѣ гощей и Чудинцевы улицъ"; мы видѣли мѣсто ихъ близъ церкви 12-ти остоловъ, отъ нея на полночь къ западу. Преосвященный Макарій указы-ть развалину этого монастыря, въ видѣ сопки, на огородѣ Митрополичья рова (Опис. цер. древ. Ч. I, стр. 161, Примѣч. 81).

2) Подъ 1452 годомъ въ третьей лѣтописи отмѣчено: „Поставиша ковь каменную Св. Николая на Легощи улици, на полѣ, а старую ра-вали" (годъ 6960, стр. 240). Хотя къ показаніямъ этой лѣтописи слѣ-ъ относиться осторожно, съ разборомъ, но приведенная отмѣтка ея находитъ твержденіе въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка; тамъ значится:— „Николы того монастырь конецъ Легощи улици". (Въ книгѣ Д. И. Прозоровскаго городъ и Псковъ, стр. 41); и въ отмѣткѣ первой Новгородской лѣтописи ь 1390 г., гдѣ сказано: „поставиша монастырь новъ святого Николы ецъ Лютощей и Чюдинцевой улицѣ" (годъ 6898, стр. 95).

и 3) На полдень къ западу отъ церкви 12-ти Апостоловъ видны до ъ поръ остатки того глубокаго рва, который названъ въ лѣтописи „про-тьми", и который былъ оградою древней границы нашего Загородья, съ еленными на мѣстѣ указываемой нами площади Людгощи—Людинами-ажниками. Церковь Симеона Столпника, изъ которой перенесенъ соору-нный Людгощичами названный крестъ, стояла около Николаевскаго мона-ря.

Въ описаніи пожара 1476 г. (IV Нов. лѣт.) сказано, что на Легощи ѣло до Іоанна Богослова. На Неревской сторонѣ самостоятельной церкви ени этого Святого не было; въ Софійскомъ соборѣ существуетъ и теперь дѣлъ Іоанна-Богословскій. Но была церковь Іоанна Предтечи въ Рост-нѣ монастырѣ; мѣсто ея указано выше. Вѣроятно составитель четвертой тописи былъ не Новгородецъ и не зналъ точно имени Ростинской церкви. тая, поэтому, сгорѣвшею въ 1476 году Предтеченскую-Ростинскую ковь, мы видимъ въ приведенной отмѣткѣ доказательство указаннаго тяженія Людгоща поселка къ Стратилатовской церкви, такъ какъ Рост-ская находилась между нынѣшними Легощею и Лучинскою.

Границы разсматриваемаго поселка, полночная и полуденная, находи-ь всегда въ зависимости отъ окоповъ—внѣшняго и внутренняго, между ъ и Дѣтинцемъ во времена древнѣйшія, а въ болѣе позднія—между нимъ алымъ валомъ.

Прослѣдить колебанія въ пространствѣ и границахъ и со-менномъ состояніи печатныхъ изданій письменныхъ древ-ти, къ сожалѣнію, не представляется возможно всего нъ памятникъ, данную 10 Мая 1684 года, въ II вѣкѣ нашъ поселокъ занятъ былъ въ ч ратилатовской церкви, и даже на Щирковой

„подъ дворы Московскихъ стрѣльцовъ Семенова полку Нелидова, к
присланы въ Великій Новгородъ на вѣчное житье“ (Макарій, Опи
дома, стр, 117; взято изъ Консисторскаго архива старыхъ дѣлъ
Вѣроятно стрѣльцы поселены тамъ же, гдѣ сидѣли Людины-стр
древности, какъ по памяти о военномъ значеніи поселка Людгощи,
но одинаковой цѣли тѣхъ и другихъ: нести сторожевую службу на
города, противъ Дѣтинца. Митрополитъ Евгеній, Н. Н. Муравьевъ и
Красовъ, признавая, на основаніи Парядной описи, Легощу, или
улицу XVII вѣка, относящеюся къ Неревскому концу и бывшею гра
между этимъ концомъ и сосѣднимъ Загородскимъ (по чтенію описи),
ее по нынѣшней того же имени. По сравненію съ чертежами П
1778 г., нынѣшняя Легощая нѣсколько отклонилась на западъ къ
то есть къ Чудинцевской улицѣ; но отклоненіе невелико, не больш
саженъ.

На Знаменскомъ изображеніи положеніе Людгощаго поселка пр
лено въ томъ видѣ, какой ему соотвѣтствуетъ, по мѣсту церкви Св
лая и монастыря при ней,—съ западно-полуденной стороны, и согла
ключенію нашему о полночно-восточной границѣ Загородного конц
самой большой изъ башенъ внѣшняго вала, или костровъ, сооруженн
года, съ проѣзжими сквозь нее воротами, въѣздъ въ которыя загра
желѣзною рѣшоткою, пролегаетъ, прямо съ запада на зимній восток
рокая дорога, ведущая къ надворотней башнѣ малаго вала. Въ пов
взятіи Великаго Новаграда отъ нѣмецъ и о разореніи его въ 161
составляющей особую приписку, или вставку, третьей лѣтописи, сказы
что нѣкій измѣнникъ, бывшій въ плѣну у Шведовъ, человѣкъ Ива
тохина Ивашко Шваль, ввелъ осаждавшихъ въ городъ, въ ночь
Іюля, чрезъ Прусскую и Чудинцовскую башни, такъ тихо, что
стоявшая по стѣнамъ внѣшняго вала и имѣвшая пушки и пищали,
мѣтила непріятеля. При бездѣйствіи тогдашняго воеводы Василья
лица, который „съ мѣмецкими людми ссылашеся“, возможно видѣть
и въ немъ (III Нов. лѣт. стр. 265 и 266). По положенію башни
лѣзною рѣшоткою на Знаменскомъ изображеніи, она соотвѣтствуетъ
цовской „повѣсти“, а широкая дорога—проѣзду между поселками
щимъ и Чудинцевскимъ, то есть западно-полуденной границѣ наш
селка; нынѣшняя Чудинцева улица приходится много дальше на
отъ этой широкой дороги, она идетъ прямо съ запада на востокъ,
Чортовой или Застѣночной башни Дѣтинца, гдѣ теперь Музей. На по
восточной границѣ нѣтъ такого же широкаго проѣзда, какъ Чудин
здѣсь, отъ церкви Ипатія (она недалеко отъ внѣшняго вала, у сада)-
извилистый проулокъ, направляющійся сперва къ церквамъ Стратилато
Тироновской, затѣмъ, оставляя ихъ справа, отклоняется съ полночи на
и выходитъ къ рву малаго вала. Но, кромѣ этого, тутъ же имѣются
гіе проходы и проулки въ разныя стороны; разобраться въ нихъ
тотъ, который былъ граничнымъ Людгощаго поселка, затруднит

тому вопросъ объ истинномъ направленіи его оставимъ открытымъ до
ружения новыхъ данныхъ.

Мы видѣли, что на Щирковѣ поселкѣ были, уже старинные къ 1684 году,
льные участки дома Премудрости Божіей. Въ 1688 году пожалована
тельная площадь, 266 саженъ въ одну сторону и 45—въ другую, на
щей улицѣ тому же дому; въ грамотѣ поэтому пожалованію значится,
описанная въ ней площадь пуста, и что на ней много безтяглыхъ
ъ, дворянскихъ, боярскихъ дѣтей, приказныхъ и церковныхъ причетни-
(Макарій, Опис. Новг. арх. дома, стр. 114). Въ какомъ мѣстѣ могла
эта площадь, увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Примѣняясь къ нынѣшнему расположенію улицъ и площадей, мы про-
мъ межи поселка Людгощаго такъ: съ западо-полдня—прямою отъ
да въ Дѣтинецъ на западъ къ внѣшнему валу, чрезъ Митрополичъ
овъ, между церквами 12-ти Апостоловъ и Михаила Архангела на Прус-
улицѣ, на первой четверти разстоянія Апостольской отъ Михайловской;
полночи къ востоку на полдень—по прямой между внѣшнимъ валомъ,
ивъ Малой Конюшенной и церковью Іоанна Архіепископа въ Дѣтинцѣ,
три архіерейскаго двора. Такимъ образомъ для площади Митрополичьяго
ова отсѣкается къ Людгощему поселку треугольникъ, вершина котораго
мѣстѣ дворянскаго дома, основаніе въ насыпи внѣшняго вала, полночно-
точная сторона на Чудинцевой улицѣ, а полуденно-западная внутри
рова, между Апостольскою и Архангельскою церквами; ближе къ первой.

Чудинцевъ.

Всѣ изслѣдователи мѣстоположенія древняго Новгорода отводятъ для
инцева поселка, называя его всегда улицею, пространство между внѣш-
ъ и малымъ валомъ, впрямь. Относительно времени послѣ самобытія—
правы, но до XV вѣка этотъ поселокъ имѣлъ не ту площадь, которую
получилъ при Московскомъ выпрямленіи улицъ, хотя и касался обоихъ
овъ, внѣшняго и внутренняго,—малаго.

Опираясь на лѣтопись и на бугры развалинъ церкви и монастыря Св.
олая, въ концѣ Людгощаго поселка, мы отодвинули западно-полуденную
у его далеко отъ начала нынѣшней Чудинцевой улицы к внѣшняго
, вдоль направленія его къ Десятинному монастырю, при чемъ церковь
и Апостоловъ ввели въ нашъ Людгощій поселокъ. Между тѣмъ подъ
0 годомъ отмѣчено, что по случаю голоднаго мора Владыка Спиридонъ
тави Скудельницу у святыхъ Апостолъ въ ямѣ на Прусьской улици"
ов. лѣт. годъ 6738, стр 46). Въ эт[illegible], и по распоряженію
е Владыки „поставиша другую [illegible]а поли, коньць Чю-
вѣ улици" (тамъ-же, стр. [illegible] [illegible]астырѣ мы
з изъ отмѣтки подъ 13[illegible] [illegible]ой Новго-
ской лѣтописи, что онъ и [illegible]одинцевы

улици на Скудельницѣ". Слѣдовательно подъ обоими приведенными г
говорится—объ одной Скудѣльницѣ, у 12 Апостоловъ, на Прусской ул
о другой—на концѣ Лугощей и Чудинцевой. Развалины же Никол
монастыря видны были въ концѣ 50 годовъ, по словамъ Владыки М
на западъ къ полночи отъ Апостольской церкви. Такимъ образомъ
дитъ, что у внѣшняго вала (Скудельня Никольская была *на полѣ*,
шему объясненію этого выраженія) взаимно межевались противъ Апо
ской церкви, нѣсколько къ западу или къ полночи отъ нея, поселк
гощій и Чудинцевъ, а межою имъ служили „Пропасти". Апостольск
церковь приходилась, въ первой половинѣ XIII вѣка, на Прусскомъ п
по свидѣтельству достовѣрной лѣтописи, или поблизости отъ него.
яніе этой церкви отъ внѣшняго вала не велико, меньше 60 саженъ.
дать мѣсто подъ монастырь съ церковью Николы на Скудельницѣ,
нять ширину рва, называемаго „пропастьми",—тогда для Чудинце
селка будетъ мѣсто только вдоль внѣшняго вала, въ сторону къ Де
ному монастырю, и то въ ширину не болѣе 60 саженъ, отъ вала к
мой между церквами Апостольскою и Архангельскою, и за исключ
рва, около 50 саженъ,—такъ какъ за этою воображаемою прямою п
уже Прусскій поселокъ, если Апостольская церковь была на его пл
Длина Чудинцева поселка придется немного болѣе ширины, потому
самаго внѣшняго вала стояла, съ 1091 года, Воскресенская церковь
нѣга, недавно упавшая, и до сихъ поръ стоитъ Архангельская; обѣ
заны на Прусской улицѣ, первая подъ 1185 г. (II Нов. лѣт. годъ
стр. 126; здѣсь строителемъ названъ, вмѣсто Милонѣга „Мироней")
росписи 1615 г.;—а вторая подъ 1402 г. (I Нов. лѣт. годъ 691
102) и въ той же росписи; улица, на которой стоитъ церковь Арханге
и теперь называется Прусскою.

Въ первой половинѣ XV вѣка Апостольская церковь показывае
Чудинцевской улицѣ: въ 1432 году „Владыка Евѳимій постави
деревянну Святыхъ Апостолъ на Чудинцевѣ улицѣ" (I Нов. лѣт. год
стр. 111). Лѣтъ за 80 предъ этимъ, третья лѣтопись говоритъ, подъ
годомъ, о построеніи каменной Апостольской церкви Андреемъ Захар
и Даніиломъ Козинымъ, „межъ Чудинцевы и Пруской улицъ на
стѣхъ" (стр. 228, годъ 6867); а въ первой, годомъ раньше, занес
мѣтка: „Поставиша церковь деревянну Святыхъ Апостолъ 12",—бе
занія мѣстности (стр. 86, годъ 6866). Въ росписи 1615 г. означе
дѣльно по каждой изъ трехъ сосѣднихъ мѣстностей, церкви на у
Легощи, Чудинцевой и Прусской; для Апостольской, отдѣльно же,
отмѣтка: „Устарой Скудельни храмъ каменъ 12 Апостолъ" (Раз
Митрополита Евгенія, стр. 82).

Въ объясненіяхъ объ остаткахъ и слѣдахъ церковныхъ памят
древности мы видѣли церковь Усѣкновенія Предтечи, основанную в
году Моисеемъ Доманѣжацѣмъ „на Чюдинцевѣ улици" (I Нов. лѣ
6684, стр. 16):—около нея, въ 1391 году, на Чудинцевѣ же улиц

едено подворье и многіе дворы Митрополиту Кипріану (Прозоровскій, . 85).

Чтобы разобраться во всѣхъ этихъ отмѣткахъ и найти способъ къ раненію разногласій, обратимся къ чтенію приведенной записи 1230 а, по чтенію ея въ пергаментномъ сборникѣ, съ поставленными тамъ ками препинанія:—„и вложи Богъ въ сердце благое створити архіепи- пу Спиридону. и постави Скудельницю у Святыхъ Апостолъ въ ямѣ. Просьской улици“ (Свѣтоп. изданіе, стр. 222).

Изъ предыдущихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ и изъ словъ: „въ ямѣ“, ѣленныхъ знаками препинанія, по чтенію пергаментнаго сборника, мы ходимъ къ слѣдующему выводу: Чудинцевъ поселокъ начинался въ пер- половинѣ XIII вѣка отъ внѣшняго вала, сряду за рвомъ, названнымъ лѣтописи пропастями, и тянулся въ сторону Апостольской церкви, вдоль пастей, направляясь съ лѣтняго запада на лѣтній же востокъ;—не дойдя мѣста берега пропастей, соотвѣтствующаго западному углу Апостольской кви, онъ перевалилъ на другой берегъ пропастей же, и кончился у нынѣш- дворянскаго дома. Пространство площади и пропастей, имѣющее про- ь полуденной стороны церкви видъ широкой и глубокой ямы и теперь, валось, такимъ образомъ, открытымъ и свободнымъ отъ построекъ Чудин- а поселка; свободнымъ же былъ и берегъ противъ ямы, къ нему могъ мыкать сосѣдній поселокъ. Въ этой ямѣ у Святыхъ Апостолъ и учреждена дыкою Спиридономъ Скудельня; противъ нея, на западъ къ полдню, отъ ега пропастей, начинался поселокъ сосѣдній Чудинцеву,—„Просьская ица“ лѣтописи.

Впослѣдствіи, къ половинѣ XV,—а если вѣрить приведенной отмѣткѣ тьей лѣтописи подъ 1359 годомъ, и раньше, къ половинѣ XIV вѣка,— остольская церковь приходилась на Чудинцевѣ поселкѣ. Значитъ онъ или росся насчетъ увеличившагося населенія, или только передвинулся, по- какого нибудь пожара, напримѣръ—истребившаго въ 1348 году улицы: юсову, Добрынину, Прусскую, Чудинцову и Лютощу (I Нов. лѣт. годъ 56, стр. 84), на опустѣлую часть площади поселка Людгоща.

Апостольская церковь показывается, въ спискѣ ружныхъ церквей 1585 а, находившеюся въ женскомъ монастырѣ (Временникъ Моск. истор. общ. на 24, смѣсь, стр. 29). Архіепископу Амвросію извѣстенъ одинъ изъ писныхъ сборниковъ Новгородской лѣтописной семьи, въ которомъ от- ено о сооруженіи Св. Евѳиміемъ Вяжицкимъ, въ 1432 году, деревянной остольской церкви, и учрежденіи при ней монастыря у Скуделенъ (Ист. с. Іерар. Ч. VI, стр. 711). Но Амвросій называетъ этотъ монастырь ескимъ. Къ началу XVII вѣка (Роспись) монастыр[illegible] было, а ковь поставлена въ росписи внѣ сосѣднихъ улицъ. [illegible] го слѣ- ъ, что между XV и XVII вѣками въ положеніи уч[illegible] цова сосѣднихъ съ обѣихъ сторонъ, произошло измѣненіе: [illegible] отъ остольской церкви, очистивъ мѣстность около нея; [illegible] у- цова поселка—къ сторонѣ Людгощаго, а площа[illegible] нулась въ полночно-восточномъ направленіи.

стало проѣздъ между поселками Людгощимъ и Чудинцовымъ уже вт
измѣнившемся, сравнительно съ вѣками самобытія, положеніи.

На Чудинцовомъ поселкѣ была, съ XII вѣка, Предтеченская и
Усѣкновенія главы; около нея жилъ въ 1391 году Митрополитъ К
со своими церковниками и слугами, въ отведенныхъ ему дворахъ; к
вѣку эта церковь стояла на Новинкѣ; мѣсто ея указано. Въ отмѣтк
писи о первоначальномъ сооруженіи Усѣкновенской церкви объяснено
женіе „на Чюдиньцевѣ улици". Въ перечисленіи церквей Новинки онѣ
лены, въ росписи, въ порядкѣ отъ Волховскаго берега; раньше Усѣ
Іоанна записана Введенская, а послѣ—Никола Чудотворецъ. Была
слѣдняя самостоятельною, или придѣльною Предтеченской, мы еще н
навѣрное, хотя имѣются нѣкоторыя, приведенныя выше, данныя сч
въ первомъ значеніи. О Введенской извѣстно, что она стояла на Пр
поселкѣ въ 1391 г.; первоначальное основаніе неизвѣстно. Въ перечн
башенъ „на земляномъ меньшемъ городѣ въ 1649 году" (отмѣтка
дена раньше) четвертою отъ Волховскаго берега, съ полуденно-з
стороны Дѣтинца, названа, какъ мы знаемъ уже, та, котороя сто
Веденскомъ быкѣ". Эта башня, по Знаменскому рисунку, приходит
тивъ Княжей Дѣтинца, если соединить обѣ прямою съ запада-пол
востокъ къ полдню. Введенская церковь показана на томъ же рису
значительномъ разстояніи отъ быка ея имени, на западъ; отъ з
стороны этой церкви идетъ впрямь широкій проѣздъ къ башнѣ вн
вала, которая стоитъ отъ Чудинцевской первою вправо, въ полуде
падную сторону,—это Прусская башня 1611 г., названная въ пов
раззореніи Новгорода Шведами. Противъ восточной стороны Вве
церкви стала, въ стѣнѣ Дѣтинца, башня, передѣланная изъ церкви,
женной Посадникомъ Семеномъ Климовичемъ, въ 1305 году, надъ „гр
воротами отъ Прусскія улицы". Слѣдовательно широкій проѣздъ
Введенья будетъ Прусскою улицею Московскаго порядка первой по
XVI вѣка, или, по нашему, - проѣздомъ между поселками Чудинцев
Прусскимъ.

Въ первой половинѣ XIII вѣка Прусской поселокъ подходилъ
противъ Апостольской церкви. Въ настоящее время еще примѣтно
леніе лѣтописныхъ пропастей отъ этой церкви на полдень. Если П
поселокъ доходилъ до ямы, а церковь Апостольская стояла въ 13
(см. выше) „Межъ Чудинцевой и Пруской улицъ",—значитъ полуде
падная граница Чудинцова поселка шла по лѣвому берегу пропасте
переходѣ чрезъ нихъ, близъ Апостольской церкви, а Прусской—по п
считая отъ этой церкви. Упомянутое направленіе пропастей привод
уголъ нынѣшней Прусской улицы и сѣнной площади. Такимъ об
мы получаемъ для Чудинцева поселка, первой половины XIII вѣка
таніе неправильнаго пятиугольника; полночная сторона его будетъ пря
отъ мѣста Никольскаго монастыря у внѣшняго вала, чрезъ пропас
нынѣшнему дворянскому дому; тутъ проѣздъ Людгощаго поселка и
луденная граница; западная сторона пойдетъ вдоль внѣшняго вала,

ельно, до мѣста Вознесенской церкви; полуденная—отъ этой церкви на
токъ къ Апостольской, а отсюда на уголъ нынѣшней Прусской улицы,
у сѣнной площади;—наконецъ восточная—почти по прямой между тою
Прусскою и современною Чудинцевскою, мимо дворянскаго дома.

Здѣсь слѣдуетъ оговориться, что направленіе „Пропастей" отъ Апо-
льской церкви къ западу на полночь, плохо выслѣживается,—по тому
и переваливаемъ Чудинцовъ поселокъ чрезъ нихъ, начиная отъ вала
правымъ берегомъ этого рва; если же онъ шелъ къ мѣсту Возне-
ской церкви, что представляется вѣроятнымъ, въ такомъ случаѣ полу-
ная сторона разсматриваемаго поселка пойдетъ вся по лѣвому берегу
пастей.

Къ половинѣ XIV вѣка (отмѣтки 1359 г.) Чудинцовъ поселокъ расши-
ся на счетъ пространства сосѣднихъ; Апостольская церковь вошла въ
; къ концу этого вѣка, когда отводили дворы для Митрополита Кипріана,
очная часть поселка отошла въ духовное вѣдомство и образовался
рополичъ островъ. Возможно, что гдѣ нибудь около Апостольской церкви
ь Владыченъ островъ и раньше; но объ этомъ скажемъ въ особой о
ь статьѣ. Послѣ самобытія полуденную сторону поселка выпрямили и
тотъ проѣздъ, который написанъ на Знаменскомъ изображеніи между
сскою башнею внѣшняго вала и Введенскою церковью.

По нынѣшнему распредѣленію улицъ, Чудинцовъ поселокъ самобытія
, и съ проѣздомъ между нимъ и сосѣднимъ Людгощимъ, вошелъ въ
рную площадь вокругъ Апостольской церкви, называемую въ народѣ
Митрополичьимъ садомъ, то архіерейскимъ огородомъ.

Площадь Чудинцова поселка съ XIII вѣка занимала, какъ мы видѣли, не
го мѣста. Въ XI вѣкѣ, къ которому обыкновенно относятъ Уставъ о мо-
хъ, она была, видимо, не больше, а скорѣе меньше,—и лежала, судя по
оженію древняго Загородья, въ иномъ нѣсколько направленіи.

Прусской.

Въ настоящее время Прусская улица отдѣлена отъ Чудинцевской
рополичьимъ садомъ; но мы разсмотримъ поселокъ Прусской раньше
ычняго, потому что онъ былъ, въ XIII вѣкѣ, рядомъ съ Чудинцовымъ.
Уставу о мостахъ Прусы равноправны съ Чудинцами; и тѣ и другіе
ваны къ отбыванію Мостовой повинности: о Прусахъ сказано такъ:
ленникомъ поплата в Людинъ конець чересъ Гроблю до Добрыни улици,
ородняя ворота до Пискупли улици. Спрусы до Бориса и Глѣба" (Статья
читается по списку Дубенскаго; она уже приводилась раньше). Жи-
Чудинцова поселка мостили свой участокъ, какъ уже сказано, вмѣстѣ
гелями нашего Загородья,—а Прусы—съ Осменниками. Никому изъ
ыхъ въ Уставѣ лицъ, кромѣ Чудинцевъ и Прусовъ, неприданы по-
и. Поселокъ Чудинцовъ былъ, как только что сказано, не обширенъ

даже въ XIII вѣкѣ, когда населеніе Новгорода уже густѣло и на
чужеземцевъ возрасталъ, благодаря торговымъ договорамъ:—1189—
(напечатанъ въ Русско-Ливонскихъ актахъ, А. А. Куника, № 1), 12
чтенію Дрейера, напечатанъ у Куницына; на него мы ссылались,
писками) и 1270 гг. (въ изслѣдованіи И. Е. Андреевскаго); вѣроятно и
его не были еще тогда многочисленны, и однимъ имъ держать мостовой у
представлялось, въ XI вѣкѣ и позднѣе,—не подъ силу; можно, к
объяснять назначеніе на тотъ же участокъ Загородцевъ и по недові
Чудинцамъ, но первое вѣрнѣе. Прусы даны въ помощь Осменник
небольшомъ, сравнительно, участкѣ, отъ мѣста Прусскихъ (т. е. Покр
отъ Прусской улицы) воротъ, до Борисоглѣбской церкви. Руководству
кимъ же, какъ и о Чудинцахъ, соображеніемъ, мы полагаемъ, что
скій поселокъ былъ необширенъ. Но къ высказаннымъ соображеніям
дуетъ прибавить еще одно: не были-ли Чудинцы и Пруссы X—
наемными чужеземными Людинами-ратниками, родоначальниками тѣх
нѣйшихъ насельниковъ поселковъ Чудинцова и Владычня, которые
вались особыми льготами и при Московскомъ державствѣ. Если это
женіе, предлагаемое въ видѣ догадки, найдетъ основаніе, въ такомъ
и незначительная доля мостовой повинности станетъ въ зависимо
льготы, а не отъ малочисленности населенія.

Мостовые участки, какъ объяснено уже, пріурочивались къ мѣс
тельства лицъ, призванныхъ отбывать повинность. Прусы мостили у
отъ воротъ Загородья и отъ Пискупли улицы, которую мы ведем
проѣзъ, отъ Десятиннаго монастыря Іоакима Корсунянина, къ Пру
воротамъ. Поэтому, начиная Прусской поселокъ правымъ берегомъ
настей", мы оканчиваемъ его западно-полуденною границею Заго
конца, XIII вѣка, т. е. полуденною стороною ограды нынѣшняго Д
наго монастыря, отъ самаго внѣшняго вала; а отсюда прямою—мимо
евской церкви, ко рву малаго вала, или древняго Загородья.

Митрополитъ Евгеній, Н. Н. Муравьевъ и И. И. Красовъ, приде
ясь Московскаго порядка улицъ, и—Красовъ, сверхъ того, касаяс
слегка, при случаѣ, лѣтописныхъ отмѣтокъ о церквахъ,—видятъ
шемъ Прусскомъ поселкѣ, какъ и во всѣхъ другихъ,—только прям
ѣздъ отъ внѣшняго вала къ Дѣтинцу, по нынѣшней улицѣ того же
(Разговоры, 76; чертежъ Попова; мѣстоположеніе древ. Нов. стр
Красовъ, какъ мы уже знаемъ, не признаетъ за концомъ Загородн
только долѣтописной, но даже и перволѣтописной древности обра
его; онъ, кромѣ того, равно какъ Евгеній и Муравьевъ, неустойч
сужденіяхъ и о концахъ Гончарскомъ и Людиномъ. Такимъ образо
становимся въ объясненіяхъ пространства и направленія Прусск
селка на почву, нетронутую изслѣдователями, почти дѣвственную.

Раньше сказано, что въ перволѣтописныя времена пространство п
Прусскаго поселка могло быть незначительно, какъ и Чудинцова,
слѣдствіи же оба расширялись. Въ Чудинцовомъ не было, судя п
писямъ, ни одного проулка,—не было ихъ и въ Прусскомъ,—тогд

каждомъ изъ другихъ поселковъ ихъ было не по одному. Это явленіе зываетъ догадку объ отсутствіи скученности построекъ въ обоихъ по-лкахъ, указывающихъ своими именами на чужестранное происхожденіе итателей и на замкнутость образа жизни ихъ. На обширномъ простран-нѣ между прямыми: отъ Апостольской церкви мимо Десятиннаго мона-ыря до Бѣлой башни, и отъ угла нынѣшней Чудинцовской улицы мимо асьевской церкви и лежавшаго недалеко отъ нея Варваринскаго монастыря, той же башнѣ,—не было ни одной церкви, и теперь нѣтъ,—тогда какъ ъ второй прямой къ Дѣтинцу, и отъ Апостольской церкви на полночь къ стоку, въ Людгощемъ поселкѣ, церквей много. Такая, бросающаяся въ глаза обенность допускаетъ одно только объясненіе: на этомъ обширномъ про-ранствѣ жили чужеземцы-иновѣрцы не только въ перволѣтописные, но и послѣдующіе вѣка самобытія. Указаніемъ на заселеніе этой и ближайшей ней мѣстности чужаками можетъ быть принято и вышеприведенное извѣстіе построеніи Троицкой церкви Щетинцами (Штетинцами) и отмѣтка лѣто-си подъ 1552 годомъ: „Бысть во Псковѣ моръ великъ: и учаше явля-ся моръ втѣпоры и въ Новѣгороди, на Редятинѣ улици (на ней и Троиц-я церковь) и Новгородци того ради Псковичь изъ Новагорода выслали ъ и пристолцовъ". (II Нов. лѣт. годъ 7060, стр. 155). Подъ пристол-ми мы разумѣемъ пріѣзжихъ вообще по дорогѣ отъ Пскова. Нѣсколько рокъ раньше выписанныхъ словъ лѣтописи сказано, что была устроена, Октябрѣ того же года, на Псковской дорогѣ застава,—„чтобы гости съ варомъ не ѣздили во Псковъ, ни изо Пскова въ Новгородъ". Псковъ егда велъ оживленную торговлю съ нѣмцами, по тому въ гостяхъ и при-олцахъ мы видимъ всѣхъ вообще пріѣзжавшихъ въ Новгородъ по Псков-ой дорогѣ и занесшихъ заразу на Рядятину улицу, гдѣ временно прожи-ли всякіе гости.

Лѣтопись приводитъ подъ 1348 годомъ слѣдующія подробности одного жара: „Нощію загорѣся на Волосовѣ улицѣ, и погорѣ улица Волосова вся, Добрыница улица не вся же, а Прусская улица добрѣ горѣ, и рковь святаа Богородица огорѣ, Чюдинцева улица и до поля, и Люгоща; рквіи деревяныхъ съгорѣ четыре". (I Нов. Лѣт. годъ 6856, стр. 84). ъ порядка улицъ этой записи видно, что послѣ Добрынной улицы ле-ла Прусская. Начало первой, на которой стояла Образова церковь, мы аемъ; знаемъ и продолженіе ея у Загородья и внутри его, недалеко отъ отъ Дѣтинца, выходившихъ къ Прусской улицѣ; дальнѣйшее отсюда на-вленіе указываетъ Яковлевская церковь, построенная въ 1423 году, на брыни улицѣ „на Лужищи", по нашему толкованію на большомъ лугу, несенномъ, какъ мы видѣли, на Знаменскомъ изображеніи; отъ этого га или рощи на востокъ къ полдню, на недалекомъ раз Власьев-ая церковь, на широкомъ проѣздѣ, имѣющемъ направл ада отъ ьшняго вала къ той башнѣ донесенія 1649 года, котор сьми-ною (въ укрѣпленіи малаго вала). Къ этой цер ь ной стороны, въ 1775 году, придѣлъ во имя (дія, послѣ упраздненія самостоятельной цер

стоявшей близъ Власьевской. Если пожаръ въ 1348 году распростра
только по частямъ улицъ Волосовой и Добрыниной и истребилъ Прус
опаливъ церковь Богородицкую, и Чудинцову улицу, при чемъ сгорѣло ч
деревянныхъ церкви, значитъ вѣтеръ дулъ прямо съ полдня на по
при какомъ направленіи его могла сгорѣть часть Власьевской, ближ
къ церкви, отъ которой она получила свое имя, и часть Добрынинс
стояла Яковлевская церковь. Прусская улица, говоря словами лѣт
„добрѣ горѣ“,—при чемъ огорѣла Богородицкая церковь, а не сгорѣл
числѣ четырехъ деревянныхъ, какъ каменная. Къ этому времени въ
ности пожара было три Богородицкія церкви: Рождества ея въ Десяти
монастырѣ, Успенія—въ немъ же, или рядомъ съ монастыремъ (Р
1615 г. Разговоры Евгенія, стр. 83), и Введенія—у рва малаго вала,
тивъ Прусскаго проѣзда. Къ 1615 году каменными были: Успенс
Введенская; о Рождество-Богородицкой роспись этого года вовсе не у
настъ;—по всей вѣроятности она была сожжена Шведами и разру
Судя по направленію вѣтра, Введенская была внѣ пожара, тѣмъ болѣ
постройки поселковъ Прусскаго и Чудинцова не были скучены, а це
стояла у рва и, какъ значится на Знаменскомъ изображеніи, не близ
постройкамъ; изъ Десятинскихъ же Успенская (она нанесена на че
1778 года) могла огорѣть. Совокупность изложенныхъ данныхъ не мѣш
такимъ образомъ, вводить въ Прусскій поселокъ Десятинный монас
равно не мѣшаетъ и положеніе Покровской Дѣтинцевской башни,
большой: нашъ поселокъ приходится противъ нея своею срединою.

Разсмотримъ теперь положеніе и пространство Прусскаго посел
опредѣленію Митрополита Евгенія и И. И. Красова. На мнѣніи Н. Н
равьева мы также остановимся, насколько оно выражается въ опред
улицъ и церквей по чертежу 1756 года, имѣвшему до сихъ подъ пр
шихъ изысканіяхъ значеніе, большею частію, только для установленія
церквей, упраздненныхъ послѣ составленія его;—въ данномъ же с
мы воспользуемся имъ и для указанія западно-полуденной границы
скаго поселка.

Митрополитъ Евгеній говоритъ о Прусской улицѣ такъ: „Про
лась отъ большого земляного валу, по правую сторону церкви Мих
ской и Вознесенской, близъ самыхъ оныхъ церквей, къ Кремлевско
падному бастіону, что противу Покровской башни: она раздѣляла
Загородской и Гончарской“. Добрынину улицу онъ ставитъ сряду за
скою и ведетъ „отъ большого земляного валу и Вознесенской церк
лѣвую сторону бывшаго Яковлевскаго монастыря, прямо къ юго-запа
бастіону Кремлевскому“. (Разговоры, стр. 76). Въ его время земляное
пленіе, возведенное около Дѣтинца Петромъ Великимъ, еще существ
оно имѣло, по указанію чертежа 1778 года, шесть бастіоновъ: на по
и на востокъ—по одному,—на западъ и на полночь по два; изъ
ныхъ одинъ, ближайшій къ полночному, защищалъ башни Чортову—
ночную и Княжу—у Покровской, нынѣ существующей, церкви,—а д
что ближе къ полдню,—Покровскую-Большую и Кукуй. Если ученый

ыка называетъ Покровскою первую, которая есть Княжа, а не нашу Большую,—въ которой церкви въ его время уже не было,—въ такомъ случаѣ онъ ведетъ Прусскую улицу поблизости отъ того направленія, которое она имѣла по чертежу Попова; этотъ чертежъ, какъ мы уже имѣли случай объяснить, нанесенъ точками на Высочайше утвержденный 16 Іюня 1778 года;—а если Евгеній Покровскою башнею считаетъ нашу Большую, то направленіе Прусской улицы не совпадетъ ни съ чертежемъ 1778 года, ни съ Поповскимъ. Между 1778 годомъ и временемъ появленія въ свѣтъ разговоровъ о древностяхъ Новгорода прошло всего 30 лѣтъ; въ Новгородъ Евгеній прибылъ, въ качествѣ Викарія, въ Январѣ 1804 года (Истор. рос. Іер. Ч. I, стр. 90);—онъ могъ, такимъ образомъ, собрать свѣдѣнія о Прусской и сосѣднихъ улицахъ отъ сторожиловъ и опредѣлить ея направленіе съ точностью. Если же оно не соотвѣтствуетъ обоимъ чертежамъ, значитъ былъ случай,—напримѣръ большой пожаръ,—давшій за это тридцатилѣтіе то положеніе Прусской улицѣ, которое засталъ Евгеній. Такого именно случая надобно искать, потому что Евгеній ведетъ сосѣднюю съ Прусскою Добрынину улицу отъ той же Вознесенской церкви у внѣшняго вала, съ которой онъ начинаетъ Прусскую и направляетъ лѣвую сторону бывшаго Яковлевскаго (?) монастыря. Ни на одномъ изъ чертежей не показано ни улицы, ни проулка отъ Вознесенія въ указываемую Митрополитомъ сторону. Замѣтимъ здѣсь, что свѣдѣній о Яковлевскомъ монастырѣ мы не нашли въ изданныхъ до сихъ поръ источникахъ; о немъ не знаетъ и Амвросій. О направленіи Добрынинной улицы въ вѣка самобытія мы уже говорили, и обратимся къ нему еще разъ при разсмотрѣніи Людина конца.

И. И. Красовъ направляетъ Прусскую улицу точто также, какъ и Митрополитъ Евгеній; но онъ не устанавливаетъ положенія Вознесенской церкви, считая ее бывшею лишь недалеко отъ Архангельской; на мѣстѣ же креста чертежа 1756 г., означающаго эту церковь Вознесенскую, онъ видитъ Ильинскій монастырь;—развалины его мы указали за внѣшнимъ валомъ, значительно отступя отъ него и отъ Вознесенія (Красовъ, стр. 128—129). Въ положеніи Добрынинной улицы Красовъ согласенъ съ Евгеніемъ только отчасти,—онъ даетъ ей мѣсто, какъ и Владыка, за Прусскою, къ западу на полдень, но направляетъ отъ внѣшняго вала, такъ что Десятинный монастырь приходится между нею и Прусскою; далѣе же, на полдень, ведетъ къ Образовой церкви (стр. 72—76). Принимая во вниманіе, что Евгеній и Красовъ опредѣляютъ положеніе улицъ не какъ поселковъ или Кончанскихъ участковъ, а какъ проѣздовъ, мы видимъ въ Красовскомъ направленіи Добрынинной улицы нашу западно-полуденную улицу древнѣйшаго Загородья, а въ окончаніи ея, по Евгенію, у того мѣста малаго вала, впрямь за которымъ будетъ пространство между Дѣтинскими башнями Большою Покровскою и Кукуевскою, предѣлъ Прусскаго конца и Загородного конца—между XIII вѣкомъ и началомъ Московскаго царства. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что и Митрополитъ и Красовъ пришли-бы къ разногласію, если-бы разсматривали положеніе улицъ—и по Зарядной описи 1623 года и по лѣтописи—отдѣльно.

На чертежѣ Попова, нанесенномъ точками на утвержде
году, Прусская улица начата у внѣшняго вала, отъ Возне
къ западу, саженяхъ въ двадцати, и направлена на востокъ к
Архангельской, оставшейся всторонѣ отъ улицы саженъ на деся
за нею, къ западу, Добрынина—началась не отъ внѣшняго
дѣляетъ Митрополитъ Евгеній, а отъ площади окружающей
рую мы считаемъ Успенскою, названною въ росписи 161
отъ Богородице-Рождественской Десятиннаго монастыря на
няхъ въ 25; отсюда Добрынина пошла прямо на полдень и, м
евскую церковь, уперлась въ улицу ея имени отвѣсно; Вла
отъ мѣста встрѣчи съ Добрыниною на западъ къ полдне
вѣтвь и, должно быть главная; другая же тянется отъ це
къ полночи, къ Десятинному монастырю.

Сравнительно съ нынѣшнимъ распредѣленіемъ площаде
Прусской поселокъ займетъ:—часть Митрополичьяго огорода о
церкви къ Архангельской, между внѣшнимъ валомъ и сѣнно
улицы Прусскую и Александровскую, которая ведетъ съ с
къ Десятинному монастырю, часть Десятинной въ размѣ
стороны монастыря,—и всю площать отъ этой части до вн
томъ мѣстѣ, противъ котораго будетъ западный уголъ монас
съ одной стороны, и до сѣнной съ другой,—наконецъ, отъ з
нашего поселка пойдетъ чрезъ площадь, заключающуюся
нымъ монастыремъ и улицами Мало-Власьевскою, Десятинн
ровскою, до сѣнной площади.

Владыченъ.

Первое извѣстіе о поселкѣ Владычнемъ восходитъ, ка
къ X вѣку, когда Владыка Іоакимъ Корсунянинъ „Уради
десятинный". Гдѣ именно былъ этотъ первый монастырь ск
жемъ, но едва-ли подлежитъ сомнѣнію, что онъ находился
надежно огражденной отъ нападеній старовѣровъ-язычниковъ,
бываетъ много въ странѣ, принявшей новую вѣру, и ко
подобныхъ случаяхъ, ведутъ съ новшествомъ отчаянную бор
няго издыханія.

Извѣстенъ походъ Новгородцевъ на Сурожъ съ князем
въ VII—VIII вѣкѣ; извѣстно, что въ Крыму, гдѣ Суро
страна Готовъ—христіанъ православныхъ, извѣстны нако
Готы,—въ числѣ отбывавшихъ мостовую повинность по Яро
вмѣстѣ съ Тевтонцами-нѣмцами, владѣвшими торговыми дво
Готы имѣли, вѣроятно еще съ долѣтописныхъ временъ, два д
которыхъ они продали до 1205 года, по нашему мнѣнію, к
Мстиславовичу; при раскопкахъ въ Дѣтинцѣ, близъ Андрее-С
обыденка въ военныхъ поселкахъ, мы нашли нѣсколько че

льно сходныхъ во всѣхъ четырехъ очертаніяхъ (спереди, сбоку, сверху и ади) съ найденными г. Харузинымъ въ Крыму, въ Гурзуфѣ, въ гробовихъ, сложенныхъ изъ плитъ, подобныхъ тому, которое варварски уничтоно лѣтомъ 1893 года при копаньи рва подъ водогрѣйку за Софійскимъ боромъ. Гурзуфскіе черепа считаются Готскими, захороненными около VII и VIII вѣка. Совокупность этихъ данныхъ напрашивается на заключеніе, о Іоакимъ Корсунянинъ выговорилъ мѣсто для своего монастыря среди селенія наемныхъ чужеземныхъ Людиновъ-ратниковъ, уже давно принявхъ христіанство (предположеніе наше о присягѣ Игоревыхъ дружинникъ—христіанъ въ Ильменской соборной церкви не въ Кіевѣ, а въ Новгодѣ, у Ильи на Славенскомъ холмѣ „надъ ручаемъ", слѣдуетъ также имѣть ѣсь въ виду), между которыми были, въ числѣ Готовъ—имени народа, а особаго племени,—Прусы и Чудины,—послѣдніе съ Балтійскаго, наприбръ, побережья, которыхъ—этихъ бездомныхъ пришельцевъ—называлъ надъ варягами, пожалуй и „ворягами", какъ остроумно и основательно выазился А. П. Богдановъ. Допуская такое предположеніе, находящее подржку въ наименованіи нынѣшняго монастыря, лежавшаго около XVII вѣка, Красову, между улицами Добрынинною и Прусскою, Десятиннымъ, мы водимъ Владычнему поселку пространство внутри задняго, западнаго, конца евняго Загородья, среди поселковъ Прусскаго и Чудинцова, назначенныхъ долѣтописныя времена чужеземнымъ Людинамъ-ратникамъ, подъ охрану торыхъ, какъ христіанъ вообще, безъ различія исповѣданій, и поставленъ селокъ Іоакима Корсунянина.

Въ какомъ положеніи нынѣ существующій Десятинный монастырь ноитъ къ первому, 998 года, можно высказаться лишь предположительно, принявъ за основаніе Успенскую церковь, внесенную въ роспись 1615 года, о ни въ лѣтописи, ни въ другихъ, извѣстныхъ намъ, памятникахъ нестрѣчающуюся. Мы указали мѣсто этой церкви по чертежу 1778 года и редположили, неувѣренно, ее же сгорѣвшею въ 1348 году.

Придавая, для изысканій о положеніи Владычняго поселка въ первотописные вѣка, этой церкви значеніе первенствующей важности, рѣшадей вопросъ о монастырѣ Іоакима Корсунянина,—позволяемъ себѣ изложть наше о ней мнѣніе.

На чертежѣ 1778 года площадь нынѣ существующаго монастыря обвеа четыреугольникомъ, съ выдающеюся, дуговидно, восточною стороною, изъ едины которой взяла начало улица, ведущая къ Власьевской церкви; отъ едины полночной стороны монастырской площади идетъ, выступомъ къ лночи же, четыреугольная площадь, меньшая, нѣсколько удлиненная полночи и не заходящая за восточный уголъ монастырской; къ срединѣ падной стороны меньшей площади примыкаетъ церковное мѣсто. Нышняя площадь Десятиннаго монастыря не имѣетъ ни дуговиднаго выступа костокъ, ни четыреугольно-удлиненнаго на полночь, а представляетъ осторонній прямоугольникъ, съ церковнымъ мѣстомъ въ самой срединѣ. точному опредѣленію росписи на площади полночнаго выступа должна ть Успенская церковь. Преосвященный Макарій, однако же, сомнѣвается

въ вѣрности этого названія, полагая, что „Успенія“ поставлено ошибо
вмѣсто Рождества Богородицы, которому посвящена нынѣшняя Десятин
церковь (Опис. церк. древ., стр. 212). Выше мы сказали, что Богород
Рождественская не внесена въ роспись, какъ сожженная Шведами; з
дополнимъ, что Успенская могла быть бѣдною къ 1611 году, стояв
безъ пѣнія и не представлявшеюся потому лакомымъ кускомъ для хищ
чества грубыхъ побѣдителей. Изъ направленія Митрополитомъ Евген
Добрыниной улицы выходитъ, что она пролегала отъ Вознесенія м
Архангельскою церковью и Десятиннымъ монастыремъ. Не Яковлевска
церковь, поэтому, стояла на полночь отъ этого монастыря? На этотъ
просъ слѣдуетъ отвѣтить отрицательно, такъ какъ въ 1775 году б
пристроенъ къ Власьевской церкви Яковлевскій придѣлъ, что обыкнов
встрѣчается почти всегда, когда ближайшая самостоятельная, имени к
рой посвященъ придѣлъ, упразднена. Чертежъ, сохранившій указаніе
ста изслѣдуемой церкви, поднесенъ къ Высочайшему утвержденію въ
1778 года, три года послѣ пристройки Яковлевскаго придѣла; а извѣс
что съ подобными пристройками не спѣшатъ; онѣ являются по части
почину, въ зависимости отъ какого либо случая, и не сряду послѣ уп
ненія церкви самостоятельной. На чертежѣ Попова, сдѣланномъ въ 1
году, нѣтъ въ окрестности Власьевской никакой другой церкви, кромѣ
хангельской, на мѣстѣ же Десятиннаго монастыря поставленъ одинъ кр
(по изданію Н. Н. Муравьева). Въ перечнѣ церквей, приводимомъ Мур
евымъ,—Яковлевской нѣтъ; въ росписи она означена косыми букв
стало-быть ея не было при Митрополитѣ Евгенія. Если же на чертежѣ
года не Яковлевская церковь,—тутъ не можетъ быть никакой другой, к
Успенской росписи 1615 года.

Молчаніе лѣтописи объ Успенской церкви естественнѣе всего объяс
первоначальнымъ сооруженіемъ ея въ тѣ года,—которыхъ недостает
пергаментномъ сборникѣ, начинающемся, какъ уже сказано, 1017 годом
при жизни Іоакима Корсунянина. Если мы бѣгло просмотримъ древнѣ
церкви въ Новгородѣ и его окрестностяхъ, увидимъ, что огромное пре
даніе принадлежитъ Успенскимъ. Первая дубовая церковь—Успенская;
зовется Софійскою потому, что празднованіе Премудрости Божіей въ Н
родѣ совпадаетъ съ днемъ Успенія Богоматери, въ Кіевѣ же—съ д
Рождества ея. Государственная наша церковь,—Софійскій соборъ,—Ус
ская; въ Юрьевскомъ скиту, церковь котораго сооружена на мѣстѣ
руна,—Успенская по росписи 1615 г., впослѣдствіи переименованная
Богородице-Рождественскую;—на Коломцахъ, гдѣ нами открыто посел
каменнаго вѣка—Успенская; на Колмовѣ, первоначальное населеніе м
ности котораго, судя по имени, созвучному съ Коломцами, относится та
къ далекимъ долѣтописнымъ вѣкамъ,—Успенская; на Волотовѣ, быв
языческою Усыпальницею—Успенская;—на Звѣринцѣ—Успенская и
Ничего, поэтому, не будетъ невѣроятнаго въ нашемъ предположеніи,
Владыка Іоакимъ соорудилъ въ монастырѣ своемъ первую церковь во
Божіей Премудрости, просвѣтившей обширную страну Евангельскимъ учен

Преосвященный Макарій думаетъ, что Іоакимъ Корсунянинъ жилъ въ тинцѣ,—но онъ не имѣлъ, должно быть, подъ рукою Супраельской руко-си, въ которой сказано: „уради собѣ монастырь Десятинный". Если-бы знь внутри Дѣтинца была вполнѣ соотвѣтственна просвѣтительной задачѣ кима среди суровыхъ язычниковъ, имѣвшихъ во всякое время свободный тупъ въ эту часть города, Владыкѣ нечего было выговаривать у князя бѣ" особую мѣстность. Догадка Макарія, что первые архіереи жили ъ, гдѣ теперь теплый соборъ, основанный Владыкою Василіемъ на мѣстѣ емца (отмѣтка лѣтописи приведена раньше), признаваемаго имъ за архіе-скій домъ, едва-ли справедлива, или даже правдоподобна: мы знаемъ три Владычняго двора „Теремецъ каменъ, идѣ же воду священаютъ на кій мѣсяцъ",—сооруженный въ 1409 году; значитъ и Теремецъ временъ кіепископа Василія имѣлъ, до сооруженія на мѣстѣ его Іерусалима, та-же значеніе: онъ былъ надъ водосвятнымъ колодцемъ. Лѣтопись не хранила свѣдѣній объ архіерейскомъ дворѣ близъ Софійскаго храма;—но даже и одна поздняя запись о Питиримовскихъ постройкахъ (она при-дена) говорятъ, что первое сооруженіе для жительства Владыкъ во дворѣ атой Софіи возведено Св. Никитою Епископомъ, при которомъ, по пре-нію, вырытъ и колодецъ; о немъ мы уже говорили (Ср. Макарій, Опис. к. дома, стр. 3—9).

Итакъ не представляется основаній отрицать проживаніе—если не всѣхъ пископовъ до Св Никиты, умершаго въ 1107 г.,—по крайней мѣрѣ пер-го, чужестранца, въ Десятинномъ монастырѣ; а вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя паривать и сооруженіе имъ Успенской церкви. Послѣ Іоакима монастырь могъ опустѣть и даже упразднпться, и оставаться впустѣ до возобно-енія, оставившаго слѣдъ въ лѣтописи, хотя и неясный, около половины II вѣка (Подробности у Макарія, Опис. церк. древ. Ч. I, стр. 209).

Считая, по изложеннымъ основаніямъ, церковь чертежа 1778 года близъ сятиннаго монастыря за Успенскою росписи 1615 г., и относя основаніе къ первой четверти XI вѣка (Св. Іоакимъ Корсунянинъ, скончался въ 30 году), мы найдемъ первый Десятинный монастырь занимавшимъ про-анство въ той же мѣстности, гдѣ и нынѣшній, хотя, быть можетъ, и на той самой площади. Какъ-бы ни многочисленно было духовенство, бывшее съ Епископомъ Корсунскимъ, Владыченъ поселокъ перволѣто-ныхъ временъ не обнималъ пространства всего Митрополичьяго сада него времени. Точно опредѣлить площадь Митрополича острова Нарядной си 1623 г., и указать вѣрно ея границы, не представляется возмож-мъ, за отсутствіемъ доказательствъ; но для приблизительнаго назначенія и—другихъ мы имѣемъ нѣкоторыя основанія.

Мы видѣли, что въ 1230 году Прусской поселокъ доходилъ до про-стей противъ церкви 12 Апостоловъ, а это отнимаетъ уже отъ Митропо-чьяго сада больше половины и доказываетъ, что ни онъ, ни Митропо-итъ островъ 1623 года, не входили въ пространство Владычня поселка окой древности. Въ 1391 году Новгородцы взяли съ Полатей Святой фіи пять, или десять, тысячъ рублей на костры около города (отмѣтка

приведена). Подъ тѣмъ же годомъ отмѣчено въ лѣтописи, что Архіепи
Іоанну II подарено нѣсколько подворьевъ и въ числѣ ихъ „на Чудин
(IV Нов. лѣт. годъ 6899, стр. 99). Должно быть подарокъ сдѣланъ з
деньги; рубль Новгородскій конца XIV вѣка тянулъ, если считать е
половину гривеннаго слитка въ 80 золотниковъ,—до сорока золотни
а если принять за половину этого вѣса, и сравнить съ нынѣшнимъ
брянымъ, получимъ на 5 тысячъ Новгородскихъ рублей 25 тысячъ
решнихъ. За эти деньги можно было дать много земель внѣ города и
площадь Митрополичьяго сада. Въ томъ же 1391 году отведены на Ч
цовской улицѣ подворье и многіе дворы Митрополиту Кипріяну. А
отводъ помѣщеній Митрополиту пришелся вскорѣ послѣ того, когда
скою властью взяты были 5 тысячъ рублей и подарены Архіепи
Іоанну разныя земли, въ томъ числѣ и „на Чудинцахъ“, мы считаем
можнымъ относить къ этому именно времени и самое названье под
на Чудинцахъ и отдѣльныхъ дворовъ—Кипріановскихъ—Митрополи
островомъ. При объясненіяхъ поселка Людгощаго указано пожалованіе
Премудрости Божіей большой площади (266×36 саженъ) „на Л
улицы“. Съ вѣроятностью можно предположить, что эта площадь при
лась къ западно-полуденной границѣ древняго Людгощаго поселка,
шла въ нынѣшній Митрополичій садъ, или огородъ. По упраздненіи
стырей: Никольскаго „конецъ Людгощей и Чудинцевой улицѣ“ и Апо
скаго, а также церквей: Симеона Столпника, Усѣкновенія Предтечи
колы Святого—земли, бывшыя подъ ними, могли отойти, и обоихъ мон
рей несомнѣнно отошли—къ оградѣ того же сада. Но когда и при к
условіяхъ отошла отъ Апостольской церкви часть Прусскаго поселка
нею и Архангельскою, принадлежащая нынѣшнему Митрополичьему о
и вообще все пространство отъ праваго берега „пропастей“ къ с
площади и нынѣшней же Прусской улицы, мы въ настоящее время
дѣній не имѣемъ; найти же ихъ можно въ старыхъ дѣлахъ Консист

Таковы основанія къ опредѣленію положенія Владычня поселка. Изъ
видно, что этотъ поселокъ состоялъ изъ двухъ отдѣльныхъ участковъ,—
древнѣйшій, лежалъ къ мѣстности нынѣшняго Десятиннаго монаст
ближайшихъ окрестностей его, давно уже переставшей быть Владычн
а другой—между поселками Прусскимъ и Чудинцовымъ, въ сторону вт
возникшій въ 1391 году и расширившійся насчетъ земель упраз
шихся время отъ времени, уже при Московскомъ державствѣ, монас
и церквей, а также и насчетъ земель, жалованныхъ царями послѣ с
ленія Нарядной описи 1623 года.

Ни одинъ изъ изслѣдователей, трудами которыхъ мы пользуемс
коснулся перваго участка Владычня поселка, пространство же и поло
второго опредѣляетъ каждый.

Митрополитъ Евгеній даетъ Митрополичу острову мѣсто „между
цею и Чудинцевою улицею, отъ церкви Св. Флора и Лавра къ Кре
Если въ его время улица Легощая имѣла положеніе по чертежу
года,—этотъ островъ не войдетъ въ нынѣшній Митрополичій садъ, а

етъ между нынѣшними улицами: Фроловскою, Чудинцевскою и Легощею лощадью, что противъ въѣзда въ Дѣтинецъ, такъ что между нимъ и омъ останется большое пространство. А если до 1808 г. (время изданія говоровъ). Легощая шла какъ показано на чертежѣ Попова,—островъ енія еще отодвинется къ востоку, далѣе отъ сада, и уменьшится.

И. И. Красовъ соглашается съ опредѣленіемъ Владыки Евгенія, давая бъясненіе причинъ. Изъ порядка перечисленія мѣстностей Нарядной описи генный изслѣдователь выводитъ весьма основательно, что въ ней, при саніи Загородного конца, повторяется вообще правило заносить урочища положенію одного за другимъ.

Н. Н. Муравьевъ принимаетъ за Митрополичъ островъ огромный пу-рь, лежащій, по чертежу Попова 1756 г., между Чудинцевскою и Прус-о улицами, и называетъ его Митрополичьимъ садомъ.

Преосвященный Макарій даетъ подробное и обстоятельное изслѣдо-ie Митрополича острова, основывая сужденія свои на письменныхъ па-никахъ, начиная съ лѣтописнаго свидѣтельства 1391 года. Въ оконча-ьномъ выводѣ его опредѣленіе соотвѣтствуетъ нашему; Владыка не ска-ъ только о пространствѣ между церквами Апостольскою и Михайловскою зговоры, стр. 75; Красовъ, стр. 124. Опис. арх. дома 55 и слѣд.).

Современное положеніе обоихъ участковъ Владычня поселка соотвѣт-уетъ Десятинному монастырю съ его ближайшими окрестностями, и трополичьему огороду.

Проѣзды.

На пространствѣ площади, отводимой нами подъ Загородной конецъ, ало нѣсколько проѣздовъ и проулковъ, въ разныхъ направленіяхъ; три нихъ встрѣчаются въ лѣтописи за время самобытія,—это Хревковъ, ткинъ и Фларевъ; послѣдній съ проулкомъ того же имени. Опредѣле-ъ положенія и направленія ихъ и займемся.

Хревковъ.

Весною 1194 года въ недѣлю всѣхъ Святыхъ были ежедневно по-ы;—„той же недѣли въ пятницу, въ търгъ, загорѣся на Хревковѣ улици, до ручья Неревьскѣй коньцъ“ (I Нов. лѣт. годъ 6702, стр. 22). Въ 3 году поставлена каменная церковь соборъ Архангела Гавріила, на вковѣ улицѣ; о ней мы говорили, какъ о сооруженной воеводами и вой-мъ. Церковь Гавріиловскую мы знаемъ, она указываетъ на тотъ конецъ вкова проѣзда, который велъ къ этой церкви;—первая же отмѣтка иси опредѣляетъ начало и направленіе проѣзда словами: „оли до ру-Іеревьскѣй коньцъ“, читаемыми нами:—даже до ручья въ Неревской нецъ. Д. И. Прозоровскій понимаетъ эти слова не такъ,—по его изложенію

всей отмѣтки она означаетъ, что загорѣлось на Хревковой улицѣ и
ской конецъ погорѣлъ даже до ручья (Новгородъ и Псковъ, стр. 8
останавливаемся на пониманіи приведенной отмѣтки знатокомъ Но
ской лѣтописи потому, что оно даетъ другой смыслъ; по нашему
отъ Хревковой улицы даже до ручья, который идетъ въ Неревской
или до рва того „окрома Неревскаго“ который защитилъ этотъ кон
истребленія Всеславомъ Полоцкимъ въ первое нападеніе его на Новго
а по объясненію Прозоровскаго выходитъ, что пожаръ, начавшійся н
ковой улицѣ, перешелъ въ Неревской конецъ и истребилъ его до ка
ручья. Не встрѣчая тамъ, внутри Кончанской площади, никакого ручь
ходится видѣть въ немъ, придерживаясь чтенія Прозоровскаго, или
окружавшій который нибудь валъ, малый или внѣшній, или даже
Гзень; а по нашему чтенію выходитъ, что Хревкова улица лѣтоп
ставляла въ XII вѣкѣ проѣздъ по площади не Неревскаго конца, а д
сосѣдняго, именно Загородного, къ Людгощему поселку котораго мы
относимъ, и притомъ что онъ, этотъ проѣздъ, лежалъ въ значите
отъ „окрома Неревскаго“ разстояніи; если-бы проѣздъ былъ рядо
Неревскимъ концомъ, или недалеко отъ него, лѣтописцу не представлял
надобности употребить выраженіе—„даже до“, указывающее обш
погорѣвшей площади. Независимо отъ такого объясненія, наше чте
равдывается изложеніемъ отмѣтки 1194 года въ Татищевскомъ сб
приведенной и въ первой лѣтописи въ выноскѣ *m*: „той же нед
пятокъ вторговое время загорѣся на Хревковой улицѣ дажь и до
Неревской конецъ“. (Прод. Др. Рус. Вив. Ч. II, стр. 425). Основ
поэтому, на приведенной отмѣткѣ, и принимая во вниманіе, что въ
номъ большинствѣ случаевъ проѣзды ведутъ отъ одной церкви къ
ближайшей-ли, или дальней, мы ведемъ Хревковъ проѣздъ по пря
полуденнаго угла Росткина монастыря на первую круглую Митроп
башню Дѣтинца, и оканчиваемъ его у церкви Архангела Гавріила, ст
близъ рва малаго вала, противъ башни на Введенскомъ быкѣ (Д
воеводы 1649 года), соотвѣтствующей концу указанной прямой.

Митрополитъ Евгеній знаетъ не Хревкову улицу, а Фрековскі
улокъ Нарядной описи; очевидно это названіе нашего проѣзда; на
онъ переулокъ у Предтеченской церкви, бывшей главною въ Рост
монастырѣ, но ведетъ его въ другую сторону, на Легощую улицу
времени, т. е. начала текущаго столѣтія (Разговоры, стр. 75),—кон
Неревскомъ концѣ, а не въ Загородномъ нашего пространства.

И. И. Красовъ, соглашаясь съ мнѣніемъ Евгенія о Фрековском
улкѣ и его положеніи, и отожествляя съ Хревковскимъ, допускаетъ
ствованіе, сверхъ этого переулка, и Хревковой улицы, которую по
къ Дѣтинцу вообще, къ Гавріиловской церкви, мѣста которой не
ляетъ за неимѣніемъ свидѣтельствъ. Выше объяснено, что донесеніе
1649 г. издано въ свѣтъ послѣ труда Красова (Красовъ, стр.
чертежѣ Попова, приложенномъ къ изслѣдованію Н. Н. Муравьева, ес
переулокъ, который Евгеній и Красовъ называютъ Фрековскимъ; въ

Муравьева онъ помѣщенъ между Росткиной и Легощей,—значитъ чертежемъ и мнѣніемъ изслѣдователей, собственно о переулкѣ, полное ie.

Существованіе Фрековскаго или Хревковскаго переулка, при упоми- улицы того же имени и на ней Гавріиловской церкви, ставитъ тотъ гую въ причинную связь, и побуждаетъ искать на чертежѣ Попова, 778 г., Хревкову улицу близъ переулка того же, или сходнаго имени. олуденнаго угла площади Росткина монастыря идетъ улица по той й, хотя и выгибаясь нѣсколько къ западу, которую мы провели для вленія Хревкова проѣзда къ круглой башнѣ Дѣтинца; улица, оканчива- ся не дойдя нѣсколько до земляного укрѣпленія Петра Великаго. От- отъ полночно-восточной стороны монастырской площади, или пра- ѣе—отъ площади, на которой поставленъ на обоихъ чертежахъ знакъ, ивающій мѣсто церкви, началась улица, протянувшаяся вдоль описан- къ тѣмъ же землянымъ укрѣпленіямъ около Дѣтинца. На первой трети женія обѣихъ улицъ отъ церковной площади показанъ переулокъ, начав- отъ первой изъ нихъ подъ прямымъ къ ней угломъ, пересѣкшій подъ ъ же угломъ вторую и направившійся далѣе, чрезъ площадь при Ѳеодоро- ілатовской церкви и чрезъ Петербургскую улицу, къ церкви Мины и Вик- Фрековскій переулокъ Евгенія и другихъ писателей начался и по- на западъ, къ церкви Флора и Лавра, отъ того же угла названной вной площади, отъ котораго взялась улица, соотвѣтствующая нашему кову проѣзду. Стало-быть эту улицу чертежей Попова и 1778 года ю считать за ту, которая была причиною наименованія переулка овскимъ или Хревковымъ, то есть за Хревкову, замѣнившую нашъ дъ того же имени, возникшій въ XII вѣкѣ.

Сравнительно съ нынѣшнимъ распредѣленіемъ улицъ и площадей Хрев- проѣздъ пройдетъ отъ незастроенной еще площади Росткинской церкви бавской, называемой на пространствѣ между Лучинскою и Легощею ченскою,—улицѣ, прямо на зимній востокъ и кончится почти на Легощей улицы и театральной площади, гдѣ домъ Полицейскаго упра- Софійской части города.

Росткинъ.

Въ лѣтописи значится, что въ 1396 году „сгорѣ церковь святый ъ въ Росткинѣ монастырѣ“ (I Нов. лѣт. годъ 6904, стр. 97); но учрежденъ этотъ монастырь—неизвѣстно. Преосвященный Амвросій итъ построеніе каменной церкви во имя Рождества Іоанна Предтечи осткинѣ женскомъ монастырѣ, и самое основаніе его, къ 1406 году; у, на которой монастырь стоялъ, называетъ Забавскою (Истор. Рос. Ч. V, стр. 717), значитъ онъ говоритъ о томъ именно монастырѣ, адъ церкви котораго еще не застроена, и лежитъ на нынѣшней За- кой-Предтеченской улицѣ; но годъ основанія монастыря называетъ не

согласно съ приведеннымъ лѣтописнымъ свидѣтельствомъ. Зная мѣ
Росткина монастыря, легко установить начало проѣзда, давшаго ем
имя. Направленіе и конецъ этого проѣзда опредѣляются мѣстомъ
Св. Константина и Елены, стоявшей, какъ мы уже знаемъ, межд
цами Росткиною и Яневою; основаніе этой церкви восходитъ къ 115
но неизвѣстно, называлось-ли и тогда мѣсто ея Росткиною улицею
вое упоминаніе о которой встрѣчается только подъ 1390 годомъ (
Нов. лѣт. годъ 6898, стр. 134 и 232). Въ первой лѣтописи не
мѣстность этой церкви, какъ мы сказали, ни подъ 1151, ни под
годамъ, а подъ 1400 г. сказано, что она поставлена каменною на
улицѣ (I Нов. лѣт. годъ 6908, стр. 101). Въ росписи 1615 г. К
тино-Еленинская церковь поставлена два раза (выше сказано объ
на Росткинѣ и на Яневѣ улицѣ, и оба раза съ одинаковыми при
(Димитрія Великомученика и Ильи Пророка). Основываясь на лѣтоп
и на этой отмѣткахъ, мы ставимъ Константино-Еленинскую церко
встрѣчѣ Росткина проѣзда съ Яневою улицею, въ которую онъ у
концомъ, имѣя начало близъ монастыря Іоанна Предтечи. На средин
ѣзда эта церковь не могла быть, потому именно, что поставлена въ
два раза. Весьма вѣроятно, что въ 1615 году Новгородскія церкви
вались не однимъ лицомъ, а покрайней мѣрѣ двумя; первый писецъ
свою работу, по заранѣе сдѣланному распредѣленію, Росткиною ули
другой началъ свою Яневою; Константино-Еленинская церковь стоял
что одною стороною замыкала Росткину, а другою—Яневу, то есть—
на площадкѣ, въ углу, образовавшемся отъ встрѣчи обѣихъ улицъ.
обоихъ писцовъ сводились въ одну третьимъ, не бывшимъ въ Нов
уже въ Москвѣ, для составленія отчета, или бѣловой росписи;—раз
ность улицъ не возбудила въ этомъ третьемъ писцѣ сомнѣнія и он
церковь два раза. Все, что здѣсь мы говоримъ о Константино-Еле
церкви, есть уже повтореніе ранѣе сказаннаго;—но мы признаемъ
лишнимъ, чтобы стать на твердую почву для опредѣленія Росткин
ѣзда.

Итакъ, разсматриваемый проѣздъ лежалъ на прямой между Рост
монастыремъ и нынѣшнею театральною площадью, почти на угл
Лучинской улицы. (Тутъ, нѣсколько отступя отъ угла въ стор
внѣшнему валу найдены человѣчьи кости, о чемъ выше сказано).

Митрополитъ Евгеній ведетъ Росткину улицу Нарядной описи
года „отъ нынѣшней церкви Флора и Лавра чрезъ Лучинскую нын
улицу, къ церкви Св. Мины и Виктора“. Эту самую улицу мы вид
чертежахъ 1756 и 1778 гг. при описаніи Хревкова проѣзда; она на
по чертежамъ, не отъ Флоровской церкви, а отъ улицы, которая вд
полночно-восточной стороны площади Росткина монастыря, направля
востокъ къ Дѣтинцу, и при томъ не отъ самаго монастыря, а мн
сточнѣе его площади. Отъ этой улицы, называемой Евгеніемъ Рос
мѣсто церкви Константино-Еленинской отдалено, къ востоку, на та
разстояніе, на какое сама она не дошла до Росткинской площади.

аніе ученаго Митрополита и осторожность, сказывающіяся во всѣхъ ахъ его, не дозволяютъ относиться съ недовѣріемъ къ его опредѣленію женія и направленія Росткиной улицы; вѣроятно вся она, или которая , напримѣръ ближайшая къ сонменному ей монастырю, часть, —носила Евгеніево время названіе Росткиной.

И. И. Красовъ сомнѣвается въ возможности направленія Росткиной ы, опредѣляемаго Евгеніемъ. Основанія сомнѣнія лежатъ въ признаваемъ положеніи и пространствѣ улицъ Щирковой и Розважи: полагая, обѣ эти улицы доходили до внѣшняго вала и лежали близъ Θеодоро-тилатовской церкви (церковь Θеодора-Тирона основана была среди этихъ ъ улицъ), Красовъ находитъ, что Евгеніева Росткина пересѣкала-бы и погорѣла-бы въ пожаръ 1540 года, (отмѣченъ выше) истребившій цы Яневу и Щиркову, по направленію къ полю, за церковь 40 мученъ, и Розважу" (Красовъ, стр. 43). Но это основаніе не представляется ительнымъ; мы ведемъ улицы Щиркову, Розважу и Яневу,—какъ по-и, не къ внѣшнему валу, а вдоль направленія его, между этимъ и ымъ, такъ что только Щиркова обращена нами къ сторонѣ внѣшняго; дные же концы всѣхъ трехъ поселковъ ставимъ не переходя площади ви Θеодора-Стратилата, у полночно-восточной границы Людгощаго по-; (церковь Θеодора Тирона придется тоже между Щирковою и Розва-); полемъ за церковью 40 мучениковъ мы считаемъ:—пространство между и малымъ валомъ,—и широкій проѣздъ, соотвѣтствующій Дмитровской цѣ. При такомъ расположеніи нашихъ поселковъ Росткина улица Митро-ита Евгенія могла не горѣть въ 1540 году, какъ проходившая далеко поля, на которомъ стояла Четыредесятская церковь. По нашему мнѣнію Евгеніева Росткина могла быть проѣздомъ между Щирковымъ и Роз-ымъ поселками—къ церкви Мины и Виктора. Такимъ образомъ осно-е сомнѣнія Красова не уясняетъ положенія разсматриваемаго проѣзда. нимая, затѣмъ, за Росткину Нарядной описи ту, которая показана на ежахъ 1756 и 1778 гг. идущею, какъ сказано нами при объясненіи женія проѣзда Хревкова, вдоль улицы его имени, и не находя данныхъ опредѣленія Константино-Еленинской церкви, Красовъ проводитъ Рост-улицу между нынѣшними Лучинскою и Легощею, то есть нѣсколько дѣе положенія, опредѣляемаго нами для Росткина проѣзда (стр. 44).

Примѣнительно къ нынѣшнимъ улицамъ Росткинъ проѣздъ пойдетъ ъ полночно-восточной стороны площади бывшаго Росткина монастыря, сѣчетъ, въ самомъ концѣ, улицу Лучинскую и остановится у теат-ной площади (тоже газонъ).

Фларевъ.

ъ 1348 году, „осенью загорѣся Фларевъ на Лютощѣ улицѣ и сгорѣ ковь едина въ обѣдъ годъ" (I Нов. лѣт. годъ 6856, стр. 84). Д. И. оровскій полагаетъ, что подъ именемъ Фларева слѣдуетъ разум

переулокъ Флоровъ по церкви Флора и Лавра (Новгородъ и Псков
80). Предположеніе это весьма вѣроятно. Поселокъ Людгощій занималъ
лѣтописныя и перволѣтописныя времена обширную площадь, на
были церкви: Флоровская, Предтеченская-Росткинская, Никольско-мо
ская (конецъ Людгощи и Чудинцевы улицъ), Ѳеодоровскія двѣ—Тир
и Стратилатовская, Константино-Еленинская и Гавріиловская; само
кою въ звуковомъ соотвѣтствіи къ Флареву оказывается одна толь
ровская, а по народному говору Фроловская. Въ пергаментномъ
нѣтъ отмѣтокъ за 6856 годъ, потому видѣть древнее начертаніе
переулка Лютощей улицы XIV вѣка намъ негдѣ, а выдвинуть до
нѣтъ-ли въ немъ описки, не представляется основаній. Въ Татищ
сборникѣ приведенная отмѣтка 1348 года повторяется буква—в
(Прод. Др. Р. В. Ч. II, стр. 620).

Ни Митрополитъ Евгеній, ни И. И. Красовъ—не упоминаютъ о
переулкѣ; его нѣтъ и въ Нарядной описи. Н. Н. Муравьевъ вид
чертежѣ 1756 года улицы Легощу и Легощинскую и ставитъ об
Росткиною и Чудинцовою; первую отмѣчаетъ числомъ 24, а вторую
ближайшею къ Чудинцевской приходится, поэтому, Легощинская. По
жамъ Попова и 1778 года улица, близъ которой отмѣчено мѣсто,
ствующее церкви Флора и Лавра, показана прямою, начинающек
самаго внѣшняго вала и кончающеюся у земляного укрѣпленія ок
тинца—Петровскаго времени,—а отъ площади этого церковнаго мѣс
ведена къ тому же укрѣпленію, съ небольшимъ отклоненіемъ къ
отъ улицы прямой, другая; она на половину короче прямой. Едва-ли
сомнѣваться, что длинная прямая улица соотвѣтствуетъ Легощей Н
описи, другая же, короткая, проведенная между нею и Чудинцевск
детъ, поэтому, Легощинскою Муравьева.

Намъ неизвѣстны причины, заставившія Муравьева назвать
улицы обоихъ чертежей—одну Легощею, а другую—Легощинскою;
писяхъ, и въ памятникахъ болѣе позднихъ, встрѣчаются: Людгоща,
и Легоща; въ народномъ же говорѣ настоящаго времени слышится
и Легощинская, такъ что только этимъ послѣднимъ мы и можемъ об
Муравьевское наименованіе Легощенскою той улицы, которая леж
чертежамъ, между Легощею и Чудинцевскою. Когда она закрыта
ствовала-ли еще въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія,—намъ неизв

Имѣя въ виду, что лѣтописный Фларевъ переулокъ былъ въ
щемъ поселкѣ, и что Муравьевская Легощинская идетъ вдоль Л
улицы, на которой стояла до сихъ поръ существующая на Легощ
ровская церковь, мы заключаемъ, что этотъ лѣтописный переуло
жилъ проѣздомъ отъ церкви Флора и Лавра къ малому валу, или
шему Загородью 1348 года.

По теперешнему положенію улицъ Легощей и Чудинцевской
проѣздъ придется между полуденными углами ограды Флоровской
Чудинцевской улицы, гдѣ она вышла на площадь, близъ домовъ—
скаго и Н. С. Федорова.

Въ Загородномъ концѣ, судя по Знаменскому изображенію, было, кромѣ нованныхъ, весьма много и другихъ проулковъ, проѣздовъ и проходовъ дворами, какъ и вообще по всему городу, но лѣтопись ихъ не на-ъ; — хотя иногда и говоритъ о дворахъ, принадлежащихъ част-лицамъ, по поводу выдающихся случаевъ внутренней жизни, преиму-енно грабежей и поджоговъ во время усобицъ, — но такъ кратко, тъ возможности опредѣлить ихъ положеніе.

Заполья.

а все время самобытія лѣтопись упоминаетъ одинъ только разъ о и Никитиной улицы, подъ 1442 года, по случаю пожара на Сла-й сторонѣ; — но здѣсь разумѣется внутреннее пространство города, жала, какъ мы видѣли, улица Запольская, направлявшаяся вдоль яго вала, по Плотенскому концу, съ именемъ Запольской, а по Сла-му — Загородской (I Нов. лѣт. годъ 6950, стр. 114 — послѣдняя). Съ ны XVI вѣка лѣтопись называетъ Заполья чаще, но не различая стей ихъ, то есть — и городскія и загородныя населенныя простран-лизъ внѣшняго вала. При объясненіяхъ о мѣстахъ лѣтописныхъ церк-ворено уже о Запольяхъ Загородного конца; здѣсь мы постараемся лить, насколько возможно, положеніе Запольевъ: Легощенскаго, Прус-Чудинцовскаго и Росткинскаго.

Легощинское.

По нашему опредѣленію Людгощій поселокъ занималъ обширное про-тво вдоль внѣшняго вала. Заполье Легощинское встрѣчается только писи 1615 года. Ближайшимъ, по времени, къ росписи памятникомъ авляется чертежъ 1756 года, на которомъ улица Легоща показана мъ проѣздомъ между валами внѣшнимъ и внутреннимъ, проходящимъ ко отъ церкви Флора и Лавра Едва-ли мы сдѣлаемъ ошибку, если емъ Легощу XVII вѣка по нынѣшней Легощей. Поэтому Заполье Ле-кое придется между внѣшнимъ валомъ и желѣзною дорогою, про-Легощей, гдѣ участки Гг. Штрейсса, Симпсона и Мак-дональда. Въ объ Успенской церкви Козьмодемьянскаго Заполья мы высказали у, что она находилась на участкѣ г. Мак-дональда, какъ на землѣ твованной кѣмъ либо въ древности одной изъ Козьмодаміанскихъ й, отъ которой и дано ей названіе Козьмодемьянскаго Заполья; мы таемъ невозможнымъ видѣть первоначально — одаренною церковь, въ Козьмодаміанскихъ, и ту, которая находилась на Славенской сторонѣ, номъ, въ предѣлахъ между Тихвинскою кладбищенскою церковью и тырями Антоновскимъ и Деревяницкимъ, гдѣ нынѣшняя Кузьмодемь-пожня, принадлежащая городу. Здѣсь, на участкѣ г. Мак-до-

переулокъ Флоровъ по церкви Флора и Лавра (Новгородъ и Псков
80). Предположеніе это весьма вѣроятно. Поселокъ Людгощій занималъ в
лѣтописныя и перволѣтописныя времена обширную площадь, на
были церкви: Флоровская, Предтеченская-Росткинская, Никольско-мо
ская (конецъ Людгощи и Чудинцевы улицъ), Ѳеодоровскія двѣ—Тиро
и Стратилатовская, Константино-Еленинская и Гавріиловская; само
кою въ звуковомъ соотвѣтствіи къ Флареву оказывается одна толь
ровская, а по народному говору Фроловская. Въ пергаментномъ с
нѣтъ отмѣтокъ за 6856 годъ, потому видѣть древнее начертаніе
переулка Лютощей улицы XIV вѣка намъ негдѣ, а выдвинуть до
нѣтъ-ли въ немъ описки, не представляется основаній. Въ Татище
сборникѣ приведенная отмѣтка 1348 года повторяется буква—въ
(Прод. Др. Р. В. Ч. II, стр. 620).

Ни Митрополитъ Евгеній, ни И. И. Красовъ—не упоминаютъ о Ф
переулкѣ; его нѣтъ и въ Нарядной описи. Н. Н. Муравьевъ вид
чертежѣ 1756 года улицы Легощу и Легощинскую и ставитъ объ
Росткиною и Чудинцовою; первую отмѣчаетъ числомъ 24, а вторую
ближайшею къ Чудинцевской приходится, поэтому, Легощинская. По
жамъ Попова и 1778 года улица, близъ которой отмѣчено мѣсто, с
ствующее церкви Флора и Лавра, показана прямою, начинающею
самаго внѣшняго вала и кончающеюся у земляного укрѣпленія око
тинца—Петровскаго времени,—а отъ площади этого церковнаго мѣс
ведена къ тому же укрѣпленію, съ небольшимъ отклоненіемъ къ
отъ улицы прямой, другая; она на половину короче прямой. Едва-ли
сомнѣваться, что длинная прямая улица соотвѣтствуетъ Легощей Н
описи, другая же, короткая, проведенная между нею и Чудинцевск
детъ, поэтому, Легощинскою Муравьева.

Намъ неизвѣстны причины, заставившія Муравьева назвать
улицы обоихъ чертежей—одну Легощею, а другую—Легощинскою; в
писяхъ, и въ памятникахъ болѣе позднихъ, встрѣчаются: Людгоща,
и Легоща; въ народномъ же говорѣ настоящаго времени слышится
и Легощинская, такъ что только этимъ послѣднимъ мы и можемъ об
Муравьевское наименованіе Легощенскою той улицы, которая леж
чертежамъ, между Легощею и Чудинцевскою. Когда она закрыта и
ствовала-ли еще въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія,—намъ неизв

Имѣя въ виду, что лѣтописный Фларевъ переулокъ былъ въ
щемъ поселкѣ, и что Муравьевская Легощинская идетъ вдоль Лю
улицы, на которой стояла до сихъ поръ существующая на Легоще
ровская церковь, мы заключаемъ, что этотъ лѣтописный переулок
жилъ проѣздомъ отъ церкви Флора и Лавра къ малому валу, или
шему Загородью 1348 года.

По теперешнему положенію улицъ Легощей и Чудинцевской Ф
проѣздъ придется между полуденными углами ограды Флоровской ц
Чудинцевской улицы, гдѣ она вышла на площадь, близъ домовъ—
скаго и Н. С. Федорова.

Въ Загородномъ концѣ, судя по Знаменскому изображенію, было, кромѣ нованныхъ, весьма много и другихъ проулковъ, проѣздовъ и проходовъ дворами, какъ и вообще по всему городу, но лѣтопись ихъ не на-гъ; — хотя иногда и говоритъ о дворахъ, принадлежащихъ част-лицамъ, по поводу выдающихся случаевъ внутренней жизни, преиму-ещно грабежей и поджоговъ во время усобицъ, — но такъ кратко, ѣтъ возможности опредѣлить ихъ положеніе.

Заполья.

За все время самобытія лѣтопись упоминаетъ одинъ только разъ о ьи Никитиной улицы, подъ 1442 года, по случаю пожара на Сла-ой сторонѣ; — но здѣсь разумѣется внутреннее пространство города, ежала, какъ мы видѣли, улица Запольская, направлявшаяся вдоль няго вала, по Плотенскому концу, съ именемъ Запольской, а по Сла-ому — Загородской (I Нов. лѣт. годъ 6950, стр. 114 — послѣдняя). Съ ины XVI вѣка лѣтопись называетъ Заполья чаще, но не различая ностей ихъ, то есть — и городскія и загородныя населенныя простран-близъ внѣшняго вала. При объясненіяхъ о мѣстахъ лѣтописныхъ церк-оворено уже о Запольяхъ Загородного конца; здѣсь мы постараемся ѣлить, насколько возможно, положеніе Запольевъ: Легощенскаго, Прус-, Чудинцовскаго и Росткинскаго.

Легощинское.

По нашему опредѣленію Людгощій поселокъ занималъ обширное про-ство вдоль внѣшняго вала. Заполье Легощинское встрѣчается только списи 1615 года. Ближайшимъ, по времени, къ росписи памятникомъ гавляется чертежъ 1756 года, на которомъ улица Легоща показана мъ проѣздомъ между валами внѣшнимъ и внутреннимъ, проходящимъ еко отъ церкви Флора и Лавра Едва-ли мы сдѣлаемъ ошибку, если демъ Легощу XVII вѣка по нынѣшней Легощей. Поэтому Заполье Ле-ское придется между внѣшнимъ валомъ и желѣзною дорогою, про-Легощей, гдѣ участки Гг. Штрейсса, Симисона и Мак-дональда. Въ ѣ объ Успенской церкви Козьмодемьянскаго Заполья мы высказали ку, что она находилась на участкѣ г. Мак-дональда, какъ на землѣ твованной кѣмъ либо въ древности одной изъ Козьмодаміанскихъ ей, отъ которой и дано ей названіе Козьмодемьянскаго Заполья; мы итаемъ невозможнымъ видѣть первоначально — одаренною церковь, въ Козьмодаміанскихъ, и ту, которая находилась на Славенской сторонѣ, ломъ, въ предѣлахъ между Тихвинскою кладбищенскою церковью и тырями Антоновскимъ и Деревяницкимъ, гдѣ нынѣшняя Кузьмодемь-я пожня, принадлежащая городу. Здѣсь, на участкѣ г. Мак-до-

нальда, мы ставимъ это Заполье потому собственно, что въ росписи
года показано въ одномъ мѣстѣ съ Чудинцовскимъ и Прусское,—а
щинское неназвано;—и притомъ на Запольи, признаваемомъ нами
гощинское, было много дворовъ, если тутъ стояла Успенская церко
тому мы и отводимъ подъ него пространство, прилегающее къ з
полночной границѣ нашего Людгощаго поселка, между Ѳеодоро-Ст
товскою церковью и нынѣшнею Чудинцевскою улицею, объ этом
польѣ ни Митрополитъ Евгеній, ни Красовъ не говорятъ.

Прусское.

Въ настоящее время на городскомъ выгонѣ есть земля, прилег
къ внѣшнему валу, между нынѣшнею Прусскою улицею, сосѣднею
Митрополичьяго сада и слободкою на Псковской дорогѣ; земля з
вѣстна подъ именемъ Прусскаго Заполья. Церковь Ильинская съ мо
ремъ ея имени, которую мы видѣли противъ Вознесенской на Пр
улицѣ, была въ этомъ Запольи. Митрополитъ Евгеній не даетъ и
никакихъ свѣдѣній. Красовъ тоже, затрудняясь опредѣлить мѣс
полагаетъ, что Прусское Заполье могло находиться и внутри
и внѣ его, поблизости къ внѣшнему валу и улицѣ того же
нія. Крестъ, поставленный въ концѣ Прусской улицы, у самаго
на чертежѣ 1756 года, Красовъ принимаетъ, хотя подъ сомн
за признакъ, что тутъ находился дѣвичій монастырь Св. Иліи. Но
дѣли слѣды церкви и монастырскій колодецъ за валомъ. Какъ далеко
лось это Заполье къ слободкѣ на Псковской дорогѣ, и было-ли оно
въ тѣхъ границахъ, которыя имѣетъ теперь, какъ городская земля
неизвѣстно.

Чудинцовское.

Въ Парядной описи Чудинцовское Заполье не значится; но въ р
оно названо такъ: „Въ Чудинцовскомъ Запольѣ монастырь мужской,
немъ храмъ каменъ, Никола Чудотворецъ; трапеза каменная, а
храмъ“ (Разговоры, стр. 83). Монастырь этотъ мы видѣли въ нынѣ
Митрополичьемъ саду; слѣдовательно, это Заполье было въ городѣ. П
Чудинцовъ и Прусской, взятые вмѣстѣ, занимали вдоль вала простр
меньше, чѣмъ одинъ Людгощій; Чудинцовъ же касался вала, когда
скій подходилъ къ ямѣ противъ Апостольской церкви, на протяже
болѣе 50 саженъ; поэтому, Заполья Прусское и Легощинское, пос
участкомъ съ Успенскою церковью (Козьмодемьянское Заполье), могл
дѣляться только проходившею между ними дорогою, Псковскою, или
городскою поздняго времени.

Митрополитъ Евгеній ничего не сказалъ и объ этомъ Запольи, какъ чалъ о Легощинскомъ; Красовъ не рѣшаетъ, гдѣ оно было, замѣчая ко, что лежало за деревяннымъ городомъ (Мѣстопол. древ. Новг. стр.). Въ статьѣ объ окопахъ Неревской стороны мы увидимъ, что дере-нымъ городомъ назывался въ XVI вѣкѣ малый валъ; Красовъ, указы-на часть города, или на пространство внѣ его, гдѣ могло быть Заполье инцовское, ссылается на лѣтописныя отмѣтки подъ 1552 и 1554 гг., которыхъ сказывается: „горѣло Чюдинское Заполье, за городомъ за де-инымъ". (II Нов. лѣт. годы 7060 и 7062, стр. 156 и 157).

Росткинское.

Росткинъ проѣздъ начинался, какъ мы видѣли на чертежахъ 1756 и 78 гг., нѣсколько отступя отъ площади монастыря его имени на полночь востоку. Пространство между монастыремъ и началомъ проѣзда къ ѣшнему валу и въ обѣ стороны, къ Легощей и Петербургской улицамъ мени составленія чертежей, представляетъ обширный пустырь. Н. Н. равьевъ называетъ всю эту площадь полями и Запольями купцовъ Со-іской стороны (замѣтки на чертежѣ Попова). То, которое составляетъ по-вину пустыря къ Легощей, названо Росткинскимъ, а другое,—къ Петер-ргской улицѣ, частію на мѣстѣ нашего Людгощаго поселка, а частію— ркова, Неревскаго конца,—Черковскимъ. Выше мы видѣли, что въ Раз-орахъ Митрополита Евгенія оно показано не тутъ, а близъ Волхова у тропавловской церкви, за внѣшнимъ валовъ.

Ни Митрополитъ Евгеній, ни Красовъ не даютъ никакихъ объясненій Росткинскомъ Запольѣ; послѣдній даже и не упоминаетъ о немъ. Лѣтопись ке ни разу не сказала ни о Росткинскомъ, ни о Черковскомъ, которое, всей вѣроятности, есть, какъ замѣчено выше, Щирковское, доказывающее ие опредѣленіе Щиркова поселка, лежавшаго не у Волхова и Петропав-ской церкви, а у внѣшняго вала,—западно-полночнымъ концомъ своимъ рѣчавшимся съ Людгощимъ. Мы знаемъ, что въ 1684 году пожалована ойскому дому земля на Росткинѣ улицѣ, взамѣнъ тѣхъ огородовъ, кото-е принадлежали ему же на Щирковѣ и другихъ улицахъ, но впослѣд-ніи отведены подъ дворы Московскихъ стрѣльцовъ. По всѣмъ этимъ дан-мъ слѣдуетъ заключить, что Росткинское заполье образовалось уже послѣ мобытія, когда упразднены были военные поселки Загородного конца, и оно, какъ и Чудинцовское, занимало мѣсто внутри города, а не за чер-о его.

Въ настоящее время городскія Заполья, Чудинцовское и Росткинское, аются: первое Митрополичьимъ садомъ, а второе частными дворами ди между валомъ и улицами: Лучинскою, Предтеченскою и Забавскою полночною частью Легощей.

Людинъ конецъ.

Полуденно-западная часть Неревской стороны составляла Люди нецъ. Для удобства обозрѣнія обширнаго пространства, которое он малъ во времена самобытія, мы раздѣлимъ всю площадь этого ко четыре большихъ участка; два внутри внѣшняго вала, и два за ни полдню—одинъ, къ западу—другой. Границами концу служили—для ковъ внутри города: съ западо-полночи—предѣлъ нашего Загородного по отношенію къ положенію его—западно-полуденной;—съ полночи родье,—съ востока и полдня—внѣшній валъ береговаго конца Загор Бѣлой Алексѣевской башни,—и съ полдня къ западу—внѣшній вал Бѣлой башни до той его части, которая приходится противъ прав роны ограды Десятиннаго монастыря. Третій, или первый внѣшній, у занималъ пространство прямо на полдень отъ Бѣлой Алексѣевской минуя ровъ внѣшняго вала и мокрую низину, на большомъ продолго холмѣ, спускающемся къ Мячинскому озеру; мѣстность эта назван „Мигра“; она соотвѣтствуетъ нынѣшней Воскресенской слободѣ. Чет или второй внѣшній, участокъ лежалъ за полуденно-западною ст внѣшняго вала. О томъ—какъ возникло имя Людина конца и когда, говорили.

Какъ береговое пространство на полночь отъ Дѣтинца, наше Поб занято было военными поселками, такъ и здѣсь внутренніе участк дина конца образовались изъ такихъ же поселковъ, послѣдовател мѣрѣ увеличивавшейся надобности въ охранѣ Славенской стороны, тѣвшей и дѣлавшейся болѣе и болѣе лакомою приманкою для хищни стремленій бездомныхъ бродягъ, скоплявшихся для набѣговъ и грабе многочисленныя полчища.

Изслѣдователи мѣстоположенія Древняго Новгорода принимают сказано уже, за основу своихъ изысканій памятники поздніе, и толь гдѣ подтверждаютъ лѣтописью выводы изъ Нарядной описи, роспис вей и чертежа 1756 года. И. И. Красовъ внимательнѣе своихъ пре венниковъ къ лѣтописи,—потому выводы его и убѣдительнѣе и оп тельнѣе, чѣмъ ученаго Митрополита и Н. Н. Муравьева; но и оставляетъ много пустыхъ мѣстъ даже въ изысканіяхъ о поселкахъ родскихъ XVII вѣка, не говоря о древнихъ, восходящихъ къ вѣкамъ лѣтописнымъ и самобытнымъ.

Митрополитъ Евгеній, соглашаясь съ показаніемъ Нарядной 1623 г., называетъ Людинъ конецъ Новымъ, и отводитъ для него „гдѣ нынѣ церковь упраздненнаго Воскресенскаго монастыря, и та были церкви Воздвиженская и Лукинская, за Троицкою Ямскою, по нагорному берегу Волхова“ (Разговоры, стр. 77). Введенный въ з деніе этою Нарядною описью, Владыка допустилъ несообразность: Лукинская и Воздвиженская стояли далеко отъ берега, и не за Тр Ямскою, а внутри, ея,—притомъ мѣстность, гдѣ онѣ находились,

менная, чѣмъ нагорная. Вѣроятно Евгеній писалъ объясненія въ началѣ его пребыванія въ Новгородѣ и безъ справокъ съ лѣтописью. Впрочемъ его времени дѣло изданія лѣтописи находилось еще неупорядоченнымъ: большой семьи Новгородскихъ сборниковъ были напечатаны: Пергатный—въ Москвѣ, въ 1795 году; Архангелогородскій, Кенигсбергскій, ійскій Академическій, Царственный, Древній, Татищевскій и Никоновй около этого же времени; къ изданію же сводныхъ еще не приступали. ядная опись, какъ памятникъ правительственный, не возбуждала сомнѣній дыки,—а въ ней Людинъ конецъ значится Новымъ. Трудно однако же яснить недостаточностью источниковъ несообразность въ назначеніи для квей Луки и Воздвиженія мѣста въ Людинѣ концѣ, когда нарядная опись сла улицы имени этихъ церквей въ Гончарскій, признаваемый ею за вній; очевидно Евгеній не изучилъ мѣстности лично.

И. И. Красовъ пользовался уже сводною лѣтописью и пришелъ изъ показаній къ заключенію, что Гончарскій конецъ появился на мѣстѣ дина около XV вѣка, и что Людинъ древнѣе его (стр. 24—27).

Н. Н. Муравьевъ слѣдуетъ, какъ и Евгеній, за Нарядною описью и, итая Людинъ конецъ Новымъ, отводитъ ему мѣсто въ сторону къ Воскреской слободѣ, къ полдню отъ рва внѣшняго вала.

Старѣйшая Новгородская лѣтопись, по спискамъ пергаментному, Тативскому и Толстовскому, называемая первою, и другія—называютъ Людинъ нецъ, начиная съ XII до половины XV вѣка, и опредѣляютъ, всею совоиностью отмѣтокъ, назначаемое нами для него пространство—внутри гоа и на Мигрѣ,—такъ: въ 1194 году—сгорѣло въ Людинѣ концѣ 10 ровъ (годъ 6702, стр. 28—I Нов. лѣт.—Указанія дальнѣйшихъ годовъ сотворенія міра и страницы означаютъ эту первую лѣтопись, до отмѣъ, которыя будутъ приведены послѣдними, выписываемыми изъ третьей); 1218 и 1220 гг. Людинъ конецъ держалъ, во время усобицы, сторону адника Твердислава (6726 и 6728, стр. 37 и 38);—въ 1234 г. сгоа Лукинская церковь въ Людинѣ концѣ (6742, стр. 49);—въ 1297 г. тавлена церковь на Дѣтинцевскихъ воротахъ отъ Людина конца (6805, 66);—въ 1340 г. погорѣлъ Людинъ конецъ отъ церкви Св. Алексѣя Прусской улицы (6848, стр. 79);—въ 1372 г. копали ровъ около Люа конца и Загородія и Неревскаго конца (6880, стр. 90);—въ 1391 у—загорѣлось отъ Введенской церкви на Прусской улицѣ и погорѣлъ ь Людинъ конецъ до Св. Алексѣя (6899, стр. 95);—въ 1405 г. погоъ Людинъ конецъ и Прусская улица до Михаила Святого (6913, стр. 2);—въ 1407 г. поставлена каменная церковь Власія въ Людиномъ концѣ 915, стр. 103);—въ 1415 году—Святого Воздвиженія и Св. Луки въ ъ же концѣ (6923, стран. 106);—въ 1421 году залило церковь скресенія въ Людинѣ концѣ (6929, стр. 109);—въ 1425 году Люконецъ погорѣлъ весь (6933, стр. 110);—въ 1433 году погорѣлъ ъ конецъ до Лукины улицы (6941, стр. 111). Въ лѣтописи съ поями, домыслами и прибавками, т. е. въ третьей Новгородской, встрѣются еще слѣдующія отмѣтки:—подъ 1195 годомъ—о церкви Воскресенія

въ Людинѣ концѣ, въ Мигрѣ, (6703, стр. 27) и—подъ 1455 г.—о ц
Іоанна Милостиваго въ Людинѣ концѣ, за большимъ валомъ въ Алек
ской улицѣ—(6963, стр. 241). Самое раннее свидѣтельство о ва
концѣ содержится въ Ярославовомъ Уставѣ о мостахъ: „Осменникомъ
плата въ Людинъ конецъ". Этими отмѣтками ясно очерчиваются гра
мѣстности, составлявшей пространство и положеніе Людина конца—с
вѣка, а Уставомъ о мостахъ—временъ предшествующихъ, такъ что к
Гончарскій или Горончарскій—есть учрежденіе новое и, какъ выс
раньше, не правительственное, а житейское,—потому мы считаем
только за четвертый, или второй внѣшній, участокъ Людина.

Признавая наше Загородье первымъ, по времени возникновенія, и
комъ около Дѣтинца, вызваннымъ преимущественно сторожевыми цѣ
и относя появленіе нашего же Побережья ко временамъ расширенія
ныхъ поселковъ Неревской стороны, мы видимъ и на западно-полу
сторонѣ Загородья подобные же поселки; какъ въ Побережьи—и здѣс
селеніе разросталось около военныхъ-сторожевыхъ дворовъ.

Въ Неревскомъ концѣ мы выдѣлили Побережье,—здѣсь отдѣльно
смотримъ Кромный городъ, а затѣмъ перейдемъ къ поселкамъ.

Кромный городъ.

Къ началу XII вѣка, на западъ—къ полдню отъ Дѣтинца, въ соб
ственномъ Побережью Неревскаго конца положеніи,—вдоль берега м
низины, перерѣзанной истоками озера Мячина въ Волховъ и прот
Гзени, направленномъ природою-ли, или искусствомъ, около западно
ночной стороны лѣвой половины города,—лежалъ Кромный городъ.
1112 годомъ имѣется въ первой лѣтописи слѣдующая отмѣтка: „П
онъ полъ, на сей же сторонѣ городъ Кромный отъ Лукинъ пожаръ"
6620—6621, стр. 4).

Издатели Новгородскихъ лѣтописей полагаютъ, что слова „отъ Л
пожаръ" поставлены неправильно, такъ какъ въ другихъ лѣтописяхъ
ченныхъ словъ недостаетъ (Выноска подъ двумя звѣздочками на то
страницѣ).

Для нашихъ изысканій слова „отъ Лукинъ пожаръ" имѣютъ р
ющее въ существованіи и положеніи Кромнаго города значеніе, потом
обходимо остановиться на приведенной замѣткѣ Археографической коммис

Въ пергаментномъ и Татищевскомъ сборникахъ слова „отъ Л
пожаръ" помѣщены; сборникъ пергаментный писанъ, по заключенію и
лей первой Новгородской лѣтописи, на первыхъ 62 листахъ, почти
же почеркомъ, которому принадлежитъ знаменитое Реймское Евангел
не позднѣе XIII вѣка,—а Татищевскій, называемый ими Академиче
вторымъ,—около половины XV вѣка. Издатели излагаютъ первую
лѣтопись по этимъ двумъ сборникамъ и по третьему, Толстовскому
тому, писанному скорописью въ началѣ XVIII вѣка (Полн. собр. русс

III, предисловіе, стр. III и IV). Слѣдовательно словъ „отъ Лукинъ по-
ръ“ нѣтъ только въ Толстовскомъ и другихъ позднѣйшихъ сборникахъ.
щее правило, принимаемое всѣми вообще издателями и объяснителями
мятниковъ, имѣющихся въ разновременныхъ спискахъ,—принимать за
овный ближайшій по почерку ко времени, къ которому относится по-
ствуемое въ немъ событіе; почему Археографическая коммиссія признаетъ
имающія насъ слова неправильно внесенными въ лѣтописную отмѣтку,
объяснено; въ пергаментномъ сборникѣ они написаны чотко однимъ
стымъ почеркомъ, совершенно одинаковымъ со всѣми 62 листами, отно-
мыми издателями нашей лѣтописи къ XIII вѣку. Быть можетъ сомнѣніе
ммиссіи вызвано отсутствіемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи первой и прочихъ
вгородскихъ лѣтописей упоминанія о Кромномъ городѣ и наличностью
о въ Псковѣ (Псковская лѣтопись упоминаетъ о Кромѣ съ XIV по XVI
къ болѣе десяти разъ). Хотя въ лѣтописяхъ русскихъ, веденныхъ въ го-
дахъ, встрѣчаются отмѣтки о событіяхъ различныхъ мѣстностей, а не
нихъ только, случившихся въ осѣдлости лѣтописца,—но лѣтопись Нов-
родская въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, и всего кажется два раза, от-
ѣчая случай—не называетъ города, гдѣ онъ имѣлъ мѣсто, и такимъ обра-
мъ открываетъ поводъ относить оба не къ Новгороду; случаи эти, подъ
дами 1039 и 1088, касаются освященія церквей Святой Богородицы—
рвый и Святого Михаила—второй. Въ Лаврентьевскомъ сборникѣ объ
вященіи тѣхъ же церквей говорится подробно, и оба раза лѣтопись назы-
етъ Кіевъ. Эти церкви были, однако же, въ 1035 и 1088 годахъ и въ
овгородѣ: Богородицкая—есть Софія Супраельской рукописи и Архангело-
родскаго лѣтописца, основанная въ 1030 году княземъ Владиміромъ Яро-
авовичемъ, въ Дѣтинцѣ, у Дьячего двора, въ стѣнѣ—и Михаила Архангела—
лѣтописная, на Славенской сторонѣ „средѣ Търга“; могло, поэтому, быть
такъ, что Лаврентьевскій сборникъ дополнилъ памятуху о Новгородскихъ
рквахъ своими поясненіями. Мы уже имѣли случай говорить, что боль-
я часть начальной русской лѣтописи Кіевскаго извода заимствовала из-
стія изъ Новгородскихъ памятухъ (О составѣ Русскихъ лѣтописей—ака-
мика Бестужева-Рюмина). Если послѣ 1112 года Кромный городъ не
оминается въ нашей лѣтописи,—одно это не даетъ права считать слова
тъ Лукинъ пожаръ“ неправильно внесенными въ пергаментный и Тати-
евскій сборники. Мы видѣли въ Супраельской рукописи „кровъ“, или
кромъ, Неревской“, въ смыслѣ укрѣпленія, въ 1066 году; были, конечно,
другіе окромы или кромы, по окраинамъ, каковы: Побережье и Заго-
одье. Думать, что наша лѣтопись разумѣетъ Псковской Кромный городъ,
онечно можно, но чтобы заподозрить точность отмѣтки древнѣйшей лѣто-
иси, нужно осмотрѣться толкомъ и опредѣлить, что такое Лукинъ пожаръ?
ъ Псковѣ появилась церковь во имя Св. Апостола Луки только въ 1518
оду (Псков. I лѣт., изданіе Погодина, годъ 7026, стр. 185),—въ Новго-
одѣ же ихъ было двѣ, одна на Лубяницѣ, на Славенской сторонѣ, съ
207 г., а другая въ Людинѣ концѣ Неревской стороны, сгорѣвшая отъ
розы въ 1234 году и впослѣдствіи возобновленная. Стало-быть Лукинъ

пожаръ тотъ, который начался отъ Лукинской церкви или улицы.
женіе церкви этого имени въ Людинѣ концѣ мы видѣли; она стояла
береговой мокрой низины. Хотя лѣтопись не говоритъ, когда именно во
наша Лукинская церковь, но мы можемъ съ вѣроятностью приписать
начальное сооруженіе ея второму Новгородскому Епископу Лукѣ
или Жирятѣ, принявшему паству послѣ смерти Іоакима Корсунян
1030 году. Выраженіе лѣтописи „погорѣ онъ полъ" значитъ—п
другая половина города, по отношенію къ жительству лѣтописца.

Итакъ Кромный городъ занималъ пространство сряду послѣ За
на западъ къ полдню отъ него, и простирался за Лукинскую цер
Алексѣевской Бѣлой башни, то есть составлялъ первую половину
конца. На мѣстѣ Мигры, или нынѣшней Воскресенской слободы, он
диться не могъ, такъ какъ Лукинская церковь, бывшая въ 111
деревянною, отдѣлена отъ Мигры широкою площадью мокрой
окопомъ и рвомъ внѣшняго вала.

Какъ въ Побережьи образовалось нѣсколько поселковъ,—пос
тельно,—получившихъ, по нашему объясненію, названія отъ именъ
чальниковъ, такъ было и здѣсь, въ городѣ Кромномъ. Тамъ, по на
гадкѣ, поселки ограждались окопомъ; здѣсь несомнѣнно было укрѣп
названіе города Кромнымъ однозначаще съ укрѣпленнымъ. На случа
возникнетъ сомнѣніе,—не разумѣетъ-ли лѣтописецъ подъ Кромнымъ
укрѣпленнаго Дѣтинца, замѣтимъ, что въ продолженіе вѣковъ лѣто
Дѣтинецъ всегда назывался настоящимъ своимъ именемъ, или, изрѣ
меннымъ городомъ. Отъ Лукинской церкви онъ стоялъ еще дальше
и защищенъ былъ отъ пожара рвами—малаго вала и своимъ.

Долго-ли существовалъ Кромный городъ, какъ особый, подобн
режью, участокъ—не сказываютъ—ни лѣтопись, ни другіе письменные
ники; нѣтъ данныхъ и къ заключенію о времени возникновенія его;
и о другомъ можно говорить только по догадкамъ. Полагая, что К
городъ, какъ самостоятельный поселокъ, прекратилъ свою жизнь, въ
особаго учрежденія, по образованіи Людина конца, которое мы относ
вѣкамъ долѣтописнымъ, считая Мостовой уставъ, въ первоначальн
видѣ, сложившимся до начала русской лѣтописи, съ назначеніемъ в
участковъ по площади Людина конца, и относя къ тѣмъ же отдал
временамъ и судъ двѣнадцати, образовавшійся изъ сословныхъ предс
лей, по два отъ каждаго конца, и двухъ приставовъ отъ участву
въ судебномъ дѣлѣ сторонъ. А если Кромный городъ пересталъ су
вать до начала лѣтописи,—первоначальное его появленіе восходитъ
лекимъ предлѣтописнымъ вѣкамъ. Къ 1112 году онъ замиралъ уж
народной памяти: лѣтописецъ, жившій, вѣроятно, въ древнихъ пре
его, еще помнилъ стародавнее названіе и занесъ въ свою памятуху з
о Лукинскомъ пожарѣ, назвавъ мѣстность по старинѣ; послѣдующіе
ставители или собиратели извѣстій о внутренней жизни города—не
нали, или не знали уже Кромнаго города.

Въ Побережьи и близъ него мы наблюдали толщу жилого перегноя чительной мощности въ разныхъ мѣстахъ,—здѣсь же намъ извѣстна а только мѣстность, близъ Троицкой церкви, съ толщею перегноя не ѣе трехъ аршинъ, какъ и въ Дѣтинцѣ, за Софійскимъ соборомъ; но ой же мѣстности нельзя судить о цѣлой площади Кромнаго города; бу- ъ ждать случаевъ возможно большаго числа испытаній почвы, чтобы нихъ установить прочное заключеніе.

Подобно какъ и въ Побережьи, въ Кромномъ городѣ были поселки, по- вшіе названіе именъ личныхъ и, вѣроятно, военачальниковъ,—каковы: ышевъ, Волосовъ, Радятинъ и Черницынъ, и церковныхъ—Воздвижен- й и Лукинъ. По времени возникновенія эти поселки восходятъ къ той глубокой древности, какъ и Побережные; по названіямъ же—послѣдніе а—относятся къ вѣкамъ послѣ крещенія Новгорода. Но какъ въ Нерев- омъ концѣ мы видѣли поселки съ тѣми же, какъ и лежавшіе въ Побе- жьи, названіями, такъ увидимъ и здѣсь: поселки Кромнаго города, расши- ясь за границы его, сохраняли свои названія и далѣе, въ Людиномъ нцѣ; тѣ же изъ нихъ, въ участкахъ которыхъ возникли церкви, замѣ- ли, мало по малу, первоначальныя названія новыми, церковными,—такъ о названія Воздвиженскаго и Лукинскаго появились, по всей вѣроятности, мѣсто какихъ либо прежнихъ. Объ этомъ мы приведемъ болѣе подробно ныя и соображенія при дальнѣйшемъ изложеніи объясненій.

На Знаменскомъ изображеніи представленъ ясно Широкій проѣздъ, на ыдень къ западу отъ средины разстоянія между Большою Покровскою и укуевскою башнями Дѣтинца, или отъ восмиугольной башни донесенія вое- ды 1649 года; онъ, по нашему мнѣнію, отдѣлялъ Загородной конецъ отъ юдина, примѣрно, въ XIII вѣкѣ. Другого Широкаго и прямого, въ томъ же правленіи, проѣзда по площади Людина конца не видно; но примѣтенъ вилистый, направляющійся отъ Спасской Дѣтинцевской—къ Новинской ѣзжей башнѣ малаго вала (по тому-же донесенію воеводы)—на полдень, нашему Загородью;—отъ Новинской онъ направляется на западъ къ лночи, вдоль малаго вала, и поворачиваетъ на западъ къ полдню противъ асской Дѣтинцевской башни; отсюда же идетъ, все въ западномъ напра- ніи, небольшими извилинами, къ Алексѣевской Бѣлой башнѣ внѣшняго ала. Этотъ извилистый проѣздъ мы принимаемъ за приблизительную гра- ицу древняго Кромнаго города.

Кромный городъ, какъ береговая часть Людина конца, занятъ былъ все время, обнимаемое лѣтописью, концами поселковъ, составлявшими ервую его половину, и касавшимися берега мокрой низины. Къ XVII вѣку, ъ составленію Нарядной описи, въ Гончарскомъ, а по нашему въ Людинѣ онцѣ, находились тѣже поселки, которые, подъ именемъ улицъ, встрѣча- ются и въ лѣтописи; пропущенъ только одинъ, Ярышевъ, и береговая по- юся „Подолъ“, но располагаются не такъ, какъ ставитъ ихъ лѣтопись. Въ 623 г. порядокъ улицъ, считая и наше Загородье, былъ таковъ,—отъ самаго Дѣтинца: Добрынина, Волосова, Черницына, Новинка, Рядетина (такъ у

Евгенія, по нашему Рядятина), Воздвиженская и Лукина, или Луч
(по Евгенію же).

Митрополитъ Евгеній опредѣляетъ положеніе каждой изъ этихъ
кромѣ Добрынинной, которую мы уже видѣли, на слѣдующихъ м
Волосову—отъ Власьевской церкви къ Десятинному монастырю;
цыну—между Волосовою и Новинкою, близъ Большой Власьевской,
мени, улицы; Новинку—гдѣ былъ Варварейскій монастырь, до ул
имени; Рядятину—отъ Десятиннаго монастыря, близъ Воздвиженской
его времени, мимо лѣвой стороны церкви Св. Троицы, къ Волхову,
нецъ, Лукину, или, по его словамъ, Лучинскую,—отъ Большой Влас
чрезъ Грядинскую, мимо бывшей церкви Св. Луки Евангелиста (Раз
стр. 76).

Н. Н. Муравьевъ, перечисливъ улицы Нарядной описи въ т
порядкѣ, какъ у Евгенія, въ описаніи „Стараго Новгорода, сущес
шаго въ 1756 году, при снятіи на планъ геодезистомъ Поповымъ
порщикомъ Литвиновымъ",—называетъ въ Гончарскомъ концѣ (т.
динѣ) улицы: Добрыню, Рядитину, Воздвиженскую, Малую Лучин
Лукинскую (надпись на чертежѣ 1756 г. приложенномъ къ его и
ванію).

И. И. Красовъ, находя соотвѣтствіе порядка улицъ Нарядной
съ лѣтописнымъ, за исключеніемъ Новинки, которой въ лѣтописи н
чается, и вводя Ярышеву, неизвѣстную составителю описи, указ
относительно большой части этихъ улицъ, положеніе и направлені
гласное съ Евгеніевыми. Въ чемъ именно состоитъ разногласіе
изслѣдователей, увидимъ въ нижеслѣдующихъ статьяхъ.

Поселки Кончанскіе.

О поселкѣ Добрынинномъ мы уже дали объясненія; здѣсь сдѣлае
небольшое, но немаловажное дополненіе. Владыка Макарій нашелъ
надлежащихъ Десятинному монастырю описяхъ прошедшаго столѣ
мѣтку, что монастырь этотъ значится „въ Яковлевской улицѣ, что
брыни" (Опис. церк. древн. Ч. I, стр. 209, примѣч. 161). Эта
подтверждаетъ наше опредѣленіе лѣтописныхъ улицъ, какъ нос
имѣвшихъ значеніе привительственныхъ участковъ въ каждомъ п
концовъ.

Припомнимъ здѣсь, что въ перволѣтописныя времена, близкія къ
о мостахъ, часть Добрынина поселка выходила уже изъ Загородья
мѣстѣ его, которое приходится противъ нашей Большой Покровской
замѣнившей тѣ ворота Дѣтинца, отъ которыхъ начинался мостов
стокъ Владыки: „а Владыцѣ сквозѣ городная ворота съ Изгои, и
гымы Изгои до острой городни". Десятинскія описи ведутся, может
съ того времени, къ которому восходитъ основаніе монастыря на
немъ мѣстѣ, т. е. съ XIV вѣка (основаніе около 1327 года по лѣ

ить Добрыня, какъ особый поселокъ, существовала когда копали ровъ о Людина конца и Загородья и Неревскаго конца (въ 1372 г.) и во время самобытія, если осталась въ этомъ значеніи до прошедшаго стоія.

На западо-полдень отъ Добрынина, или отъ Загородья, лежали въ волѣтописное время одинъ за другимъ слѣдующіе поселки: Ярышовъ, осовъ, Радятинъ и Черницынъ, составлявшіе первоначально Кромный го-ъ;—это нашъ первый внутренній участокъ. Впослѣдствіи они расширя-ь, въ западно-полночномъ направленіи, и образовали нашъ второй внут-ній участокъ. Улицы же Воздвиженская и Лукинская были только про-ами въ Кромномъ городѣ, установившимися послѣ сооруженія церквей, шихъ имъ свое имя, и также расширявшимися внутрь города впо-дствіи.

Поселки внутри города.

Поселки перваго и второго участковъ Людина конца, какъ одноимен-е и составляющіе продолженіе начавшихся въ Кромномъ городѣ, мы бу-ъ разсматривать совмѣстно, т. е. сперва опредѣлимъ положеніе каждаго Кромномъ городѣ, въ первой части конца, а затѣмъ намѣтимъ продол-ніе во второй его части.

По разсмотрѣніи этихъ внутреннихъ поселковъ мы дадимъ объясненія бывшихъ въ нихъ проѣздахъ;—затѣмъ перейдемъ къ поселкамъ внѣшнимъ ихъ проѣздамъ,—наконецъ скажемъ о Запольяхъ.

Ярышовъ.

Новгородская лѣтопись знаетъ потомковъ Ярыша: въ 1217 году, ве-ю, 31 Мая,—„Загорѣся отъ Ивана отъ Ярышевиця, въ середъ утра, ьнѣ, и погорѣ до удьнія все полъ, не остася ни хорома; а кто бяше ѣглъ въ камяныя божницѣ съ товары, а ту изгорѣша и сами съ то-ы, а въ Варязьской божници изгорѣ товаръ вьсь Варязскый безъ числа; церквіи съгорѣ 15, а у камяныхъ вьрхы огорѣша и притворы“ (Свѣтоп. . 175; I Нов лѣт. годъ 6725, стр. 35). Лѣтописецъ не сказалъ, гдѣ тъ пожаръ вспыхнулъ, на Славенской, или на Неревской сторонѣ; упо-наніе о Варяжской божницѣ какъ-бы указываетъ на Славенскую, но не-ключаетъ возможности считать погорѣвшею и Неревскую, съ которой и ался пожаръ; Варяжскую божницу лѣтописецъ назвалъ, вѣроятно, по-му только, что въ ней погибло множество товара. Случаи перехода огня одной половины города на другую въ лѣтописи перѣдки (Выраженія: ечнѣ“ и „до удьнія“ мы объясняемъ такъ: загорѣлось рано утромъ, когда зяйки топятъ печки для стряпни къ завтраку;—и горѣло до полдня). Въ ой отмѣткѣ для насъ важно имя „Ярышевичь“; онъ могъ жить, въ XIII

заніяхъ писателей Греческихъ, Римскихъ, Германскихъ, Скандинавск
другихъ; изъ отечественныхъ же одна только начальная лѣтопись,
писываемая преподобному Нестору, называетъ боговъ славянъ Днѣпро
предъ самымъ Крещеніемъ. Писатели Чешскіе, Польскіе, Литовскіе
гіе, изъ странъ, населенныхъ обособившимися вѣтвями Славянска
и много вѣковъ остающимися вдали отъ теченія русской жизни,
въ языческихъ богахъ своихъ земляковъ—Греко-Романскихъ, передѣл
нѣсколько, сообразно съ особенностями духовнаго міровоззрѣнія; но д
всего длиннаго ряда ученыхъ изслѣдователей, Шафарикъ и Нарбут
ложили путь совершенно новый: они видятъ у прародителей всего
скаго міра вѣроученіе Будійское, которому славяне слѣдовали за
вѣковъ до Р. Х. Къ этому вопросу мы обратимся въ послѣднемъ
записки о бытовыхъ остаткахъ Ильменцевъ вѣковъ долѣтописныхъ.

Признавая, въ виду нетронутости наукою почвы для изысканій
чествѣ Славянъ Ильменскихъ, мнѣніе изслѣдователей нашей страны
лосовой кумирнѣ домысломъ, не имѣющимъ прочной опоры, таким
какъ и заключеніе ихъ о Волотахъ и Велесѣ, давшихъ, будто-бы, имя
Волотову (см. выше), мы охотнѣе склоняемся къ имени какого либо
въ глубокой древности Новгородца, военачальника, каковы упомянут
брыня, Ярышъ и Янь, оставшемуся за поселкомъ вокругъ его двора,
шимся затѣмъ въ большой Кончанской участокъ, не упуская оди
изъ вида и мнѣніе о преданіи, связывающемъ происхожденіе назва
селка съ языческою стариною.

Обращаясь къ лѣтописи, мы находимъ въ ней, подъ 1193
годами, разсказъ о неудачномъ походѣ Новгородской дружины на
объясняемомъ измѣною. Цѣлую зиму въ Новгородѣ не получали ни
вѣстей объ этомъ походѣ, наконецъ, между недѣлею Всѣхъ Свя
Успеніемъ, „придоша избытокъ живыхъ (оставшіеся въ живыхъ) из
и убиша Сбышку Волосовиця и Негочевиця Завида и Моислава По
сами путьники, а друзіи кунами ся откупиша; творяхуть бо я съвѣт
жаще на свою братью, а то Богови судити“ (I Нов. лѣт. годы
6702, стр. 21—22). Сбышка это Сбыславъ,—Волосовичь его от
или прозвище. Въ Новгородской лѣтописи нерѣдки случаи участія в
вленіи дѣлами страны дѣтей и потомковъ родовитыхъ предковъ.
по подозрѣнію въ измѣнѣ, Сбыславъ состоялъ въ числѣ начальник
хода на Югру; будь онъ простой, невластный, ратникъ, измѣна
могла-бы особенно вредно повліять на исходъ дѣла; значитъ Волосъ
его, или болѣе далекій родственникъ, былъ именитъ въ свое время;
нитость находилась въ древности здѣсь въ непосредственной зави
отъ богатства: Новгородъ былъ торговою срединою страны Ильм
текъ что управленіе ею немогло не сосредоточиваться въ богатом
леніи. Въ спискѣ Новгородскихъ Посадниковъ, помѣщенномъ въ Т
скомъ сборникѣ (Прод. Др. Рус. Вив. Ч. II, стр. 317), упомянутъ
славъ“—одинъ только разъ. Калайдовичъ въ своемъ опытѣ о Посад
(изданіе 1811 года) называетъ этого Сбыслава въ числѣ 35 друг

хъ онъ не нашелъ возможнымъ внести въ общій списокъ 170-ти, по при-
мъ, объясняемымъ въ особой статьѣ (стр. 49—53). Относительно Сбы-
а и нѣкоторыхъ другихъ, Калайдовичъ не нашелъ въ лѣтописи, кромѣ
ка Татищевскаго, никакихъ извѣстій, по которымъ устанавливается
я жизни и дѣятельности 170-ти. Внимательный къ своему предмету, этотъ
ѣдователь не призналъ, вѣроятно, въ „Сбышкѣ Волосовичѣ“ пергамент-
сборника Посадника Сбыслава списка Татищевскаго, полагая, что
шка и Сбыславъ имена различныя. На нашъ же взглядъ и Сбыславъ
бышка одно и тоже имя; разница объясняется обстоятельствами, при
рыхъ приводится имя; если оно вызываетъ въ лѣтописцѣ уваженіе
лицу, онъ называетъ его полнымъ именемъ: Миронѣгъ, Михаилъ, Жиро-
въ, Иванъ или Янъ; въ противномъ же случаѣ—полуименемъ: Мирошка,
калка, Жирошка, Ивашко и проч. О Сбыславѣ Волосовичѣ говорится
ъ 1194 г. какъ объ измѣнникѣ,—лѣтописецъ, потому, и назвалъ его
шкою.

Итакъ, имя разсматриваемаго поселка могло сложиться безъ участія
осовой кумирни, а въ зависимости отъ образованія его изъ двора знат-
о лица, съ прозваніемъ Волосъ, или Волосовъ, и построекъ его слугъ;
ывая же Кромный городъ участкомъ Людиновъ-ратниковъ, позволительно
ѣть въ этомъ Волосѣ—военачальника.

Первоначально Волосовъ поселокъ лежалъ въ Кромномъ городѣ; затѣмъ
расширился и въ 1111 году достигалъ мѣста, на которомъ сооружена
ковь во имя Священномученика Власія. Къ этому году относитъ возникно-
е ея Клировая вѣдомость нынѣ существующей Власьевской церкви
карій, Ч. I, стр. 178); что она была уже въ половинѣ XII вѣка, видно
лѣтописной отмѣтки подъ 1165 годомъ: „поставленъ бысть Иванъ
епископъ Новгородской отъ Митрополита Ивана Кіевскаго и вся Руси,
ри князи Ростиславѣ Мстиславичи Кіевскомъ, а священствовалъ у свя-
священномученика Власіа на Волосовѣ улици“ (Приб. къ II Нов. лѣт.
ъ 6673, стр. 123). Вѣроятно онъ, Іоаннъ Архіепископъ, велъ нѣкоторое
мя и лѣтопись,—пергаментный сборникъ,—и занесъ въ нее подъ 1144
мъ замѣтку: „постави мя попомъ Архіепископъ святый Нифонтъ“
ѣтопеч. листъ 46).

Возможно, что близость, по созвучію, въ именахъ Св. Власія и Во-
а или—Велеса породила домыслъ книжника стараго времени, перешедшій
народный говоръ, давшій то преданіе, котораго придерживаются изслѣдо-
ели Новгородскихъ древностей. Въ числѣ боговъ общеславянскаго міра
ъ Волосъ; Олегъ Вѣщій и дружина его, разгромивъ, между 907—912
ами, Грековъ, заключили съ царями Леономъ и Александромъ выгодный
Руси миръ; въ начальной русской лѣтописи имѣется по поводу этого
а слѣдующая отмѣтка: „Царь же Леонъ съ Олександромъ миръ ств
имъшеся подань и ротѣ заходивше межи собою, цѣловавше сами кр
льга водиша и мужій его на роту; по закону Русскому кляшася
своимъ, и Перуномъ богомъ своимъ и Волосомъ скотьимъ б
ердиша миръ“ (Лавр. лѣт. годъ 6415). Въ минеи-четьи подъ

вѣкѣ, на Славенской сторонѣ,—хотя-бы отдаленный предокъ его, „Яр
занималъ дворъ въ Кромномъ городѣ. Имя Ярыкъ взято, какъ намъ
ставляется, отъ качества „Ярый", дорогого, по понятіямъ древнос
войнѣ. Неудивительно, что поселокъ, основанный рядомъ съ Загор
Ярымъ военачальникомъ, получилъ названіе Ярышева, а потомки
военачальника именовались Ярышевичами. Можно не сомнѣваться,
первые годы XIII вѣка потомки Ярыша были замѣтными, выдаю
гражданами, и что ихъ было не меньше двухъ. Будь они заур
жителями, лѣтописецъ сказалъ-бы съ какой улицы начался пожаръ,
вавъ же дворъ Ивана Ярышевича, онъ опредѣлилъ этимъ мѣстность,
въ его время извѣстную, подобно тому, напримѣръ, какъ словами „
Кромный городъ отъ Лукинъ пожаръ" онъ сказалъ о началѣ пож
Лукинской церкви. Ярышевичей было въ 1217 году неменьше дву
тому, что лѣтописецъ не ограничился только прозвищемъ, чего б
вполнѣ достаточно, если-бы потомокъ Ярыша былъ одинъ. Давая об
нія, въ статьѣ „Евѳимія Всехвальная", о значеніи слова Полюдъ (ст
мы привели отмѣтку лѣтописи подъ 1224 годомъ о посольствѣ къ
Юрью съ просьбою, что-бы онъ отпустилъ въ Новгородъ сына свое
волода Юрьевича; посольство это состояло изъ двухъ лицъ: Полюда
слава Прокшиниця и „Иванка Ярышевиця". Едва-ли можно сомнѣ
что въ 1217 году пожаръ начался со двора именно того Ивана
шевича, который былъ членомъ посольства въ 1224 году; послами
начались всегда люди родовитые и почтенные, такъ что соображеніе
о Ярышѣ, какъ о знаменитомъ, въ свое время, гражданинѣ, притомъ
номъ и, по всей вѣроятности, военачальникѣ, имѣетъ лѣтописное осн

Въ лѣтописи встрѣчается Ярышова улица всего два раза: под
годомъ,—„Зажьжеся пожаръ Новѣгородѣ въ недѣлю на Всѣхъ Свять
говѣніе, идучи къ заутрьнюю, загорѣся Савкинѣ дворѣ на Ярышевѣ
и бяше пожаръ зълъ: сгорѣша церкви три, святого Василія, святыя
святого Вздвиженья, и много домовъ добрыхъ, и уяша у Лукини
(I Нов. лѣт. годъ 6702. стр. 22); и подъ 1369 годомъ,—„Заложиш
ковь камену на Ярышовѣ улицѣ" (тамъ-же, годъ 6877, стр. 89).
лѣтопись называетъ эту церковь Васильевскою (стр. 229). Положе
сильевскихъ церквей, которыхъ было двѣ и обѣ поблизости одна к
гой мы опредѣлили.

Двумя приведенными отмѣтками устанавливается—какъ сосѣдств
шова поселка, съ одной стороны съ Загородьемъ, а съ другой съ пло
на которой стоитъ и теперь Троицкая церковь, такъ и его напра
Васильевскія церкви отстояли одна отъ другой недалеко,—Парійск
видѣли у самаго рва малаго вала,—Келарійская была, должно бы
что близъ Варваринскаго монастыря; ни деревянная стѣна малаго в
Образова церковь за нею, въ Загородьи, не горѣли въ 1194 году;
женіе церквей Воздвиженской и Лукиной мы тоже знаемъ; пожаръ
у Лукиной улицы;—слѣдовательно Ярышовъ поселокъ лежалъ меж
городьемъ и Троицкою церковью; пожаръ не переходилъ и за изви

ѣздъ къ западо-полночи, къ Варваринскому монастырю, упоминаемому, ь мы знаемъ, въ лѣтописи подъ 1138 годомъ, церковь котораго въ числѣ ѣвшихъ въ 1194 году незначится; но простирался-ли онъ до этого астыря, или только ограничивался названнымъ проѣздомъ,—увидимъ въ існеніяхъ о другихъ поселкахъ Кромнаго города.

Въ Нарядной описи 1623 года и въ росписи 1615 нѣтъ Ярышовой цы; церкви же Васильевскія обѣ показаны въ послѣднемъ памятникѣ Новинкѣ. Поэтому Митрополитъ Евгеній тоже не говоритъ о Ярышовой цѣ и Н. Н. Муравьевъ не указываетъ ея на чертежѣ 1756 года;— ца эта вошла вся въ Новинку,—какъ объясняетъ совершенно справед- о И. И. Красовъ (Мѣстопол. др. Нов. стр. 71).

Указать постройки Ярышова поселка на Знаменскомъ изображеніи рудительно: обѣ Васильевскія церкви стоятъ одиноко на значительномъ тырѣ, соотвѣтствующемъ полю малаго вала; пространство вдоль берего- части стѣны внѣшняго вала также пусто; лишь у второго костра этой ны, считая отъ малаго вала къ западу, написано нѣсколько домиковъ, два ряда, по четыре въ каждомъ; они представляютъ какъ-бы отдѣль- й маленькій поселокъ сторожей при сквозныхъ воротахъ подъ этимъ тромъ.

Сравнительно съ нынѣшнимъ положеніемъ площадей и улицъ Ярышовъ поселокъ займетъ, приблизительно, ближайшую къ Ново-Власьевской цѣ часть пространства, между нею и улицами: Большою-Власьевскою, итенскою (такъ теперь зовется эта улица) и берегомъ низины, оста- ейся до сихъ поръ мокрою; тутъ большое дворовое мѣсто, принадле- шее Сковородскому монастырю и отчужденное въ частное владѣніе; оно положено на искусственномъ возвышеніи, остающемся отъ древняго внѣш- вала (см. стр. 214). На Олеаріевомъ рисункѣ, написанномъ около 1623 валъ между Дѣтинцемъ и Бѣлою башнею достаточно ясенъ и высокъ.

Волосовъ.

Слѣдующій за Ярышовымъ, въ западномъ направленіи, поселокъ Кром- города Волосовъ. Изслѣдователи Новгородскихъ древностей говорятъ, преданію, что этотъ поселокъ получилъ названіе отъ бывшаго на немъ времена язычества капища „Волоса, скотія бога", и что по принятіи Крещенія на мѣстѣ кумирни сооружена церковь во имя Св. Власія, ровителя скотоводства. Еще до сихъ поръ въ Егорьевъ день, 23 Апрѣля, Власьевской церкви пригоняютъ скотъ, предъ выпускомъ его на пастьбу карій, Ч. I, стр. 177, и преданіе). Языческія вѣрованія славянъ Иль- скихъ не тронуты наукою; изысканія Сахарова, Костомарова, Кастор- то, Никифоровскаго и многихъ другихъ имѣютъ предметомъ Славянскій ь внѣ предѣловъ страны Ильменской, обнимающей многочисленныя вѣтви соприкасавшіяся племенамъ не славянскимъ; источники, которыми зовались изслѣдователи богопочитанія славянъ, сохраняются въ ска-

заніяхъ писателей Греческихъ, Римскихъ, Германскихъ, Скандинавск
другихъ; изъ отечественныхъ же одна только начальная лѣтопись,
писываемая преподобному Нестору, называетъ боговъ славянъ Днѣпро
предъ самымъ Крещеніемъ. Писатели Чешскіе, Польскіе, Литовскіе
гіе, изъ странъ, населенныхъ обособившимися вѣтвями Славянска
и много вѣковъ остающимися вдали отъ теченія русской жизни,
въ языческихъ богахъ своихъ земляковъ—Греко-Романскихъ, передѣл
нѣсколько, сообразно съ особенностями духовнаго міровоззрѣнія; но д
всего длиннаго ряда ученыхъ изслѣдователей, Шафарикъ и Нарбут
ложили путь совершенно новый: они видятъ у прародителей всего
скаго міра вѣроученіе Будійское, которому славяне слѣдовали за
вѣковъ до Р. Х. Къ этому вопросу мы обратимся въ послѣднемъ
записки о бытовыхъ остаткахъ Ильменцевъ вѣковъ долѣтописныхъ.

Признавая, въ виду нетронутости наукою почвы для изысканій
чествѣ Славянъ Ильменскихъ, мнѣніе изслѣдователей нашей страны
лосовой кумирнѣ домысломъ, не имѣющимъ прочной опоры, таким
какъ и заключеніе ихъ о Волотахъ и Велесѣ, давшихъ, будто-бы, имя
Волотову (см. выше), мы охотнѣе склоняемся къ имени какого либо
въ глубокой древности Новгородца, военачальника, каковы упомянут
брыня, Ярышъ и Янь, оставшемуся за поселкомъ вокругъ его двора,
шимся затѣмъ въ большой Кончанской участокъ, не упуская оди
изъ вида и мнѣніе о преданіи, связывающемъ происхожденіе назва
селка съ языческою стариною.

Обращаясь къ лѣтописи, мы находимъ въ ней, подъ 1193
годами, разсказъ о неудачномъ походѣ Новгородской дружины на
объясняемомъ измѣною. Цѣлую зиму въ Новгородѣ не получали ве
вѣстей объ этомъ походѣ, наконецъ, между недѣлею Всѣхъ Свя
Успеніемъ, „придоша избытокъ живыхъ (оставшіеся въ живыхъ) из
и убиша Сбышку Волосовиця и Негочевиця Завида и Моислава По
сами путьники, а друзіи купами ся откупиша; творяхуть бо я съвѣ
жаще на свою братью, а то Богови судити“ (I Нов. лѣт. годы
6702, стр. 21—22). Сбышка это Сбыславъ,—Волосовичь его от
или прозвище. Въ Новгородской лѣтописи нерѣдки случаи участія в
вленіи дѣлами страны дѣтей и потомковъ родовитыхъ предковъ.
по подозрѣнію въ измѣнѣ, Сбыславъ состоялъ въ числѣ начальник
хода на Югру; будь онъ простой, невластный, ратникъ, измѣна
могла-бы особенно вредно повліять на исходъ дѣла; значитъ Волосъ
его, или болѣе далекій родственникъ, былъ именитъ въ свое время;
нитость находилась въ древности здѣсь въ непосредственной зави
отъ богатства: Новгородъ былъ торговою срединою страны Ильм
такъ что управленіе ею немогло не сосредоточиваться въ богатом
леніи. Въ спискѣ Новгородскихъ Посадниковъ, помѣщенномъ въ Т
скомъ сборникѣ (Прод. Др. Рус. Вив. Ч. II, стр. 317), упомянутъ
славъ“—одинъ только разъ. Калайдовичъ въ своемъ опытѣ о Посад
(изданіе 1811 года) называетъ этого Сбыслава въ числѣ 35 друг

хъ онъ не нашелъ возможнымъ внести въ общій списокъ 170-ти, по пра-
мъ, объясняемымъ въ особой статьѣ (стр. 49—53). Относительно Сбы-
и нѣкоторыхъ другихъ, Калайдовичъ не нашелъ въ лѣтописи, кромѣ
а Татищевскаго, никакихъ извѣстій, по которымъ устанавливается
жизни и дѣятельности 170-ти. Внимательный къ своему предмету, этотъ
дователь не призналъ, вѣроятно, въ „Сбышкѣ Волосовичѣ" пергамент-
сборника Посадника Сбыслава списка Татищевскаго, полагая, что
ка и Сбыславъ имена различныя. На нашъ же взглядъ и Сбыславъ
ышка одно и тоже имя; разница объясняется обстоятельствами, при
рыхъ приводится имя; если оно вызываетъ въ лѣтописцѣ уваженіе
ицу, онъ называетъ его полнымъ именемъ: Миронѣгъ, Михаилъ, Жиро-
ъ, Иванъ или Янъ; въ противномъ же случаѣ—полуименемъ: Мирошка,
алка, Жирошка, Ивашко и проч. О Сбыславѣ Волосовичѣ говорится
1194 г. какъ объ измѣнникѣ,—лѣтописецъ, потому, и назвалъ его
шкою.

Итакъ, имя разсматриваемаго поселка могло сложиться безъ участія
совой кумирни, а въ зависимости отъ образованія его изъ двора знат-
лица, съ прозваніемъ Волосъ, или Волосовъ, и построекъ его слугъ;
ывая же Кромный городъ участкомъ Людиновъ-ратниковъ, позволительно
ѣть въ этомъ Волосѣ—военачальника.

Первоначально Волосовъ поселокъ лежалъ въ Кромномъ городѣ; затѣмъ
расширился и въ 1111 году достигалъ мѣста, на которомъ сооружена
овь во имя Священномученика Власія. Къ этому году относитъ возникно-
ея Клировая вѣдомость нынѣ существующей Власьевской церкви
арій, Ч. I, стр. 178); что она была уже въ половинѣ XII вѣка, видно
лѣтописной отмѣтки подъ 1165 годомъ: „поставленъ бысть Иванъ
епископъ Новгородской отъ Митрополита Ивана Кіевскаго и вся Руси,
и князи Ростиславѣ Мстиславичи Кіевскомъ, а священствовалъ у свя-
священномученика Власіа на Волосовѣ улици" (Приб. къ II Нов. лѣт.
6673, стр. 123). Вѣроятно онъ, Іоаннъ Архіепископъ, велъ нѣкоторое
я и лѣтопись,—пергаментный сборникъ,—и занесъ въ нее подъ 1144
мъ замѣтку: „постави мя попомъ Архіепископъ святый Нифонтъ"
топеч. листъ 46).

Возможно, что близость, по созвучію, въ именахъ Св. Власія и Во-
или—Велеса породила домыслъ книжника стараго времени, перешедшій
народный говоръ, давшій то преданіе, котораго придерживаются изслѣдо-
ли Новгородскихъ древностей. Въ числѣ боговъ общеславянскаго міра
ъ Волосъ; Олегъ Вѣщій и дружина его, разгромивъ, между 907—912
ами, Грековъ, заключили съ царями Леономъ и Александромъ выгодный
Руси миръ; въ начальной русской лѣтописи имѣется по поводу этого
а слѣдующая отмѣтка: „Царь же Леонъ съ Олександромъ миръ створи-
вмѣшеся подань и ротѣ заходивше межи собою, цѣловавше сами крестъ,
ьга водиша и мужій его на роту; по закону Русскому кляшася оружь-
своимъ, и Перуномъ богомъ своимъ и Волосомъ скотьимъ богомъ, и
рдиша миръ" (Лавр. лѣт. годъ 6415). Въ минеи-четьи подъ 15 Іюля

нихъ улицъ и площадей города лѣтописи Новгородской, въ такомъ слу- получили-бы въ площади, ограниченной этими улицами, убѣдительное ѣтельство о пространствѣ и положеніи Волосова участка; но не видя бныхъ основаній, приходится объяснять причину только близостью вп Св. Власія и полнымъ отсутствіемъ какихъ либо соображеній, хотя- съ тѣнью научныхъ. Потому, и въ зависимости отъ направленія по- овъ Побережья, Янева, Розважи и Щиркова, можно только предполагать, Волосовъ простирался, какъ и сосѣдній Добрынинъ, до внѣшняго вала, мая часть нынѣшней площади между Десятиннымъ монастыремъ и цами Малою и Большою Власьевскими, и начинаясь здѣсь близъ полноч- стороны первой; въ Кромномъ городѣ мы ведемъ его отъ берега мокрой ины, или отъ полуденной стороны внѣшняго вала, нѣсколько къ полночи нынѣ существующей Троицкой церкви.

И. И. Красовъ не рѣшается вести Волосову улицу XVII вѣка отъ сьевской церкви къ берегу, потому что тутъ, между Добрынной улицей церковью Св. Троицы, помѣщаетъ Ярышеву,—такъ что, по его мнѣнію, та для Волосовой уже не останется (стр. 78). Если поселокъ Добрынинъ авить въ нашемъ Загородьи и въ Новинкѣ поздняго времени, а тотъ елокъ, въ которомъ Штетинцы устроили Троицкую церковь, направить упомянутымъ воротамъ подъ костромъ противъ Широкаго проѣзда,—что ть представляется вполнѣ возможнымъ,—въ такомъ случаѣ будетъ до- точно мѣста между Загородьемъ и Троицкою церковью для построекъ ихъ поселковъ собственно Кромнаго города, Ярышева и Волосова, расши- пихся въ западно-полночную сторону. Давая такое направленіе поселку осову, мы не встрѣтимъ противорѣчія въ лѣтописи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, учимъ нѣкоторую вѣроятность нашего предположенія, что этотъ посе- ъ получилъ названіе отъ какого-либо именитаго военачальника, сперва одномъ только Кромномъ городѣ, а затѣмъ и на участкѣ поступившемъ, у послѣ язычества, въ десятину Іоакиму Корсунянину. Именитый городецъ Волосъ могъ быть и первымъ начальниковъ Людиновъ-страж- овъ, охранявшихъ отдѣльный поселокъ Владычняго двора.

Радятинъ.

Третій поселокъ Кромнаго города извѣстевъ въ лѣтописи подъ именемъ цы, которая пишется Радятиною, Рядятиною, Рядитеною и Редятиною. Пер- разъ объ этомъ участкѣ, какъ объ улицѣ, отмѣчено, подъ 1211 го- ъ: „Загорѣся на Рядятинѣ улици и сгорѣ доворовъ 4000 и 300, а скіи 15“ (I Нов. лѣт. годъ 6719, стр. 31). Въ Софійскомъ Временникѣ оева подъ этимъ же годомъ улица названа „Радятина“,—что значится выноскѣ къ приведенной отмѣткѣ подъ буквами *ії*. Подъ 1365 г., гдѣ рится о заложеніи каменной Троицкой церкви, улица пишется Редятина Нов. лѣт. подъ 6873, стр. 133); или Рядитина (III Нов. лѣт. годъ 6874, 229). Въ послѣдующіе годы: 1547, 1552 и 1554 (II и III Нов. лѣт.

годы: 7055, 7060 и 7062) улицу эту зовутъ—то Рядятина, т
дитина.

Изъ всѣхъ названій мы считаемъ наиболѣе вѣрнымъ „Радяти
придерживаясь общаго, усматриваемаго нами изъ лѣтописей, правила
вать поселки именами лицъ, дворы которыхъ послужили началомъ воз
венія ихъ. Радята, по-новгородски, есть имя Радіонъ,—подобно тому
Тѣшата—Тихонъ, Васята—Василій, Гюрята—Юрій или Георгій и п
какъ Радіонъ имя христіанское, значитъ третій поселокъ Кромнаго
усвоилъ названіе Радятина уже послѣ крещенія Новгородцевъ, а д
носилъ какое-либо другое.

Подъ 1268 годомъ лѣтописецъ-очевидецъ разсказываетъ о стра
побоищи между Новгородцами и Ливонцами подъ Раковоромъ; хотя
родцы и одержали побѣду, но потеряли убитыми многихъ Посадн
военачальниковъ и другихъ выдающихся гражданъ-должностныхъ ли
нѣкоторыя поименованы,—въ числѣ ихъ Посадникъ (вѣроятно Конча
Никифоръ Радятиничь (I Нов. лѣт. годъ 6776, стр. 60). Слѣдова
по установившемуся издавна порядку участія родовитыхъ людей въ
леніи страною, Радята, отецъ или вообще предокъ Никифора-Посадник
быть военачальникомъ, или основателемъ первоначальнаго посел
имени, или давшимъ свое имя болѣе древнему, имѣвшему до него
названіе.

Замѣчаніе И. И. Красова о тѣснотѣ пространства между Тр
церковью и Дѣтинцемъ для размѣщенія тутъ поселковъ, или, по его
дѣленію, улицъ—Добрыни, Ярышовы и Волосовой, легко устранится
мы предположимъ, что часть Радятина поселка была занята въ пер
писные вѣка Волосовымъ до тѣхъ поръ, пока какой-либо пожаръ,
мѣръ—1112 года, истребившій городъ Кромный, или 1194 г., вспых
въ Савкинѣ дворѣ и уничтожившій церкви Св. Твонцы, Васильев
Воздвиженскую (отмѣтки приведены раньше), не образовалъ пусты
которомъ построился Радята. Въ этомъ предположеніи поддерживает
лѣтописное свидѣтельство 1165 года (оно приведено выше) о первон
номъ сооруженіи нынѣ существующей Троицкой церкви Щетинцами
купцами теперешняго нѣмецкаго города Штетина; въ этомъ свидѣте
не названа Радятина улица. Мы видѣли, что во времена самобы
мѣстности нашего Кромнаго города и всего вообще Людина конца, а
и въ концѣ Загородномъ, проживали и временно и постоянно ино
возможно, что и Радята принадлежалъ къ числу ихъ, тѣмъ болѣе, ч
строеніе каменной Троицкой церкви приписывается лѣтописью, подъ
годомъ, Югорцамъ или Юрьевцамъ, подъ которыми Археографическа
миссія, издавшая Новгородскія лѣтописи, разумѣетъ купцовъ, торгова
въ Югріи, или въ Юрьевѣ Ливонскомъ (II Нов. лѣт. годъ 6873, стр
выноска *б*). Въ Юрьевѣ, основанномъ Ярославомъ Мудрымъ, могли
вать потомки кровныхъ Новгородцевъ X—XI вѣка, хотя этотъ го
завоеванъ—былъ Ливонцами—божіими дворянами, какъ называетъ
лѣтопись Меченосцевъ; по отношенію къ Новгороду самобытному эти

и были иноземцами. Поселокъ Радятинъ, разростаясь, могъ и вовсе вы-
ить часть Волосова изъ Кромнаго города, къ послѣднимъ годамъ само-
я, или во времена Московскаго державства.

Какъ далеко разстилался Радятинъ поселокъ за Кромный городъ, во
ую часть Людина конца, мы не можемъ опредѣлить, по неимѣнію дока-
льствъ, допуская лишь вѣроятность направленія его въ сторону Широ-
проѣзда, за нашъ извилистый.

Митрополитъ Евгеній ведетъ Рядятину улицу отъ Десятиннаго мона-
ря на берегъ Волхова, т. е.—по нашему—на берегъ мокрой низины,
лу церквами Троицкою и Воздвиженскою; таково, вѣроятно, было поло-
ie этой улицы въ его время. И. И. Красовъ не возражаетъ Владыкѣ.
чертежѣ 1756 года, Попова, вторая часть нашего Людина конца зна-
ся пустыремъ;—на срединѣ его положена отмѣтка, указывающая, что
ъ поле или Заполье. На чертежѣ 1778 года подобный же пустырь ото-
нутъ къ западно-полночной части внѣшняго вала, а чрезъ Поповскій
ведено нѣсколько улицъ, отъ Десятиннаго монастыря по направленію къ
нему Кромному городу, но не доходящихъ до него.

Простирался-ли до Десятиннаго монастыря нашъ поселокъ Кромнаго
ода, мы не можемъ ни утверждать, ни отрицать: по распоряженіямъ
сквы 1530 и 1570 гг. улицы проводились впрямь; сообразовались-ли
этомъ мѣрщики съ лѣтописью, мы не знаемъ, полагая однако же, что
ъ; они могли придерживаться только современнаго имъ наименованія
ъ участковъ, чрезъ которые пробивали новую улицу; если ей приходи-
тянуться чрезъ нѣсколько разноимянныхъ участковъ, и если мѣрщики
могли остановиться, при выборѣ названія, ни на одномъ, они придумы-
, нерѣдко, новое имя, необидное ни для одного изъ древнихъ участ-
ъ мѣстности, и прозывали улицу Пробойною. Улицъ съ такимъ наи-
ованіемъ немало, какъ на Неревской, такъ и на Славенской сторонѣ,
сѣ онѣ возникли не раньше XVI вѣка,—такъ напримѣръ: въ одной
чей 1593 года значится Пробойная улица, „коя отъ Волхова къ Пят-
цѣ и на Хлѣбную горку, дорога отъ Рыбнаго ряду“ (Ак. Юрид. № 159).
бная горка приходится по прямой съ нынѣшней площади къ Пятницкой
кви, по направленію Общественнаго зданія на Ярославлѣ Дворищѣ, гдѣ
одскія учрежденія;—въ 1612 году проданы: а) на Холопьей улицѣ
ръ на черномъ мѣстѣ, отъ Пробойной улицы идучи Холопьею, въ полѣ,
тивъ Ѳедорова двора, Софійскаго пѣвчаго дьяка; б) полдвора на Варецкой
ицѣ, идучи отъ Пробойной улицы въ Варецкую; в) Мясникомъ съ Нут-
й улицы, съ Пробойной, лавка на большомъ ряду на Пробойномъ, „а сто-
ъ лавка идучи изъ Курятнаго ряду къ Ивану Крестителю, по правой
ронѣ, лицомъ противъ нѣмецкаго двора Овдошовского“,— и г) въ 1613
у продано двѣ трети двора на Ивоpовѣ улицѣ, идучи съ берега отъ
ки Волхова къ Пробойной улицѣ, по лѣвую сторону, къ горѣ (Акты, от-
ящіеся до Юрид. быта, Ч. II, № 148, II, III, № 148 и 150—отдѣла X:

Выписки взяты изъ книги Д. И. Прозоровскаго, Новгородъ и Псковъ, стр. 60). Въ описаніи свадьбы короля Арцымагнуса, сыгранной въ Новгороде въ 1573 году, во время проживанія здѣсь Грознаго, значится: „а вѣнчаться королю на Пробойной улицѣ, на Славковѣ, у Дмитрія святого (Дмитрій Солунскій, насупротивъ гимназіи) а съ королемъ ѣхати Римскому попу, а княжну обручить и вѣнчать Дмитровскому попу“ (Др. рус. Вив. изданіе Ч. XIII, стр. 98). Въ писцовой книгѣ 1623 г. „писма Александра Чоглокова, которая за приписью дьяка Максима Матюшкина, написано: загородомъ в Неревскомъ конце на Петровской на Пробойной улицы на Николской земли...“ (въ нашемъ собраніи рукописей выпись на земли Николы Бѣлаго монастыря; она приведена раньше). Если же Рядетина существовала во время составленія Нарядной описи и при Митрополитѣ Евгеніи подъ своимъ лѣтописнымъ названіемъ, значитъ она занимала большое пространство во второй части Людина конца и при Московскомъ выпрямленіи улицъ: во второй части Людина конца, и на всей его площади, Пробойной не было, по крайней мѣрѣ письменные памятники о ней не упоминаютъ. Поэтому можно полагать, что какъ во время самобытія,—такъ и впослѣдствіи, Радятинъ поселокъ занималъ во второй части конца значительное пространство, и могъ доходить до внѣшняго вала, или до площади Десятинаго монастыря, или до Широкаго проѣзда противъ Рощи, написанной въ Знаменскомъ изображеніи.

Нынѣшняя Редитенская улица идетъ отъ Большой Власьевской на востокъ, мимо полночной стороны площади Троицкой церкви. Во время составленія Нарядной описи она выходила на берегъ Мокрой низины, по объясненію Митрополита Евгенія, между церквами Троицкою и Воздвиженскою,—значитъ отклонялась, сравнительно съ нынѣшнею, далеко на полдень къ западу. Такимъ образомъ пространство между Дѣтинцемъ и Редитинскою нынѣшнею улицею меньше того, которое лежало между ними въ XVII вѣкѣ; значитъ и къ составленію Нарядной описи Волосова улица могла касаться берега мокрой низины, направляясь, приблизительно, тамъ же, гдѣ теперь идетъ Ново-Власьевская; а это вноситъ поправку въ Кромсовское опредѣленіе положенія Волосовой улицы.

При нынѣшнемъ распредѣленіи площадей и улицъ нашъ Радятинъ поселокъ Кромнаго города занялъ-бы пространство: между теперешнею Лукинскою и половиною площади, лежащей отъ Воздвиженской улицы къ внѣшнему валу, на полдень къ западу. Припомнимъ, что нынѣшнія улицы Лукинская и Воздвиженская перепутаны: первая должна быть Воздвиженскою, а вторая Лукинскою;—а по положенію своему во второй части Людина конца онъ прошелъ-бы, при той же, примѣрно, ширинѣ, какую имѣлъ въ Кромномъ городѣ, въ направленіи прямо на западъ, чрезъ улицы Власьевскія, Большую и Малую, отрѣзавъ часть Варваринской и захвативъ въ Редетинской переулокъ,—до внѣшняго вала, до тѣхъ воротъ, которыя такъ давно откопаны и были сквозными подъ костромъ противъ Широкаго проѣзда Знаменскаго изображенія.

Черницынъ.

Послѣднимъ къ полуденно-западной сторонѣ внѣшняго вала, въ на-
леніи къ Алексѣевской Бѣлой башнѣ, поселкомъ былъ Черницынъ.
Сначально площадь его не выходила изъ границъ Кромнаго города и
тиралась острымъ угломъ къ воротамъ подъ костромъ Широкаго про-
, впослѣдствіи, къ концу XIV вѣка, она была распространена во вто-
части Людина конца и доходила, по мнѣнію И. И. Красова, до того
а, на которомъ стоялъ Варваринскій монастырь; такъ какъ, говоритъ
ь изслѣдователь, Черничинцы поставили, въ 1402 году, каменную цер-
Св. Варвары (Мѣстопол. др. Нов. стр. 68 и 78). Хотя жителямъ каж-
улицы ничто не препятствуетъ сооружать церкви гдѣ угодно, что мы
дѣли, еще въ XI вѣкѣ, когда Лукиничи, то есть жители Лукина про-
, поставили каменную Петропавловскую церковь на Синичьей горѣ
теперь Петровское кладбище),—въ разстояніи болѣе версты отъ внѣш-
вала, и хотя по мѣсту построенной Черницинцами церкви утверждать
изости къ ней ихъ поселка и не слѣдуетъ, но тѣмъ не менѣе нельзя
рицать возможности расширенія его въ сторону къ названному мона-
ю. Въ XVI вѣкѣ, по писцовымъ книгамъ, Варваринъ монастырь по-
вается на Черницынѣ улицѣ. Въ этомъ монастырѣ значилась, во время
вленія росписи, т. е. въ 1615 году, каменная церковь Всѣхъ Свя-
; а подъ 1418 годомъ IV Новгородской лѣтописи отмѣчено, какъ мы
знаемъ, что эта церковь была первоначально поставлена на Черни-
улицѣ. На чертежѣ 1778 года мы видѣли на площади Варварина
стыря двѣ церкви: одну большую, и другую малую; послѣдняя при-
гся на востокъ отъ первой и нѣсколько западнѣе ея; разстояніе между
ми небольше десяти саженъ. Такимъ образомъ въ XV вѣкѣ поселокъ
ицынъ переходилъ за Радятинъ въ полночную сторону. Первоначаль-
положеніе его, около внѣшняго вала полуденно-западной стороны, оста-
ь въ томъ же видѣ и въ XVI вѣкѣ: пожаръ, начавшійся въ 1526
на Черницынѣ улицѣ, истребилъ дворы до Алексѣя Святого, что за
нимъ валомъ и за рвомъ его—въ одну сторону,—и за Варваринъ
стырь—въ другую, причемъ сгорѣли:—этотъ монастырь и пять церквей.
тка объ этомъ пожарѣ приведена раньше; погорѣвшими названы церкви:
ая Варвара, Всѣ Святіи, Троица Живоначальная, Воздвиженіе чест-
креста и Лука Апостолъ; вмѣстѣ съ ними выгорѣло четыре прясла
ы градныя. Изъ одного только упоминанія о началѣ пожара съ Чер-
ной улицы нельзя, конечно, выводить заключенія о протяженіи ея
ъ все пожарище, но отсутствіе свидѣтельствъ о какихъ либо другихъ,
ѣ этой, улицахъ между Варваринымъ монастыремъ и внѣшнимъ валомъ,
ъ право предполагать, что ихъ тутъ не было.

Митрополитъ Евгеній отводитъ для Черницыной улицы Нарядной описи
3 г. площадь между Волосовою и Новинкою, близъ Большой-Власьев-

ской его времени. Если къ 1808 году улицы были уже пробиты по
тежу 1778 года, Большою-Власьевскою была та, которая нанесена на
тежѣ, отъ площади съ тремя церквами: Власьевскою, Варваринскою и В
Святыхъ—прямо на западъ,—нынѣшняя улица того же имени тянется
тутъ же, лишь нѣсколько ближе къ древнему Кромному городу; но
дыка Евгеній ставитъ Черницыну только близъ Большой-Власьевской;
ложеніе же, или протяженіе ея, опредѣляетъ между Волосовою и Нови
или, по нашему, между поселками Волосовымъ и Ярышевымъ, то есть
направляетъ ее вдоль Загородья, съ полночи на полдень.

Красовъ, не соглашаясь съ Евгеніемъ, ни въ положеніи вообще, н
направленіи протяженія Черницыной улицы, затрудняется указать и
другое, предполагая, что естественнѣе всего искать ея на Варвари
улицѣ 1850 года.

Сопоставляя мнѣнія обоихъ изслѣдователей, постараемся примирить
Варваринская улица Красова соотвѣтствуетъ той, которая показана на
тежѣ 1778 года направляющеюся отъ площади съ тремя церквами
на западъ, къ внѣшнему валу; она, какъ мы сказали, идетъ почти по
нѣшней Большой-Власьевской. Вмѣстѣ съ площадью трехъ церквей
улица 1778 года упирается восточнымъ своимъ концомъ въ Новинку,
рѣзавъ Волосову улицу чертежа 1756 года. Такимъ образомъ, если
Митрополита Евгенія „между Волосовой и Новинкою улицами" приня
желаніе Владыки выразить ими протяженіе Черницыной чрезъ обѣ, в
комъ случаѣ получимъ положеніе Черницыной на прямой между Нови
и внѣшнимъ валомъ, проведенной чрезъ средину площади трехъ церкв
съ запада на востокъ, и продолженной въ обѣ стороны—къ Дѣтинцу
внѣшнему валу. Эта прямая пройдемъ близъ Большой-Власьевской на
и Евгеніева времени, и близъ Варваринской—Красова.

Мы видѣли, при обозрѣніи Побережья, лѣтописныя указанія, изъ
рыхъ возможенъ выводъ о наименованіи разновременно тамошняго Ш
каго проѣзда, то Яневою, то Большою-Борковою улицею; теперь—
проѣзду соотвѣтствуетъ Большая-Дмитровская. Здѣсь, въ Кромномъ г
повторяется тоже явленіе: къ западу отъ него, за извилистымъ проѣз
Знаменскаго изображенія, протянулся, вдоль него, Широкій же про
называемый и теперь Большою-Власьевскою улицею. Между этимъ и
листымъ проѣздами и слѣдуетъ помѣщать вторую часть древняго Лю
конца, для котораго Широкій былъ граничнымъ. Вторая половина на
Черницына поселка не доходила до Широкаго проѣзда въ срединѣ го
но имѣла проулки, которыми соединялась съ нимъ, и особый проѣздъ
внѣшняго вала, къ воротамъ подъ костромъ противъ Широкаго.

Мѣсто древняго Черницына поселка будетъ на нынѣшней пло
заключающейся между внѣшнимъ валомъ—въ обѣ стороны отъ Алек
ской Бѣлой башни, и улицами: Троицкою, Воздвиженскою и Большою-В
евскою, на той половинѣ ея, которая ближе къ валу.

Подолъ.

Въ лѣтописи упомянутъ, подъ 1360 годомъ, Подолъ, въ такихъ выра-
іяхъ: „Погорѣ Подолъ да Горнчарской конецъ“ (I Нов. лѣт. годъ 6868,
. 87). Слово „Подолъ“ начато прописною буквою. Мы видѣли „Подолъ“
Славенской и на Неревской сторонѣ;—это береговая, слегка приподнима-
аяся, полоса. На чертежѣ 1756 года „Подолъ“ нанесенъ на берегу на-
й мокрой низины, вдоль полуденно-восточной окраины Кромнаго города;
немъ назначены мѣста церквей Троицкой и Воздвиженской. Написаніе
ва Подолъ съ большой буквы означаетъ, что подъ нимъ слѣдуетъ разу-
ть названіе заселенной мѣстности, носящей это имя, а не условный
изнакъ слабой приподнятости береговой низины. Еще въ XI вѣкѣ лѣто-
сь упомянула Подоліе, подъ 1069 годомъ, по случаю пожара, сказавъ
лько два слова: „Погорѣ Подоліе“ (I Нов. лѣт. годъ 6577, стр. 2); из-
тели лѣтописи и на этотъ разъ поставили большую букву; да нельзя и
признать за Подоліемъ горѣвшимъ—поселка: на пустырѣ, да еще на
кромъ, горѣть нечему. Были-ли оба эти пожара въ одной и той же
стности, сказать трудно, предположеніе же въ утвердительномъ смыслѣ
детъ вѣроятнымъ: Кромный городъ возникъ въ вѣка долѣтописные,—
ало него могли поселиться мелкіе торговцы и ремесленники, снабжавшіе
дниновъ-ратниковъ предметами первой, ежедневной, потребности.

Пространство поселка Подола было незначительно: только бѣднякъ про-
шленникъ сидѣлъ на затопляемой весною низинѣ, неимѣя силъ и
дствъ подняться на ноги, чтобы устроиться поудобнѣе. Мы даемъ нѣ-
лько строкъ Подолу для полноты изысканій о мѣстоположеніи Людина
ца. Онъ во вторую часть Людина конца не входилъ; но въ XIV вѣкѣ
ѣгалъ въ четвертую, составляющую Гончарскій поселокъ, а затѣмъ и
одный конецъ того же имени.

Проѣзды внутреннихъ поселковъ.

Проѣзды, проулки и проходы, какъ Кромнаго города, такъ и второго
астка Людина конца, вполнѣ соотвѣтствуютъ лѣтописнымъ улицамъ и
камъ; проѣзды были главные и меньшіе, отъ двора къ двору; проулки и
оходы—это дороги къ водоснабженіямъ и къ сосѣдямъ. Главными могли
ть лежавшіе между двумя поселками; они составляли границы площадей
къ. Поселокъ Добрынинъ, какъ лежавшій большею частію своей площади
Загородьи, не имѣлъ проѣзда на пространствѣ, соотвѣтствующемъ Кром-
му городу, въ чертѣ его,—или въ первой части Людина конца; о про-
дѣ во второй части мы уже упоминали, въ этой же статьѣ опредѣлимъ
направленіе. О главныхъ проѣздахъ скажемъ вообще: они, какъ гра-
цы поселковъ, лежали, когда число послѣднихъ увеличилось, по всей
роятности, между ними; а когда былъ тутъ, въ Кромномъ городѣ, всего

одинъ поселокъ, проѣздъ его имени приходился или на срединѣ всего строеннаго пространства, или шелъ къ главному двору, примѣрно—къ начальничьему. Когда же обстроился второй поселокъ—и потребова отграниченіе его площади отъ перваго, главный проѣздъ перемѣнилъ мѣсто и легъ на межѣ между обоими. Отъ этого и происходитъ пута въ опредѣленіи положенія лѣтописныхъ улицъ изслѣдователями мѣсто женія древняго Новгорода. Мы, назначая границы поселкамъ Кромнаг рода, вели ихъ по проѣздамъ тѣхъ вѣковъ, къ которымъ относится об ваніе и одновременное существованіе всѣхъ четырехъ: Ярышова, Воло Радятина и Черницына, между сосѣдними, такъ: Ярышовъ—между и комъ его имени и Волосовымъ,—Волосовъ при началѣ Радятина, а тинъ при началѣ Черницына.

Нельзя не допустить существованія особыхъ проѣздовъ по сторо крайнихъ поселковъ Кромнаго города, между нимъ и рвомъ малаго на востокъ, то есть между Ярышевымъ поселкомъ и рвомъ,—а и надъ—между Черницынымъ и внѣшнимъ валомъ.

О главныхъ проѣздахъ мы говорить не будемъ,—они совпад какъ упомянуто, съ границами поселковъ и лѣтописными улицами, именными съ ними,—но дадимъ объясненія о второстепенныхъ, друхъ нихъ и двухъ срединныхъ Кромнаго города, и извѣстныхъ по лѣтопи второй части конца.

а) Кромнаго города.

Въ Кромномъ городѣ крайними проѣздами служими: Кобылій гловъ, а срединными—Лукинскій и Воздвиженскій.

Кобылій.

Въ статьѣ о башнѣ „Кукуй“ нами приведены нѣкоторыя дан соображенія о мѣстоположеніи и наименованіи одной изъ улицъ Коб (см. выше, стр. 42 и слѣд.); она встрѣчается въ лѣтописи всего разъ, въ XIV вѣкѣ, по поводу большого пожара. Мѣстомъ для нея чено пространство невдалекѣ отъ Дѣтинца, гдѣ башня Кукуй и Об церковь Добрынина поселка. Имя этой Кобыльей улицы предположе непосредственной зависимости отъ Андрея Кобылы, потомка, или сын товскаго царя Видвута, выходца изъ нѣмецкой земли, поселившаго Новгородѣ въ XIII вѣкѣ. Къ этому времени нашъ городъ находился у цвѣтущемъ состояніи, и былъ тѣсно застроенъ. Богатому, вѣроятно, и витому выходцу, пожелавшему поселиться среди своихъ земляковъ, зости къ дворамъ Прусскихъ и Чудскихъ, а въ ихъ числѣ и Литов уроженцевъ, или ихъ потомковъ, пришлось устроиться на краю бл шаго къ землякамъ поселка, небольшимъ гнѣздомъ. Малый валъ и

ло него въ XIII вѣкѣ уже существовалъ. Если пожаръ, вспыхнувшій на ыльей улицѣ, началъ свои опустошенія съ Дѣтинца, значитъ эта улица ала невдалекѣ отъ него. Потомокъ Видвута недолго оставался въ Новодѣ; онъ перебрался въ Москву; а это произошло, должно-быть, отъ того, здѣсь онъ не добился положенія, соотвѣтствующаго своей родовитости. вь прибывшихъ чужестранцевъ, ничѣмъ особенно выдающимся не заявшихъ себя на родинѣ, Новгородцы не подпускали близко къ дѣлу важу для страны; Видвутова потомка, поэтому, не пустили, для селитьбы, Загородье. Карамзинъ относитъ прибытіе Андрея Кобылы въ Новгородъ 1287 году; въ это время происходила ожесточенная борьба Новгорода Литвою, Ливонцами и Шведами (I Нов. лѣт. годы съ 1282 по 1290 г.); ло-быть къ чужестраннымъ выходцамъ относились здѣсь особенно подотельно. Возможно, въ виду такихъ данныхъ, что Андрей Кобыла устся на пространствѣ между рвомъ малаго вала и Ярышовымъ поселмъ, въ лѣтописномъ полѣ, часть котораго и получила названіе Кобыльей ицы. По этимъ основаніямъ мы полагаемъ, что проѣздъ, между рвомъ мого вала и поселкомъ Ярыша, слѣдуетъ назвать Кобыльимъ.

Чегловъ.

Выше приведена отмѣтка о пожарахъ, начавшихся въ 1194 году, въ ѣлю всѣхъ Святыхъ, съ Савкина двора на Ярышевѣ улицѣ (I Нов. лѣт. . 22). Пожаръ этого дня „уяша у Лукина улицы“;—на другой день горѣся въ Чьгловѣ улки и погорѣ дворовъ съ десять“, потомъ горѣло Хревковѣ улицѣ до ручья въ Неревской конецъ. Едва-ли слѣдуетъ соматься, что все это—продолженіе одного пожара, начавшагося съ Савкина ра. Огнегасительныя средства того времени не были такими же могуи, какими обладаютъ нынѣшніе большіе богатые города; преобладаими были постройки деревянныя; хотя пожаръ перваго дня уняли у кины улицы, положеніе которой намѣчено въ статьѣ о церкви, давшей свое имя,—она лежала недалеко онъ внѣшняго вала,—въ теченіе ночи, и незначительномъ даже вѣтрѣ, подъ огорѣлыми остатками построекъ, вполнѣ залитыми, тлѣли угли и пожаръ снова вспыхнулъ поблизости ъ Лукиной улицы, или на ней самой; примѣтили его и начали тушить гда, когда онъ поднялъ грозную свою голову на Чегловѣ улкѣ, и спалилъ сять дворовъ. Указаніе лѣтописцемъ—очевидцемъ мѣстности пожаровъ, въ иведенной отмѣткѣ, на распространеніе начавшагося съ улки Чегловой на сѣднія, и истребленіе только десяти дворовъ, приводитъ къ заключенію, о эта, Чеглова улка, была невелика,—всего, можетъ быть, только въ деть дворовъ,—что она лежала близъ внѣшняго вала, по сосѣдству съ Лукиой, и что лежала особнякомъ, вдоль вала, помѣшавшаго распространенію жара на ближайшія, слѣдовавшія за валомъ, постройки. Если это такъ, Чеглова улка была на крайнемъ, съ запада, проѣздѣ Кромнаго города, ду поселкомъ Черницынымъ и внѣшнимъ валомъ.

Ни Митрополитъ Евгеній, ни Красовъ, ни Нарядная опись 1623 не упоминаютъ о какихъ либо улицахъ, соотвѣтствующихъ полож двухъ описанныхъ проѣздовъ. На чертежѣ 1756 года, въ мѣстности К наго города нанесено пять улицъ внутреннихъ и двѣ крайнихъ. М тѣмъ мы знаемъ, что Евгеній отожествляетъ Лукину съ Лучинскою, рая, по-его словамъ, проходила чрезъ Грядинскую; Муравьевъ же назы Лукинскую и Малую-Лучинскую, какъ двѣ улицы, и ставитъ ихъ ря Гдѣ находилась Грядинская—мы указать не можемъ и сомнѣваемся существованіи, такъ какъ ни въ одномъ изъ письменныхъ памятнико встрѣчали такого названія. Быть можетъ „Грядинская" напечатан ошибкѣ, вмѣсто Рядитинской. Лучинскую мы видѣли въ нашемъ За номъ концѣ,—но та улица сравнительно новая;—поэтому думаемъ Муравьевъ поставилъ Малую-Лучинскую произвольно, чтобы дать имя изъ пяти улицъ чертежа Попова. Такимъ образомъ, ни къ 1623, 1756 году не было уже улицъ, соотвѣтствующихъ нашимъ двумъ пимъ проѣздамъ, хотя пять улицъ чертежа Попова, кромѣ двухъ кра же, свидѣтельствуютъ, что число это соотвѣтствуетъ существованіи шихъ проѣздовъ, большихъ и второстепенныхъ, и послѣ самобытія. въ мѣстности Кромнаго города всѣхъ улицъ, направляющихся въ с къ мокрой низинѣ, только пять; изъ нихъ три выходятъ на берегъ н пересѣкая Троицкую улицу; притомъ Воздвиженская идетъ не прямо, дѣльнымъ проулкомъ, начавшимся отъ Троицкой, нѣсколько западнѣ мѣста, гдѣ встрѣтилась съ нею; остальныя же двѣ, послѣдняя къ в Лукинская, не пересѣкаютъ Троицкой,—упираясь только въ нее. Пря низину опускаются Ново-Власьевская и Редитенская (такъ названа послѣдне-изданномъ чертежѣ площади Новгорода).

Лукинскій.

Намъ извѣстны положеніе и судьбы церкви во имя Св. Еванге Луки; проѣздъ ея имени велъ къ церкви съ полдня и съ полночи; пись говоритъ о немъ по случаю пожаровъ; на Знаменскомъ изобра ея нѣтъ. Митрополитъ Евгеній называетъ Лукину улицу Нарядной Лучинскою и даетъ послѣдней направленіе, о которомъ мы уже го въ предыдущей статьѣ. И. И. Красовъ помѣщаетъ Лукину улицу Па описи на мѣстѣ Редетинской его времени. На приложенномъ къ из ванію Красова чертежѣ Новгорода 1850 года—эта Редетинская пост послѣднею къ внѣшнему валу; теперь же на ея мѣстѣ значится В женская, по ошибкѣ стражника, прибивавшаго, какъ мы уже объя выше, дощечки съ названіями улицъ. Такимъ образомъ, на мѣстѣ Ре ской временъ Красова и нынѣшней Воздвиженской слѣдуетъ быть Лу по послѣдне-состоявшемуся распредѣленію площадей и улицъ Нере или Софійской стороны. Но положеніе ея не вполнѣ соотвѣтствуетъ нему Лукинскому проѣзду: на чертежахъ 1756 и 1778 гг. нанесена

ць Лукинской церкви почти на одинаковомъ разстояніи: отъ закругленія шняго вала, отъ Бѣлой Алексѣевской башни, въ стороны,—къ востоку—ль мокрой низины, и къ полночи отъ башни—вдоль рва, такъ что вѣр- будетъ положеніе древняго проѣзда, если мы его отодвинемъ къ за- у и поставимъ прямо противъ главнаго, Черницына проѣзда Кромнаго да, или противъ той части нынѣшней Воздвиженской улицы, которая ла на берегъ низины.

Воздвиженскій.

Проѣздъ этого имени лежалъ въ Радятинѣ поселкѣ Кромнаго города, равляясь отъ церкви къ берегу мокрой низины на полдень, и въ обрат- о сторону—къ извилистому проѣзду, какъ и Лукинскій. Ни одна Новго- ская лѣтопись, за исключеніемъ третьей, не называетъ Воздвиженской цы; третья же говоритъ подъ 1415 годомъ: „Поставиша церковь ка- ную, святое Воздвиженіе честнаго креста, на Софійской сторонѣ, въ Лю- нѣ концѣ. Того же лѣта поставиша церковь каменну святого апостола ки, на Здвиженской улицы, въ Людинѣ концѣ“ (годъ 6923, стр. 236). ва „на Здвиженской улицѣ“ очевидно мѣстоописательная прибавка со- вителя основного сборника, писавшаго свои замѣтки въ первой половинѣ II вѣка; лѣтопись закончена 1716 годомъ;—и прибавка неосновательна. Церковь Лукинская существовала съ XI вѣка, а Воздвиженская упо- ута въ числѣ сгорѣвшихъ подъ 1194 годомъ, во время пожара, начав- ося на Ярышовѣ улицѣ (отмѣтка приведена выше),—значитъ и она ована раньше этого года; обѣ церкви были на мѣстѣ при составленіи тежа 1778 года, такъ что составитель основного сборника третьей лѣто- и могъ видѣть ихъ; улица Лукина названа въ упомянутой отмѣткѣ 94 года: пожаръ переняли у ней. Должно быть основный сборникъ пи- ъ безъ справокъ съ мѣстностями. Подъ 1415 годомъ Татищевскаго рника, и въ первой Новгородской лѣтописи, помѣстившей на своихъ стра- цахъ отмѣтку Татищевскаго, значится: „съвършиша двѣ церкви камены Людинѣ концѣ, святое Въздвиженіе Господне, да святого Луку“ (Пр. Др. с. Вивл. Ч. II, стр. 687; I Нов. лѣт. годъ 6923, стр. 106).

Митрополитъ Евгеній даетъ Воздвиженской улицѣ мѣсто по правую орону Троицкой церкви, и ведетъ ее отъ вала къ Волхову, или къ нашей крой низинѣ (Разговоры, стр. 76). И. И. Красовъ назначаетъ этой улицѣ же мѣсто; но исправляя путаницу въ наименованіи улицъ нашего Кром- го города въ 1850 году, переноситъ Воздвиженскую на мѣсто Лукиной времени, а эту на мѣсто Редетинской, которую ставитъ тамъ, гдѣ была а Воздвиженская (стр. 83).

Начиная разсматриваемую улицу отъ внѣшняго вала, Евгеній не при- итъ доказательствъ; но въ значеніи проѣзда къ церкви такое протяженіе цы представляется весьма вѣроятнымъ.

На Знаменскомъ изображеніи много проходовъ и проулковъ въ
ности срединныхъ проѣздовъ Кромнаго города; но за отсутствіемъ
ковъ церквей, мы затрудняемся опредѣлить—который изъ нихъ Лук
проѣздъ и который Воздвиженскій. По чертежамъ 1756 и 1778
площадокъ церквей Луки и Воздвиженія проведены улицы—одна къ
нему валу (Лукинская), а другая къ Десятинному монастырю (Возд
ская). Такимъ образомъ проѣзды Лукинскій и Воздвиженскій выходи
прошедшемъ столѣтіи, за предѣлы древняго Кромнаго города, во
часть Людина конца.

и б) Второй части конца.

Проулковъ и проѣздовъ было много во второй части Людина
по Знаменскому изображенію; а по чертежамъ 1756 и 1778 года
видно. Митрополитъ Евгеній, въ примѣчаніи къ первому прибавле
Разговорамъ, объясняетъ, что по описи 1744 года значатся въ Гонча
концѣ новыя улицы, кромѣ названныхъ въ этомъ прибавленіи, так
Варварейская, Малая-Лучинская и Новая Московская Треть (Разг
стр. 77). И. И. Красовъ нашелъ въ Нарядной описи 1623 года, со
ющей первое прибавленіе къ Разговорамъ Евгенія, переулокъ Коз
(стр. 71), въ Гончарскомъ концѣ; нашелъ его тамъ же и Д. И.
ровскій (Новгородъ и Псковъ, стр. 34).

Переулка Козорогова нѣтъ въ приложеніи къ Разговорамъ изданія
года; другого же изданія этой книги мы не знаемъ и у Сопикова,
опытѣ Россійской библіографіи, несказано, чтобы Разговоры были
таны два раза; подлинника Нарядной описи видѣть намъ не довелось;
ли онъ и гдѣ хранится, намъ неизвѣстно. Слѣдовательно существ
Козорогова переулка надобно оставить подъ сомнѣніемъ до бу
времени.

Въ лѣтописяхъ не упомянуты—ни Варварейская улица, ни Мал
чинская,—неизвѣстна имъ и Новая Московская Треть.

Если Варварейская и Варваринская 1850 года одна и таже ул
мы ее видѣли; но болѣе чѣмъ вѣроятно существованіе Варваринска
ѣзда и въ перволѣтописныя времена, когда возникъ монастырь этого
лѣтопись не упоминаетъ о немъ по незначительности, конечно, про
этого проѣзда, имѣвшаго видъ Пробойной улицы. Положеніе его ближ
искать въ томъ проѣздѣ Знаменскаго изображенія, который достаточ
рокъ и тянется между церквами Власьевскою и Яковлевскою; мы
что Власьевская отстояла отъ Варваринскаго монастыря всего въ 1
няхъ. Монастыря этого нѣтъ на Знаменскомъ рисункѣ, потому
сгорѣлъ весь 6-го Іюля 1526 года, а рисунокъ писанъ между 1528
годами (отмѣтка объ этомъ пожарѣ приведена раньше). На мѣстѣ
ринской 1850 года мы не ставимъ нашего проѣзда, потому что,
онъ расположенъ былъ около внѣшняго вала и занималъ такую

, какъ въ 1850 году,—тогда имѣлъ-бы значеніе отдѣльнаго Кончан-
участка, или лѣтописной улицы, и нашего поселка, и въ этомъ ка-
ѣ не могъ-бы не попасть въ лѣтопись по случаю пожаровъ.
На Добрынѣ мы видѣли Яковлеву улицу; она будетъ проѣздомъ До-
ина поселка.
Итакъ, во второй части Людина конца мы указываемъ мѣста только
ъ, послѣдненазванныхъ, проѣздовъ, находя достовѣрныя данныя къ за-
енію о существованіи и положеніи ихъ съ перволѣтописныхъ временъ.

Поселки внѣ города.

Третью часть Людина конца занимало поселеніе на Мигрѣ, а четвер-
—за внѣшнимъ валомъ на западъ отъ Бѣлой Алексѣевской башни, нѣ-
ько къ полдню и къ полночи. Части эти неравномѣрны по простран-
занимаемой ими площади; третья вдвое и даже втрое меньше чет-
ой; но населеніе той и другой было различно по роду занятій, по
реннему строю жизни, и по гражданскимъ правамъ. Поэтому мы и дѣ-
поселки, лежащіе внѣ города, только на двѣ части,—не смотря на
неравномѣрность въ пространствѣ. Четвертую часть можно-бы подраз-
ть на двѣ, западно-полуденную и западно-полуночную, такъ какъ она
лать отъ внѣшняго вала двумя клиньями, расходящимися въ назван-
стороны, имѣя посрединѣ Синичью гору или Сольнище. Въ пользу
о подраздѣленія говоритъ различіе занятій и образа жизни населенія
къ клиньевъ; но, при настоящемъ состояніи доступныхъ изученію пись-
ыхъ свидѣтельствъ, это различіе еще слишкомъ блѣдно,—потому мы
ржимся отъ подраздѣленія, и будемъ разсматривать оба клина, какъ
ки четвертой части Людина конца.

Мигра.

Положеніе этого участка мы знаемъ; о происхожденіи названія его
сненія приведены; говорено также не разъ и о заселеніи его Людинами-
иками, и притомъ конными.
Мнѣніе наше поэтому послѣднему предмету, то есть, что первоначаль-
насельники Мигры были конные ратники, выведено изъ соображенія
оты Мстислава Великаго, данной Юрьеву монастырю, съ назначеніемъ
ьямъ Новгородскимъ государственныхъ земель въ пользованіе на время
княженія,—по свидѣтельству сохранившихся договоровъ. Здѣсь мы вы-
емся нѣсколько яснѣе. То пространство земли, которая пож
стырю, обънимаетъ обширную луговую площадь, богатую сѣн
ми; оно стелется: по берегу Волхова отъ нынѣшней Троицк
на конца, почти до самаго Юрьева, на протяженіи двухъ
къ, и отъ берега на полдень къ западу, мимо Юрьева, до

и отъ ближайшаго къ Мигрѣ клина четвертой части конца, мимо Арка до нынѣшнихъ деревень Разсщепа и Хлѣвищей, справа, на протяженіи меньше шести верстъ;—Мигра приходится не болѣе, какъ въ полувер отъ Волховского берега, и немного не на половинѣ разстоянія между го домъ и Юрьевомъ,—окруженная пожалованною Св. Георгію землею съ ромъ Мячиномъ и протоками:—вносящимъ въ него Волховскую воду, вѣстнымъ подъ именемъ Княжева ручья, и выпускающимъ—называемы Безымяннымъ ручьемъ. Новгородъ никогда не былъ городомъ—ни ското нымъ, ни земледѣльческимъ, по непригодности почвы, для обоихъ ви промышленности, прилегающихъ къ нему земель; онъ былъ городомъ т говымъ съ незапамятныхъ временъ. Пространство за Разсщепомъ и Хл вищами, извѣстное въ писцовыя времена подъ именемъ Поверяжья, возвышено и вполнѣ удобно для хлѣбопашества и скотоводства, хотя заселено было всегда, съ долѣтописныхъ вѣковъ также густо, какъ и перь, на что указываютъ древнѣйшія, невнятныя для современнаго го народа названія селеній, каковы, напримѣръ: Ракомо, Радбеликъ, Хотя Жолкунъ, Здринога и т. п.,—но, прилегая къ рыбо-обильному озеру И меню—вызвало въ населеніи рыболовный промыселъ, болѣе выгодный, ч скотоводство и хлѣбопашество. Для нуждъ города и полуденно-западны окрестностей, луговая земля не представляла большой цѣны, но какъ рогая для конной дружины, она была предоставлена въ ея пользованіе.

Мы уже имѣли случай указать на свидѣтельство Начальной Русс лѣтописи о привязанности Новгородцевъ къ сыну Мономаха, Мстисл Владиміровичу;—„въскормили есмы собѣ князь“ говорили Новгородские слы Святополку, желавшему взять отъ нихъ Мстислава и посадить на мѣсто сына своего. Преданъ былъ Новгороду и Мстиславъ; онъ, пови мому, рѣшилъ не уходить отсюда во всю свою жизнь: когда брата Изяслава, убили въ войнѣ съ Олегомъ Святославовичемъ подъ Муром въ 1096 году, Мстиславъ перенесъ тѣло его въ Новгородъ „и положи и у святыѣ Софьѣ на лѣвой сторонѣ“. Когда же Мстиславу пришлось зан Кіевскій столъ, онъ оставилъ въ Новгородѣ сына своего Всеволода; э князь, воспитанный, какъ и отецъ его, здѣсь, не сохранилъ за собою привязанности, которою пользовался Мстиславъ, но въ теченіе болѣе де лѣтъ, съ 1126 г., Новгородцы не роптали на него за непостоянство;— конецъ, и то не по свободной волѣ Вѣча, а по проискамъ недовольныхъ злополучнаго князя заключили подъ стражу и изгнали въ 1136 году города. Князь Мстиславъ, ставшій твердо на землѣ Новгородской, или спустилъ вовсе, или значительно уменьшилъ конную дружину, какъ у рившійся въ прочности положенія своего и сыновняго въ странѣ Ил ской, а луговое пастбище и покосы пожертвовалъ Св. Георгію, христ ское имя котораго носилъ.

Мигра не имѣла окопа. Поверхностное испытаніе почвы во круг нѣшней Воскресенской слободы не даетъ никакихъ признаковъ вала, нибудь ее окружавшаго. Это обстоятельство подтверждаетъ нѣсколь

анное нами мнѣніе; для конныхъ Людиновъ, окопъ былъ-бы только
хою.

Въ конныхъ дружинникахъ Мигры мы склонны видѣть Колбяговъ Зао-
ья и Бѣжецкой пятины,—имя которыхъ встрѣчается въ кратчайшемъ
кѣ Русской Правды. Принимая слово Колбягъ за образовавшееся изъ
ъ: Коло—домъ, жилище, и—„бягъ", однозначащее съ „бѣгунъ", произ-
мое въ народѣ, населяющемъ земли Бѣжецкой пятины и къ ней при-
ющія, какъ „бягунъ"—позволительно видѣть въ Колбягѣ—бродягу,
жавшаго изъ дому и шатающагося по свѣту. Отъ имени подобныхъ
ягъ-бѣглецовъ могла получить прозвище и та часть земли Новгород-
й, изъ которой образовалась Бѣжецкая пятина. Варяги—тѣже, по на-
му мнѣнію, бродяги и, какъ догадывается А. П. Богдановъ, воришки,
яги;—бездомный людъ и теперь шатается безъ опредѣленныхъ занятій;
области средняго теченія рѣки Луги и въ землѣ между нею и Ильме-
ъ, наемные работники называются казаками. Извѣстно, что казацкія
ины образовались на окраинахъ Россіи изъ бездомныхъ бродягъ-удаль-
ъ, мѣрявшихся молодецкою отвагою съ пограничными чужеземными пле-
ами. Нѣтъ, поэтому, особенной невѣроятности въ предположеніи нашемъ,
названія: Колбягъ, Казакъ и Варягъ даны такимъ же долѣтописнымъ,
ъ и названія болѣе позднихъ вѣковъ, общинамъ, которыя залегали ру-
и страны Ильменской и тѣшились отважными набѣгами на чужія земли,
пренебрегая, въ тоже время, и своими—въ смыслѣ соплеменныхъ.

Между Колбягами долго держалось язычество; также долго оно гнѣз-
ось въ области средняго теченія Луги и земляхъ Чудскихъ и Литов-
ъ.

О язычествѣ Колбяговъ сказано въ одномъ изъ древнихъ списковъ
ской Правды, извѣстномъ барону Розенкампфу, изслѣдователю Кормчей
ги, такъ:—„а оже будетъ варягъ или Колобягъ, крещеніе не имѣя" и
д. (Обозрѣніе Кормчей книги; Москва, 1829 г. Второго перечисленія
. 228). Двѣ увѣщательныя грамоты Новгородскихъ Архіепископовъ Ма-
ія—1534 и Ѳеодосія—1548 года, къ Воцкой пятинѣ, свидѣтельствуютъ,
„многіе христіане о церковномъ правилѣ не брегутъ, къ церквамъ не
ятъ, а молятся по скверным своимъ мольбищомъ древесомъ и каменью
дѣйствію діаволю" (Др. Рус. Вив. изд. 2-е, Ч. XIV, стр. 149 и 168).
ские арбуи (не авгуры-ли?) и жрецы Кривичей и Литвы извѣстны до
вѣка.

Въ статьѣ о Воскресенскомъ монастырѣ, на Славенской сторонѣ, при-
ено указаніе на существованіе въ Новгородѣ четырехъ такихъ монасты-
: на Мигрѣ, на Павловой улицѣ, на Красной горкѣ, гдѣ теперь Тихвин-
е кладбище, и въ Деревяницахъ,—и сказано, что въ 1136 году
дѣтельству пергаментнаго сборника, „съгорѣ церкы святого Въск
ластырь". Если принять эту церковь за монастырскую—Мигры.
ся—въ сооруженіи ея около времени княженія Мстислава Владиміч
тверждение, хотя и отдаленное, мнѣнія нашего объ уменьшеніи.
ршенномъ упраздненіи на Мигрѣ поселка конныхъ Людиновъ, и

ъ на этомъ пути; но обходъ совершался зимою, 15 Декабря 1493 года; гъ былъ тогда уже разобранъ.

По поводу указанія на погребеніе князя Изяслава Владиміровича, счи-мъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ. Въ Лаврентьевской лѣтописи чится, что тѣло князя положили на лѣвой сторонѣ въ Святой Софіи. именно его могила—неизвѣстно. Нынѣшнимъ, 1894 года, лѣтомъ про-одится въ нашемъ соборѣ основательное исправленіе поврежденій, ока-шихся въ кладкѣ, за время существованія его въ продолженіе 850 лѣтъ адка начата въ 1045 году). Разбирая половую настилку, нашли подъ гробницу, выложенную изъ камня и кирпича, въ Предтеченскомъ при-лѣ, съ лѣвой стороны собора, на глубинѣ около $2^1/_2$ аршинъ и—въ нѣ, отдѣлявшей Рождество-Богородицкій придѣлъ, первоначально отъ са-о собора, а когда между этимъ придѣломъ и алтаремъ собора устроили дѣлъ Іоакимовскій,—отъ этого послѣдняго, у самаго входа въ придѣлъ зъ Сигтунскія двери, влѣво, въ углу,—останки какого-то человѣка, одѣ-о въ красное шелковое платье, на глубинѣ отъ нынѣшняго пола не ѣе аршина. При этомъ, и вообще при осмотрѣ состоянія стѣнъ и стол-ъ, подпирающихъ церковные своды, подъ нынѣшнимъ поломъ оказались твенные остатки первоначальной половой настилки, она легла на пло-ь, залитую растворомъ извести, и выложена небольшими поливными зцами; подъ заливкою же—плотно убитая земля. Разстояніе между нею и нынѣшнею настилкою одинъ аршинъ съ половиною. Въ нѣкото-ъ мѣстахъ между настилками, на стѣнахъ и столбахъ, явственно со-нился остатокъ фресковъ. То мѣсто, на которомъ похороненъ человѣкъ шелковой одеждѣ, также росписано. Отъ погребеннаго въ Предтеченскомъ дѣлѣ остались одни только кости. Мѣста могилъ князей и Святителей и отмѣчаемы сперва надгробницами (это голубцы) съ надписью на каж-, а затѣмъ, когда ихъ стало много, записью на стѣнахъ, у которыхъ онили именитыхъ лицъ и владыкъ. Предъ нынѣшнимъ возобновленіемъ ора надписи кое-гдѣ еще встрѣчались. Къ счастью въ книгѣ протоіе-Соловьева—Описаніе Софійскаго собора, и Преосвященнаго Макарія—ковныя древности, приводится перечень погребенныхъ въ Св. Софіи, са-притворы (паперти) и придѣлы собора. Изъ этого перечня оказывается, въ придѣлахъ съ правой стороны собора, Рождество-Богородицкомъ и зе-Владимірскомъ, устроенномъ недавно, около 60-хъ годовъ текущаго лѣтія, погребаемы были преимущественно князья,—а между придѣлами, Мартиріевской паперти, полуденной, гдѣ входятъ въ соборъ съ Дѣтин-ской площади, также на паперти Корсунской, съ запада, и въ придѣлѣ дтеченскомъ,—преимущественно владыки, хотя въ мѣстности послѣди-ваннаго придѣла была погребена, въ стѣнѣ, княгиня Александра га князя Владиміра, основателя собора, кости которой, какъ за ие, случайно потревожены.

Гдѣ именно положенъ князь Изяславъ, сынъ Мономаха—неи упоминали уже, что празднованіе Софіи, Премудрости Божіей. ся въ Кіевской землѣ въ день Рождества Богоматери; а въ

ской—въ день ея Успенія. Придѣлъ нашего собора Рождество-Богород
сооруженъ одновременно съ нимъ. Не желалъ-ли создатель храма, Св. к
Владиміръ, и его родители, Ярославъ Мудрый и Св. Анна, соединит
Новгородской Софіи оба дня празднованія Премудрости Божіей? Одн
менность сооруженія престоловъ Успенія и Рождества Богоматери док
вается преданіемъ, занесеннымъ въ лѣтопись, о погребеніи храмозда
въ томъ же гробѣ, въ которомъ похоронили, по обрѣтеніи нетлѣнныхъ
щей Св. Владиміра и по перенесеніи ихъ на другое мѣсто, князя М
слава Ростиславовича (III Нов. лѣт. годъ 6886, стр. 216; Макарій,
стр. 70; Исторія русс. церкви, Ч. I, стр. 68 и 75);—а также и кла
стѣнъ придѣла, совершенно одинаковою какъ тутъ, такъ и въ глав
храмѣ.

Стѣна, въ которой погребенъ усопшій, одѣтый въ шелковое пл
приходится противъ той, въ которой гробъ Св. князя Владиміра; на
поставлена рака съ мощами Св. князя Мстислава Ростиславовича, как
воритъ Преосвященный Макарій (стр. 70).

Если замѣтка Лаврентьевской лѣтописи заимствована изъ памя
не Новгородской, а Кіевской, тогда встрѣченные въ стѣнѣ Рождество-
родицкаго придѣла останки могутъ принадлежать князю Изяславу Вла
ровичу, павшему въ войнѣ 1096 года: Кіевлянинъ назвалъ Святою С
Рождество-Богородицкій придѣлъ, а останки покоятся на лѣвой стороне
Для погребенія Изяслава именно здѣсь было самое подходящее мѣсто,
чти рядомъ съ могилою родного брата его дѣда, Всеволода Ярославо
Если-же Лаврентьевская замѣтка взята изъ Новгородской памятухи, м
Изяслава можно видѣть въ найденной въ Предтеченскомъ придѣлѣ.

Извѣстно, что въ Софійскомъ храмѣ Новгородцы погребали зна
тыхъ своихъ согражданъ, Посадниковъ, Тысячскихъ и другихъ. Лѣто
сохранила имена нѣкоторыхъ, такъ: а) подъ 1243 годомъ отмѣчено:
сяца Августа въ 16 преставися рабъ Божій Стефанъ посадникъ Новго
ский Твердиславичь, внукъ Михалковъ и положенъ бысть въ при
святыя Софья, идѣже Аркадіи и Мартуріи Архіепископа лежита" (Н
лѣт. годъ 6751, стр. 54), и б) подъ 1268 годомъ подробно изложено
подъ Раковоромъ, въ которомъ побито много Посадниковъ и другихъ
нитыхъ людей; тѣла ихъ привезены были въ Новгородъ; въ числѣ
тыхъ оказался и Степенный Посадникъ Михаилъ Ѳедоровичъ „и поло
посадника Михаила у святой Софіи" (тамъ-же, подъ 6776, стр. 60).
священный Макарій говоритъ, что эти Посадники погребены въ сѣм
паперти, т. е. гдѣ теперь придѣлы Предтеченскій и Богословскій.
отношенію къ Стефану Твердиславовичу это безусловно невѣрно: Вла
Св. Аркадій и Мартирій, почиваютъ въ полуденной паперти, между п
лами Рождество-Богородицкимъ и Князе-Владимірскимъ, называемой
тирьевскою, а этотъ Посадникъ, по лѣтописи, погребенъ тутъ же, гд
чиваютъ Святые Владыки. Посадникъ Михаилъ Ѳедоровичъ положен
всей вѣроятности, здѣсь же; между годами смерти обоихъ гражданъ
шло немного времени; хоронившіе Степана Твердиславовича могли пр

овать и при избраніи мѣста для могилы другого заслуженнаго Посад-
ка, такъ что послѣдняго положили, должно-быть, рядомъ съ первымъ
пис. церк. древ. Ч. I, стр. 76, примѣч. 144). Слѣдовательно на лѣвой
ронѣ Рождество-Богородицкаго и Предтеченскаго придѣловъ погребены не
садники, имена которыхъ названы лѣтописью.

О проѣздахъ на Мигрѣ мы не даемъ объясненіе по упомянутой при-
нѣ—ихъ тамъ не различали по названіяхъ, какъ въ другихъ поселкахъ.

Алексѣевскій.

Въ объясненіяхъ о Петропавловской церкви на Сильнищи высказаны
ображенія о заселеніи ближайшихъ къ городу окрестностей по проѣзжимъ
рогамъ постоялыми дворами, а впослѣдствіи монастырями, какъ госте-
имными учрежденіями. Мы видѣли Русскую дорогу; она вела въ городъ
ъ Алексѣевской Бѣлой башни и направлялась въ сторону къ Спасской
шнѣ Дѣтинца. По этому направленію тянулся, приблизительно, мостовой
астокъ Осмениковъ. По правую сторону этой дороги, если идти въ го-
ъ отъ Бѣлой башни, лежалъ Кромный городъ.

Когда, съ XIII вѣка, наводнившіе Русь татары остановили торгово-
мышленное теченіе жизни въ земляхъ княжескихъ, оно особенно усили-
ь въ странѣ Ильменской, умѣвшей ладить съ азіатскими ордами, зна-
ыми ей съ поконъ-вѣку. Къ этому именно времени и относятся Заго-
ныя поселки Неревской стороны вообще, въ особенности же по дорогамъ:
Русь и—Горной въ нѣмцы, для которыхъ, разумѣя подъ ними всѣ чуже-
ныя и чужестранныя племена Западной Европы, Новгородъ сталъ важ-
йшимъ средоточіемъ и посредникомъ торговли Ганзейскаго союза. Посе-
къ по Русской дорогѣ вызванъ усилившимися сношеніями съ западомъ.
къ онъ именовался первоначально, лѣтопись не сказываетъ. Въ немъ въ
слѣдствіи, уже въ XVII вѣкѣ, по письменнымъ свидѣтельствамъ этого
емени, встѣчаются: слободы—Тонная и Копорская, улица Юрьевская и
пачево. Возможно, что это были или отдѣльные поселки съ древнѣйшихъ
еменъ, не имѣвшіе только случая заявить себя въ лѣтописи, или проѣзды.
ъ осторожности мы не называемъ разсматриваемаго поселка этими име-
ми, предпочитая имъ церковное.

Въ описаніи лютаго пожара 1340 года лѣтописецъ впервые назвалъ
ятого Алексѣя въ Людинѣ концѣ. Изъ дальнѣйшихъ упоминаній о церкви
ого Святого, а особенно изъ Геннадіева обхода 1493 года, ясно, что за
омъ внѣшняго вала и за Бѣлою башнею существовала Алексѣевская
рковь. Время первоначальнаго сооруженія ея неизвѣстно; но церкви не
роились на пустыряхъ, если они не были мѣстами поселенія языческихъ
ковъ храмоздателей, или ихъ усыпальницами,—поэтому Алексѣевская
ковь возникла среди заселенной мѣстности, когда образовалось много
ровъ, нуждавшихся въ близости храма. Слѣдовательно эта церковь по-
влена около XIII вѣка обитателями значительнаго поселка, который мы

и называемъ, по имени ея—Алексѣевскимъ, а слободы и Щипачево с
ными участками его.

Мѣстность Алексѣевскаго поселка обнимала полуденный клинъ
описаннаго четвертаго участка Людина конца; она застилала все при
тое береговое пространство, въ сторону къ Мячину и къ Юрьеву; там
видѣли церкви Апостола Акилы и Св. Ксеніи. Бугры, образовавшес
кучь строительно-каменнаго и кирпичнаго сора, изрѣдка встрѣчаютс
лѣво отъ дороги изъ города въ Аркажу, между кустарникомъ и на п
до Благовѣщенской церкви, остающейся отъ монастыря, основаннаго
Святыми братьями Архіепископами Іоанномъ и Григоріемъ, и до сам
зины, прилегающей къ Мячину. Намъ не приходилось еще испыт
глубоко почву на этомъ пространствѣ,—тутъ пашня; толща жилого
и пространство заселенія его служатъ наилучшими указателями и с
ности поселка и тѣсноты его построекъ.

Обитатели Алексѣевскаго поселка различались по роду занятій
жайшіе къ Русской дорогѣ промышляли постоемъ и хлѣбопашеством
видно по первому слою почвы, поросшему кустарникомъ и давно у
обрабатываемому на пашню; подъ дерномъ и небольшимъ прослойком
душно-глинистаго налета лежитъ довольно глубоко, вершковъ на ше
ниже мы не изслѣдовали,—пашенная земля сытнаго удобренія. Бе
Мячина были, вѣроятно, рыбаками.

Какіе участки составляли Алексѣевскій поселокъ въ древности
который находился, опредѣлить съ точностью мы не можемъ, за отсутс
свидѣтельствъ. Если упомянутая былина о гостѣ Терентьищѣ др
склада, измѣнившая первоначальный слогъ при пересказахъ,—въ ней
минается „о дохтурахъ",—старѣйшимъ участкомъ будетъ Юрьевская у
въ былинѣ читаемъ: „Въ стольномъ Новѣгородѣ, Было въ улицѣ во
евской, Въ слободѣ было Терентьевской, А и жилъ былъ богатый
А по имени Терентьище; У него дворъ на цѣлой верстѣ".

Проѣзды.

Во избѣжаніе смѣшиванія понятій нашихъ о поселкахъ, назове
ставныя части этого, Алексѣевскаго, проѣздами.

а) Юрьевскій.

Улица Юрьевская могла быть тѣмъ самымъ поселкомъ, который
именованъ въ Алексѣевскій по сооруженіи церкви Алексѣя Святого.
начальное основаніе Юрьева монастыря восходитъ къ 1030 году; по
никамъ, которыми пользовался Татищевъ, сгорѣвшимъ и навсегда поги
для науки, Ярославъ Мудрый, носившій христіанское имя Георгія, осн
послѣ важной побѣды надъ Чудью, городъ въ землѣ этого народа и

ырь близъ Новгорода, назвавъ ихъ именемъ побѣдоносца-мученика—Юрь-
ыми; Георгій по-русски Юрій (Татищевъ, Исторія Россіи кн. I, стр. 222
461). Подробности объ этомъ монастырѣ у Макарія (Церк. древ. Ч. I,
. 403 и далѣе) и у Амвросія (Ист. рос. іер. Ч. VI, стр. 734 и слѣд.).
Русской дорогѣ лежалъ путь въ Ракомо—лѣтнее мѣстопребываніе Яро-
ава. Писатели иноземные свидѣтельствуютъ, что Новгородскій дворецъ
ослава, отличавшійся баснословнымъ великолѣпіемъ, служилъ убѣжищемъ
счастливымъ вѣнценосцамъ и ихъ родственникамъ (Бильмиркъ, Эймун-
ва сага); въ немъ проживали: король Норвежскій—Олофъ Святый, ли-
нный престола; изгнанные Канутомъ великимъ дѣти Англійскаго короля
монта, Эдвинъ и Эдвардъ;—князья Венгерскіе Андрей и Левента,—изъ
хъ первый женился, впослѣдствіи, на Ярославовой дочери;—Датскій, или
бще Скандинавскій князь Симонъ, изгнанный дядею Якуномъ слѣпымъ
немъ значится въ Патерикѣ Печерскомъ), и Норвежскій князь Гаральдъ,
спитывавшійся въ Новгородѣ, и женившійся, какъ и Андрей Венгерскій,
одной изъ дочерей Ярослава (Геральдовы вымлы Устава о мостахъ); онъ
лѣвалъ красоту Елизаветы Ярославовны во время морскихъ походовъ
ихъ (Кар. Ч. II, примѣч. 41, 58—60). Весьма вѣроятно, что какъ одно-
менно прибывшіе съ чужестранными князьями ихъ сторонники, такъ и
лѣдующіе выходцы, искавшіе убѣжища въ Новгородѣ, селились на Рус-
й дорогѣ и положили основаніе Юрьевской улицы, какъ недалеко ле-
вшей отъ Кромнаго города, въ которомъ были поселяемы наемные Лю-
ы-ратники, быть-можетъ ихъ земляки; упомянутое сооруженіе Щетин-
ы Троицкой церкви и заселеніе Радятина поселка чужестранными куп-
ы-гостями подтверждаетъ наше предположеніе. Изъ переписи 1623 года
но, что Юрьеву монастырю принадлежали участки земли на улицахъ:
ницыной, Редетинской и Лукиной, ближайшіе къ мокрой низинѣ. Когда
при какихъ обстоятельствахъ они поступали во владѣніе монастыря,
ть неизвѣстно,—тѣмъ не менѣе и эти участки нечужды наименованія
ьевскою улицею которой либо мѣстности Алексѣевскаго поселка (объ
стскахъ въ Ист. росс. іер. Ч. VI, стр. 771). Ближайшее ознакомленіе
старинными бумагами Юрьева монастыря дастъ, если онѣ еще не
чтожены, полезныя указанія для опредѣленія положенія былинной улицы
имени.

Примѣчаніе. Нынѣшнимъ лѣтомъ открыты однимъ Ракомскимъ жителемъ остатки
товаго укрѣпленія (гать), для моста на древней Русской дорогѣ, чрезъ рѣку Ракомку;—
четыре ряжа по $4^1/_2$ аршина ширины каждый, но не одинаковыхъ размѣровъ въ длину;
лены они на подстилку изъ прутьевъ, подъ которою лежитъ обыкновенная въ нашей
ности красновато-кирпичная глина, сильно пропитанная водою; лѣсъ не толще пяти
ковъ, сосна и ель; нѣкоторыя бревна обуглились снаружи, иныя значительно огнили;
попадаются и хорошо сохранившіеся, особенно изъ ближайшихъ къ дневной поверхности;
ены ряжи въ лапу, съ входящимъ клиновиднымъ зацѣпомъ въ концахъ. Длина укрѣ-
безмалаго десять саженъ. Мостъ имѣлъ направленіе съ западо-полночи къ полдне-
у, прямо на погостъ „Паозерье“ или „Троицкой въ Паозерьи“, отстоящій отъ Ра-
а версту съ небольшимъ. Берегъ, отъ котораго пошли ряжи, представляетъ искус-
ную приподнятость. Моста чрезъ Ракомку никто изъ старожиловъ не помнитъ. Прихо

. Онъ останавливался, велѣлъ Евангеліе читать, говорить эктеніи и ословлялъ народъ крестомъ у церквей; лѣтописецъ упомянулъ объ Обра-, Алексѣевской и Свято-духовской; мы знаемъ, что на концѣ Людго- и Чудинцова поселковъ, у котораго Владыка останавливался также, —монастырь Никольскій у Скудельницъ и церковь Симеона Столпника,— итъ и близъ Петровской улицы была церковь. А если къ ней подхо- конецъ Алексѣевскаго поселка, то церковь могла быть Преподобной іи, а конецъ поселка—Щипачово, какъ проѣздъ къ Петровской улицѣ.

О слободѣ Тонной мы говорили. Гдѣ была другая слобода, Копор-,—намъ неизвѣстно;—впредь до встрѣчи съ какими либо данными для дѣленія мѣстоположенія ея, приходится довольствоваться только ука-емъ Митрополита Евгенія, что слобода эта была за Бѣлою башнею. Красовъ, ни Муравьевъ, ни Д. И. Прозоровскій не говорятъ о ней ни а; не помнитъ никто о такой слободѣ и изъ сторожиловъ Троицкой ы и слободы ея имени. Должно быть основанная Копорянами, выход- города Копорья, временъ писцовыхъ и Большого чертежа (Спасскаго), умерла вмѣстѣ съ ними, какъ незначительная.

Были, конечно, въ Алексѣевскомъ поселкѣ, какъ и во всѣхъ прочихъ, ды, другіе, кромѣ этихъ двухъ, проѣзды и проулки, но о нихъ не ствуетъ никакихъ свѣдѣній.

Въ настоящее время на мѣстѣ нѣкоторой части Алексѣевскаго поселка цкая-Ямская слобода и вновь заведенныя, близъ Петровскаго клад-, усадьбы эстонцевъ.

Гончарскій.

Въ мнѣніяхъ ученыхъ изслѣдователей Новгородской старины о Гончар-ъ концѣ, какъ одномъ изъ пяти государственныхъ, нѣтъ твердой почвы. . Красовъ доказалъ, что Людинъ древній конецъ, а Гончарскій новый; онъ считаетъ послѣдній замѣнившимъ первый, значитъ тоже видитъ Гончарскомъ—государственный. Мы же признаемъ въ немъ только посе-. Людина, и притомъ Загородный, и считаемъ получившимъ названіе а въ народномъ лишь говорѣ, и всегда составлявшимъ участокъ Лю-, по счету нашему четвертый. За основаніе такого мнѣнія принима-нами лѣтописныя и иныя свидѣтельства.

Подъ 1360 годомъ значится: „Погорѣ Подолъ да Горньчарскій конецъ церквіи древяныхъ сгорѣ“ (I Нов. лѣт. годъ 6868, стр. 87). Подолъ й половины города мы видѣли: онъ лежалъ вдоль берега мокрой ни- Людина конца и, предположительно, составлялъ внѣшнюю окраину наго города, разстилаясь, конечно, и за Алексѣевскую Бѣлую башню. ремени описаннаго пожара—Кромнаго города,—въ смыслѣ поселка, охра-аго западную сторону Людина конца—могло уже не быть. Такимъ омъ приведенная отмѣтка лѣтописи не даетъ права считать Горньчар-конецъ на мѣстѣ Людина; Подолъ составлялъ особый, хотя и неболь-

шой, поселокъ его,—а Горньчарскій лежалъ западнѣе. Еще яснѣ
вполнѣ опредѣлено указана мѣстность Горончарскаго конца въ отм
подъ 1534 годомъ: „Освящена церковь пророка Иліи въ Петровскомъ
настырѣ, въ Горончарскомъ концѣ“ (Пол. собр. лѣт. Ч. VI, годъ 7
стр. 292). Этотъ Петровскій монастырь тотъ самый, который был
Сильнищи, съ главною церковью первоверховныхъ апостоловъ, гдѣ те
Петровское кладбище. Другого монастыря того же имени въ полуден
падной половинѣ Неревской стороны никогда не было. Въ писцовыхъ
гахъ XVI вѣка упоминаются и монастыри Гончарскаго конца: Благовѣ
скій, Воскресенскій и Спасскій,—и Якимо-Іоанпская церковь. Благовѣще
оставилъ церковь близъ Аркажи; Спасскій былъ на рѣкѣ Верендѣ, вер
въ 20 отъ Новгорода,—Воскресенскій же въ Людинѣ концѣ, на Мигр
росписи 1615 года, какъ уже сказано, показаны на Щипачевѣ Акимъ
столъ и Преподобная Ксенія. Изслѣдователи полагаютъ, что Акимъ на
вмѣсто Акилы, по ошибкѣ. Мы тоже видимъ ошибку, но не въ име
въ словѣ Апостолъ; въ имени же „Акимъ“ сказывается, на нашъ взг
писцовая „Якимо-Анская“ церковь. Мы знаемъ, что Акила апостолъ—с
женъ въ концѣ Алексѣевской улицы, а Акимъ былъ на Щипачовѣ,
церковь Св. Ксеніи, т. е. въ другой сторонѣ Алексѣевскаго поселк
внѣшнимъ валомъ.

Имѣются, кромѣ указанныхъ, лѣтописныя отмѣтки о Гончарскомъ к
нуждающіяся въ толкованіи: а) подъ 1526 годомъ говорится: „Згор
въ Горончарскомъ концѣ, на Черницынѣ улицѣ; улица вся погорѣ, и
варинъ монастырь весь выгорѣ, и весь конецъ до Олексѣя святого, и с
градныя погорѣ четыре прясла“ (тамъ-же, годъ 7034, стр. 232). Черни
поселокъ доходилъ до воротъ костра противъ Широкаго проѣзда; за
какъ увидимъ, лежалъ поселокъ Гончаровъ; выходилъ-ли Черницынъ
локъ, или болѣе поздняя улица, за костеръ, мы ни утверждать ни отр
не имѣемъ основаній. Зная же, что поселки Неревского-Загородского, н
наго, конца тянули княжею податью (тягломъ) въ Неревской государс
ный конецъ, можно допустить, что Черницынъ поселокъ имѣлъ свой
селокъ за костромъ, еще до образованія народнаго Гончарскаго кон
носилъ, впослѣдствіи, по тяглу, имя Черницыной же улицы, когда
появился новый народный конецъ. Переходъ пожара съ завальной ст
внутрь Людина конца—явленіе обыкновенное; б) подъ 1534 г., въ то
мѣстѣ, на которомъ отмѣчено объ освященіи Ильинской церкви въ П
скомъ монастырѣ, сказано: „обложена Софійская сторона отъ Гончар
конца“ (тамъ-же, на 292 стр.). Здѣсь разумѣется или возстановленіе
четырехъ пряселъ стѣны городской, по внѣшнему валу, которые с
8 лѣтъ назадъ, или объ особомъ огражденіи, для отдѣленія Людина
отъ народнаго Гончарскаго; наконецъ в) въ 1537 году поставленъ
новый въ Горончарскій конецъ къ Образу Святому (Новгородъ и П
стр. 16). Мы видѣли извилистый проѣздъ, которымъ лежалъ ближ
путь къ церкви Нерукотвореннаго Образа, въ Загородьи, съ Русской д
Если мостъ перекинули чрезъ ровъ внѣшняго вала, или поставили д

ороге къ Образу, за предѣлами вала, напримѣръ гдѣ нибудь на Щи-
овѣ, или на Юрьевской улицѣ—приведенная отмѣтка безъ натяжки мо-
ъ быть отнесена именно къ такому завальному мосту въ Гончарскій
ецъ.

Итакъ, лѣтописныя свидѣтельства не даютъ права считать Гончарскій
ецъ замѣнившимъ Людинъ и его поглотившимъ.

Гончарство, какъ мы сказали, возникло на Ильменско-Волховскомъ
ережьи еще въ каменный вѣкъ; оно было тогда же извѣстно и по всей
анѣ Ильменской; въ мѣстностяхъ коренныхъ залеганій горшечныхъ глинъ
дѣлывали и сплавляли къ Коломцамъ и внизъ по Волхову, къ Ладож-
му озеру, а равно и по другихъ рѣкамъ, домашнюю посуду, а гдѣ
рѣчались глины болѣе грубыя, особенно послѣ озерныхъ вѣковъ, отло-
вшихъ красноватую кирпичную,—вездѣ, гдѣ стояли водоемы,—изъ нея
дѣлывали, сперва высушивая, кусками, на воздухѣ, а затѣмъ и обжи-
—хижины для жилья, очаги, печи и прочія приспособленія для удобства
ни. Сказано также, что окрестности Неревской стороны, особенно за-
но-полночная, богаты глубокими залежами глины, и что тамъ суще-
уютъ и теперь кирпичные заводы. Нѣтъ, поэтому, сомнѣній, что гон-
ы проживали съ долѣтописныхъ временъ около глинодѣльныхъ соору-
ій, по окраинѣ Людина конца, внутри города и внѣ его, за валомъ.

Къ XI вѣку наше гончарство стояло уже на высокой степени: при
копкахъ внутри города, какъ бы они ни были глубоки, постоянно встрѣ-
тся, съ верху до низу, обломки битой посуды, съ вдавленными узорами
ъ глазурью разныхъ цвѣтовъ; нерѣдко попадаются изразцы съ поли-
. Наши раскопки производились преимущественно около древнѣйшихъ
квей, потому мы и назвали XI вѣкъ свидѣтелемъ высокаго искусства
гончарномъ дѣлѣ.

При упомянутыхъ работахъ въ Софійскомъ соборѣ открыты остатки
ловой настилки изъ цвѣтныхъ—поливныхъ и цвѣтныхъ изразцовъ, на
цевой сторонѣ которыхъ уцѣлѣли глазурь и нѣсколько выпуклые узоры;
азцы, въ изломѣ, представляются желѣзистыми, признакъ прекраснаго
кога. Лѣтописные сборники поздняго составленія говорятъ, что строите-
ми Софійскаго собора были Византійскіе художники. Кладка стѣнъ, обна-
женная при нынѣшней починкѣ поврежденій, въ нихъ образовавшихся, а
кже „Муссія“ (мозаика) по стѣнамъ главнаго алтаря, вполнѣ подтверж-
ютъ извѣстіе лѣтописныхъ сборниковъ; византійское художество очевидно.
мъ пришлось наблюдать во многихъ мѣстахъ, какъ-бы собственноручныя
дписи строителей,—четыреконечные кресты съ выходящими изъ основанія
обѣ стороны и заворачивающимися къ древу креста завитками—излюбленное
рашеніе византійскаго креста времени между VI—XII вѣками; кресты
нацарапаны какимъ нибудь остріемъ на смазкахъ, чаще всего розова-
о цвѣта, заполняющихъ пустоту между неровными камнями кладки.
едположить, что половая настилка вывезена изъ Византіи,—едва-ли осно-
ельно; площадь собора обширна; изразцы достаточно толсты; ихъ нужно
о десятки тысячъ; при несовершенствѣ, въ XI вѣкѣ, путей сообщенія,

доставка такого огромнаго груза въ Новгородъ стоила-бы баснословно рого. Возможно, конечно, что на гончарное дѣло вызваны были византі производители, которые и работали здѣсь. Но въ кладкѣ сводовъ оказа великое множество голосниковъ;—горньцы Пидьблянина, оттолкнувшаго плывшій къ берегу болванъ Перуна, извѣстны у насъ въ X вѣкѣ; уп блялись-ли византійцами при кладкѣ стѣнъ и сводовъ такіе же, какъ з грушевидные сосуды—голосники, недоказано;—Софійскіе—разнообраз по составу глины и по выдѣлкѣ;—очевидно они дѣлались, по заказ разныхъ мѣстахъ залеганія горшечныхъ глинъ; кромѣ Софійской во гихъ Новгородскихъ церквахъ XI—XV вѣка встрѣчаются такіе же голос несомнѣнно мѣстнаго производства. Въ виду всего этого и половая изр тая настилка дѣло рукъ мѣстныхъ гончаровъ.

Итакъ, гончары были въ Новгородѣ съ долѣтописныхъ временъ и поблизости отъ мѣстъ залеганій кирпичной глины. Къ XIV вѣку он ставляли обширный поселокъ и, вѣроятно, получили, какъ смердыс-сленники, отличное отъ горожанъ-смердовъ же устройство, признанное бымъ Вѣчевымъ постановленіемъ, съ своимъ, напримѣръ, старостою, чившимъ, наравнѣ съ прочими улицкими должностными лицами, участвовать въ народномъ собраніи, въ качествѣ представителя своег селка.

Изъ лѣтописныхъ отмѣтокъ, выше приведенныхъ, оказывается поселокъ Гончарской занималъ обширную площадь между внѣшнимъ ва и Благовѣщенскимъ монастыремъ, и что въ немъ считались монас Петровскій—на Сильнищи, и Спасскій-Верендовскій. Едва-ли слѣдует ключить по этимъ отмѣткамъ, что все пространство между городо Спасскимъ-Верендовскимъ монастыремъ составляло Гончарскій поселок томъ же смыслѣ, какъ прочіе Кончанскіе, внутри города и въ ближай окрестностяхъ, то есть, чтобы онъ тянулся на 20 верстъ. Должно на этой площади, богатой кирпичною глиною, стояли, разсѣянно, кирпи заводы съ жилыми около нихъ дворами, подчиненные въ порядкѣ упр нія должностнымъ лицамъ Пригороднаго поселка. Между монастырями ровскимъ и Спасскимъ—протекаютъ двѣ рѣки, Веряжа и Верейда, в ющія въ Ильмень; береговое пространство озера между ними, Пло было заселено, какъ мы имѣли уже случай отмѣтить, необыкновенно спросъ на гончарныя издѣлія и вызвалъ тѣ заводы, обыватели кот зависѣли отъ Гончарскаго пригороднаго поселка. Въ Уставѣ о мостах списку Софійскаго Временника Строева, мы видѣли участокъ Вережан гончары-ли Поверяжья и Заверяжья Шелонской пятины (чертежъ книг волина о Пятинахъ) призваны были, какъ ремесленники, пользовал выгодами городского благоустройства,—но не Кончане,—къ отбыванi стовой повинности? Утвердительное рѣшеніе этого вопроса не представл на нашъ взглядъ, невѣроятнымъ.

Не признавая, на основаніи сказаннаго, за Гончарскимъ посе двадцативерстнаго протяженія, мы видимъ въ немъ второй клинъ ч той части Людина конца, и отводимъ ему во время самобытія мѣсто

ровской улицы Геннадіева обхода, начинавшейся сряду за внѣшнимъ омъ, нѣсколько далѣе къ полночи отъ Широкаго проѣзда Знаменскаго унка,—на лѣтній западъ, между Петровскимъ монастыремъ и слободою Псковской дорогѣ, по направленію къ Аркажѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя допустить, что гончары, подчиненные властямъ поселка, имѣли дворы и три города, во второй части Людина конца, близъ внѣшняго вала, между нечностью Черницына поселка у Широкаго проѣзда и Десятиннымъ мо-тыремъ, гдѣ они первоначально и поселились, а также на Мигрѣ и въ ексѣевскомъ поселкѣ.

Проѣзды.

Ограничивая площадь Гончарскаго поселка мѣстностью близъ внѣш-о вала, скажемъ о проѣздахъ только на этой площади.

а) Петровской.

При существованіи заводовъ гончарнаго производства были проѣзды къ лому, но ни лѣтопись, ни другіе письменные памятники не сохранили заній на ихъ названія; единственно извѣстная здѣсь—это Петров-я улица, направлявшаяся къ монастырю, давшему ей свое имя; она жила проѣздомъ и для Щипачова, составляя такимъ образомъ границу ходившаго къ Гончарамъ Алексѣевскаго поселка. Начиналась она, какъ ѣздъ отъ внѣшняго вала, близъ Десятины.

и б) Козороговъ.

Извѣстный И. И. Красову и Д. И. Прозоровскому, Козороговъ переулокъ ставлялъ, вѣроятно, также одинъ изъ проѣздовъ Гончарскаго поселка; но гдѣ енно онъ находился—сказать не можемъ. На чертежѣ 1756 г., сбоку, отмѣ-ны Н. Н. Муравьевымъ названія новыхъ, сравнительно съ Нарядною описью 23 г., улицъ и переулковъ; въ числѣ ихъ и Козероговскій; онъ записанъ слѣ Ямской-Троицкой слободы. Если Красовъ и Д. И. Прозоровскій основыва-ъ свое указаніе на переулокъ этого имени, руководствуясь изслѣдованіемъ равьева, и если мнѣніе послѣдняго имѣетъ основаніе, въ такомъ случаѣ зороговъ переулокъ будетъ въ нашемъ Гончарскомъ поселкѣ, гдѣ нибудь ѣво отъ нынѣшней Ямской-Троицкой слободы. Существовалъ-ли онъ въ вности и когда появился, или онъ возникъ уже въ XVIII вѣкѣ, послѣ писи 1744 г., на которую указываетъ Митрополитъ Евгеній (см. выше), называя этого переулка,—все это могутъ выяснить дальнѣйшія изы-нія.

Н. Н. Муравьевъ, въ описаніи стараго Новгорода, существовавшаг 1756 году, перечисляетъ нѣсколько улицъ и переулковъ, о которых сохранилось къ нашему времени никакихъ свѣдѣній;—мы ихъ и не ваемъ.

Заполья.

Заполья, какъ незаселяемые вообще пространства внутри города, укрѣпленій, были непремѣнно въ каждомъ концѣ и въ каждомъ пос подходившемъ къ валу внутреннему, или внѣшнему. Лѣтопись не сохр извѣстій о названіяхъ Запольевъ Людина конца. Нарядная опись 1623 знаетъ только одно, относящееся къ нему, судя по названію,—это виженское. Лежало-ли оно внутри Кромнаго города, или внѣ его, именно—свѣдѣній нѣтъ. Если-бы мы могли съ увѣренностью опред мѣста Запольевъ соотвѣтствіемъ или сопменностью ихъ съ тѣми посел и церквами, названія которыхъ они носятъ, тогда Воздвиженское стили-бы по ту, или по другую сторону Радятина поселка и Воздв ской церкви; но мы видѣли, напримѣръ, Козьмодемьянское Заполье нынѣшними улицами Легощею и Чудинцевскою и современное Прусско улицею, давшею ему названіе. Въ Нарядной описи всѣ Заполья ко Неревской стороны названы въ одной статьѣ, въ такомъ порядкѣ: Ко демьянское, Черковское, Прусское, Легощенское, Росткинское, Яневс Воздвиженское. Какъ эта опись, такъ и роспись церквей 1615 года сятъ названія церквей, монастырей и улицъ по порядку положенія их концахъ и улицахъ города, послѣдовательно. Поэтому въ такомъ ж рядкѣ записаны, должно быть, и Заполья. Козьмодемьянскихъ было одно въ концѣ улицы его имени, а другое далеко отъ нея. Если сос тель началъ перечисленіе съ того, которое было въ концѣ Козьмодемья улицы, слѣдующее за нимъ, по мѣстоположенію въ западномъ направ было то, которое записано вторымъ—Черковское, или Щирковское; но д идетъ Прусское, минуя ближайшее въ томъ же направленіи—Росткинск за нимъ Легощенское, и потомъ уже Росткинское; какъ будто состав описи, перескочивъ два Заполья, и помѣстивъ послѣ Черковскаго Пру пошелъ отъ него назадъ, въ обратномъ, т. е. въ восточномъ направ Такую, повидимому, безпорядочность можно объяснить положеніемъ З евъ не при поселкахъ и не при церквахъ, названіе которыхъ имъ своено, и еще тѣмъ, что въ опись вошли только Заполья, внѣ города положенныя. Послѣднее объясненіе подтверждается отсутствіемъ въ встрѣчающагося въ лѣтописи Заполья Чудинскаго.

Въ надписи Н. Н. Муравьева на чертежѣ 1756 г., подъ заголо „Описаніе древнихъ улицъ Великаго Новгорода, учиненное Алексан Чоглоковымъ, да дьякомъ Добрынею Семеновымъ въ 1623 году", Л конецъ помѣщенъ восьмымъ, послѣднимъ изъ вновь прибавленныхъ.

ѣ него написано: „Заполья купцовъ Софійской стороны“—и перечи-
ы тѣже, что и у Евгенія. Въ Новгородѣ всегда было преобладающимъ
не численностью, такъ состоятельностью, населеніе торговое,—оно от-
ло государственныя повинности въ размѣрахъ болѣе крупныхъ, чѣмъ
кане не богатые и не торговые, не имѣвшіе участковъ земли кромѣ
й сдворочной. Изъ отрывковъ писцовыхъ книгъ города нашего, по-
аемыхъ въ жалованныхъ грамотахъ церквамъ и монастырямъ послѣ
3 года, и въ закладныхъ и купчихъ двухъ, предшествующихъ нашему,
ѣтій,—(на нѣкоторыя изъ хранящихся въ собственномъ нашемъ со-
іи выше сдѣланы ссылки съ выписками)—видно, что онѣ составлены
и же, Чоглоковымъ и Добрынею Семеновымъ, и въ томъ же 1623 году;
въ нихъ указаны размѣры—участковъ городскихъ—въ саженяхъ, а
стныя, если они не заселены—количествомъ снимаемаго сѣна и четями
кевая старинная мѣра),—и обозначены тягла. Изъ этихъ подробностей
зывается, что Нарядная опись есть только общая часть писцовыхъ книгъ
орода, перечневая, въ которую вошли лишь нѣкоторые земельные
тки, какъ крупныя податныя единицы; въ нее, поэтому, не вошли
ія Заполья и внутреннія и внѣшнія, искать которыхъ надобно въ пис-
ихъ книгахъ Новгорода и въ тѣхъ отрывкахъ, которые встрѣчаются въ
отахъ, закладныхъ и купчихъ стараго времени.

Принимая, такимъ образомъ, Заполья Нарядной описи и чертежа 1756
за крупные земельные внѣ городніе укастки зажиточныхъ обывателей,
и всего населенія тѣхъ улицъ, которымъ они принадлежали и име-
которыхъ назывались, мы получимъ объясненіе отсутствія въ перечи-
іи ихъ порядка, соотвѣтствующаго положенію соименныхъ Запольямъ
цъ: принадлежащее Яневой улицѣ могло находиться по сосѣдству съ
инымъ городомъ, Прусской—рядомъ съ Щирковою и т. д.

При установленіи пространства и границъ Загородного конца выска-
предположеніе о заселеніи площади его, въ перволѣтописные и само-
ные вѣка, въ наибольшей части, иновѣрными чужестранцами. По при-
іненіи Новгорода къ Москвѣ, внѣшняя торговля его сократилась до
тожныхъ оборотовъ и сношеній съ Западною Европою;—чужестранцы,
лѣ уничтоженія торговыхъ дворовъ ихъ, покинули Новгородъ; поселки
стѣли; еще и до сихъ поръ огромное пространство между улицами
сскою и Троицкою, прилегающее къ внѣшнему валу, остается подъ ого-
ами и садами, а больше—подъ пустырями. Тутъ было, несомнѣнно, много
тренних Запольевъ: монастырскихъ, церковныхъ и обывательскихъ,
лавленныхъ на чертежѣ Попова и Литвинова общимъ названіемъ „За-
евъ купцовъ Софійской стороны“.

Воздвиженское могло находиться, если принадлежало не церкви, а проѣзду
мени, какъ частная, подлежащая податному обложенію, собственность
ателей улицы, гдѣ нибудь за внѣшнимъ валомъ, въ окрестностяхъ города.
едѣлить это положеніе въ настоящее время невозможно; будемъ ждать
рѣчи съ этимъ Запольемъ въ старинныхъ владѣнныхъ бумагахъ, опре-

Сады Неревского конца упомянуты выше; одинъ на окраинѣ П
поселка, вдоль внѣшняго вала; близъ него мы видѣли Ипатьевску
ковъ, а другой между проѣздами Холопьимъ и Козьмодемьянскимъ.
придется между концами нынѣшнихъ улицъ—Малой-Конюшенной и
ской, а второй между церквами—Пантелеймоновскою и Тихвинскою,
второй садъ разстилался отъ названныхъ церквей довольно далеко
стокъ, къ мѣстности Яковлевской церкви; на полдень къ западу о
стоитъ названный выше, въ числѣ каменныхъ палатъ, большой
особнякъ, выходящій лицевою стороною на Широкій проѣздъ вдол
режья, гдѣ теперь Дмитровская улица. Въ одной старинной купче
года значится: „Аѳонасей Прокофьевъ Буйносовъ продалъ Петру Д
Скобелцыну свой дворъ на бѣломъ (не податномъ) мѣстѣ, на Кузмо
улицѣ, идучи отъ Волхова къ Деревянному городу по правой рукѣ
Деревяннаго города идучи по лѣвѣ рукѣ, садъ Великаго князя“ (Ак
№ 91). Кузьмодемьяна улица, какъ проѣздъ, оканчивалась у наше
режья, значитъ не пересѣкала здѣшняго Широкаго проѣзда; она б
времена самобытія, извилиста. Деревяннымъ городомъ въ XVI
вѣкѣ называлась стѣна поверхъ обоихъ валовъ, внѣшняго и вну
(въ 1546 году: „горѣло за Деревяннымъ городомъ подъ святым
ремъ,—значитъ за внѣшнимъ валомъ;—а въ 1649 г.: „Деревянны
на земляномъ меньшемъ городѣ погинулъ“. Эти отмѣтки приведены
Въ купчей надобно видѣть внутренній Деревянный городъ, къ которо
отъ Волхова оставитъ Козьмодемьянскую улицу, или проданное на
лое мѣсто,—вправѣ, обратный же влѣвѣ. Можно, поэтому, прин
слѣдненазванный садъ Неревского конца тѣмъ, который числился
вѣкѣ за Великимъ княземъ. Мы видѣли, что Рогатицкій дворецъ
наго Посадника состоялъ до начала нынѣшняго столѣтія въ казенн
домствѣ, какъ и Ярославле Дворище, отданное Петромъ Великимъ Б
скимъ купцамъ, въ 1723 году, въ пользованіе, но не въ собств
остающуюся до сихъ поръ за казною. Едва-ли, въ виду этого,
бемся, если въ садовомъ мѣстѣ Великаго князя, купчей 1579 года,
емъ, что оно перешло къ Московскимъ государямъ послѣ уничтожен
бытія, какъ имущество государства Новгородскаго, а таковымъ о
быть принадлежа дворцу Неревского-Кончанскаго Посадника, находи
близъ сада и Яковлевской церкви.

Садъ между концами Загороднымъ и Людинымъ—это Лужище
торомъ стояла Яковлевская церковь. Онъ застроенъ въ настоящ
частію Десятиннымъ монастыремъ, частію дворами улицъ—Десят
Власьевской. Полуденно-западною стороною садъ этотъ примыкаетъ
каменнымъ постройкамъ, тѣсно поставленнымъ одна къ другой,
предположены нами принадлежащими Десятинному монастырю,
числѣ построекъ нѣтъ напоминающихъ церковныя. Если же это
стырь, въ постройкахъ можно видѣть, также какъ и въ Неревском
дворецъ Кончанскій.

Мосты.

За все время самобытія письменныя свидѣтельства ни разу не сказы-
ютъ, до 1472 года, о мостахъ на Неревской сторонѣ, кромѣ Великаго,
ретьскаго и Гребельскаго; послѣ же самобытія упоминаются: Спасскій,
ровскій. Воскресенскій, Новый, Розважскій, Петровскій, Живой и Зелей-
й. О Великомъ Волховскомъ объясненія даны.

Неретьскій-Гребельской-Новый.

Въ Уставѣ Ярослава, по спискамъ Софійскаго Временника и Карам-
инскому, названъ Неретьскій мостъ: „Коломняномъ до Неретьского мосту".
Спискѣ Русскихъ Достопамятностей (Дубенскаго) приведенныхъ словъ
ть,—между тѣмъ этотъ списокъ можно принять за древнѣйшій изъ из-
тныхъ. Однако, по совмѣстному чтенію соотвѣтственнаго мѣста въ этихъ
хъ спискахъ, выходитъ, что въ старѣйшемъ слова: „Коломняномъ до
етьскаго мосту"—ошибочно пропущены, такъ какъ безъ нихъ нельзя
ть начальной границы участка, слѣдующаго за предшествующимъ, и даль-
шихъ. Осменники дошли съ Прусами до церкви Бориса и Глѣба, кото-
представляется живымъ урочищемъ; отсюда:—„Ти—грожане", или „Ти-
ены", или „Тигожане", а по нашему „Таможены", мостятъ участокъ
Коломнянъ; но гдѣ эти Коломняне, въ которую сторону отъ Бориса и
ба направляются участки ихъ и другіе—изъ дальнѣйшаго перечня именъ
отрѣть нельзя, если въ Уставѣ не названо урочище, къ которому слѣ-
тъ вести мостовую послѣ Бориса и Глѣба; но когда поставить пропу-
нныя слова, будетъ ясно, что мощеніе должно взять направленіе къ Не-
ьскому мосту. Стало-быть этотъ мостъ существовалъ во времена, до
ала Новгородской лѣтописи.

Но гдѣ находился Неретьскій мостъ? Для рѣшенія этого вопроса мы
ѣемъ нѣсколько данныхъ лѣтописныхъ и рисунокъ Дѣтинца Михайлов-
ой церкви.

Въ 1421 году лѣтомъ „бысть вода велика въ Волховѣ, и снесе Ве-
кій мостъ, и Нередичьской, и Жилотужской; а съ Коломецъ церковь
есе святую Троицу, а въ Щиловѣ, и на Сокольницѣ, и въ Радоковиц-
ъ, и Въскресеніи въ Людинѣ концѣ, въ тѣхъ церквахъ только на пола-
хъ пѣли; а по концамъ хоромы и съ животы снесе. А толь сильно
ліася въ городняа ворота, до Рыбниковъ" (I Новг. лѣт. годъ 6929,
. 109). Названный въ этой отмѣткѣ мостъ „Нередичьской" близокъ по
нству корня и вообще по созвучію—съ Неретьскимъ мостоваго Устава,
акже и по мѣсту въ перечнѣ мостовъ, какъ записанный послѣ Вели-
о, къ которому Уставъ сводитъ участки лѣвой стороны города. Но мы
можемъ отождествлять обоихъ, такъ какъ знаемъ: гору Нередицу, Вол-
ской протокъ, пробѣгающій между нею и холмомъ Городищенскимъ,
у Жилотугъ и всѣ тѣ урочища, которыя названы въ отмѣткѣ, кромѣ

городныхъ воротъ у Рыбниковъ; но и эти ворота не трудно найти, имѣть въ виду многовѣковую стойкость торговыхъ мѣстъ и дней: торговые до сихъ поръ на прежнемъ мѣстѣ, Мясники—тоже; пятница торговымъ днемъ въ XII вѣкѣ (пожаръ 1194 г.; отмѣтка написана вы такимъ же она остается и до нашего времени. „Рыбаки“ располагаются вдоль праваго берега, ниже Волховского моста, въ садкахъ и въ ла по набережной; береговой валъ, а на немъ стѣну, на Славенской ст мы видѣли; ворота приведенной отмѣтки у Рыбниковъ были, конечно, изъ вымловъ вала, а рыбники лѣтописи тутъ же, гдѣ и нынѣшніе р Современникъ высокаго подъема воды началъ перечень произведе имъ разрушеній и поврежденій,—упомянувъ сперва о самомъ цѣнн Великомъ мостѣ,—съ истока Волхова, съ урочища Коломцовъ, по п положенія ихъ, приближаясь къ городу. Между Городищемъ и Нер всегда былъ мостъ: протокъ между ними неширокъ, а обѣ мѣстнос нимались поселками Княжихъ дружинъ и слугъ, сообщеніе съ ко необходимо было ежедневное. Слѣдовательно „Нередичьской“ мостъ, стоявшій на пути отъ истока Волхова къ городу раньше Жилотуж раньше его названный лѣтописью, будетъ тотъ, что между Нереди Городищемъ. Въ пожаръ 1472 года, начавшійся на Яневѣ и Даньс улицахъ, сгорѣло полтора прясла „городной стѣны и Гребельской м весь сгорѣлъ и гребля вся и до Великаго мосту“ (отмѣтка приведена Изъ этого мѣста лѣтописи видно, что между улицами Яневою,—Дан лею и Великимъ мостомъ былъ Гребельской мостокъ и Гребля. Греб ровъ, отъ словъ „выгребать, грести“, то есть вынимать землю при ко рва; встрѣчается въ мостовомъ Уставѣ и въ лѣтописи, въ томъ ж ченіи, Гробля; мы называемъ гробомъ помѣщеніе для тѣла покойника скаемое въ нынѣшную яму; Гребля, какъ ровъ, была въ XV вѣкѣ и внѣшняго и около внутренняго вала; улицы Янева и Даньславля приход какъ мы знаемъ, крайними къ тому и другому окопамъ въ Нере концѣ; такъ что Гребельской мостъ, какъ перекинутый чрезъ Греб Неревскомъ концѣ, могъ называться Неревскимъ или Неретьскимъ. М емъ также, что къ тому же XV вѣку были деревянныя стѣны п валовъ внутренняго и внѣшняго; стало-быть полтора прясла городной сгорѣвшія въ 1472 году, могли одинаково принадлежать и внѣшнему и реннему валу. Въ числѣ Дѣтинцевскихъ церквей мы видѣли, подъ 1 1311 гг. лѣтописи, Ѳеодоровскую и Владимірскую надъ воротами о ревскаго конца;—изъ Геннадіева обхода знаемъ, что Владыка ше первый разъ, обогнувъ собственно внутренній валъ Дѣтинца, и завор съ полночи на востокъ,—къ Володимерскимъ воротамъ; „да дошедъ д бельскаго мосту, что изъ Володимерскихъ воротъ,—да оттолѣ поше Новому мосту, да взошедъ на Новый мостъ противъ Володимерских ротъ, Архіепископъ сталъ и Евангеліе челъ; да отселѣ пошелъ Н мостомъ ко Кресту, къ Великому мосту“;—во второй же разъ, когд надій обходилъ деревянный городъ внѣшняго вала, на обратномъ к тинцу пути, онъ шелъ берегомъ Яневы „и пришедъ къ Яневѣ у

взошелъ на гору, да пошелъ къ Новому мосту, взошедъ на Новый
тъ да шелъ Новымъ мостомъ ко Кресту къ Великому мосту" (отмѣтка
ведена выше). Если существовали ворота изъ Дѣтинца въ Неревской
ецъ, Ѳедоровскія и Владимірскія, долженъ быть и мостъ чрезъ оба рва,
инцевскій и малаго вала. Положеніе Яневы улицы и приподнятость
еговой части ея мы видѣли; Генадій, взойдя на гору, пошелъ къ Новому
сту, перекинутому, вѣроятно, чрезъ который нибудь ровъ. Ворота въ Не-
ской конецъ—Владимірскія—существовали въ XVI вѣкѣ, что видно изъ
мѣтки подъ 1541 г. о пожарѣ, начавшемся съ Яневы улицы противъ
адимірскихъ воротъ (см. выше); Ѳедоровскія же послѣ 1223 года уже
встрѣчаются въ лѣтописи; значитъ Новый мостъ Геннадіева обхода ле-
лъ гдѣ нибудь поблизости отъ Владимірскихъ воротъ. Въ 1536 году
ставленъ мостъ Новый въ Неревской конецъ ко святымъ Сорока мучени-
мъ (Пол. соб. рус. лѣт. Ч. VI годъ 7044, стр. 300). Этотъ послѣдній
мѣнилъ должно-быть тотъ, которымъ шелъ Геннадій во второй разъ въ
93 году; положеніе церкви Сорока Мучениковъ указано; мостъ къ ней
можетъ только отъ Дѣтинца чрезъ оба рва. Значеніе этой церкви мы
яснили; около нея собиралось Вѣче Неревскаго конца; ближайшее, по-
му, сообщеніе съ Дѣтинцемъ представлялось нужнымъ—для Кончанскихъ
овъ, чтобы ходить въ Правительственную Палату, которая стояла на
динѣ Дѣтинцевской площади, противъ Софіи. Вѣче у Сорока мучениковъ
пралось въ 1218 году (по поводу борьбы за Посадника Твердислава),—
тъ, значитъ, былъ и тогда.

Совокупность приведенныхъ показаній лѣтописи даетъ основаніе ви-
ть „Неретьскій мостъ" Ярославова Устава именно тамъ, гдѣ былъ Гре-
ьскій, и,—упомянутый послѣднимъ,—къ церкви Сорока мучениковъ; Но-
й же—второго и перваго обходовъ Геннадія,—или перекинутъ впослѣд-
віи, вѣроятно одновременно съ возобновленіемъ Дѣтинца, около 1484—
93 гг.,—если разумѣть подъ нимъ переправу чрезъ ровъ; а если мо-
мъ названа мостовая, вновь насланная къ второму изъ написанныхъ
овъ, что болѣе вѣроятно,—незачѣмъ вести къ однимъ и тѣмъ же Вла-
мірскимъ воротамъ двѣ переправы рядомъ,—въ такомъ случаѣ—его нужно
все исключить изъ счета мостовъ Неревской стороны.

По рисунку Дѣтинца на Михайловскомъ изображеніи показана, какъ-
выдвигающеюся изъ стѣны восточно-полночнаго закругленія его, дере-
нная постройка, въ видѣ забора; она начинается не доходя двухъ—трехъ
говъ отъ башни, слѣдующей за нынѣшнею, у входа въ Лѣтній садъ, съ
кольскою часовнею; теперь на этомъ мѣстѣ нѣтъ башни, а приходится,
три Дѣтинца, садъ эконома архіерейскаго дома и духовнаго училища.
находимъ возможнымъ считать эту башню Михайловскаго изображенія
ту, надъ воротами которой была сооружена въ 1223 году недолговѣчная
оровская церковь.

Упомянутая деревянная постройка состоитъ изъ трехъ пряселъ; два
къ-бы висятъ надъ пустотою, а третье опирается на деревянный устой
чительной высоты. Возможно, что это мостъ, огражденный съ береговой

стороны, отъ Волхова, стѣною—изъ двухъ пряселъ, представляющеюс щитою проходящихъ отъ стрѣлъ и копій во время внутреннихъ смя или непріятельской осады. Была, вѣроятно, такая же стѣна и по д сторону моста, но художникъ не написалъ ея, потому что не могъ в за первою.

Въ настоящее время на мѣстѣ, соотвѣтствующемъ положенію о наго сооруженія, перекинутъ чрезъ Дѣтинцевскій ровъ мостъ, бывш сколько лѣтъ назадъ каменнымъ, въ одинъ пролетъ, подъ сводомъ. пять какъ онъ обрушился, обнаруживъ подъ кирпичною облиц древнюю кладку изъ булыги и плиты, прощебененныхъ и жирно зал вязкою известью. Противъ этого моста, въ соотвѣственной направлен стѣнѣ Дѣтинца, видны еще остатки заросшихъ воротъ съ полукру верхомъ; ведетъ онъ, какъ уже замѣчено, на горку Лѣтняго сада, ющуюся отъ окопа Петровскихъ временъ, и далѣе чрезъ нее—къ о ляемому нами мѣсту церкви Сорока мучениковъ.

На Неретьскомъ мосту Ярославова Устава мы останавливаем связи его съ рвами Дѣтинца и малаго вала. Если деревянное соор Михайловскаго изображенія соотвѣтствуетъ мосту Гребеньскому Гени обхода и послѣдующихъ временъ, то и Михайловское изображеніе н пятствуетъ видѣть Неретьской мостъ Устава тамъ, гдѣ былъ Гребел и гдѣ стоитъ нынѣшній, въ саду.

Обратимся наконецъ къ длинѣ мостовыхъ участковъ первой части славова Устава. Осменники вошли въ Загородье одни; отсюда, приб тельно отъ Большой Покровской башни, до Борисоглѣбской церкви, к стояла на береговомъ пространствѣ, приходящемся между нынѣ сущ ющею Андрее-Стратилатовскою церковью и Спасскою башнею,—съ сами; отъ этой церкви до Неретьскаго мосту были участки Тамож Коломнянъ;—значитъ отъ Большой Покровской башни,—Загородьемъ, во береговой стороны Дѣтинца до нынѣшняго моста въ Лѣтнемъ саду,— три участка; а отъ Неретьскаго моста и до тѣхъ воротъ, которыми в въ Загородье Осменники, лежали участки Нередичанъ, Веряжанъ, блянъ и Чудинцевъ съ Загорожанами,—всего четыре участка; но въ четырехъ было два моста—Неретьскій и Воскресенскій; справедливость вала равномѣрнаго распредѣленія повинности и уменьшенія протяженія участковъ, въ которыхъ приходились мосты, хотя и небольшіе. Длин тинцевской стѣны отъ нынѣшняго моста въ Лѣтнемъ саду до Бо Покровской башни почти такая же, что и по берегу Волхова. Если у Устава расположены были по Загородью до лѣтописныхъ границъ, протяженіе назначенныхъ Нередичанамъ, Веряжанамъ, Пидьблянамъ динцамъ съ Загородцами—будетъ почти вдвое больше того, которое м Осменники съ Прусами, Таможане и Коломняне. Слѣдовательно, и по тяженію мостовыхъ участковъ, Неретьской мостъ долженъ находиться гдѣ былъ Гребельской и гдѣ нынѣшній въ Лѣтнемъ саду; но онъ какъ чрезъ ровъ Дѣтинца, такъ равно, въ видѣ настилки, поперекъ родья, сквозь малый валъ и чрезъ ровъ его, къ церкви Сорока мучен

ебельской и Новый—это тотъ же Неретьской, съ другими лишь наз-
ніями.

Мы видѣли, что церковь Сорока мучениковъ стояла у малаго вала,
а концѣ Широкаго проѣзда, образовавшагося, по нашему предположенію,
а мѣстѣ первоначальнаго окопа Побережья. Неретьской мостъ велъ, въ до-
втописныя времена, изъ Дѣтинца въ Побережье; когда же окопъ сняли, онъ
тался открытымъ и велъ въ образовавшійся—изъ распространившихся по-
лковъ Поборежья—Неретьской конецъ города. Изъ сооруженія надъ во-
отами отъ этого конца церкви Θеодоровской, въ 1223 году, можно заклю-
ить, что тогда Побережье имѣло еще значеніе сторожевое и самая цер-
овь, посвященная Святому мученику воину, основана воинскими чинами,
ли Людинами-стражниками.

Русскій-Спасскій.

Сооруженіе Юрьевскимъ архимандритомъ въ 1297 году Преображен-
ой церкви на воротахъ отъ Людина конца показываетъ, что въ то время
сская дорога Мстиславо-Всеволодовой грамоты вводила въ Дѣтинецъ тѣми
енно воротами, дорогою сквозь которыя Юрьевскій настоятель ѣздилъ
ыкновенно къ Владыкѣ и къ Св. Софіи. Башня, съ этими подъ нею во-
тами, называлась, вѣроятно, до сооруженія надъ ними церкви, Русскою,
имени дороги, а впослѣдствіи Спасскою, по церкви. Ровъ около Дѣтинца
ществовалъ со времени основанія этого сооруженія, съ того же времени
ществовалъ и мостъ чрезъ него. Поэтому мы даемъ ему два названія—
усскій-Спасскій, подобно тому, какъ предшествующій означенъ тремя.

Въ письменныхъ памятникахъ нѣтъ ни Русскаго, ни Спасскаго моста;
а Михайловскомъ же рисункѣ ясно изображена мостовая настилка въ За-
родьи, прямо противъ Спасской башни. Огражденія и устоя, какъ у Нерет-
каго моста, здѣсь нѣтъ. Должно быть ко времени написанія Михайловскаго
зображенія проѣздъ подъ Спасскою башнею былъ закрытъ, а мостъ оста-
ался только для пѣшеходовъ, не имѣя уже значенія казеннаго сооруженія
поддержки на счетъ мостовой повинности. Къ такому заключенію при-
одятъ: сооруженіе въ 1305 году Семеномъ Климовичемъ и возобновленіе
ъ 1389 г.—Григорьемъ Якуновичемъ Покровской церкви на воротахъ отъ
русской улицы,—и направленіе извилистаго проѣзда въ Кромномъ городѣ,
Знаменскому изображенію. Около этого времени копали, какъ мы ви-
ли, въ 1383 году, ровъ вокругъ Неревской стороны къ старому валу, а
сколько раньше—у Людина конца и Загородья и Неревского конца (въ
372 году); возможно, поэтому, считать снятіе внутреннихъ окоповъ Побе-
жья и Кромнаго города, и образованіе на мѣстахъ ихъ Широкихъ про-
здовъ—въ это же время, такъ что направленіе Русской дороги въ Дѣти-
цъ измѣнилось, перейдя на Широкій проѣздъ и къ воротамъ отъ Прус-
кой улицы; тутъ, чрезъ ровъ, перекинули Новый мостъ,—а старый, Рус-
кій-Спасскій—упразднили. Разрушеніе Покровской церкви Семена Климовича

и сооруженіе, на ея мѣстѣ, Григорьемъ Якуновичемъ другой—объясняется обветшаніемъ первой, каменной, простоявшей всего 70 лѣтъ, а необх мостью сдѣлать существенныя измѣненія въ воротахъ, надъ которыми стояла. Въ Геннадіевомъ обходѣ о мостѣ Спасскомъ не упомянуто, говорится, что противъ Спасскихъ воротъ читалось Евангеліе.

Покровскій.

Въ обходѣ Геннадія значится, что Владыка „отъ Спасскихъ во пошелъ къ Покровскимъ воротамъ, да дошедъ до Покровскихъ воротъ туто, на мосту на Покровскомъ, противъ воротъ, Архіепископъ ста велѣлъ октенью говорити и молебенъ, совершити". Долго-ли существо этотъ мостъ—неизвѣстно; ни на Михайловскомъ, ни на Знаменскомъ браженіяхъ его нѣтъ.

Воскресенскій-Застѣночный.

Ворота въ Дѣтинецъ отъ Загородного конца существовали, какъ ѣздныя, въ концѣ XIII вѣкѣ, когда надъ ними поставлена Воскресен церковь; былъ тогда несомнѣнно и мостъ чрезъ Дѣтинцевскій ровъ; когда измѣнили площадь и направленіе Загородья, отдѣливъ часть, ближ шую къ внѣшнему валу, къ Загородному концу и окопавъ, въ 1372 г особымъ рвомъ края концовъ Людина и Неревского и Загородья, при жавшіеся къ Дѣтинцу,—мостъ противъ башни съ Воскресенскою церко соединялъ только Дѣтинецъ съ Загородьемъ новыхъ размѣровъ,—къ п проѣзда изъ Загородного конца, повидимому,—уже не было. Въ XIV в Москва занялась собираніемъ Русской земли въ одно державство и чала налегать на самобытіе земли Новгородской, такъ что „людямъ в нымъ" грозила опасность и они взялись дружно за укрѣпленіе св стольнаго города и его пригородовъ; бывшіе до того ворота и мосты въ тинецъ уменьшили, оставивъ вмѣсто прежнихъ четырехъ проѣздныхъ—то двои; въ конецъ же XIV вѣка обнесли весь городъ каменными костр Одержавъ, въ 1398 году, блистательную побѣду надъ Московскою сило соорудивъ надъ Воскресенскими же воротами, вмѣсто прежней, побѣдной новую большую каменную церковь, Новгородцы закрыли, кажется, в проѣздъ чрезъ эти ворота и уничтожили мостъ. Къ этому же вѣку тре и опасеній за самобытіе слѣдуетъ относить и учрежденіе тайнаго роз о сторонникахъ стремленій Москвы къ объединенію земель Русскихъ: рота получили названіе тайницкихъ и невдалекѣ отъ нихъ появилась стѣночная башня, прозванная въ народѣ, впослѣдствіи, Чортовою.

На рисункѣ Михайловскаго изображенія—моста отъ Воскресенскихъ ротъ нѣтъ, хотя постройки Загородья, по ту сторону Дѣтинцевскаго рв Застѣночная башня написаны отчетливо.

Въ Геннадіевъ обходъ тоже не было моста; крестный ходъ направился отъ Покровскихъ воротъ къ Володимерскимъ, не остановившись даже противъ Воскресенской надворотней церкви для ектеніи и чтенія Евангелія: „а потомъ пошелъ (Геннадій), отъ Покровскихъ воротъ къ Володимерскимъ“, говоритъ очевидецъ—лѣтописецъ. Минуя побѣдную надъ Московскою ею церковь, Архіерей выразилъ тѣмъ свое раболѣпство и, съ другой стороны, презрѣніе къ Новгородцамъ за ихъ побѣду надъ княземъ Васильемъ Дмитріевичемъ. Застѣночною же башнею и прочими, сдѣланными для нея постройками, Москва воспользовалась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, что показали открытые при разрушеніи Дьячей избы „трупіа мертвыхъ людей цѣлыхъ 12 человѣкъ“—и полученные нами отъ залитыхъ известью коньковъ черепа, свыше 30-ти.

На Знаменскомъ изображеніи, дающемъ отчетливый рисунокъ западной стѣны Дѣтинца, со стороны Загородного конца, проѣздныя ворота подъ Воскресенскою башнею показаны задѣланными,—оставлена одна только узкая проходная дверь; моста чрезъ Дѣтинцевскій ровъ нѣтъ; а чрезъ ровъ малаго вала перекинутъ.

На чертежѣ 1778 г. въѣздъ въ окопъ Петровскаго земляного сооруженія сдѣланъ почти противъ нынѣшней Петербургской улицы и засланъ мостомъ; внутри окопа мостъ тянется отъ въѣзда на западъ къ полдню, вдоль окопа, а противъ Воскресенской башни поворачиваетъ круто, подъ прямымъ угломъ, ко рву Дѣтинца, переходитъ чрезъ него и направляется къ башенныя ворота.

Примѣчаніе. Тайницкія ворота упоминаются въ приведенной выше „Данной Софійному дому 10 Мая 1684 года“ на огородное мѣсто, при обозначеніи границъ, такъ: „а въ Тайницахъ тотъ огородъ отъ переулка, который пошелъ отъ Росткина монастыря въ Леготу улицу къ городовой стынѣ, къ Тайницкимъ воротамъ“. Городовая стѣна—это Дѣтинская. Легоща XVII вѣка направлялась къ Воскресенскимъ-Застѣночнымъ воротамъ.

Предложивъ объясненія о мостахъ чрезъ рвы малаго вала и Дѣтинца, замѣтимъ, что въ лѣтописи и въ позднѣйшихъ памятникахъ встрѣчаются еще мосты близъ Дѣтинца, и даже въ немъ;—въ Геннадіевомъ обходѣ знается, что въ оба раза, 8 и 15 Октября 1493 года, Владыка, по выходѣ изъ Дѣтинца велъ крестный ходъ на Великій мостъ, ко Кресту (къ часовнѣ Чермнаго или Чуднаго креста), а отсюда къ Образу святому Новымъ мостомъ;—затѣмъ, обойдя Дѣтинецъ въ первый разъ, онъ направился отъ Гребельскаго моста къ Новому, къ Владимерскимъ воротамъ, а отъ этихъ воротъ пошелъ „Новымъ мостомъ ко Кресту же, къ Великому мосту“;—а въ второй разъ,—„взошедъ съ Яневѣ улицы на гору да пошелъ къ Новому мосту, взошедъ на Новый мостъ да шелъ Новымъ мостомъ ко Кресту Великому мосту“,—въ этотъ разъ Владыка не доходилъ до Гребельскаго моста. Эти новые мосты были, какъ уже замѣчено раньше, мостовою насыпкою для приподнятой насыпью береговой низины, вдоль Дѣтинца, направо и налѣво отъ Великаго моста.

Въ одной бумагѣ 1629 года сказано: „Дѣланы мосты на Софѣй сторонѣ отъ Чернаго креста: къ Розважской башнѣ къ Земляному (мал валу поперечной мостъ,—мимо Митрополича (владычня) островка;—п Каменномъ городѣ, въ Водяныхъ воротахъ, къ Митрополичу Остро (Акты Юрид. II, № 217). Здѣсь первый, названный поперечнымъ, на лявшійся къ Розважской башнѣ, перекинутъ былъ чрезъ ровъ, впад въ Волховъ небольшимъ ручьемъ, и служилъ пѣшеходамъ. Въ доне Новгородскаго воеводы 1644 года о количествѣ снарядовъ, названъ Ро скій мостъ; очевидно это поперечный 1629 года, прочіе же не мост продольныя, около берега и стѣны Дѣтинца, мостовыя настилки; одна торая шла мимо Владычня островка, та самая, что названа въ опи Геннадіева обхода Новымъ мостомъ отъ Владимерскихъ воротъ ко Кр ее въ 1649 году поправляли; а другая вела изъ Дѣтинца сквозь Во ворота къ Волхову, къ тому мѣсту, на которомъ устраиваютъ и те ежегодно три раза, плотъ и часовню для освященія воды въ Крещен день Преполовенія и 1-го Августа, въ праздникъ Происхожденія чест древъ креста Господня.

Эти новые мосты мы не смѣшиваемъ съ Новымъ же, перекину къ 1493 году чрезъ ровъ малаго вала, на мѣстѣ котораго поставленъ въ 1536 году „мостъ Новый въ Неревской конецъ къ Св. Сорока му камъ“, какъ продолженіе Неретьскаго-Гребельскаго.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о мостахъ Кончанскихъ, прив ныхъ перечнемъ въ началѣ этой статьи,—кромѣ Живого, о которомъ дано объясненіе.

Петровскій.

Объ этомъ мостѣ сказано только въ Геннадіевомъ обходѣ; гдѣ им онъ былъ перекинутъ, чрезъ ровъ-ли внѣшняго вала, или чрезъ Гзе въ какомъ мѣстѣ? Къ рѣшенію этихъ вопросовъ, вообще затруднитель можно подойти только приблизительно, въ видѣ предположенія, на ваніи слѣдующихъ соображеній.

Къ концу XV вѣка Неревской-Петровскій конецъ занималъ безм все пространство между полуночною стороною внѣшняго вала и р Гзенью; тутъ были монастыри: Духовъ, Звѣринскій, Николо-Бѣльск Лазаревъ, а по дорогѣ къ Колмову—Михайловская церковь. Если м названъ Петровскимъ по имени новаго конца, онъ могъ быть Гзеньск по Колмовской дорогѣ,—а если по имени церкви Петра и Павла, до поръ существующій,—Гребельскимъ, перекинутымъ чрезъ ровъ внѣш вала, такъ какъ эта церковь близъ него. Однако мосту дано назван Петропавловскаго, по церкви—а по имени конца.

Въ описаніи Геннадіева обхода значится: — „а изъ Духова монастыря кіепископъ послалъ священниковъ и діаконовъ, — какъ уже сказано, — со сты, и велѣлъ имъ молебенъ пѣти вкругъ тѣхъ дворовъ, которыи самъ бшелъ, Звѣринскаго монастыря и Николскаго монастыря, и себя имъ ѣлъ со кресты сопти, а самъ пошелъ къ Петровскому мосту, а отъ ровскаго мосту къ рѣкѣ и шелъ берегомъ до Яневы улицы", — дальнѣй- е движеніе мы знаемъ. Сообразно съ современными площадями монастырей ринскаго и Духова, а равно и той, которая занята была Николо-Бѣльскимъ — кно принять Петровскій мостъ перекинутымъ чрезъ Гзень, близъ ея ья; Геннадій, направляясь вдоль праваго берега этой рѣки, примѣрно отъ точнаго угла площади Духова монастыря, прошелъ-бы, впрямъ, почти ое же пространство, какое будетъ отъ того же угла до Николо-Бѣль- го, около него и Звѣринскаго и до устья Гзени, — если принять въ раз- ъ встрѣчавшіеся на пути Владыки поселки и церкви и относительную ленность движенія его во главѣ части крестнаго хода, которую онъ овождалъ. А если Владыка, почувствовавъ усталость, избралъ для себя чайшій путь, — то онъ пошелъ отъ Духова монастыря прямо къ Петро- овской церкви; въ этомъ послѣднемъ случаѣ Петровскій мостъ слѣ- ъ ставить на рвѣ внѣшняго вала, — близъ названной церкви.

На чертежѣ 1778 г. отмѣченъ мостъ сквозь поперечникъ внѣшняго , близъ церкви Петра и Павла, на продолженіи Дмитровской улицы.

Зелейный.

Подъ 1569 годомъ отмѣчено въ лѣтописи: „Мѣсяца Мая въ 31 день, пятокъ на Троицкой недѣли, поставиша избу новую темяную, на Со- ской сторонѣ, поконецъ Зелейнаго мосту; а билъ челомъ государю юкъ Зубоволокъ" (II Новгор. лѣт. годъ 7077, стр. 163). Мы привели ную отмѣтку, упоминающую одинъ только этотъ разъ о Зелейномъ тѣ, чтобы по ней точнѣе опредѣлить положеніе его. Темяная изба это тава сборщика княжеской подати съ привозимыхъ въ городъ товаровъ. раженіе „новую" не значитъ, что эта изба поставлена вмѣсто обветшав- й старой, но что она вновь учреждена на дорогѣ у Зелейнаго моста. ш изба поставлена съ разрѣшенія государя, по челобитью Васюка Зубо- ка, и если отмѣченъ въ лѣтописи день, — это значитъ, что она имѣла ающееся значеніе. Вѣроятно Васюкъ Зубоволокъ взялъ на откупъ сборъ говаровъ, привозимыхъ въ Новгородъ по дорогѣ, остававшейся до 31 1569 года свободною отъ взиманія пошлинъ (Темникъ енъ въ къ значеніяхъ: какъ начальникъ 10 т. татарскаго войс обиль налоговъ въ казну Хана во времена татарскаго вла ам- ь, Ч. III, примѣч. 368 и IV, Гл. II, стр. 48 — по Эй.

Зелейный мостъ получилъ свое имя отъ зелья, т. ъ города, между нимъ и Колмовомъ, до сихъ пор- мненномъ мѣстѣ, среди гладкаго поля, камени

они приходятся за Гзенью; чтобы попасть туда изъ города прямым
темъ, короткимъ, необходимо переѣхать эту рѣку. Зелейный мостъ и
тотъ, чрезъ который лежала дорога къ зелью, къ пороховымъ погреб
Мы знаемъ, что въ 1545 году были составлены списки, Разряд
Разметный, о сборѣ съ Новгорода и Новгородскихъ пятинъ ратныхъ
и пороха по случаю похода Казанскаго. Возможно, что нынѣ сущ
ющіе пороховые погреба возникли тутъ впервые при исполненіи
списковъ.—тогда же сдѣланъ и мостъ на дорогѣ къ нимъ, чрезъ Гз
самая „Новая Темяная изба", поставленная въ 1569 году, послѣ с
ленія списковъ на 25-й годъ, могла имѣть назначеніе, сверхъ темни
принимать зелье, или давать записки въ принятіи его въ казну и достав
складъ.

На чертежѣ 1778 года нанесена перемычка чрезъ Гзень проти
меннаго зданія военнаго вѣдомства; теперь на мѣстѣ ея мостъ.

Съ вѣроятностью можно заключить, по совокупности высказанна
Зелейный мостъ XVI вѣка перекинутъ былъ чрезъ Гзень, по дор
Пороховымъ погребамъ и находился на томъ же мѣстѣ, гдѣ ны
мостъ военнаго вѣдомства.

Какъ ни скудны собранныя нами свѣдѣнія о слѣдахъ и ост
гражданскихъ древностей Новгорода, все-таки они даютъ предста
хотя и блѣдное, о его прошломъ отъ времени первоначальнаго заселенія В
скихъ береговъ. По внѣшности мы привыкли судить и о внутренне
держаніи разсматриваемаго предмета. Въ слѣдующемъ за симъ отдѣ
писки мы постараемся представить данныя и основанія для дальнѣ
изысканій о внутреннемъ строѣ государственной и частной жизни
никовъ страны Ильменской въ вѣка, обнимаемые письменными свид
ствами; а здѣсь по обозрѣніи собственно городскихъ древностей тѣ
вѣковъ, умѣстно будетъ, въ нѣсколькихъ строкахъ, выразить подска
мое этими древностями мнѣніе наше о началахъ, изъ которыхъ заро
возросло и возмужало Велико-Новгородское державство.

Великій знатокъ страны отечественной, безсмертный бытописате
рамзинъ, не знавшій вовсе лѣтописи земной коры и бытовыхъ ост
первозаимщиковъ Европы, захороненныхъ подъ мощными пластам
слоеній вѣковъ недовѣдомыхъ,—на основаніи однихъ только письме
свидѣтельствъ—торжественно призналъ давно-прошедшее Новгорода
рывно-связаннымъ съ таковымъ же всей Россіи,—и увидѣлъ въ
устроителя обще-русской государственной жизни. Но при всей силѣ
счастливыхъ дарованій, при всей поразительной обширности знаній,
могъ отрѣшиться отъ вѣянія западной науки, чтобы дать Ильме
славянству подобающее мѣсто среди народовъ всего полуночья и б
части запада Европы, и взглянуть на начала, возвысившія Новгородъ,
ванный въ самыхъ дикихъ мѣстахъ—быть можетъ толпою Славя

арей,—до степени „державы знаменитой“,—какъ на достояніе, прирож-
ое первобытному Ильменскому Славянству, а не какъ на начала заимство-
ныя отъ Скандинаво-Германскихъ сосѣдей (Ист. госуд. рос. Ч. VI, стр. 83).
Естествоиспытатели, наблюдающіе жизнь звѣрей и птицъ, по норамъ,
вищамъ и гнѣздамъ, покинутымъ хозяевами, безошибочно заключаютъ
природѣ ихъ. По внѣшнему виду древняго Новгорода нельзя не заклю-
объ исконномъ Славянствѣ его обитателей. Какъ ни обширны были,
незапамятныхъ вѣковъ, сношенія нашего города съ разноплеменными со-
ми, какъ ни тѣсно было взаимное общеніе людей вольныхъ съ ними,
не найдемъ въ городскихъ сооруженіяхъ чужого вкуса, чужихъ привы-
. Дома Новгородскіе,—по Знаменскому, Михайловскому и Флоровскому
раженіямъ,—это тѣже избы нынѣшнихъ деревень; къ концамъ Новго-
непосредственно примыкаютъ его области, простирающіяся въ глубь
ны болѣе чѣмъ за тысячу верстъ;—къ русской деревнѣ примыкаютъ
ея; въ каждомъ Кончанскомъ поселкѣ имѣется одинъ главный про-
и проѣзды, проходы и проулки къ отдѣльнымъ дворамъ;—въ каждой
нѣ—повторяется тоже;—русскій человѣкъ общителенъ; если онъ гу-
ь—пусть всѣ видятъ, хотя-бы это было въ ущербъ чужихъ мнѣній о
опристойности и доброй славѣ: на людяхъ и смерть красна! Въ Нов-
ѣ; при всей тѣснотѣ построекъ, вызванной густотою населенія, мы
мъ сады, широкіе проѣзды, большія площади;—это для того, чтобы
лять на людяхъ, побесѣдовать. Для сходбищъ и встрѣчь дѣловыхъ—
кане зажиточные учреждали общины, гридницы питейныя;—подобныя-
мѣста сходокъ и встрѣчь найдутся во всякой большой деревнѣ. Такимъ
зомъ внѣшность Новгорода древняго отражаетъ на себѣ вкусы и при-
ки, хранимые русскимъ народомъ въ простотѣ его жизни и до насто-
го времени. Даже сооруженія церковныя, заимствованныя вмѣстѣ съ
стіанствомъ отъ иноплеменниковъ,—подчинены тому же народному вкусу,
акже однообразны, какъ и жилые дома; также они и просты; изъ
кества церквей одна только Златоустовская, въ княжей половинѣ Дѣ-
ца, не похожа на прочія и напоминаетъ нѣмецкія. Такимъ образомъ всѣ
уженія однообразны и соотвѣтственны между собою и съ подобными
нынѣшними въ деревняхъ, составлявшихъ нѣкогда достояніе Св. Софіи
ородской.

Карамзинъ и послѣдователи его ученія недоумѣваютъ о той силѣ, ко-
породила въ Новгородцахъ гражданскую мудрость и удивительную
словатость, осязательно-сказавшіяся—и въ договорахъ съ князьями Руси—
сношеніяхъ съ чужестранными вѣнценосцами,—о силѣ сплотившей
дно могущественное цѣлое различныя по языку, по [illegible] ычаямъ
ена, и привязавшей къ себѣ покоренные оружіемъ [illegible] олько,
вскорѣ они, подобно потомкамъ крови, стремились к [illegible] акъ-
ъ сердцу своему, изъ котораго истекала для н [illegible] и
данское счастье (Русс. Достоп. Ч. II, стр. 289). Н [illegible]
древности, оставившіе слѣды свои въ земл [illegible]
ать пути къ разрѣшенію подобныхъ недоу [illegible]

Человѣкъ единично всемогущъ,—если трудъ его, стремящійся стиженію блага, обезпеченъ; и всемогущъ несокрушимо, когда живетъ и обществомъ, въ условіяхъ прочной обезпеченности этого труда и гаемости плодовъ его для хищничества и насилій. Въ памятникахъ данской древности Новгорода мы видимъ отраженіе именно такихъ ус въ надежныхъ огражденіяхъ торга и народной сокровищницы—, окопами и стѣнами;—въ самоуправленіи поселковъ Кончанскихъ, ст ставленіемъ каждому обывателю права заявить о посягательствахъ трудъ и свободу самолично, ударомъ въ Вѣчевой колоколъ, или чр ихъ улицкихъ старостъ—всенародному собранію;—въ судѣ присяж двѣнадцати добросовѣстныхъ гражданъ—Палаты Одриной, или Судей стольной,—и восьми такихъ же гражданъ—въ судѣ Степенныхъ П и Тысячскаго,—при разсмотрѣніи имущественныхъ и личныхъ дѣл сложныхъ, запутанныхъ, темныхъ;—въ равномѣрности повинно пужды государственныя и общественныя;—наконецъ, въ полной свобо явленія для каждаго гражданина силъ духовной природы своей в дружбѣ, любви, привычкахъ и вообще въ устроеніи жизни сем уличной.

Всякое учрежденіе, частное, общественное, или государственно нетъ, мужаетъ и не дряхлѣетъ безвременно, если оно вызвано на потребностью среды и почвы, дающихъ ему первобытіе. Нашъ горо никъ на нынѣшнемъ его мѣстѣ не случайно, не по приказу, не ственно по какому либо своенравному требованію,—какъ возникл перь возникаютъ многіе города,—его вызвали условія жизни перв никовъ Ильменско-Волховского побережья, условія обезпеченія тру направленнаго къ достиженію блага, труда тяжелаго, бдительнаго, наго. Поселеніе на кряжистыхъ берегахъ Ильменско-Волховскихъ и покихъ холмахъ, поднимающихся изъ болотъ и мокрыхъ низинъ, ср совъ, богатыхъ пищею и пушнымъ звѣремъ, и по берегамъ большо и рѣкъ его питающихъ,—представлялось человѣку, поглощенному, первобытія, насущною злобою дня, благопріятнымъ для осѣдлости, ному питанью и добыванію шкуръ для одежды, лѣса для хижинъ лива. Осѣдлость имѣетъ основою семью; совокупность семей создает ство, а общество—силу осѣдлаго жилища людей, для борьбы—и съ комъ лѣсовъ, пещеръ и логовищъ, и съ бездомнымъ бродягою—лихи вѣкомъ. Изъ возникшихъ такимъ образомъ поселковъ и выросъ то городъ, который—по словамъ Карамзина—умѣлъ, впослѣдствіи, ситься до степени Державы знаменитой", и развивать неуклоннымъ начала, вызвавшія возникновеніе человѣческихъ жилищъ въ сам кихъ мѣстахъ, въ климатѣ суровомъ, по кряжамъ и разсѣяннымъ Ильменско-Волховского побережья. Въ окопахъ, рвахъ и прочих пленіяхъ Славенской и Неревской сторонъ, мы видимъ послѣдоват расширенія первоначальныхъ поселковъ новыми находниками, пр мыми сюда славою обезпеченія, за нашими окопами, личности и им добываемаго трудомъ, и увеличивавшими общественную силу. Пр

гость трудовой жизни даютъ себя чувствовать въ убогихъ деревянныхъ, ыхъ, низкихъ, неприглядныхъ избушкахъ, заполняющихъ обѣ половины да по всѣмъ тѣмъ рисункамъ, которые сохранились до нашихъ дней; жилища частныхъ лицъ. Между тѣмъ изъ средины площадей, ими за-енныхъ, гордо поднимаются сооруженія общественныя, церковныя и ждансклія, какъ неподкупные свидѣтели блага, доставляемаго порядками ственной жизни. Не смотря на блестящую торговлю съ Европою и ю, не смотря на несмѣтныя богатства, скопившіяся въ рукахъ „людей ныхъ", внѣшняя обстановка частной жизни, семейной, не измѣнилась е къ XV вѣку, какъ не измѣнились и стародавніе нравы, сложившіеся въ вѣка первобытія трудовыхъ семей и общества; выраженія: „Новго-кая честь, Новгородская душа"—служили вмѣсто клятвы (Карамзинъ, стр. 85), представляя, поэтому, нѣчто святое и для дающаго клятву, и принимающаго ее.

Православные храмы вѣковъ язычества Новгорода, иновѣрныя хри-скія послѣ принятія крещенія, ропаты не христіанъ, особые, вполнѣ еченные въ безопасности, торговые дворы чужеземцевъ, строгое наблю-за серебряными и прочими единицами цѣнности и судъ торговый—ьшаютъ недоумѣнія о причинахъ преданности Новгороду иноплеменныхъ довъ, покоренныхъ Державству его силою оружія: Новгородская честь, ородская душа—не дѣлали различія ни въ племенахъ, ни въ вѣрѣ лю-труда, поднимавшихъ силу общества на высоту призванія человѣ-ва.

Вотъ тѣ строки, которыми мы желаемъ намѣтить, въ самыхъ общихъ ахъ, отраженіе въ остаткахъ и слѣдахъ древностей гражданскихъ—на-ь, вызвавшихъ возникновеніе Новгорода изъ болотъ и низинъ, и послѣдо-льное возвышеніе его до степени Державы знаменитой.

ВНУТРЕННІЙ СТРОЙ НОВГОРОДСКАГО ГОСУДАРСТВА.

Государство выростающее изъ семьи, его зародыша, сѣвшей на дѣв-
нную почву и не покидавшей ея въ продолженіе длинной цѣпи вѣковъ
здовательнаго развитія и возмужанія,—или безсмертно въ цѣломъ строѣ
о бытія,—или остается на землѣ своей долговѣчнымъ въ лицѣ сущест-
ыхъ бытовыхъ двигателей, его вскормившихъ и укрѣпившихъ. хотя-бы,
о судебъ, весь государственный строй подвергся поглощенію вновь на-
вшагося племени.

Новгородское государство зародилось на дѣвственной почвѣ Ильменской
ны, не пропитанной кровью какихъ-либо первозаимщиковъ ея, павшихъ
руки новыхъ пришельцевъ, или загнанныхъ ими въ страны, обездолен-
природою: подстилающая жилой слой нашего города и близкаго къ
урочища Коломцовъ почва представляетъ чистыя отложенія отсту-
наго великаго Скандинаво-русскаго ледника: современниками Коломчанъ-
менцевъ и Волховскихъ Побережанъ, проложившихъ здѣсь первый чело-
ческій слѣдъ на оттаявшей почвѣ, были великаны травоядные, мамонтъ
осорогъ, и кровожадные хищники лѣсовъ; первый человѣческій голосъ,
авшійся на нашихъ побережьяхъ—былъ голосомъ той рѣчи, которую
еменная наука сравнительнаго языковѣдѣнія признала родоначальницею
ровъ всѣхъ народовъ Европы; а эта рѣчъ—Славяно-Русская. Потому и
чъ Славяно-Русскій міръ, что пестуномъ его была Ильменская страна,
лыбелью Ильменско-Волховское побережье;—потому юна и тепла ду-
ая природа чисто-русской семьи, питающей государственный строй род-
нашей земли и охраняющей его цѣльность богатырскою своею силою,
въ жилахъ ея, этой семьи, течетъ чистая кровь первозаимщиковъ дѣв-
нной страны, уберегшихъ ее отъ захватовъ иноплеменныхъ выходцевъ,
михъ себя отъ гнета завоевателей, до послѣдней орды татаръ, заполо-
нихъ княжескую Русь, но не подчинившихъ своей власти государство
ородское. Въ книгѣ нашей „Бытовые остатки Ильменцевъ каменнаго
“ приведены нѣкоторыя доказательства преемственнаго родства Славянъ
ленскихъ съ первонасельниками Европы вѣковъ ледниковыхъ. Въ по-
немъ отдѣлѣ настоящей записки мы къ нимъ обратимся и допол

указанныя въ той книгѣ данныя новыми, полученными нами свѣдѣ
о бытовыхъ же остаткахъ, обнаруженныхъ въ странѣ Ильменской.

При такомъ значеніи для нашего отечества государства Новгородск
прослѣдить его внутренній строй, восходя отъ вѣковъ лѣтописных
глубь предшествовавшихъ до самаго перваго человѣческаго общества
явившагося на Ильменско-Волховскомъ побережьи,—это священный
науки русскаго бытовѣдѣнія. Путь, указываемый этимъ долгомъ, труде
но если первая семья Ильменско-Волховскихъ побережанъ не пала
тяжестью труда надъ выработываніемъ началъ, создавшихъ нашу гос
ственную жизнь, а достигла,—хотя и въ длинный рядъ вѣковъ неуст
работы послѣдующихъ поколѣній по преднамѣченному предками пути,
ликой цѣли,—ничто не мѣшаетъ и нашей маленькой семьѣ почитателей
рины отечественной намѣтить, хотя самыми слабыми чертами, путь
весь строй государства Новгородскаго къ колыбели великаго русскаг
рода, и сдѣлать на немъ первые шаги.

Путеводными свѣточами на этомъ пути намъ послужатъ сказанія
писныя, отечественныя и иноземныя;—названія урочищъ, курганы, нек
мые бытовые остатки и знанія, входящія въ науку народовѣдѣнія.

Изысканія о далекомъ прошломъ народа производятся въ двухъ н
вленіяхъ: восходящемъ—отъ первыхъ, древнѣйшихъ слѣдовъ къ н
ящимъ,—и нисходящемъ—отъ настоящихъ къ предшествующимъ. За
нашу мы начали съ памятниковъ, до сихъ поръ сохраняющихся, и
по ихъ остаткамъ и слѣдамъ вещественнымъ и письменнымъ въ
прошедшаго, т. е. въ порядкѣ нисходящемъ. Въ этотъ же отдѣлѣ мы
демъ слѣдовать, до объясненій объ остаткахъ бытовыхъ, которымъ
демъ, какъ упомянуто, послѣдній отдѣлъ, направленію восходящему.

При разсмотрѣніи внутренняго строя Новгородскаго государства сп
восходящей наиболѣе пригоденъ: Новгородъ, выросшій на почвѣ ст
Ильменской и остававшійся много вѣковъ для нея срединою тяготѣн
является отраженіемъ жизни всей страны его Державства, которая, въ
очередь, почерпаетъ жизненныя силы и средства—въ Новгородѣ.

Внутренній строй всякаго государства слагается въ зависимости
пространства его владѣній, населенія и управленія. Съ этихъ трехъ
ронъ мы и разсмотримъ государство Новгородское.

Уже мы говорили, что всѣ земли государства Новгородскаго по
лись собственностью Божіей Премудрости, того верховнаго разума, кот
управляетъ вселенною и является неизсякаемымъ источникомъ блага
вѣчества. Поэтому страну Ильменскую будетъ называть владѣніями Св. Со

Пространство владѣній Св. Софіи.

Владѣнія Ильменскихъ Славянъ расширялось отъ первоначальной
лости ихъ во всѣ стороны, по мѣрѣ размноженія первонасельниковъ
и вступленія въ сношенія съ обитателями земель, по которымъ они

сь внутрь страны отъ Ильменской котловины. Это расширеніе происхо-
ло въ тѣ отдаленные вѣка, память о которыхъ испарилась въ народномъ
еданіи; отъ нихъ намъ, потомкамъ первонасельниковъ, достаются, время
ъ времени и въ весьма рѣдкихъ находкахъ, лишь кое-какіе остатки, слу-
йно извлекаемые изъ глубины земли Ильменской. По нимъ можно только
гадываться о стародавнемъ владѣніи, и то имѣя предъ глазами обширное
браніе молчаливыхъ свидѣтельствъ прошлаго. Рядъ подобныхъ догадокъ
ложенъ въ нашей книгѣ о бытовыхъ остаткахъ каменнаго вѣка; нѣко-
рыя мы повторимъ, а нѣкоторыя дополнимъ въ послѣднемъ отдѣлѣ.

Вѣка перволѣтописные и ближайшіе, имъ предшествующіе, даютъ нѣ-
торыя, хотя далеко неопредѣленныя указанія на земли Ильменцевъ; до-
тупными же изученію являются только тѣ вѣка, въ которые явилась Русь
жеская. Поэтому статью о пространствѣ владѣній Св. Софіи мы раздѣ-
ъ на двѣ части;—первую посвятимъ вѣкамъ перволѣтописнымъ вообще
й Европы и русскимъ предлѣтописнымъ, а вторую вѣкамъ русскимъ
волѣтописнымъ и Новгородскимъ—самобытія. Предлѣтописные вѣка явля-
ся въ изысканіяхъ о строѣ всякаго государства прямыми наслѣдниками
жайшихъ своихъ предковъ, такъ что первую часть мы озаглавимъ—вѣка
вне-лѣтописные, разумѣя обще-европейскіе и русскіе, а вторую—вѣка
обытія.

Вѣка древне-лѣтописные.

Ильменская страна—это область мирнаго развитія Славянства на на-
лахъ обезпеченія труда и обмѣна плодовъ его; населеніе ея выбирало
и добыванія средствъ существованія мѣста богатыя звѣремъ, птицей и
бой; земледѣліе и скотоводство хотя и привлекало трудъ, но не въ ши-
кихъ размѣрахъ: среди лѣсовъ и болотъ и то и другое не могло быть
статочно для роста Славянъ Ильменскихъ;—они шли въ глубь страны и
шились тамъ, гдѣ кишилъ пушный звѣрь, шкуры котораго питали и грѣли
ъ. Еще до сихъ поръ въ числѣ селеній полуночья Европы и Азіи, на
ыхъ дальнихъ окраинахъ, по берегамъ Ледовитаго моря, встрѣчаются
лыя мѣста и урочища съ названіями, сродными нашему говору, хотя
слышно ни въ какихъ преданіяхъ, чтобы такъ живали русскіе люди.

Нѣкоторые лѣтописные сборники Новгородской семьи, исключенные на-
ю первой половины текущаго столѣтія изъ числа бытовыхъ доказа-
ьствъ, безъ строгаго обзора ихъ содержанія, потому только, что они не
ласны съ извѣстіями начальной русской лѣтописи, предъ которою преклo-
ись послѣдователи знаменитаго Шлецера,—содержатъ указанія на про-
анство владѣній Ильменцевъ, заслуживающія вниманія. Въ одномъ изъ
ихъ сборниковъ сказывается, что „Ильменскіе державцы, основавшіе
авенскъ и Русу, были обладателями всего поморья даже и до Ледовитаго
оя, и по великимъ рѣкамъ Печорѣ и Вымѣ и по высокимъ непроходи-
мъ горамъ во странѣ зовомой Сибирь, по великой рѣкѣ Оби, и до устья

Бѣловодныя рѣки; тамо бо беруще звѣри дики, сирѣчь соболи" (Древ. Вив. Ч. XVI, стр. 46). Въ другомъ сборникѣ (тамъ-же, стр. 360) рится объ одновременномъ съ Славенскомъ—на нашемъ Побережьи и Р на Ильмени возникновеніи города Суждаля, на рѣкѣ Каменницѣ, близъ гой рѣки Нерли, и о распространеніи владѣній его до моря Хвалисскаго стійское) и до моря Венеціійскаго (Венеціанскій заливъ) при первомъ к приходившемся роднымъ братомъ основателямъ Славенска и Русы. Подо же сказанія повторяются во множествѣ временниковъ, лѣтописцевъ, х графовъ и проч., которыхъ сотни собраны и хранятся въ Императо Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ, въ Румянцевскомъ музеѣ въ сквѣ, въ Академіи наукъ— и въ другихъ ученыхъ учрежденіяхъ.

П. А. Лавровскій въ изслѣдованіи о лѣтописи „Якимовской" (С тербургъ, 1855 г.) указалъ достоинства и недостатки сборниковъ Нов ской семьи вообще и Якимовской лѣтописи въ особенности, при посре научныхъ пріемовъ. Хотя нельзя согласиться со всѣми его взгляда выводами,—и хотя заключеніе его—о принадлежности второй части обна ваннаго Татищевымъ отрывка этой лѣтописи перу перваго Епископа Н родскаго (стр. 43—81), только пересказанной архимандритомъ Ме седекомъ современнымъ ему слогомъ,—мы не можемъ признать за посл слово науки,—но и не можемъ, въ тоже время, не подчиниться требо ученаго изслѣдователя, чтобы приговоръ надъ лѣтописными сборни поздняго состава не былъ поспѣшенъ и чтобы ихъ не бросать, какъ ники бреденъ досужихъ книжниковъ-сказочниковъ, а имѣть въ виду всестороннемъ изученіи предметовъ, о которыхъ въ этихъ новыхъ сб кахъ имѣются извѣстія, неподтверждаемыя лѣтописью, древность и по ность которой не возбуждаетъ сомнѣній.

Такой же взглядъ на поздніе сборники приводится и въ изслѣдо академика Бестужева-Рюмина—о составѣ Русскихъ лѣтописей до XIV вѣка (С.-Петербургъ, 1868 г.).

Съ своей стороны, придерживаясь взгляда названныхъ ученыхъ, тимъ, что успѣхи народовѣдѣнія, послѣдняго двадцатилѣтія, видоизмѣн уже, до нѣкоторой степени, заключеніе названныхъ ученыхъ о нача олицетвореній, господствующихъ въ нашихъ сборникахъ, принятыхъ ставителями ихъ отъ польскихъ лѣтописцевъ XIV—XVI столѣтій, с нія которыхъ наводнили книгохранилища русскихъ монастырей и част лицъ-грамотеевъ въ смутное время „лихолѣтья". Въ упомянутомъ сбор названномъ нами вторымъ, приводятся имена державцевъ, основав Славенскъ, Русу и Суждаль: „Асанъ, Аѳесхасанъ и премудный Вел санъ";—они почитаются правнуками Афета, третьяго сына Ноева (Др. Вив. Ч. XIX, стр. 359); въ другихъ сборникахъ такими же правну Афета и основателями Славенска и Русы называются Славенъ и Ру три брата ихъ: Болгаръ, Команъ и Устеръ (Прод. Др. Рус. Вив. Ч. стр. 170). Олицетворенія въ пяти послѣднихъ именахъ народовъ, изв ныхъ современникамъ XIV—XVI вѣковъ, естественно;—и до этихъ вѣ и послѣ—вновь возникавшіе города получали имена князей, основат ихъ, таковы: Владиміръ, Юрьевъ, Ярославль, Иванъ-городъ, Кіевъ, и

едва-ли были извѣстны Польско-Литовско-Русскимъ составителямъ лѣто-
исныхъ сборниковъ племена Сибирскихъ обитателей, между которыми встрѣ-
ются и „Ассаны", давно уже исчезнувшіе. Возможно, поэтому, объяснять
чныя имена водителей судебъ народовъ полуночья, встрѣчающіяся въ
здныхъ сборникахъ, не однимъ только господствовавшимъ между книжни-
ми домысломъ олицетворенія, а и тѣми древними памятухами, которыя
ли въ ихъ рукахъ (ср. выше, стр. 74). Возможно, что Сибирскіе вы-
цы изъ племени Ассановъ сидѣли гдѣ либо въ областяхъ Камы, Волги
другихъ большихъ водяныхъ дорогъ—крупными поселками, на земляхъ
ьменцевъ, которые съ ними сблизились и заносили въ свои записи имена
сановъ, и другія подобныя.

Для изысканій о пространствѣ владѣній нашей страны не слѣдуетъ,
виду приведеннаго, пренебрегать никакими лѣтописными сборниками, до
ъ поръ еще валяющимися и въ церковныхъ кладовыхъ и въ темныхъ
ахъ старыхъ помѣщичьихъ дворовъ; ихъ нужно пріобрѣтать для даль-
йшихъ работъ нашего Общества въ этомъ направленіи.

Такимъ же, какъ наши лѣтописные сборники, недовѣріемъ пользуются
сказанія Скандинавскія, повѣствующія о сношеніяхъ Датчанъ, Шведовъ
Норвежцевъ съ Ильменскою страною. Для разсматриваемаго предмета
бенную важность имѣютъ сношенія съ Біарміею и древнѣйшія границы
шей земли въ сосѣдствѣ съ Норвегіею.

Въ Сагахъ часто упоминается Біарманландія и ея обитатели. Пѣвцы
лекаго прошлаго Скандинавіи выводятъ своихъ предковъ, заимщиковъ
луночно-западной окраины Европы, изъ Ильменской страны, изъ Біарміи,
и Великой Перміи; по ихъ сказаніямъ князья Пермскіе царствовали еще
Р. Х.; иные изъ нихъ современны Одину; Норманы стремились въ Біар-
ю искать богатствъ; Конунги Норвежскіе и Датскіе женились на Перм-
ихъ царевнахъ,—изъ за отказа въ сватовствѣ происходили битвы и едино-
рства;—войны, грабежи, мирныя и родственныя отношенія связывали,
кимъ образомъ, Біармію съ Скандинавіею (Опис. Пермской губерніи, стра-
ца 39).

По свидѣтельству-ли Сагъ, или только по наблюденіямъ надъ слово-
разованіемъ языковъ племенъ полуночья стараго свѣта, или потому и по
гому основаніямъ вмѣстѣ, Американскіе ученые, знатоки сравнительнаго
ыковѣдѣнія, называютъ Пермскою семьею преобладающее большинство на-
ій инородцевъ Сибири. У Мальтбрюна, въ его Précis de la Géographie
iverselle,—приведенъ перечень словъ изъ говора этихъ инородцевъ и
ериканскихъ туземцевъ (Часть V, стр. 227—234; Парижское изданіе
17 года).

Извѣстный научный писатель прошедшаго столѣтія Михаилъ Чулковъ,
новываясь на письменныхъ свидѣтельствахъ, говоритъ о Пермской землѣ
къ: „Пермія или Біармія далече простиралась отъ Бѣлаго моря вверхъ
оло Двины рѣки, гдѣ обиталъ народъ Чудской, сильный, купечествовалъ
рогими звѣриными кожами съ Датчинами и другими Нордманцами. Въ
ѣверную Двину рѣку входили съ моря морскими судами, гдѣ лѣтомъ бы-

вало многолюдное и славное торжище, безъ сомнѣнія гдѣ стоитъ Холмогоры, бывшій столицею древней Біарміи. Изъ древняго города Че или отстоявшаго отъ него въ 25 верстахъ, на самомъ берегу рѣки города,—котораго и нынѣ (т. е. въ концѣ прошедшаго столѣтія) з развалины еще видны, гдѣ находятъ множество золотыхъ и сереб вещей, изъ древнихъ купеческихъ городовъ Болгары и другихъ, яко Европейской и Азіатской торговли въ Сѣверный океанъ Печерою, а ливъ онаго или въ Бѣлое море Двиною, также и изъ Скиѳскаго или манскаго моря въ оные города ходили купеческіе корованы. А иног дѣйскіе и Персидскіе купцы изъ Каспійскаго моря рѣками Волгою, Печерою и Двиною въ Сѣверный океанъ, или по тогдашнему назва Скиѳское море, для торговли съ Швеціею, Норвегіею и прочими г ствами приходили" (Историческое описаніе Россійской коммерціи, с ное Михаиловъ Чулковымъ; 21 часть; С.-Петербургъ 1781—1788 г стр. 95).

Подтвержденіемъ приведеннаго описанія служатъ находки, обна ныя въ Пермской землѣ въ теченіе времени съ конца прошедшаг 80-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, между которыми преобладающими ются монеты Сассанидскія, Абассидскія и Византійскія, изданныя ме и XI вѣками, а также, хотя въ количествѣ значительно меньшемъ манскія XI—XII вѣка. Найдены въ области рѣки Камы, около Ка въ Яранскомъ уѣздѣ, серебряныя Новгородки. Кромѣ монетъ извѣст числѣ находокъ издѣлія изъ серебра, мѣди и желѣза, собранныя въ ской же землѣ; нѣкоторыя съ художественною отдѣлкою въ Азія вкусѣ; въ числѣ желѣзныхъ оказывается остатокъ кольчуги—русск боты. Свѣдѣнія о Пермскихъ находкахъ разбросаны въ изданіяхъ Ар гическихъ учрежденій и Обществъ и въ повременныхъ изданіяхъ вѣд народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ.

Кромѣ Сагъ говорятъ о Біарміи Скандинавскіе лѣтописцы, по которыхъ считаются достовѣрными,—такъ: а) Норвежскій мореплав Отеръ, окружившій, въ 870 году, мысъ Нордъ-Капъ, разсказывалъ К Альфреду Великому, записавшему его слова, что Біармія лежитъ по Двинѣ, и что обитатели ея хорошо обработывали землю и говорил видимому, одинаковымъ съ финнами языкомъ (Карамзинъ, Ч. I, ст и б) Лѣтописецъ Исландскій XIII вѣка, мѣстный блюститель за Стурлезонъ, свидѣтельствуетъ, что въ началѣ XI вѣка былъ въ Б большой городъ; къ нему лѣтомъ съѣзжались Скандинавскіе купцы; вежцы Тореръ и Карлъ посланы были туда для торговли самимъ лемъ Олофомъ. Приплывъ въ этотъ городъ ко времени съѣзда и на мѣховъ, они вздумали еще ограбить кладбище, зная обычай обит страны зарывать въ могилахъ часть богатства, оставляемаго умер Кладбище было окружено лѣсомъ и заборомъ; въ срединѣ, на пл стоялъ истуканъ Йомалы (бога) съ драгоцѣннымъ ожерельемъ на ш передъ нимъ, въ серебряной чашѣ, лежали деньги. Норвежцы зашл въ глубокую ночь и похитили все, что могли; но желая еще сн

ола ожерелье, крѣпко привязанное, отсѣкли ему голову. Вдругъ раздался асный звукъ и трескъ; стража кладбища пробудилась и начала трубить рога; воры побѣжали; жители погнались за ними съ воплемъ, окружили бителей со всѣхъ сторонъ,—но не умѣли схватить ихъ, такъ что Норвцы благополучно добрались до своихъ кораблей и скрылись" (Стурлезонъ, Hist. Reg. Septen. Ч. I, глава CXLII—de itinere in Biarmiam, стр. 8 и слѣд.).

Саги описываютъ подробно храмъ Йомалы: „Построенный весьма исно, изъ самаго лучшаго дерева, храмъ этотъ богато украшенъ золотомъ рагоцѣнными камнями, ярко освѣщавшими всѣ окрестныя мѣста (знаъ это украшенія наружныя). На головѣ бога блестѣла золотая корона, двѣнадцатью рѣдкими камнями;—ожерелье его цѣнилось въ сто пятьдеъ фунтовъ золота (300 марокъ); на колѣняхъ идола стояла золотая чаша ихъ размѣровъ, что четыре человѣка могли напитаться изъ нея досыта; наполнена была золотыми монетами; одежда Йомалы превосходила стоитью грузъ трехъ богатѣйшихъ кораблей" (Sturlaugs saga, стр. 47—49; rauds и Bosa Saga, стр. 33, въ Шлецеровой Исторіи Сѣвера, стр. 439. Карамзина, Ч. II, примѣч. 62). Выписки изъ Сагъ приводятся для того, бы судить вообще о достоинствѣ Сагъ, какъ бытовыхъ свидѣтельствъ. существѣ всѣ три Саги повторяютъ извѣстіе Стурлезона о богатствѣ рмійцевъ.

Въ Торѳеевой Исторіи Норвегіи и въ упомянутыхъ Сагахъ нашъ Новодъ называется Холмгардомъ: Торѳей говоритъ, что этотъ Холмгардъ былъ внею столицею и княжествомъ Россіи, которое досталось на часть Ярославу, сыну Владиміра Великаго. Извѣстно, что Ярославъ Мудрый былъ натъ на Ингигердѣ, дочери Шведскаго короля Олофа (Стурлезанова Исто- Ч. I, стр. 517), того самаго, который послалъ Торера и Карла въ Біар-. Стурлезонъ, сохраняя извѣстіе о грабительствѣ этихъ купцовъ и воне о Біарміи, не называетъ города, въ который съѣзжались каждое лѣто говцы; не называлъ онъ и въ Отеровомъ путешествіи. Писатели Струбе ssertation sur les anciens Russes, стр. 36,—по Карамзину въ выше назномъ примѣчаніи) и Миллеръ полагаютъ, что Торѳеевъ Холмгардъ—это одъ Холмогоры. Но Карамзинъ рѣшительно опровергаетъ это мнѣніе, доавъ, что Колмогоры появляются въ нашихъ письменныхъ свидѣтельахъ не раньше XIV вѣка. Ссылаясь на знатока полуночья Россіи Крестина, архангельскаго уроженца, сказывающаго, что Колмогоры составились трехъ деревень: Курцова, Качкова и Падрокурья, и зная, что на языкѣ нновъ слово Колмъ (у Финляндцевъ—Колома) означаетъ числительное , Карамзинъ предполагаетъ, что названіе этого города сложилось изъ ско-Финской рѣчи, подсказывая тѣмъ путь къ заключенію о населеніи ліи Финнами. Вѣроятно Финское слово Юмала—Богъ тоже входило въ іетъ нашего бытописателя.

Пѣвецъ Калевалы называетъ вѣчнаго Кузнеца-Чудодѣя „Ильмариненъ". Эстляндіи до сихъ поръ встрѣчаются родовыя прозвища Ильмаръ.

Сопоставляя всѣ наши краткія замѣтки и выписки взаимно, мы ходимъ къ выводу, что Біармія Скандинавовъ—это Ильменская страна ковъ предлѣтописныхъ, что тотъ городъ, къ которому съѣзжались Ска навскіе торговцы Стурлезона, или Новгородъ, или Ладога, и что въ IX Побережья Бѣломорско-Двинскія были заняты Ильменцами—мирными лями поморья. Будь она не наша, кто же ея насельники, куда они дѣ Богатые сношеніями съ срединною Азіею, жившіе въ довольствѣ и рос (серебряные сосуды въ находкахъ), торговавшіе еще въ V вѣкѣ по Р они не могли—ни исчезнуть безслѣдно, ни переродиться, съ XI вѣка, до жалкаго состоянія, въ которомъ находятся тамошніе насельники ближай къ намъ вѣковъ и нынѣшніе инородцы-кочевники. Можно догадываться, что рамзинъ таилъ въ себѣ это же мнѣніе, возражая Струбе и Миллеру на ихъ Го градъ-Холмогоры, но не высказался, чтобы не стать въ прямое противорѣч Шлецеромъ и его Геттингенскимъ братствомъ. Сдѣлавъ возраженіе, онъ ог чился приведеніемъ доводовъ, что Гольмгардъ Торѳея и прочихъ Скандинавс писателей—есть Новгородъ, а не Колмогоры и не тотъ Холмоградъ, кото прибавимъ, видѣли Болтинъ, въ возраженіяхъ на Леклерка, и Татище въ нашемъ большомъ Мстинско-Ильменскомъ селѣ Бронницѣ, расположен близъ высокаго холма. Если-бы не скромность великаго бытописателя сіи предъ всемогуществомъ на западѣ Европы Геттингенскаго учителя, конечно, договорилъ-бы начатое указаніемъ на Новгородъ. Ладогу мы полагаемъ Біармійскимъ торговымъ съѣздомъ потому, что, какъ замѣ уже, Берманнъ, основываясь на свидѣтельствѣ Сагъ, призналъ не то проживаніе въ этомъ городѣ, еще въ 1060 году, чужеземныхъ купцов и построеніе Нѣмцами въ немъ католической церкви. Оставляя до че таго отдѣла вопросъ объ основательности или баснословіи сказаній С выселеніи Датчанъ на Балтійско-Нѣмецкое поморье изъ Біарміи, какъ ст Ильменской, нѣтъ надобности не довѣрять свидѣтельству ихъ о жен Датскихъ царей на Біармійскихъ царевнахъ: Ярославъ и Ингигерда, ральдъ и Елизавета Ярославовна—не далеки отъ времени Сагъ. Еще б къ нимъ Бравалиновъ походъ на Сурожъ съ Новгородцами, Иворъ и его имени въ Новгородѣ.

Итакъ, страна Ильменская занимала въ предлѣтописные—русскіе все полуночье Европы, извѣстное Скандинавамъ подъ названіемъ Біарм простираясь за Уральскія горы.

Какъ далеко страна наша лежала отъ полуночья къ западу въ предлѣтописные вѣка, мы видимъ изъ пергаментной грамоты, написа рунами, и напечатанной въ Норвежскомъ городкѣ Шеенѣ въ 1677 Мѣстный ученый Спарфенфельдъ получилъ ее отъ пастора Николая варда. Эта грамота имѣетъ предметомъ распредѣленіе границъ между страною и Свеноном I, Датскимъ королемъ, жившимъ въ X вѣкѣ; ею доставляется государю русскому брать дань съ жителей приморскихъ, ныхъ и лѣсныхъ, до самыхъ полуночно-восточныхъ предѣловъ Но (Карамзинъ, Ч. II, примѣч. 61). До котораго мѣста доходили восточ луночные предѣлы Норвегіи при Свенонѣ I—мы не знаемъ, но существо

сихъ поръ округа съ названіемъ „Богусланъ“, образовавшимся вѣроятно ъ Богуслава, въ которомъ, на горѣ Книппельсбергъ, открыты высѣченныя утесѣ древнія изображенія гребныхъ судовъ (Mémoires de la société Royale antiqvaires du Nord, 1840—1844. Copenhagen pag. 139) и нашего го- а Колы—не уменьшаютъ пространства Ильменской земли въ сторону вегіи сравнительно съ нынѣшнею границею здѣсь Россіи. Руническая мота вызывала и вызываетъ подозрѣнія въ подлогѣ;—не особенно до- чиво относится къ ней и Карамзинъ. Однакожъ ни кто изъ сомнѣва- ихся не представилъ не только вѣскихъ, но даже и какихъ либо осно- ій подлога. Мы упоминали уже о мирномъ договорѣ, учиненномъ между вежцами и Новгородцами въ 1326 году; въ этомъ памятникѣ сказы- тся, что договаривающіяся стороны утверждаютъ миръ на тѣхъ же усло- хъ, какіе и прежде были между предшественниками ихъ, и что они анавливаютъ границы обоихъ государствъ и права на земли, каждому надлежащія, по древнему разграниченію или раздѣленію оныхъ: „Secun- m antiqvam terrae consideracionem vel divisionem“ (Собр. Гос. Гр. и Дог. Ч. стр. 125). Значитъ существовали и до этого времени мирные договоры границахъ; событія, предшествовавшія заключенію договора 1326 года, ложены въ лѣтописи нашей подъ 1322 и 1323 годами; подъ послѣд- мъ говорится о сооруженіи города „на усть Невы, на Орѣховомъ островѣ“ рѣшекъ—Шлиссельбургъ; I Нов. лѣт. годы 6830 и 6831, стр. 72—73). казаніемъ на протяженіе земли Ильменской въ даль полночно-западной раины Европы служитъ отмѣтка подъ 1256 годомъ, описывающая по- дъ Св. Александра Невскаго съ своими, княжескими, дружинами и съ лками Новгородскими такъ: „и бысть золъ путь, аки не видали ни дни, ночи, и многимъ шестникомъ (княжескимъ дружинникамъ) бысть па- ба, а Новгородцевъ Богъ сблюде,—пріидоша (обратно) вси здорови“ амъ-же, годъ 6764, стр. 56). Въ одномъ изъ сборниковъ поздняго со- ва, напечатанномъ въ 1774 году подъ названіемъ Древняго Лѣтописца, писанъ пересказъ этого похода нѣсколько иначе: „идоша непроходными сты, яко невидѣша ни дни, ни нощи, но всегда тьма; и тако шедше по- еваше все поморіе и сомногимъ полономъ и богатствомъ безчисленнымъ вратишася во свояси“ (Древ. лѣт. Ч. I, стр. 4). Распространительное-ли, тъ пересказъ, объясненіе отмѣтки древней памятухи, или онъ принадле- тъ очевидцу похода? Изслѣдователь „Состава Русской лѣтописи“ видитъ вое,—хотя, на нашъ взглядъ, можно принять и второе. Участникъ труд- го похода, будучи грамотнымъ, могъ точнѣе опредѣлить „Злой путь“. раженіе „аки не видали ни дни ни ночи“ нѣсколько переиначено и въ тищевскомъ сборникѣ;—тамъ сказано: „нъ не вѣдали бяшетъ ни дни, ни щи“ (Прод. Др. Рус. Вив. Ч. II, стр. 534);—составитель этого сб нялъ древнюю отмѣтку или въ нынѣшнемъ смыслѣ объясненія нятій: „нѣтъ покоя ни днемъ, ни ночью“,—на что она не да нашему мнѣнію,—или,—что „во время всего похода была ма и ратники незнали когда день, когда ночь“. Въ этомъ мыслѣ Татищевская будетъ согласоваться съ словами

писца — „но всегда тьма“, такъ и первой Новгородской лѣтописи — „не вид
ни дня, ни ночи“. Какъ-бы ни толковать сомнительныя слова, — нельз
обратить вниманіе на выносчивость Новгородцевъ, и не объяснять ее
вычкою къ трудному походу въ далекія края полуночья, тогда какъ
жинники князя, люди небывалые, погибали въ изнеможеніи. Такимъ о
зомъ мы усматриваемъ изъ отмѣтки 1256 г. и изъ договора 1326 г.,
Ильменцы владѣли съ давнихъ, долѣтописныхъ, временъ полуночно-запад
окраиною и внесли туда желѣзо, и что въ вѣчномъ кузнецѣ Кале
олицетворена наша страна; она ознакомила Емь и Сумь съ этимъ бл
дѣтелемъ трудящагося люда. Поэтому Руническая договорная грамота
рѣе подлинна, чѣмъ подложна.

Таковы данныя для дальнѣйшихъ изысканій о пространствѣ
Ильменской въ предлѣтописные вѣка между Обью и Норвегіею, по бе
вой полосѣ Ледовитаго моря.

Какъ далеко спускалась намѣченная полоса въ восточно-полуден
направленіи въ тѣже предлѣтописные вѣка, можно примѣтить въ
заніяхъ арабскихъ писателей и въ изысканіяхъ — отечественныхъ.

Прежде чѣмъ обратиться къ сказаніямъ иноземцевъ, надобно сдѣ
общую по отношенію ко всѣмъ имъ безъ исключенія оговорку. Самови
повѣствуемаго, между тѣми изъ нихъ, которые жили въ IX — XIII вѣка
весьма рѣдки; писали они по слуху отъ путешественниковъ торговц
которые, возвратясь на родину изъ дальнихъ странъ, были предметомъ
щаго любопытства; ихъ распрашивали и надоѣдали, конечно, какъ и те
случается нерѣдко; чтобы отдѣлаться отъ докучливости съ одной стороп
чтобы порисоваться своими наблюденіями передъ именитыми домосѣд
книжниками — съ другой, — торговцы-путешественники говорили въ од
случаѣ, что на умъ взбредетъ, а въ другомъ „къ былямъ небылицъ
счету прилыгали“. Конечно не слѣдуетъ ставить разскащиковъ повальн
вралями, но безусловно необходимо относиться къ повѣствуемому со с
ихъ съ особенною осторожностью, и искать подтвержденій въ другихъ об
тельствахъ и данныхъ. Къ тому-же рукописи средне-азіатскихъ повѣ
вателей, время отъ времени встрѣчаемыя въ мѣстныхъ и Европейс
книгохранилищахъ, болѣе чѣмъ какія либо другія открываютъ шир
поле для толкованій; звуковые знаки азіатовъ не имѣютъ Европей
цѣльности и опредѣленной законченности; тамъ какой нибудь крючекъ,
вороченный вправо или влѣво, вверху, или внизу, болѣе или менѣе — им
разныя значенія; тоже и съ точками: поставленная впереди звуковаго знак
она даетъ ему одно выраженіе, сверху — другое, слѣва — третье и т. д
безконечности. Любители и знатоки древней-азіатской письменности, по
щающіе на изученіе ея цѣлую жизнь, все-таки не рѣдко становятс
тупикъ передъ своеобразнымъ почеркомъ какого нибудь араба, и да
иногда крайне противорѣчивыя объясненія знатенія его заковыки, кр
или точки.

Горныя породы въ нашихъ Коломецкихъ находкахъ ведутъ къ за
ченію о знакомствѣ Ильменско-Волховскихъ побережанъ съ отдален

нами, и даже съ Сибирью, еще съ ледниковыхъ вѣковъ; рѣки Ильмен-
водной области служили торнымъ путемъ въ предѣлы Симовы во вре-
предлѣтописныя; Волга была между ними царицею и вводила отваж-
ъ Ильменцевъ въ края невѣдомые. Засѣвъ съ незапамятныхъ временъ
пленными поселками по великому водному пути, по Волгѣ, Камѣ и
рѣ, а также по многочисленнымъ притокамъ ихъ, Ильменцы прослави-
своею предпріимчивостью и отвагою среди вялыхъ выходцевъ Азіи,
незапамятныхъ же вѣковъ ютившихся около рѣкъ пріуралья, и освоив-
я съ нашимъ говоромъ;—эти боязливые рыбоѣды, вѣроятно, и проз-
ихъ Славянами и Русами. Послѣднее слово „Русь“ наши языковѣды
нають производить отъ Готскаго Hrôthis, hrôs, означающее, по чтенію
льфилы, побѣдоносный, славный (А. С. Будоловичъ—докладъ его на
Археологическомъ съѣздѣ 1890 г., въ Москвѣ). Вопросъ о происхож-
Руси, какъ особаго племени, разработывается безплодно уже болѣе
тораста лѣтъ. Профессоръ Будиловичъ открываетъ, направляя его въ
ону Готовъ, новое поле, пустынное не менѣе другихъ, по которымъ хо-
его предшественники; но онъ не затрогиваетъ вопроса съ племенной
и зрѣнія, а пробуетъ объяснить происхожденіе названія народа Гот-
ъ словомъ, означающимъ храбрость, отвагу. Памятны еще Эверсовы
кія хеландіи, то есть красныя греческія ладьи, производства имени
ь, Русь отъ рыжихъ волосъ—и многія другія, въ состоятельность кото-
ь давно уже извѣрились строгіе изслѣдователи. Насколько долговѣчно
изнеспособно будетъ объясненіе г. Будиловича—укажетъ время. Под-
къ своему заключенію, языковѣдъ набираетъ изъ живого русскаго го-
съ полтора десятка словъ, происшедшихъ, будто-бы, отъ языка Гот-
о, такъ: князь, витязь, мзда, шлемъ, броня, мечъ, лихва, мыто, попъ,
колъ, лѣкарь, мощи, скотъ, церковь, говѣти, ликъ, рака;—съ особен-
ь удареніемъ онъ останавливается на необычномъ для Славянской рѣчи
чаніи названія народа на ь (Русь), наконецъ указываетъ на существо-
: будто-бы, въ долѣтописной Руси цѣлой Готской области, называемой
Готландіей, около Кіевскихъ предѣловъ, области важной, срединной у
Готовъ и принадлежавшей одно время царю Германарику (IV вѣкъ по
), которому въ Сагахъ, по словамъ г. Будиловича, приписывается
названіе „Росъ“. Въ концѣ концовъ языковѣдъ относитъ рѣчь Го-
и, стало-быть, ихъ самихъ—къ восточно-германской вѣтви народовъ
пы, которая, какъ увидимъ ниже,—Славяно-Литовскаго происхожденія.
Но когда и откуда пришли въ Европу Готы—вопросъ еще не рѣшенъ.
знаемъ, что племена, бывшія въ предлѣтописныя времена сосѣдями
ленцевъ, назывались словами, имѣющими такое же, какъ и „Русь“
чаніе: весь, чудь, ямь, жмудь, ливь, сумь и проч.; какому говору при-
ежатъ эти, оканчивающіяся на ь имена, такому и Русь; если Готы
ни перечисленнымъ племенамъ, въ такомъ случаѣ ихъ „Русь, Росъ“
тъ переводомъ „Словъ—Славный, Славянинъ“.

Насколько правды въ Готскомъ происхожденіи перечисленныхъ г. Буди-
чемъ словахъ, судить не беремся, но по нѣкоторымъ изъ нихъ, напри-

мѣръ—броня, колоколъ, лѣкарь, мощи, шлемъ—полагаемъ, что правды немного; если она и присутствуетъ—то подъ густымъ прикрытіем *бронь*—слышится всенародное—*оборони Богъ* т. е. побори недруга, проч.;—въ *колоколъ*—два круга: вверху одинъ, внизу другой,—а по древне-славяно-русскому говору—есть *коло*, отъ котораго напло множество словъ, совмѣщающихъ представленіе о кругломъ и по кольцо, колесо, колода, около, околышъ, околодокъ и т. п.;—въ *лѣкр* слѣдуетъ писать лекарь,—слышится тотъ, кто даетъ больному „ле облегчаетъ его страданія, какъ и знахарь; слово легость имѣетъ так больную семью, какъ и коло;—въ *мощахъ*—вѣрующіе видятъ чу ственную могучесть, мочь, мощность;—слова эти тоже не бобыля вутъ и жили въ народномъ говорѣ;—наконецъ *въ шлемъ*—мы у прикрытіе „чела"—т. е. лба, головы,—извѣстное въ древности под ваніемъ Шелома; переходъ звукового знака *ч* въ *ш*—всѣмъ понятен

Такимъ образомъ, не зная откуда и когда появился въ Европ родъ, прозванный впослѣдствіи Готами, и не считая полезнымъ входи поиски за нимъ, и за прочими прозвищами, слагающимися въ з мости отъ случайностей, иной разъ совсѣмъ ничтожныхъ, укажемъ на многочисленность собранныхъ народовѣдами данныхъ, устанавлива своею совокупностью и разновидностями вѣроятность притока къ ле вымъ Европейцамъ и ближайшимъ ихъ потомкамъ каменнаго вѣка различныхъ выходцевъ изъ Азіи и Африки,—въ особенности же изъ Сибири. Готами прозваны, вѣроятно, подобные Урало-Алтайскіе вы уже впослѣдствіи, когда они, смѣшавшись съ какою-либо обособл отъ коренныхъ Европейцевъ вѣтвью, сплотились въ крѣпкое цѣлое, вавъ сильную общину, получившую отдѣльное отъ другихъ, сосѣдни именованіе. Слова—росъ, рось, русь могли принадлежать изобрѣтенію ко либо изъ Урало-Алтайскихъ выходцевъ, сидѣвшихъ въ Волжско-К области, и выражавшихъ ими отвагу, смѣлость,—качества, равнос означаемому словами—Слава, Славный, и присущія древнимъ скимъ славяно-русамъ; отъ такихъ выходцевъ возможно отдѣленіе от двинувшагося въ глубь Европы, унесшаго съ собою слова Рось, насадившаго ихъ на той почвѣ, которая выростила впослѣдствіи Го

Азіатскіе торговцы часто посѣщали Булгаръ-Камскій и Болгар скихъ; отъ нихъ и заимствованы Арабскими, Персидскими и друг сателями свѣдѣнія о Славянахъ и Руси, конечно общія, мимолетны всегда правдивыя.

Сдѣлавъ необходимую, на нашъ взглядъ, оговорку, обратимся вѣстіямъ арабовъ, относящимся до предѣловъ страны Ильменско земли Славяно-Русской, въ названномъ восточно-полуденномъ напр отъ Ледовитаго побережья.

По приведеннымъ почтеннымъ Д. А. Хвольсономъ, великимъ зн и строгимъ объяснителемъ восточныхъ языковъ и нарѣчій, свѣдѣніям нѣйшимъ изъ Азіатскихъ писателей, упоминающихъ о Славянахъ является Ибнъ-Хордадбехъ, рукопись котораго недавно издана ара

уе. Она составлена въ 847 году, слѣдовательно до сомнительнаго вре-
основанія нашей государственной жизни за 15 лѣтъ. Этотъ писатель
ритъ, между прочимъ, что въ Багдадѣ проживали Славянскіе плѣнники-
хи, служившіе, въ случаѣ нужды, переводчиками для Руссовъ, пріѣз-
ихъ въ столицу Халифовъ со своими товарами съ полуночья—по Дону,
ѣ и Каспію. Въ другомъ мѣстѣ онъ свидѣтельствуетъ, что русскіе
ы, принадлежащіе къ Славянамъ, привозятъ изъ отдаленнѣйшихъ странъ
янскихъ бобровые мѣха, мѣха черныхъ лисицъ и мечи—къ берегу Рум-
моря, то есть Чернаго, гдѣ оно касается Византіи, и къ Босфору.
эти показанія драгоцѣнныя для изысканій о Славянахъ и Русахъ, и
озбуждающія никакихъ сомнѣній въ пристрастности—удостовѣряютъ,
Славяне и Русы говорили однимъ и тѣмъ же языкомъ,—иначе первые
могли-бы служить переводчиками въ торговыхъ дѣлахъ русскихъ тор-
евъ, пріѣзжавшихъ въ Багдатъ; что земли Славянъ, торговцы которыхъ
вались купцами русскими, отстояли очень далеко отъ Румскаго, или
аго моря,—и что Руссы пріѣзжали въ Багдатъ съ полуночья, плавая
ою, которую Ибнъ-Хордадбехъ называетъ Славянскою рѣкою. Никакою
о, подходящею подъ это свидѣтельство, Славянскою землею не могла
ть, кромѣ Ильменской: она самая отдаленнѣйшая изъ всѣхъ Славянскихъ
сительно береговъ Чернаго моря и Босфора, и обнимавшая, если не по-
шу всего верхняго теченія Волги, то, во всякомъ случаѣ, значительную
ть его. Коломецкія находки показали, что бобры водились въ самомъ
льменьи еще въ каменный вѣкъ.

Слѣдующимъ за Ибнъ-Хордадбехомъ, въ нисходящемъ порядкѣ, призна-
упомянутый уже въ статьѣ о Клейменыхъ Сѣняхъ Ибнъ-Даста; онъ
ъ въ концѣ IX и въ X вѣкѣ; въ 903 году уже путешествовалъ и былъ
Мединѣ на поклоненіи магометанской святынѣ. Сочиненіе его, отно-
ееся къ разсматриваемому предмету, озаглавлено: „Книга драгоцѣнныхъ
оцѣнностей". Оно писано около 913 года;—открыто, переведено на рус-
языкъ съ обширными объясненіями и издано Профессоромъ Д. А.
льсономъ, по случаю пятидесятилѣтія Петербургскаго Университета, въ
Э году.

Въ высшей степени цѣнныя указанія этого писателя о Славянахъ и
вообще, обнимая бытовыя стороны ихъ жизни, содержатъ свидѣтель-
, повторяемое другими соотечественниками его, писателями же, болѣе
няго времени, о торговлѣ ихъ, Славянъ и Руси, съ Болгарами и Хоза-
. Ибнъ-Даста говоритъ: „всѣ изъ Русовъ, живущихъ по обоимъ бере-
ъ Волги, везутъ къ Болгарамъ товары свои, какъ то: мѣха собольи,
остаевы, бѣличьи и другіе; по его свѣдѣніямъ Волга, на берегу которой
и Болгаре, протекала между землями Хозаръ и Славянъ. Важнымъ пред-
ляется указаніе на грабежи и набѣги Руси на Славянъ, къ поселеніямъ
орыхъ Русь подъѣзжаетъ на корабляхъ. Вспомнимъ нашихъ ушкуйни-
ъ и „людей молодыхъ", а также показаніе лѣтописи подъ 892 годомъ,
отмѣчено: „иде князь Великій Владиміръ въ Словяны въ Суждальскую
лю" (Др. Рус. Вив. Ч. XV, стр. 65, и Супр. лѣт.).

Ибнъ-Даста въ своей книгѣ говоритъ о Буртасахъ и Мадьярахъ; зем первыхъ лежала между Болгарами и Хозарами,—царю послѣднихъ они бы и подчинены;—эти Буртасы имѣли верблюдовъ, рогатый скотъ и мн меду; земля ихъ смежна съ Болгарскою, въ которую они привозили продажи медъ и мѣха. Въ Поволжьи, близъ берега, есть до сихъ поръ леніе Буртасъ въ области верхняго теченія. Но сомнительно, если это леніе остатокъ земли Буртасовъ Ибнъ-Даста, чтобы тутъ держались блюды, хотя и не невозможно; каковы были условія здѣшней природы въ вѣкѣ мы не знаемъ; не знаемъ также о какомъ времени собственно говор арабскій писатель, о своемъ-ли, или о болѣе раннемъ? У селенія Бурт г. Головкинскій, въ 1867 году, на древнемъ прибережьи Волги, нѣсколь приподнятомъ, открылъ залеганіе костей Носорога вмѣстѣ съ отточенны каменными орудіями (А. А. Иностранцевъ; Геологія. Ч. II, стр. 482, изданію 1887 года). Значитъ побережье Волги было, въ мѣстности Бурт ской, заселено людьми въ вѣка отдаленнѣйшіе. Если Ибнъ-Даста пиш о Буртасахъ по слуху, возможно, что свѣдѣніе о верблюдахъ дошл него уже какъ преданіе.

Возможно также, что Буртасы къ времени Ибнъ Даста спустились Волгѣ и заняли степную страну за лѣвымъ ея берегомъ. О Мадьяр этотъ писатель говоритъ, что они жили между землею Печенѣговъ и Б гарскихъ Эсегель,—гдѣ одинъ изъ краевъ страны ихъ; другой край, прот положный, приходится между Каспійскимъ и Чернымъ морями. Послѣ ющіе писатели селятъ Мадьяръ между Волгою и Дономъ. Эсегель, по об сненію Д. А. Хвольсона, лежитъ въ области Дуная, въ Седмиградіи.

Ближайшимъ, по времени, къ Ибнъ-Даста является Ибнъ-Фодланъ. мнѣнію Профессора Хвольсона, сочиненіе свое онъ писалъ около 922 го О торговлѣ Русовъ съ Болгаромъ Ибнъ-Фодланъ говоритъ тоже, что и Иб Даста; но онъ сообщаетъ, сверхъ того, что видѣлъ торгующихъ Русовъ берегахъ Волги, куда они возили невольниковъ и собольи мѣха; тамъ оставались довольно долго и даже строили себѣ деревянные дома по регу рѣки.

Массуди, писавшій лѣтъ 20 послѣ Ибнъ-Фодлана, слѣдовательно о 940 года, повѣствуетъ, что Русы, торгуя съ другими Славянами по Волг имѣли въ Итилѣ, Хозарской столицѣ, постоянныя жилища и судью рѣшенія своихъ дѣлъ. Но подъ Русами онъ разумѣетъ тѣхъ, которые дѣли въ его время на Черномъ морѣ. Для нашего предмета извѣстіе М суди полезно въ томъ отношеніи, что, по его словамъ, Русы состоятъ различныхъ племенъ, или, какъ передаетъ слова его Профессоръ Хв сонъ,—изъ многихъ народностей разнаго рода; этотъ писатель, значит считаетъ Русовъ не особымъ какимъ нибудь племенемъ, а тѣми же Сла нами,—то есть Русами онъ называетъ всѣхъ вообще насельниковъ зем теперешней Россіи,—въ томъ числѣ и Нормановъ; подъ этими послѣ Массуди разумѣетъ тѣхъ Русовъ, которые торговали не по одной т Волгѣ съ Болгаромъ и Хозаріею,—а также и съ Испаніею, Римомъ и стантинополемъ.

Наконецъ остановимся на Абу-Зейдъ-Эль-Балхи, писавшемъ почти овременно съ Массуди,—около 950 года. Нѣкоторыя извѣстія онъ списы-ъ съ Ибнъ-Фодлана слово въ слово. Для насъ особенно цѣнны три сви-ельства Эль-Балхи: а) что медъ и воскъ привозятся къ Хозарамъ изъ ли Русовъ и Болгаръ,—б) что мѣха бобровые получаются только въ ъ рѣкахъ, которыя текутъ въ странахъ Болгара, Руси и Куяба (это ъ),—кромѣ этихъ мѣстъ бобровъ, по словамъ Араба, нигдѣ не най-ъ; и в) что Русь состоитъ изъ трехъ племенъ: одно есть ближайшее Болгару; царь его живетъ въ столицѣ по имени Куяба,—которая больше гара, другое, отдаленное отъ Болгара, называется Селавія; третья племя ывается Барманія; царь его живетъ въ Абармѣ. Болгары ходятъ по дѣ-ъ торговли къ Куябу; что же касается Абармы, туда никто не ходилъ, жители этой страны убиваютъ всякаго, появляющагося въ землѣ ихъ, земца; сами же обитатели Барманіи приходятъ въ Болгаръ водою для говли, но ничего не говорятъ о своей странѣ и никому не позволяютъ вожать ихъ обратно; изъ Абармы вывозятъ черныхъ соболей и свинецъ. ы народъ многочисленный и столь сильны, что налагаютъ дань на со-нія съ ними земли. Профессоръ Хвольсонъ, равно и другіе объяснители бскихъ писателей, первое мѣсто между которыми принадлежитъ Френу, знаютъ Куябу за Кіевъ, а Селавію за нашу Ильменскую страну; отно-сельно третьяго племени Руси мнѣнія ученыхъ расходятся. Мы вовсе не комы съ восточными языками, потому входить въ основанія того, или того изъ мнѣній знатоковъ не считаемъ себя въ правѣ. Но послѣдова-ьность въ сужденіяхъ Д. А. Хвольсона, доступныхъ нашему разумѣнію, ость въ изложеніи и убѣдительность его окончательныхъ выводовъ по дметамъ для насъ нѣсколько знакомымъ,—склоняютъ насъ на его сто-у. По мнѣнію Д. А. Хвольсона, разобравшагося напередъ со всѣми толко-ями другихъ знатоковъ и записями восточныхъ повѣствователей, жив-хъ и путешествовавшихъ послѣ Эль-Балхи, разновременно,—Барма-—это Біармія Скандинавовъ и наша великая Пермія,—а народъ ея—мяна.

Склоняясь на сторону приведеннаго мнѣнія, считаемъ полезнымъ остано-ься и на объясненіяхъ Френа. Этотъ знаменитый ученый полагаетъ, что третьяго племени Руси, по Эль-Балхи, слѣдуетъ читать „Эртсанія"—и ятъ въ немъ Мордовское племя Ерзянъ, жившее на Окѣ, около Нижняго-тгорода, а отчасти и нынѣ живущее тамъ; имя столицы третьяго пле-и онъ читаетъ „Эрса" или „Артса" и думаетъ видѣть въ немъ ны-нній Арзамасъ. Мы знаемъ, какъ коверкаются чужеязычныя слова во-це;—Азіатскіе путешественники, какъ и всѣ, даже намъ современные, исываютъ названія личныя и урочищъ, обращающихъ на себя вниманіе, ковыми знаками своего говора;—сколько можно примѣтить изъ произно-нынѣшнихъ торговцевъ:—татаръ, грузинъ, турокъ и нѣкоторыхъ гихъ,—въ говорѣ ихъ не примѣтно сочетанія звуковъ, подобнаго на-ву *зы*. Да простятъ насъ знатоки, если мы выскажемъ догадку: не шится-ли въ названіи племени—Ерзане - имя Зыряне? Если-бы это

было такъ,—мнѣнія ученыхъ, Хвольсона и Френа, сошлись-бы къ
мыслію.

Примѣчаніе. Всѣ свѣдѣнія о сказанныхъ восточныхъ писателяхъ мы взяли и
мянутой книги Д. А. Хвольсона, а также изъ изслѣдований:—Савельева—Мухаме
нумизматика и Гаркави—сказанія Мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Руси.
эти,—всѣ, написаны такъ увлекательно, что ссылки на страницы нашихъ заимство
нужны будутъ тому, кто пожелалъ-бы читать ихъ: начавшій—непремѣнно кончитъ
книгу; хотя пятая часть содержанія ихъ писана по-арабски,—но подстрочный—о
тельный переводъ, особено въ книгѣ Хвольсона, не даетъ чувствовать въ этомъ неде
ссылокъ на страницы намъ пришлось-бы дѣлать очень много, а это затрудняетъ все
ченіе мысли при чтеніи.

Итакъ среднеазіатскіе и вообще арабскіе писатели упоминаютъ о
вянахъ и Руси, какъ обитателяхъ Волги и Камы. Старѣйшій изъ
Ибнъ-Хордадбехъ, знаетъ этихъ Славянъ и Русь съ первой половины
таго вѣка; но онъ писалъ со словъ своихъ соотечественниковъ—торг
путешественниковъ, а быть-можетъ и на основаніи извѣстій, заимст
ныхъ изъ книгъ болѣе древнихъ, до нашего времени недоживших
остающихся гдѣ нибудь, въ неизвѣстныхъ ученой Европѣ хранили
Слѣдовательно мы вправѣ говорить, что Славяне и Русь существова
водной области великаго пути, въ побережьяхъ Волги, Камы и ихъ
ковъ, и были извѣстны передовымъ народамъ древняго міра подъ
именами до начала Русской лѣтописи. А какъ къ перволѣтописному
мени одни только Ильменцы сохранили имя Славянъ изъ всѣхъ д
вѣтвей одного съ ними родоначалія, поэтому мы, не смущаясь довод
окончательными выводами именитыхъ бытописателей, заключаемъ, чт
ницею Ильменской страны въ полуденно-восточномъ направленіи отъ
говой полосы морей Бѣлаго,—или Студенаго и Ледовитаго,—были
Волги, первой половины ея теченія, не исключая и тѣхъ притоковъ,
рые впадаютъ въ нее справа, съ Окою во главѣ. Но мы не имѣемъ
ваній утверждать, чтобы все обширное пространство, заключающе
этихъ границахъ, было сплошь заселено Славяно-Русами, хотя не
также и достаточныхъ поводовъ держаться общепринятаго учеными
женія, будто Ильменцы-Новгородцы насильственно вторгались въ
чуждыхъ имъ племенъ, увлекаемые духомъ наживы, и основывали
свои поселки. Какою-бы чрезвычайною отвагою ни обладала горсть
она не могла-бы удержаться, а тѣмъ болѣе разростаться, въ землѣ
невѣдомой; на основаніи нашихъ Коломецкихъ находокъ, а равно
же находокъ, сдѣланныхъ, описанныхъ и до нѣкоторой степени и
ванныхъ—въ другихъ мѣстностяхъ, на пространствѣ между Волгою и
витымъ моремъ и въ Сибири,—мы склонны высказаться за исконное
даніе Ильменцами тѣми землями, на которыхъ сидѣли, при началѣ Р
лѣтописи, не Славяно-Русы, не исключая ни Болгаръ, ни Мадьяръ,
предоставленіе этихъ земель первобытными хозяевами ихъ, для сел
Урало-Алтайскимъ выходцамъ, съ оставленіемъ за собою права соб

ти на тѣ земли, выражавшагося во всѣ вѣка самобытія сборомъ дани инородцевъ. Въ послѣднемъ отдѣлѣ мы изложимъ основанія своего ѣнія.

Азіатскіе писатели сохранили въ своихъ сказаніяхъ, сверхъ приведен-ъ, и извѣстія, подтверждающія изложенное показаніе одного изъ сбор-овъ Новгородской семьи лѣтописей поздняго состава, о походахъ Славяно-овъ во Египетскія страны, во Іерусалимскія и проч. Ибнъ-Хордадбехъ ритъ, между прочимъ: иногда они,—Русскіе купцы, принадлежащіе къ янамъ,—ходятъ по рѣкѣ Славянъ (Волгѣ) и проѣзжаютъ по заливу рской столицы—Итиля;—откуда отправляются они въ Каспійское море ходятъ на берегъ, гдѣ имъ угодно. Массуди, а съ его словъ и другіе, вшіе послѣ него, говорятъ объ извѣстномъ набѣгѣ Русовъ, въ 913 , на полуденное побережье Каспійскаго моря, опустошеніяхъ и страш-ъ ужасѣ, наведенномъ ими на Туземцевъ.

Независимо отъ свидѣтельствъ арабовъ о заселеніи Поволжья Славяно-ами до Булгара, тоже подтверждаютъ обширныя изысканія въ землѣ олѣтописной Мери, произведенныя и подробно обработанныя графомъ С. Уваровымъ. Изъ труда его,—въ книгѣ „Меряне и ихъ бытъ по кур-ымъ раскопкамъ", видно, что Меря занимала обширную площадь по нему теченію Волги и ея притоковъ съ обѣихъ сторонъ,—слѣва: Тверцы, Мо-, Шексны, Костромы, Мери, Унжи и Керженца,—и справа: Сестры и ны, и Оки съ Клязьмою; сосѣдями ея были: Славяне-Ильменцы,—Весь, емиса, Мордва, Мещера, Мурома, Вятичи и Кривичи. Раскопки графа рова дали огромное собраніе остатковъ курганныхъ вѣковъ Мерянъ; хъ кургановъ вскрытыхъ тамъ 7729; какъ въ Біарміи, такъ и здѣсь дено весьма много восточныхъ монетъ, изданныхъ въ разныхъ государ-ахъ, въ Азіи и въ Африкѣ, за время съ IV вѣка до Р. Х. по X послѣ ала христіанскаго лѣтосчисленія. Преобладаніе принадлежитъ послѣднему, вѣку, отъ котораго найдено шестьдесятъ семь образцовъ; отъ IX четыре зца; VIII—восемь, VII—одинъ, I—одинъ и IV вѣка до Р. Х. одинъ. числѣ монетъ X вѣка оказались: одна Баварская, одна Богемская—слава, (939 по 1003 годъ), три Оттоновъ I и II—Германскихъ, и по й Вендской и Датской—короля Эстратесна, сына Свенда, остальныя очныя. Отъ XI вѣка досталось десять монетъ Западно-Европейскихъ, Армянская и ни одной восточной, ни Азіатской, ни Византійской. адно-Европейскія принадлежатъ:—Этельреду II (978—1016 г.);—Оттону 983—1002 г.);—Гейнриху II (1002—1024 г. чеканена въ Кельнѣ);—уту Великому (1014—1036 г.);—Гейнриху III (1039—1056 г. чека-а въ Фрисландіи);—Вильгельму Норманскому (1054—1076 г. чеканена Утрехтѣ);—Гейнриху IV (1084—1106 г.) и Бруно, Епископу Вюрц-гскому (1033—1045). Въ числѣ восточныхъ X вѣка, Византійскихъ о двѣ: Константина Багрянороднаго (912—959 г.) и Іоанна Цимисхія 9—975 г.), и двѣ чекана Волжскихъ Болгаръ:—Мумина, сына Ахмеда Мостекфа-биллахъ-Талибъ-бекъ-Ахмета. Монета I вѣка по Р. Х. принад-итъ Императору Домиціану (81—96 г.),—а IV вѣка до Р. Х.—Фи-

липпу Македонскому. Остальныя распредѣляются такъ: Уммсадски вида,—Африканскихъ три вида,—Абассидскихъ-Азіатскихъ тоже всѣ чеканы съ VII по X вѣкъ послѣ Р. Х.;—Сассанидскихъ одинъ VIII вѣка;—Тиберистанскихъ того же вѣка—одинъ видъ; Самани сорокъ видовъ, всѣ, за исключеніемъ одного, Измаила I (899 г.), че въ X вѣкѣ;—Тагиридскихъ одинъ видъ;—чекана въ Самаркандѣ 92 Буидскихъ четыре вида, съ 950 до 981 года;—Алидскихъ два вида ридскихъ тоже два;—и одинъ видъ Окайлидскихъ, 990 года (графъ Уваровъ, Меряне и ихъ бытъ, стр. 120—122). Изъ этого перечня з цѣнности ясно, что обитатели верхняго теченія Волги и ея при были тѣ же Славяне и Русь, которые торговали, плавая по рѣкѣ С (Волгѣ), съ Болгарами Камско-Волжскими и Среднею Азіею. Графъ ровъ, основываясь на Мерянскихъ находкахъ, а особенно на собра имъ черепахъ, измѣренныхъ и изслѣдованныхъ академикомъ Бэромъ фессоромъ Ѳ. П. Ландцертомъ, пришелъ къ заключенію, что Меряне сятся къ Финскому племени. Заключеніе по черепамъ сдѣлано бы концѣ 60-хъ годовъ; съ тѣхъ поръ череповѣдѣніе сдѣлало громадны пѣхи и пришло, съ почина знаменитаго французскаго ученаго Поля къ выводамъ, несогласнымъ съ сдѣланными до него. Вмѣстѣ съ тѣ землѣ Мерянъ были произведены новыя изысканія, предъ Московскою Ан логическою выставкою 1879 года, и сдѣланы новыя измѣренія че А. П. Богдановъ, потрудившійся болѣе, чѣмъ кто нибудь изъ ру ученыхъ, надъ изученіемъ ископаемыхъ остатковъ насельниковъ наше чества, представилъ строгонаучную статью для этой выставки „ въ Антропологическомъ отношеніи". Разобравъ всѣ, имѣвшіяся къ то мени, данныя о Мерянахъ, знаменитый естествовѣдъ высказалъ, меж чимъ, слѣдующее, относящееся къ нашему предмету: „Меряне подве вліянію преимущественно Новгородцевъ и древнихъ Булгаръ. По да имѣющимся до сихъ поръ относительно древнихъ Новгородцевъ и др Булгаръ, черепа ихъ были, какъ и древніе Мерянскіе, тоже длинного при чемъ въ курганахъ древнихъ Новгородскихъ попадаются черепа жительно одинаковые съ Мерянскими, а въ Булгарахъ нѣсколько отличные, хотя одинаково длинноголовые. Не потому-ли Меряне и въ тѣсныя отношенія съ Новгородцами,—что Антропологическая осно была одинакова, т. е. они были близки по кровному происхожденію и отличалась по обычаямъ и бытовымъ особенностямъ,—и съ Булг что тамъ тоже были выселки Мерянъ, принявшіе совершенно иные о смѣшавшіеся болѣе съ другими инородцами, а потому и болѣе удали въ строеніи отъ Мерянъ" (Антропол. Выст. 1879 г. Т. III, Ч. I, вы 4, изданіе 1882 г., стр. 40—416. Приведенная выписка на послед ванной страницѣ).

Изысканіями о Мерянахъ гр. А. С. Уварова и А. П. Богданова лѣтописные предѣлы Ильменской страны въ восточно-полуденномъ леніи отодвигаются далѣе, чѣмъ по свидѣтельству арабскихъ пис

атывая всю область Волги верхняго и первой половины средняго тече-
, съ притоками ея, до Оки включительно.

Для опредѣленія границы нашей страны въ направленіи полуденномъ
имѣемъ уже показанія арабскихъ писателей о Куябѣ и Селавіи; но
ѣстны свидѣтельства поэтому предмету отъ самаго начала первыхъ,
ько нибудь достовѣрныхъ, письменныхъ сказаній о странахъ и наро-
ь Европы за шесть вѣковъ до Христа, именно отъ временъ повѣствуе-
ъ Геродотомъ.

По поводу именъ горы Нередицы и Неревского конца, мы упомянули
еродотовыхъ Неврахъ, или Нейрояхъ—по Эразмову и Рейхлинову чте-
ъ греческихъ писателей. Въ книгѣ нашей „Бытовые остатки Ильменцевъ
еннаго вѣка" приняты за исходную точку въ изысканіяхъ объ этихъ
рахъ названія селеній и урочищъ словами, корень которыхъ соотвѣт-
уетъ имени ихъ. Прослѣдивъ такія названія въ Азіи и Европѣ, мы
положили двѣ вѣтви Невровъ:—древнѣйшую, двигавшуюся сперва отъ Иль-
ня къ Сибири, а затѣмъ обратно изъ нея къ странѣ Ильменской, и къ самому
ьменско-Волховскому побережью, гдѣ гора, на которой они осѣли, полу-
а названіе Нередицы,—эту вѣтвь мы называемъ Сибирскою;—и болѣе
зую, Кавказско-Каспійскую, прошедшую изъ Азіи чрезъ страны Дунайско-
ѣпровскія и осѣвшую частію на водораздѣльной возвышенности рѣкъ—Волги,
ѣпра, Двины и Ловати, а частію двигавшуюся Балтійскимъ поморьемъ,
извѣстную въ нашей лѣтописи подъ именемъ „Нерома-Жмудь". Изъ этой
слѣдней образовалась Литва, давшая, въ помѣси съ первозаимщиками
морья, Ливь, Леттовъ, Летголу и проч. (Бытов. ост. Ильм. кам. вѣка,
. 257—275).

Благодаря точному переводу Геродотовыхъ сказаній Ѳ. Г. Мищенка
осква, 1886 г.), этотъ любознательный и многосвѣдущій греческій пи-
тель доступенъ каждому изъ насъ. Къ переводу приложенъ подробный
затель съ обстоятельными примѣчаніями и объясненіями переводчика.
ъ ни сбивчивы, неточны и иной разъ разнорѣчивы опредѣленія мѣст-
ей, и какъ ни исковерканы переписчиками имена личныя и названія
анъ и народовъ въ сказаніяхъ Геродота, они драгоцѣнны для изысканій
оссіи и объ Ильменской странѣ.

Страну Невровъ Геродотъ называетъ Невридою и помѣщаетъ въ обла-
нижняго теченія Днѣпра и отчасти средняго. Объяснители его и самъ
еводчикъ видятъ памятники Невровъ въ названіяхъ: рѣкъ—Нарева, при-
а Вислы, и Нурца, впадающаго въ западный Бугъ, и города Нура—
алско отъ устья Нурца,—а также въ названіи Птолемеемъ, александ-
скимъ ученымъ перваго вѣка послѣ Р. Х., народа „Навары". По этимъ
азаніямъ истолкователи Геродота помѣщаютъ его Невриду—въ полуночной
сти Галиціи, полуденной Волыни, и въ прилегающей къ нимъ Польшѣ.
которые же изслѣдователи, основываясь на показаніи Геродота, что за
поколѣніе до похода Дарія,—значитъ вѣковъ за шесть до Р. Х.,—змѣи
цили Невровъ покинуть всю страну свою и поселиться вмѣстѣ съ
динами,—принимаютъ за Невриду и Пинскую низменность, изобилующую

Отсюда, должно-быть, и вышли Невры-Меряне, одновременно съ Эстіи Стриттера (его Исторія Россіи), при Германарикѣ; послѣдніе сѣли въ тистой странѣ Ильменско-полночнаго побережья, гдѣ, близъ рѣки Ниш жить до сихъ поръ селеніе Эстьяны. Въ четвертомъ отдѣлѣ мы буде ворить обовсемъ этомъ подробно и приведемъ основанія. Слѣдователь падная граница Ильменской страны проходила Балтійскимъ побережь далѣе къ полдню—чрезъ Восточную Пруссію, къ Волыни и до от Карпатъ.

Вѣка самобытія.

Отечественные бытописатели и изслѣдователи древностей начи самобытіе Новгородскаго государства половиною XII вѣка, именно зак ніемъ князя Всеволода Мстиславовича „во Епископль дворъ"—въ подземелье Судебно-Престольной Палаты, и изгнаніемъ его въ 1136 считая Ильменскую страну наслѣдственнымъ достояніемъ княжескаго Рюрика. Не находя оправданій такого взгляда въ письменныхъ свидѣ ствахъ, какъ русскихъ, такъ и иноземныхъ, мы считаемъ началомъ бытія, по меньшей мѣрѣ, тѣ вѣка, съ которыхъ появляются и преем ютъ въ разныхъ мѣстахъ Руси роды державцевъ, т. е. съ IX вѣка, ничто не мѣшаетъ отодвинуть ихъ и на пятнадцать вѣковъ раньш временамъ Геродотовой Скиѳіи, какъ увидимъ впослѣдствіи.

На первыхъ страницахъ русской лѣтописи встрѣчаются имена: мысла, старѣйшины, давшаго Новгородцамъ совѣтъ призвать для уст порядка Варяго-Руссовъ;—Оскольда и Дира, сидѣвшихъ въ Кіевѣ;—М по Нестору, сына Нискинина—по Якимовой лѣтописи. Имени этого Ма называютъ Польскіе лѣтописцы XV и XVI вѣка: Длугошъ (книга I, ница 49);—Бѣльскій (Ч. I, стр. 127—128) и Стрыйковскій (Ч. I, ница 118); оно приводится только въ отрывкѣ Якимовскомъ—(въ изс ваніи Лавровскаго, стр. 61). Польскія хроники называютъ Мискину скину тѣмъ Древлянскимъ княземъ, который присватывался къ вдовѣ таго имъ Игоря, Святой Ольгѣ. Въ принадлежащемъ намъ сборникѣ хомъ вдовы Игоря названъ также Низкиня (стр. 170).

Примѣчаніе. Нашъ рукописный сборникъ не значится въ печатныхъ перечн спискахъ хронографовъ, хранящихся въ собраніяхъ ученыхъ, правительственныхъ и час учрежденій. Въ виду немаловажнаго вообще значенія для нашего Общества подо сборниковъ, запишемъ его начало и конецъ, какъ отличительные признаки: „Книга графъ, сирѣчь начало письменомъ царскихъ родовъ отъ многихъ лѣтописцовъ, пре бытіи, о сотвореніи міра отъ книгъ Моисеовыхъ и отъ Исуса Навина, отъ судей Из тейскихъ, и отъ четырехъ царствъ; таже и о Ассирійскихъ царехъ, и о Македоніи, о скихъ царехъ, Еллинъ же и благочестивыхъ, и отъ русскихъ лѣтописцевъ и Сербскихъ гарскихъ. Первѣе збогомъ начинаетъ о шести днехъ. Въ нихъ сотвори Богъ всю яко же рече Давидъ: словомъ Господнимъ небеси утвердишася, и духомъ устъ Его вс ихъ. Написася отъ премудраго Монасія и отъ Сивирія Епископа Гевалского" Въ ру 165 главъ и 208 листовъ, она кончена 1613 годомъ, пожеланіями царю Михаилу

чу: „благопребывательно здравствовати и во всякомъ благоденствіи расти и мужество-
". На оборотѣ послѣдняго листа отмѣчено другимъ почеркомъ и чернилами: Совершена
ть книга сія въ лѣто 7121 (т. е. 1614) Марта въ 21 день. Почеркъ этой отмѣтки,
димому,—того же XVII вѣка.

Мы остановились на Малкѣ сынѣ Нискининѣ, чтобы показать зна-
е именъ личныхъ и названій урочищъ, встрѣчающихся въ сборникахъ
няго составленія, Русскихъ и Польскихъ, равно въ лѣтописяхъ и Са-
ъ Скандинавскихъ. Если писатели Польскіе не знаютъ Мала, а гово-
ъ объ отцѣ его, Мискинѣ или Нискинѣ, значитъ Древляне имѣли уже
IX вѣкѣ своихъ державцевъ, не зависящихъ отъ трехъ полубаснослов-
ъ братьевъ—варяговъ; такихъ же державцевъ имѣли, или могли имѣть
еряне, Вятичи, Кривичи и прочіе вѣтви обособившихся Славянъ.

Вѣка отъ VIII до X отличаются удальствомъ обитателей полуночья
оны, выразившемся въ грабительствѣ и разбояхъ; эти удальцы не до-
ьствовались одною Европою, они отваживались переплывать Океанъ и
ѣщать Америку; Копенгагенское общество любителей древностей собрало
го данныхъ по этому предмету. Напечатанныя въ книгѣ. „Mémoire sur la
ouverte de l'Amérique au dixième siècle, par Charles Christian Rafn. Co-
hague; 1843". Въ числѣ удальцовъ, называемыхъ вообще Норманами,
ли конечно и Славяно-Русы Ильменской страны, которыхъ именно Мас-
и называетъ, если вѣрно чтеніе Профессора Хвольсона (на стр. 166 и
7 его Ибнъ-Даста), принадлежащими къ племени Русовъ, а греки и дру-
арабы—Русами. Предводители большихъ скопищъ удальцовъ занима-
ь, какъ извѣстно, не добрымъ дѣломъ; это были орды хищниковъ, на-
авшія на мирныхъ жителей; часть удальцовъ селилась между ними и
должала грабежи и насилія именемъ своихъ предводителей, представ-
шихся въ глазахъ народа державцами.

Чтобы избавить свою страну отъ набѣговъ и опустошеній такихъ
кавцевъ-хищниковъ, правители Ильменской страны вошли вѣроятно, съ
и въ особыя соглашенія, имѣвшія основаніемъ—откупиться отъ грабежей
ою золота и серебра, получившихъ уже къ тому времени значеніе все-
ощающей своимъ количествомъ цѣнности, и направить хищническую
ельность ихъ подальше отъ своей страны, въ края инородцевъ и тѣхъ
своихъ исконныхъ родичей, которые удалялись отъ тяготѣнія къ Иль-
ско-Волховскому побережью и стремились—или къ полному обособленію,
къ союзамъ съ ближайшими къ землямъ ихъ чужеродцами. Такою по-
ловкою своихъ отношеній къ ордамъ хищниковъ и ихъ державцевъ Иль-
цы обезопасили земли своего тяготѣнія и положили начало собиранія
оргнутыхъ отъ Славянскаго корня племенъ и земель ихъ въ одно цѣ-
, въ обширную семью Славяно-Русовъ. Орды, съ державцами которыхъ
ьменцы вступили въ соглашеніе, были побережане Волхова, Невы, Ше-
ни, Ловати, а также верховьевъ Волги, Днѣпра и Двины, залегавшіе ве-
кій путь изъ Славянъ въ Греки.

Со стороны первыхъ наемныхъ державцевъ бывали, конечно, стремле-
наложить руку на Ильменскую страну и богатый ея городъ, но они

не удавались; отпоръ подобныхъ стремленій слышится въ преданіяхъ, д
шихъ до Преподобнаго Нестора, по всей вѣроятности отъ стараго Я
внесенныя имъ въ начальную лѣтопись, подъ 859 и 862 годами (Лавр
евскій и Радзивиловскій, или Кенигсбергскій, списки), дополненную
продолжателями сказаніемъ о возмущеніи Вадима и Новгородцевъ пр
Рюрика. Какъ Несторовы сказанія, такъ и дополнительныя продолжа
его „Повѣстей временныхъ лѣтъ“ пріурочиваютъ свои извѣстія къ г
совершенно случайно; или, что еще вѣроятнѣе, объяснители начальной
ской лѣтописи неправильно относятъ извѣстія о событіяхъ къ тѣмъ и
годамъ, подъ которыми они значатся въ дошедшихъ до насъ лѣтопис
сборникахъ. Мы уже имѣли случай говорить объ образованіи нашей
писи изъ отдѣльныхъ памятухъ, то есть записей на свободныхъ мѣс
пасхальныхъ листовъ. Здѣсь добавимъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ
дили сказанія, въ видѣ записей современниковъ-очевидцевъ, объ обстоя
ствахъ, вызвавшихъ въ очевидцѣ желаніе сохранить ихъ для памя
преданія, представлявшіяся составителю сборника вѣроятными (Срав. М
Сухомлиновъ—О древней Рус. лѣтописи, стр. 28—45; И. И. Срезневск
Изслѣдованіе о Новг. лѣт., въ Извѣстіяхъ Академіи Наукъ; Ч. II, стр.
73 и Бестужевъ-Рюминъ—о составѣ Русс. лѣт. стр. 31 и слѣд.). Ос
тельнѣе и во всякомъ случаѣ осторожнѣе будетъ, принявъ событія, у
наемыя на первыхъ страницахъ Начальной русской лѣтописи, воздерж
отъ опредѣленія ихъ времени, впредь до новыхъ открытій въ области
менныхъ памятниковъ отечественныхъ и иноземныхъ—сосѣднихъ, или з
мыхъ нашимъ предкамъ—народовъ. Поэтому столкновенія Ильменцев
грабительскими ордами сосѣдей возможны; но чтобы послѣднее бы
859 году, и чтобы это изгнаніе грабителей-находниковъ вызвало, сряд
послѣ того, какъ ихъ прогнали, призваніе ихъ же для водворенія по
въ странѣ,—совсѣмъ невѣроятно, какъ лишенное здраваго смысла. Стр
нія къ преобладанію въ богатой странѣ бывали много разъ, но не и
успѣха, и Ильменская страна всегда сохраняла самобытіе.

Достовѣрнымъ державцемъ, начавшимъ исполненіе соглашеній съ
вителями Ильменской страны, слѣдуетъ признать преемника его преди
венниковъ, покушавшихся на уничтоженіе самобытія, Олега, богатаго зем
по Волхову Ладожанина,—въ Ладогѣ же и похороненнаго, по сказанію
писныхъ сборниковъ — Комисейскаго, Толстовскаго и Архангелогородс
Въ первыхъ двухъ спискахъ отмѣтка одинаковая: „Иде Олегъ (
удачнаго похода на Грековъ) къ Новугороду и оттуда въ Ладогу; д
же сказуютъ, яко идущу ему за море и уклюну зміа въ ногу и съ
умре. Есть могыла его въ Ладозѣ“. Въ Архангелогородскомъ повторен
же отмѣтка; но вставлена извѣстная сказка о любимомъ конѣ князя (
изданіе 1781 года, стр. 9—10).

Если вѣрить нѣкоторымъ показаніямъ отрывка Якимовой лѣто
признавъ вторую половину его, какъ доказываетъ П. А. Лавровскій, за
линную въ позднѣйшемъ пересказѣ, Гостомыслъ и его предки были,
и Олегъ, землевладѣльцами большихъ площадей недалеко отъ Новго

Шелони; а изъ сравненія разсказа этого отрывка его показаніемъ Степ
ной книги объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ женитьбѣ Игоря,
ьзя не усмотрѣть, что и этотъ князь проживалъ въ своемъ родовомъ
ніи, сосѣднемъ съ принадлежавшимъ старѣйшинѣ, прозванному Госто-
ломъ (выше мы сказали почему). Св. Ольга, по Якимову свидѣтельству,
а изъ рода этого Гостомысла, а по Степенной книгѣ она проживала въ
ніи, именуемой Выбутская"; эта же вѣсь значится въ тропарѣ Св. Ольги,
названіемъ „Выбуто въ Плесковской странѣ". До сихъ поръ существ-
ъ въ родовомъ имѣніи князей Васильчиковыхъ селеніе Выбить, близъ
овскаго уѣзда, недалеко отъ Шелони. По сказанію Константина Багря-
днаго князь Святославъ Игоревичъ проживалъ въ Новгородѣ (Немо-
ѣ).

Въ вопросѣ о самобытіи Ильменской страны всѣ эти сказанія имѣютъ
ественнѣйшее значеніе, потому для дальнѣйшихъ изысканій представ-
тся не излишнимъ остановиться на нихъ подробно.

Несомнѣнно, что существовало въ Новгородѣ лицо, давшее своимъ со-
жданамъ разумный совѣтъ обезпечить дальнѣйшую неприкосновенность
дѣній страны Ильменской и ея самобытія. Лицо это было вліятельнымъ, бога-
ъ и родовитымъ, каковыми являются всѣ правители народные въ земляхъ
обытныхъ. Если Св. Ольга происходила отъ этого именно лица,—князя-ли,
ъ его называетъ Якимова лѣтопись, перечисляя и предшественниковъ
тищевъ, Исторія Россіи Ч. I, стр. 31—34), или старѣйшины, или По-
ника, какъ его называютъ другіе лѣтописные сборники (Посадникомъ онъ
чится въ Татищевскомъ—во 2 ч. Прод. Др. Рус. Вивл. стр. 317),—
ли его находились тамъ, гдѣ она проживала, близъ селенія Выбуто.
язь Игорь встрѣтился съ Ольгою, по свидѣтельству Степенной книги,
слѣдующихъ обстоятельствахъ:—„Игорю, юну сущу и нѣкогда утѣша-
уся нѣкими ловитвами, и узрѣ объ ону страну рѣки ловъ желанный,
бѣ ему возможно преити на ону страну рѣки, понеже не бяше ладійцы,
зрѣ нѣкоего по рѣцѣ пловуща въ ладійцѣ, и призва пловущаго ко бе-
и повелѣ себя перевести за рѣку; и пловущимъ имъ возрѣ на гребца
о и позна, яко дѣвица бѣ сія, вельми юна сущи, доброзрачна же и му-
твенна; ея же иногда никогдаже незная, и уязвися видѣніемъ, и разго-
и желаніемъ на ню и нѣкіе глаголы глумленіемъ претворяше къ ней".
ица же знала его какъ князя и упрекала въ легкомысліи и покушеніи
ея цѣломудріе,—чѣмъ и отрезвила юношу (Степ. кн. Ч. I, стр. 8). О
тожительствѣ Св. Ольги Степенная книга говоритъ, что ее произвела
лесковская страна, яже отъ области царствія великія Русскія земли, отъ
и, именуемыя Выбутская, близъ предѣлъ Нѣмецкія власти жителей—
языка Варяжска отъ рода же не княжеска, ни вельможеска, но отъ
стыхъ людей" (тамъ-же, стр. 6). Въ Начальной русской лѣтописи нѣтъ
робностей женитьбы Игоря, она ограничивается краткою отмѣткою подъ
3 годомъ: „Игореви възрастъшю—и приведоша ему жену отъ Плескова,
снемъ Ольгу" (Лаврентьев. годъ 6411 стр. 13—по Московскому изданію
64 года).

Разберемъ эти извѣстія въ связи съ мѣстностью вѣси Выбуто
Юный князь Игорь охотился на берегу рѣки пѣшій; будь онъ на конѣ
такомъ случаѣ—„узрѣвъ объ ону страну рѣки ловъ желанный"—онъ
правился-бы туда вплавь, какъ молодой удалецъ. Онъ охотился о
безъ товарищей-дружинниковъ, которые нашли-бы легко способъ д
вить князя на противоположный берегъ. По Начальной лѣтописи Ро
„предаетъ княжине свои Олгови, отъ роду ему суща, въдавъ ему на
сынъ свой Игоря; бысть-бо дѣтемъ вельми" (Тамъ-же, годъ 6390,
882, стр. 10); „Игорь же хожаше по Олзѣ и слушаше его" (тамъ-же,
6411, стр. 13). Какъ-же могло случиться, что Игорь бродилъ один
лѣсу въ Плесковской странѣ? Это могло случиться тогда только, если
имѣлъ постоянное жительство въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ былъ и
Ольги. Начало X вѣка было временемъ борьбы Кіевской Руси съ Печ
гами, Хозарами и другими кочевыми и осѣдлыми сосѣдями; внезапные
бѣги повторялись не рѣдко; Олегъ былъ образецъ воина-удальца тѣхъ
менъ; дома ему не сидѣлось. Овладѣвъ коварствомъ, похвальнымъ для
временъ, страною Кіевскою, онъ избралъ своимъ мѣстопребываніемъ К
„Сѣде Олегъ княжа въ Кіевѣ и рече: се буди мати градомъ русскимъ
говоритъ Лаврентьевскій сборникъ (годъ 882, стр. 11). Будучи посто
въ набѣгахъ, правитель Кіевскій едва-ли оставлялъ Игоря въ городѣ,
вергавшемся учащеннымъ набѣгамъ;—всего естественнѣе—онъ держал
въ безопасной мѣстности,—каковою представлялось родовое имѣніе Иг
отца, гдѣ много старыхъ слугъ, на которыхъ можно положиться. Г
мыслъ, по Якимовой лѣтописи, указалъ наиболѣе подходящими, къ осу
вленію внушеннаго имъ согражданамъ мѣропріятія, своихъ внуковъ от
чери; Ольга признается тою же лѣтописью отъ рода Гостомысла; слѣ
тельно родовое имѣніе Игоря было по сосѣдству съ принадлежащимъ
телямъ Св. Ольги. Степенная книга не знаетъ о родствѣ Ольги съ Гост
словымъ потомкомъ, но считаетъ ее происходящею отъ рода Варяжс
стало быть предки ея сидѣли на Шелони и занимались набѣгами и г
жами пловцовъ, гнавшихъ свои товары по пути изъ Варягъ въ Г
Игорь попалъ на Шелонь предъ встрѣчею съ Ольгою не впервые: она
его какъ князя, стало-быть не разъ его видала, а это возможно—
Игорь жилъ тутъ, поблизости, долго и издавна. Такимъ образомъ не
кажется, считать невѣроятною догадку, что Игорь, будучи еще не у дѣ
до умиротворенія Кіевской земли жилъ въ странѣ Ильменской, въ родо
имѣніи предковъ, на Шелони, близъ нынѣшней Выбити.

Замѣтимъ, по поводу этой догадки, что по сосѣдству съ Выб
лежитъ мѣстность „Княжій Дворъ". Къ сожалѣнію намъ неизвѣстно,
и какъ возникло это названіе; быть-можетъ въ будущемъ, при дѣя
ности нашего Общества, удастся собрать обстоятельныя данныя о
и получить основанія къ заключенію о глубочайшей древности Кн
Двора.

Недалеко отъ Выбити, верстахъ въ 25 приблизительно, лежитъ
гостъ Голино, созвучный Геродотовой Гелони и соотвѣтствующій м
положенію ея.

Въ Степенной книгѣ „Выбутская вѣсь“ значится лежавшею „близъ дѣлъ нѣмеческія власти жителей“. Издатель этого сборника, Герардъ-Фридерикъ Миллеръ, сообщаетъ въ предисловіи: „По извѣстію отъ достовѣрныхъ Россійскихъ писателей Степенная книга сочинена двумя славными Россійской церкви Митрополитами, Кипріаномъ и Макаріемъ, управлявшими церковью—первой до 1406, а послѣдній до 1564 года“. (Предисловіе к Московскому изданію 1775 года стр. 1). Подъ конецъ жизни перваго этихъ Святителей ему довелось быть современникомъ слѣдующихъ событій, отмѣченныхъ Новгородскою лѣтописью, по Татищевскому сборнику:—1404 году—„приходи князь Витовтъ Литовскій ратію съ всею силою ратію къ городу Смоленску и стоа подъ нимъ три мѣсяцы и отъиде. Сего же лѣта выѣха изъ Смоленска князь Юрьи Святославичъ на Москву князю великому Василію поклонитись, чтобы его поборонилъ отъ князя Витовта; а въ то время перевѣтници прѣдаша градъ Смоленскъ князю Витовту Литовскому. И се слышавъ князь Юрьи Смоленскій, что градъ его отъ бысь, приѣха въ Новгородъ, и пріяша его Новогородци“; въ 1405 году—„Взя князь Литовскій Витовтъ Плесковскіи пригорода Коложе на миру, подъ Вороночемъ стоя два дни, и много повоева волостіи Плесковскыхъ ратномъ безъ вѣсти, а крестьянъ много посѣче, а иныхъ вполонъ введе“;—1406 году—„Плесковичи ходиша войною к Полотску, и мало не взяша города, а волости Полотскіи повоеваше, и отъидоша. И пришедъ Местердъ (рыцарь), именемъ Кортосо, всею силою къ Пскову и повоева волости и отъиде. Тоижъ зимы ходиша Псковичи воевати земли Нѣмѣцской съ князя великаго намѣстникомъ, съ княземъ Даниломъ Александровичемъ, и гнаша ихъ Нѣмци за новымъ городомъ, и биишась ту; и пособи Богъ князю Данилью и мужемъ Псковичемъ надъ погаными Нѣмци, и биша ихъ 15 верстъ въ погоню до Кѣрьяпивѣ, а иныхъ руками поимаша, и приведоша“;—въ 1407 году, уже послѣ Кипріана—„ходиша Плесковичи воевати внемецкую землю и взяша городъ ихъ Порхъ и селъ ихъ много поимаша и отъидоша въ Псковъ. Тогожъ лѣта пріидоша Нѣмци вземлю Ивъскую и сташа станы не дошедше города Пскова, на Комнѣ; и Псковичи вышедъше изгорода ударили на нихъ, и Нѣмци побѣдиша Псковичь“. Всѣ эти событія разсказаны и въ Псковской лѣтописи, съ мѣстными подробностями (Прод. Др. Рус. Вив. Ч. II, стр. 675—680; Псков. лѣт. по изд. Погодина 1837 г. стр. 41—49). При Митрополитѣ Макаріѣ велась война Ливонская съ перемѣннымъ успѣхомъ (Карамзинъ, Ч. IX, стр 13—). Такимъ образомъ при жизни обоихъ Митрополитовъ Нѣмцы,—т. е. Датчанцы, Шведы, а иногда и Литва въ союзѣ съ тѣми, или другими,—занимали Псковскія земли, ближайшія къ Новгородскимъ, и составители Степенной книги имѣли основаніе назвать мѣстность нынѣшней Выбити „близъ предѣлъ нѣмецкія власти жителей“;—они не говорятъ близъ нѣмецкой земли, что отодвинуло-бы Выбуто къ рѣкѣ Наровѣ,—а указываютъ тѣ предѣлы, далѣе которыхъ никогда не простиралась власть Нѣмцевъ съ Славяно-русскимъ населеніемъ.

Считая небезосновательною догадку нашу о проживаніи Игоря в
сти въ родовомъ имѣніи своихъ предковъ, мы находимъ возможным
живаніе этого князя тутъ же,—а, наѣздомъ, въ Новгородѣ,— и впослѣ

Въ статьѣ о Спасской церкви на Славенской сторонѣ, соору
первоначально еще до крещенія Новгородцевъ, мы замѣтили, попутн
имѣются основанія признавать существованіе Новгородскихъ церквей:
инской, Михайловской и Спасской—православныхъ—и Св. Петра, или
ской, католической—во время заключенія договора Игоря съ Грек
принятіе дружинниками князя—христіанами присяги, скрѣпившей до
не въ Кіевской-Ильинской, а въ Новгородской церкви, считавшейся
при существованіи здѣсь четырехъ другихъ, соборною (см. выше, ст

Основанія, о которыхъ мы упомянули тамъ вскользь, имѣютъ
отношеніе къ разсматриваемому теперь предмету, и мы останови
изложеніи ихъ, нѣсколько подробномъ.

Въ Лаврентьевскомъ сборникѣ, послѣ изложенія договора Иго
Греками, сказано, что князь посылалъ мужей своихъ къ царю Рома
утвержденія мирныхъ условій клятвою, каковую царь далъ, потреб
чтобы въ томъ же поклялись Игорь и его дружина. „Обѣщася Игор
створити. Заутра призва Игорь слы (пословъ греческихъ) и приде на
кдѣ стояше Перунъ, покладоша оружье свое, и щиты и золото,
Игорь ротѣ и люди его, елико поганыхъ Руси; а хрестеяную Русь
ротѣ въ церкви святого Ильи, *яже есть надъ ручаемъ*, конець П
бесѣды и Козарѣ: се бо бѣ сборная церкви, мнози бо бѣша Варязи
яна. Игорь жа нача княжити въ Кіевѣ, миръ имѣя ко всѣмъ стр
(Лаврент. годъ 6453=945, стр. 88).

Въ этой отмѣткѣ двѣ части; вторая—„Игорь же нача княжити и
говоритъ прямо, что до мира съ Греками этотъ князь правилъ сво
не изъ Кіева, по той причинѣ, которая заставила Олега, по высказ
предположенію, поселить его въ родовомъ имѣніи, то есть пока край
скій не будетъ умиротворенъ. Вторую часть обыкновенно относятъ
ученые къ Кіеву, думая, что слова „конецъ Пасынчѣ бесѣды и К
означаютъ двѣ сходящіяся улицы, въ углу, образуемомъ встрѣчек
рыхъ и стояла Ильинская церковь (Карамзинъ, Ч. I, примѣч. 359).
первыхъ: въ Радзивиловскомъ, или Кенигсбергскомъ спискѣ Начальн
ской лѣтописи слова, принимаемыя за названіе мѣста, читаются „
постничи бесѣды въ Козарѣхъ“ (стр. 45, по первому изданію)—и
ютъ время утвержденія договора клятвою, то есть осень 945 года;—
были, въ большинствѣ, іудейской вѣры, но нѣкоторые держались и
У первыхъ осенью бываютъ судные дни, а у мусульманъ—около
времени—Рамизанъ; праздники эти въ обоихъ вѣроученіяхъ выражаю
постѣ и въ общихъ молитвахъ;—сходбища нашихъ молодыхъ сельча
препровожденія длинныхъ вечеровъ, начиная съ поздней осени и
зиму, въ то время когда спѣшныя работы, молотьба и уборка льн
кратились,—называются и теперь во всей Ильменской землѣ „бес
сидѣнье возницы въ телѣгѣ, предназначенной для гоньбы, извѣстн

ваніемъ „бесѣдки“;—и во-вторыхъ: во времена Преподобнаго Нестора описца Ильинской церкви не было въ Кіевѣ; въ Новгородѣ же она существуетъ съ долѣтописныхъ вѣковъ и притомъ стоитъ на Славенскомъ мѣ „надъ ручьемъ“, тоже существующимъ и теперь; въ лѣтописи онъ лвается также ручаемъ и иногда „Копанью, Копаницею“;—Игорева церсчиталась, въ первой половинѣ X вѣка, соборною; между тѣмъ въ ѣ, по мнѣнію Лавровскаго, до крещенія Св. Ольги, совершившагося уже мѣ смерти Игоря, могла быть, и то подъ большимъ сомнѣніемъ, одна ковь во имя Святого Николая, которую когда-то поставилъ нѣкто Олъма ъ могилою Оскольда. „И убиша Аскольда, говоритъ лѣтописецъ Кіев-, и погребоша и на горѣ, гдѣ нынѣ (въ концѣ XI вѣка) Ольминъ дворъ; той могилѣ постави Олъмъ церковъ Св. Николу (Лаврент. годъ 6390= 2, стр. 11)“. Точный и ясный, на нашъ взглядъ, смыслъ этой отмѣтки даетъ поводовъ толковать ея содержаніе такъ, какъ это дѣлаетъ изслѣатель Якимовой лѣтописи: Олъма былъ современникъ лѣтописца и повилъ надъ Оскольдовою могилою церковь только въ XI вѣкѣ, но ни какъ раньше. Въ Новгородѣ же, какъ мы видѣли, было, до принятія крещене меньше пяти христіанскихъ храмовъ, между которыми Ильинская ла быть соборною. Если первоначальное изданіе Устава о мостахъ водитъ къ языческимъ временамъ, что не невозможно, судя по объясненной це внѣшности изложенія его въ дошедшихъ до насъ спискахъ, тогда и немъ мы найдемъ подтвержденіе предположенія о возникновеніи церквей инской и Михайловской во времена язычества; подъ Ильинцами и Миловцами Уставъ разумѣетъ, какъ и подъ Софьянами, должностныхъ ъ духовной власти, получавшихъ кормленіе отъ государства; въ томъ положеніи Ильинцы и Михайловцы состояли, по отношенію къ государ-, и во времена язычества, при широкомъ примѣненіи въ Ильменской нѣ вѣротерпимости.

Къ тому же храмъ Иліи могъ служить, какъ высказано раньше по лу церкви на Синичьей горѣ, и передовымъ наблюдательнымъ костромъ: ъ его достаточно обширенъ для сторожевыхъ цѣлей. Хотя онъ много горѣлъ и былъ возстанавливаемъ, но нынѣшній его видъ не противотъ сохраненію при каждомъ возобновленіи прежней внѣшности (Ср. арія опис. цер. древ. Ч. I, стр. 318).

Начавъ княжить въ Кіевѣ, Игорь не покидалъ своего родоваго имѣнія Шелони, наѣзжая туда время отъ времени и, повидимому, съ небольи промежутками; возможно, что тутъ онъ и убитъ.

Въ Кіевской лѣтописи помѣщенъ подробный разсказъ объ убіеніи Игоря влянами и мести Ольги. Повѣсть, заключающаяся въ этомъ разсказѣ, неизвѣстна; но, тѣмъ не менѣе мы повторимъ ее здѣсь подлинными слои лѣтописи, чтобы посмотрѣть, насколько слѣдуетъ считать вопросъ убійствѣ Игоря разработаннымъ, и нѣтъ-ли въ этой повѣсти сѣкованій для дѣленія мѣстностей, ею называемыхъ, не въ той Древлянской землѣ, рую указываютъ наши ученые, а въ другой,—въ нашей Ильменской.

Въ Кіевской лѣтописи, по Лаврентьевскому сборнику, повѣст
убіеніи Игоря и мести за смерть его читается такъ: „И приспѣ
Игорь нача мыслити на Древляны, хотя примыслити большую дан
лѣто 6453=945 рекоша дружина Игорева: отроци Свѣньлъжи изо
суть оружьемъ и порты, а мы нази; поиди княже съ нами въ дань
ты добудеши и мы. Послуша ихъ Игорь, иде въ Дерева въ дань, и
шляше къ первой дани, насиляше имъ и мужи его; возьемавъ дань,
въ градъ свой. Идущу же ему вспять, размысливъ рѣче дружинѣ
идѣте съ данью домови, а я возвращаюся, похожю и еще. Пусти др
свою домови, съ маломъ же дружины возъвратися, желая больша и
Слышавше же Древляне, яко опять идетъ, сдумаше со княземъ своим
ломъ: аще ся въвадитъ волкъ въ овцѣ, то выноситъ все стадо, а
убьютъ его; тако и се, аще не убьемъ его, то вся ны погубитъ. П
къ нему глаголюще: почто идеши опять, поималъ еси всю дань. И
слуша ихъ Игорь, и вышедше изъ града изъкоръстѣня Деревляне
Игоря и—дружину его; бѣ бо ихъ мало. И погребенъ бысть Игорь
могила его у Искоръстѣня града в деревѣхъ и до сего дни“ (Св
изданіе, стр. 28—29). Въ Кенигсбергскомъ сборникѣ эта отмѣтка
рена,—но съ нѣкоторою разницею въ написаніи названія мѣстнос
такъ: вмѣсто „иде въ Дерева въ дань“ сказано—„иде въ Деревля
вмѣсто „изъкоръстѣня“ поставлено „изъ“ отдѣльно, а „Коростѣня“
съ прописной буквы;—наконецъ,—вмѣсто „могила его у искоростѣня
написано у Коростѣня града, опять К прописное (стр. 46 и 47).

Въ послѣсловіи Лаврентьевскаго сборника благочестивой инокъ с
между прочимъ, слѣдующее: „Господа Отци и братье! оже ся гдѣ
салъ, или переписалъ, или недописалъ; чтите исправливая Бога дѣл
клените, за неже книгы ветшаны, а умъ молодъ, недошелъ“ (по
Тимковскаго -въ предисловіи Калайдовича; Москва, 1804 г. стр. 8)

Въ предисловіи издателя Кенигсбергскаго списка сказано, чт
списокъ положенъ въ основаніе изданія древнихъ Россійскихъ лѣто
лей не потому, „будто-бы онъ старѣе и вѣрняе былъ всѣхъ други
потому, что не столько наполненъ новыхъ временъ приписками
правками, и повидимому содержитъ одно собственное повѣствованіе
добнаго Нестора, который въ семъ одномъ только спискѣ именованъ
ризцемъ Ѳеодосіева монастыря; по положенной на первомъ мѣстѣ
видно, что онъ въ исходѣ XVI вѣка, а именно при королѣ Сигизму
уже въ Польшѣ находился; а въ 1671 году княземъ Богуславомъ Р
ломъ подаренъ въ Кенигсбергскую Библіотеку; напечатанъ онъ так
есть, безъ всякой переправки въ слогѣ и рѣченіяхъ,—а гдѣ мѣстам
сла не было, или цѣлыя рѣчи проронены, такъ оное дополнено, сл
другими списками. а еще нѣкоторыя писцовы ошибки нарочно оста
(Предисловіе къ изданію 1767 года, стр. 31 и 32). Изъ этого же
словія видно, что въ 1716 году, по повелѣнію Петра Великаго
былъ въ Кенигсбергѣ точный списокъ этого сборника, а въ 1760-
ченъ и поступилъ въ Академію Наукъ и подлинникъ.

Изъ послѣсловія и предисловія обоихъ сборниковъ оказывается, что и другой не принадлежатъ перу перваго составителя, Преподобнаго ора; а изъ отмѣченной разницы въ наименованіяхъ мѣстностей слѣдуетъ ючить, что какъ Лаврентьевскій, такъ и Кенигсбергскій представляютъ водъ древнихъ „ветшаныхъ книгъ" на новую бумагу съ двухъ неоди-выхъ образцовъ.

Карамзинъ, не находя въ лѣтописи данныхъ для опредѣленія поло-ія земли Древлянъ въ долѣтописныя времена, указываетъ его тамъ, гдѣ слѣдствіи были города Овручъ и Коростень; послѣдній, по его мнѣнію, алъ тамъ, гдѣ впослѣдствіи образовалось мѣстечко Искоростъ, на Во-ни, на рѣкѣ Ушѣ, между Овручемъ и Житоміромъ (Карамз. Ист. Гос. Ч. I, примѣчанія 70, 360 и 372). Въ примѣчаніи къ VII главѣ пер-части Исторіи (372-мъ) великій знатокъ отечественной лѣтописи ссы-тся, въ подтвержденіе своего мнѣнія, на Волынскія записки г. Руссова, орый говоритъ, что древній Коростень принадлежитъ помѣщикамъ Любо-цкимъ и называется селомъ Дѣдичнымъ; что въ лѣсу видно мѣсто города воротъ, и что тамъ, гдѣ былъ Ольгинъ станъ, находится теперь дере-ька Шатрицы.

Въ Степенной книгѣ, въ статьѣ „О устроеніи земскомъ" значится: де Ольга съ сыномъ своимъ и воинствомъ по Дерелской земли, устав-щи уставъ и уроки и ловища. Нѣціи же глаголютъ, яко Деревская ля бѣ иже во области Великаго Новаграда, нынѣ же пятина Деревская нуема. Иніи же глаголютъ, яко Сѣверская страна бѣ, идѣже Черниговъ дъ" (Ч. I, стр. 13). Карамзинъ считаетъ это извѣстіе неосновательнымъ первомъ изъ указанныхъ примѣчаній).

Опредѣленіе Карамзина признается нашими учеными рѣшительнымъ; мы полагаемъ возможнымъ открыть снова вопросъ о Коростени на осно-ніи слѣдующихъ данныхъ:

На полуденно-западномъ, возвышенномъ берегу Ильменя, лежитъ селе-Коростыня; невдалекѣ отъ него, къ полдню, на томъ же берегу, есть чище „Городокъ";—на западъ отъ Коростыни, верстахъ въ 8-ми, при ьи Шелони—упомянутый погостъ Голино, созвучный Геродотовой Ге-ни—тоже на Ильмени. Строеніе высокаго берега озера по обѣ стороны остыни слагается изъ песчаниковъ третичныхъ образованій земной ы (девонское). Въ окрестностяхъ Коростыни и невдалекѣ отъ нея распо-жены селенія: Мстонь, Веряжа, Подгощи, Коломо, Витонь, Княжій дворъ, бить, Угощи, Доворецъ, Дворицы и Свинордъ. Иные изъ этихъ посел-зъ близъ Ильменя, другіе по Шелони. Разстоянія между Выбитью, До-цемъ, Княжимъ дворомъ и Свинордомъ по Шелони,—слѣдующія: отъ жего двора до Выбити—16 верстъ;—отъ Доворца до Выбити—4 вер-;—отъ Выбити до Свинорда—около 2-хъ верстъ;—отъ Княжего двора—этого селенія около 20 верстъ;—и отъ Доворца—до него около 4-хъ стъ;—отъ Голина—до Княжего двора 16 верстъ,—до Выбити 32 вер-,—до Доворца—36 верстъ и—до Свинорда—около 40 верстъ; а расто-е между Голиномъ, Княжимъ дворомъ, Выбитью и Доворцемъ по Ше-

ке прямо, сохраняя одинаковую вышину и ширину; рѣка здѣсь осо-
о извилиста, но валъ не подчиняется ея загибамъ, а идетъ все прямо;
ду нимъ и берегомъ разстояніе не больше 15—20 саженъ. Противопо-
ный берегъ представляетъ на протяженіи вдвое большемъ, чѣмъ валъ,
и отвѣсную крутизну, вышиною, на глазъ, не меньше десяти саженъ,
ота же вала всего сажени двѣ. Къ крайнему сожалѣнію намъ еще не-
лось улучить время, чтобы сдѣлать подробное измѣреніе всѣхъ направ-
й вала. Въ дальнѣйшемъ протяженіи дороги къ Межнику, вдоль той
рѣки, ничего подобнаго не встрѣчается. Что это за валъ? представляетъ-
онъ то естественное образованіе ледника, наступавшаго или отступав-
о, которое встрѣчается въ Финляндіи, въ Швеціи и въ нашемъ Пріо-
ьи, и называется у Шведовъ „Озами", а у Онежанъ „Сельгами",—или
искусственное укрѣпленіе? Подобныя явленія намъ приходилось наблю-
ь верстахъ въ пяти отъ Боровичь, по дорогѣ къ знаменитому селу Кон-
скому, вправо отъ Мсты, и по земской дорогѣ въ Валдай, между Вал-
кою и городомъ, на обширной горной равнинѣ, по направленію къ боль-
й деревнѣ Шуѣ, Зимогорской волости, не доѣзжая до Валдая; на этой
нинѣ валообразныя возвышенія повторяются въ трехъ мѣстахъ; одно,
ъ и Боровичское, имѣетъ видъ желѣзно-дорожной насыпи, а два—съ
нообразною или змѣевидною вершиною; всѣ же четыре лежатъ по рав-
нѣ дугою, обращенною выпуклостью на востокъ къ полдню; длина каж-
о больше двухъ верстъ. Въ нѣкоторыхъ промоинахъ Валдайскихъ возвы-
ній примѣчается строеніе, близкое къ наблюдаемому въ Озахъ и Сельгахъ,
есть: въ нижней части крупные валуны, перемѣшенные съ угловатымъ
немъ, чаще всего плитняковымъ; чѣмъ выше, тѣмъ больше щебня; а со
ины высоты—однородный красноватый песокъ. Отвѣсные обрывы пра-
берега Оскуя поросли лѣсомъ; хотя кое-гдѣ и видны по нимъ слѣды
нихъ проточинъ, но они заплыли, такъ что строенія примѣтить мы
ь не могли. Своеобразный видъ вала въ Деревахъ невольно выдвигаетъ
положеніе о сооруженіи его руками человѣка. Не эти-ли Дерева слы-
ся въ отмѣткѣ Лаврентьевскаго сборника? Не сюда-ли ходилъ Игорь за
ью? Вопросы эти ждутъ рѣшенія.

Въ Старорусскомъ уѣздѣ есть Деревинъ ручей и поселокъ. Нѣтъ-ли
нихъ связи съ Деревами?

„Возъемавъ дань Игорь поиде въ градъ свой". Что слѣдуетъ считать
сь данью, и что—градомъ.

Рѣчь всякаго долговѣчнаго народа растетъ и развивается вмѣстѣ съ
ъ. Звуковыми сочетаніями обозначаются прежде всего предметы, чаще
кные въ жизни семьею или обществомъ, при возникновеніи которыхъ и
инается условная членораздѣльность звуковъ; человѣкъ, оставленный мла-
щемъ въ пустынѣ и выросшій безъ сообщества себѣ подобныхъ существъ,
ается, какъ показали наблюденія, нѣмымъ. Послѣ изобрѣтенія и усвое-
семьею, или и цѣлымъ обществомъ, словъ предметныхъ появляются
ва, опредѣляющія состояніе неподвижныхъ и дѣятельность противопо-
кныхъ,—за тѣмъ, уже устанавливаются слова для выраженія представ-

леній и отвлеченностей всякаго рода, и для переноснаго обозначенія
вомъ предмета осязаемаго—понятія изъ области представленія. Словом
выражается дѣйствіе добровольнаго отчужденія движимости ея хозяин
пользу другого, а затѣмъ въ переносномъ смыслѣ этимъ же словомъ
жается и повинность, сборъ съ одной стороны въ пользу другой за
либо одолженіе, или просто по праву сильнаго.

Русская рѣчь богата количествомъ словъ первообразныхъ и п
ныхъ; какимъ путемъ и въ какія времена накопилось подобное богат
еще языковѣды не дошли,—но во всякомъ случаѣ мы считаемъ себя
утверждать, что „дань“ въ X вѣкѣ выражала сборъ въ пользу со
ника земли съ ея насельниковъ, пользующихся этою землею въ
себѣ прибыль. Слово князь выражало тогда не болѣе, какъ богатаг
ственника; въ Литовскомъ говорѣ оно слагается, какъ уже сказан
двухъ: „Куни-гасъ“, а что такое Куна и какое значеніе имѣла
шкурка въ жизни нашихъ предковъ и Невровъ-Литовцевъ—мы уже
снили; стало-быть князь—это „гость“, скупающій куньи и другі
(Срав. „Монетное дѣло въ Литвѣ“ статья А. К. Киркора въ „Древ
Моск. Арх. Общ.“ Ч. II, стр. 88). Недаромъ нашъ народъ и тепе
зываетъ бродячихъ татаръ-халатниковъ—князьями. Возможно, поэто
„Дерева“ Крестецкаго уѣзда возникли первоначально, въ далекія дол
ныя времена, среди земель богатаго торговца кунами, въ лѣсахъ с
кими холмами и береговыми обрывами и отлетами, обнажавшими вну
построеніе свое изъ крупнаго валуна, пересыпаннаго пескомъ и щ
такой видъ Деревской мѣстности ручается за привольную жизнь
некрупнаго пушнаго звѣря, лисицы, куницы, хорька, норки, бѣлк
и многихъ другихъ грызуновъ и хищниковъ. Если сравнить наши
съ мѣстностью Волынскою, найдется между ними во внѣшности м
щаго, вызвавшаго перекочевку Ильменцевъ-Деревлянъ въ ту сторону
довательно мы можемъ видѣть въ дани съ Деревлянъ, имѣвшей пла
исходъ для землевладѣльца Игоря, непосильность обложенія охотник
право пользованія его землями и лѣсами; направленіе за добычею, по
ванію дружинниковъ-удальцовъ бездомныхъ, варяговъ, или ворягъ,
ревскую сторону показываетъ, что тамъ жили состоятельные пром
ники-охотники, съ которыхъ землевладѣлецъ привыкъ брать, что хо

Собравъ дань, Игорь пошелъ въ градъ свой. Гдѣ находился этотъ
Мы видѣли, что по утвержденіи мира съ Греками Игорь „нача к
въ Кіевѣ, миръ имѣвъ ко всѣмъ странамъ“. Запись эта помѣщен
тѣмъ же 905 годомъ, подъ которымъ и разсказъ объ убіеніи его.
вательно онъ имѣлъ миръ и съ тою Деревскою землею, которая б
Волыни. Значитъ Дерева лѣтописи Нестора были не тамъ, и городъ,
торый Игорь пошелъ, собравъ дань, былъ не Кіевъ; лѣтописецъ го
„Поиде въ градъ свой“—значитъ онъ пошелъ въ собственный гр
свою усадьбу.

На обратномъ пути изъ Деревовъ Игорь сказалъ дружинѣ:—„И
данью домови, а я возвращюся, похожю и еще; пусти дружину дом

мъ же дружины возвратися, желая больша имѣнья". Изъ этого мѣста
писи мы заключаемъ, что дружина, съ которою князь ходилъ въ Де-
, жила не въ собственномъ его городѣ, гдѣ ея было не много.

Допустимъ пока, что этотъ городъ былъ въ „Княжемъ дворѣ"; дорога
нему лежала, какъ и теперь, или Оскуемъ и Волховомъ чрезъ Новго-
, а за тѣмъ Ильменемъ и Шелонью; или же горою, побережьемъ Иль-
, мимо селенья Деревика и деревни Веряжи, а также мимо Коростыни,
зъ дальнемъ отъ этихъ поселковъ разстояніи. Выше мы высказали пред-
ложеніе объ утвержденіи договора съ Греками подъ осень, въ судные дни
йствовавшихъ Хозаръ; пока Игорь ходилъ въ Кіевъ и устраивался тамъ,
мени прошло достаточно; вернуться опять въ свое родное имѣнье ему
шлось уже по снѣгу; охота на пушнаго звѣря самолучшая зимою;—
бно думать, поэтому, что въ Дерева онъ ходилъ зимою; должно быть
эту зиму охота была тамъ и вездѣ въ его земляхъ особенно удачна,
и вызвало желаніе поживиться ею вдвойнѣ. А если обходъ имѣнья
ъ зимою,—возвращаться приходилось уже не водою, а горою.

Богатые землевладѣльцы временъ Игоря нанимали дружинниковъ; воз-
щаясь съ обхода мимо Веряжи, созвучной „варягамъ", князь могъ тутъ
нно и отпустить ихъ „домови", такъ какъ до Кряжего двора было уже
далеко,—къ тому же еще ближе лежитъ поселокъ—Дворицы, получив-
, должно быть, это названіе отъ бывшаго на его мѣстѣ двора землев-
дѣльца. Первый обходъ за данью Игорь началъ, вѣроятно, съ поселковъ
ижайшихъ, а въ числѣ ихъ и съ стоявшаго на мѣстѣ нынѣшней Ко-
тыни.

Мы допустили какъ отдаленную догадку, что „градъ свой" лѣтописи
мѣстность нынѣшняго Княжего двора; теперь будемъ подходить къ
ствительности этой догадки, сокращая отдѣляющія разстоянія ея отъ
ствительности:—Игорь отпустилъ большую часть дружины домой, ска-
, что онъ съ остаткомъ ея походитъ еще за данью. Отъ селенія Ве-
и до Коростыни недалеко; если теперь рѣчи правительственныхъ чиновъ-
овъ, произносимыя въ одной деревнѣ и имѣющія какое-нибудь значеніе
другихъ, сосѣднихъ, передаются очень скоро, какъ жизненная новость
,—такъ и въ далекомъ прошломъ бытовалъ, конечно, этотъ свычай;
ели Коростынской мѣстности, имѣвшіе своего кулака-богача, Куни-гаста,
лицѣ Мала Нискинича, слѣдили, разумѣется, за поборами собственника
ли, на которой они жили; у Мала Нискинича не могло не быть друзей-
телей между дружинниками и дворовою челядью Игоря, которыхъ онъ
милъ-поилъ. Неудивительно, что Коростынцы узнали очень скоро о на-
реніи князя „еще походить"—съ малою дружиною; они имѣли возмож-
ть посовѣтоваться на „Суемѣ", созванномъ тѣмъ же кулакомъ-Кунига-
мъ, и предпринять мѣру огражденія своего дохода съ звѣринаго промысла
алчности землевладѣльца и распутныхъ дружинниковъ его.

Самое умерщвленіе Игоря описывается такъ: Деревляне „послаша къ
ю, глаголюще: почто идеши опять? поималъ еси всю дань". Если-бы
дъ Игоря былъ далеко отъ мѣста, гдѣ его убили, онъ, привыкнувшій къ

праву насельниковъ родовыхъ своихъ земель, и понявъ, что вопр
далеко не заключаетъ отклика добродушія и готовности подчиниться
ванію землевладѣльца собственника, не пошелъ-бы съ малою др
впередъ, за данью, а или отступилъ-бы, или созвалъ-бы тѣхъ др
ковъ, которыхъ отпустилъ по домамъ;—но когда рѣчь Деревлянъ
выслушалъ близъ своей осѣдлости и близъ селенія Веряжи, куда,
шему предположенію, пошла на отдыхъ большая часть его дружин
стоило только послать двухъ гонцовъ въ Княжій дворъ и къ Веряж
бы при первой попыткѣ Деревлянъ къ сопротивленію получить
рать и заставить ихъ смириться. Но и Деревляне поняли выгоду
положенія и случая расправы съ алчнымъ землевладѣльцемъ. „И
слушаше ихъ Игорь, и вышедше изъ града изъ Коростеня Деревляне
Игоря и дружину его, бѣ бо ихъ мало". Видимо они поспѣшили на
своему притѣснителю и не дали ему опомниться и послать гонцовъ

„И погребенъ бысть Игорь; есть могила его у Изъкоростеня (
рентьевскому, а по Кенигсбергскому „у Коростеня") града въ Дере
до сего дне". Близъ Коростыни, между нею и деревнями Коломо
нями, сохранилось нѣсколько кургановъ; объ одномъ, который о
другихъ, въ народѣ говорятъ, что въ немъ похороненъ какой-то
Насколько согласно это преданіе съ дѣйствительностью судить теп
не будемъ, но не будемъ и отрицать; курганы хотя и копаны въ
сти около Коростыни, но не всѣ, и притомъ ни въ одномъ, сколь
извѣстно, не испытана почва, служащая основаніемъ кургановъ, тог
раскопки многихъ русскихъ кургановъ, произведенныя въ теченіе
няго десятилѣтія, показали, что первоначальное погребеніе захорон
основаніемъ кургана, представляющаго какъ-бы памятникъ надъ
усопшаго; встрѣчаемыя же нерѣдко захороненія въ самой насыпи
зывались, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, по погребальной
новкѣ, болѣе поздними. Необходимо, слѣдовательно, вскрыть и изсл
Коростынскіе курганы, съ соблюденіемъ пріемовъ, употребляемыхъ
шими знатоками этого дѣла и много опытными курганокопателями
Антоновичемъ, графомъ А. А. Бобринскимъ, Д. Я. Самоквасовымъ
ихъ въ изданіяхъ Московскихъ обществъ—Археологическаго и Есте
дѣнія, Императорской Археологической коммиссіи и другихъ).

Сказаніе лѣтописи о подробностяхъ мщенія Ольги за смерть
признаются Карамзинымъ, и другими бытописателями, „отчасти не
ными съ вѣроятностями разсудка и взятыми, безъ всякаго сомнѣн
народной сказки" (Карамзинъ, Ч. I, гл. VII, стр. 97). Если считать
рева" и „Деревлянъ" Лаврентьевскаго сборника за землю Древля
самостоятельную во внутреннемъ управленіи и отбывавшую въ
Кіева налогъ въ качествѣ державства ему союзнаго, и если ее вид
Волыни—сказочность подробностей мщенія выступитъ рѣзко; предлож
овдовѣвшей Ольгѣ, имѣвшей уже тогда около 50 лѣтъ, руки Мала-
нича, Древлянскаго князя, не заключающее ничего невѣроятнаго, но
дальновидное,—чтобы Игорева преемника, малолѣтняго Святослава, во

мыслѣ усиленія земли Древлянской до главенства надъ Кіевскою
,—невѣроятно только въ подробностяхъ по сватовству: Древляне,
ie Игоря, посылаютъ въ столицу его, въ Кіевъ, „Лучшіе мужи, чи-
двадесять, въ ладьи, по Ольгѣ". Посольство—болѣе чѣмъ неразумное;
ной ладьѣ плыть къ Кіеву 20-ти лучшимъ мужамъ, хотя-бы съ сот-
слугъ—значитъ идти на вѣрную смерть. Но если Ольга жила съ
славомъ (вспомнимъ свидѣтельство Константина Багрянородняго) въ
мъ дворѣ, или въ Выбити, на Шелони, и если Малъ былъ не вла-
ь Деревской земли, а кулакъ-богачъ, возможно и сватовство и по-
во; пробѣжать въ ладьѣ отъ Коростыни до Княжего двора и до Вы-
Ильменемъ и Шелонью—недолго; Деревляне-Коростынцы могли знать,
лько немногочисленна челядь овдовѣвшей княгини,—могли знать и
ь мыслей какъ этой домовой челяди, такъ и Веряжанъ—или Варяговъ,
ыхъ-ли, или подвластныхъ Игорю дружинниковъ,—такъ что посоль-
изъ 20 лучшихъ мужей, да еще съ гребцами и слугами, не имѣетъ
безумной отваги: съ челядью, если-бы она встрѣтила посольство враж-
, оно легко управилось-бы, а отъ Варяговъ убѣжало-бы въ своей
. Сватовство богача-кулака, да еще молодого и сильнаго, къ пожилой
богатаго землевладѣльца, имѣющей на рукахъ маленькаго сына, и
ь явленіе заурядное, особенно въ торговомъ быту: выходъ вдовы бо-
о купца, не только пожилой и съ дѣтьми, но и молодой одинокой за
о изъ прикащиковъ покойнаго мужа, повторяется сплошь-да-рядомъ.
писецъ приводитъ основанія сватовства; Деревляне говорятъ Ольгѣ:
а твоего убихомъ, бяше бо мужъ твой аки волкъ восхищая и грабя,
ли князи добри суть, иже распасли Деревску землю". Дальнѣйшія
бности сватовства и мщенія общеизвѣстны и къ нашему предмету не
тъ отношенія, будь онѣ дѣйствительны, или сказочны. Въ приведен-
рѣчи пословъ слышится говоръ сватовъ отъ насельниковъ большого
и къ вдовѣ собственника, а не пословъ страны Древлянской, какъ
аго Кіеву государства. Какъ-бы ни „распасли"—то есть сохранили и
ичили владѣтельные князья Древлянъ Вольнскихъ свою страну, вдовѣ
не было никакого разсчета вообще ставить себя и своего сына, вы-
ь замужъ за Древлянскаго князя, въ зависимость отъ державцевъ
кихъ; но если сватовство шло отъ богатаго кулака Купи-гаса, при-
ъ его и замужествомъ она нисколько не умалила-бы правъ своихъ и
славовыхъ на Кіевъ.

Обратимся наконецъ къ чтенію названія города, близъ котораго убитъ
, по спискамъ Нестора—Лаврентьевскому и Кенигсбергскому. Въ пользу
го чтенія „Изъкоростенъ" приводятъ Волынское мѣстечко Искорость,—
пользу второго—значительный поселокъ на берегу Ильменя—Ко-
ня.

По поводу Искорости мы ссылаемся на существующее до сихъ поръ
рдынскомъ уѣздѣ селеніе Искоръ; близъ него есть городище, раско-
е еще въ 1820 году Берхомъ (его путешествіе въ города Чердынь и
зинскъ, стр. 96); здѣсь найдены остатки печей, битыхъ изъ глины,

куски накипи, образующейся при выплавкѣ рудъ,—кольцо изъ чистѣйш
ребра безъ малѣйшей примѣси,—нѣсколько замковъ узорчатой раб
ключъ очень высокой отдѣлки съ золотою насѣчкою,—бердышъ,
откованный съ наваркою изъ уклада,—сошникъ грубой работы,—два н
копьецо,—нѣсколько кусковъ желѣза и уклада,—оральникъ,—еще
замка, и—мѣдныя серьги (Срав. Рычкова, Дневныя записки 1770 г.
ница 115; Словцова Историч. обозр. Сибири. Ч. I, стр. 133). Ес
Искоръ въ числѣ селеній Алтайской горной области. Въ „Большо
тежѣ показанъ на рѣкѣ Сосвѣ градъ Искоръ“ (книга глаголемая Б
чертежъ; Спасскаго. Москва, 1846 г., стр. 207). Самая Сибирь из
подъ именемъ „Искеръ“ и „Искоръ“. Мы имѣли уже случай замѣти
Катрфажъ и его послѣдователи выводятъ первонасельниковъ Европ
Сибири; наши Коломецкія находки говорятъ о сношеніяхъ Ильменц
племенами, вѣтви или потомки которыхъ жили, а нѣкоторые и тепе
живутъ, въ Сибири; Катрфажъ ведетъ первонасельниковъ изъ Сибири
всю Россію на западъ Европы и во Францію. Такимъ образомъ, дор
Алтайско-Уральскихъ предѣловъ чрезъ Россію къ Франціи пролож
незапамятныхъ временъ; немудрено, что въ имени одной значительн
Франціи Obe—слышится наша Сибирская Обь. Слѣдовательно Вол
Искоростъ есть выселокъ Алтайско-Пермскихъ Искоровъ. Вышеприв
мнѣніе г. Руссова, что современное ему село Дѣдично въ землѣ Вол
въ имѣніи гг. Любовицкихъ, есть древній Коростень—едва ли спосо
перничать съ правомъ Искоровъ на Искоростъ Карамзина и прочих
нитыхъ писателей: по Россіи найдется великое множество мѣстъ
съ двумя и болѣе остатками воротъ, башенъ, храмовъ и т. п., если
воображеніе пожелаетъ называть ими кучи камней, нагроможденных
родою или руками человѣка когда-то и для чего-то. Деревенька Ш
принимаемая Волынскими записками за основаніе къ заключенію о во
веніи ея на мѣстѣ стана Ольги, явившейся къ Коростыню для посл
изъ цѣлаго ряда сказочныхъ дѣйствій мщенія,—на нашъ взгляд
ничего не доказываетъ; во-первыхъ потому, что походныя палатки
лись у насъ въ древности ставками, совокупность которыхъ даетъ ст
а во-вторыхъ названій селеній именами, производимыми отъ шатра,
верстахъ въ пяти отъ Новгорода, между Нередицею и Ковалевымъ,
есть село Шатерно. Поэтому, и имѣя въ виду, что въ Лаврентье
сборникѣ значится въ написаніи названія разсматриваемаго города, вм
мѣстахъ, разница—въ первомъ „Изъкоръстѣня“, а во-второмъ „И
стѣня“,—въ Кенигсбергскомъ же—въ первомъ случаѣ „Изъ“ поставле
дѣльно, а названіе города въ обоихъ случаяхъ одинаково—„изъ Коро
и „У коростѣня“,—мы признаемъ болѣе правильнымъ считать вм
рентьевскомъ описки или своевольныя поправки неясныхъ мѣстъ „
ныхъ книгъ“—и читать по Кенигсбергскому—Коростень. Названіе з
жилось, должно-быть, въ зависимости отъ обычая Деревлянъ, ка
сныхъ жителей, крыть свои дома корою.

Всѣми приведенными данными и соображеніями мы сокращаемъ раз-
ie между догадкою и дѣйствительностью о мѣстности того града Лав-
евскаго сборника, идя въ который изъ Деревъ Игорь задумалъ снова
ть дань. Намъ представляется, что градъ этотъ былъ или Княжій
, или Выбить,—на Шелони, а Коростень тамъ, гдѣ нынѣшняя Коро-
. Если сосѣднее со всѣми тремя мѣстностями Голино будетъ посел-
образовавшимся изъ Геродотовой Гелони, тогда мы станемъ еще ближе
скомой дѣйствительности: близъ Греческаго города естественно сели-
наиболѣе промышленные обитатели страны, богатѣвшіе за нѣсколько
тій до Р. Х. отъ торговли съ Гелонцами и распространявшіе все болѣе
ѣе и свои владѣнія и свое вліяніе на строй торговой Ильменской
ы. Селенія: Угощи—близъ Выбити, Подгощи—близъ Коростыни—без-
ые свидѣтели наѣзжавшихъ сюда гостей-торговцевъ; рѣки Веряжа и
да, впадающія въ Ильмень недалеко вообще отъ Голина, деревня Ве-
—къ полдню отъ Коростыни, Витонь, Свинордъ и многія другія селе-
названія которыхъ звучатъ не русскою рѣчью, ведутъ къ заключенію,
юда собирались не одни Славяно-Русы Ильменцы, а и другіе тор-
ы изъ земель сосѣднихъ, Литовско-Чудскихъ. Гелонцы возили товары
й страны въ Греки; они первые, быть-можетъ, проложили лѣтописный
изъ Славянъ въ Греки,—они же привлекли къ берегамъ рѣкъ этого
и тѣхъ, покинувшихъ свои семьи и дома, отважныхъ удальцовъ,—гдѣ
вцевъ, а гдѣ и грабителей-ворягъ,—которые впослѣдствіи образовали
я орды бродячаго люда, получившія прозвище Варяговъ. Не будетъ,
му, невѣроятнымъ наше заключеніе, что полубаснословныя имена Бра-
овъ, Ивоpовъ, Гостомысловъ и Рюриковъ—принадлежатъ богатымъ
владѣльцамъ, доставлявшимъ сперва Гелонцамъ, а затѣмъ Коростын-
, Выбутцамъ и прочимъ, наконецъ Славянамъ и Новгороду—произ-
ія обширныхъ земель своихъ,—получившимъ прозваніе Куни-Гасовъ,
едпее въ Конунговъ, Кениговъ и князей. Такіе Куни-Гасы, сплотив-
тѣсно съ сосѣдями, образовали силу въ странѣ своей, долженство-
ую вліять, и дѣйствительно вліявшую, на ея ростъ и процвѣтаніе. По-
естественно вліяніе Выбитскаго Гостомысла, Княже-дворскаго хо-
, Рюрика или какого другого, Ладожскаго Олега, Игоря и иныхъ—на-
страны Ильменской, а вмѣстѣ съ ними и тѣхъ удальцовъ бездом-
, которые составляли силу крупныхъ землевладѣльцевъ Кунигасовъ-
й. Возможно, какъ уже сказано, стремленіе того или другого изъ
ельныхъ богачей-землевладѣльцевъ къ исключительному преобладанію
льменской странѣ,—возможны и единичные случаи временнаго осущест-
я подобныхъ стремленій, смутно отражавшихся во времена Препо-
ано Нестора въ преданіяхъ, или въ былинахъ, о молодецкихъ подвигахъ
водителей бродячихъ скопищъ,—но ни лѣтопись, ни памятники веще-
ные, до нашихъ дней открытые и обслѣдованные, не даютъ незыбле-
ъ устовъ для безповоротнаго заключенія объ окончательномъ подчи-
ніи своей власти, на время болѣе или менѣе продолжительное, на-
никовъ страны Ильменской. Вотъ почему мы считаемъ самобытіе на-

шей страны исконнымъ ея достояніемъ, выработаннымъ еще въ тѣ памятные вѣка, когда утвердилось вѣрованіе въ Бога—Боговъ, Твор (Свидѣтельство Прокопія Кесарійскаго, современника Велизарія), един наго властелина вселенной, въ чистый верховный разумъ, облекш временъ крещенія въ Божію Премудрость; этотъ воображаемый влас и былъ державнымъ повелителемъ и верховнымъ обладателемъ всей Ильменской, не зависѣвшей ни отъ какого державца—человѣка.

Помимо сближеній лѣтописныхъ выраженій и объясненій ихъ ными названіями и соображеніями, мы видимъ подтвержденіе наше вода о самобытіи страны Ильменской въ договорахъ Олега и Иг Греками и въ предварительномъ соглашеніи предъ заключеніемъ п Въ этихъ памятникахъ четыре предмета подкрѣпляютъ наше заключ имена личныя,—уклады на города,—законъ русскій и—князья, зав отъ Олега и Игоря. Разберемся въ каждомъ изъ этихъ предметовъ.

Какъ въ приведенныхъ названіяхъ селеній по западному берег меня и Шелони, такъ и въ личныхъ именахъ обоихъ договоровъ с звуки сродные русскому говору и чуждые его,—хотя нельзя не до перепначенія многими переписчиками договоровъ и лѣтописныхъ сбор въ которыхъ они помѣщены; сродными нашему говору представ имена: Вельмудъ (Велемудръ), Стемидъ (Щемитъ—безпокоитъ, надо стопетъ); Иворъ (Ингварь—Игорь), Улѣбъ (Глѣбъ), Прастѣнъ—(это на прадѣдъ или на Пращуръ; въ договорѣ Игоря значатся Прастѣн дубъ и Прастѣнъ Якунъ), Тудковъ, Каршевъ, Турдовъ, Воиковъ, Б Ятвягъ Гунаревъ, Колъклековъ, Гудовъ, Сеггистоновъ, Сфирка (быть христіанинъ Спиридонъ—Спирка),—Сфирьковъ (тоже;—не отъ ли оба?),—Гудовъ (гудѣть, гудитъ),—Утинъ;—Куци (куцій—безхвост Турбидъ (трубитъ; трубачъ?);—Фрастѣнъ (тоже, что Пристѣнъ?); С Боричь (или Биричь—должностное лице, въ родѣ нашего судебнаг става,—или Борисовичъ). Всѣхъ личныхъ именъ въ обоихъ договорах 70; мы выбрали изъ нихъ только тѣ, которые по окончаніямъ, какъ вищъ, на *овъ* и *нъ*, и по значенію—вполнѣ понятны нашему говор кихъ оказалось больше 20; въ испорченныхъ переписчиками на столько же, если не болѣе; остальные звучатъ непривычно соврем сочетанію слоговъ въ словахъ русскаго языка; извѣстно, что развиваю рѣчь всякаго племени забываетъ нѣкоторыя слова, означавшіе дав жившіе предметы; возможно, что въ именахъ личныхъ, сложившихъ видимому не изъ нашего говора,—сказываются чистые Славяне и Ру и лишь въ незначительномъ числѣ—Нерома—Чуди, то есть Литва и Тоже слышится и въ названіи Пороговъ Днѣпровскихъ у Конст Багрянороднаго, такъ: первый порогъ Эссуни—перековерканное „неус по славянски и по-русски „неспи";—втсрой—„Ульворса"—по-славя „Островуни прагъ";—третій „Геляндри"—„звукъ порога по наше вору";—четвертый—„Эйфаръ"—„Неясытъ" (птица пеликанъ);—пяты руфорогъ" (извращенное грекомъ Парусъ-порогъ; по гречески парусъ φ по-славянски. „Вульни-прагъ"—то есть открытое мѣсто, по котором

на веслахъ и съ парусами;—шестой „Леанти"—по славянско-русски уци"; здѣсь плавцы имѣли обыкновенно стоянку и варили себѣ ку-ье; и седьмой—„Струбунъ"—„Напрези"—то есть, напрягай силы—по ротѣ теченія и по извилинамъ;—быть-можетъ „Напрези" значитъ пе-ій, какимъ онъ былъ для плавцовъ, идущихъ вверхъ по Днѣпру. Ка-инъ объясняетъ чуждыя нашему говору названія пороговъ Норманскими отскими; но признаетъ тутъ же, что русскіе Славяне назывались въ опѣ Норманами, ссылаясь на свидѣтельство Ліутпранда, Кремонскаго скопа, бывшаго въ X вѣкѣ два раза въ Константинополѣ, видѣвшаго ъ русскихъ Славянъ и знавшаго ихъ (Ср. Memoriae populorum, Ч. II, 982; Карамзина, Ист. Гос. Рос. Ч. I, стр. 28, примѣч. 99—102).

Имена личныя и названія пороговъ, здѣсь приведенныя, доказываютъ, Олегъ и Игорь ходили въ Греки общеизвѣстнымъ въ X вѣкѣ путемъ той мѣстности, въ которой мы видѣли русскіе и не наши наименова-поселковъ, то есть изъ Ильменско-Шелонской, Волховской и Литовской, Волотьской. Въ своемъ мѣстѣ этого же отдѣла будутъ поименованы, рхъ названныхъ выше поселковъ, въ числѣ другихъ, не русскихъ, и прочіе, положенные на западъ отъ Ильменя.

Въ предварительномъ соглашеніи съ Греками „Олегъ заповѣда даяти ады на Рускіе городы: первое на Кіевъ, тоже и на Черниговъ, и на еяславъ, и на Полтескъ, и на Ростовъ, и на Любечь и на прочая го-а". По объясненію Карамзина „уклады"—это дань или налоги. Новго-ъ не упомянутъ здѣсь;—почему? не потому конечно, что онъ разумѣется числѣ прочихъ городовъ; онъ былъ слишкомъ важенъ и извѣстенъ, что-не попасть въ общее число по забывчивости. Договоры заимствованы, ъ говорятъ изслѣдователи, лѣтописцемъ изъ греческихъ записей; быть-етъ Греки пропустили Новгородъ, считая его маловажнымъ; но визан-ъ, писатель X вѣка, Константинъ Багрянородный, хорошо зналъ его, ъ и то, что Русы, направляясь къ Черному морю походомъ, выходили нно изъ него, за тѣмъ къ Русамъ присоединялись Смольняне (Мили-ки подлинника), Любчане (Тиліюца), Черниговцы и Вышеградцы. Не на-нъ Новгородъ, по нашему мнѣнію, потому, что онъ былъ главою всѣхъ чихъ, поименованныхъ и не поименованныхъ,—главою всѣхъ князей и й дружины, господаремъ и повелителемъ всѣхъ земель, составлявшихъ дашнюю Русь.

Въ договорахъ установлена взаимная отвѣтственность подданныхъ дого-ивавшихся сторонъ за ихъ преступленія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ та-отвѣтственность опредѣлена по закону русскому, что и выражено въ оворѣ,—въ другихъ хотя ссылка на русскій законъ не сдѣлана, но на-ніе за преступленіе и самые признаки его вполнѣ соотвѣтствуютъ от-вку сборника, называемому Правда Русская. Въ обоихъ договорахъ по-щена слѣдующая, между прочими, статья: „Аще кто ударитъ мечемъ, бьетъ падѣмъ либо сѣсудомъ, за то ударенье или убьеніе (ушибъ, по-ніе) да вдастъ лѣтръ пять сребра по закону русскому; аще ли будетъ мовать (неимущъ) тако створивый, да вдастъ елико можетъ, и да сонметъ

съ себе и ты самыя порты, въ нихъ же ходятъ, а о прочѣ да ротѣ х
своею вѣрою, яко никакоже иному помощи ему, да пребываетъ тиж
толѣ невзыскуема о семъ". Въ Русской Правдѣ этотъ законъ выра
такъ—по кратчайшему списку:—„Аще ли кто кого ударитъ бат
любо жердью, любо пястью (кулакомъ, ладонью, пятернею), или ч
или рогомъ (во время попойки), или тылѣснію, (тыльемъ, обухомъ б
топора-бердыша); то 12 гривнѣ; аще сего не постигнутъ, то платити
то ту конецъ". Въ спискахъ Троицкомъ и Карамзинскомъ первая пол
этого закона повторяется слово въ слово;—вторая же выражена точн
понятнѣе; вмѣсто словъ „аще сего не постигнутъ" и т. д. до конца,
чится: „Не терпяли тому ударити мечемъ, то вины ему въ томъ нѣ
(начало непаказуемости при взаимности обидъ). Доказательство пр
слышится въ законѣ Русской Правды о судѣ двѣнадцати. Статьи о
договоровъ, о взысканіи на обиду дѣйствіемъ пяти литръ серебра по з
русскому, доказываютъ соотвѣтствіе этой цѣнности 12 гривнамъ Ил
скимъ, взыскиваемымъ, по древнѣйшему списку отрывка Русской Пр
за тоже дѣяніе. Извѣстно (изслѣдованіе Круга), что Византійскій ли
вѣка составлялъ 72 золотника чистаго серебра, не считая примѣси,
ющей ходячую единицу цѣнности наименѣе утрачивающею вѣсъ. Въ
литрахъ будетъ 360 нынѣшнихъ золотниковъ чистаго серебра; столь
его должно быть и въ 12 гривнахъ Русской Правды; на одну же г
придется 30 золотниковъ чистаго серебра; а съ примѣсью Визант
литръ составлялъ около 84 нынѣшнихъ золотниковъ, или—82 золо
Безсудной Мстиславовой грамоты 1229 года (Русс. Достоп. Ч. II, стр
274; Монета и вѣсъ въ Россіи, Д. И. Прозоровскаго. С.-Петербургъ,
года, стр. 130); пять литръ вытянутъ, поэтому, 420 золотниковъ, а
изъ 12 гривенъ—35 золотниковъ. Выше мы видѣли Стодиргемную Ил
скую гривну, по вѣсу диргемовъ нашего собранія—почти въ 69 зол
ковъ; по этому же разсчету гривна, тоже полная, X вѣка—составитъ 7
лотниковъ; разница, стало-быть, ничтожная. Изъ договора князя Яро
съ Нѣмцами 1199 года (Русско-Ливонскіе Акты; А. А. Куника
видно, что въ концѣ XII вѣка въ Новгородскомъ государствѣ было
вида гривны: гривна старая, гривна сребра, гривна ветхихъ кунъ и
кунъ. Старая соотвѣтствовала нашей стодиргемной; гривна сребра
винѣ; третья—четверти, а послѣдняя—одной осьмой ея. Въ спискахъ Ру
Правды пространныхъ и болѣе позднихъ, взысканіе за преступлени
лачиваемое по кратчайшему списку 40 гривнами, опредѣлено въ 80
венъ,—это значитъ, что счетъ выведенъ по цѣнѣ гривны, уменьш
вѣсомъ вдвое. Въ спискѣ же, напечатанномъ въ первой части Рус
Достопамятностей, въ статьѣ о убійствѣ читаемъ: „Аще кто убіетъ
мужа въ разбои, а головника неищють, то вирьвную платити, въ чь
вѣрви голови лежитъ, то 20 гривенъ (числительный звуковой знак
паки людинъ, то сорокъ гривенъ" (стр. 29). Въ кратчайшемъ спискѣ
статьи нѣтъ; во всѣхъ же прочихъ, то есть—въ Троицкомъ, Крест
скомъ и Карамзинскомъ, приведенная статья повторяется, но во всѣх

ено вмѣсто 20 число 80. Легче всего, конечно, объяснять такую раз- ошибкою писца, хотя между числительными знаками К=20 и П= сходства нѣтъ. Съ своей стороны, устраняя описку или ошибку, мы емъ болѣе правильнымъ дать такое объясненіе: писецъ дѣлалъ пере- съ древняго образца, въ которомъ число К=20 не было исправлено, сло І=10 замѣнено знакомъ М=40;—онъ такъ и написалъ. Возможно, ему былъ данъ образецъ глубокой древности, когда въ обращеніи имѣ- стодиргемная гривна, названная въ договорѣ 1199 года старою, вѣ- до 70 золотниковъ; она была вдвое болѣе гривны сребра и въ чет- —гривны ветхихъ кунъ того же договора.

Въ сказаніи о предварительномъ соглашеніи Олега, послѣ перечисленія довъ, на которые требовались „уклады", изложено,—по Лаврентьев- у сборнику:—„по тѣмъ бо городомъ сѣдятъ князья, подъ Ольгомъ е";—а по Кенигсбергскому—„по тѣмъ бо городомъ сѣдяху Великіи и подъ Ольгомъ суще". Въ самомъ договорѣ значится, послѣ переци- нія лицъ, въ немъ участвовавшихъ со стороны Олега, по первому сбор- у:—„и отъ всѣхъ, аже суть подъ рукою его свѣтлыхъ бояръ",—а по рому—„и отъ всѣхъ, аже суть подъ рукою его свѣтлыхъ и Великихъ зь и его великихъ бояръ". Въ договорѣ Игоря, послѣ такого же, какъ ъ Олеговомъ, перепменованія пословъ, прибавлено, по Лаврентьевскому— отъ всякоя княжья, и отъ всѣхъ людій рускія земля",—а по Кенигсберг- му—„и отъ всѣхъ князей рускихъ и отъ всѣхъ людей Рускія земли".

Разсмотрѣнными четырьмя предметами мы подтверждаемъ:—а) име- и личными—принадлежность Олега и Игоря къ крупнымъ землевладѣль- ъ западной стороны Ильменскаго державства, населенной Славяно-рус- и и Неромо-Чудью, составлявшими дружины этихъ двухъ отважныхъ водителей;—б) Укладами,—присоединеніе къ Олегу и Игорю крупныхъ евладѣльцевъ частію полночно-восточной, частію полуденно-западной сто- ы Ильменскаго же державства; в) Условіями договоровъ—взаимнодѣй- е всѣхъ предводителей и дружинъ на пользу и славу верховнаго вла- ина тѣхъ земель, которыми они владѣли, въ соотвѣтствіи съ зако- ъ, выработаннымъ Ильменскою страною подъ главенствомъ Вѣчнаго— ума, и сдѣлавшимся общерусскимъ—и г) князьми и великими боярами, оявшими подъ рукою у Олега и Игоря—единство дѣйствій разнород- ъ племенъ, населявшихъ нашу страну; не зависимо отъ мѣстностей, вовъ и обычаевъ, на пути къ преуспѣянію и возвеличенію ея.

Самобытіе и главенство Ильменскаго державства надъ княжескою Русью лѣ Игоря, при Св. Ольгѣ, и значеніе первыхъ князей не болѣе какъ иныхъ собственниковъ, мы усматриваемъ и изъ лѣтописныхъ свидѣ- ьствъ о раздѣлахъ ея.

Исчерпавъ всѣ сказочныя средства, чтобы отомстить умерщвленіе мужа— де Вольга по Деревьстѣй земли съ сыномъ своимъ и дружиною уста- вящи уставы и уроки; суть становища еѣ и ловища. И приде въ градъ й Кіевъ съ сыномъ своимъ Святославомъ; и пребывши лѣто едино, иде ьга Новугороду и устави по Мьстѣ повосты и дани, и по Лузѣ оброки

и дани; ловища ея суть по всей земли, знамянья и мѣста и повос
сани ее стоятъ въ Плесковѣ и до сего дне, и по Днѣпру перевѣсы
по Деснѣ, и есть село ее Ольжичи и доселѣ. И изрядивши възратис
сыну своему Кіеву, и пребываше съ нимъ въ любъви" (Лаврент.
6454=946 и 6455=947).

Карамзинъ и прочіе наши бытописатели видятъ въ этомъ из
лѣтописи свидѣтельство внутренне-государственнаго устройства кня
Руси и, въ числѣ земель ея, страны Ильменской. Въ связи съ выш
женнымъ мы, съ своей стороны, не усматриваемъ въ этомъ свидѣте
государственнаго благоустройства Руси вообще и страны Ильменско
особенности. Вдова крупнаго землевладѣльца, присоединившаго къ и
ственнымъ своимъ имѣніямъ собственныя пріобрѣтенія при помощи
ныхъ дружинъ, понимала, что ближайшею причиною расправы Дер
съ ея мужемъ послужило отсутствіе упорядоченія взаимныхъ отн
собственника земель къ ихъ насельникамъ, и занялась прежде всего
скою землею, чтобы предупредить повтореніе надъ сыномъ ея, еще
той же расправы, жертвою которой палъ Игорь. Здѣсь Ольга заключ
насельниками условія пользованія землями ея сына—„уставы", и
дѣлила количество сборовъ съ добычъ и промысловъ въ видѣ оброк
„уроковъ"—то есть того, что уречено, выговорено. Для устраненія
зумѣній въ будущемъ она устроила въ разныхъ мѣстахъ поселки,
торые слѣдовало доставлять оброкъ,—„становища"—и раздѣлила зем
участки для ловли звѣрей, отдавъ ихъ въ исключительное пользованіе
или другихъ, плательщиковъ,—это—„ловища". Деревская земля об
большое пространство Ильменскаго побережья, приблизительно отъ
стыни до Мсты, и вглубь страны до Оскуя, гдѣ теперешнее селеніе Д
бывшее, должно-быть, такимъ же большимъ, укрѣпленнымъ окопам
селкомъ для отдаленныхъ отъ Ильменскихъ береговъ земель, какимъ былъ
стень для береговыхъ. Спустя нѣкоторое время, необходимое, чтобы
рѣться какъ пойдетъ хозяйство при новыхъ порядкахъ, Ольга пош
другія имѣнія мужа: по Ильменской странѣ,—на Мсту и на Луг
завела повосты, тѣже становища, и дани, и оброки. Повосты—это по
куда свозились договоренные за пользованіе предметы промысла,
мѣръ: звѣриныя шкуры, медъ, воскъ и проч. Вѣроятно была разница
оброкомъ и данью: подъ первымъ можно разумѣть тотъ сборъ,
рый упорядоченъ Ольгою, съ охоты, пчеловодства и рыболовст
подъ вторымъ—вообще плату за землю, обработываемую подъ пашн
обратно;—здѣсь также опредѣлены ловища; земли раздѣлены на у
особыми знаками—„знаменья",—выговорены особыя „мѣста" для
ли хозяина земель, или отличающіяся отъ прочихъ особенною доход
Возвращаясь изъ Новгородскихъ имѣній къ Кіеву, Св. Ольга завела
же, какъ и здѣсь, порядки по Днѣпру и по Деснѣ, въ земляхъ вно
брѣтенныхъ ея мужемъ, и установила „перевѣсища".

Карамзинъ полагаетъ, что становищи—это мѣста остановокъ, н
княгини; ловища—гдѣ она во время путешествія забавлялась охот

ычею князей того времени, а перевѣсища—сѣти для ловли птицъ; погоами и повостами онъ считаетъ правительственныя единицы раздѣленія лостей на участки; оброки и дани, знаменія и мѣста, какъ выраженія ще-понятныя, бытописатель оставляетъ безъ объясненій (опредѣленіе Перевѣсищъ" дѣлается на основаніи помѣщенныхъ въ одномъ изъ новыхъ исковъ Русской Правды (Засѣцкаго?) статей „О перевѣсѣхъ" и „О птихъ"). Въ статьяхъ этихъ назначено взысканіе съ того, „кто посѣчетъ рею, или вервь перетнетъ въ перевѣсѣ"; и „кто украдетъ въ чеемъ перевсѣ чин (чей) песъ, или ястребъ, или соколъ" (Карамзинскій списокъ, атьи 92 и 93). Въ уложеніи 1649 года и въ Писцовомъ наказѣ 1681 да перевѣсами называются угодья въ чужихъ земляхъ, оплачиваемыя обкомъ, независимо отъ пользованія или не пользованія самыми землями; омѣщены они въ одномъ перечисленіи съ оброками съ рѣкъ, и съ озеръ рыбныя ловли, за бобровые гоны и за всякія угодья; такъ что можно ринять ихъ и за птицеловныя приспособленія;—но ничто не препятствуетъ мотрѣть на перевѣсы—какъ на учрежденія вѣсовыя, для меду и воску, напримѣръ, когда этотъ товаръ идетъ изъ имѣнія внизъ по Днѣпру, напроажу,—въ Греки, или въ другія земли.

Если-бы Св. Ольга заводила новые порядки въ государственныхъ виихъ,—ей нельзя было миновать побережій рѣкъ: Ловати, или Волоти, крывавшей великій водный путь изъ Ильменя въ Черное море, Шелони, отекавшей близъ земель Литвы и Чуди, и,—въ особенности,—Волхова, динявшаго Новгородъ съ такъ называемымъ Варяжскимъ моремъ и съ лями Еми, Суми, Свеевъ (Шведовъ) и другихъ племенъ, имѣвшихъ шенія съ Ильменскою страною, по приведеннымъ выше сказаніямъ поствователей Датскихъ, Шведскихъ и Новрежскихъ, и по Скандинавскимъ амъ, со временъ до Р. Х. Но если вдова Игоря заводила новые порядки родовыхъ земляхъ своихъ, какъ преемница собственника, прозваннаго томысломъ, и своего злополучнаго мужа, ей не было надобности, и она имѣла права—вторгаться во владѣнія чужеродныя, каковы, напримѣръ, говы—въ сторонѣ къ Ладогѣ, другихъ собственниковъ, названныхъ въ оворахъ Олега и Игоря князьями и свѣтлыми боярами, бывшими подъ кою ихъ, и владѣвшими, примѣрно, землями по Ловати и по Шелони; земляхъ этой послѣдней, близъ Выбити и Княжего двора, или Доворца Дворицы, какъ принадлежавшихъ издавна предкамъ ея и мужнинымъ, рядки могли быть установлены до нея этими предками и не нуждались обновленіи, потому Св. Ольга и не ходила по Шелони.

Вопросъ о значеніи перволѣтописныхъ князей, и отношеній ихъ къ Новроду, возникъ давно; еще князь Щербатовъ (Исторія Россіи) видѣлъ въ хъ не болѣе, какъ начальниковъ наемныхъ дружинъ, призванныхъ для раны владѣній Ильменской страны отъ захватовъ бродячихъ полчищъ. дъ 882 годомъ въ Начальной Русской лѣтописи помѣщена замѣтка о ходѣ Олега съ большою дружиною въ Поднѣпровье, о занятіи Смоленска Кіева по умерщвленіи Оскольда и Дира, и объ основаніи здѣсь своего стояннаго мѣстопребыванія; за тѣмъ сказано: „Се же Олегъ нача

ставити и устави дани Словеномъ Кривичемъ и Мери; и устави Вар
дань даяти отъ Новагорода гривенъ 300 на лѣто, мира дѣля; е
смерти Ярославлѣ даяше Варягомъ (Лаврентьев. свѣтопеч. изданіе,
6399, стр. 16). За такую плату Олегъ обязался охранять нашу стра
какъ шла жизнь ея послѣ 882 года—Начальная лѣтопись не сказы
прошло девяносто лѣтъ въ полной неизвѣстности для бытописанія
бытіяхъ Новгородскихъ, и только подъ 970 годомъ таже Начальная
пись дастъ нѣсколько строкъ, намекающихъ на такое продолжите
прошлое: „Святославъ посади Ярополка въ Кіевѣ, а Ольга въ Дер
Въ се же время придоша людье Наугородстіи, просяще князя собѣ: а
поидете къ намъ, то налѣземъ князя собѣ;—и рече къ нимъ Святос
абы пошелъ кто квамъ. И отпрѣся Ярополкъ и Олегъ; и рече Доб
просите Володимера. Володимеръ бо бѣ отъ Малуши, ключницѣ Ол
сестра же бѣ Добрыня, отецъ же бѣ има Малкъ Любечанинъ. И
Наугородьци Святославу: въдай ны Володимера; онъ же рече имъ: во
есть. И пояша Ноугородьци Володимера ксобѣ и иде Володимиръ съ б
воемъ своимъ Ноугороду“ (Свѣтопеч. изданіе Лавр. лѣт., годъ 6478
ница 41). Въ печатномъ изданіи Лаврентьевскаго сборника слова: „с
ною воемъ своимъ“ исправлены по Кенигсбергскому,—„съ Добрынею
своимъ“. Изъ этой отмѣтки ясно, что Олегъ и прочіе богатые зем
дѣльцы Ильменскіе, взявшіеся охранять страну за триста гривенъ в
направляли свои дружины преимущественно для личнаго обогаще
плохо служили Новгороду; пока не было настоятельной надобности
менцы не требовали постоянной охраны своихъ земель дружинами
шихся на службу—предводителей ихъ, управляясь собственными по
но когда надобность явилась, „людье“, то есть воины-стражники, п
вили свое требованіе и Святославъ не могъ отказаться отъ исполнен
зательства.

Мы не знаемъ, какія именно обстоятельства вынудили требован
жинъ отъ Святослава; но упоминаніе въ договорахъ Олега и Игоря
гихъ князьяхъ, ходившихъ съ ними на Грековъ, и извѣстія лѣтоп
Сагъ Скандинавскихъ, а равно и сказанія сборниковъ Новгородской
даютъ поводы заключить, что за время съ 882 по 970 годъ Ильм
страну тревожили, какъ и во время Гостомысла, иноплеменные нах
занимавшіе мало по малу далекія окраины.

Итакъ мы не видимъ достаточныхъ основаній придерживаться
отечественныхъ бытописателей о зависимости Ильменской страны, в
лѣтописные и перволѣтописные вѣка, отъ образовавшихся въ кня
Руси державцевъ, и считаемъ ее самобытною, главенствовавшею въ
содѣйствовавшею дальнѣйшему расширенію ея предѣловъ и могуще
чрезъ этихъ предводителей полчищъ, которые по указанію и, въ
ныхъ случаяхъ, по уполномочію ея, направляли своихъ удальцовъ
либо въ другую сторону, чтобы очистить выгодные пути сношеній
сѣвшихъ на нихъ, произвольно и насильственно, подобныхъ же пол
обширныхъ ордъ чужеродныхъ находниковъ Азіатскихъ и Европе

ше мы представили основанія, изъ которыхъ выходитъ, что Игорь жилъ своей женидьбы въ окрестностяхъ Новгорода; между тѣмъ лѣтопись не зываетъ, чтобы онъ чѣмъ нибудь проявилъ власть свою надъ страною льменскою; будь онъ державцемъ ея, княземъ въ смыслѣ государя,—современникъ-составитель памятухъ указалъ-бы на какое нибудь участіе этого язя въ дѣлахъ нашей страны.

Эти предводители занимали отбиваемыя у находниковъ мѣста, селили нихъ своихъ дружинниковъ, заводили поселки—и были тѣми князьи, и свѣтлыми боярами, о которыхъ упоминаютъ договоры Олега и Игоря, лѣтописныя замѣтки, напримѣръ:—подъ 907 годомъ: „Иде Олегъ на екы, поя же множество Варягъ, и Словенъ, и Чуди, и Кривичи, и Мерю, Поляны, и Сѣверо, и Деревляны, и Радимичи, и Хорваты, и Дулѣбы, и верцы яже суть Толковины“ (проводники?); и подъ 944: „Игорь же вкупивъ вои многи, Варяги, Русь и Поляны, Словени, и Кривичи, и верьцѣ и Печенѣги и Тали (это заложники на случай измѣны) у нихъ я, поиде на Греки“ (Лавр. по Москов. изд., стр. 14 и 23).

Начальная лѣтопись не указываетъ границъ владѣній страны Ильменой; но изъ словъ о призваніи князей и о раздачѣ Рюрикомъ городовъ мужемъ своимъ“ видно, что ей принадлежали земли: Мери, Веси, Муомы, Мещеры и Неромо-Чуди (Лѣтописные сборники: Лаврентьевскій, Кенгсбергскій, Переяславскій, Никоновскій, Софійскій, Академическій и дрие). Ученые изслѣдователи начала Руси полагаютъ, что эти земли находились только въ союзѣ съ Ильменскими Славянами и не принадлежали мъ въ собственность; но мы не раздѣляемъ этого мнѣнія: таже Начальая русская лѣтопись, изъ словъ которой о призваніи князей заключаютъ союзѣ насельниковъ названныхъ земель съ Славянами Ильменскими, счиетъ ихъ и другихъ, „иже живутъ въ странахъ полунощныхъ данниками си: А се суть иніи (кромѣ Славянъ, сидящіе на земляхъ Руси, какою она ла при жизни Преподобнаго Нестора) языци, иже дань даютъ Руси (соеменной, конечно лѣтописцу): Чюдь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, ръдва, Пермь, Печера, Ямь, Литва, Зимгола, Корсь, Норова, Любь“ амъ-же).

Русь этой лѣтописной отмѣтки—именно Ильменская страна, такъ какъ: *-первыхъ*: въ Двинской лѣтописи читаемъ: „Двинскіе убо жителіе въ чалѣ именовахуся Заволоческая Чудь (Древ. Рус. Вивл. Ч. XVIII, стр. 1). яху же отъ начала исперва во владѣніи Двиняне за Новгородцы, Тыщники и Посадники, даньми и оброками. И для тѣхъ сборовъ и росправъ овгородскіе ихъ Тысящниковы и Посадниковы Бояре были присыланы, и или въ Ухтостровской и въ Матигорскихъ и въ иныхъ волостяхъ Намѣстниками, и писано имъ отъ Новогородскихъ Архіепископовъ и въ Посадниихъ грамотахъ, къ Ухтостровскимъ и Матигорскимъ Бояромъ обереженье“ тажъ-же, стр. 3). Въ этой же лѣтописи указаны и предѣлы Двинской емли: „Новопросвѣщенная же Заволоческая Чюдь рѣки великія Двины для ого преименовашася Двиняне: та бо рѣка великая Двина начало пріяла ещи отъ конецъ дву рѣкъ, зовомыхъ Сухоны и Юга,—по неже бо тіи двѣ

рѣки Сухона и Югъ аки бо содвинушася спитіемъ
Великимъ, и оттолѣ по тому тѣхъ Сухоны и Юг
во едино спитію, или содвинутію, та великая рѣка во
исперва прозвася Двина, и конецъ имени ея теченіемъ
ное море Окіанъ, на полночь, треми великими устіи, зовомыми
скимъ, Березовскимъ и Подужемскимъ, и прочими малыми устіи"
и 3). Лѣтописецъ Двинскій изъ самыхъ новыхъ; онъ доведенъ
года и сообщенъ знаменитому издателю Вивліоѳики, Новикову, Ан
Епископомъ Архангелогородскимъ и Холмогорскимъ; но составленъ
тельно изъ Древнихъ рукописей; гдѣ эти рукописи, хранятся-ли о
уже погибли, намъ неизвѣстно. Быть можетъ членамъ нашего О
посчастливится встрѣтиться съ ними, потому мы и привели, для
нія, подробную выписку; *и во-вторыхъ*: изъ договорныхъ грамот
каго Новгорода съ державцами княжеской Руси, уцѣлѣвшихъ отъ н
нія и напечатанныхъ въ Вивліоѳикѣ и въ Собраніи Государственн
мотъ и договоровъ графа Румянцева, оказывается, что земли,—на к
сидѣли, а частію и теперь сидятъ еще, насельники странъ полун
Начальной русской лѣтописи, оставались Новгородскими во всѣ вѣ
бытія. Въ старѣйшемъ по времени заключенія договорѣ 1265
съ Великимъ княземъ Тверскимъ Ярославомъ Ярославовичемъ
чится: „На семъ, княже, цѣлуй хрестъ (доказательства замѣны
К и Х, о которой упоминалось выше) къ всему Новугороду, на
цѣловали дѣди и отци и отецъ твой Ярославъ". Затѣмъ перечи
владѣнія Ильменцевъ: „А се, княже, волости Новгородскые: Волокъ
волостьми, Тржькъ, Бѣжицѣ, городъ Палицъ, Мелѣчя, Шипино, Е
логда, Заволоцье, Трѣ, Перемь, Печера, Югра" (Собр. гр. Рум. Ч.
Во второй договорной грамотѣ, съ тѣмъ же княземъ и того же года
ленной, названа, кромѣ перечисленныхъ мѣстностей, „Колоперемь"
же № 2); въ Вивліоѳикѣ оба эти памятника отнесены къ 1263 го
второмъ—„Колоперемь" раздѣлено: „Коло, Перемь"; между тѣмъ и
мянцевскомъ и въ Новиковскомъ чтеніяхъ кромѣ „Коло-Перемъ"
Перемь еще разъ, отдѣльно (Др. Р. В. Ч. I, стр. 7). Эти же вол
исключеніемъ Коло и Волока, повторяются во всѣхъ договорахъ, не
чая злополучнаго съ Казиміромъ, Польскимъ королемъ и Великимъ
Литовскимъ, и послѣдняго—съ Великимъ княземъ Московскимъ (
Эксп. I, № 87, стр. 64; Соб. гр. Рум. I, № 20, стр. 27. Срав.
Ч. VI, примѣч. 42). Волокъ послѣдній разъ упомянутъ въ договор
года, съ Великимъ княземъ Александромъ Михайловичемъ Тверским
гр. Рум. № 15), а о Коло ни гдѣ, кромѣ указаннаго мѣста, не го

Не всѣ мѣстности, упоминаемыя въ договорахъ, поддаются опре
въ настоящее время, вполнѣ точному; но большинство можно указат

Волоковъ было много; этимъ именемъ называются, какъ уз
чено, перешейки между двумя путевыми рѣками; чрезъ нихъ к
локли первоначально на древеснымъ сучьяхъ, а впослѣдствіи на по
на колахъ (т. е. на колесныхъ приспособленіяхъ). Волокъ дого

рѣкѣ Егницѣ. Дальнѣйшія справки могутъ дать болѣе точныя опред
обѣихъ этихъ волостей.

Егна была приблизительно тамъ, гдѣ нынѣшній уѣздный городъ
егонскъ. Одинъ писатель конца XVII вѣка, осмѣянный Карамзиным
числѣ многихъ другихъ досужихъ грамотеевъ-сказочниковъ, вносивших
свои сборники всякія, безъ разбору, сказанія Польско-Литовскихъ вр
никовъ (хроникъ),—нѣкто дьяконъ Холопьяго монастыря на Мологѣ,
ѳей Каменевичъ-Рвовскій—передаетъ, на основаніи мѣстныхъ преданій
посредственныхъ личныхъ своихъ наблюденій, свѣдѣнія вообще любопы
о Бѣжецкомъ краѣ, и особенно важныя для опредѣленія волостей д
ровъ съ восточной стороны земель Ильменскаго державства. Книга ет
санная собственноручно,—„О древностяхъ Россійскихъ",—хранилась
Карамзинское время, въ Синодальной библіотекѣ. Выписываемъ из
относящееся до нашего предмета мѣсто, по отрывку, приведенному К
зинымъ (Ист. Гос. Рос. Ч. IV, примѣч. 322):—„На устіи славныя
рѣки древле были торги великіе, даже и до дній Грознаго Господар
силія Васильевича Темнаго, усмирившаго Русскую землю всю отъ ра
правдою скиптродержавства своего; и во время его, прежде Шемякина
бывшаго на него Государя,—сребро съ торговъ тѣхъ въ пошлинахъ
рали и вѣсили Пріѣзжали торговать купцы многихъ государствъ Н
кихъ, и Польскихъ, и Литовскихъ, и Грецкихъ, и Римскихъ,—глаг
же и Персидскихъ и иныхъ земель. И тогда во премногихъ ямахъ (
бахъ, кладовыхъ?) Холопскихъ (холопьяго города, о которомъ мы уж
мянули) и Моложскихъ (тоже городокъ) товары своя драгіе тѣ иностр
купцы и гости клали, и питія преузорочная и красная виноградная,
чая сокровищи вся содержали и надъ ними торговали. Нынѣ же то
купечество Моложское раздѣлися по инымъ торгамъ, къ славному
Архангельскому, такъ и на Свинскую предбывшую славную ярмарк
томъ и Желтоводскую (Макарьевскую—по Карамзину), и въ весь—
скую, и на Тихвину Новгородскую, и по инымъ; той же Моложской
превеликой и первой старой, разно разыдеся" (мѣсто это заимствова
рамзинымъ изъ второй тетради первой части рукописи, листъ 517)
этого извѣстія ясно, почему Ильменцы съ точностью указывали здѣс
ницы своихъ неприкосновенныхъ владѣній, и почему удѣльные князь
ролись за обладаніе Приволжьевъ.

Вологда существуетъ; волость Новгородская не ограничивалась
предѣлами города,—она простиралась далеко вглубь, на востокъ, по
Мерянъ и на полночь; Вологодская мѣстность—исконная Ильменская;
часть Скандинавской Біарміи и Двинской земли,—помѣщалась в
говорахъ собственно для указанія полуденнаго рубежа, какъ выдаю
мѣстность лѣвой стороны Волжской водной области, послѣ того, когда
Ростовскія и Суздальскія отошли отъ полнаго Ильменскаго держа
оставаясь лишь, до XIII вѣка, даже послѣ борьбы съ Андреемъ Бо
скимъ, подъ главенствомъ Святой Софіи: „А гости нашему гостити",
зано въ договорѣ 1270 и 1305 годовъ (№ 6 и 3)—„по Суждальской

рубежа, по царевѣ (по Ханской) грамотѣ". Въ какихъ отношеніяхъ дился къ Ильменскому державству Булгаръ-Камскій, памятники письые, нашему изученію доступные, не уясняютъ; нѣтъ также осязательъ данныхъ къ заключенію о предѣлахъ, до которыхъ простиралась сть этихъ Булгаръ и Болгаровъ Волжскихъ. Полюдовъ камень, о комъ мы говорили, и походъ Владиміра съ Добрынею и Новгородцами въ году на Болгары—указываютъ на зависимость и Булгара и Болгаровъ нашей страны, пока она оставалась еще не крещеною; выдѣленіе таномъ, заполонившимъ княжескую Русь, земли Новгородской изъ числа нъ, обреченныхъ огню и мечу, говоритъ за существованіе добрыхъ отеній мусульманъ азіатскихъ къ Ильменцамъ и послѣ крещенія. Будь гаръ и Болгары Волжскіе государства самостоятельныя, они, какъ мумане, сильные азіатскими своими единовѣрцами, сокрушили-бы друы Владиміровы; очевидно онъ, съ полками Новгородскими, ходилъ за ью, какъ хаживали въ тѣ страны и послѣ, Даньславъ Лазутиничь и іе; не будь Булгаръ-Камскій въ пріязни съ Новгородцами, снабжавіи, чрезъ его посредство, срединную Азію произведеніями страны своей, предъявлявшими недобросовѣстныхъ притязаній, и не задиравшими полъ „народа невѣдомаго", появившагося въ княжеской Руси, подобно дерцамъ Кіевскимъ и Владимірскимъ,—не сдобровать-бы и Ильменской нѣ. Такимъ образомъ восточную границу—если не державствъ въ тѣъ смыслѣ,—то вліяній во всякомъ случаѣ—Ильменцевъ-Славянъ мы вигаемъ до Уральскаго хребта, до нынѣшней Уфимской страны. Все это рное пространство пріурочивается договорами къ Вологдѣ, какъ особо ающейся мѣстности Волжской водной области.

Заволочье охватывало, какъ мы видѣли, пространство по Ледовитому у, между Двиною и Тиманомъ, до области рѣки Печоры. Говорятъ ученые, что Новгородцы въ эту окраину вторглись насильственно едалекіе предлѣтописные вѣка и овладѣли сидѣвшею здѣсь, до появлехъ, робкою Чудью. По слѣдамъ, оставшимся въ Коломцахъ и на полуой окраинѣ Европы, и по нѣкоторымъ, пока еще немногочисленнымъ, ымъ народовѣдѣнія—выходитъ на оборотъ: первонасельниками Заволочья Ильменцы, давшіе пріютъ Алтайскимъ выходцамъ, появившимся въ нѣ въ теченіе каменнаго вѣка. Къ даннымъ народовѣдѣнія мы обрась въ четвертомъ отдѣлѣ;—здѣсь же остановимся на одной Тиманской тности.

Въ тѣхъ лѣтописныхъ сборникахъ поздняго состава, въ которыхъ ывается о Славенѣ и Русѣ, объ Асанѣ, Великосанѣ, Авефхасанѣ и , рѣка, на которой основанъ Славенскъ, переимено [illegible] ій потомъ на ородъ, названа Мутною; нынѣшнее же прозваніе [illegible] по имени шаго сына Славена-Волхова, лютаго чародѣя. Не о[illegible] на имелицъ, обратимся къ рѣкѣ Мутной. По качест[illegible] рѣка нѣ соотвѣтствуетъ прозванію Мутною. Въ Ледови[illegible] очной стороны побережья Чесской губы, рѣка [illegible] говъ Тиманскаго кряжа; одинъ изъ прито

Мутною рѣкою. Строеніе кряжа и побережья — твердыя горныя (Штукенбергъ); мутной воды этому протоку взять негдѣ. Тѣ же лѣто сборники сказываютъ, что Ильмень назывался, до появленія на его режьи Славена и Руса, Мойско;— еще въ первые годы нынѣшняго с часть нашего озера, составляющая восточно-полуденный плесъ его, названіе Мойска (Митрополитъ Евгеній; Разговоры.); тамъ и тепер мѣстность, вдающаяся въ озеро острымъ угломъ, называемая М носомъ. Не маловажно будетъ доискаться взаимной зависимости рѣк ныхъ, чтобы по слѣдамъ ея подойти ко времени заселенія Заволоч ховскими побережанами и не относиться съ полнымъ недовѣріемъ заніямъ лѣтописныхъ сборниковъ поздняго состава; если Мойско и носъ могли подсказать словоохотнымъ книжникамъ стараго врем Ильмени домыслъ и изобрѣсти для него сестру Славена и Руса Иль едва-ли тѣ книжники знали Тиманъ, рѣку Индигу и ея притокъ Мутную.

Коло-Перемь. Принимая чтеніе названія этой волости по прия изданіи графа Румянцева, мы видимъ въ ней мѣстность, занимаем нѣшнею русскою Лапландіею. Ни въ одномъ изъ договоровъ, заключ послѣ 1265 г., эта волость не встрѣчается — потому, должно быть, нее никто не заявлялъ притязаній, по отдаленности и обездоленност родою. Была-ли помѣщаема Коло-Перемь въ договорахъ до 1265 не знаемъ:— договоры не изданы, да вѣроятно они и не сохранили покоятся гдѣ нибудь въ подземельѣ, хранящемъ собраніе рукописей Г въ настоящее время отыскиваемое въ Москвѣ. Упоминутый Руничск воръ съ Норвегіею, временъ Свенона I, намъ, къ сожалѣнію, неизв быть-можетъ въ немъ есть упоминаніе о нашемъ городѣ Коло. И ванія „Коло-Перемь“ мы заключаемъ, что нынѣшняя русская Лапла ставляла западную часть Біарміи Скандинавскихъ писателей, или Великой Перміи; а если это такъ, то въ волости Коло-Перемь мы доказательство исконной принадлежности Біарміи Ильменскому дер и сношеній Датскихъ державцевъ съ Ильменскими, о нихъ раньше.

Тре—это полночно-восточное побережье Бѣлаго, и западно-полн Ледовитаго моря; оно называется и теперь Терскимъ берегомъ; з Поморами, которыхъ считаютъ Новгородскими выходцами, по котор нашему мнѣнію, коренные Славяне—первонасельники этого, въ на время непривѣтливаго, края; когда-то, въ каменный вѣкъ, здѣсь шла бойко; едва-ли слѣдуетъ сомнѣваться, что наши Поморы при дѣятельное, если не первенствующее, участіе въ путешествіяхъ въ А въ X вѣкѣ.

Перемь договоровъ—это западная половина Біарміи, Приуралье уже говорено. Богатая горными породами, ковкими и плавкими, эта всегда привлекала населеніе Азіи и Европы; она была колыбелью— бронзоваго вѣка для полночно-восточной половины Европы. Въ соста волости входили нынѣшнія земли: Вологодскія, Пермскія, Вятскія Уфимскихъ, Казанскихъ и Симбирскихъ.

Печора—составляла самый дальній край Біарміи; названіе она получила огромной рѣки того же имени. Скалистые берега Печоры, Камы и Ви-л—представляютъ одну изъ первыхъ страницъ лѣтописи природы о человѣкѣ; берега эти имѣютъ множество пещеръ, созданныхъ для человѣка го малосильными руками. Изслѣдовано ихъ весьма немного;—слѣды ыванія людей несомнѣнны. Печорскій край настолько обширенъ, что на еніе его понадобятся многіе десятки, если не сотни, годовъ.

Югра—послѣдняя волость договоровъ; въ ней лежитъ водная область Далеко-ли простиралось владѣніе Ильменцевъ—письменныя свидѣтель-не говорятъ. Первое извѣстіе о Югрѣ отмѣчено Преподобнымъ Несто-, со словъ Новгородца, Гюряты-Роговича, подъ 1096 годомъ; оно можетъ олько уяснить пространство этой волости, потому выписываемъ отмѣтку овно:—„Се же хощю сказати, яже слышахъ преже сихъ четырехъ , яже сказа ми Гюрятя Роговичь Новгородецъ, глаголя сице: яко по-ъ отрокъ свой въ Печеру, люди, яже суть дань дающе Новугороду; и едшу отроку моему къ нимъ, и оттуду иде въ Югру. Югра же людье языкъ нѣмъ (то есть не понимаютъ языка Ильменцевъ;—Печеряне же нѣмы"—значитъ говорятъ однимъ языкомъ съ Ильменцами), и сѣдятъ амоядью на полунощныхъ странахъ. Югра же рѣкоша отроку моему мавшему, конечно ихъ языкъ) дивьно мы находихомъ чюдо, его же не слышали прежде сихъ лѣтъ; се же третье лѣто поча быти, суть зайдуче луку моря, имъ же высота яко до небесе, и въ горахъ тѣхъ великъ и говоръ, и сѣкуть гору, хотяще высѣчися; и въ горѣ той чено оконце мало, и ту дѣ молвятъ, и есть не разумѣти языку ихъ, жуть на желѣзо и памовають рукою, просяще желѣза; и аще кто имъ ножъ-ли, ли сѣкиру, даютъ скорою противу. Есть же путь до тѣхъ непроходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ; тѣмъ же недохо-ихъ всегда; есть же и подаль на полунощи" (Лаврент. Свѣтопеч. 169). Великая рѣка Обь занимаетъ огромную площадь; верховьями хъ притоковъ она подходитъ къ отрогамъ Алтайскимъ настолько ко, что для сношеній насельниковъ Югры, какъ страны Ильменскаго авства, съ племенами Алтайскими и Енисейскими не представлялось за-еній. Завоеватель Сибири—Ермакъ Тимоѳеевичъ шелъ, видимо, по слѣдамъ ихъ дружинъ Новгородскихъ, собиравшихъ дань и сносившихъ скору, бниваемую на желѣзо, или получаемую вмѣсто дани серебромъ, въ ье остроги, однимъ изъ которыхъ представляется Полюдовъ камень; хъ остроговъ могло быть много, съ Новгородскими жителями, помо-ими Ермаку и содѣйствовавшими его успѣху. Новгородской лѣто-извѣстны походы летучихъ дружинъ данщиковъ; отмѣтки же о заносились въ тѣхъ только случаяхъ, когда отряды и со-вленіе, или когда на нихъ нападали хищническія вшія Югоріи; такъ въ 1187 году: „Избіена быша дани ски, а друзіи за Волокомъ, и паде головъ сто до щевскому сборнику; въ пергаментномъ эта отм е: „Избіени быша Печерскѣи и Югърьскіи въ

издвоишася людіе, кто добрыхъ тъи посвятѣи Софіи, и по правой вѣр
сътвориша супоръ, вятшіи велятся нятися меншимъ по число. И хотѣ
анныи побѣжати гонимъ Святымъ духомъ; и умыслиша съвѣтъ золъ,
ударити на Новгородъ на ону сторону, а друзіи озеромъ на сю сто
и възбрани имъ невидима сила Христова, и не смѣша, и убоявшись
чаша ся возити на едину сторону къ Святой Софіи, ркуще тако: поло
главы свои у Святеи Софіи. И бысь заутра сонде князь съ Городищ
окаанныи татары съ нимъ, и злыхъ съвѣтомъ яшася по число, твор
бо ся себѣ бояре легько, а меншимъ зло. И почаша окааніи ѣздит
улицамъ пишуще домы христіанскіе, за не навелъ Богъ за грѣхи
испустыня звѣри дивіи ясти силныхъ плоти, и пити кровь боярскую. И
идоша окааніи вземше число, а князь Александръ поиде послѣдъ, пос
сына своего Димитріа настолѣ" (I Нов. лѣт. 6767, стр. 57). За
предъ этимъ „Взяша татарове все землю Литовскую, а самыхъ избиша
за два—„пріидоша Свѣи, и Емь, и Сумь, и Дидманъ со всею волос
множествомъ рати" (тамъ-же, годы 6764=1256, и 6766=1258,
ница 56). При такихъ обстоятельствахъ задоръ съ татарскимъ посольс
отозвался-бы крайне болѣзненно на странѣ Ильменской,—ей не устоя
противъ татарина и полуночныхъ сосѣдей,—тогда какъ, допустивъ перем
правители Новгородскіе сохранили свою землю отъ раззорѣнія и св
дѣйствій и противъ Литвы и противъ Шведовъ; тѣхъ и другихъ они
лѣли, а въ 1262 году разбили Ливонцевъ и Чудь и овладѣли Юрье
не смотря на огражденіе его стѣнами и окопами, чѣмъ и проложили
къ дальнѣйшей борьбѣ съ Божіими дворянами и ихъ союзниками.

Сохраняя во всѣхъ случаяхъ сношеній или столкновеній съ тат
благоразуміе, Ильменцы не затѣвали съ ними споровъ и тогда, если
ники, раззоряя родовыя земли удѣльныхъ державцевъ, сосѣднія съ
родскими, переносили опустошенія и на нихъ; если затѣмъ, впослѣд
державцы вымаливали себѣ въ ордѣ права на тѣ, или другія земли,
хватывая и эти Ильменскія, уже опустошенные, Новгородцы тоже мо
Такимъ образомъ, по изгнаніи татаръ, оказалось во владѣніи князей у
ныхъ, въ разныхъ мѣстахъ, а особенно въ земляхъ, сосѣднихъ съ
скими, Ярославскими, Московскими и Смоленскими, много участковъ
городскихъ, отбивать которые ходили „люди молодые", что вызывал
при съ Москвою и Тверью. Начавшееся собираніе русскихъ земель,
щенныхъ удѣльною борьбою и татарщиною, измѣняло границы Ильме
страны и вызывало борьбу Москвы съ Новгородомъ, кончившуюся 1
варя 1478 года, присоединеніемъ его къ Московскому державству.

Въ концѣ XV и въ XVI вѣкѣ дѣлаема была нѣсколько разъ, по
поряженію государей Московскихъ, подробная перепись всѣхъ Новгоро
земель, давшая тѣ писцовыя книги, на которыя мы ссылаемся въ ра
мѣстахъ записки;—К. А. Неволинъ, изучивъ эти книги, составилъ по
подробный чертежъ пространства и границъ земель, присоединенны
Москвѣ въ 1478 году,—то есть остававшихся за Новгородомъ послѣ
препирательствъ и споровъ за обладаніе ими, продолжавшихся съ

вѣка, между нимъ, сосѣдними державцами Руси и Литвы, а также, ицами и Шведами. Чертежъ этотъ изданъ Императорскимъ Русскимъ афическимъ Обществомъ, какъ основаніе книги Неволина о Пятинахъ остахъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ (С.-Петербургъ, 1854 г.). Гра- Ильменской земли чертежа для нашей цѣли не пригодны; они ають то время, когда внутренній строй Новгородскаго государства уже редставлялъ самобытной цѣльности, изученіе которой нами намѣчается занятій Новгородскаго Общества. Къ чертежу К. А. Неволина мы обра- и въ другихъ видахъ, какъ къ дорогому пособію при изученіи распро- ленія по странѣ Ильменской чужеродныхъ Славяно-Русамъ племенъ.

Населеніе.

До второй половины текущаго столѣтія единственнымъ источниковъ въ каніяхъ о заселеніи Европы служили письменные памятники въ об- омъ значеніи ихъ; успѣхи изслѣдованій остатковъ древняго міра въ и въ Африкѣ, въ земляхъ Вавилоно-Ассирійскихъ, Индусовъ, Егип- а также въ Европѣ полуденной, приподняли завѣсу, за которою скры- ь тысячелѣтія жизни человѣчества;—за послѣднее же полустолѣтіе я народовѣдѣнія, естествознанія и языковѣдѣнія открыли осязательные прародителей народовъ стараго и новаго свѣта, отдаляющіе насъ отъ болѣе, чѣмъ на пятнадцать тысячелѣтій. Но, смиренно преклоняясь великими подвигами человѣческаго ума и успѣхами имъ достигну- наука все идетъ впередъ и впередъ во всеоружіи современныхъ й и открываетъ въ различныхъ областяхъ ихъ новые пути для про- нія изысканій, приближающихъ къ истинѣ о родоначаліи и перво- человѣчества. Нашему Обществу не должны быть чужды эти новые насколько они ведутъ къ колыбели великорусскаго народа, такъ мы живемъ на костяхъ устроителей первыхъ основъ государственной и Россіи.

Чтобы идти новыми путями и работать для науки, необходимо огля- ся назадъ и осмотрѣться кругомъ, дабы не тратить силъ на то, что изслѣдовано. Въ этихъ видахъ мы позволяемъ себѣ напомнить буду- ь сотрудникамъ Общества, въ бѣгломъ очеркѣ, то, что каждый изъ изучалъ въ дѣтствѣ и читалъ впослѣдствіи изъ любознательности, о леніи нашего отечества.

Очеркъ этотъ мы посвятимъ даннымъ и выводамъ ученыхъ, обнимаю- ъ свидѣтельства письменныя; выработаннымъ же въ теченіе послѣд- полувѣка—отведемъ особый, заключительный отдѣлъ нашей записи.

Письменныя свидѣтельства о населеніи Ильменской страны неразрывно ны съ сказаніями объ обитателяхъ всей Россіи. Древнѣйшія изъ нихъ мають вѣка, неизвѣстные лѣтописи русской, но отражающіеся въ ней, блѣдно и тускло. Поэтому мы раздѣлимъ очеркъ на двѣ части и на- ъ, подобно какъ и въ предыдущей статьѣ, одну—„Вѣка древнелѣто-

и выведу тебя и все войско твое, коней и всадниковъ въ полномъ во
женіи, большое полчище, въ броняхъ и со щитами, всѣхъ вооружен
мечами, Персовъ, Еѳіоплянъ и Ливійцевъ съ ними, всѣхъ со щитами
шлемахъ, Гомера со всѣми отрядами его, домъ Ѳогарма, отъ придѣлов
вера со всѣми отрядами его, многіе народы съ тобою. Готовься и с
жайся, ты и всѣ полчища твои, собравшіяся къ тебѣ и будь имъ вож
Послѣ многихъ дней ты понадобишься; въ послѣдніе годы ты прійде
землю, избавленную отъ меча, собранную изъ многихъ народовъ на
Израиля, который былъ въ постоянномъ запустѣніи, но теперь жите
будутъ возвращены изъ народовъ, и всѣ они будутъ жить безопас
поднимешься какъ буря, пойдешь какъ туча, чтобы покрыть землю,
всѣ полчища твои и многіе народы съ тобою. И скажешь: поднимуся
землю неогражденную, пойду на беззаботныхъ, живущихъ безпечно,
произвести грабежъ и набрать добычи, наложить руку на вновь засел
развалины и на народъ, собранный изъ народовъ, занимающейся
ствомъ и торговлею, живущій на вершинѣ земли. Сава и Деданъ и к
Ѳарсисскіе со всѣми молодыми львами ихъ скажутъ тебѣ: ты при
чтобы произвести грабежъ, собралъ полчище твое, чтобы набрать до
взять серебро и золото, отнять скотъ и имущество" и т. д. (Свящ
книги Ветхаго завѣта въ русскомъ переводѣ. С.-Петербургъ. 1878
Книга Пророка Іезекіиля, главы XXXVIII и XXXIX, стр. 1338—1341)
этихъ словахъ библейскаго Пророка можно видѣть всякое воинству
племя, нападавшее на евреевъ и другіе народы. Въ дальнѣйшемъ изло
пророчества повторяются общія, схдныя съ приведеннымъ, черты прав
обычаевъ, удобно примѣнимыя къ каждому завоевателю не только
нихъ, но и недавнихъ вѣковъ. Почему именно видятъ здѣсь Скиѳовъ
нять не трудно: Скиѳы были предъ Р. Х., и въ первыя вѣка христіан
лѣтосчисленія,—для Грековъ, Римлянъ и другихъ народовъ Европы, и в
для древняго міра, такими же грозными завоевателями, какъ и цари
скіе глубокой древности. Объясняя народныя бѣдствія небесною каро
временники-христіане могли утѣшать себя словами пророка, влагае
имъ въ уста Господа: „Вотъ я на тебя Гогъ, князь Роша Мешеха
вала. И поверну тебя, и поведу тебя, и выведу тебя отъ краевъ Сѣв
приведу тебя на горы Израилевы. И выбью лукъ твой изъ лѣвой руки
и выброшу стрѣлы твои изъ правой. Падешь ты на горахъ Израиле
ты и всѣ полки твои и народы, которые съ тобою; отдамъ тебя на
деніе всякаго рода хищнымъ птицамъ и звѣрямъ полевымъ. На откр
полѣ падешь. И пошлю огонь на землю Магогъ и на жителей остр
живущихъ безпечно, и узнаютъ, что Я Господь", и т. д. (стран.
Слѣдуетъ здѣсь замѣтить, что священныя книги евреевъ писаны раз
менно; составлялись они, какъ и всѣ вообще лѣтописи, главнѣйш
устныхъ преданій, изъ придворныхъ записей о событіяхъ того и д
царствованія, пѣсенъ, домашнихъ памятухъ и проч. Второй полови
щего столѣтія принадлежатъ обстоятельныя изслѣдованія о времени и
ностяхъ составленія священныхъ книгъ евреевъ, въ томъ числѣ и

скихъ. Въ приведенныхъ выпискахъ изъ Езекіиля можно видѣть и Кира Александра Македонскаго, вообще всякаго завоевателя временъ Пророка.

Въ наши лѣтописные сборники, начиная съ Несторова, занесены сказанія о Скиѳахъ изъ Византійскихъ писателей; въ поздніе, напримѣръ въ зелевъ Синосисъ и въ древній лѣтописецъ, которымъ пользовались, какъ стовѣрнымъ источникомъ, до Карамзина, внесены, вѣроятно, въ видѣ „Повѣстей временныхъ лѣтъ"—выводы ученыхъ XVIII вѣка. Въ томъ, напримѣръ, сборникѣ, который напечатанъ въ XVI части Древней Русской вивліоѳики (мы на него ссылались) и который, принадлежитъ, повидимому, перу ученаго Датчанина Селлія, чувствуется знакомство составителя его с трудами: Бохарда, Гормія, Кирхера, Гроція и Мерула, этихъ изслѣдователей ветхозавѣтныхъ книгъ, указавшихъ мѣста главнѣйшихъ народовъ „изъ всѣхъ языкъ", равно писателей Греческихъ о Скиѳахъ, ихъ родоначаліи и движеніи отъ Куры и Аракса по Европѣ—и преимущественно по землямъ Россіи.

Сказанія Халдейскаго жреца Бероза, по отрывочности, и вообще по неполнотѣ, весьма мало пригодны для нашего предмета, даже и въ той маскѣ, которою ихъ оттѣняетъ Филонъ Іудеянинъ.

Свѣдѣнія, сообщенныя арабскими писателями вѣковъ ближайшихъ и временныхъ Начальной русской лѣтописи —о населеніи Руси—отчасти приведены; имена другихъ, кромѣ вышеназванныхъ, племенъ объясняются толкователями восточныхъ писателей настолько разнорѣчиво, что незнакомству основательно съ Азіатскими языками невозможно извлечь изъ тѣхъ именъ ничего обстоятельнаго,—такъ что мы считаемъ за лучшее въ настоящее время вовсе къ нимъ не обращаться.

Особенную важность для Россіи и для Ильменской страны представляютъ священныя книги Иранцевъ и Индусовъ и клиновидная письменность Вавилоно-Ассирійская.

Какъ ни любопытны подробности открытія древнѣйшихъ памятниковъ ратскаго быта, собственно клинописи, и какъ ни почтенны имена неутомимыхъ тружениковъ, выносившихъ для науки удивительныя лишенія, мы не остановимся на нихъ, предоставляя любознательности членовъ нашего общества обратиться къ небольшой книжкѣ Профессора Карѣева „Введеніе въ курсъ Исторіи древняго востока" (С.-Петербургъ, 1887 г.), излагающей кратко и ясно ходъ работъ по изысканіямъ объ этихъ памятникахъ и по прочтенію ихъ. Для насъ важны тѣ немногія, и пока еще далеко не полныя, указанія вновь открытыхъ, прочитанныхъ и объясняемыхъ памятниковъ, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ насельникамъ Ильменской страны въ очерченныхъ нами границахъ, за двѣнадцать, четырнадцать и болѣе вѣковъ до начала христіанскаго лѣтосчисленія.

Священная книга Иранцевъ „Авеста", а Индусовъ—„Веды"; первая пишется на языкѣ—„Зендъ", а „Веды"—на языкѣ Индусовъ, называемомъ европейцами „Санскритомъ". Веды—это сборники пѣснопѣній; нѣкоторые изъ нихъ восходятъ къ XIV вѣку до Р. Х. Тѣ и другія священныя книги были извѣстны людямъ, среди которыхъ они объявились, съ первыхъ дней

возникновенія своего и ни когда не забывались; не знали ихъ т
прочіе народы Азіи и Европейцы; послѣдніе до конца XVIII столѣтія
хранили брамины и Парсійскіе жрецы, какъ святыню, наслѣдіе от
ныхъ предковъ.

Руководствуясь Авестою и Ведами, наука установила для Азіи с
ющія положенія, не придавая, однако, имъ значенія бытовыхъ истинъ
вѣчества; древнѣйшія племена, населявшія долины библейскаго Эде
оставившія память о своемъ существованіи—были *Туранцы* и *Куш*
но это не первобытные насельники Тигра и Евфрата, а выходцы;—Ту
изъ полуночной Азіи, изъ долины Алтая, лежащей нѣсколько далѣ
міра, въ полночномъ направленіи, а Кушиты—изъ Бактріаны, изъ с
Кушъ, орошаемой Гельмендомъ.

Семиты объявились послѣ Туранцевъ и Кушитовъ, въ Арменіи,
они пришли изъ страны, расположенной тоже недалеко отъ Памир
горахъ Белуртага, гдѣ эта цѣпь соединяется съ Гималаями.

Позднѣе Семитовъ прибыли въ страну, занятую частію ими,
Туранцами и Кушитами,—Арійцы, перебравшіеся, впослѣдствіи, въ Е
Въ одной изъ книгъ Авесты, составляющей часть ея, называемую
датъ-Саде, или Видэвадата, т. е. данная противъ дэвовъ, или демоно
повѣствуется, что предки Айрьевъ, прежде чѣмъ основаться въ П
долго скитались по разнымъ землямъ, созданнымъ для нихъ добрыя
жествомъ, будучи постоянно изгоняемы злымъ духомъ на новыя м
Этотъ злой духъ нагналъ, наконецъ, на ихъ жилища, Аігуапем vaêd
такую стужу, что они долго-долго блуждая, вынуждены были перебра
сперва въ Согдіану, а отсюда переходить послѣдовательно: въ Ма
(нынѣшній Мевръ), Бактріану, Нисэю и Аріану; а въ странѣ у устья
менда раздѣлились на двѣ вѣтви; одна направилась на востокъ, къ
а другая на западъ, въ Мидію. Часть послѣдней основалась пососѣ
съ Эламомъ, у Персидскаго залива (Персы), тогда какъ другая долго
странствовала по разнымъ мѣстамъ. Восточная вѣтвь поселилась пер
чально на правомъ берегу Инда, потомъ проникла въ область, лежа
между этою рѣкою и его притокомъ Сараевати (теперь ее уже нѣтъ
область—„Семирѣчье"),—гдѣ Арьямъ пришлось выдержать борьбу с
сью,—прежними насельниками, Кушитскаго племени. Послѣ весьма
должительнаго пребыванія въ области рѣки Инда, Арьи стали селить
долинѣ Ганга, сдѣлавшейся въ болѣе позднія времена срединною страною
извѣстною подъ именемъ Арьяварты. Занятіе долины Ганга относит
XII—XIII вѣкамъ до Р. Х. Первая часть восточной вѣтви Арійцевъ д
путемъ завоеваній, до Египта, а восточная до Китая—мирнымъ путе
внесла въ эту страну буддійское вѣроученіе.

Странствовавшая вторая часть западной вѣтви была тою, которая
бралась въ Европу, гдѣ, смѣшавшись съ первозаимщиками ея, обра
Грецію, Римъ и другія государства; Литовскія племена считаются сл
шимися изъ помѣси послѣднихъ выходцевъ Арійскихъ въ Европу съ
ранними обитателями тѣхъ земель, которыя они заняли.

Упомянутый жрецъ Берозъ свидѣтельствуетъ только, что въ Вавилонѣ
ло первоначально множество людей различныхъ племенъ. Онъ такимъ
разомъ подтверждаетъ указанія, получаемыя изъ другихъ источниковъ,—
Туранцахъ.

Клиновидная письменность важна для насъ по одному изъ племенъ,
къ котораго она представляетъ. Въ восточной части нынѣшняго Курди-
на, соотвѣтствующей древней Мидіи, стоитъ, возлѣ города Керманшаха,
ѣсная скала, возвышаясь надъ равниною почти на 243 сажени; имя ей
встанъ. На этой скалѣ нашли длинную надпись, высѣченную тремя
личными знаками. Первая часть надписи признана была учеными зна-
ами древняго востока за подходящую къ Персидской; ее прочитали при
ощи языка Персовъ, современнаго и древняго, и оказалось, что Дарій
таспъ приказалъ, какъ царь, по волѣ Аурамазды, Парсы, Мады и Ас-
а, то есть: Персіи, Мидіи и Ассиріи, начертать на скалѣ Бегистанъ,
трехъ языкахъ, повѣсть о своихъ дѣяніяхъ. Такимъ образомъ добрались
прочтенія надписи, высѣченной и остальными двумя видами знаковъ, ко-
ые представляютъ собою клинопись. Вторая по порядку, или первая
ообразная, надпись оказалась менѣе сложною, чѣмъ послѣдняя; притомъ
ящею изъ звуковыхъ знаковъ двухъ родовъ—предметно загадочнаго,
аваемаго Идеографическимъ,—и условно-предметнаго, или Силлабиче-
о. Первый родъ знаковъ употребляется и теперь многими Сибирскими
ородцами и потомками древнихъ насельниковъ Америки и Африки, и со-
итъ въ начертаніи различныхъ предметовъ, соотвѣтствующихъ—или обни-
мымъ внѣшними чувствами, или извѣстнымъ пишущему народу пред-
зленіямъ, какъ напримѣръ: солнце—выражаетъ день, звѣзды и мѣсяцъ—
ь и проч.; вторый признается переходнымъ къ современному, онъ со-
итъ въ условленномъ изображеніи звуковъ такими знаками, которые
дставляютъ извѣстный предметъ или существенную часть его, называе-
ъ извѣстнымъ же словомъ, начинающимся звукомъ, напоминающимъ
овые—предметъ или часть; напримѣръ Славяно-Русскій звуковой знакъ
изображаетъ въ древнихъ рукописяхъ чашу, другой знакъ *щ*—щеть,
ку, которою расчесываютъ волокна льна и проч. Слова этой клино-
азной надписи принадлежатъ, по мнѣнію ученыхъ языковѣдовъ, говору
ейства нарѣчій Туранскихъ,—т. е. языку племенъ Урало-Алтайскихъ,—
способъ изображенія клинописи тотъ же самый, который повторяется на
хъ новооткрытыхъ Мидійскихъ памятникахъ. По этому знатоки востока
норманъ, Масперо, Эрнестъ Ренанъ и др.) признали Туранцевъ передо-
ми по духовному росту, изъ всѣхъ племенъ древняго міра, людьми, по-
ившими, вмѣстѣ съ Кушитами, начало государствъ, и занимавшими
льшую часть Европы и Азіи—еще тогда, когда Семиты и Арійцы гнѣз-
лись около Памирскаго нагорья. Наиболѣе крупнымъ доказательствомъ
окаго развитія Туранцевъ представляется именно изобрѣтеніе ими того
соба выраженія мысли, который открытъ на Бегистанской скалѣ. Замѣ-
ь, что Нѣмцы вообще сомнѣваются въ Туранскомъ происхожденіи на-
нія, давшаго начало Эламо-Халдейскому и Египетскому государ-

до прибытія въ страну перваго—Семитовъ; а ученый Тиле, нѣмец прямо отвергаетъ Туранство досемитскихъ обитателей Халдеи. Од языковѣдъ Оппертъ доказалъ цѣлымъ рядомъ строгонаучныхъ пріемов именно Халдейскіе Туранцы изобрѣли тотъ способъ письма, который принятъ въ Ассиріи и распространился до появленія Семитовъ въ Х на полночь и востокъ, въ Арменію, Мидію и Персію.

Для нашихъ цѣлей—важно упоминаніе въ библейскихъ и клинопи сказаніяхъ о двухъ мѣстностяхъ, каковыми были Халдейскій Уръ и потамскій Харранъ, созвучныя съ нашимъ хребтомъ Уральскимъ и ст веденнымъ выше—названіемъ горы, на которой стоитъ Верхотурье, —Н Карра; равно и объ имени Ассирійскаго царя Самсибина, жившаго около Х до Р. Х. Въ послѣднемъ отдѣлѣ мы укажемъ и на другія названія леннымъ мѣстностей, подобныя Уру и Харрану, и дадимъ объясненіе Турѣ, напоминающей, какъ и Верхо-Турье, по созвучію,—Туранцевъ

Китайскія лѣтописи могутъ хранить драгоцѣнныя данныя о полуп насельникахъ Азіи, съ которыми имѣли сношенія, или столкновенія тайцы. Но, къ величайшему сожалѣнію, лѣтописи этого диковинна рода намъ извѣстны лишь по отрывочнымъ указаніямъ на содерж въ нихъ свѣдѣнія въ трудахъ нашихъ соотечественниковъ. Послѣдн такихъ трудовъ, которымъ мы пользуемся, это книга недавно ум Н. М. Ядринцева: „Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное поло (С.-Петербургъ, 1891 года). Въ ней приводится много ссылокъ на ! скія лѣтописи и на ученую обработку объ именахъ насельниковъ С ихъ переселеніи, правахъ, обычаяхъ и обо всемъ, что хорошо выра словомъ „переживанье". Здѣсь мы назовемъ насельниковъ, ближайш той части владѣній Ильменской страны, которая объявилась въ Нач русской лѣтописи, и считалась во все самобытіе—ея волостью, т. Югрѣ.

Китайскимъ лѣтописямъ извѣстны, въ числѣ другихъ насель Сибири:—Чиди, Погулу, Кидани, Хунну, Уйгуръ, Саки, Юечжи, Жанъ и Вейке. О каждомъ изъ этихъ названій насельниковъ сдѣлан шими и иноземными учеными изысканія, болѣе или менѣе подроб такъ что остановиться на нихъ нѣсколько будетъ неизлишне д дачи нашего Общества и для дальнѣйшаго изложенія объясненій в запискѣ.

Чиди, т. е. рыжіе или красные, встрѣчаются въ Китайскихъ писяхъ втораго вѣка до Р. Х. и называются полночнымъ кочевымъ немъ. По изысканіямъ Профессора В. В. Григорьева, знатока восто языковъ, а особенно Китайскаго, Чиди—это Чудь; по его мнѣнію он бралась съ полночи на полдень Азіи во времена, предшествовав только Арійцамъ, но и Семитамъ; отрасль этой Чуди индѣйцы обозна Гменемъ Дравидовъ, спустившихся съ Гималаевъ въ долины Дже анга; она населила Деканскій полуостровъ (Григорьевъ, О Скиѳско одѣ Саккахъ, стр. 200). Изображеніе клинописи этомъ ученый при аетъ этой же Чуди; слѣдовательно Туранцы и Чудь одно и тоже н

Погулу Китайскихъ источниковъ близки, по звучію, къ нашимъ Во-
мъ; извѣстно, что они занимали, въ числѣ 10 тыс. семей, лѣсное
транство на востокъ отъ полночнаго народа „*Тѣ-ли*", тоже въ полночныхъ
рскихъ странахъ. (В. П. Васильевъ; Исторія и древности восточной
и Средней Азіи).

Кидане—могущественное, высоко развитое племя, занимало обшир-
шее пространство, частію въ Сибири, частію въ нынѣшнихъ Китайскихъ
ѣніяхъ, еще задолго до Р. Х.; у нихъ было пять столицъ, шесть обла-
и полтораста крѣпостей; по разсказу китайца Ху-цяо, Кидане, во
мена своего могущества, посылали десять человѣкъ съ двадцатью ло-
ьми и продовольственнымъ запасомъ въ полночныя страны; эти путе-
твенники двигались въ теченіе года все въ полночномъ направленіи и
шли чрезъ 43 города; жилища въ этихъ городахъ были устроены изъ
весной коры (тамъ-же, стр. 40). Какъ далеко простиралось владычество
аней на западъ, въ Сибири, и далѣе, въ Европѣ, за Ураломъ—неиз-
тно.

Хунну были хорошо извѣстные Европѣ *Гунны*; они обитали въ ны-
ней Монголіи и, частію, въ Сибири. Гунновъ считаютъ предками и родо-
льниками Монголовъ.

Уйгуры Китайскихъ лѣтописей признаются за тѣхъ Югровъ, о кото-
ъ Гюрята-Роговичъ разсказывалъ Преподобному Нестору, и которые,
лѣдствіи, подъ именемъ Угровъ, черныхъ и бѣлыхъ, появились въ Ев-
и до сихъ поръ сидятъ, называясь Венграми, въ Австрійскихъ вла-
ихъ.

Саки занимали, по Китайскимъ источникамъ, Семирѣченскую область.
шинство изслѣдователей видятъ въ нихъ Геродотовыхъ Скиѳовъ.

Юечжи, или Юеты, по объясненіямъ знатоковъ восточныхъ языковъ—
и Массагеты. Покойный Эйхвальдъ, Виленскій Профессоръ, опредѣ-
ъ для Массагетовъ Геродота мѣстность въ области рѣки Міаса,—въ
льскихъ горахъ.

Жунь-Жаны Китайцевъ считаются тѣми Аварами, которые, будучи
ѣснены изъ Азіи, переселились въ Европу и извѣстны въ ней подъ
ъ послѣднимъ названіемъ. Одинъ Нѣмецкій ученый, Вятерсгеймъ, ду-
тъ, что Жунь-Жаны тоже, что Свевы (Сибирскіе инородцы Ядринцева,
141).

Вейке—извѣстны Петербуржцамъ въ зимникахъ-извозчикахъ, собира-
ихся большими тысячами на промыселъ въ столицу, къ масляницѣ, изъ
естныхъ Финско-Эстонскихъ деревень.

Къ сожалѣнію въ настоящее время нѣтъ еще точныхъ данныхъ
слѣдовательныхъ передвиженіяхъ какъ перечисленныхъ, такъ и мно-
другихъ народовъ и народцевъ въ Сибири и перекочевкахъ за Уралъ
Европу. Разработка Китайскихъ источниковъ идетъ туго, такъ что дан-
этою разработкою выдвигаемыя, представляются отрывочными. Въ по-
немъ отдѣлѣ мы приведемъ свидѣтельства источниковъ ископаемыхъ
тому предмету, о народахъ и народцахъ, появившихся—и частію осѣв-

Аримаспами стрегущіе золото Грифы, а еще выше—Гипербори, прос
ющіеся до моря". Упомянутый Виленскій Профессоръ Эйхвальдъ пола
что Исседоны жили въ области Уральской рѣки Иссети. „За исключе
Гиперборeевъ,—говоритъ далѣе Геродотъ,—и всѣ эти народы пост
воюютъ съ своими сосѣдями" (книга IV, статья 13). Въ этихъ сл
слышится отголосокъ предшествовавшихъ Геродотовымъ сказаній о
любіи Гиперборeевъ. „Ни Скиѳы, ни иные тамошніе обитатели,
только Исседоновъ, не сообщаютъ ничего о Гиперборeяхъ; о нихъ у
наетъ Гезіодъ, а также Гомеръ въ „Епигонахъ", если впрочемъ, поэм
составлена дѣйствительно Гомеромъ. Гораздо больше сообщаютъ о ни
ліяне, увѣряя, что они приходятъ къ Скиѳамъ отъ Гиперборeевъ съ с
ней, завороченной въ пшеничной соломѣ; отъ Скиѳовъ Деліяне несут
тыню отъ народа къ народу, по направленію къ западу, пока не дости
у Адріатики наиболѣе отдаленной мѣстности и т. д. Но первоначально
словамъ Деліянъ, Гиперборeи съ священными дарами посылали двухъ дѣв
и, ради ихъ безопасности, пять мужчинъ изъ своихъ соплеменниковъ
качествѣ проводниковъ. А какъ посланныя и проводники не возвраща
Гиперборeи испугались, какъ-бы каждый разъ не постигала ихъ потер
словъ, а потому съ того времени приносятъ священные дары, завор
ные въ пшеничную солому, къ предѣламъ своей земли и настойчиво
чаютъ препровождать дары дальше, къ сосѣднему народу. Такъ-то
несимые все дальше и дальше дары достигаютъ наконецъ Дела.
доту лично извѣстенъ обрядъ, напоминающій обращеніе съ Ги
рейскою святынею: Ѳракійскія и Пеонскія женщины не обходятся безъ
ничной соломы при жертвоприношеніи Артемидѣ. Въ честь Гиперборей
дѣвушекъ, умершихъ въ Делѣ, Делійскія дѣвушки и юноши стригут
лосы, именно:—передъ свадьбой дѣвушки отрѣзываютъ себѣ локонъ и
наматываютъ его на веретено и кладутъ на могилу Гиперборeянокъ,
щавшуюся, въ Геродотово время, внутри святилища Артемиды, съ п
стороны отъ входа; на ней растетъ оливковое дерево. Делійскіе юноши
матываютъ пряди волосъ на вѣтку, и также кладутъ ихъ на могилу
борейскихъ дѣвушекъ. Имена двухъ дѣвушекъ, могила которыхъ внутр
тилища Артемиды, Гапероки и Лаодики. По словамъ самихъ Деліян
раньше этихъ двухъ пришли на Делъ, чрезъ земли тѣхъ же народов
гія двѣ Гиперборейскія дѣвушки, Арга и Опида; пришли онѣ съ дан
Ейлейѳіи, наложенною ими на себя за ускореніе родовъ Литоны,
съ самыми божествами, и удостоены были отъ Деліянъ различныхъ
стей: тамошнія женщины собирали для нихъ пожертвованія, поименно
вали къ нимъ въ хвалебномъ пѣніи, составленномъ Ликіяниномъ Оле
Отъ Гиперборейскихъ дѣвушекъ научились пѣнію Островитяне и
которые прославляютъ Опиду и Аргу. Могила ихъ находится позади
Артемиды, по направленію къ востоку, вблизи Пиршественной п
Кеіянъ; на эту могилу высыпаютъ золу сожженныхъ на алтарѣ бедр
костей. Сказаніе о Гиперборeяхъ Геродотъ заключаетъ такими словам
Гиперборeяхъ довольно. Не стану передавать басни объ Абаридѣ, ко

тается Гиперборeемъ, и о которомъ разсказываютъ, какъ онъ носилъ по й землѣ стрѣлу, и при этомъ ничего не употреблялъ въ пищу" (Геро-ъ въ переводѣ Ѳ. Г. Мищенки; книга IV, статьи 32—36). Делъ—это нъ изъ Кикладскихъ островов (тамъ-же, Ч. II, стр. 54; Указатель съ ясненіями).

Страбонъ, землеописатель-современникъ Помпея, Цицерона, Юлія Це-я, Августина и Тиберія, о Гипербореяхъ сообщаетъ самыя скудныя свѣ-ія. Доказывая, что они могли существовать (Страбонъ въ переводѣ Ѳ. Г. шенки. Москва 1879 г. стр. 61) и возражая писателямъ, указывающимъ рейскія горы въ землѣ Гетовъ (стр. 297), или въ странѣ на полночь отъ наго моря (стр. 518), не вѣритъ своимъ предшественникамъ по земле-санію (стр. 727) и самъ не указываетъ той страны, которую зеселяли полночные обитатели.

Значеніе сказаній о Гипербореяхъ для нашей страны вообще много-менательно въ самомъ баснословіи. Оно, на нашъ взглядъ, драгоцѣнно ля всей Европы,—уясняя братство первонасельниковъ ея, въ связи съ ими данными народовѣдѣнія, къ которымъ мы обратимся въ своемъ тѣ.

Драгоцѣннѣйшія изъ ихъ всѣхъ, Греческихъ и Византійскихъ писателей вности, свѣдѣнія о нашемъ отечествѣ и о странѣ Ильменской принадле-ъ Геродоту; они обнимаютъ насельниковъ всѣхъ земель современной опейской Россіи и Средне-Азіатской; Сибири Геродотъ касается слегка, пересказамъ,—и то лишь пріуральской, ближайшей къ землѣ Югры.

Ѳ. Г. Мищенко къ переводу Геродота приложилъ подробный указатель инъ и предметовъ, съ обстоятельными примѣчаніями,—такъ что чтеніе а бытописаній облегчается и упрощается. Потому, и въ виду первосте-ной важности Геродотовыхъ сказаній, мы сдѣлаемъ подробныя выписки перевода г. Мищенка, чтобы по нимъ члены нашего Общества, близко комые съ описываемыми Геродотомъ мѣстностями, какъ современные тели, могли уяснить недомолвки, или ошибки, естественныя въ трудѣ сателя иноземнаго, повѣствующаго о странахъ отдаленныхъ не по непо-дственнымъ наблюденіямъ, а по словамъ другихъ,—говоря языкомъ Нов-одцевъ древняго времени,—видоковъ, или послуховъ.

Вся наша русская земля извѣстна Геродоту подъ именемъ Скиѳіи; го-дствующее населеніе ея *Скиѳы*. Насколько правильно читали Геродотовы ва ближайшіе къ нему по времени писатели Греческіе и Римскіе,—чи-ли-ли они рукопись самого повѣствователя, или только списки съ под-нника въ измѣненномъ и—умѣло, или неумѣло—дополненномъ видѣ,—мы знаемъ. Неизвѣстно также намъ, какъ произносились Греками VI—V вѣ-къ до Р. Х. звуковые знаки ихъ языка, каждый отдѣльно и въ соеди-ніи двухъ трехъ согласныхъ вмѣстѣ. Руководствуясь указаніями нашихъ нихъ рукописей, обозначавшихъ звуки живой народной рѣчи во мно-ъ несходно съ пріемами письма, употребляемыми въ настоящее время, стя семь—восемь вѣковъ послѣ Остромірова Евангелія и еще менѣе слѣ Евангелія Мстиславова, Изборника Святослава и проч., можно съ

нѣкоторою вѣроятностію заключить, что и Греки, и всѣ другіе, оста
много письменныхъ памятниковъ звуковичнаго порядка, образованн
роды, совершенствовались какъ въ словосоставленіи и слогообраз
такъ и въ способахъ написанія отдѣльныхъ слоговъ и цѣльныхъ сл

Вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ произносить Геродотово Σκύθ
какіе звуки онъ выразилъ и хотѣлъ выразить этимъ начертаніемъ,
уже давно. Еще Баеръ высказывалъ, что подъ Скиѳами Геродота
разумѣть Чудь (Карамзинъ, Ч. I, примѣч. 73); такого же мнѣнія
языковѣдъ Раскъ, славистъ Шафарикъ, упомянутый Виленскій Про
Э. И. Эйхвальдъ и др. но есть и ярые противники этого мнѣнія;
вимся на одномъ, высказавшемся не такъ давно. Профессоръ А. А.
ревскій, возражая противъ нѣкоторыхъ положеній статьи Эйхвал
древностяхъ Заволочской Чуди Печорскаго края", приводитъ, по
мнѣнія Эйхвальда о тожествѣ Греческаго „Скифъ" и Славянскаго „Щудь,
замѣчаніе Нѣмецкаго языковѣда, Якова Грима, дѣлая это тѣмъ охот
вполнѣ его раздѣляемъ: „Такъ какъ между Славянами звуки не по
закону перебоя,—то, даже допустивъ переходъ σκ въ *щ*, *ч*,—подоз
нымъ остается переходъ ϑ въ *д*; еще невѣроятнѣе думать, чтобы
которымъ сосѣди Славяне обозначили не Скиѳскихъ Финовъ, получ
томъ у Грековъ общую силу и употребленіе, для наименованія д
Скиѳовъ. Гораздо вѣроятнѣе старинное производство имени Скиѳъ
мецкаго (Sic!) корня skiutan=jaculari, отъ употребленія копья и
всѣхъ Скиѳовъ, подобно тому, какъ и многія Нѣмецкія племена наз
по оружію" (Древности. Археолог. вѣстн. Моск. Археолог. Общ.
1867 г. Май—Іюль; стр. 111). Каковъ-бы ни былъ законъ перебо
навливаемый знаменитымъ языковѣдомъ,—но онъ не отмѣняетъ д
произношенія греческаго ϑ, какъ русское *ѳ* и какъ *т*. Если воз
переходъ σκ въ *щ* или *ч*,—съ остальными совладать уже не труд
ческое υ произносится какъ наши *ю* и *и*—по Эразмову и Рей
произношеніямъ,—русскіе звуки, соотвѣтствующіе знакамъ *т* и *д*
очень близки,—а въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ эта близость равняет
звучности обоихъ,—напримѣръ въ словахъ: лодка, дудка, будка,
жутко, сутки, судки (посуда, въ которой носятъ кушанье)—и пр
сколько трудно уловима въ этихъ—и во множествѣ другихъ подоб
словахъ разница между *т* и *д*—стоитъ только посмотрѣть на
чистокровныхъ русскихъ учениковъ младшаго возраста, или склад
художественно изложенныя письма и повѣсти развитыхъ, вполнѣ
русскихъ людей, мало ученыхъ правописанію въ дѣтствѣ. Стало-бы
ничего удивительнаго, если ученый Грекъ, слыша чужеязычный го
могъ отличить въ немъ тонкости звуковъ, соотвѣтствующихъ гре
ϑ и δ?. Причемъ тутъ законъ Примовскаго перебоя? Если мы буд
тать υ какъ наше *и*, а η тоже какъ *и*, получимъ *Чиди*,—Китайс
именованіе рыжеволосаго, голубоглазаго племени, жившаго въ Си
если υ примемъ за *ю*, а η за *е*, будемъ имѣть вмѣсто Скиѳовъ
или *Чюди*, *Чюдь*, какъ значится въ древнихъ письменныхъ памят

згородскаго происхожденія наименованіе сосѣдей и союзниковъ Ильмен-
ъ, а въ Архангелогородской лѣтописи—и самихъ Новгородцевъ.

Великіе естествовѣды Ламаркъ и Дарвинъ, подмѣтившіе законы проис-
кденія видовъ во всемъ, что растетъ и движется на землѣ, вызвали длин-
й рядъ послѣдователей и продолжателей наблюденій надъ явленіями при-
ды въ осязуемомъ и духовномъ отраженіи могучихъ силъ ея. Много вы-
азано уже глубокомыслія и остроумія въ этой чудной области человѣче-
ихъ знаній. Людской говоръ не чуждъ также, по недавнимъ наблю-
діямъ, воздѣйствія на него Ламарко-Дарвиновскаго закона: Французскій
ный Э. Ферьеръ указалъ цѣпь сродства своего языка съ Латинскимъ и
нскритскимъ, строго слѣдуя этому закону; по его изысканіямъ—Санскрит-
е слово „Spas" оказывается родоначальникомъ французскимъ—espion,
cier, evêque; Санскритское „Spas" значитъ: видѣть, изслѣдовать; фран-
скія же: — espion=шпіонъ; epicier=торговецъ-бакалейщикъ;—evêque=
скопъ;—отъ Латинскаго—dies=день—произошло французское jour, jour-
—изъ Латинскаго же ego=я—образовалось французское—je (Дарви-
мъ. Э. Ферьера, русскій переводъ М. Шишмарева. С.-Петербургъ 1892 г.;
. 104—111). Подобныя превращенія словъ въ долговѣчномъ говорѣ обу-
вливаются тѣми же причинами, которыя поднимаютъ ростъ и духовное
витіе народа, и подчиняются тѣмъ же Ламарко-Дарвинскимъ законамъ;
довательно въ мнѣніяхъ названныхъ ученыхъ: Раска, Шафарика, Баера,
вальда и другихъ, сложившихся самостоятельно, внѣ вліянія ученія о
исхожденіи видовъ, выработаннаго послѣ ихъ наблюденій, нѣтъ произ-
а, равносильнаго пророческому изреченію Якова Грима. Для нашей Иль-
ской страны вопросъ о тожествѣ Скиѳовъ и Чуди представляется вопро-
ъ первой важности, вызывающимъ наиболѣе подробное разсмотрѣніе его
всѣхъ сторонъ. Поэтому здѣсь, въ статьѣ о населеніи нашей страны
древнелѣтописные вѣка, мы приведемъ выписки изъ сказаній Геродота
Страбона о Скиѳахъ и ближайшихъ сосѣдяхъ и современникахъ ихъ, чтобы
последнемъ отдѣлѣ сопоставить содержимое выписокъ съ бытовыми ос-
ками, до сихъ поръ собранными, въ земляхъ Скиѳіи этихъ писателей.

Геродотова Скиѳія.

Страна, описанная Геродотомъ подъ именемъ Σκυθίη Σκυθική—зани-
ла обширное пространство Европейской Россіи, соотвѣтствующее, приблі-
тельно, нынѣшнимъ землямъ: Бессарабіи, Херсонской, Екатеринославской,
врической, Подольской, Полтавской, Кіевской, Черниговской, Курской и
онежской; кромѣ того она имѣла большіе участки въ Азіи, по ту сто-
у Уральскаго хребта, гдѣ нынѣшнія Оренбургскія земли, и, временно, въ
ченіи 28 лѣтъ, около 639 г. до Р. Х. въ Мидіи (книга I, статьи: 15,
3, 107; книга IV, статьи: 1, 3, 4, 12, 17, 21, 47, 57, 99, 100 и
1);—она безлѣсна, за исключеніемъ Гилеи (книга IV, ст. 18 и 19),
имавшей область на лѣвомъ берегу Днѣпра, близко устья;—вообще

Киммеріяне, уходя отъ Скиѳовъ—въ Азію, поселились сперва на полуостровѣ, на которомъ былъ, при Геродотѣ, Еллинскій городъ Сн Скиѳы погнались за ними, но сбились съ пути и попали въ Мидію; меріяне бѣжали постепенно вдоль моря, а преслѣдователи ихъ держ правой стороны Кавказа, пока не вторглись въ Мидію,—а отсюда, гнавъ Киммеріянъ, свернули внутрь материка (кн. IV, статья 12). М встрѣтили Скиѳовъ съ оружіемъ въ рукахъ, но были разбиты пришел и уступили имъ господство надъ этою частью Азіи.

Изъ Мидіи Скиѳы пошли въ Египетъ чрезъ Палестинскую Сирію: въ Сиріи, Египетскій царь, Псамметихъ, встрѣтилъ ихъ и удержал дальнѣйшаго движенія просьбами и дарами.

Когда, на обратномъ пути, Скиѳы были въ Сирійскомъ городѣ лонѣ, большинство ихъ пошло дальше, не трогая города; немногіе же лись тутъ и ограбили храмъ Небесной Афродиты, за что были наказ какъ сами грабители, такъ и потомство ихъ—женскою болѣзнью; и зываютъ Енареями.

Владычествовавъ въ Азіи въ теченіе 28 лѣтъ, Скиѳы своими и ствами и буйствомъ раззорили и опустошили занятую ими страну; того, что съ каждаго народа взимали ими самими наложенную дан пришельцы совершали еще набѣги и грабили все, что тотъ или друг родъ имѣлъ. Царь Мидійскій пригласилъ однажды Скиѳовъ на пир дяне ихъ напоили и, по приказанію царя Кіаксара, перебили, из страну свою отъ пришельцевъ. Это было около 600 лѣтъ до Р. Х. статьи 103—106).

Много подробностей Геродотъ сообщаетъ о походѣ Дарія на С въ четвертой книгѣ; о нихъ мы укажемъ въ дальнѣйшемъ изложен извѣстій. Здѣсь же замѣтимъ, что по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Е скими жрецами,—царь Сезострисъ ходилъ изъ Египта въ Европу 1386 и 1322 гг. до Р. Х., гдѣ покорилъ, въ числѣ другихъ народ Скиѳовъ (кн. II, статья 103).

Отводя Скиѳіи обширную страну, нашъ повѣствователь говорит Скиѳы названы этимъ именемъ Еллинами, общее же ихъ прозваніе лоты" (книга IV, статьи 5—11), и что Скиѳія дѣлится на Азіат Европейскую. Къ обитателямъ первой онъ относитъ Саковъ, или С Амиргійскихъ, участвовавшихъ въ войнахъ Ксеркса. Нарядъ ихъ сост войлочная остроконечная шапка, стоявшая прямо, и штаны; воор были бактрійскими луками, короткими мечами и сѣкирами. Жили С горахъ, на полночь къ востоку отъ Бактріи (кн. I,—53; VII,—64; 113). Европейскую Скиѳію населяли какъ Скиѳы, такъ и другіе Скиѳы дѣлятся на царскихъ, кочевниковъ и земледѣльцевъ-пахарей.

Царскія Скиѳы занимали страну по ту сторону Герра, простир юся на востокъ до торжища на Меотійскомъ озерѣ, называемаго Кре и до рва, выкопаннаго ослѣпленными рабами Скиѳовъ,—а на полд Таврики; частію владѣнія царскихъ Скиѳовъ доходятъ и до Тана

ъ восточномъ направленіи; на полночь отъ нихъ живетъ народъ не Скиѳскій (кн. IV, статья 20).

Рѣка Герръ признается объяснителями Геродота за одинъ изъ притоковъ Днѣпра слѣва, отдѣляющійся, приблизительно, у устья Самары и круто поворачивающійся на полдень, а за тѣмъ на востокъ. Ѳ. Г. Миленко полагаетъ, что въ имени Герръ смѣшано нѣсколько рѣкъ, каковыми могутъ быть; Самара (притокъ Днѣпра) и текущія въ Азовское море: Донецъ, Конскія воды, Молочная—съ ихъ притоками, и другія. Таврика—это Крымъ. Кремны соотвѣтствуютъ нынѣшнему Ногайску на Азовскомъ морѣ, которое есть Геродотово Меотійское озеро. Танаида—нынѣшній Донъ. Въ широкомъ рвѣ слѣпыхъ рабовъ видятъ—или мѣстность около Перекопскаго перешейка, или тотъ проливъ, который лежитъ на востокъ отъ Керченскаго полуострова, западною границею имѣющаго прямую между Ѳеодосіею и Арабатомъ.

Скиѳы кочевники отдѣлены отъ царскихъ рѣкою Герромъ; они живутъ на западномъ берегу Меоиты. Вмѣстѣ съ царскими—держали въ зависимости различныя племена не Скиѳскія, сидѣвшія въ нынѣшней полуденной Россіи. Вообще Геродотовы сказанія о кочевникахъ и царскихъ Скиѳахъ недостаточно вразумительны (кн. IV, статьи 28, 56, 57 и 100); ими могли быть и тѣ, которые заняли Мидію и опять вернулись въ Европу.

Пахари и земледѣльцы представляются не одинаковыми по назначаемымъ тѣмъ и другимъ землямъ, хотя близкими по осѣдлости своей. О пахаряхъ Геродотъ говоритъ такъ: Отъ торговаго города Борисѳенеитовъ, представляющаго средину всей приморской Скиѳіи, первыми живутъ Каллипиды, то Еллины-Скиѳы; выше ихъ—другой народъ—Алазоны; какъ эти послѣдніе, такъ и Каллипиды—во всемъ ведутъ одинаковый съ Скиѳами образъ жизни, но они сѣютъ хлѣбъ и употребляютъ его въ пищу; ѣдятъ также лукъ, чеснокъ, чечевицу и просо. Надъ Алазонами обитаютъ Скиѳы-пахари, сѣющіе хлѣбъ не столько для питанія, сколько на продажу (кн. IV, ст. 17).

Городъ Борисѳенеитовъ есть Ольбія, или Ольвія; она находилась на берегу Чернаго моря, близъ устья Буга, между нынѣшними городами Николаевомъ и Очаковомъ, гдѣ теперь село Ильинское-Парутино.

Земледѣльцы занимали область по ту сторону Днѣпра, на востокъ отъ того, надъ лѣсистою Гилеею, пространствомъ на три дня пути въ восточномъ направленіи, до рѣки Пантикапы, а на полночь, вверхъ по Днѣпру, на одинадцать дней. Выше ихъ лежитъ обширная пустыня (книга IV, статья 18).

Пантикапою считаютъ рѣку Конку, по соединеніи ея съ Самарою.

Изъ всѣхъ Скиѳовъ храбрѣйшіе и многочисленнѣйшіе—царскіе, почитающіе прочихъ своими рабами.

Пространство Скиѳіи опредѣлилось-бы ясно, если-бы рѣки, которыми раздѣлилъ эту страну Геродотъ, получили точное, сравнительно съ нынѣшними, направленіе и не возбуждали сомнѣній въ даваемыхъ имъ изслѣдователями современныхъ наименованіяхъ. Геродотъ пишетъ: Число протека-

ющихъ чрезъ Скиѳію рѣкъ развѣ немного меньше числа каналовъ Египтѣ. Затѣмъ перечисляются болѣе значительныя и судоходныя для плавцовъ, которые идутъ отъ моря (Чернаго), въ такомъ порядкѣ:

Истръ=Дунай,—съ притоками протекающими чрезъ Скиѳію: *По тою* — по-скиѳски; по-еллински она зовется *Пиремъ*; — *Тіарантъ Араромъ, Напарисомъ и Ордессомъ.* Пора та—это нынѣшній Прутъ Тіарантъ—неизвѣстенъ изслѣдователямъ подъ современнымъ именемъ Араромъ считаютъ—теперешній Середъ; Напарисъ и Ордессъ вливались Геродотово время въ Дунай въ промежуткѣ между Тіарантомъ и С томъ; Ѳ. Г. Мищенко думаетъ однако, что Ордессъ—тоже Серетъ; в ятно этотъ Ордессъ пересохшій притокъ Серета. Слѣдуетъ отмѣтить, въ числѣ притоковъ Дуная Геродотъ называетъ Кій; о немъ скажемъ н

Тира=Днѣстръ; течетъ съ полночи изъ большого озера,—но како Геродотъ не называетъ. Близъ устья этой рѣки живутъ Еллины, наз емые Тиритами.

Гипанисъ=Бугъ; также вытекаетъ изъ большого озера, вокругъ кото находятъ себѣ пастбище дикія бѣлыя лошади. По выходѣ изъ этого о Гипанисъ имѣетъ, на протяженіи пяти дней пути, хорошую прѣсную (сладкую по Геродоту); но далѣе впадаетъ въ него, сравнительно неб шой горькій ручей,—начиная отъ котораго и до самаго моря вода тоже горька; имя ручья и области, чрезъ которую онъ протекаетъ „Ки пай", а по-еллински—Священные Пути; ручей составляетъ границу мель—Скиѳовъ-пахарей и Алазоновъ. Тира и Гипанисъ, т. е. Днѣстр Бугъ, сближаются своими излучинами подлѣ земли Алазоновъ.

Борисѳенесъ=Днѣпръ. Рѣка эта самая богата полезными про деніями между всѣми, извѣстными Геродоту рѣками, кромѣ Египет Нила; она доставляетъ роскошнѣйшія пастбища для скота, превосходнѣй и въ изобиліи рыбу, одинъ видъ ея—огромныхъ размѣровъ, безъ позвоно столба,—это „Антакая"—порода осетра. До мѣстности Герра, куда сорокъ плаванія, Борисѳенесъ течетъ съ полночи; страны, по которымъ онъ ходитъ до этой мѣстности,—никому невѣдомы; несомнѣнно только, ч области Скиѳовъ земледѣльцевъ онъ протекаетъ чрезъ пустыню, а С живутъ около него на десять дней пути. Вдоль Борисѳенеса тя превосходныя пахатныя поля, или растетъ очень высокая трава по стамъ, не засѣваемымъ хлѣбомъ; вода рѣки пріятна на вкусъ и чис тогда какъ рядомъ съ нею текущія—мутны; въ устьи сама собою собир соль. Близъ моря въ Борисѳенесъ впадаетъ Гипанисъ; на оконечности между обоими рѣками, называемой Гипполая (теперь Станиславъ)—с лище Деметры. По ту сторону святилища, при Гипанисѣ, живутъ Бор пеиты.

Пантикапа=Самара и Конка,—предположительно. Выходитъ изъ о направленіе съ полночи; входитъ въ лѣсистую Гилею, протекаетъ ч нее и сливается съ Борисѳенесомъ. Пространство между Пантикапо Днѣпромъ занимаютъ Скиѳы земледѣльцы.

Гипакирисъ=Молочная (Ѳ. Г. Мищенко), выходитъ изъ озера; течемъ своимъ раздѣляетъ землю Скиѳовъ кочевниковъ пополамъ,—впадаетъ море подлѣ города Каркинитида, лежавшаго у Перекопскаго залива, или мешида; правымъ берегомъ граничитъ съ Гилеею

Послѣ Гипакириса слѣдуетъ и Геродота *Герръ*, о которой мы сказали льше.

Послѣднею Скиѳскою рѣкою названъ *Танаидъ*=Донъ; течетъ сверху ъ большого озера и впадаетъ въ другое, еще большее, именуемое *Меидою* (Азовское море),—отдѣляющею царственныхъ Скиѳовъ отъ Савромавъ. Въ Танаидъ впадаетъ рѣка, по имени *Гиргисъ*; это, по мнѣнію объяителя Геродота, вѣроятно нынѣшній Донецъ (кн. IV, ст. 47—58).

Изслѣдователи разводятъ Скиѳовъ по всѣмъ названнымъ рѣкамъ, такъ: парей и земледѣльцевъ—по Днѣстру, Бугу и Днѣпру;—кочевниковъ—между ларою и нижнимъ теченіемъ Донца; быть-можетъ они же сидѣли и по кнему Дону;—царскихъ—по нижнему теченію послѣдне-названныхъ рѣкъ, ю западному побережью Азовскаго моря и Таврическаго полуострова ымъ);—это первая часть ихъ;—другая, меньшая, Азіатскіе царскіе ѳы,—занимала, приблизительно нынѣшнія Оренбургскія земли, должноть по рѣкѣ Уралу.

Для изысканій о насельникахъ Ильменской страны преобладающую—ность представляютъ Скиѳы-пахари и земледѣльцы, сидѣвшіе въ Поднѣвьи, какъ сами по себѣ, такъ и особенно по сосѣдямъ, которыхъ Геро-ъ описываетъ, хотя не по личнымъ своимъ наблюденіямъ, а по разска-ъ очевидцевъ, представляющимся повѣствователю, въ большей части, луживающими довѣрія.

Мы видѣли невдалекѣ отъ торговаго города Борисѳенеитовъ, Ольбіи, *лиипидовъ*, т. е. Еллино-Скиѳовъ,—а надъ ними,—вѣроятно въ полночъ направленіи, *Алазоновъ*.

Надъ Алазонами жили пахари (кн. IV, ст. 17); а этихъ пахарей сеъ по Днѣстру и другимъ двумъ рѣкамъ, слѣдовательно Алазоны запили участокъ близъ моря; но Ѳ. Г. Мищенко отводитъ имъ мѣстность въ единѣ нынѣшнихъ земель—Кіевской и Подольской.

Отъ Дуная же, внутрь материка, стало-быть на полдень,—сосѣдями ѳовъ были *Агаѳирсы* (кн. IV, ст. 100).

Надъ пахарями, все въ томъ же полночномъ направленіи, жили *Невры* мъ-же). Они не Скиѳы, хотя нравы имѣли Скиѳскіе; управлялись своимъ ремъ (тажъ-же, статьи 102 и 105); земля ихъ обширна; она занимала остранство сряду послѣ страны Агаѳирсовъ, сидѣвшихъ въ нижнемъ теіи Дуная (тамъ-же, ст. 100), до истока Днѣстра или до большого озера, ощаго ему начало и лежащаго на границѣ между Скиѳіей и Невридою 51), между Днѣстромъ и Днѣпромъ, и по Днѣпру—вдоль Гипариса лочная и Самара). На полночь отъ Невровъ пустыня (ст. 17).

Надъ земледѣльцами, сидѣвшими въ полночномъ направленіи, какъ уже ѣчено, вверхъ по теченію Днѣпра на одинадцать дней, простиралась обрная пустыня, а за нею, въ томъ же полночномъ, или восточно-полноч-

номъ направленіи, жили *Андрофаги*, народъ особенный, вовсе не Ск
еще выше,—слѣдовательно полночнѣе Андрофиловъ,—настоящая пу
не живетъ тамъ, какъ мы знаемъ, говоритъ Геродотъ, ни одинъ
(статья 18).

На полночь отъ царскихъ Скиѳовъ—то есть, примѣрно, за
отъ устья р. Самары, гдѣ она впала въ Днѣпръ, и до р. Дона, и
нынѣшняго Ново-Московска до Калача,—пристани Дона,—сидятъ *М*
лены, такой-же, особый, какъ Невры и Адрофаги, не Скиѳскій
Выше Меланхленовъ лежатъ озера и безлюдная пустыня (ст. 20).

Итакъ, по Геродоту, на полночь отъ Невровъ, Андрофаговъ и М
леновъ разстилалась обширная пустыня. По положенію рѣкъ, объясн
изслѣдователями, эта пустыня соотвѣтствуетъ, въ направленіи на за
Пинской низменности,—а на востокъ—степной полосѣ нынѣшней Ро

Доводя границу царскихъ и кочевыхъ Скиѳовъ до праваго берег
(гдѣ Калачъ), Геродотъ пишетъ: По ту сторону Танаида (Дона) нѣтъ
Скиѳіи; первая изъ тамошнихъ,—Задонскихъ,—областей принад
Савроматамъ, которые занимаютъ пространство на пятнадцать дней
начиная отъ угла Меотійскаго озера (Азовское море) по направле
полночи (ст. 21).

Надъ Савроматами живутъ *Будины*, занимающіе второй уч
земли, весь покрытый густымъ разнороднымъ лѣсомъ. Сосѣдями Бу
Геродотъ называетъ *Гелоновъ*, Елиновъ по происхожденію (ст. 102).

Выше Будиновъ, на полночь отъ нихъ, лежитъ, прежде всего, пу
на протяженіи семи дней пути, а за пустынной, больше въ восто
направленіи, живутъ *Ѳиссагеты*, также народъ особый и многол
средства къ жизни добываютъ охотой.

Въ смежности съ Ѳиссагетами, на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ,
Іирки, охотники же (о Ѳиссагетахъ и Іиркахъ, ст. 22).

Надъ Ѳиссагетами и Іирками, все въ восточномъ направленіи,
другіе Скиѳы, прибывшіе въ эту мѣстность по отдаленіи отъ царствен
(тамъ-же). Этихъ Скиѳовъ наши повѣствователи называютъ *Бѣглецо*

Вся страна Скиѳовъ, до занятой отдѣлившимися отъ царствен
черноземна и представляетъ равнину (статья 23); въ землѣ Ѳисса
берутъ начало четыре рѣки, впадающія въ Меотиду: Ликъ, Оаръ, Т
и Сиргисъ (ст. 125). О первой рѣкѣ изслѣдователи Геродота не
объясненій, такъ что существуетъ-ли она теперь, гдѣ, и подъ каки
званіемъ—неизвѣстно. Въ Оарѣ видятъ Волгу, о которой Геродотъ
самыя смутныя свѣдѣнія, какъ и вообще о направленіи большинства
ваемыхъ имъ рѣкъ Европейскихъ и Азіатскихъ. Если соединить об
рѣки, мы получимъ Оарликъ, или Орликъ, небольшой притокъ Оки в
немъ ея теченіи, на которомъ расположенъ городъ Орелъ. Положеніе
Ѳиссагетовъ Геродота не найдетъ въ нашей догадкѣ противорѣчія. Тава
это Донъ. Въ названіи рѣки Сиргисъ видятъ ошибку переписчика и
лагаютъ читать Иргисъ, подъ которымъ разумѣютъ Донецъ. Не имѣя
ваній вступать въ споръ съ учеными толкователями Геродота, м

мъ, однакожъ, что притокъ Волги съ лѣвой стороны, Иргизъ, впада-
й въ царицу нашихъ рѣкъ противъ города Вольска, звучитъ совершенно
аково съ Геродотовымъ Иргисомъ; земля въ этой мѣстности и ровна и
аточно черноземна, чтобы по ней пройти Сиргису или Иргису. Смутное
маніе теченія Волги и другихъ рѣкъ и введеніе названныхъ четырехъ
Азовское море—не будетъ большимъ препятствіемъ и въ этой второй
ей догадкѣ.

За страною Ѳиссагетовъ, Іирковъ и Скиѳовъ-бѣглецовъ начиналась
я каменистая и неровная. Если пройти значительную часть этой не-
ой земли, говоритъ Геродотъ,—то встрѣтимся съ обитателями подножья
кихъ горъ; всѣ они, по словамъ знающихъ ту страну, какъ мужчины,
и женщины, плѣшивы отъ рожденія, плосконосы и съ большими челю-
и; языкъ у нихъ особый; одѣваются по-скиѳски, а питаются плодами
ьевъ, предпочтительно одного,—понтака,—такой же почти величины,
фиговое. Плодъ этого дерева, похожій на бобы, содержитъ въ срединѣ
; когда созрѣетъ, его давятъ; вытекающій сокъ процѣживаютъ; онъ
ъ; изъ густой части приготовляютъ лепешки и ѣдятъ ихъ, а жидкій
лижутъ, или пьютъ, смѣшавъ съ молокомъ: жидкость называютъ
. Народъ этотъ, плѣшивые, именуется *Аргиппаи* (ст. 23).

Страна къ востоку отъ Аргиппаевъ населена *Исседонами*. Этотъ на-
послѣдній изъ далекихъ обитателей, извѣстныхъ путешественникамъ
24 и 25).

Кто посѣщаетъ страну Аргиппаевъ, тотъ пользуется для своихъ дѣло-
сношеній семью переводчиками и семью языками. О нихъ и объ
донахъ знаютъ только Скиѳы.

Какіе народы заселяютъ страны выше Аргиппаевъ и Исседоновъ,—то
въ направленіи къ полночи, извѣстно только этимъ людямъ, такъ что
ѣнія получаются только отъ нихъ. По разсказамъ Аргиппаевъ горы, у
ожія которыхъ они живутъ, заняты народомъ съ козлиными ногами,—а
атели странъ еще болѣе полночныхъ спятъ въ теченіе шести мѣся-
; Геродотъ этому не вѣритъ; — по словамъ Исседоновъ выше ихъ
аютъ одноглазые люди и стрегущіе золото *Грифы*. Одноглазые назы-
тся *Аримаспами*. „Арима" по-скиѳски значитъ одинъ, а „спу"—глазъ
27). Не отражается-ли въ сказаніи объ Аримаспахъ, стрегущихъ зо-
Грифахъ и о людяхъ спящихъ полгода, наше присловіе народное:
въ одномъ глазу сна нѣтъ"—или „спитъ однимъ глазомъ?". О Гипер-
ихъ, заселявшихъ окраину полуночья Европы и Азіи, мы уже сказали.

Слѣдуетъ, для полноты свѣдѣній о Скиѳахъ, привести Геродотовы ска-
: а) о *Массагетахъ*, принимаемыхъ нашими учеными за предковъ
шнихъ Киргизовъ, хотя можно видѣть въ нихъ и упомянутыхъ уже
въ. Они, по Геродоту, отличны отъ Скиѳовъ, хотя образъ жизни во-
ведутъ Скиѳскій; по мнѣнію же современниковъ писателя, нѣкоторыхъ,
агеты—народъ Скиѳскій. Они многочисленны и воинственны; живутъ
остокѣ, по ту сторону Аракса, противъ Исседоновъ. Араксомъ Геро-
называетъ въ этомъ мѣстѣ своихъ сказаній Волгу,—а быть можетъ

и Уралъ;—послѣдній ближе, по созвучію, къ Араксу,—или Аму-Д
Сыръ-Дарью,—наконецъ совсѣмъ сходенъ съ этою рѣкою Кавказ
Араксъ. Поэтому вопросъ о землѣ Массагетовъ остается открытым
спорно лишь положеніе ея въ Азіи. Отождествленіе Аракса съ Волг
жетъ имѣть основаніе въ слѣдующихъ словахъ Геродота: „одни го
что Араксъ больше Истра,—другіе,—что меньше". Самыя же больш
Европы—Дунай (Истеръ) и Волга. Кавказскій Араксъ былъ, вѣроят
рошо извѣстенъ Грекамъ. Раньше мы привели догадку Профессор
вальда о связи между Массагетами и названіемъ одной Уральской
„Міасъ". Объ этомъ народѣ Геродотъ сообщаетъ нѣсколько подробно
поводу войны съ ними Кира, около 550 лѣтъ до Р. Х. (кн. I, ст.
216). Въ странѣ Массагетовъ обиліе золота и мѣди, но нѣтъ се
желѣза. Массагеты отличные наѣздники и владѣютъ лукомъ въ сов
ствѣ, сражаются верхомъ и пѣшіе; во время войны съ Киромъ
была царицею Томирисъ, вдова умершаго царя. Массагеты одолѣли
и Киръ былъ ими убитъ, въ царствованіе Тамирисы (тамъ-же)
Ѳракіянахъ, страна которыхъ была, во времена Даріева похода въ
погранична съ одной стороны съ нею, а съ другой—съ Македоніею
IV, ст. 89 и 99) и о Гетахъ, племени Ѳракійскомъ, занимавшемъ
сосѣднюю съ Скиѳіею (таже книга статьи 93—97, и 118; и кн
статьи 3 и 4).

Бытовыя особенности Скиѳовъ. Для изысканій о населеніи
Ильменской страны, въ древнелѣтописныхъ предѣлахъ ея, не послѣдн
ченіе имѣютъ Геродотовы извѣстія о Скиѳахъ Азіатскихъ, а пре
ственное о не Скиѳахъ, сидѣвшихъ въ лѣсистой мѣстности, Будинахъ
нахъ, а также о Неврахъ. Сказанія о Скиѳахъ Азіатскихъ, какъ у
въ своемъ мѣстѣ, даютъ основанія видѣть въ нихъ, а по нимъ и во
вообще Скиѳахъ, Чудь. О значеніи Будиновъ, Гелоновъ и Невровъ уж
зано нѣсколько.

Геродотъ сохранилъ намъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о нравахъ и об
Скиѳовъ и не Скиѳовъ, занимавшихъ землю нынѣшней Россіи и со
народовѣды допрашиваютъ въ настоящее время ископаемые остат
дей незапамятной древности; мы, съ своей стороны, тоже попытаем
просить подобные остатки, собранные въ нашей странѣ. Чтобы по
точный отвѣтъ на всякій вопросъ вообще, надобно чтобы для вопрос
былъ вполнѣ ясенъ вопросъ; а чтобы предлагать ископаемымъ ост
вопросы, необходимо ознакомиться, хотя поверхностно, съ нравами
чаями народовъ, населявшихъ двѣ съ половиною тысячи лѣтъ наза
землю, изъ подъ наслоеній которой извлекаются время отъ времени
наемые свидѣтели. Поэтому приведемъ здѣсь извѣстія Геродота о н
и обычаяхъ перечисленныхъ выше и другихъ народовъ.

Хотя собственно Европейскіе Скиѳы сидѣли въ Геродотово вре
леко отъ Ильменя и Волхова, но если они и Чудь одно и тоже,—
миновать извѣстій о ихъ нравахъ и обычаяхъ, тѣмъ болѣе, что, во
народъ этотъ былъ многочисленъ и передвигался, подъ именемъ кочев

ѣста на мѣсто, и во 2-хъ—въ Черноморскомъ побережьи и въ земляхъ чертою, которую мы провели отъ Новомосковска къ Калачу, сдѣлано раскопокъ кургановъ, обогатившихъ народовѣдѣніе; въ Ильменской транѣ раскопки ждутъ еще рукъ мѣстныхъ почитателей древности, въ членовъ нашего Общества, для которыхъ не лишнимъ будетъ знатво, на случай раскопокъ кургановъ, съ нравами и обычаями Скиѳовъ, вившимися въ ископаемыхъ находкахъ занятой ими въ Геродотово время денной Россіи. Сверхъ того, въ задачу народовѣдѣнія входятъ, кромѣ каній объ ископаемыхъ остаткахъ, и другія, не менѣе, если не болѣе— ыя изысканія же объ остаткахъ духовной природы человѣка, переходяъ отъ потомства къ потомству, переживающихъ тысячелѣтія и отражаюся въ современной намъ жизни въ видѣ повѣрій, предразсудковъ, обыь, семейной жизни и проч. и проч. Доискаться корня подобныхъ еспособныхъ бытовыхъ остатковъ, подойдя прямо къ первоначальному нику ихъ—значитъ найти нить, связующую настоящее съ недосязаемо имъ прошедшимъ—и путь, который прошелъ бытовой остатокъ отъ дителя къ нашему современнику—и племя, давшее ему жизнь.

Объ упомянутой численности Скиѳовъ Геродотъ сообщаетъ любопытное тіе; онъ знаетъ два мнѣнія:—одно, что Скиѳовъ очень много, и дручто собственно ихъ мало; однако вотъ что ему сказали: въ мѣстноЕксампай стоитъ мѣдный сосудъ, свободно вмѣщающій въ себѣ шестьамфоръ; а толщина его шесть пальцевъ; онъ вылитъ изъ наконечъ стрѣлъ, принесенныхъ, по приказу царя Аріанта, желавшаго узнать нность своихъ подданныхъ, по одному—каждымъ Скиѳомъ (ст. 81). ра это сосудъ, похожій на Новгородскіе узкогорлые голосники, съ я ручками; въ него входитъ девяносто фунтовъ жидкости (амфора рав ся μετρητης, а эта мѣра жидкостей=γόες, или 144 κοτύλη,—каждый которыхъ вмѣщаетъ 7½ унцій); значитъ чаша имѣла емкость до 0 пудовъ воды;—мѣдные же наконечники Скиѳскихъ стрѣлъ вѣсятъ, дый, не болѣе двухъ золотниковъ (Археологич. вѣстн. 1867 г., выпускъ статья Максимовича: Украинскія стрѣлы, стр. 204—219).

Обычаи Скиѳовъ царственныхъ и кочевниковъ. Геродотъ близко омъ съ царственными, или царскими Скиѳами, и съ кочевниками; тѣхъ угихъ онъ могъ наблюдать лично,—о прочихъ же свидѣтельствуетъ по казамъ путешественниковъ и торговцевъ, имѣвшихъ съ ними сношенія. ому черты нравовъ Скиѳовъ всѣхъ вообще заимствованы Геродотомъ, сей вѣроятности, у царскихъ и кочевниковъ.

Скиѳы народъ воинственный, пренебрегающій ручнымъ трудомъ; благоими считаютъ только тѣхъ, которые знаютъ лишь военное дѣло (книга т. 167); они суровы; плѣннымъ выкалываютъ глаза и обращаютъ ихъ абство; ослѣпляютъ рабовъ изъ-за молока, любимаго своего питья; рабы новенно доятъ кобылицъ своеобразнымъ способомъ: берутъ костяныя очки, очень похожія на свистульки, вкладываютъ ихъ въ половыя ы кобылицъ и дуютъ; тѣмъ временемъ другіе доятъ; выдоенное молоко

сливаютъ въ глубокіе деревянные сосуды, вокругъ которыхъ въ изв порядкѣ размѣщаютъ слѣпцовъ и велятъ имъ взбалтывать молоко.

Пока Скиѳы, загнавъ Киммеріанъ въ Азію, жили 28 лѣтъ въ жены ихъ сжились съ слѣпыми рабами; происшедшая такимъ молодежь, узнавъ о своемъ происхожденіи, рѣшила противодѣйствов вращенію на старожитныя мѣста Скиѳовъ изъ Мидіи. Прежде всего рѣзали свои земли широкимъ рвомъ отъ Таврическихъ горъ до широкой части Меотійскаго озера (выше сказано); когда, затѣмъ, воз шіеся Скиѳы пытались вторгнуться сюда, молодые рабы, составля сходную силу, успѣшно отражали ихъ до тѣхъ поръ, пока господа мужья матерей не ударили, какъ объяснено по поводу Холопьяго въ кнуты (кн. IV. ст. 1—4).

Въ военномъ дѣлѣ они прибѣгаютъ, пользуясь знаніемъ своей къ хитрому способу защиты—постояннымъ отступленіемъ увлекать теля все дальше и дальше въ глубину степей, болотъ и лѣсовъ, т никакой врагъ не можетъ уже спастись оттуда бѣгствомъ, не м настигнуть ихъ, если только Скиѳы сами не пожелаютъ быть откры потому что этотъ народъ не имѣетъ ни городовъ, ни укрѣпленій,— онъ на повозкахъ,—пропитаніе добываетъ скотоводствомъ,—отлич ляетъ, верхомъ на конѣ, изъ лука,—такъ что ему легко гнать свой и слѣдовать за нимъ съ повозками, не оставляя непріятелю ничего, голой пустыни (ст, 46).

Обычаи, свойственные всѣмъ Скиѳамъ. Между всѣми вообщ ѳами, по наблюденіямъ самого Геродота, и по свѣдѣніямъ, то заимс нымъ изъ сказаній писателей, ему предшествовавшихъ, то полученны достовѣрныхъ очевидцевъ,—бытовали въ повѣствуемое имъ время отличавшіе этотъ народъ и отъ Еллиновъ и отъ варваровъ другихъ Европы, Азіи и Африки. Эти общіе обычаи примѣчены: въ войнѣ, машней жизни, въ домашней жизни женщины, въ гаданьи, въ отпр суда, въ самобытности, вѣрованіяхъ и въ погребальномъ обрядѣ.

Военные обычаи Скиѳовъ таковы: каждый пьетъ кровь перва таго врага; головы павшихъ въ сраженіи непріятелей относятся къ долю въ добычѣ получаютъ только принесшіе головы; съ головы враг таго-ли въ сраженіи, или и своего единоплеменника и даже родств вступившаго съ побѣдителемъ въ распрю, снимаютъ кожу, и привѣс уздечкѣ лошади, гордятся числомъ такихъ знаковъ побѣды, вмѣ тѣмъ пользуются ими какъ утиральниками. Многіе сшиваютъ кожи побѣжденныхъ вмѣстѣ, какъ козьи шкурки, и дѣлаютъ таким зомъ плащи, въ которые и одѣваются. Многіе также снимаютъ правыхъ рукъ убитыхъ враговъ до ногтей и приготовляютъ изъ крышку для колчана. Человѣческая кожа толста; блескомъ и бѣ превосходитъ почти всѣ другія. Наконецъ многіе же скиѳы снимаютъ со всего трупа, напяливаютъ ее на палки и возятъ съ собою шадяхъ.

Съ самыми головами враговъ, не всѣхъ впрочемъ, а лишь ненавист-
шихъ, Скиѳы обращаются такъ: сводъ черепа, ниже бровей, отпиливаютъ;
пякъ обтягиваетъ его только сырой бычачьей кожей снаружи и въ
омъ видѣ пользуются черепомъ, какъ домашнею посудою; а богатый,
янувъ черепъ также кожею, покрываетъ его золотомъ и употребляетъ
сто чаши. Въ знакъ особаго уваженія къ почетнымъ гостямъ, посѣщаю-
мъ Скиѳа, онъ выставляетъ передъ ними всѣ приготовленные такимъ
собомъ черепа и, похваляясь своими подвигами, разсказываетъ обстоя-
льства, сопровождавшія полученіе каждаго, съ особенною гордостью гово-
ся о черепахъ родственниковъ, вступившихъ было съ хозяиномъ гостей
борьбу и погибшихъ отъ молодецкой руки его.

Ежегодно каждый начальникъ приготовляетъ въ своемъ околодкѣ чашу
а, изъ которой пьютъ лишь умертвившіе хотя одного врага,—остальные
не отличившіеся такимъ подвигомъ, не вкушаютъ этого вина, и какъ
чещенные, садятся въ сторонѣ;—это самый тяжкій позоръ для нихъ;
ротивъ, кто убилъ многихъ недруговъ,—получаетъ двѣ чаши и пьетъ
о изъ обѣихъ разомъ (ст. 64—67).

Домашняя жизнь—весьма мало отразилась въ Геродотовыхъ сказа-
хъ; о семейной связи, кромѣ приведеннаго разсказа о сжившихся съ
ами Скиѳовъ рабахъ, нѣтъ никакихъ свѣдѣній; гражданскія отношенія
ны только въ обычаѣ заключенія клятвеннаго договора, состоявшемъ въ
дующемъ: въ большую глиняную чашу наливаютъ вино; къ присутствію
клятвѣ приглашаются постороннія лица;—договаривающимся дѣлаютъ
тѣлѣ,—неизвѣстно на какой именно части,—уколы шиломъ, или небол-
надрѣзы ножемъ; вытекающая при этомъ кровь примѣшивается къ
у; потомъ погружаютъ въ ту же чашу: мечъ, стрѣлы, сѣкиру и мета-
льное копье; послѣ этого всѣ присутствующіе долго молятся; въ заклю-
ие обряда пьютъ смѣсь вина съ кровью какъ сами договаривающіеся,
ъ и знатнѣйшіе изъ присутствующихъ (ст. 70). Дома и въ гостяхъ
ѳы пьютъ неразбавленное вино (кн. VI, ст. 84), что, повидимому,
вило Геродота, такъ какъ они осуждаютъ Еллиновъ за вакхическія
ства, соединенныя съ попойками (кн. IV, ст. 70).

Домашней жизни женщины посвящено всего нѣсколько словъ.
нѣтивъ, что въ Скиѳіи конопля растетъ въ дикомъ состояніи и засѣвается
поляхъ, что та и другая походитъ на ленъ, только толще и выше, что
сѣменами этого растенія въ рукахъ Скиѳы входятъ подъ войлоки своихъ
атокъ и тамъ бросаютъ ихъ на раскаленные камни, отчего поднимается
ой дымъ и паръ, какихъ не дастъ ни одна Еллинская баня, и что Скиѳы
аждаясь своей баней, вопятъ отъ удовольствія,—Геродотъ говоритъ:
щины изъ волоконъ конопли приготовляютъ себѣ платье, неотличающееся
льняного. Мужчины не купаются и вовсе не обмываютъ тѣло водою,
женщины перетираютъ на твердомъ камнѣ кусочки кипариса, кедра и
ана, все это смѣшиваютъ съ водою и получаемою такимъ образомъ ка-
цею намазываютъ себѣ все тѣло и лицо, что придаетъ кожѣ пріятный
ахъ; когда на другой день мазь эту отнимаютъ, тѣло становится чи-
мъ и глянцевитымъ (ст. 74).

Гаданье имѣетъ между Скиѳами самое широкое распространеніе; к прибѣгаютъ во всякихъ, сколько-нибудь незаурядныхъ, обстоятель жизни домашней и, кажется общественной, хотя Геродотъ не дѣлает личія одной отъ другой. Гадателей у Скиѳовъ много; предсказанія о таютъ на многочисленныхъ ивовыхъ прутьяхъ. Каждый призываемы тель приноситъ съ собою большіе пучки прутьевъ; кладетъ пру землю и располагаетъ врозь, перекладывая одинъ за другимъ и пр прорицанія. Это исконный способъ гаданія у Скиѳовъ. Кромѣ прутье данье производится на нижней липовой кожицѣ, которую дѣлятъ полоски, переплетая ихъ въ извѣстномъ порядкѣ между пальцами; п плетиніи произносятъ прорицательные изреченія. Гадатели замѣняют харей при болѣзни. Если случается захворать Скиѳскому царю, при ютъ трехъ наиболѣе знаменитыхъ гадателей; они прорицаютъ таки способами, причемъ чаще всего объясняютъ, что тотъ или другой и рода ложно клялся божествами царскаго очага;—у Скиѳовъ сущес правило—давать торжественнѣйшую клятву именемъ царскихъ дома божествъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они желаютъ представить с нѣйшее ручательство въ вѣрности повѣствованія, или обѣщанія; чел обвиняемаго гадателями въ клятвопреступленіи, тотчасъ схватыва ставятъ на судъ.

Правосудіе—также въ рукахъ гадателей; это видно изъ разс послѣдствіяхъ оговора ими лица, бывшаго причиною болѣзни царя. На въ случаѣ отрицанія, со стороны обвиняемаго, приписываемаго ему преступленія,—призываются другіе гадатели, числомъ вдвое болѣе п первыхъ; если они подтвердятъ оговоръ, клятвопреступнику немедлен рубаютъ голову, а имущество его отдается первымъ гадателямъ. Н бы вторые гадатели оправдали подсудимаго, призываются опять по повторяется это до тѣхъ поръ, пока составится преобладающее въ обвиняемаго большинство; кажется никогда не меньше двухъ разъ; в чаѣ оправданія подсудимаго—первоначальные гадатели предаются т венно смерти (ст. 68). Казнятъ ихъ такимъ образомъ; берутъ п наполняютъ ее хворостомъ и впрягаютъ быковъ; гадателямъ скова ноги, а руки связываютъ на спинѣ, затыкаютъ рты, кладутъ въ видѣ на хворостъ и поджигаютъ его,—быковъ же пугаютъ и гонятъ вые гадатели и быки погибаютъ. Такая же казнь бываетъ гадате за другія провинности. Царь не оставляетъ въ живыхъ и дѣтей казне онъ велитъ умерщвлять все мужское поколѣніе лживыхъ гадателей скаго же не трогаетъ (ст. 69).

Самобытность. Скиѳы ревниво оберегали свою народную замк и тщательно избѣгали заимствованія чужеземныхъ учрежденій, о Еллинскихъ; даже не допускали нововведеній, прививавшихся у инор своихъ соплеменниковъ, жившихъ въ другихъ странахъ и при д условіяхъ; такъ они убили Анахарзиса (не знахарь-ли это въ гре передѣлки?), стяжавшаго себѣ славу великаго мудреца среди Елла Скилу, сына царя Аріапейѳеса, за то, что они измѣнили вѣрованіям

народа (ст. 76—80). Подробности объ этихъ Скиѳахъ заслуживаютъ
манія,—вотъ они:

Анахарзисъ, посѣтивъ многія страны, стяжалъ себѣ славу великаго
реца, и потомъ вернулся въ свою землю; на обратномъ пути, чрезъ
еспонтъ, онъ остановился въ Кизисѣ и увидѣлъ тамъ устроенный
тными жителями чрезвычайно торжественный праздникъ въ честь Ма-
боговъ; Анахарзисъ далъ обѣтъ этой Матери: если возвратится здра-
ъ и невредимымъ на родину, совершить точно такое же празднество и
новить всенощное бдѣніе; прибывъ въ страну свою, мудрецъ-Скиѳъ
лся въ Гилею, область изобилующую лѣсомъ,—недалеко отъ Днѣпра
ернаго моря; здѣсь, увѣшанный изображеніями богини, устроилъ въ
ъ ея полное празднество съ литаврами въ рукахъ (въ Гилеѣ и въ
оморьи проживали многіе Еллинскіе поселенцы; они, вѣроятно, и
твовали въ празднествѣ); кто то изъ Скиѳовъ замѣтилъ участіе Ана-
иса въ торжествѣ и донесъ царю *Савлію*; тотъ самъ явился на мѣсто
видѣвъ, что празднество совершаетъ Анахарзисъ,—умертвилъ его изъ
. Геродотъ выводитъ и родословіе Анахарзиса: онъ былъ сынъ *Гнура*,
съ *Лика* и правнукъ *Спаргапейѳеса*; а Савлія, его убійца, приходился
мъ Скиѳскому царю Иданѳирсу, современнику Даріева похода на Ски-
слѣдовательно Анахарзисъ происходилъ изъ рода царей (кн. IV, стр.
—331).

Скила былъ сынъ Скиѳскаго царя *Аріапейѳеса*, рожденный отъ Ист-
ки; сама мать обучила его Еллинскому языку и письму. Аріапейѳесъ
ъ жертвою коварства упомянутаго Спаргапейѳеса; Скила наслѣдовалъ
власть и получилъ одну изъ женъ отца, Скиѳянку *Опаю*, на свое попе-
е; у Опаи былъ сынъ *Орикъ*;—Скила, воспитанный по-еллински, былъ
воленъ Скиѳскимъ образомъ жизни. Сдѣлавшись царемъ, онъ всякій
, когда являлся въ основанный Милетянами городъ Ольбію, (близъ
пра и Чернаго моря), войско свое оставлялъ въ предмѣстьи, а самъ
шилъ въ городъ,—велѣлъ запирать за собою ворота (значитъ городъ
ъ окруженъ стѣною),—снималъ съ себя Скиѳское платье, одѣвался въ
инское, и въ такомъ видѣ ходилъ по городу безъ тѣлохранителей; у во-
ъ же стояла стража, чтобы кто-либо изъ Скиѳовъ не увидѣлъ своего
въ чужестранномъ нарядѣ; здѣсь, въ Еллинскомъ городѣ, онъ жилъ
ще по-еллински, совершая по еллинскому же обряду и жертвоприно-
е богамъ. Проживъ въ Ольбіи мѣсяцъ и болѣе,—онъ одѣвался въ Скиѳ-
платье и удалялся изъ города; продѣлывалось это часто; Скила вы-
лъ себѣ даже въ Ольбіи домъ, поселилъ въ немъ жену туземку и
мѣлъ сильное желаніе получить посвященіе въ таинства бога веселья—
иса, извѣстныя подъ названіемъ вакхическихъ, чего и достигъ. Скиѳы
а укоряли Еллиновъ за ихъ вакхическія празднества, доказывая, что
одобаетъ выдумывать себѣ такое божество, которое повергало-бы лю-
въ изступленіе. Когда Скила получилъ посвященіе въ Діонисовы таин-
, одинъ изъ жителей Ольбіи обратился къ Скиѳамъ съ слѣдующимъ
ѣшливымъ заявленіемъ: „Вы, глумитесь надъ нами за вакханаліи; а

теперь наше божество веселія вселилось въ вашего царя,—онъ совер
вакханаліи и приходитъ въ изступленіе; если не вѣрите, ступай
мною". Скиѳскіе старшины послѣдовали за Еллиномъ; поднявшись на
занную башню, они увидѣли Скилу въ праздничной толпѣ совершая
вакханаліи, и разсказали объ этомъ своему войску. Когда послѣ этого
вернулся къ Скиѳамъ,—они взбунтовались, что вынудило царя бѣж
Ѳракію (о ней скажемъ въ своемъ мѣстѣ). Нѣкоторое время спустя. Ѳ
выдали его Скиѳамъ, царь которыхъ велѣлъ сряду же отрубить ему
(кн. IV, стр. 331—334).

Примѣчаніе. Нельзя не остановиться въ приведенномъ сказаніи на имени п
лія. Мы видѣли у арабскаго писателя, по чтенію и объясненію Профессора Хваль
Славіяхъ—обитателей Ильменскихъ земель. При многочисленныхъ коверканьяхъ перем
иноязычныхъ собственныхъ именъ въ древнихъ рукописяхъ, умѣстно заняться во
Геродотовъ царь *Савлія*, не будетъ-ли родственъ арабскому названію племени—
и не слѣдуетъ-ли читать вмѣсто „царя Савлія"—*царя Славіевъ*, или *Славіи?*

Упомянутая Истріянка, жена царя Аріапейѳеса, мать Скилы,
изъ Истріи, небольшого поселенія Милетскихъ выходцевъ—Еллиновъ,
устья Дуная.

Вѣра. Изъ божествъ Скиѳы чтутъ;—Гистрію—выше всѣхъ
ныхъ;—называютъ это божество Табити;—Зевса—подъ именемъ
супругу его землю—подъ именемъ Апи;—Аполлона,—называя его
сиръ",—Афродиту—подъ именемъ „Агримпаса".—Геракла и Арея
этими только именами. Царственные Скиѳы чтутъ, кромѣ названны
Посейдона, называя его посвоему „Ѳагимасада". Ни кумировъ, н
мовъ Скифы не сооружаютъ ни одному изъ боговъ, кромѣ Арея. В
его возводятся не храмы, а особенныя, своеобразныя сооруженія: въ к
Скиѳскомъ царствѣ складываются по околодкамъ кучи хворосту,
стадіи въ три при такой же ширинѣ; высота меньше. Стадія ра
$87^1/_2$ саженямъ, такъ что кучи имѣютъ въ поперечникѣ $262^1/_2$ саж
верху устраивается четыреугольная площадка, три стороны которой от
а къ четвертой есть доступъ, она пологая. Ежегодно наваливаютъ
раста возовъ хворосту, потому что отъ непогоды кучи постоянно ос
На каждой такой кучѣ водружается желѣзный старинный мечъ, пр
ляющій собою Арея (статьи 59 и 63). Внѣшняя сторона вѣры
выражается въ обрядности жертвоприношеній, одинаковой для всѣхъ
кромѣ Арея; она состоитъ въ слѣдующемъ: въ жертву приносятся
домашнія животныя,—предпочтительно же лошади; животное стави
связанными передними ногами; позади его жертвоприноситель, котор
нетъ къ себѣ конецъ связывающей ноги веревки и такимъ способом
кидываетъ животное на землю; пока оно падаетъ; жертвоприносите
ваетъ къ тому божеству, въ честь котораго приносится жертва;
быстро накидываетъ петлю на шею животнаго, закручиваетъ ее на
душитъ жертву. Ни огня, ни какихъ-либо особыхъ пріемовъ обря
ни возліяній—при этомъ не бываетъ; удавивши животное и содрав

твоприноситель приступаетъ къ стряпанью. Въ безлѣсной землѣ Скиѳы умали слѣдующій способъ варенья мяса жертвеннаго животнаго: его ляютъ отъ костей и бросаютъ въ котлы туземнаго производства, если вые попадутся подъ руку; они очень сходны съ Лесбійскими чашками, ко больше; затѣмъ зажигаютъ кости животнаго и варятъ мясо. Если а не случится, все мясо складывается въ желудокъ того же животнаго рибавляется нѣсколько воды, затѣмъ подъ такою своеобразною посуди- зажигаются кости, которыя горятъ отлично. Такимъ образомъ жертвен- животное сожигаетъ самого себя. Когда мясо сварится, жертвоприноси- вываливаетъ на землю посвященные божеству куски мяса и внутрен- и. Жертвоприношеніе Арею особенное: олицетворяющему его мечу еже- , сверхъ домашнихъ, какъ и прочимъ божествамъ, животныхъ, при- тся и человѣческія жертвы: въ честь Арея умерщвляется каждый сотый чина изъ всего числа враговъ, взятыхъ въ плѣнъ въ теченіе года, и щвляется не такъ какъ скотъ;—сдѣлавши сперва возліяніе на головы й, ихъ рѣжутъ надъ сосудомъ; потомъ кровь убитыхъ относятъ на хворосту и льютъ на мечъ. Внизу, у святилища, всѣмъ убитымъ лю- отсѣкаютъ правыя плечи вмѣстѣ съ руками и бросаютъ на воздухъ. оставляются тамъ, гдѣ упали, а трупы лежатъ отдѣльно. Покончивъ принесеніемъ въ жертву вмѣстѣ съ людьми и животныхъ, всѣ удаля- . Свиней Скиѳы не имѣютъ обыкновенія содержать въ своей странѣ ще, потому они вовсе не приносятся въ жертву (ст. 60—63).

Погребальный обрядъ является отраженіемъ внутренней стороны ванія Скиѳовъ въ продолженіе жизни и послѣ смерти, въ могилѣ. Наи- е подробно описываются Геродотомъ похороны царей. Всѣхъ Скиѳскихъ й хоронятъ въ области Герръ (между лѣвымъ берегомъ низовья Днѣпра ѣками Самарою и Молочною). Прежде всего, послѣ смерти царя, тамъ апывается большая четыреугольная яма; когда ее изготовятъ,—присту- ть къ покойнику: разрѣзываютъ животъ его, вынимаютъ внутренности полняютъ пустоту толченымъ куперомъ, ладаномъ, сѣменами сельдерея иса; затѣмъ животъ зашиваютъ и все тѣло покрываютъ воскомъ. Сдѣ- это, трупъ царя кладутъ на повозку. Въ знакъ печали каждый Скиѳъ ственной орды отрѣзаетъ часть своего уха, остригаетъ кругомъ волосы, етъ на рукахъ надрѣзы, расцарапываетъ лобъ и носъ, а лѣвую руку алываетъ стрѣлою. Повозка съ тѣломъ царя направляется къ Скиѳамъ ой орды, народъ которой дѣлаетъ надъ собою въ знакъ печали тоже, и царственные Скиѳы; отсюда повозка идетъ въ третью орду и такъ е, пока не привезутъ покойника въ Герръ; вездѣ наружное выраженіе ли повторяется одинаково. Въ Геррахъ трупъ хоронятъ въ приготовлен- могилѣ, на соломенной подстилкѣ; по обѣимъ сторонамъ тѣла вбива- копья, на нихъ кладутъ брусья и все прекрываютъ рогожей. Въ оста- йся свободною части могилы хоронятъ одну изъ наложницъ умершаго , предварительно задушивъ ее, а также виночерпія, повара, конюха, ближеннаго слугу, вѣстовщика, наконецъ лошадей, первенцевъ всякого ого скота и золотыя чаши;—серебра и мѣди Скиѳы совсѣмъ не употребля-

ютъ. Надъ могилою царя всѣ присутствовавшіе на похоронахъ дѣ
земляную насыпь, стараясь, чтобы она вышла какъ можно больше.

По прошествіи года (со дня смерти, или похоронъ?) соверша
могилы царя слѣдующее: изъ остающихся въ живыхъ слугъ выбі
пятьдесятъ человѣкъ, угодныхъ царю;—это все природные Скиѳы,
какъ царю, по его приказанію, служатъ только такіе люди,—куп
за деньги слугъ у него не бываетъ;—выбираютъ также пятьдесят
лучшихъ лошадей; и слугъ и лошадей умерщвляютъ посредством
шенія (удавливаютъ),—вынимаютъ изъ нихъ внутренности, очищаю
вотъ и наполняютъ отрубями, а затѣмъ зашиваютъ;—послѣ этого
ляютъ на двухъ столбахъ половину колеса такъ, чтобы ободъ был
щенъ внизъ: другую половину устанавливаютъ также; получается с
изъ двухъ полуколесъ на нѣкоторомъ одно отъ другого разстоянії
добныхъ станковъ сколачивается вообще много;—приготовивъ станки
ваютъ въ трупы лошадей, вдоль, по толстому колу; каждый вгоня
шеи, и поднимаютъ трупы на станки; на переднихъ полуколесахъ де
плеча лошадей, а на заднихъ—туловища у самыхъ бедеръ,—такъ
пары ногъ свѣшиваются внизъ, не доставая до земли; наконецъ н
ваютъ на лошадей уздечки и удила, тянутъ ихъ впередъ и привяз
поводья къ колышкамъ На каждую лошадь усаживаютъ поодно
удавленныхъ юношей; въ трупы также вводятся, вдоль позвоночнаго
колья, проникающіе до шеи; выступающій нижній конецъ кола укрѣ
во вбитомъ въ лошадь. Поставивъ вокругъ могилы царя такихъ всад
Скиѳы расходятся.

Похороны прочихъ Скиѳовъ менѣе торжественны; ближайшіе ро
ники, приготовивъ, вѣроятно, тѣло умершаго, для предохраненія отъ
разложенія, кладутъ его на повозку и везутъ къ друзьямъ пок
каждый изъ друзей устраиваетъ для спутниковъ умершаго обильны
причемъ отъ всѣхъ угощеній удѣляется доля и покойнику. Частных
возятъ въ теченіе сорока дней, а потомъ хоронятъ. Послѣ похоронъ
очищаютъ себя такъ:—умащаютъ свои волосы, а потомъ обмываю
очищенія тѣла—ставятъ три шеста, склоняя взаимно верхушки, обтя
ихъ плотно скрѣпленными войлоками; посреди получающейся таким
зомъ палатки ставятъ купальню съ водою и бросаютъ въ нее раск
до краска камни (кн. IV, ст. 71—73).

Изложивъ свѣдѣнія о странѣ, нравахъ и обычаяхъ Скиѳовъ,
добавляетъ: достопримѣчательностей земля ихъ не имѣетъ, за исклю
большихъ многочисленныхъ рѣкъ; ворочемъ,—говоритъ онъ,—мож
мянуть здѣсь еще объ одномъ: на берегу рѣки Тиры (=Днѣстеръ),
ваютъ *ступню Геракла* въ скалѣ, похожую на слѣдъ человѣка
два локтя длины (локоть равняется нашимъ десяти съ половиною в
кн. IV, ст. 82).

Походъ Дарія въ Скиѳію.

Дарій, сынъ Гистаспеса, избранъ былъ царемъ Персіи и правилъ ею
жду 521—485 гг. до Р. Х., опередивъ такимъ образомъ повѣствованія
одота не болѣе, какъ на полвѣка. Знаменитый своими дѣяніями царь
ользовался громкою извѣстностью во всѣхъ странахъ Стараго свѣта, такъ
Геродотъ могъ собрать обстоятельныя свѣдѣнія обо всѣхъ его походахъ,
о Скиѳскомъ въ особенности: счастливый побѣдитель многочисленныхъ
родовъ потерпѣлъ въ странѣ нашихъ предковъ непривычную для его
жія неудачу; это не могло не вызвать какъ въ друзьяхъ, такъ и въ не-
гахъ Дарія всевозможныя изысканія о причинахъ неудачи, т. е. о стра-
хъ и народахъ Скиѳіи и сопредѣльныхъ съ нею. Геродоту, просвѣщен-
му и любознательному Галикарнасцу, представлялось, поэтому, широкое
е для его наблюдательности и выбора изъ безчисленнаго множества тол-
къ о Скиѳскомъ походѣ, какъ современниковъ онаго и самого Дарія, такъ
очевидцевъ, участвовавшихъ въ походѣ волей-неволей. Къ тому же Ге-
отъ собиралъ свѣдѣнія уже по смерти Дарія, когда обаяніе его должно
ло, по свойству духовной природы человѣка, испариться въ пользу чи-
ой истины.

Установивъ выше нашъ взглядъ, на значеніе для насельниковъ страны
льменской древнелѣтописныхъ предѣловъ ея извѣстій Геродота о Скиѳіи,
димъ нѣсколько строкъ въ нашей запискѣ подробностямъ о походѣ Дарія.

По взятіи Вавилона, Дарій предпринялъ походъ на Скиѳовъ, имѣя силь-
е желаніе наказать ихъ за нападеніе на Мидію и пораженіе ея обитате-
й во время погони за Киммеріанами. Походъ этотъ Персидскій царь
равдываетъ тѣмъ, что Скиѳы первые учинили обиду странѣ и народу
(кн. IV, ст. 1).

Готовясь въ походъ, Дарій посылалъ вѣстниковъ къ подвластнымъ ему
родамъ съ повелѣніемъ: однимъ—доставлять пѣхоту, другимъ—корабли
воинами, третьимъ—перекидывать мостъ чрезъ Ѳракійскій Боспоръ, вы-
шній Константинопольскій проливъ. Родной братъ Дарія, другой сынъ
стаспеса, *Артабанъ*—рѣшительно совѣтовалъ ему не ходить войною на
иѳовъ, напоминая объ ихъ бѣдности; однако Дарій не внялъ его благо-
умнымъ совѣтамъ, и Артабанъ оставилъ брата въ покоѣ. Покончивши
всѣми приготовленіями, Дарій вышелъ съ войскомъ изъ *Сусъ* и прибылъ
Халкидоніи на Боспорѣ, гдѣ былъ уже положенъ мостъ. Здѣсь, на бе-
у Боспора, царь велѣлъ поставить два столба изъ бѣлаго мрамора, и на-
тать—на одномъ Ассирійскими, а на другомъ Еллинскими письменами—
ена народовъ, съ которыми онъ шелъ на Скиѳовъ; велъ же Дарій съ
бою всѣ подвластные ему народы. Въ войскѣ его, пѣшемъ и конномъ,
считая морского, насчитывалось семьсотъ тысячъ человѣкъ, а кораблей
ло собрано шестьсотъ. Столбы перенесены, впослѣдствіи, Византійцами
ихъ городъ и употреблены, за исключеніемъ одного камня съ Ассирій-
ими письменами, на жертвенникъ Артемиды Орѳеосіи; а названный камень

оставленъ ими (покинули) подлѣ храма Діониса въ Византіи. Та
Боспора, берега которой Дарій соединилъ мостомъ, составляетъ, как
маетъ Геродотъ, средину между Византіей и храмомъ, что у входа в
споръ (кн. IV, ст. 83,85 и 87).

Осмотрѣвъ мостъ и удостовѣрившись въ его прочности, Дарій н
переправу. Морскія силы его вели: Іоняне, Эолянѣ и Геллеспонтцы;
приказалъ, еще до начала переправы, Іонянамъ плыть по Черному
до устья Дуная и, въ ожиданіи его, положить чрезъ эту рѣку мостъ
рабли, доплывъ до указаннаго мѣста, поднялись вверхъ по рѣкѣ н
дня плаванія отъ моря и, занявъ шею рѣки, гдѣ она раздѣляется н
кава, перекинули мостъ. Дарій переправилъ сухопутное войско чрез
споръ по мосту и двинулся къ Дунаю чрезъ Ѳракію; прибывъ къ исто
цѣлебной рѣки Теара (теперь Текадере съ городомъ Киркилиссе), ос
вился, для отдыха, на трое сутокъ и пользовался здѣсь полнымъ до
ствомъ, въ память чего велѣлъ поставить столбъ съ надписью. „Из
сла всѣхъ рѣкъ источники Теара доставляютъ пріятнѣйшую и здор
воду; къ нимъ пришелъ, во главѣ войска, доблестнѣйшій изъ всѣхъ л
Дарій, сынъ Гистаспеса, владыка Персовъ и всего материка". Отпр
шись отсюда, войско подошло къ другой рѣкѣ, по имени Артескъ, про
ющей чрезъ землю *Одрисовъ*. Здѣсь царь указалъ опредѣленную мѣст
и отдалъ приказъ, чтобы каждый воинъ, проходя мимо ея, положилъ ка
послѣдствіемъ исполненія этого приказа было скученіе огромнаго колич
камней на пути движенія Персовъ (кн. IV, ст. 89—92).

Еще не дойдя до Дуная, Дарій покорилъ и заставилъ слѣдова
своими войсками Гетовъ, оказавшихъ ему сопротивленіе; покорилъ т
сдавшихся ему Ѳракіянъ. Переправясь затѣмъ, по изготовленному Іоня
мосту, чрезъ Дунай со всѣми своими полчищами, увеличенными Гета
Ѳракійцами, царь приказалъ тѣмъ же Іонянамъ. разрушить мостъ и с
вать за нимъ вмѣстѣ съ воинами съ кораблей. Но вождь Митиле
Коесъ обратился къ Дарію, по поводу этого приказа, съ такою рѣчь
„Ты готовишься, царь, вторгнуться въ такую страну, гдѣ не найдет
вспаханнаго поля, ни населеннаго города; пускай этотъ мостъ оста
нерушимо на мѣстѣ, а стражами при немъ пусть будутъ строители
если мы найдемъ Скиѳовъ и предпріятіе наше окончится счастливо, у
будетъ обратный путь, если же мы не сможемъ найти ихъ, то покр
мѣрѣ обратный путь будетъ обезпеченъ для насъ; я не того боюсь,
Скиѳы одолѣютъ насъ въ сраженіи, а боюсь болѣе того, что мы не
демъ ихъ и въ блужданіяхъ будемъ терпѣть невзгоды; предлагаю это
ради себя, не изъ желанія остаться здѣсь,—я высказываю лишь м
которое кажется мнѣ болѣе полезнымъ для тебя царь, самъ же я по
дую въ войскахъ за тобою и не помышляю остаться тутъ". Дарію
понравилось это предложеніе и онъ такъ отвѣчалъ Коесу: „Любе
Лесбіянинъ, когда я возвращусь благополучно домой, ты непремѣнно
ко мнѣ, чтобы я могъ наградой отплатить за твой благой совѣтъ". Послѣ
царь завязалъ на ремнѣ шестьдесятъ узловъ, позвалъ на совѣщаніе

ихъ Тирановъ и сказалъ имъ: „Прежде высказанное мною рѣшеніе отно-
ельно моста я отмѣняю;—теперь, Іоняне, возмите этотъ ремень и по-
найте такъ: начиная непосредственно съ того времени, какъ я пойду на
ѳовъ, развязывайте на ремнѣ каждый день по одному узлу; если-бы за
ть промежутокъ времени я не явился назадъ, плывите обратно на родину;
до той поры, пока не развяжете всѣхъ узловъ, оберегайте мостъ, при-
ите всяческое стараніе къ защитѣ его и сохраненію въ цѣлости Этимъ
мнѣ окажете большую услугу". Сказавъ это Дарій немедленно двинулся
походъ (тамъ-же, ст 97 и 98).

За симъ Геродотъ описываетъ Скиѳію такъ: передъ Скиѳіею (за пра-
тъ берегомъ Дуная) лежитъ Ѳракія, простирающаяся до моря, до обра-
лаго имъ залива; здѣсь же входитъ въ Скиѳію Дунай, поворачивая на
токъ къ устью. Начинающаяся за лѣвымъ берегомъ Дуная и продолжа-
яся до города Каркинитиды (Перекопскаго залива) страна есть *Древняя
ѳія*; она приходится полуденною границею по берегу Чернаго моря.
лующая за симъ страна у того же моря, гористая и вдающаяся въ
е, занята Таврами, до такъ называемаго Суроваго полуострова (Сурожъ)
-по направленію къ востоку—входитъ въ море. За таврикою, выше Тав-
ъ, и на побережьи восточнаго моря, живутъ уже Скиѳы, занимая земли
западномъ берегу Киммерійскаго Боспора (Таврическій проливъ) и Мео-
скаго озера (Азовское море), вверхъ до рѣки Танаида (Дона), которая
вается въ уголъ этого озера (тамъ-же, ст. 94 и 100).

Отъ Дуная внутрь материка Скиѳы граничатъ:—прежде всего съ Ага-
сами, потомъ съ Неврами, далѣе на востокъ—съ Андрофагами, нако-
ецъ съ Меланхленами. Скиѳія представляетъ собою четыреугольникъ, двѣ
роны котораго доходятъ до моря,—причемъ граница, идущая внутрь ма-
рика, такой-же длины какъ и та, что тянется вдоль Чернаго моря, такъ:
ъ Дуная до Днѣпра (отъ Истра до Борисѳенеса)—десять дней пути и
лько же отсюда до Азовскаго моря; а отъ Чернаго моря на полночь, въ
ѣбь страны—двадцать дней пути; опредѣляя дневной путь въ двѣсти ста-
(35 верстъ), Скиѳія будетъ имѣть въ поперечникѣ четыре тысячи стадій,
верстъ; такой же длины и граница внутренняя (тамъ-же, ст. 101).

Скиѳы, узнавъ о вторженіи Персовъ въ страну ихъ, собрались на
ее совѣщаніе и порѣшили, что одни они не въ состояніи отразить пол-
да Дарія въ открытомъ бою,—а потому разослали вѣстниковъ къ со-
нимъ народамъ (тамъ-же, ст. 102) и сообщивъ имъ, что Персидскій
ь, покоривъ на Азіатскомъ материкѣ все своей власти, положилъ мостъ
шеѣ Боспора, перешелъ въ Европу, одолѣлъ Ѳракіянъ, соединилъ мостомъ
берега Дуная и вознамѣрился подчинить себѣ всѣ земли по сю сторону
лѣвую) этой рѣки; въ виду намѣренія Дарія Скиѳы говорили своимъ
сѣдямъ чрезъ вѣстниковъ: „Ни подъ какимъ видомъ не отдѣляйтесь отъ
съ и не дайте намъ погибнуть, но единодушно встрѣтимъ вторгнувшагося
ага; если вы этого не сдѣлаете, мы вынуждены будемъ покинуть нашу
рану, или покориться ему; ваше положеніе не улучшится ни въ одномъ,
въ другомъ случаѣ; Персидскій царь пойдетъ на васъ также, какъ и

на насъ; если-бы Дарій предпринялъ нынѣшній походъ только въ отм
намъ за прежнее порабощеніе нами Персовъ, ему слѣдовало-бы идти
на нашу землю,—между тѣмъ, перешедши въ Европу, онъ немедленн
нялся покореніемъ всѣхъ народовъ, встрѣчавшихся ему на пути, и
уже подчинилъ себѣ Ѳракіянъ и сосѣднихъ съ нами Гетовъ". (там
ст. 118).

Выслушавъ вѣстниковъ, цари сосѣднихъ съ Скиѳами народовъ
лись на совѣтъ; но мнѣнія раздѣлились: цари Гелоновъ, Будиновъ и С
матовъ единогласно обѣщали помочь Скиѳамъ,—а цари Агафирсовъ,
ровъ, Андрофаговъ и Меланхленовъ не согласились вступить въ со
говорили: „Если-бы вы, Скиѳы, первые не наносили обиды Персамъ,
начали съ ними войны,—рѣчи ваши мы признали-бы основательным
вы безъ насъ вторглись въ страну Персовъ и владычествали все в
пока угодно было божеству; теперь они, по внушенію того же боже
отмѣриваютъ вамъ равною мѣрою;—что касается насъ,—ни тогда м
обижали этого народа, ни теперь не станемъ первые оскорблять его;—
если-бы Персидскій царь вторгся и въ нашу землю, и первый об
насъ, мы тоже не остались бы въ покоѣ; пока же—мы будемъ набл
сидя на своихъ мѣстахъ; намъ кажется Персы идутъ не на насъ,
виновниковъ нанесенной имъ обиды" (ст. 119).

Скиѳы, оставшіеся, такимъ образомъ, безъ поддержки четырехъ с
нихъ народовъ, рѣшили вовсе не давать Дарію настоящаго открытаго
женія, но, раздѣлившись на два отряда, отступать съ своими стадами
сыпать попадающіеся на пути колодцы и источники и истреблять р
тельность (ст. 120).

Къ одному изъ отрядовъ съ царемъ *Скопасисомъ* во главѣ, прис
нились Савроматы; они должны были убѣгать, если-бы Перситскій
обратился на нихъ, прямо къ рѣкѣ Дону, вдоль Азовскаго моря, и
ходить въ наступленіе, если непріятель обратится вспять. Это была
часть населенія Скиѳскаго царства, расположившаяся на указанномъ
томъ пути. Двѣ другія части царственныхъ Скиѳовъ,—одна большая,
начальствомъ *Иданѳирса*, а другая подъ начальствомъ *Таксакиса*,—с
нившись съ Гелонами и Будинами,—должны были идти впереди Перс
одинъ день пути, отступать передъ ними—и вообще дѣйствовать со
принятому рѣшенію. Прежде всего оба ополченія Скиѳовъ должны
вторгнуться въ земли тѣхъ сосѣдей, которые отказали имъ въ союзѣ,
бы и ихъ втянуть въ войну съ Персами поневолѣ; затѣмъ имъ слѣд
вернуться въ свои владѣнія и своевременно, по общему совѣту, на
на врага (тамъ-же, ст. 120).

Установивъ порядокъ и способы веденія войны, Скиѳы вышл
встрѣчу Даріевой ордѣ, пославъ передовой отрядъ наилучшихъ всадн
Всѣ повозки (кибитки), на которыхъ жили женщины и дѣти Скиѳ
также и весь скотъ—отправили вдаль, съ тѣмъ, чтобы они двигал
измѣнно въ полночномъ направленіи, себѣ же оставили столько скота, с
требовалось для прокормленія (ст. 121).

Передовой отрядъ напалъ на Персовъ не доходя до Дуная дня на три ти, расположившись, предварительно, станомъ на разстояніи одного дня ти отъ врага и уничтоживъ передъ собою всю растительность. Персы пали на Скиѳскихъ всадниковъ, которые отступали и продолжали отсту- ть въ восточномъ направленіи, къ Дону. Эти всадники принадлежали къ ту отряду Скиѳовъ, во главѣ котораго былъ Скопасисъ, и къ которому исоединились Савроматы. Дойдя до Дона, Скиѳы перебрались на другой берегъ; за ними послѣдовали немедленно и Персы. Гоняясь за отсту- шими всадниками, Дарій прошелъ всю область Савроматовъ и вступилъ земли Будиновъ (ст. 122).

На всемъ пути чрезъ Скиѳію и Савроматію Персы не встрѣчали ни- для истребленія, такъ какъ страны эти были заранѣе опустошены са- ми насельниками; но вступивъ въ землю Будиновъ, они набрели на дере- ное укрѣпленіе, вовсе покинутое хозяевами, и сожгли его, и, по слѣ- ъ Скиѳовъ, прошли землю Будиновъ, за которою лежала пустыня на ь дней пути, не имѣвшая вовсе населенія. Здѣсь Дарій остановился у и Оара (не Волга-ли?) и, ожидая нападенія, укрѣпилъ Персидскій свой нъ восемью огромными стѣнами, отстоявшими одна отъ другой, прибли- ельно, стадій на шестьдесятъ (=полторы версты); обломки ихъ уцѣлѣли Геродотова времени (ст. 123 и 124).

Пока Дарій занятъ былъ сооруженіемъ укрѣпленій, преслѣдуемые ѳы обошли сверху эти земли (Будиновъ?) и возвратились въ свою страну. къ какъ Персы не видали болѣе своихъ непріятелей, Дарій полагалъ, преслѣдуемые составляли всѣ наличныя силы Скиѳовъ, и что они убѣ- ли, устрашенные громадностью его полчищъ, потому онъ, покинувъ на ловину только сдѣланныя стѣны, повернулъ назадъ и пошелъ къ западу т. 125).

Двигаясь поспѣшно, Персы снова вошли въ Скиѳію и повстрѣчались двумя другими частями ея ополченія. Какъ рѣшено было на совѣтѣ, ѳы и здѣсь отступали на одинъ день пути; Дарій преслѣдовалъ ихъ слабно;—а Скиѳы вторгались, на пути отступленія, послѣдовательно, земли сосѣдей, отказавшихъ имъ въ союзѣ: Меланхленовъ, Андрофаговъ Невровъ. Персы, преслѣдуя Скиѳовъ, раззоряли эти земли. Изъ страны ровъ Скиѳы отступили къ Агафирсамъ. Этотъ народъ, не желая допу- ть опустошенія своихъ земель, воспротивился, съ оружіемъ въ рукахъ, упленію къ нимъ преслѣдуемыхъ, такъ что они повели Персовъ изъ вриды обратно въ свои владѣнія (тамъ-же).

Утомленный погонею за Скиѳами и не предвидя конца странствованіямъ, рій снарядилъ посланца къ царю Иданѳирсу съ такою рѣчью: „Зачѣмъ, чудакъ, все убѣгаешь, хотя можешь выбрать одно изъ двухъ: если ты агаешь, что можешь своими силами противостоять моему войску, остано- ь, не блуждай болѣе и сражайся; если же чувствуешь слабѣе меня, же пріостанови бѣгство твое и ступай для переговоровъ къ твоему адыкѣ съ землею и водою въ рукахъ“. Въ отвѣтъ Дарій получилъ слово анѳирса:—„Вотъ я каковъ, Персъ:—изъ страха не убѣгалъ я ни отъ

кого, не убѣгаю и отъ тебя; теперь я дѣлаю тоже самое, что и
въ мирное время: не тороплюсь же сразиться съ тобою вотъ поче
насъ нѣтъ городовъ, нѣтъ засаженныхъ деревьями полей; намъ нечего
саться, что то и другое будетъ покорено; нечего поэтому, и торо
вступать съ вами въ бой; а если вамъ ужъ очень хочется и край
обходимо ускорить сраженіе, вотъ средство: есть у насъ гробницы
ковъ; разыщите ихъ, попробуйте разрушить и узнаете—станемъ-
сражаться съ вами изъ за этихъ гробницъ; а раньше мы не буде
вами биться, буде это для насъ не выгодно; владыками моими я по
только *моего предка Папая* (Зевса) и *Гистрію*—царицу Скиѳовъ;
земли и воды я пошлю дары, какіе приличны тебѣ,—а за то, что т
зываешь себя моимъ владыкой—мы расчитаемся". Всѣ Скиѳскіе цар
шли въ негодованіе, когда съ ними заговорили о порабощеніи; ту
своего ополченія, которою, ровно какъ и союзниками Савроматами
чальствовалъ Скопасисъ, они отправили къ Іонянамъ, стороживши
на Дунаѣ, съ порученіемъ войти съ ними въ переговоры. Другіе
тавшіеся на мѣстѣ, Скиѳы рѣшили не водить болѣе Персовъ, но на
на нихъ всякій разъ, какъ только тѣ пойдутъ добывать съѣстное. Т
было въ остальное время Даріева похода. Особенно тревожила П
Скиѳская конница, всегда обращавшая непріятельскую въ бѣгство;
ники Дарія бѣжали обыкновенно до тѣхъ поръ, пока не настигали
пѣхоты, которая служила для нихъ подкрѣпленіемъ; зная это, Скиѳ
кали назадъ, когда встрѣчалась непріятельская конница съ Персидск
пѣхотою; преслѣдованіе Скиѳами Персовъ случалось и по ночамъ. Н
рое время, въ началѣ тревожныхъ набѣговъ Скиѳовъ, Персамъ много
галъ ревъ муловъ въ ихъ странѣ; Скиѳскія лошади, не слыхавъ
подобнаго рева,—потому, что мулы въ Скиѳіи не могутъ жить по пр
стужи,—пугались и уносили своихъ наѣздниковъ отъ непріяте
стоянки. Скоро однако же лошади свыклись съ крикомъ муловъ
убѣгали.

Дарій уже собирался не разъ покинуть Скиѳію, убѣдившись
возможности завладѣть ею, но Скиѳы, какъ только замѣчали въ П
скомъ станѣ движеніе похожее на отступленіе, прибѣгали къ хит
чтобы заставить Дарія какъ можно долѣе пробыть въ Скиѳіи и те
страхъ и лишенія, они покидали на мѣстѣ своего стана часть ско
пастухами, а сами медленно передвигались на новую стоянку. Перси
сались на покинутое мѣсто, уводили скотъ и ликовали при кажд
добной добычѣ. Случалось это много разъ, пока Дарій не разгадал
рости и не увидѣлъ свои полчища въ затруднительномъ состояніи.
отлично понимали положеніе непріятеля и, отправивъ къ Дарію гла
съ обѣщанными Иданѳирсомъ дарами,—выстроились противъ Персид
ордъ пѣшіе и конные, чтобы дать сраженіе; какъ разъ въ это самое
чрезъ Скиѳскіе ряды проскочилъ заяцъ; воины засуетились и бросили
погоню за звѣркомъ съ криками. Дарій спросилъ о причинѣ тревоги
своихъ непріятелей и узнавъ, что они гонятся за зайцемъ, обратил

стоянным собесѣдникамъ своимъ съ такимъ замѣчаніемъ: „Люди эти лятъ на насъ съ большимъ пренебреженіемъ; положеніе наше нехорошее, потому слѣдуетъ внимательно обдумать, какимъ-бы образомъ обезпечить ше возвращеніе". Одинъ изъ благоразумныхъ совѣтниковъ, *Гобрія*, вы-азалъ на эту рѣчь царя: „Бѣдность Скиѳовъ мнѣ извѣстна, по слухамъ но,—теперь на мѣстѣ я убѣдился въ ней вполнѣ; въ виду же начав-гося издѣвательства надъ нами, слѣдуетъ поступить такъ: когда насту-ъ ночь, разложить по обыкновенію огни, чтобы Скиѳы и нѣкоторая ть нашихъ воиновъ, тѣ, которые наименѣе способны къ перенесенію ли-ній, приняли эту ночь за одинаковую съ предшествовавшими,—затѣмъ вязать всѣхъ ословъ и уходить изъ этой страны назадъ какъ можно рѣе, пока Скиѳы не пришли на Дунай, что-бы разрушить мостъ, а Іоняне приняли гибельнаго для насъ рѣшенія". Совѣтъ Гобріи Дарій при-ъ и въ ту же ночь привелъ въ исполненіе (ст. 126—135. О дарахъ ѳовъ скажемъ подробно въ статьѣ о Персахъ).

На слѣдующій день покинутые Персы увидѣли, что они отданы Да-мъ въ жертву непріятелю и, простирая руки къ Скиѳамъ, обращались къ ъ въ рѣчахъ, соотвѣтствующихъ отчаянному ихъ положенію, съ моль-о пощадѣ. Скиѳы поспѣшно пустились въ погоню за постыдно убѣгав-ми полчищами прямо къ Дунаю.

Персидское войско состояло большею частію изъ пѣхоты и не знало ногъ,—да къ тому же наѣзженыхъ и вовсе не было;—Скиѳы же были коняхъ и знали кратчайшіе пути,—поэтому и бѣглецы и преслѣдова-ли разошлись, но послѣдніе достигли моста раньше Персовъ и обрати-сь къ Іонянамъ, находившимся на корабляхъ, съ такою рѣчью:—„Наз-ченное вамъ, Іоняне, Даріемъ число дней прошло и вы поступаете не-агоразумно, оставаясь еще здѣсь; если до сихъ поръ вы сторожили мостъ ъ страха, теперь снимайте его, возвращайтесь скорѣе на родину, и на-аждайтесь свободою, за которую благодарите боговъ и Скиѳовъ; вашего жняго владыку мы сокрушимъ, такъ, что ни на кого болѣе онъ уже не детъ войною". Чтобы обдумать это предложеніе, Іоняне собрали совѣтъ атья 136).

По мнѣнію Аѳинянина *Мильтіада*, военнаго вождя страны Херсонеса, на Геллеспонтѣ, слѣдовало принять предложеніе Скиѳовъ и возвратить ли свободу, но Милетянинъ Гистіей (см. выше) былъ противоположнаго нія; онъ указывалъ на то, что благодаря Дарію, каждый изъ присут-овавшихъ на совѣтѣ есть владыка государства; если же могущество ія будетъ сокрушено, ни онъ самъ, и ни кто другой изъ тирановъ не етъ болѣе царствовать ни въ Милетіи, ни въ какомъ другомъ государ-ѣ, такъ какъ каждое предпочтетъ народное управленіе самовластію ти-а. Присутствовавшіе на совѣтѣ были тираны, то есть самовластные вители отдѣльныхъ областей, завоеванныхъ Даріемъ. Имена ихъ приво-ъ Геродотъ въ 138 статьѣ IV книги.

Выслушавъ мнѣніе Гистіея всѣ тираны, принявшіе—было совѣтъ Миль-да, отступились отъ него и перешли на сторону Милетянина (ст. 137).

Между тѣмъ, разсматривая совѣтъ Гистіея со всѣхъ сторонъ и шивая выгоды и неудобства, или и прямой для себя вредъ послѣдств полненія этого совѣта, Тираны рѣшили дополнить его слѣдующими ствіями и рѣчами: разрушить часть моста со стороны Скиѳіи лиш протяженіи, соотвѣтствующемъ пространству полета пущенной изъ стрѣлы, для того, чтобы показать Скиѳамъ, что они исполняютъ ихъ ложеніе, и чтобы Скиѳы не вздумали прибѣгнуть къ силѣ и не возъ охоты перейти по мосту чрезъ Дунай; а пока будетъ сниматься част ста,—сказать Скиѳамъ,—что и было поручено Гистіею, —„Вы, Скиѳы даете намъ благой совѣтъ и явились во-время; если отъ васъ мы чаемъ полезныя указанія, то и на нашей сторонѣ вы найдетѣ готов служить вамъ; какъ видите—мы снимаемъ мостъ и прилагаемъ всѣ ранія къ тому, чтобы стать свободными; пока мы разрушаемъ мостъ, слѣдуетъ розыскать Персовъ и, нашедши, отмстить имъ, какъ слѣд по заслугамъ, и за себя и за насъ“ (ст. 139).

Скиѳы повѣрили Іонянамъ и повернули отъ Дуная назадъ, для сканія Персовъ, но напасть на ихъ дорогу не удалось: Скиѳы искали говъ въ той сторонѣ земли своей, гдѣ была и вода, и пастбища для дей; но и то и другое сами они уничтожили, отступая при движен нихъ Дарія: поэтому Персы шли не этими землями, а по слѣдамъ, рые оставили раньше (вѣроятно по выше упомянутымъ кучамъ камне добрались, не повстрѣчавъ Скиѳовъ, къ Дунайской переправѣ. При къ переправѣ ночью и увидѣвъ, что мостъ снятъ, Персы испытали ную тревогу при мысли, что они покинуты Іонянами (ст. 140).

Въ войскѣ Дарія былъ одинъ египтянинъ, обладавшій громовым лосомъ; онъ, по приказанію царя, сталъ на берегу Дуная и вскрича противоположной стороны рѣки Гистіея, который сряду же доставил корабли для переправы Даріева войска и снова навелъ мостъ. Так сены были Персы (ст. 141).

Не найдя Персовъ, Скиѳы составили объ Іонянахъ такое мнѣніе: они свободны,—то самые жалкіе трусы; но если смотрѣть на нихъ, на рабовъ, такъ это самые преданные и постоянные (ст. 142).

Неудача въ Скиѳіи не отбила у Дарія охоты къ военнымъ похода онъ, оставивъ въ Европѣ устроителемъ завоеванныхъ земель Перса база, предпринялъ большой походъ въ Африку.

Сосѣди Скиѳовъ.

Приведенными извѣстіями Геродота о земляхъ сосѣднихъ съ Ск и обитателяхъ ихъ, не исчерпывается бытовая сторона насельниковъ страны и народовъ, двигавшихся по ней до окончательной осѣдлос участкахъ земли, занятой тѣми или другими племенами, либо исконн земными, либо изстари поселившимися въ предѣлахъ, занимая которы выработали первыя начала самобытія подъ главенствомъ небеснаго разу Божіей Премудрости.

О нѣкоторыхъ племенахъ, сплотившихся въ народы, Геродотъ даетъ
тыя содержаніемъ свѣдѣнія, обнимающія всю внутреннюю жизнь ихъ,
гихъ—лишь отрывочныя. Для нашего предмета одинаково дороги и тѣ,
угія. Выписки объ этихъ племенахъ и народахъ мы расположимъ въ
комъ порядкѣ:—Киммеріяне, Тавры, Ѳракіяне, Тевкры, Пеоны, Маке-
не, Геты, Невры, Андрофаги, Агаѳирсы, Меланхлены, Савроматы, Ама-
, Будины, Гелоны, Ѳиссагеты, Іирки, Аргиппаи, Исседоны, Аримаспы
ссагеты.

Киммеріяне. Выше уже говорено о народѣ, вытѣсненномъ Скиѳами
Европы, называемомъ у Геродота Киммеріянами. Изгнаніе ихъ и пре-
ваніе относится приблизительно къ 630 г. до Р. Х.—Удалившись на
азійскій полуостровъ, Киммеріяне заняли ту часть Черноморско-полуден-
побережья, гдѣ теперь городъ Синопъ, а затѣмъ овладѣли городомъ
ды", но ихъ выгналъ отсюда Садіата около 617 г. до Р. Х. (кн. I,
6, 15, 16 и 103; кн. IV, ст. 1, и 11—13;—кн. VII ст 20).

Для опредѣленія земли Киммеріянъ въ Европѣ до изгнанія принимаются:
мерійскія переправы (кн. IV ст. 12 и 45), Киммерійскія укрѣпленія
ъ же, ст. 12) и Киммерія, упоминаемыя Геродотомъ.

Западно европейскіе и наши ученые устанавливаютъ о Киммеріянахъ
рвоначально принадлежавшей имъ землѣ два положенія: а) основываясь
ссирійскихъ надписяхъ, по которымъ имя этого народа читается Gi-
ді,— признаютъ въ немъ потомковъ библейскаго Гомера (Gomer), сына
та (кн. Бытія гл. X, ст. 2); или считаютъ Киммеріянъ за вѣтвь Ѳра-
каго племени; и б) принимая за несомнѣнныя сказанія Геродота, отво-
ъ для первобытнаго жилища ихъ полуночно-восточный уголъ Керченскаго
острова.

Тавры. Нынѣшній Крымскій полуостровъ заселенъ былъ въ Геродо-
время Таврами, народомъ не Скиѳскимъ, но жившимъ рядомъ со Ски-
ми; самый же полуостровъ назывался „Таврика". Какъ сосѣди Скиѳовъ
были позваны на совѣтъ при вступленіи Дарія въ Скиѳію (кн. IV, ст.
и 102); но при перечисленіи сосѣдей, согласившихся и несогласившихся
ти въ союзъ со Скиѳами для отраженія Персовъ, о Таврахъ не упомя-
вовсе (тамъ-же, ст. 119).

Обычаи Тавровъ,—говоритъ Геродотъ,—таковы: въ жертву богинѣ—
твенницѣ они приносятъ всякаго Эллина, потерпѣвшаго крушеніе у бе-
ъ ихъ, или захваченнаго въ открытомъ морѣ, и поступаютъ при этомъ
: послѣ предварительнаго освященія жертвы, бьютъ ее по головѣ ду-
ю; по словамъ однихъ,—тѣло жертвы бросаютъ внизъ со скалы, на
рой помѣщается святилище, а голову насаживаютъ на колъ;—другіе
сительно головы сообщаютъ тоже самое, однако удостовѣряютъ, что ту-
ще не сбрасывается со скалы, а зарывается въ землю. Сами Тавры
знаютъ женское божество *Ифигеніей*, дочерью *Агамемнона*. Непріятелю,
вшемуся въ плѣнъ, Тавры отрубаютъ голову, и каждый, задержавшій
ника, уноситъ голову его домой, тамъ натыкаетъ ее на длинный шестъ
авитъ очень высоко надъ домомъ, большею частью даже надъ дымовой

трубой, почитая головы враговъ стражами своихъ жилищъ. Средст
существованію народъ этотъ добываетъ войною и грабежами (та-же
ст. 103).

Знатоки древнихъ писателей относятъ Тавровъ къ племенамъ—
скому, остатки котораго еще сохранились въ Валлисѣ и Ирландіи, и
Германскому; но вопросъ объ ихъ происхожденіи еще не рѣшенъ нау

Ѳракіяне. По заключенію Геродота самый большой народъ посл
дійскаго—это Ѳракіяне. Если бы они находились подъ управленіемъ
лица, или—если бы между ними существовало единодушіе,—народъ
былъ бы неодолимъ, какъ могущественнѣйшій изъ всѣхъ ему современ
Но въ дѣйствительности они безсильны отсутствіемъ единодушія и
численностью народцевъ, имѣющихъ каждый свое управленіе, хотя бол
ство этихъ народцевъ сохраняетъ одинаковые нравы и обычаи (кн
ст. 3).

Ѳракіяне занимали во времена Креза, т. е. около 560 г. до
двѣ области, Европейскую и Азіатскую; первая лежала между нынѣ
Мраморнымъ моремъ, часть котораго, теперешній Константинопольскій
ливъ, называлась Босфоромъ Ѳракійскимъ,—и нижнимъ теченіемъ
то есть побережье Черноморское, въ границахъ этихъ урочищъ закл
щееся; это восточный предѣлъ Ѳракіи; противоположный межевался на
шею частью съ Македоніею, а наименьшею, повидимому, прикасался
Иллиріи. Вторая область (о ней мы уже говорили) находилась по т
рону Константинопольскаго пролива, на полуденномъ Черноморскомъ
бережьи, между упомянутыми землями Биѳинянъ и Пафлагонцевъ (
ст. 3 и кн. I ст. 28. Здѣсь перечисляются малоазійскіе народы, по
ные Крезомъ; Ѳракіяне поименованы между Пафлагонянами и Биѳиня

Изъ божествъ Ѳракіяне чтутъ только: Арея—за бога войны, и
жавшагося съ птичьей головой,—у Скиѳовъ онъ чествовался, подъ в
меча, человѣческими жертвами (см. выше);—Діониса и Артемиду—б
дѣвственницу; при чествованіи ея употребляется Ѳракіянами неизбѣжно
ничная солома въ воспоминаніе Гиперборейскихъ дѣвушекъ, приносив
сюда и въ Элладу свое божество, завернутое въ такую же солому (см
раньше). Державцы же народцевъ Ѳракіи чтутъ, сверхъ этихъ
божествъ, выше всѣхъ, Гермеса. Клятвы они произносятъ его имен
самихъ себя производятъ отъ этого бога (кн. IV ст: 33 и кн. V ст.

Обычаи Ѳракіянъ, подмѣченные Геродотомъ, состоятъ въ слѣдую
жить въ праздности—высшая доблесть; обработка земли—самое пост
дѣло; порѣзы на кожѣ—знакъ благороднаго происхожденія; прекрасн
образъ жизни—военный и разбойничій; дѣтей продаютъ на чужую ст
за дѣвушками вовсе не наблюдаютъ, дозволяя имъ вступать въ сва
мужчинами по собственному каждой выбору,—но женщины замужнія
охраняются; жены покупаются у родителей за большую плату; у ка
мужчины ихъ нѣсколько; новорожденнаго встрѣчаютъ всѣ родстве
усаживаются около него и горюютъ о томъ, сколько страданій пред
ему вытерпѣть вслѣдствіе рожденія на свѣтъ, при этомъ перечис

ѣ людскія бѣдствія; покойника же предаютъ землѣ среди шутокъ и ве-
лья, указывая на то, отъ сколькихъ бѣдъ онъ избавился и въ какомъ
аженствѣ пребываетъ послѣ смерти; когда умираетъ мужчина, среди женъ
о возникаетъ ожесточенная распря, а среди друзей этихъ женъ—сильный
оръ о томъ, которую изъ женъ покойный любилъ наибольше; ту, въ
льзу которой разрѣшался споръ, превозносятъ въ похвалахъ мужчины и
енщины, а ближайшій родственникъ умерщвляетъ ее надъ могилой мужа
хоронятъ въ ней вмѣстѣ съ нимъ; прочія жены, повергаются въ сильную
орбь, потому что для нихъ—оставаться въ живыхъ по смерти мужа—
личайшій позоръ.

Богатыхъ Ѳракіянъ хоронятъ такъ: въ теченіе трехъ дней выставляютъ
трупъ, предварительно оплакавъ покойнаго дома; затѣмъ приносятъ ему въ
ертву всякаго рода животныхъ и устраиваютъ пиршества; наконецъ умер-
аго хоронятъ, или сжигая на огнѣ, или предавая землѣ; надъ прахомъ
о насыпаютъ курганъ и производятъ всевозможныя состязанія, съ награ-
ою побѣдителей: высшая награда назначается для единоборцевъ (кн. V,
г. 4—6 и 8).

Подобно Скиѳамъ, Ѳракіяне приготовляютъ себѣ изъ конопли платье,
а столько хорошее, что только опытный знатокъ сумѣетъ отличить его
тъ льняного (кн. IV ст. 74 объ этомъ сказано раньше).

Вооруженіе Ѳракіянъ Европейскихъ было такое же, какъ и Азіатскихъ,
. е. Биѳинянъ, описанное въ статьѣ о нихъ: на головахъ—лисьи шкуры,
а ногахъ и кругомъ икръ—обувь ихъ козьей кожи и пр. (кн. VII ст.
5—приведено въ ст. о Биѳинянахъ).

Тевкры. Народъ, извѣстный древнѣйшимъ писателямъ подъ именемъ
вкровъ, не существовалъ уже, какъ видно изъ сказаній Геродота, въ его
емя и не былъ сосѣдями Скиѳовъ при войнѣ ихъ съ Даріемъ; но, осно-
ваясь на извѣстіи нашего повѣствователя, хотя и признаваемомъ учеными
атоками древности сомнительнымъ, о войнѣ Сезостриса, египетскаго царя,
жду 1388 и 1322 гг. до Р. Х. (это Рамзесъ II) со Скиѳами и Ѳракія-
ми,—приведемъ сказаніе объ этихъ Тевкрахъ.

Еще до Троянской войны орда Тевкровъ переправилась въ Европу
ромнымъ полчищемъ черезъ Босфоръ и покорила всѣхъ Ѳракіянъ (кн. VII,
. 20 и 75). Похититель жены Менелая, Елены, Александръ былъ родомъ
евкръ (кн. II, ст. 113—115). Недалеко отъ Геллеспонта течетъ рѣка Стри-
онъ; Тевкры, покинувъ Трою, поселились на этой рѣкѣ (кн. V, ст 13).
ъ Даріево время сохранился еще городъ Гергиѳы, уцѣлѣвшій остатокъ со-
руженій древнихъ Тевкровъ (кн. V, ст. 122 и кн. VII, ст. 43).

Изъ этихъ извѣстій оказывается, что Троянцы были выходцы Ѳракіи,
евкры, сосѣди Скиѳовъ съ древнѣйшихъ временъ, опередившихъ Сезостриса.
Изслѣдователи старины Греко-Римской высказываютъ въ видѣ отдаленнаго
редположенія, что Тевкры происхожденія Иллирійскаго.

Пеоны. Ближайшими потомками Тевкровъ считаются Пеоны; они за-
нимали часть Ѳракіи во время похода Дарія на Скиѳію. Возвратившись изъ
неудачнаго похода, царь Персидскій жилъ въ Сардахъ и пересталъ, кажется,

думать о завоеваніяхъ; но неважный, въ сущности, слухъ заставилъ
снова поднять оружіе противъ сосѣдей Скиѳовъ—Ѳракіянъ и преимуще
венно Пеоновъ, по слѣдующему поводу. Два Пеона, родные братья, им
красавицу сестру; задумавъ добиться полученія власти надъ своею стран
они пробрались въ Азію, въ Сарды; тамъ, выждавъ время, когда царь
ходилъ въ предмѣстье Лидійской столицы для обычнаго отправленія суда,
эти братья Пеоны нарядили свою сестру—какъ можно лучше и послали
съ сосудомъ на головѣ, по-воду, научивъ вести за собою лошадь, при
занную къ рукѣ, и прясть все время ленъ. Пеонянка такъ и сдѣлала,
правляясь за водою тою дорогою, которая проходила мимо мѣста царск
суда. Дарій, увидѣвъ дѣвушку, обратилъ на нее особенное вниманіе, т
какъ трудолюбіе женщинъ необычное въ Азіи явленіе, и послалъ наб
дать, что станетъ эта красивая дѣвушка дѣлать съ лошадью. Она напо
лошадь, зачерпнула воды и пошла обратно тою же дорогою и также, в
лошадь, неся на головѣ сосудъ и вращая веретено. Царя это удивило;
приказалъ позвать дѣвушку къ себѣ; съ нею явились и братья. Узна
что всѣ они Пеоны и пришли въ Сарды добровольно отдаться ему,
Пеонія расположена по рѣкѣ Стримону, невдалекѣ отъ Геллеспонта, и
они, Пеоны, потомки Тевкровъ изъ Трои,—Дарій освѣдомился, всѣ ли ж
щины у нихъ такія же работницы, какъ и ихъ сестра, и получивъ
этотъ вопросъ утвердительный отвѣтъ, написалъ оставленному имъ во Ѳ
кіи военачальнику, чтобы тотъ поднялъ Пеоновъ съ мѣстожительства и
реселилъ ихъ въ Азію съ дѣтьми и женами. (кн. V, ст. 12—14).

Повелѣніе царя было исполнено; однакожъ не всѣхъ удалось подчин
Персамъ и переселить въ Азію, часть ихъ, занимавшая гору Пангей и о
Прасіаду и ближайшіе сосѣди: Доберы, Агріаны и Одоманты, тоже Пеоны,
сохранила свою самостоятельность и осталась на прежнемъ мѣстѣ, бла
даря поселенію, устроенному на самомъ озерѣ.

Геродотъ сообщаетъ подробности сооруженія озерныхъ построекъ та
по срединѣ озера стояли на высокихъ сваяхъ бревенчатыя постройки,
которымъ велъ съ суши узкій путь по одному мостику. Первоначально с
были утверждены усиліями всѣхъ гражданъ и возведены поверхъ ихъ
стройки, а потомъ вошло въ обыкновеніе, чтобы каждый Пеонъ, при
нитьбѣ, вколачивалъ три сваи, добываемыя на горѣ Орбелѣ,—а они имѣ
много женъ,—такъ что поселеніе постоянно разрасталось. Всякій семьян
имѣетъ свою хижину на бревнахъ, образующихъ для нея площадку повер
свай; внутри хижины имѣется опускная дверь, ведущая сквозь бревна
водѣ; малыхъ дѣтей привязываютъ за нею веревкой, чтобы они не ска
лись въ озеро чрезъ эту дверь; лошадямъ и вьючному скоту, тутъ же
вущему, кормомъ служитъ рыба; въ Прасіадѣ ее такъ много, что хозя
хижины стоитъ только поднять опускную дверь, опустить на веревкѣ
воду корзину, и, по прошествіи короткаго времени, она будетъ полна р
(кн. V, ст. 15—16).

Упомянутый выше Аристогора, явившійся къ Спартанскому державцу
Клеомену съ изображеніемъ всей земли на мѣдной доскѣ и безуспѣ

ѣждавшій его подняться на Персовъ, взволновалъ азіатскихъ Пеоновъ,— почти всѣ они возвратились, около 500 г. до Р. Х., обратно на свою дину (кн. V, ст. 98).

Изъ обычаевъ Пеоновъ Геродотъ приводитъ только одинъ, именно тотъ, торый бытуетъ между Ѳракіянами и выражается въ непремѣнномъ употбленіи пшеничной соломы при жертвоприношеніяхъ Артемидѣ, указывая мъ на общее родоначаліе обоихъ племенъ (кн. IV, ст. 33).

Македоняне. Страна на западъ отъ Ѳракіи, извѣстная подъ названемъ Македоніи, не была непосредственною сосѣдкою Скиѳіи Геродотовой, выходцы ея сидѣли въ землѣ Скиѳовъ и постоянно сталкивались съ ми, поэтому, говоря о сосѣдяхъ Скиѳіи, имѣвшихъ ту или другую долю аимнаго вліянія., не слѣдуетъ умолчать о насельникахъ Македоніи, тѣмъ це болѣе, что въ числѣ народцевъ этой страны, разновидныхъ по происжденію, не могло не быть Ѳракіянъ, Пеоновъ и даже Скиѳовъ, или ихъ томковъ и ближайшихъ родичей.

По вопросу о томъ, были ли Македоняне варвары по происхожденію, ли Эллины, у Геродота нѣтъ положительныхъ данныхъ; онъ убѣжденъ лько, что державецъ Македоніи во времена Дарія-Аминта, потомокъ одного ъ выходцевъ Аргоса, младшаго изъ рода Темена, Пердикки, былъ Эллинъ . V ст. 22, кн. VIII ст. 137); между тѣмъ, изъ его же разсказа о непущеніи сына этого Аминты, Александра, къ участію въ Олимпійскихъ ахъ, потому что варвары къ таковому не принимаются, а онъ Алеандръ, варваръ, видно, что сынъ Аминты получилъ доступъ къ единоборгу на этихъ играхъ, лишь вслѣдствіе заявленія его, что онъ не варваръ, Аргавянинъ. Принимая такимъ образомъ убѣжденіе Геродота, ограничиваимся однимъ только происхожденіемъ отъ Эллиновъ потомковъ Пердикки, аствовавшихъ въ его время въ Македоніи, мы не находимъ достаточныхъ нованій отрицать общее съ Ѳракіянами родоначаліе.

Относительно бытовыхъ особенностей Македонянъ Геродотъ сообщаетъ лько о застольномъ обычаѣ ихъ, и то имѣвшемъ мѣсто при обстоятельвахъ исключительныхъ: покоривъ Пеоновъ, военачальникъ Даріевыхъ полцъ въ Европѣ, Мегабазъ, отправилъ въ Македонію, въ качествѣ пословъ, мь Персовъ, знатнѣйшихъ, послѣ него, въ тамошнемъ войскѣ, съ требоніемъ отъ Аминты земли и воды для Дарія. Это было въ то самое время, гда Пеоны и ихъ сосѣди укрылись въ свайныхъ постройкахъ на Прасіадѣ, ъ котораго до Македоніи путь коротокъ. Аминта принялъ пословъ съ стью, далъ имъ воду и землю (т. е. безусловную покорность) и пригласилъ ихъ на пиръ, великолѣпно приготовленный. Послѣ угощенія Персы, ачительно подгулявъ, заявили хозяину: „у насъ въ Персіи, любезный кедонянинъ, существуетъ обычай, чтобы устроители большого пиршества кали съ собою за столъ своихъ законныхъ женъ и наложницъ; ты принъ насъ радушно, угощаешь великолѣпно, ты даешь царю Дарію землю оду, такъ послѣдуй и нашему обычаю". Аминта на это отвѣчалъ: ашъ обычай не таковъ, напротивъ, мужчины у насъ отдѣляются отъ щинъ; но такъ какъ вы, наши господа, желаете этого,—пусть будетъ

по вашему". Женщины, по требованію Аминты явились; пьяные Персы допустили вольное обращеніе съ ними, вызвавшее сильное негодованіе хозяина, но изъ боязни Персовъ, онъ сдержалъ себя; на выручку явился сынъ Аминты, Александръ; за позднимъ временемъ хозяинъ удалился, а замѣнившій его сынъ придумалъ средство освободить женщинъ отъ пьяныхъ пословъ и наказать ихъ за дерзость и неприличное поведеніе съ женами своего отца. Онъ предложилъ Персамъ воспользоваться женщинами и возлежать съ ними, отпустивъ ихъ на короткое время для перемѣны платья и для омовенія. Должно быть между Македонянами существовалъ обычай омовенія. Персы приняли предложеніе Александра. Послѣ омовенія явились къ охмѣлѣвшимъ гостямъ вмѣсто женъ Аминты переодѣтые въ женское платье молодые Македоняне, со скрытымъ оружіемъ; когда Персы начали разрѣшенное имъ хозяйскимъ сыномъ сладострастное заигрываніе, мнимыя женщины всѣхъ ихъ перерѣзали, а Александръ овладѣлъ привезенными послами сокровищами (кн. V, ст. 18—22).

Со словъ самихъ Македонянъ Геродотъ говоритъ, что когда-то жили по сосѣдству съ Македонянами Бриги; но выселившись въ Азію и занявъ тамъ Фригію, перемѣнили прежнее свое названіе на Фригіянъ, Арменіи—это потомки Бриговъ (кн. VII, ст. 73).

Македонія раздѣлялась на верхнюю и нижнюю; границею первой была въ западно-полночной сторонѣ гора Бермій (созвучная съ нашей Біарміей и Перміей), вслѣдствіе холода трудно доступная (кн. VII, ст. 138); нижняя Македонія лежала рядомъ съ Ѳессаліей, отдѣляясь отъ нея горнымъ кряжемъ, съ вершинами Олимпомъ и Оссою, между которыми разстилалась узкая Темпейская долина, орошаемая рѣкою Пенеемъ; эта долина представляла единственный путь изъ Македоніи въ Ѳессалію (кн. VII, ст. 173).

Геты. Во время похода на Скиѳовъ, Дарію сдались безъ боя: часть Ѳракіянъ и другіе народцы, заселявшіе страну ихъ; но Геты, изъ Ѳракіянъ болѣе мужественные и справедливые, оказали сопротивленіе; однакожъ и они не могли устоять противъ громадной численности Персидскаго ополченія—и сдались. Страна Гетовъ лежала по правую сторону Дуная, такъ что Ѳракію и ее, Дарій покорилъ прежде, чѣмъ добрался до этой рѣки. Геты непосредственные сосѣди Скиѳовъ.

Принимая Гетовъ за Ѳракіянъ и считая ихъ самыми мужественными и справедливыми, Геродотъ называетъ ихъ въ тоже время глуповатыми и ведущими жалкую жизнь; съ особеннымъ вниманіемъ онъ останавливается на вѣрѣ этого народа, признающаго себя безсмертнымъ.

Сущность вѣры Гетовъ состоитъ въ слѣдующемъ: разставаясь съ тѣломъ человѣкъ, собственно Гетъ, не умираетъ навсегда, но удаляется къ божеству Салмоксису, называемому нѣкоторыми Гебелейзисомъ. Черезъ каждые четыре года они посылаютъ изъ среды своей, по указанію жребія, одно лицо въ качествѣ вѣстника къ Салмоксису съ порученіемъ передать божеству о томъ, что въ данное время наиболѣе потребно народу. Вѣстникъ посылается при соблюденіи особаго обряда: изъ Гетовъ нѣкоторые становятся въ рядъ, съ тремя метательными копьями въ рукахъ; другіе берутъ ука-

наго жребіемъ посланца за руки и за ноги съ обѣихъ сторонъ и подсываютъ высоко на воздухъ, такъ что онъ попадаетъ на копья. Если анецъ, проколотый копьями умираетъ, это значитъ, что божество милоо къ Гетамъ; въ противномъ случаѣ винятъ самого посланца, считая человѣкомъ порочнымъ, и затѣмъ посылаютъ такимъ же порядкомъ къ еству другого вѣстника. Эти же самые Геты-Ѳракіяне пускаютъ стрѣлы небо противъ грома и молніи, сопровождая стрѣльбу угрозами божеству. мѣ Салмоксиса, Геты не признаютъ никакого другого божества. (кн. V, 4, кн. IV, ст. 93 и 94).

Эллины сказывали Геродоту, что Гетское божество, Салмоксисъ, былъ овѣкъ и притомъ состоялъ рабомъ сына Мнесархова—Пиѳагоры изъ го- Самы, что на островѣ того же имени (Самосъ на Эгейскомъ морѣ), лѣ Микале, въ Іонійской малоазійской области, (кн. I, ст. 142 и 148); слѣдствіи онъ сдѣлался свободнымъ, пріобрѣлъ большое состояніе и вер- ся снова на родину. Значитъ онъ былъ родомъ Гетъ-Ѳракіянинъ. Проая въ Іоніи Салмоксисъ освоился съ образомъ жизни туземцевъ и съ вами ихъ, представлявшимися его землякамъ слишкомъ утонченными, ъ болѣе, что онъ имѣлъ общеніе съ Эллинами и съ мудрѣйшимъ изъ ъ—Пиѳагорою. Обладая хорошими средствами, Салмоксисъ устроилъ на инѣ обширный покой и въ немъ радушно принималъ знатнѣйшихъ граж- ъ. Бесѣдуя съ гостями, хозяинъ училъ ихъ, что ни самъ онъ, ни заьные его товарищи, ни, наконецъ, потомки ихъ, хотя бы и отдаленшіе, не умрутъ, но удалятся послѣ земной жизни въ страну безсмертія ѣчно будутъ пользоваться всѣми благами. Между тѣмъ проповѣдуя таученіе, Салмокисъ соорудилъ для себя подземное помѣщеніе, куда и лся. Геты скучали по немъ, какъ по умершемъ; но проведя въ подльи три года, Салмоксисъ явился къ Гетамъ и такимъ образомъ внуъ довѣріе къ своему ученію. Приводя этотъ разсказъ, Геродотъ не вполнѣ ряетъ толкамъ Эллиновъ и полагаетъ, что если Салмоксисъ былъ и вѣкъ, онъ жилъ за много лѣтъ до Пиѳагоры; но основаній своего предженія повѣствователь не указываетъ (кн. IV, ст. 95 и 96).

Невры. Νευροι. Нравы ихъ Скиѳскіе. За одно поколѣніе до похода я,—значитъ около 600 лѣтъ до Р. Х., змѣи вынудили этотъ народъ нуть всю страну свою и поселиться въ землѣ Будиновъ. Кажется, что и эти—колдуны; Скиѳы и Эллины, живущіе въ Скиѳіи, разсказываютъ, одинъ разъ въ годъ каждый Невръ становится волкомъ на нѣсколько , а потомъ снова принимаетъ человѣческій обликъ (кн. IV, ст. 105).

Андрофаги, муже-съѣдатели,— жили приблизительно въ нынѣшней Смокой землѣ, по мнѣнію Ѳ. Г. Мищенки, тогда какъ Геродотово опредѣе страны ихъ не исключаетъ возможности искать ее и въ сторонѣ отъ ленской. Геродотъ говоритъ: Отъ Истра внутрь материка Скиѳы грани- прежде всего съ Агафирсами, потомъ съ Неврами, далѣе на востокъ Андрофагами, наконецъ—съ Меланхленами. Вопросъ о странѣ Андрофатѣсно связанъ съ положеніемъ и пространствомъ земли Невровъ, Меленовъ и Будиновъ. Если Невры жили въ Геродотово время уже не

въ той странѣ, которую онъ называетъ Невридою, а въ землѣ Буд
куда змѣи принудили ихъ переселиться почти за 200 лѣтъ ранѣе Ге
другими словами—если въ Невридѣ не было при Геродотѣ Невровъ,
комъ случаѣ ихъ надобно селить съ Будинами, и Андрофаги придутся
уже не сосѣдями ихъ. Болѣе ясное, или болѣе приблизительно-точное
наніе на страну Андрофаговъ мы попытаемся найти послѣ разсмо
сказаній о Будинахъ, Гелонахъ и Меланхленахъ.

По словамъ Геродота Андрофаги изъ числа всѣхъ людей имѣютъ
дикіе нравы: нѣтъ у нихъ ни правды, ни закона. Образъ жизни—ко
одѣваются по скиѳски, но языкъ имѣютъ особенный. Изъ всѣхъ изр
живущихъ за Скиѳіею, они одни употребляютъ въ пищу человѣческо
(ст. 106).

Агаѳирсы произошли отъ старшаго сына Геракла и дѣвушки
Страну ихъ опредѣляютъ нынѣшнею Трансильваніею; здѣсь протекает
Маросъ, вливающаяся въ Дунай справа; по Геродоту созвучный ей п
Истра, рѣка Марисъ получала свое начало въ землѣ Агаѳирсовъ (
ст. 10, 49). Они имѣли своихъ царей, одинъ изъ которыхъ
Скиѳскаго царя Аріанейѳеса, отца упомянутаго Скилы, поплатва
жизнью за измѣну вѣковѣчнымъ божествомъ и обычаямъ своего
Агаѳирсы отличаются отъ Скиѳовъ и другихъ сосѣдей своихъ самы
кими нравами; очень охотно носятъ золотыя украшенія; женщинами
зуются сообща, съ тою цѣлью, чтобы всѣмъ быть братьями и р
между собою и не возбуждать другъ въ другѣ ни зависти, ни враж
остальномъ они походятъ по образу жизни на Ѳракіянъ. Когда Да
нялся за Скиѳами, они, отступая послѣдовательно въ земли сосѣдей,
желавшихъ вступить въ борьбу съ Персами въ качествѣ союзниковъ
скихъ царей, чтобы такимъ образомъ наказать этихъ сосѣдей, земл
рыхъ Дарій разорялъ въ погонѣ за Скиѳами,—отступили въ стран
фирсовъ, тоже не согласившихся на союзъ со Скиѳскими царями,
разореніи Даріемъ земель Меланхленовъ, Андрофаговъ и Невридъ. Аг
вооружились, двинули войско къ границы Скиѳіи и принудили
перейти въ Невриду и отступать передъ полчищами Персовъ снова по
владѣніямъ (ст. 78, 100, 102, 104, 125).

Меланхлены. Опредѣлить съ точностью страну этого народа у
изслѣдователямъ еще не удалось; съ вѣроятностью, повидимому наибо
для нея указываютъ, начиная съ Воронежскихъ уѣздовъ, земли К
Черниговскую и Могилевскую (указатель Мищенка). Меланхлены
особенный, не скиѳскій; образъ жизни такой же, какъ и у Скиѳов
носятъ черную одежду, отъ которой и получили свое наименованіе (
ст. 20, 100, 101, 107, 119 и 120).

Савроматы. Объяснители Геродота даютъ Савроматіи простран
востокъ отъ Азовскаго моря, между Дономъ и Волгою, въ полночной
Земли войска Донскаго и въ полуденной—Саратовской. О происх
Савроматовъ Геродотъ сообщаетъ много полезныхъ для задачи нашего
ства указаній; не лишни также и другія подробности объ этомъ н
Въ наукѣ оно называется Сарматскимъ, а народъ—Сарматами.

Происхожденіе Савроматовъ Геродотъ объясняетъ такъ: на Эллиновъ напали Амазонки, которыхъ Скиѳы называютъ „Ойоръ пата“, что значитъ „муже-убійцы“. На рѣкѣ Ѳермодонтѣ Эллины ихъ разбили, захватили многихъ живыми и на трехъ судахъ отплыли, вмѣстѣ съ плѣнницами, по рѣкѣ.

Въ открытомъ морѣ,—(Ѳермодонтъ, рѣка въ Каппадокіи, впадаетъ въ Понтъ; здѣсь жили Сиріяне-хаттиты и Амазонки) плѣнницы напали на мужчинъ и перебили ихъ; но съ водоплаваніемъ женщины эти не были знакомы и не умѣли обращаться ни съ мачтами, ни съ парусами, ни съ веслами, и потому, перебивши мужчинъ, понеслись по волнамъ за вѣтромъ и прибыли къ Кремнамъ (см. выше) на Меотійскомъ озерѣ, въ землю свободныхъ Скиѳовъ. Здѣсь Амазонки сошли съ судовъ и пѣшкомъ дошли до обитаемой мѣстности, завладѣли первымъ попавшимся стадомъ лошадей, сѣли на нихъ верхомъ и занялись грабежомъ скиѳскихъ владѣній.

Скиѳы приняли Амазонокъ за мужчинъ одинаковаго возраста и, не зная ни ихъ языка, ни народности, ни одежды, вступили съ ними въ бой; только послѣ сраженія, завладѣвъ трупами, узнали, что это женщины и затѣмъ на совѣтѣ рѣшили—не убивать болѣе Амазонокъ ни въ какомъ случаѣ, а отправить къ нимъ самыхъ молодыхъ своихъ мужчинъ въ такомъ, приблизительно, числѣ, сколько было Амазонокъ; юноши должны были расположиться станомъ по сосѣдству съ ними и дѣлать все, что не дѣлали-бы воительницы; но если онѣ станутъ преслѣдовать юношей, не сражаться, а убѣгать, пока женщины не остановятся; тогда вернуться и снова расположиться по сосѣдству съ ними. Скиѳскіе юноши исполнили постановленіе совѣта старшинъ, прибыли къ Амазонкамъ; женщины не нападали на нихъ и мало по малу сошлись съ юношами, переняли ихъ языкъ и, когда сжились со Скиѳами, какъ со своими мужьями, убѣдили ихъ перебраться за Донъ, гдѣ и поселились, въ трехъ дняхъ пути къ востоку отъ этой рѣки и на такомъ же разстояніи къ полночи отъ Азовскаго моря. Съ того далекаго времени, говоритъ Геродотъ, женщины Савроматовъ ведутъ нынѣшній образъ жизни: вмѣстѣ съ мужьями и безъ нихъ ѣздятъ верхомъ на охоту и на войну, и одѣваются также какъ и мужья ихъ. Савроматы говорятъ языкомъ Скиѳскимъ, но съ давняго времени искаженнымъ, такъ какъ Амазонки недостаточно усвоили его въ первое время. Относительно брака у Савроматовъ соблюдается слѣдующее правило: ни одна дѣвушка не выходитъ замужъ, пока не убьетъ врага; нѣкоторыя доживаютъ до старости и умираютъ дѣвственницами (кн. IV, ст. 110—117)

Амазонки Свѣдѣнія древнихъ повѣствователей объ Амазонкахъ сбивчивы. Ими считаютъ жрицъ богини-воительницы,—„Мо“, почитавшейся у Хиттитовъ, Эллинскихъ Левко—Сиріевъ.

Амазонокъ признаютъ основавшими много городовъ, и въ числѣ ихъ—Эфесъ, Смирны, Кумы; вооруженіе ихъ состояло изъ двухстороннихъ сѣкиръ; со щитомъ или лукомъ въ рукахъ, онѣ совершали священныя пляски въ честь своей богини. Говорятъ, что Амазонки не дали помощи Троянцамъ.

Замѣтимъ здѣсь, что у Скиѳовъ было обыкновеніе въ особенно-важныхъ случаяхъ собирать совѣтъ; такъ они поступили во время похода Дарія

и какъ сказано выше; юноши, то есть люди молодые, не старшіе въ народѣ, безпрекословно подчинялись постановленію совѣта старшихъ.

Болѣе подробныя объ Амазонкахъ свѣдѣнія у Страбона; къ нимъ мы обратимся по окончаніи выписокъ изъ Геродота.

Будины. Мы уже имѣли случай говорить о положеніи земли Будиновъ по Геродоту и по толкователямъ его сказаній. Здѣсь приведемъ точныя слова повѣствователя: „По ту сторону Тинаида нѣтъ болѣе Скиѳіи, первыми тамъ живутъ Савроматы (см. выше); вся страна ихъ лишена дикихъ и садовыхъ деревьевъ. Надъ Савроматами живутъ Будины, занимающіе второй участокъ земли, весь покрытый густымъ разнороднымъ лѣсомъ. Выше Будиновъ, къ полночи отъ нихъ, лежитъ пустыня на протяженіи семи дней пути (кн. IV, ст. 21 и 22). Въ виду вторженія въ Скиѳію огромнаго войска Дарія, собрались на совѣщаніе для отраженія Персовъ цари сосѣднихъ съ нею народовъ: Тавровъ, Агаѳирсовъ, Невровъ, Андрофаговъ, Меланхленовъ, Гелоновъ, Будиновъ и Савроматовъ (ст. 102). За одно поколѣніе до похода Дарія въ землѣ Будиновъ поселились Невры (см. выше ст. 105). Будины народъ многолюдный, съ свѣтло голубыми глазами и рыжими волосами. Въ землѣ ихъ есть деревянный городъ по имени Гелонъ; каждая сторона городской стѣны имѣетъ въ длину тридцать стадій (почти полверсты) Будины, туземцы въ этой странѣ, ведутъ кочевую жизнь и одни изъ тамошнихъ народовъ, питающіеся сосновыми шишками (кедровые орѣхи). Эллины называютъ Будиновъ Гелонами, но это неправильно. Страна ихъ имѣетъ въ обширнѣйшемъ изъ лѣсовъ большое озеро, окруженное болотомъ и тростникомъ. Въ озерѣ ловятся выдры, бобры и другія животныя съ четыреугольными мордами; кожи ихъ употребляются на опушку для кафтановъ (ст. 108 и 109). Въ погонѣ за Скиѳами по странамъ, опустошеннымъ самими ими и союзниками, Персы вошли въ землю Будиновъ, напали на покинутое ими деревянное сооруженіе и сожгли его (ст. 123).

Слѣдуетъ отмѣтить, что Геродотъ, перечисляя различныя племена Мидійскаго народа, называетъ одно изъ нихъ именемъ „Будіи“ (кн. I, ст 101).

У Будиновъ имѣются святилища Эллинскихъ божествъ съ идолами, алтарями и храмами изъ дерева, а въ честь Діониса устраиваются у нихъ каждые два года празднества, сопровождаемыя шумнымъ весельемъ (кн. IV, ст. 108);—Діонисъ—одно изъ древнѣйшихъ божествъ, онъ олицетворяетъ, по понятіямъ Эллиновъ, вино, въ многообразномъ дѣйствіи этого напитка на человѣка; Діониса почитали всѣ народы Стараго Свѣта, хотя и подъ разными наименованіями, напримѣръ: Египтяне—Осириса, Арабы—Ороталта и проч. (кн. II, ст. 42 и 144; кн. III, ст. 8 и 111). Какое имя онъ носилъ среди Будиновъ, Геродотъ не сказываетъ; возможно что, какъ божество заимствованное, Діонисъ или приравнянъ былъ къ скиѳскому Папаю, или оставался съ чужимъ именемъ.

Гелоны. Родоначальникъ ихъ Гелонъ, средній сынъ Геракла и дѣвушки-змѣи. Въ городѣ Будиновъ—Гелони есть святилище Эллинскихъ божествъ съ кумирами, алтарями и храмами изъ дерева, а въ честь Діониса устраиваются тамъ каждые два года празднества съ обильнымъ упо-

ебленіемъ вина, плясками и пр. (съ оргіями). Гелоны были первоначально же Эллины, удалившіеся изъ торговыхъ городовъ и поселившіеся среди диновъ. Одни изъ нихъ говорятъ на скиѳскомъ языкѣ, другіе—на эллинъ. Хотя Будины ведутъ такой же образъ жизни, какъ и Гелоны, но ворятъ на особомъ языкѣ (кн. IV, ст. 108).

Геродотъ называетъ Гелономъ, кромѣ Гераклова сына, еще другое лицо. овѣствуя о нападеніи на Элладу Ксеркса, около 481 г. до Р. Х., онъ азываетъ, что Аѳиняне, разославъ въ сосѣднія земли соглядатаевъ и поовъ, снарядили посольство и въ Сицилію къ сыну Диноменеса, Гелону, Керкиру, съ требованіемъ оказать помощь Элладѣ, и на Критъ. Силы елона считались значительными, далеко превосходившими всякое другое ладское государство (кн. VII, ст. 145). Предокъ этого Гелона, обитатель елы, происходилъ съ острова Тела, что у Тріонія; онъ принялъ участіе основаніи Гелы жителями Линда, Рода и Антифема. Потомки его были рховными жрецами божествъ преисподней и непревывно исполняли эту язанность (ст. 153). Гела—городъ на полудикомъ берегу Сициліи; Телъ—тровокъ подлѣ мѣстечка Тріопій, недалеко отъ Рода и Книда.

Ѳиссагеты. Большинство ученыхъ отводитъ этому не скиѳскому наду страну на полночь—къ востоку отъ Волги, между нею и рѣкою Камой. инъ только Брунъ помѣщаетъ ихъ на полосѣ, орошаемой нижнимъ Дономъ, а также на той, что лежитъ между Донцомъ и Дономъ (Ѳ. Г. Миенко. Указатель къ Геродоту). Въ одной съ ними странѣ живутъ **Іирки**. и другіе добываютъ средства къ жизни охотою. Іиркъ охотится такъ: лѣзаетъ на дерево и тамъ устраиваетъ засаду; а деревьями изобилуетъ я страна ихъ; у каждаго охотника имѣется наготовѣ лошадь и собака; шадь небольшого роста и пріучена лежать животомъ на землѣ. Завидѣвши дерева дичь, охотникъ стрѣляетъ по ней изъ лука, потомъ садится на шадь и пускается въ погоню за добычей; собака неотступно слѣдуетъ за мъ (кн. IV, ст. 22).

Аргиппаи—или плѣшивые, питаются преимущественно плодами *„понтика“*. Такъ называется дерево; оно почти такой же величины какъ фивое; плодъ похожій на бобы содержитъ въ серединѣ зерно; когда плоды зрѣваютъ, ихъ процѣживаютъ сквозь полотно, чорный сокъ, такимъ образомъ получаемый, достаточно густъ; его называютъ „асхи“, смѣшиваютъ молокомъ и пьютъ, а изъ выжимка (густой части, остающейся на потнѣ) приготовляютъ лепешки и ѣдятъ. Не имѣя пастбища для скотоводва, эти Агриппаи живутъ каждый подъ особымъ деревомъ, которое на му покрывается толстымъ бѣлымъ войлокомъ, а на лѣто оставляется отытымъ. Никто изъ людей не обижаетъ Агриппаевъ, считая ихъ священми; не имѣя никакого оружія, эти кроткіе обитатели земель, сосѣднихъ скиѳскими и будино-гелонскими, улаживаютъ раздоры въ средѣ окрестхъ народовъ; а убѣжавшій къ нимъ изгнанникъ защищенъ отъ какой-бы ни было обиды. Страну Аргиппаевъ навѣщаютъ Скиѳы и жители Борисѳеса и прочихъ торжищъ Понта; но кто ходитъ къ нимъ, тотъ пользуется я своихъ дѣловыхъ сношеній семью переводчиками и семью языками (ст.

скіе, греческіе и римскіе, хорошо извѣстные всякому изъ учебниковъ, смертью такихъ вожаковъ-державцевъ племена, временно сплоченные силою оружія, но не связанные единствомъ тяготѣнія къ прочно устан леннымъ началамъ доступнаго всѣмъ достиженія истиннаго блага,—л было привлечь на свою сторону другимъ вожакамъ, разрушая безъ бол ширныя владѣнія великихъ царей. Повторявшіяся часто перемѣщенія е динъ духовнаго тяготѣнія по волѣ выдающихся державцевъ мѣшали пле намъ и народамъ пустить корни въ почву занимаемой ими страны, воспитанія и укрѣпленія племенно-бытовыхъ достояній, унаслѣдованны отъ отдаленнѣйшихъ родоначальниковъ; словомъ бродячій образъ жизни м менъ и народовъ древняго міра былъ въ полномъ ходу въ вѣка древ лѣтописные, давшіе Геродоту и его предшественникамъ то отрывочныя, достаточно цѣльныя и обстоятельныя свѣдѣнія о Скиѳіи и ея обита ляхъ, бродившихъ по той части Европы и Азіи, на которой выступ впослѣдствіи Ильменское державство уже съ готовымъ строемъ внутрен жизни.

Чтобы разобраться въ пестротѣ многоразличныхъ,—бытующихъ въ н время между населеніемъ тѣхъ предѣловъ страны Ильменской, которыми се ограничиваемъ,—обычаевъ, повѣрій, условій домашней жизни и т подобныхъ проявленій духовной природы человѣка, необходимо считаться бытовыми, занесенными въ письменные памятники глубокой древно условіями духовной природы,—по возможности,—всѣхъ народовъ, уступ шихъ срединнымъ тяготѣніямъ и переходившихъ изъ одной страны въ друг изъ Африки въ Азію и Европу и обратно, такъ какъ при подобныхъ ст ныхъ переселеніяхъ, не могло не быть обмѣна духовнымъ богатством заимствованій между племенами инородными и иноземными при взаимны столкновеніяхъ и сожительствѣ, хотя бы и неособенно продолжительном

Установивъ для своихъ изысканій въ области народовѣдѣнія та взглядъ на значеніе для бытовыхъ особенностей нашей страны стародавн передвиженій племенъ и народовъ, мы признаемъ полезнымъ для предст щихъ работъ нашего общества, хотя бы и въ далекомъ будущемъ, ос новиться на современникахъ Скиѳовъ: Африки, Азіи и Европы, нравы, обыч вѣрованія, домашняя, а частью и общественная жизнь которыхъ были пр метомъ наблюденій, замѣтокъ и свѣдѣній, занесенныхъ Геродотомъ и д гими повѣствователями древности въ ихъ лѣтописи.

Выписки по этому предмету мы укоротимъ настолько, наско сказанія Геродота могутъ имѣть, при доступномъ намъ знакомствѣ съ д ными народовѣдѣнія, отношенія къ наблюденіямъ, сдѣланнымъ учеными слѣдователями надъ духовною природою и внутреннимъ строемъ народ всего земного шара, такъ называемыхъ: дикихъ, полудикихъ и замкнутыхъ вліянія государственныхъ началъ, выработанныхъ народами Европы, с тающими себя передовыми вожаками въ дѣлѣ развитія и роста всего че вѣчества, -а главнымъ образомъ насколько сказанія Геродота имѣютъ раженіе, хотя бы блѣдное и туманное, въ насельникахъ нашей страны.

а) Африканскіе.

Выписки о современникахъ Скиѳовъ мы начинаемъ Африкою не без-
нно: Геродотъ считаетъ ее благодѣтельнѣйшею для людей, съ вѣчнымъ
мъ; а по словамъ жрецовъ египетскихъ здѣсь колыбель человѣчества
Указатель къ Геродоту, а также кн. II, ст. 24 и 26, кн. IV, ст. 29)
внимъ писателямъ извѣстна только полуночная часть Африки, побережье
диземнаго моря, незначительное пространство въ глубь материка и по
гу западнаго океана; болѣе же подробно они, вмѣстѣ съ Геродотомъ,
отъ Египетъ, Нубію, частью Абиссинію и причисляемую къ Африкѣ
вію.

Карѳагеняне. Геродотъ сообщаетъ немного данныхъ о Карѳагенянахъ
времени, вообще, да и сообщаемое имъ не обнимаетъ бытовой стороны
го народа, касаясь только участія его въ войнахъ. Единственными,
ющими для нашего предмета значеніе свѣдѣніями представляются слѣ-
щія: во время войны Карѳагенянъ съ Гелономъ Сициліи, военачальникъ
, сынъ Карѳагенскаго царя Аннона, Амилка, Сиракузянинъ по матери,
о 488—473 г. до Р. Х., пропалъ безъ вѣсти послѣ понесеннаго пора-
нія, хотя Карѳагеняне говорили Геродоту, что Амилка во все продол-
ие сраженія, съ утра до вечера, оставался въ своемъ станѣ, совѣршалъ
твоприношенія и испрашивалъ благопріятныхъ знаменій, сожигая на
шемъ кострѣ тѣла цѣликомъ; производя возліяніе на жертву, онъ
ѣлъ свои войска обращенными въ бѣгство, самъ кинулся въ огонь и
бъ въ пламени; исчезъ ли Амилка такимъ образомъ, или иначе,—про-
аетъ Геродотъ,—но въ честь его установлены жертвоприношенія и по
ъ городамъ поселеній сооружены памятники,—наибольшій въ самомъ
агенѣ (кн. VII, ст. 165—167). Изъ этого разсказа видно, что у Кар-
нянъ было обыкновеніе приносить богамъ человѣческія жертвы.

Извѣстно, что Карѳагенъ основанъ Финикіянами; по ихъ говору онъ
вается „Cartada", что значитъ „новый городъ"; по гречески „Καρχηδών",
ушенъ въ 146 г. до Р. Х., находился въ африканской области Зев-
нѣ.

Замѣтимъ, что нынѣ существующій Неаполь—тоже новый городъ, и
городовъ и селеній того же наименованія было много; ихъ мы перечи-
ъ въ выпискахъ изъ Страбона, сообщающаго нѣсколько подробностей
ждомъ. Геродотъ знаетъ, кромѣ Карѳагена, два новыхъ города,—одинъ
Ѳивскомъ округѣ Египта, близъ Хеммиса (кн. II, ст. 91),—теперь Кенеѣ
ругой—на Палленѣ, составлявшей западный полуостровъ Халкидики,
жней Флегры (кн. VIII, ст. 116—130).

По поводу выписокъ объ африканскихъ современникахъ Скиѳовъ, на-
нимъ объ извѣстіи Геродота, помѣщаемомъ въ учебникахъ: египетскій
Нехо, или Νεχως, сынъ Псамметиха, поручилъ Финикіянамъ, а можетъ
собственно Карѳагенянамъ, какъ сосѣдямъ, совершить путешествіе
угъ Африки, между 617 и 601 гг. до Р. Х. Плаваніе началось изъ

Еритрейскаго моря (Персидскій заливъ); путешественники при наступ осени приставали къ берегу; засѣвали землю и дожидались жатв уборкѣ хлѣба плыли дальше. Обогнувъ Африку, они прошли Гибралта проливъ (Геракловы Столбы) на третій годъ и возвратились въ Ег (кн. II, ст. 158 и кн. IV, ст. 42).

Лѣтъ полтораста спустя, предпринято было, по повелѣнію персид царя Ксеркса, сына и преемника Дарія, около 450 года до Р. Х. д путешествіе вокругъ Африки *Сатаспесомъ*, въ наказаніе за изнасил дѣвственной внучки Мегабиза. Этого Сатаспеса Ксерксъ рѣшилъ был *садить на колъ*, но мать его, сестра отца Ксеркса, испросила сыну милованіе съ замѣною назначеннаго царемъ наказанія—другимъ по вы самой матери; именно, виновный долженъ былъ объѣхать вокругъ Аф Сатаспесъ, однакоже, обогнувъ значительную часть ея съ западной сто вернулся назадъ, объяснивъ что судно его было задержано мелями; Ко не повѣрилъ и велѣлъ посадить его на колъ Во время плаванія вдо падпаго берега Сатаспесъ проходилъ мимо страны, населенной малаго людьми, одѣвающимися въ платье изъ пальмовыхъ листьевъ, и ка разъ, когда корабль его приближался къ берегу, эти люди покидали и и убѣгали въ горы; Сатаспесъ же, со своими спутниками входилъ в родъ маленькихъ людей и, необижая оставшихся въ нихъ, забиралъ с бою только скотъ (кн. IV, ст. 43).

Еѳіопы. Геродотъ знаетъ Еѳіоповъ азіатскихъ и африканскихъ. П занимали семнадцатый округъ Персіи (кн. III, стр. 263), повидимо въ Аравіи, рядомъ съ Индіею; ихъ повѣствователь называетъ, въ от отъ африканскихъ, восточными: въ войскахъ Ксеркса, во время его довъ, эти восточные эѳіопы шли рядомъ съ индійцами, отъ которых не отличались по внѣшности, имѣя только прямые волосы и особый я вооруженіе было неодинаковое; Эѳіопы носили на головѣ, взамѣнъ п кожу со лба лошади, съ ушами и гривой: уши стоятъ прямо (подоб говъ?), а грива—пучкомъ вверхъ; вмѣсто щитовъ употребляли для пр тія тѣла журавлиныя шкурки (не страусовыя-ли?) на себя надѣвали совыя и львиныя шкуры; луки имѣли изъ пластинокъ пальмоваго д длинные, не меньше, какъ въ четыре локтя, а стрѣлы короткія, тр ковыя; наконечникомъ стрѣлы служилъ вмѣсто жилѣза заостренный к (кремень?), такой самый, какимъ рѣжутъ печати (кварцъ? обсидіанъ?); ихъ имѣли наконечникомъ заостренный же, на подобіе желѣзнаго, ро тилопы; кромѣ того они пользовались, какъ оружіемъ, дубинками, об гвоздями; передъ сраженіемъ окрашивали тѣло, половину гипсомъ, а д сурикомъ (кн. VII, стр. 164) Киприяне говорятъ, что вмѣстѣ съ участвовали въ морской службѣ Дарія и восточные Эѳіопы (кн. VII, 164 и 169).

Изслѣдователи полагаютъ, что Эѳіопы азіатскіе занимали часть об рѣки Инда,—Гедрозіи и Керманіи.

Африканскіе Эѳіопы раздѣлялись на три вѣтви:—одна занимала с библейскаго Куша (теперь Нубія), на полдень отъ древняго Египта,

я —на полдень отъ этой, а третья составляла страну пещерныхъ жи-
ей—Троглодитовъ.

Страна, заселенная первою вѣтвью Эѳіоповъ, лежала надъ городомъ
пантиною. Геродотъ лично доходилъ до этого города, и еще далѣе на
день до другаго города, Мероэ, служившаго столицею царя Эѳіоповъ. Цѣль
путешествія—обозрѣніеверховьевъ Нила, потому собственно о народѣ
ѣствуется весьма немного. Эти Эѳіопы миролюбивы, хотя были дикими
переселенія къ нимъ Египтянъ, отложившихся въ числѣ двухсотъ сорока
ячъ отъ власти Псамметиха; смѣшавшись же съ переселенцами, они
ли болѣе благодушны и усвоили египетскіе нравы. Большая часть на-
енія ведетъ кочевой образъ жизни, земля же, въ которой городъ Мероэ,
ята осѣдлыми жителями (кн. II, стр. 127 и 128).

Вторую вѣтвь составляли такъ называемые долговѣчные Эѳіопы. Они
имали побережье полуденнаго моря, т. е. Индійскаго океана. Камбиса,
рь персидскій, намѣревался завоевать страну этихъ Эѳіоповъ, но зная о
й слишкомъ мало, послалъ для развѣдокъ соглядатаевъ, подъ предлогомъ
днесенія царю ея даровъ; для этого Камбиса вызвалъ изъ города Еле-
нтиды нѣсколько человѣкъ изъ племени Ихѳіофаговъ (рыбоѣдовъ), знаю-
ихъ эѳіопскій языкъ и послалъ съ ними дары: пурпурное платье, золотую
пь на шею, золотыя запястья, алебастровый сосудъ съ миромъ и кув-
инъ пальмоваго вина. У этихъ долговѣчныхъ Эѳіоповъ, самыхъ рослыхъ
красивыхъ, заведены совершенно особенные порядки, отличающіе ихъ
всѣхъ прочихъ народовъ; таковъ въ сущности выборъ на царство: до-
йнѣйшимъ власти царской признается тотъ изъ соплеменниковъ, кто ока-
ся наибольшаго роста и соотвѣтствующей росту силы. Ихѳіофаги испол-
и порученіе Камбисы, но царь Еѳіоповъ долговѣчныхъ сразу понялъ цѣль
льства и, показавъ имъ всѣ достопримѣчательности своей страны, от-
тилъ, сказавъ: „Персидскій царь послалъ васъ съ дарами ко мнѣ не
ому, что считаетъ важнымъ для себя союзъ со мною; вы сами говорите
равду, потому что пришли въ мои владѣнія въ качествѣ соглядатаевъ;
ь, пославшій васъ ко мнѣ, безчестенъ, если добивается обладанія другою
аною, кромѣ своей, чтобы поработить народъ, не сдѣлавшій ему никакой
ды. Передайте ему этотъ лукъ и скажите: царь Эѳіоповъ совѣтуетъ
ю Персовъ только тогда идти войною на долговѣчныхъ Эѳіоповъ,—хотя
и въ большомъ числѣ воиновъ,—когда Персы будутъ натягивать такой
ичины лукъ съ тою же легкостью, какъ натягиваю я; а пока онъ дол-
ъ благодарить боговъ, что они не внушаютъ сынамъ Эѳіоповъ охоты
соединять къ своей землѣ чужую“, съ этими словами онъ отпустилъ
иву и вручилъ лукъ посламъ.

Изъ всѣхъ даровъ Камбисы царю Эѳіоповъ понравилось только вино.
іофаги, вернувшись къ своему повелителю, разсказали, что видѣли, и
едали рѣчи царя. Комбиса разгнѣвался, двинулъ свое войско въ страну
говѣчныхъ Эѳіоповъ, но голодъ и трудность пути принудили его вер-
ься съ полдороги.

Послы Камбисовы сообщили, что „долговѣчные“ Эѳіопы живут двадцать лѣтъ и болѣе, питаясь вареным мясомъ и молокомъ; что купаются въ источникѣ, вода котораго дѣлаетъ тѣло блестящимъ, как намазаннымъ масломъ; что золота у нихъ множество; заключенны тюрьму заковываются въ тяжелыя золотыя цѣпи; но мѣди вовсе нѣ она считается величайшею драгоцѣнностью; что покойниковъ они залив алебастромъ и наводятъ на заливкѣ рисунокъ, воспроизводящій умер затѣмъ кладутъ въ стеклянный гробъ и держатъ дома цѣлый годъ, п ставляя ему первые плоды и принося жертвы, а затѣмъ гробъ унося ставятъ въ окрестностяхъ города.

Къ третьей вѣтви Эѳіоповъ Геродотъ относитъ обитателей самой ней, на полдень, Африки и называетъ ихъ „пещерными“ по жител въ горныхъ норахъ и разсѣлинахъ; они питаются змѣями, ящерица другими подобными пресмыкающимися; языкъ пещерныхъ Эѳіоповъ н хожъ ни на какой другой: они шипятъ какъ летучія мыши. Нынѣ ученые думаютъ, что потомки этихъ Эѳіоповъ—современные намъ То живущіе и теперь въ пещерахъ (кн. III, стр. 220—225; кн. IV, стр.

Ливіяне. Геродотъ называетъ всѣхъ вообще обитателей Африки вѣстной древнимъ писателямъ подъ именемъ Ливіи,—Ливіянами; но и мѣстныя прозвища народовъ и народцевъ, съ которыми имѣли сно или только сталкивались изрѣдка Египтяне, Персы и Эллины. Такіе н и народцы сидѣли въ Геродотово время на полночномъ, а частью на номъ побережьѣ Африки. Для нашей задачи нѣтъ надобности въ подро изложеніи извѣстій повѣствователя древности обо всѣхъ Ливійскихъ дахъ и народцахъ; о нѣкоторыхъ же необходимо сдѣлать выписки, краткія, для сопоставленія ихъ съ добытыми народовѣдѣніемъ данным

Ливіяне,—говоритъ Геродотъ,—расположены въ слѣдующемъ пор начиная отъ Египта, первыми живутъ:

Адирмахиды; большая часть учрежденій у нихъ египетскія; ваются какъ всѣ Ливіяне; женщины носятъ на обѣихъ ногахъ мѣ кольца; волосъ онѣ не стригутъ; когда поймаютъ вошь, давятъ ее на бахъ и бросаютъ; изъ всѣхъ Ливіянъ они одни только такъ поступа равнымъ образомъ они одни привозятъ своихъ дѣвушекъ, передъ всту ніемъ ихъ въ бракъ, на показъ царю; которая ему понравится, та от царю свою дѣвственность (кн. IV, стр. 372).

За Адирмахидами жили въ западномъ направленіи: *Гилигамы*, *бисты*, *Кириняне* и *Авсхисы*.

Насамоны за Авсхисами. Этотъ народъ многочисленъ; они собир пальмовые плоды, охотятся на саранчу, сушатъ ее на солнцѣ, перем ваютъ, мѣшаютъ съ молокомъ и пьютъ. Каждый Насамонъ имѣетъ женъ, но женщинами всѣ пользуются сообща; подобно Массагетамъ каж желающій сообщиться съ избранной женщиной, ставитъ передъ двер хижины палку,—и сообщается свободно. Въ силу обычая, имъ о принадлежащаго, невѣста Насамона, если онъ женится въ первый обходитъ во время брачнаго празднества всѣхъ гостей—мужчинъ и

ется съ каждымъ, получая за это отъ всякаго приносимый съ этою ью подарокъ. Клятву и гаданія совѣршаютъ слѣдующимъ образомъ: клятва износится во имя тѣхъ лицъ, которыя, по народному признанію, были тнѣйшими и доблестнѣйшими людьми, на ихъ могилахъ, къ которымъ лючающіе клятву прикасаются; для гаданія отправляются на могилы дковъ, произносятъ молитвы и тутъ же ложатся спать; что увидитъ га- щій во снѣ, тому онъ и вѣритъ. Договоры заключаются такъ: договари- щіеся дѣлаютъ, каждый на своей рукѣ, надрѣзы и пьютъ кровь другъ га; если не случится при этомъ никакой жидкости, они поднимаютъ ь и лижутъ ее.

За Нассамонами къ западу жили Псиллы, погибшіе въ пескахъ; а къ дню сидятъ Гараманты, избѣгающіе общенія съ кѣмъ-бы то ни было; ѣе къ западу, за землею Псилловъ, занятою Нассамонами, вдоль моря имаютъ побережье:

Маки; они стригутъ волосы очень коротко, оставляя ихъ не тронуми во всю жизнь на макушкѣ; сосѣди ихъ *Гиндоны*, отличающіеся обымъ женщинъ ихъ носить вокругъ лодыжекъ столько кожаныхъ колецъ, лько каждая имѣла сообщеній съ мужчинами; чѣмъ больше такихъ коцъ, тѣмъ женщины почетнѣе. Далѣе слѣдуютъ *Лотофаги*, питающіеся тосомъ, растеніемъ дающимъ плодъ, похожій видомъ на фисташку, а усомъ на плодъ пальмоваго дерева; похожіе на нихъ и питающіеся также тосомъ *Махліи* занимаютъ землю до рѣки Тритона и часть берега озера итониды, а другая часть занята *Авсеями*; эти послѣдніе, какъ и Наоны, имѣютъ общее сношеніе съ женщинами, но браковъ у нихъ нѣтъ, бщаются какъ животные; каждый мѣсяцъ мужчины собираются въ одно сто; если ребенокъ какой нибудь женщины пришелъ къ подобному времи сборища въ возрастъ, онъ считается сыномъ того изъ мужчинъ, на ораго похожъ (кн IV, стр. 872—378).

Всѣ перечисленные народы—кочевники; къ западу отъ озера Тритоцы обитатели ведутъ осѣдлую жизнь и имѣютъ другіе обычаи.

Геродотъ обобщаетъ жертвенные и погребальные обычаи Ливіянъ-кочевковъ въ слѣдующемъ видѣ: обреченному на жертву животному обрѣзаютъ ть и бросаютъ ее черезъ жилище; затѣмъ шею животнаго поворачиваютъ адъ (задушеніе?); жертвы приносятся только солнцу и лунѣ.—Покойникъ хоронятъ какъ и Эллины, но *Нассамоны зарываютъ ихъ въ землю сидячемъ положеніи* и особенно заботятся, чтобы умирающій сидѣлъ и послѣднемъ издыханіи прямо, а не лежалъ навзничъ (та же книга, . 380 и 381).

Къ западу отъ рѣки Тритона, на границѣ съ Авсеями, живутъ уже віяне—земледѣльцы. Западная Ливія богаче восточной, занятой кочевними, животными и лѣсами; здѣсь водятся огромные змѣи, ужи, медвѣди вы и слоны; тутъ же—по словамъ Ливіянъ, живутъ дикіе мужчины и щины и люди съ песьими головами, или вовсе безголовые, съ глазами груди (тамъ же, стр. 381).

Въ числѣ Ливіянъ-земледѣльцевъ Геродотъ называетъ: *Максіев*
вековъ и *Гизантовъ*.

Максіи, сосѣди Авсеевъ, строятъ постоянныя жилища; лѣвую
вину головы стригутъ, а на правой носятъ длинные волосы; *тѣло*
шиваютъ сурикомъ; они считаютъ своими родоначальниками вых
изъ Трои (тамъ же).

Завеки межуютъ съ Максіянами; у нихъ женщины возятъ на
боевыя колесницы (стр. 382).

Гизанты— граничатъ съ Завеками; въ странѣ ихъ пчелы дают
шое количество меду; еще болѣе его приготовляется искусственно зв
щимися этимъ дѣломъ лицами. *Всѣ Гизанты красятъ себѣ тѣло*
комъ и употребляютъ въ пищу обезьянъ, которыя въ чрезвычайномъ
жествѣ водятся въ ихъ гористой странѣ (тамъ же).

Со словъ Карѳагенянъ Геродотъ сообщаетъ еще слѣдующее: е
Ливіи страна и народы по ту сторону Геракловыхъ столбовъ (Гибрал
цроливъ); приходя къ нимъ для торговли, Карѳагеняне выгружают
товары изъ кораблей, раскладываютъ ихъ въ ряды на морскомъ
потомъ возвращаются на свои корабли и разводятъ огни. Замѣтивъ
туземцы подходятъ къ морю и, оставляя передъ каждымъ товаромъ
уходятъ обратно; Карѳагеняне выходятъ послѣ этого на сушу и см
соотвѣтствуетъ ли оставленное золото стоимости товаровъ; если зол
статочно, они его берутъ на корабли и отплываютъ,—въ противно
случаѣ, не трогая ни золота, ни товаровъ, идутъ на корабли и выжи
туземцы снова приходятъ и прибавляютъ золота столько, чтобы К
няне удовлетворились, и т. д. Ни одна сторона не обижаетъ другой
ѳагенене никогда не прикасаются къ золоту, прежде чѣмъ сочтутъ
ство его соотвѣтствующимъ стоимости товаровъ, а равно и туземцы у
товары только тогда, когда золото взято (стр. 383).

Геродотъ занесъ въ свои сказанія одно любопытное извѣстіе о
ской области, самой высокой въ кочевой части Ливіи, представляюще
поры года: прежде другихъ здѣсь готовы къ жатвѣ и уборкѣ плод
ского побережья; когда они собраны, поспѣваютъ среднія области, имен
холмами, что выше прибрежныхъ земель, наконецъ созрѣваютъ и
своей очереди плоды самой высокой части Ливіи. Такимъ образомъ
раніе плодовъ длится у Киренянъ восемь мѣсяцевъ, такъ что, когда с
и выпиты плоды первой уборки, къ тому времени появляются слѣд
(стр. 384).

Египтяне. Извѣстія Геродота объ Египтянахъ и вообще объ Е
во многомъ нашли подтвержденіе въ современныхъ изысканіяхъ и из
ваніяхъ длиннаго ряда ученыхъ Западной Европы; но нѣкоторыя подроб
преимущественно опредѣляющія разстояніе замѣчательныхъ мѣстнос
лѣтосчисленіе событій, оказываются ошибочными. Для нашего предме
лезны до нѣкоторой степени свѣдѣнія о правахъ, обычаяхъ, образѣ
и вообще о бытовыхъ условіяхъ страны, имѣющей великое значеніе в
витіи всего человѣчества стараго свѣта. Въ этомъ отношеніи извѣст

а грѣшать мало. Потому, оставляя вовсе данныя общеизвѣстныя изъ бниковъ и сочиненій общедоступныхъ объ Египтѣ, сдѣлаемъ выписки ѣкоторыхъ землеописательныя и подробныя о бытовыхъ особенностяхъ ельниковъ страны Египетской.

Геродотъ лично путешествовалъ по странѣ Фараоновъ и доходилъ до піи; многое наблюдалъ самъ, а о прошедшемъ получалъ свѣдѣнія отъ ныхъ жрецовъ.

По словамъ жрецовъ, Египетъ имѣлъ въ древнѣйшія времена царями овъ, первымъ же царемъ изъ людей былъ *Минъ* за 3882 года до Р. Х. его время весь Египетъ, за исключеніемъ Ѳивскаго округа, представъ болото, и на всемъ пространствѣ ниже Миридскаго озера не было боднаго отъ воды мѣста. До Миридскаго озера отъ моря семь дней; плавая рхъ по рѣкѣ, Геродотъ лично убѣдился въ вѣрности этого сказанія жреъ изъ наблюденія надъ почвою и заключаетъ, что весь современный ему ипетъ, со включеніемъ Мемфиса, составлялъ нѣкогда морской заливъ, обно тому, какъ окрестности Трои, Теѳранія, Эфесъ и равнина Меандра . II, ст. 5—20).

Изъ особенностей рѣки Нила, указываемыхъ Геродотомъ, остановимся одной: когда рѣка выступаетъ изъ береговъ и заливаетъ равнину, на ѣ вырастаютъ въ изобиліи лиліи (похожія на наши кувшинки), но наваемыя у Египтянъ „лотосъ"; они срѣзываютъ это растеніе, сушатъ на нцѣ, потомъ разбиваютъ макоподобныя головки, добываемыя изъ средины тка, и приготовляютъ тѣсто, которое пекутъ на огнѣ и ѣдятъ; корень оса тоже съѣдобенъ (та же книга, ст. 92).

Египтяне считали себя первымъ по происхожденію народомъ; но это ніе поколебалъ Псамметихъ (около 680—616 гг. до Р. Х.). Этотъ царь, ая узнать, кто изъ современныхъ ему народовъ былъ первымъ, появився на землѣ, передалъ двухъ новорожденныхъ мальчиковъ простого нія на воспитаніе пастуху и сдѣлалъ распоряженіе, чтобы никто въ приствіи дѣтей не говорилъ ни одного слова и чтобы, такимъ образомъ, они ли предоставлены самимъ себѣ въ уединенной хижинѣ; пастухъ кормилъ ей молокомъ козъ, которыхъ они сосали. Первое слово, съ которымъ и, достигнувъ возраста, соотвѣтствующаго началу лепета, обратились къ туху, было „бекосъ", что значитъ на языкѣ Фригійцевъ хлѣбъ; съ тѣхъ ъ убѣжденіе въ древности Египтянъ пошатнулось въ пользу Фригійцевъ . II, ст. 1—2).

Египтяне первые установили годъ въ 12 мѣсяцевъ, основывая дѣленіе мени на наблюденіи небесныхъ свѣтилъ; первые же ввели въ употребніе: наименованіе двѣнадцати боговъ, заимствованное отъ нихъ Эллинами, руженіе алтарей, храмовъ, изваяній боговъ и изображеніе ихъ, высѣчкою, скалахъ (та же кн., ст. 4). Когда именно все это случилось, неизвѣстно; старѣйшимъ божествомъ считается Гераклъ, который значится въ числѣ надцати за семнадцать тысячъ лѣтъ до воцаренія Амазиса (тамъ же

ст. 43); а воцареніе и дѣянія этого царя относятся къ 570—526 гг. Р. Х. (тамъ же стр. 172).

Какъ небо надъ Египтянами,—говоритъ Геродотъ,—отличается осо ными свойствами, а рѣка ихъ по своей природѣ разнится отъ прочи рѣкъ, такъ и почти всѣ нравы и обычаи ихъ противоположны такимъ же остальныхъ народовъ: женщины посѣщаютъ площади (общественн собранія?) и торгуютъ, а мужья сидятъ дома и ткутъ; у всѣхъ народ утокъ толкаютъ вверхъ,—у Египтянъ—внизъ; мужчины носятъ тяжа на головѣ, женщины—на плечахъ; женщины мочатся стоя, мужчины—си испражняются внутри дома, а ѣдятъ внѣ его, на улицѣ; сыновья вовсе обязаны, если не желаютъ, содержать родителей, а дочери, напротивъ, дол ихъ содержать, хотя бы и не желали; священно-служители у всѣхъ другихъ народовъ носятъ длинные волосы, а жрецы египетскіе стри ихъ; другіе народы въ знакъ печали о близкомъ родственникѣ, умерш стригутъ свои волосы, Египтяне же отращиваютъ, а во всякое другое вр ходятъ стриженые; свойственное всѣмъ сосѣднимъ народамъ питаніе бомъ изъ пшеницы и ячменя—для Египтянина позоръ: хлѣбъ его изъ ол или полбы; тѣсто Египтяне мѣсятъ ногами, а глину—руками; руками подбираютъ и навозъ; мужчины носятъ два платья, а женщины—одно; русныя кольца и веревки привязываются у всѣхъ другихъ народовъ ружи корабля, а у Египтянъ извнутри; Эллины пишутъ и считаютъ мешками отъ лѣвой руки къ правой, а здѣсь на оборотъ. Кромѣ этого у Египтянъ въ обычаѣ обрѣзаніе обоихъ половъ и двойное пис простое и священное (ст. 36).

Египтяне чрезвычайно благочестивы, гораздо больше всѣхъ дру народовъ; соблюдаютъ они слѣдующіе обряды: пьютъ только изъ мѣдн сосудовъ, которые чистятъ ежедневно; дѣлаютъ это рѣшительно всѣ; пл носятъ полотняное, всегда свѣже-вымытое, и это составляетъ у нихъ п метъ большой заботы; ради опрятности употребляютъ и обрѣзаніе; жр черезъ день стригутъ себѣ волосы на всемъ тѣлѣ для того, чтобы не пи на себѣ ни вши, ни какой либо другой скверны во время служенія бога одежда жрецовъ только полотняная, а обувь изъ папируса (это иль растеніе); моются они два раза въ день и два раза ночью; разныхъ о довъ жрецы соблюдаютъ безчисленное множество, за то и пользуются малыми выгодами; изъ собственнаго имущества они ничего не трат имъ приносятъ хлѣбъ, воловье мясо, гусей и виноградное вино—каж день; употреблять въ пищу рыбу жрецамъ воспрещено; бобовъ въ Ег не сѣютъ вовсе, а если они и выростаютъ, ихъ никто не ѣстъ, сч нечистымъ зельемъ. Каждому божеству служитъ не одинъ жрецъ, а мн причемъ одинъ изъ нихъ главный; званіе жреца наслѣдственное въ м скомъ колѣнѣ (ст. 37).

Описывая съ мелкими подробностями различные жертвенные обр Геродотъ останавливается на животныхъ, приносимыхъ въ жертву и ясняетъ значеніе каждаго; о свиньяхъ онъ говоритъ, что Египтяне знаютъ ихъ нечистыми животными, но приносятъ въ жертву лунѣ, и въ годъ ѣдятъ свиное мясо (ст. 47).

Перечисляя затѣмъ божества и сказанія жрецовъ о происхожденіи ихъ, одотъ приводитъ свѣдѣнія о заимствованіи предметовъ богопочитанія и ыхъ именъ боговъ различными народами отъ Египтянъ; далѣе онъ го-итъ, что если не всѣ птицы, появляющіяся въ Египтѣ, то преобладаю-: большинство ихъ и животныхъ почитаются священными; въ одной части й страны боготворятъ даже крокодиловъ и гиппопотамовъ (ст. 69, 70 и 71).

Хлѣбъ изъ полбы, которымъ питаются Египтяне, называется *килле-асъ*; вино приготовляется изъ ячменя, такъ какъ виноградъ въ ихъ землѣ растетъ (вино виноградное привозятъ Эллины и Финикіяне); рыбу частью ятъ на солнцѣ и ѣдятъ въ такомъ видѣ, частью солятъ; изъ птицъ они тъ солеными перепелокъ, утокъ и вообще мелкихъ; всѣхъ остальныхъ, ѣющихся у нихъ рыбъ и птицъ, кромѣ священныхъ, употребляютъ въ щу жареными и вареными (ст. 77).

Въ богатыхъ домахъ на пиршествахъ, по окончаніи обѣда, обносятъ жащее въ гробу деревянное изображеніе мертвеца искустно сдѣланное и скрашенное, величиною въ одинъ или два локтя; каждому изъ пирую-ихъ показываютъ его со словами: „Пей и наслаждайся, но взгляни и на го; по смерти ты будешь такимъ же (ст. 78)“.

Вѣрные отеческимъ обычаямъ Египтяне не заимствуютъ ничего ино-наго. Поверхъ исподняго платья, отъ пояса до колѣнъ, называемаго *аскирсъ*, надѣвается бѣлая шерстяная накидка, но въ шерстяной одеждѣ шно входить въ храмъ и хоронить покойниковъ; въ этомъ Египтяне дны съ орфическими и вакханическими обрядами, въ сущности египет-ми и пиѳагорейскими (ст. 79 и 81).

Каждый мѣсяцъ и каждый день посвященъ у Египтянъ особымъ бо-твамъ, потому по дню рожденія можно угадать судьбу каждаго и время смерти, а также—и будущій нравъ; чудесныхъ знаменій у нихъ больше, ъ у всѣхъ другихъ народовъ вмѣстѣ; если случится какое нибудь зна-іе, его записываютъ и наблюдаютъ исходъ; если тоже знаменіе повто-ся—исходъ ожидается такой же. Прорицанія выражаются не жрецами, какими либо людьми, но самими богами; искуство врачеванія распре-ено такъ, что каждый врачъ излѣчиваетъ только одну болѣзнь, потому Египтянъ вездѣ много врачей—глазныхъ, зубныхъ, желудочныхъ и проч. . 82, 83 и 84).

Въ одномъ обычаѣ Египтяне похожи на Лакедемонянъ, именно: млад-е возрастомъ уступаютъ, при встрѣчѣ, дорогу старшимъ, сворачивая въ рону; а когда старшіе подходятъ близко къ сидящимъ молодымъ, эти по-ѣдніе встаютъ со своихъ мѣстъ. Но есть у Египтянъ одно обыкновеніе, личающее ихъ отъ всѣхъ прочихъ народовъ: на улицахъ они привѣт-вуютъ другъ друга не словестно, а низкимъ поклономъ, причемъ одну ку опускаютъ до колѣна (ст. 80).

Оплакиваніе покойника и похороны совершались такъ: если въ какомъ будь домѣ умираетъ мужчина съ извѣстнымъ значеніемъ, всѣ женщины ого дома тотчасъ же намазываютъ себѣ грязью голову, а иногда и лицо; томъ, оставивши покойника въ домѣ, бѣгаютъ по городу съ плачемъ,

подпоясавшись и обнаживши груди; всѣ родственницы умершаго дѣ
тоже, хотя бы и не жили въ одномъ съ нимъ домѣ. Мужчины съ
стороны предаются сокрушенію и подпоясываются подобно женщи
Послѣ такого всенароднаго выраженія печали объ умершемъ, тѣло е
носятъ изъ дому и передаютъ лицамъ, владѣющимъ искуствомъ сохр
труповъ отъ разложенія. Если умираетъ жена важнаго лица, или м
женщина и дѣвушка, тѣло ея отдается на третій или на четвертый
послѣ смерти для предохраненія отъ гніенія, въ предупрежденіе подм
ныхъ случаевъ оскверненія свѣжихъ труповъ половымъ сладострастіем
кусниковъ, называемыхъ бальзамировщиками. Существовало три с
предохраненія труповъ отъ разложенія: дорогой, менѣе цѣнный и де
Дорогой способъ состоялъ въ слѣдующемъ: прежде всего извлекали п
мощи желѣзнаго крючка черезъ ноздри часть мозга, а остальной раст
посредствомъ вспрыскиванія извѣстныхъ жидкостей и выливали; п
острымъ эѳіопскимъ камнемъ (т. е. кремневымъ ножемъ) дѣлали въ
разрѣзъ, извлекали всѣ внутренности, выполаскивали полость живота
мовымъ виномъ, натирали внутри перемолотыми благовоніями и напо
животъ измельченными въ порошокъ смирною, касоей и другими с
пахучими смолистыми веществами, за исключеніемъ ладона; зашивъ ж
клали трупъ на семдесятъ дней въ самородную щелочную соль; по п
ствіи этого времени покойника обмывали и пеленали лентами, пригото
ными изъ тонкаго холста, смазаннаго гуммиі; это послѣднее, растите
смолистое вещество, употребляется, по большей части, вмѣсто клея. П
товленный такимъ образомъ трупъ отдается родственникамъ, они уклад
его въ особо устроенное помѣщеніе, вырѣзанное изъ дерева и имѣвшее
человѣка, и сохраняли въ могильной пещерѣ, поставивъ подлѣ стѣны.
цѣнный способъ выражался въ введеніи въ животъ покойника, посредс
нагнетательной трубки, черезъ ладній проходъ, кедроваго масла; не дѣл
при этомъ надрѣза и внутренности не извлекались; наполнивъ живот
ломъ, трупъ клали въ соль на опредѣленное время, въ послѣдній день
вынимали изъ соли и выпускали изъ живота жидкость. Кедровое
растворяетъ внутренности, а соль—мясо, такъ что отъ тѣла покойника ост
только кости и кожа. При дешевомъ способѣ, употребляемомъ бѣдня
животъ покойника вычищаютъ рѣдечнымъ масломъ и кладутъ тѣ
соль на семьдесятъ дней. Тѣла утопленниковъ и похищенныхъ крокоди
будутъ ли умершіе Египтяне или чужестранцы, все равно, предохран
отъ тлѣнія и убираются какъ можно лучше и хоронятся въ священ
гробницахъ жителями того города, къ которому трупъ приносится
никто не можетъ прикоснуться къ такому покойнику, ни изъ родств
ковъ, ни изъ друзей его, одни только жрецы Нила принимаются за
хоронятъ какъ нѣчто высшее человѣка (ст. 85—90). Погребальныя
Египтянъ похожи на Вавилонскіе (кн. I ст. 198).

Египтяне первые выработали ученіе, что душа человѣка безмер
что съ разрушеніемъ тѣла она вселяется въ другое животное, котор
рождается въ тоже самое время; обошедши всѣхъ животныхъ—зем

ихъ и пернатыхъ, душа вселяется снова въ нарождающееся тѣло чело- круговращеніе души продолжается три тысячи лѣтъ. Ученіе это изла- и нѣкоторые Эллины, какъ свое собственное,—одни раньше, другіе— е (кн. II, ст. 123).

Египетъ Эллиновъ называется туземцами Chemi, Kemi, что значитъ ій; по-еврейски Massor или Miseaim, у арабовъ—Masr. Тамошнее корен- населеніе имѣетъ темный цвѣтъ кожи (кн. II, ст. 104); долгое время владѣли Эѳіопы, имѣвшіе тамъ послѣдовательно восемнадцать церей 137—152).

Возвратившіеся изъ похода на Ѳракію и Скиѳію съ Сезострисомъ, егип- занями часть Колхиды и остались въ ней. Городотъ, желая убѣдиться твительно ли современные ему колхидяне выходцы Египта, лично рас- ивалъ объ этомъ самихъ колхидянъ и Египтянъ и окончательно при- ь кровную связь тѣхъ и другихъ по одинаковости: цвѣта кожи, языка, за жизни, обрѣзанія, способа приготовленія полотна и нѣкоторыхъ дру- (ст. 103 и 105). О Сезострисѣ жрецы сказывали Городоту, что онъ казалъ поставить въ каждой покоренной имъ странѣ столбы съ надписью присоединеніи къ его царству, но если страна сдалась ему безъ боя, трусости, къ надписи добавлялъ изображеніе женскаго дѣтороднаго а. Большинства такихъ столбовъ въ Геродотово время уже не было, но Палестинской Сиріи ученый путешественникъ самъ ихъ видѣлъ,—они адписью и съ изображеніемъ женскаго члена (ст. 103).

Свѣдѣнія Египтянъ въ наукахъ общеизвѣстны, потому о нихъ, равно объ искусствахъ и удивительныхъ сооруженіяхъ, каковы пирамиды, интъ, Меридово озеро и проч., мы не приводимъ выписокъ.

б) Азіатскіе.

Азія извѣстна древнимъ писателямъ далеко не вся; очертанія и гра- ея представляются различно. Геродотъ полагаетъ, что она, только ія вмѣстѣ съ Африкою, равняется по величинѣ Европѣ; отъ Африки отдѣляется, по его мнѣнію, Египтомъ, а отъ Европы—рѣками Дономъ ономъ; населяютъ ее Персы до Еритерейскаго моря (Персидскій заливъ), е ихъ на полночь живутъ Мидяне (кн. I ст, 4. кн. II ст. 6, кн. ст. 43 и многія другія; срав. Указатель). Мы будемъ придерживаться еменныхъ границъ этой части свѣта, такъ какъ имѣемъ предметомъ становленіе предѣловъ областей, на которыхъ сидѣли древніе народы, богатства той или другой изъ нихъ, а лишь нравы и обычаи различ- ь племенъ, переходившихъ весьма часто съ мѣста на мѣсто, погло- ихъ иногда другъ друга, а иногда соединявшихся по два, по три и е въ одно смѣшанное цѣлое.

Какъ у Геродота, такъ и у болѣе раннихъ писателей, приводится мно- во именъ народовъ; преобладающее большинство ихъ представляется въ ящее время безсодержательнымъ звукомъ; въ далекомъ будущемъ,

когда народовѣдѣніе, теперь еще младенчествующее, окрѣпнетъ, возмуж
вступитъ во всеоружіи вспомогательныхъ знаній въ кругъ наукъ, с
шимъ знаніемъ бытовыхъ истинъ, безсодержательные звуки нашего
могутъ восполниться и явиться величайшими, осязуемыми, съ мѣрой
сомъ въ народовѣдѣніи; тогда наши пробѣлы въ именахъ будутъ зап
заблужденія раскрыты, ошибки исправлены, а до того времени мы
чимся заимствованіемъ изъ Геродотовыхъ сказаній нѣкоторыхъ бы
свѣдѣній о тѣхъ только азіатскихъ современникахъ Скиѳовъ,
заявили себя, если не вершителями судебъ человѣчества, такъ мо
двигателями его развитія и роста, или оставившими слѣды своей ду
мощи въ русско-лѣтописныхъ частью, а частью и въ современны
сельникахъ страны Ильменской, или обратно, заимствовавшими нѣ
черты нравовъ и обычаевъ у нашихъ родоначальниковъ незапамятво
ности. Такими выдающимися, по Геродоту, современниками Скиѳов
представляются: вавилоняне и ассиріяне, аріи, вообще, индійцы,
согды, персы и мидяне, финикіяне, ликіяне и іоняне, послѣдніе два
съ ихъ сосѣдями; а равно всѣ народы и народцы Малой Азіи, аз
Кавказа и странъ прикаспійскихъ. О большей части этихъ народ
уже говорили въ статьѣ о пространствѣ владѣній Святой Софіи.

Вавилоняне и Ассиріяне. Геродотъ помѣщаетъ Ассирію и Ва
смѣшивая обѣ страны, между Иранскимъ плоскогорьемъ, Арменіей
скою пустынею. Указавъ на богатство Вавилонянъ и описавъ самый
давшій имъ свое имя и сдѣлавшійся столицею Вавилоно-Ассиріискаго
послѣ разрушенія Нина, Геродотъ говоритъ объ обычахъ насельниковъ
Плаваніе по рѣкѣ Евфрату производится въ кожанныхъ лодкахъ, под
щихъ грузъ въ пять тысячъ томантовъ, или около 8022 пудовъ (
какъ вѣсовая единица равняется 64 ф. 13 зол., и какъ сумма цѣ
около 1415 нашихъ рублей) и нѣсколько ословъ; пловцы, прибы
Вавилонъ, продаютъ какъ привезенные товары, такъ равно лодки и
или кожи лодокъ навьючиваютъ на ословъ и направляются для про
Арменію; одежда—льняная рубаха отъ пояса до ногъ; поверхъ ея—др
шерстяная, сверхъ того набрасывается на плечи небольшая бѣлая
(плащъ); обувь похожа на беотійскіе башмаки, волосы на головѣ
длинные, ихъ укрѣпляютъ повязкою, все тѣло намазывается благов
каждый носитъ перстень съ печатью и хорошо сдѣланную палку
шенную искуственнымъ яблокомъ, или розою, или лиліей, или орло
обще какимъ нибудъ изображеніемъ. Мудрѣйшимъ обычаемъ, свойств
и иллирійскимъ энетамъ, Геродотъ признаетъ слѣдующій: въ каждой
разъ въ годъ созывались всѣ дѣвушки, достигшія полной зрѣлости,
нихъ располагались мужчины; глашатай вызывалъ каждую дѣвушку
давалъ одну за другой, прежде всѣхъ—самую красивую; когда перв
продана за большія деньги, вызывались другія и также продава
подъ непремѣннымъ условіемъ супружеской жизни съ ними купивш
гатые мужчины покупали себѣ красивѣйшихъ дѣвушекъ; часть
выручаемыхъ такимъ образомъ (вѣроятно всѣ) шла на дѣвушекъ

и калѣкъ; глашатай, распродавъ красавицъ, вызывалъ самую некра-
ю и самую искалѣченную и объявлялъ; кто желаетъ на ней жениться
полученіемъ меньшаго вознагражденія; бѣдные рабочіе мужчины охотно
себѣ въ жены некрасивыхъ и калѣкъ, получая приданое; въ силу
го обычая дѣвушки красивыя, безъ малѣйшаго ущерба для своего иму-
ва, выдавали замужъ некрасивыхъ своихъ сверстницъ.

Выдавать дочь свою замужъ внѣ этого торга отцы не имѣли права.
авшій дѣвушку не могъ уводить ее къ себѣ въ домъ безъ поручителя,
молодой мужчина—покупатель непремѣнно на ней женится.

Другой мудрый еще обычай таковъ: не имѣя врачей, больныхъ выно-
на площадь, каждый проходящій не можетъ молча пройти мимо боль-
и долженъ распросить его о болѣзни; кто перенесъ такую же,—обя-
сказать, чѣмъ онъ лѣчился; равно всякъ, кому извѣстно, что кто ни-
изъ его знакомыхъ хворалъ также, обязанъ сообщить больному, почему
выздоровѣлъ.

Умершихъ хоронятъ въ меду, а погребальныя пѣсни похожи, какъ уже
ано, на египетскія.

Всякій разъ послѣ совокупленія съ женщиной вавилонянинъ воскуряетъ
амъ; то же самое дѣлаетъ и женщина, но въ другомъ мѣстѣ; при на-
леніи утра обое обмываются и до этого не прикасаются ни къ какому
ду. Тоже дѣлаютъ и арабы.

Рядомъ съ мудрыми обычаями вавилоно-ассиріянъ существовалъ, на
ждъ Геродота, у нихъ одинъ обычай отвратительный; каждая туземная
щина обязана разъ въ жизни имѣть сообщеніе съ иностранцемъ въ храмѣ
диты, называемой по-вавилонски Милиттою (не Милица-ли? У Элли-
нѣтъ знака, соотвѣтствующаго нашему ц, Афродита—богиня любви).
ія женщины, гордыя своимъ богатствомъ и не желавшія смѣшиваться
прочими, ѣхали въ храмъ и тамъ останавливались въ закрытыхъ ко-
ницахъ, за ними слѣдовала многолюдная толпа слугъ. Въ святилищѣ
итты женщины средняго и бѣднаго состоянія усаживались рядами, имѣя
головахъ веревочные вѣнки; между ними во всевозможныхъ направле-
ь были прямые проходы для иностранцевъ, чтобы они могли удобно вы-
ть ту или другую, по вкусу. Занявшая мѣсто женщина возвращается
й не раньше, какъ иностранецъ, броситъ ей монету на колѣни и за
ѣлами святилища совокупится съ избранною такимъ образомъ. Бросивши
щинѣ монету, слѣдовало сказать: „Приглашаю тебя во имя богини Ми-
ты". Какъ бы мала ни была монета, женщина не могла отвергнуть пред-
ленія, потому что деньги принадлежатъ божеству и должна слѣдовать за
чиною. Послѣ сообщенія и выполненія тѣмъ священнаго долга относи-
но богини, женщина возвращается домой и съ этого времени нельзя
имѣть ее ни за какія деньги. Красавицы скоро уходятъ изъ храма,
непригожія ждутъ исполненія долга иногда по три, по четыре года. Подоб-
обычай существуетъ, говоритъ Геродотъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на
рѣ.

Три колѣна вавилоно-ассиріянъ питаются одною только рыбою; они ее
тъ на солнцѣ, толкутъ въ ступкѣ, просѣваютъ черезъ холстъ и при-

готовляютъ изъ такой муки или сырое тѣсто, или пекутъ хлѣбъ. (
ст. 134 и 200).

Вавилоняне изобрѣли способъ точнаго измѣренія площадей (геоме
солнечные часы и дѣленіе дня на двѣнадцать частей. Эллины перен
это отъ нихъ. (кн. II, ст. 109).

Объ ассиріянахъ, которыхъ Эллины называли сиріянами, Геродот
зывалъ, кромѣ сообщеннаго о нихъ вмѣстѣ съ вавилонянами, еще нѣск
участвуя въ походѣ Ксеркса, они отличались отъ другихъ народовъ огро
полчищъ этого завоевателя убранствомъ и вооруженіемъ; на головѣ
мѣдные шлемы, сплетенные изъ проволоки по какому-то варварскому
собу, трудно объяснимому; ихъ щиты, копья и мечи походили на е
скіе; иные были вооружены сверхъ того еще дубинами, обитыми желѣ
гвоздями и носили льняные панцыри (кн VII, стр. 63). При царѣ С
рибѣ (библейскій Синахеримъ) ассиріяне, въ союзѣ съ арабами, ходил
шимъ ополченіемъ на Египетъ, когда тамъ царствовалъ жрецъ Гефест
ѳосъ, ставившій ни во что военное сословіе (кн. II, ст. 141),

Аріи. Этимъ именемъ назывались въ древности тѣ племена, ко
Геродотъ знаетъ подъ современнымъ ему названіемъ мидянъ; это же
ніе дано имъ послѣ того, когда прибыла въ страну этого народа изъ
колхидянка Медея. Аріями, то есть благородными, достойными, на
себя народы Ирана въ отличіе отъ варваровъ (древне-персидское аг
скритское âгуа, зендское апаігуа). Они участвовали въ Ксерксовомъ
подъ предводительствомъ Сисамнеса; вооруженіе у нихъ такое же,
бактріанъ (названо выше)—ихъ сосѣдей (кн. VII, ст. 62 и 66).

Геродотъ знаетъ еще народъ „аріи", жившій къ востоку отъ
въ западной части нынѣшняго Авганистана; въ зендскихъ книгахъ
ихъ называется Нагаêva (кн. III, ст. 93). Объясненіе названій и м
стей аріевъ и ареевъ заимствовано въ Указателѣ Ѳ. Г. Мищенка къ Ге

Индійцы. Выше мы уже сказали нѣсколько словъ объ этомъ
По Геродоту, индѣйцы раздѣлялись на множество племенъ (кн. III, с
Первый узналъ пространство Индіи и ея населеніе Дарій, желая
дить до самаго устья рѣку Индъ, единственную, кромѣ Нила, содер
въ себѣ крокодиловъ; онъ послалъ для этого надежныхъ и свѣдущихъ
въ числѣ которыхъ былъ главнымъ Скилакъ изъ Каріанды. Послан
правились изъ города Каспатира, изъ Пактійской земли, и поплыли
по рѣкѣ къ морю въ восточномъ направленіи; черезъ море они отпра
на западъ и на тридцатомъ мѣсяцѣ прибыли къ тому мѣсту, отку
петскій царь отправилъ упомянутыхъ финикіянъ объѣхать кругомъ
Послѣ этого Дарій покорилъ всю Индію (кн. IV, ст. 44), такъ что
ставляла двадцатый округъ Персіи и платила наибольшую подать,
триста шестьдесятъ талантовъ золотого песку (около полумилліона
на деньги; а разумѣть только вѣсъ,—около 830 пудовъ; разсчетъ
численіямъ вѣса и цѣнности таланта—у Ѳ. Г. Мищенка въ Указател
родоту); наибольшею податью индійцы обложены по ихъ многочисл
(кн. III, ст, 34).

Племена индѣйцевъ говорятъ на разныхъ языкахъ; одни изъ племенъ вые, другіе осѣдлые, третьи сидятъ при рѣчныхъ болотахъ и питаются ю рыбою; ловятъ ее изъ лодокъ, приготовляемыхъ изъ одного колѣна ника (наши челны-однодеревки); эти рыболовы носятъ платье изъ ы (береговое растеніе, однолѣтнее, въ видѣ тросника), которую высушитъ, отдѣляютъ отъ бѣлковины и изъ волокнъ, или даже только изъ ой ситы, сплетаютъ рогожи и надѣваютъ какъ панцырь. Кочевые индѣйцы утъ къ востоку отъ рыболововъ и питаются сырымъ мясомъ. Обычай —съѣдать своихъ мертвецовъ, уже указанъ выше; нѣкоторые же изъ вниковъ не убиваютъ никакой твари, ничего не сѣютъ, не имѣютъ вовсе ищъ и питаются только злаками. Осѣдлые занимаютъ страну на полъ отъ прочихъ; это самые воинственные; они золотопромышленники, подающіе золотой песокъ у муравьевъ величиною съ собаку; муравьи эти утъ въ песчаной пустынѣ и устроиваютъ свои логовища въ глубинѣ ли, для чего и выносятъ на поверхность песокъ, содержащій много ота (скиѳскіе грифы?). Половыя отправленія производятся между нѣкотоли индѣйцами открыто, какъ у скотовъ; цвѣтъ кожи—эѳіопскій; эти ѣйцы живутъ очень далеко на полдень отъ Персовъ и никогда не были данными царей ихъ (кн. III, ст. 98—106).

Бактріи. На пути Кира изъ Сардъ въ Агбатанъ лежали: Вавилонъ, трійскій народъ, саки и египтяне, съ которыми, покоривъ Лидію, онъ ѣренъ былъ вести войну; это было не раньше 559 года до Р. Х. (кн. I, 130 и 153). При Ксерксѣ, не раньше 480 года до Р. Х., участвовали его походахъ въ числѣ другихъ народовъ и Бактріи; слѣдовательно до вины шестого вѣка до Р. Х. народъ бактрійскій пользовался самостоятностью. При перечисленіи народовъ, участвовавшихъ въ походахъ Ксерска арія, Геродотъ называетъ бактріевъ рядомъ съ саками, послѣ ассиріянъ редъ индѣйцами; значитъ они занимали землю между странами этихъ одовъ и были или родственны съ саками, или походили на нихъ; воженіе же у нихъ было одинаково съ мидійскимъ (кн. VII, ст. 64). Изъ гочисленныхъ народовъ, покоренныхъ персами, бактріи считались выщимися храбростью, военными качествами вообще и выносливостью . VIII ст. 113).

Согды. Страна народа, называемаго Геродотомъ „согдіи", впослѣдствіи діане, лежала рядомъ съ одной стороны съ Бактріей, или Бактріаной, и другой съ Сузіаной; покорена Ксерксомъ одновременно съ Бактріей; при ѣ они составляли шестнадцатый округъ Персіи. Вооруженіе ихъ было ое же, какъ и бактріевъ, т. е. одинаковое съ мидянами (кн. VII, ст. 66).

Персы. Страна, которую занималъ народъ, называвшій себя искони sa, соотвѣтствовала нынѣшнему Фарсистану, который и составлялъ древнюю сію; она граничила: съ востока—Кириманіей, съ полночи и запада—діаной и съ полдня Персидскимъ заливомъ. Впослѣдствіи, въ царствова- *Ахеминидовъ* владѣнія ихъ обнимали всю переднюю Азію, простираясь полдень—къ востоку—за р. Индъ, на востокъ—по Индѣйскій Кавказъ, полночь къ востоку—по рѣку Іаксартъ и на полдень—до Эриѳрейскаго

моря, за этимъ моремъ, въ западномъ направленіи, Персіи принадл
земля *Маковъ*, Аравія и Ливійская пустыня—до Средиземнаго моря,—
полночно-западнымъ—наибольшая часть Балканскаго полуострова (
ст. 71; кн. III, ст. 101; кн. IV, ст. 37—40; кн. IX, ст. 122).

Божества персовъ совсѣмъ особенныя; они чтутъ небесный свод
ховнымъ богомъ и уже въ немъ видятъ какъ составныя части—с
луну и огонь; чтутъ они и землю, съ составными же частями ея, в
и вѣтрами. Не представляя себѣ боговъ человѣкоподобными, персы н
двигаютъ никакихъ храмовъ. Были у нихъ царскіе боги; но какіе им
можно только догадываться и предполагать въ нихъ заимствованных
ассиріянъ и арабовъ, Уранію и Афродиту; послѣднюю, богиню любви,
ваютъ „Митра“ (мать?). Жертвоприношенія небесному своду совершал
вершинахъ горъ (кн. I ст. 131 и 158; кн. III ст. 46 и 76; кн. VII
въ трехъ послѣднихъ статьяхъ упоминаются царскіе боги).

Обрядъ жертвоприношенія не сложенъ: всякій приносящій жертву
шаетъ себя вѣнкомъ изъ растеній, наичаще—изъ миртъ, беретъ до
животное, приглашаетъ мага и идетъ съ нимъ на чистое мѣсто и
молится за всѣхъ персовъ, въ числѣ ихъ и за себя; затѣмъ жер
животное рѣжется на части, и мясо его варится; молящійся и прин
жертву разстилаетъ свѣжую траву, чаще трилистникъ; сварившееся
укладывается на приготовленную такимъ образомъ подстилку; въ эт
магъ поетъ священную пѣснь, каковая представляетъ повѣствованіе
исхожденіи боговъ; наконецъ жертвователь уноситъ мясо и употре
его по своему усмотрѣнію (кн. I, ст. 132).

Таковъ общій способъ жертвоприношеній; но Геродотъ упомин
нѣсколько иныхъ, относящихся до особенныхъ случаевъ во время во
походовъ персовъ,—такъ: а) Ксерксъ въ день переправы черезъ Геллес
въ походъ на эллиновъ, по мостамъ, сооруженнымъ финикіянами и е
нами (кн. VII, ст. 25, 34, 36, 37), сожигалъ на нихъ всевозможны
говонія и устилалъ путь миртовыми вѣтвями, дѣлалъ возліянія изъ з
чаши и молился солнцу о томъ, чтобы съ нимъ не случилось какого
несчастія, которое могло бы остановить покореніе Европы прежде дос
нія предѣловъ ея; послѣ молитвы царь бросилъ въ Геллеспонтъ чашу
лотой кувшинъ и персидскій мечъ; солнцу ли царь посвящалъ эти
меты, или морю, которое за нѣкоторое время передъ этимъ билъ ки
въ наказаніе за бурю, разрушившую первые мосты по повелѣнію е
ставленные, Геродотъ не знаетъ (та же книга ст. 54); б) Вступив
Ѳракію, Ксерксъ приказалъ сдѣлать мосты черезъ рѣку *Стримонъ*.
рѣкѣ маги принесли жертву, умертвивъ надъ нею бѣлыхъ лошадей;
шивъ это и многія другія священнодѣйствія, персы прошли подлѣ „
путей“, что въ землѣ Едоновъ, и закопали здѣсь девять юношей и с
же дѣвушекъ изъ мѣстнаго населенія; закапывать въ землю живыхъ л
въ обычаѣ персовъ; и в) При вступленіи въ воды эллиновъ морских
Ксеркса, персы взяли въ плѣнъ одинъ изъ греческихъ кораблей съ от
бывшаго на немъ войска; выбравъ красивѣйшаго изъ всего отряд

ли его на носъ корабля и умертвили, почитая благопріятнымъ для себя
наменованіемъ, что первый взятый имя для жертвы эллинъ былъ и
й красивый. Имя убитаго *Левъ;* быть можетъ,—замѣчаетъ повѣство
ь, оно и привело этого воина къ такому концу (кн. I, ст. 132; кн. VII
54, 114 и 180).

Персы считаютъ обязательнымъ чтить день рожденія своего, приготовляя
этого столъ болѣе обильный, чѣмъ во всякій другой день; люди богатые
тъ въ печахъ цѣликомъ быка, лошадь, верблюда и осла; бѣдняки до-
ствуются мелкимъ скотомъ. Въ обыденной жизни за столомъ главныхъ
ъ мало, но дополнительныхъ множество; подаются они одно за другимъ.
персы сильно любятъ, важнѣйшія дѣла они обсуждаютъ во хмѣлю,
чемъ принятое мнѣніе снова предлагается тѣмъ же лицамъ, но уже
ымъ, хозяиномъ того дома, гдѣ происходило совѣщаніе во хмѣлю; если
ѣшеніе подтвердится и въ трезвомъ видѣ, оно принимается; если же
—отвергается; въ обратномъ же случаѣ, если о чемъ либо совѣщаются
резвомъ видѣ, рѣшеніе произносятъ во хмѣлю. При встрѣчѣ на ули-
ь можно опредѣлить, одинаковаго ли званія встрѣтившіеся, по слѣдую-
у признаку: вообще равные другъ другу цѣлуются въ губы; если одинъ
ого выше другого по положенію, цѣлуются въ щеки; если же одинъ
о ниже другого, первый падаетъ ницъ передъ послѣднимъ и цѣлуетъ
ноги.

Наибольшимъ уваженіемъ персовъ пользуются народы смежные съ
, затѣмъ уваженіе уменьшается по мѣрѣ разстоянія страны народовъ
Персіи; поэтому присоединивъ къ своему державству различные на-
, персы допускаютъ представителей ихъ къ участію во власти, боль-
или меньшему, смотря по разстоянію страны.

Обычаи чужеземцевъ перенимаются персами охотнѣе всякаго другого
да; они носятъ даже мидійское платье, находя его красивѣе туземнаго,
войны надѣваютъ на себя египетскіе панцыри. Путемъ знакомства
заимствуютъ всякаго рода удовольствія и, въ подражаніе эллинамъ,
тъ сообщеніе съ мальчиками.

Каждый персъ имѣетъ многихъ законныхъ женъ, но гораздо больше
жницъ; важнѣйшею доблестью мужчины послѣ воинской храбрости счи-
ся произведеніе на свѣтъ многихъ сыновей; такихъ мужчинъ царь на-
даетъ ежегодно подарками. Дѣтей съ пятилѣтняго и до двадцатилѣтняго
аста обучаютъ только тремъ предметамъ: верховой ѣздѣ, стрѣльбѣ изъ
и правдивости. Мальчикъ не является отцу на глаза раньше пяти лѣтъ
роду, проводя жизнь среди женщинъ; дѣлается это для того, чтобы
ъ не могъ привыкнуть къ ребенку и не скорбѣть, если смерть пости-
ъ его въ раннемъ дѣтствѣ.

Ни царь, ни сановники его, или другія властныя лица не наказы-
тъ смертью своихъ слугъ, провинившихся однажды; гнѣвъ свой они
являютъ надъ виновнымъ только по изслѣдованіи содѣяннаго имъ и по
вѣсу вины надъ прежними заслугами его.

Говорятъ, что ни одинъ персъ не убивалъ никогда своего отца или
ери; если подобныя обвиненія и возникали, всегда обнаруживалось по

изслѣдованіи, съ полною очевидностью, что убійцами бывали или подк
или побочныя дѣти.

Чего не дозволялось дѣлать, о томъ запрещалось и говорить; ло
считалась постыднѣйшимъ порокомъ; вторымъ послѣ него— имѣть
потому, главнымъ образомъ, что должнику необходимо лгать.

Кто изъ гражданъ заболѣвалъ проказою, или покрывался б
струпьями, тотъ не допускался въ городъ и къ сношенію со здоровыми
какъ болѣзнь эта постигала за какой нибудь грѣхъ противъ солнца,
каго иностранца, подпавшаго такой же болѣзни, изгоняли, какъ про
и бѣлыхъ голубей, считая ихъ виновниками заболѣваній.

Рѣки чтутъ высоко, въ воды ихъ не плюютъ и никому не позв
мыть въ нихъ руки.

Трупъ умершаго перса погребается не раньше, когда тѣло будетъ
зано птицами, или собаками; прежде погребенія трупъ покрывается в

Маги рѣзко отличаются отъ остальныхъ людей и отъ египе
жрецовъ: эти послѣдніе свято соблюдаютъ правило не умерщвлять
живого, кромѣ жертвы,—маги, напротивъ, собственноручно умерщ
всякое животное, кромѣ собаки и человѣка, а также вмѣняютъ се
заслугу лишеніе жизни возможно большаго числа муравьевъ, змѣй
гихъ пресмыкающихся и летающихъ животныхъ (кн. I ст. 133—1

Кромѣ приведенныхъ обычаевъ, представляющихся общими для всѣ
совъ, Геродотъ приводитъ еще и другіе, подмѣченные имъ при особ
случаяхъ.

Законъ не допускалъ браковъ съ родными по отцу и матери се
но царю Камбисѣ судьи, остававшіяся, будучи удостоенными этого
несмѣняемыми на всю жизнь, или до тѣхъ поръ, пока не будутъ у
въ какой либо неправдѣ,—разрѣшили взять себѣ въ жены, послѣдов
двухъ родныхъ сестеръ его; при этомъ они высказали:—закона, к
дозволялъ-бы брату жениться на сестрѣ, они не нашли; но за то
другой законъ, дозволяющій царю персовъ дѣлать все,—чтобы онъ н
лалъ (кн. III, ст. 31).

Устроители большого пиршества сажали съ собою законныхъ
наложницъ (кн. V ст. 18). Персы носили длинные волосы (кн. VI с
Какъ у всѣхъ азіатскихъ варваровъ, у Персовъ чествуютъ царя пос
смерти; о ней всадники возвѣщаютъ по всей странѣ, а по городу
женщины и бьютъ въ котелъ; по этому звону два свободныхъ ли
каждаго дома, мужчина и женщина, обязаны наложить на себя
печали; не исполненіе этого требованія подвергало ослушника стра
наказанію (кн. VI, ст. 58). Въ знакъ печали по умершемъ вообще, ц
онъ, или вельможа, или гражданинъ обыкновенный, подданные, подчи
и близкіе къ покойному люди остригали на себѣ волосы, а на лоша
вьючномъ скотѣ—шерсть, и поднимали безконечные вопли (кн. IX с
Лицо, вступающее на престолъ по смерти царя, обязано прощать не
по всѣмъ городамъ. Подобное правило существовало и у лакеде
(кн. VI, ст. 58 и 59).

Въ обычаѣ персовъ, какъ равно эллиновъ и другихъ сосѣднихъ наро-
, было награждать за услуги, оказанныя странѣ или царю ея, пожало-
емъ цѣлыхъ областей или въ собственность, или въ пользованіе,—въ
ыленіе,—пожизненное или временное (кн. VIII, ст. 85 и др.); а если
ъ обзывалъ кого либо изъ военачальниковъ, или вообще сановниковъ
бою", это почиталось величайшимъ позоромъ; такъ Ксерксъ, раздражен-
й неудачею въ морскомъ дѣлѣ при Саламинѣ, узнавъ, что правительница
одовъ дорійскихъ, Артемосія, начальствовавшая надъ пятью кораблями
совъ (кн. VII, ст. 99), врѣзалась въ середину непріятельскихъ кораблей
одинъ изъ нихъ потопила лично, безъ чьей либо помощи,—сказалъ въ
ръ военачальникамъ, съ горечью: „Мужчины стали у меня женщинами,
женщины мужчинами (кн. VIII, ст 88)". Этотъ укоръ привелъ персовъ
отчаяніе, и они, чтобы отличиться мужествомъ и не быть бабами, бро-
ись на явную гибель (тамъ же ст. 89—92); братъ Ксеркса, сынъ
рія, Масиста, присутствовавшій при пораженіи персовъ подъ Микале, на-
орилъ много оскорбительнаго главноначальствовавшему въ этомъ дѣлѣ,
ганитѣ; тотъ долго слушалъ молча, но когда Масиста сказалъ, что
ганита хуже бабы,—военачальникъ бѣшено бросился на оскорбителя съ
емъ, но былъ остановленъ (кн. IX, ст. 107).

Вооружены персидскіе войска луками, мечами и короткими копьями;
сы ихъ сплетены изъ прутьевъ, къ внутренней сторонѣ привѣшивали
ланъ; на головѣ носили плохо выдѣланныя войлочныя шляпы, но нѣко-
ые всадники имѣли на головѣ желѣзные или мѣдные уборы чеканной
оты, а на груди панцыри изъ желѣзныхъ пластинокъ на подобіе рыбьей
уи; мечи были короткіе и привѣшивались къ поясу справа, въ ножнахъ
наконечникомъ; стрѣльбѣ изъ лука научили персовъ скиѳы при Кіаксарѣ,
инѣ Креза; военный станъ свой они укрѣпляли деревянными стѣнами
башнями; а при неимѣніи подъ руками лѣса, или для скорости,—пле-
ными щитами (кн. I, ст. 73; кн. III, ст. 64 и 87; кн. V, ст. 49;
VII, ст. 61, 62, 64 и 211; кн. IX, стр. 66, 70 и 99. Ѳ. Г. Ми-
ко видитъ въ плетеныхъ щитахъ заостренные колья, нашъ частоколъ
аз. къ Геродоту, стр. 160).

Въ числѣ казней, которымъ предавали виновныхъ въ тяжкихъ престу-
ніяхъ, персы употребляли распятіе; судя по приведеннымъ Геродотомъ
чаямъ, можно думать, что эта казнь была самою позорною. Гистіэй,
едводительствуя іонянами и эолянами, попалъ въ плѣнъ персамъ; по при-
занію военачальниковъ Гарпага и Артафренеса онъ былъ обезглавленъ;
упъ его распятъ на крестѣ, а голову отправили къ Дарію (кн. VI, ст 30);
авитель эолійской Кумы, Сандокесъ постановилъ за деньги несправедливый
говоръ; узнавъ объ этомъ, Дарій велѣлъ распять его; но по внимательнымъ
мъ разсмотрѣніи обстоятельствъ дѣла и по размышленіи, царь нашелъ,
гда Сандокесъ висѣлъ уже на крестѣ, что заслуги его относительно цар-
аго дома значительно превышаютъ преступленіе, и сознавъ, что поступилъ
орѣе поспѣшно, нежели благоразумно, отмѣнилъ казнь, и несправедливаго
дью-взяточника сняли со креста (кн. VII, ст. 194).

Персы, какъ извѣстно и выше нами сказано подробно, воевали со с
ѳами, подъ предводительствомъ Дарія, и съ ихъ сосѣдями; извѣстно, з
скиѳы заставляли Дарія блуждать по своей странѣ, переходя съ мѣста
мѣсто, и наконецъ отправили пословъ со странными дарами, когда, уто
персовъ, убѣдились въ затруднительномъ положеніи могущественнаго
ихъ. Дары состояли изъ птицы, мыши, лягушки и пяти стрѣлъ. Пе
задумались и собрались на совѣтъ. Дарій истолковывалъ значеніе да
добровольнымъ подчиненіемъ его власти скиѳскаго народа съ землею и во
такъ какъ, по его объясненію,—мышь водится въ землѣ и питается т
же плодомъ земнымъ, что и человѣкъ; лягушка живетъ въ водѣ, и
походитъ по быстротѣ полета на рѣзвыхъ скакуновъ, лошадей, а подъ
домъ стрѣлы скиѳы передавали ему свою воинскую доблесть. Но и
Горія,—одинъ изъ вельможъ, доставившихъ Дарію царскую власть и у
твившихъ, въ числѣ семи, мага Смердиса,— смыслъ даровъ толко
иначе: если вы, персы, не улетите какъ птицы въ небеса, или не с
тесь въ землю подобно мышамъ, или, наконецъ, не ускачете, какъ лягу
въ озера, то не вернетесь въ страну свою и падете подъ ударами э
стрѣлъ (кн. IV, ст. 131—134). Послѣдующее доказало правильность
кованія Гобріи; Дарію пришлось уйти со своими полчищами домой, не
коривъ ни скиѳовъ, ни ихъ сосѣдей (тамъ же ст. 140—144). Киръ, з
мавъ свергнуть Астіага и отложиться отъ мидянъ, созвалъ на со
важнѣйшіе роды персовъ, между 688 и 559 г.г. до Р. Х. Въ числѣ
были земледѣльческіе—*германіи* Γερμάνιοι (кн. I, ст. 125).

Мидяне. Народъ этотъ упоминается въ ассирійскихъ памятни
около 840 г. до Р. Х. подъ именами Amadai и Maťai. Геродотъ и по
дующіе повѣствователи мидянами называютъ персовъ и вообще всю с
купность разноплеменныхъ народовъ, входившихъ въ составъ Персиде
царства (указатель къ Геродоту Ѳ. Г. Мищенка стр. 127). Страна, кото
они занимали, называлась *Мидія*,—теперь Курдистанъ,—частью гори
частью ровна (кн. I, ст. 110, 184 и 185); она была погранична съ
вилоніею, около 780 г. до Р. Х. (тамъ же, послѣд. двѣ статьи).

Бывъ долгое время подъ властью ассиріянъ, съ 1231 года до Р.
мидяне возстали противъ нихъ и завоевали себѣ свободу и самостоят
ность (кн. I, ст. 96). Жили они въ деревняхъ; управлялись старѣйши
и судьями.

Одинъ изъ деревенскихъ жителей, сынъ Фаорты, Дейокъ, отличавш
умомъ и справедливостью, прославился этими душевными качествами
столько, что свободная, управлявшаяся народомъ страна добровольно изб
его царемъ своимъ, около 702 г. до Р. Х. Дейокъ убѣдилъ народъ въ нео
димости сооруженія въ срединѣ страны укрѣпленнаго города; съ сог
возведены были крѣпкія каменныя стѣны, числомъ семь, такъ, что
входила въ другую, а всѣ составляли кольца, одно меньше другого;
слѣднимъ былъ дворецъ царя. Въ Геродотово время этотъ круглый
родъ назывался *Агбатанъ*. Деіокъ узаконилъ наслѣдственность цар
власти. Внукъ его, *Кіаксара*, одержалъ верхъ надъ ассиріянами, о

4 г. до Р. Х., и напалъ на Нинъ, желая овладѣть этимъ городомъ. Въ время вторглись въ Мидію скиѳы, гоняясь за киммеріанами,—о чемъ зано выше (кн. I, ст. 96, 97—104).

Настоящее имя разсматриваемый народъ получилъ отъ прибывшей въ страну *Медеи*, дочери колхидскаго царя, а въ древности назывался *ями* (кн. VII, ст. 62).

Киръ покорилъ своей власти мидянъ, и они вошли въ его царство какъ ятый округъ Персіи (кн. I, ст. 130, кн. 92, кн. VII, ст. 8).

Изъ обычаевъ, во многомъ сходныхъ съ персидскими, остановимся на омъ: при заключеніи договоровъ участвовавшія стороны дѣлали на рукъ надрѣзы и слизывали другъ у друга кровь (кн. I, ст. 74).

Примѣчаніе. Выше указаны нѣкоторыя созвучія въ словахъ индо-персидскихъ языкъ съ нашими, имѣющими то же значеніе.

У Геродота помѣщенъ разсказъ о правнукѣ Деіока, сына Кіаксары—тіагѣ и дочери его Манданѣ, выданной за мужъ за именитаго перса, Камсу. Астіагъ видѣлъ послѣдовательно два сна, истолкованные мѣстными рецами такъ, что отъ Манданы родится сынъ, который затмитъ своею вою Астіага и будетъ обладателемъ его царства. Огорченный такимъ предданіемъ Астіагъ приказалъ родившагося вскорѣ послѣ предвѣщанія у Манды сына отдать пастуху царскихъ стадъ, *Митридату*, чтобы онъ снесъ въ горы, изобиловавшія дикими звѣрями, и оставилъ тамъ на съѣдехищникамъ. Жена этого пастуха, бывшая рабынею Астіага, родила въ нъ день съ Манданою мертваго мальчика. Сжалившись надъ ребенкомъ ланы, она упросила своего мужа снести въ горы свое мертворожденное я, а сына Манданы оставить ей вмѣсто родного на воспитаніе. Митритъ такъ и поступилъ; сынъ Манданы, спасенный женою его, былъ знаитый Киръ. Спасительница его, рабыня Астіага, называлась *Спако*, что чить на мидійскомъ языкѣ *собака* (кн. I, ст. 107 и 110).

Кромѣ скиѳскихъ рѣкъ, впадающихъ въ Истеръ (Дунай), Геродотъ наваетъ и другія, и въ ихъ числѣ *Кій* (Κιος), выходящій изъ земли плаъ и горы Родопы и разрывающій Гемъ (теперешній Балканскій хребетъ) поламъ (кн IV, ст. 49).

Повѣствуя о походѣ Дарія въ Европу и о сооруженіи моста на Боспорѣ, Геродотъ сказываетъ, что этотъ царь сѣлъ здѣсь, на Боспорѣ, на кобль и отплылъ къ такъ называемымъ *кіанеямъ, которые, по словамъ линовъ, были нѣкогда блуждающими* (кн. IV; ст. 85).

Объяснители Геродота принимаютъ Кіанеи за острова, лежащіе у ода изъ Ѳракійскаго Боспора въ Черное море (указатель къ Геродоту ст. 98). ли прозваніе „блуждающіе", данное греками, относится къ островамъ, ихъ ѣдуетъ считать наносными, или подвижными мелями, встрѣчаемыми на ководныхъ моряхъ и озерахъ, противъ устьевъ большихъ рѣкъ. Такъ въ образованіи Кіанеи могла участвовать сопменная рѣка Кій, но она даетъ не въ Черное море непосредственно, а въ Дунай, и притомъ въ тельномъ разстояніи отъ Боспора Ѳракійскаго, Черное же море замѣ-

по скоро это нововведеніе отмѣнили; для этого всѣ кавліи, способные н
сить оружіе, одѣлись въ доспѣхи, и ударяя копьями по воздуху, прос
довали до области Каппиды, говоря, что они изгоняютъ такимъ образомъ
жеземныхъ боговъ.

Ликіяне имѣютъ нравы и обычаи частью критскіе, частью карійс
только слѣдующій обычай совершенно особенный: они называютъ с
по матери, а не по отцу, какъ всѣ другіе народы; если женщина-гражда
сочетается бракомъ съ рабомъ, дѣти признаются благородно рожденны
но если мужчина гражданинъ, хотя бы самый знатный между ними, в
метъ въ жены чужеземку, или наложницу, дѣти ихъ не получаютъ пр
гражданства.

Нѣкоторые іоняне имѣли царей изъ ливіянъ.

Извѣстны были въ Геродотово время особые ливійскіе луки и рогат
(кн. I, ст. 147 и 173; и кн. VII, ст. 76, 77 и 92); на войнѣ нос
панцыри и поножи, т. е. особенныя прикрытія для защиты ноги, съ ко
до ступни, спереди, подобно нынѣшнимъ лезгинамъ и другимъ кавказск
горцамъ; имѣли луки изъ дерева, стрѣлы тросниковыя безъ перьевъ и
тики; на плечахъ свободно висѣла козья шкурка, а головы покры
шапками, съ перьями кругомъ; употребляли также мечи и косы. Лик
происходятъ изъ Крита и назывались прежде термилами; настоящее
получили отъ Лика, сына аѳинянина Пандіона (кн. VII, ст. 92).

Іоняне. Народъ этого имени мы встрѣчали въ описаніи похода Д
на скиѳовъ; онъ занималъ мало-азійское побережье Архипелага, близъ
леспонта и островов Лесбоса, Хіоса, Самоса и другихъ. Сосѣдями іон
были: *троянцы* и *эоляне*—на побережьи;—*доряне, лидійцы* и *фригійц*
съ нагорной стороны.

Первоначальное же мѣстожительство іонянъ было въ Пелопонес
области Ахеѣ (кн. VII, ст. 94; кн. VIII, ст. 36); они происходятъ
пелазговъ (о нихъ скажемъ ниже); въ Пелопонесѣ жили въ двѣнад
городахъ; перебравшись въ Азію, основали и тамъ столько же (кн
ст. 143, 145, 146).

Настоящее имя получили, еще проживая въ Пелопонесѣ отъ І
сына нѣкоего Ксуѳа, прибывшаго въ ихъ страну вмѣстѣ съ Дакоемъ,
того назывались *пелазгами эгіалейскими* (кн. VII, ст. 94); іонянами
называли и аѳинянъ, но лишь сосѣди, сами же они избѣгали этого им
какъ и всѣ неазіатскіе іоняне (кн. I, ст. 142; кн. VIII, ст. 44).

Города іонянъ находятся подъ такимъ небомъ и въ такой странѣ,
которыми не могутъ равняться ни одна изъ сосѣднихъ земель во в
направленіяхъ отъ нея; Іонія лучше ихъ и вообще прекрасна (кн. I, ст. 1

Языкъ Іонянъ имѣетъ четыре нарѣчія, по числу различныхъ плем
населявшихъ страну ихъ къ Геродотову времени (тамъ же, ст. 146); б
роднѣйшими считаютъ себя тѣ изъ нихъ, которые выселились изъ аѳин
Пратанея (тамъ же).

О вѣрованіяхъ іонянъ Геродотъ не говоритъ потому, конечно, что
одинаковы съ эллинскими, но упоминаетъ о союзномъ храмѣ *Паніоніи*

влявшемъ святилище двѣнадцати городовъ; всѣ прочіе жители, не прилежавшіе къ этимъ городамъ, не допускались къ участію въ празднествахъ въ храмѣ (кн. I, ст. 144). Было у іонянъ празднество „Апатуріи", е. братственныхъ союзовъ, состоявшее главнѣйше въ обрядѣ посвященія братство вновь народившихся членовъ. (Указатель стр. 13). Празднество отправляютъ не одни только жители двѣнадцати городовъ, но всѣ іоняне, исключеніемъ горожанъ *Эфеса* и Колофана, не допускаемыхъ по обвинію ихъ въ какомъ-то убійствѣ. Паніонія— священная мѣстность на Микале, полночной сторонѣ мыса, пожертвованная іонянами сообща, Посейдону иконесскому (кн. I, ст. 107 и 148).

Въ случаяхъ особой важности обращаются съ вопросами къ божеству; отвѣтами не всегда удовлетворяются и часто въ дѣйствіяхъ своихъ тиворѣчатъ имъ (тамъ же ст. 157—161).

Выше мы говорили о гипорборейскихъ дѣвушкахъ Опидѣ и Аргѣ, провляемыхъ іонянами, островитянами и побережанами; для нихъ іонійскія щины собирали пожертвованія (кн. IV, ст. 25).

Изъ свѣдѣній Геродота о покореніи Киромъ іонянъ можно вывести заченіе, что имъ не чужды были игра на свирѣли и на киѳарѣ (родъ ы) и торговля на городскихъ площадяхъ (кн. I, ст. 141 и 155).

Женщины, преимущественно милетскія, установили въ средѣ своей чай, укрѣпивъ его клятвою, и передавали своимъ дочерямъ—никогда не ѣть за однимъ столомъ съ мужьями и не называть ихъ по имени. Обычай ъ установился съ тѣхъ поръ, когда аѳинскіе выходцы, выселяясь на режье Іоніи и не взявъ съ собою женъ, сочетались съ каріянками, пеивъ предварительно ихъ отцовъ, мужей и дѣтей (кн. I, ст. 146).

Знаменитый мудрецъ шестого вѣка до Р. Х., *Пиѳагоръ* былъ по прожденію іонянинъ; онъ родился на островѣ Самосѣ, близъ мыса Микале; ъ его былъ *Мнесархъ*. Пиѳагоръ училъ, между прочимъ, о переселеніи ш; онъ образовалъ большой кругъ послѣдователей, привлекая ихъ вѣроіемъ въ таинственную силу, чудодѣйствуя посредствомъ установленныхъ же обрядовъ. Изъ своей родины мудрецъ бѣжалъ отъ преслѣдованія ікрата въ Египетъ, жилъ въ Вавилоніи, оттуда перебрался въ Италію; Тарентѣ было цѣлое училище Пиѳагорейцевъ, въ числѣ ихъ былъ Милонъ Кротона; но въ Италіи случилось большое возмущеніе противъ Пиѳагоцевъ и училище распалось. Обряды, Пиѳагоромъ установленные, сходны египетскими и орфическими (кн. II, ст. 81 и IV, ст. 95 и 96). Орфикіе обряды, или орфики, совершались въ обществѣ эллиновъ, стремивхся къ ослабленію проникавшихъ въ Элладу чужеземныхъ вѣрованій; нственная чудодѣйствующая сила вызывалась обрядами орфиковъ; члены го общества отличались воздержаніемъ, отказываясь отъ чувственныхъ лажденій. Учрежденіе орфики восходитъ къ незапамятной древности; яды сходны съ нѣкоторыми египетскими; Орфей, баснословный пѣвецъ и житель Діониса, считался основателемъ общества, которому и дано его (Foucard, Paris 1874). Слѣдуетъ отмѣтить, а) что болѣе, чѣмъ за пятьъ лѣтъ до Р. Х., тиранъ Милета, главнаго города іонянъ, лежавшаго на

карійскомъ берегу Архипелага, Аристагора, прибывъ въ Спарту къ
Клеомену, чтобы убѣдить его въ необходимости освобожденія іонянъ
зависимости персовъ, показывалъ царю, бесѣдуя съ нимъ, мѣдную д
на которой былъ вырѣзанъ весь кругъ земной, все море и всѣ рѣки,
ней указывалъ путь, которымъ можно дойти отъ Сардъ, лидійскаго го
до Сузъ, главнаго города персовъ (кн. V, ст. 49) и б); что іоняне извѣ
евреямъ, черезъ финикіянъ, какъ потомки библейскаго Іована (книга Б
гл. X, стих. 2) четвертаго сына Іафета; подъ сынами іована евреи
мѣли всѣхъ жителей острововъ и полночнаго побережья Средиземнаго м

Троянцы. Прославленный Гомеромъ народъ, Троянцы, занималъ с
Троаду, лежавшую въ той части Малой Азіи, которая опоясывается съ
сторонъ морями, Эгейскимъ и Боспоромъ Ѳракійскимъ, и выходитъ за
полночною границею на Геллеспонтъ; такимъ образомъ Троада—это
няя оконечность Мало-азійскаго полуострова на западъ къ полночи; о
рѣзана отрогами горы *Иды* въ разныхъ направленіяхъ; главный городъ
Троя, иначе *Иліонъ*. Троянская война происходила болѣе чѣмъ за 800
до Геродота (около 1300 г. до Р. Х.), такъ что сказанія его не и
значенія вполнѣ достовѣрныхъ, какъ основанныя на извѣстіяхъ и пѣ
ніяхъ; предшественниковъ; но освѣщаемыя личнымъ взглядомъ добросовѣ
повѣствователя, они уже давно сдѣладись предметомъ всесторонняго из
и изслѣдованія нашихъ современниковъ. Въ послѣднее время любознате
почитатель и знатокъ старины древняго міра, недавно скончавшійся Ге
Шлиманъ, посвятилъ много лѣтъ на отысканіе развалинъ Трои и нашел
Хотя вопросъ, существовала ли въ дѣйствительности Гомеровская Тро
копками Шлимана не уясняется, но сродство найденныхъ остатковъ,
которыхъ частяхъ, съ описаніемъ дворцовъ у Гомера, въ общихъ че
даетъ основаніе заключить о неподлежащемъ сомнѣнію существова
Троадѣ, болѣе чѣмъ за тридцать пять столѣтій до нашего времени, н
обладавшаго въ удивительно высокой степени развитыми искуствам
ражающими творчествомъ духовной силы его современную Европу. Рас
Шлимана дали нѣкоторымъ ученымъ основаніе установить ѳракійское
схожденіе троянцевъ Гомера и зависимость искуствъ ихъ и всего
развитія отъ вліянія хиттитовъ, народа Семитическаго племени; между
другіе ученые, основываясь на именахъ лицъ, принимавшихъ учас
Троянской войнѣ, по Гомеру и другимъ писателямъ, производятъ тро
отъ фригіянъ, родственныхъ эллинамъ.

По Геродоту Троя разрушена эллинами (кн. I, ст. 5; VII. ст.
161); но Елена, похищеніе которой вызвало Троянскую войну, нико
была въ Троѣ; основываясь на приводимыхъ въ Одиссеѣ словахъ Ме
сказанныхъ Телемаху—„я ждалъ вернуться домой, но боги все еще
живали меня въ Египтѣ, потому что я не принесъ имъ обильной жерт
Геродотъ допрашивалъ египетскихъ жрецовъ, насколько вѣрно, или
повѣтствованіе эллиновъ о Троѣ,—и они, жрецы, отвѣчали ему, что
происшествіе изъ разсказовъ самого Менелая, именно: послѣ похи
Елены прибыло въ тевкрскую землю огромное войско эллиновъ на п

елаю; высадившись на сушу и расположившись станомъ, они отпра-
и въ Трою посольство,—вмѣстѣ съ Менелаемъ, съ требованіемъ возвра-
нія Елены и сокровищъ, уворованныхъ Александромъ, а также удовлет-
енія за обиду, но тевкры, тогда и впослѣдствіи, говорили подъ клятвою
о и тоже, что ни Елены, ни сокровищъ у нихъ нѣтъ, но что все это
одится въ Египтѣ во владѣніи тамошняго царя Протея; разрушивъ Трою
взявъ срединное укрѣпленіе (Акрополь), эллины Елены не нашли и отря-
и Менелая къ Протею, отъ котораго онъ и получилъ обратно Елену,
авую и невредимую, и все свое сокровище. (кн. II, ст. 116—119).

Потомками тевкровъ были пеоны, сидѣвшіе впослѣдствіи рядомъ съ Ма-
оніею—въ Европѣ (кн. V, ст. 13); изъ подъ Трои вышли, послѣ ея раз-
шенія, памфилы, занимавшіе во времена Ксеркса землю въ прибрежной
ло-азійской области въ сосѣдствѣ съ ликіянами, отъ нихъ на востокъ.
. VII, ст. 91). Паденіе Трои относятъ различные писатели къ слѣдую-
му времени до Р. Х.; Дурасъ—къ 1335, составитель жизнеописанія Го-
ра—1270, Геродотъ и Ѳукидитъ—1260, Парійская лѣтопись—1209;
атосѳенъ—1183; Сосибій—1171; Ефоръ—1169 и Климентъ—1149 (Ука-
тель къ Геродоту, стр. 218).

Еоляне. Народъ этого имени жилъ въ двухъ мѣстахъ: въ Ѳессаліи—
Европѣ, и на мало-азійскомъ побережьи, между Хоридами, Смирною и
даномъ (кн. V, ст. 123); мало-азійская страна эолянъ называлась Эоли-
; она менѣе благодатна, чѣмъ земля іонянъ, хотя и болѣе плодородна.
олянъ было много городовъ и на материкѣ, въ Малой Азіи, и на остро-
ъ, всего болѣе двадцати, не считая Смирны, отнятой іонянами такимъ
азомъ.—Эоляне приняли было къ себѣ, въ Смирну, нѣкоторыхъ жителей
мянутаго города Колофона, побѣжденныхъ, во время усобицы, сограждa-
и и изгнанныхъ изъ мѣста родины. Между тѣмъ, за гостепріимство,
колофонцы отплатили насиліемъ; когда жители Смирны отправляли
аздникъ въ честь Діониса, за стѣнами города, колофонцы заперли за ними
ота и объявили городъ своимъ. На помощь кореннымъ жителямъ Смирны
шли всѣ эоляне; общимъ совѣтомъ между собою и колофонцами порѣ-
ли, чтобы эти пришельцы іоняне выдали жителямъ Смирны все, какое
ь въ городѣ движимое имущество, а Смирну оставить за Іонянами; такъ
сдѣлали; остальные эолійскіе города приняли каждый установленное число
телей Смирны и объявили ихъ своими гражданами (кн. I, ст. 149—151).
рвоначально эоляне были многолюднѣйшимъ и могущественнѣйшимъ пле-
немъ эллиновъ, распространившимся въ различныхъ частяхъ материка и
обенно усилившимся въ Пелопонесѣ; ахеяне были эоляне. Они участво-
ли въ походѣ Камбисы противъ Египта, гдѣ имѣли свой храмъ (кн. II,
. 1, кн. III, ст. 1; кн. II, ст. 178); ходили съ Даріемъ на скиѳовъ
. IV, ст. 89 и 138), были въ войскахъ Датиса противъ эллиновъ (кн. VI,
98) и въ войскахъ Ксеркса; происходятъ отъ пелазговъ (кн. VII, ст. 95).

Доряне. Крезъ, царь лидійскій, старался узнать могущественнѣйшихъ
эллиновъ, чтобы войти съ ними въ дружбу; оказалось, что македоняне
ѳиняне занимаютъ первое мѣсто, одни въ дорійскомъ племени, другіе

въ іонійскомъ; это были родоначальники народовъ глубокой древности-
лазговъ и эллиновъ, но не носили именъ, впослѣдствіи усвоенныхъ т
другими; отъ сына царя Эллина пошли эллины, а отъ внука его Д
доряне (кн. I, ст. 56).

Такимъ образомъ доряне Геродотовы—древне-эллинское племя, про
положное пелазгійскому. Послѣ долгихъ странствованій они поселились
Пелопонесѣ (тамъ же и кн. VIII, ст. 31); впослѣдствіи часть ихъ
селилась въ Малую Азію; здѣсь выходцы обособились отъ прочихъ с
менниковъ и въ *Пятиградіи* Геродотова времени, въ томъ самомъ, к
раньше называлось *Шестиградіемъ*, учредили святилище имени Апо
Тріопскаго, въ которое старались не допускать никого изъ прочихъ до
даже и тѣхъ изъ среды своей, которые поступали противно установле
святилища; такъ, напримѣръ, было съ жителями Галикарнаса, наказан
лишеніемъ святилища по слѣдующему поводу: издавна въ храмѣ учре
въ качествѣ наградъ побѣдителямъ на играхъ въ честь Аполлона Тріо
мѣдные треножники; получавшіе награду не могли уносить трено
домой, а обязаны были оставлять въ храмѣ въ жертву божеству;
галикарнасецъ, нѣкто Агасиклъ, одержавъ побѣду и получивъ трено
унесъ его домой и тамъ повѣсилъ на гвоздѣ. Пять городовъ изъ
участвовавшихъ въ святилищѣ, исключили изъ своей среды Галика
такимъ образомъ и получилось вмѣсто шестиградія—пятиградіе (кн. I, ст.

До выхода въ Малую Азію и вообще въ вѣка весьма отдаленны
баснословнаго Персея, вождями Дорянъ были египтяне, какъ по сказа
писателей эллинскихъ, такъ и по свѣдѣніямъ персовъ (кн. VI, ст. 53-

Замѣчательно, что не смотря на исконное общеніе дорянъ съ элл
въ звуковыхъ способностяхъ обоюднаго говора сохранилась рѣзкая о
ность: у дорянъ и нѣкоторыхъ другихъ народцевъ слышался въ
шипящій звукъ словъ, для котораго придуманъ ими и особенный з
сходный по начертанію съ нашимъ *М*, какъ оно изображалось пис
средне-лѣтописныхъ временъ, развалисто; на Керкирѣ, что теперь о
Корфу, заселенномъ коринѳянами, и въ Ахеѣ, въ Пелопоннесѣ, изв
былъ только шипящій звукъ; напротивъ въ большей части Пелопоннес
Беотіи, Фокидѣ, Локридѣ, на Эвбеѣ, въ большинствѣ городовъ Ита
Сициліи, вообще въ области говоровъ аттическаго и іонійскаго, знали т
свистящее Σ (сигма); въ Этоліи народъ до сихъ поръ произноситъ *С* ка
въ Аргосѣ же существовали оба звука (заимствовано изъ Указателя
Мищенка стр. 182).

Въ виду приведенныхъ нами объясненій о Гелони и Шелони, с
и чуди, особенность говоровъ съ звуками шипящимъ и свистящимъ,
ставляется имѣющею для нашего предмета существенную важность:
дотъ былъ галикарнасецъ по рожденію, стало быть дорянинъ, а доря
своему происхожденію не пелазги, а скорѣе египтяне. До нашихъ у
дошли разныя рукописи Геродотова труда и выписки изъ нихъ въ
ніяхъ другихъ писателей древности; но мы не знаемъ, придерживал
самъ онъ въ начертаніи звуковыхъ знаковъ шипящаго *М* или свистящ

у мы, основываясь на рукописяхъ, въ которыхъ употребляется *сигма*— ящая, а не шипящій *санъ*, и не зная ни одной съ этимъ послѣднимъ, нимаемъ мнѣніе Байера, Раска, Шафарика и др. (см. выше).

Лидійцы или лидяне. Лидія лежала на полночь къ Египту отъ Іоніи; и ея назывались прежде Мсонами (кн. VII, гл. 74; кн. V, ст: 49). послѣ дѣтей Сима, Ноева сына, былъ Лудъ (Lud), братъ Ассура, Елема а и Каинана (кн. Бытія гл. X, ст. 22; народъ, населявшій эту землю, адлежалъ къ двумъ племенамъ; арійскому и семитическому, смѣшав- я въ тѣ отдаленныя времена, къ которымъ относится движеніе туран- западной вѣтви.

Главнѣйшія божества лидійцевъ *солнце* и *луна*, олицетворенныя эллиподъ именемъ Геракла, Аполлона, Геры; сиріянами или хиттитами— а, Ашеры—Астарты;—и фригійцами Менеса, Аттиса и Кибелы.

Лидійцы—народъ не воинственный; при наступленіи на нихъ Кира Крезу, ическому царю, пришлось прибѣгнуть къ найму иноземнаго войска (кн. I, 77—90); однако же ремесленники у нихъ не пользуются почетомъ; бла- ными считаютъ, подобно фокіянамъ, скиѳамъ и персамъ, тѣхъ только, рымъ совершенно чуждъ ручной трудъ и которые вѣдаютъ только воен- дѣло. Между тѣмъ лидяне были первыми мелочными торговцами и пер- насколько извѣстно Геродоту, ввели въ употребленіе чеканныя изъ зо- и серебра единицы цѣнности (монету), выдумали и распространили у Еллинами и всѣми сосѣдями игры въ кости. Эта выдумка вызвана въ царствованіе Атиса, сына Менеса, большою нуждою хлѣба во всей ; сперва народъ терпѣливо сносилъ голодъ, потомъ, когда онъ не пре- ался, стали измышлять различныя противъ него средства; въ числѣ ихъ ло изобрѣтеніе игръ; въ кубы, въ мячъ и другія, кромѣ шахматной, мку которой, по словамъ Геродота, лидійцы себѣ не приписывали; въ лженіи голода они играли цѣлый день съ увлеченіемъ и ночью не ѣли, ясь вовсе и не думать о пищѣ, на другой день игру оставляли и на- ись, на третій опять играли и т. д. (кн. II, ст. 167 и кн. I, ст. 94).

Обычаи лидянъ походятъ на эллинскіе, съ тою лишь разницею-, что ели торгуютъ тѣломъ своихъ дочерей, которыя всѣ преданы пороку по- о сладострастія, обращенному въ ремесло: дѣвушки, на счетъ молодого о тѣла составляютъ приданое и выдаютъ себя замужъ сами: но съ пленіемъ въ супружество торговля тѣломъ прекращается (кн. I, ст. 93 и 99).

Достопримѣчательностей, заслуживающихъ, говоритъ Геродотъ,—вни- , каковыя имѣются въ другихъ странахъ, въ Лидіи нѣтъ, за исключе- золотого песку, который приносится водою съ горы *Тмола*, гдѣ на- лось укрѣпленіе города Сардъ (кн. I, ст. 84); у подножія этой горы дятъ и текутъ въ Сарды и окрестности рѣки: Каистра, Пактолъ и ъ, принимающій Пактолъ и впадающій въ море (кн. V, ст. 100 101).

Другимъ заслуживающимъ вниманія предметомъ, описаннымъ Геродотомъ ющимъ отношеніе къ насельникамъ Ильменской страны и ихъ памятникамъ енныхъ вѣковъ, представляется „громаднѣйшее сооруженіе, уступающее личинѣ только египетскимъ и вавилонскимъ, это *могила Аматты*,

отца Креза; основаніе ея изъ большихъ камней, все остальное— насыпь, курганъ; соорудили ее торговцы, ремесленники и публич щины". До Геродотова времени сохранились на могилѣ пять погр столбовъ съ надписями, съ обозначеніемъ какую часть ея сооруд дый разрядъ строителей; при вычисленіи оказывается, что наибол принадлежитъ публичнымъ женщинамъ; окружность могилы верста пятидесяти четырехъ саженъ, а поперечникъ—около ста девяноста подлѣ могилы большое, никогда непересыхающее озеро, называе совымъ (кн. I, ст. 93).

Фригіяне. На горѣ *Берміи*, въ македонской области Ем Европѣ, жили нѣкогда, задолго до Геродота, *бриги*; потомъ они пер въ Азію къ рѣкѣ Галису и перемѣнили это имя на Фригіянъ; потом арменіи (кн. VII, ст. 73). Страна ихъ, Фригія, лежала между Каппанокіей .

Въ статьѣ о Египтѣ мы привели извѣстіе Геродота объ испыта метиха, какой народъ древнѣе всѣхъ на землѣ, по которому оказа самымъ первымъ народомъ были фригіянцы (первое слово, котор несли не слыхавшіе человѣческаго говора младенцы, было фригі касъ"—хлѣбъ). Рѣка Галисъ, теперь Кизиль—Ирмакъ, течетъ съ полночь и впадаетъ въ Черное море, отдѣляя Нижнюю Азію древ Верхней, и Лидійское царство отъ Мидійскаго; она вышла изъ А горы, проходитъ сперва земли киликіянъ; потомъ оставляетъ напра новъ, налѣво—фригіянъ; поворачиваетъ на полночь, протекаетъ м рійскими каппадокіянами направо и пофлагонами—налѣво. Такимъ Галисъ отрѣзаетъ почти всю Малую Азію, которая тянется отъ Сре моря противъ Кипра до Чернаго. Полоса эта—шея Малой Азіи; она имѣетъ пять дней пути для бодраго пѣшехода. (кн. I, ст. 72

Этими подробностями Геродотъ опредѣляетъ положеніе малоазій мель восточной половины полуострова, вполнѣ согласно съ чертеж ной доски Аристогора Милетскаго,

Фригія составляетъ предметъ особеннаго вниманія нынѣшнихъ по ихъ изысканіямъ нѣтъ сомнѣнія какъ въ глубокой древности этого народа внутри Мало азійскаго полуострова, такъ и въ близк ствѣ его съ арменіями и эллинами; а рѣка Галисъ составляла край ночно-восточную границу разселенія арійскихъ народовъ съ запад значительной части Мало-азійскаго полуострова, фригіяне занимали в большую часть Ѳракіи, Македоніи и Иллиріи (земли скиѳовъ и Извѣстіе Геродота о выселеніи фригіянъ въ Азію принимается з древности въ смыслѣ обратнаго движенія части фригіянъ изъ Евр послѣ Троянской войны. Англійскіе и французскіе ученые открыл чительную особенность въ жизни древнѣйшихъ фригіянъ; они сел пещерахъ, то естественныхъ, то искуственныхъ; послѣднія такъ с въ такомъ огромномъ числѣ въ одномъ мѣстѣ, что представляютъ ц земные города. Устройство пещерныхъ жилищъ, совмѣщая общія ч клопическихъ построекъ Эллады, представляется, повидимому, п зомъ ихъ.

Памфилы. Рядомъ съ ликіянами въ западномъ направленіи, на побе-
и Средиземнаго моря, сидѣли памфилы. Земля ихъ называлась Памфи-
Геродотъ считаетъ ихъ однимъ изъ народцевъ, ходившихъ подъ Трою
предводительствомъ Амфилоха и Калханта, разсѣвшихся послѣ разру-
и Трои и осѣвшихъ послѣ блужданій, на морскомъ побережьѣ. (кн. VII,
31). Вооруженіе ихъ было эллинское (тамъ же).

Киликіяне. Въ восточномъ же направленіи и по тому же побережью, до
моря, съ котораго оно опускается прямо съ полночи на полдень, распо-
на была Киликія. Эта горная страна изобиловала лошадьми и, кажется
мущественно бѣлыми, потому что, будучи покорена Даріемъ и составляя
ртый округъ Персіи, Киликія давала царю триста шестьдесятъ бѣлыхъ
дей (кн. III, ст. 90); обитатели ея назывались прежде шпахеями, а въ
твованіе финикіянина Килика, сына Агенора, получили имя киликіянъ.
йну выходили въ туземныхъ шлемахъ (какихъ, еллинскихъ или пер-
кихъ?) вмѣсто щитовъ имѣли куски бычачей кожи, одѣвались въ длин-
шерстяные халаты (хитоны); каждый вооруженъ былъ двумя метатель-
и копьями (дротиками) и мечомъ, очень похожимъ на египетскій ножъ.
VII, ст. 91).

Каппадокіяне. По очертанію земли Аристагоры, Каппадокія, или по
ски Сирія, граничила съ Фригіей, Киликіей и Арменіей (кн. V, ст. 49);
ьники ея носятъ имя страны, каппадокіянъ и сирійцевъ; они описы-
ся лидяниномъ, начитавшимся мудрецомъ; Санданисомъ, явившимся къ
, чтобы отклонить царя лидійскаго отъ задуманнаго имъ похода на
адокіянъ,—въ рѣчи его, Санданиса, обращенной къ Крезу, такъ: „Ты,
готовишься въ походъ на тѣхъ людей, которые носятъ кожаные штаны
ю одежду имѣютъ изъ кожи, живутъ въ землѣ суровой, ѣдятъ не столько,
ько хотятъ, а сколько имѣютъ, вина не употребляютъ вовсе, и пьютъ
ко воду, ни фигами, ни другими сластями не лакомятся;—если ты и
ешься побѣдителемъ, что возьмешь у такого народа, который ничего
имѣетъ? а когда будешь побѣжденъ,—потеряешь много: вкусивши на-
ъ благъ, они не пожелаютъ отказаться отъ нихъ и будутъ неотступно
гаться всего того, чѣмъ пользуется народъ твой“ (кн. I, ст. 7).

Во время военныхъ походовъ каппадокіяне имѣли на головахъ плете-
шлемы, носили небольшіе щиты и короткіе копья и мечи, а на ногахъ
мные башмаки, доходившіе до середины икры. (кн. VII, ст. 72).

Каппадокія признается за главное мѣстожительство народа хиттитовъ.
сканіями западныхъ изслѣдователей, сдѣлавшихъ множество драгоцѣн-
ъ открытій во Фригіи, найдены и здѣсь слѣды киклопическихъ соору-
й. По мнѣнію ученыхъ главное божество каппадокіянъ-сиріянъ—дѣва-
льница Ма, которой служило въ городѣ Камонѣ шестьсотъ жрицъ, во-
енныхъ и чествовавшихъ въ такомъ видѣ болиню танцами. Существуетъ
положеніе, что эти именно жрицы и послужили источникомъ и основою
ескихъ сказаній объ амазонкахъ, наступательное движеніе которыхъ,
итъ, началось отсюда, изъ Каппадокіи.

Понтійцы. Часть Каппадокіи, прилегающая къ восточной части
деннаго побережья Чернаго моря, занята была поселеніями съ го
Синопою (нынѣшній Синопъ) и укрѣпленіемъ Птеріею, принадлежа
каппадокійцамъ. Жителей этихъ и другихъ эллинскихъ поселеній по
морскому побережью Геродотъ называетъ иногда понтійцами (ср. к
ст. 76 и 101); кн. II, ст. 33; кн. IV, ст. 30 и кн. VI, ст. 33).
принадлежащія каппадокійцамъ и эллинамъ, эти поселенія не имѣли и
отличавшаго жителей ихъ отъ тѣхъ народовъ, которымъ они принадл
заносимъ же мы замѣтку о нихъ въ статью о современникахъ с
только потому, что Геродотъ называетъ этихъ поселянъ понтійцами, а
поселенія Понтомъ, чтобы не смѣшивать море съ его побережьемъ.

Колхидяне. О народѣ этого имени уже говорено было раньше
петскіе выходцы, обычай обрѣзанія). Земля ихъ, Колхида, прослав
баснословнымъ походомъ Аргонавтовъ (кн. I, ст. 2; кн. VII, ст. 1
197), находилась между Каппадокіей и Большою Арменіею—съ пол
востока, Чернымъ моремъ съ запада и Кавказскимъ хребтомъ съ по
гдѣ рѣка Ріонъ, древняя Фазисъ (родина фазановъ); Геродотовъ Фаси
Колхиды начинался путь въ Лидію (кн. I, ст. 104); рѣка Фасидъ,
какъ замѣчено выше, границею древнихъ между Европою и Азіею (к
ст. 37. 38, 45, 86 и кн. VI, ст. 84).

Вооруженіе колхидянъ, участвовавшихъ въ Ксерксовомъ похо
стояло: въ деревянныхъ шлемахъ, прикрывавшихъ головы, небо
щитахъ изъ сырой бычачьей кожи, короткихъ копьяхъ и ножахъ (к
ст. 79 и 80).

Приписываемое Геродотомъ колхидянамъ происхожденіе отъ оста
на Кавказѣ воиновъ Сесостриса, или Рамзеса II, оспаривается зна
египетскихъ древностей (кн. II, ст. 104 и 105).

Пафлагонцы. На западъ отъ Каппадокіи въ полуденномъ поб
Чернаго моря, гдѣ оно вдается въ море плоскою дугою, жили пафла
между землею ихъ и Каппадокійцевъ проходила Аристагорова рѣка
(кн. I, ст. 72). Пафлагонцы участвовали въ походѣ Ксеркса, подъ
дительствомъ Дота, сына Мегасидра. Геродотъ относитъ ихъ къ сир
или каппадокіянамъ, считая варварами, т. е. не эллинами; вооружен
такъ же, какъ и сиріяне (плетеные шлемы, малые щиты, особые б
и пр., какъ у каппадокіянъ, кн. VII, ст. 72).

Киммеріяне азіатскіе. Геродотъ говоритъ, однако лишь в
предположенія: „*Очевидно* киммеріяне, спасаясь отъ скиѳовъ въ Азі
селились на томъ полуостровѣ, на которомъ теперь эллинскій город
(кн. IV, ст. 12)". Основываясь на этомъ извѣстіи, изслѣдователи д
міра считаютъ Пафлагонію первымъ жилищемъ киммеріянъ въ Азіи
630 г. до Р. Х.

Виѳины. На западъ отъ пафлагонянъ, по берегамъ Чернаго
Мраморнаго (Босфоръ), поселились выходцы Ѳракіи, вытѣсненные
собственно съ побережья золотоносной рѣки Стримона, тевкрами и ми
имя виѳиновъ они приняли уже въ Малой Азіи; на головахъ носил

рки, на тѣлѣ—хитоны, а сверху длинные шерстяные плащи, на ногахъ ругомъ икръ—обувь изъ козьей кожи; вооруженіе ихъ: метательные ья, легкіе щиты и короткіе мечи (кн. I, ст. 64; кн. VII, ст. 75).

Мисяне. Народъ этотъ занималъ гористую страну между Виѳиніею и лагоніею; родственны карамъ (см. выше—ликіяне); еще до Троянской ны онъ ходилъ въ Европу (кн. VII, ст. 20 и 75) вмѣстѣ съ тевкрами. одотъ считаетъ мисянъ Ксерксовыхъ временъ потомками Лидянъ. Вооруны были въ походѣ Ксеркса туземными шлемами, малыми щитами и ками, обоженными на концѣ (кн. I, ст. 171; кн. VII, ст. 20, 74 и 75).

Арабы занимали Аравію. Чтутъ изъ боговъ Діониса подъ именемъ *талта* и Уранію подъ именемъ *Алилотъ*; договоры они соблюдаютъ же, чѣмъ какой либо другой народъ и заключаютъ ихъ слѣдующимъ зомъ: между двумя договаривающими становится третье лицо и острымъ немъ (кремнемъ?) дѣлаетъ каждому у большого пальца продольный разъ на внутренней сторонѣ руки, затѣмъ выдергиваетъ изъ ихъ платья клоку шерсти и намазываетъ кровью положенные между договариваюися семь камней, причемъ взываетъ къ Ороталту и Алилотѣ; наконецъ, лючившій договоръ представляетъ иноземца, или соплеменника, участвую въ немъ, своимъ друзьямъ, которые считаютъ долгомъ съ этого вре уважать состоявшійся договоръ. Арабы стригутъ себѣ волосы въ круь, подчищая (подстригая) ихъ на вискахъ; по ихъ словамъ точно такъ гся Ороталтъ (кн. III, ст. 8). Одежда арабовъ состояла въ подпоясанъ плащѣ; луки ихъ длинные, носили ихъ, повѣсивъ на правое плечо, тягивали въ обратную сторону (кн. VII, ст. 69).

Пареяне. Отъ Каспійскаго моря прямо на полдень и на полдень къ оку разстилалась обширная страна многочисленнаго народа, пареянъ; замыкалась съ полдне-востока горнымъ хребтомъ, имѣвшимъ пять лій; черезъ каждое изъ нихъ входилъ въ эту страну одинъ изъ пяти оковъ рѣки Акеса, впадавшей въ Каспій, орошая такимъ образомъ ію пареянъ, бывшую поэтому плодородною и богатою. Пареяне и ихъ ди были сперва независимы, но впослѣдствіи подпали подъ власть пер, царь которыхъ велѣлъ закрыть всѣ ущелья пяти притоковъ рѣки и оилъ у каждаго затворы, которые можно было поднимать, давая водѣ одъ, и опускать, задерживая теченіе ея. Обширная равнина пареянъ при ценныхъз атворахъ лишалась воды, и они должны были покупать у за большія деньги воду, чтобы орошать свою землю; затворы давали амъ, поэтому, хорошій доходъ (кн. III, ст. 92 и 117). Пареяне имѣли уженіе такое же, какъ и бактріане (кн. VII, ст. 66).

Каспіи. Въ Ксерксово время, при раздѣленіи огромнаго Персидскаго ства на округа, къ одиннадцатому причислялись каспіи, пакикаи, пантѳы и дарейты; а къ пятнадцатому—каспіи и саки. Область саковъ мы ли, слѣдовательно каспіи сидѣли въ двухъ мѣстахъ и были многочины. Гдѣ находился одиннадцатый округъ, Геродотъ не объясняетъ; но имя каспіевъ, такъ и положеніе округовъ десятаго, двѣнадцатаго и льныхъ до пятнадцатаго, указываетъ для одиннадцатаго мѣстность между

Кавказскимъ хребтомъ и Арменіей (кн. III, ст. 92 и 93). Каспіи в
хитоны изъ руна, вооруженіе ихъ—луки изъ тросника и персидскіе
акинакезы.

Халибы, носившіе мѣдные шлемы, на которыхъ торчали бычачь
и рога—мѣдные же; анучи изъ лоскутьевъ пурпурнаго цвѣта; воору
небольшими щитами изъ сырой бычачьей кожи и каждый двумя р
нами (кн. VII, ст. 76); жили они между мисянами и пафлагонянам
сю сторону рѣки Галиса (кн. I, ст. 28).

Меоны или кабалеи, сосѣди киликіянъ, ликіянъ и памфилянъ (к
ст. 90), одѣвались и были вооружены какъ киликіяне (кн. VII, ст.

Миліи, занимавшіе въ древности страну Ликіянъ, Миліаду, по в
изъ Европы въ Азію, и называвшіеся сперва *солимами*, а потомъ м
лами (материнство), вооружены поликійски; шлемы носили кожаные
ст. 173 и кн. VII, ст. 77).

Моехи и сосѣди ихъ *табарены*, *макроны* и *мосеинойки*, на
Колхиды (ст. III, ст. 94); вооруженіе ихъ—деревянные шлемы, щиты
бычачьей сырой кожи и короткіе копья съ длинными наконечниками,
ятно желѣзными (кн. VII, ст. 76).

Мары—жители частью Арменіи, частью Кавказскихъ горъ, и
плетеные туземные шлемы, имѣли дротики и небольшіе кожаные
(кн. III, ст. 94 и кн. VII, ст. 79).

Сагартіи. Народъ кочевой, по языку—персы, а по имени—саки
какъ у саковъ сѣкиры называются—сагаріи. Оружіе ихъ—короткіе м
веревки, сплетенныя изъ сыромятныхъ ремней; на войнѣ они бро
веревку съ петлей на концѣ (арканъ) и кого-бы ни поймали,—человѣка
лошадь-ли тащатъ къ себѣ; затянутый въ петлю погибаетъ (кн. I, ст.
кн. III, ст. 93; кн. VII, ст 64 и 85).

и в) Европейскіе.

Свѣдѣнія древнихъ о полночной, восточной и западной Европѣ
не точны. Геродотъ говоритъ: „Относительно Европы никто достовѣр
знаетъ, омывается ли она водою на полночи и на востокѣ; однако з
вѣстно, что по длинѣ Европа равняется Азіи и Африкѣ (Ливіи) в
взятымъ“. Имя свое наша часть свѣта получила, говорятъ писавш
Геродота, отъ женщины тирянки, жительницы финикійскаго города
дочери Агенора, похищенной критянами; сыновья ея поссорились
собою изъ-за власти надъ жителями острова; старшій удалился въ А
младшій, какъ одержавшій надъ нимъ верхъ, остался на Критѣ;—по
дотъ отвергаетъ это повѣствованіе и не знаетъ, кто и когда назвалъ
часть свѣта Европою, хотя увѣренъ, что это имя она получила отъ
скихъ выходцевъ, а раньше носила какое-либо другое (кн. I, ст. 2 и
и кн. IV, ст. 43 и 147)

Азія, опередившая высшимъ подъемомъ своего развитія и роста Е
болѣе чѣмъ на три тысячи лѣтъ до Р. Х., считая и Египетъ, служил

еленія полуденно-восточной части ея просвѣтительницею и надѣлила нашу ть свѣта своими духовными сокровищами. Такъ смотритъ современная ка на Азію и устанавливаетъ для первыхъ учениковъ ея началомъ про-танія и воздѣйствія на сосѣдей года: для Греціи 776-й, а для Рима 3-й до Р. Х. Писатели древности, труды которыхъ дошли насъ, и кото-е даютъ наукѣ еще недостаточно точныя и не вполнѣ обстоятельныя дѣнія, пробудили однако же въ своихъ соплеменникахъ стремленіе къ ніямъ прошлаго и къ усвоенію достойнаго подражанія чужого—лѣтъ за 0 раньше, если начать съ Гомера, или съ того высокоталантливаго ца,—повѣствователя, который скрытъ отъ науки въ этомъ имени.

Разцвѣтъ духовнаго роста Греціи ученые относятъ къ сплоченію въ и, изъ разрозненныхъ народовъ и народцевъ, усиліями Кира, Креза и Дарія, гущественнѣйшаго Персидскаго державства, ко времени между шестымъ и твертымъ вѣками до Р. Х., когда жили, отъ 527 до 322 годовъ, вели-йшіе писатели, въ числѣ ихъ и Геродотъ. Такой же разцвѣтъ Рима за-далъ вѣка на четыре слишкомъ, если начать его Цицерономъ, какъ дѣ-тъ большинство ученыхъ, и кончить Овидіемъ; рожденіе перваго относятъ 106 году до Р. Х., а смерть послѣдняго—къ 17 году христіанскаго лѣ-счисленія

Такимъ образомъ легко понять, почему ни Геродотъ, ни предшествен-и и ближайшіе послѣдователи его не знаютъ ни западной, ни полночно-точной Европы; на западъ несъ и тамъ насаждалъ, съ оружіемъ въ ру-ъ, плоды унаслѣдованнаго черезъ Грецію азіатско-эллинскаго просвѣщенія—ъ. Полуночье же Европы оставалось, какъ увидимъ, внѣ просвѣтитель-а греко-римскаго цвѣтущихъ вѣковъ этихъ обоихъ народовъ, еще долго.

Сказанія Геродота о Европѣ, по намѣченнымъ причинамъ, сосредоточены эллинахъ и ихъ ближайшихъ сосѣдяхъ.

Какъ Персія была вѣковѣчною соперницею Греціи со стороны мало-йскаго полуострова, такъ Скиѳія, въ обширнѣйшемъ смыслѣ, представляла ікую преграду для нея и Рима къ проникновенію въ полночно-восточные дѣлы Европы: урокъ Дарія былъ слишкомъ свѣжъ и ясенъ; Скиѳія по-щала пришельцевъ, но сама не поддавалась не только поглощенію ихъ, даже и побратимству съ просвѣтителями запада; во время своего бытія. а заимствовала отъ нихъ очень мало, давала же своего сравнительно льше. Для нашей задачи одинаково полезно узнать и это малое, потому обратимся къ Геродоту за свѣдѣніями о бытовыхъ данныхъ, изложенныхъ его сказаніяхъ о европейскихъ современныхъ скиѳовъ; начнемъ съ болѣе зкихъ ихъ сосѣдей.

Енеты иллирійскіе. Геродоту извѣстно иллирійское племя, однимъ ъ народцевъ котораго были енеты, жившіе у Адріатическаго моря, въ по-ежьи (кн. V, ст. 9). Для установленія мѣстности Иллиріи имѣется въ ѣстіяхъ его слѣдующее указаніе: изъ Иллиріи вытекаетъ рѣка Ангръ и, правляясь на полночь, входитъ въ Трибалскую равнину; здѣсь вливается Бронгъ, а эта рѣка впадаетъ въ Дунай (кн. IV, ст. 49). Древній Бронгъ вѣстенъ теперь подъ именемъ Моравы, или Савы. Значитъ Иллирія зани-

мала полночно-восточную часть Адріатическаго побережья. Къ воп
происхожденіи Енетовъ и всего иллирійскаго племени у Геродота нах
нѣкоторыя данныя, представляющіяся достаточно вѣскими, такъ; а)
о мудрѣйшемъ обычаѣ ассиріянъ (приведенъ выше) продавать дѣву
онъ удостовѣряетъ, по личному наблюденію, что точно также поступ
иллирійскіе енеты (кн. I, ст. 196); и б) Мардоній, военачальникъ пе
стоя противъ эллинскаго войска при Платеяхъ и рѣшивъ дать сра
объявилъ объ одномъ, достовѣрно извѣстномъ ему изреченіи оракул
персамъ суждено, по прибытіи въ Елладу, расхитить Дельфійское
лище и, послѣ расхищенія, погибнуть всѣмъ. Геродотъ, приводя это
ченіе, замѣчаетъ, что оно относилось не къ персамъ, но къ иллирійц
высказано было по случаю похода ихъ и енхелеевъ (кн. IX, ст. 42
Предки Александра Македонскаго, но не великаго, выходцы изъ Аргос
селились первоначально въ Иллиріи, а уже оттуда перешли въ верхню
кедонію (кн. VIII, ст. 137—139). Изслѣдователи Эллады и ея нар
полагаютъ: а) что иллирійцы происходили изъ Этоліи, наиболѣе обш
области средней Эллады, такъ какъ этоляне казались эллинамъ варв
(кн. VI, ст. 127 и кн. VIII, ст. 73)—и б) что ѳессалійцы, образова
изъ пелазговъ, принадлежатъ къ иллирійскому племени (ср. кн. VII, ст.

Пелазги. До сихъ поръ между изслѣдователями сказаній древ
сателей не установилось единомысліе о древнѣйшихъ обитателяхъ Эл
пелазгахъ, Геродотъ сказываетъ о нихъ слѣдующее.

По изысканіямъ Креза царя лидіянъ, древнѣйшими насельниками Э
были два племени, *дорійское* и *іонійское*; къ первому принадлежали *л*
моняне, а ко второму *аѳиняне*. Это были главныя племена, издрев
ставлявшія, пелазгійскій народъ—одно, и эллинскій—другое; первое изъ
никогда не переселялось, а второе странствовало очень долго. При царѣ
каліонѣ доряне занимали область Фоіотиду, а при Дорѣ, сынѣ Еллина,
тіэотиду; вытѣсненные отсюда *кодмеянами* поселились въ Пиндѣ подъ
немъ *македоновъ*; впослѣдствіи перешли изъ Пинды въ Дріотиду, нак
въ Пелопоннесъ, гдѣ и названы дорянами. (кн. I, ст. 56).

На какомъ языкѣ говорили пелазги, Геродоту въ точности неизвѣ
но,—пишетъ повѣствователь, — „если позволительно дѣлать заключен
тѣмъ изъ пелазговъ, которые еще уцѣлѣли до нашего времени, живутъ
тирреновъ въ городѣ *Крестонѣ* и нѣкогда занимали пограничныя съ
нѣшними дорянами земли—они жили въ Ѳессаліотидѣ, равно по остав
тѣхъ пелазговъ, которые нѣкогда жили вмѣстѣ съ аѳинянами, а потом
няли *Плакію* и *Скилаку* на Геллеспонтѣ, равно какъ и по всѣмъ дру
пелазгическимъ поселеніямъ, которыя болѣе такъ не называются,—
можно судить по этому, то пелазги говорили языкомъ варварскимъ; а
и все пелазгическое племя было таково, значитъ населеніе Аттики, бы
пелазгическимъ, съ переходомъ въ эллиновъ перемѣнило и языхъ свой. Я
крестонянъ не похожъ ни на одинъ изъ языковъ народовъ сосѣднихъ,
какъ и языкъ плакіянъ; но жители этихъ двухъ городовъ говорятъ оди
вымъ языкомъ; очевидно они сохранили то самое нарѣчіе, на которомъ

ли при выселеніи въ эти мѣста. Съ другой стороны эллины съ самаго ала и всегда говорили на одномъ и томъ же языкѣ. Отдѣлившись отъ азгическаго племени, они первоначально были слабы; но благодаря тому, съ ними соединились пелазги и многія другія варварскія племена, сдѣ- ись сильны и разрослись въ нѣсколько народовъ. Пелазги же, по мнѣнію одота, ни когда не были ни особенно многочисленны, ни особенно сильны . I, ст. 57 и 58).

Въ Епирѣ была мѣстность съ городомъ, имя ему Додона. Незначитель- по пространству мѣстность эта знаменита древнѣйшимъ прорицалищемъ имени. Она расположена была въ той гористой части Епира, которая и сихъ поръ покрыта дубовыми лѣсами; здѣсь и теперь, въ лѣтнее время, рѣиствуютъ неожиданно набѣгающія бури, быстро проносящіяся, но от- ающіяся удивительными раскатами грома и сверканіями молніи. Геро- ъ посѣщалъ прорицалище Додоны и узналъ отъ мѣстныхъ жрицъ, а также тъ жрецовъ египетскихъ Ѳивъ, что нѣкогда изъ этого города прилетѣли черныя голубки, одна въ Лидію, а другая въ Додону; эта послѣдняя а на дубѣ и человѣческимъ языкомъ проговорила, что здѣсь должно быть рицалище Зевса; первая же приказала основать въ Ливіи прорицалище она, того же Зевса. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ узналъ отъ додонскихъ жрицъ, пелазги совершали первоначально различныя священнодѣйствія и моли- ь богамъ, не называя по имени ни одного и не зная наименованій боговъ; упо- бляли же для обозначенія ихъ слово „Θεοι", вѣруя, что все находящееся мірѣ создано, приведено въ порядокъ и находится въ ихъ власти. Только го времени спустя пелазги узнали имена боговъ, перешедшія изъ Египта, іониса—послѣ всѣхъ; еллины переняли обыкновеніе именовать боговъ уже пелазговъ; однакожъ, откуда произошли боги, всегда ли они существо- и въ представленіи людей, каковы лики ихъ,—еллины ничего этого не ли до самаго недавняго, по мнѣнію Геродота, времени; онъ полагаетъ, что іодъ и Гомеръ, жившіе до него не болѣе какъ за четыреста лѣтъ, соста- и для еллиновъ родословную боговъ, подѣлили между ними достоинства занятія и начертали ихъ образы.

Примѣчаніе. Греческое слово Θεοι которымъ пелазгійцы обозначали боговъ, изводится отъ τίθημι — класть, полагать, учреждать, устраивать.

Сказаніе о голубкахъ и притомъ черныхъ Геродотъ ставитъ въ зави- ость отъ преданія египетскихъ жрецовъ о двухъ женщинахъ, похищен- къ финикіянами изъ Ѳивъ, гдѣ онѣ были жрицами, и о продажѣ одной въ ію, а другой въ Элладу, именовавшуюся еще Пелазгіей; додоняне на- ли ихъ голубками потому что, будучи варварками, онѣ говорили языкомъ столько же для нихъ непонятнымъ, какъ и птичій голосъ; черными го- ками названы по темному цвѣту кожи древнихъ египтянъ. (Припомнимъ е объясненіе названія одной изъ башенъ Новгородскаго Дѣтинца „Кукуй" зависимости отъ говора нѣмецкихъ выходцевъ).

Изъ пелазгическихъ обрядовъ, установленныхъ первоначально ими и ешедшихъ сперва къ египтянамъ, а потомъ къ эллинамъ, Геродотъ упо-

минаетъ только объ одномъ: Пелазги, а затѣмъ и эллины, носили
жественныхъ обходахъ по селеніямъ, при празднествахъ въ честь Д
изваяніе мужскаго дѣтороднаго члена; египтяне, перенявъ этотъ обыч
пелазговъ, нѣсколько видоизмѣнили его: женщины, предшествуемыя
никомъ (флейтистомъ), воспѣваютъ Діониса и носятъ по деревнямъ
Гермеса почти въ локоть вышиною; дѣтородный членъ Гермеса не м
меньшій всего изваянія; онъ прилаженъ такъ, что при помощи кр
нитокъ его можно то поднять, то опустить. Почему дѣтородный чле
великъ, и почему изъ всѣхъ частей тѣла Гермеса онъ одинъ находи
движеніи, объ этомъ существуетъ священное сказаніе у пелазговъ,
чемъ оно состоитъ,—Геродотъ не объясняетъ. (кн. II, ст. 49, 51—

Другой обрядъ заимствованъ пелазгійскими женщинами отъ доче
ная, вывезшихъ его изъ Египта; онъ совершается въ честь Деме
время празднества и называется у эллиновъ *Θемофоріями*, но о по
стяхъ этого обряда говорить представляется Геродоту грѣхомъ (кн. II, ст

Пелазги занимали въ древности всю Элладу; въ Аѳинахъ сущес
Пелазгійское укрѣпленіе, на столько обезпеченное въ безопасности во
войны, что въ немъ нашли себѣ надежное убѣжище Пизистратиды в
нападенія лакедемонянъ съ царемъ Клеоменомъ, около 540—510 г. д
(кн. V, ст. 64). Современные Геродоту аѳиняне издревле были пел
назывались *кранеями*; при Ерехѳеѣ ихъ прозвали аѳинянами, а по
по имени начальника аѳинскихъ войскъ, *Іона*, сына Ксуѳа—іон
(кн. VIII, ст. 44). Нѣкогда пелазги, похитивъ аѳинскихъ женщинъ
рода Браврона на восточномъ берегу Аттики, перебрались на островъ
скаго моря (Архипелага), Лемнъ и вытѣснили оттуда *миніевъ*, пот
воиновъ корабля Арго (походъ Аргонавтовъ); этихъ миніевъ лакеде
приняли къ себѣ (кн. IV, ст. 145). Дарій, послѣ неудачнаго похода
ѳовъ, покорилъ своей власти пелазговъ Лемна и сосѣдняго острова
(кн. V, ст. 20).

Пелазги занимали, по мнѣнію современныхъ ученыхъ, всю Ѳ
въ тѣ времена, когда еще не возникалъ народъ эллинскій; послѣ Тро
войны жители Ѳессаліи переселились въ Эолиду (кн. VII, ст. 176).

Еллины. Страна, которую занимали еллины, пользовалась пре
нѣйшимъ мѣстоположеніемъ въ отношеніи вліяній воздуха и свѣта (
ст. 106), но претерпѣла много бѣдъ, будучи предметомъ стремленій
къ завоеванію ея—и собственныхъ вождей, враждовавшихъ между со
преобладаніе (кн. VI, ст. 98); населенная первоначально пелазгами
получила названіе Эллады отъ царя своего Еллина, имѣвшаго сына
(кн. I, ст. 56). При этомъ царѣ (баснословномъ) и впослѣдствіи в
сельники Еллады стали называться еллинами, хотя и сохраняли въ
время имена племенныя по происхожденію. Главнѣйшими племенами
іоняне,—по происхожденію коренные обитатели страны, потомки пел
и доряне, или собственно еллины (кн. VIII, ст. 44). Какъ образо
внутренній строй страны своей въ цвѣтущее время высокаго развитія Е
Вавилоно-Ассиріи, Финикіи, Персіи и другихъ, эллины позаимствова

ъ плоды просвѣщенія, такъ: отъ египтянъ—божества, олицетворивъ ихъ прекрасныхъ образахъ и примѣнивъ олицетвореніе пелазгійскаго Фаллоса Гермесѣ,—а также науку измѣренія площадей (геометрію); отъ вавилонъ—солнечные часы и дѣленіе дня на 12 частей; отъ финикіянъ—письза; отъ каровъ—украшеніе щитовъ, одѣяніе женщинъ и пр., отъ варваъ, подъ которыми разумѣются преимущественно персы, уваженіе къ военмъ людямъ (кн. II, ст. 43, 49, 50—58, 100, 123, 143—146, 167).

Изъ многочисленныхъ обычаевъ эллиновъ слѣдуетъ отмѣтить два: одинъ—аздество поминовенія покойниковъ (кн. IV, ст. 26) и сожиганіе трувъ (кн. VII, ст. 38). Объ этомъ обычаѣ Геродотъ высказался недостаточно но, излагая такъ: Дарій позвалъ къ себѣ эллиновъ, состоявшихъ у него службѣ, и спросилъ ихъ; за какую плату они согласились бы съѣсть ихъ умершихъ родителей; тѣ отвѣчали; что не сдѣлаютъ этого ни за что; тѣмъ Дарій позвалъ индійцевъ, собственно такъ называемыхъ *калатіевъ*, горые поѣдаютъ своихъ родителей, и предложилъ имъ вопросъ: за какую ту они согласились бы предать огню умершихъ родителей: калатіи отвѣи громкими восклицаніями и требовали, чтобы царь не богохульствовалъ. умѣлъ ли персидскій царь подъ трупосжигателями эллиновъ, или какой о иной народъ—утвердительно нельзя сказать по приведенному изложенію; ругой—совѣтъ старѣйшихъ. По Геродоту учрежденіе этого совѣта въ Спартѣ надлежитъ Ликургу (кн. I, ст 65: кн. VI, ст. 57), но у эллиновъ вооще оно существовало искони, съ незапамятной древности, вѣроятно—какъ слѣдіе пелазговъ; совѣтъ старѣйшихъ—это та дума вождей народа, коая собиралась подъ Троей во время войны и въ мирное время въ землѣ ановъ—по сказаніямъ Гомера. Всѣ члены Совѣта, не исключая и царей, ѣли въ собраніи одинаковыя права; цари были, при существованіи Совѣта арѣйшинъ, только исполнителями повелѣній его. (Указ. къ Геродоту, ст. 201);

Вообще нравы и обычаи эллиновъ представляютъ отраженіе бытовыхъ обенностей тѣхъ народовъ, съ которыми они имѣли болѣе сношеній и корые служили для нихъ источникомъ заимствованій полезнаго и пріятнаго.

Нѣкоторые эллины проникали и въ Скиѳію: одни жили на западъ отъ ѣпра, между нимъ и рѣкою Бугомъ, гдѣ и основали городъ Ольбію (выше азано), принявъ отъ нея названіе Ольбійполитовъ, другіе поселились за го до Геродота въ землѣ будиновъ и основали тамъ Гелонъ (см. выше), святилищами своихъ эллинскихъ божествъ, алтарями и храмами. (кн IV, 18 и 108).

Приведенными немногими выписками собственно о эллинахъ мы и ограчимся, такъ какъ при изложеніи свѣдѣній Геродота о народахъ и народхъ Малоазійскаго полуострова, вышедшихъ изъ Эллады, перечислены по можности всѣ бытовыя данныя вынесенныя ими изъ родной земли.

Италійцы. О насельникахъ Италіи Геродотъ сообщаетъ немног ть о занимавшихъ полуденную часть ея;—это немногое не отн авовъ или какихъ либо особенныхъ обычаевъ, касаясь только и линовъ и взаимныхъ ихъ столкновеній на итальянской почвѣ, и здержимся отъ выписокъ (кн. I, ст. 24, кн. III, ст. 13 . VII, ст. 127 и кн. VIII, ст. 62).

Изъ народовъ Западной Европы Геродотъ называетъ: сигинновъ, саліевъ, лигіевъ, кинетовъ и кельтовъ; о нѣкоторыхъ изъ нихъ только минная.

Сигинны. Не зная, какая страна лежала на полночь отъ Ѳра какіе народы ее заселяютъ, Геродотъ предполагаетъ, что по ту сторону ная разстилается безпредѣльная пустыня; по разсказамъ онъ знаетъ в странѣ только одинъ народъ, называемый „сигинны". Одѣваются о индійски; лошади, водящіяся въ странѣ этого народа, покрыты сплош стыми волосами, длиною въ ладонь, съ раздутыми ноздрями, малорос не мотутъ носить всадника; за то быстро бѣгутъ въ запряжкѣ, потом земцы ѣздятъ въ повозкахъ. Земля сигинновъ тянется почти до страны товъ, что на Адріатическомъ побережьи; они производятъ себя отъ Ме По словамъ ѳракіянъ вся земля по ту сторону Дуная заполонена пч и потому по ней нельзя пройти дальше; но Геродотъ этому не вѣритъ, какъ пчелы не выносятъ холода, а полночныя земли не обитаемы и по причинѣ стужи (кн. V, ст. 9 и 10).

Массаліи. За сигиннами, въ западномъ направленіи, былъ городъ салія, основанный за 600 лѣтъ до Р. Х., фокеянами, малоазійскими нами (кн. V, ст. 9). Теперь этотъ городъ называется Марсель.

Лигіи. Городъ Массалія основанъ въ землѣ лигіевъ, выходцевъ к скихъ, жившихъ подлѣ колхидовъ. Владѣтель Сициліи Гелонъ не яви помощь эллинамъ во время борьбы ихъ съ Ксерксомъ, потому что б до него тираномъ этой страны наводнилъ Сицилію огромнымъ полчи составленнымъ изъ разныхъ народовъ, въ томъ числѣ и лигіевъ (кн. ст. 165); стало быть этотъ народъ былъ воинственъ; его считаютъ з гуровъ поздняго времени.

Кинеты. Изъ всѣхъ народовъ Европы на западѣ крайними счит во времена Геродота кинеты, или кинесіи (кн. II, ст. 33 и кн. IV, ст

Кельты. Сосѣдями кинетовъ были кельты, занимавшіе, по предс нію Геродота и его современниковъ, ту часть Европы, которая лежи Геракловыми Столбами и откуда вышелъ Дунай (тамъ же).

Кельтами мы оканчиваемъ выписки изъ Геродота.

Геродотово время приближается къ рубежу, съ котораго начинается в новеніе двухъ новыхъ срединъ тяготѣнія европейскихъ насельниковъ; онѣ о росли изъ началъ, выработанныхъ борьбою за преобладаніе въ древнем между народами Азіи, насильно скученными вокругъ державцевъ Пер Европейско-азіатскими еллинами въ обширномъ смыслѣ этого имени, мавшаго всю совокупность разнородныхъ племенъ Азіи и Африки, из шихъ стаднаго порабощенія средне-азіатскихъ владыкъ.

Скиѳы и западно-полночные ихъ сосѣди оставались чуждыми этой не я послѣдствій; Сезострисъ, Псамметихъ и Дарій были для нихъ не болѣ звукомъ, замиравшимъ сряду же послѣ появленія завоевателей подъ св неба негостепріимной страны, отъ давленія страха при взглядѣ н

ѣтныя полчища суровыхъ выходцевъ полуночья. Непричастные еллинскимъ обицамъ, древніе насельники нашей страны не гнушались однако же, въ ченіи вѣковъ, повѣствуемыхъ Геродотомъ, общенія со всѣмъ еллинскимъ ромъ, какъ непосредственнаго, такъ и чрезъ своихъ полуденныхъ сосѣдей, лишь на столько, на сколько считали это для себя полезнымъ.

Новыми, послѣ Геродота, срединами тяготѣнія были—одна рядомъ со пеами, въ Македоніи, созданная прадѣдами Александра Великаго,—другая по аль отъ нея, на западъ отъ Адріатическаго моря, въ странѣ Геродотовыхъ етовъ и иллирійцевъ, гдѣ Вѣчный Римъ.—На сколько скоропреходящи были дьбы первой, на столько долговѣчны—второй изъ этихъ новыхъ срединъ готѣнія.

Писатели Эллады, слѣдовавшіе за Геродотомъ, а затѣмъ и римскіе, лоть до перваго вѣка по Р. Х., оставили не мало сказаній о племенахъ народахъ имъ современныхъ; но мы здѣсь не остановимся на нихъ, а пе-демъ прямо къ обстоятельнѣйшему землеописателю, дающему болѣе всѣхъ ихъ предшественниковъ свѣдѣній о западно-полуденныхъ насельникахъ опы. Въ дальнѣйшемъ же изложеніи записки, въ той ея части, которая етъ отведена бытовымъ свидѣтельствамъ долѣтописныхъ вѣковъ, пере-тыхъ нашими праотцами, приведемъ соотвѣтственныя предмету сказанія вѣствователей разныхъ народовъ, освѣщающія времена, предшествовавшія алу русской лѣтописи.

Страбонъ.

Знаменитый землеописатель послѣднихъ годовъ предъ Р. Х. и первыхъ истіанскаго лѣтосчисленія, Страбонъ, родился въ городѣ Амисѣ, въ побе-жьи Чернаго моря, гдѣ была Геродотова Пафлагонія временъ Троянской йны—страна енетовъ (кн. XII, гл. III. стр. 554 Страбоновой географіи русскомъ переводѣ Ѳ. Г. Мищенка, Москва 1879 г.). Подобно Геродоту ъ лично обошелъ многія страны, отъ Арменіи до Тирреніи, т. е. до рѣки ибра, и отъ Чернаго моря до Эеіопіи, посѣтилъ Команы въ Кападоніи, Ко-ѳъ, Римъ, Египетскія Филы и разные другія города и земли (кн. II, V, стр. 115 и 116, кн. XII, гл. II, стр. 546, кн; VIII, гл. VI, стр. 392, VI. гл. II, стр. 273, кн. XVII, гл. I, стр. 834).

Вотъ какъ отзывается о трудѣ его переводчикъ Ѳ. Г. Мищенко: „Можно верждать рѣшительно, что ни одинъ писатель греко-римской древности не тъ намъ такого обилія свѣдѣній, относящихся къ различнымъ отраслямъ ній, къ различнымъ временамъ, странамъ и народностямъ, какъ земле-исатель Страбонъ, родомъ изъ Амасіи Понтской, и вмѣстѣ съ тѣмъ ни но сколько нибудь значительное произведеніе древне-греческой или рим-ой письменности не дошло до насъ въ такомъ печальномъ видѣ, какъ леописаніе Страбона. Если большинство сочиненій древности не мало страдало отъ времени, отъ невѣжества и небрежности читателей, перепис-

чиковъ и владѣльцевъ рукописей, если въ большинствѣ сочиненій су
ствуютъ болѣе или менѣе значительные пробѣлы, или позднѣйшія вста
или перестановки и искаженія отдѣльныхъ словъ, то изложеніе Страбо
землеописанія, дошедшее до насъ, подверглось совокупному разрушитель
дѣйствію всѣхъ этихъ случайностей (Пред. стр. V)". Приведя свѣ
научныхъ изысканій о Страбоновой рукописи, нашъ переводчикъ восп
зовался въ своемъ трудѣ всѣми ими и приложилъ къ переводу обшир
указатель съ объясненіями. Такимъ образомъ Ѳ. Г. Мищенко облег
чтеніе Страбона на столько же, какъ и Геродота.

Предпринявъ обширный трудъ, Страбонъ изучилъ предварительно
занія всѣхъ писавшихъ до него о странахъ и народахъ, на свѣдѣнія
рыхъ и ссылается во всемъ томъ, что заноситъ въ свою книгу не
личныхъ наблюденій. Изъ писателей, упоминающихъ о скиѳахъ, ихъ
дяхъ и современникахъ, онъ приводитъ нерѣдко слова: *Гомера, Гезіода,*
тосѳена, Эфора, Ктезія, Посейдонія, Гиппарха, Аполлодора, Ш
Мегасѳена и *Онесикрита;* нерѣдко же дѣлается и оцѣнка извѣстій,
ставляющихся сомнительными или невѣроятными; мѣстами отмѣчаются сс
на мудрецовъ—Платона, Аристотеля и др.

Важность Страбонова землеописанія для изученія народовъ дре
міра давно оцѣнена, о ней говорить излишне.

Страбонова Скиѳія.

Извѣстія, собранныя въ Страбоновой книгѣ, обнимаютъ какъ стра
народы за время обѣихъ срединъ тяготѣнія, такъ и другіе, оставшіеся
вліянія, прямого или косвеннаго,—Македоніи, возвеличенной Александр
уступившей со смертью великаго завоевателя, свое владычество надъ
нимъ міромъ Элладѣ,—и затѣмъ Рима, ставшаго властелиномъ болѣе сильн
чѣмъ Александръ въ дни самаго высокаго подъема славы и господства счастли
шаго Македонянина. Въ числѣ этихъ другихъ Страбономъ описывается и С
Европейская и Азіатская. Съ племенами и народами послѣдней приходи
считаться и Персіи, исконной соперницѣ Эллады, Македоніи и Риму; по
о ней извѣстія Страбоновы подробнѣе и обширнѣе Геродотовыхъ. Евро
ская же Скиѳія, съ образованіемъ на полночно-черноморскомъ побережь
времена, повѣствуемыя землеописателемъ, Боспорскаго царства, прив
особое вниманіе его къ сосѣднимъ съ этимъ царствомъ землямъ; о
же далекихъ въ полночномъ направленіи говорится менѣе даже, чѣмъ у
родота; но за то западная сторона Европы, начиная отъ Адріатичес
моря до Геракловыхъ столбовъ, со включеніемъ Иберіи, нынѣшняго П
нейскаго полуострова, и все западное побережье отъ Иберіи на полноч
Балтійскаго моря со включеніемъ Даніи, Великобританіи и, кажется,
Норвегіи, а отсюда въ глубь материка даже до предѣловъ земель Ил
скихъ,—описывается съ множествомъ подробностей о народахъ и народ
или подпавшихъ подъ власть всемогущаго Рима, или съ нимъ сталкивавш

Въ зависимости отъ движеній народовъ и народцевъ срединной и Малой и запада Европы, убѣгавшихъ отъ персидскаго, македонскаго и римо оружія и находившихъ пріютъ въ земляхъ Скиѳіи и ея сосѣдей по одоту, приходится слѣдовать въ изложеніи извлеченій изъ Страбона не у порядку, въ которомъ расположены выписки изъ Геродота о сосѣдяхъ ѳіи; выписки о нихъ будемъ приводить, на сколько возможно, по градамъ земель, тѣмъ или другимъ народомъ заселенныхъ и по сходству ду ними въ бытовыхъ особенностяхъ.

Извлеченіемъ же о современникахъ Скиѳовъ отведемъ особую статью, анавливаясь преимущественно на тѣхъ изъ нихъ, которые наиболѣе выются по отношенію къ изысканіямъ о насельникахъ земель, объявившихся слѣдствіи ильменскими и русскими.

Страбонъ, выдѣливъ изъ всѣхъ земель Скиѳіи часть Европейской, и назтаковую Малою Скиѳіей, отводитъ для ней, во 1-хъ: западную часть Херсо- Таврическаго, обнимавшую болѣе чѣмъ половину всего Крымскаго полуова, ту именно часть его, на которой сидѣли Геродотовы тавры, бывпоэтому скиѳами,—до Перекопскаго перешейка и залива этого же имени, наемаго греческими писателями древности „Каркинитскимъ", въ который а рѣка „Гипакирисъ", нынѣшняя Молочная, и во 2-хъ: пространство у сторону названнаго перешейка за Днѣстръ и Дунай до страны еллі- (кн. VII, гл. IV, стр. 312—313).

Для остальной Европейской Скиѳіи, обитатели которой называются вое номадами (кочевниками), назначаются земли между морями Чернымъ зовскимъ—на полночь, и рѣками Борисѳеномъ и Дономъ (тамъ же, 308). По Геродотовымъ указаніямъ Борисѳенъ—это Днѣпръ; а по Страву разселенію различныхъ племенъ по Дунаю, выходитъ, что Борисѳеъ онъ считаетъ рѣку Бугъ. Впрочемъ, замѣчено уже, что свѣдѣнія этого еописателя о странахъ, расположенныхъ на полночь отъ Дуная и пароъ Европы восточной и западной, вообще скудны.

Въ Геродотово и Страбоново время обыкновенно принимали за границу ду Европою и Азіею Азовское море и рѣку Донъ, смѣшивая въ тоже я эту рѣку съ Іаксартомъ, или и съ Волгою. Поэтому для Азіатской ѳіи Страбонъ назначаетъ слѣдующія земли: а) между Дономъ и морями скимъ и Каспійскимъ; б) между тѣмъ же Каспійскимъ и Чернымъ мо- на Кавказѣ нашего времени; в) закаспійскую страну Гирканію, огиую полуденный берегъ Каспійскаго моря и прилегающую къ ней страну чнаго берега, черезъ которую протекаютъ рѣки: Оксъ и Іаксартъ— влѣво отъ Таврскихъ горъ, на полночь отъ Согдіаны и Бактріаны XI, гл. V, стр. 514 и VIII стр. 521).

Скиѳами Азіатскими Страбонъ называетъ, кромѣ тѣхъ, о которыхъ готъ Геродотъ:—а) набіановъ, панксановъ, сираковъ и аорсовъ, кочевавъ между Азовскимъ и Каспійскимъ морями (кн. XI, гл. V, стр. 517); насъ важны особенно сираки и аорсы;—б) геловъ, леговъ и албанцевъ, вшихъ на Кавказѣ, въ Албаніи, между рѣками Куромъ и Араксомъ, овъ и каспіевъ, по западному берегу Каспійскаго моря (тамъ же стр.

513 и 514). Въ этой мѣстности мы видѣли участокъ Магога, и
Іафета;—в) даевъ—на полуденномъ побережьи Каспійскаго моря, въ стр
естественныхъ пещеръ (кн. XI, гл. VIII, стр. 521);—г) даевъ, другихъ,
раздѣляемыхъ на: апарновъ, ксанѳіевъ и писсуровъ,—заселявшихъ земл
даями—побережными (тамъ же); и д) асіевъ, пасіанъ, тохаровъ и сака
ловъ, перешедшихъ съ полночнаго берега Іаксарта (тамъ же).

Европейскими скиѳами Страбонъ считаетъ тѣхъ же, которые ука
Геродотомъ, не упоминая однако же о царскихъ или царственныхъ и
въ Скиѳію другія имена ея насельниковъ: *роксолановъ*—за Бугомъ;
крайніе, самые дальніе изъ извѣстныхъ Страбону, представители скиѳ
страна роксоланъ приходилась на полдень отъ послѣднихъ жителей обла
лежавшей выше Британіи; земли за страною роксоланъ необитаемы по
чинѣ холода (кн. II, гл. III, стр. 298); *бастарновъ*, раздѣляемыхъ на
части: а) язиговъ, смѣшавшихся съ савроматами; б) сидѣвшихъ при у
Дуная и называемыхъ певкинами, по имени большого острова Певке и в
мыхъ отдаленныхъ на полночь отъ равнины Бугско-Донской, обитателей
ѳіи,—бастарновъ—роксолановъ (кн. VII. гл. III, стр. 307 и 308); ге
и даковъ, признаваемыхъ нѣкоторыми древними писателями за выход
изъ земли скиѳовъ—даевъ: первые занимали оба берега нижняго теч
Дуная, а вторые—оба же берега средняго и частью верхняго его тече
Тѣ и другіе, по мнѣнію Страбона, пришли на Дунай изъ Аттики, въ э
рой съ древнѣйшихъ временъ рабы назывались гетами и даками (кн,
гл. III, стр. 295 и 315).

Изъ этихъ именъ—бастарны, сидѣвшіе нѣкогда при устьѣ Дуная и
зываемые язигами и певкинами, а также геты и даки,—были ближайш
сосѣдями невровъ Геродота и савроматовъ или Сарматовъ Страбона.

Кромѣ поименованныхъ Страбонъ называетъ и нѣкоторыхъ других
сѣдей же, каковы напримѣръ: тюригеты, басиліи, урги и проч.

Бытовыя особенности скиѳовъ. Страбонъ указываетъ или общіе н
и обычаи, присущіе насельникамъ всѣхъ скиѳскихъ земель, азіатских
европейскихъ, или особенные, бытующіе среди нѣкоторыхъ и какъ бы з
ствованные отъ сосѣдей.

Всѣ скиѳы—кочевники, за исключеніемъ небольшой части земле
цевъ, о которыхъ Страбонъ говоритъ тоже, что и Геродотъ;—всѣ они
вутъ въ повозкахъ и любятъ лошадей, пьютъ молоко кобылицъ какъ ла
ство, занимаются охотою на звѣря и—почти всѣ ѣдятъ мясо дичи и до
няго скота, коровъ и овецъ. Это общія черты скиѳскихъ право-обыча
особенныя же землеописатель подмѣчаетъ среди насельниковъ Скиѳіи А
ской и Европейской.

Для нашихъ цѣлей—намѣтить нѣкоторые пути для предполагае
изысканій объ отраженіи въ Ильменцахъ вѣковъ до лѣтописныхъ и в
лѣтописныхъ право-обычаевъ народовъ, занимавшихъ земли, о насельни
которыхъ говорятъ писатели глубокой древности—одинаково важны сказ
Страбона о скиѳахъ азіатскихъ и европейскихъ и ближайшихъ сосѣдяхъ
потому мы дадимъ бѣглый очеркъ право-обычаевъ тѣхъ и другихъ.

А) Скиѳы азіатскіе.

Въ очеркѣ о нраво-обычаяхъ скиѳовъ азіатскихъ скажемъ сперва о Стра-
выхъ, а потомъ и о тѣхъ, которыхъ назвалъ Геродотъ.

Набіаны и панксаны; упомянуты одинъ только разъ въ вышепри-
нномъ мѣстѣ (Страбонъ стр. 517), на которомъ и разсказъ прерывается
утратою нѣсколькихъ страницъ рукописи; изъ послѣдующихъ словъ зем-
писателя выходитъ, что эти набіаны и панксаны были непосредствен-
и сосѣдями *сираковъ* и *аорсовъ*, образовавшихся изъ выходцевъ страны
. Потому представляется вѣроятнымъ, что всѣ четыре народца принад-
ать одному племени скиѳовъ, тѣмъ болѣе, что а) аорсы, по сказанію
абона, жили вдоль Танаида—Дона, а сираки—вдоль *Ахардея*, вытекаю-
о изъ Кавказскихъ горъ и впадающаго въ Меотизу—Азовское море,—и
го мѣсто Страбоновой рукописи, за которымъ слѣдуетъ перерывъ,—кон-
ся словами: „Аорсы и сираки, какъ кажется бѣглецы изъ среды на-
въ, обитающихъ выше“... а продолжается прерванное сказаніе сло-
: , ... они сѣвернѣе аорсовъ (тамъ же стр. 517).

Донъ впалъ, какъ мы знаемъ, въ полночно-восточный плесъ Азовскаго
; въ который плесъ его впалъ Ахардей, и какой нынѣшней рѣкѣ онъ
вѣтствуетъ, намъ неизвѣстно; Кубань ли это, или другая изъ Кавказ-
ъ рѣкъ—безразлично; какъ вышедшій изъ Кавказскихъ горъ, Ахардей
могъ вливаться въ море полночнѣе Танаида, слѣдовательно, слова Стра-
: „они сѣвернѣе аорсовъ“ не могутъ относиться къ сиракамъ, сидѣв-
ъ вдоль Ахардея, но, по нашему разумѣнію, указываютъ на панксановъ
абіановъ.

Всѣ эти народцы были многочисленны; они и аорсы занимали почти
Каспійскій берегъ и вели торговлю индійскими и вавилонскими това-
и, получая ихъ отъ армянъ и лидянъ; были воинственны. Абсакъ, царь
аковъ, выставилъ двадцать тысячъ всадниковъ, когда Фарнака овладѣлъ
поромъ; Спадина, царь аорсовъ, выставилъ двѣсти тысячъ; верхніе аорсы,
жно быть панксаны и набіаны,—еще больше. Какъ люди богатые—эти
ѳы носили золотыя украшенія.

Страбонъ не упоминаетъ о царственныхъ скиѳахъ Геродота, но изъ
веденныхъ свѣдѣній его достаточно ясно, что подъ четырьмя народцами,
вшими своихъ царей, слѣдуетъ разумѣть именно царскихъ скиѳовъ.

Гелы и **леги** промышляли, большею частью разбоями; земли не обра-
вали по суровости страны; въ Страбоново время они занимали горную
ь страны библейскаго Ѳовела, по берегамъ рѣки Мермадалія (кн. XI,
VII и VIII, стр. 514, 519 и 521).

Албанцы народъ болѣе пастушескій, ближе стоящій къ кочевому образу
зни, хотя не совсѣмъ дикій и не очень воинственный. Живутъ они между
ами и Каспійскимъ моремъ, значитъ въ странѣ библейскихъ частью
ла, частью Магога и частью же Мадая, черезъ которую протекаетъ рѣка
ь Устье этой рѣки и другой, впадающей въ Каспійское же море,

Аракса, отлагающей илъ, который Куръ принимаетъ въ свое русло, и
ставляютъ рѣзкую противоположность; по первому рѣшительно не возм
войти судамъ въ море, тогда какъ по второму свободно ходятъ корабл
этой причинѣ албанцы не пользуются удобствами сосѣдства своего съ
ремъ. Они не стараются, впрочемъ, извлекать для себя особыхъ выго
изъ земли, на которой живутъ, и которая приноситъ плоды, даже с
нѣжные, и всякую растительность; тутъ имѣются деревья вѣчно-зел
Земля такъ плодородна, что не требуетъ ни малѣйшаго ухода за нею:
произрастаетъ безъ посѣва, безъ паханья; винограда—обиліе. Живо
имѣютъ, какъ домашнія, такъ и дикія, прекрасный ростъ. Населеніе ст
отличающееся красотою и высокимъ ростомъ, простодушное, не тор
ское; оно вовсе не употребляетъ какихъ либо знаковъ цѣнности (мо
денегъ), не знаетъ числа больше ста, но производитъ обмѣнъ товарам
всѣмъ вообще потребностямъ жизни относятся равнодушно; не знают
точныхъ мѣръ, ни вѣсовъ; беззаботны въ дѣлахъ—войны, граждан
устройства и земледѣлія; сражаются пѣшими и на лошадяхъ, въ лег
вооруженіи, копьями и луками, но защищенные бронями, щитами и
мами изъ звѣриной кожи. Въ войнахъ имъ помогаютъ кочевники. Алб
занимаются звѣроловствомъ; они сами и собаки ихъ превосходные охот
Сношеній съ сосѣдями, не только дальними, но и ближайшими, чужда
проживая въ горахъ, каждый отдѣльный родъ выработываетъ особое
чіе; въ Страбоново время въ Албаніи было двадцать шесть языковъ. У
ляются албанцы царями; въ древности каждый родъ, говорившій осо
языкомъ, имѣлъ и особаго царя; въ Страбоново же время всѣ были п
нены одному царю.

Богами албанцы признаютъ: Солнце, Зевса и Луну, преимущест
предъ другими. Обязанности жреца исполняетъ почтеннѣйшее послѣ
лицо; оно стоитъ во главѣ обитателей священной земли, обширной и х
населенной, а также во главѣ храмовыхъ служителей, изъ которыхъ
гіе, приходя въ состояніе сильнѣйшаго возбужденія, пророчествуютъ.
изъ храмовыхъ служителей, который чаще прочихъ приходитъ въ сост
возбужденія и бродитъ въ одиночествѣ по лѣсамъ, жрецъ ловитъ, с
ваетъ особою священною цѣпью и превосходно кормитъ въ теченіи ц
года; откормленный такимъ образомъ человѣкъ подводится къ жертве
божества и умащенный благовоніями, приносится въ жертву вмѣстѣ съ
чими предметами. Жертвоприношеніе совершается такъ: лицо, свѣдующ
дѣлѣ, выходитъ изъ толпы съ священнымъ копьемъ въ рукѣ, кото
только и дозволяется умерщвлять человѣка на жертву,—и наноситъ
черезъ бокъ въ сердце. Когда жертва падаетъ, производятся гаданія п
правленію паденія и объявляются во всеуслышаніе; затѣмъ трупъ отв
на опредѣленное мѣсто; каждый изъ присутствовавшихъ при жертвоп
шеніи прикасается къ нему ногою ради очищенія и уходитъ.

Албанцы высоко чтутъ старость не только родныхъ, но и пост
нихъ: заботиться же объ умершихъ и вспоминать о нихъ не дозвол
Вмѣстѣ съ покойникомъ погребается и все имущество умершаго,—а п

ившіеся въ живыхъ дѣти, лишенные такимъ образомъ отцовскаго до-
нія, принуждены жить въ бѣдности (кн. XI, гл. IV, стр. 511—514).

Иберы занимали въ землѣ библейскаго Ѳовела часть ближайшую къ
пійскому морю, имѣя сосѣдями:—съ полночи геловъ и леговъ, а съ
дня—албанцевъ; на западъ отъ нихъ лежала Колхида, а на востокъ
ть Каспійскаго моря и земли албанцевъ же. Рѣки Куръ и Араксъ про-
ли по Иберіи среднимъ. своимъ теченіемъ. Большая часть страны ибе-
ъ хорошо застроена городами и поселеніями; дома сооружены по прави-
ъ строительнаго искусства, нѣкоторые крыты черепицею; въ городахъ
ого рынковъ и общественныхъ зданій. Какъ и Албанія страна эта гор-
, съ обширною равниною. По горамъ населеніе живетъ по-скиѳски и
матски; срединное же усвоило обычаи армянъ и лидійцевъ; оно заня-
тся земледѣліемъ и склонно къ мирной жизни. Горяне тоже занимаются
аботкою земли, но они воинственны: въ случаѣ нарушенія мира выстав-
тъ много десятковъ тысячъ воиновъ какъ изъ своей среды, такъ и изъ
ѳовъ и сарматовъ. Населеніе дѣлится на четыре сословія: изъ перваго,
шаго, выбираютъ царя, по ближайшему родству съ умершимъ и по
ршинству возраста - и верховнаго судью и предводителя войскъ; второе
ловіе —это жрецы, вѣдающіе споры и тяжбы съ сосѣдними народами; къ
тьему принадлежатъ воины и земледѣльцы, а къ послѣднему—простой
одъ, составляющій собственно царскихъ рабовъ; они дѣлаютъ все необ-
имое для жизни.

Имущество Иберовъ—есть собственность рода и принадлежитъ всѣмъ
ственникамъ; завѣдуетъ имъ и хранитъ родовое достояніе старѣйшій по
расту (та же книга гл. Ш, стр. 510--511). Вооруженіе иберовъ то же,
и у албанцевъ. (Та же книга, глава IV, стр. 513).

Каспіи. Народъ этотъ занималъ область библейскаго Мадая въ части
расположенной на полдень отъ устьевъ рѣки Кура и Аракса; онъ далъ
нѣшнее имя морю, называвшемуся прежде Гирканскимъ. Во времена
рабона каспіи уже не существовали. Страна ихъ называлась Каспіана и
шла въ составъ области Албанской (Кн. XI, гл. IV, стр. 513). У нихъ
лъ обычай морить голодомъ лицъ, прожившихъ болѣе семидесяти лѣтъ;
ершихъ такимъ образомъ выбрасывали въ пустынныя мѣста, причемъ
блюдали за трупомъ и ждали; если покойникъ стащенъ съ носилокъ пти-
ми, его признавали вполнѣ блаженнымъ;—если дикими звѣрями или со-
ками—менѣе блаженнымъ; не стащенный же ни тѣми, ни другими счи-
ся несчастнымъ (та же книга, гл. XI, стр 530). Также поступали и
и съ родителями, пережившими семидетятилѣтній возрастъ. Это, по сло-
ъ Страбона, скиѳскій обычай (тамъ же, стр. 527).

Даи. Скиѳы этого имени занимали полночную часть Гирканіи, охва-
вавшей полуденное побережье Каспійскаго моря и полуденную половину
точнаго. Это даи—*парны* Страбона (кн. XI, гл. VII, стр. 518). Кромѣ
ѳовъ Гирканія населена многоразличными народами, между которыми
ли кочевники, разбойники и торговцы; чѣмъ занимались даи—парны—
звѣстно.—Говоря о Гирканіи, землеописатель приводитъ въ числѣ стран-

ностей о ней разсказъ Евдокса: „Вдоль моря тянется нѣсколько стѣн
пещерами; между ними и моремъ лежитъ низменный берегъ. Рѣки, спус
щіяся съ высотъ склоновъ, текутъ съ такою стремительностью, что,
стигши этихъ стѣнъ, перебрасываютъ воду въ море, а берегъ, н
остается не орошеннымъ, такъ что тутъ по берегу могутъ пройти в
прикрытыя сверху потокомъ воды. Туземцы часто сходятся въ этомъ м
для пировъ и жертвоприношеній, они то располагаются въ пещерах
грѣются на солнцѣ, подъ водянымъ сводомъ, причемъ каждый развлек
по своему; съ обѣихъ сторонъ виднѣется море и берегъ, который, благо
влагѣ, всегда покрытъ зеленою травою и цвѣтами (тамъ же стр. 518—5

На востокъ отъ Каспійскаго моря и, кажется, за Гирканіей жи
другіе даи, называемые апарнами, ксанѳіями и писсурами. Первые б
прочихъ прилегаютъ къ Гирканіи, а остальные простираются до страны
жащей противъ Аріи (таже книга гл. VIII, стр. 521).

О даяхъ – парнахъ Страбонъ приводитъ свѣдѣнія изъ другихъ пи
лей: „Утверждаютъ, что парны даи—выходцы изъ области тѣхъ даев
торые обитаютъ надъ Меотидою и которыхъ называютъ ксанѳіями, или
ріями. Впрочемъ не всѣ согласны въ томъ, что въ числѣ скиѳовъ, о
щихъ надъ Меотидою, есть часть даевъ (таже книга, гл. IX, стр. 5
Замѣтку эту мы приводимъ для того, чтобы имѣть основаніе обоб
нраво-обычаи даевъ—парновъ съ савроматскими и другими.

Асіи, пасіаны, тохары сакаравлы—тѣ скиѳы кочевники, кот
отняли у эллиновъ Бактріану и поселились на лѣвомъ берегу р. Іакс
Они одноплеменны сакамъ (кн. XI, гл, VIII, стр. 521).

Къ обычаямъ даевъ и послѣдненазванныхъ скиѳскихъ племенъ к
относятся слѣдующія сказанія Страбона, помѣщенныя имъ въ концѣ XI г
какъ бы въ заключеніе свѣдѣній о народахъ, совершенно варварских
которымъ причислены и скиѳы,—жившихъ подлѣ Кавказа и прочихъ го
самой Индіи.—„Говорятъ, что у нѣкоторыхъ изъ этихъ народовъ су
вуетъ обычай, опредѣляемый слѣдующимъ выраженіемъ Еврипида: оплак
новорожденнаго, которому предстоитъ столько бѣдъ, и радостно пров
изъ дома покойника, свободнаго отъ всѣхъ заботъ, считая его сча
вымъ.—У другихъ существуетъ обычай не убивать никого, даже вел
шихъ преступниковъ, но изгонять ихъ вмѣстѣ съ дѣтьми; между тѣмъ
ближайшія сосѣди этихъ послѣднихъ, такъ называемые дербики, ум
ляютъ даже за проступки. Эти дербики поклоняются землѣ, ничего жен
пола не ѣдятъ, и не приносятъ въ жертву; мужчинъ, переживших с
сятилѣтній возрастъ, убиваютъ (касніи морятъ голодомъ)—ближайшіе
ственники поѣдаютъ своихъ покойниковъ, старухъ вѣшаютъ, а потом
ронятъ; мужчины, умершіе раньше семидесяти лѣтъ, не поѣдаются,
ронятся;—нѣкоторые изъ придерживающихся такихъ же, или имъ р
ныхъ, обычаевъ употребляютъ всѣ усилія, чтобы сдѣлаться какъ мож
лѣе длинноголовыми, съ лбомъ, выдающимся дальше подбородка; этот
родъ Страбонъ называетъ *сигиннами*. Геродотъ, какъ мы видѣли, з
сигинновъ по ту сторону Дуная, то есть въ западной части Европы,

стной, и считаетъ ихъ выходцами Мидіи (кн. V, стр. 9 у Геродота, XI, стр. 530—у Страбона); Страбонъ, какъ и Геродотъ, говоритъ о нешихъ косматыхъ лошадяхъ, которыя не могутъ выносить всадника; ихъ нны запрягаютъ по четыре въ повозку, но свидѣтельствуетъ, что этотъ дъ, поступая съ умершими какъ сказано сейчасъ, во всемъ прочемъ тъ по-персидски,—что возницами у сигинновъ состоятъ женщины, пріемыя къ этому занятію съ дѣтства, и что самая искусная изъ нихъ етъ съ тѣмъ мужчиною, съ которымъ сама пожелаетъ. Тутъ же приво- я свѣдѣнія о *тапирахъ*, живущихъ между дербиками и гирканцами; у ь мужчины одѣваются въ черное (меланхлены Геродотовы тоже носили ое) и носятъ длинные волосы, а женщины ходятъ въ бѣломъ и стригутъ сы; мужчина, признаваемый самымъ мужественнымъ, беретъ себѣ въ жены ую женщину, это—его право, не подлежащее возраженіямъ (Страбонъ 530). Изъ скиѳовъ азіатскихъ Геродота Страбонъ говоритъ нѣсколько обнѣе о сакахъ и массагетахъ. Первымъ назначается страна къ востоку Даевъ, за рѣкою Іаксартомъ, отдѣляющею саковъ отъ согдіанъ (кн. XI, VI, стр. 518 и гл. VIII, ст. 521); массагетамъ отводится земля рядомъ саками, въ восточномъ же направленіи по сосѣдству съ Бактріанами ь же, стр. 523).

Обычаи этихъ скиѳскихъ племенъ Страбонъ узналъ изъ повѣствованій телей, жившихъ до него, такъ что къ послѣднему вѣку предъ Р. Х. и не существовать среди саковъ и массагетовъ всего имъ приписыаго.

Саки—пастухи овецъ, по происхожденію скиѳы, потомки непорочныхъ й номадовъ; они обитали на богатой пшеницею Азидѣ (кн. VII, гл. III, 304).—Съ иноплеменными сосѣдями саки жили вообще мирно; какъ они дямъ, такъ и тѣ имъ—платили условленную дань за право проходить въ сопредѣльныя земли съ добычею въ договоренное время, но не во я военное; при вступленіи же въ сосѣднюю землю въ недозволенное время икали споры и столкновенія, кончавшіеся нов ми соглашеніями. Въ кніе времена они, подобно киммерійцамъ, совершали военные походы въ ны весьма отдаленныя; покорили было Бактріану и лучшую землю въ еніи, которой дали названіе Сакассены; доходили до Каппадоковъ и въ енности до тѣхъ побережанъ Чернаго моря, которыхъ звали въ Страбо- время понтиками. Нѣкоторые писатели говорятъ, будто когда-то давно ы напали на саковъ ночью, во время пиршества и совершенно истре- ихъ, учредили въ память этого важнаго событія ежегодный народный дникъ *Сакая* и соорудили на мѣстѣ побѣды храмъ Анаитидѣ и еще ъ персидскимъ божествамъ, Оману и Анадату. Для кумирни Анаитиды али среди равнины скалу, засыпали ее землею, такъ что вышелъ вы- холмъ, его обвели каменною стѣною; жертвенникъ Анаитидѣ, Оману адату былъ общій. Вокругъ холма—храма образовался городъ, большая его принадлежала храмовымъ служителямъ. Другіе повѣствователи ска- ютъ, что саки побѣдили Кира, ходившаго на нихъ войною, разбили от- его на голову, такъ что и самъ царь персовъ бѣжалъ, оставивъ весь

свой обозъ съ большимъ запасомъ всего необходимаго въ походѣ, ос
вина. Опомнившись и успокоившись послѣ погрома, Киръ сообразил
саки, овладѣвъ его станомъ, зададутъ шумный пиръ, торжествуя сво
бѣду; онъ остановилъ уцѣлѣвшія остатки своего посрамленнаго войска
имъ отдохнуть и вернулся быстро къ мѣсту покинутаго стана; ожида
оправдались, саки упились виномъ и объѣлись лакомою добычею. Н
на пирующихъ, беззаботно предавшихся веселью и безоружныхъ,
перебили всѣхъ, оказавшихъ еще кое-какое сопротивленіе, а безсозна
пьяныхъ захватили въ плѣнъ. Такимъ образомъ, по свидѣтельству
упоминаемыхъ Страбономъ, сказаній древнихъ писателей, погибли поч
саки; сооруженіе храма на холмѣ они приписываютъ Киру, посвятив
будто-бы день истребленія саковъ богу своихъ предковъ и назвавше
„Сакая".—За симъ Страбонъ продолжаетъ свое сказаніе: „Гдѣ тольк
храмъ этой богини, вездѣ отправляется и шумное празднество Сакая
должающееся день и ночь; участвующіе въ немъ одѣваются по-ск
пьютъ вмѣстѣ съ женщинами; мужчины дерутся съ ними и между
(кн. IX, гл. VIII, стр. 522)".

Массагеты—доказали свою храбрость въ войнѣ съ Киромъ (у
дота кн. I, стр. 105—112); они видимо были въ дружбѣ съ населы
отдаленной Индіи, въ землю которой отступили, будучи преслѣдуемы
сами; но Киръ не рѣшился самъ проникнуть въ эту страну (Страб. к
гл. I, ст. 703). Занимая земли къ востоку отъ даевъ, выше па
маргіанъ и аріевъ, массагеты живутъ частью на горахъ (Уральск
частью въ равнинахъ,—иные на болотистыхъ побережьяхъ рѣкъ, дру
островамъ среди болотъ. Самая большая рѣка, орошающая страну
скиѳовъ, тотъ же Араксъ, о которомъ говоритъ Геродотъ; по свѣд
Страбона она впадаетъ всѣми своими устьями въ полуночную часть
(Каспійскаго?) и только однимъ въ Гирканскій заливъ (не являю
здѣсь въ имени Аракса Волга и Уралъ). Богъ, по ихъ вѣроученію, од
это солнце, въ жертву которому приносятъ лошадей. Объ общемъ п
ваніи женщинами, а отчасти и о поѣданіи мертвыхъ, повторяются
стія Геродота, съ дополненіями: умершихъ отъ старости рубятъ на
мѣшаютъ съ мясомъ баранины, поджариваютъ и съѣдаютъ; а тѣх
торые скончались отъ болѣзни, бросаютъ на растерзаніе звѣрей,
нечестивыхъ и недостойныхъ быть съѣденными людьми. Всѣ воинственны
оружены луками, мечами и *мѣдными топорами*; выходятъ на
одѣтые въ панцырь. Земля ихъ богата золотомъ и мѣдью; желѣза м
серебра совсѣмъ нѣтъ. О золотыхъ поясахъ и повязкахъ, а также
украшенныхъ золотомъ наплечникахъ и уздечкахъ лошадей—повтор
слова Геродота.

Массагеты, живущіе на островахъ, питаются кореньями и дикими
дами, потому что не имѣютъ посѣвовъ; одѣваются древесною корою;
не держатъ, пьютъ сокъ, выжимаемый изъ древесныхъ плодовъ. Обит
болотъ питаются рыбою, и одѣваются въ шкуры тюленей, выходящих
моря. Горные жители кормятся дикими плодами; впрочемъ они имѣют

ого овецъ, которыхъ не рѣжутъ для ѣды, пользуясь лишь ихъ молокомъ шерстью; платье свое раскрашиваютъ растительными соками, долго не яющими ни цвѣта, ни блеска. Заселяющіе равнины имѣютъ мало земель, бныхъ для обработыванія, но они не занимаются посѣвами,—питаются рыбою и мясомъ овецъ.

Массагеты и саки, какъ скиѳы кочевники, ведутъ совершенно одинаый образъ жизни; ихъ погребальные обряды, нравы и весь житейскій ходъ—сходны.

Въ составъ массагетовъ и саковъ входятъ народцы, извѣстные предшевенникамъ Страбона подъ особыми именами, каковы—атасіи и карасміи ждый изъ этихъ народцевъ, равно массагеты и саки,—коваренъ, дикъ и ивственъ въ отдѣльности; но въ сношеніяхъ съ чужеродными племенами остодушенъ и правдивъ (кн. XI. гл. VIII, стр. 521—530).

Исседоны Геродота ни разу не встрѣчаются въ сохранившихся и отитыхъ до нашихъ временъ семнадцати книгахъ труда Страбона. Извѣстны-были они этому землеописателю, нѣтъ-ли—мы сказать не можемъ.

Въ заключеніе нашего очерка Страбоновыхъ извѣстій о нравахъ и обыхъ скиѳовъ азіатскихъ приведемъ нѣкоторыя изъ его сказаній по тому предмету о сосѣдяхъ ихъ

Способъ умерщвленія жертвенныхъ животныхъ, бытовавшій среди скиъ Геродотовыхъ, въ Страбоново время былъ извѣстенъ въ Индіи; тамъ вали жертвенное животное посредствомъ удушенія для того, чтобы боству отдать его цѣльнымъ, безъ малѣйшаго поврежденія (кн. XV, гл. I, . 725 и 726).

Солнце было боготворимо, кромѣ албанцевъ и массагетовъ, персами съ именемъ *Миѳры*, и аравитянами нобатаями,—какъ благодѣтель; нѣоторые эѳіопскіе народы признавали его своимъ злодѣемъ; другіе же поали свѣтило дня подобно персамъ. Любопытны и для нашихъ изысканій ны подробности обрядовой стороны солнце-поклонниковъ. Персы возютъ божеское почтеніе представителю солнца на землѣ—огню, отраженію въ ночномъ свѣтилѣ—лунѣ, согрѣваемой и оплодотворяемой имъ землѣ,—лѣ,—въ которой видятъ его днемъ и ночью,—и вѣтрамъ, посылаемымъ на землю. Живущіе внутри страны персы не ставятъ, подобно другъ народамъ, никакихъ изображеній боготворимыхъ предметовъ, не возгаютъ имъ ни храмовъ, ни алтарей; жертвы приносятъ на возвышенномъ стѣ; онѣ состоятъ въ закалываемыхъ животныхъ, приводимыхъ на изнное мѣсто увѣнчанными. Магъ, руководящій жертвоприношеніемъ, дѣъ заколотое животное на части, разбираемыя всѣми присутствующими, оставляя ничего на долю божества, которому потребна, по мнѣнію ихъ, а только душа жертвы. Впрочемъ нѣкоторые, знакомые съ обрядами перъ, сказывали Страбону, что на огонь, возжигаемый въ честь божества, дутъ маленькую часть сальника жертвеннаго животнаго.

Изъ всѣхъ божествъ только огню и водѣ приносятся жертвы; въ перъ случаѣ обрядъ сопровождается такими подробностями: кладутъ сухія нѣнья дровъ безъ коры и покрываютъ ихъ сверху саломъ; потомъ дрова

поливаютъ масломъ и поджигаютъ, производя движеніе воздуха, подо
вѣтру, опахаломъ, но ни въ какомъ случаѣ не раздуваютъ огня о
кновеннымъ житейскимъ способомъ—губами; кто это сдѣлаетъ, или брос
что-либо мертвое или грязное въ жертвенный огонь, тотъ наказыва
смертью. Жертва водѣ приносится такъ: пришедши къ озеру, или къ р
или къ источнику, роютъ яму, надъ которой и умерщвляютъ живот
остерегаясь какъ-бы вблизи находящаяся вода не смѣшалась съ кровь
не осквернилась-бы такимъ образомъ; затѣмъ маги кладутъ мясо на ми
или лавръ, касаются его тонкими палочками и поютъ таинственныя пѣ
поливая при этомъ масломъ, смѣшаннымъ съ молокомъ и медомъ, не о
и не воду,—но землю. Пѣніе таинственныхъ пѣсенъ продолжительно, и
все это время маги держатъ въ рукахъ пучекъ тонкихъ тамарисков
прутьевъ. Персы не купаются въ рѣкѣ, не моютъ и не мочатъ въ ней
чего, равно не бросаютъ въ воду ничего мертваго и вообще ничего, п
ставляющагося нечистымъ. Тѣ персы, которые живутъ въ сосѣдствѣ
Каппадокіею, имютъ особо устраиваемые алтари, на которыхъ маги под
живаютъ много золы и неугасимый огонь; они ежедневно поютъ предъ
тарями таинственныя пѣсни въ теченіе почти цѣлаго часа, держа въ рук
пучекъ прутьевъ и имѣя на головѣ шерстяные колпаки (тіары), отъ к
рыхъ спускаются по обѣимъ щекамъ покрывала, завѣшивающія даже гу
Упомянутыя божества Анаитиды и Омана имѣютъ подобные же алтари
цѣлые храмы; Оману даже присвоено изображеніе, которое носятъ въ
вѣстныхъ случаяхъ въ торжественномъ шествіи.

Не менѣе любопытны и полезны для будущихъ изысканій о насел
кахъ Ильменской страны, въ предполеженныхъ нами предѣлахъ, о правах
обычаяхъ персовъ въ ихъ домашней и общественной жизни. Многожен
между персами особенно распространено; женятся они на многихъ жен
нахъ, а еще болѣе имѣютъ наложницъ,—все это ради обильнаго потомс
Браки заключаются въ началѣ весенняго равноденствія; прежде чѣмъ
на ложе невѣсты, женихъ съѣдаетъ яблоко, или верблюжій мозгъ, и пот
цѣлый день уже не ѣстъ ничего. Дѣти отъ пяти до двадцати четырехъ л
учатся стрѣлять изъ лука, метать копье, ѣздить верхомъ и говорить *пра*
въ учителя наукъ берутся умнѣйшіе люди; они собираютъ дѣтей въ о
мѣсто для военныхъ упражненій и для охоты, причемъ ихъ будятъ пр
разсвѣтомъ звономъ мѣди; пріучаютъ къ перенесенію жары, холода и д
дей, равно къ переходу черезъ потоки такъ, чтобы платье и вооруже
оставались не замоченными; учатъ всѣхъ безъ исключенія пасти ст
проводить ночь въ полѣ, питаться дикими плодами; кормятъ дѣтей, по
упражненій, хлѣбомъ и мясомъ, свареннымъ только въ водѣ, или сжар
нымъ, давая имъ по крупинкѣ соли; напитокъ—вода. По вечерамъ по
дежь упражняетъ въ посадкѣ деревьевъ, выкапываніи корней, въ приго
леніи оружія и охотничьихъ тенетъ. Въ дѣлежѣ охотничьей добычи дѣти
участвуютъ; но, въ силу обычая, несутъ ее домой. Цари назначаютъ
грады на раздачу юношамъ при состязаніи въ тѣхъ или другихъ тѣлесн
упражненіяхъ, преимущественно за отличіе въ бѣгѣ. Дѣти украшаютъ е

лотомъ, огнеподобный блескъ котораго у персовъ пользуется почитаніемъ, ъ уваженія къ нему, какъ ближайшему подобію огня; на умершаго не адутъ золота.

Вооруженіе персовъ слѣдующее: щитъ, имѣющій видъ четыреугольника двумя вытянутыми—противолежащими углами (ромбъ), лукъ, сѣкира, бля, чешуйчатый панцырь и высокая войлочная шапка.

Всякій персъ отбываетъ военную службу, предводительствуя въ пѣхотѣ конницѣ отъ двадцати до пятидесятилѣтняго возраста (или въ теченіе кого срока вообще,—мѣсто это не ясно у Страбона). На рынокъ персы ходятъ, потому что они ничего не продаютъ и не покупаютъ.

О важнѣйшихъ дѣлахъ персы совѣщаются за виномъ и постановляе-я послѣ такихъ совѣщаній рѣшенія оказываются прочнѣе выработанныхъ трезвомъ собраніи.

Умершихъ хоронятъ, заливая трупъ воскомъ. Маговъ не хоронятъ, но ают на съѣденіе птицамъ.

Примѣчаніе. У индѣйскихъ парсовъ въ настоящее время всѣ вообще покойники ются на съѣденіе птицамъ, послѣ торжественнаго обряда перенесенія ихъ въ особенно аиваемые храмы безмолвія, вдали отъ поселеній, на возвышенностяхъ.

Слѣдуетъ, наконецъ, замѣтить, что персы отличались въ Страбоново мя скромностью, хотя жили въ роскоши, обладая обиліемъ золота и се-ра; они выдѣлывали сравнительно мало единицъ цѣнностей, предпочитая ъ дорогіе сосуды изъ этихъ породъ (кн. XV, гл. III, стр. 749—752).

Набатая—часть Аравіи, черезъ которую лежитъ путь въ Египетъ. итатели ея поклоняются солнцу, въ честь котораго воздвигается на каж-мъ домѣ алтарь и на немъ ежедневно совершаются возліянія и дымится ванъ.—Набатаи воздержны: умѣютъ пріобрѣтать имущество и подвергаютъ точителей всенародному наказанію, награждая увеличивающихъ свое бла-остояніе; отличаются простотою нравовъ и миролюбіемъ; на мертвыя тѣла отрятъ какъ на навозъ, въ томъ смыслѣ, какъ выразился Гераклитъ: упы слѣдуетъ выбрасывать скорѣе, чѣмъ навозъ; даже царей хоронятъ лѣ навозныхъ кучъ (кн. XVI, гл. IV, стр. 800 и кн. XVII, гл. I, . 820).

Въ Египетской странѣ, въ городѣ Геліополѣ, сооруженъ былъ храмъ нцу; къ Страбонову времени городъ совершенно запустѣлъ; храмъ нца, построенный въ древности въ египетскомъ вкусѣ, былъ разрушенъ бизомъ; слѣды необузданности и святотатства этого царя еще видны и въ Страбоново время (кн. XVII, гл. I, стр. 822). Гомеръ упоминаетъ ыкахъ солнца; въ Геліопольскомъ храмѣ содержался священный Мевисъ же кн., гл. I, стр. 22).

Знаменитый колоссъ Родосскій—есть колоссъ солнца; онъ упалъ во мя землетрясенія, повредился въ колѣняхъ и въ Страбоново время ле-ъ на землѣ, такъ какъ оракулъ воспретилъ возстановленіе его (кн. XIV, II, стр. 667).

Основываясь на словахъ Эсхила о „скованномъ Прометеѣ", Страб упоминаетъ объ озерѣ солнца въ землѣ эѳіоповъ: „Ты увидишь", говор Эсхилъ,—„священное теченіе Эриѳрейскаго моря по пурпурному русл также озера съ мѣднымъ отблескомъ подлѣ океана, кормильца эѳіоп тамъ, гдѣ всевидящее солнце теплыми волнами мягкой воды освѣжаетъ тѣло и усталыхъ коней (кн. I, гл. II, стр. 33)".

Луна, какъ божество, почитаема была, кромѣ албанцевъ и перс еще въ Арменіи, въ Понтѣ, во Фригіи и въ Мемфисѣ; но какъ занесен въ эти страны сосѣдями и дальними выходцами, это божество не им здѣсь значенія первостепеннаго.

Земля принималась, кромѣ скиѳовъ, за божество персами, но не по зовалась такимъ же почитаніемъ, какъ солнце.

Огромнымъ распространеніемъ пользовались у народовъ Страбон времени—*Афродита*—богиня любви и Геркулесъ, тотъ Гераклъ, кото далъ Дѣвушкѣ Змѣѣ Геродота, родоначальника скиѳовъ. Выписокъ о бо ствахъ, не имѣющихъ особо выдающагося значенія въ вѣрованіяхъ скиѳ и ихъ сосѣдей, мы не дѣлаемъ, ограничиваясь приведеннымъ краткос нымъ упоминаніемъ о Гераклѣ и замѣчаніемъ, что въ Аттикѣ, на морск берегу за Пиреемъ, около поселка Анафлиста, былъ въ Страбоново вр храмъ Афродиты—*Колліады*: Колліадою же въ Геродотово время имен лась береговая равнина Аттики. Этотъ храмъ сооруженъ на томъ мѣс мѣстѣ, къ которому прибили обломки кораблей, погибшихъ въ морск сраженіи съ персами около Саламина (Страб. кн. IX, гл. I, стр. 412; родотъ кн, VIII, стр. 279).

и Б) Скиѳы Европейскіе.

Нравы и обычаи скиѳовъ, какъ азіатскихъ, такъ и европейски Страбонъ лично наблюдалъ въ незначительномъ числѣ случаевъ, боль же часть его сказаній по этому предмету заимствуется изъ повѣствова писателей, ему предшествовавшихъ,—потому сообщаемыя этимъ землеопи телемъ данныя иной разъ противорѣчивы и часто сбивчивы; то ска представляются въ высшей степени жестокими, убивающими всякаго и земца, появляющагося въ ихъ странѣ, и приносящими его въ жертву с ему божеству,—то питающимися человѣческимъ мясомъ въ силу укорен шагося пристрастія къ нему, и дѣлающими изъ человѣческихъ черен кубки,—то, наконецъ,—честнѣйшими, благородными, не только не убив щими людей для лакомства ихъ мясомъ, но даже вовсе неупотребляющ мясной пищи, довольствуясь кумысомъ, рыбою и плодами растеній; скиѳы не занимаются ни торговлею, ни войною, ни пріобрѣтеніемъ богатст и имѣютъ все общее, кромѣ меча и чаши для питья, не исключая жен и дѣтей (кн. VII, стр. 302 и 305).

Въ частности же о скиѳахъ и о насельникахъ разныхъ сосѣднихъ мѣ ностей сообщаются свойственныя имъ нѣкоторыя особенности, на которы какъ на наиболѣе важныхъ для нашей задачи, мы и остановимся.

Приводя сказанія Страбона объ упоминаемыхъ имъ нравахъ и обы-
ихъ скиѳовъ и ихъ сосѣдей,—мы будемъ объяснять, по Страбону же, и
ложеніе земель такихъ народовъ, если оно не было указано выше.

Въ свѣдѣніяхъ о нравахъ и обычаяхъ скиѳовъ азіатскихъ мы по-
стили сказанія какъ о Геродотовыхъ сакахъ и массагетахъ, такъ и о
гихъ вѣтвяхъ скиѳскаго племени и сосѣдяхъ; такъ же поступимъ и теперь.

Савроматы Геродота жили, какъ мы знаемъ, между Дономъ, Волгою и
сніемъ, въ странѣ, принадлежащей, какъ сказано, по мнѣнію древнихъ
леописателей, къ Азіи; но Страбонъ находитъ ихъ и въ Европѣ; потому
относимъ этихъ скиѳовъ къ европейскимъ и начнемъ извѣстіями о нихъ
ркъ нравовъ и обычаевъ нашей части свѣта.

Сарматы. Въ Страбоново время савроматы Геродотовы назывались сар-
ами и сидѣли, начиная съ полночнаго склона Кавказскихъ горъ, въ
ночномъ же направленіи, между Азовскимъ и Каспійскимъ морями, такъ
сосѣдями ихъ по другую сторону склона тѣхъ же горъ были албанцы
іберы (кн. XI, гл. II, стр. 508). Со своими сосѣдями по горамъ живутъ
но и участвуютъ, въ случаѣ надобности, въ войнахъ вмѣстѣ съ ними
ъ союзники (та же книга, гл. III, стр. 510. Объ этомъ уже сказано).
оматы раздѣляются на дикихъ кочевниковъ, сидящихъ ближе къ Дону, и
ѣе мягкихъ нравами, занимающихъ землю, ближайшую къ Боспорскому
ству. По странѣ вдоль Дона и Азовскаго моря на полночь было нѣ-
лько городовъ: Танаидъ,—при устьѣ,—далѣе Большой Ромбитъ, торго-
шій преимущественно рыбою, годною на соленіе; затѣмъ Малый Ромбитъ,
говавшій также рыбою. На Азовскомъ морѣ лежалъ городъ Киммерикъ,
атившійся въ деревню,—его основали киммерійцы, набѣгавшіе на жите-
Понта до Іоніи и имѣвшіе большую силу на Боспорѣ; ихъ вытѣснили
ѳы (сказано Геродотомъ), а этихъ послѣднихъ—эллины (та же книга
II, стр. 504—505).

Въ другомъ мѣстѣ землеописанія Страбонъ отводитъ ставроматамъ, какъ
отличая ихъ отъ сарматовъ,—страну на полдень отъ роксоланъ до мѣстъ
ельства восточныхъ скиѳовъ; вотъ слова Страбона: „Выше Борисѳена
ѣпра, насколько онъ былъ извѣстенъ Страбону) обитаютъ крайніе, из-
тные намъ представители скиѳскаго племени, именно роксоланы, которые
утъ полуденнѣе послѣднихъ, знаемыхъ греками обитателей области, ле-
цей выше Британіи; дальнѣйшія страны уже необитаемы по причинѣ
ода; къ полдню отъ этого народа обитаютъ савроматы и скиѳы до мѣстъ
ельства восточныхъ скиѳовъ (кн. II, гл. V, стр. 152)“. Въ дальнѣй-
ъ изложеніи землеописатель признается, что ни онъ, ни вообще греки,
знаютъ обитателей полночныхъ странъ, каковы савроматы и проч., не
ютъ и того, насколько они удалены отъ Атлантическаго моря и ка-
тся ли его (кн. VII, гл. II, стр. 296); затѣмъ онъ приводитъ мнѣніе
ѣствователя Ефора, полагающаго, что савроматы и скиѳы далеко неоди-
овы по своему образу жизни; иные до такой степени суровы, что ѣдятъ
овѣческое мясо, напротивъ, другіе воздерживаются отъ употребленія въ
ду даже животныхъ (та же книга, гл. III, стр. 304).

Къ сарматамъ причисляются Страбономъ язиги, такъ называемые б
ліи (царскіе?) и урги; жили они между Дунаемъ и Днѣпромъ, а во вре
болѣе древнія, и на обоихъ берегахъ перваго; это кочевники по пре
ществу, но часть ихъ занималась и земледѣліемъ. (Та-же кн., гл
стр. 308).

У всѣхъ сарматскихъ племенъ обычай выхолащивать лошадей, к
у скиѳовъ вообще, чтобы сдѣлать ихъ ручнѣе, потому что лошади
хотя и малы, но очень горячи и трудно укротимы. Сарматы охотятс
мѣстахъ болотистыхъ на оленей (лосей) и дикихъ кабановъ, на равни
же бьютъ дикихъ ословъ (?) и сернъ; въ странахъ ихъ, какъ и во
Европейской Скиѳіи на полночь отъ Чернаго моря, не водятся орлы;
четвероногихъ есть животное, называемое колосъ (κολος), по величинѣ
что среднее между оленемъ и бараномъ, по цвѣту шерсти—бѣлое, а въ
быстрѣе обоихъ сравниваемыхъ животныхъ, воду пьетъ оно ноздрями,
гиваетъ ее въ голову, гдѣ сберегаетъ ее на нѣсколько дней, а потому
можетъ жить въ безводномъ мѣстѣ. (Та-же кн., гл. IV, стр. 314).

Извѣстны Страбону савроматы, которые вторглись изъ за Дун
Ѳракію, занявъ острова этой рѣки, но были осилены иллирійцами. (
кн., гл. III, стр. 307).

Въ виду размѣщенія сарматовъ въ Азіи, по понятіямъ древнихъ,
Европѣ, будетъ умѣстнымъ привести нѣсколько выписокъ изъ Страбон
ихъ сосѣдяхъ, взаимно вліявшихъ одни на другихъ въ установленіи
вовъ и обычаевъ.

Амазонки занимали горную страну Кавказа надъ Албанцами,
ленную отчасти выше названными скиѳами, гелами и легами, которые,
и амазонки, межевали своими землями съ сарматами, сидѣвшими, на
съ полночныхъ склоновъ Кавказа и далѣе на полночь. Возможно, что
и леги были именно кавказскіе сарматы.

Мы знаемъ Геродотово сказаніе о происхожденіи савроматовъ отъ
шанія скиѳскихъ юношей съ амазонками. Страбонъ, основываясь на с
тельствѣ извѣстныхъ ему повѣствователей Метрадора и Гипсикрата,
рые были равно свѣдущи относительно кавказскихъ и ближайшихъ зе
говоритъ, что амазонки пришли на Кавказъ изъ Ѳемискиры поблизили
гаргареями, онѣ поселились, по словамъ этихъ свѣдущихъ писателей
полночныхъ склонахъ Кавказа, рядомъ съ гаргареями. Большую часть
эти женщины—воительницы производятъ всякія работы сами, то есть
шутъ землю, сажаютъ растенія, ухаживаютъ за стадами, особенно за
шадьми; наиболѣе сильныя занимаются охотою и упражняются въ воинс
искусствѣ; всѣмъ имъ выжигаютъ, еще съ дѣтства, правую грудь, ч
безпрепятственно пользоваться плечомъ въ разныхъ занятіяхъ и особен
метаніи копья; вооружены они лукомъ, топоромъ и щитомъ, а изъ кож
кихъ звѣрей приготовляютъ себѣ шлемы, плащи и пояса. Въ году у
два излюбленныхъ мѣсяца весны, въ которые они поднимаются на сосѣ
гору, отдѣляющую ихъ отъ гаргареевъ; мужчины этого племени также
бираются на гору по давнему обычаю; тамъ они приносятъ жертвы ви

амазонками и сообщаются съ ними для производства поколѣнія; дѣлается то въ темнотѣ, любой мужчина съ любой женщиной безъ выбора, случайно. Обсѣменивъ женщинъ, мужчины отпускаютъ ихъ домой. Дѣтей женскаго пола амазонки удерживаютъ у себя, а мальчиковъ относятъ гаргареянамъ на воспитаніе: всякій изъ нихъ смотритъ на такого ребенка какъ отецъ, принимая его за своего сына.—Страбону говорили, что амазонки сошлись съ гаргареями не вдругъ и не изъ за половыхъ только побужденій; тѣ и другіе вели между собою войну, при содѣйствіи гаргареянамъ нѣкіихъ оракійцевъ и евбеянъ, попавшихъ на Кавказъ по ошибкѣ, а затѣмъ воюющія примирились съ тѣмъ, чтобы разъ въ годъ, въ два весенніе мѣсяца, сходиться горѣ для произведенія потомства.

Не довѣряя разсказамъ объ амазонкахъ, Страбонъ затрудняется указать современное ему мѣсто жительства ихъ, но упоминаетъ о говорѣ, будто царица ихъ Ѳалестрія встрѣтилась въ Гирканіи съ Александромъ Македонскимъ и находилась нѣкоторое время съ нимъ въ связи, чтобы имѣть дѣтей.

О времени появленія Амазонокъ среди народовъ Азіи древнихъ и Европы, свѣдѣній нѣтъ; онѣ однакожъ извѣстны были составителямъ повѣстей о Троянской войнѣ; Пріамъ велъ съ ними войну (к. I, гл. Ш, стр 52; кн. XI, гл. IV, стр. 514—517; кн. XII, гл. Ш, стр. 562; гл. VIII, стр. 584).

Геты Сосѣдями сарматовъ, сидѣвшихъ по Дунаю, были геты, занимавшіе оба берега этой рѣки (кн. II, гл. V, стр. 116). Они образовались изъ ѳракійцевъ. Границъ страны гетовъ Страбонъ не знаетъ. Нѣкоторые предшественники Страбона называютъ ѳракійцевъ и гетовъ живущими безъ женщинъ; но онъ этому не вѣритъ и ссылается на Меандра, по происхожденію ѳракійца—гета, который говоритъ, что всѣ вообще ѳракіяне, а геты преимущественно, не очень воздержны, ни одинъ изъ нихъ не женится такъ, чтобы у него не было десяти или одиннадцати женъ, иные имѣютъ двѣнадцать и болѣе, а если случится кому умереть, имѣвъ только четырехъ или пять женъ, тотъ считается между земляками несчастнымъ и въ бракъ не вступившимъ. Между тѣмъ народъ этотъ отличается особенною преданностью вѣрѣ своего племени, воздерживаясь, по понятію о благочестіи, отъ употребленія въ пищу мяса животныхъ.

Страбону говорили, что какой-то гетъ, по имени *Замолксій*, служилъ домомъ у Пиѳагора и почерпнулъ отъ этого мудреца нѣкоторыя свѣдѣнія по наукѣ о небесныхъ свѣтилахъ, пополнивъ таковыя впослѣдствіи въ Египтѣ, куда онъ попалъ послѣ долгихъ блужданій. Воротившись въ отечество, Замолксій пользовался большимъ почетомъ у вельможъ и вообще среди всѣхъ земляковъ, такъ какъ могъ предсказывать по звѣздамъ и достигъ, наконецъ, участія въ правленіи народомъ вмѣстѣ съ царемъ, какъ могущій возвѣщать волю боговъ. Сначала Замолксій былъ назначенъ только жрецомъ наиболѣе почитаемаго гетами божества, а потомъ и самъ былъ принятъ за бога и, удалившись въ недоступную для другихъ мѣстность, проводилъ тамъ, въ пещерахъ, подвижническую жизнь, рѣдко сообщаясь съ людьми, исключая жены и слугъ. Царь совѣщался съ пустынникомъ, видя, что теперь народъ повинуется ему гораздо охотнѣе, чѣмъ прежде, какъ властелину, изрекаю-

щему свои рѣшенія по совѣту самихъ боговъ. Этотъ обычай продлился
воритъ Страбонъ, до нашего времени; и теперь у гетовъ всегда есть
нибудь совѣтчикъ царя, считающійся богомъ. Гору Замолксія называли
тою; имя ея—Когеонъ. Во времена царя гетовъ Боребисты, на котора
сарь Божественный готовился идти войною, обязанности бога исполнял
вѣстный *Декайней*.

По поводу начертанія въ рукописяхъ, дошедшихъ до перваго печа
изданія Страбонова землеописанія, имени гета Замолксія, припомним
мѣтку нашу о шипящемъ звуковомъ знакѣ эллиновъ и свистящемъ; об
слились впослѣдствіи въ сигму. Какъ Геродотъ, такъ и Страбонъ—урож
малоазійскіе, между которыми употреблялся шипящій знакъ „санъ".
въ начертаніи имени гета поставленъ былъ самимъ Страбономъ *санъ*,
чится „замолкшій", слово соотвѣтствующее русскому въ томъ значени
торое соотвѣтствуетъ вполнѣ нашему слову „молчальникъ", опредѣляю
отшельника, удалившагося въ уединеніе. Такимъ именно молчальника
былъ Страбоновъ Замолксій, или,—какъ называетъ его иногда нашъ
водчикъ,—Зэмолксисъ.—Припомнимъ также, что Геродотовъ гетъ Салмо
весьма близокъ по созвучію съ этимъ Замолксіемъ и что въ рукопис
книгахъ Геродотовыхъ сказаній имя это изображается различно: Xal
Zamolxis. Zalmoxis.

При Страбонѣ геты исполняли еще предписаніе Пиѳагора, завѣщ
Замолксіемъ, о воздержаніи отъ мяса животныхъ (кн. VII, гл III,
296—300).

Отмѣтимъ, что Страбонъ, сообщая свѣдѣнія объ извѣстныхъ ему
рицателяхъ, каковы: Амфіарай, Трофоній, Орфей и Мусай, и причисл
нимъ Замолксія и Декайнея, объясняетъ: „таковы были: Моисей (вет
вѣтный пророкъ—законодатель) и преемники его, которые унаслѣдов
хорошее начало впослѣдствіи извратили (кн. XVI, гл. II, стр. 779)

Страбону извѣстна часть земли гетовъ, между Дунаемъ и Днѣст
подъ именемъ Гетской пустыни, по которой бродилъ Дарій, сынъ Гис
въ походѣ на скиѳовъ и Лизимахъ; послѣдній попалъ въ плѣнъ, изъ
раго освободилъ его самъ добродушный царь гетовъ, варваръ *Дромих*
(Кн. VII гл. III, стр. 307).

Племя гетовъ говоритъ тѣмъ же языкомъ, какъ и ѳракійцы; сов
никъ Страбона, *Боребиста*, царь ихъ, улучшилъ положеніе народа,
пострадавшаго отъ частыхъ войнъ; онъ на столько возвысилъ страну у
неніемъ въ трудѣ, воздержаніемъ отъ пьянства и повиновеніемъ зако
что она образовала сильное царство: большая часть сосѣдей подчин
гетамъ; даже для римлянъ Боребиста сдѣлался страшнымъ, когда онъ
перешелъ Дунай, опустошая Ѳракію до самой Македоніи и Иллиріи; кел
соединившихся съ ѳракійцами и иллирійцами, онъ разбилъ; *боевъ*, нах
шихся подъ предводительствомъ *Критасира*, а также *таврисковъ* у
жилъ въ конецъ. Боребиста, чтобы искоренить въ своей странѣ пья
заставилъ народъ вырубить виноградъ и жить безъ вина; подданн
исполнили это требованіе безпрекословно (тамъ же, стр. 306).

Даки. Геты занимали берега Дуная къ сторонѣ Чернаго моря, а по днему и верхнему теченію этой рѣки жили даки, сосѣди же сарматовъ. и говорили однимъ языкомъ съ гетами, стало быть и съ ѳракійцами; воевали съ кельтскими народами, боями и другими, погибшими въ войнахъ . X, гл. I, стр. 215; кн. VII, гл. III, стр. 307). Воинственные какъ и ы, они разбивъ боевъ и таврисковъ, заняли земли этихъ кельтовъ, а же часть страны иллирійцевъ; съ ѳракіянами жили въ мирѣ (кн. VII, V, стр. 316).

Певкины—насельники острова Певке, изъ племени бастарновъ, также ходятся недалекими сосѣдями сарматовъ. Островъ этотъ огромный, онъ положенъ близъ самого устья Дуная, или точнѣе, между его рукавами; омъ съ Певке много и другихъ острововъ. Дарій устроилъ мостъ на ке.

Язиги-Сарматы, тюригеты, басиліи и урги сидѣли раньше тоже берегамъ Дуная, а при Страбонѣ они занимали землю за пустынею ге- ь (кн. VII, гл. III, стр. 307 и 308).

Всѣ перечисленные, начиная съ певкиновъ, сосѣди сарматовъ, по на- у мнѣнію, ни что иное, какъ отдѣльные роды скиѳскаго племени; на- ія ихъ не болѣе какъ прозвища, заимствованныя древними или отъ ъ, или отъ мѣстностей. Будь это иногородцы среди скиѳовъ, Страбонъ редшествующіе ему писатели подмѣтили-бы въ нихъ какія-либо особен- черты нравовъ и обычаевъ.

Роксоланы. Этотъ народъ занималъ страну выше Буга, т. е. на пол- ь отъ этой рѣки; жилъ-ли кто еще дальше роксоланъ въ полночномъ на- вленіи, Страбонъ не знаетъ (кн. VII, гл. III, стр. 308); но изъ словъ , приведенныхъ выше, что роксоланы занимаютъ земли на полдень отъ лѣднихъ извѣстныхъ грекамъ обитателей области, лежащей выше Бри- ніи, съ которою и современники Страбона и его предшественники были таточно знакомы, слѣдуетъ заключить о противорѣчіи знаменитаго земле- исателя: выше Британіи жили, стало быть, люди, на полночь отъ кото- ъ лежала страна роксоланъ, и эти послѣдніе занимали не крайніе пре- ы обитаемой земли. Описывая страну, лежащую на западо-полночь отъ ая, Страбонъ говоритъ о рѣкахъ Рейнѣ и Альбіи, т. е. Эльбѣ и под- но перечисляетъ сидящіе по берегамъ ихъ народы и народцы—подъ об- ъ именемъ германцевъ, получившихъ таковое отъ римлянъ, потому что о „германцы“ на римскомъ языкѣ значитъ „родственные“; римляне хо- и этимъ словомъ обозначить родство германцевъ съ галатами (тамъ же, I, стр. 201), или галло-греками (кн. XII, гл. V, стр. 577); нѣкоторые изъ германскихъ народцевъ, каковы гермондоры и лангобарды, ушли въ ивоположную отъ Эльбы страну,—значитъ, еще далѣе на полночь къ оку (кн. II, VII, стр. 232). Въ числѣ рѣкъ, протекающихъ между Рей- ъ и Эльбою, а впадающихъ въ океанъ, Страбонъ называетъ Салу, близъ рой погибъ Друзъ Германикъ; на этой рѣкѣ, какъ и на прочихъ, вли- щихся въ океанъ, много острововъ (близъ устья?),—изъ которыхъ замѣ- льнымъ представился землеописателю Бурханій (тамъ же).

Бастарны Въ статьѣ о сарматахъ мы уже назвали этихъ обит
Скиѳіи. Отводя раксоланамъ всю обширную равнину между Бугомъ
номъ съ запада на востокъ и не зная, обитаетъ-ли кто на полночь о
собственно равнины (такъ, какъ кажется, нужно понимать, во избѣжа
заннаго противорѣчія, мысль Страбона), землеописатель вводитъ в
пейскую Скиѳію бастарновъ, граничившихъ съ тюригетами и германца
бастарны ему представляются одного племени и съ германцами; они
лялись на множество колѣнъ, каковы: бастарны атменскіе, сидонск
названные певкинскіе и пр. (тамъ же, стр. 308). Всѣ вообще рок
подъ предводительствомъ Тасія, воевали противъ полководцевъ Миѳр
Евпатора и несмотря на то, что вступили въ союзъ съ Палакомъ,
Скилура, выказали себя народомъ воинственнымъ; но противъ строй
хорошо вооруженныхъ полковъ всякое варварское войско оказывает
бымъ и слишкомъ легковооруженнымъ. Роксоланы, которыхъ было
войнѣ около пятидесяти тысячъ, не могли устоять противъ шести
выстроенныхъ правильно подъ предводительствомъ Діофанта, полковод
ридатова, и большая часть войскъ погибла. (Тамъ же). Палакъ бы
скиѳскаго царя Скилура, воевавшаго съ Миѳридатомъ (та же кн.
стр. 311). Легкая пѣхота роксоланъ имѣетъ шлемы изъ сырой б
кожи и панцыри (изъ той же кожи?); при наступленіи они дѣй
копьемъ, мечомъ и лукомъ. На роксоланъ походитъ въ этомъ отно
большая часть прочихъ сосѣднихъ народовъ, такихъ-же, какъ они
ковъ.

Германцы. Сосѣдями роксоланъ съ запада Страбонъ называет
уже замѣчено, германцевъ; народы, составляющіе населеніе страны
сятъ различные имена;—Страбонъ приводитъ ихъ, въ разныхъ
книги (см. Указатель Ѳ Г. Мищенко) двадцать шесть, не считая т
торые заселяли береговое пространство западнаго океана между Ре
Эльбою. Границами Германіи Страбонъ принимаетъ: страну кельтов
отъ Рейна и рѣку Эльбу. Германцы, по его мнѣнію, не многимъ отл
отъ галловъ,—собственно только большею дикостью, большею же р
и русымъ цвѣтомъ волосъ; чертами лица, нравами и образомъ жиз
вершенно тожественны съ кельтами. Хотя германцы и не кочевники,
легко переселяться съ мѣста на мѣсто, такъ какъ они ведутъ с
образъ жизни; земли не обработываютъ, большихъ запасовъ не дѣл
живутъ въ хижинахъ, заготовляютъ питаніе только на одинъ день;
номадамъ (скиѳамъ) средства къ жизни получаютъ отъ скотовод
время переселенія они, подобно кочевникамъ, сваливаютъ все свое
ство на повозки и вмѣстѣ со скотомъ направляются въ ту сторону
рая покажется имъ удобною. Германцы вѣроломны; ведя войны съ
нами и заключая договоры, они сряду же и нарушали ихъ, несм
клятвы и заложниковъ, такъ напримѣръ, херуски и ихъ поддан
смотря на данную Римлянамъ клятву, погубили три римскихъ легіона
съ вождемъ Квинтиліемъ Варомъ,—за что, впрочемъ, всѣ понесли
наказаніе и доставили молодому Германику блестящее торжество; въ

, послѣ войны, шествіи его участвовали самые знатные мужчины и ихъ, какъ плѣнные (кн. VII, гл. I, стр. 290—292).

Изъ всѣхъ германскихъ племенъ наиболѣе извѣстны Страбону кимвры; хъ нравамъ и обычаямъ можно судить и о прочихъ.

Кимвры. Страбонъ отводитъ имъ землю, какъ принадлежащимъ къ ицамъ, на полночь отъ Рейна и близъ западнаго океана (тамъ же 290 и 292); упомянутая рѣка Сала съ островомъ Бурханьимъ прихо- или въ самой землѣ ихъ, или невдалекѣ отъ нея. Кимвры—кочевники збойники; они совершали походы даже до тѣхъ мѣстностей, которыя ятся около Азовскаго моря, но когда именно это было, Страбонъ не няетъ, сказывая только, что отъ нихъ и Боспоръ былъ названъ Ким- скимъ, т. е. Кимврскимъ, такъ какъ эллины называли кимвровъ ким- цами. Извѣстіе это Страбонъ заимствуетъ изъ сказаній Посейдонія, ко- говоритъ, что кимвры нападали на землю боевъ (мы о нихъ упоми- , но были отброшены ими къ Дунаю (на правомъ берегу); отсюда ы спускались сперва къ галатамъ,—а оттуда направились къ гельве- (Швейцарія), народу богатому золотомъ и мирному, но увлеченному вою посредствомъ разбоевъ и обратившемуся, послѣ сближенія съ ким- и союза съ ними, тоже къ грабежамъ; вмѣстѣ съ кимврами гель- пошли на Италію, но были разбиты римлянами по ту и по сю сто- Альпъ.

Посейдоній и другіе повѣтствователи говорятъ о слѣдующемъ обычаѣ ровъ: женщины участвовали въ походахъ вмѣстѣ съ мужчинами; за слѣдовали жрицы-прорицательницы, сѣдовласыя, въ бѣлой одеждѣ, за- вающія свои полотняные плащи пряжками и подпоясанныя мѣднымъ емъ (поясомъ), съ голыми ногами; эти жрицы въ случаѣ захвата ныхъ бѣжали обыкновенно съ обнаженными мечами черезъ весь станъ ровъ на встрѣчу плѣнникамъ, на которыхъ надѣвали вѣнки и вели ихъ льшой мѣдной чашѣ; затѣмъ которая либо изъ жрицъ всходила на шеніе, становилась надъ сосудомъ, перерѣзывала плѣннику горло и ла трупъ на землю;—съ помощью крови, сливаемой въ чашу, она шала гаданія;—другія жрицы, умерщвлявшія подобно первой прочихъ иковъ, разрѣзали, во время ея гаданія, трупы ихъ и тоже гадали по енностямъ, предсказывая своимъ кимврамъ побѣду. Во время сраженія ы били въ кожи, натянутыя на ящикахъ повозокъ и производили та- образомъ ужасный шумъ (та же книга, гл. II, стр. 294—295).

Неизвѣстность Страбону предѣла страны роксолановъ въ западно-пол- мъ направленіи и знакомство его въ подробностяхъ съ народами при- тическими вызываетъ, если не необходимость, то во всякомъ случаѣ ность, для изысканій о насельникахъ страны Ильменской, ознакомле- о Страбоновыми народами, сидѣвшими на Атлантическомъ побережьи, Балтійскаго моря, обобщаемыми имъ въ имена белговъ, кельтовъ и овъ.

Белги, раздѣляющіеся на пятнадцать народцевъ, живутъ вдоль а между Рейномъ и Лигеромъ; они мужественнѣе всѣхъ сосѣдей и одни

только выдержали напоръ германскихъ кимвровъ и тевтоновъ. Среди
белговъ наиболѣе мужественны беллоаки, а потомъ свессіоны. Какъ
казательство многолюдства страны указываютъ предшественники на
нѣкогда белги выставляли до трехъ сотъ тысячъ человѣкъ, способны
сить оружіе. Они одѣваются въ короткіе плащи, отращиваютъ волосы,
требляютъ порты, кругомъ охватывающіе икры; вмѣсто хитоновъ
куртку съ рукавами, доходящую до половыхъ частей и таза. Зи
шерсть груба, но длиннорунна, изъ нея ткутъ мохнатые плащи, назыв
лайнами. Вооруженіе соотвѣтствуетъ росту: длинная сабля или
правомъ боку, большой щитъ, копье обыкновенное и *мадарій*, родъ
тельнаго копья; иные употребляютъ луки и пращи, а также древко,
жее на копье: оно пускается съ руки, а не изъ ремня, и летитъ
стрѣлы; употребляется преимущественно при охотѣ на птицъ. Больш
спятъ на землѣ,—а за ѣдою сидятъ на соломенныхъ подушкахъ.
пища молоко и всякаго рода мясо, преимущественно свинина, молодая
леная. Свиньи проводятъ ночь въ открытомъ полѣ; онѣ отличаются
силою и быстротою, и опасны не только незнакомымъ людямъ, но
камъ. Стада овецъ и свиней у белговъ такъ многочисленны, что изъ
ихъ доставляются въ большомъ количествѣ шерстяные плащи и со
не только въ Римъ, но и въ другія части Италіи. Жилища строятся
досокъ и хворосту, они велики, имѣютъ видъ полушара (купола) и
крываются толстою соломенною крышею. Управленіе страною принад
знатнымъ гражданамъ (аристократическое); однакожъ кельты (ихъ Ст
относитъ къ белгамъ древности или обратно) издавна избирали себѣ
годно одного князя, а на время войны народъ назначалъ одного же
водца. Обычай, въ силу котораго занятія распредѣлены между мужч
и женщинами, обратно эллинскому, свойственъ имъ наравнѣ съ м
другими варварами (кн. IV, гл. IV, стр. 196—198).

Въ дальнѣйшемъ изложеніи извѣстій о белгахъ Страбонъ отожеств
ихъ съ кельтами какъ по образу жизни вообще, такъ равно по разд
населенія на сословія и по обычаямъ (тамъ же, стр. 199). Поэтом
лишне сдѣлать нѣсколько выписокъ о кельтахъ.

Кельты.—„Я утверждаю“,—говоритъ Страбонъ—„согласно съ мн
древнихъ эллиновъ, что полуночные народы назывались однимъ им
скиѳовъ, или номадовъ, точно также, какъ и у Гомера, и что,—когд
крыты были западныя страны, для названія тамошнихъ народовъ у
блялись общія имена кельтовъ, иберовъ,—или же составныя кельт-иб
кельто-скиѳовъ“ (кн. I, гл. III, стр. 33). Затѣмъ Страбонъ приводит
ніе Ефора: „Если область неба и земли раздѣлить на четыре част
одна будетъ занята индійцами, другая—полуденная—эѳіопами, тре
западная, кельтами и четвертая, лежащая въ предѣлахъ вѣтра Борея—
ѳами“, при этомъ Ефоръ прибавляетъ (тоже слова Страбона) „что э
и скиѳія обширнѣе другихъ странъ: первая тянется отъ зимняго восто
запада, а скиѳія расположена противъ нея“ (тамъ же стр. 34). Въ др
мѣстѣ Страбонъ пишетъ: „Самая Британія по длинѣ почти равняется

, простирающейся подлѣ, имѣя не болѣе пяти тысячъ стадій длины
75 верстъ); Британія граничитъ съ оконечностями противолежащей
тики, къ западному берегу которой подходитъ такъ близко, что съ него
нъ противолежащій" (та же книга, гл. IV, стр. 62—63). Еще далѣе
ссылается на свѣдѣнія, сообщаемыя Гиппархомъ, который утверждаетъ,
около Борисѳена и въ Кельтикѣ въ продолженіи цѣлыхъ лѣтнихъ но-
сіяетъ солнечный свѣтъ, по направленію отъ запада къ востоку
II, гл. I, стр. 74).

Вѣроятно Гиппархъ называетъ Борисѳеномъ не Бугъ, какъ Страбонъ,
ѣпръ, согласно съ Геродотомъ, и знаетъ самыя дальныя верховья его,
въ нашемъ при-Ильменьи, заря лѣтомъ не гаснетъ всю ночь. Кельти-
онъ считаетъ, должно быть страну, полночная часть которой соотвѣт-
тъ нашей Финляндіи; такъ какъ извѣстно,—въ полночной части Бот-
скаго залива, солнце не заходитъ во время лѣтняго солнце-стоянія, три
Основываясь на свидѣтельствѣ Еѳора и Гиппарха, Страбонъ, очевидно,
авалъ белговъ за одинъ изъ народовъ Кельтики и обобщилъ образъ
и, порядки, нравы и обычаи тѣхъ и другихъ. Сдѣлавъ оговорку при-
едемъ выписки о кельтскихъ племенахъ.

У всѣхъ кельтскихъ племенъ особеннымъ почетомъ пользуются три
вія: барды, ваты и друиды;—первые—это пѣснопѣвцы (поэты);—ваты
лнители священнодѣйствій и знатоки природы, и друиды—естество-
татели и мудрецы, свѣдущіе въ наукахъ. Эти три сословія, или одни
ды—неясно выражено, почитаются справедливѣйшими людьми, потому
ввѣряются частныя и общественныя тяжбы; нѣкогда они мирили воюю-
ъ и останавливали готовыя къ нападенію войска; рѣшеніе дѣлъ объ
ствахъ поручалось преимущественно имъ же. Друиды и прочіе учатъ,
души и міръ не преходящи, но что въ будущемъ огонь и вода будутъ
ть преобладаніе во вселенной.

Къ простотѣ и раздражительности прибавляется у кельтскихъ племенъ
только белговъ?) въ большой мѣрѣ глупость, хвастливость и любовь
арядамъ; они носятъ золото: на шеѣ—ожерелья, на пальцахъ рукъ
ца, на запястьяхъ—обручи; лица должностныя украшаются пестрымъ,
итымъ золотомъ одѣяніемъ.

Въ собраніяхъ по общественнымъ дѣламъ у кельтовъ существуетъ свое-
ное правило:—если кто прерываетъ, или заглушаетъ своимъ крикомъ
зносящаго рѣчь, къ такому подходитъ блюститель порядка съ о да-
ымъ мечемъ и, угрожая имъ, велитъ замолчать; если разшумѣвшійся не
коивается, угроза повторяется еще и еще разъ,—а затѣмъ, если требо-
блюстителя все-таки не исполняется, онъ отрѣзываетъ отъ плаща кри-
такой кусокъ, что одежда эта уже ни на что не годится.

При легкомысліи кельтовъ они, какъ побѣдители, невыносимы для по-
енныхъ своимъ высокомѣріемъ; а будучи побѣжденными—жалки до са-
ничиженія. Къ глупости же Страбонъ относитъ варварскій и странный
ай, свойственный, впрочемъ, всѣмъ полуночнымъ народамъ, именно: воз-
дающіеся изъ похода, во время войны, вѣшаютъ головы убитыхъ не-

пріятелей на шеи лошадямъ, уносятъ въ свои дома и прибиваютъ въ
няхъ на показъ; головы знатныхъ воиновъ были смазываемы кедро
масломъ; ихъ обыкновенно показывали иностранцемъ и не уступали,
случаѣ желанія купить, даже за соотвѣтственный вѣсъ золота.

Жертвенный обрядъ кельтовъ состоялъ въ слѣдующемъ: человѣку,
значенному въ жертву богамъ, наносился ударъ ножемъ въ спину; по
дорогамъ умирающаго отъ такого удара производились гаданія друи
всегда присутствовавшими при подобномъ обрядѣ;—или—умерщвляли
ченнаго на жертву человѣка пущенною изъ лука стрѣлою,—или распя
въ храмахъ, или, наконецъ, сожигали бросая его живымъ въ огонь; по
товивъ для этого особаго вида кучу соломы, поджигали ее и кидали
пламя, вмѣстѣ съ людьми, домашній скотъ и различныхъ животныхъ.

Со словъ знатоковъ Страбонъ приводитъ еще нѣкоторыя свѣдѣнія
носительно обрядовъ, учрежденныхъ кельтскими народцами, въ завоси
отъ ихъ вѣрованій:—на Западномъ океанѣ, недалеко отъ берега, по
устьемъ рѣки Лигера, отъ котораго переправляются въ Британію, ле
маленькій островъ; на немъ живутъ жены самнитовъ, сидящихъ по
зости, на материкѣ; онъ посвященъ божеству Діонису, заимствованном
линами, по Геродоту, (см. Увазатель къ переводу Ѳ. Г. Мищенка)
египтянъ,—но кельты могли почитать его самостоятельно;—ни одинъ
чина не высаживается на островъ; женщины же переправляются на
рикъ только для сообщенія съ мужчинами, послѣ каковаго сряду же
возвращаются на свой островъ. Разъ въ годъ эти самниты снимаютъ кр
съ своего храма и покрываютъ новою въ тотъ же день, до захода со
крыша обыкновенно соломенная; количество необходимой для новой кр
соломы распредѣляется по-ровну между всѣми женщинами острова; то
нихъ, которая переплывая на материкъ, къ храму, выпуститъ свой
соломы,—разрывается прочими на части и куски ея тѣла обносятся
гомъ храма съ радостными криками, продолжающимися только тогда,
проходитъ вызываемое растерзаніемъ жертвы неистовство; каждый раз
возобновленіи крыши храма повторяются случаи, подвергающіе одну
женщинъ мученической смерти.—Есть на океанѣ (гдѣ именно неизвѣ
„заливъ двухъ вороновъ"; говорятъ, что тамъ появляются два ворон
правымъ бѣлымъ крыломъ каждый; тяжущіеся приходятъ къ этому з
(бухтѣ) и кладутъ на извѣстномъ возвышенномъ мѣстѣ доску; ка
кладетъ на нее принесенныя съ собою лепешки, замѣчая свое мѣсто;
летающіе вороны поѣдаютъ однѣ и разбрасываютъ другія; правымъ
нается тотъ, чьи лепешки разбросаны. Въ Кельтикѣ растетъ дерево,
жее на фиговое; надрѣзанный плодъ его выпускаетъ смертоносный ядъ,
требляемый для смазыванья стрѣлъ.—Говорятъ, что всѣ кельты охо
до ссоръ, и что между ними не считается стыдомъ для юноши, если
растрачиваетъ свои силы (половыя?). По свѣдѣніямъ, заимствуемымъ
бономъ у Ефора, кельты стараются не разжирѣть и не имѣть бол
живота; юноша, переступившій опредѣленную мѣру пояса, наказывает

Заканчивая главу о белгахъ и кельтахъ, Страбонъ поясняетъ, что все анное имъ о кельтахъ, относится къ тѣмъ только, которые живутъ у сторону альпъ, т. е. на полночь отъ этого горнаго хребта (кн. IV, IV, стр. 198—200; „объ устьѣ Лигера"—гл. IV, стр. 201).

Венеты, или **генеты**, или **енеты**. Эти созвучныя въ нашемъ говорѣ а пишутся у грековъ неодинаково; у Страбона—Οὐενετοι, Ἐνετοι, Ἐνετοι,— Геродота—Ἐνετοι. Разница въ написаніи вызвана, кажется, разбросан- ю этого одноименнаго, повидимому народа; по странамъ Европы, зна- ьно удаленнымъ одна отъ другой, такъ: Οὐενετοι—жили въ Бельгій- Галліи (въ нынѣшней Бельгіи) на Атлантическомъ побережьи, Ἐνετοι— и Галліи, а Ἐνετοι въ Италіи. Для нашей задачи преобладающее зна- имѣютъ бельгійскіе побережане; но выписки о нихъ только не дадутъ го, насколько возможно, представленія о племени, отождествляемомъ ственными нашими учеными съ славянами западной вѣтви,—поэтому демъ выписки о венетахъ, генетахъ и енетахъ—въ сжатомъ видѣ.

Нѣкоторые писатели древности, еще до Страбона, считаютъ венетовъ тическаго побережья выходцами племени кельтовъ и родоначальниками въ и генетовъ итальянскихъ и гальскихъ (кн. V, гл. I, стр. 214). ъ венетовъ Страбонъ причисляетъ къ белгамъ и говоритъ, что они сра- сь съ кесаремъ на морѣ, чтобы воспрепятствовать ему плыть въ Бри- , съ которою они вели торговлю; кесарь безъ труда уничтожилъ ко- и ихъ, не прибѣгая къ помощи проеверливающихъ носовъ своихъ ко- ей, потому что доски кораблей непріятельскихъ были очень толсты; но а венеты неслись на нихъ за вѣтромъ, римляне косами сорвали паруса. ивъ сильныхъ вѣтровъ венеты употребляютъ паруса кожаные, при- ляемые цѣпями (желѣзными?); суда ихъ плоскодонные (съ широкими ми), съ высоко поднимающимися носами и кормами, на случай отли- ; дѣлаются они изъ дубоваго лѣса, произрастающаго тамъ въ изобиліи; и не сбиваются плотно,—но между ними оставляются щели, которыя шпачиваются мхомъ, чтобы дерево, смачиваемое во время стоянки ко- ей, не высыхало, такъ какъ мохъ по природѣ влаженъ, а дубъ сухъ и ибокъ.

Самъ Страбонъ считаетъ венетовъ белгическихъ также, какъ и древніе сели, родоначальниками итальянскихъ, живущихъ по Адрію (Адріати- му морю), потому что и прочіе кельты въ Италіи почти всѣ перешли изъ-за Альпъ (съ полночной стороны ихъ). Впрочемъ,—говоритъ Стра- ,—благодаря одноименности съ генетами и енетами, ихъ считаютъ также агонцами (кн. IV, гл. IV, стр. 196).—Нравы и обычаи венетовъ тѣже, белговъ и кельтовъ, только что описанные.

Пафлагонцы жили въ нынѣшней Малой Азіи, занимая часть полуден- побережья Чернаго моря, между странами Понтомъ и Виѳиніею. Выво- е венетовъ оттуда принимаютъ за доказательство,—говоритъ Страбонъ,— ующія слова Гомера:—„Пафлагонцевъ велъ Пилайменей съ косматою ью, родомъ изъ енетовъ, откуда происходятъ непокорные мулы". Одни рили Страбону, что въ его время въ Пафлагоніи не было енетовъ, ука-

зывая однако-жъ на соименную имъ деревню; по увѣренію другихъ, к то племя, пограничное съ каппадокійцами, выступило въ походъ вмѣст киммерійцами и впослѣдствіи удалилось къ Адріи. Но по мнѣнію, наи распространенному, енеты составляли значительнѣйшее племя пафлагон изъ котораго происходилъ и тотъ Пилайменей Гомера, съ которымъ шинство енетовъ отправилось въ походъ во время Троянской войны; терявши вождя, послѣ разрушенія Трои, эти енеты проникли во Ѳра долго по ней блуждали, пока имъ не удалось добраться до совре Страбону Енетики.

Другіе писатели утверждаютъ, что въ странствованіи по Ѳракіи обще въ блужданіи енетовъ, участвовали Антеноръ и дѣти его (кн. гл. III, стр. 554), и Эней съ своими—отцемъ Анхизомъ и сыномъ ніемъ (кн. XIII, гл. I, стр. 621). Антеноръ и Эней были Троянскими рями, владѣвшими Дарданіей, близъ моря, въ Троадѣ (тамъ же стр.

Примѣчаніе. На русскомъ языкѣ изданы были переводы съ французскаго со Лантье «Антеноровы путешествія по Греціи и Азіи»—въ 1802 г.—въ Москвѣ, въ частяхъ, Петра Макарова и Григорія Яценкова—и въ 1803 г. въ СПБургѣ, въ частяхъ, А. Леванды. (См. Опытъ Россійской библіографіи Сопикова, СПБ. 1814 г., стр. 29).

О странствованіяхъ Энея говорятъ, что по разрушеніи Трои онъ соб отрядъ своихъ дружинниковъ, отплылъ съ ними отъ береговъ Троады, свидѣтельству однихъ писателей, поселился въ окрестностяхъ Македон Олимпа;—по сказаніямъ другихъ, Эней и товарищи его прибыли въ А дію и основали городъ Капую, давши свое имя странѣ, прилегавшей нему и образовавшей Капуанскую область;—наконецъ по свѣдѣніямъ общаемымъ третьими,—этотъ развѣнчанный царь высадился въ Сицил отсюда, спустя значительное время, переправился въ Лаціумъ, гдѣ и вался на всегда по повелѣнію оракула, подлѣ Лавинія. Сказанія о с ствованіяхъ Энея Страбонъ считаетъ баснями, несогласными съ Гомеро извѣстіями, по которымъ онъ, Эней, остался въ Троѣ, и когда прекра родъ Пріама, наслѣдовалъ власть его, передавъ ее и своему потомству (же, стр. 621).

О венетахъ галльскихъ, какъ принадлежащихъ къ племени кель населявшихъ всю Галлію, Страбонъ, не говоритъ въ особенности, а щаетъ ихъ нравы и обычаи съ галльскими или галатскими, такъ:—во племя воинственно, отважно и быстро рѣшается на битву, но вмѣст тѣмъ простодушно и не злобно. Будучи разгнѣваны, люди этого пле толпами бѣгутъ въ битву, открыто, безъ предосторожностей, такъ что съумѣетъ ихъ перехитрить, напримѣръ засадою, тотъ и одолѣетъ; с только подстрекнуть этихъ людей когда-бы и гдѣ-бы ни было, подъ к угодно предлогомъ, они готовы во всякомъ случаѣ встрѣтить опасность, бы не имѣли для поддержки въ борьбѣ ничего, кромѣ собственной сил отваги. Всякаго изъ нихъ легко склонить къ полезному, къ образова къ наукѣ. Кельтско-галльское племя сильно своею многочисленностью, члены отличаются, къ тому же, высокимъ ростомъ. Благодаря чистоте

рямотѣ нрава они любятъ собираться толпами; между тѣмъ близкіе между ою, въ силу общей обидчивости, постоянно ссорятся изъ-за пустяковъ . IV, гл. IV, стр. 197).

О венетахъ итальянскихъ говорятъ, что они имѣли самый тщательный одъ за лошадьми, что и приводится какъ доказательство пафлагонскаго исхожденія ихъ. Давая это извѣстіе, Страбонъ поясняетъ: „Теперь такой бенный уходъ за лошадьми исчезъ между венетами совершенно, а прежде ѣлъ обширное примѣненіе, по необыкновенной любви ихъ къ кобылицамъ— амъ. Впослѣдствіи сицилійскій тиранъ Діонисій устроилъ заводъ привоз- ъ лошадей ихъ венетской породы, такъ что у еллиновъ вошло въ славу етское воспитаніе лошадей; порода эта долго сохраняла за собою весьма окую цѣну (кн. V, гл. I; стр. 214 и 215) —Земля венетовъ итальян- хъ покрыта рѣками и болотами; кромѣ того она подвергается еще дѣй- ю моря; это почти единственныя части моря, которыя Страбонъ назы- ъ „нашимъ“ т. е. греческимъ, подвергающіяся, подобно океану, прили- ъ и отливамъ; большая часть при-адріатической равнины въ землѣ ве- овъ занята морскими болотами; она, подобно такъ называемому нижнему ніту, изрѣзана искусственными водостоками и насыпями, съ помощью орыхъ нѣкоторыя мѣста обращены въ земледѣльческія, а другія служатъ судоходства. (Тамъ-же, стр. 215).

Сдѣлавъ выписки о белгахъ, кельтахъ и венетахъ, съ которыми могли лкиваться въ большей или меньшей мѣрѣ роксоланы, приведемъ нѣко- ыя извѣстія Страбона о свевахъ и британцахъ, какъ племенахъ кельти- скихъ, и норикахъ—совсѣмъ другого племени—склонныхъ къ переселеніямъ потому вѣроятно соприкасавшихся на западной окраинѣ земель роксоланъ ними и съ прочими насельниками Ильменской страны,—во время пере- евокъ съ одного мѣста на другое.

Свевы. Горный хребетъ, слѣдующій непосредственно за Альпами на стокъ, извѣстенъ Страбону какъ Геркинскій лѣсъ; онъ тянется вдоль пра- го берега Рейна и тамъ, гдѣ лежатъ источники Дуная (кн. IV, гл. VI, р. 209). По восточнымъ склонамъ этого хребта, собственно въ Геркин- мъ лѣсу, обитаютъ различныя племена свевовъ; изъ нихъ куадамъ при- лежитъ городъ Біуэмъ, мѣстопребываніе царя *Маробода*, переселившаго а, предъ Страбоновымъ временемъ, различныхъ народцевъ, между про- ъ и своихъ соплеменниковъ, *маркоманновъ*. Этотъ царь покорилъ огром- племя луговъ, зумовъ, бутоновъ, мугилоновъ, сибиновъ и семноновъ— огочисленное свевское племя. Кромѣ поселившихся въ самомъ Геркинскомъ у есть еще вѣтви свевовъ, живущія внѣ его, въ сосѣдствѣ съ гетами. бще свевы—чрезвычайно огромное племя: область ихъ тянется отъ Рейна Эльбы, а нѣкоторые народцы того же племени занимаютъ земли и за бою.—На полдень отъ Геркинскаго лежитъ другой огромный лѣсъ Габрета, нятый также свевами, и прилегающій къ отрогамъ того же хребта, на- авляющимся въ Италію.

Изъ народовъ, заселяющихъ восточные и полуденные склоны хреб
къ сторонѣ Италіи и венетамъ наиболѣе распространенные были: ке
лигіи, реты, веннонъ и салассы. (Кн IV, гл. VI, стр. 204—2

Британцы. Писавшіе до Страбона и онъ знали только полуденную
нынѣшней Англіи. По ихъ свѣдѣніямъ большая часть острова представл
равнину, покрытую лѣсомъ; но есть тамъ много и холмистыхъ мѣстно
Британія противолежитъ Кельтикѣ Атлантическаго побережья. Островъ
ставляетъ материку: хлѣбъ, рогатый скотъ, золото, серебро и камни.
меты эти, равно кожи, невольницы и охотничьи собаки—вывозятся
Кельтику: британскія собаки и кельтическія употребляются во время во

Жители острова выше кельтовъ ростомъ, менѣе бѣлокуры и б
вялы въ движеніяхъ и во всемъ. Свидѣтельствомъ ихъ рослости, гово
Страбонъ, можетъ служить слѣдующее: „въ Римѣ я видѣлъ британс
юношей, которые имѣли ростъ полуфутомъ болѣе самыхъ высокихъ та
нихъ мужчинъ; но за то они косолапы и вообще сложены дурно. Н
ихъ похожи отчасти на кельтскіе, или же еще проще и грубѣе. Нѣкот
имѣютъ молоко въ изобиліи, но не умѣютъ приготовить сыръ; не свѣ
въ садоводствѣ—и мало-свѣдущи въ земледѣліи. Правительство существ
у нихъ только для войны, во время которой употребляются, какъ и у
товъ, боевыя колесницы.—Города ихъ—лѣса, именно: они окружаютъ
шое пространство срубленными деревьями; тамъ строятъ для себя хиж
а для скота стойла,—но не надолго. Что касается погоды—у нихъ д
идутъ чаще, чѣмъ снѣгъ; даже въ ясные дни туманъ держится такъ д
что за цѣлыя сутки солнце видно только три, или четыре часа попол
Тоже самое наблюдается у *мориновъ* и у всѣхъ ихъ сосѣдей.

Кесарь дважды переправлялся на Британскій островъ, но скоро
вращался безъ большихъ успѣховъ, не проникнувъ въ глубь страны, ч
потому, что въ Кельтикѣ вспыхивали возстанія варваровъ и его собс
ныхъ солдатъ, а частью еще и потому, что многіе корабли его погибл
усиленія приливовъ и отливовъ. Впрочемъ Кесарь одержалъ двѣ или
побѣды надъ британцами, хотя перевелъ на островъ всего два отряда
его войска, и увелъ съ собою на материкъ множество заложниковъ, р
и разной добычи. Нѣкоторые тамошніе державцы пріобрѣли дружбу к
Августа посольствами и многими услугами; они посвятили въ капи
нѣкоторые свои предметы и расположили почти весь островъ въ по
римлянъ. Британцы взимаютъ небольшую пошлину съ товаровъ, какъ
возимыхъ съ острова въ Кельтику, такъ и ввозимыхъ оттуда въ ст
ихъ. Предметы вывоза: запястья *изъ слоновой кости*, ожерелья, турмал
стеклянная посуда и другіе мелкіе.

Около Британіи нѣсколько незначительныхъ острововъ и одинъ боль
Гіерна, обращенный къ полночной сторонѣ и простирающійся въ длину б
чѣмъ въ ширину. О немъ Страбону неизвѣстно ничего положительнаго, к
того только, что жители этого острова болѣе дики, чѣмъ британцы:
ѣдятъ человѣческое мясо и прожорливы; жрать какъ можно больше и отк
сообщаться со всѣми женщинами безъ разбора, исключая матерей и

ръ, считается у нихъ похвальнымъ дѣломъ. „Впрочемъ, замѣчаетъ Страбонъ—относительно всего этого мы не имѣемъ достойныхъ свидѣтелей, хотя людоѣдство свойственно также скиѳамъ, равно какъ—во время осады. въ случаѣ крайней нужды,—кельтамъ, иберамъ и многимъ другимъ.

Страбону извѣстенъ другой, относимый имъ къ Британіи, островъ—Ѳула, лежащій полуночнѣе всѣхъ странъ, но извѣстенъ по словамъ писателя Пиѳея, которому онъ невѣритъ, хотя признаетъ, что этотъ Пиѳея сдѣлалъ правильныя наблюденія о небесныхъ явленіяхъ въ мѣстностяхъ, близкихъ къ холодному полюсу. При скудости свѣдѣній объ этомъ островѣ, земописатель сообщаетъ однакожъ нѣкоторыя, такъ:—домашнихъ животныхъ весь или вовсе нѣтъ, или очень мало, такъ что населеніе питается проломъ и огородными овощами, а также дикими плодами и кореньями; а гдѣ есть хлѣбъ и медъ, тамъ приготовляется изъ нихъ питье. Солнечныхъ дней въ Ѳулѣ не бываетъ; хлѣбъ молотятъ въ большихъ строеніяхъ, предварительно снесши туда колосья; открытый токъ неупотребляется по недостатку солнца и обилію дождей.

Морины. Въ числѣ народовъ, живущихъ по Атлантическому побережью, Страбонъ называетъ мориновъ, имѣющихъ корабельную стоянку *Итей*. Тѣ направляющіеся въ Британію изъ Рейнскихъ земель начинаютъ морскую переправу отъ этой стоянки; отсюда отплылъ и Кесарь; онъ снялся съ якоря у Итіи ночью, а на Британскій островъ прибылъ на другой день въ четвертомъ часу, сдѣлавъ путь въ 320 стадій=54 версты. Въ землѣ мориновъ—сплошной, невысокій лѣсъ, называемый *Ардуена*, разстилающійся далеко въ материкъ, по утвержденію нѣкоторыхъ повѣствователей, на четыре тысячи стадій=семьсотъ верстъ; въ вѣрности этого протяженія Страбонъ сомнѣвается. Во время нападенія враговъ жители сплетали колючія вѣтви кустарниковъ, закрывая такимъ образомъ доступъ врагу, а въ иныхъ мѣстахъ вбивали колья; сами они скрывались со всѣмъ домашнимъ имуществомъ въ чащѣ лѣсовъ, гдѣ, среди болотъ, были маленькіе острова; въ дождливую пору морины находили тутъ надежное убѣжище,—а въ сухую легко попадали въ руки враговъ. (О Британіи и ея островахъ—кн. IV, гл. V, стр. 201—203;—о моринахъ—той-же книги гл. III, стр. 184—195; стр. 201, гл. V).

Норики. Этотъ народъ занималъ страну Альпійскую, гдѣ она склоняется къ Италіи; сосѣдями нориковъ были ретійцы,—ближайшими, а также вальты, гельветы и винделики. Близь страны ихъ находился упомянутый Ѳкинскій лѣсъ.—Нѣкоторыя племена нориковъ жили близь угла Адріатическаго моря, каковы карны и тавриски. Во времена Страбона норики и другія альпійскія племена дѣлали часто буйные набѣги на Италію, укрываясь отъ преслѣдованій въ горахъ, среди которыхъ они бродили и разбойничали, щадя при этомъ обитателей сосѣднихъ равнинъ, чтобы имѣть въ нихъ своихъ поставщиковъ жизненныхъ припасовъ; сосѣдямъ они давали соду, варъ, сосновое дерево, воскъ, медъ и сыръ; эти предметы были въ изобиліи у разбойничьихъ нориковъ, земля же ихъ, по вершинамъ горъ, такъ скудная вообще, не годится для обработыванія, особенно по причинѣ

большихъ морозовъ. (Кн. IV, гл. VI, стр. 208—209; кн. VII, г
стр. 293).

Норики небыли сосѣдями раксолановъ, замѣтку о нихъ мы пр
потому, что это племя причисляется, какъ увидимъ, начальною русско
тописью къ славянамъ,

Не встрѣчая у Страбона, кромѣ приведенныхъ, еще другихъ свѣд
относящихся къ нашему предмету прямо, перейдемъ къ выпискамъ о
менахъ, признаваемыхъ Геродотомъ сосѣдями его Скиѳіи. Страбонъ гово
только о неврахъ и аримаспахъ—о первыхъ нѣсколько подробно, а о
слѣднихъ вскользь, попутно; о прочихъ же, каковы,—за исключеніемъ
санныхъ выше,—*андросфаги, агафирсы, меланхлены, будины, гелоны,*
саѳеты, іирки, аргиппаи—совсѣмъ неупоминаетъ.

Замѣтимъ по этому поводу, что Страбонъ относится къ повѣст
ніямъ Геродота недовѣрчиво; по его словамъ „скорѣе можно повѣрить ге
ческимъ поэтамъ Гезіоду и Гомеру, или трагикамъ, нежели Ктезіи, Геро
Гелланику и другимъ подобнымъ". Болѣе всѣхъ недовѣріе нашего земле
сателя обрушивается на свидѣтельства о дали походовъ Александра М
донскаго, подсказываемой писателямъ современникамъ великаго государя
ливостью и лестію. (Кн. XI, гл. V, стр. 516).

Сомнѣніемъ-ли въ правдивости Геродотовыхъ извѣстій нужно объяс
молчаніе Страбона о его сосѣдяхъ Скиѳіи, или неимѣніемъ подъ рукам
стовѣрныхъ свѣдѣній, или, наконецъ—то откочеваніемъ въ глубь по
ныхъ странъ,—то поглощеніемъ Геродотовыхъ именъ завоевателями,
шавшимися съ побѣжденными племенами,—мы тѣмъ не менѣе считаем
безполезнымъ высказать наши догадки по этому вопросу по возможн
о каждомъ изъ племенъ Геродотовыхъ сосѣдей Скиѳіи.

Невры. Страбонъ незнаетъ невровъ, но говоритъ о *нервіахъ*, котор
отводитъ землю по правому берегу Рейна,—въ Галліи его времени. Из
скиданныхъ племенъ, сидѣвшихъ на правомъ берегу названной рѣки, в
что невріи занимали страну близь устья Рейна. Вотъ слова землеописа
указывающія на положеніе земли нервіевъ: Первые обитатели прирейн
страны, считая отъ истока рѣки—гельветіи; за ними вдоль Рейна, в
по теченію, живутъ секваны и медіоматрикіи: затѣмъ тревиры, въ з
которыхъ римляне, ведущіе борьбу съ германцами, построили теперь мост
за рѣкой противъ этой страны жили убіи; съ тревирами граничатъ не
на самомъ краю живутъ менапіи, близко отъ устьевъ, по обѣимъ сторо
рѣки. Подлѣ нихъ сидятъ сугамбры. Страна по ту сторону (по правую?)
рѣчной области Рейна занята тѣми германцами, которые называются
бами, (свевами), и которые превосходятъ всѣхъ могуществомъ и м
численностью.

Если римляне перекинули во время войны съ германцами 1 мост
землѣ тревировъ, значитъ они занимали оба берега рѣки, какъ и земл
напіевъ; нарвіевъ Страбонъ причисляетъ къ германцамъ, страна кото
лежитъ за правымъ берегомъ Рейна и его притоками.

Названные морины приходятся если не рядомъ съ нервіями, то въ не-лекомъ отъ нихъ разстояніи, такъ какъ Страбонъ селитъ подлѣ мориновъ емя менапіевъ, сидѣвшіе, какъ и они, по Антлантическому океану, а нервіи нимали землю между тревирами и менапіями. Страна менапіевъ, равно и рвіевъ, покрыта болотами и лѣсами, хотя невысокими, но густыми, похо-ими на терновые кустарники.

Образъ жизни нервіевъ сходенъ, должно быть съ тѣмъ, который описанъ рабономъ въ его извѣстіяхъ о моринахъ. (Кн. IV, гл. III, стр. 194—195).

Андрофаги—неизвѣстны Страбому подъ этимъ именемъ; но если ра-лѣть подъ ними мужесъѣдателей, а не племя Геродотово, то таковыми дутъ упомянутые прикавказскіе и прикаспійскіе народы, съѣдающіе муж-ъ, убиваемыхъ ими послѣ семидесятилѣтняго возраста.

Меланхлены также неизвѣстны землеописателю нашему; вѣроятно ихъ, вно какъ *будиновъ* и *гелоновъ* Геродота, онъ считаетъ роксоланами вообще.

Но Страбонъ знаетъ скиѳское племя геловъ, о которомъ мы го-рили, и *гелловъ*, а также городъ и деревню съ именемъ *Гелъ*, наконецъ ъ упоминаетъ два раза о *Гелонѣ*, тиранѣ Сиракузскомъ, но всѣ эти со-учные въ русскомъ говорѣ имена, пишутся у грековъ неодинаково: ѳское племя—Γῆλαι;—Геллы—Ἕλλοι;—Гелъ —городъ и деревня Ἕλλος; но только имя тирана Сорокузскаго сходно, за исключеніемъ окончаній— народахъ Геродота; первые—Γελῶν,—а народъ и городъ его—Γελῶνοῖ, Γέλων, то съ удареніемъ не на тѣхъ же вездѣ слогахъ. Имя средняго сына, жденнаго дѣвушкою—змѣею отъ Геракла (см. выше) одинаково, по звуко-ымъ знакамъ, съ Гельномъ Сиракузскимъ, но удареніе стоитъ въ одномъ учаѣ надъ первымъ слогомъ, а въ другомъ—надъ послѣднимъ.—Такимъ разомъ совершенно одинаковыя начертанія употреблены только для именъ: ына Геракла и города въ землѣ Геродотовыхъ будиновъ. (Геродотъ, кн. IV, р. 302 и 344;—Страбонъ;—въ указателѣ стр. LXXXI),

Если будины Геродотовы—послѣдователи буддійскаго вѣроученія, обнов-наго около его времени царевичемъ Ситхартою они, во время Страбона, вшаго лѣтъ четыреста спустя послѣ Ситхарты; могли получить и среди ковъ и среди скиѳовъ различныя имена даже и по вѣроученію, въ зависи-сти отъ новшествъ, заимствованныхъ въ этомъ отношеніи отъ иновѣрныхъ сѣдей.

Припомнимъ наружность Геродотовыхъ будиновъ и родственныхъ гала-мъ кельто-германцевъ, въ числѣ которыхъ, по Страбону, были нервіи,-рины и другіе; какъ будины, такъ и кельты—германцы одинаково бѣло-ры.

По объясненію Геродота меланхлены получили свое имя отъ обыкновенія сить черную одежду. Какъ невызывавшееся въ теченіи четырехъ вѣковъ послѣ родота исключительностью обстоятельствъ временъ предшествовавшихъ, на-примѣръ, перерожденіемъ черныхъ овецъ въ бѣлыхъ или сѣрыхъ, обыкно-ніе это могло исчезнуть последовательно и незамѣтно, а вмѣстѣ съ нимъ гло забыться и прозваніе. (Геродотъ, кн. IV, стр. 344).

Агафирсы произошли, по Геродоту, отъ старшаго сына Геракла и вушки—змѣи. Изслѣдователи отводятъ имъ землю въ нынѣшней Трансильв въ странѣ Страбоновыхъ даковъ—на востокъ, а венетовъ и нориковъ на падъ, между Чернымъ и Адріатическимъ морями; слѣдовательно поз тельно видѣть между этими тремя племенами, или народцами, кровное ро по происхожденію отъ общаго родоначалія.

Ѳиссагеты и гирки, признаваемые за народцевъ чудскаго пле жили такъ говорятъ ученые на востоко-полночь отъ Волги и Камы,— слиться со скиѳами и массагетами.

Аргицпаи или плѣшивые—предположительно степняки при-Уральск какую часть подножія этого огромнаго въ длину хребта, они занимали не новлено изслѣдователями; есть мнѣнія, что они сидѣли по восточному побер и верховьямъ рѣки Урала, гдѣ Страбонъ селитъ саковъ же и массагет

Аримаспы. Страбонъ полагаетъ, что древніе греческіе повѣствов заимствовали сказанія объ одноглазыхъ киклопахъ изъ сказаній о ск Аристея Проконисскій первый объявилъ о нѣкіихъ аримаспахъ Скиѳіи замѣтокъ нашего землеописателя въ разныхъ мѣстахъ его книги вых что киклопы нѣкогда господствовали около Этны и Леонтины. (Кн. I, стр. 20 и 21);—а затѣмъ ихъ видѣли греческіе войны ходившіе на казъ, въ области рѣки Куры, въ Албаніи. (Кн. XI, гл. IV, стр. 51 Навпліи находятся многія пещеры съ длинными, причудливо извили проходами (лабиринты), считаемые за сооруженіе киклоповъ. (Кн. VIII, стр. 384). Гомеръ представляетъ киклоповъ первыми основателями житія; они селились въ глубокихъ пещерахъ на вершинахъ горъ и лись дикими плодами; „у нихъ растетъ все безъ посѣва и плуга; ни пл для собранія, ни постановленій—не имѣютъ; всякій управляетъ дѣтьми и женою. (Одиссея, гл. IX. ст. 112)". Приводя эти мѣста и мера Страбонъ сопоставляетъ сущность ихъ съ свѣдѣніями изъ Плат книги законовъ. По мнѣнію этого мудреца древности „послѣ наводнені никовыхъ временъ?); возникаютъ, послѣдовательно, три вида обще первый—на вершинахъ горъ, жизнь простая, дикая; люди боятся во крывающей равнины:—второй—на горныхъ склонахъ; страхъ уже п великъ;—наконецъ третій—на равнинахъ. Можно-бы сказать, о четве пятомъ и дальнѣйшихъ видахъ, изъ которыхъ самый послѣдній, когда воды изчезъ, на побережьяхъ, островахъ. Бытъ киклоповъ—первы общежитія. (Страбонъ, кн. XIII, гл. I, стр. 604).

Древніе еллинскіе писатели,—по заключенію Страбона, называ полуночные народы общимъ именемъ скиѳовъ и кельто-скиѳовъ, но нихъ, которые стали первыми различать эти народы по частямъ, на насельниковъ земель, лежащихъ выше Дуная, Чернаго и Адріатическ рей, гиперборeями, савроматами и аримаспами. (Кн. XI, гл. VI, стр; 516-

Такимъ образомъ, по свѣдѣніямъ Страбона и болѣе давнихъ пис киклопы,—они же и аримаспы, жили гдѣ-то на полночи Европы, въ грифовъ и по сосѣдству съ исседонами (за Уральскимъ хребтомъ тѣмъ на склонахъ Кавказскихъ горъ и наконецъ въ Сициліи.

Сверхъ выписокъ о скиѳахъ и ихъ сосѣдяхъ, мы приводимъ нѣсколько дѣльныхъ извѣстій изъ Страбона, имѣющихъ прямую связь съ изложенными казаніями и могущихъ быть пригодными въ изысканіяхъ о странѣ Ильской и ея населеніи.

Въ своемъ мѣстѣ приведены выписки библейскихъ извѣстій о скиѳахъ, давшихъ набѣги на Палестину; Страбону извѣстенъ городъ *Скиѳополь* находившійся подлѣ Галилеи. (Кн. XVI, т. II, стр. 779); онъ знаетъ селеніе *Кромны* или *Кромну*, κρωμνα; находившееся въ Пафлагоніи, и составлявшее часть ея города Амастрія (кн XV, гл. III, стр. 559).

Кромны—расположены были подлѣ рѣки Парѳенія, въ странѣ кавконовъ; Пафлагонія занимала полуденно-восточную часть Черноморскаго прибрежья, между небольшими землями биѳиновъ—къ западу, галатовъ—кимміанъ къ востоку; за этою землею слѣдовала западная Каппадокія. Нѣкоторые извѣстные Страбону писатели говорятъ, что между Биѳиніею и Пафлагоніею сидѣли кавконы, а отъ пафлагоновъ на востокъ къ каппадокійцамъ вышеозначенные енеты.—Объ этихъ кавконахъ предшественники Страбона называютъ различно: по мнѣнію однихъ—они скиѳы,—другихъ—македоняне—третьихъ—пеласги. Въ Страбоново время жила подлѣ рѣки Парѳены часть кавконитовъ. (Тамъ-же, стр. 553—555).

Недалеко отъ кавконовъ, въ Биѳиніи, около нынѣшняго Константинопольскаго пролива, къ востоку отъ него, былъ при Страбонѣ городъ *Пруса*, основанный во времена Кира,—называвшійся задолго до Страбона Кіемъ. Тотъ Кій разрушенъ Филиппомъ, сыномъ Деметрія и отцемъ Персея; онъ подарилъ мѣсто Прусы, сыну Зелы. Жители тамошней земли повѣствуютъ, что нѣкто Зела, одинъ изъ спутниковъ Геракла, плывшій вмѣстѣ съ нимъ на кораблѣ Арго, вышелъ на берегъ къ источнику и былъ похищенъ нимфами, а другой спутникъ Геракла, плывшій съ нимъ изъ Колхиды, *Кій*, остался здѣсь, и основалъ городъ, названный его именемъ. И теперь еще житателями Прусіи совершается, говоритъ Страбонъ, празднество соединяемое съ блужданіемъ по горамъ (въ память Зелы?), причемъ устраиваются торжественныя хожденія и вызывается Зела; какъ-бы для отысканія его, хотя при этомъ по окрестнымъ лѣсамъ. (Кн. XII, гл. IV, стр. 573 и 584).

Не лишены большаго значенія повѣствованія Страбона о знаменитыхъ скиѳахъ: Анахарзисѣ и Иданѳирсѣ.

Анахарзисъ извѣстенъ Геродоту (см. выше); этотъ скиѳъ—номадъ включенъ въ число семи мудрецовъ древности; онъ, равно какъ Абарисъ и нѣкоторые другіе скиѳы пользовались у грековъ большимъ почетомъ. Эфоръ говоритъ, называя Анахарзиса мудрымъ, что онъ причисленъ къ семи мудрецамъ за строгую воздержность и разумъ; ему приписывается изобрѣтеніе вращаго трута, двулапаго якоря и гончарнаго круга. Но Страбонъ знаетъ, что послѣднее изобрѣтеніе сдѣлано раньше Анахарзиса, такъ какъ о немъ говорилъ еще Гомеръ (кн. VII, гл. III, стр. 303 и 305). Анахарзисъ сообщаетъ о своей странѣ, что въ ней нѣтъ приспособленій для благозвучной забавы, въ родѣ, напримѣръ флейты, а употребляютъ только бубны, кимвалы и трещотки (кн. V, гл. I, стр. 710.

Иданѳирсъ—скиѳъ вторгался въ Азію и проникалъ до Егип (Тамъ же, стр. 703).

Геродотъ также знаетъ Иданѳирса, но какъ племянника Анахарзиса современнаго Дарію царя скиѳовъ (Герод. кн. IV, ст. 76, 120 и др. п ведены выше); о томъ, чтобы скиѳы проникали до Египта Геродотъ не воритъ, но ему извѣстна встрѣча съ ними египетскаго царя Псаммет въ Палестинской Сиріи около 635 лѣтъ до Р. Х., во время преслѣдов киммеріанъ (кн. I, ст. 105—тоже приведено выше).

Таковы сказанія Страбона о насельникахъ земли, на которой появ впослѣдствіи славяно-русскій народъ, въ общихъ чертахъ; есть у пер другія, особенныя, столько же какъ и приведенныя, имѣющія значеніе народовѣдѣнія и для изысканій объ ильменцахъ; эти особенныя сказ землеописатель заимствуетъ изъ письменныхъ свѣдѣній древнихъ пѣсно цевъ и мудрецовъ, каковы Гомеръ, Платонъ и др.; всѣ древніе повѣсть тели восхваляютъ честность, благородство и простоту образа жизни об телей странъ, составляющихъ нынѣ русскую землю, скиѳовъ номад „самыхъ счастливыхъ людей".

Страбонъ приводитъ по этому случаю слова Платона изъ книги о сударственномъ управленіи,—„что моря, какъ виновника золъ, нужно бѣгать, потому что *народы, которые имѣютъ хорошее управленіе, жив не при морѣ*, уходя отъ него какъ можно дальше", и поясняетъ м мудреца, указывая на скиѳовъ. „Мы считаемъ,—говоритъ землеописател скиѳовъ очень простодушными, не коварными, гораздо больше насъ бе ливыми и довольными своимъ положеніемъ. Вообще надо сказать, что образъ жизни внесъ въ среду всѣхъ народовъ измѣненіе къ худшему, учивъ къ роскоши, удовольствіямъ и ко множеству нечестныхъ всякаго средствъ къ обогащенію; порча эта проникла къ различнымъ варвар между прочимъ и къ номадамъ; со времени знакомства съ моремъ они лались все хуже и хуже, занимались разбоями и убивали путешестве ковъ; если они вступаютъ въ сношенія съ иностранцами, то перенимп лишь роскошь и торгашескую хитрость, послѣдствіемъ которыхъ явл изнѣженность, развращающая нравы и вводящая вмѣсто былого пр душія—коварство (кн. VII, гл. II, стр. 300—305).

Особенно выдающіеся современники скиѳовъ Страбона.

Приведенными выписками исчерпываются нужныя для настоящ писки извѣстія Страбона о скиѳахъ и ихъ сосѣдяхъ,—дѣйствительн или только нами предполагаемыхъ, по землямъ въ Азіи срединной и каспійской и въ Европѣ—западной, полночной и восточной. Затѣмъ п демъ къ особенно выдающимся, современникамъ скиѳскаго народа.

а) Африканскіе.

Изъ африканскихъ современниковъ скиѳовъ остановимся на карѳагеня-хъ, эфіопахъ, египтянахъ, маврусіяхъ и ихъ сосѣдяхъ.

Карѳагеняне. Къ Страбонову времени древній городъ Карѳагенъ, —по другому чтенію—Кархедонъ (Καρχηδών)—былъ уже разрушенъ и дѣнія его почти всѣ завоеваны окончательно римлянами около 146 г. до Х.; но онъ сообщаетъ весьма много свѣдѣній о цвѣтущемъ состояніи ны до ея паденія и о завоеваніяхъ карѳагенянъ въ полуденной Европѣ, мущественно въ Иберіи (это Испанія), на островахъ: Сицилій, Корсикѣ ардиніи и на Аппенинскомъ полуостровѣ (ср. Указатель подъ соотвѣт-ющими именами) Кромѣ завоеванной карѳагенянами Страбонъ знаетъ ую Иберію на Кавказѣ, рядомъ съ Колхидою: о ней уже сказано. При ни Страбона древній Карѳагенъ возстановленъ изъ развалинъ „божествен-ъ кесаремъ" отправившимъ туда знатныхъ римлянъ и отрядъ войска; о этотъ новый Карѳагенъ (Кархедонъ) оказался заселеннымъ лучше аго другого города Либіи (кн. XVII, гл. II, стр. 850).

При разрушеніи древнаго Карѳагена римляне срыли всѣ ближайшіе къ у города и въ числѣ ихъ *Неаполь*, стоявшій на африканскомъ берегу хедонскаго залива Средиземнаго моря; онъ сооруженъ былъ карѳагенянами.

Въ выпискахъ изъ Геродота замѣчено, что Карѳагенъ и нынѣ суще-ующій Неаполь—значитъ по русски новый городъ, и что Неаполей было, Страбоновымъ извѣстіямъ, много. Здѣсь приведемъ эти извѣстія: а) Неа-ь—у Стримонскаго залива Эгейскаго моря (Архипелагъ) въ полночномъ ережьи, на правомъ берегу рѣки Стримона, въ Македоніи,—въ странѣ новъ (прилож. къ VII кн., 32 и 36 отрывки Страбоновой рукописи, 339 и 341); б) Неаполь—въ Крыму, построенный Скиѳскимъ царемъ луромъ и его сыновьями; онъ составлялъ укрѣпленіе, служившее опло-ь въ борьбѣ съ полководцами Миѳридата, Боспорскаго царя. Невдалекѣ Неаполя были и другіе укрѣпленные города. Чтобы овладѣть ими, пол-дцы Миѳридата,—осаждаемые скиѳами, возводили особыя укрѣпленія со оны моря (кн. VII, гл. IV, стр. 313–314); в) Неаполь, превращенный пеемъ въ городъ изъ деревни Фаземъ, въ Понтійской странѣ, недалеко Синопы и Амисенъ—родины Страбона (кн XII, гл. III, стр. 570) и еаполь—расположенный на Европейскомъ побережьи Архипелага, если ть къ Ефесу отъ пролива Самосскаго, или Микале; прежде онъ принадле-ъ ефесцамъ, а въ Страбоново время—самосцамъ, вымѣнявшимъ его на гой—Мерѳезій, т. е. сосѣдній на отдаленный (кн. XIV, гл. I, стр. 653).

Такимъ образомъ народы древности весьма отдаленной усвоили обыкно-ie давать городамъ названія новыхъ, не чуждое и скиѳамъ.

Говоря о карѳагенянахъ Геродовыхъ мы привели извѣстіе о плаваніи асиеса вдоль западнаго берега и о малорослыхъ людяхъ. Страбонъ на-аетъ ихъ пигмеями, согласно съ Гомеромъ, давшимъ такое имя мало-лымъ людямъ. Сказанія древнихъ повѣствователей о такихъ людяхъ дставляются нашему землеописателю выдумкою для развлеченія читателя;

онъ не вѣритъ словамъ Гомера: „журавли убѣгаютъ отъ обильныхъ д
и зимы, летя съ крикомъ къ океану и неся пигмеямъ войну и с
(кн. I, гл. II, стр. 34—37), не вѣритъ, будто пигмеи ведутъ войн
журавлями и будто ростомъ они всего въ три ладони, и приравнивае
добныя сказанія, по степени правдивости ихъ, къ извѣстіямъ объ
большинства писателей, повторяющихъ Гомеровы басни, и сообщаю
будто тамъ водятся змѣи, поглощающія быковъ и оленей съ
(кн. II, гл. I, стр. 70).

Въ очеркѣ о народахъ Эѳіопіи Страбонъ смягчаетъ свое мнѣніе о
тельно писавшихъ о пигмеяхъ и говоритъ: „Вообще оконечности
прилегающія къ странамъ неумѣреннымъ и необитаемымъ вслѣдст
жары, или холода, должны представлять какъ-бы извращеніе и уху
умѣреннаго пояса; это можно усмотрѣть изъ образа жизни населенія
недостатковъ во всемъ, что необходимо человѣку; тамошніе жители
большею частію нагими, ведутъ суровый кочевой образъ жизни; весь
ихъ, какъ овцы, козы, быки—мелокъ; быть можетъ низкій ростъ
нихъ жителей и подалъ поводъ къ сочиненію пигмеевъ".

Эѳіопы. Описывая вообще эѳіоповъ, Страбонъ сообщаетъ нѣк
свѣдѣнія объ ихъ обычаяхъ, такъ: „Эѳіопы вооружены луками изъ
женнаго дерева, въ четыре локтя; они вооружаютъ и женщинъ, бо
часть которыхъ привѣшиваетъ себѣ къ губѣ мѣдное кольцо; одѣваю
кожи; впрочемъ иные ходятъ нагими или опоясываются маленькими
и хорошо вытканными изъ волосъ плетенками; *изъ боговъ одного счит
безсмертнымъ, причиною бытія всей вселенной,—другого—смерт*
ни одинъ не имѣетъ имени, оба непостижимы;—своихъ благодѣт
царей почитаютъ тоже божествами, при чемъ цари признаются всеоб
спасителями и хранителями (стражами)—а благодѣтели не—цари—
телями и стражами облагодѣтельствованныхъ ими. Нѣкоторые изъ об
лей страны подлѣ жаркаго пояса не допускаютъ существованія богов
ненавидятъ даже солнце и при восходѣ шлютъ ему проклятія за то
оно враждуя съ людьми, жжетъ ихъ и загоняетъ въ болота;—умер
или хоронятъ въ рѣкѣ, и въ домахъ, положивъ предварительно подъ сте
или же, кладутъ въ глиняныхъ гробахъ подлѣ храмовъ;—клятва по
комъ—священнѣе другихъ.

Эѳіопы питаются пшеномъ и ячменемъ, изъ которыхъ также и
вмѣсто растительнаго масла (оливковаго) употребляютъ коровье и с
ѣдятъ даже траву, тонкіе вѣточки, лотосъ (священное растеніе будд
и тросниковые корни,—но предпочитаютъ говядину, кровь, молоко и
(кн. XVII, гл. I, стр. 838 и 839).

Соглашаясь съ писателями предшественниками Страбонъ дѣлитъ Э
на Азіатскую и Африканскую и отводитъ ей четвертую часть простр
какъ и Ефоръ: „Если область неба и земли—говоритъ этотъ послѣд
мы раздѣлимъ на четыре части, то одна будетъ занята индійцами
восточная; другая, полуденная,—эѳіопами; третья, западная—кельт
четвертая, полночная—скиѳами; Эѳіопія и Скиѳія обширнѣе другихъ с

юдъ эѳіопскій тянется отъ зимняго востока до запада, а Скиѳія располо-
на противъ этого народа" (кн. I, гл. II, стр 33, 34 и далѣе). Въ статьѣ
арабахъ увидимъ, какъ далеко тянулась Эѳіопія въ глубь Азіи, и ка-
ы вообще эѳіопы азіатскіе.

Немаловажны для насъ свѣдѣнія о тѣхъ эѳіопахъ, которые заселяютъ
ирнѣйшій изъ островов, образуемыхъ протоками Нила—*Мероэ*. Этотъ
ровъ имѣетъ три тысячи стадій въ длину (=пять съ четвертью верстъ)
тысячу стадій (=верста и три четверти) въ ширину и весь занятъ го-
омъ того же имени, столицею эѳіопскаго царя. Меройцы раздѣляются на
евниковъ, охотниковъ и земледѣльцевъ. На островѣ находятъ руды: мѣд-
, желѣзную и золотую; имя ему дано Камбизомъ, доходившимъ съ
итянами до этого острова. Тутъ умерла сестра завоевателя, или жена
Мероэ. Дома въ городѣ строятся изъ переплетенныхъ пальмовыхъ бре-
ъ; дѣлаются стѣны и изъ кирпича. Въ цари избираются лица, отличаю-
ся красотою, или умѣньемъ воспитывать скотъ, или храбростью, или—
конецъ—богатствомъ. Высшее положеніе въ Мероэ занимали издревле
ецы; иногда они посылали даже царю, чрезъ своихъ уполномоченныхъ,
елѣніе умереть и сряду же назначали на его мѣсто другого.—Если царь
шается какой-либо части тѣла,—такому же лишенію должны подвергнуться
всѣ, его окружающіе;—они даже и умираютъ вмѣстѣ съ царемъ,—по-
му и слѣдятъ за его здоровьемъ и неприкосновенностью съ особымъ вни-
ніемъ, стараясь никуда не выпускать своего повелителя изъ дворца.
амъ же и I гл. XVII кн. стр. 807 и 808).

Египтяне. Страбонъ, говоря о Египтѣ, приводитъ много извѣстій о
ѣшности страны, заимствуемыхъ имъ у писателей болѣе древнихъ, начи-
я съ Гомера, и доказывающихъ замѣчательную наблюдательность ихъ и
чную самого землеописателя. По этимъ извѣстіямъ какъ Египетъ, такъ
Европа, прилегающая къ морямъ Средиземному и Черному, равно Фини-
и часть Сиріи были нѣкогда дномъ моря; въ доказательство приводятся
чаи встрѣчи на значительной глубинѣ,—при копаніи колодцевъ, крупныхъ
скихъ раковинъ. Разсуждая о причинахъ, вызвавшихъ поднятіе водъ мор-
хъ, землеописатель указываетъ на дѣятельность силы, выражающуюся въ
летрясеніяхъ, выдвигающую сушу среди морей и поднимающую цѣлые
терики. Этой же силѣ онъ приписываетъ пониженіе морей и, между про-
мъ, образованіе мѣстности близъ Чернаго моря, называемой Скиѳскою
стынею (кн. I, гл. Ш, стр. 47—59 и др.; кн. Ш, гл. II, стр. 145 и др.).

Какъ и Геродотъ—нашъ землеописатель различаетъ въ Египтѣ двѣ
сти, азіатскую и африканскую, подобно той Эѳіопіи, которая сопредѣльна
ипту и расположена по берегамъ Нила. Этотъ Нилъ древніе землеописа-
ли принимали за границу между Азіею и Африкою (кн. I, гл. II, стр. 31,
2 и др.), такъ что Азіатскій Египетъ приходится по правую сторону
ила.

Страбонъ путешествовалъ по Египту, какъ и Геродотъ, потому свѣдѣ-
я его о бытовыхъ сторонахъ обитателей этой страны особенно цѣнны.

Египетскія женщины раждаютъ иногда четверни; —Аристотелю извѣ
случай разрѣшенія одной женщины семью младенцами (Histor. anim. I

Примѣчаніе. Замѣтимъ по поводу извѣстнаго Аристотелю случая, что
такъ же имѣлъ мѣсто и въ Срединной Россіи, въ 1866 году: молодая здоровая пре
родила тройни; сама сходила въ баню; вернулась въ свою избу, родила еще двоих
пошла въ баню, гдѣ родила послѣднихъ троихъ; случай этотъ извѣстенъ намъ изъ до
мѣстнаго губернатора и былъ напечатанъ въ «Сѣверной Почтѣ»—сотрудникомъ кото
стоялъ тогда пишущій эти строки; онъ и сообщалъ извѣстіе правительственной газ
теченіе времени около мѣсяца послѣ столь необыкновенныхъ родовъ поступали доне
состоянія матери и новорожденныхъ: и она и младенцы оставались въ добромъ зд
Дѣлая эту замѣтку на память, считаемъ необходимымъ оговориться быть можетъ нѣк
изъ сообщаемыхъ здѣсь, несущественныхъ, подробности не вполнѣ точны; даже и за то
довъ именно 1866 а не предшествующій мы не смѣемъ поручиться; но съ увѣренность
лаемъ любопытныхъ къ «Сѣверной Почтѣ» только за два года, 65 и 66-й.

Египтяне живутъ съ самыхъ древнихъ временъ государственною жи
нравы у нихъ смягченные; они умѣютъ извлекать выгоды изъ достоп
своей земли, при помощи раздѣленія страны и управленія ею; народъ, у
ляемый выборнымъ царемъ, состоитъ изъ трехъ сословій: воиновъ,
дѣльцевъ и жрецовъ; вѣдѣнію послѣднихъ подлежатъ священные пре
а первымъ двумъ человѣческія нужды; жрецы занимались науками (филос
и астрономіею) и были царскими собесѣдниками. Все пространство вл
Египта было разбито на округа; по мнѣнію нѣкоторыхъ, округовъ
столько, сколько отдѣленій въ Лабиринѳѣ; каждый округъ подраздѣ
на части, наименьшими изъ которыхъ были *поля*; дробность дѣленія
вается естественною необходимостью: разлитія Нила, продолжител
половодья, наконецъ наносы ила мѣняли границы дѣленій и уничт
межевые признаки,—что вызывало новые и новые раздѣлы поземельн
пограничныхъ участковъ, и начало науки объ измѣреніи площадей
метріи (кн. XVII, гл. I, стр. 804—806).

Египтяне стараго времени, будучи довольны тѣмъ, что имѣли, не
дались въ иностранныхъ предметахъ; къ пришельцамъ они относил
только недружелюбно, но и враждебно; особенною ненавистью пользо
эллины, которые, вслѣдствіе скудости своей почвы, занимались разбо
жадно накидывались на все чужое. При устьи Нила, близъ острова
находится удобная пристань для кораблей, улучшенная искуственно
современной Александріи); сюда обыкновенно подходили иностранны
рабли; входъ къ пристани съ моря охранялся стражею, удалявшею в
пришельца (кн. XVII, гл. I, стр. 809 и 810).

Египтяне народъ не воинственный; страна настолько богата п
ными благами, что искать чего-либо въ чужихъ земляхъ неприхо
вторженіе же чужеземцевъ заграждено моремъ, пустынями и горами; в
вмѣстѣ взятое способствуетъ мирному настроенію жителей и внутре
развитію страны въ гражданственности (кн. XVII, гл. I, стр. 835—8

Сословіе жрецовъ издавна предавалось занятіямъ науками; кромѣ
сканія способовъ къ измѣренію площадей, жрецамъ приписывается в
слава мудрецовъ и лучшихъ знатоковъ небесныхъ свѣтилъ. Они уста

исленіе дней въ году не по лунѣ, а по солнцу; къ двѣнадцати мѣся-
ъ по тридцати дней египтяне добавляютъ еще пять дней на годъ, но и
этомъ они получали, сверхъ 365 дней на годъ, нѣкоторую часть слѣ-
щаго за этимъ числомъ дня; слагая подобныя части дня, получаютъ
ъ извѣстное число лѣтъ одинъ годъ въ 366 дней. Начало науки о не-
ыхъ свѣтилахъ восходитъ къ Гермесу (тамъ же, стр. 833).

Воспитаніе дѣтей составляетъ предметъ усиленнаго вниманія египтянъ;
ъ мальчиками и дѣвочками производится обрядъ обрѣзанія (кн. XVII,
II, стр. 841).

Свѣдѣній объ обрядахъ и жертвоприношеніяхъ въ честь боговъ, Стра-
почти не сообщаетъ,—онъ говоритъ только о боготворимыхъ египтя-
и животныхъ, въ каждой мѣстности особенныхъ, начиная съ крокодила
ничая птицами; есть мѣстности, почитающія за священныя существа
а и собаку. Относительно перваго Страбонъ приводитъ свидѣтельство
дара, будто козлы въ городахъ Ликѣ и Мендетѣ сообщаются съ жен-
ами. Объ одномъ такомъ случаѣ говоритъ Геродотъ: въ его время было
: козелъ имѣлъ сообщеніе съ женщиною публично; это совершилось на
у людей (Герод. кн. II, ст. 46). Почитатели собакъ жили въ Бусприд-
ъ округѣ; у нихъ былъ *собачій городъ* (Страб. кн. XVII, гл. I,
819).—Изъ жреческихъ особенностей Страбонъ приводитъ одну: въ
цы Зевсу назначаются красивѣйшія дѣвушки благороднаго происхожде-
эллины называютъ ихъ *Палладами*; „впрочемъ,—говоритъ землеописа-
,—это публичная женщина, живущая съ кѣмъ ей угодно до наступле-
времени, съ котораго начинается естественное тѣлесное очищеніе жен-
ы; послѣ очищенія дѣвушка выдается за какого-нибудь мужчину; но
ьше свадьбы, по окончаніи времени свободнаго сообщенія съ мужчинами
подлинникѣ—„по окончаніи времени прелюбодѣянія") ее оплакиваютъ
ъ умершую (тамъ же)".

О погребальныхъ обрядахъ Страбонъ тоже не говоритъ; но упоминаетъ
ѣкоторыхъ царскихъ гробницахъ, такъ, говоря о сорока царскихъ гроб-
ахъ надъ Мемноніемъ высѣченныхъ въ каменныхъ пещерахъ, замѣча-
но отдѣланныхъ и заслуживающихъ осмотра, приводитъ подробности: на
торыхъ столбахъ въ пещерахъ нанесены надписи, говорящія о богатст-
ъ царей, о владычествѣ ихъ, *распространившемся до скиѳовъ*, бактровъ,
ицевъ и донынѣшней Іоніи, о размѣрахъ ихъ доходовъ и о милліонахъ
онъ (кн. XVII, стр. 833).

Одинъ изъ египетскихъ жрецовъ *Моисей*, владѣвшій частью такъ на-
емаго Нижняго Египта и недовольный порядками страны, переселился
удею, увлекая съ собою многихъ почитателей божества. Онъ утверждалъ
чилъ, что египтяне и ливійцы ошибаются, изображая божество въ видѣ
ей и домашнихъ животныхъ, ошибаются и эллины, представляющіе себѣ
человѣкоподобнымъ;—по его мнѣнію—только то представляетъ боже-
, что обнимаетъ и насъ всѣхъ, и землю, и море,—то, что мы назы-
мъ небомъ, міромъ и природою всѣхъ вещей. Кто изъ разумныхъ людей,—
рилъ онъ, дерзнетъ представлять себѣ это существо въ видѣ какого-

нибудь изъ окружающихъ насъ предметовъ? Такимъ образомъ, по
Моисея, употребленіе всякаго рода изображеній божества должно бы
вергнуто, ему слѣдуетъ отдѣлить святилище и соорудить достойный
но чтить безъ изображенія; въ храмѣ слѣдуетъ спать какъ самому
себя, такъ и лицамъ, видящимъ хорошіе сны—для другихъ; человѣ
бродѣтельный и живущій по справедливости, всегда можетъ ожидат
божества благъ, какого-нибудь дара, или знаменія, а прочіе не
ждать ничего.—Поучая такимъ образомъ, Моисей убѣдилъ не мало
разумныхъ лицъ и увелъ ихъ съ собою на то мѣсто, гдѣ стоитъ
лимъ. Онъ достигъ страны этой легко, потому, что она не возбужда
въ комъ зависти и не стоила того, чтобы кто либо изъ-за нея упор
ролся. Дѣйствительно мѣстность Іерусалима скалиста; хотя сама о
шена обильно, окрестности же скудны и безводны, да и во внут
части имѣется 60 стадій каменистаго пространства. Кромѣ того
оружія Моисей призывалъ святыню и божество, для котораго старался
помѣщеніе, обѣщая ввести такое богопочитаніе и жертвоприношеніе,
не были бы въ тягость поклонникамъ ни расходами, ни разнаго ро
истовствами, ни какими-либо иными нелѣпыми дѣйствіями Пріобрѣтя
нымъ ученіемъ любовь къ себѣ, Моисей создалъ не совсѣмъ обыкно
владычество: всѣ сосѣдніе народы легко присоединились къ нему,
каемые такими увѣщаніями и обѣщаніями. Преемники Моисея оста
нѣкоторое время вѣрными его ученію; впослѣдствіи же когда жречест
решло въ руки суевѣрныхъ и властолюбивыхъ личностей, возникли
рые обряды, какъ обрѣзаніе мальчиковъ и дѣвочекъ, воздержаніе отъ
торыхъ видовъ пищи и другіе. Возникли въ странѣ разбои; отпавш
правительства ея люди грабили крестности, апо мощники правителей за
вали чужія области и подчинили себѣ не малую часть Сиріи и Киликіи.
за Іерусалимомъ сохранилось большое значеніе: его боялись не
что тамъ жилъ правитель страны, но считая этотъ городъ священны
Изложивъ эти извѣстія, Страбонъ говоритъ:—таковы уже люди от
роды и слѣдующее свойство одинаково принадлежитъ эллинамъ и варв
именно: чтобы соединиться въ общество, жить согласно законамъ и
деніямъ;—инымъ путемъ люди не могутъ соединиться между собою
ставить одно, согласное во всѣхъ частяхъ, цѣлое, что и значитъ
общественною жизнью; никакимъ другимъ способомъ жизнь общест
можетъ быть охранена. Общіе законы бываютъ двоякаго происхо
божескаго и человѣческаго. Древніе народы выше цѣнили и считали с
нѣе законы божескіе; вотъ почему тогда было такъ много вопрос
оракуловъ (кн. XVI, гл. II, стр. 777 и 778).

Маврусіи, или **мавры**, и ихъ сосѣди **либійцы**. Изъ всѣхъ из
западной Африки Страбонъ даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія, кромѣ приведе
объ эѳіопахъ, троглодитахъ и фарусіяхъ—еще о маврусіяхъ или мав
нѣкоторыхъ сосѣдяхъ ихъ.

Маврусіи—это большой богатый либійскій народъ, отдѣленны
Иберіи проливомъ; въ странѣ ихъ, по берегу Атлантическаго оке

диземнаго моря, было всегда много городовъ.—Всѣми признано, что
русія представляетъ, за исключеніемъ небольшой пустынной части, благо-
ную страну, снабженную озерами и рѣками, изобилующими большими
вьями въ лѣсахъ и вообще весьма плодородную. Обитатели этой страны
, большею частію, не смотря на множество городовъ, кочевой образъ
ни; они украшаютъ себя завивкою волосъ на головѣ и въ бородѣ, носятъ
тыя вещи, чистятъ зубы (въ подлинникѣ „стираютъ") и стригутъ ногти;
ремя прогулокъ держатся поодаль одинъ отъ другого, во избѣжаніе по-
деніа головного убора. Сражаются чаще на лошадяхъ, чѣмъ пѣшіе;
ые вооружены копьями и саблями; лошади ничѣмъ не прикрываются;
здываются веревочною уздою;—пѣшіе имѣютъ вмѣсто щитовъ слоновыя
; одѣваются въ шкуры леопардовъ и медвѣдей,—на нихъ и спятъ.
ще маврусіи, сосѣди ихъ и всѣ либійскіе народы имѣютъ почти одина-
е вооруженіе и схожи между собою во многомъ. Лошади либійцевъ
и, но быстры и послушны;—имъ надѣваютъ ошейники изъ хлопчатой
ги, или изъ волосъ, а на ошейникѣ виситъ бичевка; чтобы управлять
адью—довольно маленькаго прутика; нѣкоторые—слѣдуютъ за хозяиномъ
всякаго управленія, какъ собаки. Маврусіи и ихъ сосѣди носятъ на
, подъ шкурами, широкія исподницы (туники) съ обшивками,—ремен-
щиты, широкія и короткія копья. Изъ сосѣдей—*негриты*, живущіе
е маврусіевъ, употребляютъ во время войны колесницы, вооруженныя косами.
По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей маврусіи—это вышедшіе сюда ин-
ы. Не задолго до Страбона у нихъ царствовали *Богъ* и *Бокхъ*, бывшіе
ьями Рима.

Артемидоръ, которому Страбонъ мало довѣряетъ, пишетъ, что по со-
ству съ маврусіями жили выселившіеся сюда и нѣкіи *лотофаги* (о нихъ
ритъ Геродотъ какъ о Нильскихъ жителяхъ); они занимали, будто-бы,
одную страну; питаются лотосомъ, какою-то травою и корнемъ ея, и
е не нуждаются въ питьѣ; область этихъ лотофаговъ доходитъ, будто
до мѣстностей выше Карѳагенской земли; тамъ они пьютъ уже молоко
итаются мясомъ.

За землей маврусіевъ, въ восточномъ направленіи, слѣдуетъ область
йсиліевъ; въ ней есть асфальтовый источникъ и мѣдный рудникъ; во-
и скорпіоны крылатые и безкрылые; въ горной части страны находятъ
оцѣнные камни, такъ называемые карѳагенскіе и лихниты; по равни-
ь множество раковинъ (морскихъ?); растетъ дерево, медовый лотосъ, изъ
раго приготовляется вино. Земля даетъ плоды два раза въ годъ, весною
ѣтомъ; солома въ вышину пять локтей, при толщинѣ въ мизинецъ;
ой тамъ не сѣютъ, а довольствуются лишь царапаньемъ земли сверху
никомъ, чтобы такимъ образомъ нѣсколько призакрыть зерна, выпавшіе
колосьевъ при уборкѣ минувшаго лѣта,—этотъ способъ легчайшій
ботки земли даетъ полный сборъ лѣтомъ Въ землѣ масайсиліевъ много
й, такъ что рабочіе вынуждены носить сапоги и закрывать вообще
о; ложась спать они, опасаясь скорпіоновъ, натираютъ ножки кроватей
ыкомъ и обвязываютъ ихъ чижникомъ.

Отъ маврусіевъ—внутрь Либіи страна населена *гетулами*, таки многочисленнымъ какъ и маврусіи, либійскимъ народомъ. (О маврус ихъ сосѣдяхъ кн. XVII, гл. III, стр. 842—847).

б) Азіатскіе.

Выдающимися современниками скиѳовъ Страбона въ Азіи мы на арабовъ, іудеевъ—сиріянъ, индійцевъ. Объ этихъ народахъ приведе сколько подробностей, а о царяхъ выпишемъ лишь нѣкоторыя данны

Арабы. Народы, занимающіе страну, слѣдующую непосредстве землями египтянъ и эѳіоповъ въ восточномъ направленіи, называютс бономъ арабами, и отожествляются съ Гомеровыми и эрембами, то ес никающими въ землю, отъ словъ εἰς τὸν ἔραν ἐμβαίνειν,—такъ какъ ли нимавшіе восточное побережье Чермнаго моря, жили въ пещерахъ. Н бонъ полагаетъ возможнымъ производить имя арабовъ отъ того бас наго *Араба*, о которомъ говоритъ Гезіодъ въ одномъ мѣстѣ своего *лога*: „Я дочь Араба, рожденнаго благодушнымъ Гермесомъ и Ѳро черью владыки Бела"; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отдаетъ предпочтеніе изъ писавшихъ о происхожденіи названія арабовъ, Поссидонію, отыскива первоначальный смыслъ этого имени въ родствѣ и общеніи народов мена армянскіе, сирійскіе и арабскіе,—по мнѣнію землеописателей, руживаютъ большое племенное родство въ языкѣ, образѣ жизни, нар чертахъ, въ особенности тамъ, гдѣ они находятся въ сосѣдствѣ ме бою;—очевидно Месопатамія заселена этими тремя племенами; здѣсь и с ихъ наиболѣе очевидно; хотя и есть нѣкоторая разница между тѣми из которые ближе къ полдню, или къ полночи, или сидятъ въ срединѣ ница, вызываемая внѣшними условіями природы мѣстности,—но в общія черты преобладаютъ; ассиріяне, аріане и армяне стоятъ близк къ поименованнымъ, по наружному виду, такъ и между собою,—отс лучилось, по предположенію Посейдонія и сходство въ названіяхъ эт родовъ. (Кн. I, гл. IV, стр. 41 и 42).

Примѣчаніе. Соображенія Страбона о происхожденіи арабовъ и о родств другими сосѣдними племенами мы выписываемъ подробно, чтобы показать, что выраба современными намъ учеными пріемы для установленія началъ молодой науки наро изобрѣтены и были примѣняемы еще слишкомъ за двѣ тысячи лѣтъ до нашего Подобные пріемы мы видѣли въ статьѣ о египтянахъ относительно наслоеній земно ности въ ископаемыхъ морскихъ раковинахъ.

Кромѣ приведенной выписки, у Страбона, во второй главѣ перво много и другихъ мѣстъ, дающихъ право считать его нетолько дорог науки землеописателямъ, но и народовѣдамъ.

Не останавливаясь на подробномъ описаніи Аравіи, на разсужд посѣщеніи ея, Египта и Эѳіопіи Менелаемъ, по поводу котораго вы предположеніе о возможности несуществованія въ то время Суэцка шейка, (кн. I, гл. II, стр. 37—40), и на богатствѣ такъ называемо

вой Аравіи, изобилующей благовонными смолами, золотомъ и слоновою тью (тамъ же), перейдемъ къ бытовымъ условіямъ обитателей этой страны, аничиваясь краткимъ очеркомъ мѣстностей ихъ.

Началомъ Арабіи отъ Бабилоніи служитъ Макина (Макинія, Этолійскій одъ?); передъ нею лежитъ съ одной стороны пустыня арабовъ, съ другой ота халдеевъ, образуемыя разлитіемъ Евфрата; наконецъ съ третьей— сидское море. Имѣя воздухъ нездоровый и будучи покрыта туманомъ, ана эта производитъ, однако, прекрасные плоды, не смотря на жару и ди; жители ея разводятъ на болотахъ виноградъ способомъ, совершенно еобразнымъ: они берутъ плетеные короба, наполняютъ землею и садятъ у; иногда плетенка относится вдоль далеко, но потомъ возвращается на жнее мѣсто. Полуночная пустынная Арабія лежитъ между Счастливою, убленною Сиріею и Іудеею, до угла Арабскаго залива; тутъ живутъ паан, халдеи и аграи: отсюда къ полдню стелется Счастливая Аравія до лантическаго моря. Насельники Арабіи подлѣ сирійцевъ и іудеевъ земле- льцы; слѣдующая за ними область песчана и безлюдна; на ней растетъ ного пальмъ, аканѳъ и тамарискъ; есть тутъ глубокія, въ каменистыхъ ахъ, водоемы (цистерны); живутъ здѣсь арабы скениты и пастухи вер- одовъ. Крайнія части Арабіи, на полдень, противолежащія Эѳіопіи, оро- ются лѣтними дождями и засѣваются два раза въ годъ, какъ и индѣй- я земли; тутъ текутъ рѣки, теряющіяся въ равнинахъ и озерахъ. Страна ичается обиліемъ плодовъ всякаго рода и медовыхъ деревьевъ; много кже всякаго скота; кромѣ лошадей, муловъ и свиней, много разнообразной ицы, но нѣтъ гусей и куръ. Эту крайнюю часть Арабіи населяютъ че- ре очень большихъ народа: манаи—подлѣ Чермнаго или Краснаго моря; омъ съ ними сабаи; далѣе въ побережьи этого моря и до тѣснинъ и пе- зда черезъ Арабскій заливъ—каттабаны и наконецъ—хатрамотиты—въ точномъ направленіи. Каждый изъ этихъ народовъ имѣетъ свой главный одъ.

Города арабовъ находились при Страбонѣ въ цвѣтущемъ состояніи и ли роскошно украшены храмами и дворцами царей; дома частныхъ лицъ оминаютъ, способомъ расположенія строевого лѣса, египетскія постройки.

Каждая изъ четырехъ названныхъ частей полуденной Арабіи управ- тся своимъ царемъ, власть котораго наслѣдуется не сыномъ отъ отца, первымъ мальчикомъ, родившимся въ какомъ либо знатномъ по проис- жденію семействѣ, послѣ вступленія на престолъ новаго царя. Поэтому, ишь только настаетъ новое царствованіе, беременныя жены именитыхъ муж- ъ записываются и къ нимъ приставляется, для наблюденія, стража; маль- къ, родившійся отъ которой либо изъ записанныхъ женщинъ раньше дру- хъ, признается наслѣдникомъ престола и воспитывается по-царски. (Кн. XVI, . IV, стр. 784 и 785).

Арабія производитъ благовонныя вещества, составляющія предметъ мѣ- вой торговли ея жителей; въ ней находятъ, на островѣ Офіадѣ, блестящій мень—топазъ (вѣроятно бриллiантъ); днемъ его примѣтить нельзя по при- нѣ сильнаго солнечнаго блеска, за то ночью собиратели находятъ его легко

(не по блеску-ли выходящему нѣкоторое время въ ночи изъ алмазовъ
ботанныхъ въ бриллiанты!). Для собиранiя топазовъ и охраненiя ихъ
жался на жалованьи египетскихъ царей особый отрядъ людей. (Та
стран. 787).

Сообщая весьма мало подробностей о внѣшности Арабiи, естеств
ея произведенiяхъ и о путяхъ сообщенiй, землеописатель вскользь гово
безпечности царей, о болѣзняхъ жителей, преимущественно цынгѣ
бостяхъ ногъ, и, мѣстами, о вооруженiи нѣкоторыхъ племенъ; та
поводу похода Рима на Арабiю, онъ замѣчаетъ, что римляне легко у
жили, предъ вступленiемъ въ городъ Негрины, состоя въ числѣ двух
сячъ, ополченiе варваровъ въ десять тысячъ, такъ какъ туземцы нар
воинственный; они не умѣли пользоваться луками, копьями, мечами
щами; большая часть ихъ вооружена была обоюдоострыми топорами
помнимъ, что Геродотовы амазонки также имѣли двусторонпiе топоры.
же стр. 198. Подробности объ Арабiи и ея жителяхъ приводятся Стра
вообще въ IV главѣ XVI книги).

Нѣкоторые извѣстные Страбону писатели—путешественники сказы
что изъ ароматовъ, ладонъ и смирна получаются изъ деревьевъ, и к
изъ болотъ, что большая часть благовонiй привозится изъ Индiи,
лучшiй ладонъ растетъ у Персидскаго залива;—наконецъ, что Счастливая
раздѣляется на пять царствъ; въ одномъ живутъ воины и защитники
царствъ; въ другомъ—земледѣльцы, питающiе всѣхъ обитателей Счас
Арабiи;—въ третьемъ—ремесленники,—въ четвертомъ и пятомъ—собп
смирны и ладона, а также касiи, киннамома и нарда,—вообще пред
торговли. (Кн. XV, гл. IV, стр. 799).

Родъ занятiй арабовъ не переходитъ отъ одного сословiя къ др
всякiй вѣренъ отцовскому преданiю. Братья пользуются большимъ
нiемъ, нежели сыновья, на основанiи первородства. Какъ цари, такъ
должностныя лица пользуются властью по наслѣдству. Въ этомъ
Страбонъ нѣсколько противорѣчитъ приведенному выше обычаю стра
луденной Арабiи, гдѣ власть царя не наслѣдственна въ его потомств
роятно здѣсь говорится только о Счастливой Арабiи, а не обо всей в
Имущество принадлежитъ сообща всѣмъ родственникамъ, надъ которым
рѣйшiй главенствуетъ; жена также принадлежитъ всѣмъ мужчинамъ
вошедшiй къ ней, днемъ, имѣетъ сообщенiе, поставивъ въ знакъ то
жена занята, палку у дверей ея жилища; по тамошнему обычаю к
ходитъ съ палкою;—ночь жена проводитъ съ старѣйшимъ въ родѣ; т
образомъ всѣ—братья всѣхъ; сообщаются и съ матерями. Прелюбодѣя
казывается смертью; прелюбодѣемъ считается всякiй изъ чужого ро
поводу послѣдняго обычая Страбонъ приводитъ любопытный случай
одного изъ царей, чудо красоты,—имѣла пятнадцать братьевъ; и в
се любили и входили въ ея покой одинъ за другимъ безпрестанно; эт
мило красавицу и она выхитрила средство избавиться отъ докучливых
читателей красоты—братьевъ; она сдѣлала палки, точно такiя же, как
сили и ея братья; лишь только одинъ уходилъ отъ нея, показывал

ерей покоя палка; за тѣмъ другая и такъ далѣе; при этомъ наблюдалось, обы которая нибудь изъ поставленныхъ такимъ образомъ палокъ не была хожею на принадлежащую ожидаемому посѣтителю—брату. Такъ хитрость авалась. Но случилось разъ, что всѣ братья были на торговой площади видѣли другъ друга; одинъ изъ нихъ направился къ красавицѣ сестрѣ: верей стояла палка; предположивъ, что съ сестрою его чужеродецъ, оскорбный побѣжалъ къ отцу и привелъ его въ покой сестры, чтобы застать съ прелюбодѣемъ; оказалось, что она была одна; обманъ обнаружился. мъ же, стр. 800)

Въ краткомъ очеркѣ нѣкоторыхъ обычаевъ народовъ сосѣднихъ Страбо-ымъ скиѳамъ и вообще тѣхъ, которые боготворятъ солнце, упомянуты *батаи*, занимающіе часть Арабіи; тамъ сказано о простотѣ образа жизни ь; для сравненія съ таковою же—между всѣми солнцепоклонниками, здѣсь ведемъ нѣкоторые обычаи. Набатаи имѣютъ немного рабовъ, потому они льшею частію все дѣлаютъ сами, оказывая взаимныя услуги родственникамъ; ъ поступаютъ даже и цари ихъ; будучи общительны—устраиваютъ обѣды, глашая къ столу до тридцати человѣкъ; на каждой такого рода пирушкѣ ваетъ два музыканта; царь также созываетъ гостей на попойки, и часто; рецъ его обширенъ,—попойки бываютъ многолюдны и продолжительны: ако каждый изъ гостей не получаетъ вина больше одиннадцати золотыхъ шекъ (въ подлинникѣ; „никто не имѣетъ больше одиннадцати чашекъ зо-тыхъ постоянно мѣняющихся"). Царь до такой степени близокъ къ на-ду, что не только самъ обходится безъ рабовъ на пирахъ, но даже лично азываетъ услуги своимъ гостямъ; часто онъ даетъ народу отчетъ въ сво-ъ дѣйствіяхъ; а иногда подвергается изслѣдованію даже образъ жизни его. жчины носятъ только передники; всѣ, не исключая царя, одѣваются въ пуръ, ходятъ въ легкихъ башмакахъ. (Тамъ же).

Въ заключеніе извѣстій объ арабахъ приведемъ выписки о жителяхъ ѣръ, Троглодитахъ Страбону извѣстны троглодиты, помѣщаемые Гомеромъ лѣ Египта, равно жившіе въ полуденномъ побережьи Чернаго моря (у ста), на Кавказѣ, вообще въ Африкѣ, и тѣ, которые занимали гористыя асти страны эѳіоповъ, сосѣдней съ Арабіею; обо всѣхъ, кромѣ эѳіопскихъ, упоминалось.

Нравы и обычаи эѳіопскихъ троглодитовъ таковы; ведутъ они пасту-кій образъ жизни и управляются, смотря по мѣстностямъ, различно. Жен-ны и дѣти у нихъ общія, за исключеніемъ принадлежащихъ правителямъ; и соблазнившій жену правителя платитъ за это одну только овцу. За-жнія женщины (жены?) тщательно окрашиваютъ себѣ брови, а на шею ѣшиваютъ раковины, какъ средство противъ обвораживанія ихъ. Различ-я поселенія ведутъ войны между собою изъ-за пастьбищъ; при чемъ де-ся сперва кулаками, потомъ каменьями; а лишь только наносится кому будь рана, берутся за мечи и стрѣлы;—миръ устанавливается женщи-ми, которыя выходятъ на средину между воюющими сторонами и обра-ются къ нимъ съ мольбою о прекращеніи свалки. Пищу троглодитовъ со-вляютъ мясо и кости, истолченныя вмѣстѣ, завернутыя въ кожу и потомъ

сжаренныя; иногда пища эта приготовляется и другимъ способомъ пов
которыхъ называютъ нечистыми (?); питаются также смѣсью крови
лока. Обыкновенный напитокъ жителей пещеръ составляетъ настой
придорожной иглѣ, а верховный владыка ихъ употребляетъ питье из
для чего выжимается сладкій сокъ изъ особеннаго растенія.

Зима въ странѣ троглодитовъ эѳіопскихъ бываетъ въ то время
дуютъ пассатные вѣтры, потому что тогда идутъ дожди; остальное
года—лѣто. Ходятъ нагими, или завернутыми въ шкуру; носятъ палки
вообще не изслѣдованы, но нѣкоторые мужчины, подобно египтянамъ,
заны.

Покойниковъ троглодиты хоронятъ такъ: привязываютъ прутья
придорожной иглы шею къ ногамъ, послѣ чего трупъ немедленно за
вается среди веселья и смѣха, камнями, пока не покроется ими со
затѣмъ кладутъ на поверхность каменной кучи—рогъ козла—и расх

Всякія путешествія совершаются здѣсь только ночью; на шею вьк
животныхъ—самцовъ подвѣшиваютъ колокольчики, чтобы пугать з
ихъ хищныхъ звѣрей, противъ которыхъ употребляются также фа
лукъ. По ночамъ стада охраняются пастухами, или самими хозяева
пѣвающими у разложенныхъ огней какія нибудь пѣсни.

Свѣдѣнія о троглодитахъ Страбонъ заимствуетъ у Артемидора (к
гл. IV, стр. 792 и 793).

Африканскіе троглодиты извѣстны Страбону подъ именемъ *фар*
они занимали страну рядомъ съ маврусіями, т. е. маврами. Перепра
черезъ пустыню, они привѣшиваютъ къ лошадямъ мѣшки съ водою; на
и на подстилку для спанья употребляютъ змѣиныя и рыбьи кожи. (Кн
гл. III, стр. 845).

Финикіяне. Побережье восточной стороны Средиземнаго моря бы
лею финикіянъ, между Ороѳаіей и Пелузіемъ, съ отдаленнѣйшихъ вр
тутъ помѣщаетъ ихъ и Гомеръ (Кн. I, гл. I, стр. 8). По мнѣнію и
ныхъ Страбону повѣствователей, напримѣръ Аполлодора, финикіяне,
торыхъ былъ Менелай, занимали, во времена странствованія этого ца
бережье Персидскаго залива и океана;—другіе же утверждаютъ, что
есть часть Финикіи; но Страбонъ не признаетъ пишущихъ подобныя ск
достовѣрными повѣствователями. (Гл. II, стр. 41—43).

Повторяя нѣкоторыя извѣстія Геродота, землеописатель сообщаетъ
никіянахъ и другіе, такъ: они заняли своими поселеніями Либію (Аф
и Иберію (Испанію) еще за долго до Гомера. (Кн. III, гл. II, стр.
гл. III, стр. 151—155 и гл. V, стр. 167—176);—вскорѣ послѣ Тро
войны прошли за Геракловы Столбы (кн. I, гл. II. стр. 48); отлич
умомъ и наблюдательностью; какъ опытные мореплаватели знали пр
приливовъ и отливовъ въ океанѣ и большихъ моряхъ (книга III, г
стр. 171—174); они, занимавшіеся всесвѣтною торговлею и имѣвш
стоянно разсчеты,—изобрѣли науку вычисленія (собственно ариѳметику
добно тому, какъ нужда заставила египтянъ отыскать способъ к
вильному вычисленію площадей поверхности земли. (Кн. XVI, гл I, стр.

Финикіяне во время своихъ далекихъ плаваній по морямъ открыли себѣ
еводителей въ звѣздахъ; они первые узнали созвѣздіе медвѣдицы, и при
ь большой и малой. Вообще эти мореплаватели хорошо знали небесныя
тила; имъ приписываютъ и первыя начала науки о звѣздахъ—астро-
іи. (Кн. I, гл. I, стр. 3 и 4).

Іудеи—Сиріяне. Іудея извѣстна Страбону какъ область Сиріи, между
гами и *Антилибаномъ*. Всю вообще страну, простирающуюся надъ Се-
кидой—до Египта и Арабіи, называютъ Углубленной Сиріей; Іудея—это
ть ея, лежащая на востокъ отъ узкой прибрежной полосы земли, собст-
ной Финикіи (кн. XVI, гл. II, стр. 772); населена она смѣшанными
одами, преимущественно египтянами, арабами и финикіянами (кн. XVI,
II, стр. 775—778).

Повторяя названія различныхъ народцевъ, селившихся въ Углубленной
іи, Финикіи и собственно Іудеи, встрѣчаемыхъ въ библіи, равно отмѣчая
дѣнія священныхъ книгъ евреевъ о войнахъ съ сосѣдями, Страбонъ даетъ
занія на бытовыя особенности жителей нѣкоторыхъ мѣстъ Іудеи и Фи-
іи и утверждаетъ, что іудеи вышли изъ Египта (см. выше извѣстіе о
исеѣ и стр. 776), бывшаго ихъ основною родиною, доказывая это какъ
ѣзываніемъ дѣтей, такъ и внѣшностью Іерусалимскаго храма; о Моисеѣ.
ъ жрецѣ египетскомъ, мы уже сказали, и привели сужденіе землеопи-
еля объ условіяхъ и благахъ общественной жизни.

Древніе народы, какъ сказано уже со словъ Страбона, считали божескіе
оны священными,—потому во всѣхъ важныхъ случаяхъ, предъ всякими
ными начинаніями, вопрошали оракула и вѣровали въ истину даваемыхъ
ъ отвѣтовъ, благодаря чему прорицатели пользовались столь великимъ
теніемъ, что ихъ считали достойными царской власти, какъ лицъ, кото-
е при жизни и послѣ смерти сообщали людямъ полученныя отъ боговъ
елѣнія и увѣщанія. Таковы были: Амфіарай, Трофоній, Орфей, Мусай и
ъ у гетовъ, прежде какой-то Пиѳагореецъ, Замолксисъ, и Декайней, про-
ествовавшій Биребистѣ;—у боспорцевъ—Аханкаръ, у индійцевъ—Гимно-
исты, у персовъ—маги, Нексіоманты, такъ называемые Лекономанты и
ромонты,—у ассирійцевъ—Халдаи,—у римлянъ—Этрусскіе Гороскопы.
ковъ же былъ и Моисей, и преемники его, которыя унаслѣдованное хо-
ее начало современемъ извратили. (Кн. XVI, гл. II, стр. 778 и 779).

Въ то время, когда Іудея находилась уже открыто подъ гнетомъ само-
стныхъ правителей, первый объявилъ себя царемъ,—а не жрецомъ,—
рвосвященникомъ?), Александръ: у него было два сына, Гирканъ и Ари-
булъ. Во время распрей между ними изъ за власти явился туда Помпей,
низложилъ обоихъ, укрѣпленія ихъ разрушилъ и взялъ силою прежде не-
усалимъ, воспользовавшись днемъ поста, когда іудеи воздерживаются отъ
ікой работы (тамъ же, стр. 779).

Страбонъ считаетъ вообще іудеевъ хитрыми, особенно же въ случаяхъ
сающихся наживы; чтобы поднять цѣнность пальмовыхъ плодовъ, вы-
ма, владѣльцы мѣстъ, на которыхъ уже разведены эти растенія, прини-
ютъ всякія мѣры, чтобы воспрепятствовать разведенію ихъ въ другихъ

мѣстахъ и такимъ образомъ обогатиться. Придуманнымъ ими средствомъ п
зуются нѣкоторые египтяне относительно доходнаго растенія „Библъ" (кн. X
гл. I, стр. 817).

Любопытны подробности, сообщаемыя о Гіерикунтѣ,—это библей
Іерихонъ,—и озерѣ Сирбонидѣ,—что теперь называется Мертвымъ морем

Гіерикунтъ—равнина, окруженная горнымъ хребтомъ, наклоняющ
къ ней уступами („имѣющая видъ театра"). Здѣсь былъ пальмовый л
въ перемежку съ деревьями другой породы, домашними, дающими хор
плоды;—но пальма преобладала. Въ длину лѣсъ—сто стадій,—около д
верстъ (876 саженъ), повсемѣстно орошенъ и имѣлъ много жилищъ; т
находился царскій дворецъ и при немъ бальзамовый садъ. Бальзам
кустарное душистое растеніе, похожее на ракитникъ и фисташку, кору
подрѣзаютъ для извлеченія сока, который, будучи жидкимъ при выходѣ
подъ коры, вливается въ раковины и отвердѣваетъ; этимъ сокомъ прекр
излѣчиваются головныя боли, начинающееся гноетеченіе изъ глазъ и бо
рукость. Благодаря такимъ свойствамъ и единственно Гіерикунтской
нинѣ, дающей бальзамъ, цѣлебный сокъ очень дорогъ.—Замѣтимъ, что
теперь между евреями распространено, вслѣдствіе ихъ нечистоплодности,
гноеніе глазъ.—Кромѣ бальзама Гіерикунтскій лѣсъ имѣетъ и финик
дерево,—такое же какъ и бальзамъ доходное. Такимъ образомъ Гіерику
скіе жители пользуются благосостояніемъ. (Тамъ же, стр. 779 и 780).

Озеро Сирбонида велико; говорятъ, что окружность его тысяча ста
или сто семьдесятъ пять верстъ, а длина немного больше двухсотъ стадій
или тридцати пяти верстъ;—глубоко съ самаго берега; вода такъ гу
или тяжела, что тамъ нѣтъ нужды въ умѣньи плавать: всякій, погру
шійся въ озеро по поясъ, немедленно поднимается водою. Густота, или
жесть воды зависитъ отъ пресыщенія ея асфальтомъ, который, въ неоп
дѣленные промежутки времени, поднимается изъ глубины озера пузырьк
какъ кипятокъ, вслѣдствіе чего поверхность озера выпукло приподнима
въ видѣ холма; изъ пузырьковъ выдѣляется много копоти, похожей
дымъ, но незамѣтной для глазъ; отъ этой копоти покрываются ржавчи
мѣдь, серебро и вообще всякіе блестящіе предметы, даже и золото. Б
озерные жители узнаютъ по своимъ водочерпальнымъ сосудамъ, если
покрываются ржавчиной, начало изверженія асфальта и приготовляются
собиранію его, дѣланіемъ изъ тростника особыхъ плотовъ („поплавков

По объясненію Страбона асфальтъ есть ничто иное, какъ глыба зе
расплавленная жаромъ въ жидкость, поднимающуюся на поверхность оз
подъ вліяніемъ холодной воды эта жидкость отвердѣетъ на столько, что
обходимо разбивать или разрубать; окрестные побережане, плавая на
ихъ плотахъ, разбиваютъ асфальтъ и увозятъ съ собою сколько кто мож
На какую именно потребность идетъ асфальтъ—неизвѣстно (тамъ же).

Изверженіе происходитъ въ разное время потому,—говоритъ Страбонъ
что движеніе огня и нѣкоторыхъ другихъ воздушныхъ теченій подчинено
извѣстному намъ порядку; а что въ почвѣ Гіерикунтской области содерж
огонь, имѣются, кромѣ озера Сирбониды, и другія указанія: въ окре

тяхъ Моасада видны суровыя обожженныя скалы съ трещинами и зем-
, смѣшанною съ золой; кромѣ того изъ скалъ течетъ каплями смола и
одятъ зловонные кипящіе источники; въ разныхъ мѣстахъ, тутъ же,
мѣются разрушенныя жилища. Туземцы сказываютъ, будто нѣкогда было
ъ тринадцать городовъ, изъ которыхъ главный,—Содомъ, имѣлъ въ
жности около шестидесяти стадій или пятнадцати верстъ; что озеро
зовалось вслѣдствіе землетрясеній, изверженій огня, горячей воды, ас-
ьта и сѣры; что камни содержали огонь, и что одни города были по-
щены землей, другіе покинуты жителями, имѣвшими возможность бѣжать.
тосѳенъ же утверждаетъ противное: по его мнѣнію Гіерикунтская область
ыкла на мѣстѣ бывшаго тутъ нѣкогда озера, постепенно осыхавшаго въ
исимости отъ изверженій, какъ это было и въ Ѳессаліи (тамъ же,
. 780 и 781).

Помпей, отдѣливъ отъ Іудеи области, завоеванныя ею отъ сосѣдей,
начилъ ей жрецомъ-правителемъ Гиркана; впослѣдствіи изъ его потом-
а вышелъ тоже жрецъ *Геродъ* (евангельскій *Иродъ*), удостоенный
дыками римскими, Антоніемъ, а потомъ кесаремъ Августомъ, званія царя.
ъ угодливости Риму и по инымъ побужденіямъ онъ самъ умертвилъ нѣ-
рыхъ сыновей своихъ, какъ виновныхъ, будто-бы, въ заговорѣ противъ
, другихъ же объявилъ своими наслѣдниками, и раздѣлилъ Іудею на
и. Кесарь оказывалъ уваженіе сыновьямъ Герода, сестрѣ его *Саламѣ*
очери ея *Береникѣ*. Но сыновья Герода не были счастливы: оказавшись
вными противъ Рима,—одинъ кончилъ жизнь въ ссылкѣ, среди *галатовъ*
лоброговъ,—другіе же только путемъ крайней лести, и то съ трудомъ,
лись возвращенія на родину и получили каждый свое княжество по
лѣдству отъ отца (тамъ же).

Страбонова Индія.

До похода Александра Македонскаго съ баснословно многочисленными
чищами въ отдаленныя страны, къ востоку древняго міра, эллины, хотя
высокопросвѣщенные къ тому времени и близко знакомые съ всесвѣт-
ми мореплавателями—финикіянами,—имѣли еще лишь весьма смутныя
дставленія о восточной окраинѣ земли, такія же, какъ и о полуночной;
многіе знали, и то не по личнымъ наблюденіямъ, а только по слуху отъ
дпріимчивыхъ торговцевъ-путешественниковъ, своекорыстно скрывавшихъ,
ъ и о Скиѳіи, истину о странѣ Индійской; между нею и Скиѳіею съ
ею Гиперборейскою—разница лишь въ положеніи—одной на краю во-
ка, другой—на краю полуночья; какъ въ Скиѳіи селили грифовъ, ари-
повъ,—людей полгода спящихъ,—имѣющихъ козлиныя ноги, или—пре-
щающихся на нѣкоторое время въ волковъ, и тысячелѣтнихъ гипербо-
ъ,—такъ и въ Индіи: малорослыхъ въ пять и даже въ три пяди,—
осыхъ, имѣющихъ надъ ртомъ дыхательное отверстіе,—безротыхъ,—
походовъ, перегоняющихъ въ бѣгѣ лошадей,—имѣющихъ собачьи уши,

косматую грудь и одинъ глазъ въ срединѣ лба, и другихъ (стр. 727
какъ отъ скиѳовъ производили многихъ народовъ, такъ и отъ индійцев
эѳіоповъ и аріановъ,—мидянъ и персовъ,—вавилонянъ и ассиріянъ.

Спутники Македонскаго завоевателя, нечуждые эллинскаго просв
нія, собрали, частію по его указаніямъ, частію по своей любознательност
впервые объ Индіи и ея обитателяхъ данныя, повидимому—достовѣрны
подробности, возможно обстоятельныя. Тѣ и другія—драгоцѣнны для нар
вѣдѣнія и для изысканій о древнихъ насельникахъ всего нашего отеч
и страны Ильменской.

Многосвѣдущему и добросовѣстнѣйшему изъ повѣствователей древн
Страбону, показались записанныя спутниками Александра данныя наст
новыми и своеобразными, что онъ занесъ на страницы своей книги
всѣ ихъ сказанія объ Индіи и ея обитателяхъ; но, заподозривъ этихъ
никовъ въ словоохотливости, пристрастіи къ Александру и лести его
любію, ученый землеописатель сомнѣвался, должно быть, если не во в
такъ во многомъ изъ сообщаемаго ими; перенося въ рукопись пока
современниковъ счастливаго завоевателя о диковинныхъ странахъ и нар
Индіи, онъ, при всякомъ, впервые полученномъ такимъ путемъ съ чу
словъ извѣстіи, указалъ сверхъ дословнаго содержанія повѣствуемаго,
повѣствователя, устраняя такимъ образомъ себя отъ отвѣтственности за
грѣшность данныхъ о странѣ, казавшейся ему, по прежнимъ повѣство
лямъ, полубаснословною.

Усматривая, съ своей стороны, въ бытовыхъ особенностяхъ инди
и въ нѣкоторыхъ частностяхъ о самой странѣ, драгоцѣнныя, какъ уж
мѣчено, свѣдѣнія по занимающему насъ предмету, выпишемъ изъ Ст
новой книги подробности, чтобы имѣть въ нихъ основанія для сужден
заключенія объ отраженіи въ жизни далекихъ нашихъ предковъ на
гражданственности и духовнаго міровоззрѣнія—эллино-римскихъ ли, или др
индійскихъ,—и чтобы, вмѣстѣ съ тѣмъ, было возможно выдѣлить
обращающихся и въ настоящее время среди коренного славяно-русскаг
селенія началъ семейныхъ и гражданскихъ—бытовыхъ, все то, что с
съ древне-индійскими бытовыми же особенностями больше, чѣмъ съ
выми же греко-романскаго насажденія.

Очеркъ страны. Описанію Индіи Страбонъ посвятилъ, вообще у
ная, и въ разныхъ мѣстахъ особенно,—всю первую главу пятнад
книги своего труда и нѣсколько страницъ слѣдующей, обнимающей с
нюю Аріану. Начиная описаніе онъ говоритъ: „Извѣстія наши объ
читатель долженъ принимать снисходительно, потому что это самая
ленная страна, и только немногіе посѣщали ее лично; другіе, видѣвшіе
нѣкоторыя части страны, говорили больше по слуху; да и съ тѣмъ
видѣли сами, они знакомились въ военномъ походѣ и во время наб
вотъ почему объ одномъ и томъ же предметѣ сообщаются разнорѣч
свѣдѣнія, хотя послѣднія изложены такъ, какъ бы по тщательномъ и
дованіи; нѣкоторые свидѣтели сообща участвовали въ однихъ и тѣхъ
походахъ и путешествіяхъ, каковы напримѣръ путники Александра во в

ренія имъ Азіи; но часто и изъ этихъ свидѣтелей каждый сообщаетъ чныя отъ прочихъ свѣдѣнія. Если они такъ расходятся между собою ситель но видѣннаго, то что же слѣдуетъ думать о слышанномъ только? ствительно, ни тѣ, что писали объ Индіи въ позднѣйшее время, ни тѣ, рые плавали туда въ наше время—не сообщаютъ ничего достовѣрнаго. тому же, лишь немногіе изъ купцовъ, плавающихъ изъ Египта черезъ ъ и Арабскій заливъ въ Индію, доходитъ до рѣки Ганга; кромѣ того ающія тамъ лица не образованны и нисколько не содѣйствуютъ озна-ленію съ тамошними мѣстностями. Изъ одной только области Индіи и одного только царя Пандіона, а по другимъ—Пора,—приходило къ ке-о Августу посольство съ дарами, а въ Аѳинахъ сжегъ себя одинъ ин-кій мудрецъ.—Если, не обращая вниманія на вышесказанное, мы бросимъ ядъ на время до похода Александра,—все представится еще смутнѣе; Александръ, ободренный большими удачами, вѣрилъ повѣствователямъ внимъ,—это естественно: движимый честолюбіемъ, онъ хотѣлъ-было про-ти свое войско черезъ Гедрозію, когда узналъ, что и Семирамида и Киръ ъ же путемъ совершали походы въ Индію; но Семирамида, по словамъ ъ же писателей, возвратилась съ двадцатью человѣками, а Киръ—съ ью; Александръ же, какъ говорятъ его современники, льстилъ себя на-дою на стяжаніе громкой славы, если онъ побѣдоносно и въ цѣлости ведетъ свои войска чрезъ тѣ же самыя мѣстности и народы, среди ко-ыхъ его предшественники потерпѣли такія неудачи".— Ссылаясь на земле-сателя *Мегасѳена*, Страбонъ продолжаетъ:—„Но какое можетъ быть у основаніе вѣры въ повѣствованіи объ Индіи по поводу походовъ Кира Семирамиды? Съ нашимъ мнѣніемъ согласенъ, кажется и Мегасѳенъ, тующій не вѣритъ древнимъ разсказамъ объ индійцахъ, потому-что по замъ этого писателя,—индійцы никогда не посылали войска за предѣлы й страны,—никогда не приходили туда и иностранные завоеватели, мѣ баснословныхъ Геракла и Діониса и теперь Александра съ македоня-и: Сезострисъ египтянинъ (Рамзесъ второй) и *Теарконъ* эѳіопъ—дохо-и до Европы; *Набокодросоръ* (библейскій Навуходоносоръ), пользовав-ся у халдеевъ большею славою, нежели Гераклъ, доходилъ даже до лбовъ (Гибралтаръ), до того мѣста, куда проникалъ и Теарконъ, водив-свои войска изъ Иберіи во Ѳракію и Понтъ; наконецъ скиѳъ Иданѳирсъ ргался въ Азію и проникалъ до Египта;—но никто изъ нихъ не дохо-ъ до Индіи; сама Семирамида умерла прежде приведенія своего намѣре-о походѣ въ ту страну въ исполненіе. Персы получали, правда, наемныхъ датъ изъ Индіи, отъ *гидраковъ*, но сами туда не входили, хотя однажды были уже недалеко во время преслѣдованія массагетовъ" (кн. XV, гл. I, 701—703).

Приведя баснословія Еврипида—изъ книги о вакханкахъ, Софокла и еровой Иліады о Гераклѣ и Діонисѣ, Страбонъ продолжаетъ: „на основа-такихъ разсказовъ называютъ какой то народъ *нисаесъ* и у нихъ го-ъ *Нису*, основанный, будто-бы, Діонисомъ; надъ городомъ помѣщаютъ *Меръ;* упоминаютъ о потомкахъ Діониса—*сидракахъ*, справляющихъ

празднество въ честь своего родоначальника съ выходами, подобными
ханическимъ;—современники Александра говорятъ тоже много невѣрост
льстя его самолюбію, напримѣръ: когда онъ, при первомъ приступѣ, о
дѣлъ какою-то скалой, подошву которой омываетъ Индъ недалеко отъ
ихъ истоковъ,—индѣйцы говорили, будто бы, восхваляя его, что Ге
трижды приступалъ къ этой скалѣ и трижды былъ отброшенъ ихъ
ками. Потомками участниковъ въ походѣ Геракла считаютъ *сибовъ*,
рые, будто бы носятъ, въ знакъ своего происхожденія, на плечахъ шк
подобно предводителю своихъ родоначальниковъ;—ходятъ, какъ и он
дубинами и выжигаютъ знакъ булавы на волахъ и мулахъ. Послѣ
басню они подтверждаютъ разсказами о Кавказѣ и Прометеѣ, перенос
сюда по ничтожному поводу, именно на основаніи существованія ка
священной пещеры у *паропамисадовъ*,—это народъ Азіи, жившій
горы Паропамиса, составляющей часть Тавра, на полночной границѣ Ар
къ ней прилегала большая часть Бактріаны; здѣсь, говорятъ, былъ п
ванъ Прометей; сюда, будто бы, пришелъ Гераклъ чтобы освободить
Кавказъ,—поэтому,—будетъ Паропамисъ (стр. 704).

Границею между Индіею и упомянутою Аріаною служила, во
похода Александра, рѣка Индъ; Аріаной владѣли тогда персы; впослѣд
когда пало македонское владычество въ Азіи, индѣйцы отняли у ма
цевъ, сами освободившись отъ ихъ власти, и большую часть Аріаны,
соединивъ ее къ своимъ владѣніямъ (стр. 705).

Изложивъ выписанное нами почти цѣликомъ предисловіе, Стр
сообщаетъ свѣдѣнія, заимствуемыя—относительно землеописательныхъ
дробностей—изъ Ератосѳена,—и бытовыхъ народовъ Индіи—изъ ска
спутниковъ Александра Македонскаго; намъ нужны подробности собст
бытовыя,—изъ мѣстоописательныхъ же только нѣкоторыя, болѣе кру
съ нихъ и начнемъ.

Страбонову Индію ограничиваютъ: съ полночи—крайнія части Т
отъ Аріаны до восточнаго моря (граница неопредѣленная;—подъ восточ
моремъ нужно разумѣть и побережье нынѣшняго Китая или Сіама).
нія части Тавра называютъ: Паропамисомъ, Емодомъ и Имаемъ,—а
донцы—Кавказомъ. Съ запада рѣка Индъ; съ полдня и востока Атл
ческое море. (По понятіямъ древнихъ писателей извѣстная имъ земля
жена со всѣхъ сторонъ рѣкою Океаномъ, или моремъ того же имени.
видно, подъ Атлантическимъ моремъ разумѣются нынѣшніе океаны И
скій и Великій, или одинъ который-нибудь). Стороны Индіи полуден
восточная гораздо длиннѣе прочихъ. За симъ приводятся размѣры ст
по свѣдѣніямъ различныхъ писателей, опредѣляемые неодинаково.

Вся Индія орошена рѣками, изъ которыхъ однѣ сливаются съ И
и Гангомъ, а другія изливаются въ море собственными устьями. Всѣ
получаютъ начало на Кавказѣ и текутъ сперва въ полуденномъ напр
ніи; потомъ—однѣ остаются въ томъ же направленіи—преимущест
впадающія въ Индъ,—а другія, подобно Гангу,—сворачиваютъ на вос
Индъ, спустившись съ горнаго хребта и достигнувъ равнины, загиб

е на востокъ; въ этомъ направленіи пробѣгаетъ мимо величайшаго ни-
каго города „Палибоѳры“ и изливается въ тамошнее море всего однимъ
емъ, хотя и представляетъ наибольшую изъ рѣкъ всей страны. Гангъ
ается въ полуденное море двумя устьями, обнимая своимъ теченіемъ
называемую область *Патталену*, похожую на Египетскую Дельту.
здствіе испареній такихъ большихъ рѣкъ и благодаря тихимъ, равно-
но дующимъ съ одной стороны вѣтрамъ, Индія до того напитывается
ою отъ лѣтнихъ дождей, что равнины превращаются въ болота.

Напротивъ Индіи, въ морѣ, лежитъ большой островъ *Тапробана*,
ду которымъ и материкомъ расположено много и другихъ острововъ.

Въ горной части страны зимою выпадаетъ снѣгъ; вытекающія изъ горъ
переполняются и здѣсь водою отъ таянія снѣговъ весною и отъ лѣт-
ъ дождей, онѣ также заполняютъ равнины на пути своего теченія, но
зимѣ воды убираются въ русла рѣкъ и равнины осыхаютъ; но равнины
няго теченія Инда и Ганга на зиму не осыхаютъ; большая часть ихъ
да болотиста.

Кромѣ двухъ величайшихъ рѣкъ и ихъ притоковъ немало большихъ
и въ числѣ названныхъ нами самостоятельными, напримѣръ, *Гидаспъ*,
ѳинъ, *Гіаротій*, *Гипанисъ* и другія—внутри страны,—*Кофа*, *Хоаспа*—
притоки ихъ близъ западной границы ея.

Одна изъ самостоятельныхъ рѣкъ, текущая съ горъ, и обладающая
ыкновеннымъ свойствомъ, называется „*Сила*“, на водѣ ея ничто не
ится. Страбонъ, какъ бы возражая нѣкоторымъ путешественникамъ,
ривающимъ такое свойство „Силы“, и Аристотелю, замѣчаетъ, съ своей
ны, что бываютъ мѣстности съ такимъ легкимъ (рѣдкимъ?) воздухомъ,
на немъ не держится никакое пернатое существо,—что, кромѣ того,
торыя выдѣляющіяся испаренія притягиваютъ къ себѣ только особые
меты, напримѣръ:—янтарь, солому, магнитъ, желѣзо, и—что подобныя
свойства присущи, быть можетъ, и водѣ этой рѣки (стр. 719). Нельзя
братить вниманія на названіе рѣки, вполнѣ созвучное слову русской
, выражающему особое свойство ея—„*силу*“ воды, объясняемую Стра-
мъ.

Остановявшись на созвучіи имени Индійской рѣки съ однимъ словомъ
его говора, приведемъ имя же рѣки, впадающей въ Гангъ нижняго те-
; она называется „*Ойдану*“ или „*Ойдана*“. Артемидоръ, у котораго
о Страбономъ свѣдѣніе объ этой рѣкѣ, замѣчаетъ, что въ ней водятся
одилы и дельфины. Въ народной нашей рѣчи слышится выраженіе
вленія: *ай-да-ну*,—или—*ай-да-на*, *вотъ-такъ-на*. Нѣтъ-ли и въ имени
ой индѣйской рѣки тѣни русскаго же говора; не могло-ли оно,—имя,—
житься при слушаніи разсказа перваго индійца, увидѣвшаго въ рѣкѣ, до
неизвѣстной, дельфина—морское животное и чудовищнаго крокодила?
рѣкѣ Ойдану—стр. 735).

Объ озерахъ свѣдѣній не имѣется—потому, конечно, что спутники
ксандра, проходившіе по Индіи не для изученія ея, не отличали времен-
ъ водоемовъ, образуемыхъ разливами рѣкъ, отъ постоянныхъ, каковы
а.

Вся страна покрыта лѣсами: елью, сосною, кедромъ и другими; и очень много; кромѣ одинаковыхъ съ египетскими, не исключая кро гиппопотама и слоновъ, и съ эѳіопскими,—тамъ много разныхъ в обезьянъ, между которыми встрѣчается порода на столько крупныхъ ихъ принимали македоняне за людей и выступали противъ стадъ животныхъ, пока не ознакомились съ ними, въ боевомъ порядкѣ. В сахъ держится множество птицъ, превосходящихъ своимъ разнообразіе звѣриное царство.

Состояніе воздуха также разнообразно; въ приморской части с невыносимый зной; а по мѣрѣ приближенія къ горной—жара пост умѣряется.

Изъ ископаемыхъ богатствъ золото, серебро, драгоцѣнные камни и с въ изобиліи—по всей странѣ; много также и мѣди; о желѣзѣ Стр вовсе не упоминаетъ, какъ и объ оловѣ.

Бытовыя особенности индійцевъ. Обитатели благодатной извѣстной только въ части западной, по внѣшнему виду не одинаков луденные похожи по цвѣту кожи на эѳіоповъ, а по лицу и по во на остальныхъ людей. Страбонъ полагаетъ, что кожа принимаетъ т цвѣтъ въ зависимости отъ солнечныхъ лучей, а волоса вьются—отъ мѣрной сухости воздуха; этимъ онъ и объясняетъ наружный видъ но ныхъ индійцевъ: солнце жжетъ тамъ если не больше, такъ и не м чѣмъ въ Эѳіопіи,—воздухъ же постоянно влаженъ, отъ того волоса,— ритъ землеописатель,—и не вьются; заселяющіе же страну полночну ристую, близки къ египтянамъ. Въ пройденной македонянами стран жество городовъ.

Бытовыя особенности индійцевъ приводятся Страбономъ кратким рывками, заимствуемыми изъ различныхъ писателей, чаще всего изъ токъ Александровыхъ спутниковъ; нѣкоторыя же и притомъ, на н нашъ, весьма существенныя, выражены вполнѣ. Мы выпишемъ отрывочныя извѣстія,—а затѣмъ и полныя. Къ бытовымъ же особенн отнесемъ сказанія о мудрецахъ и отведемъ имъ отдѣльную статью.

Назвавъ книгу, въ которой Страбонъ говоритъ объ Индіи, мы п зывали до сихъ поръ на страницы, потому что выписанное не пре ляется, для народовѣдѣнія и для ильменскихъ насельниковъ, имѣющим бенно важное значеніе; въ слѣдующихъ же выпискахъ приведемъ и стра

Сказавъ о разливахъ рѣкъ и заболочиваніи прибрежныхъ простра Страбонъ объясняетъ: во время дождей тамъ сѣютъ ленъ, просо, инди пшеницу и рисъ,—а въ зимнюю пору также пшеницу, ячмень, стру и другія, неизвѣстныя вовсе еллинамъ, растенія. Будучи мало-общит съ иноземцами, индійцы ревниво оберегаютъ естественныя произ своей страны, особенно хлѣбныя растенія; смолотивши пшеницу, т поджариваютъ зерна, давъ предварительно клятву не уносить съ неподжаренныхъ, чтобы воспрепятствовать вывозу сѣмянъ изъ своей (кн. XV, гл. I, стр. 105—108).

Онесикритъ сообщаетъ, что въ Индійской области *Мусиканъ*, растетъ дикомъ состояніи хлѣбъ, похожій на пшеницу, и виноградная лоза, даю- вино (стр. 710); что тамъ, и вообще въ Индіи, много ядовитыхъ ра- ій, и что существуетъ законъ, въ силу котораго изобрѣтатель яда на- ывается смертью, если одновременно не находитъ противоядія—и нараж- ся самимъ царемъ, если открываетъ разомъ то и другое (стр. 711).

Какъ и у скиѳовъ Анахарзиса, у индійцевъ въ употребленіи только ли (кимвалы), бубны и трещетки; приспособленій же, чтобы извлекать кные звуки, подобные свирели (флейтѣ), они не имѣютъ (стр. 710).

Въ области державца *Сопейѳа*—Гандаридѣ высоко цѣнится красота лю- , лошадей и собакъ; въ цари у нихъ выбирается красивѣйшій; всякое одившееся дитя подлежитъ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ жизни своей, на- ному наблюденію для заключенія, имѣетъ-ли оно опредѣленное тѣлосло- іе, дающее право на жизнь; по рѣшенію суда, основанному на этомъ на- деніи, новорожденному или предоставляется жить, или его умерщвляютъ; бы сдѣлать себя красивыми, жители области раскрашиваютъ свои бороды жествомъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ; да и всѣ вообще индійцы дѣлаютъ ке самое съ своими волосами и одеждой, потому что земля ихъ произ- итъ изумительныя краски; населеніе, совершенно простое во всѣхъ дру- хъ отношеніяхъ, имѣетъ страсть къ украшеніямъ; какъ особенность жи- ей области Сопейѳа приводится: свободный выборъ—дѣвушкою мужа, а жчиною—жены, и самосожиганіе овдовѣвшей женщины вмѣстѣ съ тру- мъ мужа. Наблюдатели этого обычая сообщаютъ и причину установленія —будто жены, прелюбодѣйствуя, въ молодости, съ юношами, покидали ихъ мужей, или прибѣгали къ отравленію ихъ, за что и были сожигаемы— оятно сперва насильственно. (Тамъ же, стр. 715).

Между Индомъ и Гидаспомъ существовалъ большой городъ *Таксилъ;* ъ бытовалъ, по сообщенію Аристобула, слѣдующій обычай: бѣдняки, имѣвшіе возможности выдать замужъ своихъ дочерей въ общепринятомъ ядкѣ сватовства съ приданымъ, выводили ихъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ площадь, созвавъ туда предварительно звуками раковинъ и бубновъ,— жащими знакомъ призыва на войну,—толпу народа; выведенная дѣ- ка обнажалась для всякаго, подходившаго къ ней, до плечь, сначала ди, а потомъ и спереди; если она нравилась и осматривавшій согла- ся на предлагаемыя условія,—дѣвушка признавалась его женою (стр. 730).

Въ области рѣки Инда есть земля *Мусикана*; жители ея очень долго- ны; возрастъ въ сто тридцать лѣтъ—обыкновенный; о жителяхъ другой ли, называемыхъ *„Серы“*, говорятъ, что они еще долговѣчнѣе и живутъ двухсотъ лѣтъ. Мусиканцы умѣренны, а потому и здоровы; у нихъ об- столъ; лакомства добываются охотой; не употребляютъ ни золота, ни ебра, хотя то и другое находится въ странѣ ихъ въ изобиліи; вмѣсто ювъ пользуются юношами цвѣтущаго возраста, какъ критяне—афаміо- ии, а лаконцы—гелотами; никакими науками не занимаются усердно, мѣ врачебной; а увлеченія искусствами, каково напримѣръ военное, вмѣ- ется въ порокъ; нѣтъ у нихъ суда для дѣлъ гражданскихъ вовсе, а для

уголовныхъ—только въ случаяхъ насилія и убійства, и вотъ почему
кій имущественный ущербъ и всякая обида зависитъ отъ самихъ сбл
щихся и вступающихъ въ сдѣлки; нужно быть только внимательны
лицамъ, которымъ оказывается довѣріе, чтобы предупредить обиды и ущ
городъ не долженъ быть наполняемъ тяжбами. (Тамъ же, стр. 717).

Всѣ индійцы любятъ пестроту въ нарядѣ, а особенно тѣ, которы
зываются, какъ уже сказано, *сидраками* и отправляютъ такія же пра
ства, какія бываютъ у другихъ народовъ въ честь Діониса.

Въ Индіи водятся слоны болѣе крупные и сильные сравнител
либійскими; жители области, гдѣ слоновъ много, ловятъ и приручаютъ
Способъ ловли и обученіе этихъ великановъ описываются подробно; н
пропускаемъ подробности, какъ непригодныя въ нашей задачѣ (стр. 7
722); подробности же о золотокопателяхъ муравьяхъ, у которыхъ ни
крадутъ золотой песокъ, Страбонъ заимствуетъ у Геродота, они прив
уже; но о слонахъ отмѣтимъ, что по установившемуся воззрѣнію индій
если мужчина даритъ возлюбленной своей дѣвушкѣ слона—это для нея
шая честь. Принявъ во вниманіе послѣднее свѣдѣніе, Страбонъ замѣ
что оно не согласуется съ господствующимъ мнѣніемъ, (см. ниже) буд
шадь и слонъ составляютъ предметъ исключительно царскаго обладанія.
же, стр. 721).

Въ обычаѣ индійцевъ—держать у себя прирученныхъ звѣрей и
змѣй;—такъ царь Абисаръ, по словамъ Онесикрита, которому, впр
Страбонъ мало довѣряетъ, имѣлъ у себя двухъ огромныхъ драконовъ:
имѣлъ въ длину восемьдесятъ локтей, а другой сто сорокъ (стр.
Локоть равняется нашимъ десяти вершкамъ (приблизительно). Значитъ
драконъ почти въ семнадцать, а другой даже до тридцати саженъ д

При сліяніи Инда съ другою какою-то рѣкою, лежалъ городъ
боѳры, длиною въ восемьдесятъ, а шириною въ пятнадцать стадій,
женный деревянною стѣною; для стрѣльбы извнутри продѣланы бы
стѣнѣ особыя отверстія; передъ укрѣпленіемъ идетъ ради защиты
Народъ, которому принадлежитъ этотъ городъ, называется прасіями:
наилучшій народъ; правительство состоитъ изъ пяти тысячъ совѣтн
изъ которыхъ каждый доставляетъ государству по одному голосу (стр.

Всѣ индійцы ведутъ скромный образъ жизни, особенно въ похо
тогда не допускаются никакія ненужныя для дѣла войска сборища,
тому въ походахъ соблюдается строгій порядокъ и подчиненіе. Наибо
воздержаніе замѣчается относительно кражъ; писанныхъ законовъ въ с
нѣтъ; неизвѣстна и самая письменность,—все устраивается въ памят
благодаря простотѣ нравовъ и умѣренности, народъ считаетъ себя сча
вымъ;—вино пьютъ только во время жертвоприношеній, и то не вчи
а рисовое; питаются предпочтительно рисовою же похлебкою. Простот
дійцевъ обнаруживается съ полною очевидностью въ законахъ и сдѣ
частныхъ лицъ; тяжбъ не бываетъ, не случается и жалобъ по поводу
логовъ или имущества, даваемаго на сохраненіе; не встрѣчается такн
добности ни въ свидѣтеляхъ по гражданскимъ дѣламъ, ни въ печатяхъ

едачѣ другъ другу движимой собственности; добро въ домахъ обыкно-
но на виду, никуда не прячется. Все это разумно,—замѣчаетъ Стра-
ъ,—но никто не одобритъ обычая, въ силу котораго каждый живетъ
ъ, по себѣ и не существуетъ общаго, для всѣхъ опредѣленнаго времени
завтрака и обѣда; у нихъ всякій завтракаетъ когда ему угодно;—обрат-
способъ употребленія пищи болѣе благопріятенъ, по его мнѣнію, жизни
ественной и гражданской (стр. 725).

Изъ всѣхъ упражненій тѣла важнѣйшимъ считается растираніе его
ными способами, преимущественно гладкой скребницей изъ чернаго дерева
новаго—въ переводѣ); уходъ за особою царя принадлежитъ его женамъ;
когда онъ внѣ дома, гдѣ-бы ни было, безпрепятственно входятъ въ из-
тное время четыре человѣка и растираютъ тѣло его скребницами (тамъ
и на 726 стр.).

Похороны скромны и могилы не велики. При простотѣ во всемъ, ин-
цы любятъ украшенія; надѣваютъ на себя золотыя вещи съ драгоцѣнными
ніями, носятъ хорошо раскрашенное бумажное платье, употребляютъ зон-
и для защиты отъ солнечныхъ лучей (это на стр. 725); выдѣлываютъ
кія шерстяныя ткани изъ вещества, появляющагося, по словамъ Аристо-
а и Онесикрита, вслѣдствіе большой сырости воздуха на нѣкоторыхъ
евьяхъ;—Неархъ же сказываетъ, что это же вещество употребляется ма-
ами для набивки постели и сѣделъ, и что тонкимъ индійскимъ тка-
ъ подобны *сериковыя*, то есть шелковыя вещи, для которыхъ шерсть
ывается также съ коры особаго рода деревьевъ (стр. 710).

Примѣчаніе. Между нашими сельчанами существуетъ обыкновеніе набивать подушки
мъ болотныхъ тросниковыхъ растеній, называемыхъ палками.

Прилагая всѣ старанія къ украшенію лица, индійцы, между тѣмъ, вы-
чтутъ душевныя качества—правдивость и добродѣтель; у нихъ даже
тарики не пользуются никакимъ предпочтеніемъ, если они не отличаются
ющимся благоразуміемъ (стр. 725).

Женятся на многихъ дѣвушкахъ, покупаемыхъ у ихъ родителей за
у быковъ; однѣхъ пріобрѣтаютъ для домашнихъ работъ, другихъ для
лажденія сожительствомъ;—если дѣвушка, при покупкѣ ея, не обязы-
тся цѣломудріемъ,—можетъ безнаказанно наслаждаться сладострастіемъ
кѣмъ угодно;—рабства въ странѣ нѣтъ нигдѣ—по увѣренію Магасѳена,—
по наблюденіямъ Онесикрита—его нѣтъ среди мусиканскаго населенія,
чемъ наблюдатель признаетъ свободу всѣхъ людей области Мусикана
имъ изъ большаго числа ея преимуществъ и вообще считаетъ мусиканъ
ющими законы наилучшіе изъ всѣхъ прочихъ областей Индіи. (стр. 726).

Никто не приноситъ жертвы въ вѣнкѣ; куренія ѳиміама и жертвен-
ъ возліяній—не знаютъ индійцы; жертвенное животное предоставляется
ству не поврежденное, его,—какъ сказано уже выше,—не рѣжутъ, а
рщвляютъ посредствомъ удушенія.

Въ дѣлахъ уголовныхъ свидѣтели принимаются; но уличенный во лжи
дѣтель подвергается лишенію крайнихъ частей тѣла; обвиненный по суду

въ причиненіи кому-либо тѣлеснаго поврежденія, подвергается тому ж
мому членовредительству—и лишенію руки; а повредившій ремесле
глазъ или руку—осуждается на смерть (тамъ же).

Неархъ, на котораго Страбонъ ссылается съ довѣріемъ,—говорит
у индійцевъ законы хотя и не писанные, но соблюдаются строго: од
нихъ общіе для всей страны, другіе—мѣстные; тѣ и другіе предста
особенности сравнительно съ законами другихъ народовъ; по законам
которыхъ мѣстностей—дѣвушки даются въ награду побѣдителямъ въ
ныхъ бояхъ и выходятъ, поэтому, замужъ безъ приданаго; въ д
мѣстныхъ законахъ постановлено, чтобы поля были обработываемы
родственниками сообща; чтобы по уборкѣ плодовъ каждый получалъ
ное для своего пропитанія на годъ, и чтобы урожай, остающійся за
ломъ, былъ сожигаемъ; это установлено въ видахъ недопущенія праз
и принужденія людей постоянно работать (стр. 733).

Тотъ же Неархъ отзывается, въ противорѣчіе съ свидѣтельство
гихъ въ вышеупомянутыхъ нами свѣдѣніяхъ,—съ похвалою о любви
цевъ къ искусствамъ; они дѣлали, напримѣръ, подражаніе видѣннымъ
кедонянъ губкамъ; многіе выучивались приготовлять щетки для куп
бутылки для масла и проч.; письменность извѣстна этому народу; д
чертанія звуковыхъ знаковъ (не объясняется какихъ именно) употреб
плотно сбитая въ куски хлопчатая бумага (—въ переводѣ—„письм
шутъ на плотно сбитыхъ кускахъ хлопчатой бумаги"); — извѣстенъ
способъ плавки мѣди, а не кованья; однако выдѣлываемые этимъ спос
сосуды при паденіи разбиваются, какъ глиняные; гдѣ-то въ Индіи уп
ляли мѣдные и должно быть кованные, т. е. приготовленные холодным
собомъ, наконечники для стрѣлъ. Мегасѳенъ, сообщая баснословія о
личныхъ чудовищныхъ людяхъ, живущихъ, будто-бы, въ той стран
ковы малорослые, не выше пяти и даже трехъ пядей (пядь—около
рехъ вершковъ), безносые, имѣющіе уши до того длинные, что эти
спятъ на нихъ, безротые, питающіеся только запахомъ съѣдобных
ществъ и проч.,—говоритъ, что съ малорослыми ведутъ войну журав
похищеніе яицъ, высиживаемыхъ только въ ихъ области, и что эти
часто улетаютъ оттуда, имѣя въ тѣлѣ мѣдные наконечники отъ с
(стр. 727. См. выше о пигмеяхъ и стр. 733).

О божествахъ индѣйцевъ сообщается нѣсколько словъ: они почи
Дарователя дождя, какъ Зевса, рѣку Гангъ и какихъ-то туземныхъ
(стр. 734).

Жизнь царей, съ которыми имѣли дѣло македоняне, описывается
никами Александра довольно подробно: внѣ дома царя оберегаютъ
тѣлохранители, окружающіе его дворецъ, и вообще все войско; пь
его, предосудительное въ высшей степени въ каждомъ жителѣ страны
мущаетъ народное чувство на столько, что жена, убившая пьянаго ц
вознагражденіе за свой подвигъ, вступаетъ въ бракъ съ наслѣдник
наслѣдуютъ дѣти; днемъ царь не спитъ; ночью же онъ вынужденъ
время отъ времени, ложе, во избѣжаніе засады; на войну царь обязан

ить лично; кромѣ этого онъ имѣетъ еще нѣсколько:—на судъ для слу-
ія дѣлъ въ продолженіи цѣлаго дня,—на охоту и къ жертвоприноше-
ъ. Во время производства суда, какъ сказано, царь натирается; на охоту
выступаетъ окруженный женщинами, въ такомъ порядкѣ: внѣ круга,
срединѣ котораго находится царь, идутъ тѣлохранители; путь огражденъ
обѣихъ сторонъ веревками; лицо протиснувшееся за черту круга—до жен-
нъ, наказывается смертью; царь охотится въ загороженномъ пространствѣ
трѣляетъ съ подмостковъ; двѣ изъ вооруженныхъ женщинъ стоятъ подлѣ;
мѣстахъ, неогороженныхъ охота производится на слонахъ; прочія, кромѣ
хъ двухъ, женщины сидятъ однѣ на лошадяхъ, другія на слонахъ или
колесницахъ; онѣ умѣютъ обращаться со всякимъ оружіемъ и участвуютъ
военныхъ походахъ въ такомъ же порядкѣ, какъ и на охотѣ (стр. 726).
ертвоприношенія и торжественные выходы таковы: выступаетъ множество
оновъ, украшенныхъ золотомъ и серебромъ, - много колесницъ въ четыре
шади и большое число быковъ—попарно; за ними слѣдуетъ нарядно одѣтое
йско, потомъ несутъ золотые сосуды, именно огромные котлы и чаши въ
тыре локтя величиной, столы изъ индійской мѣди, кресла, чаши (кубки?),
ıальни (ванны?) и проч.; большая часть этихъ предметовъ украшена ка-
ьями, каковы: изумруды, бериллы и кондоманы; платья участвующихъ
выходѣ пестры и шиты золотомъ; выступаютъ также дикіе звѣри: буй-
ы, пантеры, ручные львы и множество разнообразныхъ прекрасно пою-
хъ птицъ; на большихъ повозкахъ о четырехъ колесахъ везутъ деревья,
бющія большіе листья, съ ручными птицами, на нихъ повѣшенными (въ
ткахъ?); наилучшими изъ нихъ считаются—по голосу *аріонъ*, и по
тротѣ перьевъ *катрей*, похожій на павлина. Когда царь моетъ себѣ во
ы, подданные устраиваютъ большое празднество, посылая ему цѣнные
арки, стараясь приэтомъ превзойти одинъ другаго въ богатствѣ посылки
р. 734). Цари носятъ два имени: одно—даваемое при рожденіи, а другое,—
азывающее на тотъ городъ, изъ котораго онъ происходитъ, тоже самое
мѣчается и у парѳовъ: всѣ они называются арсаками,—а собственное имя
сятъ: одинъ—Ороды, другой Фрааты,—третій какое нибудь иное (стр. 718).
рочемъ это извѣстіе Страбона относится не ко всѣмъ индѣйскимъ царямъ,
только къ прасійскимъ, гдѣ упомянутый городъ Палибоѳры.

Вооруженіе индійскихъ войскъ состоитъ изъ лука съ трехлоктевыми
рѣлами, или изъ метательнаго копья, меча и щита—шириною въ три
ктя: вмѣсто уздечки употребляются намордники, а въ губы продѣваются
зди (стр. 733).).

Хотя многіе писатели увѣряютъ, что жители Индіи носятъ одежду кра-
о раскрашенную, но вообще тамъ предпочитается болѣе платье хлоп-
о-бумажное и льняное; волосъ и бороды не стригутъ, заплетая на головѣ
косы и прикрывая особою повязкою (стр. 735).

Изъ народовъ приводятся Страбономъ,—кромѣ упомянутыхъ уже,—еще
пакены, *гипасіи*, *масіаны* и *маллы* (стр. 714 и 716); изъ городовъ от-
тимъ *Певколаитиду*, напоминающую Певкэ и певкиновъ; городъ этотъ

лежитъ у самаго Инда; близь него Александръ перевелъ войска на д
сторону рѣки черезъ перекинутый имъ мостъ (стр. 714).

Изложивъ свѣдѣнія спутниковъ Александра о бытовыхъ особенно
Страбонъ замѣчаетъ: всѣ эти обычаи представляются странными с
тельно съ эллинскими, но еще страннѣе сообщаемое Мегасѳеномъ, буд
татели Кавказа сообщаются съ женами открыто и пожираютъ тѣл
ихъ родственниковъ (стр. 726). Мегасѳенъ, какъ македонянинъ, разу
вѣроятно, подъ Кавказомъ тѣ крайнія части Тавра, которыя составлял
ночную границу Страбоновой Индіи.

Раздѣленіе населенія Индіи и управленіе. Всѣ жители
раздѣляются на семь разрядовъ; переходъ изъ одного въ другой стро
воспрещенъ, такъ, что никто не можетъ даже вступать въ бракъ с
цомъ, не состоящимъ въ одномъ съ нимъ разрядѣ; равно никому не
ляется мѣнять ремеселъ и занятій, составляющихъ основаніе дѣленія н
ряды; исключенія допускаются только среди мудрецовъ, ради высок
жаемыхъ и чтимыхъ качествъ ихъ (стр. 723).

Разрядъ первый, наиболѣе почетный и самый малочисленный, с
ляютъ мудрецы. Ими пользуются частныя лица каждымъ особо, въ с
принесенія жертвы богамъ, или покойникамъ, а всѣми совокупно—на
такъ называемомъ Великомъ Совѣтѣ, на который мудрецы собирают
преддверіи царскаго дворца; бываетъ этотъ совѣтъ въ началѣ каждаго
года; все, что каждый мудрецъ задумалъ или замѣтилъ въ теченіе м
шаго года полезнаго для плодовъ, или для животныхъ, или для гос
ственныхъ учрежденій, высказывается здѣсь публично. Мудрецъ, сообщ
правду—освобождается отъ всякихъ податей и налоговъ, а сказавш
правду три раза („пойманный трижды во лжи") долженъ, по закону,
чать всю жизнь (тамъ-же, стр. 719).

Второй разрядъ (самый многочисленный) составляютъ земледѣльц
это самые честные люди: они освобождены отъ военной службы; их
боты не нарушаются ничѣмъ; въ городъ земледѣльцы не ходятъ, не
маются никакими иными дѣлами и не несутъ никакихъ общественных
винностей. Случается, что въ одной и той же области, въ одно и
время,—воины стоятъ противъ непріятеля и вступаютъ съ нимъ въ б
а земледѣльцы тутъ же пашутъ и копаютъ землю внѣ всякой опас
потому что за нихъ сражаются воины. Вся земля области принадл
царю; земледѣльцы обработываютъ ее за плату, именно за четверту
сбора (стр. 728).

Къ третьему разряду отчислены пастухи и охотники; имъ одним
воляется бить хищныхъ звѣрей и птицъ и пасти скотъ, покупать и
давать его; за то что охотники избавляютъ страну отъ хищныхъ зв
истребляющихъ домашній скотъ и отъ птицъ, поѣдающихъ посѣянны
поляхъ зерна, имъ отпускается отъ царя хлѣбъ; жизнь ведутъ эти инд
скитальческую,—въ шалашахъ. Къ этому же разряду относятся наде
щики, приставленные къ царскимъ слонамъ и лошадямъ,—составляю
его исключительное достояніе; частныя лица не могутъ держать этихъ

ыхъ для своей надобности. Это извѣстіе Мегасѳена и есть то господ-
ющее мнѣніе, о которомъ упомянуто выше.

Сказавъ объ истребленіи охотниками лѣсныхъ хищниковъ, Страбонъ приво-
нѣсколько свѣдѣній объ индійскихъ ядовитыхъ змѣяхъ и странствующихъ
жеяхъ, зылечивающихъ заболѣвшихъ отъ ужаленія ими и пользующихся
ріемъ народа; ворожеи — единственные врачи противъ змѣинаго яда; въ дру-
ъ болѣзняхъ помогаютъ мудрецы. Но такъ какъ населеніе живетъ скромно,
а не употребляетъ,—оно мало и хвораетъ. Изъ извѣстій Аристобула Стра-
ъ приводитъ одно, весьма любопытное по связи съ говоромъ нашего де-
нскаго населенія,—о мѣдяницахъ: „ни одно изъ многочисленныхъ ядо-
ыхъ пресмыкающихся такъ не вредно, какъ тонкія, почти въ пядь дли-
, мѣдяницы: эти гадюки скрываются въ палаткахъ, въ сосудахъ и
тьяхъ; укушенные ими истекаютъ кровью, льющеюся изо всѣхъ естест-
ныхъ отверстій тѣла, страдаютъ отъ боли и наконецъ умираютъ, если
орѣ не оказана помощь; помочь, впрочемъ, легко, благодаря свойствамъ
йскихъ корней и лекарствъ (стр. 722)". Повѣрье нашихъ сельчанъ о мѣ-
ицахъ такое же, хотя эта маленькая змѣйка почти безвредна.

За охотниками и пастухами слѣдуетъ четвертый разрядъ населенія—
сленники, торговцы и всѣ занимающіеся ручнымъ трудомъ; изъ нихъ
платятъ подати и отбываютъ установленныя повинности, другіе—ка-
выдѣлывающіе оружіе и кораблестроители, получаютъ содержаніе,
хъ того, плату—отъ царя, на котораго только они и работаютъ. Оружіе
ку доставляется главноначальствующимъ, а предводитель морскихъ силъ
етъ корабли, въ мирное время, въ наймы мореплавателямъ и купцамъ.

Къ пятому разряду принадлежатъ воины; содержатся вполнѣ на средства
, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ надобности быстро выступали въ походъ;
собою они не берутъ рѣшительно ничего собственнаго, вооруженіе и одежда
ногъ до головы—все это царское. Все мирное время воины проводятъ въ
здности и попойкахъ.

Шестой разрядъ—надсмотрщики; они обязаны внимательно слѣдить за
мъ, что дѣлается, и тайно доносить о своихъ наблюденіяхъ царю. Самыми
тельными помощниками ихъ состоятъ публичныя женщины, въ городахъ—
одскія, а въ мѣстахъ расположенія войска—станичныя. Въ надсмотрщики
начаются самые лучшіе и надежные люди.

Послѣдній по порядку и первый по значенію и мѣсту въ государствен-
ъ строѣ разрядъ населенія—это совѣтники и помощники царя; изъ нихъ
раются управляющіе государствомъ должностныя лица и судьи.

Должностныя лица трехъ родовъ.—*агорономы*, *астиномы* и *военные*.
Странство вѣдомства ихъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Агорономы—измѣряли землю, какъ въ Египтѣ, смотрѣли за рѣками,
юдали за *открытыми канавами*, изъ которыхъ вода распредѣляется
проводнымъ трубамъ, и за полученіемъ всѣми жителями участка равно-
ннаго количества воды;—вѣдали охотниковъ, которыхъ они же награждали
заслугамъ или наказывали за проступки;—собирали подати,—слѣдили
способами земледѣлія, равно какъ за дровосѣками, плотниками, слесарями
удокопами; они же прокладывали дороги и ставили столбы черезъ раз-

дыя десять стадій=875 саженъ, для обозначенія отклоненій въ стор разстояній.

Примѣчаніе. Замѣтимъ, что наша верста имѣла въ древности, какъ поприщ тысячи саженъ. Если принять въ разсчетъ неодинаковость сажени въ разныхъ м Руси, вызвавшую установленіе длины этой единицы правительствомъ, и имѣть в «поприще» предшествовавшее верстѣ, какъ мѣру разстоянія, и составныя его части «бища» живущія до сихъ поръ въ ильменскихъ побережьяхъ,—окажется, что десять индійскихъ соотвѣтствуютъ нашему поприщу и древней верстѣ, а одна стадія—стрѣл (Ариѳметика Магницкаго. ср. Карамзина: II ч. примѣч. 4, 11;—III ч. примѣч. 367 прим. 35 и 78).

Астиномы составляли отряды по пяти человѣкъ; одни наблюдал порядкомъ при производствѣ ремеселъ, другіе завѣдывали пріемомъ странцевъ;—далѣе—они же: строили заѣзжіе дворы, слѣдили за обр жизни прибывающихъ и селившихся тутъ; чрезъ особыхъ проводник сопровождали выѣзжающихъ изъ страны, какъ ихъ самихъ, такъ и щество, ухаживали за больными и хоронили умершихъ;—собирали сп объ обстоятельствахъ, при которыхъ слѣдовала смерть гражданина или деніе младенца, какъ для податей, такъ и для того, чтобы не остав неизвѣстными дни рожденія и смерти людей,—наилучшихъ и наихудших завѣдывали мелочной торговлей и обмѣномъ товаровъ, мѣрами и доб чественностью продаваемаго, равно мѣною сообразно съ правами каж ибо одно лицо не могло вести мѣну различныхъ предметовъ, за исклю емъ случаевъ, когда оно платило двойныя подати;—вѣдали произв ремеселъ и выпускъ ихъ въ продажу,—новыхъ отдѣльно отъ старыхъ; шеніе ремесленныхъ, какъ и естественныхъ произведеній, наказывало наконецъ астиномы собирали *десятину* съ продаваемыхъ предметовъ; говцы, скрывшіе эту и всякую другую подать наказывались смертію. Р численныя обязанности астиномовъ принадлежали соотвѣтствовавшему ряду ихъ въ отдѣльности; всѣ же въ совокупности эти должностныя смотрѣли за частными и общественными дѣлами, за постройкою общес ныхъ зданій, за цѣнами товаровъ, за рынкомъ, водяными пристанями храмами.

Военныя должностныя лица составляли шесть разрядовъ, также по человѣкъ въ каждомъ. Первый былъ подчиненъ начальнику морскихъ сил второй—лицу, завѣдывавшему рогатымъ скотомъ, посредствомъ кото доставлялись предметы вооруженія, питаніе для людей, кормъ для р чаго скота и все необходимое въ военномъ походѣ; чины второго военнаго разряда доставляли слугъ, барабанщиковъ (тимпанщиковъ), зв рей, конюшихъ, выдѣлывателей оружія и ихъ помощниковъ,—высылали особому звону *колоколовъ* собирателей корма, обезпечивая быстроту и ность доставки наградами и наказаніями;—третій—имѣлъ попеченіе о хотѣ; четвертый—о лошадяхъ;—пятый—о колесницахъ;—и шестой—о нахъ. Для лошадей и слоновъ устраивались царскія стойла;—для вооруже особый складъ, тоже—царскій; по окончаніи похода каждый воинъ сдав свое вооруженіе въ этотъ складъ, а лошадь и слона—въ главную конюш

ны вообще не взнуздывались; колесницы возились быками; лошадей во-
ы на недоуздкахъ, для того, чтобы у нихъ не пухли ноги, и чтобы въ
ряжкѣ не упала ихъ бодрость;—на каждой колесницѣ находились—воз-
ій и два бойца, а на слонѣ—возница и три стрѣлка (стр. 723 и 724).

Индійскіе мудрецы.

Мудрецы Индіи раздѣляются на два вида: одни—обитатели горъ,—дру-
—городовъ, вообще равнинъ и населенныхъ мѣстъ. Различные писатели
бщаютъ не одинаковыя объ обоихъ видахъ свѣдѣнія. Горныхъ признаютъ
итателями божества радости, подобнаго Діонису, а равниняне поклоняются
аклу (стр. 728). Мегасѳенъ же устанавливаетъ другія наименованія обо-
ъ видовъ: первыхъ, или вообще однихъ, онъ называетъ *брахманами*,
рыхъ, или другихъ—*гарманами*.

Брахманы пользуются большимъ почетомъ. Едва зародившись они,
е въ утробѣ матери, получаютъ уже попечителей въ лицѣ ученыхъ
жей, которые входятъ въ домъ и ниспосылаютъ, повидимому, посред-
омъ заговоровъ, благополучіе и матери и зародышу; на самомъ же дѣлѣ
тъ беременной благоразумные и ободряющіе совѣты; чѣмъ охотнѣе вы-
шиваютъ матери подобные совѣты, тѣмъ счастливѣе будутъ дѣти. Послѣ
денія дитяти опекуны его постоянно мѣняются: по мѣрѣ роста ребенокъ
учаетъ болѣе и болѣе образованныхъ наставниковъ.

Мудрецы—брахманы живутъ въ рощѣ передъ городомъ; за ними со-
вѣтствующее пустое пространство, отдѣляющее рощу отъ города; образъ
ни они ведутъ самый простой: спятъ на соломѣ и звѣриныхъ шкурахъ;
пищѣ воздерживаются отъ всего жизнеспособнаго; половыхъ сообщеній
ѣгаютъ; слушаютъ строгія бесѣды, допуская на нихъ и постороннихъ
ъ;—слушателю запрещается говорить, кашлять и даже плевать; кто до-
титъ нарушеніе этого запрещенія,—исключается, какъ неблаговоспитан-
й, изъ общества на цѣлый день.

Лицо, прожившее въ такомъ строгомъ воздержаніи тридцать семь лѣтъ,
вращается въ свою осѣдлость (помѣстье—въ переводѣ), гдѣ ему спокой-
и свободнѣе; одѣвается въ бумажное платье, носитъ въ ушахъ и на
ахъ золотыя вещи въ умѣренномъ количествѣ,—употребляетъ въ пищу
о животныхъ, безполезныхъ для работъ, но воздерживается отъ пря-
ей и сластей.

Брахманы заботятся, чтобы имѣть какъ можно болѣе женъ,—для мно-
сленности потомства, разсуждая, что изъ большаго числа дѣтей полу-
ся и больше хорошихъ; къ тому же въ Индіи нѣтъ рабства; помощь со
роны дѣтей, какъ наиболѣе родственная, болѣе значительна, чѣмъ по-
ронныхъ.

Женъ своихъ брахманы не учатъ, чтобы дурныя изъ нихъ не распро-
няли, среди непосвященныхъ, тайны ихъ ученія,—а хорошія—не покидали
ихъ мужей. Дѣйствительно,—замѣчаетъ по этому поводу Страбонъ,—к-

презираетъ удовольствіе и страданіе, равно какъ жизнь и смерть, то
захочетъ подчиняться другому; таковы лучшіе мужья и жены.

Большая часть бесѣдъ мудрецовъ касается смерти; они полагаютъ
земная жизнь есть только довершеніе зачатія, а смерть—для мудрецо
нарожденіе въ будущую блаженную жизнь; вотъ почему они продолжи
нымъ упражненіемъ приготовляются умирать охотно.

Въ томъ, что случается въ жизни съ людьми, нѣтъ ничего, по
тіямъ мудрецовъ, ни дурнаго, ни хорошаго, потому что въ проти
случаѣ было бы невозможно, чтобы по одинаковому поводу одни люд
чалились, а другіе радовались.

Относительно предметовъ природы брахманы оказываются въ нѣ
рыхъ случаяхъ легковѣрными (наивными),—и вообще они лучше въ
лахъ, чѣмъ въ рѣчахъ; для доказательствъ въ сужденіяхъ своихъ польз
большею частію баснями (иносказаніями).

Во многомъ ученіе брахмановъ согласно съ эллинскимъ, такъ:
считаютъ міръ народившимся и подлежащимъ уничтоженію; утверж
также, что онъ шарообразенъ,—что божество, создавше и устроившее
проникаетъ всю вселенную; первоначальныя вещества всѣхъ шаровыхъ
различны,—а началомъ образованія земли послужила вода; кромѣ четы
основныхъ веществъ (стихій) они признаютъ еще пятое, изъ котораго
небо и звѣзды; земля помѣщается въ срединѣ вселенной. О сѣмени, з
дающемъ человѣка, о его душѣ и разныхъ другихъ предметахъ муд
разсказываютъ подобное (?) и многое другое, вставляя басни же; так
ступаетъ и Платонъ—въ вопросахъ о безсмертіи души, о судѣ въ аду
многомъ другомъ (стр. 728 и 729).

Гарманы. Изъ гармановъ наиболѣе почетные—это обитатели лѣ
гилобіи. Они питаются листьями и дикими плодами; одежду имѣютъ
древесной коры; обходятся безъ вина и безъ женщинъ; съ царями, в
шающими ихъ о причинахъ событій, сносятся чрезъ вѣстниковъ; по у
ніямъ гилобіевъ цари чтутъ называемыхъ ими боговъ и молятся имъ.

Второе мѣсто послѣ гилобіевъ имѣютъ врачи и мудрецы, зани
щіеся *наукою о человѣкѣ*. Они живутъ просто, но не въ лѣсахъ; пита
рисомъ и ячменной мукой, каковую доставляетъ имъ, по просьбѣ, всяк
вездѣ принимаются дружески. Врачи могутъ, посредствомъ извѣстныхъ
спадобьевъ, дѣлать женщинъ плодовитыми, а также производить дитя ж
маго пола; болѣзни излечиваются главнымъ образомъ пищею, т. е.
треннимъ, а не наружнымъ лекарствомъ; послѣднее—это мази и пласт

И гилобіи и врачи воспитываютъ въ себѣ постоянство въ страда
и терпѣніи, оставаясь цѣлый день въ избранномъ какомъ-либо поло
неподвижно.

Нѣкоторые изъ гармановъ—прорицатели и ворожеи; они знаютъ
и обряды, касающіеся покойниковъ, и странствуютъ по городамъ и д
нямъ. Иные, хотя ученѣе и вообще образованнѣе прорицателей, не о
гаютъ однако же баснословныхъ сказаній о преисподней, насколько
содѣйствуютъ благочестію и святости.

При нѣкоторыхъ гарманахъ *учатся мудрости и женщины*, воздержи-
ющіеся при этомъ отъ половыхъ сообщеній (стр. 729 и 730).

Аристобулъ разсказываетъ, что онъ видѣлъ двухъ *таксильскихъ му-
рецовъ* (о городѣ Таксилѣ сказано выше); оба были брахманы; старшій
ригженъ, а младшій съ длинными волосами; за обоими слѣдовали уче-
ки; большую часть дня всѣ проводили на торговой площади и какъ да-
вшіе всѣмъ, кому нужно, совѣты, имѣли право брать себѣ безвозмездно
вары, какіе-бы ни пожелали. Всякій, къ кому подходили мудрецы, обли-
лъ ихъ сезамовымъ масломъ съ такимъ обиліемъ, что оно текло по гла-
мъ. (Сезамъ—городъ въ Индіи).

Таксинскіе мудрецы пришли разъ къ обѣденному столу Александра
ликаго и ѣли не сидя, какъ всѣ, а стоя; затѣмъ удалились на небольшое
зстояніе и доказывали свое терпѣніе, чтобы научить таковому окружав-
ихъ ихъ македонянъ; старшій опрокинулся навзничь и выдержавши сол-
чные лучи и дождевыя капли не измѣнялъ своего положенія, а молодой
ялъ цѣлый день на одной ногѣ и держалъ обѣими руками надъ головою
вно въ три локтя; когда одна нога уставала, онъ становился на другую;
адшій оказался гораздо выносливѣе; слѣдуя нѣкоторое время за царемъ
акедонскимъ), онъ вдругъ повернулъ домой и велѣлъ сказать Александру
резъ находившагося при немъ посланца, чтобы онъ самъ пришелъ къ
му, если пожелаетъ узнать что-нибудь;—старшій-же покинулъ родину и,
ходясь при царѣ, перемѣнилъ обыкновенное свое платье (на обще-маке-
нское?) и самый образъ жизни; на упреки по этому поводу нѣкоторыхъ
цъ, отвѣчалъ,—что онъ прожилъ обѣщанные сорокъ лѣтъ строгаго воз-
ржанія; Александръ дѣлалъ дѣтямъ этого мудреца подарки (тамъ же).

Онесикритъ пишетъ, что онъ былъ посланъ Александромъ для бесѣдъ
индійскими мудрецами, такъ какъ царь слышалъ, что эти люди ходятъ
гими, упражняются въ терпѣніи и пользуются величайшимъ почтеніемъ,—
главное, что они не ходятъ ни къ кому по приглашенію, но велятъ
яться къ нимъ всякому, желающему принять участіе въ ихъ рѣчахъ,
дѣлахъ; между тѣмъ Александръ считалъ неприличнымъ для себя хо-
ть къ этимъ мудрецамъ и не желалъ вынуждать ихъ силою поступать
чемъ-нибудь противъ отеческихъ обычаевъ.

Въ двадцати стадіяхъ отъ города Онесикритъ нашелъ пятнадцать муж-
ъ неподвижно остававшихся до самаго вечера, каждаго въ особомъ по-
женіи; на ночь всѣ уходили въ городъ; самое трудное испытаніе состояло
томъ, чтобы выдержать лучи солнца, палящаго въ этой мѣстности такъ
льно, что всякій обыкновенный человѣкъ не легко вынесъ бы одно лишь
косновеніе голыми ногами къ землѣ въ полдень.

Онесикритъ разсказываетъ о своей встрѣчѣ и бесѣдѣ съ однимъ изъ
дрецовъ—*Каланомъ*, сопровождавшимъ Александра Великаго до Персиды;
сталъ онъ Калана лежавшимъ на камняхъ и объявилъ, что будучи посланъ
ремъ, чтобы узнать его мудрость и передать слова мудреца Александру,
ъ, какъ посланецъ царя, готовъ послушать Калана, если къ тому
тъ какихъ-либо препятствій. Брахманъ, увидѣвъ посланца въ плащѣ, съ

шляпою на головѣ и въ сапогахъ, разсмѣялся и сказалъ: — въ древности было полно ячменной муки и пшеничной, а теперь одна только пыль одни источники текли водой, другіе молокомъ; иные медомъ, иные вином а иные масломъ; вслѣдствіе излишка и роскоши люди сдѣлались нар ными; изъ ненависти къ такому состоянію человѣчества божество (Зе истребило все и обрекло его на трудъ;—съ появленіемъ въ свѣтъ умѣ ности и другихъ добродѣтелей снова образовался излишекъ благъ, и те близко уже время пресыщенія и гордости и всему живущему грозитъ п бель.—Сказавъ это брахманъ велѣлъ желающему слушать его раздѣть лечь нагимъ на тѣхъ же камняхъ, гдѣ и самъ онъ. Онесикритъ отказ исполнить это требованіе; старѣйшій же брахманъ *Манданій* пожур Калона за то, что обвиняя другихъ въ гордости, самъ онъ оказывался дымъ; затѣмъ подозвалъ къ себѣ посланца и сказалъ:—Я очень ува твоего царя за то, что будучи занятъ управленіемъ столь великимъ ствомъ, онъ стремится къ мудрости; это единственный человѣкъ, въ к ромъ я вижу любовь къ мудрости при военныхъ занятіяхъ; нѣтъ ни полезнѣе, какъ если бы мудрецами были лица, располагающія влас вести къ добродѣтели желающихъ—увѣщаніемъ, а не желающихъ—прин деніемъ; да простятъ мнѣ, что—бесѣдуя съ помощью трехъ переводчик которые, кромѣ языка, понимаютъ ничуть не больше, чѣмъ толпа,—не доказать пользы моихъ ученій; это похоже на то, какъ если бы кто-нб желалъ провести воду черезъ грязь (стр. 731 и 732).

То, что излагалъ Манданій, сводилось, по словамъ Онесикрита, къ с дующему: наиболѣе совершенное ученіе то, которое уничтожаетъ радост скорбь въ душѣ;— скорбь отлична отъ страданій тѣмъ, что она непрія брахманамъ, а страданіе составляетъ ихъ наслажденіе; они упражняютъ т свои для страданій, чтобы крѣпли душевныя силы, посредствомъ котор они прекращаютъ ссоры и являются благодѣтельными совѣтниками к отдѣльныхъ лицъ такъ и цѣлыхъ обществъ. И теперь,—продолжалъ М далій,—брахманы посовѣтовали Таксилу (одному изъ индійскихъ держ цевъ) принять Александра, говоря ему, что если онъ приметъ челов лучшаго себя, извлечетъ изъ этого пользу для самого себя, а если худшаго принесетъ пользу принятому. Затѣмъ Манданій спросилъ: существуютъ подобныя ученія у эллиновъ. Такъ какъ Онесикритъ отвѣчалъ, что нетъ Пиѳагоръ учитъ этому же и велитъ воздерживаться отъ всего живаго, и Сократъ, и Діогенъ, слушателемъ котораго онъ самъ состоитъ,—то М даній возразилъ: я охотно вѣрю, что они во всемъ остальномъ разсужд вѣрно, но ошибались въ томъ, что законъ противополагали природѣ; противномъ случаѣ они не стыдились бы ходить голыми, какъ я, и ж бѣдно, потому что тотъ домъ наилучшій, который наименьше нуждается утвари (тамъ же).

Онесикритъ разсказывалъ также, что брахманы много занимаются слѣдованіями природы предзнаменованіями, изученіемъ и наблюденіемъ д дей, засухъ, болѣзней;—уходя въ городъ, они расходятся по площад у всякаго встрѣчнаго берутъ безвозмездно фиги, виноградъ и проч.; а е

рѣчники имѣютъ при себѣ масло, эти брахманы обливаются и намазы-
тся имъ; каждый домъ, хотя бы и самый богатый, открытъ для нихъ
женскаго даже отдѣленія;—вошедши въ дома они принимаютъ участіе
пищѣ и разговорахъ; болѣзнь тѣла считаютъ величайшимъ позоромъ;
ѣтивъ таковую въ себѣ, брахманъ прибѣгаетъ къ самосожиганію: воз-
гаетъ костеръ, намазывается масломъ и сѣвъ на костеръ велитъ поджечь
горастъ недвигаясь съ мѣста (Тамъ же).

Неархъ сказываетъ о мудрецахъ Индіи слѣдующее:—брахманы завѣ-
отъ государственными дѣлами и сопровождаютъ царя въ качествѣ его
ѣтниковъ; другіе же мудрецы, къ числу которыхъ принадлежитъ и
ланъ,—изучаютъ природу; вмѣстѣ съ ними тоже изучаютъ и женщины;
ь они вообще, мужчины и женщины, ведутъ суровый образъ жизни
мъ же).

Артемидоръ сообщаетъ, что онъ видѣлъ индійскихъ пословъ, шедшихъ
кесарю Августу. Въ посланіи, которое они несли, записаны многія
на,—въ живыхъ же осталось трое, съ которыми онъ повстрѣчался, а
іе умерли отъ изнуренія, большею частію, долгимъ путешествіемъ.
ланіе, писанное по гречески на пергаментѣ, гласило, что писалъ его
ъ,—хотя *владычествующій надъ шестью стами* царей, однако высоко
ящій дружбу съ кесаремъ; по этому онъ готовъ дать ему, кесарю, про-
къ, куда тотъ пожелаетъ, и содѣйствовать ему во всѣхъ благородныхъ
диріятіяхъ.—Таково было, говоритъ Николай Дамаскинъ, содержаніе
ьма.—Восемь обнаженныхъ слугъ, въ передникахъ, умашенные благово-
мъ, несли дары кесарю; въ числѣ даровъ былъ лишенный отъ рожденія
съ до самыхъ плечъ, нѣкто Герма, котораго видѣли и мы (Неархъ?); по-
ъ большія ехидны, змѣя въ десять локтей, рѣчная черепаха въ три
стя и куропатки—больше коршуна. Вмѣстѣ съ посланцами былъ и тотъ
рецъ, который впослѣдствіи сжегъ себя въ Аѳинахъ. Одни изъ индійцевъ
рщвляютъ себя въ несчастіи, стремясь къ освобожденію отъ бѣдъ, а
гіе, напротивъ, въ счастьи, какъ и этотъ послѣдній; ему все удавалось,
-бы онъ ни желалъ въ жизни,—но чтобы не случилось какой-либо не-
данности, соотвѣтствующей несчастію, если остаться жить долѣе,—слѣ-
ло, по его понятію, покончить съ жизнью; вотъ почему со смѣхомъ
ыгнулъ онъ на костеръ, обнаженный, въ одномъ только передникѣ, и
азанный масломъ. На гробницѣ было написано: Здѣсь лежитъ *индіецъ*
манохега изъ Баргосы, умертвившій себя по древнему индійскому обы-
(стр. 736).

Усматривая въ сказаніяхъ объ Индіи вообще разногласіе повѣствовате-
, Страбонъ останавливается на разсказѣ о мудрецѣ Каланѣ, такъ:—что
тъ мудрецъ находился при Александрѣ и умеръ добровольно на кострѣ,—
асны всѣ писатели; но о причинахъ смерти и способахъ ея сообщается
динаково; одни разсказываютъ, что Каланъ слѣдовалъ за Александромъ
предѣлы Индіи въ качествѣ восхвалителя его подвиговъ и въ противо-
іе индійскихъ мудрецовъ вообще, потому что они находились при царѣ
руководства всѣмъ, относившимся къ почитанію боговъ, какъ маги при

царяхъ персидскихъ; заболѣвъ въ Посергадахъ,—это была у него
первая болѣзнь отъ рожденія,—Каланъ лишилъ себя жизни на семьд
третьемъ году, вопреки просьбамъ царя;—когда костеръ былъ воздвиг
и на него поставлено золотое ложе, мудрецъ легъ и завернувшись въ пл
сгорѣлъ;—по свидѣтельству другихъ—былъ сооруженъ и наполненъ ли
ями деревянный домъ, а на крышѣ его устроенъ костеръ; по окон
торжественнаго шествія Каланъ велѣлъ запереть себя въ этомъ дом
потомъ бросился въ огонь и сгорѣлъ, какъ бревно; Мегасѳенъ утвержд
что у индійскихъ мудрецовъ самоумерщвленіе не входитъ въ ученіе; т
которые поступаютъ такимъ образомъ, сравниваются съ безумными
шами; суровые изъ нихъ по природѣ—бросаются на мечъ, или въ прон
боящіеся страданій—въ морскую пучину, выносливые—вѣшаются, а
кіе—погибаютъ въ огнѣ; такимъ именно и былъ, говорятъ, Каланъ,—
укротимаго нрава человѣкъ, унизившійся до положенія раба за сто
Александра; его за это порицали; превозносили же, будто-бы, Мандан
за то, что, когда послы царя звали его къ сыну Зевса и обѣщали за
виновеніе его волѣ подарки, а въ противномъ случаѣ—наказаніе,—он
вѣчалъ: Александръ не сынъ Зевса, не владѣющаго даже малѣйшею ча
земли, и мудрецъ не нуждается въ подаркахъ ненасытнаго а
меньше боится угрозы его, ибо при жизни находитъ достаточное прои
въ Индіи,—а при смерти освобождается отъ истрепаннаго старостію т
переходитъ въ лучшую, чистѣйшую жизнь; Александръ одобрилъ отвѣт
простилъ Калана (733 и 734).

Извѣстія о другихъ народахъ Азіи, современныхъ Страбоновымъ
ѳамъ, выпишемъ кратко, не касаясь ни странъ, ими занятыхъ, ни пере
тыхъ событій; то и другое отчасти уже сказано въ выпискахъ изъ Г
дота и Страбона же, и излагается въ учебникахъ; мы остановимся л
на нѣкоторыхъ бытовыхъ особенностяхъ, могущихъ указать на взаим
родственную связь народовъ древняго міра, состоявшихъ въ большемъ
меньшемъ общеніи между собою и съ сосѣдними, о которыхъ приведе
извѣстія Геродота и Страбона.

Аріане. Ближайшіе сосѣди индійцевъ, Александровыхъ спутник
жившіе на западъ отъ рѣки Инда, извѣстны подъ общимъ именемъ арі
полученнымъ отъ названія страны „Аріана"; они состоятъ изъ народо
по всей вѣроятности одноплеменныхъ и родственныхъ арабамъ и индійц
но различаемыхъ—либо по урочищамъ, либо по образу жизни, тако
арбіи поселившіеся по рѣкѣ Арбею,—*орейты*—побережане Индійскаго моря
ихѳіофаги—извѣстные Геродоту какъ сосѣди эѳіоповъ:—*карманіи*, пог
ничные съ Персіею,—*парѳіаи*—ближайшіе къ ней въ полночномъ напр
леніи:—*арахоты*,—*паропамисады*,—*дранги*—и другіе.

О бытовыхъ особенностяхъ насельниковъ Аріаны извѣстія скудны
мѣчены нѣкоторыя у ихѳіофаговъ, орейтовъ и карманіевъ.

Ихѳіофагія область, занимающая низменное побережье моря, почти лишенная а, прѣсной воды и возможности разводить огородныя растенія,—наше ѣтье*; это вынудило и населеніе и прирученный рогатый скотъ питаться ой,—что и послужило поводомъ названія жителей ея *рыбоѣдами*,—и треблять для питья дождевую и колодезную воду.

Въ великомъ морѣ, побережье котораго заселено ихѳіофагами, держится жество кашелотовъ, этихъ китовъ—великановъ: длину ихъ Страбонъ едѣляетъ, со словъ Неарха, начальника морскихъ силъ Александра Веаго,—въ двадцать три сажени; кости ихъ море выбрасываетъ на побесье, доставляя жителямъ вещество для построекъ и для хозяйственныхъ ѣлокъ; рыболовы дѣлаютъ свои хижины изъ китовыхъ костей и морскихъ овинъ, употребляя ребра для балокъ и подпоръ, а челюсти для дверей: спинныхъ позвонковъ дѣлаются ступки, въ которыхъ толкутъ сжаренна на солнцѣ рыбу; прибавивъ въ ступку немного ржаной муки, приготляютъ изъ этой смѣси хлѣбъ.

Для съѣдобныхъ зеренъ рыбоѣды употребляютъ мельницы; истершіеся новые камни куютъ (дѣлаютъ шероховатыми?) тѣми же камнями, котоии обработываютъ наконечники для стрѣлъ и обожженныя метательныя ья; желѣза вовсе не имѣютъ; рыбу жарятъ и въ печкѣ, но больше ѣдятъ ую; ловятъ же ее сѣтями изъ пальмовой лозы. (Кн. XV, гл. I, стр. 737, и 742).

Орейты приготовляли деревянныя стрѣлы съ обожженными наконечниии и пропитывали ядомъ. Македоняне умирали отъ пораненія такими стрѣи; получилъ рану и Птоломей; но Александру, сильно скорбѣвшему объ мъ предводителѣ, во снѣ явился какой-то человѣкъ, назвавшій и опишій корень мѣстнаго растенія, который нужно растереть и приложить ранѣ, чтобы получить исцѣленіе; проснувшись онъ исполнилъ сказанное —и Птоломей выздоровѣлъ. Страбонъ не вѣритъ сну, присочиненному тниками Александра; узнавъ противоядіе, войско македонское не боялось авленныхъ стрѣлъ и прошло область орейтовъ побѣдоносно. (Тамъ же, 739).

Карманіи признаютъ одного только бога—*Арія*; ему одному приноь жертву; лошадей у нихъ мало, потому и дома и на войнѣ пользуются ами,—ихъ же употребляютъ и въ жертву божеству. Никто изъ тамошъ жителей не женится до тѣхъ поръ пока не принесетъ царю свѣжеубленной головы врага; царь кладетъ черепъ въ своемъ дворцѣ, а ѣмъ рѣжетъ на мелкія куски, смѣшиваетъ съ мукою и, попробовавъ ъ эту смѣсь, даетъ ее ѣсть принесшему голову и его родственникамъ; менитѣйшимъ изъ подданныхъ считается тотъ, кто принесъ больше головъ. словамъ Неарха, нравы карманіевъ и языкъ—большею частію персид- и медійскіе. (Тамъ же, стр. 743).

Вабилоняне. Подъ этимъ общимъ именемъ у Страбона значатся ми оды, входившіе въ составъ персидскаго государства до разгрома его онянами съ Александромъ Великимъ во главѣ. Изъ бабилонянъ онъ яетъ *ассиріянъ, медійцевъ, персовъ, елимаевъ, паратайкеновъ, ук*

коссаевъ, *саккоподовъ* и нѣкоторыхъ другихъ. Эти имена даются народ большею частью по особымъ урочищамъ, находящимся въ земляхъ и чаще по городамъ, горамъ и укрѣпленіямъ; таково, кажется, происхожд всѣхъ именъ народцевъ какъ самыхъ древнихъ временъ, такъ и болѣе н нихъ. (Кн. XV, гл. III, стр. 743—752 и XVI кн., гл. I. стр. 753—75

Нѣкоторыя бытовыя особенности бабилонянъ присущи большинству речисленныхъ народцевъ и состоятъ въ слѣдующемъ.

Во главѣ каждаго племени стоятъ три разсудительныхъ человѣка; входятъ въ толпу годныхъ къ вступленію въ бракъ дѣвушекъ, извѣ черезъ особыхъ глашаевъ о женихахъ; прежде другихъ поименовываю наиболѣе достойныя дѣвицы.—такимъ способомъ заключаются браки (стр. 7 Описанные Геродотомъ обычаи этого народа, особенно женщинъ, приводя въ томъ же видѣ и Страбономъ; повторять ихъ не будемъ.

У бабилонянъ существуетъ три правительственныхъ учрежденія: состоитъ изъ лицъ, окончившихъ уже обязательную для всѣхъ воен службу, другое—изъ знатнѣйшихъ мужей, третье—изъ старцевъ; царь высшее надъ всѣми тремя учрежденіе. На обязанности первыхъ леж выдавать замужъ дѣвушекъ и разрѣшать жалобы на нарушеніе брач союза; вѣдѣнію знатнѣйшихъ мужей подсудны были дѣла о воровствѣ, старцев —о насиліяхъ.

Умершихъ оплакивали какъ египтяне и многіе другіе народы; тр покойниковъ покрывались воскомъ и, какъ уже выше объяснено, хор лись въ меду. Въ Бабилоніи, какъ и въ Аріанѣ, обитатели болотъ кор лись, за недостаткомъ хлѣба, только рыбою; эти рыбоѣды похожи по об жизни на населеніе Гедрозіи (стр 762).

Изъ перечисленныхъ народцевъ Страбонъ отмѣчаетъ хищническія клонности *елимаевъ* и *паратайкеновъ*, враждующихъ между собою и н дающихъ на сосѣдей, *уксіевъ*— безпокоящихъ жителей города Сузы (стр. 7 и *коссаевъ*; эти послѣдніе—отличные стрѣлки; населяя небольшую то страну, они должны поневолѣ жить чужимъ добромъ, потому и разбо чаютъ: горы и ущелья представляютъ для этихъ хищниковъ хорошее жище отъ преслѣдователей и мстителей (стр. 760).—О бытовыхъ осо ностяхъ персовъ, ассиріянъ и медянъ мы уже привели выписки въ разн мѣстахъ.

О народахъ и народцахъ Малой Азіи Страбонъ повторяетъ изв Геродота, и то попутно, сообщая свѣдѣнія о завоеваніяхъ Александра Велик

и в) Европейскіе.

Въ выпискахъ о скиѳахъ перечислены народы Европы, бывшіе с менниками ихъ и, часто, сосѣдями, въ тѣхъ случаяхъ, когда этимъ наро приходилось убѣгать отъ наступательнаго движенія римскихъ ополче направлявшихъ свое побѣдоносное шествіе на западъ и на востокъ Адріатическаго моря такимъ же грознымъ потокомъ, какимъ бѣжали нѣк

ки скиѳскій, персидскій и македонскій. Страбонъ отдаетъ въ своемъ
еописаніи наибольшую долю вниманія войнамъ „божественнаго кесаря"
ападѣ Европы, а о бытовыхъ особенностяхъ покоряемыхъ имъ народовъ
инаетъ какъ бы не-хотя, вскользь. Поэтому у него не много, сверхъ
дотовыхъ, указано въ занимающемъ насъ направленіи,—такъ что вы-
и объ особо выдающихся современникахъ Страбоновыхъ скиѳовъ въ
ѣ займутъ немного мѣста.

Кромѣ же названныхъ народовъ и народцевъ здѣсь мы выпишемъ из-
ія объ *италійцахъ*, насельникахъ *Сициліи*, *Сардиніи* и *Корсики*, объ
ійцахъ пиринейскихъ и *боспоранахъ*.

Италійцы. Насельниковъ Италіи Страбонъ не называетъ италійцами;
у него значатся подъ различными именами, по мѣстностямъ, въ кото-
ъ сидѣли. До основанія Рима извѣстія о насельникахъ Аппенинскаго
острова, начиная съ Гомера, краткословны и неустойчивы; изъ быто-
ъ особенностей ихъ—одна присуща всѣмъ:—дикость, свирѣпость и раз-
ичій образъ жизни. О нѣкоторыхъ мы упоминали, говоря о венетахъ,
рійцахъ, бояхъ, умбрахъ омбринахъ и проч.

Со временъ, ближайшихъ къ основанію Рима, извѣстія, хотя и баснос-
ныя, но все-таки проясняющіяся и въ самомъ баснословіи, не лишены
тораго для насъ значенія; на нихъ мы и остановимся. (Кн. V, гл. II,
212 - 230).

Народцы Италіи жили въ небольшихъ поселкахъ и управлялись дер-
цами, предводителями разбойничьихъ шаекъ. Въ одномъ изъ такихъ по-
овъ, основанномъ аркадскими выходцами,—а Аркадія это древнѣйшая
сть пелазговъ, державцемъ былъ самъ основатель его, *пелазгіецъ*
ндръ. Когда Гераклъ гналъ быковъ Геріона (см. выше; сказаніе о родо-
ліи скиѳовъ),—этотъ Евандръ принялъ его очень любезно, такъ какъ
мать, *Никострата*, обладавшая даромъ предсказанія, объявила сыну,
Гераклу суждено сдѣлаться, по совершеніи многихъ подвиговъ, богомъ.
ндръ открылъ о пророчествѣ матери Гераклу. Поселокъ пелазгійцевъ
алъ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ возникъ Римъ.—По отшествіи
кла, Евандръ посвятилъ ему участокъ земли въ своемъ поселкѣ и уста-
лъ жертвоприношеніе. Мать Евандра впослѣдствіи переименовали въ
ментію и почитали, по словамъ писателя *Койлія*, также богинею
V, гл. Ш, стр. 234).

По другимъ сказаніямъ царь Эней, долго блуждавшій послѣ разрушенія
, съ отцомъ своимъ *Анхасомъ* и сыномъ *Асханіемъ*, высадился на
гу моря недалеко отъ впаденія въ него рѣки Тибра и основалъ, въ
цати четырехъ стадіяхъ отъ берега, городокъ, названный впослѣдствіи
омъ. Мѣстность около городка занимали народцы: *эквы*, *вольски*, *гар-*
и, древнѣйшіе тутошніе насельники,—называемые Страбономъ *абори-*
ми, *рутулы*—ближайшіе сосѣди городка, и другіе; всѣ они жили общи-
и; рутулы владѣли древнею *Ардеею*. Нѣкоторые народцы занимали по одному
ко поселку, составлявшему всю ихъ общину,—другіе же имѣли по нѣ-
ько поселковъ, занимаемыхъ однимъ племенемъ. Какъ только

валъ свое становище у Лаврента, близь Остіи, къ нему сряду же п
державецъ мѣстнаго племени аборигеновъ, *Латинъ* и сряду же заклю
съ пришельцами союзъ, для борьбы съ сосѣдними рутулами—ардей
одолѣвъ ихъ Латинъ основалъ рядомъ съ становищемъ Энея свое, на
его по имени дочери „*Лавиніею*". Рутулы оправились послѣ пораже
напали на новыя становища; Латинъ былъ убитъ въ схваткѣ съ пи
Эней одолѣлъ и на этотъ разъ рутуловъ, остался однимъ державцемъ
ихъ становищъ и окрестностей и прозвалъ всѣхъ обитателей ихъ, въ
женіе къ памяти погибшаго державца аборигеновъ, *латинами*.—По с
Энея и отца его Асканій, оставшись одинъ державцемъ, основалъ на
жайшей къ становищу горѣ—новый городокъ Альбу, отстоящій отъ с
вища его на столько же, какъ и древняя Ардея. (Тамъ же, стр. 232)

Основаніе перваго становища на мѣстѣ, гдѣ возникъ Римъ, отно
къ 753 году до Р. Х.—Поселки сосѣдніе постоянно враждовали межд
бою, какъ принадлежавшіе различнымъ племенамъ, и разбойничали, но
получилъ надъ ними преобладаніе Римъ, мужавшій и крѣпнувшій подъ упр
ніемъ державцевъ: Нумы Помпилія, Анка Марція, Тарквинія Приска и С
Туллія,—уже по уничтоженіи единоличнаго правленія, въ 510 году до Р.
когда послѣдовало „изгнаніе царей".

Этимъ событіемъ наука оканчиваетъ первый рядъ вѣковъ Рима,—
пословныхъ въ большей или меньшей мѣрѣ и ничѣмъ не проявившихъ
значенія, которое насельники его получили въ вѣка послѣдующіе, полож
основу началъ, создавшихъ тяготѣніе къ первоначально-разбойничьему п
сперва Италіи, и затѣмъ всей Европы и цѣлаго міра. Второй рядъ в
начинаютъ аграрнымъ закономъ 486 г. до Р Х.,—и оканчиваютъ п
неніемъ Римомъ Лаціума въ 338 году до Р. Х.,—третій—начинаютъ в
Самнитскою войною, или 326—304 гг. до Р. Х.—и оканчиваютъ пр
диненіемъ къ державству Рима всей верхней Италіи, гдѣ мы видѣли
товъ, иллирійцевъ, дорянъ—около 222 г. до Р. Х., наконецъ послѣдній
чинаютъ второю Пуническою войною—и доводятъ до окончательнаго п
народныхъ державствъ Греціи и великихъ завоеваній Рима внѣ Италіи.
бонъ писалъ свою книгу во время полнаго разцвѣта римскаго могуш
и былъ если не очевидцемъ, то современникомъ многихъ блистател
успѣховъ міровой державы.

Устройство государственныхъ учрежденій, раздѣленіе жителей,
образіе правъ и обязанностей, внутренній строй, нравы и обычаи—в
настолько общеизвѣстно, что мы признаемъ излишнимъ выписыват
Страбона соотвѣтственныя мѣста. Ссылки на бытовыя условія римлянъ
въ нихъ встрѣтится надобность въ изложеніи послѣдняго отдѣла наст
записки, мы тамъ и приведемъ по Страбоновымъ и другимъ извѣст
Здѣсь же упомянемъ, что въ прибрежьи Италіи были три островка
ренъ;—на наиболѣе возвышенномъ и обширномъ сохранялись еще въ
боново время развалины храма—Сиренъ, а въ Неаполѣ гробница одно
нихъ, *Парѳенопы*. (Кн. I, гл. II, стр. 22 и 26).—Всѣ острова безл
и каменисты; о нихъ упоминается въ Одиссеѣ Гомера (тамъ же).

Сициліяне—грубый и дикій народъ, занимавшійся разбоями и грабе-
и, какъ и всѣ древніе насельники Италіи, извѣстны подъ разными на-
нованіями, каковы; *либурны, сиканы, моргеты* и другіе; нѣкоторые изъ
ъ исконные туземцы, но встрѣчаются и пришельцы: между послѣдними
стны иберы (должно быть Пиринейскіе) и еллины—Коринѳскіе. На островѣ
и земель плодородныхъ было много городовъ замѣчательныхъ и осно-
ныхъ въ глубокой древности: *Наксъ, Мегара, Сиракузы* и *Кротонъ*. Суди
Сиракузамъ—сицилійскіе города были обширны; они состояли изъ отдѣль-
ъ поселковъ, обнесенныхъ общею для всѣхъ стѣною; сиракузы состояли
пяти городовъ, а стѣна имѣла въ окружности сто восемьдесятъ стадій,
сть около тридцати двухъ верстъ; основаніе этого города приписывается
нѳскому выходцу *Архіи*,—а Кротона нѣкоему *Мискеллу*; города Наксъ
егара основаны еще до этихъ двухъ баснословныхъ лицъ. (Кн. VI, гл. II.
274 и 275). Впослѣдствіи большую часть сицилійскихъ земель заняли
едоняне (карѳагеняне), которымъ приходилось вести упорную борьбу какъ
дикими туземцами, такъ и съ эллинами; однакожъ Сиракузы выдержи-
всѣ натиски пришельцевъ и сохранили свою независимость. Когда же
упили на сициліянъ—римляне, вытѣснившіе кархедонянъ, Сиракузы были
ы послѣ продолжительной осады. (Тамъ же).

Сардиняне. Описавъ наружный видъ острова, Страбонъ упоминаетъ
о желѣзныхъ рудникахъ, уже истощенныхъ; онъ самъ ихъ видѣлъ и
сняетъ, что почва Сардиніи и острова *Айѳаліи*, лежащаго между нею
атерикомъ, не пригодна для устройства плавильныхъ печей, такъ что
доставляютъ оттуда на материкъ, гдѣ и обработываютъ, и что исто-
ныя копи снова наполняются, спустя нѣкоторое время рудою, подобно
сскимъ каменоломнямъ и индусскимъ солянымъ копямъ. (Кн. V, гл. II,
226). Въ другомъ мѣстѣ говорится о большомъ количествѣ желудей,
авляемомъ на латинскій берегъ изъ Сардиніи. (Кн. III, гл. IV, стр. 144)
ъ удобной для кораблей стоянкѣ на островѣ Айѳаліи, называемой *Аргой*.
этой стоянкѣ есть преданіе, что она получила имя отъ корабля Арго,
которомъ прибылъ туда Язонъ, когда искалъ жилища *Кирки*, которую
ла видѣть *Медея*; въ Страбоново время были еще на берегу стоянки
рые камни, образовавшіеся изъ отвердѣвшихъ капель масла, падавшихъ
емлю съ тѣла аргонавтовъ. (Стр. 226, гл. II, V кн.).

Мы привели выписки о желѣзной рудѣ, торговлѣ желудями и отвер-
нихъ капляхъ масла, чтобы указать на обитаемость Сардиніи съ басно-
ныхъ временъ, на знакомство жителей ея съ желѣзомъ и на дубовые
, имѣющіе въ наукѣ не маловажное значеніе для опредѣленія времени
ленія человѣкомъ разныхъ странъ Европы.

О современныхъ землеописателю обитателяхъ Сардиніи говорится, что они
приведены еще въ мирное состояніе; живутъ въ многочисленныхъ
дахъ: болѣе значительны *караліи* и *сулхи*; но есть тамъ и дикіе на-
ники, горцы *діагесбы*, прежде называвшіеся *іолаями*. Разсказывали
бону, что нѣкто *Іолай* прибылъ сюда съ нѣсколькими дѣтьми Геракла
оселился среди владѣвшихъ островомъ варваровъ: это были *тиррены*.

Горцы образуютъ четыре народа:—*параты*, *соссиноты*, *балары* и *акон*
всѣ они живутъ въ пещерахъ и хотя имѣютъ немного годной для обра
земли, но засѣваютъ ее небрежно и притомъ немногіе,—а прочіе гр
поля земледѣльцевъ не только на своемъ островѣ, но переправляются
того же и на материкъ, гдѣ нападаютъ преимущественно на *нисо*
Кархедонскія финикіяне овладѣли въ отдаленныя времена и этимъ, по
Сицилія, островомъ; совмѣстно съ туземцами они боролись противъ
давшихъ на Сардинію римлянъ, но все-таки римляне овладѣли остро
Грабительству горцевъ римскіе военачальники иногда оказываютъ про
дѣйствіе, иногда же, и большею частію, отказываются отъ этого, по
что, нѣтъ никакой выгоды содержать постоянную стражу въ мѣстност
здоровой, какова именно часть острова, годная для земледѣлія, особен
лѣтнее время; однако же военачальники прибѣгаютъ для обузданія хи
ковъ къ военной хитрости: горцы имѣютъ обычай, состоящій въ
дневномъ празднованіи захвата добычи; въ это время римляне напад
на пирующихъ внезапно и многихъ забираютъ въ плѣнъ.

На Сардиніи водятся бараны, покрытые вмѣсто руна козьею шер
называются они *муиконами*; шкуры этихъ животныхъ служатъ тамош
жителямъ панцырями; вооружены они небольшими мечами и легкими
тами (тамъ же, стр. 227).

Корсиканцы. Островъ Корсика называется эллинами „Киринъ“,
ленъ онъ плохо, потому что имѣетъ почву неровную, большею частію
вершенно недоступную. Жители горъ дики болѣе, чѣмъ звѣри. Римскіе
ководцы часто пристаютъ къ острову и нападая на укрѣпленія гор
жителей, занимающихся только разбоемъ, захватываютъ много невольн
такъ что въ Римѣ ихъ можно видѣть и удивляться проявленіямъ зв
и скотства дикихъ корсиканцевъ; въ неволѣ они или не выживаютъ,
раздражаютъ своихъ владѣльцевъ безчувственностью и тупоуміемъ до
что тѣ сожалѣютъ о покупкѣ подобныхъ рабовъ, хотя-бы за весьма
тожную плату.

Однако нѣкоторыя части острова обитаемы и не дикарями; кое-гдѣ
города, каковы: *Блесинонъ*, *Харакъ*, *Ениконія* и *Вапани* (тамъ же).

Когда полководецъ Кира Гарпагъ взялъ Фокею, всѣ жители города,
только могъ, сѣли въ лодки со всѣмъ домашнимъ скарбомъ и подъ
водительствомъ *Креонтіады*, прибыли прежде всего къ Кирну и *Масс*
но были прогнаны туземцами (кн. VI, гл. I, стр. 255).

Иберійцы. Въ древности, предшествовавшей Страбону иберійцами
зывались всѣ вообще малоизвѣстные народы далекаго запада Европ
страна ихъ признавалась вершиною земли; тамъ былъ—край свѣта. Нас
ники нашего Кавказа, вышеназванные иберы, выводятся древними земле
сателями и Страбономъ изъ страны иберійцевъ во времена незапамятно
лекія (кн. I, гл. III, стр. 60).

Страбонъ описываетъ Иберію подробно, перечисляя прилежащіе къ
острова и указывая особенно вдающіяся въ Атлантическое и Средиз
моря оконечности; ему извѣстны внутреннія горы, рѣдкія естестве

изведенія всѣхъ трехъ царствъ природы, народы, населяющіе страну, ода и поселенія.

Собирая свѣдѣнія о бытовыхъ, собственно, условіяхъ народовъ древняго а и преимущественно объ ихъ нравахъ и обычаяхъ, мы останавливаемся й разъ и на нѣкоторыхъ особенностяхъ странъ, занимаемыхъ описываемыми древними народами, на сколько таковыя имѣютъ, или могутъ имѣть, ошеніе, хотя бы отдаленное, даже гадательное, къ насельникамъ ильменой страны и земель, составляющихъ нынѣшнюю Россію и ея обитателей.

Придерживаясь такого же порядка и при чтеніи Страбонова описанія еріи, скажемъ нѣсколько словъ о бытовыхъ условіяхъ обитателей этой раны.

Занимая обширное пространство, Иберія,—нынѣшняя Испанія и Португалія, обладаетъ разнообразными естественными произведеніями суши, помимо горами, лѣсами и болотными равнинами у моря, омывающаго ега ея съ задада, полдня и востока. Имя свое она получила отъ рѣки ера, пересѣкающей страну съ полночи на полдень, протекающей вдоль ренейскаго хребта и впадающей въ море. Изъ другихъ рѣкъ замѣчаьны: *Ана* (теперь Гвади-Ана), *Бетій*, *Дуріи* и *Тагъ*. Кромѣ большихъ ъ много горныхъ ручьевъ, выносящихъ на берега золото, особенно въ уденной части страны.

Изъ оконечностей, выбѣгающихъ въ море, назовемъ *Геракловъ Столбъ* ысы—*Священный* и *Нерій*. Первый—это Гибралтаръ; Священный—адная, самая дальняя оконечность Атлантическаго берега Иберіи, за акловымъ Столбомъ, а Нерій—оконечность полночно-западная того же ега (кн. Ш, гл. I, стр. 136, и гл. Ш, стр. 153).

На береговомъ пространствѣ между этими оконечностями находился, по азаніямъ Ефора, оспариваемымъ, впрочемъ, Артемидоромъ,—на обоихъ ылается Страбонъ,—храмъ Геракла и алтарь для жертвоприношеній. орой изъ названныхъ писателей утверждаетъ,—что ни храма, ни алтаря, священныхъ не только Гераклу, но и никакому другому богу, тамъ не ло,—лежатъ лишь кое-гдѣ камни, по три и по четыре вмѣстѣ; ихъ порачиваютъ посѣтители въ силу обычая предковъ и, сдѣлавъ возліяніе, екатываютъ на другое мѣсто;—что жертвы тамъ вовсе не въ обычаѣ; тому мѣсту, гдѣ лежатъ камни, не дозволяется подходить ночью, такъ ъ, по вѣрованію туземцевъ, въ это время сами боги посѣщаютъ гору и ни;—и—что желающіе посмотрѣть на камни, обыкновенно ночуютъ въ жайшей деревнѣ, а съ разсвѣтомъ поднимаются на гору, запасаясь ою,—потому что тамъ ея нѣтъ (кн. Ш, гл. I, стр. 135). Къ сожалѣнію Артемидоръ, ни Страбонъ, не поясняютъ, берутъ-ли посѣщающіе камни у для „возліянія“ или только для утоленія собственной жажды?

Острововъ Иберійскихъ много; Страбонъ упоминаетъ въ числѣ прочихъ—*йдеры*, *Геракловы*, *Геры* и *Ериѳію*. Гайдеры,—теперь Кадиксъ,—и ѳія—приходятся тамъ, откуда, какъ значится въ выпискахъ изъ Гера, Гераклъ гналъ быковъ Геріона и попалъ въ пещеру дѣвушки-змѣи— Скиѳіи; Геры—созвучны Геродотовому же скиѳскому народцу—геррамъ,

Всѣ лузитаны любили приносить жертвы и гадали по внутренно
животныхъ, не вырѣзывая ихъ; гадали также по жиламъ въ груди
ощупыванье ихъ; для гаданья же убивали и своихъ плѣнниковъ; ихъ
варительно закутывали плотно въ плащъ,—потомъ жрецъ-гадатель нан
смертельный ударъ во внутренности;—паденіе тѣла убитаго такимъ
зомъ плѣнника и было цѣлью гаданья; правую руку убитаго отрѣзал
посвящали богамъ.

Образъ жизни горцевъ, занимающихъ полночную границу Иберіи, ка
упомянутые каллаики, а также *астуры* и *контабры* до *васконовъ* и
Пирены,—описывается Страбономъ такъ: Всѣ горцы отличаются просто
пьютъ воду, спятъ на голой землѣ и подобно женщинамъ, носятъ
длинные волосы, во время сраженія прикрываемые особою повязкою; л
мое мясо—козлиное; *чтутъ бога Арея*, которому въ жертву прино
козла и плѣнниковъ, вмѣстѣ съ лошадьми ихъ; ежегодно устраиваютъ,
и греки, всякаго рода „гекатомбы" т. е. по словамъ Пиндара,—„всего
сту въ жертву приносятъ"; устраиваютъ также состязанія въ упражнен
тѣла при тяжеломъ вооруженіи и на лошадяхъ,—въ кулачномъ бою,
бѣгѣ,—въ борьбѣ,—и въ сраженіи отрядами;—въ теченіи двухъ третей
питаются одними желудями; ихъ высушиваютъ, истираютъ въ муку и
кутъ хлѣбы, сохраняющіе свѣжесть очень долго;—употребляютъ ячме
пиво, вино же очень рѣдко, оно привозное и когда получается—выпива
быстро въ пиру съ родственниками;—вмѣсто деревяннаго масла пользу
коровьимъ;—ѣдятъ сидя на лавкахъ вдоль стѣнъ и располагаются по
стоинству; пища обносится кругомъ; посуда—деревянная, какъ и у в
товъ;—на пирушкахъ пляшутъ подъ звуки свирѣли и трубы, подскак
и присѣдая;—въ иныхъ мѣстахъ,—собственно въ Бастетиніи,—женщ
пляшутъ вмѣстѣ съ мужчинами, держа другъ друга за руку;—всѣ
ваются въ черное; большею частію носятъ плащи, въ которыхъ и спят
постеляхъ изъ сухой травы;—женщины носятъ цвѣтныя платья;—обита
горныхъ долинъ ведутъ съ сосѣдями мѣну своихъ произведеній, а иные
купаютъ товаръ, уплачивая отрубленными отъ куска серебра пластинками
осужденныхъ на смерть бросаютъ со скалы, а отцеубійцъ побиваютъ
нями за предѣлами страны или города;—бракъ совершается также как
у грековъ;—больные выносятся какъ у ассирійцевъ, на улицы для
чтобы получить совѣтъ отъ прохожихъ, знающихъ болѣзнь по собствен
опыту;—до Брута употребляли кожаныя лодки во время наводненій и
болотахъ; и теперь, говоритъ землеописатель, однодеревки (наши чел
рѣдки. Дикость и суровость этихъ народовъ,—поясняетъ Страбонъ,—с
ствіе не только войнъ, но и отдаленнаго положенія; морской путь къ н
не короче сухого, вслѣдствіе недостатка сношеній они не привыкли къ о
дительности и привѣтливости; дикость усиливается суровостью почвы и
(О лузитанахъ и горныхъ народцахъ кн. III, гл. III, стр. 151—155).

Едетаны заселяли часть Иберіи къ полночи и востоку отъ рѣки Ибе
вмѣстѣ съ ними, на пространствѣ отъ Иберы до горъ Пирены,—сам
индигеты, раздѣлявшіеся на четыре части. Эти,—равно и многіе др

одцы, занимали внутреннія земли страны; тамъ было много и выход-
ъ изъ различныхъ земель Европы и Африки, поселившихся еще до бас-
ловныхъ временъ странствованій Одиссея и Енея.

По поводу извѣстій древнихъ писателей о подобныхъ выходцахъ,
абонъ замѣчаетъ, что его соотечественники и вообще эллины, какъ племя
приимчивое въ основаніи своихъ поселеній,— могли бы издавна овладѣть
годатною Иберіею и подчинить себѣ всѣ народы, бродившіе по ней ко-
никами, и осѣдлые, основавшіе съ незапамятныхъ вѣковъ множество
одовъ и укрѣпленныхъ поселеній,—но не успѣли въ этомъ, ограничив-
сь только странствованіями среди варварскихъ народовъ, потому что на-
льники Иберіи не составляли одного цѣльнаго народа съ которымъ можно
о бы освоиться;—они раздѣлились на многочисленныя, хотя и немного-
дныя въ отдѣльности, общины, не состоявшія во взаимной между собою
зи, а жившія каждая особнякомъ; такъ что выходцамъ изъ другихъ зе-
ль приходилось, при незначительной численности своей, сближаться съ
одцами послѣдовательно. Между тѣмъ Иберійскія общины обладали, каж-
, кичливостью, не допускавшею взаимнаго сближенія даже двухъ-трехъ
одно цѣлое. Къ тому же, будучи самоувѣренны, иберійцы отъ природы
арны и вели замкнутую жизнь; засады и грабежи служили имъ ремесломъ;
лые до необыкновенной дерзости въ маломъ—они никогда не отважива-
на предпріятія крупныя, и по духу самоувѣренности и кичливости не
пали въ союзы съ своими даже ближайшими сосѣдями, а потому и не
авляли значительной силы. Если бы многочисленные народцы Иберіи
елали помочь другъ другу, то ни тирійцамъ-финикіянамъ, ни кархедо-
амъ, ни кельтамъ, набѣгавшимъ на благодатную страну большими,
внительно съ эллинскими путешественниками, ордами, неудалось бы по-
ить значительную и даже большую часть земель ея.

Кельтиберы, слившіеся съ исконными обладателями, занимали средину
ерика вдоль по теченію Иберіи съ обѣихъ сторонъ, равно на востокъ и
полночи, къ землямъ кельтовъ; подъ этимъ общимъ именемъ разумѣлись
гіе народцы, жившіе въ городахъ и въ поселеніяхъ, укрѣпленныхъ какъ
ою природою, такъ и руками обитателей; изъ народцевъ наиболѣе за-
ными по какимъ либо особенностямъ были:—*емпориты*, искусные ткачи
ста, занимающіеся также плетеніемъ изъ растенія, сходнаго съ нашею
ою и дрокомъ западнаго и полуденно-западнаго краевъ Россіи; издѣлія
юритовъ изъ дрока были въ большомъ употребленіи вездѣ, а особенно
Италіи, куда они вывозились въ огромномъ количествѣ;—*керетаны*—
готовлявшіе превосходные окорока; это занятіе, вызванное разведеніемъ и
армливаніемъ свиней, доставляло жителямъ долинъ Кельтиберіи, перерѣ-
аемыхъ вѣчно зеленѣющими лѣсами, значительный доходъ;—*беропы*—
ди полночныхъ кельтиберовъ, имѣвшіе городъ *Варію:* кархедоняне не
никали въ полночную Кельтиберію, такъ что эти беропы и ближайшіе
нимъ *бардіеты*, равно астуры, калланки, упомянутыя выше—ваккаи и
., —оставались въ самобытномъ положеніи до завоеванія ихъ римлянами,—
кхеталы и *илергеты*—имѣвшіе въ своей области каменный мостъ черезъ

Иберъ.—Въ Страбоновое время кельтиберы, вѣроятно съ [illegible] ставъ ихъ народами и народцами, и вся внутренняя часть Иберіи, [illegible] вавшаяся уже Испаніею, подчинилась римскому владычеству и [illegible] съ новымъ положеніемъ настолько, что приняли верхнюю одежду [illegible] цевъ—тогу и назывались, въ отличіе отъ прочихъ насельниковъ [illegible] *тогатами*—по этой одеждѣ. (Кн. III, гл. IV, стр. 157—162 [illegible] тиберахъ-тогатахъ—166).

О нравахъ и обычаяхъ иберійцевъ вообще,—а также [illegible] кельтиберовъ и народцевъ, на которые тѣ и другіе подраздѣлялись, [illegible] бонъ даетъ нѣсколько замѣтокъ:

Тѣ изъ насельниковъ обширныхъ областей внутренней Иберіи, [illegible] ложенныхъ на западъ и на полночь отъ Средиземнаго моря,—кото[illegible] вутъ въ деревняхъ,—а ихъ огромное большинство,—совершенно [illegible] заселяющіе города не многимъ отличались отъ сельчанъ, такъ что [illegible] обладаютъ въ числѣ горожанъ всѣ тѣ же обитатели лѣсовъ; [illegible] Страбонъ не вѣритъ землеописателямъ, насчитывающимъ въ Бе[illegible] болѣе трехсотъ, а во всей Иберіи болѣе тысячи городовъ (тамъ же ст[illegible]

Безпечность, отличительная черта всѣхъ иберійцевъ, гдѣ бы [illegible] жили, въ благодатныхъ-ли краяхъ, или суровыхъ; усвоивъ [illegible] привычки, они не гонятся за удовольствіями, забота ихъ ограни[illegible] животными потребностями, если, конечно, не считать удовольствіем [illegible] нѣкоторыхъ мужчинъ и женщинъ среди кантабровъ и ихъ сосѣ[illegible] вающихся и чистящихъ себѣ зубы мочою, застоявшеюся въ отхо[illegible] стахъ (стр. 163); Страбону говорили, что этотъ обычай, равно [illegible] спанье на голой землѣ, присущи иберійцамъ и кельтамъ вообще.

Каллаики не имѣютъ боговъ, а кельтиберы и ихъ полночны[illegible] пляшутъ во время полнолуній, по ночамъ, со всѣмъ семействомъ и [illegible] передъ дверями своихъ домовъ, въ честь какого-то безыменнаго бо[illegible]

Безпечность веттоновъ и ихъ обычай обнаружились для римля[illegible] нѣкоторые изъ этого народа вошли въ римскій станъ и увидѣли, что [illegible] изъ начальниковъ отряда ходили, во время прогулки взадъ и [illegible] веттоны приняли ихъ за сумасшедшихъ и показывая путь къ пал[illegible] говорили, что военачальники должны или лежать спокойно, или сп[illegible] (тамъ же).

Почти всѣ иберійцы были пелтасты (Πελταστής—вооруженный [illegible] щитомъ), что особенно удобно для внезапныхъ разбойничьихъ набѣго[illegible] которые имѣли копья, пращи и мечи; они дѣлали нападенія, въ [illegible] въ грабежахъ, пѣшими и конными; лошади отлично пріучены [illegible] горамъ и, въ случаѣ надобности, легко сгибать колѣни—по при[illegible] всадника; они, по наблюденію Посейдонія, похожи на коней пар[illegible] быстры и наилучшіе бѣгуны.

Украшеніе иберійскихъ женщинъ, о которомъ говоритъ Арте[illegible] можно считать признакомъ ихъ варварства: нѣкоторыя носятъ на [illegible] лѣзныя ожерелья съ загнутыми крючками, возвышающимися вдв[illegible] и выступающими далеко на лобъ; на эти крючки надѣвается по[illegible]

мое женщиною, когда ей вздумается, такъ, что лице, приходится въ
въ иныхъ мѣстахъ женщины носятъ на головѣ небольшую шляпу,
обіе барабана, совершенно круглую при затылкѣ, крѣпко сжимающую
до мочки уха и постепенно выгибающуюся вверхъ и вширь; есть и
сти, гдѣ женщины выстригаютъ волоса на передней части головы
изко, что кожа блеститъ здѣсь болѣе, чѣмъ на лбу,—или гдѣ иберi-
крѣпляютъ на головѣ, посредствомъ скрученія волосъ, палочку въ
ышиною и вѣшаютъ на нее черное покрывало (стр. 164).
ъ иберійскихъ племенахъ полночной части страны Страбону разска-
что они вообще звѣроподобны въ отвагѣ, жестокости и отсутствіи
тельности: матери убивали во время кантабрской войны дѣтей, чтобы
ь ихъ отъ плѣна;—мальчикъ, по приказанію отца, обнаживъ мечь
лъ всѣхъ своихъ родственниковъ, въ томъ числѣ—должно быть и
а также и братьевъ, взятыхъ въ плѣнъ и закованныхъ въ цѣпи;—
енщина сдѣлала тоже самое съ взятыми вмѣстѣ съ нею плѣнни-
призванный къ пьянымъ солдатамъ—побѣдителямъ плѣнникъ самъ
и въ огонь. Такіе же нравы, говоритъ Страбонъ, свойственны кель-
ракіянамъ и скиѳамъ,—не мужчинамъ только, но и женщинамъ.
тельно особой нечувствительности кантабровъ говорятъ, что однажды
ько человѣкъ, взятыхъ въ плѣнъ и пригвожденныхъ ко кресту,—пѣли
ыя пѣсни въ такомъ мучительномъ положеніи.
чувствительность къ болямъ выражалась не только во время войнъ,
бужденномъ состояніи, но и въ семейномъ быту женщинъ. Тотъ же
ній сообщаетъ, со словъ гостепріимнаго хозяина своего въ Лигистикѣ,
Хармолеона—изъ Массаліи,—что, нанявъ мужчинъ и женщинъ
емлю и наблюдая за работою, онъ замѣтилъ, что одна изъ женщинъ
елитъ киркою и отослалъ ее прочь; но другія женщины объяснили
о эта отосланная почувствовала во время работы приближеніе родовъ,—
въ сторону—и недалеко отъ прочихъ родила, а затѣмъ сряду же
зялась за копанье земли; тогда Хармолеонъ заплатилъ ей столько
ъ и прочимъ; роженица, получивъ разсчетъ, взяла новорожденнаго,
его къ ближайшему источнику, обмыла и пошла съ нимъ домой.
этотъ не единственный, а обыкновенный между иберіянками (тамъ
. 164).
енщины имѣютъ въ Иберіи права, совершенно особенныя, доказы-
, на взглядъ Страбона, если не дикость нравовъ,—но во всякомъ
отсутствіе современнаго ему представленія о гражданственности: у
овъ приданое доставляется не женщиною, выходящею замужъ, а
ою будущей женѣ его; наслѣдованіе въ имуществѣ умершаго при-
ютъ ни сыновьямъ его, а дочерямъ; не братья выдаютъ сестеръ за-
а сестры женятъ братьевъ (стр. 165).
ѣзжая на войну иберійцы садятся на лошадь по двое, но во время
битвы одинъ изъ нихъ сражается пѣшимъ.
и умѣютъ получать изъ растенія, похожаго на петрушку, особый
ивающій мгновенно, не причиняя никакихъ страданій, и носятъ его
ѣ, чтобы имѣть всегда наготовѣ.

Изъ договоровъ, утверждаемыхъ клятвою, замѣчателенъ одинъ: сто обязываются умереть другъ за друга,—и исполняютъ клятву (тамъ же).

Оканчивая описаніе Иберійскаго материка Страбонъ замѣчаетъ: „Дре писатели называли Иберіей всю страну по ту сторону рѣки *Родана*, есть на западъ и полночь отъ нея. Роданъ вытекалъ, по свѣдѣніямъ нас землеописателя, изъ Альпійскихъ горъ, проходилъ черезъ озеро Леманъ теперешнее Женевское,—и вливался пятью или семью устьями въ Бель Гальскій заливъ (о Роданѣ кн. IV, гл. I, стр. 178, 182, 184 и пр Въ настоящее время Роданъ называется „Рона". Иберами считали и бый народъ *инглетовъ*, занимавшихъ клочекъ земли на полночь. Какъ рія управлялась въ древности—Страбону неизвѣстно, по отдаленности малому знакомству эллиновъ и римлянъ съ окраинами земли; со врем же римскаго владычества она дѣлилась во первыхъ на двѣ части, б шія и почти равныя; одна называлась Испаніею—по ту сторону Ибер другая—Испаніею по эту сторону рѣки; это дѣленіе общее; и—во вторыхъ дѣлилась особенно въ порядкѣ управленія. Собственно Иберія, т. е. обл по обѣ стороны соименной ей рѣки, имѣла двѣ части; восточная, Бет принадлежала римскому народу; въ нее посылались особыя должност лица—преторъ, квесторъ и легатъ; западная часть отдана была кес который отъ себя посылалъ туда двухъ легатовъ, преторіанскаго и конс скаго;—первый, вмѣстѣ съ своимъ легатомъ, долженъ былъ произво судъ надъ лузитанами,—а второй—надъ полночными странами, заселен астурами и кантабрами; остальная часть страны, наибольшая, состояла управленіемъ консула, располагавшаго значительнымъ войскомъ (кн. гл. IV, стр. 164 и 165).

Воспораны. Подъ этимъ именемъ разумѣются у Страбона всѣ нар входившіе въ составъ Боспорскаго царства, когда оно было уже въ зав мости отъ Рима, назначавшаго туда правителей. Изъ Геродота мы знае вытѣсненіи скиѳами, вышедшими должно быть изъ Азіи, именно тѣми, торыхъ онъ называетъ царственными, или царскими, киммеріянъ, зани шихъ часть Крыма, ближайшую къ Таврическому проливу, называвше Боспоромъ Киммерійскимъ. Изъ Страбона намъ извѣстно о херсонес таврахъ и другихъ народахъ, сидѣвшихъ въ Крыму, начиная съ пятаго до Р. Х., и объ основаніи эллинами среди этихъ народовъ поселеній эл скихъ, главнѣйшими изъ которыхъ были—Пантикапея на западной сто пролива и Фанагорія—на противоположной. Возникновеніе первой отно знатоками древности ко времени около 430, а второй—около 400 г. Р. Х., значитъ Геродотъ немного не дожилъ до сношеній эллиновъ, уж статочно тѣсныхъ, съ скиѳами при-азовскими. По примѣру выходцевъ, вавшихъ эти поселенія, скоро образовались и другія, по восточному режью Азовскаго и Чернаго морей, по всему Крыму, по сосѣдству съ тателями нынѣшняго Кавказа, и далѣе—въ черноморскомъ полуденном бережьи. Изъ этихъ поселеній и образовалось сильное Боспорское цар съ разноплеменными правителями.

Страбонъ не оставилъ въ сказаніяхъ своихъ данныхъ относит какихъ-либо бытовыхъ особенностей боспорановъ, кромѣ торговыхъ сно

сосѣдями близкими и дальними, съ эллинами и римлянами; но онъ со-
нилъ имена и народность нѣкоторыхъ правителей, называя ихъ: *Пари-
десъ, Лееконъ, Сатиръ*, другой *Парисадесъ, Асандръ, Фарнака, Миѳри-
тъ Пергамскій, Полемонъ;* онъ же сохранилъ имя мудреца Аханкара, о
ромъ упомянуто уже при сравненіи Моисея съ другими подобными ему
цами, увлекавшими народы своимъ ученіемъ и образомъ жизни (кн. VII,
IV, стр. 311—314; кн. XI, гл. II, стр. 505—508; и кн. XIII,
IV, стр. 639).

Важнѣйшимъ изъ Боспорскихъ правителей былъ *Миѳридатъ Евпа-
ръ*, сынъ Понтійскаго царя *Миѳридата Евергесты* (кн. X, гл. IV,
489). Предпріимчивый и отважный, этотъ правитель Боспора овладѣлъ
мъ Крымомъ и расширилъ предѣлы царства на счетъ земель упомянутаго
ода сираковъ—на востокъ отъ Азовскаго моря и разбойничьихъ племенъ
казскаго хребта, что тянется вдоль полуночно-восточнаго черноморскаго
ережья. (Кн. VII, стр. 312 и 314). Такимъ образомъ Миѳридатъ Евпа-
ъ положилъ начало утѣсненію черноморскихъ скиѳовъ.

Перечисленныя имена правителей и занятіе боспоранами скиѳскихъ зе-
ъ приводятся здѣсь какъ свидѣтельство внесеннаго разноплеменными на-
никами въ скиѳскія земли обычаевъ и привычекъ тѣхъ странъ, изъ
орыхъ выводили ихъ державцы, сдѣлавшіеся правителями Боспорскаго
ства;—принятіе скиѳами такихъ новыхъ обычаевъ и тѣсныя торговыя
шенія съ иноземцами привили къ этому строгому народу растлѣвающія
ала, влекущія за собою, по ученію Платона, изнѣженность и замираніе
ущества и силы тронутыхъ ими племенъ.

Кромѣ извѣстій, заключающихся въ приведенныхъ выпискахъ, у Стра-
а встрѣчаются и еще нѣкоторыя, хотя отрывочныя, но полезныя для
сканій объ ильменцахъ, какъ имѣющія связь съ сказаніями другихъ
ствователей и съ лѣтописными сборниками Новгородской семьи поздняго
исхожденія. Этимъ извѣстіямъ отведемъ здѣсь нѣсколько строкъ.

Гипанисъ. Въ числѣ скиѳскихъ рѣкъ Геродотъ называетъ Гипанисъ
лка приведена выше);—это нынѣшній Бугъ; по Страбону же—рѣки этого
ни находились: а)—*въ Сарматіи*, гдѣ она текла въ томъ же направленіи.
ъ и Танаидъ—Донъ (кн. II, гл. IV, стр. 105); эта Гипанисъ—назы-
ся также „*Гипанія*“ (кн. VII, гл. III, стр. 300) и „Гипаній“ (тутъ
стр. 308); б)—*на Кавказѣ*: рукавъ рѣки *Антакситы*, признаваемый
лѣдователями за нынѣшнюю Кубань,—тоже „Гипаній“; этотъ рукавъ
аетъ въ заливъ Чернаго моря, извѣстный Страбону какъ озеро *Коронко-
итида* (кн. XI, гл. II, стр. 505) и в)—*въ Индіи;* Александръ Маке-
скій не переходилъ Гипаниса, текущаго восточнѣе Инда, такъ какъ
ска его были сильно утомлены, хотя, по общему мнѣнію спутниковъ
ствователя, по ту сторону этой рѣки—наилучшая во всей Индіи земля; но
лѣ Александра эллинскіе полководцы, особенно *Менандръ* и *Деметрій*
ъ Бактрійскаго царя *Евѳидема*, перешли за Гипанисъ; первый изъ этихъ

дошелъ до *Имая*. (Кн. XI, гл. XI, стр. 527; кн. XV, гл. I, стр. 7
713, 716 и 718).

Имай—это крайняя часть Тавра, доходившая до самаго Индейс
моря; Страбону говорили что она ни чуть не выдается далѣе Индіи вс
стокъ, но и не остается позади ея (кн. XI, гл. VIII, стр. 521).

Александръ Македонскій Во время Индійскаго похода Алекса
женился на *Роксанѣ*, дочери *Оксіатра*, бывшаго однимъ изъ Бактріанск
державцевъ; свадебный пиръ справленъ былъ въ мѣстопребываніи Рокс
на скалѣ *„Сисимиѳра“*, высота которой имѣла пятнадцать стадій (=
верста и 312 саженъ), а объемъ окружности восемьдесятъ (=четырнад
верстъ); на верху скалы лежала площадь, покрытая плодородной зем
способной пропитать пятьсотъ человѣкъ. По всей вѣроятности тамъ
сильное укрѣпленіе, така какъ эта скала Сисимиѳра и другая сосѣдняя,
болѣе высокая, *„Окса“* приходилась на границѣ Персіи временъ Кира,
рѣкѣ Іаксартѣ и служила передовою защитою основаннаго невдалекѣ
нея царемъ Киромъ города, названнаго его именемъ (кн. XI, гл.
стр. 527 и 528). Роксана была, какъ видно изъ дальнѣйшаго излож
извѣстій объ Александрѣ, любимою его женою, сопровождавшею завоева
въ дальнѣйшихъ походахъ и слѣдовавшею за гробомъ своего мужа:
проводила его до мѣста погребенія въ Александріи—въ Египтѣ и отп
оттуда въ Македонію съ сыновьями своего мужа и царемъ *Арида*
Александръ похороненъ былъ сперва въ золотомъ гробѣ *Птоломеемъ*, сы
Лага; но другой Птоломей, по прозванію *Коккесъ* и *Парейсактъ*, похи
этотъ гробъ и положилъ тѣло великаго царя—въ стеклянный, въ кото
оно сохранялось и въ Страбоново время (кн. XVII, гл. I, стр. 811).

Оксіатръ былъ, повидимому, скиѳъ, такъ какъ Александръ застал
Бактріанѣ скиѳскіе обычаи, одинъ изъ которыхъ, состоявшій въ выбр
ваніи на съѣденіе собакамъ больныхъ и дряхлыхъ людей,—онъ уни
жилъ,—и такъ какъ эллины, владѣвшіе этою страною, были изгнаны
Бактріаны кочевниками-скиѳами (кн. XI, гл. VIII, стр. 521 и гл. XI, стр.

Нѣкоторые повѣствователи говорятъ что во время движенія Алекса
походомъ въ срединную Азію, его встрѣтила царица амазонокъ *Ѳалест*
въ Гирканіи, и сожительствовала съ нимъ нѣкоторое время, съ цѣлью и
отъ него дѣтей (кн. XI, гл. V, стр. 515).

Филиппъ Македонскій. Этотъ державецъ, сынъ *Аминты* и *Евр*
отецъ *Ѳессалоники*, по имени которой названъ городъ, основанный за р
Аксіемъ и упоминаемый Гомеромъ, Кассандромъ, ея мужемъ,—воевал
скиѳскимъ державцемъ *Атеемъ*, управлявшимъ большею частію той
ской страны, которая прилегала къ Азовскому морю (кн. VII, гл.
стр 39; гл. VII, стр. 329, 337 и 338).

Война эта происходила за 250 лѣтъ до Миѳридата Евпатора, о
ромъ упомянуто въ статьѣ о боспоранахъ (Карамзинъ, ч. I, примѣч.

Команы—городъ въ области верхнихъ каппадокійцевъ, на горѣ *Ам*
таврѣ, составляющей отрогъ Таврскаго хребта въ направленіи къ Евф
(Кн. XI, гл XV, стр. 571).

Этого же имени городъ въ Понтѣ (кн. XII, гл. III, стр. 559), въ землѣ тійскихъ *комановъ*, недалеко отъ равнины Ѳемискиры и рѣки Ѳермодонта, стностей, въ которыхъ жили амазонки.

Кума—наибольшій эолійскій городъ въ Малой Азіи. Выходцы этого го- *куманцы* или *кумцы* или *кумляне* заняли въ Италіи Кампанію; здѣсь дполагается тоже жилище амазоновъ; по выходѣ ихъ Куму заняли юнане моляне. (Кн. V, гл. IV, 245 и 246; кн. XII, гл. III, стр. 560).

Истрія—область Италіи; въ ней городъ Пола (кн. V, гл. I, стр. 213 218).—Въ настоящее время въ числѣ притоковъ Дуная съ правой сто- ны одинъ называется также какъ и городъ Истріи—*Пола*.

Страбоновы извѣстія доходятъ до того времени, съ котораго начинается лость народцевъ Европы полуденной и западной, сгонявшихся кучно участкахъ земли, для борьбы съ наступавшими римскими полчищами, и авлявшихъ союзы, временные сперва, а затѣмъ сживавшихся и усвоивав- ъ имена народовъ, называемыхъ землеописателями, слѣдовавшими послѣ абона. Нѣкоторые изъ образовавшихся такимъ образомъ народовъ крѣпко ли за самобытность своихъ союзовъ и не поддались могучему тяготѣнію а,—а другіе, какъ иберійскіе тогаты—подчинились ему.

Скиѳы черноморскаго побережья примкнули-было, для борьбы съ Римомъ боспоранамъ, но, отдалившись тѣмъ самымъ отъ своихъ соплеменниковъ, рялись въ рядахъ Мивридатовыхъ полчищъ; прочіе же обитатели полу- ной и срединной Россіи, скиѳы и не-скиѳы, пережили цѣлыми вѣками и абона и тяготѣніе Рима. Но повѣствователи первыхъ вѣковъ по Р. Х. лали изъ скиѳовъ нарицательное имя для всѣхъ неизвѣстныхъ народовъ ночно-западной и полночно-восточной Европы, смѣшивая ихъ съ сарма- тами, въ такомъ же нарицательномъ смыслѣ.

Съ жизнью Страбона кончается золотой вѣкъ для области творчества ихъ мыслителей римскихъ, начавшійся одновременно съ увяданіемъ ого же творчества мудрецовъ Еллады. „Годъ рожденія и смерти Страбона точностью неизвѣстенъ,—говоритъ Ѳ. Г. Мищенко въ предисловіи къ еводу труда его,—но частое упоминаніе событій, случившихся на гла- ъ землеописателя и личностей, которыхъ онъ зналъ, не позволяетъ сомнѣ- ся въ томъ, что современниками его были: Помпей, Цицеронъ, Юлій арь, Августъ и Тиберій" (Предисл. стр. XVII). Но извѣстно, что Цице- ъ родился въ 106 году до Р. Х., что за нимъ, по порядку годовъ рож- ія, слѣдуютъ: Юлій Цезарь, Лукрецій, Корнелій-Непотъ, Катуллъ, Салли- , Виргилій, Горацій, Титъ-Ливій, Проперцій и Овидій, умершій въ 17 году Р. Х. Писавшіе послѣ Страбона излагаютъ по преимуществу извѣстія обытіяхъ военныхъ, почти умалчивая о тѣхъ бытовыхъ особенностяхъ ѣчавшихся на пути завоеваній римлянъ народовъ, которыя относились ихъ нравамъ и обычаямъ, или повторяя имѣющіяся по этому предмету тѣнія у Геродота и Страбона. По этому-то мы и приводимъ длинный рядъ исокъ изъ трудовъ обоихъ повѣствователей древности.

Какъ между Геродотомъ и Страбономъ, такъ равно между этимъ зем
сателемъ и Тацитомъ, было много любознательныхъ грековъ и римлянъ, д
записки которыхъ дошли до насъ вполнѣ или частію. Пересказомъ сох
ныхъ въ ихъ записяхъ свѣдѣній, имѣющихъ немаловажное значеніе в
бытовыхъ свидѣтельствъ о насельникахъ земель нашего отечества, м
мемся, какъ уже сказано по поводу извѣстій промежуточныхъ между
дотомъ и Страбономъ писателей, при изложеніи данныхъ о долѣтопи
вѣкахъ ильменцевъ. Здѣсь же приведемъ нѣсколько строкъ изъ с
Павзанія, въ дополненіе извѣстій Геродота и Страбона, и перейдемъ къ Т

Павзаній.

Этотъ просвѣщенный грекъ, писавшій во второмъ вѣкѣ по Р. Х
имущественно о предметахъ искусства Еллады, упоминаетъ, между пр
говоря объ Аттикѣ, о савроматахъ, по поводу хранившейся въ храмѣ *Ас*
брони савроматской, и сообщаетъ нѣкоторыя, не лишенныя значенія
бенности этого народа въ нарицательномъ значеніи его имени, соотвѣтс
щемъ народу скиѳскому. Савроматы, говоритъ Павзаній, не имѣютъ
въ своей странѣ и ни откуда его не получаютъ, такъ какъ сноше
иноплеменниками чуждаются болѣе всѣхъ обитателей полуночья Е
наконечники для копій выдѣлываютъ изъ кости, придавая ей извѣст
имъ способомъ твердость желѣза;—луки и стрѣлы у нихъ изъ вишн
дерева (не понтинъ-ли, или черешня?);—изъ ивовыхъ прутьевъ спле
длинныя цѣпи, которыя, во время нападенія на непріятеля, бросаютъ
ловко на противника, что выбиваютъ его изъ сѣдла и приволакиваю
себѣ (арканъ нынѣшнихъ нашихъ казаковъ). Будучи кочевниками,
маты держатъ много лошадей для ѣзды, питанія и жертвоприношеній; и
этого животнаго они разрѣзаютъ на пластинки на подобіе чешуи д
или свѣжей шишки сосны; пластинки плотно прикрѣпляютъ одну къ
жилами, располагая какъ въ чешуѣ, и дѣлаютъ изъ нихъ броню та
твердую и изящную, какъ и у эллиновъ; никакой ударъ не может
бить ея. Указывая на хранящуюся въ храмѣ броню, Павзаній пок
что иноплеменники-варвары искусны не меньше эллиновъ въ художе
не менѣе способны къ наукамъ. (Павзаніево описаніе Еллады въ пе
Сидоровскаго и Пахомова. СПБ. 1788 г., ч. I, гл. XXI, стр. 74—7

Тацитъ.

Кай Корнелій Тацитъ былъ современникомъ Клавдія, Нерона,
сіана, Домиціана и Нервы. Онъ жилъ во второмъ вѣкѣ по Р. Х. и сост
какъ полагаютъ изслѣдователи, правителемъ одной изъ только что зав

Наружность населенія, не смотря на величайшее многолюдство, накова: всѣ высоки ростомъ, рыжеволосы, съ ясными голубыми зами, храбры и стремительны въ нападеніяхъ на врага; въ работѣ лѣн мужественно перенесятъ холодъ и голодъ и тяготятся зноемъ. Основыв на внѣшности населенія Тацитъ соглашается съ заключеніемъ предше вавшихъ ему писателей, что оно туземное, ни на кого не похожее. и чи кровное, не смѣшавшееся чрезъ супружества съ чуждыми племенами. цитъ, о Ерманіи, ст. 1—5)

Страна *покрыта лѣсами* и болотами, за исключеніемъ нѣкото плодородныхъ мѣстъ и возвышенностей; лишенная плодовыхъ деревьевъ ве стіе холода, серебра и золота, страна изобилуетъ скотомъ, но онъ не ростомъ; волы худородны и неимѣютъ отличнаго красотою лба; нѣтъ и желѣза; лошадей много, но они тоже малы и не отличаются быстр бѣга, въ лѣсахъ держатся дикіе звѣри и птицы; рѣкъ изобиліе.

Образъ жизни населенія соотвѣтствуетъ дикости природы: женщ пользуются уваженіемъ; при лѣности мужчинъ онѣ несутъ всѣ труд хозяйству; онѣ выходятъ съ мужьями и даже малолѣтними дѣтьми войну; городовъ не устраиваютъ, а живутъ въ одиночку, семьями, въ сахъ, въ рощахъ, по полямъ, но всегда близъ источниковъ; села существу но каждая семья и въ нихъ сторонится близкаго сосѣдства,—осѣдлост окружена всегда пустыремъ; ни мазанокъ изъ глины, ни черепицы не употребляютъ,—постройки дѣлаются изъ самаго грубаго вещества, и и лишены привлекательности; нѣкоторыя чтсти зданій обмазываютъ р цвѣтными глинами и притомъ такъ гладко и цвѣтисто, какъ-бы живо въ иныхъ мѣстахъ выкапываютъ пещеры; поверхъ ихъ кладутъ навоз такихъ пещерахъ жители скрываются отъ морозовъ, свирѣпствующи теченіи зимы, и отъ непріятельскихъ набѣговъ;—нарядовъ не любя поверхъ голаго тѣла накидываютъ подобіе плащей римскихъ воиновъ стегиваемыхъ у шеи петлицами, или закалываемыхъ булавками; укры отъ холода, цѣлые дни проводятъ у огня; люди богатые имѣютъ о плотно охватывающую тѣло подобно сарматской и парѳянской, такъ каждый членъ видѣнъ отчетливо; многіе одѣваются въ звѣриныя шку ближайшіе къ границѣ римскихъ владѣній носятъ шкуры не обдѣла въ сыромъ видѣ,—а поселившіеся внутри страны—обработанныя съ торымъ искуствомъ и разборчивостью въ достоинствѣ мѣховъ; они р ваютъ одежду узорами изъ шкурокъ разныхъ звѣрей,—это наблюдае жителей побережій моря, неизвѣстнаго римлянамъ;—платье женщинъ шею частью одинаково съ мужскимъ покроемъ, но часто дѣлается изъ ной ткани, украшенной цвѣтнымъ узоромъ, больше краснымъ;—руки, и плечи женщинъ—всегда обнажены (статьи: 6, 7, 15, 16 и 17).

Цѣломудріе и чистота супружеской жизни соблюдаются здѣсь в шей степени строго; торгующихъ своимъ тѣломъ бросаютъ въ болота и накрывая сверху рѣшеткою (стр. 12); случаи прелюбодѣянія весьма и караются единственно властью мужа; если жена осквернитъ непри венность и чистоту брачнаго ложа, мужъ отрѣзавъ волосы и раздѣвъ д

присутствіи созываемыхъ по этому случаю родственниковъ выталкиваетъ изъ дому и гонитъ бичемъ по всему селенію; какъ-бы ни была провинившаяся жена прекрасна, молода и богата—нѣтъ ей пощады; будучи выгнана дома своего мужа за брачный грѣхъ она никогда уже не возвращается нему и не находитъ себѣ другого мужа.

Большинство населенія—одноженцы; одни только знатные, и то не всѣ, ужаютъ себя толпою женъ, но не изъ сладострастія, а только ради ве-ія (стр. 18 и 19).

Дѣвицы и **молодые мужчины** вступаютъ въ бракъ по достиженіи овой зрѣлости, съ соблюденіемъ при этомъ, по возможности, одинаковыхъ—соты и роста (ст. 20). Приданое приноситъ не жена мужу, а обратно, въ присутствіи родителей и родственниковъ обѣихъ сторонъ,—по одобреніи данаго ими бракъ считается заключеннымъ; бываетъ, что и жена приноситъ домъ мужа—дары. Какъ приданое, такъ и дары выбираются изъ предметовъ, езныхъ въ жизни супруговъ, а ни какъ не изъ удовлетворяющихъ тще-вію и годные для наряда новобрачной; мужъ, или еще женихъ, прино-ъ въ домъ воловъ, коня, щитъ *фрамею* (это родъ нашего бердыша, боевой оръ) и мечъ; жена—нѣкоторое оружіе. Такіе взаимные дары составляютъ нство и почитаются брачными божествами; вышедшая за мужъ дѣвушка дваряется, что она должна быть храброю, какъ и мужъ ея,—принимать наковое съ нимъ участіе во всѣхъ важныхъ приключеніяхъ,—сотовари-ствовать мужу во всѣхъ трудахъ и опасностяхъ,—терпѣть съ нимъ всякія згоды и быть готовою на все во время мира и войны, вмѣстѣ съ нимъ ть и умереть. Все принятое отъ жениха, жена обязана хранить, чтобы ать впослѣдствіи его дѣтямъ и невѣсткамъ и внучатамъ (ст. 17 и 19).

Въ нѣкоторыхъ городахъ выходятъ замужъ, однѣ только дѣвицы; вдо-ъ же вступать во второй бракъ не дозволяется,—такимъ образомъ на-да и желаніе быть женою осуществляется разъ въ жизни; какъ природа тъ одно только тѣло и одну жизнь, такъ и дѣвушка имѣетъ въ мужѣ ь и предметъ всѣхъ своихъ желаній и помышленій; она получаетъ въ нственномъ для себя мужѣ не мужчину, а какъ-бы тайну самаго суп-ества (ст. 19).

Дѣти составляютъ предметъ особеннаго вниманія: ограничивать число атій, или убивать новорожденныхъ какъ-бы лишнихъ для семьи,—счи-тся величайшимъ злодѣяніемъ;—пока дѣти малы, матери сами ихъ кор-ъ своимъ молокомъ: ни служанки, ни особыя кормилицы къ этому не-ускаются; подростя дѣти остаются нагими; ихъ никогда не обмываютъ; зутъ вмѣстѣ съ домашними животными и валяются на одной съ ними лѣ; но достигнувъ возмужалаго возраста, эти въ грязи выросшіе дѣти тавляютъ римлянъ удивляться силѣ ихъ, роста и развитія; каждый юноша знается свободнымъ отъ родительской власти тогда, когда земляки удо-вѣрятся въ его храбрости (ст. 19 и 20). Если въ области, къ которой надлежатъ юноши по рожденію, долго не представляется случая къ войнѣ, если юноши родовиты, они уходятъ къ тѣмъ народцамъ, которые ведутъ кѣмъ либо войну, чтобы прославиться и обогатиться на счетъ грабежей,

обыкновенныхъ во время войнъ въ германскихъ земляхъ. Чѣмъ бол
семьѣ мужчины дѣтей, тѣмъ болѣе онъ почтененъ къ старости; безд
же не получаетъ никакого уваженія (ст. 20).

Семейная связь представляетъ одну особенность: сестрины дѣт
ственно сыновья, также любезны и дороги дядѣ, какъ и отцу ихъ; д
которыхъ же этотъ союзъ крови, то есть потомства братьевъ и сестер
щенные союзы родителей и дѣтей.—Когда берутъ, при извѣстныхъ о
тельствахъ, заложниковъ, избираютъ для этого племянниковъ (двоюро
братьевъ?), какъ составляющихъ бо́льшую обширность семейства (там

Въ имуществѣ отца и матери наслѣдуютъ дѣти: а есл
не будетъ,—ближайшіе по крови братья,—отцовскія и материнскія
(Тамъ же).

Въ домашнемъ быту германцы Тацита не прихотливы: муж
какъ лѣнтяи, встаютъ обыкновенно поздно—и сряду же моются, по бо
части теплою водою, такъ какъ зима холодна и продолжительна; вы
шись—завтракаютъ; всякій имѣетъ для ѣды свой столъ и стулъ, а з
отправляютъ дѣла (ст. 12). Пища ихъ проста: полевые плоды, свѣжа
и сквашенное молоко; никакихъ приправъ и подслащиванія не употреб
напитокъ выдѣлываютъ изъ ячменя и пшеницы подобно вину; живущ
границѣ съ римскими областями привыкли къ виноградному вину и
паютъ его.

Собственныхъ *знаковъ цѣнностей* не имѣютъ;—торговлю ведутъ
новую; пограничные обитатели знаютъ достоинство золота и серебра
корые знаки, выдѣланные изъ нихъ (монеты) обращаются между ним
живущихъ внутри страны иные, чаще встрѣчающіеся съ римлянами
обще съ иноземцами,—также знакомы съ древнѣйшимъ единицами цѣн
серратами и *бигатами* (serra—пила; серраты имѣли по ребру
biga—пара; на бигатахъ выбивалось изображеніе колесницы, запря
парою лошадей). Встрѣчались кое-гдѣ серебряные сосуды, поднесенные
нымъ державцамъ и посламъ ихъ; но народъ цѣнитъ ихъ наравнѣ с
няными; серебру отдаютъ предпочтеніе сравнительно съ золотомъ, пото
первое не такъ скоро изнашивается при пользованіи (ст. 5 и 23).

Молодые люди развлекаются особенною игрою: раздѣвшись д
они скачутъ между остріями мечей и фрамей, воткнутыхъ тупыми к
въ землю. Люди средняго возраста и старики увлекаются *игрою въ к*
какъ-бы дѣломъ крупной важности (не въ кости-ли?)—на столько, чт
игравъ все, что имѣютъ, продолжаютъ игру на личную свободу и
окончательно проигравшійся дѣлается невольникомъ выигравшаго, до
связать себя и вести, хотя бы превосходилъ во всемъ, и въ силѣ,
знатности рода, и въ возрастѣ; впрочемъ допускается обмѣнъ проигра
на дѣйствительнаго, ему или семейнымъ его принадлежащаго, невол
(ст. 24).

Невольничество въ Германіи не похоже на римское: тамъ невол
не употребляется на домашнія услуги господину;—каждый изъ нихъ
собственное свое жилище, своихъ боговъ и самъ полный хозяинъ въ

нѣ;—господинъ беретъ только назначенную подать хлѣбомъ, или одеждою, или чѣмъ либо другимъ—и только; рѣдко бываетъ, чтобы господа своихъ невольниковъ били, держали въ узахъ или мучили на работѣ; впрочемъ были случаи даже убійства невольниковъ хозяевами; но не въ видѣ наказанія и устрашенія другихъ, а въ гнѣвѣ, въ запальчивости; подобное убійство не наказывается (ст. 25).

Существуютъ и отпущенники, но они не пользуются уваженіемъ ни въ домѣ прежняго господина, ни въ народѣ; въ тѣхъ же областяхъ, которыя управляются державцами или царьками, отпущенники часто достигаютъ значенія и власти не только среди свободныхъ, но даже властвуютъ и надъ благородными (тамъ же).

Домашнія работы исполняются въ каждой семьѣ матерью и дѣтьми и хозяина,—посторонніе же, свободные, или несвободные не допускаются (тамъ же).

О ростовщичествѣ вообще не имѣютъ понятія; что дается въ долгъ скотомъ или вѣсомъ, то и взимается безъ малѣйшей надбавки (ст. 26).

Приведенныя до сихъ поръ условія жизни относятся по преимуществу къ городамъ въ смыслѣ обширныхъ поселеній,—такъ какъ у германцевъ нѣтъ городовъ подобныхъ римскимъ—обитатели которыхъ имѣютъ болѣе частыя сношенія между собою и съ чужеземцами.

Жизнь внѣ большихъ поселеній, въ лѣсахъ и при болотахъ, имѣетъ нѣкоторую своеобразность и представляется въ двухъ видахъ:—въ мирное время одна, въ военное—другая.

Въ мирное время женщины и нѣкоторые мужчины занимаются земледѣліемъ, требуя отъ земли только хлѣба; ни огородовъ, ни садовъ не заводятъ, луговъ не охраняютъ отъ потравы. Площади, прилегающія къ селеніямъ, вообще дѣлятся самими обывателями, сообразно съ достоинствомъ каждаго, и послѣдовательно переходятъ отъ одного обывателя къ другому на правахъ общинныхъ†); пашню мѣняютъ поголно,—такъ что по прошествіи лѣта она остается невоздѣланною до поступленія къ новому хозяину (ст. 26).

Въ запискѣ Юлія Цезаря о галльской войнѣ имѣется объясненіе описываемаго Тацитомъ способа пользованія землею: дѣлается это изъ опасенія, чтобы прочное установленіе права собственности на опредѣленный участокъ не отвлекало населеніе отъ воинскихъ наклонностей (Comment. de bello Gallico—l. 6, ст. 21).

Годъ дѣлится только на три части: зиму, весну и лѣто; осени германцы *не знаютъ*, такъ какъ пренебрегаютъ ухаживаньемъ за плодовыми растеніями, награждающими за труды осенью; у нихъ не было даже и слова для обозначенія осени (Тацитъ, ст. 26).

Мужчины собираются если не постоянно, то весьма часто, на *мирскіе совѣты* и непремѣнно туда приходятъ вооруженные; проводятъ дни и ночи въ пьянствѣ—не безчестно;—на пирахъ почти всегда возникаютъ ссоры, оканчивающіяся драками съ нанесеніемъ ранъ, а иногда и съ причиненіемъ убійства; одною руготнею ссоры не оканчиваются. На пирахъ происходятъ

совѣщанія о примиреніи враждующихъ, о брачныхъ союзахъ, о выборѣ должностныхъ лицъ, о мирѣ и войнѣ. Насельники Германіи убѣждены, что ни въ какое другое, кромѣ пиршественныхъ сборищъ, время сердце человѣка не открывается такъ же, какъ тутъ, широко для добра и не воспламеняется стремленіемъ къ великимъ предпріятіямъ; народъ, не будучи лукавымъ и коварнымъ, обнаруживаетъ, во время разгула и взаимныхъ шутокъ, глубоко затаенныя помыслы, высказывается свободно, какъ-бы шутя;—на другой день, послѣ пиршества, дѣлаются полезные выводы и мѣропріятія изъ соображенія высказаннаго во время шумнаго веселья. Такимъ образомъ насельники Германіи выбираютъ для совѣщаній и разсужденій такое время, когда невозможно притворство,—а для рѣшительныхъ постановленій—когда нельзя впасть въ ошибку (ст. 22).

Гостепріимство развито до наивысшихъ предѣловъ: не принять въ свой домъ кого-либо изъ людей, единоплеменника-ли, или чужестранца, знакомаго или незнакомаго,—не угостить и не успокоить голоднаго и усталаго—почитается за великое беззаконіе; если странникъ приходитъ въ домъ, хозяину котораго нечѣмъ угостить, онъ ведетъ пришельца къ сосѣду, болѣе состоятельному, безъ предупрежденія послѣдняго; если отходящій странникъ спроситъ у гостепріимнаго хозяина что-либо для себя на дорогу,—ему никогда и никто не отказываетъ,—равно и хозяинъ получаетъ отъ своего временнаго гостя всякую вещь, какой-бы ни попросилъ; получать дары и подносить другимъ—въ обычаѣ,—при этомъ ни получающій, ни дающій не считаютъ себя нисколько взаимно-обязанными (ст. 219).

Кровная месть и **кровная дружба** строго соблюдаются; отъ мести можно откупиться, хотя бы она вызвана была убійствомъ, а равно и устранить возникновеніе права мстить за всякаго рода обиды—не исключая и убійства же,—опредѣленнымъ количествомъ скота (*pecus*), предпочтительно воловъ и овецъ. По этому поводу Тацитъ замѣчаетъ, что подобный обычай полезенъ для общества: гдѣ царствуетъ свобода—послѣдствія вражды будутъ ужасны (тамъ же).

Во время войны все измѣняется какъ въ домашней жизни, такъ и въ общественной: мужчины, женщины и дѣти—всѣ вооружаются и идутъ на войну,—дома остаются дряхлые старики и старухи, матери уносятъ съ собою даже самыхъ маленькихъ дѣтей; поля и скотъ покидаются; старики принуждены бываютъ, если война затянется на долго, бродить по лѣсамъ и добывать пропитаніе подсильной имъ охотой.

Вооруженіе, какъ уже замѣчено, не сложно: щитъ, копье, мечъ и фрамея. Въ бой вступаютъ конные и пѣшіе; всадники имѣютъ только щитъ и фрамею, а пѣхотинцы—множество копій, бросаемыхъ въ непріятеля мѣтко, сильно и далеко; тѣло конныхъ и пѣшихъ воиновъ почти обнажено,—германцы вообще не любятъ наряжаться; весьма немногіе прикрываются латами,—шлемы же бываютъ у одного или двухъ человѣкъ во всемъ огромномъ ополченіи; но щиты любятъ раскрашивать отборнѣйшими цвѣтами.

Способъ сраженія своеобразенъ; германцы не знаютъ разныхъ перемѣнныхъ движеній, употребляемыхъ римлянами; они привыкли или ударять

тремительно впередъ, или вдругъ поворотить на право и образовать такой ругъ, что ни одного воина не останется позади, или наконецъ выстроиться углами.—Вся сила состоитъ въ пѣхотѣ; всадники же дѣйствуютъ дновременно и въ одномъ мѣстѣ съ пѣхотою, которая удивительно ловка и оворна при нападеніи на нее всадниковъ.

Въ передовой отрядъ пѣхоты ставятся юноши, набираемые по сту изъ ждаго селенія; они и составляютъ сотни; считаться членомъ сотни— льшой почетъ.

Бѣжать съ поля сраженія цѣлымъ отрядомъ, съ намѣреніемъ опять рнуться для нападенія съ другой стороны—правило обыкновенное и слѣвать ему похвально; при пораженіи и отступленіи, хотя-бы оно было бгствомъ,—обязательно подобрать своихъ раненыхъ и убитыхъ; оставить а мѣстѣ сраженія свой щитъ—величайшее преступленіе; сдѣлавшій такую ѣду—погибшій человѣкъ: онъ не можетъ ни присутствовать при священыхъ обрядахъ, ни участвовать въ совѣщаніяхъ; многіе изъ подобныхъ нечастливцевъ, оставшись въ живыхъ послѣ битвы, накладываютъ на себя уки, чаще всего самоудавленіемъ, чтобы избѣгнуть поношенія и общаго резрѣнія.

Готовясь къ бою и устраиваясь въ полки, или въ углы, германцы дѣаютъ это обдуманно: всякій полкъ, или уголъ, состоитъ изъ близкихъ ежду собою родственниковъ, цѣлыми семействами собирающихся на одно ѣсто: приступая къ бою они имѣютъ все дорогое сердцу подлѣ себя; слухъ ихъ поглощается воемъ женъ и крикомъ дѣтей и возбуждаетъ ярость проивъ врага; жены и дѣти—свидѣтели храбрости и хвалители мужества ражающихся; раненые идутъ къ матерямъ и женамъ, считающимъ и осмариваютъ раны и облегчающимъ страданія. Бывали случаи, что полки, азбитые непріятелемъ и обратившіеся въ бѣгство, были останавливаемы енщинами на постыдномъ пути и возвращаемы на мѣсто сраженія; слуалось отъ призываемыхъ къ участію въ войнѣ городовъ и семей брать, ъ обезпеченіе вѣрности и стойкости воиновъ ихъ, въ заложники женщинъ, акъ самое надежное ручательство непоколебимости союза или обѣщанія. ъ женщинахъ, присутствующихъ во время сраженій—видятъ нѣчто свяенное, вдохновенное свыше; совѣты ихъ выслушиваются и исполняются. ацитъ самъ видѣлъ *Веледу* при Веспасіанѣ; эту женщину весьма многіе очитали за божество, хотя она была плѣнницею; во времена болѣе древія,—говоритъ Тацитъ,—насельники Германіи высоко чтили *Аврінію* и ругихъ женщинъ, за ихъ высокія добродѣтели.

Бога считаютъ присутствующимъ въ сраженіяхъ и выносятъ на мѣста итвы изваянія его и знамена, посвящаемыя божеству и хранимыя въ мирое время въ священныхъ рощахъ (ст. 6—8).

Управленіе страною дѣлилось между многими *державцами*, по одному ъ каждой особенной области, *полководцами и народнымъ собраніемъ*. Державцы и полководцы имѣли подчиненныхъ имъ начальниковъ отдѣлыхъ частей. Всѣ должностныя лица избирались, начиная съ державцевъ, ародным собраніемъ, преимущественно и даже исключительно изъ родо-

витыхъ и заслужившихъ почетъ гражданъ. Никто изъ нихъ, не исключая и державцевъ, не имѣлъ власти неограниченной; верховнымъ владыкою всѣхъ должностныхъ лицъ былъ народъ, выражавшій свою волю въ особыхъ собраніяхъ.

Вѣдомству державцевъ подлежали только маловажныя дѣла; болѣе важныя полководцамъ; тѣ и другія и самыя важныя—народному собранію; слѣдовательно верховная власть надъ областью принадлежала народному собранію.

Между державцами Тацитъ различаетъ: царей, князей, товарищей ихъ „*comes*", получившихъ впослѣдствіи имя графовъ,—но только по названіямъ, а не по достоинству и не по существу правъ и обязанностей ихъ; иногда и полководцамъ онъ даетъ одно изъ этихъ же названій.

Державцы и полководцы окружали себя многочисленными дружинниками изъ людей почтенныхъ родовъ и состоятельныхъ, называвшихся сотоварищами, соратниками; каждый изъ этихъ имѣлъ собственныхъ товарищей-ратниковъ; они-то и были, при отчаянной неустрашимости и удивительной неутомимости въ военное время, величайшими лѣнтяями въ мирное, когда только и дѣлали, что ѣли, да спали, изрѣдка забавляясь охотою; они-то и уходили, наскучивъ бездѣйствіемъ, въ чужія земли, гдѣ велась война, для славы и наживы. Державцы и полководцы охотно отпускали эту молодежь на службу къ иноземцамъ, такъ какъ содержаніе дружинниковъ обходилось дорого: ихъ нужно было кормить постоянно, и давать шумныя пиршества; нужно было каждому давать лошадь воинскую и все вооруженіе.

Во время сраженія державецъ долженъ былъ превосходить храбростью всѣхъ своихъ сотоварищей (*comes*) и стоять впереди ихъ; постыдно было для него уступать кому-либо въ этомъ отношеніи, а сотоварищамъ не оказывать одинаковой съ державцемъ храбрости. Чѣмъ многочисленнѣе и храбрѣе была дружина державца, тѣмъ большимъ уваженіемъ пользовался онъ самъ и его область между сосѣдями соплеменниками и иноземцами, завоевывавшими въ немъ благорасположенія и дружбы богатыми дарами, льстившими самолюбію державца.

Державцамъ, полководцамъ и всѣмъ вообще начальникамъ,—приносится отъ обывателей добровольная, обычаемъ установленная, подать хлѣбомъ и скотомъ, дающая имъ безбѣдное существованіе и выражающая особый почетъ; часто начальникамъ подносятъ, въ видѣ даровъ, наилучшихъ лошадей и оружіе не только зависящіе отъ нихъ, не и сосѣдніе обыватели.

Народное собраніе бывало въ опредѣленные дни; это обыкновенное; чрезвычайное же созывалось, въ случаяхъ особенной важности, во всякое время. Счастливѣйшимъ для начала всякаго дѣла почиталось время новолуній и полнолуній; къ нему и пріурочивались дни народныхъ собраній обыкновенныхъ. Въ зависимости отъ этого повѣрья теченіе времени исчислялось не днями, а ночами, что и означалось въ призывѣ на собранія, которыя, поэтому, и открывались, должно быть, по ночамъ;—будучи же открыты продолжались и въ теченіи дня. Призываемые являлись на собраніе большею частію не сряду по полученіи приглашенія, а въ продолженіи двухъ-трехъ дней.

Кто созываетъ и кого именно къ участію въ собраніяхъ, Тацитъ не ывается. Но наблюденіе за тишиною и порядкомъ и усмиреніе неспокой-ъ предоставлялось жрецамъ, вѣроятно они же распоряжались и при-омъ.

Германцы не отправляли никакихъ дѣлъ ни частныхъ, ни обществен-ъ безъ оружія; въ народныя собранія, поэтому, приходили вооруженные.

Предметами вѣдомства собранія были: а) избраніе державцевъ, царьковъ, зей, полководцевъ и всѣхъ вообще начальствующихъ, б) разсмотрѣніе дѣлъ ловныхъ: обвинитель доказывалъ всенародно наличность преступленія и овность извѣстнаго лица, а обвиняемый защищался,—собраніе произ-ило приговоръ;—за тягчайшія вины, каковы: измѣна, трусость въ воин-ихъ дѣлѣ, развратъ (должно быть торговля своимъ тѣломъ)—назначалась тная казнь (упомянутое погруженіе въ болота или озера),—а за менѣе кія—имущественное вознагражденіе потерпѣвшаго, предоставленіемъ ему скать съ обвиненнаго опредѣленное число лошадей и овецъ (скотъ); сверхъ взыскивалась пеня въ пользу державца города или селенія, къ кото-принадлежалъ осужденный;—в) избраніе государей (судей?) отправлявъ правосудіе въ мѣстечкахъ и селахъ; г) назначеніе къ каждому изъ ихъ государей по сту засѣдателей, въ помощь ему, какъ совѣтниковъ и олнителей рѣшеній; и д) предоставленіе юношамъ, достигшимъ извѣст-возраста и приводимымъ въ собранія родителями, или старшими, въ номъ вооруженіи,—права членовъ государства.

По открытіи засѣданія первымъ говоритъ или державецъ или ста-шій по достоинствамъ и заслугамъ, признаваемый таковымъ,—но не тотъ, имѣетъ высшую власть. Если рѣчь говорившаго не вызывала сочувствія находила единомышленниковъ, въ собраніи поднимался шумъ, что и выра-о несогласіе народа съ предложеніемъ, вносимымъ на собраніе;—въ знакъ асія на предложеніе и одобренія высказаннаго мнѣнія, члены собранія али фрамеями. Смертные приговоры и другія рѣшенія народнаго собранія водились въ исполненіе одними только жрецами, потому что считались аковыми съ божескими велѣніями (ст. 6, 11—14 и 15).

Вѣрованія изложены Тацитомъ въ слѣдующемъ видѣ: величайшимъ кеніемъ пользуется *Меркурій*—Гермесъ пеласговъ, египтянъ и еллиновъ μέας—Геродота) *Геркулесъ*—Гераклъ еллиновъ; *Марсъ*—Арей Геродота ης),—почитался у скиѳовъ въ видѣ меча;—и *Изида*—только у шва-ъ, и то не у всѣхъ. Нѣкоторымъ, напримѣръ Меркурію, приносились че-ческія жертвы (ст. 9).

Изображеній для своихъ боговъ не дѣлали; храмовъ имъ не воздвигали, тая это недостойнымъ величія небожителей, но посвящали имъ и благо-йно чтили лѣса и рощи (тамъ же).

Гаданье—сильно занимало не только простолюдиновъ, но и высшихъ овниковъ; искренне вѣрили всѣ, что предсказаніе гадателя сбудется. Пріемы пособы гаданья были различны.

Наиболѣе распространеннымъ способомъ служилъ жеребій: отрубленный плодоваго дерева прутъ дѣлился на маленькіе кусочки, каждый изъ ко-

торыхъ отмѣчался особенною зарубкою; такіе кусочки бросали на разосл
ную предварительно бѣлую одежду. Если предметомъ гаданья была общ
польза, общее дѣло страны, области, города или поселенія,—оно совершал
мѣстнымъ жрецомъ, или главнымъ;—если же цѣлью гаданья было задум
ное одною только семьею предпріятіе—старшимъ членомъ семьи. Гадат
молилъ боговъ и, глядя на небо, бралъ на удачу каждый изъ кусочковъ
раза и по зарубкамъ предсказывалъ судьбу задуманнаго предпріятія. Е
выходило запрещеніе—въ такомъ случаѣ задуманное не осуществлялось;
отсутствіи же на жеребьи знаковъ запрещенія требовалось сдѣлать повѣр
гаданья по птичьему полету и по пѣнію.

Менѣе распространенными были гаданья лошадьми и единоборство
между гражданиномъ страны и чужеземцемъ—плѣнникомъ. Оба примѣняли
къ случаямъ наибольшей всенародной важности:—объявленію войны и з
люченію мира—въ особенности.

Кони прорицатели, чрезъ которыхъ совершается гаданье,—соворше
бѣлые; содержались они на счетъ приношеній всего народа въ священны
лѣсахъ и рощахъ;—пользоваться бѣлыми конями для иного, кромѣ про
цанія, дѣла почиталось величайшимъ грѣхомъ, такъ какъ они одни тол
знали волю боговъ. Прорицаніе совершалось такъ: священныхъ коней запр
гали въ особую колесницу, за которою слѣдовалъ жрецъ и державецъ, и
самый важный сановникъ области; ржаніе и храпѣніе коней истолковывал
слѣдовавшими за ними лицами, признаваемыми народомъ за служителей бого

Единоборство выражало непремѣнную волю боговъ; захвативъ, во вр
войны, въ свои руки плѣнника, вооружали его по обычаю народа, съ ко
рымъ велась война и противопоставляли ему ловкаго и сильнаго изъ с
ихъ воиновъ, вооруженнаго по своему обычаю; кто изъ борцовъ одолѣва
противника, соплеменники того объявлялись побѣдителями и война окан
валась (ст. 10).

Погребальные обычаи не сложны; никакой пышности при похо
нахъ не допускалось; тѣла людей знаменитыхъ сожигались на кострѣ
дровъ одной только, именно на этотъ предметъ предназначенной, породы
ревьевъ; костра не украшали ни чѣмъ, не дѣлали никакихъ благовонны
изліяній; принадлежавшее умершему оружіе сожигалось вмѣстѣ съ нимъ;
нѣкоторыми сожигался и конь умершаго; могила означалась возвышени
изъ дерна; памятниковъ пышныхъ и обширныхъ не воздвигалось, чтобы
жестью своею они не могли удушить умершаго для жизни земной, но п
должающаго—подземную; по скончавшемся плакали мало; рыданіе прил
ствовало еще женщинамъ; мужчины же соболѣзновали и скорбѣли молч
долго, вспоминая почившаго (ст. 28).

Таковы общія черты бытовыхъ особенностей Тацитовыхъ насельник
его Германіи. Перейдемъ къ отдѣльнымъ народцамъ.

Тацитъ, ссылаясь на повѣствованія Юлія Цезаря, признаетъ наро
сидѣвшіе въ верховьяхъ Рейна, галльскими, а *швейцарцевъ* и *богемцев*
галлами. Затѣмъ онъ называетъ народцевъ *арависковъ* и *озіанъ*, поля

ı въ Германіи, но до того жившихъ въ Панноніи; и тотъ и другой ı одинаковые нравы и языкъ.

Не обозначая границъ земель этихъ народовъ, повѣствователь перехо- къ описанію другихъ, сперва въ западномъ направленіи земель ихъ, ченію Рейна, послѣдовательно, до устья этой рѣки,—затѣмъ, отъ въ полночно-восточномъ направленіи по берегу Западнаго океана и йскаго моря—полуденно-западному;—далѣе—внутри материка въ томъ луночно-восточномъ направленіи,—потомъ—между верховьями Рейна и ı и по теченію этой послѣдней рѣки,—наконецъ—по восточнымъ, чнымъ и западнымъ берегамъ Балтійскаго же моря, съ его заливами кимъ и Ботническимъ и далѣе, гдѣ теперь Швеція, Норвегія, Лаплан- Финляндія, до Ледовитаго моря. Въ заключеніе всего перечня упоми- я о нѣкоторыхъ малоизвѣстныхъ повѣствователю народахъ нашего края.

Къ западу отъ римскихъ владѣній Тацитъ селитъ по Рейну, *треви- нервіянъ, вангіоновъ, тробоковъ, неметовъ* и *убіянъ*. О тревирянахъ віянахъ говорится,—что они стыдятся вести свое происхожденіе отъ въ, которые оказались трусами (потому, что ихъ побѣдили римляне?), таютъ своими народоначальниками храбрыхъ германцевъ. На островѣ емомъ Рейномъ, *батавцевъ*, особенно храбрыхъ, происходившихъ отъ древняго народа *каттовъ*,—и *маттіаковъ*. Еще далѣе, по Рейну внизъ: *теровъ, узупійцевъ, бруктеровъ;* послѣдніе два народа уступили свои ти, ко времени Тацита, *хамавамъ* и *ангриваріямъ;—дульгибинцевъ, хрянъ* и *физіянъ*; эти народцы занимали берега Рейна до самаго За- го моря (Атлантическаго океана).

Отъ устья Рейна, въ полночномъ направленіи перечисляются народы и цы въ такомъ порядкѣ: *хавки*,—сидѣли между землями фризіянъ и въ; выше хавковъ—*херуски, тракты* и *фозяне*; еще выше, на пол- близь океана, *кимвры, лонгобарды* и (вѣроятно на востокъ и пол- отъ кимвровъ и лонгобардовъ) *швабы* и сосѣди ихъ: *семноны, лонго- ı, ревдиньи, авіоняне, англы, варины, эедозяне, свардонцы* и *жняне*.

Сказавъ, что швабы живутъ въ отдаленнѣйшей части Германіи (сравни- о съ римскими владѣніями?), Тацитъ переходитъ къ насельникамъ по- ной окраины ея и называетъ—по теченію Дуная: *гермундуровъ, на- нъ* (норики?) *маркоманновъ* и *квадянъ*,—и сидящихъ за ними: *иньянъ, гоѳиновъ, озянъ* и *буріянъ*.

Обитателями земель отдаленнѣйшихъ, внутри материка, поименовываются цы и народы, сидѣвшіе по ту сторону (отъ Римскихъ владѣній въ пол- -восточномъ направленіи) безпрерывной цѣпи горъ (Карпатскихъ?), раз- щихъ Германію, извѣстные Тациту, подъ общимъ названіемъ *лигіянъ* никовъ?), каковы сильнѣйшіе: *аріи, гельвеноны, манимы, элизы, на- ны* и другіе;—за лигіянами (на западъ?) жили *гоѳоны* и непосредст- ıе сосѣди ихъ *ругіяне* и *лемовіяне*—вдоль океана.

На самомъ океанѣ сидѣли *суіонцы* (вѣроятно по Скандинавскому по- рову и въ нашей Финляндіи до Бѣлаго моря) и смежные съ ними *ситонцы*.

На правомъ берегу Швабскаго моря (Балтійскаго; здѣсь подъ прав берегомъ разумѣется, должно быть, нынѣшній Балтійскій край) обитали роды эстійскіе.

Заканчивается перечетъ германскихъ народовъ *певкинами*, *венедами* *финнами*.

Бытовыя особенности, подмѣченныя Тацитомъ, обнимаютъ не все изъ перечисленныхъ народовъ и народцевъ, а только наиболѣе выдающіяся рѣзкими чертами. Хотя для изысканій объ ильменцахъ со второго вѣка Р. Х. и не могутъ имѣть рѣшающаго значенія подробности нравовъ и обычаевъ Тацитовыхъ германцевъ, но ими подсказываются путь переселеній вторженій въ Ильменскіе предѣлы народовъ Геродота и Страбона, такъ какъ въ бытовыхъ особенностяхъ тѣхъ и другихъ подмѣчается сходство, или заимствованіе. Пересказъ Тацитовыхъ извѣстій по этому предмету мы приведемъ въ порядкѣ его перечисленія народовъ.

Батавцы произошли отъ древнѣйшихъ обитателей Рейнскихъ береговъ каттовъ; народъ этотъ одаренъ прекраснымъ тѣлосложеніемъ, грознымъ видомъ и превосходнѣйшимъ мужествомъ, разумомъ, дальновидностью и другими подобными качествами; конница ихъ отличалась особеннымъ свойствомъ—быстро побѣждать и еще быстрѣе убѣгать. Среди ихъ существовалъ единственный между всѣми германскими народами обычай: молодые люди при появленіи на лицѣ бороды и усовъ отпускали на головѣ волосы; стригли ихъ и не уничтожали усовъ и бороды до перваго пораженія на смерть одного изъ враговъ во время войны; волоса—это клятва въ храбрости. Убивъ же врага побѣдитель сряду надъ кровью и добычею, снятою съ мертваго, остригаетъ волосы на головѣ и на лицѣ, считая себя заплатившимъ цѣну рожденія и достойнымъ своихъ родителей и отечества. Люди не воинственные и трусы оставались на всю жизнь съ неостриженною головою, съ бородою и усами, съ симъ—по словамъ Тацита,—безобразіемъ (римляне, какъ извѣстно, стриглись коротко и брились). Сверхъ этого обычая считающіе себя храбрѣйшими,—держались другого: всякій изъ нихъ носилъ (гдѣ, въ рукахъ или на шеѣ?) желѣзное кольцо, какъ-бы узы, знакъ безчестія,—пока неудавалось убить врага. Встрѣчались престарѣлые, благородные по происхожденію и достойные по заслугамъ граждане, которымъ не представлялось случая сбросить узы;—они во всякомъ сраженіи стояли первыми—и своею изумительною храбростью наводили ужасъ;—въ мирное время эти храбрецы вели самую беззаботную жизнь; не было у нихъ ни дома, ни пашни; куда приходили, тамъ и кормились; презирая собственность, были расточители на чужое и жили такимъ образомъ до глубокой старости, дѣлавшей ихъ уже неспособными къ суровой храбрости и безсильными (ст. 29—31).

Тенктеры и **бруктеры**—отличались вообще воинственностью и, подобно каттамъ, замѣчательною конницею; молодечество всадниковъ наслѣдовано было ими отъ отдаленнѣйшихъ предковъ и переходило преемственно къ потомству; забава дѣтей, соревнованіе юношей, удовольствіе старцевъ—упражненіе въ наѣздничествѣ; умирающій, дѣлая завѣщательныя распоряженія, означалъ съ точностью кому и какую лошадь отказываетъ. При отъ

и завѣщанія въ наслѣдственныя права вступали его дѣти не по старству возраста, а по мѣрѣ воинской неустрашимой храбрости и искусству наѣздничествѣ (ст. 32—33).

Дульгибинцы и хазуаряне—извѣстны Тациту мало; на нихъ мы ановились собственно потому, что эти племена близки, по созвучію, къ ебамъ и хазарамъ начальной русской лѣтописи (ст. 34).

Фризіяне—назывались *„большими* и *меньшими“* по различію военной ы: они сидѣли въ побережьи западнаго океана, по нижнему теченію Рейна о озерамъ, называемымъ Тацитомъ *величайшими*. Разумѣются-ли здѣсь ъ прѣсноводныя, или имѣющіе видъ ихъ заливы моря—мы затрудняемся рждать. Фрисландія извѣстна и теперь; тутъ, должно быть и жили фри-. Профессоръ Куницынъ, въ книгѣ „Историческое изображеніе древняго производства въ Россіи (Спб. 1843 г.), приводитъ рядъ словъ фрисланд-о нарѣчія, очень близкихъ по начертанію, произношенію и значенію къ имъ русскимъ,—напримѣръ: „naut, ne muge“ =нѣтъ, не можетъ; и много ихъ (стр. 30, выноска *n*). Къ этому предмету мы обратимся впослѣдствіи.

Хавки (саксы?)—народъ могущественный, занимавшій огромное про-нство земли—отъ фризіянъ до каттовъ. Имя это принадлежало цѣлому зу племенъ разнородныхъ, заслужившихъ знаменитость справедливостью; не искали пріобрѣтеній въ чужихъ земляхъ, не были властолюбивы; и замкнуто въ своей странѣ, не затѣвали войнъ, не занимались грабе-и и не опустошали областей мирныхъ сосѣдей; сильные численностью абростью—не прибѣгали ни къ какимъ хитростямъ для увеличенія го могущества,—но готовы были отразить оружіемъ всякое посягатель-на независимость и собственность ихъ, имѣя наготовѣ войско пѣшее ное (о фризіянахъ и хавкахъ ст. 34 и 35).

Херуски—обитая въ срединѣ земель мирныхъ племенъ, долго одер-ы были излишнею дремотою и изнѣжились. Слыли прежде за народъ ый и прямодушный,—а въ Тацитово время ихъ считали лѣнтяями и ыми. Сосѣдніе племена, тракты и фозяне, много содѣйствовали римля-ъ въ совершенномъ ослабленіи и уничтоженіи херусковъ (ст. 36).

Кимвры занимали въ Тацитово время нынѣшнія датскія и ближайшія и; они первые подняли оружіе противъ римлянъ, при консулахъ Цециліѣ еллѣ и Папиріѣ Карбонѣ, около 114 г. до Р. Х. (Основаніе Рима отно-ъ къ 753 г., а кимвры поднялись, по Тациту, въ 640 году существо-я этого города); война тянулась до втораго консульства Императора нна, почти 240 лѣтъ, то есть до 126 года послѣ Р. Х. (ст. 79).

Швабы, семноны и другіе, занимавшіе обширные области, отлича-ъ отъ прочихъ германцевъ длинными волосами, заплетаемыми и завя-аемыми пучкомъ. Этотъ головной уборъ принадлежалъ, впрочемъ, только ямъ свободнымъ и отличалъ ихъ отъ невольниковъ. Подобную уборку ъ Тациту случалось видѣть и у народовъ родственныхъ швабамъ, но ъ подражаніе, и при томъ лишь между молодыми людьми; швабы же причесывались до глубокой старости, заплетая свои густые и кудря-волосы то назадъ, то на самую маковку;—вельможи и люди военные

дѣлали это для приданія важности и суровости своей внѣшности. Семн
считали себя древнѣйшими и благороднѣйшими изъ швабовъ; имъ собств
и принадлежало вышеназванное богопочитаніе и благоговѣйное уваж
священнаго лѣса, продолжавшееся съ глубокой древности. Въ опредѣле
время особые глашатаи созывали всѣхъ единоплеменниковъ для всен
наго жертвоприношенія лѣсной святынѣ; къ этому времени приготовля
человѣческая жертва;—признанный угоднымъ божеству закалывался на
захъ всего народа. Въ другое время въ священную рощу никто не д
скался не будучи связанъ по рукамъ,—кто случайно спотыкался и падал
того не поднимали и самъ онъ не имѣлъ права подниматься. Швабы
вали, что отчизна ихъ—земля семнонская, и что въ ней только пребыв
божество, царствующее надъ всѣми ими (ст. 37 и 39).

Въ полуденно-западной Россіи есть городъ, въ числѣ уѣздныхъ м
левскихъ, Сенно—созвучный семнонамъ Тацита; онъ входилъ въ обл
великаго жреца Кривичей,—Криве-Кривейто; а въ тихвинскомъ уѣздѣ не
родской земли селеніе Сенно. Изъ могилевскихъ мѣстъ происходитъ, дол
быть, названіе мочальной половой метлы, напоминающей подобіемъ сво
густые, длинные волосы швабовъ,—это *швабра*.

Лонгобарды, англы и другіе, ближайшіе къ нимъ, почитали зем
подъ именемъ *Герѳы*,—матерью и заступницею людей, посѣщавшею нар
вѣровавшіе въ нее. На одномъ изъ морскихъ острововъ была свящ
роща, хранившая ту колесницу, на которой Герѳа путешествовала по ст
въ извѣстное только одному жрецу время; колесница защищена была
непогоды и отъ всего, что могло оскорбить божество, особеннымъ покров
прикасаться къ нему могъ только жрецъ, знавшій мгновеніе присутств
колесницѣ и въ рощѣ Герѳы; зналъ онъ также, когда ей угодно посѣ
народъ и возвѣщалъ ему объ этой благодати. Когда наступало такое в
всѣ торжествовали, не приступая ни къ какому дѣлу и не прикасаясь
къ оружію, отбиравшемуся и сохранявшемуся въ продолженіе праздн
въ особомъ помѣщеніи. Жрецъ зналъ волю божества; онъ благоговѣйно
довалъ за колесницею, въ которую впрягались двѣ молодыя телки, во в
путешествія богини въ ту и другую мѣстность; колесница оставалась
крытою; когда же Герѳа достаточно услаждена была безмолвнымъ посѣ
емъ вѣрующаго въ нее народа, она возвращалась въ свое святилище
прибытіи въ рощу богини, колесница и покровъ обмывались въ озерѣ,
ненномъ; омовеніе недосягаемо для взоровъ смертныхъ; видѣли оное т
жрецъ и прислужники—рабы, которые по исполненіи своего дѣла ут
въ освященной водѣ (ст. 40).

Гофиняне (нами предполагаемые готы) и **Озяне**,—эти галлы
ноны Тацита по языку, жили должно быть на полуденной покатост
пать,—какъ намъ представляется,—и платили дань сарматамъ; ихъ
ребляли сарматы же въ желѣзныя рудокопныя работы; кормились эт
роды отъ скотоводства, на склонахъ и вершинахъ горъ (ст. 430).

Аріи и прочіе названные выше народцы, которыхъ Тацитъ знаетъ
именемъ лигіянъ, почитали—собственно наварваны,—сохранявшійся у
священный лѣсъ, пользовавшійся издревле глубокимъ благоговѣніемъ вѣр

ъ въ эту святыню. Главенство надъ лѣсопоклонниками (должно бы
ъ всѣми лигіянами, или по крайней мѣрѣ надъ главнѣйшими изъ нихъ
нами) принадлежало *жрецу въ женскомъ уборѣ* (не буддійскій-ли Криве-
вейто?). Въ священномъ лѣсу пребывало, по народному вѣрованію, бо-
ство *Алки*, представлявшееся воображенію почитателей его двумя братьями—
ошами. Тацитъ предполагаетъ въ нихъ сходство съ *Касторомъ* и *Пол-
ксомъ*—римлянъ; никакихъ изображеній для олицетворенія Алки не суще-
вало и ничто не указывало, чтобы это божество было заимствовано отъ
земцевъ, а не самобытно—туземное.

Аріи или аріяне были весьма жестоки по своей природѣ: они раскра-
вали себя (въ разные цвѣта), щиты имѣли черные, и нападали на не-
ятеля по ночамъ; видомъ только своимъ эти люди побѣждали и отгоняли
говъ, вступавшихъ съ ними въ борьбу (таже 43 стятья).

Гофоны (тоже готы другой вѣтви, *ругіяне* и *лемовіяне*—живущіе близь
на (Балтійское море Тацитъ называетъ иногда океаномъ) имѣютъ, въ
чіе отъ прочихъ сосѣднихъ народовъ, кругловидные щиты и короткіе
и; управляются державцами—царьками (тамъ же).

Суіонцы—побережане океана, могущественны сухопутными и морскими
ами. Видъ кораблей этого народа своеобразный; они устраиваются такъ:
бы одинаково приставать къ берегу и кормою и носомъ, парусовъ не
требляли, а веселъ не укрѣпляли по бокамъ судовъ, чтобы можно было
еносить ихъ съ мѣста на мѣсто, смотря по надобности. Богатство въ
льшомъ почетѣ; самый состоятельный изъ народа признавался самовласт-
мъ владыкою,—ему всѣ повиновались безпрекословно. Воинскіе доспѣхи
находились у каждаго воина на рукахъ,—а сохранялись въ запертомъ
мѣщеніи въ вѣдѣніи державца, подъ присмотромъ невольника, такъ какъ
родъ огражденъ былъ отъ внезапныхъ нападеній враговъ—океаномъ, а
тавлять оружіе въ праздныхъ рукахъ представляется, по мнѣнію Тацита,
безопаснымъ для спокойствія самовластнаго державца, точно также, какъ
поручать храненіе онаго не только гражданину благороднаго происхожденія,
даже и свободному человѣку, или отпущенному (ст. 44).

Позади суіонцевъ находилось другое море, вѣчно покрытое льдами и
ти неподвижное; знающіе это думаютъ,—говоритъ повѣствователь,—что
окружаетъ шаръ земной, потому что тамъ послѣдніе лучи заходящаго
нца освѣщаютъ море до восхода его и такъ ясны, что помрачаютъ блескъ
здъ: легкомысленные сказываютъ, что слышенъ бываетъ даже шумъ по-
жающагося въ море солнца и видимы лучи головы его и подобія коней;—
вильнѣе будетъ, замѣчаетъ Тацитъ, что тутъ оканчивается природа (ст. 45).

Эстіяне—обитатели восточнаго побережья Балтійскаго, по Тациту—
забскаго моря,—сходны по одеждѣ и нѣкоторымъ обычаямъ съ швабами,
по языку—съ британцами; существенною особенностью представляется
рованіе въ матерь боговъ и знакъ изображенія ея,—видъ вепря,—носимый
ждымъ (на груди?)—вмѣсто оружія, какъ надежнѣйшая оборона отъ вся-
хъ вредныхъ случайностей; знакъ этотъ дѣлалъ почитателя богини без-
рашнымъ и среди непріятелей во время войны. Желѣзо было незначительно
спространено; изъ него не выдѣлывалось даже и военное оружіе,—которое

...ло только въ палицѣ;—мирные жители занимались земледѣліемъ
...ливо преодолѣвая трудности работы; засѣвали пшеницу и другой
вообще отличались отъ многочисленныхъ лѣнтяевъ—народцевъ герман
выносливостью и усердіемъ къ работѣ. Побережане копались въ наносн
пескахъ и по морскимъ отмелямъ, собирая янтарь, въ ихъ странѣ то
находимый и называемый эстіянами *Глезомъ*. Далѣе повѣствователь
ваетъ свойства этого смолисто-благовоннаго вещества и образованія
растительныхъ соковъ деревьевъ, покрывавшихъ западныя окрайны
такими же лѣсами, какіе на востокѣ земнаго шара давали сильно
благовонныя смолы (та-же 45 ст,).

Ситонцы жили въ непосредственной смежности съ суіонцами-
многомъ походили на нихъ. Къ Тацитовому времени они утратили свою
нюю вольность до того, что подверглись даже рабству. Отъ суіонцевъ
чались существенно тѣмъ только, что верховное державство надъ ними
надлежало женщинѣ (тамъ-же). Не принимали-ли римляне за женщ
царицу упомянутаго жреца въ женской одеждѣ?.

Певцины--певкины представлялись, какъ и другіе два народ
неды и финны,—для Тацита загадочными; онъ не зналъ, считать-
германцами, или сарматами. Въ его время певкины называемы были
торыми писателями бастарнами (Страбонъ знаетъ бастарновъ); нар
одеждею, осѣдлостью, способами постройки жилищъ, нечистоплотнос
лѣнью—они были похожи на германцевъ; но перемѣшавшись, чрезъ
жества, съ сарматами, усвоили видъ и безобразія и этого народа (ст

Венды—скитаясь по всему пространству между певкинами и фи
въ горахъ и лѣсахъ, занимались грабежами; на германцевъ они по
образомъ жизни, вооруженіемъ и быстротою движеній, такъ: строили
носили щиты и проч.—чѣмъ и отличались отъ сарматовъ, жившихъ
биткахъ кочевниками (тамъ-же).

Финны—не имѣли ни домовъ, ни лошадей, ни оружія, подобно
питались травою, одѣвались въ звѣриныя шкуры, спали на голой
мужчины и женщины занимались охотою; не имѣя желѣза, заостряли
костяными наконечностями; для стариковъ и дѣтей дѣлались изъ древ
вѣтвей шалаши, что и служило единственною защитою отъ дикихъ
и непогоды. Для финна такое положеніе представлялось болѣе пріят
чѣмъ обработка земли, пріобрѣтеніе собственности, сооруженіе посел
городовъ, въ чемъ они видѣли одно только мученіе страхомъ и над
Не боясь ни боговъ ни людей народъ этотъ выработалъ рѣшеніе
нѣйшей изъ всѣхъ задачъ человѣческой жизни: не имѣть никакихъ
(тамъ-же).

Въ заключеніе повѣствованія о Германіи Тацитъ упоминаетъ о
рыхъ баснословіяхъ, обращавшихся между его современниками, говор
„*о гелузіяхъ* и *оксіонахъ*", имѣвшихъ лице человѣческое, а все проче
риное",—но не обладая о подобныхъ народахъ свѣдѣніями достовѣр
не приводитъ о нихъ никакихъ извѣстій о собственныхъ наблюдения

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

DK 511 .N7 P4
Novgorodskiia drevnosti :
Stanford University Libraries
3 6105 041 469 789

N7P4

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARI
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6
(650) 723-1493
grncirc@sulmail.stanford.edu
All books are subject to recall.

DATE DUE

JUL 7 2003
JUN 3 2003
JUL 17 2003